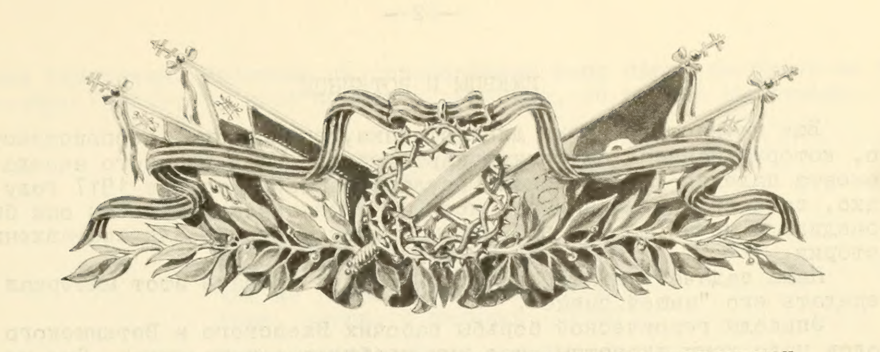

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

57 – 58

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Monthly Magazine of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
1624½ Echo Park Ave., Los Angeles, California, 90026.
Phone: 629-8208.

6-й год издания № 57/58 Июнь-Июль 1966 г.

ПЕСНЯ ВОТКИНЦЕВ

Мы знамя подняли восстанья,
Рабами мы жить не могли
И, в руки взяв крест испытанья,
Из края родного ушли.

Оставили села и нивы,
И храмы, и сладостный труд,
И, в скорби своей молчаливы,
С врагами мы вышли на суд...

Покинули в горькой разлуке
Детей, матерей и отцов
И, стиснувши зубы от муки,
Ушли под мечами врагов...

Мы долго боролись за счастье..
Была непосильна борьба,
И темные тучи ненастья
Дарила нам злая судьба...

Мы долго боролись - устали...
Сражаясь в кровавой пыли.
Враги нашу силу отняли,
Но дух угасить не могли!..

В нас дух наших предков великих,
Служивших родимой стране,
Нас с неба приветствуют лики
Погибших в жестокой войне...

Мы знамя подняли восстанья,
Рабами не можем мы жить,
Не можем снести испытанья,
Греху и безумству служить...

До волн голубых океана
Прошли среди грома и тьмы,
Грозою для вражьего стана
В победах прославились мы!..

Мы русского счастья основы,
Без страха мы смотрим вперед.
Всегда мы бороться готовы
За Правду, за Русь, за Народ!..

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ.

Еще не настало время для историка, спокойного, беспристрастного, который написал бы полную картину страданий русского народа с момента падения исторической Государственной власти в 1917 году. Однако, записки современников, хотя бы и не личные, лишь бы они были правдивы и точны, дадут в будущем лучший материал для составления истории.

Наша задача в данное время сберечь и собрать этот материал и передать его "нашей смене".

Эпизоды героической борьбы рабочих Ижевского и Воткинского заводов мало кому известны, и о них необходимо напоминать. Это необходимо еще и потому, что на русского рабочего наклеена вывеска, как на предателя своей родины, как на главного губителя и мучителя русской культуры.

Напомним, что рабочий класс в прежней России был ничтожным. Почти каждый рабочий был одновременно и крестьянином. Только очень немногие, так называемые "цеховые" рабочие, то есть, вернее, мастеровые были подлинными настоящими рабочими, не имевшими иного заработка, как только за свой труд на заводе. Таковыми были Ижевские рабочие и рабочие Воткинского завода.

Естественно, что палачи нашей Родины - партии социалистов-революционеров и социал-демократов - видели в них свой оплот и считали себя выразителями их воли и их мнений.

В мирное время Ижевский оружейный и сталелитейный завод был гордостью России. До 50000 рабочих, разбитых на многочисленные цехи. Перечислю лишь часть из них: два механических (оружейный и сталелитейный), ствольный, ложечный, приборочный, литейный чугунный и литейный стальной, молотовой, прокатный, кирпичный и другие.
Основанный при Екатерине Великой на реке Иже, завод был организован генералом Дерябиным. К нашему времени он разросся чрезвычайно. Завод лежал примерно в 400 верстах от Уфы, в стольких же от Перми и приблизительно в 350 верстах от Казани.

Воткинский механический и судостроительный завод находился в 60 верстах от Ижевского завода на реке Каме.

Характерной особенностью Ижевских рабочих было то, что они были, так сказать, потомственные рабочие. Ремесло отца переходило к сыну. Завод был для них не случайным, не чуждым, а родной стихией. Редкие по качеству ружейники, замочники, ствольники были среди них, и они гордились качеством своей работы. В награду за хорошую работу они получали особые, обшитые позументом почетные кафтаны, денежные награды, медали и, наконец, пожизненную пенсию.

Все эти особенности чисто русского быта и организации завода были, конечно, бельмом на глазу интернациональной шайки, питающейся кровью России.

В конце лета 1918 года Ижевский и Воткинский заводы восстали против власти советов. Печать замолчала, как могла, это событие. Подумать только: рабочие восстали против рабоче-крестьянской власти! Против их власти! Против власти, давшей им все, сделавшей их хозяевами и диктаторами!

Однако, это понятное для нас и непонятное для иностранцев событие произошло. Ижевцы и Воткинцы восстали, как восставали в свое

время Запорожцы. Восстали за оскорбляемую веру свою, восстали за поруганную Родину, за свои обычаи и привычки, за родные им заводы.

Порваны цепи кровавого гнета,
Гневно врага уничтожил народ,
И закипела лихая работа:
Ожил рабочий, и ожил народ!

Молот заброшен, штыки и гранаты
Пущены в ход молодецкой рукой.
Чем не герои, чем не солдаты -
Люди, идущие с песнями в бой?!!

Люди, влюбленные в светлые дали,
Люди упорства, отваги, труда,
Люди из слитков железа и стали,
Люди, названье которым - руда!

Кто не слыхал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец - русский рабочий простой?!!

Годы пройдут над отчизной свободной,
Сложится много красивых баллад,
Но не забудется в песне народной
Ижевец - истинный русский солдат...

- запели их роты и батальоны. Наскоро сколоченные. С офицерами из своей же рабочей среды. Без обмундирования. Одетые в рабочие блузы и чуйки, Ижевцы и Воткинцы, не рассуждая, бросились в борьбу.

Страшные бои на Иже... под Уфой... Зверства большевиков, особенно беспощадных к Ижевцам и Воткинцам. Суровый переход через Ледяную Сибирь... Тысячи убитых и искалеченных... Байкал. С грохотом ломающийся лед... Люди и лошади, исчезавшие в холодной пучине... Нет возможности в кратких строках описать все ужасы, испытанные этими героями-рабочими, восставшими на защиту своей родины.

В то время, как бывшие военнопленные - "братья-чехословаки" - с награбленным ими в Сибири русским добром катили в бесчисленных вагонах на Восток, Ижевцы и Воткинцы, с другими частями Русской Армии, совершали свой крестный путь от Волги к Тихому океану.

Жуткая весть о расстреле в Иркутске социалистами-революционерами преданного союзниками Верховного Правителя Адмирала Колчака, жестокие холода, смерть от сыпного тифа, косящего ряды, - ничто не сломило этих рабочих.

Их роты и полки, упорно стиснув винтовки в руках, пробивали себе путь на Восток...

Ныне они - обломки когда-то сплоченной, многотысячной массы, выброшенные на чужбину, как и все мы. О них как-то забыли. Социалисты-революционеры молчат по понятным причинам: им, духовным союзникам палачей России, эти единственно настоящие русские рабочие являются навсегда живым укором. Остальные русские молчат о них, ибо или забыли, или не знают. Но молчать о них нельзя. Ижевцы и Воткинцы - больше, чем обыкновенные добровольцы. Это люди, не только умиравшие за Родину нашу, но и люди, благодаря которым смыт позор с честного имени русского рабочего.

Оказалось, что для них Вера Православная, Россия, наши обычаи так же дороги, как они дороги казаку и крестьянину-добровольцу.

Вот почему можно верить, что страдания Ижевцев и Воткинцев не пройдут бесследно. Тысячи и тысячи их погибли за русское дело.

16-го августа они празднуют годовщину восстания их заводов.

Мне верится, что в этот день по всему пространству рассеяния Русской Рати мы услышим безмолвную команду: "Смирно! На молитву! Шапки долой!" В наших церквах мы услышим моления: "Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, убиенным, умученным и погибшим рабам Твоим воинам Ижевцам и Воткинцам, имена же их Ты, Господи, веси... и сотвори им вечную память".

Не безнадежные рыдания услышат эти погибшие герои, а тихую грусть и радость, что они не забыты, что среди миллионов погибших детей России они занимают одно из самых почетных мест.

Пусть в этот день оставшиеся в живых немногочисленные, но могучие духом Ижевцы и Воткинцы споют свою боевую песню:

"Вспомним же, братцы, как полк наш сражался,
Ижевский полк под кровавой Уфой,
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец - русский рабочий простой..."

Кап.2 ранга Б.Апрелев
(Из газеты "Слово" № 854,
16 авг. 1931 г.)

- - оОо - -

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ ВБЛИЗИ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1918 ГОДУ.

25 мая 1918 г. следовавшие по Западно-Сибирской жел.дороге на восток чешские эшелоны при попытке их разоружения красными властями в ряде сибирских городов - Челябинске, Кургане, Омске, Новониколаевске - оказали сопротивление и, при помощи русских тайных офицерских и общественных организаций, свергли большевистскую власть.

В Омске появилось Временное Сибирское правительство, избранное Томской Областной Думой. Во главе правительства стоял томский присяжный поверенный Петр Вологодский, по убеждениям эс-эр. На территории освобожденной от большевиков Западной Сибири было восстановлено демократическое управление. Чехословацкие части, вместе с русскими добровольцами и мобилизованными офицерами и казаками, повели дальнейшую борьбу по очищению Сибири от большевиков.

Из столицы Западной Сибири Омска Центральное Западно-Сибирское большевистское правительство (Сибревком) бежало на Урал двумя путями - на пароходах по р.Иртышу через Тобольск и по жел.дороге на Екатеринбург. Из попутных городов по линии жел.дороги Омск-Екатеринбург большевики вывозили все, что возможно было вывезти. Ограбили банки, увозили товары из складов и магазинов частных лиц, готовые изделия и сырье с фабрик и заводов, муку и зерно с мельниц и элеваторов,уводили паровозы и вагоны с жел.дорожных станций. В течение продолжительного времени один за другим шли товарные поезда в сторону Урала. Придорожное население долго ломало голову, что означало это необычное движение поездов.

Разъяснилось дело, когда по линии жел.дороги были расклеены приказы главнокомандующего красным сбродом товарища Шебалдина, предлагавшего всех сторонников Сибирского правительства - офицеров, бывших чинов полиции, чиновников и духовенство - беспощадно расстреливать на местах. Путь отступления красных ознаменовался целым рядом невинных жертв из разных сословий. Поэтому при приближении красных недисциплинированных частей, состоявших в большинстве из добровольцев фабричных рабочих, многие вынуждены были укрываться в лесах и болотах.

Из Омска красная пехота отступала вдоль линии Омск - Екатеринбургской жел.дороги. Русские и чешские части преследовали красных, ведя ежедневные стычки. Когда Царская Семья переживала последние трагические дни своей жизни в Екатеринбурге, фронт приближался к гор.Тюмени (300 верст от Екатеринбурга).

7-го июля большевистские банды потерпели сильное поражение около станции и реки Вагай, в результате чего бежали без оглядки, не оказав сопротивления на р.Тоболе, у гор.Ялуторовска, только подорвав одно звено жел.дорожного моста через эту реку и расстреляв заключенных в городской тюрьме.

Чтобы задержать паническое бегство красных героев, крестьяне ближайшей к Ялуторовску деревни разрушили полотно железной дороги и подпилили несколько телеграфных столбов. Красные вошли в деревню для поиска виновных, но виновных никто не мог указать, так как разрушение жел.-дорожного пути было произведено ночью. Красные задержали четырех человек, в том числе 15-летнего мальчика, вывели их на полотно жел.дороги и тут же расстреляли. Напрасно несчастный мальчик божился и клялся в своей невиновности, на коленях умоляя о пощаде:

его мольбы нисколько не подействовали на озверелых людей.

Оставив без боя г.Ялуторовск, красные задержались под гор.Тюменью, в 30 верстах, 10 июля заняв село Богандинку, причем станция Богандинка находилась в руках белых. Село Богандинка расположено в изгибе реки Пышмы, окружено лесами и болотами. Большевики здесь окопались и оказывали упорное сопротивление, продержавшись целую неделю, вероятно, для того, чтобы дать возможность красной администрации гор. Тюмени эвакуировать свои семьи, учреждения и богатейшие склады этого крупного промышленного центра. В Тюмени много разных заводов,особенно кожевенных. Большевики вывезли весь запас кожи, как выделанной, так и невыделанной. Вывезли много фабричных машин и много машин привели в негодность.

Чтобы ускорить занятие села Б., белые со станции, в обход села, послали сильный отряд, который встретился с таким же отрядом большевиков, посланным из села в тыл станции. Близ деревни Железный Перебор встретившиеся противники вступили в бой. Прижатый к реке большевистский отряд почти весь был уничтожен. Спаслись только дезертиры, которые в начале боя бросились в реку и переплыли на другую сторону.

В то же время партизанский отряд полковника Смолина обходными путями захватил уже в тылу у неприятеля следующую за Тюменью станцию Подъем, пустив в ход несколько броневиков, посланных из Екатеринбурга. Захват ст.Подъем вызвал панику среди большевиков гор.Тюмени и, несомненно, ускорил падение этого города.

Об этом партизанском отряде среди местных жителей передавались легенды. Отряд неожиданно появлялся в глубоком большевистском тылу, производил уничтожение большевистских учреждений и, наведя панику, на следующий день появлялся в еще более глубоком тылу, пользуясь славой неуловимого.

15-16 июля происходила непрерывная пальба из пушек по селу В., в котором продолжали укрываться красные. В ночь с 16 на 17 июля в селе вспыхнул пожар, уничтоживший половину селения. Красные сожгли деревянный мост на р.Пышме и, подорвав жел.-дорожный мост, бежали в гор.Тюмень, который был сдан без боя. 21 июля г.Тюмень торжественно отпраздновал свое освобождение от большевиков.

После падения Тюмени фронт подвинулся к Камышлову и вскоре к Екатеринбургу, задержавшись на долгое время при станции Богданович.

Крестьянское население встречало белых, как избавителей. В короткое время своего владычества красные показали, на что они способны. По деревням были организованы комитеты бедноты. У более зажиточных крестьян отнимались излишки зерна. Производился учет скота и всякого крестьянского имущества. Многие из крестьян за сопротивление властям были заключены в тюрьмы. Какие-то отряды разъезжали по деревням и просто грабили крестьян, отнимая одежду, обувь, подушки, посуду - якобы для организуемой красной армии. При малейшем сопротивлении крестьяне подвергались избиению.

Поэтому крестьянство сочувственно относилось к белому движению и помогало, чем могло, снабжая воинские части продовольствием, давая подводы, перевозя воинские части на дальние расстояния. По изгнании красных крестьянство зажило прежней спокойной жизнью, но среди населения оставалось много большевиков, которые вели яростную пропаганду против правительства, срывали мобилизацию молодежи и даже вызывали восстания, как Кустанайское и даже в самой столице Сибири, Омске (восстание рабочих жел.-дорожного депо). Но это - уже другая тема.

Одновременно наступление на Екатеринбург велось с юга, из Челябинска, группой чехов и оренбургских казаков, под начальством полковника (впоследствии генерала) Войцеховского, которая и заняла Екатеринбург 25 июля 1918 года.

Примечание: Судьба ген.Войцеховского. По окончании белого движения ген.Войцеховский уехал в Чехословакию, где в последнее время был военным министром. При захвате Чехии большевиками жена генерала, сын и невестка в самый последний момент чуть не пешком ушли из Чехии и благополучно прибыли в Германию. Генерал Войцеховский, как человек долга, остался в Праге, ссылаясь на невозможность оставить свой пост в такое исключительное для страны время. Вероятно, он разделил участь всех белых вождей. Рассказ о судьбе ген.Войцеховского автор статьи лично слышал от семьи генерала.

Калифорния. Сибирский Летописец.

- - оОо - -

1.

КРАСНОЯРСКАЯ КАТАСТРОФА.

В первых числах января 1920 года большая часть Белой Сибирской армии, продолжавшей свой легендарный Ледовой поход, находилась в 15 или 12 верстах от г.Красноярска. Дальнейший отход армии был здесь задержан изменой Красноярского гарнизона, состоявшего из отведенных сюда на отдых и пополнение частей 1-й Сибирской армии, во главе с ген.Зиневичем.

Автор настоящей статьи - нижний чин, доброволец и пишет, как сохранилось это событие в его памяти, что он наблюдал и пережил лично и что слышал от заслуживающих доверие людей.

3-го января мы прибыли на ст.Минино, в 15 верстах от Красноярска. Помню себя здесь лежащим на цементном полу в зале 3-го класса этой станции. Мне дали прочитать листовку, выпущенную в Красноярске и предназначенную для нас, отступающих. Только из этой личтовки я понял, в каком катострофическом положении находится армия. Пребывая в непрестанных боях и непрерывном передвижении, мы не представляли, что происходит в тылу. Начальствующие, может быть, и знали. Мы же, рядовые, думали, что где-то находится эвакуировавшееся из Омска правительство, которое готовит нам смену и хотя бы непродолжительный отдых на зимних квартирах для продолжения дальнейшей борьбы.

Из прокламации же я узнал, что с падением Омска правительство перестало существовать, что никаких резервов нет, что помощи ожидать не от кого и неоткуда, что край весь объят пламенем восстания, что Красноярский гарнизон, увлеченный большевистской агитацией, произвел полубольшевистский переворот и требует от нас сложения оружия.

Перед каждым из нас стоял вопрос: быть или не быть? Впереди - красные, в тылу - красные, а с флангов - тоже красные партизаны.Впереди ничего, кроме смутных надежд на атамана Семенова и предположения, что у ген.Деникина все обстоит благополучно. Ко времени нашего приближения к Красноярску власть в городе уже перешла к настоящим большевикам, генерал Зиневич был выведен в расход, а власти усилили гарнизон мобилизацией рабочих фабрично-заводских предприятий и слу-

жащих государственных и городских учреждений. Красноярские рабочие всегда были революционно настроены, а в 1905 году существовала даже Красноярская республика.

Как больного тяжелой формой тифа, меня мучила нестерпимая жажда. Воды не было даже в колодцах: всю вычерпали проходящие части. Даже чистого снегу вблизи станции не было, а только перемешанный с конским навозом. Только в полуверсте от станции нашли чистый снег, которым я и утолял жажду. Со времени заболевания тифом меня сопровождал самоотверженно ухаживавший за мною товарищ по оружию, не покидавший меня как во время похода, так и в красном плену.

В тот же вечер мы переехали на ночлег в дер.Минино, где нам отвели хорошую комнату у очень предупредительных, отзывчивых и услужливых крестьян которые с беспокойством ожидали конца событий. 4-го января мы переехали в дер.Заледееву, которую солдаты справедливо окрестили Злодеевкой, как место нашей катастрофы.

В деревнях Минино и Заледеево стояли отступающие Белые части и многочисленные обозы, как войсковые, так и беженские. В Заледеевой мы простояли ночь и день 5-го января. Вечером распространился слух, что командованием отдан приказ: завтра утром выступить в поход, причем нестроевые части и обозы, не отставая, должны следовать каждый за своею строевой частью. Мы знали о предполагаемом обходе революционного Красноярска с севера и что красноярские повстанцы будут пытаться преградить нам путь отступления и что поэтому неизбежен бой, возможно, даже на два фронта, так как преследовавшие нас красные находились в расстоянии одного перехода или полуперехода.

6-го января с рассветом отступающая армия выступила в поход, а за нею двинулись обозы. Стояла тихая зимняя погода, с морозом градусов в 15-18 - по-сибирски это небольшой. Уже при выходе из деревни обозы шли в беспорядке, в несколько рядов, стараясь при малейшей возможности обогнать один другой. За деревней начинались сопки, то есть небольшие возвышения, почти голые, так как снег с них сметен ветрами. При спуске с одной сопки наш возница не мог сдержать лошадей и коренная передними ногами залезла в передние сани. К счастью, передняя подвода остановилась и кучер высвободил ноги лошади, но в это время вывернулась из саней оглобля. Пока ее привязывали, мы отстали от своих, как ни старались держаться вместе.

Впереди находилась подгородная деревня Дрокино, в 5 верстах от Красноярска. Мы проехали, вероятно, не более версты от дер.Заледеевой, как у дер.Дрокиной начался жаркий бой. Трещали пулеметы. Движение обозов приостановилось. Лавируя между санями, мы сумели присоединиться к своим, и на душе стало легче. В обозе нашего полка находилось несколько офицеров нестроевой команды, и это придавало нам некоторое успокоение. Было несколько саней с больными и выздоравливавшими. Мы с минуты на минуту ожидали открывшейся возможности двинуться вперед, возлагая надежду на Господа Бога, мудрость своих вождей, доблесть армии и выносливость лошадей.

С тех пор прошло 45 лет. Я не могу сказать, сколько часов длился этот бой - 2, 3 или 5. Около 2-х или 3-х часов дня начался обстрел столпившихся обозов. Поднялась паника. Обозники с подводами метались из стороны в сторону, двигаться было некуда: все пространство было забито подводами. Через несколько минут началось беспорядочное движение назад. Не знаю, стреляли ли красные для острастки, в воздух или по людям, но стрельба продолжалась долго. Офицеры сры-

вали с себя погоны. Были случаи самоубийств. Паника продолжалась, и наконец среди подвод появились красные. Вероятно, это были мобилизованные красноярские рабочие, потому что одеты они были в разнообразную цивильную одежду, с аршинными красными лентами на груди.

Они неистово орала: "Товарищи, бросай оружие, долой войну, довольно проливать братскую кровь"... Увлекаемые общим потоком, мы очутились на дороге, ведущей в Красноярск. На дороге стояли заставы, пропускали подводы, требуя сдачи оружия. Они заглядывали в сани. На санях у нас стоял сундучек с одеждой. Он показался подозрительным. Ударом приклада красные сломали крышку и, убедившись, что в сундуке оружия нет, нас пропустили.

Взволнованные и потрясенные происшедшим, мы двигались к Красноярску. Зная, как жестоко красные расправляются с военнопленными, невольно думалось о том, что ожидает нас и какая участь постигла наши строевые части, пробились ли они или тоже попали в лапы красных. О том, что часть армии пробилась, я узнал только через много лет, очутившись вне пределов досягаемости для красных.

Уже начинало темнеть, когда мы въехали в Красноярск. Вероятно, было около 5-6 часов вечера. Раздавался торжественный колокольный звон к рождественской всенощной. Вспомнились мечты некоторых наших вождей и статьи газетных писак: "В Москву, под звон колоколов!" До самого Красноярска по дороге встречались небольшие красные отряды.

При въезде в город нам объявлялось: располагаться на ночлег в любом доме, но на второй день Рождества явиться на регистрацию, о времени и месте которой будет объявлено в афишах. Ехавший впереди офицер облюбовал один большой двор с несколькими домами. Мы въехали в этот двор. Другие подводы нашей части заняли соседние дворы. Люди старались держаться вместе. Лично мы заняли небольшой домик в глубине двора, любезно встреченные хозяйкой дома.

В доме была праздничная чистота, тепло, уютно и приятно. Перед иконой теплилась лампадка. Узнав о моей болезни, хозяйка устроила чистую постель и сейчас же ушла к своему доктору. Вместо праздничной радости на душе был кошмар.

Скоро пришел доктор. Осмотрев меня, он констатировал возвратный тиф и прописал лекарство, но это было совершенно бесполезно из-за невозможности купить его по безденежью. Точно у Гоголя: "Человек простой, если умрет, то и так умрет, а если выздоровеет, то и так выздоровеет". Между тем хозяйка приготовила обильный ужин, какого мы давно не видали. Хозяина дома не было. Возможно, он был мобилизован красными. Мы отошли ко сну с тяжелой мыслью: что день грядущий нам готовит?

Какое количество белоармейцев было взято в плен, сказать не могу. Красные же в своих газетах называли десятки тысяч людей, десятки тысяч лошадей, много оружия и всякой иной военной добычи. Говорили о сдаче целых полков, передвигавшихся на санях и застрявших среди обозов. Несомненно, красные цифры грешат преувеличением.

- o -

2.

В КРАСНОЯРСКОМ КРАСНОМ ПЛЕНУ.

В Красноярск мы вступили в качестве военнопленных и вечер под праздник Рождества Христова и первую ночь провели в частной квартире доброй женщины, которая по-христиански дала нам приют и приняла нас, как гостей, а ко мне, больному, пригласила даже врача. Усталые и измученные, первую ночь в плену мы провели, точно дома. Проснувшись, мы обсудили свое положение и план дальнейших действий. Мой друг отправился в собор к обедне. Зимний день короток. Вернулся он почти вечером. Я сильно мучился ожиданием, опасаясь, как бы не случилось с ним чего-нибудь непоправимого.

Наоборот, мой друг возвратился в бодром настроении. Возле храма он встретил каких-то знакомых, узнал о положении и настроениях в городе, а самое главное и для меня неожиданное - он нашел и снял комнату в полуподвальной квартире уральских беженцев, в которую мы сейчас же и водворились. Таким образом, мы выбрались из расположения полка, благодаря чему избежали регистрации в качестве военнопленных. Мой друг проявил удивительную находчивость и деловитость, и я считаю, что ему я обязан жизнью и свободой. Больной тифом, без посторонней помощи, я не мог бы благополучно выйти из постигших нас тяжелых испытаний.

Дня через два, с большими предосторожностями, друг мой отправился в гостеприимный дом, в котором мы провели первую ночь. Здесь он узнал, что все солдаты и младшие офицеры после регистрации были объявлены мобилизованными и в тот же день отправлены на фронт для преследования отступающих - вчерашних своих друзей и соратников. Старшие офицеры были куда-то увезены, вероятно, под арест.

В первые дни нашего пленения самым тяжелым вопросом был вопрос питания и регистрации. Деньги Сибирского правительства были сразу же аннулированы, советских ни у кого не было. Продукты в первые дни выдавались бесплатно всем по карточкам, в коайне ограниченном количестве. Продовольственные карточки выдавались только лицам, прописанным в полиции. За несвоевременную прописку грозило строгое наказание. Регистрация также производилась и в учреждениях по роду занятий беженцев, то есть по их специальности, так как полиция не справлялась с регистрацией. Все мужчины до 45-летнего возраста подлежали мобилизации и должны были являться в военкомат (военный комиссариат).Большие трудности при регистрации представляло отсутствие документов,но здесь помогали свидетельства знакомых и объявление в полиции о потере документов.

Как выздоравливающий после тифа, временно от мобилизации я был освобожден. Другу моему удалось зарегистрироваться в качестве учителя, а учителя от мобилизации освобождались, но обязаны были возвращаться к месту своей прежней службы. Уклонение от мобилизации считалось дезертирством. Выехать из города без разрешения было невозможно.

Таким образом, нам удалось зарегистрироваться и получить продуктовые карточки. Так как по карточкам продуктов выдавалось ограниченное количество, скоро расцвела меновая торговля. Горожане на базарах променивали крестьянам разные вещи на картошку, муку, мясо и т.д. Тащили на базар остатки своего барахла и беженцы.

По улицам продолжительное время валялись трупы дохлых лошадей, погибших от голода. Постепенно эти трупы собирались и свозились на

Енисей, в надежде, что весенняя полая вода снесет их в океан. На Енисей было свезено тысячи лошадиных трупов.

В первые дни нашего пребывания в Красноярске на станцию жел.дороги были доставлены эшелоны с замерзшими людьми - беженцами и ранеными и больными белыми воинами. Эшелоны эти были оставлены на путях и в тупиках без паровозов и без пищи. Где-то в тупике, на глухом разъезде, был обнаружен эшелон с замерзшими женщинами. Это чешские герои оставили своих русских жен и невест, не желая везти их в Чехию.

Как только произошла смена власти, в городе начался террор.Губчека каждую ночь выводила в расход людей, преимущественно пленных офицеров, бывших высших правительственных чиновников и буржуев. Непрерывно шли обыски и аресты. За нахождение сибирских денег или воинской одежды, после объявленного распоряжения о сдаче, тащили на расправу в Губчека.Люди стали бояться, подозревать и избегать друг друга. В газетах печатались все новые и новые сообщения о победах над белобандитами. Захлебываясь от злобы, оповестили о расстреле адмирала Колчака. Жители рады были бы приходу партизан Щетинкина. Этот предводитель минусинских повстанцев сначала вел борьбу с белыми, а потом, как говорили, повел борьбу и с красными. Город был полон самых разнообразных слухов.

Спустя недели две, мой друг встретил на базаре офицера нашего полка и пригласил его к себе. Офицер был в подавленном состоянии и за скромным обедом рассказал, что он находился в казармах Военного Городка, где под стражей содержались пленные офицеры и солдаты. Пришел он на толкучку с разрешения, чтобы променять что-либо из вещей на продовольствие. Кроме пайки ржаного полусырого хлеба и холодной некипяченой воды, пленным ничего не давали, а спать приходилось, не раздеваясь, на голом цементном полу, даже соломы не было.

Всех офицеров чекисты подробно допрашивали, в каких частях приходилось служить при царском режиме и при белых, в каких боях участвовали, кто были начальники и где они находятся. Многие из допрошенных исчезали; посылались ли они в красную армию или выводились в расход - кто знает? Офицер обещал при случае заходить к нам, но так и не появлялся. От него мы узнали, что во время боя прд Дрокиной некоторым частям удалось беспрепятственно миновать Красноярск, обойдя его с южной стороны. Хотя зависть и грех, но мы сильно завидовали всем ушедшим.

Благодаря нашему множеству, красные не имели физической возможности начать немедленную расправу над нами. А кроме того, забрали нас в плен вчерашние белые, части 1-й Сибирской армии, еще не успевшие достаточно покраснеть, хотя над своим вождем, ген.Зиневичем,они уже успели расправиться - может быть, по приказу красного командования, к которому Зиневич, от имени гарнизона, обращался с маниловским предложением прекратить войну.

Но не все военнопленные и беженцы отделались так благополучно, как мы. Следовавшие по нашим пятам красные части, имевшие большой опыт в грабежах и насилиях, при захвате обозов первым делом принимались грабить. Отнимали одежду, особенно валенки и полушубки. При невозможности быстро снять кольца или серьги у женщин, случалось, отрезали пальцы и уши. Я слышал рассказ женщины, имевшей длинные волосы, собранные на голове в узел. В этот узел она спрятала две золотых монеты. Ее сильно таскали и трепали за волосы, найдя эти монеты. У кого находили оружие, тех подвергали сильному избиению, сопровождая неслыханными ругательствами.

В ночь под Новый год я настолько ослабел, что приглашенный врач, сделав два укола камфоры, предупредил, что часы больного сочтены и что он едва ли переживет ночь. По уходе врача произошел сильный припадок болезни: я неистово кричал, метался, пытался бежать, бредил. Это был кризис, после которого я стал быстро поправляться и под праздник Сретения был уже в состоянии пойти в собор ко всенощной. Большой храм был переполнен молящимися. Известно, несчастья приближают нас к Богу. До сих пор не могу забыть чтения кафизмы, которую громким голосом и вразумительно читал чтец посреди церкви, перед праздничной иконой. В памяти звучит еще и сегодня: "Рече безумец в сердце своем: несть Бог". В храме стояла необыкновенная тишина. Содержание псалма так соответствовало времени: в городе началась назойливая безбожная пропаганда.

Очень скоро начальство приступило к разгрузке города. Были расклеены объявления, что беженцы должны возвратиться к месту своего прежнего жительства, не опасаясь никаких преследований, так как все преступления против советской власти амнистированы и даже смертная казнь, по случаю победы над Колчаком, декретом Совнаркома отменена навсегда. Конечно, это была обычная большевицкая ложь. Объявление заканчивалось предупреждением, что беженцы будут лишаться продовольственных карточек.

Некоторые категории беженцев подлежали ре-эвакуации в принудительном порядке, например, учителя. Мой друг как раз подходил под указанную категорию. Освобожденный от мобилизации, я получил разрешение на выезд из города вместе со своим другом, как его родственник. Учительский персонал повестками был вызван в наробраз (отдел народного образования). Оказалось около 150 человек, подлежащих отправке к месту службы. Это были преимущественно народные учителя с Волги, Урала и Приуралья, с их семьями. Большинство из них - учительницы. Учителей гимназии - единицы.

Железная дорога должна была предоставить три вагона - конечно, товарных. Для отопления вагонов в складчину были куплены дрова, в каждый вагон - печка-буржуйка и выданы продукты в расчете на две недели. К каждому вагону был прибит кусок красного кумача с надписью крупными буквами: "РАПОСИСОКУЛЬТ", что означало - "работники просвещения и социалистической культуры". Так в те времена назывались учителя. Теперь, кажется, их переоктябрили в не менее благозвучное - "шкрабы" - "школьные работники".

Слово "рапросисокульт" имело магическое действие. Бывало, какой-либо вооруженный красноармеец пытается залезть в вагон. Стоило только, обязательно строго, произнести: "Нельзя, здесь рапросисокульт", - и красноармеец удирал без оглядки, вероятно, предполагая, что здесь помещается какой-то советский сатрап со своим штабом, от которого надо удаляться подальше и поскорее, чтобы не нарваться на неприятность.

В вагонах были двойные нары, и помещалось в них приблизительно до 50 человек. Днем печка топилась почти непрерывно: надо же было сварить чай, картошку или суп на 50 человек. Поэтому днем в вагонах было тепло.

Из Красноярска мы выехали 23 февраля, то есть через полтора месяца после падения Красноярска, а за Урал перевалили в самом конце марта. Раньше это путешествие продолжалось не более 5-6 дней. Вагоны наши часами задерживались на станциях, а иногда, на больших станциях, и по суткам. Случалось, для паровоза не хватало дров. В таких

случаях на станциях мы ломали заборы и тащили на паровоз. Не хватало и воды. Водокачки лежали в развалинах, взорванные белыми при отступлении. Паровозы за водой уходили далеко от станций. Были случаи, что ведрами носили в паровоз снег. Выданных нам продуктов не хватило. Пришлось покупать на станциях у торговок. На некоторых станциях в числе торговок мы узнавали и жен наших офицеров, оставленных по дорогам. Мы сообщали им о судьбе знакомых офицеров, а от них узнавали местные новости, особенно интересуясь положением возвращающихся беженцев и военнопленных.

На станции Новониколаевск были расклеены объявления, в которых говорилось, что за мародерство и насилия над жителями осуждены к высшей мере наказания белобандиты, и далее шел перечень фамилий осужденных офицеров, с указанием их чина и заключением: приговор тогда-то приведен в исполнение. Это и означает отмену смертной казни. Юмористы объясняли эту отмену так: в советском законодательстве нет термина "смертная казнь", а есть: "высшая мера наказания". Значит, большевики не лгали, говоря об отмене смертной казни.

В Новониколаевске царила эпидемия тифа. Умерших не успевали хоронить. Их сваливали в кучи, потом сжигали. Таким образом, как говорят, было сожжено 30 тысяч человек. Тиф проник и в наш "рапросисокульт": заболели по дороге три учительницы. Их оставляли на станциях, где имелись вблизи больницы. При больных оставался кто-нибудь из пассажиров в качестве сестры или брата милосердия. После Тайги и Новониколаевска стало свободнее: ушли томичи и алтайцы.

В Омске нас свели в два вагона: один направили через Челябинск на Волгу, другой через Екатеринбург в Пермь. Взорванный белыми железнодорожный мост через Иртыш еще не был восстановлен, и поезда переправлялись по льду. Здесь нас задержали на сутки, чем я воспользовался для посещения знакомых. Недавнего оживления в городе не осталось и следа. Настроение у знакомых панихидное, полное безнадежности. Говорят шопотом, потому что стены имеют уши. Боятся друг друга. Жалуются на острый недостаток продовольствия, который пока восполняется "товарообменом" с деревней. Каждую ночь происходят обыски, аресты, расстрелы...

Зашел в собор. Шло богослужение. Поминали новопреставленного архиепископа Омского Сильвестра. Был 9-й день после его смерти в тюрьме. Не помню, выдали ли тело для погребения. Передавали, что в Омской тюрьме находились все эвакуировавшиеся с Волги, Урала и Западной Сибири архиереи.

Вернулся в свой эшелон, подавленный происходящим. Выехали из Омска. По дороге один по одному покидали вагон наши товарищи по несчастью. Тяжело было расставаться. Все томились тяжелыми предчувствиями. Еще тяжелее было покидать вагон, зная, что тебя ожидает знакомство с чекистами... Наконец, мы на месте своего постоянного жительства. Регистрация в милиции. Трудность получить комнату. Вызов в Губчека. Заполнение анкеты: почему убегал? где пребывал? не служил ли у белых? если да, то в какой части? в каких боях участвовал? кто начальники? где находятся? происхождение? отношение к сов.власти? и так далее.

По заполнении анкеты - замкнутый образ жизни на более или менее продолжительное время и все прелести подсоветского жития.

Эх, яблочко, куда котишься? В Губчека попадешь, не воротишься...

Доброволец Ш.

КУБАНЦЫ ПОД БЕЛОЙ ГЛИНОЙ
(Февраль 1920 г.)

Работая над темой о последнем периоде Гражданской войны на Северо-Кавказском театре, пишущий эти строки встретил большие затруднения при попытке осветить действия Кубанской армии. Документальные материалы о последней, повидимому, погибли, воспоминаний об этом периоде Гражданской войны вообще мало, обращения к ряду кубанцев,участников событий, дали очень слабые результаты.

Между тем, есть очень серьезные основания предполагать, что общепринятая версия о Кубанской армии (той части ее, которая держала фронт) в последние месяцы Гражданской войны на Сев.Кавказе, мнение об ее полной деморализации, развале, потере боеспособности - далеко не соответствуют действительности и подлежат пересмотру. В качестве наглядного примера этому могут быть приведены события, связанные с катастрофой 1-го Кубанского корпуса в районе с.Белой Глины 8 февраля (ст.ст.).

Состояние Кубанской армии в период боев на Маныче и южнее в январе-феврале 1920 г. изображается в официальных документах в крайне мрачных красках. Вот, например, запись (от 7 февраля) из "Журнала военных действий Донской армии": "Из ряда разговоров по аппарату с офицерами генерального штаба Кубанской армии выясняется постепенное ее таяние, дезертирство, шкурничество и заболеваемость. Главное - преступное дезертирство"...

О самом ходе последнего боя 1-го Кубанского корпуса в "Описании боевых действий Вооруженных Сил Юга России" за время с 27 ноября 1919 г. по 12 марта 1920 г., составленном по официальным донесениям летом 1920 г. в Крыму, дается перечень частей, "сдавшихся полностью в плен, "разбежавшихся" или "разошедшихся" по своим станицам"... О штабе корпуса сказано: "Противник взорвал мост в тылу 1-го корпуса. Эшелоны штаба корпуса захвачены полностью в плен"... Отметим, что это последнее сведение - о пленении штаба корпуса - имеется и в других документах. Так, в записи "Журнала военных действий Донской армии" от 9 февраля, содержащей сведения о разгроме кубанцев, говорится: "Взят в плен штакор вместе с командиром корпуса генералом Крыжановским".

Этим данным можно в настоящее время противопоставить другие. Свидетельства кубанских офицеров, непосредственных участников боев, а кроме того - что, пожалуй, еще более существенно - свидетельства противников - совершенно иначе освещают происходившее.

Вот, в немногих словах, ход событий:

По отходе за р.Маныч Кубанская армия (1-й и 2-й кубанские корпуса) заняла фронт от жел.дороги Царицын-Екатеринодар на восток по левому берегу Маныча и далее по озерной линии.

Попытки красной 10-й армии в январе форсировать Маныч к югу от Великокняжеской были кубанцами отражены. Новое наступление красных, уже соединенными силами 10-й и 1-й Конной красных армий, встретило крайне упорное сопротивление кубанцев на фронте Бараниковское - - Екатериновка - Шаблиевка. 1-й Кубанский корпус, действовавший по сторонам железной дороги, атакованный значительно превосходными силами (именно против этого корпуса был направлен главный удар красных) понес очень серьезные потери и должен был отойти в район ст.

Торговая - с.Воронцовское. Здесь 3-го февраля он выдержал новый тяжелый бой с ударной группой 10-й красной армии, поддержанной конницей Буденного, и к вечеру принужден был начать отход на следующий рубеж - Николаевка-Богородицкое.

Нельзя не упомянуть о том крайнем упорстве, которое, по свидетельству советских источников, проявили в этих боях части 1-го Кубанского корпуса. Атаки красной пехоты не раз захлебывались, приходилось вводить в дело конные дивизии Буденного, обходившие фланги обороняющихся. Во взятых уже красными деревнях отдельные группы защитников отбивались чуть не до последнего.

Как раз на следующий день по оставлении кубанцами района Торговая-Воронцовское подошла к Воронцовскому донская конная группа ген. Павлова. Совершенно вымотанная своим форсированным маршем в сильный мороз по лишенным населенных пунктов степям, она неудачно атаковала красных и отошла затем назад, к ст.Целине и Ср.Егорлыкскому.

Этот отход и временная небоеспособность Донской конницы дали красному командованию возможность нанести решительный удар 1-му корпусу, вновь приготовившемуся к упорной обороне на фронте Николаевка - Богородицкое. В то время, как этот корпус был связан с фронта наступлением стрелковых дивизий ударной группы 10-й красной армии,конные дивизии Буденного, пройдя в промежуток между приводившейся в порядок Донской конной группой и левым флангом Кубанской армии, вышли у Белой Глины в тыл кубанцам, перехватив здесь их пути отхода. В результате 1-й корпус был окружен и погиб. Из окружения пробились лишь дезорганизованные остатки его частей.

Штаб корпуса из боя не вышел и погиб. О том, как он погиб, сказать необходимо.

Сообщаемое ниже изложено по свидетельству врагов, по советской книге"Маныч - Егорлыкское - Новороссийск". Автор этого труда, Б.Майстрах, во время боев на Маныче командовал 20-й красной дивизией и рассказывает о событиях, как очевидец.

8-го февраля поездной состав штаба 1-го Кубанского корпуса стоял на ст.Белая Глина. Тут же было и два бронепоезда. По получении донесений о нахождении в тылу красной конницы, штаб корпуса и бронепоезда двинулись на Тихорецкую, но путь уже был перехвачен красными, и у взорванного моста поезда застряли. Скоро на них вышла конница Буденного: 4-я и 6-я кавал.дивизии. Сгоряча командир 2-й бригады 4-й дивизии т.Мироненко повел части своей бригады и 35-й полк 6-й дивизии в конную атаку на бронепоезда. Атака была отбита командами бронепоездов и присоединившимися к ним офицерами штаба корпуса. Т.Мироненко и командир 35-го полка были убиты. Конница отхлынула.

Тогда по приказанию прибывшего к месту боя Буденного были вызваны на открытую позицию конные батареи, начавшие бить прямой наводкой по белым.

Держаться далее в бронепоездных составах было нельзя. Вооружившись винтовками, штаб и команды бронепоездов, с ген.Крыжановским и инспектором артиллерии корпуса ген.Стопчиным во главе, стали отходить от железной дороги. Сразу же они оказались окруженными красной конницей. Несмотря на совершенно безвыходное положение, - пишет Б. Майстрах, - белые не сдавались и пытались пробиться в степь. Конные атаки красных встречались и отбивались выдержанным залповым огнем. Красным, по свидетельству Б.Майстраха, хотелось захватить окруженную

группу офицеров живыми, но после того, как несколько атак буденновцев было отбито и они понесли порядочные потери, пришлось отказаться от этой мысли. Конница отошла, и вперед выдвинуты были пулеметные тачанки, открывшие огонь по кучке белых. В 2-3 минуты пулеметный огонь скосил ее. Тогда вновь бросилась вперед конница и дорубила тех, кто еще был жив.

К книге Б.Майстраха приложены иллюстрации. На одной из них воспроизведены последние минуты ген.Крыжановского и его офицеров. Сумерки зимнего дня, низкое хмурое небо, уныло-однообразная снежная степь. На первом плане - отстреливающиеся, сбившиеся в плотную группу офицеры, вокруг - маячащие лавы красной конницы.

Прошли уже десятилетия со дней Маныча и Белой Глины, но и теперь для большинства участников борьбы на юге России действительный облик этих событий не ясен. Многие бывшие соратники ген.Крыжановского, быть может, и до сих пор верят официальной версии об его конце. Для них, думается, не безразлично будет узнать, как умер ген.Крыжановский и те, кто с ним были.

Ген. В.Чернавин.

- - oOo - -

БРОНЕПОЕЗД "ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ"

(Продолжение, см. № 55-56)

8/9 - 12/9 1917 г. - Пребывание личного состава с базой на ст. Андрее-Дмитриевской Армавиро-Туапсинской ж.д.

13/9 - Переезд на ст.Екатеринодар.

14/9 - 26/9 - Стоянка на ст.Екатеринодар и формирование бронепоезда. Получение материальной части: одной орудийной бронеплатформы с 3-дюймовым орудием 1902 г. с круговым обстрелом и одной пулеметной бронеплатформы с 4-мя пулеметами.

27/9 - Отправка на фронт на участок ст.Торговая - ст.Великокняжеская.

28/9 - 30/9 - Боевые действия в означенном районе.

1/10 - Боевые действия там же. Получение еще одной бронеплатформы с орудием 95 г. на тумбовой установке с круговым обстрелом.

2/10 - 13/10 - Боевые действия в том же районе.

14/10 - Переезд на ст.Армавир в распоряжение начальника 3-ей пехотной дивизии Добрармии. Командиром бронепоезда вместо полк.Стремоухова назначен полковник Зеленецкий.

15/10 - 18/10 - Боевые действия в районе ст.Убеженская.

19/10 - 23/10 - Боевые действия в районе ст.Державная.

24/10 - Боевые действия между ст.Державная и ст.Убеженская. Отход за реку Кубань. Спасение одного легкого орудия, брошенного нашей батареей у ж.-д. моста на правом берегу реки Кубань.

25/10 - Боевые действия у ж.-д. моста через р.Кубань.

26/10 - Переброска на Минераловодское направление. Командиром бронепоезда вместо полковника Зеленецкого назначен полковник Гонорский.

27/10 - Наступление на ст.Невинномысская. Крушение бронепоезда. Разбиты: одна орудийная бронеплощадка и три контрольных. Убиты: пор. Калмыков и два казака. Ранены: шт.кап.Борисов и пор.Мухортов.

Подробности боя следующие:

27-го октября бронепоезду было приказано совместно с кубанскими конными частями занять ст.Невинномысскую с целью дальнейшего наступления вдоль жел.дороги. Ввиду того, что по полученным сведениям путь до ст.Невинномысской был в полной исправности, а ст.Невинномысская была занята слабыми силами красных, было решено боевой частью бронепоезда совместно с базой занять ст.Невинномысскую, после чего, оставив базу на означенной станции, развивать дальнейшее наступление. Не доезжая до ст.Невинномысской, левый путь на протяжении многих верст оказался забит брошенными красными при поспешном отступлении порожними составами. Правый путь совершенно свободен. Путь шел под уклон и медленно закруглялся влево, благодаря чему видимость пути перед бронепоездом была ограничена. Не доезжая 3-4 верст до ст.Невинномысской, бронепоезд неожиданно наскакивает на шпалы, положенные поперек пути. Контрольные площадки сходят с рельс и врезаются в порожняк, стоящий на левом пути. Вслед за ними терпят крушение пулеметная бронеплатформа и следующая за ней орудийная. У бронепаровоза смяты буфера и поврежден левый цилиндр. Немедленно было приступлено к извлечению из-под обломков раненых и убитых, для чего потребовалась помощь вспомогательного поезда. Наша кавалерия, видя гибель бронепоезда и встретив редкий огонь со стороны красных от ст.Невинномысской, начала отходить. Бронепоезду пришлось спешно организовать самооборону на случай возможного наступления красных, для чего были использованы извлеченные из-под обломков исправные пулеметы и размещены вокруг бронепоезда и на крышах вагонов базы. Одновременно с извлечением раненых и убитых из-под обломков, потребовавшим несколько часов усиленной работы, производилось спасение имущества. Красные держали себя пассивно, что дало возможность без помехи с их стороны произвести все необходимые работы и спасти все мало-мальски ценное имущество, как то: орудие с бронеплощадки, пулеметы, огнеприпасы, телефонное имущество и пр. По окончании всех работ, при помощи вспомогательного поезда, база и остатки бронепоезда, состоящие из поврежденного бронепаровоза и одной орудийной площадки с орудием 1895 г., были отведены на ст.Армавир.

28/10 - Переезд на ст.Тихорецкая для ремонта.

29/10 - 16/11 - Стоянка на ст.Тихорецкая в ремонте. Получение материальной части: одной бронеплатформы с орудием 1900 г. на лафете с колесами без кругового обстрела, одной бронеплатформы бомбометно-пулеметной и одного бронированного десантного вагона. Приказом Главнокомандующего Добрармии от 16 ноября "1-й Бронированный поезд" переименовывается в"1-й Бронированный Генерала Алексеева поезд".

17/11 - Переезд на ст.Песчанокопскую для содействия успешному проведению мобилизации.

18/11 - 19/11 - Содействие означенной мобилизации.

20/11 - переезд на ст.Невинномысскую в распоряжение ген.Ляхова.

21/11 - 26/11 - Позиция и сторожевое охранение у разъезда Дворцовый совместно с 8 Пластунским Батальоном.

27/11 - Боевые действия у ст.Киан.

28/11 - 3/12 - Боевые действия и сторожевое охранение в районе ст.Киан - ст.Водораздел.

4/12 - 10/12 - Боевые действия в районе ст.Водораздел - ст.Курсавка.

11/12 - 14/12 - Боевые действия в районе ст.Курсавка совместно

с бронепоездами "Офицер" и "Единая Россия". Убит пор.Броунс, контужен пор.Ивачев.

15/12 - 18/12 - Боевые действия в том же районе. Убит вольноопределяющийся Грицевич, ранены: пор.Сапешко, подпор.Курбас, подп. Протасов и прап.Третьяков.

19/12 - Боевые действия там же. Убит капитан Головач, ранены: пор.Коковин, прап.Захаров, прап.Флавицкий и прап.Борисов, контужен пор.Амасийский.

20/12 - Боевые действия в том же районе. Во временное командование бронепоездом вступил подполковник Шамов.

21/12 - 22/12 - Боевые действия там же. Отравлены газами химических снарядов подполковник Шамов и шт.кап.Тер-Никагосов.

В период боев с 27 ноября по 23 декабря бронеплатформы и материальная часть вследствие множества прямых попаданий были приведены в совершенную непригодность и разновременно направлены в гор.Екатеринодар для ремонта.

23/12 - Боевые действия в том же районе Выезд бронепоезда в бой в составе небронированного паровоза и обыкновенного товарного вагона с пулеметами.

24/12 - Переезд на ст.Кавказскую в ремонт и за получением новой материальной части.

25/12 - 31/12 - Стоянка на ст.Кавкаская в ремонте.

1919 год.

1/1 - 27/1 - Стоянка на ст.Кавказская, ремонт и получение новой материальной части: одной бронеплатформы с 3-дюймовым орудием 1902 года, двух бронеплатформ с орудиями 57 мм. системы Норденфельда и одной пулеметной бронеплатформы. Командиром бронепоезда вместо полковника Гонорского назначен полковник Кельберер. Бронепоезд вошел в состав 1-го Бронепоездного дивизиона (тяжелый бронепоезд "Единая Россия" и легкие бронепоезда "1-й Бронированный генерала Алексеева поезд" и "Вперед за Родину". Командиром дивизиона назначен полковник Скопин).

28/1 - 2/2 - Переезд в Донецкий каменноугольный район на ст. Горловка в распоряжение командира 1-го Армейского корпуса генерала Май-Маевского и далее в распоряжение командира Офицерского Дроздовского полка полковника Кельнер.

3/2 - 4/2 - Боевые действия в районе ст.Доломит - ст.Роты совместно с офицерской ротой Дроздовского полка.

5/2 - Боевые действия в районе ст.Константиновка совместно с частями Дроздовского и Марковского полков. Ранен командир бронепоезда полковник Кельберер, убит один казак.

6/2 - Боевые действия в том же районе. В Ростовском госпитале умер от тифа прап.Флавицкий.

7/2 - Боевые действия в районе ст.Доломит - ст.Роты совместно с офицерской ротой Дроздовского полка. Взятие бронепоездом в плен около одной роты красных.

Подробности боя следующие.

Рано утром 7-го февраля бронепоезд получил задание совместно с офицерской ротой Дроздовского полка наступать по линии ст.Доломит - ст.Роты. В этот период весенней распутицы все операции в Донецком бассейне производились вдоль многочисленных в этом районе железных

дорог. Бронепоезд, пройдя с рассветом ст.Доломит, медленно продвигался, ведя артиллерийский бой с бронепоездом красных. Офицерская рота Дроздовского полка следовала по полотну жел.дороги верстах в 2-3 позади, закрепляя за нами пройденный район. Не доезжая 4-5 верст до ст.Роты, бронепоезд был встречен сильным ружейным огнем цепи красных, расположенной поперек жел.дорожного полотна в районе жел.дорожной будки путевого сторожа. Из будки бил пулемет. Два снаряда, попавших в будку, заставили замолчать пулемет красных. Бронепоезд быстро выдвинулся вперед, въехал в цепь красных и, остановившись, не прекращая боя головным орудием с бронепоездом красных, открыл по цепи беглый огонь из всех пулеметов и винтовок. Продержав красную цепь под огнем некоторое время, огонь был прекращен и красным было предложено сдаться. Собрав всех пленных, количеством около роты, их передали подошедшей к этому времени офицерской роте, бронепоезд же продолжал развивать наступление.

Кап. А.Осипов

(Продолжение следует)

- - оОо - -

x

x x

То не буря завывает,
Дикой яростью полна,
То на берег набегает
С плеском радостным волна.
    Многоводный и широкий,
    Всевеликий Тихий Дон,
    Шлю тебе я, сын далекий,
    До сырой земли поклон.
Здравствуй, батюшка любимый,
Здравствуй, русская река,
Ты прими привет, родимый,
От донского казака.
    Изнывая на чужбине,
    По степям твоим скорбя,
    И в лишеньях, и в кручине
    Помню всюду я тебя.
Совершая подвиг тяжкий,
С вечной спутницей - тоской -
Заменили наши шашки
Мы лопатой и киркой.
    Но в тревогах и в неволе,
    В злой юдоли мрачных дней
    Не забыть нам прежней воли,
    Царской вольности твоей.
Не забыть станиц далеких,
В мирной степи хуторов,
И казачек светлооких,
И радушных стариков.

С.Бехтеев.

НАШ ПУТЬ В РОССИЮ.

Что такое эмиграция? Только ли путь с родины, изгнание? Нет, и возвращение, путь на родину. Наша эмиграция - наш путь в Россию.

Emigrare значит "выселяться". Слово это для нас не точно. Мы не выселенцы, а переселенцы из бывшей России в будущую.

Два пути переселения: один - там, в бывшей России, через страшную, родную пустыню, другой - здесь, через пустыню мира; два крестных пути, и мы не знаем, какой из них более крестный.

Русская эмиграция, продолжающаяся русская революция, есть нечто небывалое во всемирной истории. С чем ее сравнить? С иудейским "рассеянием" или с вавилонским пленением Израиля, или с Исходом из Египта? Сколько нас, от полярного круга до тропиков - один, два, три миллиона? Этого мы сами не знаем; мы - несчитанные, неисчислимые, ц целое новое племя, новый Израиль, такой же, как тот, древний - безземельный, бездомный, бесправный, отовсюду изгнанный, всеми гонимый, такой же проклятый, а, может быть, и святой и уж, во всяком случае, такой же страдающий.

Сами себе мы кажемся очень слабыми, потому что очень страдаем. Но если в порядке низшем, эмпирическом, страдание всегда слабость, то в порядке высшем, духовном - не всегда: здесь оно может быть и силой. В судьбах народов, так же, как отдельных людей, печать страдания бывает печатью избрания. Нет ли и в этом сходства нашего с Израилем?

Наше страдание подобно слепоте. Свет очей, Россию, отняли у нас. Что значит свет, знают только слепые; так, только на чужбине мы узнали, что значит Россия. Внешне ослепнув, мы прозрели внутренне и увидели невидимую Россию, Святую Землю, Обетованную. Сорок лет, может быть, будем блуждать в пустыне, и кости наши в ней падут, но мы должны итти через нее в Обетованную землю.

Надо лишиться земли, чтобы полюбить ее неземною любовью. Наша неземная, бесконечная любовь к России - бесконечная сила.

Сила героя познается в трагедии. Русская эмиграция - действующее лицо великой русской трагедии - оказалась сильнее, героичнее всех эмиграций - настолько сильнее польской или французской! Тем сочувствовала и помогала вся Европа; нас же ненавидит и гонит, а сочувствует и помогает нашим врагам. Вся Европа, весь мир как будто решили: "Нам быть - России не быть". И вот, под этой двойною тяжестью - изгнания и гонения - мы все-таки выжили и до конца, по всей вероятности, выживем: выжили десять лет, выживем двадцать, тридцать, сорок - сколько нужно Истории. Мы оказались крепче, огнеупорнее, чем сами думали. Наша сила, наш героизм уже в том, что мы - мы, Россия в мире, бывшая и будущая, вечная.

Тело народа - земля. Землю нашу, тело, мы потеряли и носимся в мире, как бестелесные духи, всюду проникая, проходя сквозь все и все заражая нашим русским духом - литературой, живописью, музыкой, религией. Дома всюду - всюду чужие; во все вливаемся, но не сливаемся ни с чем. Строим наши русские твердыни, вьем наши гнезда - Гетто - в Париже, Лондоне, Берлине, Шанхае, Сан-Франциско. Русские лица сразу можно узнать в европейской толпе, как некогда можно было узнать иудейские лица в эллинском рассеянии. Мы всемирны, всечеловечны и, в то же время, замкнуты, загадочны, отдельны, особенны; мы в мире, как масло в воде.

"Мы - сор для мира", по слову Апостола; но, может быть и этот

сор, как тот, будет солью земли. "Мы не известны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас казнят, но мы не умираем;мы нищи, но многих обогащаем; мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся". Носим в себе мертвость России, чтобы и жизнь ее открылась в нас, ибо мы непрестанно предаемся на смерть за Нее, бессмертную.

О, если бы мы знали нашу силу! Но вот, не знаем. Мы, как слепой исполин: слабые дети вяжут его и ведут. Что же ослепило нас? Неужели, и вправду, свет России потух в наших глазах? Как могли мы забыть, что у нас одна Россия, один враг и воля должна быть одна? Если бы мы имели единство воли, мы имели бы все, что нужно, для освобождения России.

"Скоро ли вернемся?" - спрашивают глупые. - "Вернемся ли когда-нибудь?" - спрашивают те, кто поумнее, а самые умные молчат. - "Будьте покойны, не видать нам России, как ушей своих!" - злорадствуют тоже не глупые, но всегда примиренцы, возвращенцы, соглашатели.

Что им ответить? Вот что: пусть мы сами никогда не вернемся, а вернутся только наши дети, внуки, правнуки, но жить и действовать мы должны так, как будто сами вернемся наверное, и очень скоро. Да и вовсе не в том вопрос, когда мы вернемся, а с чем. Если ни с чем, то лучше никогда. Пусть каждый спросит себя, готов ли он, и если никто не посмеет ответить: "готов", - значит, рано. Только что будем готовы - вернемся. День возвращения придет, как тать в ночи; но если мы уснем, как немудрые девы без масла в лампадах, то, как бы скоро ни пришел Жених, мы все равно Его не увидим.

Наше изгнание подобно морскому плаванию. Узкая полоска берега таяла, таяла, пока мы уходили в море, и, наконец, истаяла, исчезла совсем; нас поглотила безбрежность вод. Плыть можно было только по звездам; но и звезды исчезли в тумане. Мы сбились с пути и уже не знаем, куда плывем. Но хуже всего то, что у нас нет кормчего, или, вернее, их два, спорящих: тот хочет править туда, этот - сюда, и корабль стоит на месте или плывет, неизвестно куда, а ведь это гибель.

Два лица у русской эмиграции, противоположных, как у бога Януса. Республика или монархия? Спор важный и нужный в порядке отвлеченном, умственном, но в волевом, жизненном - пустой.

Чем будет Россия, республикой или монархией? Может быть, ни тем, ни другим, а чудовищной или чудесной помесью обеих форм. Опыт русской революции так нов и неизвестен, что и плоды его неизвестны.

"Возрождение" + Д.С.Мережковский.
Декабрь 1927 г.

- - oOo - -

Н И К И Т А   Л Ь В О В

"Вспоили вы нас и вскормили,
Отчизны родные поля,
И мы беспредельно любили
Тебя, страна снега и льда"..

Прошла моя жизнь, и теперь, на закате моих дней, в мою зиму жизни, я памятую с великой благодарностью все те добрые, честные начала, которые вложило в мою душу воинское воспитание.

И если подчас оно бывало сурово, то это и выработало во мне ту выдержку и силу воли, которые позднее помогли мне стойко перенести великие испытания, выпавшие на долю истинно русских людей в тяжелое лихолетье, постигшее нашу Родину.

Но все проходит. Возродится великая Россия, создадутся со временем и согласно новым требованиям войны новые военные школы, и в них, я уверен, воскреснут для новых поколений те заветы и традиции, которые сделали из нас - юнкеров и вольноопределяющихся военного времени - настоящих русских офицеров, беззаветно любящих свою Родину.

- о -

Молодой техник Никита Львов работал на единственном в России большом металлургическом заводе морского ведомства - Ижорском. Вернее, это не завод, а заводы, расположенные на р.Ижоре под Петербургом. Продукт выделки этих заводов - броня для военных кораблей Российского флота.

Густым черным дымом окутывались многочисленные высокие заводские трубы.

Визгливо пели круглые пилы, разрезая раскаленные стальные балки, осыпая все кругом снопами ярких искр. Дрожала земля под ходом тяжелых валов бронепрокатной мастерской. Громадные огненные глыбы металла калились в огромных печах, прогревая свое тело форсунками. Большие гидравлические прессы, в 15000 тонн, изгибали в причудливые формы (согласно чертежам) толстые брони. Страшное горячее "молоко" - расплавленная сталь - текло из плавилен по формам. Многочисленные токарные станки механической мастерской распевали свои песни на разные лады.

Тяжелым запахом несло от газовой мастерской.

Сердито шумела колоссальная электрическая станция на беспрерывную раздачу своей энергии всем мастерским.

Сильный чад от горелого масла окутывал бронезакалочную мастерскую, где в огромных масляных бассейнах кипело масло, закаливая огромные брони. Беспрерывно стучали молотки в бронеотделочной и модельной мастерских. Сильным жаром тянуло из меднолитейной и меднопрокатной. Визгливо работали электрические сверла железно-котельной и трубной.

Наверху же всех мастерских, точно в перегонку, носились электрические краны, неся в своих железных когтях неимоверно тяжелый по весу груз.

Жизнь на заводах кипела ключем, а в унисон этой жизни бились сердца русских рабочих. В их взорах была видна гордость и ответственность. Как же им было не гордиться, ведь они ковали и создавали опору и мощь своей родине, они в то время строили чудо морской техники - могучие, новейшие боевые корабли, которые готовились к спуску в августе 1917 года. Это были: "Наварин", "Кинбурн", "Измаил", и "Бородино" - по 30,000 тонн, со скоростью в 31 узел хода и снабженные 14-дюймовыми орудиями. Это был как бы ответ "отсталой" России "передовой" Европе.

- o -

В один непрекрасный летний день 1914 года в завод, в 20-тысячную массу рабочих, влетело страшное слово, только из пяти букв: - в о й н а.

Загудел, зашевелился заводской люд.

Восторженные крики: "Да здравствует Россия!", "Да здравствует Император!". "Да здравствуют наши победоносные Армия и Флот!". "Война до победы!". "Смерть немцам!", и т.д.

Над целым лесом национальных флагов колыхался в руках рабочих огромный портрет Государя Императора Николая Александровича.

Все это торжественно-потрясающее шествие глушилось могущественным национальным гимном - "Боже, Царя Храни!"... Подъем духа был неописуемый. Победа светилась в глазах каждого рабочего.

По российскому закону о мобилизации рабочие этих заводов не подлежали набору в армию. Несмотря на такую привилегию, через неделю уже отправлялись с завода около 600 человек добровольцев на войну. В числе этих добровольцев ушел с завода и Никита Львов.

Болело сердце у Никиты, что не дала война закончить корабли,и, зарядившись ненавистью к врагам-немцам, он торопил себя со сборами, боясь скорого окончания войны.

Стройный, сильный спортсмен, 18-летний Львов попал в артиллерию, в один из запасных дивизионов недалеко от Петербурга. Военная служба пришлась по душе Никите Львову, и он с большим рвением усваивал воинские уставы, полюбил начальство и сам был им любим.

Время летело незаметно, и Львов уже был в учебной команде,где особенно ему нравился неизменяемый образцовый порядок во всем - от выкладки обмундирования, чистки лошадей, манежной езды, гимнастики до практической учебной стрельбы на полигоне. Спустя некоторое время, его солдатский погон вольноопределяющегося имел уже поперечную нашивку бомбардира.

В один холодный декабрьский день 1914 года Львов двигался в очередном эшелоне на фронт. Приближаясь к фронтовой полосе, он впервые увидел признаки войны - в воздухе высоко парил аэроплан противника, облепленный рваными белыми облачками рвущихся вокруг него шрапнелей. Откуда-то били по нему два легких орудия.

Первое боевое крещение Никита Львов получил в Восточной Пруссии в №-ской артиллерийской бригаде и воспринял его неважно, от сильной канонады немного кружилась голова и даже слегка тошнило, но вскоре все это прошло, привык, обстрелялся и уже потом с большим интересом отмечал цели своему орудию. Из него вырабатывался хороший артиллерист.

Дальнейшие бои на фронте дали ему не только два ранения, но и два Георгиевский креста - он уже старший фейерверкер. Львов, как имеющий образовательный ценз 1 -го разряда, был откомандирован в тыл для поступления в одно из артиллерийских училищ.

Но, как говорят, "от судьбы не уйдешь", и вот эта-то судьба и повернула по другому артиллерийскую службу Львова.

По дороге в тыл Львов заболел паратифом в сложной форме и, доехав до г.Полоцка, был там положен в госпиталь. Болезнь затянулась и помешала ему поступить в училище. По выздоровлении он решил было ехать обратно на фронт в свою бригаду, но встреча с друзьями вольноопределяющимися одного запасного пехотного батальона привела Львова в стены известной когда-то на всю Россию Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме. В 1915 году там была размещена школа прапорщиков, в которую как раз начинался прием, и вот эта-то военная школа и дала Львову чин прапорщика. Окончил он ее в числе первых.

Короткая служба в одном из запасных батальонов на юге России чуть не затянулась надолго и могла кончиться тем, что прапорщик Львов мог легко попасть в "кадр", а это значило - не видать войны.

Командир запасного батальона явно благоволил к молодому прапорщику, кавалеру двух крестов, и назначил его сразу после прибытия в батальон младшим офицером учебной команды.

В дальнейшем, присматриваясь к аккуратной службе прап.Львова, командир уже метил его на должность начальника учебной команды. Но такое "окапывание" в тылу было противно натуре Львова. Он ведь мог и на заводе просидеть всю войну - не для этого пошел он добровольцем. Неоднократные упорные просьбы прапорщика Львова к командиру батальона об отправке его на фронт с одной из очередных отправок офицеров одиночным порядком - всегда встречали от командира отказ.

Но в конце концов командир уважил просьбу Львова, и он был отправлен с первой же группой офицеров, едущих на фронт одиночным порядком.

Теперь прапорщик Львов ехал на фронт не как новичек, а как бывалый, обстреленный воин. Львов отчетливо понимал разницу в своем положении в первую поездку на фронт и теперь. Первый раз он ехал на фронт старшим над десятком человек, а теперь ему придется нести ответственность значительно большую, а главное - не уронить честь и достоинство русского офицера во всех отношениях, ибо офицерский мундир - будь то простая гимнастерка - очень тяжел, и носить его надо с честью. Такими думами была забита молодая голова прапорщика Львова.

Прибыв на фронт в один из вновь формируемых полков, прапорщик Львов был назначен в команду пеших разведчиков, с которыми он почти ежедневно входил в так называемое "соприкосновение с противником", за что вскоре и получил гордость молодых офицеров - "клюкву" - орден Св.Анны 4-й степени "За храбрость" (красный темляк на шашку).

В резервное время, когда полк уходил на отдых, прапорщик Львов разъезжал по всевозможным курсам, которые в то время рождались по мере их надобности. Львова было резоннее спросить: "какие курсы ты еще не прошел?" Адъютант полка, получив бумажку об отправке на очередные курсы стольких-то офицеров, обязательно писал первым Львова, не спрашивая его согласия, зная, что оно будет дано.

Курсов всяких Львов прошел порядочно. Правда, все эти курсы были непродолжительны, как-то: бомбометные, гренадеров, телефонные (связь), прожекторные, минометные и курсы по подготовке конных раз-

ведчиков, - но если к этому добавить его познания по артиллерии в объеме учебной артиллерийской команды, подправленные практикой на войне, и пулеметные познания, полученные в Ораниенбаумской пулеметной школе, тогда можно представить себе, какими военными познаниями обладал этот молодой офицер.

За бои 1916 года Никита Львов был произведен в чин поручика. Командир полка, боевой полковник Б-ч, серб, успел заметить в поручике Львове качества и способности офицера, могущего быть более, чем командиром роты, и спустя некоторое время поручик Львов уже командовал одним из батальонов полка.

К началу невеликой и кровавой революции 1917 года Никита Львов был штабс-капитаном, грудь которого украсилась также и офицерскими орденами, до ордена Св.Владимира 4-й ст. включительно.

Наступил 1917 год. На горизонте этого года вдруг стали сдвигаться черные, мрачные тучи, и играли на бархате пурпура золотые ленты молний. Там, в глубоком тылу, в самом сердце страны, остались те, кто был мозгом, кто был душой нации, державшие нити мысли и слова - интеллигенция великой страны, сытая, довольная.

Этим передовым людям скоро надоел и скоро у них прошел экстаз подъема духа. Спрятав национальные флаги первых дней войны, они зевали над телеграммами с фронта и скучали от затянувшейся войны.

Их не касалось великое горе России, они не слышали боевых команд. Лениво брела, шатаясь, праздная жизнь. Среди залитых светом улиц больших городов, в стильных фойэ театров, среди взвизгивающих оркестров кабаков и шантанов, дымя ароматными сигарами за столами ресторанов, - они спорили, говорили и мечтали о "великом братстве" народов, о призрачном сне потрясений, и их осоловевшие глаза и жирнообрюзгшие фигуры грезили о революционных взрывах.

Они не видели Родины. Было скучно. Их жены, развалившись в колясках, не видели ни идущих в глубоком трауре женщин, ни девушек с грустными глазами, в белых передниках с красным крестом.

А молодые чопорные денди, сыновья богатых скучающих отцов и матерей, не слышали призыва Родины, затыкали уши от криков раненых.

Чтобы не стыдно было встречать взгляды девушек и калек в серых шинелях, на костылях, они тоже надели шинели. Они устроили маскарад Великой войны.

Они нарядились в фантастические формы, надели сабли, погоны и вензеля - это были веселые "земгусары" и блестящие "уланы Красного Креста".

Они появились в глубоком тылу в банных летучках, на питательных пунктах, в перевязочных отрядах и этим сберегли свое гнусное, жалкое тело - тело кретина, раба и труса.

А мимо них шли другие, светлые юноши в студенческих фуражках, в гимназических шинелях, в кадетских мундирах - шли в военные школы и в ряды войск, на смену тем, кто умирал.

И вот... Страшное совершилось. Произошло то, чего без дрожи и волнения описать нельзя.

Р е в о л ю ц и я. Это слово облетело всю Святую Русь и вырвало у русского народа веру в Бога, присягу Царю и любовь к Родине, а у доблестной армии революция вырвала ее душу.

Международная шайка политических проходимцев, при помощи 50 миллионов немецких золотых марок, свергнула Императорское правительство

России и заменила его "временным правительством" - именно временным, полугодовым, лживым, бездарным и не русским, при полном попустительстве и соглашательстве Государственной Думы с главными персонажами: Родзянко, Милюков, Львов, Гучков, Чхеидзе, Шульгин *).

"Да здравствует свобода!" - "Долой войну!" - "Без аннексий и контрибуций!" - "Долой офицеров!"

Что это? Штабс-капитан Львов ничего не мог понять. В его голове происходил полный сумбур: "Как, Царя свергли? Почему? Как это могло так быстро случиться? Что же делала Ставка Царя? Где же верная Царю гвардия? Где же доблестные полки армии и почему ни один не встал на защиту Государя? Где же верные, преданные Царю и Престолу генералы?"...

Львов был поражен всем происшедшим. И только и мог он сказать помощнику командира полка, который собранию господ офицеров предлагал примениться к обстановке:

- Господин полковник, никакой обстановки здесь нет, чтобы мы могли к ней примениться, а есть хаос. Теперь все погибло, и Армия, и Флот, а, может быть, и сама Россия. Я не нахожу слов, чтобы выразить свое возмущение происшедшим.

Правда, полк, в котором служил Львов, оказался в то время на редкость крепким. Солдаты еще стеснялись что-либо плохое выкинуть против своих начальников-офицеров, да, правду сказать, не было у них и основания это делать, так как жили они в окопах дружно, деля радости побед и горечи поражений. Но раз организм получил заразу и ее не лечат, то она прогрессирует, организм сдается и умирает. Так получилось и здесь. Новые пополнения все больше и больше привозили на фронт разных разлагателей и пропаганды, и в полку через некоторое время заговорили о выборе начальников. В первую очередь решили выбрать себе нового командира полка.

Полковой комитет заседал почти целую ночь и утром объявил свое постановление, которое гласило:

"Пользуясь правом, данным нам, военным, революцией выбирать себе достойных начальников, то полковой комитет Н-ского полка, исполняя волю чинов полка, постановил: "старого командира полка, полковника Б-ча, как несоответствующего духу революции, отрешить от командования полком, а вместо него выбрать нового командира, штабс-капитана Львова.

Здесь чаша возмущения шт.капитана Львова переполнилась. Ночью он пригласил к себе председателя полкового комитета, ст.унтер-офицера Ф-ко, когда-то верного и расторопного разведчика, взводного, примерного солдата, и откровенно выразил ему свое возмущение тем оскорблением, которое полковой комитет нанес старому, боевому командиру полка полковнику Б-чу, выбрав на его должность его, Никиту Львова. Такой способ выбирать себе начальников штабс-капитан Львов назвал

---

*) Примечание редакции: К этому списку следует прибавить также Керенского. Присяжный поверенный Н.Карабчевский в своих воспоминаниях "Что глаза мои видели" рассказывает (на стр.66): "Керенский на совещании Петроградских адвокатов в январе 1917 г. призывал начинать революцию: "Поймите же, наконец, - говорил Керенский, - что революция может удасться только сейчас, во время войны, когда народ вооружен, и момент этот может быть упущен навсегда..."

идиотским и вредным не только для общего дела, но и для самих же солдат.

Штабс-капитан Львов категорически отказался от такой выборной чести. Настойчивые просьбы председателя полкового комитета остаться хотя бы на время с полком еще больше раздражали Львова, и его возмущение росло с каждым словом уговаривающего председателя полкового комитета.

Наконец, Львов предъявил ультиматум: намедленно собрать полковой комитет и аннулировать вынесенное постановление об отрешении от должности командира полка полковника Б-ча и с извинением просить его остаться на своем месте. Председатель на это ответил, что этого теперь сделать невозможно. А раз это невозможно, то невозможным считал шт.капитан Львов ему оставаться в полку и просил председателя полкового комитета, по старой дружбе, сейчас же выдать ему проездные документы и дать под вещи подводу до ближайшей станции Полесье, чтобы покинуть полк до утра.

В результате всех разговоров и возражений председатель полкового комитета согласился с доводами Львова и уважил его просьбу - выдал проездные литера и снарядил подводу, на которой Львов и покинул полк, предварительно зайдя проститься к "забракованному" командиру. Календарь показывал вторую половину сентября 1917 года.

Прибыв на станцию Полесье, штабс-капитан Львов встретил там своего старого приятеля, офицера одного из гусарских полков ротмистра Л-ва, ехавшего из отпуска и ожидавшего на станции себе лошадей.

Штабс-капитан Львов подробно рассказал ему все события последних дней и свое вынужденное решение оставить полк.

Ротмистр Л-в предложил Львову служить в его конной части - Ударном, имени ген.Корнилова, конном дивизионе. Отличительными знаками этого отряда были черно-красные углы, носимые на левом рукаве (ударники).

Ротмистр Л-в обрисовал Львову в свою очередь положение в тылу, где беспомощная власть ничего не может наладить, а, наоборот, своими распоряжениями производит хаос.

Штабс-Капитан Львов, не долго думая, согласился служить с Лебедевым, тем более, что служба в кавалерии ему была знакома.

По прибытии в указанный дивизион Львов был назначен старшим офицером в один из эскадронов. Спустя некоторое время штабс-капитан Львов был переименован в штабс-ротмистры с зачислением по армейской кавалерии.

В конце октября 1917 года "глава" временного правительства, "главком" Керенский, убежал за границу, переодевшись в женское платье.

Бросил свою, добытую революцией, власть на дорогу, где ее быстро подобрали большевики. Когда власть полностью перешла к большевикам, то ударным отрядам было нечего делать - они самоликвидировались и разошлись, кто куда мог.

- о -

В январе 1918 года ротмистр Лебедев и шт.ротмистр Львов приехали в Москву, куда их просили прибыть такие же офицеры, как и они, чтобы вместе ехать туда, "где еще бьются".

Петровская гостиница в Москве была местом сбора двенадцати непокорных советской власти людей. Маршрутов указывалось много, куда

можно было ехать, а именно: через Архангельск ехать на службу к англичанам, в Иностранный легион Франции, на Дальний Восток к атаману Семенову, на Дон к ген.Корнилову и даже упоминался адрес Скоропадского - одним словом, куда угодно, хотя бы с чортом, лишь бы драться с предателями и разрушителями Родины - социалистами и коммунистами.

Как и следовало ожидать, общего решения, куда всем ехать, не нашли. Каждый старался выставить свое предложение, свой план и склонить всех его принять. В результате такого разногласия Никита Львов и Степан Лебедев, отойдя в сторону, сговорились и решили вдвоем ехать на Дальний Восток к восставшему против большевиков есаулу Семенову.

В сильный февральский снегопад покидал Москву сибирский поезд, увозя в неизвестность двух русских офицеров.

В набитых солдатами и "мешечниками" вагонах ехали они на Дальний Восток, среди ругани, табачного дыма и давки.

Несмотря на то, что Львов и Лебедев были также в солдатских шинелях без погон, опытному глазу сразу было видно, что это офицеры, тем более, что ротмистр Лебедев носил пенснэ.

Конечным пунктом своего передвижения эти офицеры наметили город Иркутск, совершенно не зная тех препятствий, которые неминуемо начались бы для них значительно раньше, чем они предполагали.

Подъезжая к гор.Омску, на одной из остановок Львов и Лебедев стояли на вагонной площадке, когда к ним подошел с виду солидный господин, железнодорожник, и пригласил их пройти к нему в его служебное купэ попить чайку, на что они и согласились.

Во время беседы железнодорожник, присматриваясь к ним, сказал:

- Господа, я вижу, что вы не солдаты, почему и пригласил вас сюда. Вы офицеры и безусловно едете в отряд есаула Семенова, но имейте в виду, что в Красноярске и Иркутске имеются на станциях особые контрольные большевицкие пункты, где всех подозреваемых в том, что они офицеры, снимают с поездов и отправляют для допроса в город, в Чрезвычайку, и там уже подробно разбираются. Я думаю, что вы знаете, что это за учреждение, и что офицеру выйти оттуда на свободу очень трудно. Мой же совет вам такой: перемените маршрут. Вот, будет следующая остановка - слезайте с этого поезда и пересаживайтесь на поезд, идущий обратно. Доезжайте до станции Курган, которую мы уже проехали, и там оставайтесь до благоприятного, может быть, для вас времени. Город Курган тихий, и там вы спокойно поживете, осмотритесь, а потом видно будет, как обернутся события.

Наши собеседники переглянулись и решили последовать совету доброго человека. Так и сделали. При остановке поезда, поблагодарив за добрый совет своего нового знакомого, они сошли с поезда.

Небольшой, но сравнительно богатый город Курган незаметно принял приехавших. Советская власть себя здесь активно еще не проявляла, и, действительно, пока жилось спокойно, но с каждой неделей становилось заметнее, что в город прибывают небольшие отряды красной вооруженной силы, состоящей, главным образом, из матросов и латышей.

Население Кургана насторожилось и стало проявлять некоторое беспокойство, особенно после того, как Курганский совдеп обложил контрибуцией почти все состоятельное население города и национализировал все частные торговые предприятия, а через некоторое время начались и аресты. Стало неспокойно.

В конце марта 1918 года на ст.Курган прибыл первый эшелон чехов, которые вместе с красными пользовались железнодорожной станцией, телеграфом и подвижным составом. Прибытие чехов в Курган население встретило с тихой радостью. Оно думало, что в случае каких-либо репрессий со стороны красных чехи их защитят.

Офицерская тайная организация, куда с большим трудом удалось попасть Львову и Лебедеву, с появлением в Кургане чехов повела более активную работу по свержению красной власти в городе.

Руководители этой организации вошли в связь с чехами, дабы выяснить, какую позицию займут чехи по отношению к возможному восстанию антикоммунистов (белых) против советской власти и смогут ли они, чехи, чем-либо помочь восставшим.

Ответ белые получили очень для себя рискованный, а именно:чехи категорически отказались от помощи белым живой силой, но согласились дать 50 русских винтовок с 60-ью патронами на каждую, два легких пулемета "Люис" с десятью дисками на каждый (470 патронов) и 50 ручных гранат, но с условием, что если переворот удастся и чехи будут поставлены перед совершившимся фактом свержения советской власти, тогда они признают новую власть в Кургане; но если белые потерпят поражение от красных, тогда чехи совместно с красными приступят к разоружению белых.

Этот ответ чехов породил неуверенность и даже страх в некоторых членах офицерской организации - к счастью, в меньшинстве. Глава офицерской организации подполковник К-ов категорически отказался принять такие условия чехов и открыто выступать против красных, считая такое открытой выступление пока преждевременным и опасным.

Львов и Лебедев и еще несколько офицеров настойчиво требовали принять немедленно условия чехов, напоминая, что "промедление времени - смерти подобно есть".

Большинством членов организации было решено немедленно выступать против советской власти.

Несогласившихся членов организации, в числе девяти человек во главе с полковником К-вым, арестовали домашним арестом до того времени, когда восстание будет совершившимся фактом. После переворота они были выпущены и вступили в ряды вновь сформировавшегося добровольческого отряда в Кургане.

Выступление было намечено на ночь на 1 июня, но ввиду того, что чехи не смогли еще полностью выдать боевое "снабжение", пришлось восстание перенести на ночь на 3 июня.

Раннее утро 3-го июня 1918 года в г.Кургане огласилось ружейной стрельбой и тараторением пулеметов - это кучка добровольцев, белых повстанцев, в числе 120 человек, бросила вызов красным захватчикам.

Во главе этих храбрых добровольцев были Степан Лебедев и Никита Львов. Курган был взят в течение пяти часов. Пехотная рота в 100 штыков при двух уже тяжелых пулеметах "Максим", отнятых у красных, восьми легких "Люиса" с конным взводом в 30 коней - была вооруженной силой белых повстанцев.

Взяв Курган, через неделю белые повстанцы, организовав охрану города совместно с чехами, двинулись на другой город, Шадринск, что в 80-ти верст от Кургана и принадлежит уже к Пермской губернии. Город был взят у красных с боем, с захватом большого количества снаряжения и вооружения, а главное было в том, что по взятии Шадринска

местные добровольцы сформировали свой, Шадринский, повстанческий большой отряд силою около 400 штыков под командой энергичного боевого капитана Куренкова.

Курганские добровольцы стали именоваться Курганским добровольческим отрядом, и сила его по взятии Шадринска увеличилась до 200 человек пехоты и 50 конных.

Отдохнув пять дней в Шадринске, Курганцы двинулись на следующий город Далматов, находящийся в 45 верстах от Шадринска.

И этот город был взят Курганцами, но победа досталась дорогой и очень дорогой ценой. Почти половина отряда была выведена из строя убитыми и ранеными, ввиду того, что красные здесь имели артиллерию на двух броневиках, которая почти в упор расстреливала курганцев, наступавших со стороны монастыря и вокзальной площади. В этом бою был убит и начальник отряда ротмистр Лебедев.

Пехоту возглавлял боевой офицер шт.капитан Титов, а конный отряд принял Никита Львов.

Курганцы двигались дальше. Ст.Козел-Паклевская, Каменский завод, дер.Сухой Лог, Синарская, с.Ирбитские Вершины, ст.Кунара, д.Елкина - и уже почти доходили до большого села Егоршино, что на р.Пышме, но благодаря неустойчивости старшего начальника полк.Панкова взятые ранее пункты пришлось снова оставить красным и отступить до ст.Богданович.

К этому времени от Курганского отряда остались жалкие остатки, ибо этот боевой отряд при всех наступлениях всегда был головным.Что касается конного отряда ротмистра Львова, то тот закончил свое существование, как боевая единица, после взятия г.Алапаевска.

С остатками своего отряда ротмистр Никита Львов был переброшен на Южный фронт в период больших успехов Сибирской армии, которая двигалась быстро в центр России. В это время Никита Львов уже командовал кавалерийским дивизионом.

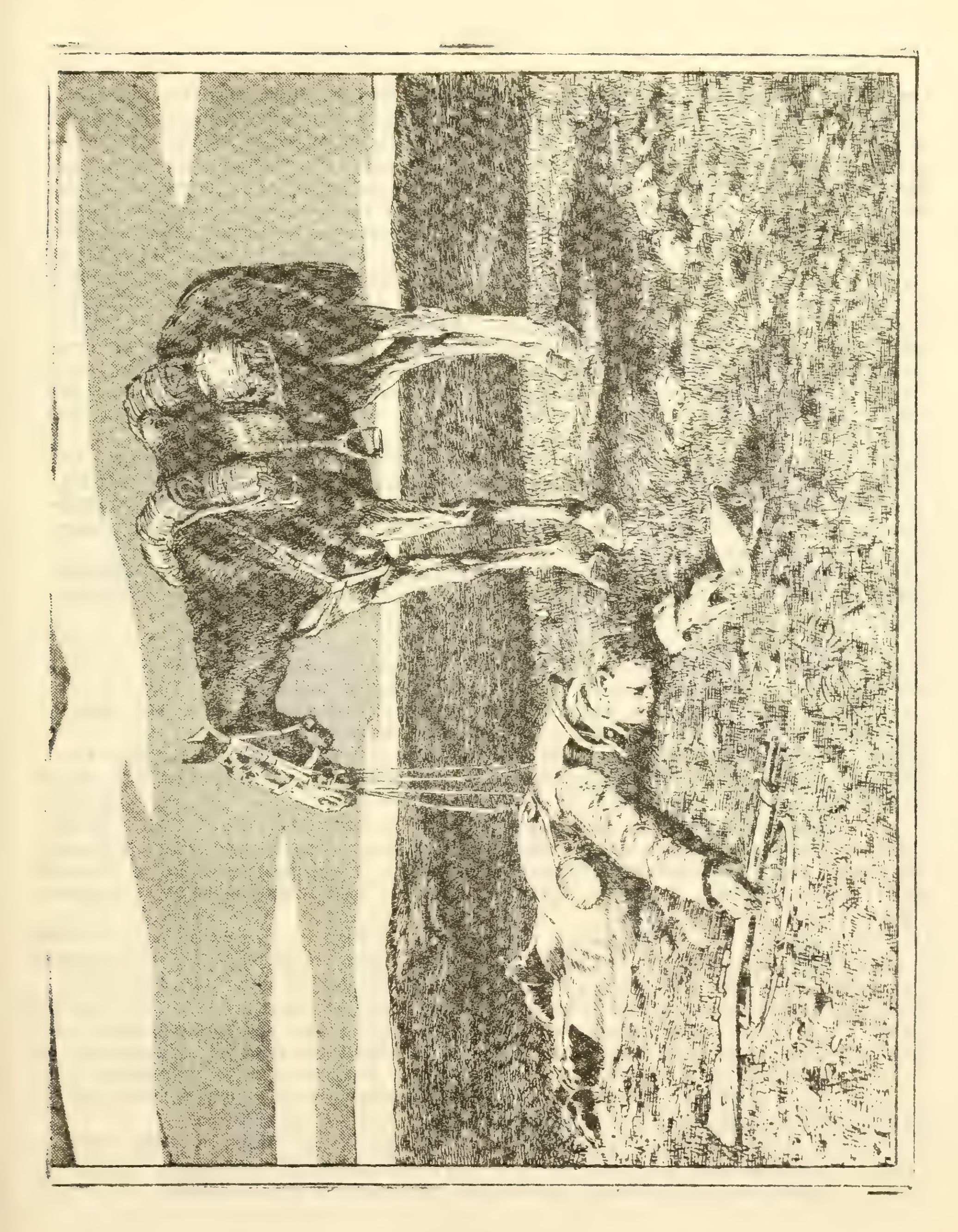
Южная армия белых войск, под командованием доблестного Атамана Дутова, наносила Красной армии удар за ударом, но вскоре была вынуждена прекратить свое продвижение вперед и двинуться назад, ибо обозначился общий отход на восток всей Сибирской армии, а посему был обнажен правый фланг, который и заставил Южную армию тоже отходить.

Красный генеральный штаб сумел разъединить Южную армию с Сибирской, с полным прекращением связи между ними. Южная белая армия, оперировавшая в районах, бедных железнодорожными путями, естественно, не могла согласовать свой отход с Сибирской армией, а потому осталась при отступлении далеко уступом впереди от отступающей на восток Сибирской армии.

Попытки Южной армии соединиться с Сибирской были безуспешны, ибо на главном пути предполагаемого соединения красными были уже заняты города Челябинск, Кустанай и Троицк.

Потеряв всякую надежду на соединение с Сибирской армией, Южная армия повернула свое направление на г.Верный, в надежде соединиться с частями атамана Анненкова, но и здесь потерпела неудачу, проиграв сражение у ст.Челкары, где обнаружилось наступление на белых Туркестанского советского корпуса.

Южная армия, опять переменив направление, двинулась к Аральскому морю в надежде соединиться с частями ген.Акулина у г.Гурьева, но время было упущено и оттуда двигались большие силы красных. Путей отступления не осталось. Видя такое безвыходное положение, при нали-

чии большой усталости, в армии начался развал. Появились какие-то юркие, горластые люди, уговаривавшие солдат и казаков никуда не двигаться, а ожидать прихода красных, которым и сдаться, а чтобы красные не были так суровы к казакам и солдатам, агитаторы предлагали, даже требовали арестовать всех офицеров, как виновников всего происшедшего. В это время Южная армия состояла из 8-ми казачьих полков Оренбургского войска и не казачьей 21-й пехотной Яицкой дивизии с малочисленными полками по 200-300 человек в полку (полки 81, 82, 83 и 84), плюс гусарский дивизион ротмистра Марсова, конный дивизион ротмистра Львова, каждый примерно по 100 сабель, и артиллерийский дивизион подполковника Гринева (4 легких трехдюймовых пушки). Вот такая воинская группа фактически была окружена красными с трех сторон, и лишь с восточной стороны никто не наступал и не угрожал, ибо с этой стороны зияла желтая "пасть" русской Сахары - голодной, безлюдной Тургайской степи, и вот сюда-то и были прижаты остатки Южной армии.

Оренбургские казаки, составлявшие три четверти этой армии, как аборигены этого края, прекрасно знали эту страшную площадь горячих песков и, конечно, не думали туда уходить. Но не казачьи части упомянутой выше 21-й дивизии предпочли лучше погибнуть в горячих песках, чем сдаться красным.

Стоял жаркий август 1919 года. 21-ая дивизия, перейдя границу сыпучих песков у последнего населенного пункта, маленького поселка "Казачий", была поглощена "русской Сахарой".

Через четыре дня путешествия по пескам, раскаляемым жарким августовским солнцем, пали все до одной лошади, не имея воды и корма, и, конечно, была брошена и артиллерия (взорвана).

Томимые голодом и жаждой люди брели, как тени, имея для еды примерно фунт муки и самое ограниченное количество воды.

На пятый день добрели до маленького киргизского поселка - городка Иргиз, где стоял охранный отряд Олашь-Орды, примерно 100 человек.

Усталые, голодные люди сделали здесь двухдневный привал. Запаслись водою, кто как и сколько мог ее набрать, а главное то, что начальник этой группы ген.Галкин (начальник дивизии ген.Гоппер был болен) распорядился закупить у киргизов 300 верблюдов, которые и были доставлены через два дня.

Не буду здесь описывать этот ужасный поход остатков Южной армии (примерно 1500 чел.) по горячим пескам бесплодной пустыни, продолжавшийся более двух месяцев. Этот поход мною уже давно был описан в газете "Наше Время" 26 марта 1960 г. с Сан-Франциско. Здесь буду краток. Из степи отряд вышел в Акмолинскую область, на г.Кокчетав, в числе 1200 человек. Здесь предполагалось начать переформирование, но этого сделать не удалось. Артиллерийская канонада на курганском направлении становилась все слышнее и слышнее - это отступающая Сибирская армия вела сильные арьергардные бои на реке Тоболе.

Вышедшие из степи остатки Южной армии были влиты в Сибирскую, как пополнение, и начали, не отдыхая, другой боевой поход, Ледяной, где горячие пески пустыни сменились трескучими сибирскими морозами.

- о -

В Сибирский поход ротмистр Львов выступил уже в должности командира кавалерийского полка, имея 400 всадников.

Омск, Алтай, Красноярск, Щеглов, Сибирская тайга, Нижне-Удинск, ст.Зима, Черемховские копи, "священный" Байкал, Верхне-Удинск (где ротмистр Львов был произведен в полковники), Чита, ст.Оловянная, Даурия и Борзя - были безмолвными свидетелями физических страданий и больших потерь живой силы Белой армии в кровопролитных боях с красными.

Эти колоссальные потери живой силы давали себя знать. Полки уставших былых бойцов доходили до 300 штыков, не имея возможности хотя бы частично пополнить эти ужасные потери.

Эта героическая белая армия, защищавшая родную землю от захвата коммунистами и прошедшая боевой путь от Волги до Манджурии, не отдала красному дьяволу свое знамя чести и веру в правоту своей с ним борьбы.

Прижатая к границе Китая, Белая армия, долго не размышляя, прошла через Китай в русское Приморье - последний кусочек земли когда-то великой России, сдав Китаю свое оружие.

Наличие в Приморье японских войск дало возможность пришедшей Белой армии отдохнуть более полугода. Утвердившаяся в Приморье "розовая" власть "товарища" Тобельсон-Краснощекова (Дальневосточная республика) быстро была ликвидирована безоружной Белой армией и перешла в руки Временного Национального правительства, которому снова удалось, хотя и частично, вооружить малым количеством винтовок безоружные части белых, пришедших в Приморье.

Снова заиграли трубы на учебных плацах: армия готовилась к расширению занятой территории, без оккупационных японских войск. Заманчивой целью был город Хабаровск.

Зимою 1921 года Белая армия повела общее наступление на север, на гор.Хабаровск, который и был взят белыми. Победа эта дала белым полное вооружение вплоть до артиллерии и бронепоездов, но и стоила опять больших жертв. В жесточайшие морозы под 50 градусов ниже нуля белые воины в резиновых галошах, рваных шинелях и полушубках, с недостаточным питанием, почти без медикаментов, с малочисленным составом в строевых частях, а главное - среди враждебно настроенного к белым местного населения - вели неравную борьбу с противником, имеющим неисчерпаемые запасы во всем.

Большая убыль в частях ранеными, убитыми, обмороженными и больными сделали боевые части настолько малочисленными, что пришлось отказаться от дальнейшей борьбы, покинув завоеванную территорию, и вернуться в исходное положение: в районы приморских городов - Спасска, Никольск-Уссурийского, Раздольного и Владивостока.

Белые воины, отдав Родине все, что могли, усталые, больные, обмороженные, израненые - покинули родную землю в конце октября 1922 года и опять безоружно ушли в Китай.

И так закончилась героическая борьба истинных сынов Национальной России, белых борцов, с интернациональными красными полчищами, захватившими всю Россию и поработившими русский народ, при полном попустительстве и даже помощи красным европейских союзников, которые не хотели понять, что Белые армии проливали реки своей крови не только за Россию, но и за союзников, даже за весь свободный мир.

И вот только теперь они, вероятно, поняли свои ошибки, которые они совершили, поддерживая коммунистов, и узнали цену русской крови в написанных и предъявленных им счетах.

- о -

Никите Львову было 25 лет, когда он с армией покинул родную землю и оказался в Харбине без всяких средств к существованию. Поиски какой-либо работы не увенчались успехом, уж слишком много в Харбин понаехало людей из России. Никита Львов, как человек большой физической силы, бывший спортсмен, молодой, здоровый, потеряв надежду на скорое получение какой-либо службы или работы, поступил в работавший в то время в Харбине цирк в качестве борца, что дало ему возможность безбедно прожить два месяца. Потом был грузчиком на лесопильном заводе Китайской Восточной железной дороги, а позднее полтора года работал кочегаром у одного местного коммерсанта.

Но все эти профессии были не по душе Никите Львову.

В конце 1924 года вспыхнула война в Китае. Воевал антикоммунистический Север против коммунистического Юга.

Правитель Северного Китая, маршал Чжан-Зо-Лин, решил сформировать у себя большой русский отряд всех родов войск: пехоту, артиллерию, кавалерию, инженерные части, бронепоезда и авиацию с русскими начальниками. Русский отряд возглавил доблестный русский генерал Нечаев К.П., лихой кавалерист Императорской армии.

Бросил свою работу Никита Львов. Собрал из бывших своих соратников 90 человек, которым он верил и которые ему верили, и с ними поехал в Китайскую армию к ген.Нечаеву.

Генерал, зная Никиту Львова по русской армии, охотно его принял с отрядом и назначил командиром дивизиона в формируемом конном полку в чине капитана китайской армии.

Начались строевые занятия русских солдат на китайской земле. Опять, как в России, красивые кавалерийские сигналы запели на учебных плацах, и звуки их таяли где-то далеко в горах этой "китайской Швейцарии".

Снова боевые походы, снова бои, снова победы и поражения - побед больше - и снова клинки русских кавалеристов окрасились вражеской кровью. В 1928 году кончилась и эта эпопея. Юг Китая, при явной поддержке некоторых европейских стран, из этой борьбы вышел победителем над Севером.

В результате такого положения, ненужными оказались в китайской армии русские штыки, сабли, пушки и т.п. Русский отряд, прошедший Китай от Мукдена до Шанхая, от Циндао до Калгана, был расформирован, и что же после него осталось там? 2000 могил русских офицеров и солдат, разбросанных по разным городам, деревням, горам и рисовым полям.

Никита Львов оказался в г.Тяньдзине, где находилась сравнительно большая русская колония. Здесь Львов устроился сравнительно хорошо - писал плакаты для одного кино-театра. Казалось, можно было както существовать. Но вдруг по городу поползли какие-то зловещие слухи о том, что всех бывших участников Русского отряда, воевавших на стороне убитого маршала Чжан-Зо-Лина, будут арестовывать и сажать в тюрьму.

Никита Львов, не долго думая, решил покинуть Тяньдзин и уехал в Шанхай.

Шанхай принял Никиту Львова неприветливо, сурово. Трудность найти сразу работу или службу, не зная английского языка, пугала Львова, и он стал посматривать в сторону наименьшего сопротивления, чтобы найти работу, и решил поступить в Русский охранный отряд (потом переименованный в русский полк) Шанхайского Международного Волонтерского Корпуса.

... Опять военная служба. Караулы, патрули, винтовки, пулеметы и участие в японо-китайском конфликте, войне в 1932 году, где Никита Львов был, как и некоторые другие, ранен ружейной пулей в плечо.

Никита Львов был сержантом.

Прослужил Львов в этой полу-русской, полу-английской (по организации) воинской части 8 лет и, наконец, сказал себе:

- Довольно, надо демобилизоваться!

Календарь показывал 1936 год.

И поступил Никита Львов на частную службу в Международное Сберегательное Общество в Шанхае.

Ал.Ленков.

- - оОо - -

x
x x

В наших жилах течет вековая
Захмелевшая буйная кровь,
И сродни нам печаль ветровая,
Да седая ковыльная новь.

Наши предки гнездовьями жили;
Быт веками ковали в глуши
И в скиты от монгол уходили
Для спасенья мятежной души.

Свет нездешний в глуши сокровенной
В немудреных теплился сердцах,
Где отшельники подвиг смиренный
Принимали в дремучих лесах.

Мы прияли весенние зори,
Рощи белых несмелых берез,
И лазурное южное море,
И на севере мшистый утес.

Закручинит нас доля лихая,
Заведется ль зазноба в груди -
Мы гоняем, тоску размыкая,
На коне, словно ветер в степи.

Дорога нам печаль роковая,
Как люба соболиная бровь,
В наших жилах течет вековая,
Захмелевшая буйная кровь.

Г.Пронин.

ВО 2-Й ФИНЛЯНДСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ (Июль 1915 г.)
(Пережитое)

Служба моя в должности старшего адъютанта 3-ей Финляндской Стрелковой дивизии кончалась. Со дня на день я ждал нового назначения во вновь формируемый где-то в тылу штаб 40-го Армейского корпуса.

Но меня ожидала совершенная неожиданность. Помнится, 11-го июля (1915 г.) утром начальник дивизии получил телеграмму о немедленном командировании меня в Тарнополь, для временного принятия Штаба 2-й Финляндской Стрелковой дивизии и для отправления с ним сегодня же на Северо-Западный фронт...

Через полчаса я выехал и в полдень, в Тарнополе, принял Штаб. Полки Дивизии уже грузились в Волочиске, откуда начиналась русская колея. Штаб, уже погруженный в вагоны западной колеи, только ожидал своего нового Начальника штаба (т.е. меня) и немедленно был отправлен в Волочиск, где перегрузился на русскую колею и начал свое движение на север уже по родной земле.

Перевозка нас на север была сверх-срочной, но куда именно и для чего - сведений не было. В дивизии и штабе ее не было никакого начальника: старый начальник дивизии (ген. ф.Нотбек) получил новое назначение и убыл, новый еще не был назначен; начальник штаба давно уже убыл к новому месту служения; его помощник, старший адъютант генерального штаба, также убыл; его заместитель, капитан Никитин, правда, как и я, уже прибыл, но это был офицер, окончивший Академию по 2-му разряду и потому нормально не имевший даже права на причисление к Генеральному Штабу, занимавший должность преподавателя Военного Училища. В то время, ввиду некомплекта офицеров генерального штаба, было разрешено прикомандировывать таких офицеров к штабам для месячного испытания их по службе генерального штаба, по истечении каковото срока Начальники штабов имели право представлять их к причислению к Генеральному Штабу. Он был огромного роста и казался мало подвижным и несколько ратерянным человеком. В штабе не было у меня ни одного знакомого человека.

В Волочиске к нам присоединился и новый начальник дивизии, но он оказался таким же, как я: это был полковник Калишевский, командир 4-го Финляндского Стрелкового полка (1-й Финл.Стр.дивизии), ожидавший производства в генералы и отправления на должность командира бригады какой-то далекой от нас дивизии.

Конечно, я, представляясь ему, просил его сообщить мне место и задачу нашей переброски. Но он так же ничего не знал, как и я: его также сорвали телеграммой с его места и посадили в поезд для "временного возглавления" увозящейся на север дивизии. Не знали этого, вероятно, и посылавшие нас - ген.Алексеев, в чье распоряжение мы перевозились, не разглашал своих намерений.

Всю дорогу до Вильны (постепенно выяснилось, что нас везут в Вильну) полк.Калишевский ждал телеграммы и предупреждал меня, что по получении ее он немедленно нас покинет. Везли нас двое суток, но телеграмма не приходила, и мы благополучно доехали, имея "начальника дивизии"...В Вильне он не успел выйти из вагона, как эту телеграмму ему вручили, и он тут же, в вагоне, со мной простился. Дивизия передавалась во временное командование старшему из командиров полков.

Таковым был Генерального штаба полковник Кельчевский, бывший мой преподаватель в Академии. Я был на старшем классе Академии даже в его партии по практическим занятиям по тактике. Но не успел я обрадоваться, что попадаю под команду своего профессора, как он мне сообщил, что и он жден с минуты на минуту телеграммы о производстве в генералы и отправлении к новому месту служения... Все же мы не только выгрузились в Вильне под его командованием, но на другой день (14 июля) отбыли всей дивизией на парад перед ген.ф.Веделем, в корпус которого (34-й) мы теперь входили, и затем совершили 75-километровый марш на р.Свенту в г.Вилькомир - место нашего назначения.

Там его уже ждала эта телеграмма, и... во главе дивизии стал командир 5-го Финл.Стр.полка, также ожидающий производства в генералы полковник Шиллинг (измайловец). Через два дня его сменил прибывший новый командир бригады нашей дивизии (2-й Финляндской), фамилию которого я забыл, а еще через два дня прибыл и новый начальник дивизии, ген.шт. генерал-майор Кублицкий-Пиотух. Еще через день прибыл, наконец, и вновь назначенный начальник штаба - ген.шт.подполковник Ш-о, - и я смог отправиться назад в Галицию. Между тем, последние 5 из перечисленных дней дивизия была уже в очень сложном и ответственном бою. И, как видит читатель, за эти 10 дней, исключительно трудных для управления дивизией, в ее штабе был всего один несменявшийся человек, и то совершенно чуждый этой дивизии и при том в чине капитана, вместо полагавшегося полковника (я говорю о себе).

Я подробно останавливаюсь на этом вопросе еще и потому, что такая перетасовка начальников была не случайной. То, что происходило во 2-й Финл.Стр.дивизии, в большей или меньшей степени происходило во всей действующей армии. Основных причин было, по-моему, две: прошел целый год войны (19 июля), и за этот год для многих полков создалась особо победная репутация. В то же время в армии открылось много вакансий на младшие генеральские должности (для генерал-майоров) - за убылью в боях, продвижением на высшие должности или, наоборот, за отчислением от должностей лиц, не вполне соответствующих. С другой стороны, к этому времени нам стало совершенно ясно, что Германия в эту кампанию 1915 года поставила себе задачей вывести Россию из строя или же ослабить ее настолько, чтобы немцы могли бросить все свои силы на свой западный фронт, без чего (т.е. ведя войну на два фронта), как стало ясно уже в конце 1914 года, победа для Германии невозможна. (После войны, в официальном описании Мировой войны германским генеральным штабом ("Дер Вельткриг") эта мысль, действительно, подробно изложена). Три огромных Германо-Австрийских операции (в феврале, мае и июне), хотя и стоили нам огромных потерь в людях и территории, но не повели к разгрому нашей армии: она сохранила полный порядок; и стали получаться несомненные доказательства, что противник готовится к четвертому, колоссальному наступлению "на востоке" - так сказать, к "генеральному сражению".

Весь этот "восток" со стороны Германии был подчинен фельдмаршалу ф.Гинденбургу; тот же фронт с Русской стороны (Северо-Западный) с 26 марта 1915 г.*) был передан в главнокомандование ген.Алексеева, в распоряжение которого за лето было передано все, что было возможно, с Юго-западного фронта ген.Иванова и из новых формирований. К концу июля (ст.ст.) в руках ген.Алексеева сосредоточено было не ме-

---

*) Деникин: "Путь русского офицера", стр.348.

нее 3/4 всех Российских вооруженных сил.

К этим переброскам из Галиции на север относится и описанная мною переброска 2-й Финляндской Стр.дивизии.

Вместе с тем шло спешное выдвижение опытных и твердых полковников на младшие генеральские должности (что, повидимому, делалось не по личным аттестациям производимых, а по победной славе тех полков, которыми эти полковники командовали). Может быть, этот порядок был практически правильным: сам ли полковник своими исключительными качествами добивался побед, или он "не мешал" делать это своим помощникам, по сути дела было безразлично: этого же можно было ожидать от него и на генеральской должности. Вредными же для дела оказывались те, кто и сам не был способен вести войска к победе, и другим не давал этого делать. А таких (увы!) было много. Основываться же на "аттестациях" - далеко не всегда приводило к правильным решениям, ибо.. "а судьи были кто?"... (Сравни: "Пережитое" 1914. Стр. 93-94).

Парад дивизии 14 июля сошел благополучно, но, как мне казалось, серовато: генерал ф.Ведель здоровался, благодарил, даже хвалил, но казался человеком "без эмоций", и, кроме того, неприятное впечатление производил его чисто-немецкий акцент... Больше мне не пришлось его видеть. Однако, мне не хотелось бы, чтобы у читателя "Пережитого" остался только такой "сероватый" отзыв об этом генерале. Позже (с октября) мне пришлось сослужить с командиром телеграфной роты капитаном Рутковским, и он мне рассказал следующее. Недели через три после описываемых событий штаб 34 Арм.кормуса стоял на жел.дороге в 3-4 станциях восточнее крепости Ковно, считавшейся крепостью 1-го класса, рассчитанной на долгую оборону. Это был день, когда германцы, впервые приблизившись к Ковно, помнится, под вечер, открыли по крепости огонь тяжелых батарей. До полуночи никаких серьезных донесений из Ковно не поступало. Около полуночи к Штабу Корпуса подошел какой-то поездной состав, из него вышел незнакомый генерал-от-кавалерии и вошел в телеграфную комнату штаба корпуса.

- Какие у вас сведения о Ковно? Держится ли еще крепость? - спросил он у дежурного офицера-телеграфиста. Последний вызвал командира роты, ночевавшего в соседней комнате. На его вопрос генерал себя назвал:

- Я комендант крепости Ковно, генерал Г.

Рутковский поспешил доложить командиру корпуса ген.ф.Веделю и вместе с ним вернулся на телеграф.

- Кто вы такой? - спросил Ведель.

- Я комендант крепости Ковно.

- Комендант крепости находится в крепости! А вас я арестую... Господа офицерыЭ Шашки вон! Отведите генерала в комендантское управление и прикажите содержать его под караулом!..

Генерал Г. был предан суду и, если я не ошибаюсь, приговорен к 10-летнему заключению в крепости.

- о -

Возвращаюсь к действиям 2-й Финляндской Стр.дивизии.

Обстановка, в которую попала наша дивизия, оказалась необычной: вся масса войск, подчиненных ген.Алексееву, была введена в дело по отражению третьего из германо-австрийских наступлений, о которых я упоминал. Главной задачей в эти дни для всегоСеверо-Западного фронта

было вывести из "Польского мешка" (т.е. Русской Польши) наши войска, отрезаемые там концентрическим ударом противника с Северо-запада, в общем направлении на Брест, и с юга, из Галиции, на тот же Брест. В эти дни предстояло неизбежное оставление нами Варшавы.

Все, что было возможно, было брошено к Бресту, чтобы помешать противнику приблизиться к нему и перерезать пути отхода наших войск. С направлений, где противник не проявлял активности, все наши силы были сняты. Так, 100-километровый промежуток между кр.Ковно и г.Поневежем был совершенно открыт, а между тем появились признаки заинтересованности германцев этим направлением: угадывая уже неудачу своих усилий отрезать русских в "Польском мешке", ф.Гинденбург начинал, как я уже говорил, подготовку к своему гигантскому четвертому наступлению.

И нам, в не только не обороняемый, но и не наблюдаемый с нашей стороны промежуток бросается 2-ая Финляндская Стр.дивизия. Ей приказывается выдвинуться на 75 км. на северо-запад от Вильны, за р.Свенту, в район г.Вилькомира (ныне - Укмерже).. Сколько мне помнится, мы выступили в тот же день, после парада.

При составлении мною оперативного приказа на этот марш, несмотря на то, что я в этих краях никогда не бывал, и карта, и обстановка мне показались знакомыми. Сначала я недоумевал, но скоро вспомнил: и задание дивизии, и обстановка задания почти совпадали с тем заданием, которое я получил когда-то (в окт. 1909 г.) от того же полковника Кельчевского в старшем классе Академии: как и теперь (в действительности) так и тогда (в учебной задаче) большие бои шли где-то много южнее Вильны, так же отдельно действующая дивизия бросалась из Вильны за реку Свенту навстречу противнику, о котором не было почти никаких сведений, так же на широком фронте впереди не было наших частей (ближайшими соседями в академической задаче указывались: слева - гарнизон кр.Ковно, справа - конница нашей "северной" армии, и даже не у Поневежа (как теперь), т.е. в 110 клм. от Вильны, а у Биржей (в 170 км.). Тогда, при разборе задачи, очень много говорилось о мерах разведки и охранения на марше и о связи с далекими соседями.

И я составил наш приказ почти тождественно с академическим. Вспомнил, между прочим, что для проверки действительного нахождения нашей конницы в Биржах и связи с нею в том приказе высылался "офицерский разъезд-зонд" со специальным заданием (как тогда рекомендовалось Уставом). Я включил то же самое и в свой нынешний проект, в виде посылки в район Поневежа упомянутого мною кап.Никитина с 6-ью казаками. "Вот ему, - подумал я, - и испытание по службе генерального штаба, чтобы я мог представить его к причислению к Генеральному Штабу".

При подписании полк.Кельчевский задумался и наконец сказал:

- Это что-то знакомое: неужели это - данная вам мною в Академии задача? - И без возражений подписал .

Это несколько анекдотическое совпадение академического задания с реальной обстановкой во время войны показывает, насколько жизненно было поставлено дело преподавания в Академии моих лет (1908-11).

Марш к Вилькомиру был совершен беспрепятственно. Мы успели занять город и западный берег Свенты, по которому пролегает шоссе Ковно-Двинск (часть главной шоссейной магистрали Варшава-Петроград) до появления здесь противника. Однако, по сведениям гражданских властей в Вилькомире, противник, приближавшийся с запада, был недалеко.

Из воспоминаний об этом марше я отмечу только два, в сущности, не военных обстоятельства. Во-первых, на первом же ночлеге казаки штабного конвоя, привыкнув в Галиции к теплым ночам и к бесцеремонному обращению с имуществом населения, развели ночью на своей коновязи костер, использовав, как материал для него, деревянный тарантас управляющего имением, где ночевал штаб, несмотря даже на то, что в нескольких десятках шагов оттуда находился целый штабель дров! Я на два дня лишился голоса от того "выговора", который сделал этой вольнице. Пришлось, кроме того, приказать старшему адъютанту, заведывавшему хозяйством штаба, уплатить управляющему стоимость тарантаса. Это было, кажется, единственное хозяйственное распоряжение, которое мне пришлось сделать за всю 1-ую Мировую войну.

Во-вторых, остался в памяти последний ночлег в "господском дворе" под Ширвинтом. Маленькое и скромное именьице, в котором, как в старину, проживала очень симпатичная старушка-полька. Ее фамилия оказалась та же, что и врем.командующего дивизией - Кельчевская. Встретились два представителя рода Кельчевских: он - сын оставшегося после польского восстания 1864 г. на службе России, она - потерявшая отца, участника восстания, в ссылке в Сибири. Они оба очень удивились своему неожиданному знакомству, но это не помешало замечательному радушию, с которым наш штаб был принят. В памяти осталась чудная садовая малина со сливками, которой угостила нас гостеприимная хозяйка.

Несколько иное впечатление ждало нас в Вилькомире: штаб расположился там на главной улице города, в доме местного адвоката, стоявшем запертым: хозяин в предвидении боев уже успел бежать вглубь России. В его приемной комнате мы, однако, нашли на большом картонном листе трогательное обращение на немецком языке к имеющим прибыть в Вилькомир будущим победителям. Хозяин выставлялся в нем человеком немецкого происхождения, горячо любящим Германию. Цель обращения - просьба к победителям беречь этот дом и обстановку. Случаю было угодно, чтобы я случайно встретился с этим адвокатом где-то в поезде (в России) уже во время революции. Узнав, что его случайный спутник бывал в Вилькомире, он рассказал мне о своем большом русском патриотизме и ненависти к немецким оккупантам. Я подтвердил последнее и процитировал на память вышеупомянутое обращение к победителям. Мой спутник почувствовал себя неуютно и поспешил скрыться.

Помнится, в самый вечер прибытия нашего в Вилькомир вернулся из своей командировки с разъездом в район Поневежа и кап.Никитин. Задание свое он выполнил отлично, разыскав выдвинутый к Поневежу разведывательный эскадрон 1-й Гвардейской Кавал.дивизии. Расстояние,по крайней мере, в 150 км., в условиях возможной встречи с противником, он прошел в трое суток. Конечно, уезжая через 6 дней обратно в Галицию, я оставил ходатайство о причислении его к Генеральному Штабу.

- o -

Сведения о противнике, полученные нами при занятии Вилькомира, сводились к тому, что какие-то части противника появились в селениях на трех дорогах, ведущих к Свенте с запада. Средняя из них шла к Вилькомиру, боковые - параллельно ей, в 10-15 км. южнее и севернее. О силах противника не было никаких данных. Имея заданием обеспечить владение нами Вилькомирским участком Петроградско-Варшавского шоссе, дивизия наша, перейдя Свенту, выдвинула по этим трем дорогам километ-

тров на 10-15 за шоссе по полку с батареей. Четвертый полк остался в дивизионном резерве в Вилькомире. (Отмечу, что стрелковые полки наши были в это время 3-батальонными, а батареи - 6-орудийными. При этом - батареи имели некоторое количество патронов, что было исключительно важно в грозном 1915 году).

Память не сохранила мне ни названий селений, ни имен, кроме тех, которые я уже упомянул. Я говорил в своем месте, что Финляндские стрелковые полки имели команды конных разведчиков по 100-150 коней. Думаю, что именно это обстоятельство дало нам возможность через пару дней уже выяснить, что против нас - германская конница, но в значительных силах, действующая наступательно и обнаруживающая себя почти исключительно в пешем строю. Ее поддерживала немногочисленная артиллерия, среди которой были, однако, и тяжелые батареи. Иначе говоря, мы в праве были заключить, что на фронте нашей дивизии противник ведет стратегическую разведку большими силами конницы. Приняв это во внимание, мы *) приняли несколько необычный образ действий: нам хотелось, чтобы противник думал, что на всем нашем фронте он встретил большие силы наступающей пехоты с большим числом батарей. Поэтому было указано, чтобы выдвигаемые навстречу коннице полки действовали, при появлении противника, наступательно, причем разворачивались бы каждый на фронте, отвечавшем не разворачиванию полка, а целой дивизии. Все трем батареям было приказано действовать по-взводно, т.е. обратиться каждой в три 2-орудийе батареи, но вести огонь, делая непременно по 6 выстрелов. Кроме того, полку резерва мобилизовать в Вилькомире и прилежащих деревнях все повозки с лошадьми и повозчиками, для спешной переброски пехоты с одного направления на другое.

Противник действовал именно так, как мы ожидали, и при том - не спеша и очень осторожно. Сначала его наступление обнаружилось на среднем направлении. Наш полк, имевший в авангарде один, но чрезвычайно широко развернувшийся батальон, к вечеру развернул вправо и влево свои остальные два батальона и на рассвете следующего дня, когда к нему подошли "главные силы", перешел в решительное наступление, поддержанное огнем пяти "батарей" (из правой и левой колонн за ночь подтянуто было, сколько помню, на среднее направление еще по 2 орудия). Противник "не принял удара"... И лишь тогда обнаружилось его наступление на южном направлении, и он, вероятно, обнаружил здесь у русских то же, что и на направлении на Вилькомир. Наконец, на 4-й день боя, 23 июля, более значительные силы противника, и более энергично, чем до сих пор, появились на фронте нашей правой колонны. Мы ответили также более энергично: к вечеру его наступление было задержано, а на рассвете 24-го на него обрушилось здесь все, что успело быть сюда подвезено - не менее 5-ти батальонов 3-х разных полков и 8 орудий, т.е. с тем, что здесь прежде было, германская конница увидала здесь перед собой 8 батальонов и 14 орудий, старавшихся изобразить из себя 2-дивизионный корпус при 7-ми батареях.

Днем 23-го, как я уже говорил, прибыл новый начальник дивизии, а ночью и новый начальник штаба. Я предложил им выехать рано утром со мною на место ожидавшегося боя. В 7-м часу утра мы все трое выехали на автомобиле к правому участку шедшего боя. Оставив машину,

---

*) Это "мы" надо понимать, как согласие сменявшихся "временно командующих" дивизией с предложением "вр.и.д." начальника штаба.

мы вышли на открытый холмик под лесом. Открылся вид на наступление на фронте 3-4 км. отдельными, вероятно, ротами. С разных направлений гремел наш огонь 6-орудийными очередями... Долго смотреть нам не удалось: не более, как через 5 минут, две германские бризантные гранаты с их характерным зеленым дымом разорвались шагах в 20 от нас. Итак, германцы обнаружили даже выезд группы русских "высших начальствующих лиц"...

Последние не стали дожидаться нахождения противником "артиллерийской вилки" и поспешили к своему автомобилю. Говорю это без всякого упрека, ибо пользы от нашего присутствия в бою не было никакой. А вот, что мы все отсутствовали из штаба в Вилькомире, это могло оказаться весьма нежелательным.

К 9 часам утра я сдал штаб дивизии подполковнику Ш-ко и откланялся ген.Кублицкому-Пиотух. Меня благодарили и, как бы в награду за мои труды на пользу 2-й дивизии, к предписанию отправиться к месту постоянного служения в 3-ю Финл.Стр.дивизию добавили предписание закупить, почему-то в Харькове, телефонные аппараты для штаба. Так водилось в те времена: я получал благодаря этому право заехать на пару дней в Харьков.

В десятом часу утра я покинул Вилькомир и на автомобиле, привезшем из Штаба корпуса подполковника Ш-о, направился в Вильну.

Как я потом узнал, бои у Вилькомира в тот же день закончились: противник отошел .

Я покинул фронт за рекой Свентой с сознанием удачно выполненной задачи, однако, не придавая этим боям никакого серьезного значения. Иные впечатления по новой моей должности во вновь формируемом штабе 4?-го Армейского корпуса заставили меня совершенно забыть эту мою 10-дневную командировку.

И только через 20 лет, будучи уже давно в эмиграции, я прочитал в позднейшем официальном германском многотомном описании 1-й Мировой войны ("Дер Вельткриг") несколько скудных строк об этих боях. Я их выписал, но, увы, выписки эти сгорели в Берлине вместе со всеми моими рукописями. И теперь, еще через 30 лет (в 1966 г.) мне приходится передать эти заключения неприятеля лишь по не совсем ясным воспоминаниям.

Оказывается, что против нас действовала германская 6-я Кавалерийская дивизия, имевшая задачей выяснить, какие силы имеются у Русских на этом направлении, так как именно здесь ген.Гинденбург предполагал произвести свой прорыв в начинающемся новом германском (4-м) наступлении. И начальник этой дивизии донес, что им обнаружено активное противодействие не менее, чем двух русских пехотных дивизий с многочисленной артиллерией. Имея же в виду русский обычай оставлять в резерве не менее 1/3 сил, следует предполагать, что у русских на данном направлении действует 3-дивизионный Армейский корпус.

Из дальнейшего изложения "Вельткрига" я вывел тогда заключение, что ген.Гинденбург перенес направление своего прорыва на более северный участок фронта, что потребовало отложения начала операции на 10 дней.

Полагаю, что эти "10 дней" были более, чем драгоценными для Русского Командования...

Б.Н.Сергеевский
Ген.Штаба Полковник.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ Л.П.СУКАЧЕВА.

(См."Вестник Первопоходника №№ 28, 30, 33, 35, 36, 37-38, 40, 43, 45, 47-48, 49, 50, 51-52 и 53-54)

У Н.Н. в кармане был драгоценный документ: письмо самого Черчиля, в котором Сэр Винстон давал распоряжение власть имущим англичанам оказывать ему, Н.Н., всевозможную помощь и содействие. Племянники Черчиля, по возвращении "домой", то есть в Англию после перемирия, попросили "великого дядюшку" прислать и_ приятелю Н.Н., на всякий случай, это письмо.

Н.Н. решил им воспользоваться, предъявив его в команду польских частей ген.Андерса, находившуюся в это время в Риме. Поляки выслушали Н.Н. внимательно и предложили ему поступить к ним на службу во "второй отдел" ("двуйка"), другими словами, заняться шпионажем. В ответ на решительный отказ Н.Н. принять этот пост, его арестовали,отобравши при этом письмо Черчиля. Н.Н. был отправлен немедленно в лагерь для "военных преступников" в Римини, которым заведывал молодой и бойкий капитан английской службы. Н.Н. хорошо говорил по английски, научившись этому языку у племянников Черчиля еще в Дахау. Поэтому ему было нетрудно объясняться с новым начальством, но, несмотря на все его протесты, письмо Сэра Винстона не было ему возвращено. Тогда Н.Н. написал опять в Лондон, но ответа не получил... Спустя некоторое время, поняв, что администрация лагеря не отослала его письма племянникам Сэра Винстона, Н.Н. явился к капитану и заявил ему, что он больше сидеть в лагере не намерен. Он поставил своему начальнику ультиматум, что если капитан его не отпустит на свободу в течение трех дней, то он убежит; на что последовал короткий ответ:

- Попробуйте! - и капитан рассмеялся...

Три дня спустя Н.Н. исчез из лагеря, причем не один, а "сам-шест", так пятеро других русских "ушли" или, вернее, "выехали" вместе с ним. Дело в том, что по инициативе опытного в такого рода предприятиях Н.Н. эти шесть человек забрались в шесть бочек с нечистотами, которые ежедневно вывозились из лагеря... Каким образом и в каком виде, оказавшись вне проволочных заграждений, они вылезли из бочек, Н.Н. не рассказывал, предоставив мне фантазировать на эту тему. Думаю, что ни сам Н.Н., ни его спутники, за время пребывания в бочках, не выросли так, как маленький царевич в "Сказке о царе Салтане" и вряд ли головами вышибли дно бочек...

После побега из Римини и благополучного освобождения из бочек, все шестеро добрались до Рима, уже знакомого Н.Н. Вся группа немедленно направилась в Чинэ-Читта. Н.Н. опять написал в Лондон и в кратчайший срок получил письмо, подписанное еще раз Винстоном Черчилем, с приказом всем военным властям оказывать ему помощь и содействие.

В Чинэ-Читта он узнал о моем существовании и о связях в полиции; пришел ко мне на дом и попросил устроить ему и его спутникам по путешествию Римини-Рим все нужные итальянские документы. Я немедленно провел всю группу к Коке в иностранный отдел "Квестуры", и все нужные бумаги были сразу же получены.

Что касается самого Н.Н., то я ему посоветовал пойти с Черчилевским письмом в Британское Военное Командование и обратиться там в отдел разведки (интеллидженса), главой которого был, как я знал, некий

майор Г., русский, начавший свою "карьеру" в Абиссинии. Попал он в Эфиопию еще в 20-х годах. После завоевания страны Италией там началось эфиопское партизанское движение, к которому примкнул Г..В первое время после занятия Аддис-Абебы войсками маршала Бадолио, император Гаилэ-Сэласиэ, окруженный оставшимися ему верными эфиопами, находился в горах Судана. Итальянская пресса, восхваляя победы фашистских войск, долго не переставала издеваться над несчастным Негусом Негести (королем королей), который, оставшись еще "императором" на горных вершинах Судана, отдал приказ непрерывно, день и ночь, бить в барабаны; как объясняли это итальянские журналисты - с целью оглушить итальянцев.

Из Судана, через Палестину, Гаилэ Сэласиэ пробрался в Англию, где он пробыл до мая 1941 года, когда вернулся на трон Эфиопии. Как все политические беженцы, будучи в изгнании, Негус пробовал влиять на британское правительство, прося об оказании помощи партизанам, сражавшимся против итальянских войск. Не знаю, подействовало ли красноречие черного императора или англичане решили оказать помощь абиссинцам по другим причинам, но так или иначе, в Эфиопию полетел военный аэроплан, с которого спустился на парашюте старый английский полковник, который и взял в свои руки командование абиссинскими партизанами. Повидимому Г., за годы пребывания в стране Негуса Негести, почувствовал себя эфиопским патриотом, так как сделался деятельным помощником английского "атамана" эфиопских партизан. После возвращения Негуса британское командование оставило Г. в Абиссинии, и только после занятия союзниками Вечного Города он был переведен, уже в чине английского майора, в Союзную Контрольную Комиссию в Риме.

Итак, Н.Н. явился к Г., показал ему письмо Черчиля и попросил его устроить на какую-нибудь работу. Г. сказал, что ему как раз нужен инспектор британских лагерей для военных преступников и что он, Г., предлагает ему эту должность, причем хотел бы, чтобы Н.Н. начал свою службу с поездки в Римини, в качестве ревизора находящегося там (и хорошо знакомого Н.Н.) лагеря...

Не трудно себе представить, с каким наслаждением Н.Н. принял предложение Г. и с каким рвением приступил к исполнению своих новых служебных обязанностей. На следующий же день после разговора в Союзной Контрольной Комиссии английский военный "джип", с сидевшим за рулем воином "на службе Его Величества", подкатил к главному входу лагеря в Римини. Сидевший рядом с шофером Н.Н. велел караульному доложить начальнику лагеря о своем прибытии и, не назвавши своей фамилии, добавил только, что дело спешное и что он, мол, ревизор, посланный (не из Санкт-Петербурга, а) из Рима...

Н.Н. провели немедленно в кабинет того самого капитана, от которого всего две недели тому назад он бежал в бочке с нечистотами... При виде Н.Н. капитан начал кричать: "Я вас арестую немедленно..." Тогда бывший узник Риминского лагеря спокойно приблизил к глазам рассвирепевшего капитана приказ, подписанный начальником Контрольной Комиссии, о назначении Н.Н. инспектором британских лагерей военных преступников. Последовала "немая сцена", несколько напоминающая (конечно, с поправкой на место действия и эпоху) конец последнего действия Гоголевского "Ревизора"...

Итак, наведя порядки в Римини и в некоторых других лагерях, Н.Н. вернулся в Рим, и мы стали с ним часто встречаться, главным образом в связи с оказанием помощи русским беженцам из разных лагерей,

где им грозила выдача Советам. В это время политическое положение в Италии было очень тревожное. Коммунисты крепли и, стараясь захватить власть в свои руки, сеяли раздоры, поощряли преступность и всячески содействовали всяким беспорядкам. Союзные войска не были в состоянии успешно бороться с жульничеством, воровством и даже убийствами, которые распространились всюду в Италии с уходом немецких войск. Так, например, на следующий день после "освобождения" Рима, шеф английской военной полиции (М.Р.), ночью прибывший в предместье Вечного Города из Неаполя, заметил на дороге лежащий труп какого-то штатского. Он велел шоферу и сопровождавшему его сержанту положить покойника в свой джип, после чего подъехал к ближайшей военной полицейской станции. Втроем они вошли в помещение этой станции, чтобы попытаться выяснить, кто был убитый, оставивши труп в машине. Вернувшись в джип через несколько минут, покойника в нем не нашли. Полиция принялась за поиски и очень скоро, в нескольких метрах расстояния от станции, нашла совершенно голое тело...

Итак, начавшаяся сразу после ухода немцев преступность продолжалась, и коммунисты старались еще раздувать факты убийств, грабежей, объясняя их нищетой населения и, как всегда, обещая в случае своей победы дать "пролетариату" золотые горы... В результате, с заходом солнца население Рима боялось выходить на улицу. Помню, я как-то возвращался домой по совершенно пустынному месту. Был я в штатском, и при мне не было оружия. Увидев карабиньера, шедшего в том же направлении по противоположной стороне улицы, я решил, что "уютнее" нам было бы идти вместе, и перешел улицу. При виде этого вооруженный карабиньер ускорил шаг. Я - за ним; но, к моему удивлению, я увидел, что храбрый блюститель порядка бросился от меня бежать...

Запуганы были не только карабиньеры, но страх коммунистов и грабежей распространился всюду. Впрочем, как мне пришлось убедиться несколько позже, и в самой Квестуре, не без основания, боялись все более и более бушевавшей толпы. Как-то раз, когда я с Н.Н. зашли по нашим обычным делам в иностранный отдел полиции, Кока попросил меня пройти в кабинет главного начальника Квестуры. Настроение было тревожное: с минуты на минуту ждали коммунистического переворота, подготовляемого Таллиати. По улицам города ходили толпы демонстрантов с портретами Ленина и пением "Интернационала" - картина знакомая.

Главный шеф полиции объяснил мне, что, по только что полученным им сведениям, ближайшая цель коммунистов была - захват Квестуры и что штурм здания, в котором мы находились, мог начаться в любой момент. Мне было предложено немедленно организовать оборону.

Я назначил Н.Н. защищать подвальный этаж, находившийся на высоте тротуара, а сам занялся подготовкой обороны остальных этажей. Оружия было много, и я имел в своем распоряжении полный штат полицейских и чиновников. Однако, защищаться не пришлось, так как бушующая толпа прошла по параллельной улице, удовлетворившись прокоммунистическими выкрикиваниями и угрозами по адресу членов королевского дома Савоев...

Вскоре после этого инцидента в Квестуре я переехал на юг Франции, но часто по делам возвращался в Рим. Положение в Италии еще долго оставалось очень тревожным, и влияние коммунистов не ослабевало.

В мой последний приезд в Рим я заболел и лег в госпиталь. Это было как раз перед плебисцитом, который должен был решить, останется ли Италия королевством или будет объявлена республика...

КОРОЛЬ УМБЕРТО С СЫНОМ

Король Умберто, в пользу которого отрекся от престола Виктор-Эммануил 3-й, был очень популярен, но коммунисты тоже пользовались большим влиянием и были к тому же хорошо вооружены. "Партито Итальяно Коммунисто" объявило, что если Италия останется монархией, то они выступят открыто и произведут большевистский переворот. Армии итальянской в этот момент почти не было, американцы (оккупационные войска Соед.Штатов еще находились в стране) были открыто против монархии. (Любопытно, что Америка, которая всюду противилась восстановлению монархического строя, признавала, до самой его смерти, только Ахмета Зогу и не имела дипломатических сношений с коммунистической Албанией). Чтобы не дать коммунистам большинства (в Италии в это время было 132 политических партии), говорили, что даже Ватикан посо-

ветовал всем членам и сочувствующим "акционэ католика" голосовать за республику.

Однако, в эпоху, предшествовавшую плебисциту, я был настолько болен - у меня была тяжелая форма воспаления легких - что я мало интересовался исходом народного голосования. Помню только, что доктор, лечивший меня, был коммунистом. У моей госпитальной койки стоял столик с радио с наушниками, которыми я как раз пользовался, когда в палату вошел врач-коммунист. Он знал, что в это время по радио говорил Толиати и, даже не поинтересовавшись состоянием моего здоровья, отобрал у меня наушники, стал смирно и не двинулся во время всей речи коммунистического вождя. Когда Тольяти закончил свое обращение к итальянскому народу, в котором он между прочим сказал, что когда придет к власти, то расстреляет в первую очередь всех журналистов, писавших против него, доктор смог только произнести: "Какой великий человек!"

Несмотря на то, что лечивший меня врач был коммунистом, я все же выздоровел и вернулся во Францию, где временно поселился на юге, в нескольких километрах от Канн. Н.Н. некоторое время жил там у меня и, по личному приглашению сэра Винстона Черчиля, два раза ездил в Англию. Потом он переехал в Париж, где было легче найти работу, чем на Ривьере. Насколько он был талантлив и способен, видно из того, что вскоре он выдержал экзамен (очень трудный и требующий основательного знания истории искусств и французского языка), чтобы стать гидом музея Лувра. Уже после моего отъезда в Америку, в 1949 году, Н.Н. женился и переехал в Германию, и моя связь с ним прекратилась.

Л.П.Сукачев
(Продолжение следует)

- - oOo - -

КАЛЕНДАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ.

ИЮНЬ

1891 - Закладка Великой Сибирской жел.дороги
1864 - Покорение Западного Кавказа.
1672 - Рождение Петра Великого
1917 - Смерть Вел.Князя Константина Константиновича.
1788 - Взятие Очакова.
1790 - Победа Суворова при Требии.
1811 - Победа при Рущуке.
1918 - Ген. С.Л.Марков был смертельно ранен 12 июня при взятии станицы Шаблиевки

ИЮЛЬ

1855 - Смерть Адмирала Нахимова.
1709 - Полтавский бой.
1918 - Екатеринбургское злодеяние. Убийство Царской Семьи. 16н.ст. июля 1918 г.
1552 - Завоевание Казанского Царства.
1240 - Ледовое побоище - битва Александра Невского со шведами.

- - oOo - -

А.П.Греков.

ВОСЕМЬ ЛЕТ В ССЫЛКЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

Судьба дала мне возможность увидеть собственными глазами ход государственной и народной жизни в Советском Союзе. В 1948 г. я был арестован в Вене советскими представителями и увезен в Союз, где меня продержали больше восьми лет в разных концлагерях. Конечно, в тюрьмах и лагерях нельзя было наблюдать за всем, происходившим в стране, так, как находясь на свободе, но за все мое пребывание там лагери были настолько переполнены представителями всех слоев населения и всех народностей Союза, и эти массы так непрерывно пополнялись, что общение с ними можно в основном считать общением с самим народом. Непосредственное же соприкосновение со свободным народом, хотя короткое и ограниченное, со своей стороны до некоторой степени пополнило впечатления и наблюдения во время заключения.

Мои воспоминания написаны в биографически-хронологическом порядке, и я привожу только то, что я сам лично видел и пережил. Это не теоретический трактат и не полемическая статья, а перечень подлинных фактов и характерных явлений, которые говорят сами за себя.

Когда 20 сентября 1948 г., в Вене, я попал в руки советской контр-разведки, меня увезли в главную квартиру советских оккупационных войск в Австрии, которая находилась в Бадене, курорте в 26 километрах от Вены. Там меня привели в комнату для подследственных арестантов и оставили под надзором вооруженного солдата. К полуночи пришел майор и приказал мне до рассвета написать мою биографию. Около восьми часов утра он пришел опять и, прочитав то, что я написал, заявил мне, что ему поручено произвести следствие относительно моей антисоветской деятельности и что по приказу советского прокурора я остаюсь под арестом.

Я был очень удивлен, что лишь теперь, в 1948 г., когда мне было уже почти 73 года, начинается следствие по поводу моей работы на Украине в 1917-1919гг., тем более, что я уже стал австрийским подданным. Но эти мои замечания следователя не интересовали, и допрос продолжался почти до вечера, причем еды мне никакой не дали. Вечером следователь лично отвел меня в дом напротив, где была тюрьма, и передал фельдфебелю, который основательно обыскал меня, взял все,что было в карманах, отрезал все пуговицы и, по приказанию следователя, повел меня в одиночную камеру № 1. Мы пошли в подвал, открылась тяжелая железная дверь, и я очутился один в довольно большой, совершенно пустой комнате с бетонным полом, покрытым на несколько сантиметров водой; с потолка медленно и непрерывно капала вода. Хотя я был очень утомлен допросом и уже второй день ничего не ел, я решил всю ночь ходить взад и вперед, так как нигде не было сухого места, где можно было бы сесть или лечь. Но этот план мне не удался; как только раздался отбой - сигнал ложиться спать - в двери открылось маленькое окошечко и тюремщик грубо приказал мне лечь. - Да где же мне лечь? - спросил я. - Там, где стоишь, - с хохотом ответил тюремщик. - Дай мне хоть соломы под голову, - попросил я. - А ты подложи свою шляпу, а теперь довольно разговаривать.

Таким образом, я провел вторую ночь под арестом, лежа в воде, подложив локоть под голову и без сна. Утром меня повели к следователю, который старался заставить меня признаться в планах и данных, которые мне были совершенно неизвестны; очевидно, он хотел найти

еще какие-нибудь причины для обоснования моего ареста, кроме моей деятельности 30 лет тому назад, что ему не удалось. На этот раз допрос кончился в полдень, и мне после двух дней без еды дали наконец котелок супу и кусок хлеба. Затем меня отвели в другую одиночную камеру, также совершенно пустую, но без воды и с деревянным полом, окно было без стекол, но с толстой решеткой. На следующий день был опять допрос, и так каждый день до 6-го декабря. Я должен сказать, что методы моего допроса не носили физически насильственного характера, в отличие от методов следователей, о которых мне позже рассказывали другие заключенные и о которых свидетельствовали синяки, открытые раны и поломанные кости. Застенков, о которых многие говорили, я не видел.

Через несколько дней в мою камеру привели других арестантов, и под конец нас было шесть человек в таком маленьком помещении, что ночью мы могли лежать на полу только плотно один рядом с другим. За все время заключения в Бадене, с сентября по декабрь, нас ни разу не вывели на свежий воздух, и поэтому окно без стекла было даже приятно, пока не наступили холода. Мы также ни разу не могли сменить белье или одежду. Как я был одет при аресте, по летнему, так меня и повезли дальше. В те дни, когда была баня, наше белье и одежду брали уже утром для дезинфекции, и мы иногда должны были сидеть до полудня в костюме Адама, дожидаясь нашей очереди, а затем нас вели по длинному коридору в подвал, где было нечто вроде бани, и разрешали помыться 15 минут.

5-го материала мой следователь сообщил мне, что допросы не дали материала, чтобы предать меня военному суду, и что для дальнейшего следствия я буду отправлен в Киев. Меня посадили в "черного ворона" и отвезли в местечко Нейнкирхен, в 60 километрах от Вены, где составлялись этапы для отправки в Союз. Через нечколько дней я был присоединен к транспорту арестантов, который шел через Будапешт,Чап и Стрый на Львов.

До Чапа мы ехали в итальянских вагонах, которые были внутри разделены проволочной сеткой на три части: в середине находились четыре вооруженных солдата, а место для арестантов было с каждой стороны разделено нарами, так что нас там помещалось по десять человек внизу и по десять наверху; можно было только сидеть, а ночью лежать, вставать и говорить запрещалось. Лежать надо было лицом к часовым, а для того, чтобы повернуться на другой бок, надо было спрашивать разрешение. Еда состояла из хлеба и селедок. В вагоне было очень холодно, а мне при выезде выдали только совсем старую шинель; в пути я отморозил себе ноги. Во время бессонных ночей я прислушивался к разговорам часовых; эти солдаты ничего не имели общего с прежним, так хорошо мне знакомым типом солдата, у них не только были совсем другие интересы и заботы, но и язык их был совсем иной и совершенно бессмысленно переполнен ругательствами и непристойными выражениями. Можно было подумать, что это случайно в этой маленькой группе, но позже в лагерях и в поездах я наблюдал тот же грубый язык, даже среди детей.

Таким образом мы ехали целую неделю до Чапа, где нас пересадили в русские вагоны для перевозки скота. В нашем вагоне было 80 человек, но не было надзирателей и можно было себя чувствовать несколько свободнее, хотя и производились постоянные поверки.

Через Карпаты мы ехали только днем, а ночью стояли на станциях, так как в то время на Украине шла повстанческая борьба и бывали случаи, что повстанческие организации нападали на поезда и освобождали арестантов. Ночью поезда были окружены солдатами, которые все время стреляли для отпугивания предполагаемых нападающих.

Во Львове наш этап был размещен по баракам, уже переполненным пленными и так называемыми "добровольными переселенцами". Это были семьи, члены которых находились в ссылке, и "добровольно" выбранные ими места для переселения были или степи Казахстана, или Сибирь. В бараках были также молодые парни, частью почти еще дети, которые "добровольно" ехали из Венгрии на работу в шахты Донбасса.

Через несколько дней наш этап был сформирован и направлен дальше на Киев, куда мы приехали через 36 часов. Там нас посадили в "черных воронов" и начали развозить по тюрьмам. Меня высадили в так называемой внутренней тюрьме МВД на улице Короленко и отвели в одиночную камеру в подвале. Дневной свет туда не проникал, но зато день и ночь горела сильная электрическая лампа, и кровать была нарочно поставлена так, чтобы этот сильный свет был в лицо спящему, руки надо было оставлять поверх одеяла, несмотря на сильный холод. Режим был очень суровый, кругом была абсолютная тишина, тюремщики говорили только шопотом и каждые пять минут заглядывали в оконце в двери. Днем можно было сидеть, но прислоняться к стене запрещалось, ходить же по камере я не мог из-за больных, отмороженных ног и поэтому должен был сидеть, как статуя, на кровати. Там меня подержали около двух недель, в так называемом карантине, тюремный врач приходил каждый день лечить мои ноги.

Затем меня перевели в другую камеру, где уже было два арестанта. Каждую ночь нас вели на допрос. После отбоя, когда мы только что собирались спать, открывалась дверь, шопотом произносилась первая буква фамилии, надо было наскоро одеваться и по команде вооруженного солдата идти к следователю.

Также и мой следователь в Киеве не применял ко мне никаких физически насильственных действий; у него был другой метод: в течение целых месяцев он почти каждую ночь заставлял меня сидеть в своей канцелярии до пяти часов утра, при этом он часто совсем мной не занимался, читал газеты, принимал подчиненных и т.д. В конце концов я так ослабел от недостатка сна, что почти не мог ходить. Тогда следователь разрешил мне спать два часа днем, но это было больше теоретически, так как часто в это время нас вели на "прогулку": для этого был специальный двор, окруженный высокими стенами по которому надо было молча ходить один за другим, наверху был помост, на котором стоял вооруженный тюремщик. Во время бесконечного сидения по ночам в канцелярии моего следователя я мог убедиться, что с другими так "хорошо" не обращались, как со мной; из других помещений часто слышались крики и стоны, иногда женских голосов, мои товарищи по заключению много раз возвращались с допросов с синяками на лице, а один из них совершенно потерял слух от ударов по голове. В противоположность следователям тюремный персонал держал себя корректно, врачи были объективны и даже любезны. Продовольствие было много лучше, чем в Баденской тюрьме, и даже было удовольствие, а именно - пользование прекрасной тюремной библиотекой, в которой даже было несколько библиографических редкостей.

В нашей камере нам случайно удалось узнать интересную статистическую цифру: один из арестантов демонстративно не исполнил приказаний тюремщика, тот пожаловался начальству, и к нам в камеру пришел полковник. В большом волнении он начал выкрикивать угрозы и, между прочим, заявил нам: "Не думайте, что мы не сможем укротить вас, у нас таких, как вы, тридцать миллионов в лагерях, и мы находим средства держать их в очень спокойном состоянии". Такое замечание официального и хорошо осведомленного лица заставляет много подумать на тему гуманности.

Несмотря на все свои старания, мой следователь не мог найти никакого материала против меня, кроме моей деятельности на Украине в 1917-1919 гг.; мое дело было отправлено в Москву. По прекращении допросов я несколько оправился, мои товарищи по заключению все время менялись - одних предавали военному суду, других отправляли на сборный пункт этапов в Сибирь, а освободившиеся места быстро пополнялись новыми арестантами. Скоро и меня отправили на сборный пункт в Лукьяновку. Там я попал в большую камеру, где было больше тридцати человек, главным образом евреи из интеллигентных профессий. Они уже раз отбыли наказания, были освобождены и опять арестованы по тому же самому обвинению. Позже я встречал в лагерях много таких арестантов, приговоренных второй раз за то же самое "преступление". В лагерях также много было людей, которые действительно добровольно вернулись на родину, поверив перспективам и обещаниям, которыми их заманили. Их или арестовывали сейчас же по вступлении на советскую территорию, или оставляли на свободе, а затем через год или позже все равно арестовывали, обвиняя их под каким-нибудь предлогом в шпионаже. Среди бесчисленного количества таких "преступников" я видел разных инородцев, которые ни слова не знали по-русски, много китайцев из Манджурии, бежавших при наступлении туда японцев и обвиняемых в шпионаже для японских военных властей, эскимосов, тувинцев - о сих последних я раньше даже не знал. Всех их осуждали на судебном процессе, проводимом весьма быстро и только для виду, иногда даже допускался официальный защитник, но его речь скорее была обвинением, чем защитой.

В Лукьяновке режим был несколько легче, можно было в любое время спать и разговаривать друг с другом. 17 июля 1949 г. меня неожиданно повели в канцелярию тюрьмы; находящийся там подполковник дал мне маленькую бумажку и приказал прочитать и подписать. Это был приговор ОСО, так называемого Особого Совещания, коллегии из трех лиц, уполномоченных московскими властями назначать наказания без суда, которые никто не имел права изменять: решения ОСО были безапелляционны. Приговор был на 25 лет заключения в ИТЛ, т.е. в исправительно-трудовых лагерях, за что - не было обозначено ни одним словом, а в рубрике "гражданство" вместо австрийского стояло "бесподданный". В моем 73-летнем возрасте это был просто смертный приговор; на мое замечание, что в отношении подданства графа заполнена неправильно, подполковник резко ответил, что ОСО не ошибается. Мне не оставалось ничего более, как поблагодарить за то, что мне приказывают дожить до ста лет. На это подполковник уже добродушно решил меня утешить и сказал: "Да вы не беспокойтесь, приговор не имеет для вас практического значения, больше пяти лет вы все равно в лагерях не выдержите".

Обогащенный этими новыми сведениями о жизни в Советском Союзе, я в мрачном настроении вернулся в мою камеру. Теперь я уже был осуж-

денный преступник, без прав, без надежды, даже мое австрийское подданство было совершенно беззаконно от меня отнято; несмотря на то, что в Австрии было всеми признанное правительство. Мне только оставалось ждать этапа в ссылку.

В августе меня отправили в Москву на сборный пункт для этапов "Красная Пресня". Этапы составлялись там быстро и секретно. Ночью, как всегда в Союзе, нас вызвали по фамилиям, вывели в коридор тюрьмы, солдаты азиатского типа заставили нас совершенно раздеться и начали обыскивать, выкидывая на пол содержимое наших мешков и чемоданов. Затем, приказав нам как можно скорее все уложить, нас вывели на тюремный двор и оставили там стоять до утра. Рано утром нас еще несколько раз пересчитали и повели к вагонам (ветка железной дороги была проведена до тюрьмы); по обеим сторонам стояли шпалеры солдат с автоматами наготове и с большим количеством собак на привязи. Позади солдат стояла толпа любопытных, которые провожали нас криками: "Фашисты, враги народа, лакеи капиталистов" и т.д. С этими напутствиями нас погрузили в вагоны для скота, по 80 до 100 человек в каждый, и дальше все пошло, как обычно, включая постоянные поверки. Куда нас везли, нам не было сказано, но иногда в щели вагона мы видели названия станций и знали, что мы по дороге в Сибирь.

Езда тянулась более трех недель и, наконец, нас привезли в новооснованный маленький город Тайшет, находящийся приблизительно в середине между Красноярском и Иркутском на сибирской магистрали Москва - Владивосток. От станции до лагеря мы должны были идти пешком около 5 километров. Конвой принял нас от железнодорожной охраны, и тут мы в первый раз услыхали команду, которую потом слышали каждый день: "Становись по пяти, берись за руки, шаг в сторону - стреляю без предупреждения".

Тайшет был главным сборным пунктом для этапов в так называемые спецлагеря с особенно суровым режимом. Несколько сот лагерей вдоль железной дороги Тайшет - Лена относились к этой категории и подчинялись центральному управлению в Тайшете. Хотя в приговоре ОСО было обозначено, что я - заключенный в исправительно-трудовых лагерях, где порядок был совсем другой, чем в особых закрытых режимных лагерях тайшетского района, меня оставили в Тайшете.

Так как в то время ссылка в Сибирь шла очень напряженным ходом и поезд за поездом день и ночь подвозили на сибирскую магистраль все новые и новые контингенты арестантов, тайшетский сборный лагерь был переполнен. Наш этап поместили в столовой, и я спал на столе, а большая часть людей лежала на грязном полу. Там я пробыл больше двух месяцев; наступила осень, и нас посылали бригадами по 25-30 человек, как даровых рабочих, копать картофель на полях, а при возвращении в лагерь вечером обыскивали и отнимали каждую найденную картошку. Пока стояла хорошая погода, было не так плохо работать, а когда начались дожди, стало тяжело. Хотя нас перевели из столовой в барак, но печей не топили, одеял у нас не было, и наша одежда служила нам и одеялом, и матрацом, и подушкой; приходилось не только спать во всем мокром, но и утром выходить в таком виде снова на работу. Люди начали хворать. Вскоре меня перевели на заготовку топлива; в моем возрасте и после долгих месяцев тюрьмы и этапов это была очень тяжелая работа.

А.П.Греков

(Продолжение следует)

ОТ РЕДАКЦИИ.

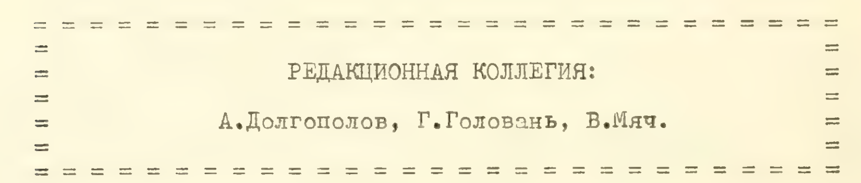
Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками,редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год - $ 5.00, на 6 месяцев - $3.00
Цена отдельного выпуска - 50¢.

Адрес Редакции: 1624½ Echo Park Ave., Los Angeles, Calif. 90026

- - oOo - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $ 2.10

Желающие приобрести Знак могут обратиться к председателю правления В.П.Мяч по адресу Редакции.

- o -

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 57/58.

- - oOo - -

Ежемесячный антикоммунистический
общественно-политический и литературно-художественный журнал

" Р О Д Н Ы Е   Д А Л И "

Издатель А.Ф.Долгополов.
Редакционная коллегия: А.Ф.Долгополов, С.В.Корсунец
и Р.С.Тер-Погосиан.

Подписка принимается по адресу: 1117 No.Berendo St.
Los Angeles, California, 90029, U.S.A.

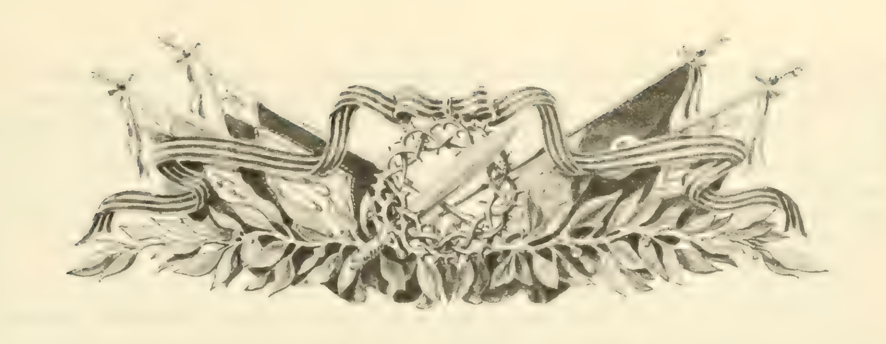
Подписная плата на год (12 выпусков) - $ 5.00

Чеки выписывать на имя RODNIYE DALI.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому
походу и истории Белых армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Monthly Magazine of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
1624½ Echo Park Ave., Los Angeles, California, 90026.
Phone: 629-8208.

6-й год издания № 59-60 Август-Сентябрь 1966 г.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

"Осталось теперь вас немного -
С терновым мечем на груди..."
. . . .
"Когда ж возродится Россия,
Воскреснет ваш подвиг опять -
И в школах восторженно дети
В стихах будут вас вспоминать..."
Д-р И.Гончаров.

"5"

Это было напечатано пять лет тому назад на первых страницах нашего журнала. Твердый шаг Первопоходника подошел к своему первому юбилею. Славный путь. Достойный путь начавших первых. - Возьмите журнал в руки, забудьте на мгновенье суету наших дней, просмотрите бесконечно много повествующие страницы, оглянитесь на пройденный путь. Кто там был, кто шел, изнемогая в громе боевом, сквозь огонь и лед и... побеждал... кто горел одним желанием в груди - открыть стране родимой очи на все, что ждало впереди... тот вспомнит... и тихая радость исполненного долга будет наградою ему.

Кто не был, - прочтя правдивые и искренние строки повествований, представить жуть пережитого теми, кто еще ходит с терновым мечем на груди. И те, и другие с грустью вспомнят, кого уже нет. Большой путь. И на этом пути - от Новочеркасска через Аксай, Кизитировку на Ростов,

Таганрог, Неклиновка, а затем Ольгинская, Лежанка, Кореновская, Ново-Дмитриевская, Георге-Афипская, Энем, Екатеринодар, Медведовская и многие другие этапы боевого пути. И везде... уже незаметные холмики и места, что степь сравняла, где лежат те, кто "смело шел в бой за Русь Святую и пролил свою кровь молодую"... офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты, славные русские юные девушки, доблестные солдаты, казаки, моряки, кто остался твердо верен присяге, родине данной. - Как мало было их... кто

...."первые подняли знамя
борьбы за свободу и честь..."

Зимой там ветры бушуют, мятется седая пурга, заносит дороги и тропы, где шли когда-то "...горсть безумцев гордых и смелых, поднявших меч за родину свою."

Летом - под зеленым бархатным покровом, украшенным мозаикой степных цветов; и над всем этим у Дона мятущиеся чайки кричат, у Кубани в зарослях горлинка стонет, а в жаркий полдень над степной дорогой жаворонок поет, - там везде безымянные могилы...

"Спите, орлы боевые,
Спите с покойной душой!
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой..."

Честь и гордость незамаранных страниц истории единой, неделимой, великой России, славу павшим - своими делами воздвигли чудесный памятник оставшиеся в живых.

В сентябре 1961 года в Лос-Анжелесе небольшая группа первопоходников, превозмогая все трудности на все еще тернистом пути, как некогда на просторах Дона и Кубани, опять начали первые... и выпустили первый номер журнала "Вестник Первопоходника". Летопись славного... "ничто другое, кроме Белой борьбы, не спасало и не спасло честь нации и честь России" (А.К.).

Номер первый - всего пять страниц. Тоненький, чистенький, под белой обложкой с терновым венком, аккуратно изданный журнал. Как и подобает Белому Воину - смелый, правдивый и уверенный в своей правоте. - В нем были помещены: "Обращение правления общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода к читателям" - несмотря на девять строчек, предельно понятное и сугубо деловое; хроника текущих событий в семье Первопоходников; трогательное стихотворение в прозе, посвященное Первопоходникам - "Монмартрский шофер" - Евгения Тарусского, покончившего самоубийством во время выдачи в Лиенце в 1945 году, в кратких строках передавшего всю нежную прелесть невозвратного времени и всю печаль настоящего; стихотворение "Русским офицерам"; и, в конце, - скорбный листок.

В октябре того же года, строго равняясь по первому, вышел номер второй. Но какая уже разница! Пятнадцать страниц исторически ценного, нигде ранее не опубликованного, увлекательно-интересного материала, изложенного в виде очерков, рассказов, воспоминаний из памятного времени ночей и дней проявления высшей степени доблести, чести и геройства и абсолютной самоотверженности во имя спасения Святой Руси.

Навстречу разгульным и буйным ватагам,
Что родное святое смели,
Встали с русским поруганным стягом
Витязи русской земли...

И затем, месяц за месяцем, год за годом, страницы чистого журнала, регулярно издающегося, несмотря на "ухабы и овраги" на тяжелом пути, завоевали себе любовь, искреннее уважение к издателям и редакционной коллегии, персонально к первопоходникам: Василию Павловичу Мяч, Александру Федоровичу Долгополову, Г.Головань, к пишущим свои воспоминания. Расширился и все ширится круг подписчиков, читателей. Из самых отдаленных уголков земного шара несется перекличка первопоходников, а за ними участников всего Белого Движения Юга России, Сибири, севера, запада. В чем секрет? Ответ один - в правде! В правде изложения того, что и как было! Нет политиканства, есть правдивая летопись вооруженной борьбы белых воинов. Нет дележа еще не пойманного зверя, есть основа нашего бытия; у нас есть тяжкое, но красивое наше незабываемое прошлое и...

Мечта не сбылась, но попрежнему с нами.
Мы верим в последний Божественный Суд,
Мы знаем, что чистое Белое Знамя
Другие, как память о нас, донесут!...

В дальнейшем появляются фотографии. Первая, на первых страница - кадет Николай Басов, доброволец Корниловского Ударного Полка; потом появляются замечательные по исполнению иллюстрации - рисунки художника К.Кузнецова, служащие действительным украшением журнала и отражающие действительные сцены легендарного похода. Глубокое впечатление производят его рисунки: "Переход добровольцами речки Черной у станицы Ново-Дмитриевской", "Кубанцы", "Мы уходим", "Сил больше нет", "Пасхальная ночь в станице Егорлыцкой", "Переход", "Ледяной поход" и многие другие. За них - от всех большое спасибо.

Потрясающее впечатление производят страницы о трагедии Лабинцев в 1920 году у Туапсе-Сочи-Адлер, эвакуация Крыма, отход Сибирских армий к Приморью и рассказы о конце вооруженной борьбы Белых армий, и..

"...остались вы России верными,
Старики с седою головой...
Слава вам за то, что первыми
За свободу вы пошли на бой..."

Пор. А.Г.

В настоящей статье трудно изложить всю заслугу, всю историческую ценность "Вестника Первопоходника". Также трудно перечислить имена всех участников, давших свои правдивые и последние показания о том, что было, где, когда и как это было. Показания не заказанные, не снабженные никакими политическими ярлыками.

Сказания наши - правдивые, не лукавствующие, ибо на старости лет лукавить трудно и ни к чему, а нам и невозможно. Летопись наша еще не закончена, ее пишут и будут писать, пока Светоч, зажженный над нами, горит. Никто не может сделать бывшее не бывшим. И это бывшее, благодаря "Вестнику Первопоходника", стало и все больше становится достоянием новых поколений.

Сегодня пять лет! В этот день, в день пятилетнего юбилея, шлем свои искренние поздравления всем славным летописцам Белого дела. Наши сердечные пожелания полного благополучия и многая лета Первопоходникам и всем Белым Воинам за Русь Святую!

Вечная память павшим,
Слава и честь живым!

Многая лета "Вестнику Первопоходника"!

Тихий Океан, 1966.

Б.Турчанинов

1961 - 1966

Начиная 6-й год издания журнала "Вестник Первопоходника, редакция считает своим долгом выразить сердечную благодарность сотрудникам, подписчикам и всем тем, кто способствовал его успеху, как материально, жертвуя в фонд издания журнала, так и своим трудом, непосредственно помогая ему технически.

Оглядываясь на прошлые годы, с нравственным удовлетворением отмечаем, что, несмотря на трудности по изданию журнала, главным образом вследствие отсутствия средств, журнал просуществовал 5 лет, можно сказать, исключительно за счет подписки и добровольных пожертвований многих подписчиков. Надо надеяться, что и в будущем "Вестник Первопоходника" также будет иметь поддержку - и материальную, и моральную.

"Вестник Первопоходника" рассылается по подписке в штаты Северной Америки, в Канаду, страны Южной Америки, в Европу - Англию, Германию, Швейцарию, Люксембург, Австрию, Бельгию, Францию - и в далекую Австралию. Помимо платных подписчиков, редакция посылает журнал за границу неимущим первопоходникам, в старческие дома и в несколько Университетских библиотек США.

В заключение редакция обращается ко всем участникам Белого Движения - Юга России, Сибирского Ледяного похода, Северного и Западного противобольшевистских фронтов и к участникам Р.О.А. генерала Власова с горячей просьбой присылать свои воспоминания, очерки, статьи, рассказы и прочий материал для журнала, так как наша цель - записать, пока мы еще живы, то, чему мы были участниками и свидетелями - ушедшие в историю героические события в борьбе за Россию.

Обращаемся также ко всем подписчикам журнала с просьбой привлекать новых подписчиков и этим увеличивать тираж журнала, что мы считаем особенно важным: это даст редакции возможность уменьшить расходы по выпуску каждого номера и за счет этой экономии улучшить вид журнала, иллюстрируя его.

Верим и надеемся на поддержку наших друзей - подписчиков и доброжелателей. Да поможет нам Бог продолжать издание "Вестника Первопоходника, начатое 5 лет тому назад.

Редакционная Коллегия:

А.Долгополов, Г.Голованъ и В.Няч.

- - оОо - -

О Р Л О В Щ И Н А

"Орловщина", "орловское движение", "обер-офицерская революция", "восстание капитана Орлова" - под такими названиями вошла в историю гражданской войны на Юге России в 1920 г. эпопея, связанная с именем капитана Орлова, Николая Ивановича. Это печальная страница Белого Движения, и позорно окончилась она.

Эта эпопея (или "эпизод" гражданской войны) прошла, как будто, малозамеченной в литературе о гражданской войне; между тем, при благоприятном развитии ее, она могла иметь преждевременно весьма тяжелые последствия для Белой Армии.

Ряд вопросов о деле Орлова и судьбе его, полученных мною после выхода книги "Симферопольский Офицерский полк. 1918-1920", и кажущийся пробел в литературе по данному вопросу побудили меня, по мере возможности, осветить это дело. Отсутствие многих документальных данных и невозможность пользоваться какими-либо архивами затруднили работу, но я старался использовать все доступные мне источники.

Настоящее повествование - материал исключительно исторически-бытовой. Не имея на руках документальных данных, пришлось пользоваться указанными ниже книгами, своей памятью и воспоминаниями лиц, знавших кап.Орлова и знавших его "эпопею". Повествование это, основанное во многом на воспоминаниях, не может поэтому считаться вполне исчерпывающим.

Повествование разделено на три части:

В первой части подается образ кап.Орлова ко времени его выступления и уточняются причины, приведшие его на скользкий путь.

Во второй части описывается формирование отряда кап.Орлова,его первое и второе выступление.

В третьей части проводится анализ изложенного в первых двух частях и делается заключение.

Работа по составлению предлагаемого повествования не могла бы быть выполнена, если бы я не нашел интерес и поддержку со стороны некоторых друзей и знакомых, любезно предоставивших мне материал и свои воспоминания. За это прошу их принять мою сердечную благодарность.

При составлении настоящего повествования были частично использованы следующие источники:

1. Ген.А.Деникин. Очерки Русской смуты. том 5-й. 1926.

2. Белое Дело. Летопись Белое борьбы. Книги 5 и 6. Записки ген. П.Н.Врангеля.

3. Я.Шафир. Орловщина. Статья из книги: Антанта и Врангель - Сборник статей. Выпуск 1. Москва-Петроград. ГИЗ. 1923.

4. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 годов. Книга вторая. Составил В.Е.Павлов. Париж 1964.

5. Г.Н.Раковский. В стане белых (От Орла до Новороссийска).Константинополь. 1920.

6. П.В.Макаров. Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника красных партизан в Крыму. Ленинград 1929.

7. К.В.Агуреев, кандидат исторических наук. Разгром белогвардейских войск Деникина (Октябрь 1919 - март 1920). Москва 1961.

8. Д.Хаит. Полуостров. Роман. Москва 1959.

9. Симферопольский Офицерский полк. 1918-1920. Составил В.Альмендингер. Лос-Анжелес 1962.

10. Фон-Дрейер, В. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918-1920 года. Берлин 1921.

Кроме указанных выше источников, были использованы воспоминания (письма к автору) следующих лиц: князя С.Г.Романовского (герцога Лейхтенбергского), В.П.Мяча, Е.С.Хрунко, К.В.Мустафина, Г.Г.Панина, Е.Ильенко, Г.В.Яновского, С.И.Дементьева, А.Иванова, И.О.Гельгесена, Н.И.Широва.

Часть первая.

Первое воспоминание автора о семье Орловых (к которой принадлежал капитан Орлов, Николай Иванович) приходится на то время (приблизительно 1900 год), когда наша семья жила в конце Дворянской улицы (у водоразбора) в Симферополе и дом, где мы обитали, тесно соприкасался с садом и домом Орловых (улица гр.Толстого). Там в саду, помню, мы катались на салазках со снежной горы. С этого времени (раннего детства) осталось у меня воспоминание о молодых Орловых, как больших забияках.

Позже с Николаем Орловым, который был старше меня года на 4-5, встретился я в Симферопольской казенной гимназии. Других братьев его я не знал, так как они ничем не выделялись в гимназической среде. Николай же с самого начала в гимназии проявлял уже большую физическую силу, был хорошо физически развит; всегда отличный по гимнастике, вызывал со стороны учеников (особенно младших классов) особое уважение к себе, а в отношении физического развития он был идеалом всех. В смысле академическом он не выделялся, поведение его в гимназии было не из похвальных. Часто он был наказуем за проступки и в результате, не помню - из какого класса, он был исключен из казенной гимназии и поступил в частную гимназию Волошенко. Будучи в нашей гимназии и у Волошенко, он много занимался спортом: подниманием гирь, футболом и др. Имя его - Коля Орлов - еще тогда, когда он учился в гимназии, было известно любому симферопольскому школьнику, и он пользовался в их среде большим респектом и популярностью. Каждый в Симферополе его знал, и не только по его спортивным успехам, но и по его проделкам (о них я ничего особенного не могу вспомнить). Знали его не только в самом городе, но и на окраинах, на слободках.

Кончил Орлов гимназию, если не ошибаюсь, в 1912 году. Среднего роста, необыкновенно широкоплечий, с фуражкой на затылке, легкая походка, при ходьбе слегка наклоняющийся вперед и бросающийся сразу в глаза каждому своей фигурой - таким я вспоминаю его. По окончании гимназии, как я слышал, он поступил в Ветеринарный Институт в Варшаве. С этого времени я его потерял из виду и не знаю, как и когда он попал в действующую армию во время Великой войны. В 1913 году я уехал из Симферополя в военное училище и вновь услышал его имя и увидел его лишь в декабре 1917 года в Симферополе.

В декабре 1917 года, ввиду ухудшившегося политического положения в Крыму и ожидавшегося наступления большевиков со стороны Севастополя, Штаб Крымских войск в Симферополе, не полагаясь на расквартированные в городе запасные полки и бывший уже в это время в Симферополе Крымский Конный полк, решил сформировать офицерские роты для защиты столицы Крыма. Нужно сказать, что в декабре 1917 года в Сим-

ферополе скопилось огромное количество офицеров: бежавших с фронта после октябрьской революции, бежавших с Украины от преследования со стороны большевиков и украинцев и, наконец, офицеров уроженцев Крыма, прибывших туда вследствие приказа, разрешавшего офицерам переводиться из запасных полков по месту своего происхождения (своего рода репатриация). К декабрю 1917 года в Симферополе собралось много сотен офицеров.

Как уроженец Крыма, я возвратился из 48-го пехотного запасного полка в Симферополь 18 декабря 1917 года с назначением в 33-й пех. запасный полк. По прибытии в Симферополь, явившись в штаб запасного полка, я был зачислен в 10-ую роту младшим офицером. Ввиду большого наличия офицеров и, повидимому, общего неопределенного положения,никакого, связанного с обязанностями, назначения я не получил. Только было сказано в роте - иногда приходить. Так обстояло и со многими другими офицерами.

25-го декабря, совершенно случайно, я оказался в прикомандировании к Штабу Крымских войск, поступив на формирование "Ополчения Защиты народов Крыма"; там пробыл до занятия Симферополя большевиками 14-го января 1918 года (об этом периоде могло бы быть отдельное повествование).

В конце декабря я узнал, что будут формироваться офицерские роты и что формирование их, якобы, поручено кап.Н.Орлову. Впервые после 1913 года я услышал опять об Орлове, о том, что он находится в Симферополе. Он был в чине штабс-капитана, носил погоны 60-го пехотного Замосцкого полка. Когда, где и как он был во время Великой войны (на фронте), я ничего не могу сказать, ничего не слышал, никогда не пришлось с ним беседовать на эту тему. Формирование рот происходило по распоряжению Штаба. Помню одно собрание офицеров, на котором я случайно присутствовал, в самом конце декабря или в начале января, в офицерском собрании 51-го пехотного Литовского полка на Долгоруковской улице. Там было говорено о формировании рот и, если не ошибаюсь, было предложено записываться в эти роты, которые должны были быть расквартированы в начале в Собрании. Во главе рот был поставлен кап. Н.Орлов. Кто его назначил, каким образом произошел выбор Орлова для такой ответственной работы - сказать не могу. Его имя, однако, и его популярность в прошлом привлекали офицеров, особенно уроженцев Симферополя, каждый ему доверял. Формирование рот, однако, происходило медленно, вяло, нерешительно, без особого энтузиазма. Сколотить роты в хорошую боевую часть было тяжело также из-за недостатка времени, да и настроение чинов рот было не подходящее (говорилось о нейтралитете).

9-10 января 1918 года в Штабе стало известно, что большевики (матросы) высадились в Алуште и Ялте. Не имея там никаких войск, Штаб послал туда для отражения большевиков отряд, в состав которого входила офицерская рота под командой кап.Орлова. Отряд занял Ялту, но не надолго. Прибывший из Севастополя миноносец угрожал разрушить город, и городские власти просили отряд оставить город, дабы не подвергать его разрушению. Отряд отступил в направлении на Симферополь, тем более, что в это время большевики угрожали Симферополю со стороны Севастополя. Однако, по нераспорядительности Штаба, отряд не успел дойти до Симферополя, когда город уже был занят большевиками. Офицерская рота рассеялась; многие офицеры, с Орловым во главе,

скрылись в горах. Большевики позже старались захватить Орлова, но это им не удалось, несмотря на то, что временами он, переодетый, спускался с гор и приходил в Симферополь для свидания со своими родными.

Во второй половине апреля 1918 года Симферополь был занят наступающими немецкими войсками, большевики были изгнаны из Крыма. Началась немецкая оккупация. Немцы немедленно объявили регистрацию всех офицеров. В числе остальных явился и Орлов. В Крыму было организовано немцами Крымское Краевое правительство, во главе которого был поставлен генерал Сулькевич (татарин). Формирование воинских частей правительству не было разрешено, но для несения пограничной службы немцы разрешили сформировать "корчемную стражу" и "пограничный дивизион". В эти части стали записываться, главным образом, офицеры. Нужно сказать, что во время большевицкого владычества, с января по апрель, много офицеров, оставшихся в Крыму, было расстреляно большевиками; часть оставшихся в живых скрывалась, часть выехала из Крыма на север по домам, часть пробралась в Добровольческую армию. Все же большое число офицеров осталось в Крыму.

Внешне политическое положение в Крыму (в частности в Симферополе) казалось спокойным, в действительности же большевицкое подполье работало и можно было ожидать возвращения большевиков, как только германская армия оставит пределы полуострова. Конечно, в первую очередь, в случае прихода большевиков, грозила опасность офицерству. Большинство офицеров старалось как-то приспособиться к обстановке. Начали заниматься всем, кто на что был способен. Часто группы офицеров собирались в городском саду на Лазаревской улице, в армянском кафе "Чашка чая" на углу Дворянской и Пушкинской улиц, обсуждали положение, думали о будущем и, конечно, у всех в мыслях было одно и то же: необходимость объединения, дабы не быть застигнутыми врасплох. Кап.Орлов был завсегдатаем этих собеседований; его популярность,возросшая после его пребывания в горах, имела большое значение для назревавшего объединения. Приблизительно в начале июня вокруг Орлова собралась инициативная группа, имевшая целью сорганизовать местное и пришлое офицерство. Вскоре было создано так называемое "Общество взаимопомощи офицеров, и во главе его, председателем, стал капитан Орлов.

Целями этого общества были прежде всего учет, связь, информация офицерства и одновременно, по возможности, приискание работы для безработных. Канцелярия Общества поместилась в помещении бывшей "монопольки" (винной лавки) на углу Долгоруковской и Губернской улиц. Я заведывал учетом и отделом труда. Через нашу канцелярию прошло очень большое количество офицеров, и многие по нашей рекомендации вступили в корчемную стражу или в пограничный дивизион (между прочим, через наше Общество прошел и полк.Достовалов, сыгравший незавидную роль в январе месяце. Он прибыл из Москвы и желал связаться с Обществом взаимопомощи офицеров в Балаклаве, занимавшимся рыбной ловлей. С нашей рекомендацией он отправился туда). Приблизительно в начале августа возвратился из австрийского плена пор.Николай Турчанинов, друг Орлова по гимназии, и начал деятельно помогать Орлову в его работе. Орлов являлся в Общество каждый день. В задней комнате происходили совещания с членами "правления", которое было образовано по личному выбору Орлова. В сентябре, когда формирование пограничного дивизиона было в полном разгаре, когда от Орлова потребова-

лось больше работы, председательствование Обществом принял полк.Богдасаров (52-го пехотного Виленского полка). Полк.Богдасаров, однако, все время был в связи с Орловым и важные решения принимал только после совещания с ним. В половине октября все внимание наше было обращено на окончательное формирование пограничного дивизиона - будущих двух первых рот Симферопольского Офицерского батальона.

Работа была перенесена в казармы Крымского Конного полка, и 5/18 ноября прибывший из Ялты генерал Де-Боде, представитель Добровольческой армии в Крыму, принял две сформированные роты в состав Добровольческой Армии. С этого момента началось формирование Симферопольского Офицерского батальона. Орлов стал душой формирования, популярность его была велика и за ним шли все, кто его знал и кто слышал о нем; шли все, без различия рода оружия - записывались добровольцами офицеры пехотинцы, артиллеристы, технических войск; были и моряки. Записывались в роты добровольцами гимназисты и реалисты, личность Орлова привлекала их. Все помогали, кто как мог, чтобы сформировать батальон как можно скорее.

В начале декабря записался добровольцем в Армию полк.П.Морилов; он сразу же был назначен ген.Корвин-Кручковским командиром полка, которому предстояло развернуться из батальона, сформированного кап.Орловым. Это назначение, насколько можно было наблюдать, было неприятно Орлову - у него были отняты бразды правления, и его престиж был поколеблен. Теперь он был только командир батальона - самолюбие его было затронуто, и в результате энтузиазм его пал.

1-го января 1919 года кап.Орлов с отрядом был отправлен в Евпаторию для подавления восстания, поднятого в каменоломнях. Выполнив поручение (прибегнувши к крутым мерам), отряд возвратился в Симферополь.

В конце января (см. Симферопольский Офицерский полк, стр. 7-8) в Симферополе сложилась очень тревожная обстановка: с одной стороны увеличилась деятельность подполья, с другой стороны продолжалась инертность высших штабов. Обстановка эта, конечно, сильно беспокоила офицерство. Капитаны Орлов и Гаттенбергер (командир 2-го батальона), близко стоявшие к своим подчиненным ротам, доложили о настроении подчиненных командиру полка полк.Морилову. Инициатива доклада, по моему мнению, исходила от капитана Орлова, командира 1-го батальона, ротные командиры и офицерство которого лучше понимали положение в Симферополе, будучи в большинстве уроженцами города. Результатом доклада была подача рапорта Командующему Крымско-Азовской армии ген. Боровскому полковником Мориловым.

В дополнение к ранее написанному мною (см.книгу "Симферопольский Офицерский полк") считаю необходимым подробнее остановиться на истории этого рапорта. В начале февраля (не помню числа) как-то вечером я задержался в полковой канцелярии несколько дольше, чем всегда. Неожиданно в кабинет явился полк.Морилов в сопровождении кап.Орлова и Гаттенбергера. Они о чем-то возбужденно говорили: кап.Гаттенбергер сдержанно, кап.Орлов - возбужденно. Полк.Морилов просил меня покинуть на некоторое время кабинет, очевидно, для продолжения разговора. Спустя короткое время командир полка позвал меня обратно и продиктовал мне текст секретного рапорта на имя Командующего Армией. Рапорт был составлен сообща полк.Мориловым, кап.Орловым и Гаттенбергером. В присутствии полк.Морилова я напечатал рапорт на машинке

(с одной копией для полк.Морилова). Полк.Морилов на другой день рано утром представил его (по команде) через Начальника 4-й пех.дивизии ген.Корвин-Круковского Командующему Армией. О содержании рапорта, как особо секретного, в полку могли знать только полк.Морилов, кап. Орлов, кап.Гаттенбергер и я, как печатавший его на машинке. Однако на другой день, возможно, когда узнал о нем ген.Боровский, а может быть и раньше, содержание рапорта, если не в подробностях, то во всяком случае в общих чертах и в тенденциозном освещении (бунт), стало известно в Симферополе. Неофициально подозревали в распространении его содержания начальника пулеметной команды шт.кап. С, - вставал, однако, вопрос: откуда он мог знать не только об его содержании, но и вообще о его существовании. Могло это исходить только из 1-го батальона, т.е. кап.Орлова - он, повидимому, познакомил с содержанием рапорта командиров рот, и это, при известной напряженности обстановки, стало достоянием многих. Полковник Морилов был более, чем поражен происшедшим; шт.кап. С. покинул полк.

История с рапортом (объясненная, как "бунт") произвела на полк. Морилова очень сильное впечатление (нужно заметить, что он вполне, как и батальонные командиры, соглашался с содержанием рапорта - рапорт не был вынужден у него). Относясь по прежнему к кап.Гаттенбергеру, он как-будто бы не совсем дружелюбно начал смотреть на кап.Орлова. Отношения у них - это можно было наблюдать со стороны - обоюдно похолодели.

Через несколько дней после рапорта 1-й батальон, во главе с кап.Орловым, был отправлен на фронт в Сев.Таврию. Действия батальона там описаны в моей книге "Симферопольский Офицерский полк" (стр.8-10).

8-го марта 1-й батальон присоединился на Перекопе к полку и затем действовал в составе полка - бои на Перекопе, Юшуни, отступление на Ак-Манайские позиции, занятие их на второй день Пасхи, утром 8-го апреля.

На Ак-Манайских позициях, по моему мнению, окончилась первая стадия деятельности кап.Орлова в рядах нашего полка. В этот первый период он ничем особенным, кроме формирования в начале, не отличился, не был выдвинут вперед. Казалось, наоборот, он был под каким-то подозрением, наблюдением. От Орлова, конечно, не ушло, что батальон в Сев.Таврию был послан, как, якобы, "бунтарский". В то же самое время от него не скрылись непорядки, касавшиеся армии, он кое в чем разочаровался. С этого времени и началось, как мне кажется, изменение в характере и взглядах Орлова на общее положение Белой Армии. Как ни странно, состояние обмундирования в полку сыграло косвенную роль во взглядах Орлова.

Состояние обмундирования в полку с начала формирования до Ак-Манайских позиций было не на высоте. Все офицеры, солдаты и добровольцы являлись в полк в том, что каждый имел, что сохранилось от Великой войны. Никакого нового обмундирования (русского) в Симферополе выдано не было. Единственно, что частично помогло полку с обмундированием - захват нашим караулом, стоявшим на Чонгарском мосту, одного вагона германского обмундирования (в середине ноября 1918 г.). В этом вагоне было немецкое обмундирование - блузы, белье, разная мелочь и, что было особо важно в тот момент, высокие сапоги - они были очень и очень кстати. Но все это попало, главным образом, в 1-й батальон, так как 2-й батальон прибыл в Симферополь позже. В таком

положении вопрос с обмундированием обстоял и на Ак-Манае - то есть ни нового, ни старого обмундирования не было получено; между тем, бывшее в носке обмундирование за месяцы службы и боев пришло в негодность (первое поношенное английское обмундирование полк получил на Ак-Манае в конце мая месяца.).

В конце апреля или в начале мая в полку были получены сведения, позже подтвержденные штабом дивизии, что в Екатеринодаре для офицеров можно приобрести английское офицерское обмундирование, причем за комплект необходимо заплатить 500 рублей. Обмундирование находится, якобы, в Главном Интендантском Управлении в Екатеринодаре. Командовавший полком полк.Гвоздаков, сменивший полк.Морилова, видя своими глазами, в каком состоянии находится обмундирование полка, разрешил произвести сбор по 500 рублей с офицеров, желавших приобрести обмундирование. Записались и внесли деньги многие, если не все.Встал вопрос: как это обмундирование получить, кого послать в Екатеринодар за ним, учитывая, что могут возникнуть всякого рода затруднения. Командир полка решил послать комиссию из трех офицеров - энергичных, по возможности - имеющих в Екатеринодаре знакомства в нужных местах (в штабах, в интендантстве). Во главе комиссии был поставлен кап.Орлов, как представитель полка, и ему были приданы: поручик Давыдов, как представитель хозяйственной части полка, имевший, кроме того, кое-какие знакомства в Штабе Армии, и поручик Моропуло, начальник связи полка, - у него были хорошие и влиятельные знакомые в Екатеринодаре. Приблизительно в половине мая комиссия, снабженная деньгами и нужными бумагами, отправилась в путь.

К тому времени, когда полк 5-го июня с Ак-Манайских позиций перешел в наступление, от комиссии сведений все еще не было. Пробыв в Екатеринодаре более двух недель, комиссия нагнала полк лишь вечером 13 июня в дер.Аджий-Кат, недалеко от Джанкоя. На другой день полк имел дневку, и комиссия доложила командиру полка о результатах поездки и, вообще, о впечатлениях от нее. Результат был негативный, никакая протекция, ничто не помогало, никакого обмундирования для фронтовых частей не было (нового, офицерского типа). Общее впечатление комиссии было очень неутешительное: тыл в Екатеринодаре живет своей жизнью, интересы фронта тыловиков не особенно волнуют. Орлов, уже частично разочарованный перед отъездом, приехал в весьма подавленном настроении, и было впечатление, что он уже "покончил" с войной: ничто его не интересовало в полку, и он не принимал батальона до прихода полка в Б.Маячки (24 июня). Батальоном командовал временно шт.кап. Павел Турчанинов, командир 4-й роты.

Был июль месяц, на фронте было затишье, и полк простоял частично на Днепре у Каховки, частично в резерве в Б.Маячках и пополнялся. В половине июля из Штаба дивизии было получено приказание выделить из полка (назначить или добровольно) 10 офицеров для отправки в Таганрог, а оттуда в Сибирскую Армию адмирала Колчака. Командир полка, не желая назначать, предложил вызваться добровольцам. Одним из первых вызвался кап.Орлов и с ним из 1-й роты поручик Жильцов, уроженец Сибири; имена других не помню. Командир полка полк.Гвоздаков знал, что Орлов был основателем полка, но несмотря на это относился к нему почему-то холодно и не настаивал на том, чтобы Орлов остался в полку. Все, знавшие Орлова, были поражены его решением, и Орлов, попрощавшись, уехал из полка.

Чем можно было объяснить решение Орлова покинуть полк, который был сформирован и начал свою жизнь благодаря его энергии и его популярности? И не только покинуть полк, но уехать далеко в Сибирь, то есть покинуть наш южный фронт. Насколько вспоминаю сейчас, уезжал он без всякого энтузиазма - не то, как пор.Жильцев. Ничего не могло тянуть его в Сибирь - семья в Крыму, земляки в полку. Объяснение можно найти только в том, что он не чувствовал себя в полку уверенным - его престиж в полку как будто пал, командиры полка полк.Морилов и полк.Гвоздаков относились к нему холодно; чувствуя себя обиженным, он, очень самолюбивый, был удручен и воспользовался удобным случаем покинуть полк. Думал ли он действительно попасть в Сибирь, или только законно покинуть полк, а там будет видно?... Трудно ответить на этот вопрос, но мне кажется, что второе, при его тогдашнем душевном состоянии, более соответствует истине. Никаких особых проводов не было, покинул он полк "без фанфар" - без сожаления. Все записавшиеся, с предписанием Штаба 4-й пех.дивизии, группой были отправлены в распоряжение Штаба Главнокомандующего В.С.Ю.Р. в Таганрог.

Ни писем, ни каких-либо других сведений о судьбе этих офицеров мы не имели, тем более, что полк перешел в наступление и связь с тылом прервалась.

В половине августа, когда полк достиг р.Буга, командир полка отправил меня в командировку в Штаб Главнокомандующего для скорейшего проведения представлений офицеров. Представления были приготовлены во время стоянки в Б.Маячках. Заехавши на несколько дней в Симферополь, так как я не воспользовался отпуском в свое время, я отправился в Таганрог в Штаб Главнокомандующего, предполагая, что там находится Военное Управление, куда я должен был явиться. К сожалению, сейчас не помню всех дат. Утром, прибывши в Таганрог, нашел Штаб, Управление Дежурного Генерала. Здесь от полк. Э.А.Ластовецкого (быв. моего начальника пулеметной команды в 16-м стрелковом Императора Александра 3-го полку) узнал, что я должен ехать в Ростов на Дону, где находится Военное Управление. Ждать нужно было до утра. В комендатуре получил указание, что переночевать могу на полуэтапе. На полуэтапе первым, кого я увидел, был кап.Орлов. Оба мы были рады встрече. Я был поражен, что встретил его здесь.

В помещении полуэтапа жила масса офицеров всевозможных частей. Помещение было казарменного типа, без особых удобств, спали на нарах. Получил место на нарах и я. Естественно, начались расспросы: Орлов спрашивал о полке, об однополчанах; я интересовался им и его сожителями. Его сожители, оказалось, в большинстве были офицеры, предназначенные, как и Орлов, для отправки в Сибирь. Уже около месяца жили они на полуэтапе, службы никакой не несли, слонялись по городу, ничего не делая. Когда будет отправка к месту назначения, да и будет ли вообще, никто не знал. Из разговоров с офицерами, соседями Орлова и другими, выяснилось, что большинство, если не все, вызвавшиеся отправиться добровольцами в Сибирь, это обиженные или чем-либо недовольные: порядками ли в своих частях, или тем, что им пришлось увидеть в Добровольческой Армии, начальством и т.п. Настроение у большинства удрученное, они и в начатом наступлении на Москву не видели выхода из казавшегося тупика. Орлов рассказывал о безнадежности положения - тыл, мол, прогнил.

Утром на следующий день, под влиянием всего виденного и слышанного, в удрученном состоянии выехал я в Ростов-на-Дону. Явился в Во-

енное Управление, сдал бумаги. Пробыл там только два дня, почувствовал высокую температуру и начало возвратного тифа. Не желая остаться больным в Ростове, с трудом по железной дороге добрался до Симферополя. В Симферополе, перенеся три тяжелых приступа, в конце сентября начал поправляться. В середине октября предполагал отправиться в полк, который в это время был под Вапняркой, в направлении на Жмеринку. Набираясь сил перед отъездом, каждый день до обеда я проводил в городском саду (на Лазаревской ул.), где встречался с нашими офицерами и знакомыми На фронте в это время, как мы знали из газет, были успехи - в направлении на Москву 1-го октября был занят Орел и казалось, что вот-вот наши войска достигнут Москвы. Настроение у всех было приподнятое, и мало кто в те дни сомневался в успехе.

И вот в один из прекрасных октябрьских дней (в первой половине месяца), гуляя на бульваре, совершенно неожиданно я заметил в боковой аллее, гуляющим, кап.Орлова. Я был поражен, так как никак не мог предполагать, что могу встретить его в это время в Симферополе. Естественно, сразу же направился к нему, поздоровались, начались обоюдные вопросы - почему я здесь, почему он здесь. Сейчас, к сожалению, не помню, как он объяснил свое присутствие в Симферополе - самовольно или в отпуску. Он сказал. что отправка в Сибирь отложена, и неизвестно, будет или нет *). Затем мы перешли к общему положению на фронтах и к тому, что сулило будущее. Взгляды его на будущее, и даже весьма близкое, были более, чем пессимистичны. На мое возражение - как можно так думать об этом сейчас, когда наши войска продвигаются вперед и повсюду, как будто, успехи, когда занят Орел и т.п., - он ответил: "Это все ерунда, увидишь, как за несколько дней все покатится назад". Я пытался спорить, но он меня начал уверять, что то, что он видел в Таганроге и Ростове, т.е. в глубоком тылу, не предвещает ничего хорошего, и достигнутый успех превратится в катастрофу. Поговорили мы так с полчаса, и в конце разговора он, как всегда, заикаясь сказал мне: "Увидишь, будет обер-офицерская революция". Объясняя свои последние слова, он указал на засилье в тылу старых, неспособных к настоящей войне офицеров и на распущенность тыла. С некоторыми его аргументами трудно было спорить, но я обратил внимание на его настроение и последние слова, сказанные им. Распрощавшись, мы разошлись, чтобы больше никогда не увидеться. Я отправился на фронт, куда и прибыл в двадцатых числах октября, когда наш полк успешно продвигался на Жмеринку.

Полк продвигался вперед, была занята Жмеринка, Проскуров, мы были переброшены к Казатину. Казалось, что на фронте более или менее благополучно. Сведений с других фронтов поступало к нам очень мало,

---

*) Здесь уместно привести выдержку из книги: "Марковцы в боях и походах за Россию". т.2-й,стр.229: "Сибирский батальон стал формироваться в апреле 1919 г. из офицеров, служивших в Сибирских частях и желавших ехать в армию адм.Колчака, в которой был большой недостаток в офицерах. Записью и сбором руководил ген.майор Гаттенбергер, уполномоченный на это адм.Колчаком. Записавшиеся стояли в Таганроге. К началу октября 1919 г. был сформирован батальон четырехротного состава с пулем.командой и хоз.частью. Командиром батальона был назначен ген.Гаттенбергер.Предполагалось в октябре б-н отправить пароходом во Владивосток, но ввиду неудач на фронте отправка его затянулась, а затем и отпала. В ноябре б-н был переброшен в Новороссийск.

так что общая картина казалась благоприятной, не предвещавшей катастрофу.

В середине декабря, когда начала отступать Киевская группа войск, и мы почувствовали серьезность положения на фронте. Начали отходить и мы: Казатин, Липовец, Ильинцы, Бирзула, Балта, Голта, Николаевка, Петровка, Тирасполь и, наконец, "Бредовский поход", окончившийся 12 января 1920 г. на границе Польши. Полк со всеми остальными частями армии оказался в польских лагерях. Что происходило на других фронтах, мы не знали, но катастрофа была на лицо.

Что произошло и происходило на фронтах белой борьбы мы знали в лагерях очень и очень мало. Только в июне начали мы получать первые сведения с Юга России (из Крыма) и, между прочим, мы впервые услышали опять об Орлове. Сообщение, однако, не было утешительным. В русской газете "Варшавское слово" была помещена большая статья под заголовком "Обер-офицерская революция". В статье описывалось восстание кап.Орлова в Крыму. Прочтя заглавие и содержание статьи, я невольно вспомнил слова Орлова, сказанные мне при последней встрече с ним на бульваре в Симферополе в октябре 1919 года. Объяснялось в газете это восстание, как борьба рядового фронтового офицерства с высшим командным составом, творившим бесчинства в тылу армии, и сообщалось, между прочим, что Орлов повесил в Бахчисарае нескольких интендантов.

Стоило вспомнить пребывание кап.Орлова в полку, его командировку в Екатеринодар, отъезд в Таганрог для отправки в Сибирь, встречу с ним в Таганроге, встречу и разговор с ним в октябре в Симферополе и сопоставить все это - и содержание газетной статьи становилось яснее; зная же, приблизительно, характер Орлова, не приходилось особенно удивляться написанному.

Восстание Орлова, которое вошло в историю Белой Борьбы в Крыму под названием "обер-офицерская революция", "орловщина", "орловское движение", если судить по первому названию и по словам, сказанным мне в октябре 1919 г., было, очевидно, в мыслях Орлова уже в период его возвращения в Крым из Таганрога. Таганрог, очевидно, был последним поворотным пунктом в настроении и мыслях Орлова. Дон и Кубань не могли быть местом, где мысли Орлова могли быть проведены в действительность. Только Крым, где он легче мог ориентироваться, где его знали и где он был еще популярен, мог быть плацдармом для проведения в жизнь его мыслей. Имея беспокойный характер, он носился со своими мыслями. Не доставало подходящего окружения и подходящей обстановки. И то и другое, однако, вскоре появилось; его мысли претворены были в действительность. Как судьба дала в руки Орлова возможность осуществления своих мыслей, как он их провел и чем это кончилось, будет предметом второй части этого повествования.

В.В.Альмендингер

(Продолжение следует)

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ.

В борьбе с большевиками на Восточном фронте большое участие приняли рабочие некоторых при-уральских заводов.

Дружно восставали они против гнета и издевательств власти, которая называла себя "рабоче-крестьянской".

Рабочие формирования отличались крепкой сплоченностью состава и выдающейся стойкостью в боях. Наибольшую известность заслужили Ижевские и Воткинские рабочие, восстание которых осенью 1918 года нанесло большевикам тяжелый удар и отвлекло у них значительные силы с других участков фронта. В дальнейшем восставшие рабочие влились в общий фронт борьбы.

В историю гражданской войны Ижевцы и Воткинцы вписали своими подвигами много ярких и красивых страниц. Они обильно полили своею кровью длинный путь от родных заводов до берегов Тихого Океана.

Те, которых судьба пощадила в боях, не покорились власти советов и ушли в изгнание. В чужих краях они бережно хранят память о днях, проведенных в борьбе за счастье Родной Страны, и чтут свято память своих погибших братьев.

Этот очерк дает краткую историю восстания и борьбы Ижевцев и Воткинцев с поработителями русского народа.

1.
И ж е в с к и й   З а в о д.

Основателем Завода был мастер Дерябин, построивший в 1752 г. небольшой железоделательный завод, из которого с годами вырос огромный оружейный завод. Мастеру Дерябину на берегу Заводского озера стоит памятник.

Завод расположен среди лесов на реке Иж в Сарапольском уезде Вятской губернии, в 40 верстах от р.Камы.
В 1774 г. завод был разрушен Пугачевым, но после усмирения бунта восстановлен.

В 1807 году на заводе начали выделываться ружья. С 1809 г. он перешел в ведение Военного Ведомства. В некоторые годы выделка ружей сдавалась частным предпринимателям. Угольчатые ружья выделывал капитан Бильдерлинг, а "берданки" начал выделывать капитан Страндершельд.

С 1873 года на заводе начали изготовлять разные сорта стали для ружейных стволов и частей и для выделки инструментов. Завод обратился в двойной - ружейный и сталелитейный - и начал быстро расширяться.
В 1884 г. он перешел в ведение Главного Артиллерийского Управления.

Для обеспечения своей работы завод имел земельный надел в 130 тысяч десятин, из которых 120.000 десятин леса. Завод работал на древесном топливе.

Перед 1-й Мировой войной завод выделывал для Армии 150.000 винтовок в год и стволы для всех остальных ружейных заводов, а всего до полумиллиона стволов ежегодно. Кроме того, вырабатывалась сталь для ружейных частей, для артиллерийских щитов, пружинных накатников, лафетов, инструментальная сталь для артиллерийских заводов и т.д.

С 1904 г. завод выделывал в год до 200.000 снарядов мелкого калибра.

Кроме казенных заводов, в Ижевске обосновалось несколько небольших частных заводов, выделывавших охотничьи ружья (Евдокимова, Петрова, Березина и др.).

Перед войной в Ижевске работало до 18.000 рабочих, составлявших вместе с семьями и нерабочим населением завода около 50.000 жителей.

Кроме того, крестьяне соседних деревень были тесно связаны с заводом, находя там подсобный заработок в сбыте своих продуктов и получая работу для завода, особенно по заготовке лесных материалов и дров, подвозя их на завод, и по перевозке готовых изделий на железную дорогу и на пристань Гальяны на р.Каме.

Заводские мастерские были на одной стороне р.Иж, поселения рабочих - на другой. Запруда на реке образовывала большое озеро, и дамба служила для сообщения между заводом и жилым районом. Водяная энергия озера приводила в движение электрические установки завода.

За более чем полуторавековое существование жизнь завода сложилась в устойчивых рамках большого государственного предприятия и текла спокойно и размеренно, как текут многоводные реки на великой русской равнине.

Сменилось много поколений рабочих, и часто сыновья и внуки работали в тех же мастерских и на тех же станках и машинах, на которых работали их отцы и деды.

Много искусных мастеров вырастил завод. Они вносили свои улучшения и усовершенствования в производство, и их именами гордились завод и рабочие.

Заводское население, обеспеченное постоянной работой, жило хорошо и в достатке. Большинство рабочих семей имело собственные дома и участки земли с садами, огородами и покосами.

Кроме заводских школ для специалистов, в Ижевске было много начальных и средних школ для детей рабочих.

Было несколько церквей. Красивый, великолепной архитектуры Михайловский собор, построенный на средства, собранные самими рабочими, украшал жилую часть завода.

В большие праздники в соборе и на улицах можно было видеть рабочих в кафтанах старинного покроя. Это были мастера, получившие кафтаны по Царскому указу в награду за отличную работу и разные заслуги. Они очень гордились Царским подарком, а сами со стороны остального населения, пользовались большим почетом и уважением.

Молодежь любила сходиться вместе и гулять по улицам с песнями и гармошками. Случались и драки между группой парней с одной улицы или района с такой же группой соседней. Это было в порядке вещей, но приучало незаметно теснее держаться "своих" и не забывать о взаимной выручке.

Из поколения в поколение складывались характер и качества Ижевских рабочих: трудолюбие, независимость взглядов, любовь к крепкому семейному и общественному укладу, привязанность к своему кормильцу заводу, стойкость душевных качеств, горячее русское сердце, не склонное терпеть несправедливость и обиду, и готовность отдать все, не исключая своей жизни, за родную страну и правое дело.

2.
Война и Революция.

Мировая война, вспыхнувшая в 1914 г., внесла много перемен в жизнь завода. Часть рабочих была призвана в ряды армии, и многие из них отдали свою жизнь за Родину.

Вместо ушедших на фронт на все возраставшее производство винтовок и стальных изделий стали прибывать рабочие из Москвы, Петрограда и других промышленных центров. Количество новых рабочих росло, и к началу революции число р ботавших на заводе достигло 27.000, в том числе несколько сот женщин. Считая крестьян, работавших в лесу и на перевозках, на заводе и для завода работало до 40.000 человек.

Среди вновь прибывших было значительное количество сторонников разных сортов крайних учений. Как и везде, они вели предательскую работу по разрушению старой России и подготовляли захват власти, пользуясь временем войны.

И добились своего. Вспыхнула революция, развалился фронт.

Ижевцы, призванные в армию, начали возвращаться домой. Они надеялись вернуться к своей привычной работе на заводе, но пришельцы заняли их места. К тому же и работы из-за начавшейся разрухи стало меньше.

Образовавшиеся большевицкие комитеты, сплошь из пришлого элемента, очень враждебно встретили вернувшихся с фронта, как враждебно относились они и ко всем порядкам на заводе и к частной жизни рабочих с ее "буржуазным" укладом.

Два раза избирался "совет" рабочих, и рабочие проводили беспартийных и умеренных. Оба раза последовал разгон "советов" и аресты видных представителей населения, неугодных большевикам.

Прибывших с фронта рабочих местная красная правящая головка лишила всех заработанных и заслуженных на заводе и на фронте прав и преимуществ.

"Записывайся в партию и делай, что тебе прикажут комиссары, или жди очереди быть обвиненным в контр-революции, быть арестованным и подвергнуться пыткам и смерти в подвалах чекистов", - таков был смысл "завоеваний революции", приготовленный для вернувшихся домой защитников Родины.

Но вернувшиеся солдаты-рабочие не пожелали вступать в партию большевиков. Они и на фронте, и здесь дома быстро познали преступный, разбойничий нрав новой власти и стали противиться ее преследованиям, произволу и гнету.

Создали "Союз фронтовиков" - правление в доме Семенова на Казанской улице.

Задача Союза - защита экономических интересов бывших рабочих завода, вернувшихся с фронта. Устав не был утвержден большевистскими главарями, так как не говорил ничего о поддержке советской власти.

Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее. Начали исчезать предметы первой необходимости. Запрещалась свободная торговля. Введена карточная система, по которой комиссары и их подручные получали все в избытке, а рабочие - крохи.

Пошли обыски, отнимали золото, серебро, деньги, перерывая весь домашний скарб, выворачивая половицы, у некоторых по три раза.

Готовилась хлебная монополия. Цель - прикрутить рабочего и заставить исполнять все прихоти советской власти, так как в Вятской губернии никакого голода не могло быть. У вотяков-крестьян огромные скирды хлеба накапливались годами, и его запасы были неисчерпаемы.

5-го или 6-го августа произошло первое столкновение с большевиками на базаре. Прекращая частную торговлю хлебом, они послали конных милицейских разогнать хлебных торговок. Последние имели для от-

вешивания хлеба безмены. Торговки накинулись на милицейских, стащили их с лошадей и избили безменами. Толпа на базаре помогла торговкам избивать милицейских.

Встречая сопротивление, советчики усилили преследования и расправы. Производились аресты купцов, мастеровых и др. Из купцов несколько было расстреляно для устрашения населения. Из рабочих мастеров убит ни в чем неповинный Круговых.

Убит любимый рабочими токарь Сосулин. Он смело выступал на собраниях против большевиков, их притеснений и зверств. Возвращаясь с одного из собраний, он был застрелен из-за угла.

Многие, предупрежденные об очередной расправе, скрылись из завода, находя убежище в окрестных деревнях или в глухом лесу, в землянках. Их жены тайно возили им продукты и сообщали о положении на заводе и событиях вне его.

А события на заводе и в России шли своим чередом. Багряные тучи кровавой гражданской войны начали заволакивать небо родной страны и приближаться к Ижевску.

Давно уже доходили сведения о восстаниях и борьбе с большевиками на юге России, в Оренбургских степях, на Урале, в Сибири...

Наконец, борьба против красных стала распространяться по Волге и подошла вплотную, когда большевики 6-го августа бежали из Казани.

3.
Восстание.

Захват Казани отрядом Каппеля и чехами сильно всполошил большевиков. Их Восточный фронт резался в центре на две части. Главари большевиков в Ижевске получили приказ немедленно мобилизовать рабочих и двинуть их на Казань.

Рано утром 7-го августа они собрали митинг и, вопя о спасении завоеваний революции, требовал от рабочих подчиниться приказу и выступить на фронт.

Союз фронтовиков был к этому готов и имел заранее разработанный план. Остальные рабочие присоединились к фронтовикам и поддержали их.

Тут же большевицким главарям были предъявлены требования из 10 пунктов, из которых важнейшие: 1) призвать всех от 18 до 30 (40) лет, 2) вооружить и обмундировать на заводе и отправить всех вместе, 3) обеспечить семьи, 4) охранять завод и плотину рабочими, и т.д.

Комиссары почуяли заговор. Их ответы: 1) не надеются справиться с мобилизацией и 4-5 сроков, 2) вооружить не могут - на лицо только 300 винтовок, остальные будут выданы на фронте; 3) о семьях будут заботиться; 4) плотина охраняется надежно и красноармейцами, и т.д.

- Коли так - не пойдем! - Долой советы! - послышались крики из толпы рабочих.

Большевики поспешили закрыть митинг, но рабочие не разошлись. Председатель "Союза Фронтовиков" Солдатов предложил перейти к штабу Союза на Казанской улице, и рабочие стройно, с пением ушли туда и продолжали обсуждать требования советчиков.

Так началось открытое выступление против красной власти Ижевских рабочих, пока без кровавого столкновения. Но и оно не заставило себя долго ждать. Вечером распространилось известие, что Солдатов и многие члены "Союза Фронтовиков" арестованы.

Рано утром 8-го августа загудел гудок. Этот заводской гудок отличался большой мощностью, и его рев можно было слышать за 40 верст от завода. Рабочие бросились по условленному заранее плану в пристрелочную мастерскую, где были винтовки и патроны. Разоружили растерявшихся часовых из пленных австрийцев, разделили найденный запас патронов - кому по 5-15, другим не досталось ничего.

Красные разгоняют толпы на улицах, запрещают собираться, грозят расстрелом. На Нагорной части, где были казармы красноармейцев, посыпались выстрелы. Напряжение нарастало.

Но вот на плотине появились вооруженные рабочие. Пришедший с фронта лихой унтер-офицер Осколков бросился вперед и дал первый выстрел по заставе красных, загородивших дорогу. Бой начался.

Другой отряд рабочих по "Долгому мосту" двинулся в обход. Поднялся весь завод.

Кое у кого были припрятаны винтовки. Но оружия было мало, и вооружиться могли немногие. У красных было более 700 вооруженных: рота красноармейцев, две батареи, 100 пеших и 20 конных милиционеров и несколько "продовольственных" отрядов для выколачивания хлеба.

Бой разбился на отдельные очаги. Дрались с ожесточением обе стороны.

Около полуночи весь завод был очищен от красных, понесших большие потери и разбежавшихся по разным направлениям.

4.

Первые бои под Ижевском.

Ночью враг бежал, а рано утром 9-го августа началась дружная работа по организации обороны. Всем было ясно, что "рабоче-крестьянская" власть постарается как можно скорее задушить этот взрыв рабочего гнева.

Борьба предстояла упорная и ожесточенная, не на жизнь, а на смерть. Время было дорого, надо было немедленно выработать руководство военными действиями и организовать вооруженные силы.

Собравшиеся фронтовики выбрали Штаб Обороны в составе трех лиц - капитанов Цыганова и Солдатова и поручика Зебзиева.

Командование вооруженными силами предложили полковнику Федичкину, единственному строевому кадровому офицеру, оказавшемуся на заводе. Стрелок 13-го Туркестанского полка, он получил большой боевой опыт на Кавказском фронте и был награжден многими боевыми наградами, в том числе орденом Св.Георгия 4-й степени. Свою боевую службу он начал молодым офицером еще в Японскую войну.

Заведующий школой оружейных мастеров полковник Сорочинский организовал интендантство. Жандармский полковник в отставке Власов был призван в штаб. Другие офицеры мирного времени, составлявшие мирно настроенный старший артиллерийский технический персонал, уклонились от помощи восставшим.

Непосредственное ведение боевых действий пало на унтер-офицеров и офицеров военного времени, которых не успела добить война и "великая бескровная. Большинство из них до войны были рабочими и техниками на заводе.

Наиболее опытные из них назначались командующими "фронтами" и командирами рот. "Фронтами" назывались направления, с которых угрожал враг - Казанский, Северный, Гальянский (пристань на реке Каме),

Агрызский (станция ж.д. к югу от Ижевска) и т.д. Отряд, действовавший на данном направлении - "фронт" - состоял из нескольких рот.

В спокойное время роты по очереди несли охранение, по тревоге собирались все.

В первых боях участвовали только отряд (рота) артиллерийских техников и отряд фронтовиков. По мере усиления нажима красных организовывалось все большее количество рот, число которых дошло до 50, в среднем силою в 100 штыков, иногда (на Северном фронте) до 250-ти штыков.

Роты имели номера, а некоторые из них и названия, указывающие на состав роты. Были роты: "Техническая" - из техников завода, отлично действовавшая под командой своего энергичного командира, шт.капитана Куракина; были роты "крестьянские" состав которых был преимущественно или полностью из крестьян; позднее была сформирована рота "Учредительного собрания"; 30-ая рота называлась "Лесной" сформированная, повидимому, из лесников, и командовал этой ротой лесничий, поручик Лесин, выдающийся своей смелостью и умением производить глубокие разведки в районы красных, дававшие полные данные о силах и расположении противника.

Ижевский завод зажил жизнью "военного лагеря".

Рабочие сражались на фронтах, несли охранение, работали у станков. Выделка винтовок, упавшая при большевиках до 600 штук в сутки, поднялась до 2500.

Все население приняло участие в обороне завода - женщины кормили бойцов на фронте, рыли окопы, работали на заводе; подростки также рыли окопы, набивали пулеметные ленты, делали много другой работы по своим силам...

Бои начались на другой же день после восстания.

Утром 9-го августа с линии Казанской ж.д. предупредили, что для подавления восстания на завод направляется в поезде отряд красных. Полковник Федичкин немедленно собрал отряд в 300 фротовиков и выступил навстречу.

В 5 верстах был встречен поезд красных. Быстро развернувшись, Ижевцы охватили поезд с обеих сторон. Красные, пытавшиеся выскочить из вагонов, падали тут же под пулями фронтовиков. Полк.Федичкин предложил им сдаться, что они и поспешили сделать в количестве 300 чел.

14-го августа большевики повели наступление с двух сторон:опять со стороны Казани и от пристани Гальяны.

Со стороны Казани красные послали отряд в двух поездах, силою в две с половиной тысячи. Их встречает тот же небольшой отряд фронтовиков в 300 человек. В 6-ти верстах от завода Ижевцы разобрали путь, а сами укрыто расположились по сторонам в кустах.

Передний поезд остановился перед разобранным местом. Вследствие большой численности красных Ижевцы не обнаруживали себя и расстреливали их из кустов. Красные вывесили белые флаги и сдались.

Ижевцы прекратили огонь, и в этот момент 40 красных бросились бежать в лес. Все они были переловлены и оказались членами Ижевской большевицкой головки, терроризовавшей население завода и скрывшейся после восстания.

Их связали и после исправления пути, в их же поездах, отдельно от остальных пленных, отправили в Ижевск для получения должной "награды".

По шоссе со стороны пристани Гальяны в этот день наступал небольшой отряд красных в 200 пеших и 50 конных с 4-мя пулеметами. Штаб обороны выслал против них роту артиллерийских техников под командой шт.кап.Куракина. Красные бежали.

5.

Бои у Ижевска 17 - 19 августа.

Первые бои восставших рабочих были удачны для них, но указывали, что красная власть не остановится ни перед какими мерами, чтобы задавить восставших.

Действительно, 17-го августа враг снова повел наступление со стороны Казани и от г.Сарапуль через пристань Гальяны.

Ожидая нового наступления со стороны Казани, Ижевцы в 12 верстах от завода выбрали на холмистой и покрытой кустами местности хорошую позицию, вырыли и умело замаскировали окопы, прорыли ходы сообщения, устроили наблюдательные пункты, измерили точные расстояния.

На позиции был поставлен постоянный гарнизон в 800 бойцов под командой поручика Зебзиева. В 6-ти верстах перед позицией жел.дорожный путь был разрушен, чтобы не дать возможности бронепоездам противника подходить близко к позиции.

Утром 17-го августа красный отряд в 2000 пехотинцев, 200 конных, с 8-ью орудиями и несколькими десятками пулеметов, доехал до разрушенного участка и начал разгружаться. В сторону Ижевска был послан конный разъезд.

Двигаясь по грунтовой дороге, шедшей рядом с жел.дорожным полотном, разведчики проехали мимо Ижевцев, не обнаружив их. Двигаясь дальше, они доехали до пригорка, с которого был виден завод. Нигде на дороге не было никакого движения. Разъезд вернулся и доложил об отсутствии "противника".

Красные в походной колонне, без надлежащего охранения, двинулись на Ижевск. Ижевцы подпустили их вплотную к позиции и здесь покрыли колонну пулеметным огнем из своего единственного пулемета и перекрестным огнем винтовок с обеих сторон дороги.

Неожиданное появление врага вызвало общую панику. Необстреленные крестьянские лошади, бывшие в большом количестве в обозе красных, кинулись назад или в сторону, в лес, и расстроили ряды колонны. Началось беспорядочное отступление.

Ижевцы преследовали врага 6 верст, захватив разное брошенное снаряжение и имущество и много пленных.

- о -

Со стороны Гальяны в этот день началось наступление больших сил красных. На этот раз они собрали из своей 2-й армии все боеспособное и послали в Ижевск около 6000 бойцов с 8-ью 3-дюймовыми пушками, двумя полевыми гаубицами и 32 пулеметами. В отряде было значительное количество коммунистов и преданных красным латышей и мадьяр. Отрядом командовал опытный и осторожный большевик Антонов.

Несколько десятков артиллерийских техников под командой капитана Куракина загородили им дорогу. Антонов начал их окружать, но они скрылись в лесу.

Наступила ночь. Антонов побоялся вступить в лесную просеку, по которой шло шоссе к Ижевску, и остановился на ночлег в селе Завьялово.

Ночью Куракин отправился на завод, взял несколько пудов пороха и вернулся в лес. В 6-7 верстах от Ижевска был подготовлен взрыв моста и оставлены два подрывника из отряда Куракина. Один из них, Владимир Аксенов, кончил Воткинское средне-техническое училище, фамилия второго не сохранилась.

После полудня 18-го августа колонна Антонова подошла к Ижевску на 6 верст и начала переходить мост. Раздался взрыв, и 200 красных полетели на воздух. Поднялась паника, с трудом прекращенная. Но герои подрывники были обнаружены и тут же расстреляны разрывными пулями.

Восстановив порядок, красные выкатили пушки и начали обстреливать Ижевск.

Загудел гудок. Гудел, не переставая. Отовсюду стекались рабочие, формировались фронтовиками в роты и шли в сторону противника.
У шоссе при входе в лес полковчик Федичкин встречал подходивших и направлял в лес по обе стороны шоссейной просеки. Он решил окружить красных со всех сторон и уничтожить весь отряд.

Под командой капитана Цыганова Ижевцы распространились по лесу, обходя левый фланг противника; шт.кап. Перевалов обходил правый фланг и имел задачу зайти также в тыл красному отряду; шт.кап. Терентьев действовал с фронта.

Подходившие позднее роты направлялись на усиление ушедших раньше. Старый лес скрывал все движения Ижевцев.

Когда со всех сторон показался невидимый до того противник,красные развили бешеный огонь. Ижевцы залегли в лесу или залезли на деревья, отвечая редко, но метко.

Ночь застала обе стороны на занятых позициях, и огневой бой постепенно затих.

Близился рассвет. Вытянувшиеся вдоль шоссе цепи красных беспомощно лежали перед двумя стенами темного леса.

Рявкнул могучий гудок.

Раздалось громкое "у р а", и жестокая штыковая атака закончила существование красного отряда. Ижевцы захватили в полной исправности все орудия и пулеметы и большой обоз красных.

Антонову удалось бежать с небольшой группой своих подчиненных.

Население Ижевска третий день тревожно ожидало развязки.

Быстро разносится радостная весть - полная, блестящая победа.

Ижевск встречает возвращение своих героев колокольным звоном и крестным ходом. На глазах у всех слезы, на устах молитвы и приветствия победителям. Соборный хор поет благодарение Всевышнему.

6.

Восстание на Воткинском Заводе.

В тот день 17-го августа, когда красные повели с двух сторон наступление на Ижевцев, собираясь сокрушить их сопротивление, их ожидал новый удар - восстание Воткинцев.

Положение в Воткинске под игом большевистской власти создалось такое же, как и в Ижевске. Те же преследования со стороны комиссаров - обыски, аресты, пытки в чека и, как в Ижевске, "особенное внимание" к вернувшимся с войны защитникам Родины, организовавшим "союз фронтовиков".

Но у Воткинцев было очень мало оружия. Договорившись с Ижевцами, Воткинцы приготовились к выступлению.

Союз "фронтовиков", около 180 человек, под командой унтер-офицера Корякова, тайно выбравшись с завода, направился в Ижевск за оружием. Получив оружие, отряд Воткинских фронтовиков и 15-ая рота Ижевцев подошли утром 17-го августа к заводу и быстрым ударом опрокинули отряды красных матросов и красногвардейцев.

Председателю Совета удалось бежать, но его охрана была захвачена почти целиком. Озлобленное против советской власти население не дало им возможности ускользнуть.

Бой закончился, и радостный колокольный звон раздался со всех церквей. Жители Воткинска, как на Пасху, радостно обнимали и приветствовали друг друга. На похороны павших в бою освободителей собралось почти все население завода. У открытых могил люди плакали и давали клятву защищать вновь завоеванную свободу и Родину до последнего издыхания.

Так вспоминает об этом дне один из Воткинцев, который участвовал в восстании Ижевцев, потом вернулся в свой родной завод и был назначен затем командиром 4-го Воткинского полка.

После окончания боя лишь немногим красным удалось спастись бегством, главным образом в сторону ст.Чепца, Пермской жел.дороги.

Большое число разбежавшихся большевиков было выловлено. Один из фронтовиков - М.И.Агафонов - захватил удиравшего конного милиционера, спешил его и, не теряя времени, стал собирать бывших кавалеристов, положив основание к сформированию Воткинских конных частей.

Этот доблестный и энергичный воин погиб в одном из боев при защите завода.

Как и в Ижевске, Воткинцы энергично принялись за организацию в вооруженных сил. Во главе командования был поставлен летчик капитан Нилов. Начальником штаба был выбран капитан Юрьев. Эти два офицера были единственными кадровыми офицерами старой Армии, бывшими в Воткинске.

Капитан Нилов оказался неудачным командиром, и его действия вызвали неудовольствие Он проявил мало энергии в организации борьбы с большевиками и больше занимался политикой в духе углубления революции по рецептам Керенского, а не спасением Родины.

На общем собрании старшего командного состава и представителей общественных организаций на должность командующего Воткинской армией был выбран кап.Юрьев. Капитан Юрьев был энергичным организатором и, обладая талантом хорошего оратора, умел привлекать всех к дружной работе, подбадривать в неудачах и, во время тяжелых боев, вселять в ряды Воткинцев уверенность в успехе. У Воткинцев он пользовался большим доверием и любовью.

Присоединение Воткинского завода с его большим населением, примерно равным населению Ижевска, удвоило ряды восставших.

Началась энергичная борьба двух огромных русских заводов и присоединившихся к ним крестьян с кровавой большевистской властью, борьба, полная подвигов, самопожертвования и любви р Родине.

Если бы родившийся в Воткинске великий русский композитор П.И. Чайковский мог быть свидетелем этой борьбы, то к его чарующим музыкальным произведениям прибавилась бы еще одна увертюра.

В этом произведении, к знакомым мотивам "Увертюры 12-го года" - к перезвонам церковных колоколов - прибавился бы шум фабричных станков, прерываемый ревом заводских гудков и перекатами пулеметных

очередей, а среди звуков чуждой марсельезы, ставшей гимном русских революционеров, можно было бы услышать мотивы мадьярских военных песен, распеваемых на подступах к осажденным заводам ожесточенными наймитами красного интернационала.

А.Ефимов.
(Продолжение следует)

Г И М Н Б Е Л Ы Х
(Посвящается генералу Л.Г.Корнилову)

Мы слуги России, мы дети народа,
Мы верные рыцари Белой Мечты.
Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
Державная воля родимой страны.

Отвергли мы иго кровавого строя:
Под красное знамя служить не пошли.
Под стягом трехцветным, по зову героя,
Распятой Отчизны мы честь сберегли.

Под небом свинцовым, не зная лазури,
По морю житейскому яростных вод
Плыл смерти навстречу, сквозь грозы и бури,
Под парусом белым отважный наш челн.

Испытанный кормчий железной рукою
Тот челн направлял сквозь туманы и мрак,
И ярко горел лучезарной звездою
На стенах Кремля путеводный маяк.

Но Бог ниспослал испытанье России,
Победы нам не дал безжалостный рок.
Слепыми волнами безумной стихии
Смыт Вождь незабвенный, разбит наш челнок.

Кружимся по свету мы пылью земною,
Страдаем и гибнем по лику земли,
Но свято храним мы своею душою
Наш клич боевой: "Все - для счастья Руси!"

Мы слуги России, мы дети народа,
Мы верные рыцари Белой Мечты.
Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
Державная воля Великой Страны.

+ Н.Н.Николаев
Доброволец-первопоходник.

Бронепоезд

"ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ"

(Выдержки из Краткого Военного Календаря)

24.8.1919 г. Боевые действия между рекой Котлубань и рекой Сакаркой, в районе разъезда Паньшино и оставление бронепоезда. Убиты 6 солдат. Ранены: полковник Странолюбский и 10 солдат.

Подробности боя таковы:

В 2 часа ночи 24 августа было получено приказание занять к 5 часам утра позицию в районе разъезда Паньшино и реки Сакарка, где и действовать совместно с бронепоездом "Вперед за Родину" и конными частями генерала Улагая. Около 7 час. бронепоезд, будучи головным, имел бой у моста через р.Сакарка. Бой протекал в крайне невыгодных для бронепоезда условиях, так как последний подвергался обстрелу красной артиллерии в лоб и с правого фланга одновременно. К 8 часам утра бронепоезд получил уже пять прямых попаданий и имел трех убитых. К этому времени части ген.Улагая были оттеснены красными от южного берега р.Сакарка и отошли немного к Ю.З. К 11 часам утра выяснилось, что артиллерия красных заняла позицию группами вдоль древнего вала и жел.дор. линии. Для бронепоездов создалась почти невозможная обстановка. Фланговый огонь красной артиллерии преследует их на протяжении всего боевого участка длиной в 12-15 верст. Прямые попадания следуют одно за другим, жел.дорожные пути перебиваются снарядами. К 1 часу дня красной артиллерией приведен в негодность мост через реку Котлубань в тылу бронепоездов и вскоре же прочно занят ими, причем там же захвачен вспомогательный поезд. Далее, вследствие разрушения ж.д. пути артиллерийскими снарядами, оба бронепоезда оказались запертыми, имея свободный участок менее одной версты, что лишало их возможности путем маневрирования уходить из-под огня пристрелявшейся артиллерии красных. Последствия не замедлили сказаться. Около двух часов дня неприятельскими снарядами была зажжена пулеметная платформа. Большая часть обслуживавшей ее команды убита и ранена, часть пулеметов разбита. В одном из орудий неприятельским снарядом поврежден поворотный механизм, в другом заклинился снаряд. Осколком снаряда поврежден бронепаровоз. Пешая разведка бронепоезда установила, что ж.д. дефиле в тылу у бронепоездов занято красной кавалерией с пулеметами на тачанках. Таким образом, дать знать пешим порядком на ст.Котлубань о происшедшим не представлялось возможным. С бронепоезда "Вперед за Родину" начали поступать донесения о том, что он совершенно небоеспособен. Вскоре после этого бронепоезд "Вперед за Родину", наехав на перебитый путь, потерпел крушение. Учитывая создавшееся положение, около 3 час.дня решено было спешиться, взять легкие пулеметы и цепью отходить в Западном направлении для соедине-

ния со своими частями. Дабы не дать возможность красным, по исправлении пути, увести бронепоезд "Генерал Алексеев", последний был пущен на бронепоезд "Вперед за Родину", что повлекло за собой крушение. Видя это, красные сосредоточили по бронепоездам весь артиллерийский огонь и пошли в атаку. Первым выскочили из дефиле кавалерия и пулеметные тачанки. Пулеметным и ружейным огнем бронепоездных цепей красные были отбиты. Цепи продолжали отходить, временами залегая и отстреливаясь от наседавшей красной кавалерии. Раненые затрудняли отход. Командир бронепоезда "Вперед за Родину" полковник Скоритовский отбился от цепи своего бронепоезда и шагах в 100 от оставленных бронепоездов был настигнут группой красных всадников. По впечатлению, создавшемуся в цепи, он застрелился из имеющегося у него револьвера, так как падающим на землю его видели, когда красные были от него в нескольких шагах. Найденный на другой день его труп имел одну пулевую рану в область сердца, и, кроме того, у него было снесено лицо и часть лба выстрелом в упор из винтовки уже после его смерти. Рубленых ран не было. Труп был раздет и в нескольких местах обожжен.

Верстах в 4-5 от места оставления бронепоездов цепи были приняты на себя сотней нашей кавалерии, которая оказала помощь сначала огнем, а затем размещением раненых по лошадям. Далее отряд бронепоездов присоединился ко взводу кубанской батареи, расположенному на позиции в этом районе. Часов около 10 вечера взвод этот снялся с позиции и отошел к деревне Котлубань. С ним последовал и личный состав бронепоездов, который затем пешим же порядком двинулся на станцию Котлубань. Здесь выяснилось, что контр-атакой конницы ген.Улагая около 6 час.вечера красные были оттеснены от ст.Котлубань и что оставленные бронепоезда находятся в нейтральной зоне между нашими и красными. Потери бронепоезда: убитых 6, раненых 11. Младший урядник Кароль сгорел на пулеметной бронеплатформе. Большая часть потерь была понесена во время боя на бронепоезде.

. . . .

9.2.1920 г. Боевые действия в районе ст.Песчанокопская и ст. Белая Глина. Гибель бронепоезда.

Подробности боя таковы:

9-го февраля бронепоезд занимал позицию несколько впереди ст. Песчанокопская. Станицу и станцию занимал 1-й Кубанский корпус численностью всего до 700 бойцов при 4-6 орудиях, сильно утомленный беспрерывными, более чем месячными боями и отступлением. Штаб корпуса, интендантство и казначейство на ст.Белая Глина. Так же находились бронепоезда "Вперед за Родину" и "Тяжелый бронепоезд № 2". Около 2-х часов дня, вследствие наступления превосходных сил красных, из штаба корпуса был получен приказ об отступлении. Корпусу было приказано отходить вдоль полотна жел.дороги на ст.Белая Глина, бронепоезду же "Ген.Алексеев" надлежало прикрывать отступление корпуса.

Около этого же времени со стороны ст.Белая Глина была услышана оживленная артиллерийская стрельба. Попытка включиться в жел.дор.телефонный провод, дабы выяснить обстановку на ст.Белая Глина, была безрезультатной, так как ст.Белая Глина не отвечала. Произведенная бронепоездом разведка в сторону ст.Белая Глина выяснила, что как станция, так и станица Белая Глина прочно заняты большими силами красной кавалерии с артиллерией. На станции шел грабеж составов. На горизонте в 3-4 верстах за станцией стоял недействующий бронепоезд.

Части 1-го корпуса, не вступая в бой, отступают в общем направлении на станицу Павловскую. Красная кавалерия преследует их и рубит. Наша артиллерия берется атакующей красной кавалерией. Бронепоезд "Генерал Алексеев" открыл огонь по станции и пошел в наступление с целью пробиться на ст.Ея, но вскоре с впереди идущего вспомогательного поезда прибежал на бронепоезд его личный состав, командир которого доложил, что его поезд, вследствие попорченного пути, на входных стрелках сошел с рельс паровозом и несколькими вагонами. Означенное подтвердилось бронепоездной разведкой. С этого момента красные прекратили огонь по бронепоезду, так как, очевидно, считали его своим трофеем.

Бронепоезд тоже прекращает стрельбу по красным. В казачьей части команды замечается нежелание продолжать бой ввиду неизбежности пленения бронепоезда. Отдельные небольшие группы красных подъезжают к бронепоезду на несколько десятков шагов, осматривают его, отвечают, какой они части и пр. и затем отъезжают обратно.

Когда начало темнеть, примерно около 4-5 часов, бронепоезд двинулся полным ходом в направлении ст.Песчанокопской и, не доезжая до нее верст 5-6, останавливается. Снимаются панорамы и затворы с орудий, портятся тяжелые пулеметы, команда оставляет бронепоезд, взяв легкие пулеметы, и пешим порядком отходит по направлению станицы Павловской. Дабы замаскировать место оставления бронепоезда, а бронепоезд привести в негодность, последний без механика был пущен полным ходом в сторону ст.Песчанокопской. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Команды бронепоезда и вспомогательного поезда, в составе около 65 человек, следуя через станицы Павловскую, Успенскую, Рашеватскую и Темижбекскую, не встречая красных частей, прибыли к вечеру 12 февраля на ст.Кавказскую. Как потом выяснилось со слов одного офицера с тяжелого бронепоезда № 2, единственного из чинов двух бронепоездов, бежавшего от красных, конная группа красных наступала на ст.Белая Глина от станицы Егорлыцкой. Взорвав ж.д. мост через реку Ея, она затем с тыла и левого фланга повела наступление на станцию и станицу Белая Глина. Бронепоезда "Вперед за Родину" и "Тяжелый бронепоезд № 2" были врасплох захвачены красными в районе ст.Белая Глина. Личный состав обоих бронепоездов погиб. На ст.Белая Глина были зарублены красными: командир 1-го корпуса генерал Крыжановский и чины его штаба. Красная конница, преследуя отходившие кубанские части, произвела даже налет на жел.дорогу Тихорецкая-Кавказская, сопровождавшийся порчей пути и телеграфной линии. Станция же Кавказская занималась ими около часа. В это же время база бронепоезда находилась на одной из промежуточных станций между Кавказской и Тихорецкой. Из оставшихся на базе чинов бронепоезда был составлен отряд для отражения могущего быть налета красных на станцию. Ввиду отсутствия паровоза база бронепоезда была разделена на две части и путем прицепки к проходившим поездам вывезена на ст.Кавказскую, через два часа после очищения ее от красных.

Кап. А.Осипов
(Продолжение следует)

- - oOo - -

Е М Ш А Н.

В степях половецких, привольных и диких,
Растет эта травка "Емшан"...
Былинка душистая, силы великой,
От недугов злых талисман...

- o -

В двенадцатом веке два брата, два хана
На Русь совершали набег...
С полоном великим Отрок со Сырчаном
К степям направляли свой бег...

И вот уж пред ними родные улусы,
И вежи рядами стоят...
Вдруг, крики и стоны... То грозные Русы,
Настигнув, половцев разят.

Сгорели улусы, а жен половецких
Князь русов на север угнал.
Сырчан схоронился в осоках Донецких,
К осогам Отрок ускакал...

- o -

И годы прошли над Донецкою степью,
Где раньше был половцев стан,
Лишь дикие гуси проносятся цепью,
Да волк пробежит, иль кабан...

Но... снова усобица Русь раздирает,
Скончался гроза-Мономах...
Сырчан ободрился, половцев сзывает,
Готовит набег в кипчаках.

- o -

Гонца и певца посылает он к брату,
Что стал у осогов царем:
"Иди и поведай: уж нет супостата,
Мы вольно, как прежде, живем.
Зови его к нам в половецкие дали,
Скажи, что зовет весь народ...
Ты в песне пропой, как мы русов бивали,
Как брали ясык на свой род...
И если отказом ответит на это,
И песня его не проймет,
Ты брату дай в руки былинку, вот эту:
Понюхает он - и придет..."

- o -

Пирует Отрок. Он владыка осогов
И многих кавказских племен,
Он свитой князей покоренных народов
И множеством жен окружен...

И пенятся кубки напитков кавказских,
И льется вино на ковер...
Но больше пьянит взор красавиц абхазских
И пылких черкешенок взор...

Вдруг вводят гонца и певца от Сырчана...
И выслушал брата наказ
Владыка осогов, гроза Дагестана,
Как был, не поднял даже глаз...

Певец запевает степные напевы...
Отрок прерывает певца:
Движением быстрым, сурово и гневно
Он прочь отсылает гонца.

Певец замолчал, из-за пояса вынул
Он быстро какой-то комок
И грозному хану на руки он кинул
Емшана душистый пучек...

И ахнули гости от дерзости этой
И ждут уже казни... А хан,
Склонившись, заплакал, как плачут лишь дети,
К лицу прижимая емшан...

Что с ханом? Он плачет? - кругом вопрошают... -
Его отуманил чихирь...
Владыка осогов гонца обнимает,
Певца приглашает на пир...

И в ночь эту тайно осогов владенья
Оставил с дружиною хан,
И с гор, ко степям половецкого племя,
Спустился его караван.

- о -

Уж степь пробудилась. Редеют туманы...
Росы заискрился алмаз...
Отрок поспешает, и травку емшана
Он мочит слезами из глаз...

И солнце слепит уж стрелами златыми,
Колчан его алый - восток...
Все едет с дружинниками со своими,
Все едет и шепчет Отрок:

"Богатство и слава, что в них на чужбине?
Моих им не вылечить ран...
Пусть лучше в степи безизвестным я сгину,
Где благоухает емшан!..."

+ Поручик Н.П.Харьков.

Примечание: Душистая травка, что по татарски зовется емшан, растет в степях Донского края и зовется на Дону шебрец, а в некоторых станицах чебрец.

Б.Турчанинов.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ.

"В степях половецких, привольных и диких, растет эта травка (по татарски) Емшан, былинка душистая силы великой, от недугов злых талисман..."
Н.Х.

1.

Щ е б р е ц .

Слыхали ли вы когда-нибудь, как в придорожных кустах горлинка стонет? А как в приозерных камышах чибис плачет - не слыхали? Жаль. А вот когда из дали степной несется ржанье табуна, бегущего на водопой донской волны, или как сверчок под лавкою звонит, а месяц тихонько в окошко глядит? Тоже не слыхали? - Ну, а видали ли вы, как над вершиной седого кургана, возвышающегося над степью донской, орел сизокрылый неподвижно парит, как изваяние? Стога буреющей соломы и журавель задумчивый на них? - Кто слыхал, кто это видел, тот поймет и сейчас прелесть степи... степи Тихого Дона. Но больше всего в степи весной, летом и до глубокой осени, аж до Покрова Пресвятой Богородицы - вас охватит в степи запах скошенной травы, свежего сена и разных степных цветов. Особенно один запах сильный, пьянящий и, раз услышав его, вовек не забываемый - душистый Емшан. Цвет его - средство целебное от недугов, ран... А на Дону его звали Щебрец.

На Троицу в городах, станицах, хуторах, в каждом доме на полу зеленая травка, над дверьми ветки березки, липы, молодого дубка, акации; и свежестью пахнет, и праздник в доме. В углу, под образами мерцает огонек лампады и чуть слышно пахнет Емшан - по казачьи Щебрец.

Последний раз приложился я к Пресвятой Богородице на праздник Покрова в станице Ольгинской, в станичной церкви, 1-го октября 1918 года. Большой образ, в богатой ризе, увит хризантемами. Образ лежит на еще зеленой травке, и... пахнет былинка душистая, Щебрец...

Последняя Троица на Дону - 1919 год. В степи станиц Аксайской, Александровской, Кизитириновки - последний раз трава косилась для праздника, и в каждом доме была зелень, и пахло свежестью, и пахло тонко Щебрецом. - Уезжая с Дона, многие казаки с собою в сумку брали пучек этой травки, Щебреца, а по-татарски Емшан, и верили в свой талисман. Эта травка, запах напоминали свое, степь, станицу, Дон, родимый край. С нею и умирали за честь отчизны, за славу дедов и отцов.

Все это и многое другое не раз на протяжении детства, ранней юности я видал, слыхал, перечувствовал, проезжая на бричке, а больше верхом по донским степям. И запечатлелась на всю жизнь вся неповторимая гамма волшебных звуков тех далеких лет родного края. Нигде такого нет другого...

- о -

2.

Степная рапсодия
(Двадцать с лишним лет спустя)

Вернемся мы назад, и снова сад вишневый
Покроет старые знакомые места...

Широко раскинулась бескрайная степь широкая. Мерно колышется степной ковыль, и, серебром переливаясь, волна за волной бегут по его шелковой поверхности. Тишина степная нарушается лишь клекотом орла, как на ниточке повисшего над бескрайностью. Легкий наклон - и на распластанных крыльях перемещается на сотню метров, и опять застыл в своей выси.

Кое-где, изредка, перепел зовет - "пить пойдем, пить пойдем", - и через короткий промежуток времени вдали чуть слышно другой ему в ответ: "пить пойдем, пить пойдем". Вот и все звуки степные в жаркий летний день. Но это - если не прислушаться. А прислушайтесь - Боже, как много разных прелестных звуков.

В жаркий полдень жаворонок тихо поет, над дорогой поднявшись, на месте крылышками машет. Пчелка жужжит, мухи - и те поют на разные тоны. А стрекозы, как миниатюрные аэропланчики, стрекочут, да жук этакой трещеткой над ковылью промчится и на дорогу плюхнется, и пошел ковылять по пыли, на ходу укладывая свои крылышки.

Особый и только тем местам присущий запах - смесь мяты, меда, сухой травы - можно услышать только там. Но Шебреца там нет. Вдали "спят курганы темные", таящие тайны веков, ушедшие в невозвратное время. Несколько дальше ветряк машет неутомимо своими крыльями, а чуть левее в густых садах вишневых утонуло красочное село, как бы уснувшее в полдень знойного дня.

Хороши и привольны южно-русские степи Таврии, преддверье Крыма, веками обильно политые русской кровью. Потому и маки там цветут кроваво-красные. Если на мгновенье забыть недавнее прошлое, жуткое настоящее и совсем уже мраком покрытое будущее, то, глядя на степь, на дорогу, вдыхая пьянящий воздух, невольно переносишься в атмосферу жизни и быта времен "Миргорода" и его героев, так красочно описанных Н.В.Гоголем. Но то ушло. Унесла река времени благорастворение воздухов и тот мир, которого уже не будет.

"... видно, бес водил нас в поле,
да кружил по сторонам..."

В этих местах пришлось побывать ранней осенью 1942 года.

Здесь прошли броневые дивизии нашествия с запада. А потом... с востока на запад потянулись густые колонны русских измученных людей в серых шинелях. - Несколько раньше доморощенные тевтоны особого назначения, не хуже броневых дивизий, прошлись по этим местам и также гнали колонны разоренных русских измученных людей куда-то в северном и восточном направлении. А еще глубже в века ушедшие заглянуть - разные татары, монголы, турки проутюжили степь широкую и тоже гнали великомучеников земли русской, только уже куда-то на юг... Многострадальная скифская степь...

С такими обрывками дум и воспоминаниями из истории моей родины - что знал, что помнил - я и мой спутник катились на некоем четырехколесном сооружении, носящем название шарабана и влекомом, поднимая густую, только русским дорогам присущую родную пыль, двумя мохнатыми

низкорослыми лошаденками, которые, с разгону перебежав, как по клавишам рояля, деревянный мостик через узкий ручей, вкатили нас на главную улицу как бы уснувшего села, перепугав своим видом и ужасным скрипом всех частей нашего транспортера выпорхнувших из пыли двух ворон и очумелого от сна пса, который что-то хрипнул заспанным собачьим голосом, причем из ноздрей его, как у огнедышащего змея-горыныча, вылетели две струи пыли, втянутой собачьим носом во время сна, отчего сконфуженный страж, поджав хвост, поплелся в тень забора из подсолнухов. Насколько красочно выглядело издали утонувшее в зелени садов село, настолько жутко бедным оказалось оно перед глазами, пока мы его миновали.

Несколько сгоревших хат обугленной жутью покоились на буйно разросшемся бурьяне. Убого выглядели сохранившиеся - по всем признакам, с незапамятных времен. Не видно домашней птицы, не видно скота, почти не видно людей. Все угнано ушедшими на восток. Остальное угнано и съедено, как саранчей, пришедшими с запада. Картина давнишней постоянной бедности и разорения, плюс недавние военные вихри. Выезжая из села, я вспомнил где-то, когда-то слышанную или прочитанную легенду о тихо летящем над землей ангеле. И подумал: глядя на эту жуткую тишь, ангел должен был бы заплакать.

3.

Ш а р а б а н

"О славных страницах борьбы той суровой
Певцы и баяны молчат..."

Наш возница сивоусый, лет шестидесяти, Опанас, недавний конюх колхоза "Красная степь" (почему "красная"?) поведал, что это тот самый шарабан, про который в годы гражданской войны сложили песню:

"...Ах шарабан мой, американка,
А я девченка, да шарлатанка...", -

а во время оперировавших здесь махновцев выполнял функции пулеметной тачанки, в подтверждение чего кнутовищем показал на нашем сидении четыре круглых дырки для болтов, когда-то державших катки "Максима". На передке, давно стертом, когда-то было краской написано: "Не уйдешь", а на задке надпись гласила - "Не догонишь". Это историческое сооружение, долженствовавшее пребывать в каком-нибудь музее нашего времени, воскресило многое из прошлых лет и послужило причиной многих вопросов Опанасу, который, умудренный годами "ловчиться и приспособляться", ухмыляясь в ус, односложно отвечал: "Всего бывало". Видно, в карусельные годы "революционных лет" у Опанаса, действительно, "всего бывало". На правой руке не хватало двух пальцев, отсутствовало правое ухо, по виску к шее шла глубокая борозда.

Обернувшись, он показал несколько пулеметных дыр в бортах шарабана и добавил: "Це красные".

- А це билые, - указывая пальцем под сиденье, где отсутствовал один угольник, поддерживающий сиденье. Несколько помолчав, обернувшись к нам и хитро улыбаясь, сказал:

- Махновцы им пользовались, яки красных и билых билы, а вони нас теж... - и, задумавшись,как бы про себя добавил: Эх, життья була, всего бувало... Ну, даешь! - вдруг крикнул он на лошадей и со свистом взмахнул кнутом.

Я понял - старик воскресил из прошлого победный клич, что гулял тогда по всем просторам взбаламученной России. Мы снова катились уже по степи, еще более живописной, еще более усеянной яркими пятнами красных маков. Подумал, не здесь ли Глиер вымучивал свои бесшабашные звуки к опере "Красный мак".

Перепела затихли, какая-то стайка птиц кубарем скатилась с высоты к подножью кургана, из-за которого метнулась темная тень степного орла.

- Бачьте, орел, кивнул на хищника Опанас, - а тоди був орленок, така писня була, - и замолчал.

Я внимательно стал разглядывать нашего возницу, его крепкий загорелый затылок, широкую спину, мне видны его жилистые руки с остатком закорузлых пальцев, и вдруг я спросил его:

- А ты, дядя, чего ж не отступил на восток?

Не оборачиваясь к нам, ответил:

- А хай им грец, нехай соби втикають, без них, мабуть, лишше буде.

- А ты, - спрашиваю, - в революцию, верно, в Красной армии был?

Опанас как-то крякнул, пошевелил вожжами, сидя полу-боком, сказал:

- Спочатку був у красных, як с германской пришел, набачився богато, не добре робилы, так я до билых перемахнувся, до казаков. Може слыхали, корпус генерала Мамонтова был. Донской. Всяко бувало.

Лошади побежали с горки, шарабан наш запылил среди кустарников, начались перелески, за одним из них был виден до тла сгоревший хутор, у дороги, уткнувшись дулом пушки в канаву, боком стоял танк с красной звездой, с перебитой гусеницей. Опанас, указывая кнутовищем на хутор, поведал:

- У девятнадцатом роке тут мени буденовец, как в атаке столкнулись, ось што мени зробив, - показывая на шрам у шеи, - тильки вин малость промахнувся, а я и доси то мисто знаю, кажинный раз, як минаю, так про себе и помяную душу раба Божьего, яку я до неба пустив.

- Ого, да ты бывалый, Опанас!

Опанас ухмыльнулся.

- Всяко бувало, - говорит. - Как бы не соромно, так я б штаны сняв, та показал бы, як мене билые шомполамы отработалы, доси боком сидю.

- Погоди, дядя, как же так, ты же у белых был?

- А я потим до махновцев втик. Дюже строго у билых було: то не можно, це не можно, а у махновцев все було можно, - гуляй соби и годи. Така хвиля була, молод був, другий раз горилки напьешься, так сам соби атаман...Ну, а потим, як билые из Крыма вышли, так под Каховкой нас злапали, а мене спизнали. Полковник, якиий у казаков був, коли я до них пристав, спизнав мене, як по строю полоненых проходил. Як побачив мене, тай каже: да це ж Опанас. Ты, каже, собачий сын, у красных був, до нас пристал, а зараз до махновцев подался. Ото ж я тоби злыдень покажу, як щастя шукать. Ну и показали, доси памятую. А чоловик добрый був, другий бы в расход пустив.

Старик, помолчав, добавил:

-Коли б знав, що потим буде... Це вин правильно тоди сказав мени. Щастя шукав, ото ж найшов це щастя... - Старик, видно, растрогался. - Ну, давай, давай! - закричал он на лошадей; лошадки побежали быстрее, вдали за перелеском показались строения города.

4.

Всколыхнулся Тихий Дон.

То край родной восстал за честь отчизны,
За славу дедов и отцов... Э.К.

Небольшой степной город, каких немало на юге России. Домишки с когда-то зелеными ставнями, с давным давно некрашеными крышами, дворы с ветхими покосившимися заборами. Пыльные улицы, обсаженные акациями, с ухабистыми тротуарами, заросшие лопухом, крапивой, колючками...

Центр, если можно так выразиться, это небольшая городская площадь. На одной стороне церковь... без крестов, напротив старое, с претензией на монументальность здание местной управы, затем городской сад с вековыми разросшимися дубами, липами, который пересекает прямая главная улица, уходящая в степь - так и зовется "Степная".

Проходя по улицам и даже любуясь этими свидетелями старого доброго времени и глубокого мира, мы обратили внимание на кое-где расклеенные, с грехом пополам отпечатанные афиши, громко гласящие:

"В воскресенье в 9 часов утра в Соборе (!) будет отслужена панихида по на поле брани павшим казакам в походе. Затем будет отслужен молебен о ниспослании победы Христолюбивому воинству, после которого состоится парад (!) сводной группы казачьих войск".

Переглянувшись, глазам не поверили. Снова перечитали. Внимательно рассмотрели афишу, и показался нам этот лист бумаги каким-то опять вспыхнувшим тем светочем, что зажжен был на Дону больше двух десятков лет тому назад. Не слова на ней были, а музыка, мелодии тех лет как бы зазвучали над нами. За живое задели памятные слова, фразы... "павшие на поле брани"... Вспоминаются лица юные, безвременно павшие на полях брани за Веру, Царя и Отечество, а вскоре и другие такие же и еще более юные, павшие на родных полях за Русь Святую... "О ниспослании победы Христолюбивому воинству..." Вспоминаются - большая площадь, на ней ровные ряды, много коленопреклоненных рядов с обнаженными головами, над ними - лес сверкающих штыков, перед ними священник с поднятым благословляющим крестом, кругом хоругви и задушевные песнопения хора молебна.

"Парад сводной группы казачьих войск"... и опять перед глазами площадь, ровные, стройные ряды конницы, под звуки оркестра и все заглушающего "ура" проходят сотни казачьих полков, уходящих на фронт, в блеске оправы их оружия, снаряжения, и над ними лес колыхающихся пик. Как все это было давно, и вдруг... Пошли в управу убедиться, что это не галлюцинация. Какие-то старички, новые отцы города,разъяснили нам, что на-днях в их город прибыла большая группа казаков с Дона, с семьями, походным порядком в военном строю, в форме, с оружием и с официальным разрешением германского командования двигаться в тыл. Под постой им отвели школу, сразу за городским садом.

Несмотря на торопливость нашего Опанаса пускаться в обратный путь, все же решили остаться еще на один день. Была суббота. Выйдя из управы, пересекли сад, вышли на широкую улицу и сразу увидали здание школы, а на всей территории двора, вдоль забора, ровными рядами выстроены возы с поднятыми кверху дышлами, между которыми на натянутых веревках было развешено разношерстное сушившееся белье.

В углу двора шла стирка, бегали женщины, девушки, одни белье снимали, другие мокрое вешали, справа была правильная коновязь с лошадьми, несколько казаков чистили своих коней, задавали сено, мелькали лампасы, зеленые гимнастерки, синие погоны, кой у кого с лычками, бегала детвора, несколько овчарок лежали под возами, у крайнего воза блеяли овцы и несколько коз. У ворот ходил казак с шашкой через плечо, в старом, давно выцветшем обмундировании, но подтянутый, вроде дневальный у ворот, чуть дальше несколько казаков стояли, окруженные группой горожан; слышен громкий разговор, прерываемый смехом, возгласами. У главного входа в школу мы сразу заметили в коридоре двух офицеров, решили подойти.

Поздоровались. "Здорово дневали". Улыбаясь, выходят к нам. Оба пожилые, загорелые лица, на обоих старые, когда-то серебряные погоны (где сохранились?) - сотник и есаул. Сбоку простые казачьи шашки. Мой спутник только и мог сказать: - "Пришли, значит?"

- Ушли, - говорит есаул, улыбаясь, а сотник добавляет: - И уходим.

- Вы что же, - спрашивают, - с запада?

- С запада.

- Ну, а мы, вот, с востока. Вот и встретились.

- Выходит, что вроде опять встретились, - говорит мой спутник. - Вы где же были тогда?

Оба рассказывают: в мировую войну воевали в дивизии генерала Каледина, в гражданскую - в корпусе генерала Мамонтова, а потом в корпусе генерала Гусельщикова. На эвакуацию в Новороссийск дойти не успели. Схоронились. Ну, а потом... и вспоминать не хочется. "Сейчас, вот, идем на формирование казачьего корпуса, наш-то атаман, Петр Николаевич Краснов, ждет нас, голос подал, ну и... всколыхнулся Дон, а там, как Бог даст."

Долго беседовали, уже сидя в их комнате. Многое рассказали казаки за все годы. Грустно было слышать всю горечь их слов, слов седых утомленных людей, которые в годы 1-й мировой войны были острием, ушами и глазами русской армиив Восточной Пруссии, на Карпатах, у Перемышля и т.д. Но все было как-то привычным слушать для того времени, для тех мест, от всех слоев населения. С есаулом идет дочь с двумя детьми, сына и зятя нет, рассказывает, как забрали в 1937 году, так и сгинули, и грустно добавил - то ли о здравии поминать, то ли за упокой. Сотник - с женой. Говорит о своей истории. В 1930 году всю семью, родных, близких, почитай полстаницы - скотским порядком вывезли в Нарымский край, да не все доехали. После отбытия 10 лет заключения были оставлены на так называемом вольном поселении. С начала войны бежали на Дон, куда и прибыли как раз в самую точку, и, смеясь, сказал: как раз к походу, еще б гудок, и опоздали бы.

Наговорились вдоволь, угостили по чашке бекмеса. Дружески попрощались, обещали быть завтра в церкви на службе и, уходя, я все же спросил, чем это пахнет в комнате, чем-то знакомым, что-то напоминающим, не потниками, не седлом казачьим, что тут же в углу лежали, а чем-то степным. Есаул улыбнулся, подошел к седлам, из сумы вытащил мешочек из парусины, подавая мне, сказал:

- А ну, угадайте, там вот земля Кагальницкая, что Тимофеевкой зовется, а прож ней...

А я приложил мешочек к лицу, вдохнул в себя этот родной запах и перебил его: "Знаю, Чебрец там"...

Отдал ему в руки мешочек и вышел из комнаты. Шел через парк, - как нектара глотнул, вроде заставившего все забыть, что есть, и все вспомнить, что было...

5.

Христолюбивое воинство.

К половине девятого мы были уже на площади. Тротуары были запружены жителями, бедно, но по возможности по-воскресному одетыми. Перед церковью на площади стоял небольшой столик с утварью, рядом аналой с большой иконой на вышитых полотенцах, убранный цветами и зеленью. В две шеренги выстроен казачий пеший строй, заметно после дальней дороги подчищенные, подтянутые; в строю стояли и их возницы - старики. На левом фланге стояли женщины, дети. Трудно передать всю прелесть трогательной картины и всю гамму родных красок. Лампасы, фуражки цветные нескольких кубанских казаков, как потом оказалось, станицы Старотиторовской, погоны, почтенные бороды, седые головы, а рядом несколько задорных чубов молодых. И все это - в солнечный летний день и на фоне православной церкви. Перед строем ходил вахмистр, пожилой усатый донец. Подравнивал строй, поправлял снаряжение, поговорил с левофланговым женским строем и было уже повернулся, как из-за кофт и юбок вырвался мальчуган лет 10-12 в казачьей форме и, оторопело остановившись, закричал: "Деду, я до казаков у строй хочу!"

Вахмистр, обернувшись, погрозил пальцем, что-то сказал, но мальчик не унимался: "Не хочу я тут промеж баб и девок, до казаков хочу, деду, можно?"

По площади пронесся смех. Сцена была, действительно, смешная и умилительная. Вахмистр что-то сказал и пошел дальше, а мальчик стремглав бросился мимо женщин и сияющий, на всех победно поглядывая,стал крайним в строй.

Где ты сейчас, казаченок? Прочтешь - отзовись!..

Минут через десять вахмистр засуетился - сквозь толпу горожан протискивался духовой "оркестр": музыканты, восемь человек, одеты с претензией быть хоть как-нибудь похожими на военных, с начищенными кларнетами, флейтой и другими дудками и даже с барабаном. Вахмистр устроил их на правом фланге и даже за руку поздоровался с "капельмейстером",и они стали обсуждать что-то, очевидно, важное, судя по их озабоченным лицам и неимоверной жестикуляции.

- о -

Ровно в девять часов вахмистр, в роли "командующего парадом", поправил на себе снаряжение, фуражку, вышел на середину, четко повернулся к строю и, как видно, так и не отвыкший за два десятилетия от службы, подал громким голосом команду - "Пар-рад смирно!" и... буквально выхватил шашку, блеснувшую на солнце клинком, и двинулся, отбивая шаг, навстречу идущему к строю уже знакомому нам есаулу.

Остановились друг против друга, один с обнаженной шашкой в руке, другой с рукой у козырька казачьей фуражки. В нависшей тишине прозвучал рапорт: "Господин есаул, сводный отряд донских и кубанских казаков построен по вашему приказанию. В строю сто двадцать восемь казаков. К походу все готовы". Все взоры были устремлены на эти две сугубо национальные фигуры, воскрешающие минувшее, незабываемое, былую славу.

После краткого приветствия и обхода строя, из церкви вышел в полном облачении старенький священник, дьакон, два мальчика прислужника, небольшой хор певчих, среди которых было несколько прибывших казаков; двое из них держали хоругви, недавно реставрированные. Обнажились головы, наступила полная торжественная тишина, замелькали руки, кладущие крестное знамение.

6.

В о б л а ж е н н о м у с п е н и и...
и
С п а с и, Г о с п о д и, л ю д и Т в о я...

Началась краткая панихида по убитым уже на походе. Вглядываясь в лица, я не нашел ни одного безбожника, вернее, ни одного насмешливого лица или просто праздностоящего. Многие становились на колени, большинство истово крестились, свечей было мало, а те, что горели, были, видно, наспех приготовлены. В женском строю замелькали часто платки, вытирали глаза и казаки, вахмистр и есаул клали на грудь широкие кресты.

Настал жуткий, глубоко тронувший всех момент, когда старенький священник проникновенно и громко провозгласил: "Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабом Твоим воинам: Петру, Алексию, Сергию, Николаю, павшим на поле брани за Веру православную и за народ свой многострадальный, и сотвори им, Господи, вечную память".

Хор запел "Вечную память", которую подхватил и весь упавший на колени казачий строй; казалось, поет вся площадь, обливаясь слезами, ибо многие буквально плакали навзрыд. Момент был потрясающий и незабываемый.

Я не помню, как прошел напутственный молебен, ибо все время был под впечатлением прошедшей панихиды, в которой вечную память пели бесконечному множеству безвременно и безвинно погибшим и в смуте умученным.

В строгом порядке, степенно подходили к аналою, сотворив крестное знамение, прикладывались к образу, затем подходили ко кресту. Подошли и мы. За несколько шагов до аналоя я уже глядел на лежащий передо мной образ Владычицы, на проникающий в душу кроткий взор, как бы все видящий, все знающий и успокаивающий. Вспомнил тот год - последний на Дону - станица Ольгинская, войсковой праздник, станичная церковь, убранная цветами, зеленью, посредине на аналое образ такой же. А может быть, и тот самый. Только еще более потемневший. Перекрестился. Положил обе руки на края аналоя, приложился к Покрову Пресвятой Богородицы. Еле сльшный запах заставил вздрогнуть, поднять голову. На меня смотрели святые глаза, а сбоку, в зелени, лежало несколько полузасохших былинок чебреца, а надо всем украшением лежал сухой бледно-васильковый вечный бессмертник... смертию смерть поправ.

И на мгновение ярко воскресились в памяти моменты далекого прошлого, степной запах - вот такой же, как у образа сейчас - как в расплывавшемся тумане открылись картины родного края, безжалостно отнятого... Ковыль, камыши у озера, кресты родных могил на погостах, пыльные дороги, и среди рощ, курганов и степи широкой течет Тихий Дон. А над всем краем - Покров Пресвятой Богородицы, чей образ, так бережно хранимый долгие годы, увозили сейчас с горстью земли станич-

ной и душистой былинкой с собою казаки в изгнание, а может быть и на смерть за верность себе и Отчизне.

- о -

Приложившись ко кресту, я отошел в сторону и сразу увидал у аналоя с образом коленопреклоненную фигуру, крестясь, кладущую поклоны. То был наш возница. Опанас с трудом поднялся, как видно, очень бережно приложился, затем подошел ко кресту, перекрестившись, поцеловал крест и вдруг обеими руками взял руку священника и ее поцеловал. Батюшка растерянно посмотрел вслед уходящему Опанасу, и до меня донеслись его слова - "Спаси Христос!"

7.

П а р а д.

С площади унесли столик, аналой. Завернутый образ в полотенцах унесли казачки. Батюшка вышел в церковную ограду, поднялся на паперть да так и простоял на ней до самого конца. Из-за церковной ограды коноводы стали выводить по походному оседланных коней. Через несколько минут в конном строю стояло сто двадцать восемь всадников. На площадь из улицы от школы стали втягиваться уложенные по дорожному возы. С ними появился наш другой знакомец, сотник, к нему мы и направились узнать, зачем такая громоздкость для парада. Улыбаясь, он нам пояснил:

- А мы зараз и уходим, четыре дня задержались по ремонту, вместо двух, так надо поспешать.

Пожали ему руку, пожелали всего доброго и отошли в сторону.

Вдоль всей площади до городского сада стояли мужчины, женщины, дети, у городской управы стояла группа стариков и уже знакомый нам есаул. Позади стояли два казака и три оседланных лошади. Интересны были наблюдения этого исключительного явления того времени. Мне кажется, что большинство стоявших тут жителей переживали торжественность момента, соприкоснувшись с отголоском прошлого, и чувство сладостной надежды, очевидно, уже недалекого и несравненно лучшего будущего делало всех людей трогательными и любвеобильными. Мне кажется, так выглядела площадь Белогорской крепости перед появлением орд Пугачева. На площади все же немногочисленные жители, довольно бедно одетые, сравнительно небольшая группа всадников, выстроившихся в одну линию. Глядя на этих сынов Дона, было грустно видеть, что это уже не те лихие сотни казачьих полков, которые я видел уходящими на фронт в годы мировой войны. Розно одетые, не все имели сапоги, разные масти лошадей, разные седла, не у всех шашки, всего несколько винтовок, резкая разница в возрасте - рядом с очень пожилыми казаками были совсем юные мальчики, - но, что было очевидно, это у всех на лицах было выражено горячее желание быть теми, кем они были, и быть достойными их предков и славы родного Дона.

Над площадью опять нависла торжественная тишина. Сотник сел на своего коня, поправил фуражку и подал команду.

- Группа смир-рна, спр-рава по три, марш...

Оркестр заиграл марш, затрудняюсь сказать, какой, но играл с душой. Казаки быстро, как на учении, перестроились по три и во взводных колоннах двинулись за сотником.

Перед каждым взводом шел урядник. Приятно было видеть, что все четыре урядника, как и вахмистр и почти все правофланговые и по виду, и по одежде были настоящие казаки прежнего времени, вот только если б... не так много седых голов.

Трогательно было видеть, как, поравнявшись с группой пожилых людей, скромно стоящих у здания городской управы с непокрытыми головами, и есаулом, с рукой у козырька фуражки, взводы отчетливо поворачивали головы направо и раздавалось довольно громкое троекратное ура. Оркестр превзошел себя и действительно гремел, кричали ура и жители, аплодировали, раздавались крики: "Браво, казаки, Бог вам на помощь, да здравствует Дон и Кубань!"

На паперти церкви одиноко стоял старенький священник с поднятыми обеими руками, в которых держал крест, как бы благословляя уходящих, обреченных людей. Прошли взводы, прошел и ушел небольшой обоз, и последними прошли рысью молодцеватый вахмистр с восемью казаками, как бы замыкая походный порядок. За ними, попрощавшись с городом, поблагодарив за помощь и гостеприимство, ускакал со своими ординарцами и есаул.

8.

И т а к...

Через час пустились и мы в обратный путь. Перед нами опять степь широкая. Резво бегут лошади. Скрипит и стонет видавший виды наш шарабан. Волнуется, серебром переливаясь, сбоку ковыль. Каждый из нас погружен в свои, ему одному известные думы. Каждый по-своему переживает так неожиданно все виденное, все перечувствованное. Мой спутник как бы дремлет, а я знаю - не дремлет он. Ведь тогда он на Дону был, когда первые начавшие зажгли первый светоч среди мрака, окутавшего Россию.

В то время я был лишь только гимназист. А он уже был поручик. Как бы очнувшись от глубокой задумчивости, он, глядя на степь, сказал:

- Вот тогда тоже такие же маки были разбросаны по степи, да и не только маки...

...И не знали мы... что через несколько лет ярко зацветут кроваво красные "маки" в долинах Лиенца, Дахау, Платтлинга, Римини и других мест, усердно взрощенные трудами офицеров Его Величества Короля Великобритании.

И вспомнил я запах былинки донской, что вдохнул вчера и сегодня у образа Покрова, такой же, как и тогда на Дону, многое напоминающий и никогда незабываемый щебрец, а по татарски емшан, и сказал об этом спутнику.

Опанас, все время молчавший и все слыхавший, добавил, все так же боком сидя:

- А я увчора у казаков був, тоже им горилки поднес вид кума, а потом воны спивалы про свий тыхий Дон. Так уси люды, яки на вулице булы, плакали, сердешны. - И немного потом добавил: - Я тех дюже растрогался, споминали, як тоди у походах тех спивалы. Отож уся життья у походах...

Умолк Опанас, чуть пошевелив вожжами и поникнув своей седой головой, полной, видно, дум своих печальных...

Солнце уходило на запад, куда ушли казаки, куда уйдем и мы... Справа на нас смотрел задумчивый курган, а над ним, словно на ниточке повисший, как бы с ним прощаясь, парил степной орел.

- о -

Нет богатства у нас на чужбине,
Ничем не залечить наших ран.
Мы здесь, но душою мы там,
Где в степи Донской благоухает Емшан.

Тихий Океан, 1966 г. Б.Турчанинов.

- - оОо - -

Р О С С И Я

Если спросят меня - что такое Россия? -
Я не сразу отвечу на этот вопрос...
Это - степи и горы, просторы глухие,
И печальные песни, и золото кос...

Это - нивы, покрытые зреющей рожью,
Многоводные реки и дремлющий бор,
В необъятных просторах - величие Божье
И гармонии русской лихой перебор...

Это - вера и верность, и яркость, и нежность,
И ребячья душа, и горячая месть,
Это - Божьих исканий и слез неизбежность
И презрение к смерти за русскую честь!

Для меня в этом слове - святое сознанье,
Что на свете страны благороднее нет,
Что ее очищает такое страданье,
О котором не знает замкнувшийся свет...

И напрасно меня вы об этом спросили...
Не во сне, а терзаясь теперь наяву,
Я отвечу, не думая долго: "Россия -
Это то, чем сейчас я дышу и живу!"

+ М.И.Надеждин

ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ.

В июне-июле 1966 годамы пережили 50-летие огромной стратегической победы на Юго-Западном фронте 1 -й Мировой войны: Австро-Венгерская армия разгромлена и, потеряв более МИЛЛИОНА человек убитыми, тяжело ранеными и пленными, стала небоеспособной; снова занята нами чуть ли не половина Восточной Галиции. Судьба войны была после этого предрешена окончательно. Поражение Центральных держав стало неизбежным.

Понятно, что в 50-летие этих славных дней большинство наших эмигрантских журналов и газет, особенно военных, посвятили им заметки или и большие, обстоятельные статьи. Вполне естественно, что при этом был помянут добрыми словами и Главнокомандующий Армиями Юго-Западного фронта того времени, ген.-Адъютант, Генерал-от-Кавалерии Брусилов: так уж повелось, что на личность старшего начальника ("вождя") ложится блеск победы или позор поражения войск... И уже тогда стало говориться в Армии и вообще на Руси: "Брусиловское наступление", "Брусиловский прорыв"... Да и в кругах высших специалистов - старших чинов генерального штаба, которые одни только знают, как именно родился тот или другой военный замысел и кто был душою его проведения в жизнь, признали уже тогда (т.е. еще до самого "наступления" и "прорыва") большую заслугу Брусилова: на военном совете старейших генералов, под председательством Государя, 1/14 апреля 1916 года, в Ставке, Начальник его Штаба ген.Алексеев предложил летом 1916 года произвести огромное, решительное наступление силами Северного (ген.Куропаткин) и Западного (ген.Эверт) фронтов, сосредоточив позади района удара максимальные силы для его развития (стратегический резерв) и оставив Юго-западный фронт (только что назначенного его Главнокомандующим ген.Брусилова) без активного задания, ввиду огромных потерь, понесенных фронтом в страшном для нас 1915-м году (отсутствие артиллерийского снабжения).

Однако, все три Главнокомандующих возражали: Эверт и Куропаткин докладывали, что не верят в возможность победы; Брусилов, наоборот, считал необходимым, чтобы и его фронт наступал, и считал успех его вполне возможным.

Государь все же утвердил проект Алексеева, разрешив и наступление Брусилова, с предупреждением, что он не может рассчитывать на усиление своих сил ни войсками, ни новыми отпусками артиллерийского снабжения. Наступление Брусилова рассматривалось, как демонстрация, имевшая целью ввести противника в заблуждение и отвлечь его силы на юг. Поэтому главный удар Эверта и Куропаткина должен был последовать через две недели после Брусиловского.

Наступление Юго-Западного фронта состоялось и обратилось в гигантскую победу. Эверт и Куропаткин вовсе не наступали - они добились отмены их действий... Но это уже другая тема, и ген.Брусилова не касается.

Как объяснить такое противоречие в мнениях главнокомандующих? Во-первых, прошлым Эверта и, в особенности, Куропаткина, который, будучи Главнокомандующим в Русско-Японской войне, не смог одержать там ни одной победы. Генерал же Эверт был там одним из ближайших помощников Куропаткина.

Во-вторых - взгляд Куропаткина на свой долг полководца: по окончании Военного Совета, он подошел к Брусилову и произнес примерно такие слова: "Охота вам, Алексей Алексеевич, напрашиваться. Вас только что назначили Главнокомандующим и вам выпало счастье - в наступление не переходить... Я, на вашем месте, всеми силами открещивался бы от... наступательных операций, которые... могут вам лишь сломить шею..." *).

Повидимому, Куропаткину были чужды не только понятия воинского долга (конечно, в приложении к самому себе), но даже хотя бы и тщеславное, но понятное желание отличиться на новой должности, да еще столь высокой.

Итак, воздадим генералу Брусилову должное и за его держание на Военном Совете 1/14 апреля 1916 г., и за то, что вверенные ему четыре армии дали России такую победу.

Но дальше этого в восхвалении генерала Брусилова мы не пойдем и народного героя из него делать не будем. Почему? Изложу то, что сам слышал и видел.

1-ую мировую войну Брусилов начал в должности командующего 8-й Армией и в этой должности оставался вплоть до назначения Главнокомандующим на Юго-западный фронт (17 марта 1916 г.) **). За все это время его 8-ая Армия одержала ряд побед, и имя его уже тогда часто слышалось с похвалой. Мне, тогда молодому офицеру Генеральнного Штаба, вплоть до конца сентября 1915 г. не приходилось с ним встречаться по службе, но молва о его победах поставила и меня в число его поклонников. Поэтому понятно, что, будучи назначен в Штаб 40-го Арм. Корпуса, вошедшего в состав 8-й Армии, я был последним обстоятельством очень доволен. В один из первых же дней моей новой службы я должен был посетить Штаб Армии. Оперативная часть его помещалась в поезде, стоявшем на путях станции Ровно. С моим другом по Академии, ген.шт. капитаном Кусенским (офицером Штаба Армии) я шел вдоль этого поездного состава и вдруг в окне одного из вагонов увидел генерала Брусилова: он, весь в мыле, брился перед окном. И у меня вырвался радостный возглас: "О! Сам генерал-адъютант Брусилов!"

Мой спутник быстро взглянул на меня и в тон мне ответил:

- Да, сам генерал-адъютант Трусилов!

- Что вы говорите? Неужели он заслуживает такую оценку?

- Ну, послужите в нашей Армии - увидите сами!..

И увидал... Правда, сначала увидал худшее, чем "Трусилов"...

Через несколько дней после этого неожиданного для меня разговора ген.Брусилов бросил наш 40-й корпус в никем - ни противником, ни нами - не ожидавшееся наступление: нам было приказано форсировать непроходимую вброд р.Стырь, разбить за нею противника (2 дивизии австро-венгров и германскую 1-ую пех.дивизию) и наступать в общем направлении на Ковель (100 клм. на запад)... И это приказывалось после нескольких месяцев отступлений или упорных но большей частью оборонительных боев и при более, чем на 50 % поредевшем численном составе частей.

---

*) "Русский Инвалид" № 159 (Май 1966) Статья полк. Б.Н.Третьякова "Победный путь".

**) Протопресвитер Шавельский. "Воспоминания", т.1, стр.411.

Но наши (40-го Арм.Корпуса) стрелки 4-го и 5-го октября (ст.ст.) в районе м.Чарторийск - и Стырь форсировали, и две Австро-Венгерские дивизии точно с карты сдули, и Германскую 1-ую дивизию отбросили на северо-запад, причем 1-й Германский Гренадерский имени Германского Кронпринца полк почти целиком в плен взяли... Особенно отличилась в этом и последующих боях 4-ая Стрелковая (Железная) дивизия ген.Деникина. На следующий день, 6-го октября, дивизии 40-го корпуса, преследуя даже не разбитого, а почти уничтоженного противника, уже к полудню выдвинулись на 32 километра на запад. Победа эта могла обратиться в крупный стратегический успех, но... имевшие тоже приказ о наступлении наши соседи ничего за эти дни не сделали. Если сосед справа - 3-й Конный Корпус ген.Вельяшева - и действительно ничего не мог сделать против Германской пехоты, то сосед слева - 30-й Арм.Корпус ген. Зайончковского, 3-дивизионного состава - уже преступно бездействовал, как это часто бывало у этого генерала, любимца генерала Брусилова.

40-й Корпус, оказавшись благодаря этому один глубоко в расположении противника, прикрылся с севера, со стороны Германцев, своею 2-й Стрелковой дивизией и стал стремиться овладеть, ударом Железных стрелков на юго-запад, местечком Колки, в следующей на юго-запад излучине Стыри, отражая в то же время и попытки Австрийцев окружить дивизию Деникина, которые они делали своими частями с фронта неподвижно стоявшего Зайончковского. В течение нескольких дней положение, несмотря на одержанную победу, продолжало оставаться для 40-го корпуса угрожающим. Был момент (в ночь на 8 окт.), когда Железные Стрелки были совершенно окружены, из какового положения ген.Деникин вышел тем, что повернул всю свою дивизию "кругом" и за четыре ночных часа окружил и взял в плен всех его "окруживших", а еще через 4 часа вернул все свои части в прежнее положение... Корпус же ген.Зайончковского продолжал неподвижно созерцать происходящее.

В такой обстановке (помнится, 11 окт.) ген.Брусилов отдал нашему 40-му корпусу приказ повернуть обе наши дивизии на юг и не позже, чем через сутки, нанести удар противнику, находящемуся перед фронтом Зайончковского. Выполнение этого приказа прежде всего приводило к тому, что в продолжение по крайней мере 3-х дней тыл наших дивизий, обязанных наступать на юг, будет совершенно открыт с севера для удара отошедшей, но отнюдь не выведенной из строя Германской дивизии. Начальник Штаба Корпуса ген.Скобельцин и я присутствовали при разговоре Командира нашего Корпуса ген.лейт.Воронина с ген.Брусиловым по аппарату: ген.Воронин просил отложить наступление на юг еще на сутки, чтобы за эти два дня успеть нанести 2-й Стр.Дивизией короткий удар на район Волчецка, куда отошли Германцы, и таким образом обезвредить их дня на два и за это время общими силами обеих дивизий овладеть Колками. Командующий Армией ответил, что он недоволен этими возражениями - это есть уклонение от помощи ген.Зайончковскому. "Через час вы получите подтверждение моего приказа с детальными разъяснениями".

И, действительно, через час мы получили приказ в резких категорических выражениях: К утру в состав 40-го корпуса прибудет 126-ая пех.дивизия *). В течение завтрашнего дня она должна занять позиции 2-й Стрелковой дивизии, которая за ночь должна присоединиться к 4-й

---

*) Может быть, не 126-я, а 105-я. Качества обеих были одинаковы.

Стрелковой Дивизии. Следующий день дается на разведку, но отнюдь не на наступление на Волчецк. И затем, в 1 час ночи, все 8 стрелковых полков атакуют Колки и, далее на юг, противника, находящегося перед фронтом 30-го Армейского Корпуса (передаю по памяти смысл приказа).

Мы были, конечно, недовольны: и боевые качества 126-й дивизии были общеизвестны (она всюду и всегда давала тыл), и резкость приказа, и выявляющееся упрямство Брусилова (просимый вами день вам дается, только не по-вашему, а по-моему!). Но помню, что я сказал своим генералам: "А все-таки командарм благородный человек: мы доложили, что на себя не можем взять ответственности, и он пишет этот приказ, т.е. берет ответственность на себя!"...

Приказ о перегруппировке был выполнен. К полуночи назначенного числа все было готово. Остается час... Часы у всех сверены...

А ровно в полночь к штабу 40-го корпуса в Чарторийске карьером прибывает гусарский разъезд 3-го Конного Корпуса: он выслан был ген. Вельяшевым проверить положение на стыке с 40-м Корпусом и выяснил, что в окопах, где вчера были стрелки, а сегодня сидели "126-не",сейчас сидят Германцы (всего в 4-х километрах от штаба нашего корпуса), и при движении оттуда лесом к Чарторийску гусары обгоняли огромные толпы бегущих "126-х"...

Конечно, мы сейчас же вызвали к аппарату ген.Брусилова и просили: 1) Отменить наступление на Колки, 2) 2-й Стрелковой Дивизии возможно скорее занять свои прежние окопы, 3) сократить фронт Корпуса, осадив Железных Стрелков клм. на 15 назад, 4) Штабу Корпуса отойти за Стырь, чтобы не стать первым трофеем немцев, если они действительно перешли в контр-наступление. Брусилов кратко и сухо одобрил. Выполнить все это удалось. Хочу отметить, что некоторые части 2-й Стр. Дивизии прошли при этом за 2 1/2 ночных часа 18 клм. лесными тропами с бродами по колено и по пояс. Оказавшиеся кое-где в окопах Германские разъезды, конечно, немедленно исчезли. Пропали за новыми мостами на Стыри и толпы "126-х". Сколько помню, даже никаких донесений и объяснений от них к нам не поступило...

На рассвете Штаб Корпуса прибыл на свое новое место стоянки (Госп.двор Полицы) и почти сейчас же были приняты две телеграммы из Штаба Армии: 1) Приказ ген.Брусилова об отрешении от должности нашего командира Корпуса за то, что он своим неисполнением приказов Командующего Армией не только сорвал наступательную операцию, но и поставил свой Корпус под угрозу катастрофы; 2) может быть, присланная и не ген.Брусиловым, а чинами Штаба Армии копия его телеграммы Главнокомандующему с детальным изложением причин отрешения ген.Воронина. И из этой копии мы узнали, что нашему Ком.Корпуса инкриминируется дословно то, что ему было приказано вторым, категорическим приказом самого ген.Брусилова!

И ген.Воронин, и мы все, офицеры ген.Штаба Корпуса, глазам своим не верили. Казалось, что это какая-то невероятная ошибка... Но к полудню к нам уже прибыл и преемник Ком.Корпуса, известный русский артиллерист ген.Дельвиг. Ген.Воронин, конечно, немедленно сдал должность, но решил бороться и подать жалобу Главнокомандующему, ген.Иванову. По приказанию Начальника Штаба я в течении двух суток помогал ген.Воронину в составлении этой жалобы.

Как это ни грустно было сознавать, но дело было ясное: услыхав о бегстве 126-й дивизии, "Трусилов" испугался действительной катас-

трофы с 40-м Корпусом и поспешил не только найти, но и покарать "виновника" и этим подготовить высших лиц, совершенно отведя от себя ответственность. Вопрос о честности и порядочности у таких людей обыкновенно не ставится.

Как мы потом слышали, ген.Иванов внял жалобе Воронина, и ген. Брусилову был объявлен выговор в секретном предписании, а пострадавший переведен на другой фронт. Это не помешало, однако, ген.Брусилову занять через полгода пост Главнокомандующего. Своим выступлением на Военном Совете 1/14 апреля, в виде более, чем поддержки Начальника Штаба Верховного, ему удалось и еще более поднять свои шансы.

Но нам, Штабу корпуса, приходилось осенью 1915 г. ждать мести. Недели через две после отъезда ген.Воронина ген.Брусилов посетил наш Штаб. Ни с кем, кроме нового Командира Корпуса, он не разговаривал, да, кажется, и руки не подавал.

Проехал в штабы дивизий, где показался некоторым частям, стоявшим в резерве, и уехал, отказавшись принять приглашение закусить. Командиру Корпуса он объявил, что наш Начальник Штаба, ген.Скобельцын, будет сменен и что из чинов Штаба Корпуса никто не может быть представлен к наградам за Чарторийскую операцию. Чины штабов дивизий и полков - могут быть награждены, но не Штаб Корпуса.

И действительно, через несколько дней последовал приказ о перемещении Начальников Штабов 40 и 17 Корпусов - генералов Скобельцына и Бутчика - одного на место другого "для пользы службы". Но Скобельцын просил месячного отпуска, и отказать ему не могли, а Бутчик не мог оставить 17-го корпуса до смены ввиду старости Командира Корпуса (ген.Федотова). Поэтому нашему Корпусу пришлось жить полтора месяца без Начальника Штаба, т.е. последнего (генерала ген.штаба, с большими, по своему положению, правами) заменял "следующий" по старшинству офицер генерального штаба, а таковым оказался всего-на-всего капитан... И эта, по той обстановке, неприятная обязанность выпала на меня. Но это дела уже мелкие, несоизмеримые с вопросами командования армией... Однако, судьбе было угодно дать мне, по этой временной должности, случай стать свидетелем одного доказательства "прекрасного" понимания ген.Брусиловым современного боя.

В конце ноября ген.Брусилов посетил и штаб своего любимца - ген.Зайончковского. Туда же был вызван и наш ген.Дельвиг "со своим начальником штаба". Расстояние в 25 клм. болотистыми тропинками долины речки Кармин в сильную оттепель после бывших морозов нам пришлось сделать верхом в сопровождении 3-4 казаков конвоя. Колесные экипажи этим путем пройти не могли. Ген.Дельвиг, небольшого роста и чрезвычайной скромности человек, не выносил никакой помпы, и мы прибыли в штаб ясновельможного Андрея Медардовича Зайончковского в более, чем скромном виде. Штаб этот располагался в большом, богатом помещичьем доме на холме, с прекрасным видом на запад. Все было тихо: в последние дни вообще на фронте было полное затишье. Мы были свидетелями, как по значительно лучшей дороге с ближайшей станции, в роскошной коляске, в предшествии и в сопровождении взводов кавалерии, прибыл командарм. Конечно, почетный караул и все почести, по положению. Краткое деловое совещание, показавшее, что серьезных вопросов у ген.Брусилова не было. И хозяин пригласил гостей к обеду. Конечно, пригласили и нас. Но пригласили так, что ген.Дельвиг, такой же Командир Корпуса, как и Зайончковский, оказался не по другую руку Ко-

командующего Армией, а только смог сам найти за столом себе место среди корнетов штаба. Я, конечно, сопровождал своего командира. Впрочем, на корнетском конце стола нам было спокойнее, не надо было отражать каких-нибудь шпилек. А окружающие нас "корнеты" - просто нас не замечали... Нигде, как в больших штабах, так не чувствуются показания политического барометра - кто в почету на "верху", а кто под "хэримом"...

Обед был роскошный: изысканные блюда, закуски, вина... Как это все достать в полесских трущобах? Все офицеры отлично, по-петербургски, одеты... Ну, чуть что не придворный обед... И вдруг, в его разгаре, грохот артиллерийского огня - одной или даже нескольких батарей... Все сразу замолкло.

- Дежурный офицер! - раздался спокойный голос Зайончковского, - узнайте, почему огонь?

Щелкнув шпорами, отчетливый адъютант бросился за дверь. И через минуту доложил:

- Со среднего участка докладывают: противник перешел в неожиданное наступление.

Артиллерийский огонь продолжался. Минут через пять залились и пулеметы. Дежурный офицер опять скрылся за дверью и опять через минуту доложил:

- Наша пехота отражает атаку.

Конечно, все глаза смотрели на начальство, некоторые из сидевших на нашем конце стола встали и подошли поближе к высокому гостю.

Ген.Дельвиг неприметно встал и вышел за дверь на большую террасу. Через минуту он опять приоткрыл дверь и пальцем меня поманил. Я вышел к нему.

- Борис Николаевич, вы тоже артиллерист. Как далеко от нас стреляющие пулеметы?

- По силе звука думаю, что в полуверсте.

- Я тоже так думаю. Ну, а батарея?

- На слух - не дальше версты.

- Так где же она, по вашему, стоит?

- Местность совершенно открытая, а ее не видно. Единственная возможность, что в той роще! - и я указал на холмик, покрытый густой порослью елей, в полуверсте - версте от нас.

- А в каком удалении мы от линии фронта?

- Знаю это наверное: перед выездом сегодня промерял по карте - 18 верст.

- Ну, тогда нечего нам терять время: там сейчас подали отличный пломбир - поедим его и уедем! - Генерал очень любил сладкое.

Мы вернулись за обеденный стол и, поедая пломбир, стали свидетелями и эпилога: артиллерийский и пулеметный огонь внезапно оборвался, "дежурный офицер" доложил, что противник отошел. Немедленно было подано шампанское, и ген.Брусилов провозгласил тост за "победоносного командира корпуса", но тост был перебит "победителем": победа де не его, а Командующего Армией - он сам находится на нашем участке фронта!... Ура! Ура! Ура!...

Мы с ген.Дельвигом незаметно скрылись. Едва ли кто-нибудь заметил исчезновение "бедных родственников"!

Вот какие "Потемкинские деревни" приходилось видеть в Полесье!

Но каковы же военные познания ген.Брусилова? И как мог терпеть

такое скоморошество Начальник Штаба 30-го Армейского Корпуса, ген. штаба ген.майор Монкевиц?

Но тут же вспомним, что Брусилов закончил свою жизнь на высоких советских должностях, Зайончковский командовал 13-й Советской армией против ген.Врангеля в 1920 году, а Монкевиц состоял при генерале Кутепове в Париже, когда раскрылось предательство "Треста", и загадочно и весьма подозрительно исчез без следа...

Б.Н.Сергеевский
Ген.Штаба Полковник
(Окончание следует)

- - oOo - -

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ Л.П.СУКАЧЕВА.

(См. "Вестник Первопоходника №№ 28, 30, 33, 35, 36, 37-38, 40, 43, 45, 47-48, 49, 50, 51-52 , 53-54 и 57-58)

Итак, по выходе в отставку в 1947 году, я переехал во Францию. Там я узнал, что сестры короля Зогу, в сопровождении целого "двора", находятся тоже в Париже. Я немедленно отправился к ним в отель "Жорж 5-й". Портье этой фешенебельной парижской гостиницы позвонил в королевский апартамент, назвал мою фамилию, и буквально через несколько секунд передо мной предстал хоть и довольно сильно постаревший, но такой же жизнерадостный, как и раньше, мой большой друг Хюсейн Сельмани. Конечно, служащие французских гостиниц, на своем веку видавшие разные виды, к экзотике привыкли. Однако, все же шумное проявление радости "балканского разбойника" обратило их внимание.

Я поспешил усадить своего приятеля в кресло, сел рядом с ним; однако, только мы начали вспоминать старые дни, как к нам подошел не то лифтер, не то какой-то другой служащий в форме, которой мог бы позавидовать не один балканский офицер, и доложил, что Ее "Султанское" Высочество принцесса Сония изволили звонить по телефону из своего апартамента, куда просят пожаловать нас, то есть Хюсейн-Бея и меня.

Мы поспешили подняться на второй этаж и вошли в приемную: классическая золоченая мебель и, конечно, бюст Марии Антуанетты на незажженном камине, у которого сидели три принцессы: Сония (супруга претендента на турецкий престол, две младшие сестры короля Зогу и их компаньонка-француженка. Обе "холостые" принцессы были невероятно худы, одеты в траурные черные платья.

После ряда приветственных восклицаний и шумного выражения радости по поводу нашей встречи, в комнату внесли, по албанскому обычаю, черный турецкий кофе и всякие восточные сладости. Принцессы не только не прикоснулись к пастиле и рахат-лукуму, но даже пили кофе без сахара. Оказалось, что они не ели ничего сладкого, строго соблюдая траур по скончавшейся в изгнании сестре.

Невероятная худоба двух младших принцесс оказалась следствием соблюдаемого ими мусульманского траура и искренней глубокой печали, из-за которой они после кончины сестры почти совсем перестали есть и обратились просто в скелеты. Несколько месяцев спустя, когда я

их увидел опять - это было в Каннах на Ривьере, где они разгуливали по Croisette в шортах и лифчиках - я при их виде просто испугался, так как мне показалось, что передо мной не сестры албанского короля, а женщины, только что освобожденные из Дахау, как их в это время изображали во французской печати.

Перебивая друг друга и вмешавшегося в разговор Хюсейна, принцессы стали мне подробно рассказывать все, что с ними случилось со времени нашей последней встречи, то есть с того памятного весеннего дня в апреле 1939 года, когда королевская семья со свитой и эшелоном в сто автомобилей покинула Тирану...

- о -

Ехать пришлось по горным дорогам, спешили, чтобы не быть застигнутыми наступающими итальянскими войсками. Останавливались на перевалах только ненадолго. Боялись за здоровье королевы Жеральдины. Несмотря на то, что врачи залили ее бедра гипсом и что подаренный Гитлером Мерседес-Бенц (превращенный мною в амбуланс) был хорошо сконструирован, дороги оказались очень плохи и молодую мать так растрясло, что королевской семье пришлось около месяца оставаться в Янино, греческом пограничном городке.

Решились продолжать "путь в эмиграцию" только тогда, когда королева оправилась совсем. Насколько спешил королевский обоз, спасаясь из Тираны, видно из следующего "дорожного приключения". Один из следовавших за королевской семьей грузовиков был нагружен ящиками со знаменитым столовым прибором, состоявшим из 148 тарелок и блюд из чистого золота. На крутом повороте грузовик перевернулся и упал в пропасть со всей рассыпавшейся поклажей. Зогу так торопился, что не велел даже остановиться обозу. Уже переехав границу, во время пребывания королевской семьи в Янино, выяснилось, что горцы-албанцы вытащили из ущелья, со дна пропасти, все 148 тарелок. Честность и преданность этих людей королю были таковы, что они, рискуя быть пойманными уже на всех границах распоряжавшимися итальянскими таможенниками, стали переправлять эти тарелки "контрабандой" Зогу. Они прятали по две-три тарелки в топленое масло и запаивали канты, которые в таком виде переправлялись в Грецию. Таким образом, королю был возвращен его драгоценный сервиз, кроме пяти тарелок, захваченных итальянцами в последнем транспорте. Их обнаружили таможенники и конфисковали...

Кроме добра, привезенного с собой, золота, драгоценностей, колоссального гардероба и всякой другой движимости, на личном счету Зогу в швейцарских и английских банках хранились немалые суммы в "твердой валюте". При этих обстоятельствах оставаться на Балканах Зогу не собирался и решил обосноваться во Франции. Однако, ни через Гитлеровскую Германию, ни через Италию, ни даже по Средиземному морю (по которому свободно плавал муссолиниевский флот) он ехать не хотел. О перелете, ввиду многотонного багажа, конечно, не могло быть и речи. Поэтому король избрал сложную дорогу через Болгарию, Турцию, Венгрию, Чехословакию и Польшу. Всюду на пути королевскую семью встречали многочисленные репортеры, снимали новорожденного принца, короля, королеву и всех их многочисленных родственников. Особенно в Варшаве им была устроена восторженная встреча: первые страницы польских газет пестрели фотографиями принцесс, снятых то в кафе Европейской

гостиницы, то на приеме в Бельведерском дворце.

Наконец к концу лета 1939 года, морским путем, погрузивши все пожитки на пароход в Гдыне, королевская семья со свитой прибыла во Францию. Там Зогу поспешил снять имение недалеко от Версаля - поместие, хотя и уступающее по размеру резиденции Людовика 14-го, но зато гораздо более модернизованное... ведь во всем Версальском дворце и в обоих Трианонах была всего одна ванная... и то без проточной воды.

Принцессы, захлебываясь от волнения, стали рассказывать о двух потрясающих событиях ранней осени 1939 года: начале Второй Мировой войны и... резкой перемене линии моделей последней коллекции Вортт, в которой впервые юбки едва прикрывали колени... Да, конечно, как только они прибыли в Париж, пришлось переменить весь гардероб: у Ворта все так радостно встретили принцесс, с таким рвением принялись шить им новые платья, костюмы, пальто и шубы на зиму. Бесконечные примерки, правда, отнимали много времени, но это было совершенно необходимо для международного престижа Албании. Ведь несмотря на начавшуюся войну (cette drole de guerre) в течение всего зимнего сезона 1939-40 г. светская жизнь Парижа била ключем - несчастной королевской семье в изгнании приходилось все время принимать участие в разных торжествах, посещать собрания, приемы, балы, устраиваемые,конечно, с чисто благотворительными целями... на военные нужды...

Так продолжалось до мая 1940-го года. Уже Бельгия и Голландия были заняты, линия Мажино обойдена, а французское Министерство Иностранных Дел продолжало уверять Зогу, что Париж не будет отдан врагу и что беспокоиться нечего...

В майский вечер король Зогу, королева Жеральдина, все принцессы и многочисленная свита присутствовали на одном из очередных вечерних официальных парижских приемов, когда короля вызвал экстренно прибывший на собрание представитель французского правительства и сообщил, что надо немедленно спасаться, пока дорога в Гавр еще не занята гитлеровскими войсками... Короля уведомили, что все вещи, вывезенные еще из Албании год тому назад, в этот момент были отправлены из загородного дворца Зогу прямо в порт. Конечно, о том, чтобы возвращаться в Версаль, не могло быть и речи, и прямо с бала, на поджидавших автомобилях, королевская семья со свитой благополучно к рассвету добралась в Гавр. Казалось бы, что Зогу должно было бы быть не трудно попасть (не с корабля на бал, как Чацкому), а с бала на корабль, но в эти трагические дни повального бегства через Ламанш проблемы транспорта были сложнее, чем в спокойные Грибоедовские времена... Оказалось, что пароход с королевским добром, на котором должен был плыть и сам Зогу с семьей и свитой, почему то уже отчалил от французского берега.

К счастью, власти предоставили албанским королевским беженцам миноносец, на котором они благополучно добрались в Дувр.

Тут опять принцессы стали перебивать друг друга, возбужденные воспоминаниями приключений:

- Подумайте только, ведь мы, как были, в бальных платьях, горностаевых пелеринах, только с папиросами Абдулла и губной помадой в наших вечерних сумочках причалили к Британскому берегу... где выяснилось, что пароход со всем нашим багажом был потоплен немцами и погиб в волнах Ла-Манша".

Затем следовал длинный рассказ о том, как в тот же день, сейчас же по прибытии в отель Ритц в Лондоне, пришлось спешно вызывать

представительницу отдела Вортт в Англии и ждать, пока будут сшиты платья - не бальные, а "городские", чтобы не сидеть пленницами в вечерних декольтированных нарядах в гостиничном аппартаменте...

Жизнь в Англии, в замке, который Зогу снял недалеко от Лондона, принцессам не очень понравилась.

"Война, никаких развлечений, английская королевская семья, у которой мы были несколько раз, приняла нас не с тем радушием, которого мы от нее ожидали - ведь, в конце концов, Георг 6-й такой же король, как Ахмет Зогу, ведь то, что Великобритания несколько больше Албании по территории, это не имеет значения; важно то, что Ахмет происходит от самого Александра Македонского, а не от каких-то полудиких норманов... "

- Не думайте, однако, - прибавила принцесса Сония, - что мой брат не старался приспособиться к военным условиям. Как-то раз, когда мне нужно было лететь в Лиссабон, он разрешил мне лететь одной, и я села в пассажирский аэроплан совсем одна, без всякой свиты, даже без компаньонки. - A la guerre comme a la guerre...

После окончания войны Зогу со всей семьей, по приглашению короля Фарука, с которым он состоял в близком родстве, перебрался в Египет. В Александрии Ахмет-Бею был предоставлен роскошный дворец, отнятый у какого-то впавшего в немилость паши.

Принцессы были в восторге от Александрии:

"Ах, какой чудный город! Как гостеприимны египтяне, как великолепно и сердечно нас принимают Фарук и его очаровательная молодая супруга - пошли им Аллах скорее сына! Какие в нашу честь дают балы! А "гарден парти", устраиваемые пашами в их сказочных садах, чего стоят! Вообще в Александрии так легко удовлетворить свои культурные запросы. Правда, отделения Вортта там нет, но зато ювелирные магазины ничуть не хуже Картье, а что касается книг для чтения, то, конечно, жаль, что знаменитая Александрийская библиотека была сожжена, кажется, довольно давно, но, в конце концов, всюду можно достать "Ридер Дайджест", где и так все сказано".

Принцессы хотели было еще что-то добавить о "культурной жизни" в Египте, но в это время в комнату вошла горничная и доложила, что пришла "мадам Ида" с последней коллекцией пляжных пижам и "бикини" и осведомилась, желают ли Их Высочества ее принять, или велеть ей вернуться в другой раз. Принцессы засуетились, объясняя мне, что вещи для пляжа им спешно нужны, так как они скоро возвращаются в Александрию. Они спросили меня, могу ли я прийти на следующий день позавтракать, и после утвердительного ответа "удалились во внутренние покои", оставив меня с моим приятелем Хюсейн-Беем, от которого я узнал много интересного про жизнь Зогу в Египте.

По словам моего друга, бывший албанский король хоть и часто не соглашался в политических вопросах с Фаруком, все же был с ним в отличных личных отношениях Престиж Ахмета стоял очень высоко, чем он и пользовался, чтобы разными финансовыми операциями поправить как свое личное экономическое положение, так и "эмигрантскую албанскую казну", которую тратил не только на нужды "шиптарских" беженцев, но и на поддержку повстанцев, продолжающих борьбу с коммунистами в самой Албании. Вскоре я узнал от того-же "балканского разбойника" более точно о деятельности и жизни Зогу в Египте и о целях постоянных поездок принцесс во Францию и Швейцарию.

В эту первую мою встречу с Сельмани в Париже он мне рассказал интересную историю об экс-королях при дворе царствующего в Египте Фарука. Оказалось, что в Александрии проживал не только отрекшийся от престола престарелый Виктор Эммануил 3-й с Августейшей супругой Еленой (черногоркой), но и его сын Умберто, покинувший Италию после ста дней царствования в результате народного плебисцита, установившего в стране республику.

Мой приятель не без удовольствия поведал мне, как через несколько дней после прибытия Умберто в Александрию дворецкий Зогу вошел в его, Сельмани, кабинет и доложил, что Его Величество Умберто изволили прибыть и просят доложить об этом Его Величеству Зогу. Хюсейн-Бей немедленно позвонил албанскому королю по внутреннему телефону, и Ахмет поспешил сойти в приемную залу, где и состоялась, в присутствии "балканского разбойника", первая встреча двух бывших королей.

По словам Сельмани, Умберто стал просто рассыпаться в извинениях перед Зогу, виня во всем, случившемся в апреле 1939 года, Муссолини. Он старался всячески оправдать отца, уверяя, что царствовавший в то время Виктор Эммануил 3-й никакой фактической власти не имел и не мог отвечать за покорение Албании. Оба бывших короля расцеловались...

После ухода Умберто Сельмани, с его же слов, "начал пилить" Зогу за то, что он не воспользовался благоприятным моментом и не напомнил итальянскому экс-королю о конфискованных фашистскими таможенниками пяти золотых тарелках.

"Чернорубашечники ли сперли, или нет, а все же Умберто ответственен за потерю и мог бы Вашему Величеству отдать стоимость этих тарелок либо в "наполеонах", либо в золотых лирах или даже египетских фунтах. Это реально, и есть, с кого требовать потери; я ведь сам понимаю, что с англичан не взыщешь стоимость тех 143 тарелок, которые, вероятно, и по сей день дежат на дне Ла-Манша".

Л.Сукачев
(Продолжение следует)

- - oOo - -

БЛАГОДАРНОСТЬ.

4-го июня с.г. на кладбище монастыря Ново-Дивеево состоялось освящение памятника на могиле моего отца, генерал-майора Черепова.

Так как покойный был Председателем Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода и Вице-Председателем Союза Чинов Русского Корпуса, то, по инициативе Вице-Председателя Союза Первопоходников Полк.В.И.Третьякова и его же трудами был произведен сбор средств между Первопоходниками и Корпусниками, в результате которого на могиле водружен прекрасный памятник.

От лица всей моей семьи приношу самую сердечную благодарность Полковнику В.И.Третьякову; Союзам Первопоходников и Чинов Русского Корпуса во главе с их Председателями, Ген.Шт.Полковником Ряснянским и Полковником Рогожиным, и всем жертвователям - соратникам и друзьям покойного; о.Александру Федоровскому и сестрам Зое и Зинаиде за неоднократные панихиды и освящение памятника; а также всем, молившимся с нами на этих богослужениях.

В.Черепов.

А.П.Греков.

ВОСЕМЬ ЛЕТ В ССЫЛКЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

(Продолжение, см. № 57-58)

Таким образом прошел весь октябрь, сибирская зима уже начиналась, но теплой одежды нам не выдавали, и мы все еще ходили в летней, как приехали. В лагере было также отделение для женщин, их там было около 600, и их также заставляли работать.

Несмотря на работу, поверки и строгий режим, жизнь в лагере была все же легче, чем в тюрьмах, и надзиратели и конвойные не были придирчивы. Лагерь был окружен забором в три метра высоты, поверх которого была протянута колючая проволока. В каждом углу была наблюдательная вышка, на которой день и ночь стоял вооруженный дежурный.

Несмотря на надзор за каждым шагом арестантов, в октябре была попытка побега. Пять человек из нашего лагеря были отправлены на грузовике на земляные работы, для чего им выдали железные лопаты. Этими лопатами они убили обоих конвойных, сильно ранили шофера и, сбросив его с машины, умчались на ней полным ходом. Шофер из последних сил дополз до лагеря и доложил о случившемся. По телефону немедленно были вызваны из Красноярска и Иркутска команды войск МВД со специально дрессированными собаками. Так как Тайшет находится посередине между этими городами, команды, идя друг другу навстречу, окружили местность, в которой находились беглецы. На третий день их поймали: за неимением бензина они продолжали бегство пешком; трех из них застрелили, а двух остальных так избили, что их отправили в лазарет прежде, чем предать суду. Во время моего пребывания в других лагерях было еще несколько таких попыток, которые кончались безуспешно. В тайшетском районе это вообще было безнадежно, так как все свободные жители были обязаны доносить ближайшему лагерю, если они видели незнакомого человека, и получали за это довольно крупные награды. У беглеца могла только быть возможность жить в лесах и кормиться охотой, если у него было оружие, и то только летом, зимой же о бегстве нельзя было и думать.

В конце октября дошла и до меня очередь переехать из сборного лагеря в постоянный. В этом лагере жили раньше японские военнопленные; возможно, что они нарочно привели его в полный беспорядок. Окна в бараках были побиты, двери сломаны, не было ни столов, ни лавок, пекарня не работала, так что несколько недель нам вместо хлеба давали муку, размешанную в горячей воде; колодезь тоже был испорчен, и на весь лагерь привозили только одну бочку воды в день. Здесь жизнь была много тяжелее, чем в Тайшете. Среди арестантов было много уголовных преступников, у которых была своя внутренняя организация и которые очень враждебно относились к нам, политическим или, как они нас называли, "фашистам". Персонал был также совсем другого рода, чем в Тайшете. Каждый раз, когда кто-нибудь из них проходил мимо, будь это хоть двадцать раз, все арестанты должны были вставать. Только уголовные этого никогда не делали, против чего не возражалось - это были "свои люди". Работа здесь была на каменоломне и главным образом - погрузка камней в вагоны. Погода становилась все холоднее, а мы все еще были в летней одежде и рваной обуви, люди отмораживали себе ноги, а в санчасти было место только на десять человек. Больных продолжали гонять на работу, бригадиры, т.е. начальники рабочих бри-

гад, назначались управлением лагеря из уголовных, так как они не знали жалости и заставляли выполнять больше всего работы, что было самое важное для начальства лагеря.

Летом в лагере не было сделано запаса топлива, и несколько бригад отправили на рубку леса, в том числе и меня. Срубленные деревья люди должны были нести в лагерь, хотя в лагере были для этого волы и лошади. Два раза в день была поверка, при которой надо было стоять на морозе полчаса и дольше без движения.

В конце января я заболел скорбутом и острой дистрофией и первого февраля 1950 года был отправлен в госпиталь. Первое впечатление по прибытии было весьма своеобразно. Нашу группу больных, среди которых было несколько с высокой температурой и, вероятно, с воспалением легких, привели во двор больницы, где заставили раздеться и начали обыскивать. Продержав нас более получаса раздетыми на морозе и с босыми ногами на снегу, нас повели в баню, одежду от нас отобрали и дали нам легкие халаты и домашние туфли. В такой мало подходящей для сибирской зимы "обмундировке" нас повели через дворы и больничные бараки. Больница была переполнена, и нас поместили там, где еще были свободные места, не обращая внимания на род болезни: люди со внутренними болезнями попали к пациентам с венерическими болезнями, туберкулезные к страдающим желтухой и т.д. Как это ни странно, меня поместили в барак, где были женщины с маленькими детьми, так называемые "мамки", весь персонал был исключительно женский. До поздней ночи там стоял крик и плач детей, зато весь барак был в большой чистоте и порядке, и сестры относились очень внимательно.

Тут я пробыл весь февраль, пока всех женщин не перевели в другое место; персонал переменили на санитаров, главным образом, из уголовных преступников, они были ленивы и грубы и часто брали себе половину порций, предназначенных для больных. Врачи были также из арестантов, но большей частью знающие и внимательные. К сожалению, заведующей больницей была жена одного из надзирателей, у нее было образование фельдшера, но зато партийный билет. Она приходила в бараки только для того, чтобы выписывать людей из больницы по собственному вдохновению, только мельком взглянув на них, и люди часто возвращались в лагерь в худшем состоянии, чем были при поступлении в больницу. Меня она также признала здоровым и хотела выписать из больницы, но выяснилось, что я заразился желтухой от лежавшего рядом со мной больного. Меня оставили в больнице, и даже довольно надолго, так как, несмотря на большое количество больных желтухой, не было соответствующих лекарств, и лечение было предоставлено природе, которая во всех случаях оправдала себя.

В конце апреля пришел из Москвы приказ выписать в лагеря всех старых людей и в будущем принимать только так называемых категорийных, лечить их и как можно скорее возвращать на работу. На этот раз меня послали в другой большой лагерь, около 800 человек, предназначенный специально для чахоточных, хотя я никогда в жизни не страдал легкими. Кроме меня, там было еще несколько здоровых арестантов; начальник лагеря, придя по какой-то причине в ярость, заявил нам один раз, что мы сюда присланы не для отдыха, а чтобы больше отсюда не выходить, и чем скорее мы отправимся на тот свет, тем лучше для советского государства. Было ясно, что был расчет нас заразить туберкулезом.

Начальник лагеря был большей частью пьян, цель его была - заставлять как можно больше работать, чтобы потом доложить свои успехи по начальству. Его правая рука, так называемый нарядчик, распределявший людей на работу, был молодой уголовный преступник и настоящий садист, который выжимал из арестантов последние силы. Когда его покровителя перевели в другой лагерь, его также командировали в другое место и по дороге его нашли повешенным в вагоне. За время моего пребывания в лагере было еще три убийства. Комендант, вторая важная особа после нарядчика, тоже из арестантов, был известен, как "стукач", т.е. доносчик, и два арестанта, на которых он донес, проломили ему голову, когда он спал после обеда. Другого стукача, просто из арестантов, убили топором. Этот случай был типичен в лагерной жизни: хотя все хорошо знали, чем грозит такая специальность, морально слабые люди шли на продажу своих товарищей из-за выгод, которые они за это получали. Третий случай убийства носил другой характер. Как уже было сказано, во времена Сталина и Берии было общим правилом перемешивать в Тайшетских спецлагерях политических арестантов с уголовными. Это было дополнительным наказанием для "врагов народа",как нас, политических, официально называли. Преступные элементы были объединены между собой, имели своих тайных руководителей и своеобразную, весьма суровую дисциплину. Нормальным наказанием за ее нарушение и за споры между собой был нож. Каким образом они переправляли в лагерь ножи несмотря на то, что каждого при входе детально обыскивали, осталось для меня загадкой, но факт тот, что все они были вооружены большими ножами. Вообще они гордились своей профессией, особенно те, которые принадлежали к "высшей ступени" бандитов. Как мне рассказал один из них, в воровской профессии есть 30 разных категорий, начиная с мелких карманных воров и кончая разбойниками и убийцами. Кроме ножей, у них всегда были карты, и, несмотря на запрет, они играли почти все ночи напролет в азартные игры. Бригадиров, т.е. надзирателей они держали под угрозой мести в случае доноса, а также и стража их побаивалась. В карты многие проигрывали свою одежду до последней нитки, а затем крали у других. Иногда, как последнюю возможность выиграть, проигравшийся ставил человеческую жизнь на карту - в случае проигрыша он обязывался убить какого-нибудь человека, неприятного для их организации, будь это арестант или сам начальник лагеря; такие случаи бывали много раз, так как если проигравший не выполнял своего обязательства, организация уничтожала его самого. Я сам был свидетелем, как проигравший должен был дать пощечину оперативному офицеру, что он и сделал, хорошо зная, что ему за это грозит тяжелое наказание. Один раз политический арестант получил от родственников пакет, в котором было пальто. Оно очень понравилось тайному руководителю уголовных, и получателю было немедленно предложено "подарить" пальто бандиту. Он отказался и был в ту же ночь убит, а пальто бесследно исчезло. Убийцу не нашли, да, вероятно, на самом деле и не искали: уголовные были для надзирателей "свои люди", которые считали лагеря своим постоянным местом жительства.

Также и в этом лагере людей применяли вместо упряжных животных: кроме топлива, требовался материал для столярной мастерской, и для доставки его из леса были составлены специальные бригады по 12 человек на сани. В течение всей зимы они должны были возить, запряженные в сани, без дорог и по колена в снегу, дрова и тяжелые балки из

леса в лагерь, иногда на расстоянии нескольких километров. Разумеется, туберкулезные умирали, как мухи, а когда врач попробовал освободить некоторых из них от такой работы, его самого сняли с должности и отправили в лес. Начальство просто заявило, что мы на то и присланы сюда, чтобы живыми не выйти.

Было в лагере и одно отрадное событие: среди арестантов был один профессиональный артист, организовавший очень хорошую труппу. Хотя женские роли исполнялись мужчинами, но и для этого нашлись таланты. Этот артист был типичный представитель добровольно вернувшегося на родину русского эмигранта. Два года его оставили жить на свободе и, несмотря на то, что он совершенно корректно держал себя в отношении советских властей, его арестовали на основании трафаретного обвинения в шпилнаже, для которого был изобретен предлог. Его артистическая карьера в лагере закончилась несколько траги-комичным, но типичным для условий в Союзе случаем. Один раз, приготовляя какую-то сцену, он разложил на полу старые газеты, и в этот момент на подмостки взошел так называемый опер, оперативно-уполномоченный представитель государственной безопасности, обязанность которого была следить за настроением и поведением не только арестантов, но и персонала. Не успел он сделать шаг вперед, как сразу отскочил в сторону, закричав, как ошпаренный: на полу лежала газета с портретом Сталина, и опер наступил ногой на его усатое лицо и нечаянно оскорбил "Величество". Бедного артиста немедленно сместили и послали в рабочую бригаду, а театр закрыли, так как опер упорно подозревал, что это унижение "отца народа", как тогда всегда называли Сталина, было подготовлено нарочно.

Кроме этих типичных штрихов, не могу не прибавить еще несколько других, пережитых мною в лагере. В начале 1953 года к нам прислали восемь новых надзирателей. Это были молодые люди, только что закончившие свое комсомольское образование. Они были очень строги с нами, постоянно ругая людей, не встававших, когда они проходили мимо. Но при поверке они долго не могли установить количество арестантов; потом выяснилось, что они не могли правильно сложить записанные цифры, а ведь это были не какие-нибудь отсталые ученики, а представители советской молодежи, избранные для ответственной работы. Малая, но характерная черта в отношении народного образования, о котором столько похвальных статей в советской прессе.

К общей системе управления лагерями относятся также награды для следователей за каждого преданного ими суду "преступника", признавшегося в своей "вине", и награды солдатам за каждого застреленного при попытке к бегству арестанта. При выходе бригад на работу арестанты должны были брать с собой так называемые запретки, т.е. колы с прикрепленными к ним надписями "запретная зона". На месте работы конвой расставлял эти запретки вокруг рабочей бригады и за их линию нельзя было выходить. Один шаг за запретку считался попыткой к бегству, и конвой стрелял без предупреждения. Я был свидетелем трех случаев, когда конвойные нарочно ставили людей в это положение, чтобы получить награду (кроме денег, им еще полагался за это дополнительный отпуск). При лесных работах срубленные деревья иногда падали своими вершинами за запретку; двое человек, обрубая с них ветви, перешли во время работы за запретную линию без всякого намерения бежать и были застрелены на месте. Третий случай был еще хуже: конвой-

ный сам приказал арестанту собрать ветви, лежавшие за запретной зоной, и как только он сделал шаг за запретку, выстрелил в него. К счастью, он был плохой стрелок и только ранил арестанта, тем не менее рана была тяжелая, и только благодаря стараниям прекрасного хирурга, который тогда был в лагере, жизнь этого молодого арестанта была спасена. Хотя вся бригада подтвердила оперу злой умысел конвойного, арестантам, конечно, не поверили: люди в форме могли делать,что угодно, а двуногие существа с номерами каторжников даже не считались людьми.

Начальство часто состояло из ярых чекистов, без образования,без морали и без души. Верхи требовали от них сурового обращения с "врагами народа", и только этим они могли отличиться и сделать карьеру. От одного врача в военной форме я сам слышал гордую фразу: "Я прежде всего чекист, а потом только врач". В лагерь каждые три месяца приезжала медицинская комиссия для распределения арестантов по категории, т.е. на работоспособных и инвалидов; после осмотра, произведенного этим врачем-чекистом, занимавшим высокий пост, количество работоспособных всегда сильно увеличивалось, а также и его успех у высшего начальства.

К сожалению, в медицинской профессии иногда встречалась некоторая непорядочность со стороны самих арестантов: при тяжелой жизни в лагере уж очень было для многих заманчиво освобождение врачей от работы. Таким образом, будучи больным, я один раз попал в руки врача, который на самом деле оказался совсем не доктором медицины, а доктором прав. В другом случае ветеринар выдавал себя за врача - он прекрасно лечил коров и свиней в лагере, а когда к нему приходили лечиться люди, надо сказать, что он все-таки был очень осторожен и от всех болезней давал лекарства из одной и той же бутылки.

А.Греков
(Окончание следует)

- - oOo - -

Ежемесячный антикоммунистический
общественно-политический и литературно-художественный журнал

"РОДНЫЕ ДАЛИ"

Издатель А.Ф.Долгополов.
Редакционная коллегия: А.Ф.Долгополов, С.В.Корсунец
и Р.С.Тер-Погосиан.

Подписка принимается по адресу: 1117 No.Berendo Str.
Los Angeles, California, 90029, U.S.A.

Подписная плата на год (12 выпусков) - $5.00

Чеки выписывать на имя RODNIYE DALI.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДО ГРОБА ВЕРНОГО.

17-го февраля в Брюсселе внезапно скончался от инфаркта на 86-м году жизни Генерального Штаба Полковник Александр Александрович Колчинский. Военный по призванию, питомец Второго Кадетского корпуса и портупей-юнкер Павловского Военного училища, выпуска в офицеры 1901 года, он, по окончании Императорской Николаевской Военной Академии, вернулся в родное ему Павловское Военное Училище, которому и отдал лучшие годы своей жизни, последовательно занимая должности курсового офицера, командира роты и помощника инспектора классов. В то же время он преподавал юнкерам тактику и руководил в Красносельском лагере топографическими съемками и полевыми занятиями юнкеров.

В 1913 году вышел из печати его труд "Беседы по тактике", ставший настольной книгой русского офицера, до той поры обычно воспитывавшегося на иноземных образцах. В том же году был издан составленный им Исторический Очерк полувековой жизни Павловского Военного Училища, переименованного в 1863 году, в период Милютинских реформ, из кадетского корпуса в специальное военное заведение. Им же были написаны слова к маршу П.В.У.: "Под знамя Павловцев мы дружно поспешим, за славу Родины мы грудью постоим"...

Энергичный, редкой трудоспособности, по службе требовательный, но всегда доброжелательный и доступный, в высшей степени скромный и безукоризненный в моральном отношении, капитан Колчинский был образцом учителя, наставника и руководителя и пользовался заслуженным авторитетом среди юнкеров. Они отвечали ему глубокой симпатией, уважением и любовью. Под его благотворным влиянием прошло до тысячи юнкеров - будущих молодых офицеров, которых желали иметь у себя все части Российской Императорской Армии. Начальство П.В.У. очень ценило Александра Александровича, о чем наглядно свидетельствуют приказы по Училищу и аттестации, ему данные.

Таким же добросовестным офицером Генерального Штаба был капитан Колчинский и на войне, в обстановке боя. И хотя младшие должности офицера Генерального Штаба нередко как бы затемняют и обезличивают человека, его деятельность была разнообразной и плодотворной. Свое пребывание в полевых штабах он использовал для посещения передовых окопов и производства личных разведок позиций противника и подступов к ним. Сделанные им при этом перспективные съемки привлекали всеобщее внимание. Наблюдая за этим, стрелки и гренадеры не раз считали его раненым или убитым... Вот что писал о нем Командир XX Армейского корпуса:

"Храбрый, отважный, сохранявший хладнокровие в любой обстановке боя, с большой личной инициативой, капитан Колчинский в сентябре 1916 года, перед наступлением частей, впереди наших проволочных заграждений, в 300-х шагах от противника произвел необходимую разведку большого участка, которая облегчила нашу атаку и прорыв укрепленной вражеской позиции. Выдающийся офицер Генерального Штаба".

Он делил с бойцами радость успехов, верил в удачу подготовлявшегося к весне 1917 г. наступления и... болезненно переживал революцию во время войны, разложение и гибель русской армии.

Родственник Вождя Добровольческой Армии Генерала Корнилова - двоюродный брат его - Полковник Колчинский влился в ее ряды еще задолго до легендарного 1-го Кубанского похода в Новочеркасске и Рос-

тове-на-Дону, когда она была как бы маленьким островком, окруженным со всех сторон грозным революционным океаном, бурные и хладные воды которого готовы были в любой день поглотить его; когда помыслы и действия добровольцев были еще чисты, как хрусталь; когда жертвенность их для блага Родины не знала предела и когда гибли они - эти современные нам крестоносцы - без ропота и гнева, с рыцарским спокойствием и умирали с запекшейся уже кровью на устах, но с произносимыми еще шопотом словами: "За Россию"...

Вспоминаю, как скромность его проявилась и тут: когда в Добровольческую Армию прибыл генерал, занимавший в Ставке Верховного высокий пост, полк.Колчинский сейчас же просил Н-ка Штаба Генерала Романовского освободить его от должности (отлично им руководимой) и назначить на его место прибывшего генерала, оставаясь, таким образом, помощником его. Редкое явление.

И прошел Александр Александрович с Армией по всем этапам ее борьбы - по пути славы и страданий, по пути долга и чести - и пережил вместе с другими испытание самое тяжкое для патриота - оставление родной земли.

Однако и здесь, в Зарубежье, в трудных условиях эмигрантского безвременья, полковник Колчинский никогда не падал духом, выполняя любую, нередко и непосильную работу, и с честью поддержал доброе русское имя. Чтобы более прочно обеспечить существование своей семьи, он отправляется на работу в Бельгийское Конго, предполагая заняться топографическими съемками. И когда там, уже на месте, один из высших представителей Общества поручил ему большой район и указал, что он должен там делать, А.А. спокойно ответил, что никогда этим делом не занимался, на что представитель Общества ему сказал: "Но вы ведь русский, притом еще и офицер Генерального Штаба, русские все могут делать"...

И начал полк.Колчинский строить дома и мосты, производить разные изыскания, проводить грунтовые и железные дороги, обрабатывать слоновую кость и алмазы, добывать золото и платину, насаждать зачатки цивилизации и культуры среди дикого населения, в коем не было еще забыто и людоедство... Более 15 лет прослужил в Конго полк.Колчинский. В дни 2-й Мировой войны душа его оставалась с Россией и народом родным. Он скорбел от первоначальных неудач их и радовался дальнейшим успехам, ибо чувствовал он - о чем говорил нам нередко наш бывш.Главнокомандующий ген.Деникин - что под красной звездой у громадного большинства защитников нашей Родины бьется русское сердце. Он страдал затем, когда увидел, что власть вновь обманула народ. Но веру в неизбежность возрождения русской Государственности на началах права, свободы и справедливости он никогда не терял.

И вот ушел от нас в иной мир один из достойнейших офицеров Русской Армии, верный сын Православной Церкви, доброй души человек, чуткий, отзывчивый, никогда зла и огорчения никому не причинивший, идейно чистый Белый Воин, сознававший, что не мщение, а государственная необходимость вела нас по пути борьбы, преданный друг, хороший товарищ. В Обществе Офицеров Генерального Штаба и в семье Павлонов образовалась очередная брешь, поредели ряды стаи славных, патриотическим горением овеянных.

19-го февраля вдова, родственники, соратники и многочисленные друзья и сослуживцы хоронили умершего общего друга. Заупокойная ли-

тургия и отпевание были совершены в Храме-Памятнике имени многострадального Иова, служил протоиерей о.Иоанн Малиженовский, в прошлом командир роты 3-го Ударного Корниловского полка, отлично пел хор, гроб утопал в прекрасных венках и в массе цветов; у гроба, покрытого национальным русским флагом - пять стягов; почетный караул несли сослуживцы по Генеральному Штабу, однокашники-Павлоны и представители Русского Обще-Воинского Союза, Союза Инвалидов, Георгиевских Кавалеров, представители Первопоходников, Кубанских казаков, Всевеликого Войска Донского, Общества Галлиполийцев и родственник скончавшегося, внук генерала Корнилова, Лавр Алексеевич Шапрон-дю-Ларрэ.

Отдать последний долг почившему пришли в храм представители и всех русских общественных организаций, а также и бельгийцы, связанные с Александром Александровичем по работе в Обществе в Брюсселе и в Конго. Вдове, Анастасии Павловне, делившей с мужем около 60 лет и радости, и горе при оставлении родной страны и утрате любимых ими детей, было высказано сердечное соболезнование молящимися, заполнившими храм. Погребение состоялось на новом кладбище коммуны "Uccle". "Коль Славен", горсть земли, последнее прости. Вера почившего в неизбежность торжества Правды на Руси да будет лучшим цветком, неизменно свежим, украшающим его дорогую для нас могилу.

Мы же, опечаленные утратой дорогого однокашника, учителя и друга, будем хранить о почившем добрую и долгую память в душах и сердцах наших. Мир праху его.

Полковник П.Колтышев.

- - оОо - -

Адъютант Генерала Корнилова
Поручик РАЗАК БЕК ХАН ХАДЖИЕВ

20-го мая 1966 г. скончался в Мексико Сити поручик Разак Бек Хан ХАДЖИЕВ, бывший адъютант генерала Л.Г.Корнилова. Погребен в Мексико на Французском кладбище.

Родился Хан в Хиве в 1895 г. Воспитывался в Москве в 3-м Кадетском корпусе и, по окончании в 1916 г. Тверского Кав.Училища в чине корнета вышел в Нерчинский казачий полк, коим командовал В.Старшина бар.Врангель П.Н. Будучи переведен в Текинский конный полк, участвует с ним во всех боях на Зап.фронте (Австрийском и Германском). Во время революции распоряжением Командующего 8-й Армии ген.Корнилова из полка был выделен отряд Текинцев для охраны Штаба Армии, и Начальником такового назначается пор. Хан Хаджиев. Воинской дисциплиной, выдержкой и преданностью заслужил доверие и состоял при ген.Корнилове в занимаемой должности до смерти последнего.

Совершив с Доброармией Первый Кубанский поход, в котором на его глазах, в бою под Екатеринодаром, погиб смертью храбрых ген.Корнилов, он после похода отбыл на свою родину, в Хиву; оттуда отправился в Багдад и Индию и, прибыв в Сибирь для продолжения борьбы против красных, вступил в Армию Адмирала Колчака. После гибели Сибирской Армии был в Шанхае (Китай), Японии, а затем переселился в Мексику, где продолжал борьбу с коммунизмом пером, помещая в мексиканской прессе свои статьи о сущности и преступности коммунизма. Он до конца остался верен России и памяти Великого Бояра Ген.Корнилова. Мир праху твоему, дорогой соратник!

Правление Калиф.Отдела.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками,редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, Г.Головань, В.Мяч.

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год - $ 5.00, на 6 месяцев - $3.00
Цена отдельного выпуска - 50¢.

Адрес Редакции: 1624½ Echo Park Ave., Los Angeles, Calif. 90026

- - oOo - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $ 2.10

Желающие приобрести Знак могут обратиться к председателю правления В.П.Мяч по адресу Редакции.

- o -

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 59/60

- - оОо - -

В последнюю минуту:

12-го июля в 12 час.15 мин. дня после продолжительной, тяжкой болезни скончался член Калифорнийского Отдела Участников 1-го Кубанского похода - капитан В.В.РЕССИН.

Похоронен покойный на Холливудском кладбище 15-го июля.

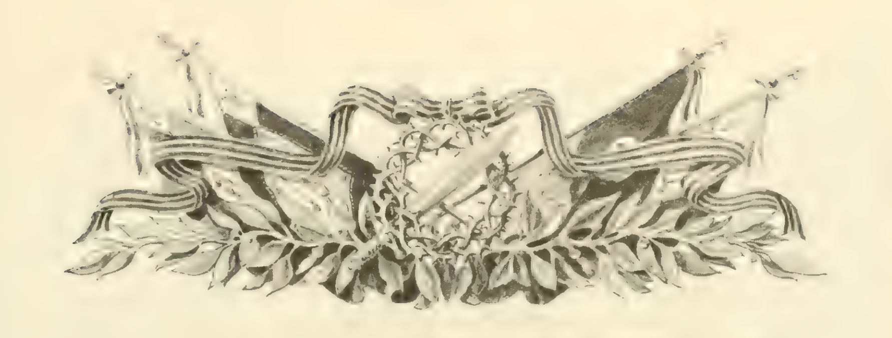
Некролог, посвященный памяти В.В.Ессина, будет помещен в следующем номере "Вестника Первопоходника".

Правление Калифорнийского Отдела.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
двухмесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
1624½ Echo Park Ave., Los Angeles, California, 90026.
Phone: 629-8208.

6-й год издания № 61-62 Октябрь-Ноябрь 1966 г.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

С начала текущего года редакция перешла, по экономическим и техническим причинам, на ДВУХМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", причем в журналах №№ 51-52 и 53-54 было объявлено, что это временно.

В настоящее время редакция окончательно вынесла решение о переходе на двухмесячное издание (6 выпусков в год) в увеличенном до 60 страниц размере. Причиной этой меры является вздорожание бумаги, чернил, печатания матриц, почтовых и других расходов.

Не получая никакой субсидии и будучи независимой от какой-либо политической партии, Редакция все же рассчитывает на финансовую поддержку своих членов Калифорнийского Отдела и подписчиков.

Условия подписки: на 6 номеров (1 год) - 5.00 дол., на 3 номера (полгода) - 3.00 долл.; цена отдельного номера в продаже - 1.00 долл.

Редакция.

x
x x

Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душою!
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землею,
Пусть разбит и поруган святой идеал,
И струится невинная кровь; -
Верь, настанет пора - и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбенных плечах, -
В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.

И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескрестных могил, ни рабов,
Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов.

О, мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись - зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!

Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой,
И поднимет к любви, к беззаветной любви
Очи, полные скорбной мольбой!...

С.Я.Надсон.

- - oOo - -

Мы убедительно просим гг. подписчиков, еще не возобновивших свою подписку на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", сделать это в ближайшее время, во избежание перерыва в доставке журнала.

Редакция.

- - oOo - -

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ.

(Продолжение, см. № 59/60)

Присоединение к восставшим крестьян.

Восстание на Ижевском и Воткинском заводах распространилось среди крестьян в уездах Сарапульском, Малмыжском, Уржумском, отчасти также в Нолинском, Глазовском и Оханском.

В Елабужском уезде вспыхнуло и разрослось независимо действовавшее восстание под руководством подполковника Молчанова.

Вся южная часть Вятской губернии поднялась против красного гнета.

Ближайшие к заводам деревни и села сразу же поддержали восставших рабочих, так как были тесно связаны с ними общими интересами: работой, сбытом своих продуктов, родственными узами...

Но кроме этого у крестьян были свои счеты с большевистской властью. Богатая хлебом и разными сельско-хозяйственными продуктами Вятская губерния привлекла внимание красных властителей страны.

Сюда были посланы многочисленные "продовольственные" отряды для отбирания от крестьян хлеба, скота и других продуктов для питания больших голодающих городов и растущей красной армии.

Эти отряды, составленные из подонков городских жителей, выпущенных из тюрем преступников, "красы и гордости революции" - матросов и другого сброда, отнимая от крестьян продукты пропитания, заодно грабили у них деньги и все ценное.

Их "продовольственная" деятельность сопровождалась насилием, избиениями и нередко убийствами.

После разгрома советской власти в Ижевском и Воткинском заводах, разбегаясь в разные стороны, эти отряды совершенно потеряли признаки организованных единиц и обратились в шайки мародеров.

Крестьяне и более дальних районов от восставших заводов искали способов отделаться от грабителей и пославшей их советской власти. В лесах и оврагах они устраивали сходы и слали в Ижевск своих представителей с просьбой дать им оружие. Взамен они обязались снабжать заводы съестными припасами.

Полковник Федичкин и штаб обороны начали вооружать крестьян винтовками, руководить организацией у них отрядов и давали им боевые задачи.

Восстание разрослось на большую площадь. По сведениям красного источника (Гражданская война, т.1) площадь восстания достигла 12-13 тыс.кв.верст с 700-800 тыс. населения. Но на картах красных же исторических изданий район восстания занимает по крайней мере площадь в 35000 кв.верст, простираясь на параллели гор.Оса от р.Камы до р.Вятки более, чем на 250 верст и с севера на юг примерно на 150 верст.

Руководство боевыми действиями в таком районе, покрытом трудно проходимыми лесами и болотами, было, конечно, затруднительно, но оно очень облегчалось сильно развитой телеграфной и телефонной сетью, построенной в Вятской губернии еще до Великой войны.

Вятское земство было в России одним из наиболее деятельных - строительство дорог и телефонной связи было поставлено очень широко, как отлично было развито и школьное дело.

Зажиточность крестьян и большой процент грамотности не помешал красным историкам (Гражд.война, т.1) по-своему объяснять действия крестьян: - "Вся местность вокруг Ижевска представляет большие лесные массивы со множеством рек и речушек, по берегам которых расселилось вотяцкое племя. Народ крайне некультурный, темный по своим воззрениям и верованию, совершенно не разбирался в тех событиях, которые происходили вокруг него, а тем более во всей стране; соседями у него были татары, недалеко ушедшие по своей культурности от вотяков; поэтому белогвардейскому командованию легко было как вотяков, так и татар завербовывать в свои отряды".

О "культурности" продовольственных отрядов красный писатель,конечно, не обмолвился ни одним словом.

По сведениям некоторых Ижевцев на вооружение крестьянских отрядов было выдано не менее 60000 винтовок; другие считают много больше.

Крестьянские формирования значительно увеличили силы восставших рабочих, но усложнили питание боевыми припасами.

Если старые запасы материалов на Ижевском заводе могли поддержать выделку большого количества винтовок, то с патронами дело обстояло плохо. В Ижевском заводе их запас был незначителен.

Патроны, орудия и пулеметы добывались, главным образом, в боях у красных, иногда значительными партиями.

В этом отношении интересно показание одного участника. Он сообщает, что 3-ья Красная армия, защищавшая Пермь и не имевшая возможности, вскоре после восстания, выделить достаточные силы для обеспечения железной дороги от Перми на Вятку, дала только кадры для нескольких полков. Для пополнения этих полков была произведена мобили-

зация в северных уездах Вятской губ. и в Пермской губернии.

Эти полки хорошо работали на пользу восставших: после встречи с противником они поспешно отступали или разбегались, оставляя свое оружие и боевые припасы. Их снова собирали и вооружали, а они снова повторяли прежнее, и так несколько раз, пока более надежные части не стали прибывать из центра страны на замену не желавшего воевать за советскую власть местного населения.

8. Разгром 2-й Красной армии.

В бою под Ижевском 17-19 августа Ижевцы уничтожили наиболее боеспособные части 2-й Красной армии.

Надо было закончить полный разгром этой армии, уничтожив остатки их отрядов и тыловых учреждений, группировавшихся около г Сарапуля. Здесь же был и штаб 2-й армии.

Полковник Федичкин послал шт.кап. Куракина для очистки от красных дороги до пристани Гальяны. После захвата пристани этот же отряд направился на гор.Сарапуль и очистил его от противника в конце августа.

Ижевцы переправились также на левый берег Камы и заняли там дер. Ершовку, Камбарский завод и некоторые другие пункты, где поставили небольшие гарнизоны.

Связь между 2-й и 3-ей армиями была прервана. Разгром боевых частей 2-й красной армии обратился в полный развал всей армии.

Красный историк ("Гражд.война", ч.1, стр.137) описывает, как "оставшиеся в Сарапуле силы, к которым присоединились отступавшие от Елабуги, а также прорвавшиеся к Сарапулю отряды, не могли устоять против натиска чехо-словаков (прим.: чехо-словаков здесь совершенно не было. А.Е.) и вырвались из рук управления; часть этих отрядов бросилась к р.р. Каме и Вятке, захватила пароходы и, грузя на них награбленное по дороге, стремительно поплыла вверх по р.Вятке, пьянствуя и распространяя по пути самые фантастические и нелепые слухи; те, кто не успел сесть на пароходы, продолжали в беспорядке отходить по берегам рек и по линии Казань-Екатеринбургской жел. дороги на Вятские Поляны"...

В центре забили тревогу и срочно командировали новых красных командиров и комиссаров. Они направились в гор.Вятку, где торопились (там же, стр.158) "...для противодействия дальнейшему распространению белогвардейских банд безотлагательно принять меры по укреплению г.Котельнич и обеспечению там жел.-дорожного моста от захвата и взрыва, а также построить окопы у с.с. Медведского и Петровского по р. Вятке"...

От Ижевска до гор.Котельнич по прямому расстоянию 300 верст, а до указанных сел 200 верст. "Безотлагательные меры" красных указывали, какую угрозу чувствовали они от дальнейшего распространения восстания.

Вновь назначенные командиры и комиссары отправились из гор.Вятки на пароходе разыскивать рассыпавшуюся армию: - "Чем дальше пароход спускался вниз, тем чаще стали попадаться тянущиеся в кильватерных колоннах пассажирские пароходы, буксиры с баржами и даже остатки боевой речной флотилии. Все это отступало; находившиеся на этих пароходах красноармейцы и матросы представляли совершенно разложившийся

ся элемент, держали себя вызывающе, никаких приказов исполнять не желали; на пути грабили селения, пьянствовали. Остановить этих панически настроенных людей никто не был в силах, хотя попытки к этому делались... От одного из встреченных пароходов удалось узнать, что полевой штаб находится в Малмыже"...

В полевом штабе вновь приехавшие начальники нашли старый командный и политический состав в таком виде: "Все эти лица производили удручающее впечатление; вследствие целого ряда неудач и отступлений они были измучены, лишились всякой энергии и желания работать; настроение у всех было подавленное. От временно командующего каких-либо ценных и подробных сведений о действиях его отрядов и о противнике получить не удалось. Связь была лишь с ближайшими к штабу отрядами, так как для связи с более удаленными средств не имелось. Все виденное приводило к заключению, что в сущности армии никакой не существует и что нужно заново строить 2-ую армию"...

Таковы свидетельства самих красных - разгром их сил под Ижевском и в последующих боях вывел всю их 2-ую армию из строя.

Небольшие группы красных, не успевшие бежать во-время, бродили в лесах к югу от жел.дороги Казань-Сарапуль. По красным сведениям к югу от ст.Агрыз прятался отряд в 2000 человек под командой Чевырева. Присутствие этих групп красных в сравнительно недалеком расстоянии от восставших заводов препятствовало установлению надежной связи с другими антибольшевистскими силами.

9. Подготовка к решительному столкновению.

Сентябрь месяц прошел в расширении района восстания; происходили стычки передовых частей, и обе стороны готовились к решительным боям.

Ижевцы и Воткинцы, освобождая от разбежавшихся шаек красных и от "продовольственных" отрядов ближайшие районы, продвигались на всех направлениях.

На западе Ижевцы и присоединившиеся к ним крестьяне подходили к реке Вятке на участке г.г. Малмыж и Уржум.

На севере под угрозой восставших находилась жел.дорога Вятка-Пермь, где Ижевцы подходили близко к гор.Глазову, а Воткинцы угрожали захватить ст.Чепца.

На востоке Воткинцы были недалеко от г.Оханска, одно время занимая большое село Сосновское, а на левом берегу Камы вели бои около гор.Оса. Оба города - Пермской губернии. К востоку от своего завода Воткинцы за Камой занимали некоторые пункты, где происходили столкновения с левым флангом главного фронта 3-ей красной армии (5-я Уральская дивизия кр.армии).

К югу от заводов, как было сказано раньше, был взят гор.Сарапуль, и далее к западу на жел.-дорожной линии Казань-Екатеринбург Ижевцы вытеснили красных со ст.Агрыз, от которой шла ветка на Ижевск и Воткинск.

Делались также попытки войти в связь с другими антибольшевистскими армиями для согласования действий и получения недостающего снабжения; с другой стороны - для отправки избытка винтовок туда, где они были нужны.

Запасы огнеприпасов были очень незначительны. Имевшиеся на заводе в Ижевске и захваченные в боях у красных снаряды и патроны тая-

ли, а организовать их выделку в достаточном количестве не было возможности из-за отсутствия пороха, капсулей и других материалов. Некоторое количество ружейных патронов было сделано из старых, собранных в окопах гильз с пулями из красной проволочной меди.

Когда Казань была еще в белых руках, три Ижевца добрались туда через красное расположение и просили о помощи присылкой боевого снабжения. Но Казанцы переживали тяжелые дни и помочь не могли.

Позднее все тот же энергичный шт.-капитан Куракин с небольшим отрядом добрался до Самары, получил там 10000 трехдюймовых снарядов, 60 пудов взрывчатых веществ, деньги и разное другое снабжение. Все это он мог довезти только до гор.Бирска. Пробираясь через расположение красных, он вернулся в Ижевск, доставив лишь деньги и телефоны.

Только Волжская флотилия адм.Старка и кап. 2-го ранга Федосьева, дошедшая после падения Казани до Сарапуля, дала Ижевцам одну 37-миллиметровую пушку с 50 снарядами, 40000 ружейных патронов, 30 фунтов толу, 100 капсулей для ручных гранат и 50 седел. Какая это была ничтожная помощь, можно судить по тому, что Ижевцы на вооружение восставших крестьян выдали не менее 60000 винтовок, а по некоторым сведениям - много больше.

Количества патронов, полученных от флотилии, не хватило и по одному на винтовку.

В красном лагере шли усиленные приготовления для подавления восстания Ижевцев и Воткинцев.

Разгром, бегство и полный развал 2-й красной армии и явные сочувствие и помощь крестьян восставшим рабочим делали восстание чрезвычайно опасным для красной власти. Ненадежность мобилизованных из местного населения заставляла посылать войска из центра страны. Упорство в боевых столкновениях требовало посылки особо стойких частей, составленных из коммунистов, из отрядов "чрезвычаек", из латышей и китайцев...

Отряды наемных иноземцев по своей жестокости не отличались от доморощенных коммунистов, и борьба принимала свирепый, кровавый характер с большими потерями с обеих сторон.

Ижевцы, бывшие на "Северном" фронте, вспоминали, как им пришлось иметь дело с каким-то интернациональным полком, в котором все бойцы были одеты в красные рубахи. Сильно опьяневшие, они с пением "Интернационала", переходившего при сближении в дикий рев, бросались на своего противника, несли большие потери, но повторяли атаки по несколько раз.

На восстановленную 2-ую красную армию возлагалась задача подавить восстание. 3-я армия помогала ей на севере, выделив для защиты жел.дороги Вятка-Пермь сильные отряды, а для защиты г.Пермь с юга назначалась 5-ая Уральская дивизия, расположенная в районе г.Оса.

2-ая армия с приездом новых командиров начала залечивать свои раны. Из разбитых, деморализованных и распущенных отрядов и групп новый командный и политический состав начал формировать батальоны, полки и дивизии.

Состав формирований стоит того, чтобы на нем остановиться.

Пользуясь тем же источником (Гражд.война, т.1, стр.140), находим: "50-я, 51 -я и 52-я маршевые роты московского продовольственного отряда сводятся в батальон; отряды Елабужской и Мензелинской групп составляют 2-й батальон; отряды тт. Анисимова и Никулина со-

ставляют 3-й батальон. Все три батальона сводятся в 1-й сводный полк".

Из таких же маршевых рот и случайных отрядов формируется 2-й сводный полк. Третьим полком в образованную таким образом 1-ую сводную дивизию входит 1-й Смоленский полк.

Полки снабжаются артиллерией. Например, во второй сводный полк придается 2 орудия Московского продовольственного отряда и 3 орудия морской батареи.

Состав Московского продовольственного отряда из 50 с лишком рот с артиллерией, нагрянувших на крестьян Вятской губ. для "сбора" хлеба, разъясняет многое в ходе описываемых здесь событий. Хлеб собирали пушки.

Кроме 1-й сводной дивизии во 2-ую армию была придана временно Вятская дивизия.

После падения Казани 9 сентября у красных освободились новые силы, и на усиление 2-й армии прибыл отряд Азина. Этот отряд был усилен другими частями и переформирован во 2-ую сводную дивизию, состоявшую из трех пехотных полков, одного кавалерийского и артиллерийской бригады.

В конце сентября на помощь 2-й армии подошла красная Волжская флотилия Раскольникова. На жел.дороге у них появились бронепоезда.

В середине октября присылаются в эту армию роты чрезвычайных комиссий: Московской, Тамбовской, Смолено-Рязанской, Саратовской и Нижегородской. Из этих чекистов формируется 6-й сводный полк.

Наконец, прибывают на усиление уже готовые сформированные полки: Карельский, Пензенский и Мусульманский.

Переформировывая и организуя 2-ю армию, усиливая ее надежными частями, красная власть снабжает ее большими боевыми запасами.

Постепенно перевес сил и преимущества в материальном снабжении переходят на сторону красных.

10. Характер борьбы.

За отсутствием документов и достаточно полных показаний участников, восстановить ход борьбы восставших рабочих и крестьян со все более увеличивающимися силами красных возможно лишь в самых общих чертах.

Личные впечатления и рассказы участников этих событий дают много ценных данных о все нараставшем упорстве и ожесточенности боев, начавшихся в конце сентября и в октябре превратившихся в почти ежедневные столкновения на всех направлениях. Но время, место и другие важные сведения обычно не указываются - они забыты.

Записки, которые велись некоторыми, погибли в последующих походах. Та же участь постигла приказы и другие документы частей.

Предлагаемые здесь описания двух боев, как достаточно полные, могут дать представление о характере боевых действий.

- о -

В последних числах сентября были получены сведения, что в направлении к гор.Сарапуль двигается со стороны г.Уфы большой красный отряд.

Воткинцы должны были выделить часть своих сил для защиты гор. Сарапуля.

Не ожидавшимся с этого направления противником оказался отряд Блюхера, около 6 тысяч бойцов, который был отброшен атаманом Дутовым из пределов Оренбургской области на север, проскочил район Уфы восточнее этого города и теперь искал удобнного пункта, чтобы прорваться в район красного расположения.

Блюхеру благополучно удавалось проходить по тылам белого фронта, так как здесь не было никаких значительных резервов. Все силы были или на фронте или формировались в глубоком тылу.

Мелкие отряды противника Блюхера не пугали.

На ночлегах Блюхер применял удачный прием, располагая свои силы треугольником, в углах которого размещались боевые части, а внутри обозы. При нападении на один из пунктов расположения отряда гарнизон этого пункта отражал нападение, а другие высылали на помощь части, чтобы охватить противника с флангов и тыла.

Небольшие отряды белых, встречавшие Блюхера, должны были отступать, чтобы не попасть в окружение и не быть уничтоженными. Применяя эту тактику и не встречая крупных сил белых, Блюхер успешно продвигался на север.

Получив сведения о движении отряда Блюхера к Сарапулю и не имея под рукой резервов, командовавший Воткинцами капитан Юрьев вызвал командира только что сформированного батальона поручика Болонкина, доблестного и энергичного боевого офицера, и направил его с батальоном в распоряжение Сарапульской народной армией корнета князя Ухтомского.

Сарапульская армия начала организовываться после захвата города Ижевцами 31-го августа, но состояла только из штаба и не имела боевых частей.

В течение 24 часов батальон поручика Болонкина был переброшен в гор.Сарапуль. Здесь командир батальона получил приказ двинуться в Михайловский завод, расположенный за р.Камой, и препятствовать движению противника к гор.Сарапулю.

Переправившись через реку Каму, батальон прибыл в указанный завод, где находился партизанский отряд прапорщика Преснова (впоследствии 15-й Михайловский полк 4-й Уфимской дивизии).

Выяснив, что Блюхер расположился в 50-60 верстах к северо-востоку от Михайловского завода, пор.Болонкин выступил в сторону противника и ночью атаковал красных в дер.Запуново. В деревне находились мадьяры и красные казаки Каширина, закаленные в походах и боях против атамана Дутова в течение нескольких месяцев.

Бой отличался большим упорством, хотя и не был продолжительным. Воткинцы яростно атаковали красных и, после горячей схватки внутри деревни, заставили их поспешно отступить, бросив 200 повозок с боевым имуществом.

Блюхер не решился ввязываться в дальнейший бой с дерзким противником, не стал прибегать к своему излюбленному приему - окружению с флангов - и наверное не предполагал, что против его шеститысячного отряда находится всего один батальон Воткинцев, во много раз слабейший и только что сформированный.

Весь отряд Блюхера начал немедленное отступление на север, где вскоре вышел на линию красного фронта восточнее гор.Оса.

Воткинцы нанесли большие потери "блюхеровцам", но и сами сильно пострадали - одних убитых было 83.

Преследования красных, состоявших из конницы и пехоты на подводах и быстро уходивших, не было. У Воткинцев было всего лишь несколько конных ординарцев.

После прихода в район, занятый красными, отряд Блюхера был переформирован в 30-ую дивизию.

Воткинцам пришлось несколько раз встретиться со старым знакомым в Уральских горах и за Уралом. Блюхеру не удалось в этот период своей деятельности похвалиться большими успехами и выдвинуться на первые места советских полководцев. Прославился он позднее.

- o -

В первой половине октября, под напором красных, Ижевцы начали сокращать свои растянутые фронты и отходить на позиции ближе к заводу.

На Глазовском направлении они отошли к югу и держались верстах в 30 от завода, отражая натиски красных и переходя в контр-наступления.

Деревня Якшур-Бадья и находившаяся недалеко южнее небольшая заимка в несколько дворов были заняты крупными силами красных. Заимка стояла в густом лесу, недалеко от дороги Ижевский завод - дер.Якшур-Бадья.

Правая группа Северного фронта получила задачу разбить и отбросить противника из "Заимки".

Командующий группой подпоручик Вершинин с отрядом в 3000 бойцов выступил для выполнения задачи. В обход обоих флангов он послал по одной роте, а с главными силами двинулся по дороге, расчитывая движение так, чтобы обходные роты имели время пробраться по старому, трудно проходимому лесу и ударить с флангов.

Обход с правого фланга был поручен прибывшей из Ижевска роте, состоявшей из 250 рабочих под командой прапорщика Х.

Пулеметов в роте не было. Орудий не было во всей группе подпор. Вершинина, так как снаряды в октябре подошли к концу и имевшиеся пушки были отосланы на завод.

Командир роты не внушал доверия: бледный, видимо болезненный, он имел, по словам участника боя, "вид обреченного человека". Поэтому подпор.Вершинин назначил к нему, под видом командира батальона, другого офицера. Но и этого случайного офицера он тоже не знал, а задача требовала руководства опытного боевого начальника.

Подпоручик Вершинин посылает с ротой также и своего помощника - пор.Михайлова. Последнего он знал очень хорошо, так как Михайлов был организатором и руководителем тайной антибольшевистской группы офицеров в гор.Глазове. Вершинин состоял в группе у Михайлова. Вместе с другими офицерами этой организации они оба были захвачены, попали в тюрьму и оттуда совершили весьма рискованный и дерзкий побег.

Подпоручик Вершинин, совсем молодой офицер, раньше прибыл в район восстания и получил в командование правую группу Северного фронта. Поручик Михайлов, пробравшись к Ижевцам позднее, попал помощником к своему соучастнику по тайной организации и бегству от большевиков.

Отправляя пор.Михайлова в обходную роту, Вершинин был уверен, что успех обеспечен.

Рота углубилась в лес и взяла направление с расчетом выйти к "Заимке" справа. Движение было тяжелое - заросли кустов и, особенно, стволы огромных упавших деревьев, часто в аршин диаметром, заграждали дорогу.

По истекшему времени выходило, что "Заимка" должна быть вблизи. Не видя ее, начали сомневаться, не взяли ли слишком вправо и не прошли ли мимо.

Неожиданно раздались выстрелы красной заставы. Поручик Михайлов крикнул "ура!", и все бросились за ним.

Застава противника бежала. Перепрыгивая через упавшие деревья, Ижевцы преследовали их, продолжая кричать "ура".

Три раза красные останавливались и пробовали задержать Ижевцев стрельбой, прячась за стволы деревьей. Но Ижевцы бежали вперед и гнали красных дальше. Таким путем красная застава помогла обходной роте найти "Заимку".

Показались строения. Перед ними расчищенное пространство, всего шагов в 70.

Рота сильно растянулась. Бег по лесу с преодолением препятствий утомил более слабых. С поручиком Михайловым впереди оказалось всего около 20 бойцов и "командир батальона".

Красные открыли пулеметный и ружейный огонь. "Командир батальона" тяжело ранен в ногу. Он не может бежать дальше, на лице выражение досады. Пор.Михайлов приказал ему пробираться назад и найти фельдшера.

У противника замешательство. Торопятся взять на передки две пушки и увезти их. Поручик Михайлов, рассыпав бойцов в цепь на небольшом бугре у опушки леса, приказал им перебить лошадей.

Оставшись без лошадей, красные артиллеристы повернули орудия на Ижевцев и открыли бешеный огонь на картечь.

Из-за близости расстояния снаряды разрывались над головами и сзади лежавших в цепи, поражая подбегавших отсталых.

Лес загудел от пушечной пальбы. В цепи казалось, что орудийная стрельба происходит сзади, за лежавшими на бугре. Из-за черной завесы шрапнельного дыма по временам выскакивали отдельные бойцы и вливались в цепь. Двинуться вперед было невозможно. Многие были убиты и ранены картечью и кусками деревьев, разбиваемых снарядами.

Тяжелое положение еще более ухудшилось, когда красные поставили пулемет справа и открыли продольный огонь по бугру, за которым прятались бойцы. Казалось, все будут перебиты.

Но вот слева от "Заимки" появилась из леса группа в сотню солдат и бросилась на красных. После короткого штыкового боя красные бежали, бросив пушки.

Неожиданная помощь пришла от отставших во время преследования заставы и собравшихся около командира роты. Но его самого не было. На вопрос - "где он?" - последовал ответ: "убит в наступлении". Но это было не так. Выяснилось, что прапорщик был подавлен грохотом стрельбы и отказался вести собравшихся около него вперед. Отставшие Ижевцы рвались на помощь своим. Убеждать и уговаривать ротного было некогда. Каждое мгновение было дорого. Несколько штыков закончили жизнь недостойного командира.

В командование вступил унтер-офицер, участник мировой войны. Он сразу понял, что бешеный огонь красных задержал находившихся впереди, и надо не подпирать их с тыла, а ударить врага с фланга. Его

находчивость спасла роту от уничтожения.

Рота потеряла треть своего состава - 80 человек было убито и ранено.

Упорно дравшийся отряд красных состоял из латышей.

Главные силы группы подпоручика Вершинина и левая обходная рота в бою принять участие не успели. Но по колонне главных сил, следовавшей по дороге, красные открывали огонь со стороны дер.Якшур-Бадья.

- о -

Два боя, описание которых здесь приведено со слов участников, являются случайными в общем ходе борьбы Ижевцев и Воткинцев. Но они указывают на чрезвычайно высокое боевое воодушевление восставших против большевистского гнета - то воодушевление, которое не покидало их за все три месяца отстаивания ими своих родных очагов, а потом и в четырехлетней борьбе на Урале, в Сибири, в Забайкалье и в Приморье.

11. В красном окружении.

Взятие красными Казани 10 сентября*) не только позволило им значительно усилить свою разбитую и растрепанную 2-ую армию, но поставило ее в выгодное положение беспрепятственного выхода из района р.Вятки в Каму и движения по ней в тыл восставшим заводам.

Насыщенная коммунистами и надежными отрядами из мадьяр, латышей и других наемников, 2-ая красная армия начала медленное продвижение к Ижевску. Из центра своего сосредоточения около с.Вятские Поляны (120 верст к с.-в. от Казани и в 140 в. от Ижевска) красные двинулись двумя путями: вдоль жел.дороги Казань-Екатеринбург и по рекам Вятке и Каме на Сарапуль.

К концу сентября красные подошли к ст.Агрыз, откуда идет ветка на Ижевск - Воткинск, и здесь загораются бои, продолжавшиеся весь октябрь.

Спустившись на пароходах по р.Вятке и двинувшись вверх по р.Каме, красные в первой половине октября захватили г.Сарапуль. Наша Волжская флотилия незадолго перед этим ушла в р.Белую на зимовку. Это открыло дорогу красной флотилии Раскольникова.

Вражеское окружение все теснее облегало восставшие заводы. Просьбы о помощи оставались без ответа. Пополнение огнеприпасами, почти исключительно трофейными, становилось все труднее и труднее. Снаряды были на исходе, ружейных патронов было ничтожное количество. Нужно было считаться с возможностью оставления заводов и искать путей проделать это с наименьшими потерями.

20-го октября командующий Прикамской армией полковник Федичкин созвал совещание старших чинов армии и местный комитет Учредительного Собрания, представлявший из себя высшую гражданскую власть.

Полк.Федичкин, объяснив создавшуюся обстановку и невозможность расчитывать на своевременное прибытие помощи, предложил начать заблаговременную эвакуацию раненых, женщин и детей, а также ценного имущества и запаса винтовок, на восточный берег Камы, пока это возможно было сделать в порядке и в условиях достаточной безопасности.

Председатель комитета членов Учредительного Собрания Евсеев не согласился с предусмотрительным полк.Федичкиным и назвал его предложение об эвакуации трусостью.

*) Отступление белых из Казани началось 9 сентября вечером.

В ответ на это полк.Федичкин подал заявление об отставке. После этого заседания весь комитет членов Учредительного собрания скрылся.

Два дня их не могли нигде найти. Даже своего секретаря А.П... сбежавшие не предупредили о том, куда они исчезают, и секретарь не знал, где их искать.

Причиной исчезновения всего комитета, как выяснилось, была боязнь ареста полковником Федичкиным. Но последний никому никакими арестами не грозил. Не желая вызывать никаких разногласий и вносить раскол .. в ряды защитников в эти тревожные и решительные дни, полк. Федичкин, заявив о своей отставке, покинул Ижевск и пробрался в гор. Уфу в распоряжение Верховного Главнокомандующего генерала Болдырева.

В "генеральском доме", как назывался бывший дом начальника Ижевского завода, на втором этаже разместился комитет членов Учредит.собрания. В первом этаже издавалась газета "Ижевский Защитник".

К этому дому ежедневно собирались все имевшие отношение к делам, которыми ведали члены комитета, в том числе и поставщики на армию, ждавшие срочных распоряжений на разные заготовки, так как все суммы находились в руках Комитета.

Исчезновение членов комитета могло быстро распространиться среди населения и вызвать тревогу и панику. Поэтому находившиеся в "генеральском доме" служащие в канцеляриях комитета и газетные сотрудники условились скрывать бегство "верховной власти".

Доброволец М.Т., сотрудничавший в перерывы от боев в газете, заявил, что комитет мог сбежать только в Воткинск, и взялся его разыскать.

Взяв паровоз с двумя машинистами и захватив 5 вооруженных гимназистов в качестве охраны, так как в 60-верстном промежутке между заводами появились разведывательные партии красных, М.Т. в 8 час. вечера помчался в Воткинск.

Там в доме Чайковского, где собирался Воткинский совет обороны, М.Т. нашел сбежавших комитетчиков. Получив необходимые сведения и распоряжения, М.Т. ночью же вернулся в Ижевск, успокоив заинтересованных лиц.

Тем временем поставщикам говорились разные небылицы, почему их не могут принять по их делам. Но скрывать правду становилось все труднее и труднее.

На место полк.Федичкина командующим Прикамской армией был назначен капитан Юрьев. Командование Ижевскими частями было передано шт.-капитану Журавлеву, по оценке некоторых очень храброму офицеру, но мало опытному и бестолковому начальнику. Интересно отметить, что за время своего недолгого командования - около месяца - шт.-кап.Журавлев не был известен многим Ижевцам, даже из числа старших начальников, а некоторые даже никогда ничего о нем не слыхали.

Через несколько дней после бегства успокоившиеся члены комитета Учредительного собрания приехали в Ижевск на устроенный ими многолюдный митинг. С ними приехал также новый командующий армией капитан Юрьев.

На этом митинге Ижевцы услышали горячие призывы к спасению заводов от захвата красными и даже призывы к походу на Москву. О том, будут ли доставлены патроны и как без них дойти до Москвы, красноречивые ораторы не говорили.

- o -

Чем ближе красные подступали к заводам, тем упорнее и ожесточеннее становились бои. Особенно сильно красные нажимали с юга.

К концу октября бои из района ст.Агрыз переместились к Ижевску на 18 верст. На севере Ижевцы и Воткинцы удерживали врага в среднем верстах в 30 от заводов.

Дорого доставался врагу каждый шаг. Но и защитники заводов несли тяжелые потери. Недостаток патронов был очень чувствителен; приходилось все чаще и чаще обращаться к штыку и всеми способами экономить патроны на крайний случай.

Все рабочие, по установившемуся порядку, где бы они ни находились, не расставались с винтовками. Кто бы какую работу ни делал - винтовка была рядом. По тревожному реву заводского гудка все немедленно бежали на сборные пункты своих рот.

Из штаба приходили приказы, и роты быстро направлялись на атакованные пункты.

Пленные красноармейцы показывали, что, как только комиссары начинают их гнать вперед, они с волнением ждут рева могучего заводского гудка. Услышав его, в их рядах начинает нарастать паническое настроение. Они знают, что через час к месту боя подойдут и опрокинутся на них волны рабочих и начнется кровавая штыковая схватка.

По словам добровольца И.Т., только в Ижевске до 20000 рабочих принимали участие в отражении атак врага, когда красные бросались на приступ в больших массах.

Никто не пробовал уклониться от боя. Взаимная спайка и выручка стояли необыкновенно высоко. Если кто-нибудь не поспевал присоединиться к своей роте, он пристраивался к другой.

Один из участников боя последнего дня защиты завода 7-го ноября рассказывает, как был собран последний резерв. Это была сводная рота, куда вошли все, кто еще оставался на заводе по разным причинам, не мог теперь попасть в свою роту или не знал, где ее искать.

Командовал ротой полк.Власов, пользовавшийся любовью и доверием Ижевцев, как храбрый и распорядительный офицер. Когда потерявшие свои роты бойцы узнавали, что командует Власов, они охотно присоединялись к этой сборной роте. Всего набралось около 300 бойцов.

Рота по Казанской улице вышла к станции Ижевск, находившейся в одной версте от завода. Здесь она заняла окопы недалеко от татарского кладбища. На кладбище и левее в большом количестве накапливался противник.

Полк.Власов решает помешать красным в их сосредоточении и подготовке к штурму и атаковать их теперь же.

Он отдает распоряжение и сам первый со знаменщиком и одним бойцом выскакивает из окопа и бросается к кладбищу. Одновременно доброволец И.Т. с 5-ю бойцами бросается левее.

Но у красных уже стояли наготове пулеметы, и их огонь перебил всех выскочивших вперед и заставил остальных, поднявшихся для атаки, укрыться в окопах.

Полк.Власов был тяжело ранен, и его с большим трудом вытащили из-под обстрела. У рассказчика-добровольца была перебита нога. Он начал ползти к окопу. К нему выскочила гимназистка Попова, работавшая сестрой милосердия и отличавшаяся необыкновенной смелостью, и хотела перевязать раненую ногу. Пуля ранила ее в лоб, и лицо ее залилось кровью. Доброволец приказал ей бежать зигзагами в окоп. Ему удалось самому доползти до окопа, где его перевязали и отправили в тыл.

После нескольких настойчивых атак красные захватили станцию. Она была оставлена в 2 часа дня. Около этого же времени были очищены другие пункты, лежавшие впереди завода, и защитники отступили на последние позиции у окраины завода.

Утомленные боями и потрясенные упорством обороны, красные не чувствовали уверенности в окончательном успехе, остановились и набирали силы для дальнейших действий. Ночью они бездействовали.

По красным сведениям (Гражд.война, т.1) последние дни защиты Ижевска излагаются так: "Бои под Ижевском 5-го, 6-го и 7-го ноября достигли большого напряжения; та и другая сторона дрались с большим упорством, неся большие потери. Этими боями подтвердились сведения агентуры, что вокруг территории завода противником вырыты окопы с ходами сообщения в тыл и усилены проволочные заграждения. Войскам отдается приказ взять Ижевск 7-го ноября во что бы то ни стало."

"7-го ноября с утра началась артиллерийская подготовка атаки и устройство проходов в проволочных заграждениях. Вера в успех настолько велика, что было приказано держать прямой провод с Московским Кремлем для немедленной передачи сообщения о падении Ижевска в день, когда праздновалась годовщина Октябрьской революции".

"К 17 часам войска были уже у проволочных заграждений и готовились к штурму. Противник вел бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей... На правом фланге боевой линии в числе прочих частей был 2-й Мусульманский полк, который не выдержал огня, дрогнул и позорно бежал с поля сражения, оставив противнику батарею, пулеметы и другую материальную часть. На пути бегства людьми полка был разграблен полковой обоз, похищены вещи командного состава. Весь же командный состав в этом полку держал себя образцово. 2-й Мусульманский полк за свое позорное и преступное поведение был расформирован."

"В 19 час.40 мин. Ижевск был взят штурмом... Бронированный поезд "Свободная Россия" ворвался на станцию Ижевск и своим огнем внес в ряды белогвардейцев сильнейшее расстройство. Кавалерия вслед за пехотой ворвалась в город, на улицах которого завязались ожесточенные бои."

Это описание красного историка имеет значительные неточности. Каких-либо серьезных проволочных заграждений у Ижевцев не было: проволока на заводе не выделывалась и запасов ее не имелось. Защитники не могли вести бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей из-за недостатка огнеприпасов. На улицах города боев не было, красные не посмели войти ночью в город, и в Москву была послана преждевременная "поздравительная" телеграмма о взятии Ижевска, не соответствовавшая действительности.

Следует также отметить, что бегство 2-го Мусульманского полка не было единственным случаем. Защитники много раз обращали красных в паническое бегство, но их историк отмечает только один случай, который трудно замолчать, так как была брошена батарея, разграблен ?5 обоз и полк был расформирован.

После очищения станции и других передовых пунктов впереди завода - дальнейшее сопротивление красным было оказано на южной окраине города.

Здесь с наступлением темноты бой затих. Красные остановились, не решаясь ночью двигаться дальше.

Трехмесячная борьба за Ижевск подходила к концу. Героизм и са-

мопожертвование восставших должны были покориться грубой силе численного превосходства и подавляющего огневого преимущества красных.

Был отдан приказ об оставлении завода.

Ижевцы - как бойцы, так и большинство их семей - покинули свои родные места.

Раненого Л.Т. везли вместе с другим раненым на подводе. До него доносился плач женщин и детей. Он всматривался в темноту. Людей было трудно различить, но можно было видеть, как двигалось огромное количество белых пятен. Это были узлы с одеждой и едой - все, что могли захватить с собой жители Ижевска. Подвод было мало, большинство шло пешком.

Около 40 тысяч, может быть, до 50 тысяч рабочих и их семей бросили родные очаги и все, что им было дорого. Уходили от расправы и мести той власти, которая именовала себя защитницей всех трудящихся.

12. Последние дни восстания.

Оставление Ижевского завода поставило на очередь дальнейшую судьбу всей борьбы восставших против красной власти.

На совещании в Воткинске, на котором присутствовали комитет членов Учредительного собрания, командующий Ижевско-Воткинской армией капитан Юрьев, начальник штаба армии полковник Альбокринов и командующий Ижевцами шт.-кап.Журавлев, выяснилось: 1) что нет достаточно сил захватить обратно Ижевск; 2) что оборона Воткинска против превосходных сил противника на восточных и северных подступах к заводу, где продолжаются упорные бои,и при наличии больших сил красных в захваченном ими Ижевске - становится невозможной, 3) что подход обещанных и долгожданных Сибирских частей не предвидится.

Совещание решило оставить район Ижевского и Воткинского заводов и отвести армию за р.Каму.

В предвидении возможности отхода уже собирались материалы и начиналась постройка через Каму пловучего моста*) на баржах в 2-х верстах выше по течению от дер. Усть-Речка. Строителем был капитан 1-го ранга Вологдин.

Утром 10-го ноября кап.Юрьев вызвал командира 4-го Воткинского полка пор.Болонкина и приказал ему передать в распоряжение штаба армии 2-й и 4-й батальоны.

Общее положение у Воткинска к этому времени было следующее: 4-й полк занимал растянутый фронт: два батальона (1-й и 3-й) обороняли подступы к заводу на трактовой дороге от ст.Чепца; 2-й батальон охранял участок к С.-З. от завода и находился в с.Светлом, поддерживая связь с северным фронтом Ижевцев; 4-й батальон был выдвинут в с.Паздеры в 20 верстах к юго-западу от строящейся переправы, имея задачу не допускать движения противника на север со стороны занятого им села Гальяны.

С оставшимися в его распоряжении двумя батальонами пор.Болонкину было приказано упорно оборонять северные подступы к заводу, держа тесную связь с расположенным правее 2-м Воткинским полком под командой поручика Дробинина. Далее к востоку у р.Камы действовал 1-ый

*) Длина моста - 482 сажени, начало постройки 26-го октября, закончено 4-го ноября.

Воткинский полк в районе Ножовского завода. На другом (левом) берегу Камы против частей красных, напиравших от гор.Оса, действовал 3-й Сайгатский полк.

Требование упорной обороны обусловливалось необходимостью произвести планомерную эвакуацию госпиталей, дать возможность населению Воткинска и его окрестностей, не желавшему оставаться у большевиков, уйти за Каму и дать Ижевцам подойти к переправе.

Оставить позицию пор.Болонкин должен был только по особому приказу. Остальные полки получили соответствующие распоряжения.

Ижевцам, отступавшим вдоль жел.дороги на Воткинск, было приказано свернуть к переправе кратчайшим путем, имея сильный заслон в сторону села (и пристани) Гальяны. Красные части, занявшие Ижевск, настолько были изнурены боями, что не могли двинуться в преследование,и, по показанию участников, только разведывательные отряды противника следовали за арьергардами уходивших Ижевцев.

Во исполнение указанного ему задания, 2-й батальон 4-го Воткинского полка (пор.Бускин) перешел из с.Светлое в дер. Верхний и Нижний Кокуй (10-12 верст к западу от завода). Противник, заметив приготовления к эвакуации завода, усилил свои атаки, но Воткинцы удержали все свои позиции.

Около этого времени (по другим сведениям это было раньше) поручик Дробинин у дер.Мишкино нанес сокрушительный удар 4-му Латышскому полку, захватив несколько орудий, пулеметы и много пленных и обратив красных латышей в поспешное бегство.

11-го и 12-го ноября противник вел атаки днем и ночью. Спать почти не приходилось. Все устали и вымотались. Настроение было нервное, особенно в самом городе.

В ночь с 12-го на 13-ое ноября пор.Болонкин опять был вызван в штаб к капитану Юрьеву.

В штабе, уже опустевшем, его встретил кап.Юрьев, нач.штаба полк. Альбокринов и нач.связи шт.-кап.Шадрин. Пор.Болонкин вспоминает:

"Все они выглядели от усталости, как мертвецы. Здесь я лично от кап.Юрьева получил приказ оставить свои позиции 13-го ноября с наступлением темноты, собрать полк (два батальона) и отходить через восточную часть города к переправе. Отдавая мне приказ и давая последние инструкции, командующий армией сильно нервничал и несколько раз спрашивал начальника штаба и начальника связи, какие сведения они имеют об Ижевцах, а также - какое положение на участке 4-го батальона, находившегося в распоряжении штаба и охранявшего направление со стороны с.Гальяны..."

Поручику Болонкину было сообщено, что центральная телефонная станция будет работать до 6 час.вечера 13-го ноября и что 2-й батальон его полка, находившийся в распоряжении штаба, будет отходить с последними телефонистами штаба армии и с подрывниками, которые должны будут взорвать жел.-дорожный мост через р.Сива, что в 5 верстах к югу от завода (на ветке с завода к пристани Галево).

Успешно отбив днем 13-го ноября все атаки красных, пор.Болонкин около 9 час.вечера вышел на восточную окраину Воткинска, в 3 часа утра 14-го ноября был у моста и в 5 час.утра переправился на левый берег Камы.

Начальником переправы был строитель моста капитан 1-го ранга Вологдин. В его распоряжении находился шт.-кап.Самарцев, который встречал части и указывал им порядок переправы.

От Самарцева пор.Болонкин узнал, что его 2-й батальон уже переправился, а 4-й находится в 2 верстах ниже переправы и пропускает последние подходящие части Ижевцев.

Шт.-кап. Самарцев в разговоре с Болонкиным высказал ему мнение о весьма неудовлетворительном управлении шт.-кап.Журавлева Ижевскими частями. По его словам, Ижевцы отступали, не зная обстановки и не имея указаний о направлении движения. Мнение Самарцева находит подтверждение от других лиц и из фактов происшедших событий.

Неудачное управление или его полное отсутствие в отношении к Северному фронту Ижевцев привело к тому, что большая часть этого фронта была отрезана красными. Незначительная часть выбралась благополучно, отойдя со 2-м батальоном 4-го Воткинского полка. Другая часть пробовала пробиться через Ижевск, уже захваченный красными, попала в плен и стала жертвой чекистских зверств. Немногим удалось рассеяться и скрыться в лесах.

Кроме того, отдельные мелкие группы Ижевцев подходили все время к мосту. Когда красные, наступавшие по правому берегу с востока, подошли близко к мосту и он мог быть ими захвачен, руководители переправы отдали приказ поджечь его. Некоторые запоздавшие Ижевцы перебегали по уже горевшему мосту. В их числе был и один из чинов комендантской команды Агрызского фронта В.М.Новиков.

По сведениям, несколько групп Ижевцев не успели дойти до моста и были захвачены красными.

Число Ижевцев и Воткинцев, перешедших за Каму, указывается участниками очень различно.

Минимальная цифра для Ижевцев будет примерно 16000 человек, из них 10000 боеспособных мужчин. Другие считают, что ушло 30000 и даже больше.

Пор.Болонкин для Воткинцев дает цифры: вооруженных Воткинцев было около 15000 и почти столько же гражданского населения и семей.

Ижевцы вывезли с собой несколько тысяч винтовок. Воткинцы вместе с госпиталями и семьями эвакуировали управление завода и увезли некоторые электрические машины, что делало завод неработоспособным на долгое время.

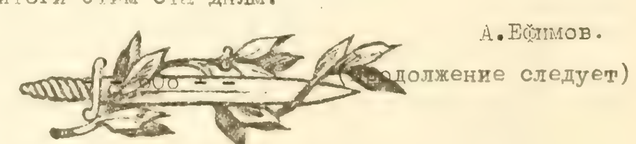
- о -

С переходом за Каму закончилось крупнейшее по своей стихийности и масштабу восстание рабочих против красной "пролетарской" власти - восстание Ижевских и Воткинских рабочих и присоединившихся к ним крестьян. Восстание это самостоятельно боролось против своих угнетателей. Оно началось 7 августа отказом рабочих-фронтовиков в Ижевском оружейном заводе выступить на защиту большевистской тирании.

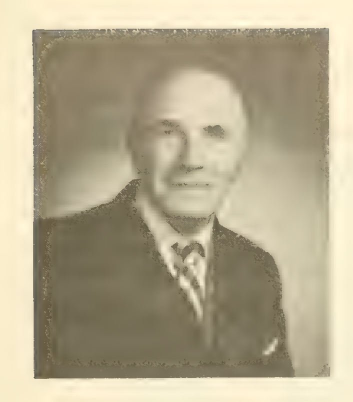
14-ое ноября - день переправы последних частей восставших за Каму - является 100-м днем борьбы в родных местах.

Следует подвести итоги этим ста дням.

А.Ефимов.

(Продолжение следует)

Памяти усопшего поручика
ГЕОРГИЯ АДАМОВИЧА ГОЛОВАНЬ.

19-го августа, в день Преображения Господня, в Брюсселе (Бельгия), после непродолжительной, но тяжкой болезни скончался Георгий Адамович ГОЛОВАНЬ, член редакционной коллегии журнала "Вестник Первопоходника".

Г.А.Головань родился в Варшаве 10-го ноября 1892 года. Окончил классическую гимназию в Новороссийске. Участвовал в 1-й Мировой войне, находясь на службе вольноопределяющимся в 16-м Гренадерском Мингрельском Его Имп.Выс. Вел.Князя Дмитрия Константиновича полку. По окончании Телавской школы прапорщиков был произведен в чин прапорщика 20 июня 1916 г.

После развала Императорской Армии Георгий Адамович, на призыв генералов Алексеева и Корнилова, вступает в Добровольческую Армию - сначала в партизанский отряд полковника Симановского, а затем, 4-го января 1918 года, зачисляется в 1-й Ударный Корниловский полк, с которым и выступает в 1-й Кубанский поход. Г.А.Головань не покидал полка во всю Гражданскую войну, находясь все время на строевых должностях.

Эвакуация из Крыма в Галлиполи, затем переезд в Болгарию и, наконец, Георгий Адамович с семьей переезжает в Бельгию, где и проживает до самой своей кончины.

С 1963 года Г.А. принимает деятельное участие в работе редакционной коллегии журнала "Вестник Первопоходника", присылая свои статьи и очерки, а также материалы других авторов для помещения в журнале. Помимо этого, он привлекает новых подписчиков и делает по подписным листам сборы для фонда издания журнала, чем способствует его материальному благополучию.

С чувством глубокой печали редакция отмечает утрату энергичного и деятельного члена редакционной коллегии журнала "Вестник Первопоходника", полного энтузиазма и решимости вести борьбу с поработителями нашей Родины - если не с оружием в руках, то пером. Ушел от нас в иной мир честный, с твердыми принципами и убеждениями Белый Воин, лелеявший надежду увидеть обновленной нашу Родину.

Мир праху твоему, дорогой и незабвенный друг и соратник. Да будет тебе пухом Бельгийская земля!

Глубокоуважаемой вдове Клавдии Ивановне редакция выражает свое искреннее соболезнование в постигшем ее горе.

Редакционная Коллегия.

- - oOo - -

СНЫ ВЕШНИЕ.

Видно всеми ты, Русь, позабытая,
Горемычную долю несешь
И стоишь, вся снегами покрытая,
Ниоткуда спасенья не ждешь...
Покосились домишки убогие,
Поисчезли заборы, плетни,
И в вечерние сумерки зимние
Лишь метели гуляют одни.
И поют они песнь похоронную,
Облекая, как в саван, дома...
Не засыпать тебя, непреклонную,
Как бы ни была долга зима!...
Неизведаны силы природные!..
Ты проснешься от долгого сна,
А чем лютее зимы холодные,
Тем теплее и ярче весна!..
Потекут ручейки по проталинам
И сольются в могучий поток,
И от сердца России к окраинам
Пробудится заснувший восток.
На курганах, могилах заброшенных
Зацветут полевые цветы...
Вспомнят нас, как былины, подкошенных:
Имена веси, Господи, Ты!..
Птички Божие, странники бедные,
Принесутся на праздник весны,
И послышится песня победная,
Песнь восторга, что сбылися сны.

Брно, 1929. С.Ж.

(Перепечатано из Юбилейного Сборника Союза Русских Студентов в гор. Брно, 1921-1931. Издание Союза Рус.Студентов в Брно, Чехословакия, 1932 г.)

О Р Л О В Щ И Н А

(Продолжение, см. № 59/60)

Часть вторая.

В конце октября 1919 года положение на всех фронтах Вооруженных Сил Юга России стало ухудшаться. Красные перешли в наступление, наши армии начали отступать, и к середине декабря образовалось три группы: 1) Добровольческая армия и казаки, отступавшие на Дон и Кубань; 2) группа ген.Слащева, отступавшая на Крым и 3) войска Киевской группы и Новороссийской области, отходившие на Одессу. Положение было очень серьезное, так как потери, как в людях, так и в материале, были огромны. Войска, самоотверженно защищая рубежи и истекая кровью, отходили в тыл, если еще не разложившийся вполне, то во всяком случае в состоянии сильного разброда. Политическое положение в тылу армии было очень неблагоприятное, и положение ген.Деникина становилось необычайно тяжелым. Говорилось даже о переворотах и тому подобном.

В половине декабря группа ген.Слащева (3-й армейский корпус и другие части) отошла на крымские перешейки. На перешейках было мало жилья, зима была жестокая (мороз до 22°Ц), наши и красные части были мало приспособлены к позиционной войне. Ген.Слащев, правильно учитывая обстановку, отвел свои войска за перешейки, занимая их только сторожевым охранением, и, сосредоточив крупные резервы, оборонял Крым, атакуя промерзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебоширующего из перешейков противника. В результате все усилия красных захватить Крым успеха не имели (Деникин).

Войска на фронте истекали кровью, и требовались подкрепления. Между тем, во всех городах Крыма к этому времени скопилось большое количество офицеров и солдат - больных, раненых, выздоравливающих после болезней и ранений. Кроме того, было много лиц, скрывавшихся от фронта. Было необходимо привлечь в строй возможно больше людей. Ген.Слащев, будучи в двадцатых числах 1919 г. в Севастополе, предложил герцогу С.Лейхтенбергскому - князю Романовскому, прикомандированному тогда к штабу Командующего Черноморским флотом, "состоять при нем" для связи с морским командованием. Штаб флота согласился отпустить князя, и позже, после переговоров с князем, ген.Слащев, как "начальник обороны Крыма", назначил его "заведующим корпусным тылом и формированиями". *)

---

*) Интересный момент, характерный для Слащева и тогдашней обстановки, сообщает князь. Перед тем, как случилось его назначение, произошло по сообщению князя следующее. Ген.Слащев, приехавший в Севастополь, остановился в гостинице "Кист". Рано утром князь был разбужен, и явившийся к нему кап.Мизерницкий, начальник конвоя ген.Слащева, передал просьбу генерала прибыть к нему в гостиницу. "Войдя в апартаменты генерала, вижу его быстро идущим ко мне навстречу, и,остановившись в трех шагах от меня, рапортуя по уставу, он представляется мне, - пишет князь. - Признаюсь, я смутился. Но этого, видимо, оказалось генералу мало, и он, все так же официально, стоя на вытяжку,

По уговору с ген.Слащевым князю предстояло:"1) усилить личный состав корпуса путем мобилизации; 2) усилить его артиллерию морскими орудиями;. 3) согласовать работу "разведок" и 4) деятельность Края с насущными потребностями Армии, защищающей подступы к Крыму."

24-го декабря князь отбыл из Севастополя в Симферополь (временно), как пишет князь, "для организации связи с Управлением Края, мобилизации военнообязанных и волонтеров, из состава которых и должен был образоваться "енный" Крымский отряд, который должен был влиться в ту или другую группу наших войск образовывавшегося крымского фронта (на Перекопе и на Чонгаре)".

Между прочим, в своем сообщении князь отмечает интересную подробность: "Еще при наших встречах в Севастополе я просил "моего" генерала точно установить приказом: а)наименование и предел полномочий моей должности, б)прислать в Симферополь хотя два взвода, которые служили бы мне опорой и стержнем мобилизующихся частей, в)связаться с элементами его разведки, дабы и мне быть в курсе дел... Все это было мне обещано, но не выполнено, благодаря чему я оказался в этом городе скорее туристом, чем начальником весьма ответственного военного образования".

Очутившись в незнакомом ему городе, князь отправился на поиски роты. Муфти-Заде, которого он знал давно по Ливадии, когда эскадроны Крымского Конного полка были там на охране. Вот как описывает князь свои первые шаги в Симферополе:

> "Муфти-Заде принадлежал, как мне говорили, к знатной татарской семье, к тому же состоятельной и в Крыму хорошо "котировавшейся". Он меня сразу же пригласил поселиться у него на дому. Таким образом я вошел в его семью и мог присмотреться к ее быту и уюту.
>
> Доверяя хозяину дома, я сообщил ему о своей миссии в Симферополе и спросил, кто здесь обладает достаточным авторитетом в военной среде, чтобы взять на себя, под моим руководством, дело формирования Крымского отряда, предназначенного для обороны Крыма.
>
> Не колеблясь, Муфти-Заде ответил мне: "Конечно, пригласите Орлова. Он молод и очень популярен, я его знаю и, если вам угод-

---

вдруг говорит: - "Предлагаю Вашему Высочеству взять оборону Крыма в свои руки, мой корпус всемерно вас поддержит, с моряками я сговорюсь. Армия разваливается. Ей нужно новое имя - имя, связанное с Добровольческой Армией и с прошлым нашей Империи". - Я поблагодарил генерала за внимание и категорически заявил ему, что я к такой роли не только не подготовлен, но и не представляю себе, как такая идея могла придти ему в голову. - "Из всех Вы единственный, который остался с нами,все ...ваши за границей, за границей и Вел.Князь Николай Николаевич - Ваш Отчим, которого мы ждали. К кому же нам обращаться? К тому же мы вас знаем по Николаеву, мы вас оценили и полюбили". - Я повторил мой категорический отказ от предложенной мне великой чести и также категорически просил Слащева оставить этот разговор между нами, что генерал мне и обещал."

но, я приглашу его сюда для встречи с Вами". - Я согласился. Встреча состоялась в тот же день, и, выслушав меня, Орлов согласился взяться за формирование этого нового "крымского отряда".

Орлов произвел на меня скорее благоприятное впечатление. Он неглуп, скорее угрюм, а об его характере и военных талантах я решил судить по результатам его работы."

Итак совершилось то, чего Орлов, имея уже некоторое окружение, не мог получить так легко. Он совершенно неожиданно получил в свои руки не только возможность создать для себя силу, с которой он сможет провести в жизнь свои мысли, но, что очень важно, получил авторитет князя и тем самым как бы благословение ген.Слащева и законность его формирования. При наличии в Симферополе в этот момент, в чем нельзя сомневаться, более опытных офицеров с "достаточным авторитетом в военной среде", жребий пал совершенно случайно на кап.Орлова - "он молод и очень популярен". Популярность Орлова сыграла главную роль.

Говоря об "окружении", вспоминаю разговор с пор. Н.Турчаниновым, Симферопольского Офицерского полка, большим другом кап.Орлова по гимназии и по полку. Он рассказывал мне, как ему пришлось присутствовать на тайных собраниях на квартире Орлова (это в период перед назначением Орлова). На этих собраниях присутствовал всегда Марковского пех. полка кап. Ник.Дубинин и еще другие неизвестные ему лица и разрабатывалась схема действий. Между прочим, как он говорил, характер этих собраний, если не был революционный, то во всяком случае был близок к этому: разрабатывались воззвания всякого рода и т.п. Поручик Т. возражал против всего виденного, но Орлов не внимал, будучи уже под влиянием других из его окружения.

Для штаба формирований была предоставлена Европейская гостиница, и Орлов представил князю Романовскому своих сотрудников, среди которых "несомненно выделялся капитан Дубинин", - замечает князь.

"Не теряя времени, - сообщает дальше князь Романовский, - я написал и опубликовал (в газете) воззвание к населению Крыма, призывая его исполнить свой долг перед Россией..... работа медленно налаживалась". На воззвание откликнулись офицеры и добровольцы, и Орлов приступил к формированию отряда из русских. Одновременно на воззвание откликнулись немецкие колонисты, выставив отряд, хорошо организованный под командой бывшего германского лейтенанта Гомейера (Деникин).

Вот как описывает один из бывших чинов отряда Орлова (П.) о своем вступлении в отряд: "В конце 1919 года на окне банка, занимавшего нижний этаж в доме на углу улиц Пушкинской и Дворянской, напротив городского театра, появилось извещение о формировании "Особого Отряда Обороны Крыма" с благословения ген.Слащева. Желающие призывались записываться в формируемый Отряд, причем находящимся в самовольной отлучке (дезертирам) гарантировалось забвение их прошлых грехов при вступлении в Отряд", - и это лицо добавляет: "это последнее обстоятельство и привело меня в орловский отряд". Другой молодой доброволец на вопрос, что его привело к поступлению в Отряд, отвечает: "Для симферопольской молодежи привлекательным было имя Коли Орлова,

как любимого футболиста в прошлом, а для более солидной публики - имя князя Романовского - герцога Лейхтенбергского (офицер-моряк)".

В это же время в Симферополе скопилось много офицеров Симферопольского Офицерского полка, не имевших возможности возвратиться в полк, находившийся на фронте в районе Одессы. Некоторое количество офицеров полка добровольно вступило в отряд, и Орлов сам, повидимому, старался привлечь в свой отряд наших офицеров - об этом можно судить из описания встречи шт.-кап. Х. с Орловым, происшедшей 2-го января 1920 г. в помещении Комендантского Управления. После короткого разговора Орлов сказал шт.кап. Х., чтобы он по выздоровлении пришел к нему в роту (или батальон, он хорошо не помнит), которую он формирует из чинов Симферопольского Офицерского полка, застрявших в Крыму по болезни, после ранений, отпускных и т.п., сказав при этом: "У нас будут восстановлены наши традиции, дисциплина, порядок и проч. нашего полка".

Штаб Орлова и часть отряда помещались в Европейской гостинице, другая часть в здании гимназии Оливер на Почтовой улице. Формирование отряда, по словам одного из бывших чинов отряда (Ил.), "происходило как-то безалаберно, хаотично. Приходили люди, регистрировались в Европейской гостинице, уходили, являлись каждый день, никакой службы не несли (сужу по себе и Ц.)". Очень характерным и странным явлением при формировании было, как пишет Ил., что "симферопольцы (уроженцы Симферополя.ВА) жили и питались дома, пришлые у знакомых и в Европейской гостинице. "Чем объяснить такое, сказал бы, недопустимое при формировании отряда положение: люди не несут службы, приходят и уходят, никаких занятий, ночуют и питаются дома и т.п. И это в отряде, который должен быть готов к выступлению на фронт каждую минуту."

Другой бывший чин отряда (П.) сообщает о еще более интересном явлении:

"То, что чинам отряда разрешалось уходить домой на ночевку, объясняется тем, что дисциплина в отряде была демократической. Скажу больше: уходя из помещения Отряда (я имею в виду здание женской гимназии Оливер - против симферопольской почты) чины отряда могли брать с собой, безо всякой к тому надобности и безо всякого контроля, огнестрельное оружие. И я знаю случаи, когда ушедший в город с оружием возвращался в Отряд вечером или на другой день без оружия: винтовка и аммуниция исчезали. Скажу больше: эта винтовка и эта аммуниция через жившего на Греческой улице портного Абрама Моисеевича Канторовича или через армянина Закиева (мужа учительницы Армянской школы Варвары Семеновны Закиевой), связанных с подпольщиками, попадали к последним. Именно - чинами Отряда Орлова было доставлено подпольному комитету оружие и патроны, использованные комитетчиками для нападения на один из полицейских участков Симферополя, где содержались арестованные, причастные к борьбе с белыми... По этому факту можете судить - каковы были порядки и настроение в орловском отряде."

Действительно, порядки никак не соответствовали формирующейся воинской части; части, которая должна быть подготовлена в кратчайший срок для отправки на фронт.

Каково же было настроение Отряда? Несомненно, что какая-то часть Отряда была настроена патриотически и пришла в Отряд добровольно исполнить свой долг. Другая же часть, как было указано выше, воспользовалась обещанием прощения грехов в прошлом, и о настроении этой части трудно судить положительно, имея в виду выше процитированное сообщение. По городу в связи с формированием отряда ходили разнообразные слухи, чему нельзя удивляться, вспоминая слова, сказанные Орловым автору в октябре 1919 года вполне открыто. Это же он повторял, без сомнения, и при других обстоятельствах и другим лицам. Принимая во внимание серьезное общее военное положение и не менее запутанное политическое положение, нельзя удивляться словам Шафира:

"С самого возникновения отряда в Симферополе стало известно, что в отряд приглашаются якобы исключительно партийные люди, что будто Орлов всем вступающим в отряд говорит о предстоящем восстании и захвате власти. Слухи были самые разнообразные".

Сомнительно, конечно, чтобы Орлов всем вступающим в Отряд говорил о своих намерениях, но "дыма без огня не бывает", и эти слухи дали предлог подпольным большевицким организациям заинтересоваться Орловым ближе и войти с ним в связь. С информационной целью к Орлову со стороны Ревкома был послан тов.Александров. Эту встречу (Орлова с Александровым), состоявшуюся в Европейской гостинице, Шафир описывает так:

"Капитан очень любезно принял представителя подпольных организаций, но по существу затеваемого им дела дал весьма туманные и сбивчивые ответы; вообще Орлов в беседе с тов.Александровым пытался отделаться "дипломатическими" намеками на поставленные ему вопросы, всячески подчеркивая, что, дескать, дальнейшие объяснения будут им даны по мере развертывания событий. Беседу свою капитан закончил приблизительно таким образом: - Я вас понимаю больше, чем вы думаете, но не хочу говорить сейчас подробно обо всем, интересующем подпольные организации. Предлагаю вам посылать своих ко мне в отряд. - На вопрос о партийности Орлов ответил, что он правее левых эсеров и немного левее правых эсеров".

Подпольщиков, однако, поражало обстоятельство, что Орлов, как будто, действовал открыто - записавшиеся в отряд говорили о захвате власти, власть и контр-разведка были об этом информированы. Однако, ничего против отряда не предпринималось. Желая использовать обстановку, подпольщики "сочли себя вынужденными поддерживать сношения с отрядом" (Шафир).

Ближайшим помощником Орлова был Марковского пех.полка капитан Дубинин. О нем мы узнаем из книги "Марковцы в боях и походах за Россию" при описании боя 30 июня 1919 г. под Белгородом. Для его характеристики приводим выдержку из этой книги:

"Сдавшимся батальоном командовал шт.кап.Дубинин. Он произвел на всех впечатление крайне мужественного начальника, владевшего своими подчиненными и собой. Ни тени смущения, растерянности. Он заявил, что сдал батальон с полного согласия всех его чинов. Не

поверить этому было нельзя. В Дубинине всеми чувствовалась огромная моральная сила, и перед ней не устоял командир батальона, кап.Слоновский.

"Вы меня можете расстрелять, но не оскорблять!", - заявил он. И этого было достаточно, чтобы гнев против него исчез. Его и десятка три солдат, по его выбору, тут же назначили в команду разведчиков при батальоне, а спустя некоторое время он уже командовал ею, силой в 100 штыков, выполняя бесстрашно любое задание".

Будучи раненым, Дубинин был эвакуирован в Крым, и в Симферополе он присоединился к Орлову еще до начала формирования, а с началом формирования Отряда он стал помощником Орлова по строевой части.

Князь Романовский, которому кап.Дубинин был подчинен, как помощник Орлова, на вопрос о личности Дубинина сообщает: "Дубинин несомненно очень сильная личность, при чем точно мыслящая и отлично знающая, "чего хочет". Он импонировал всем своим существом, но его... "осторожность" в разговорах со мной навела меня на мысль быть на чеку".

Другими помощниками Орлова, которые играли какую-то роль в Отряде, были: князь Камулов и подпоручики Гетман и Денисов. Гетман был личным адъютантом Орлова и, между прочим, вел переговоры и поддерживал связь с подпольщиками (Шафир).

Формирование Отряда, вернее, вербовка в отряд шла довольно успешно, и к половине января в нем числилось более 300 человек. Состав его, как было указано выше, был весьма разнообразный не только по своему прошлому, но и по политическим взглядам и взглядам на свое будущее и на будущее, вообще, Белого Дела.

Политическая обстановка в Симферополе и вообще в Крыму в январе была сложная. Тяжелое экономическое положение населения Крыма, отрезанного от Северной Таврии, являлось хорошей почвой для пропаганды и действий левых элементов и, в частности, большевиков. Неустойчивое военное положение усугубляло обстановку.

В Симферополе большевики, видя какие-то перспективы в связи с отрядом Орлова, проявляли большую активность, тем более, что в симферопольской тюрьме в это время было заключено более сотни политических, эвакуированных из Харькова и других мест. В Севастополе большевики проявляли также активность, где Севастопольский Ревком во главе с В.Макаровым подготовлял на 23-е января восстание и захват власти в Севастополе (П.Макаров).

Крым был на вулкане событий. 9 - 11-го января на перешейках красные заняли Перекоп и Армянский Базар, продвинулись к Юшуни, занявши Карт-Казак, но нашей контр-атакой отброшены в исходное положение. 18-го января красные вновь атакуют там же, но неуспешно. В Севастополе морская контр-разведка в ночь с 20-го на 21-е января арестовывает городской комитет большевиков во главе с В.Макаровым, подготовлявшим захват власти.

Контр-разведка в Симферополе не оставляла отряд Орлова без наблюдения, зная настроение многих чинов отряда и его руководства, но, повидимому, никаких мер не принимала.

Для некоторой иллюстрации создавшейся обстановки князь Романовский сообщает несколько интересных "показательных" для того времени моментов и разговоров. В связи с назначением князя всполошились, повидимому, в Ялте монархисты и "из Ялты нагрянул ко мне, - пишет князь, - председатель ялтинской думы граф Апраксин; причем нагрянул ночью и заявил мне, что ни Ялта, ни Крым не потерпят моих "бонапартических" (!) затей, что "они", монархисты, этого не допустят... Весьма удивленный всем этим, я ответил графу, что мы здесь стремимся победить большевиков, что о монархии рано думать и никто о ней не думает и что я очень сожалею, что его прислали сюда с подобной ерундой; после чего я не препятствовал ему стремительно скрыться за дверью, понятно, соблюдая все правила вежливости". Затем князь имел разговор с лейт.Гомейером (?), начальником отряда из немецких колонистов, и при этом Гомейер задал неожиданно вопрос: "доверяет ли князь Орлову?" - На вопрос князя: в чем дело? - Гомейер ответил "полууклончиво: мол, на Орлова влияют, его шантажируют... неясна позиция Дубинина..." И еще об одном моменте говорит князь: "Мой адъютант Де-Конор, друг детства, вдруг стал дружить с Орловым, и отношение ко мне, как будто, изменилось. На мой совет: "будь осторожен с Орловым" - последовал ответ: - "Почему? Он очень симпатичен... я у него бываю"... Я не стал спорить". (Позже, после первого выступления Орлова, Де-Конор скрылся и князь его больше не видел).

Эти разговоры и моменты, действительно, показательны для того времени: "монархисты" беспокоятся о "бонапартизме", когда все горит, а князь, окруженный людьми, на которых не может положиться, повидимому, не в курсе происходящего вокруг него.

В такой атмосфере 20-го января, как пишет ген.Деникин, ген.Слащев потребовал выход отряда Орлова на фронт. Чем руководствовался генерал Слащев, вызывая отряд на фронт? Положение ли на фронте вызвало эту меру? Подозревал ли Слащев о предполагаемом выступлении Орлова? Было ли это в связи с предполагавшимся выступлением в Севастополе и настроением отряда в Симферополе? На эти вопросы сейчас трудно ответить, так как в имеющихся материалах нет точных указаний на это. Однако, после этого требования началось в Симферополе быстрое развитие событий, о которых имеющиеся сведения несколько не совпадают. Ген.Деникин пишет: "Орлов, при поддержке герцога Лейхтенбергского, уклонился от исполнения приказа (ген.Слащева) под предлогом неготовности отряда. Требование было повторено в категорической форме, герцог уехал объясняться в штаб Слащева". С другой же стороны князь С.Романовский (герцог Лейхтенбергский) сообщает, что "о требованиях Слащева - Орлову выступить на фронт - ничего не знал и не знаю. Я напросился на "визит" в Джанкой, а не был вызван Слащевым туда". В ночь на 22-е января князь выехал в Джанкой.

В это время Орлов, имея уже в своих руках силу, со своим окружением, повидимому, учитывая обстановку, пришли к заключению, что настало благоприятное положение для осуществления его мыслей, с которы-

ми он носился в течение нескольких месяцев, и в ночь с 21-го на 22-е января они приступили к проведению их в жизнь. Орловское "действо" - "орловщина" - началось.

В ночь с 21-го на 22-е января (на рассвете) чинами орловского отряда на симферопольском вокзале были арестованы: комендант Севастопольской крепости ген.Субботин, начальник Штаба Новороссийской области ген.Чернавин, возвращавшиеся из Джанкоя в Севастополь после совещания с ген.Слащевым. В городе были произведены аресты многих высших гражданских и военных властей, арестованы многие штаб-офицеры, и все арестованные препровождены в Европейскую гостиницу, где помещался штаб Орлова. Утром 22-го появился приказ № 1 кап.Орлова, который гласил:

"Приказ № 1 по городу Симферополю.

Исполняя долг перед нашей измученной Родиной и приказы Комкора ген.Слащева о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава гарнизона гор.Симферополя, систематически разлагавших тыл. Создавая армию порядка, приглашаю всех к честной объединенной работе на общую пользу. Вступая в исполнение обязанностей начальника гарнизона гор.Симферополя, предупреждаю всех, что всякое насилие над личностью, имуществом граждан, продажа спиртных напитков и факты очевидной спекуляции будут караться мною по законам военного времени.

Начальник гарнизона г.Симферополя, командир 1-го полка Добровольцев, капитан Орлов."

Вот как вспоминает утро 22-го января один из офицеров (кап. И.):

"Идя утром в штаб (7 улан.Ольвиопольского полка), я был удивлен присутствием на улицах довольно многочисленных офицерских пикетов. Дошел благополучно; как позже выяснилось - спасли обер-офицерские погоны. В штабе только адъютант шт.ротмистр Непперт, писаря и никого из штаб-офицеров. Соединились с командиром полка. Под домашним арестом по приказу захватившего город капитана Орлова. Выясняется, что все штаб-офицеры арестованы. Орлов объявил себя комендантом города и захватил Европ.гостиницу. Чтобы выяснить обстановку, мы - я и Непперт - отправились к Орлову. Он принял нас в присутствии какого-то капитана в форме Марковского полка... Орлов, не без театральности, произнес речь о засилье штаб-офицеров, о захвате ими командных постов, о том, что мы, обер-офицеры, остаемся в черном теле на ролях пушечного мяса... Но, конечно, с его способом борьбы мы не могли никак согласиться. И мы мирно разошлись. Прийдя в Штаб, узнали, что нам звонил Крымский конный полк. Соединились. Полк.Бако организовывает сопротивление и созывает в казармы полка. Мы отдали распоряжение эскадронам пробираться к Крымчакам. В казармах Крым.кон.полка узнали, что из Севастополя идет на фронт тяжелая батарея. Соединились с командиром и поставили его в известность о происходящем. Командир батареи поставил в известность Орлова, что Европ.гостиница находится под его обстрелом."

Находившиеся в Симферополе запасные части и отряд немецких колонистов соблюдали "нейтралитет".

Одновременно с приказом № 1 были выпущены воззвания к "трудящимся" - одни большевистского содержания, другие в эсеровском духе о "земле и воле", заканчивавшиеся призывом к рабочим записываться в отряд.

"Ревкомом в первый же день выступления, - говорит Шафир, - была послана делегация к Орлову с требованием (подчеркнуто мною. ВА) немедленно освободить заключенных политических. Орлову пришлось бросить роль "дипломата" и дать прямой ответ. Ответ получился отрицательный". На заявление Ревкома, что им будут посланы силы к тюрьме для освобождения заключенных, кап.Орлов ответил, что всякие выступления он будет подавлять всеми имеющимися в его распоряжении силами.

Нормальная жизнь в Симферополе была нарушена, и все следили за развитием событий. Приходившим к Орлову "делегациям" он заявлял, что "молодое офицерство решило взять все в свои руки", но разъяснить это неопределенное сообщение он не старался.

От городской думы и земства были посланы к Орлову делегации для "выяснения смысла совершившихся событий". Орлов обещал все "разъяснить" после получения ответа от ген.Слащева. На тайном совещании городской думы было решено послать делегацию к ген.Слащеву и ген.Май-Маевскому (в Севастополе) и была избрана комиссия "для принятия от имени думы необходимого решения в экстренных случаях". Очевидно, дума предполагала развитие событий.

"По улицам Симферополя продефилировал орловский отряд, показав тут же все количество вооружения, которое находилось в его распоряжении", - пишет Шафир.

Утром же Орлов по какой-то причине решил прекратить телеграфное сообщение Симферополя со штабом ген.Слащева. Вот как описывает офицер телеграфист (пор.Д.), дежуривший в это утро на телеграфном узле на почте:

> "Утром около 8 часов в зал с аппаратами быстро и шумно вошли 3 офицера с винтовками, старший был поручик-марковец, хороший мой знакомый. На мой вопрос, что случилось, он ответил, что по приказанию кап.Орлова я арестован, и указал мне на стул, где я должен сидеть, а сам подошел к распределительной доске и вынул все штепселя. Я всполошился и крикнул: - Что ты делаешь, ты порвал связь фронта с тылом! - Не ваше дело, поручик! - был его ответ. В это время пришла смена (пор.Воскресенский) и комендант телеграфного узла. Им были указаны стулья около меня и объявлено об их аресте. Часа через два один из офицеров повел нас в Европ.гостиницу, где в ресторанном зале мы присоединились к другим арестованным. Нам было запрещено разговаривать."

Орлов пытался несколько раз говорить по телеграфу со Слащевым, но тот отказывался с ним говорить до тех пор, пока у аппарата не будет дежурный офицер, известный штабу. Около 15 часов офицеры-телегра-

фисты были освобождены и им было указано возвратиться на телеграф. По приходе на телеграф тот же поручик-марковец предложил им принять аппараты, а сам ушел.

Что происходило в штабе Орлова в этот день, мы, к сожалению, сведений не имеем, но один офицер пишет: "В городе было совершенно тихо, но довольно нервно. Я заходил в Европейскую гостиницу повидаться с друзьями. Они были очень возбуждены и не знали, что предполагают делать с ними".

Так проходил день выступления кап.Орлова. Кроме арестов, никаких эксцессов или кровопролития не было.

Что же происходило в это время в Джанкое в штабе ген.Слащева, куда незадолго перед выступлением Орлова выехал из Симферополя князь Романовский, прибывший туда утром 22-го? Князь о своей встрече с генералом Слащевым сообщает следующее:

"Общий дружественный обмен мнениями по существу создавшейся на фронте обстановки... Слащев показался мне более или менее "здоровым". Поболтав с полчаса, я ушел в свою каюту отдохнуть после ночи, проведенной в.... "трясучке" 3-го класса, к тому же нетопленой, но отдыхать мне долго не пришлось: - "Генерал требует вас немедленно", - сообщил мне юный ординарец....

Вхожу к Слащеву... Он, разъяренный, кричит мне: - "Мерзавец твой Орлов, мерзавец..." - Я: - В чем дело? - Слащев: - "Как в чем дело? Он этой ночью арестовал генералов Субботина и Чернавина... и начал восстание"... Я ошалел: - "Откуда у тебя эти новости?" Слащев: - "Все это знают, кроме тебя"... Тут уж я взбесился и сразу перешел в атаку и довольно резко...

Я напомнил Слащеву о моих просьбах,оставшихся без ответа (особенно о... полномочиях и временном "стержне")... и важных связях... На все это - ни привета, ни ответа... - "Ты должен же понять, что в этих условиях в Симферополе я, в создавшейся обстановке - что-то вроде туриста"... Слащев: "Но я тебя назначил"... Я: - "Этого не достаточно, подумаешь... назначил." Здесь мы очень крупно поговорили... чему удивился присутствовавший при нашей стычке ген.Васильченко... Я: "Хочу знать: это сплетни или сообщение, достойное доверия?! Если Орлов все это проделал, он, несомненно, изменник и негодяй... прикажи, и я немедленно возвращусь в Симферополь, а в придачу дай мне твой конвой и роту юнкеров... плюс письменно полномочия действовать по моему усмотрению". Слащев: - "Ничего я тебе не дам! Отправляйся, сейчас закажу паровоз и вагон - отправляйся!" - Я: "Конечно, отправляюсь, но на этом это дело не кончится".

Вечером где-то отыскался паровоз и товарный вагон... и я выехал на этом экстренном поезде в Симферополь, куда я прибыл, насколько мне помнится, около полуночи... Все было покрыто снегом...Морозило."

Ген.Слащев решил ликвидировать выступление Орлова и послал отряд из Джанкоя, одновременно приказав ген.Май-Маевскому выехать с отрядом из Севастополя на ст.Альма.

Офицер-телеграфист, освобожденный и принявший опять аппараты, сообщает дальше:

"Мы соединили все провода и доложили ген.Слащеву о нашем прибытии. Вечером около 5 часов вошел Орлов в сопровождении другого капитана-марковца, мне незнакомого, и просит вызвать ген.Слащева. Очень быстро у аппарата был Слащев и передал следующее: - - Кап.Орлову. Освободить всех арестованных, о чем мне доложить, а самому немедленно прибыть ко мне в Джанкой. Точка. Слащев. - Может быть, мне это показалось, но лицо у Орлова изменилось. Они быстро ушли. Около 8-9 часов вечера ген.Слащев вызвал Орлова к аппарату. Было передано: - Донесения об освобождении не имею. Если до 10 часов его не получу - я с конвоем выезжаю из Джанкоя и ген.Май-Маевский из Севастополя с отрядом в Симферополь. Точка. Слащев. - Орлов молча принял сообщение и ушел из телеграфа."

Орлов освободил всех арестованных, но, не исполняя приказания ген.Слащева явиться в Джанкой, решил с отрядом покинуть Симферополь. "Было темно, - рассказывает кап.И., - когда приехал губернатор и сообщил, что Орлов уходит из Симферополя и просит ему не мешать. Вскоре прибежал мой младший брат (ему было лет 16), который был у Орлова, и сказал, что Орлов с батальоном уходит по направлению на Алушту и что люди постепенно уходят из строя."

Офицер-телеграфист продолжает свое сообщение:

"Около 10 часов я пошел посмотреть, что делается в Европейской гостинице. Подъезд был освещен, а кругом темнота. Подходя к зданию, я видел нескольких человек выходящих из дверей и быстро скрывшихся в темноте. Один из них, мой знакомый, на мой вопрос: что нового? - ответил, что они сами ничего не знают, командный состав растерянно ходит из комнаты в комнату, на наши вопросы не отвечают; единственно - некоторые сказали, что скоро мы выступим, куда - неизвестно. Начали мы колебаться, когда увидели,что караула у входа больше нет - видите, что происходит. В городе было совершенно тихо, ни одного выстрела".

Молодой доброволец, бывший в отряде, ночевал в эту ночь дома, и когда на другой день утром явился со своим приятелем в Европейскую гостиницу, все там было пусто, внутри никого, разбросаны вещи, бутылки и прочее.

Ночью, как говорилось раньше, князь Романовский возвратился в Симферополь из Джанкоя, и князь так сообщает о своем приезде и дальнейших шагах:

"На вокзале встречает меня Дубинин... Он старается "любезничать". Его присутствие, конечно, показалось мне подозрительным. Никаких

приветствий; выйдя на площадку, устроенную перед вокзалом, - никого, ни извозчика, ни автомашины... Дубинин: "Разрешите доложить"... Я: "Ступайте впереди меня". Для большего "удобства" я поудобнее сжал в правой руке мой верный Кольт, не вынимая его из кармана...

Кругом - холодно и много снега, и никого, ни одной живой души!.. Думаю: "не зевай - все может случиться... справа и слева деревья и кусты... не зевай".

Протопав довольно долго, мы, наконец, все в том же "строю" подошли к Европейской гостинице... Вошел... Страшная винная (и иная) вонь. Дежурный офицер, шатаясь, протягивает мне руку, не рапортует... "Орлов, - говорит он, - в своем кабинете". Я: "Немедленно приведите помещение в порядок... и подтянитесь"... Иду наверх, в первый этаж, к Орлову...

Вхожу... У письменного стола сидит Коля Орлов. Сидит с опущенной головой и, увидев меня, вскакивает... Я: "Что вы наделали?" Орлов: "Да, я только теперь понял"... Я: "Нечего понимать. Вы хотите погубить наше дело. Не удастся!.. Сидите здесь и ждите моих приказаний - не смейте уходить". Выхожу... Внизу и подъезда шум и гам... На дворе - вижу собраны роты... Увидев меня, командуют "смирно"... Я: "Господа офицеры ко мне"... Меня окружают... И вот что я им говорю (помню почти дословно): "Г.г.офицеры! Вы знаете, что произошло и что происходит... Наша армия отступает... Единственное убежище ее - Крым. Происшедшее же здесь разрушает наше дело; Армия и Россия в опасности. Держитесь крепко на своем посту, соблюдая дисциплину и порядок, в каждом вашем деле... Установите непосредственную связь со мной... Старшему из вас вступить в командование!"...

В этот момент подбегает "некто в сером" и сообщает, что у прямого провода из Бахчисарая ген.Май-Маевский просит к аппарату. Я отправился на телеграф. "У аппарата ген.Май-Маевский"... Я назвал себя и добавил: "В городе все спокойно, жду распоряжений из Джанкоя"... Ген.Май-Маевский: "Рассчитывайте на меня, я в двухчасовой дальности от вас". Распрощались. - Почти бегом возвращаюсь к группе офицеров, с которыми прервал разговор... Кто-то из них бежит мне навстречу и сообщает, что Орлов, Дубинин и несколько других его друзей... удрали, вероятно, на Алушту... Картина менялась...

Утром ко мне приехал полк.Городыский, судебного ведомства. На мой вопрос: "Дознание?" - он поспешил ответить, что ему необходимо знать, как и в какой последовательности прошли события этой ночью. Я рассказал все подробно, полковник поздравил меня, сказав, что все могло бы кончиться много хуже - и для меня лично, и для всего гарнизона Симферополя. Конечно, мне не трудно было согласиться..."

На вопрос князя: "Что вы наделали?" - Орлов ответил: "Да, я только теперь понял". Дальнейших объяснений не последовало - что он

понял. Понял ли он безрассудность его выступления в тот момент или, вообще, безрассудность всего затеянного им бунта? Однако, ему грозило неминуемое столкновение с войсками ген.Слащева, и Орлов отступил. Он понял, очевидно, что вооруженное столкновение в этот момент спасти его не сможет. Орлов с незначительной частью отряда покинул Симферополь и по Алуштинскому шоссе ушел в направлении на Алушту, захвативши с собой 10 миллионов рублей, предварительно изъятых из Симферопольского казначейства. Из отряда в несколько сот человек ушло с ним, как передают, около 80-90 человек. Часть отряда, повидимому, осталась, не желая следовать за Орловым, и осталась верной командованию; некоторая часть распылилась заблаговременно, как было указано раньше, видя неопределенность всего происходившего; наконец, часть, как говорят они сами, просто проспали - спали дома в эту ночь. Обстоятельство, что Орлов ушел только с сравнительно небольшой группой, еще раз показывает разношерстность отряда в смысле верности Орлову и его мыслям; показывает отсутствие дисциплины в отряде и растерянность, овладевшую командным составом, не смогшим удержать людей в своих руках *).

Орлов с остатками своего Отряда ушел в дер.Мамут-Султан, а оттуда в дер.Саблы, славившуюся уже и до революции неблагонадежностью населения.

24-го января утром в Симферополь прибыл ген.Слащев со своим конвоем и произвел смотр войскам гарнизона. Чины отряда кап.Орлова, оставшиеся в Симферополе, в этом параде не участвовали, как сообщает П. Многие из оставшихся рядовых членов Отряда были, однако, арестованы, но были быстро отпущены и направлены в другие части.

Генерал Слащев в тот же день издал приказ о поимке Орлова и приказ-обращение. Приказы эти, написанные в духе, характерном для ген. Слащева, приводим ниже:

1) "Приказываю всем должностным лицам и прочим гражданам России, в случае обнаружения в их районе предателя Орлова или его присных, доставить их ко мне живыми или мертвыми. Заранее объявляю, что расстреляю всех действующих с Орловым. 24 января, №144".

2) "Отряду, забывшему совесть и долг службы, - людям, ушедшим под командой Орлова, на все предложения могу ответить только: 1)Орлов изменник долга. 2) по телеграфу Орлов меня нагло обманывал, 3) Орлову я предложил приехать ко мне, тогда гарантировал ему жизнь, 4) это не было исполнено, 5) обманутые ко мне, 6) Орлову не верю и повешу."

---

*) Закончивши описание первого выступления кап.Орлова в январе 1920 года, считаю необходимым обратить внимание на отсутствие точных данных о продолжительности этого выступления. Шафир говорит, что выступление произошло в ночь на 22 января (ст.ст.) и окончилось в ночь на 24-е января, то есть продолжалось целых два дня. Ген.Деникин пишет, что "Орлов на третий день... бежал в горы". По воспоминаниям же участников, слова которых были цитированы, нужно полагать, что выступление произошло в ночь с 21-го на 22-е января и окончилось в ночь с 22-го на 23-е января, т.е. продолжалось только один целый день.

В догонку за Орловым были посланы карательные отряды Шнейдера, Табенского и полк.Кугельгейма. Серьезных столкновений, однако, не было; повидимому, обе стороны воздерживались от этого. Вскоре Орлов оставил д.Саблы и отправился на Алушту. Гарнизон Алушты не оказал сопротивления, и Орлов, захвативши в банке небольшую сумму денег и оставивши там небольшую часть своего отряда, отправился на Ялту. Это происходило уже в начале февраля.

Орловское выступление взбудоражило Крым. Газеты, где происходила оживленная полемика между ген.Слащевым и Орловым, читались на расхват. Это выступление, как передают, было встречено общественными и политическими кругами Крыма с большим сочувствием, и они возлагали большие надежды на Орлова. Молодое офицерство во многих случаях сочувствовало. В Севастополе, как пишет ген.Деникин (на основании донесения ген.Лукомского от 4 февраля 1920 г.) "назревал арест морскими офицерами Ненюкова и Бубнова, против которых создалось большое возбуждение на почве безвластия и отсутствия должного управления".

Выступление Орлова, совпавшее случайно или специально приуроченное к событиям на фронтах и в тылу (падение Одессы, события на Кубани и т.п.) вызвало ряд осложнений и инцидентов, которые могли неблагоприятно отозваться на общем положении.

25-го января 1920 г. гор.Одесса была занята красными войсками, и ген.Шиллинг, главноначальствующий Новороссийской области, прибыл в Севастополь 31-го января на пароходе "Анатолий Молчанов". На другой день, 1-го февраля, из Новороссийска на пароходе "Александр Михайлович" прибыл в Севастополь ген.Врангель, подавший в отставку и выехавший в Крым "на покой" (Врангель). С этого момента, как пишет ген.Деникин, "начинается борьба за возглавление военной и гражданской власти в Крыму". Возможно, что эта "борьба" (если таковая была) проходила бы нормально без особых осложнений, если бы незадолго перед тем не произошло выступление Орлова. Последнее обстоятельство изменило весь ход событий. Поэтому считаем необходимым несколько подробнее остановиться на этой "борьбе".

Ген.Шиллинг появился в Крыму после сдачи Одессы, которая была отдана красным при ужасных условиях. Адмиралы Ненюков и Бубнов сразу же по приезде его в Севастополь заявили ему, что он "дискредитирован одесской эвакуацией, что в тылу развал и единственное спасение Крыма в немедленной передаче Шиллингом всей власти барону Врангелю" (Деникин). На другой день явилась к ген.Шиллингу группа из 6 офицеров,сделавших ему то же предложение. Ген.Шиллинг, подавленный после оставления Одессы в тяжелых условиях, заявил, что за власть не держится, охотно ее передаст и предоставляет этот вопрос на усмотрение главнокомандующего, которому обо всем донес.

Между 1-м и 5-м февраля происходит новая беседа ген.Шиллинга с адмиралами, встреча с ген.Лукомским и двукратное свидание с ген.Врангелем. Ген.Врангель соглашался принять от ген.Шиллинга должность, но по приказу Главнокомандующего. Ген.Слащев заявил ген.Шиллингу, что будет выполнять приказания только Главнокомандующего и Шиллинга. Ген.

Лукомский настоятельно советовал Шиллингу передать власть ген.Врангелю, но с согласия Главнокомандующего. Генерал Деникин категорически отказывается заменить Шиллинга ген.Врангелем.

При таком положении ген.Шиллинг 6-го февраля выехал в Джанкой.

В указанный выше период Орлов с отрядом, спустившись с гор и пользуясь отсутствием в этом районе войск, занял Алушту (как было сказано выше) и приближался к Ялте. По мере приближения Орлова к Ялте тревога и растерянность в городе росла. Начальник гарнизона гор. Ялты ген.Зыков и уездный начальник граф Голенищев-Кутузов посылали одну за другой телеграммы, взывая о помощи. Ряд общественных деятелей (Совещание Общественных деятелей Ялты), находившихся в Ялте, обратилось к ген.Деникину с просьбой назначить "во главе власти в Крыму... лицо, заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами доверие как армии, так и населения... Таковым лицом по единодушному убеждению крымских гражданских и военных кругов является генерал Врангель..." Под телеграммой 14 подписей.

"Оказавшийся в Ялте ген.Покровский, - пишет ген.Деникин, - мобилизовав и вооружив жителей Ялты, пытался защищать город..." Почему ген.Покровский в этот момент и по чьему распоряжению "оказался" в Ялте - не совсем ясно. Ген.Деникин пишет только "оказавшийся в Ялте". Генерал Врангель же в своих мемуарах пишет: "накануне подхода Орлова к Ялте туда прибыл ген.Покровский. Последний... остался не у дел. Не чувствуя над собой сдерживающего начала, в сознании полной безнаказанности, генерал Покровский, находивший в себе достаточную силу воли сдерживаться, когда это было необходимо, ныне, как говорится, "соскочил с нареза", пил и самодурствовал". Ген.Деникин коротко описывает эту операцию, более подробно сообщает об этом один из участников, сотник Мяч В.П.

Воспоминание сотн.Мяча очень интересно и, в известном смысле, характерно для того времени и как бы подтверждает слова ген.Врангеля, поэтому приводим его полностью.

> "Для переезда из Новороссийска в Ялту в распоряжении ген.Покровского был английский миноносец, на борту которого находился английский майор, офицер для связи, фамилию за давностью лет не помню. Этот майор владел немного русским языком и в бытность генерала Покровского Командующим Кавказской Армией находился при штабе.
>
> С ген.Покровским выехали ген.Боровский, ген.шт.ген.Ребдьев, ген.шт.полк. Ю.В.Сербин, есаул И.Раздеришин, подъесаул Чепелев, я, два юнкера - В.Ф. и М.В. и два казака вестовых.
>
> Ранним морозным утром миноносец пришвартовался к пристани в Ялте. Полк.Сербин был послан ген.Покровским к начальнику гарнизона г.Ялты ген.Зыкову с объяснением цели приезда ген.Покровского и с просьбой о предоставлении квартиры ему и его свите.

В распоряжение ген.Покровского была предоставлена дача Эмира Бухарского, и в присланных экипажах все отправились к месту расквартирования.

В тот же день вечером на квартире ген.Зыкова состоялось совещание, на котором, кроме ген.Покровского, присутствовали: ген.Боровский, ген.Ребдьев и полк.Сербин. На этом собрании был выработан план действий по ликвидации отряда кап.Орлова. Все было в строжайшем секрете.

В самой Ялте все было спокойно и мирно. Ген.Покровский с присущей ему энергией начал действовать.

Вечером, приблизительно около 10 часов, когда движения на улицах почти не было, ген.Покровский с чинами свиты и несколькими чинами гарнизона произвели "мобилизацию" обитателей гостиницы "Россия" и нескольких других гостиниц. Годные к военной службе были переписаны и под конвоем отправлены в Ореанду, где были размещены в заранее приготовленных квартирах. Под страхом наказания всем было приказано никуда не отлучаться. Дома были заперты и к каждому дому приставлены часовые.

На следующий день утром, после чая из полевой кухни, всем были розданы берданки с патронами, и "мобилизованные", которых было около 150 человек, были разбиты на две роты. Все это были люди зажиточные и сугубо штатские.

Командирами рот были назначены есаул Раздеришин и я, а командиром всего отряда полк.Сербин. При ген.Зыкове находился ген.Ребдьев с подъесаулом Чепелевым. Юнкера остались в распоряжении ген.Покровского, как ординарцы.

Каждой роте полк.Сербин указал участки, и "стрелки" рассыпались в цепь. Перед наступлением на деревню, занятую орловцами, ген. Покровский и ген.Боровский, в сопровождении юнкеров, решили проехать в стан кап.Орлова с целью воздействовать на кап.Орлова и убедить его сдаться на милость Главнокомандующего. Ротам было приказано оставаться на местах и огня не открывать.

Прошло около трех часов, и генералы не возвращались. Полк.Сербин начал беспокоиться о их судьбе и решил это выяснить, приказав мне и Раздеришину отправиться на разведку в стан кап.Орлова.

Пройдя, приблизительно, две версты, мы наткнулись на сторожевые посты орловцев, были ими задержаны и обезоружены (впоследствии оружие было возвращено).

В штабе Орлова, куда нас препроводили, мы увидели ген.Покровского и Боровского сидящими в большой комнате вокруг стола с кап. Орловым и Дубининым. О чем велась беседа, нам неизвестно, но, судя по разгоряченным лицам, в особенности ген.Покровского, можно было думать, что беседа была шумной, так как входя в комнату мы слышали громкий голос ген.Покровского.

Ген.Покровский, подойдя к нам, приказал отправиться к ген.Зыкову и доложить, что все обстоит благополучно, мобилизованных обитателей гостиниц распустить по домам.

К вечеру генералы возвратились, а через 2-3 часа отряд кап.Орлова занял Ялту.

В спешном порядке около 12 час.ночи ген.Покровский приказал нам всем отправиться на миноносец, а сам с ген.Боровским и Ребдьевым отправился к ген.Зыкову с прощальным визитом.

Как мы узнали позже, кап.Орлов не согласился распустить отряд и рекомендовал ген.Покровскому, во избежание неприятностей, покинуть Ялту."

Так бесславно закончилась фантастически организованная "операция" ген.Покровского. Имея связи с англичанами и учитывая его характер (ген.Врангель - "соскочил с нареза"), нужно предполагать, что ген.Покровский предпринял эту "операцию" совершенно самостоятельно, по собственной инициативе. Это тем более справедливо, что, по словам ген.Врангеля, Покровский метил себя в заместители ген.Шиллинга. Все это происходило в момент "борьбы за власть" в Крыму.

Итак, Ялта была занята отрядом кап.Орлова без единого выстрела, и комендантом города был назначен кап.Дубинин. Орлов выпустил воззвание следующего содержания:

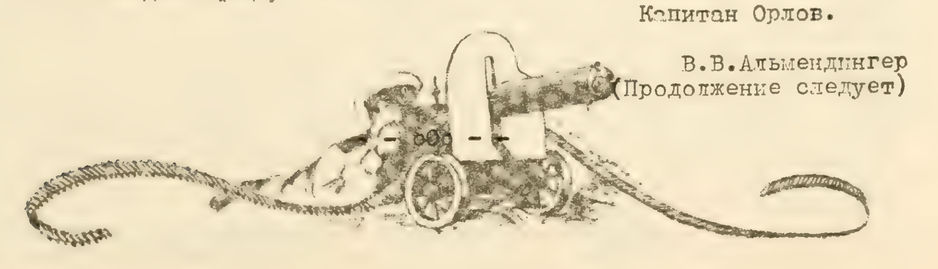
"Г.г. офицеры, казаки, солдаты и матросы.

Весь многочисленный гарнизон гор.Ялты и ее окрестностей и подошедший десант из Севастополя с русскими судами, вместе с артиллерией и пулеметами, сознавая правоту нашего общего Святого Дела, перешли к нам по первому нашему зову со своими офицерами. Генерал Шиллинг просит меня к прямому проводу, но я с ним буду говорить только тогда, когда он возвратит нам тысячи жизней, безвозвратно погибших в Одессе. По дошедшим до меня сведениям, наш молодой вождь генерал Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы верим все, все, это тот, кто все отдаст на борьбу с большевиками и преступным тылом.

Да здравствует генерал Врангель, наш могучий и сильный духом молодой офицер.

Капитан Орлов.

В.В.Альмендингер
(Продолжение следует)

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ МИФ.

Миф - это народное сказание о богах, о героях, о явлениях природы. Миф величает, прославляет. Но вот в нашем эмигрантском народе возник миф отрицательного свойства, миф принижающий, а не величающий. Миф этот выражается словами: офицерство не пошло в Первый поход, офицерство уклонялось от Белого Движения, офицерство создало Красную Армию, победившую Белые Армии.

Все три части этого трехчленного мифа считаются почти аксиомами, и даже наши военные, офицерские журналы печатали эту мифологию, поверивши неразумным мифотворцам. Приближается - через год - пятидесятая годовщина возникновения знатнейшей, значительнейшей из Белых Армий (Организации генерала Алексеева), и поэтому хотелось бы к этой годовщине усилиями всех, кто не приемлет этой мифологии, опровергнуть клевету на наше доблестное офицерство.

Прежде всего надо определить смысл слова "офицер". Смысл его был абсолютно ясен до мобилизации 1914 года: офицерами были все, кто в Армии и во Флоте состоял на офицерских должностях или кто был, после службы, зачислен в запас или отставку; были еще прапорщики запаса, которых (за поспешностью их военно-воспитательной и военно-учебной подготовки) шутливо определяли словами: "Курица не птица, прапорщик не офицер". Эта поговорка оказалась неправильной в отношении немалого процента прапорщиков запаса, которые, будучи призваны в Действующую Армию, оказались на первых порах не очень способными к командованию, но способными - наравне с нами, кадровыми офицерами - доблестно умирать.

В течение войны развертывание войска, с одной стороны, и огромные потери в нашем офицерском корпусе - с другой, потребовали многих и поспешных выпусков из военных училищ, а потом и из школ прапорщиков. Первая волна этого пополнения была великолепна: студенты высших технических учебных заведений и даже заведомые бунтари против власти, против режима - студенты университетов - хлынули добровольцами в военные училища, смешались там с закончившими кадетские корпуса, подверглись воспитывающему влиянию - кроме училищно-дисциплинарного, традиционному юнкерскому - и вышли в строй отличными офицерами. В полках пехоты и конницы, в батареях артиллерии и в батальонах инженерных войск, в перипетиях походов, биваков, разведок, стычек, дел и больших боев они офицерски возмужали, доучились, довоспитались и - надо признать - сравнялись (в большинстве случаев) с нами, так сказать, профессиональными офицерами, вросли в нашу офицерскую семью. Если мы бросим взгляд на наши офицерские организации, то увидим в них немало боевых братьев из студентов, которые и за почти полвека пребывания вне армии не ушли в "первобытное состояние", но в такой же мере остались офицерами, как и мы, выпусков 1914, 1913, 1912... 1900... 1890 годов. (Не будем идеализировать себя, зарубежное офицерство, не будем себя уверять, что мы полностью сохранили по сей день свои офицерские качества, а только уточним предыдущую фразу: то офицерское, что осталось в нас, кадровых офицерах, осталось также в значительном числе офицеров первых - энтузиастических - выпусков военного времени, 1914-15 гг.).

Качество офицерского пополнения в различные периоды войны есть производное от качества народа в соответствующие периоды. Повалил в

дни мобилизации 1914 г. народ к Зимнему Дворцу петь "Боже, Царя храни" - и студенты повалили добровольцами в военные училища. А в 1915 году наше трагическое отступление породило в народе уныние и получило паническое объяснение в слове "измена": приток добровольцев в военные училища сократился, и военно-учебные заведения пополнялись преимущественно по набору, а потому в Действующую Армию стали вливаться не офицеры по призванию, как мы, кадровые, и не офицеры-энтузиасты, как добровольцы-студенты 1914 г., а офицеры по призыву. В начале 1916 года народ устал от войны - это было очевидно - и, в связи с этим,то, что могло бы быть цветом молодежи и пополнить ряды офицерства, оказалось пустоцветом и поспешило в земгусары и в горуланы, а в военные училища и в школы прапорщиков забирали тех, кто не умел "словчиться" и досадовал на свое не-ловченье; в этих офицерских пополнениях были храбрецы - по народно-наследственному русскому свойству - но, если всмотреться в их храбрость и жертвенность, то в ней можно увидеть преобладание (часто или, во всяком случае, нередко) гражданского сознания над тем офицерским, которое было в них не очень плотно уложено - набито в короткие месяцы ускоренного обучения. К тому же в полках пехоты и в батареях кадровая прослойка стала столь тонкой, что до-воспитание не могли получить эти, так сказать, скоро-офицеры (этому слову не будем придавать презрительного, уничижающего смысла - оно только выражает понятие об офицере, недостаточно долго и недостаточно сильно подвергшемся воздействию профессионально-офицерских способов и приемов превращения человека в рыцаря-офицера, превращения гражданина в воина душой, умом и волей).

Вторая половина 1916 г. ознаменовалась в народе (или, скажем, в обществе) развитием предреволюционной борьбы против режима; все ждали "перемен", многие надеялись на "перемены". Это отразилось на качестве офицерских пополнений тех месяцев: скоро-офицеры стали еще граждественнее; в них офицерскость была поверхностной (оговариваюсь,что здесь, как и выше, речь идет о среднем офицере из пополнения данного периода - были, конечно, и образцово отличные, как и образцово-гадкие: последние поспешили, во исполнение социал-революционных и социал-демократических заданий, войти и часто возглавить солдатские комитеты 1917 года). Подтверждение факта преобладания гражданственности над воинственностью в пополнениях последнего периода войны служат воспоминания одного крупного зарубежного писателя (отнюдь не из "левых"), в которых он сообщает об отказе юнкеров одного из лучших пехотных военных училищ выйти 1-го марта 1917 г. для подавления восстания в городе (автор воспоминаний был в те дни юнкером этого училища).

Итак, в 1917 году в составе офицерства были: 1) уцелевшие кадровые офицеры, в огромном большинстве увешанные всеми боевыми орденами и украшенные нарукавными нашивками о ранениях; но были среди них - в семье не без урода - и такие, которые немного или совсем уклонились от выполнения своего офицерского долга и, закрепившись на глубоко-безопасных должностях, выказали отсутствие в себе офицерских достоинств; 2) офицеры-энтузиасты, которых патриотический порыв, а затем доблестное выполнение офицерского долга на полях боев сделали подлинными офицерами, хотя в предвоенное время они готовились к гражданской деятельности; этими энтузиастами были почти все офицеры первых ускоренных выпусков, были не очень многие офицеры средних (хронологически) выпусков и были выдающиеся одиночки из последних выпусков (2-й поло-

вины, грубо определяя, 1916 г.); 3) третьим слоем были скоро-офицеры, духовно-попорченные духовной порчей разочаровавшегося в войне народа, уставшего от войны народа, оппозиционно к власти настроенного общества и революционно-деятельной левой части этого общества.

В 1917 г. было около 250.000 офицеров. Нет ни возможности, ни надобности устанавливать, какое количество из них принадлежало к каждой из трех перечисленных категорий. Важно, что были три категории и что поэтому, когда говорим о роли офицерства в Белой Борьбе и в создании Красной Армии, надо иметь в виду, что офицерские требования можно предъявлять к кадровым офицерам, что большие требования можно предъявлять к офицерам-энтузиастам, но что к скоро-офицерам должна быть прилагаема особая мерка - они ведь особенные офицеры.

- о -

В составе Армии генерала Корнилова пошло в Первый Поход около 2000 офицеров. Уверяют: могло бы быть гораздо больше - ведь в воспоминаниях комиссара Ростова-на-Дону сказано, что к нему, по уходе Алексеева-Корнилова, поспешило для регистрации 14.000 ростовских офицеров. Каждый большевик - лжец, а ростовский комиссар - двойной лжец: ему надо цифрой "14.000" унизить ненавистное ему офицерство, уверить, что оно состояло из розовых трусов, а не белых героев. Конечно, много офицеров осталось в Ростове. В нормальной войне, в нормальной армии для выполнения особо-опасного, но определенного боевого задания вызывают охотников; Вожди же Добровольческой Армии вызывали охотников не из нормального строя, а из демобилизовавшейся массы, вызывали не во имя нормального воинского долга в нормальной войне, а в зарождавшейся братоубийственной борьбе звали к выполнению необычного, неопределенного и почти безнадежного задания - "Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божия" (М.В.Алексеев). Мудрено ли, что не так уж многие откликнулись на такой вызов охотников?

Но к этим 2000 охотников, добровольцев, первопоходников надо причислить тех - сотни? многие сотни? тысячи? Вероятнее всего тысячи - кто с пространства Ленинского государства одиночно или группами пробирался на зов генерала Алексеева. Для огромного большинства их этот их поход к Первому Походу был и последним их походом: красные заставы расстрелом прекращали геройское устремление. На одной из трапез Первопоходников в Буэнос-Айресе я закончил свое слово так: "Слава вам, первопоходники, перводерзатели, первострадальцы, первогерои!" Чту г.г. Первопоходников, но чту - и всех призываю чтить - и тех,кто во имя выполнения офицерского долга погиб в походе к Первому Походу.

Одновременно с теми, кто стал под знамя генерала Корнилова, оказались достойными офицерского звания те, кто примкнул к полковнику Дроздовскому в Румынии, кто ушел в степи с атаманом-генералом Поповым, донцом, кто во главе с капитаном Покровским образовал Кубанскую Армию. Можно ли списать со счета исполнивших свой долг тех, кто стал в противо-большевицкие ряды на Волге (Армия Учредительного Собрания), на Украине (где гетман Скоропадский думал защищать Юг России от коммунизма)? Вступили офицеры в формирования у Астрахани и Архангельска, у Воронежа и Ревеля-Риги.

Вступить - это значит отважиться, потому что обстановка тех дней давила к не-вступлению. Сведения об Армии генерала Корнилова противоречивы - есть ли еще та Армия? Погибла ли она? Кто ведет ее, если правда, что генерал Корнилов убит? Идти ли на Волгу к эс-эрам?

Там ни одного военного имени, а имя эс-эр стало для офицерства бранным. Идти ли к авантюристу Бермонту из капельмейстеров, по милости генерала фон-дер-Гольца именующему себя князем Аваловым? Идти ли в Западную Армию, формированию которой препятствуют эстонцы? И, вообще, как отважиться, если на женатом лежит забота о жене и детях, на холостом - о родителях? Когда наши деды, отцы, мы сами шли на Турецкую войну, на Японскую, на Великую, ни на ком из офицеров не лежала проблема: "Пойду, а семья помрет с голоду"... Не лежала и другая проблема: "Пойду, а семью в отместку расстреляют"... Мудрый Магомет решил: "Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе". Мудрая жизнь решила проблему офицерства: кто не пошел в Белые Армии, к тому пошли Белые Армии и включили в себя офицеров, которые извинительным, в большинстве случаев, образом не могли отважиться устремиться к Армиям через большевицкие зверства и через военно-революционную политическую и бытовую неразбериху.

К исполинам офицерского духа примкнули потом в Белой Борьбе офицеры офицерского духа, примкнули многими десятками тысяч. Едва ли будет преувеличением сказать, что офицеры примкнули почти поголовно. Не примкнула часть скоро-офицеров. Та часть, которую не воодушевил даже победный восторг последнего периода Белой Борьбы. Они либо углубляли революцию - партийные души - либо возвратились к своим до-военным профессиям - штатские души, - либо делали вид, что в не-функционирующих высших учебных заведениях продолжают прерванное призывом в Войско военное образование.

Но так как эти люди никогда не были офицерами в истинном значении этого слова; так как эти люди были носителями офицерских погон, но не носителями офицерского духа, то их, при самодемобилизации Российской Армии, надо считать возвратившимися в первобытное состояние и списать со счета офицерства: не 250.000 офицеров было в 1917 г., в месяцы недолговременного правительства, а гораздо меньше. Из этого гораздо меньшего (никакой статистикой не определяемого) числа больше половины оказалось в Белых Армиях, а меньше половины - в Красной.

- о -

Если из 100 офицеров было, скажем, 45 на красной стороне - принудительно! - и 55 на белой стороне - добровольно! - то позорит ли Российское офицерство такое соотношение чисел? Кто помнит ситуацию 1918-20 гг., скажет определенно и категорически: нет, не позорит.

Балтийский, Гутор, Бонч-Бруевич пошли в Красную Армию или потому, что были подлы и двуличны на Царской службе, или потому, что подло и двулично служили Ленину; им подобны были сотни хамелеонов в штаб- и обер-офицерских чинах. Были такие, кто по своей партийно-революционной принадлежности искренно пошел к главковерху Троцкому. Были и такие, кто в трагическом заблуждении считал белых зачинщиками гражданской войны и думал, что на стороне красных надо защищать Россию от белых - Бог им судья. Но из 100.000 офицеров, включенных в Красную Армию, огромное большинство было включено голодом или мобилизационно-наганным нажимом. Пусть их было 70-80 тысяч. Не эта цифра важна для истории Российского офицерства, а необъявленная цифра, определяющая количество расстрелянных за то, что эти офицеры были "как редиска - снаружи красные, а внутри белые". Ленин требовал увольнения всех офицеров из Красной Армии, так как они саботируют, и Троцкий

едва мог воспротивиться этой мере, усилив чекистскую бдительность в Красной Армии. Ленин был прав: если не все, то многие саботировали - одни по инструкциям из Штаба Добровольческой Армии, другие по собственному офицерскому сознанию.

Сейчас есть выражение: "внутренняя эмиграция", определяющее ту часть интеллигенции в СССР, которая сопротивляется советской власти. Нельзя ли тех офицеров, что были насильственно включены в Красную Армию и которые были расстреляны за саботаж, назвать "внутренними первопоходниками? Не один десяток тысяч офицеров был отправлен "в штаб Духонина" - они гибли, потому что делали белое дело или потому, что имели белую душу. Офицерскую.

Продумав все это, ответим на вопрос: исполнило ли Российское офицерство свой воинский долг в годы Белой Борьбы?

Проф. полк. Месснер.

- - oOo - -

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ЗУЕВ.

Была теплая, темная сентябрьская ночь 20-го года. Ожидая подводы на Н.Рогачик, Таврической губернии, где стояла моя часть, я должен был заночевать в селе Федоровка.

Маленький дом коменданта не мог вместить и сотой доли всех остановившихся на ночлег. Такая тихая, теплая осенняя погода, небо, покрытое мириадами ярких звезд, невольно влекли вон из дома. Я вышел на обширный двор, сплошь занятый кубанцами, которые укладывались спать на земле, подостлав солому.

Я был удивлен - а где же кони? Из расспросов узнал, что это казаки-партизаны генерала Фостикова, недавно перевезенные из Грузии в Крым. Все они были одеты в сильно поношенную разнокалиберную одежду, все были худы и черны - черны от грязи, которая въедается в кожу за долгие месяцы похода, дымных костров, недосыпания. Большинство из них были молодые, почти мальчики. Разместившись на ночлег у самого стога сена, я со своим приятелем невольно стал слушать рассказ казаченка, лежавшего в нескольких шагах от нас:

- ...ничего у нас уже не было, ни патрон, ни хлеба. Захватили нас красные в горах и пригнали в Туапсе, в чека. Чекисты били нас нещадно, мы не отрекались - служили, мол, у ген.Фостикова. Было нас человек 5 на суде, приговорили к расстрелу. Когда вели через город, народ на нас кричал, плевал, бросал всякие гадости. Если бы не чекисты, которые нас вели, нас бы растерзали тут же на улице.

"Больше всех старался старшой чекист, он был верхом, в кожаной тужурке, нагайкой лупил нас по головам и кричал народу, что он ведет нас на расстрел по приговору суда и никто не имеет права вмешиваться в советское правосудие. То ли, что он бил нас нагайкой, то ли вид у него был страшный, но нас оставили в покое.

"Вывели нас за город. Чекист-то этот самый зловредный, по фамилии Зуев, вытащил бутылку водки из хурджины, опрокинул ее себе в рот, а потом отдал остальным чекистам - было их пятеро, которые вели нас,

- а сам кроет нас матом и нагайкой... Были мы босы, оборваны, голодные, избитые, еле живые, а тут этот чорт нас мучает...

"Подошли к леску. Остановились. Вытащил он еще бутылку водки, отпил и отдал своим товарищам. Слез с коня чорт лупоглазый, еле на ногах держится, пьян вдрызг, и говорит: "Вы, товарищи, посидите здесь, отдохните, а я сам эту сволочь пущу в расход". Погнал по тропинке в лес, в одной руке у него наган, а в другой нагайка.

"Дошли до обрыва. Выстроил он нас у обрыва - ну, знать пришел конец - и говорит: "Вот что, хлопцы, я такой же белый, как и вы; я буду стрелять в воздух, а каждый из вас по очереди - вопи изо всей мочи и прыгай в обрыв и спасайся. Больше помочь вам не могу".

"Обомлели мы, ничего не понимаем, а он стреляет вверх и толкает одного в обрыв: "прыгай", - говорит. Весь хмель с него сошел, а на глазах слезы. Выстрелил он пять раз, посигали мы в обрыв - и ходу. Даже спасибо не успели человеку сказать.

"Нашли в горах своих с ген.Фостиковым, воевали до Грузии, а вот теперь привезли нас в Крым, идем на фронт".

Несколько слов в рассказе этом меня поразили, и, подойдя к нему поближе, я увидел исхудалого, черного казаченка с умным лицом и начал его расспрашивать:

- А скажи, этот чекист Зуев был такого-то роста?

- Да.

- А нос у него был большой и красный?

- Да.

- На носу огромные очки, от них и кажется, что глаза у него вылазят?

- Да! Да вы его знаете?

- Да, знал когда-то!

Меня окружила толпа любопытных, прося рассказать, что он за человек. Вкратце я рассказал все, что я знал о нем. Долго в ту ночь я не мог заснуть. Мысли роились в голове... Вспоминалось давно позабытое!...

В 1916 году служил я в саперном батальоне на Кавказском фронте, в Приморском направлении. Был у нас в команде штрафной фельдфебель Заамурского железнодорожного батальона Зуев. Сохранил он от своей прежней службы только кожаную тужурку, которой он очень гордился, носил ее летом и зимой. Не помню, за что его сослали на Кавказ, - что-то наделал в пьяном виде, продал казенное имущество. Был он исполнительный и лихой солдат, и его беда была, что он всегда умудрялся доставать напитки! Я его жалел и не раз спасал от наказания. Ему было за 40, а мне 18, ко мне он относился с большим уважением и не раз говорил:

"Вот кончится война, поедем мы с вами на Зею".

На мой вопрос, а где это? - он объяснил, что это приток Амура, в тех местах он служил: "Есть у меня на Зее, в верховьях, местечко, куда и ворон не залетал; золото - хоть лопатой греби, сделаем заявку - все пополам, будете миллионером!"

Конечно, я не придавал значения его словам: сейчас война, мы на Кавказе, а где Зея?! Да и как можно верить забулдыге!

Наступила революция. Развалилась армия. Я заболел малярией и, так как был на фронте почти полтора года, получил отпуск на два месяца для лечения. Долго не мог избавиться от малярии, а потом уже и ехать было некуда! Я поступил в Инженерное Училище в Ростове для про-

должения образования. Большевики захватили власть. В Ростове началась забастовка городских рабочих. Союз Инженеров и Техников, в котором я состоял, смог пустить в ход Электрическую станцию и водопровод. В начале января 1918 года я записался в Добровольческую Армию и упел в Поход...

В конце 18-го года встречаю в Ростове на Садовой Зуева - все та же кожаная тужурка, лихо заломлена шапка, нос красный, глаза на выкате. Навеселе! Страшно обрадовался, встретив меня. Служил в какой-то Инженерной роте. Потом встретил его в 19-м году, он был машинистом на каком-то бронепоезде. Каждый раз при встрече напоминал, что кончится война - поедем на Зею!

И вот теперь служит у большевиков! Как бы он вел себя, если бы я попался к нему? Видимо, он и пошел служить к большевикам, чтобы спасать наших! Ведь, спасая этих пятерых казаков-партизан, он рисковал своей жизнью!

Так и остался фельдфебель Зуев для меня загадкой.

- о -

Прошло 46 лет, и вот месяц тому назад я прочел в газетах заметку: "Открыты богатейшие россыпи золота в верховьях реки Зеи".

Вот эта заметка и воскресила в памяти все вышеописанное - значит, Зуев не соврал!!!

А.Долгополов.

- - оОо - -

ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ

(Окончание, см. № 59/60)

Итак, личные мои наблюдения 1915 г. приводят меня к заключению о нечестности ген.Брусилова и не только о недостаточности его военных познаний, но даже о полном непонимании происходящего на современном поле боя.

Но это - мое заключение. Что же говорят о нем его соратники и факты его биографии?

О нечестности ген.Брусилова - отзывы довольно единодушны. Ген. Деникин в своем жизнеописании несколько раз с величайшим негодованием говорит о "правде Брусилова". Это тот период Мировой войны (1914 год), когда начала создаваться незаслуженная слава Брусилова. Судьба послала ему в лице его ближайших помошников лучших русских генералов: Корнилова, Деникина, Каледина, Леша и др. Они создали "брусиловские" победы, несмотря на его часто безграмотные распоряжения, путаницу, отказ от своих собственных приказов и обвинение других в их последствиях, безжалостное пролитие крови для исправления своих же ошибок.

Когда же (в 1926 г.) вышли в Москве его воспоминания, то лживость, клевета, старание свои собственные ошибки свалить на других и упорство (последнее - следствие непонимания обстановки и прямого недостатка знаний) выявились в такой степени, что Деникин счел нужным подробно разобрать бой 20-30 ноября 1914 г. в Карпатах, чтобы выявить всю ложь Брусилова в отношении особенно ненавидимого им ген.Корнилова *).

*) А.И.Деникин. "Путь русского офицера". Стр.340-345.

При оценке Брусилова относящийся к нему довольно мягко А.Серапинин (Сидней) употребляет слова: "волевой", "настойчивый", "придирчивый", "обидчивый", "самолюбивый", "не терпевший возражений", "не признававший авторитетов", лишь необычный треск фейерверка", "тщеславие и угодничество"... *).

Перейду к вопросу о подготовленности Брусилова к занятию самых высоких командных должностей военного времени. Прежде всего необходимо отметить, что это был в нашей Армии вообще самый больной вопрос. Правда, к началу 1-й Мировой войны были приняты меры к лучшему подбору командиров полков; но выше, в генеральских чинах, если и стали играть некоторую роль "аттестации", то невольно приходится обратиться к словам дедушки Крылова: "А судьи кто?"

Закон же не ставил, насколько я знаю, никаких категорических ограничений при занятии высших командных должностей. Много говорили о том, что у нас на верхах слишком много генералов с иностранными фамилиями. Любили вспоминать анекдот о знаменитом во времена Александра 1-го генерале Ермолове, который будто бы просил Государя "произвести его в немцы"...

Брусилов - фамилия русская. Однако, мать генерала была полькой и, кроме того, Брусилов очень рано потерял отца (а в возрасте 6 лет - и мать) и воспитан был в семье ее сестры, бывшей замужем за человеком с немецкой фамилией. Любопытно, что Брусилов и в службе, и в своих "Воспоминаниях" всегда всех критиковал - и своих начальников, и своих подчиненных. В "Воспоминаниях" до такой степени презрительно о них отзывался или просто умалчивал (все он, все только он - Брусилов), что читать эти "воспоминания" просто противно. Однако, два имени он всегда отмечал положительно и, насколько мог, выдвигал: это были генералы Клембовский и уже упоминавшийся мною Зайончковский. Если добавить к ним еще два имени (отношения к ним Брусилова мне неизвестны) - Бонч-Бруевича и Гутора - то это будет та изменническая генеральская пятерка, на которую прежде всего оперся Лев Троцкий (Бронштейн) при создании им "Красной Армии" **) - все они едва ли чисто русского происхождения.

Далее, бесспорным является факт, что обще-образовательный, да и военно-образовательный уровень большей части русского офицерства (а следовательно - и части генералитета) не был высок. До реформ Имп. Александра 2-го значительная часть офицеров начинала свою военную службу "юнкерами", понимая под этим словом не воспитанников военно-учебных заведений, а недоучившихся молодых людей из дворян, получивших лишь строевую практику в полках и производимых в офицеры по удостоению полкового начальства. Лишь небольшая часть офицеров того времени окончила немногие бывшие тогда военно-учебные заведения. В конце 19-го и начале 20-го века большая часть наших офицеров выходила из военных училищ с 2-летним курсом военных наук. Для поступления в "Военные" училища требовалось законченное среднее образование. Наряду с Военными училищами имелись еще и "Юнкерские училища" с 3-летним курсом (1-й год - общеобразовательный). В них принимались войсковые унтер-офицеры с 4-классным образованием. Учащиеся и в тех, и в других

---

*) А.Серапинин. "Брусиловское наступление". Н.Р.С. 14 июня 66 г.

**) Подробности деятельности этих 5 лиц см. А.Ветлугин "Авантюристы Гражданской войны". Париж 1921, стр.20-21 и 32-39.

училищах назывались "юнкерами" и выпускались в части - из Военных училищ подпоручиками (корнетами), из "Юнкерских" - с правом производства в подпоручики. В начале 20-го века Юнкерские училища переформированы в Военные. Курс их имел целью всестороннюю подготовку младших офицеров своего рода войск (пехоты, конницы, артиллерии, саперных частей), но не давал никакой подготовки к управлению соединениями из разных родов войск. Да даже и для командования батальонами, эскадронами и батареями подготовка Военных училищ стала считаться недостаточной, и были сформированы "Офицерские Школы" для подготовки (также в пределах своего рода войск) старших офицеров: Стрелковая (пехотная), Кавалерийская, Артиллерийская, Авиационная. Но и эти школы не давали никаких сведений относительно управления Дивизиями, Армейскими Корпусами и Армиями, т.е. исполнения генеральских должностей.

Единственным высшим учебным заведением, подготовлявшим старших начальников нашей Армии, являлась Императорская Николаевская Военная Академия (в просторечии называвшаяся "Академией Генерального Штаба").

Генерал Брусилов, будучи 14 лет принят в "Пажеский Его Величества Корпус" (особое учебное заведение для детей и внуков генералов, связанное с почетной службой при Дворе), окончил общие его классы (отвечавшие по программе нашим кадетским корпусам) и был переведен в его "специальные классы" (2 года, отвечавших Военным училищам), но он прошел только один класс и был (будто бы "по своему желанию") выпущен в один из кавалерийских полков Закавказья, и не корнетом, а прапорщиком *).

Это было в 1872 г. И после этого Брусилов, кроме курса Офицерской Кавалерийской школы, которая, как выше сказано, никаких сведений об управлении войсками не давала, никакого, ни общего, ни военного образования не получил. Иначе говоря, он был в всем смысле вовсе необразован, имея военно-образовательный ценз меньший, чем любой офицер, окончивший не только военное, но и юнкерское училище. К тому же это образование относилось к тем временам, когда наша пехота была вооружена еще "берданками" с дымным порохом, а артиллерия - лишь первыми образцами с казны (сзади) заряжающихся пушек. Бой тогда имел еще почти "наполеоновский" характер. Удивления достоин несомненно существовавший перед 1-й Мировой войной взгляд, что старшие начальники могут быть и из числа совсем несведущих лиц. (Один из моих корпусных командиров - как раз времени "Брусиловского" прорыва - не мог даже читать 2-верстной карты) **).

Но, конечно, долгая служба в строю, начиная с младшего офицера, а затем в положении ротного, батальонного, полкового и бригадного командира, давала серьезному и усердному офицеру большое знакомство и опыт, заменявшие ему до известной степени отсутствие образования. Но генерал Брусилов (увы!) и этого опыта не имел... В чине поручика, поступив в Офицерскую Кавалерийскую школу в 1881 г., он был оставлен при Школе и провел на различных, но исключительно "школьных" должностях 25 лет и снова попал в войска лишь при своем производстве в генерал-лейтенанты в 1906 г., в возрасте 53 лет: он был, без всякого

---

*) Вяч.Павлович. "Нерешенный вопрос". "Перекличка" № 171 (Апр.66)

**) Таких начальников в генеральских чинах было немало. Наличие при них Начальника Штаба их выручало, и они даже считались не худшими, если без возражений подписывали то, что подносил им Нач.Штаба. Худшие были те, которые при отсутствии познаний пытались управлять лично.

строевого стажа, назначен сразу Начальником Кавалерийской дивизии, притом Гвардейской, а всего через 2 года - уже командует 14-м Армейским Корпусом из всех родов войск. За следующие 6 лет он сменил три должности и, с объявлением войны 1914 г., он сразу был назначен Командующим 8-й Армией. Таким образом, и стаж генеральской службы был у Брусилова короче, нежели у прочих Командующих Армиями в начале войны.

Остается последний вид подготовки - самообразование, чтение военной литературы. Еще Суворов требовал, чтобы генералы (и офицеры) "постоянно поучались из чтениев" (И сам он с самых юных лет следовал этому требованию и, зная ряд языков, был одним из самых образованных русских генералов).

Брусилов в своих "Воспоминаниях" (стр.41) также говорит: "Я читал военные журналы, множество книг военных специалистов, русских и иностранных..." Ценность этого сведения, однако, ослабляется заключительной фразой: "Я говорил об этом давно близким людям, и многие это понимали..." Следовательно, большинство круга друзей Брусилова считало такое чтение ненужным. Поэтому не надо удивляться, что некоторые жизнеописатели этого генерала упоминают о том, что многие начальствующие лица отзывались о нем не как о генерале, а как о "берейторе" (т.е. специалисте в выездке верховых лошадей).

Такие суждения о его личности не помешали, однако, Брусилову в его "Воспоминаниях" с удивительным апломбом касаться любых вопросов тактики, стратегии и политики, всех критиковать, а все положительное приписывать только себе. Разбор этой книги не входит в задачу настоящей статьи - нас интересует генерал Брусилов, как полководец и человек. Его талант, как военного писателя, не связан с основной темой, тем более, что писал он старым и больным человеком, в условиях советской цензуры. Даже самостоятельность его работы является для нас сомнительной. Конечно, труд этот может в известной степени выявить понимание им отдельных вопросов современной войны. Поэтому я приведу один из наиболее элементарных, но и характерных взглядов Брусилова.

В "Моих Воспоминаниях", как официально называется Московское издание 1926 г. книги Брусилова, как обязательно для советских научных изданий, имеется "вводная статья" охранительно-пропагандного характера "доктора исторических наук" проф. Мавродина, и в ней (уже без всякого понимания военного дела) отмечены важнейшие , по мнению товарища Мавродина, из <u>новых</u> идей, внесенных ген.Брусиловым в военное дело. Особенно Мавродин оттенил следующую мысль (стр.7): Брусилов, пишет Мавродин, "<u>первым учел особенности войны в новых условиях и ввел глубокое построение оперативного порядка и оперативные резервы. "Теперь для успеха наступления надо вести его густыми цепями, а поддержки иметь в еще более густых цепях и даже в колоннах</u>" *). Далее Мавродин утверждает, что Брусилов "<u>этот свой тезис развил и применил во время знаменитого Брусиловского прорыва</u>".

Для специалистов ложь и вздорность этих утверждений не нуждается в разъяснениях. Для читателей-неспециалистов скажу: 1) вопрос о глубоком построении оперативного порядка не имеет никакого отношения к вопросу о густоте цепей. 2) Требование глубины оперативного порядка проповедывалось с кафедр Академии Генерального Штаба по крайней мере с 1907 г., и если бы ген.Брусилов заботился о самообразовании и

---

*) Во вторых кавычках - подлинные слова ген.Брусилова.

читал хотя бы материалы Академии, то ему не пришлось бы изобретать этого учения. 3) Данные Брусиловым на стр.223 его книги схемы отнюдь не отвечают идее глубокого построения или, как официально говорилось, построения из глубины: это ряд линейных построений, поставленных в затылок друг другу. 4) Наступление густыми цепями, а тем более колоннами, сколько-нибудь мыслящими военными людьми (в условиях огня не только современного, но и конца прошлого столетия) отвергнуто еще после избиения Прусской Гвардии французами 6 августа (ст.ст.) 1870 г. под С.Прива. Ныне же, при силе огня 1916 г., наступление густыми цепями и колоннами - просто безумие, тем более против противника на укрепленной позиции. И не ген.Брусилов первый рекомендует вновь этот способ действий.

Возвращусь к личным воспоминаниям. Еще в 1912 г., в чине штабс-капитана, я производил в лагере под Красным Селом с вверенной мне ротой маневренное ученье по изучению нового (тогда) Полевого Устава. Моя рота наступала, изображая из себя участок походного охранения. На открытой местности, на фронте, примерно, полукилометра, отлично были видны редкие цепочки людей от трех моих взводов-застав, двигавшиеся вперед, осматривая местность. Шагах в 200-300 за ними двигались сами походные заставы, старательно применяясь к местности, чтобы не быть замеченными противником, для чего они шли большею частью "змейками" (Рота была в расчете военного времени - ок.50 чел. во взводе - для чего были сведены в одну роту люди пяти рот). В полуверсте от застав, по шоссе, точнее - по дну сухой канавы вдоль шоссе, частью заросшей кустами, двигался мой 4-й взвод - главная застава - конечно, тоже "змейкой". Несколько впереди нее, также по дну канавы, шел и я, ротный командир, с положенными при мне людьми.

И вдруг ко мне на автомобиле подъехал сам "Врем.Начальствующий войсками Лагерного Сбора", Командир Гвардейского корпуса генерал-от-кавалерии Безобразов. Он пожелал знать, что это у нас за странное передвижение. Я, конечно, рапортовал ему по уставу и доложил о задании роты. Генерал, видимо, был чрезвычайно недоволен, но постарался быть любезным (вероятно, обратил внимание на мой академический значек).

- Итак, вы наступаете на Красное Село? Какие у вас сведения о противнике?

- Соприкосновения с противником еще нет. Но я предполагаю, что он окапывается за тем леском, Ваше Высокопревосходительство.

- А какие сведения вы имеете от конницы?

- Это чисто полковой, пехотный маневр, и конных частей при полку нет.

Генерал опять выразил свое неудовольствие, а затем сказал:

- Запомните, штабс-капитан: если при наступлении вы, пехотные части, не имеете впереди себя масс конницы, то вы должны наступать сомкнутыми колоннами.

. . . .

Я понял бы обратное: если наступление пехоты прикрыто выдвинутыми вперед значительными силами конницы, то пехота может двигаться мирным порядком - в колоннах и без мер охранения, - но если конницы нет и головные части пехоты могут в любую минуту оказаться под артиллерийским и ружейным огнем, то движение в колоннах и, вообще, густых строях - безумие и прямое нарушение устава. Но вождь Российской Гвардии ген.Безобразов и "знаменитый стратег" "берейтор" Брусилов это

громко и открыто проповедуют, и находятся "знатоки военного дела", которые от этой проповеди в восторге!

Но это теория. А практика выразилась в почти полном уничтожении Безобразовым отлично обученной и героической Гвардейской пехоты в сентябре 1914 г. и повторении этого уничтожения возрожденных Гвардейских полков в июле 1916 г. в болотах р.Стохода (у Киселина) тем же Безобразовым, но под главнокомандованием Брусилова, который сам, как мы видели, считает себя изобретателем Безобразовской теории, причем Новродин свидетельствует, что Брусилов и применил ее на "своем" прорыве... Но, к счастью, на фронтах прорыва русские и неприятельские окопы почти сходились и места для колонн там не было, но вот для Гвардии, прибывшей через 3 недели после прорыва, для его углубления, нашлись открытые полосы заболоченной местности для атаки германских укреплений рядом густых волн (а может быть и колонн) с удаления в полторы версты, среди бела дня, по Безобразовско-Брусиловскому методу... И Гвардейская пехота в день св.Владимира 1916 г. снова, в некоторых полках чуть ли не на 9/10, была перебита...

Может быть, я преувеличиваю? Предлагаю читателям прочесть небольшую, но страшную статью полковника Л.Гв.Финляндского полка Б.В. Сергеева "Стоход" в № 159 "Русского Инвалида".

. . . .

Остается сказать, каков оказался Брусилов в революционное время. Он, когда-то, Гвардейским генералом, публично поцеловавший руку великого князя Николая Николаевича после полученного от него служебного разноса, через 2-3 дня после отречения Государя от Престола приглашает к себе в Житомире (в Штабе Ю./З. Фронта) на чай представителей социалистических партий, причем его супруга, угощая гостей, говорит, что ее муж уже давно состоит в партии социалистов-революционеров. В конце мая Временное Правительство назначает его Верховным Главнокомандующим. Я служил тогда в Ставке и хорошо помню день его прибытия в Могилев. Принимая почетный караул на вокзале, он не подал руки начальствующим лицам, но при рапорте ему унтер-офицера, назначенного ординарцем, он протянул ему руку, чем привел его в полное смущение, так как он держал в руках винтовку "на-караул". Выйдя к автомобилю, новый Верховный протянул руку шофферу - нижнему чину. Последний подал по команде жалобу на Верховного, так как усмотрел в подаче ему руки личное оскорбление (подана-де ему рука, чтобы подчеркнуть, что он солдат, а не офицер).

Скоро ему пришлось, по желанию Военного Министра Керенского, выезжать на фронт для уговаривания не желавших (благодаря пропаганде) наступать полков. В своих "Воспоминаниях" он описывает это так (стр. 275-276): "Дивизия собралась вся без оружия, в относительном порядке, дружно ответила на мое приветствие и с интересом слушала мои прения с выборными представителями дивизии. В конце концов дивизия согласилась принять обратно свое начальство, обещала оборонять наши пределы, но наотрез отказалась от каких бы то ни было наступательных операций. ...Таких случаев было много, и неизменно оканчивались они теми же результатами", - уверяет Брусилов. Но вот что пишет офицер Ставки, ген. штаба подполковник Пронин, сопровождавший (в другом случае) Брусилова к войскам *).

---

*) "Русская Мысль" (Париж) "Митинг ген.Брусилова" 6 апр.1955 г.

Он описывает посещение (вернее - митинг), устроенный ген.Брусиловым в 151-м пехотном Пятигорском полку 38-й пех.дивизии в районе Двинска. Положение было серьезное: полк этот отказался стать на позицию. Брусилов, в сопровождении Командующего Армией и командира Корпуса, прибыл на лесную поляну, где был собран 151-й полк.

"Строя... не было. При обходе полка Главнокомандующим солдаты разговаривали, пересмеивались, а на приветствие: - Здравствуйте, товарищи, - ответили в разнобой, да и то не все. Обойдя полк, ген.Брусилов... так начал свою речь: Товарищи, я приехал посмотреть, как вы живете... все, что я вам буду говорить, это не только мое личное мнение, но и мнение нашего народного военного министра товарища Керенского и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов...

"Далее Брусилов говорил и о "завоеваниях революции", "которые наш враг грозит уничтожить", и о "славном мире без аннексий и контрибуций", и о "наших верных союзниках, которые ждут нашей помощи", и, поговорив еще о страданиях Франции, заявил: "Варвары-немцы уничтожили одно из главных достояний французского народа - прекрасные виноградники, дающие лучшее в мире вино - шампанское"... Дальше Брусилову говорить не пришлось: "со всех сторон понеслись крики: Долой! Довольно!... Вам пьянствовать, а нам кровь проливать!.. Вам шампанское, а нам смерть!"... Солдаты грозили кулаками, стучали прикладами о землю и выкрикивали угрозы по адресу "кровопивцев"...

Кончилось, впрочем, без убийства, вручением постановления чисто большевицкого содержания и отъездом начальства под "протяжные свистки"...

Картинка, достойная Верховного Главнокомандующего, и образец его ума...

Вскоре после этого Брусилов был отрешен от главнокомандования ставшим "Главой Государства" Керенским, к своему полному (судя по его книге) недоумению: в Ставке был съезд главнокомандующих, по требованию Керенского. На другой день последовало его отрешение. Брусилов указывает на два факта, которые могли вызвать гнев Керенского: так как "Глава Государства" прибыл на час раньше указанного, то Брусилов не встретил его на вокзале, а в заседании съезда ген.Деникин сказал слишком резкую речь, обвиняя в лицо Керенского... А он, Брусилов, ни в чем виноват не был.

Но мне помнится (по рассказам участников, слышанным в тот же день), что после съезда было "общественное"(революционное) собрание в городском театре, куда Керенский привез и Брусилова. Там кто-то из ораторов обратился к "Верховному" с вопросом, может ли он засвидетельствовать лояльность офицеров Ставки. Брусилов ответил, что из всей Ставки только один генерал Корнилов назначен по его, Брусилова, представлению. За него он ручается. За остальных генералов и офицеров Ставки он ручаться не может. Иначе говоря, "Верховный" предавал весь свой штаб! Это было слишком даже для Керенского!...

Этим закончилась деятельность Брусилова в Российской Армии. Его служба и отличия в Красной Армии нас не интересуют. Впрочем, и в СССР было поднято после смерти Брусилова дело о его измене и новому, Красному, хозяину.

Б.Н.Сергеевский,
Генерального Штаба Полковник.

Бронепоезд

"ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ"

(Выдержки из Краткого Военного Календаря)

10-21-1920. Сформирование, по приказу начальника Тихорецкого района ген.Шифнер-Маркевича, сборного бронепоезда из одной орудийной бронеплатформы бронепоезда "Генерал Алексеев" и одной такой же бронепоезда "Вперед за Родину", остававшихся при базах в ремонте. Каждый бронепоезд обслуживал свою платформу. Занятие позиции в районе ст.Порошинской.

11/2 - 13/2. Боевые действия сборного бронепоезда между ст. Порошинской и разъездом 28 вер.

14/2. Восстановление телеграфной связи между ст.Тихорецкая и Кавказская.

15/2. Передача вышеуказанной бронеплатформы бронепоезду "Вперед за Родину" и возвращение обслуживавшей ее команды.

16/2 - 17/2. Переезд базы в Армавир.

18/2 - 5/3. Переезд базы со ст.Армавир до ст.Пашковской,где, вследствие забитости пути отступающими эшелонами, база бросается, а личный состав отступает с Донской кавалерией на ст.Екатеринодар.

6/3 - 9/3. Отступление на порт Новороссийск. Дезертирство части команды, состоявшей из кубанских казаков.

10/3. Прибытие в Новороссийск и сведение команд бронепоездов "Генерал Алексеев", "Степной" и "Единая Россия" в пеший батальон на предмет занятия позиции в районе гор.Новороссийска.

11/3 - 12/3. Стоянка в гор.Новороссийске.

13/3. Погрузка командой бронепоезда парохода "Марнэт" огнеприпасами, бросаемыми в гор.Новороссийске, посадка на него команды и эвакуация в Крым.

14/3. Прибытие в гор.Феодосию.

15/3 - 19/3. Стоянка в гор.Феодосии.

20/3. Переезд на транспорте "Екатеринодар" в гор.Севастополь.

21/3 - 2/4. Стоянка в гор.Севастополе.

3/4. Переезд на ст.Бахчисарай для формирования бронепоезда "Генерал Алексеев", приняв от расформированного нештатного бронепоезда "Севастополец № 3" материальную часть, состоявшую из самодельной пулеметной площадки с 3-мя пулеметами, двух классных вагонов 4-го класса и 5 теплушек.

4/4 - 10/4. Принятие означенной материальной части. Для этой цели потребовалось командирование из управления Начбронпоглава Генерала Штефельсона для "урегулирования" приемки, так как было выяснено, что личный состав бронепоезда "Севастополец № 3" (командир поручик Кочкарев), проникнутый орловским духом, узнав о расформировании бронепоезда, начал расхищать казенное имущество и продавать местным жителям. Некоторая часть имущества была найдена зарытой в ямах и

спрятанной в стогах сена вблизи базы. Реальный результат вмешательства заключался в том, что личный состав бронепоезда "Севастополец № 3" был расказсирован и переведен в другие части.

11/4 - 20/4. Формирование и комплектование бронепоезда. Строевые занятия, учебная стрельба из пулеметов и винтовок и изучение жел. дорожного дела.

В середине апреля прибыли на пополнение 48 чел. донских казаков с тяжелой морской батареи № 1. Далее разновременно на бронепоезд для той же цели прибыли: 7-го бронепоездного дивизиона 30 чел., бронепоезда "Терец" - 13 чел., тяжелой морской батареи № 2 - 10 чел., бронепоезда "Витязь" - 20 чел. и 8-го бронепоездного дивизиона - 50 чел. Из означенного пополнения остались на бронепоезде все казаки тяжелых морских батарей, значительная же часть остальных чинов была разновременно переведена в другие части. За то же время получено 9 пулеметов от бронепоездов "Волк" и "Севастополец".

21/4 - 1/8. Дальнейшее формирование бронепоезда, строевые занятия и борьба с зелеными.

Борьба с зелеными велась первоначально самостоятельно, а затем совместно с Лейб Гвардии Атаманским полком и батальоном немцев колонистов. Возглавлял генерал Бутович (штаб в г.Симферополе). Ближайший начальник - начальник гарнизона гор.Бахчисарая, сначала полк.Ладан, а затем командир Л.Гв.Атаманского полка ген.Хрипунов. Действия заключались в облавах на зеленых, ловле дезертиров и борьбе с бунтами. Район действий: село Шунгуш, Бодрик, Бешуй, Биа-Сала, Бешуйские копи и долина р.Кача. Бронепоездной отряд отправлялся в составе от 10 до 50 человек с пулеметами, большей частью на подводах, в указанные районы. Наиболее важные из захваченных зеленых доставлялись в гор.Бахчисарай, где имелись военно-полевой суд и места заключения. Менее важные преступники и дезертиры подвергались телесному наказанию на месте. Кроме того, бронепоезд должен был выезжать в случае нападения на караулы жел.дорожных мостов и порчи жел.дорожного полотна бандитами. При борьбе с зелеными удалось добыть материалы, характеризующие зеленое движение и связь их с большевиками, их быт и состав, и выяснить наилучшие способы борьбы с ними. В июне от Начбронпоглава были разновременно получены две бронеплощадки с 75-м/м орудиями. В июле были получены: одна бронеплощадка с двумя трехдюймовыми орудиями и одна с одним трехдюймовым орудием, после чего бронеплощадки с 75 м/м орудиями были сданы обратно.

2/8 - 3/8. Переезд на ст.Федоровка (на фронт) в распоряжение начальника группы бронепоездов полковника Гадда.

4/8 - 5/8. Боевые действия в районе ст.Чокрак совместно с Дроздовским и Марковским полками.

6/8. Боевые действия в районе ст.Чокрак и ст.Попово. Гибель бронепоезда. Убито 9, ранено 13, захвачено в плен 2.

Подробности боя таковы:

В ночь на 6 августа было получено приказание выехать со ст.Чокрак на ст.Попово, где взорвать два моста вблизи станции. Затем отойти к мосту через р.Кара-Чокрак, минировать его и ждать около него особого приказа для производства взрыва. После взрыва занять позицию в районе моста. К 5 час.утра бронепоезд, взорвав предварительно два вышеуказанных моста у ст.Попово, получил приказ взорвать и мост через р.Кара-Чокрак. Взорвав мост, бронепоезд, выполняя приказание,

остался на позиции у взорванного моста. На рассвете бронепоезд был обстрелян почти тыльным артиллерийским и ружейным огнем. Разведка бронепоезда в сторону дер.Васильевка выяснила, что она по обе стороны от полотна занята пехотой красных с артиллерией. С целью выяснить обстановку, бронепоезд, отстреливаясь, направился на ст.Чокрак. При подходе к последней выяснилось, что она также занята красными: вокзал пулеметной командой, вокруг станции пехотными цепями, поддерживаемыми огнем 6 орудий, стоящих по-взводно на полузакрытых позициях. Отходивший перед бронепоездом вспомогательный поезд, выехав на станцию, сошел с рельс и захвачен красными у южных выходных стрелок, взорванных и замаскированных красными, закрывшими таким образом путь к отступлению. Бронепоезд, маневрируя, продолжал вести бой. Вскоре красной артиллерией был перебит путь у северных стрелок станции, и таким образом бронепоезд оказался запертым на небольшом протяжении, т.е. стал почти неподвижной целью для батарей красных. Не видя помощи извне и не надеясь ее получить, решено было, сняв с орудий затворы и панорамы и взяв с собой легкие пулеметы, пробиваться сквозь цепи красных на соединение со своими частями. Выйдя из состава, бронепоездная цепь устремилась в разрыв между цепями красных и, быстро проскочив его, начала отстреливаясь отходить. Кап.Сильванский и подп. Булкин отбились от цепи в сторону жел.дорожного полотна и наткнулись на цепь красных, находившуюся за полотном. Подп.Булкин застрелился, кап.Сильванский захвачен в плен.О дальнейшей судьбе его неизвестно. Затем был убит поручик Соловьев. Тяжело раненый поручик Котляров был захвачен красными и ими пристрелен. Раненые более легко следовали за цепью. Не доходя до дер.Бурчатск, цепь бронепоезда была принята на себя цепью Марковского полка, поддержавшей ее своим огнем, а вслед затем перешедшей в контр-атаку, захватив в плен некоторое количество красных и подобрав несколько человек раненых чинов бронепоезда. Потери бронепоезда: убиты: пор.Котляров, пор.Соловьев, подп.Булкин и 6 солдат; ранены: шт.кап.Зубович, пор.Стрегло, подп.Кононенко, вольноопределяющийся Чудаков и 9 солдат. Взяты в плен: кап.Сильванский и вольноопр.Мирошниченко (последний бежал из плена, долго скрывался в тылу у красных и, перебежав фронт после взятия гор.Александровска, вернулся на бронепоезд. Вскоре после возвращения был смертельно ранен в бою 20 октября). В дер.Бурчатск находился штаб дивизии. Командир бронепоезда полк.Шамов явился к начальнику дивизии. Последний сообщил, что приказание об очищении нами деревни Васильевка было отдано ночью и что он удивлен, что стоявшие сзади три бронепоезда, работавшие, как пять самостоятельных бронепоездов путем выделения бронеплощадок, оставили без выстрела ст.Чокрак и отошли за ст.Бурчатск, не предупредив об этом бронепоезд, находившийся у моста, и что об отходе дивизии было сообщено начальнику бронегруппы. Затем нач.дивизии приказал полк.Шамову немедленно отправиться на подводе на ст.Бурчатск с приказом находящимся там бронепоездам взять обратно ст.Чокрак и спасти оставленный там бронепоезд "Ген.Алексеев". Бронепоезда этого приказания не выполнили и продолжали оставаться за ст.Бурчатск, ссылаясь на неисправность материальной части, недостаток снарядов, небронированные паровозы и т.д. Полковник Шамов снова вернулся в штаб дивизии, где по приказанию начдива подал подробный рапорт о происшедшем и о том, что стоявшие сзади бронепоезда сдали ст.Чокрак без боя, не предупредив о том бронепоезд "Генерал Алексеев". Аналогичные ра-

порты были поданы начальнику группы бронепоездов и Начбронпоглаву. По этим рапортам велось расследование, но благоприятных результатов оно не дало. В сводке по корпусу за этот день было написано следующее:

"По дополнительным сведениям бронепоезд "Генерал Алексеев" и вспомогательный поезд 4 роты, работавшие утром 6 августа над взрывом моста на перегоне Попово-Чокрак, были окружены противником. Ведя упорный огневой бой, бронепоезд и вспомогательный прошли 7 верст к югу, но далее вследствие разобранного пути они должны были остановиться. Под сильным артиллерийским и пулеметным огнем красных команды вышли из составов и начали пробиваться штыковым боем на Бурчатск, причем большая часть команды погибла. Подробности выясняются. - 6 августа 1920 г. Ген.Лейт. Писарев."

Кап. А.Осипов.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА М.А.ФОСТИКОВА.

29 июля сего года в Югославии скончался генерал М.А.Фостиков. Сын вахмистра и внук офицера станицы Баталпашинской, покойный после окончания Александровского военного училища в Москве в 1907 году был выпущен хорунжим в 1-й Лабинский полк своего Кубанского войска. В 1917 году в Петрограде окончил ускоренные курсы Академии генерального штаба. После войны вернулся на Кубань в чине войскового старшины Ставропольского казачьего полка Сводно-Кубанской казачьей дивизии. Летом 1918 года, при отряде полковника Шкуро, сформировал 1-й Кубанский полк, с которым потом вошел в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии полковника Улагая. В 1919 году был произведен в генералы. Скоро назначен начальником 2-й Кубанской казачьей дивизии, которой беспрерывно командовал до первых чисел февраля 1920 года. В марте того же 1920 года, при отходе Кубанской армии на Черноморское побережье через город Туапсе, Фостиков был отрезан от нее и ушел на юг, в горные станицы. Там он организовал из казаков повстанческую армию, но силы были слишком неравные... Изможденные, плохо вооруженные казаки, многие с семьями - искали исхода. Единственный исход был - переброска в Крым, так как Красная армия прижала казаков к самой грузинской границе. Генерал Фостиков, дипломатическим путем, с несколькими тысячами казаков вошел в пределы Грузии, куда своевременно прибыли корабли из Крыма и подобрали их. В Крыму генералом Врангелем Фостиков был произведен в генерал-лейтенанты.

Война окончена... Корабли увезли армию в турецкие пределы. Кубанские части, сосредоточенные на острове Лемносе, были сведены в Кубанский корпус. Командиром его был назначен молодой генерал-лейтенант Фостиков.

Соратник его по Турецкому фронту 1-й мировой войны, его подчиненный командир 1-го Лабинского полка 1920 года - пишу эти строки, так как точно знаю, что отдаю дань одному из храбрых и популярных генералов Кубанского казачьего войска. Умер Фостиков 80-ти лет от рождения. Мир праху его.

Полковник Ф.Елисеев.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ Л.П.СУКАЧЕВА.

(См. "Вестник Первопоходника №№ 28, 30, 33, 35, 36, 37-38, 40, 43, 45, 47-48, 49, 50, 51-52, 53-54, 57-58 и 59-60).

Вскоре после моей первой встречи в Париже с принцессами и Хюсейн Сельмани я переехал на юг Франции, где поселился в горах, в 10 километрах от Канн. Оттуда я часто ездил в Италию, где постепенно ликвидировал свои дела.

Контакт с албанской королевской семьей больше не прерывался,так как сестры Зогу, обычно в сопровождении моего друга "балканского разбойника" и целого двора, по несколько раз в год совершали путешествие из Александрии в Париж, останавливаясь по пути то в Каннах, то в Ницце, то в Марсели, где я всегда с ними встречался.

В эти первые годы после конца Второй Мировой войны Египет сделался центром крупных спекуляций, в которых принимали участие уцелевшие нацистские сановники, во-время переведшие свои и казенные деньги в Швейцарию, богатые египетские беи и многие другие, часто очень высокопоставленные лица, старающиеся, по понятным причинам, соблюсти инкогнито...

У Зогу, конечно, была возможность последовать примеру некоторых других, по выражению американцев, "неактивных королей" и спокойно проживать остатки былых богатств где-нибудь на Французской Ривьере. Но Зогу предпочел воспользоваться тем исключительным положением, которое он имел при Фаруке, и теми средствами, которые были на его счетах в Англии, чтобы еще увеличить свое состояние и иметь возможность поддерживать албанских повстанцев, продолжающих сражаться против коммунистов, помогать беженцам, рассеянным в разных странах Свободного мира... и самому, со всей семьей, вести действительно царский образ жизни.

Из своего дворца в Александрии Зогу давал распоряжения: многотонный карго, купленный Его Величеством, выходил из международного порта Танжера, шел по Средиземному морю, перевозя грузы и умножая " казну короля Албании в изгнании...

Сестры Зогу, получившие от правительства Фарука паспорта, выдаваемые египетской королевской семье, постоянно ездили, тоже "по делам" в Париж. Там они меняли беспрепятственно вывозимые ими из Египта золотые монеты - сперва на французские франки, а потом покупали тысячами пар найлоновые чулки и другие дамские вещи, которые продавались в Александрии и Каире. На этих коммерческих операциях можно было заработать иногда 400 %.

Однако, как и их брат, тратили принцессы эти честным путем заработанные деньги не только на себя лично: они много помогали албанским беженцам. Так, в один из приездов во Францию они купили в Париже одному "шиптарскому" эмигранту дантисту, мечтавшему о том, чтобы продолжать заниматься своим зуборвотным делом и в Египте, все нужные ему орудия пытки. Полагающиеся в его деле машины и принадлежности, включая даже дорогие рентгеновские аппараты, были погружены в Марселе на пароход. Вместе с ними еще был погружен многопудовый багаж принцесс, в котором находились и три огромные хрустальные люстры, типа висящих в Версальской Галлерее Зеркал - для дворца Зогу в Александрии.

Попутно - Монте-Карло ведь так близко от Марселя - обегали принцессы и казино принца Монакского...

- о -

Получил я раз, во время своего пребывания на юге Франции, телеграмму из Александрии, извещающую меня о приезде принцесс в сопровождении Татти (племянника короля, бывшего наследника престола до рождения принца Искандера), Хюсейн-Бея, как всегда, разных секретарей, компаньонок, горничных. Остановиться они решили в Ницце, и я поехал туда заказать аппартамент в "Негреско", фешенебельном отеле на Promenade des Anglais.

Встретил я принцесс в Марсельском порту и по дороге в Ниццу узнал, что они на Ривьере не задержатся, так как торопятся в Париж, а потом в Италию; но что у них на Кот д'Азюр есть неотложное дело. Я не стал расспрашивать о характере этого дела; чувствовал себя усталым и, проводивши их в Ниццу, поспешил вернуться к себе домой в Тужон. Лег рано спать, но около 12 часов ночи был разбужен телефонным звонком из Монте-Карло. Услышал взволнованный голос принцессы Сонии:

- Пожалуйста, приезжайте моментально в казино, захвативши с собой 200 тысяч франков наличными.

Я ответил, что приехать могу, но что двухсот тысяч наличными у меня нет. На это принцесса возразила, чтобы я все же поторопился приехать с чековой книжкой и добавила:

- Они должны взять в казино ваш чек: я проиграла эту сумму.

В Монте-Карло в зале баккара я застал принцессу Сонию в обществе мрачного Хюсейн-Бея. Вступив в переговоры с дирекцией казино, мой чек был принят и принцессе вручены жетоны на 200 тысяч франков. Она принялась за игру. Карта стала идти, и в несколько минут супруга претендента на Оттоманский престол отыграла не только 200 тысяч, но и выиграла еще 500 тысяч. Я обрадовался, что, таким образом, получу назад сразу одолженные мною деньги, и предложил принцессе забрать выигрыш и уйти. На это мое благоразумное замечание я получил твердый ответ:

- Я никогда не оставляю игру, не выигравши минимум миллиона, и не намерена изменять своим принципам.

Спорить было нечего, но я предупредил, что больше денег у меня в банке нет. Поэтому пришлось покориться судьбе и покинуть казино после того, как она опять все проиграла.

Мне было заявлено, что на следующий же день вечером все уедут в Париж, где легко реализовать золотые монеты; но что до отхода вечернего экспресса из Ниццы еще остается много времени и что лично она, принцесса Сония, с младшей сестрой хотела бы после завтрака "покататься" по Гранд Корниш, горной дороге, славящейся замечательным видом.

Так как семья Зогу во Франции своих машин не имела, то обычно для всяких поездок нанимались автомобили. Мне это было очень на-руку. Дело в том, что приехав на юг Франции и поселившись в маленьком городе Тужон, я был вынужден купить для своих передвижений автомобиль. Приобрел подержаный, но еще бодро бегающий Розенгарт. Бензин в эти первые годы после войны был рационирован и его выдавали всего по 20 литров в месяц. Правда, тот же бензин, и в любом количестве, можно было беспрепятственно приобретать на тех же станциях, на которых его продавали по карточкам, но заплативши огромные деньги. Мне по-

везло, так как в первый же приезд принцесс на юг Франции они мне дали свои паспорта, в которых значилась принадлежность к египетской королевской семье. С этими документами в мэрии Мужен мне стали ежемесячно выдавать огромное количество карточек на бензин, предназначавшийся семье Зогу. Когда я в первый раз предъявил паспорта принцесс, то мой престиж у местных французских властей еще увеличился, а бензина для Розенгарта мне стало хватать, не прибегая к "черной бирже".

Я понял, что после проигрыша в Монте-Карло и до приведения дел в порядок в Париже принцессам лучше лишних денег не тратить. Поэтому я предложил для прогулки по Гранд Корниш наемной машиной не пользоваться, а удовлетвориться моим скромным Розенгартом. Мое предложение было с радостью принято.

Итак, на следующий день, после нескольких часов сна, я подъехал к "Негреско" в своей маленькой машине; позавтракавши с сестрами короля, усадил двух принцесс на заднее сиденье Розенгарта, а Сельмани рядом со мной и сел за руль. Выехав из Ниццы, стал подыматься на Гранд Корниш. Вдруг я почувствовал, как автомобиль занесло направо, и понял, что лопнула передняя шина. К счастью, скорость была небольшая, мне удалось благополучно затормозить. Я только успел слезть и вытащить крик, чтобы заменить лопнувшую шину запасной, как услышал соболезнующие слова младшей принцессы:

- Ах, как мне вас жалко! Ведь вам придется бросить этот автомобиль на дороге, раз он испортился, и купить новый, а это стоит дорого! А как мы вернемся в отель? Ведь наш поезд отходит вечером! Нам необходимо быть завтра у Ворта!

Я успокоил принцессу, и, действительно, на парижский экспресс сестры Зогу со всей свитой попали во-время.

Потом оказалось, что из Парижа принцессы проехали еще в Италию, через Швейцарию. Через некоторое время я получил от Хюсейн-Бея телеграмму из Рима, извещавшую меня о приезде принцесс в Марсель, конечно, со всем двором. Из Марселя они должны были на следующий день отплыть назад в Александрию. Меня просили заказать им апартамент в отеле де Ноай, чтобы там переночевать. Я поехал в Марсель, там зашел в гостиницу, чтобы исполнить данное мне поручение, и поспешил на вокзал. Римский экспресс в этот день прибыл во-время, против обыкновения, и когда я вышел на перрон, то там сразу увидел сходящих уже из вагона принцесс с компаньонками, двумя горничными, принца Татти, Хюсейн-Бея, его секретаря и еще какого-то албанца, как выяснилось, исполняющего обязанности министра двора.

Как всегда, понадобилась целая армия носильщиков, чтобы погрузить только "ручной багаж" - оказалось больше 200 мест. Большой багаж был доставлен прямо в порт, откуда на следующий день отбывал пароход в Александрию. Надо отдать справедливость "ручному багажу", что хоть вещей было много, но чемоданы, нессесеры и просто картонки были легкие. Принцессы обычно не перекладывали новые платья и шляпы, бесчисленную обувь, перчатки и прочие дамские принадлежности в чемоданы, а просто забирали их с собой в той же упаковке, в которой все это присылали им из магазинов в отель.

Впрочем, принцессы считали, что багаж у них не такой уж большой. Они не раз с возмущением рассказывали про случай, который произошел, когда вся королевская семья покидала Англию по окончании войны.

- Ведь, - говорили они, - у нас не было много пожитков после то-

го, как немцы потопили в Ла Манше пароход со всем нашим добром в 1940 году. Но семья большая, и естественно, что за годы изгнания накопилось кое-что, в общем, не так уж много: всего на нас всех 703 чемодана и сундука. Несмотря на эту скромность, не обошлось без неприятностей со стороны сильной в эту эпоху в Великобритании Рабочей партии, один из представителей которой осмелился задать вопрос в Палате Общин, имеет ли право король Зогу вывезти из Англии 703 места. На это был дан ответ, что "Зогу все же король"!

После некоторой суматохи на вокзале мы, наконец, все, то есть люди и вещи, погрузились в несколько такси, которые тронулись в направлении знаменитой Канебьер. Всю дорогу принцессы не переставали болтать, сообщая мне, откровенно говоря, мало меня интересующие парижские новости и настойчиво стараясь узнать все последние сплетни Кот д'Азюра.

- Что делает сейчас этот жирный Ага-Хан? Все ли еще его жена с утра навешивает на себя все свои блиллианты? Да, камни у нее, конечно, не плохие, но все же не такой чистой воды и не такой величины, как те, что подарил магараджа Апуртола своей молодой русской супруге. А Рита Харворт, изменяет ли она уже Али-Хану?

Когда через несколько минут мы подъехали к отелю и целая армия мальчишек в синих костюмах с золотыми пуговицами стала вносить чемоданы, принцессы все еще, захлебываясь, посвящали меня в тайны жизни Холливудских звезд и разных других международных знаменитостей.

Продолжая говорить, принцесса Сония дала мне в руки один из многочисленных чемоданов, который, к моему удивлению, оказался очень тяжелым, и я поспешил поставить его на пол широкого вестибюля гостиницы. Сестры короля, не прерывая начатого разговора, подошли со мной к портье, чтобы узнать, как пройти в отведенный им апартамент. Все оказалось в порядке, и, попрощавшись со мной, они направились к лифту. Вдруг старшая принцесса что-то вспомнила, повернулась ко мне и спросила:

- А где чемодан, который я вам дала, когда мы выходили из такси?

Я сказал, что не знаю, так как часть вещей уже успели отнести наверх, на что принцесса Сония ответила:

- Знаете, лучше посмотрите, где он: в нем драгоценности королевы Елены, которые, наконец, нам удалось вывезти для нее из Италии и которые мы обещали доставить ей в Египет...

Сознаюсь, что пока я не нашел этого чемодана, оказавшегося под одним из столов холла гостиницы, я пережил несколько неприятных минут. Однако думаю, что я волновался бы еще больше, если бы знал тогда то, что прочел в газете несколько лет спустя, когда был уже в Америке:

"После кончины королевы Елены, вдовы Его Величества короля Виктора Эммануила 3-го Италии, остались драгоценности дома Савойя, оцениваемые в 11 миллионов долларов. Они были доставлены Ее Величеству в 1948 году в Египет сестрами короля Зогу Албании".

- o -

На следующий день принцессы благополучно погрузились на пароход, идущий в Александрийский порт, обещав, что скоро вернутся и пробудут "для отдыха" некоторое время на Ривьере.

Сестры короля еще неоднократно приезжали во Францию. Они стара-

лись убедить меня принять предложение их брата переехать в Египет и оттуда перебраться на самый юг Африканского материка, где он собирался купить громадное имение и хотел, чтобы я его эксплоатировал. Однако, я чувствовал, что возраст для авантюр прошел. Я от этого предложения отказался, так же, как, еще будучи в Италии, не согласился на увещания Иерусалимского муфтия принять один из командующих постов в египетской армии... В скором времени я решился на менее рискованный шаг: последовал примеру многих тысяч русских эмигрантов и в 1949-м году уехал в Америку.

Л.Сукачев
(Окончание следует)

- - оОо - -

А.П.Греков.

ВОСЕМЬ ЛЕТ В ССЫЛКЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

(Окончание, см. №№ 57-58 и 59-60)

В ночь на 5-ое марта 1953-го года нас разбудили продолжительные и громкие гудки всех паровозов на станции вблизи лагеря. Вскоре в бараки пришли дежурные надзиратели и пояснили нам причину этого шума - умер Сталин. Мы должны были встать и простоять пять минут молча в доказательство нашего горя по этому поводу. Но не успела стража выйти из барака, как начали обсуждать эту весть, не обращая внимания на стукачей; все выражали надежду, что теперь наше положение изменится; при постоянном напряжении нервов заключенные стали наивны, как дети, и хватались за всякую тень надежды. Но нас постигло горькое разочарование - правда, новое правительство объявило амнистию, но только для "своих" уголовных, а нас, политических, она не касалась. Тем не менее смерть Сталина была слишком крупным событием, чтобы не повлиять на настроение арестантов. В большом лагере в Норельске, около устья Енисея, в Воркуте около Печоры и на юге в Караганде вспыхнули открытые восстания, которые были кроваво задушены войсками ГВД, по старому сталинскому методу. Но жертвы героических повстанцев все же дали результат для всех заключенных, особенно активно боролись с лагерной администрацией в разных лагерях норельчане. Правительство забеспокоилось и выслало уполномоченных из Москвы в лагеря. Они созвали нас на собрание и заявили, что считают нас людьми и что наши просьбы будут рассмотрены; были также произведены некоторые реформы в нашей жизни. Номера, которые мы столько лет носили на спине и на ногах, были сняты, и также решетки с окон, бараки перестали запирать на ночь. Начали платить за работу, конечно, по очень низкому тарифу и с предписанием высокой нормы, но все же можно было улучшить пропитание, так как в лагерях стали продавать продукты. Особенно важно было разрешение писать раз в месяц письма родным, раньше мы имели право писать лишь два раза в год, но эти письма почти никогда не доходили, а теперь их начали пропускать.

В 1954 г. мы вновь обрели надежду с появлением указов об освобождении малолетних, т.е. тех, которым при аресте еще не было 18 лет, и старых свыше 65 лет. Время шло, но указы не проводились на практике, пока не выяснилось, что для освобождения малолетних требовалось

разрешение лагерной администрации, а так как карьера заведующих зависела от успешной работы их бригад, начальники лагерей не хотели отпускать молодежь. Что касается старых, для них требовалась так называемая "актировка", то есть решение специальной медицинской комиссии, которая, вероятно, имела тайное указание очень строго выбирать кандидатов на освобождение. В нашем лагере из 65 человек актировали только 9, в том числе и меня, но это не было освобождением, так как вскоре пришел из Москвы приказ "временно" остановить освобождения, указы оказались только пропагандой, только очень малое количество людей было действительно освобождено.

Все же некоторая нерешительность и колебание в отношении обращения с заключенными ясно чувствовались, но сталинские традиции, интересы и привычки лагерного персонала сильно тормозили попытки провести новый курс. Это также характерно и вообще для всей линии советского правительства после смерти Сталина.

После указов в лагерях была объявлена новая реформа: была введена категория не-конвоированных, а именно арестантам, которым уже недолго оставалось отбывать срок заключения, разрешили ходить на работу без конвоя. Правда, они должны были выполнять очень высокие рабочие нормы, но могли распределить свое время в течение дня, как хотели. Эта мера позволила нам сделать совсем новые наблюдения: можно было войти в общение со свободным населением, с которым до сих пор нельзя было сказать ни слова. При этом выявились совершенно для нас неожиданные факты. Свободное население буквально бросалось на всякий род продуктов и одежды, которые только можно было купить у арестантов. В этот период я был поочередно в пяти разных рабочих колоннах, и везде была та же картина: иногда свободные люди просили у арестантов кусок хлеба. В деревнях большая часть домов была без всякой обстановки, только в углу лежала куча соломы, нигде не было хозяйственных построек или сараев для домашних животных, да и самые дома были в плачевном состоянии.

В это время правительство начало открыто критиковать ошибки и недостатки сталинской эпохи, и 20-й партийный конгресс даже отменил Особое Совещание (ОСО), но это были больше теоретические дискуссии, и в практической жизни мало что изменилось. Руководящий слой в Союзе был и остался учеником Сталина, организатора всемогущества государства и строжайшего надзора и слежки. Это наследство перешло на его учеников, которые переименовали его в "переход к коммунизму", а самих себя в "прогрессистов". Психическое и материальное состояние, к которому сталинская система привела большую часть народа, дает возможность его преемникам манипулировать в отношении народа громкими фразами, лозунгами и заманчивыми обещаниями, но на самом деле действовать соответственно своему внутреннему убеждению. Народ в Советском Союзе не имеет права говорить, а может только повторять то, что ему приказывают. Помимо этой глубоко внедренной системы, также и свойства характера различных народностей Союза облегчают его руководителям политическую эквилибристику. Вся разнообразная масса азиатских народностей все еще находится на очень низкой степени культуры - с ними нет надобности долго разговаривать, достаточно отдавать им приказания и следить за их исполнением. Хозяин страны, великорусский народ, который веками нес на своих плечах всю историю России, и теперь представляет собой основной фундамент, на котором большевизм уже больше со-

рока лет старается воздвигнуть свое здание. Едва ли правильно утверждать, что масса русского народа настроена коммунистически. Из всех моих многочисленных наблюдений у меня сложилось впечатление, что крестьянская психика независимого землевладельца попрежнему преобладает в русском народе, но сталинская система так образцово его дисциплинировала, что он держит про себя свои истинные мысли и убеждения и никогда их открыто не высказывает. Народ давно привык подвергаться с громадным терпением различным производимым над ним экспериментам и повиноваться государственной власти без всякого сопротивления. Для этого необходимо одно только условие - эта власть должна быть своя собственная, русская, так как, кроме крестьянской психики, у каждого типичного русского есть еще одна психологическая черта - он прирожденный властолюбивый империалист. Веками он подчинял себе все новые и новые народы и области, он, конечно, гордится иметь своей собственностью такое колоссальное государство. Большевики предусмотрительно и искусно идут навстречу этому мировоззрению. Москва, историческая столица Великороссии, также и их столица, из которой они властно повелевают всей, только номинально федеративной территорией так называемого Союза Советских Социалистических Республик. Руководящая идея русского коммунизма - всемирная революция под руководством Москвы - и первенствующая роль России в коммунистическом мире звучат, как новый громадный шанс для увеличения и распространения сферы власти России. Столь увлекательные перспективы будущего заставляют забывать тяжесть настоящего, поэтому процент великорусских политических заключенных в лагерях был самый незначительный. Свободолюбивых народностей - украинцев и кавказских племен - недостаточно по численности, чтобы что-нибудь предпринять, их слишком основательно преследовали и продолжают держать под надзором. Таким образом, преемники Сталина получили благоприятное для них наследство и, хотя у них нет той силы воли и того авторитета, они гибко лавируют в борьбе с современным духом, оставаясь в действительности непоколебимо верными своему учителю и его учению.

Прошло два года после смерти Сталина, а жизнь в лагерях шла своим чередом, хотя и была несколько легче. Уголовные элементы немного присмирели, лагерный персонал был менее строг, и в 1955 году мы в первый раз после многих лет праздновали Пасху. Общими усилиями мы устроили в бараке своего рода часовню и с глубоким настроением пропели "Христос Воскресе" - это было и для нас первым, хотя пока еще слабым, но все же воскресением из мертвых. После службы в двух бараках было приготовлено разговенье; для нас это все имело громадное значение - мы снова начали быть людьми.

После объявления указов об освобождении малолетних и старых, так и не выполненных на практике, прошло уже немало времени, и современный дух требовал от новых правителей чего-то нового. Они нашли подходящий рекламный трюк - исправление проступков, совершенных по приказанию Берии, обвиняя его после того, как он был застрелен, в произволе и несправедливости. Советская пресса провозгласила широкую реформу, но долгое время ничто не шевельнулось, и в нашей судьбе не было никакого реального изменения.

Наконец, в апреле 1956 г. в наш лагерь приехал начальник целой Тайшетской группы лагерей. Он собрал всех нас и выступил с длинной речью о том, что коммунистическая идея побеждает весь свет, и при

этом особенно подчеркнул "небывалый гуманизм советской власти" и ее заботы о развитии народного благосостояния и обеспечения всех прав культурных людей. В доказательство этого советского гуманизма он сообщил нам, что специальная комиссия будет объезжать лагеря и освобождать арестантов. Наученные горьким опытом, мы ему не поверили, но в мае 1956 г. комиссия действительно начала объезжать железнодорожную линию Тайшет-Лена, вызывать арестантов за лагерную зону и проверять акты; скоро она приехала и в наш лагерь. Комиссия эта работала очень регулярно по восьми часов в день и ежедневно допрашивала от 60 до 80 человек. Допрос был очень короткий и формальный, было ясно, что судьба каждого арестанта была уже решена заранее в Москве и полномочия комиссии были только фиктивны. Кроме рекламы для своего гуманного отношения, правительство хотело избавиться от большого количества инвалидов в лагерях, которые уже больше не приносили никакой пользы. Комиссия освободила довольно большое количество арестантов, но многим только уменьшила срок заключения, а некоторых вообще не вызвала. Также не вызвали и нас, иностранных подданных и бесподданных; нам сообщили, что наше дело будет рассматривать другая комиссия.

Пришлось опять ждать и надеяться, и вот в августе 1956 г. неожиданно пришел приказ отправить всех не советских граждан в лагерь, находившийся близь главного лагерного управления. Там мы предстали перед той же комиссией, которая три месяца тому назад заявила нам, что она не компетентна рассматривать наше дело. Это тоже типичное явление в советской официальной жизни - по тем же самым вопросам каждый день может быть от высшего начальства совсем другое предписание, чем накануне. Это естественное последствие гипертрофии работы всемогущего и за всем наблюдающего центра. Сталин все решал сам, и его метод продолжает применяться - в результате получается чрезмерный бюрократизм, одеревенелый формализм и абстрактная общность всех мер, без принятия во внимание местных и соответственных данному случаю особых условий и свойств, столь различных на такой колоссальной территории. В итоге вся государственная машина идет скрипучим и хромающим ходом, о чем, конечно, нигде не упоминается; наоборот, газеты все полны похвал настоящих большевистских приемов и энергии правителей государства. То, что только еще запланировано для будущего, нормально рекламируется, как уже достигнутое. Продукция, как правило, опубликовывается в старых, меньших единицах мер, которые официально уже давно отменены, но цифры в пудах выглядят гораздо внушительнее, чем те же количества, приведенные в тоннах.

Упомянутая комиссия сделала нам короткий, формальный допрос. Часть арестантов из нашей группы освободили, но предложили им выбрать себе местожительство где-нибудь в Союзе, а тем, у кого были там родственники, было приказано ехать к ним. Меня спросили только о личных данных и заявили мне, что после освобождения я должен оставаться в Союзе, так как я родился на русской территории; с таким решением я ни в коем случае не мог согласиться.

Хотя комиссия и поздравила нас с освобождением, но управление лагеря произвело основательную поверку и отправило нас на станцию под особым конвоем. Мы снова вернулись в наш прежний лагерь и должны были там жить, как и раньше.

Через некоторое время меня снова вызвали в управление лагеря и опять предложили выбрать себе местожительство в Союзе. Я катего-

рически заявил, что я австрийский подданный и желаю вернуться в Вену. Тогда допрашивавший меня офицер начал мне доказывать, что я бесподданный, так как эта квалификация проставлена в приговоре ОСО (Особое Совещание, давно уже отмененное). Во время этого разговора перед ним лежал мой акт, и я видел, что там был документ о моем гражданстве, присланный австрийским правительством. В конце концов он сказал мне, что я должен ждать решения Москвы.

Решение это заставило себя ждать, но наконец пришел приказ отправить меня в Потьму, где был сборный лагерь для освобожденных. Потьма находится в Мордовской республике в 450 километрах на восток от Москвы. Из Тайшета я ехал туда 6 дней, но на этот раз в пассажирском вагоне, и мог смотреть в окно на окрестности: везде были те же бедные крестьянские дома и почти нигде не было видно хозяйственных построек.

Переезд в Потьму еще далеко не был разрешением ехать за границу. В лагере было несколько десятков людей, которые жили там уже второй год, а были и такие случаи, что оттуда людей возвращали обратно в лагеря или переводили в так называемые инвалидные дома. Эта перспектива меня больше всего пугала, так как там мне бы пришлось окончить мое существование далеко от моих родных и от всех возможностей культурной жизни. С конца сентября до половины декабря я должен был сидеть в Потьме, не зная, какая судьба меня постигнет. После долгих и тяжелых лет в ссылке это было очень тяжелое и удручающее испытание для нервов. Мы, "свободные", продолжали жить в лагере и подвергаться поверкам. Потьма - большой населенный пункт, и здесь можно было наблюдать, насколько снабжение населения продуктами нерегулярно и плохо организовано; род товаров большей частью совершенно случаен и не соответствует требованиям рынка на товары широкого потребления. В течение трех месяцев моего пребывания в Потьме я, например, несмотря на все мои старания, нигде не мог получить сахару, и все население было в том же положении.

Тем временем этапы шли за границу; поехали немцы, поехало много австрийцев, а 17 декабря заявили даже туркам, которые ждали в Потьме уже полтора года, что их высылают в Быково, последний лагерь перед отправкой за границу. А я все еще ждал. Велико было мое удивление и счастье, когда утром того дня, когда выезжали турки, из Москвы пришел приказ добавить и меня к их этапу и также отправить в Быково.

В Быкове также были люди, ждавшие уже целыми месяцами окончательного решения правительства; были и тут случаи отправки назад в лагеря. Нас разместили в доме, где когда-то помещался фельдмаршал Паулус, командовавший германской армией перед Сталинградом. Дом был окружен забором, а у ворот стояли часовые, но без автоматов. В Быкове я хотел купить хоть какой-нибудь теплой одежды, но несмотря на то, что Быково - предместье Москвы и там было больше 20 магазинов для таких товаров, в декабре месяце ни в одном из них нельзя было получить зимних вещей. Факт сам по себе незначительный, но характерный и встречающийся на каждом шагу в том или другом роде, пополняя общую картину условий жизни в советском раю.

Через три дня после того, как меня привезли в Быково, счастье, наконец, улыбнулось мне, и пришло разрешение на выезд в Вену. Этим я обязан твердому настоянию австрийского правительства, которое по

просьбам моей дочери в Вене много раз посылало обо мне запросы, прилагая все документы, доказывающие мое австрийское подданство; как я узнал впоследствии, на первый запрос Москва ответила, что я "добровольно вернулся на родину".

21-го декабря 1956 г. нас повезли автобусом в Москву; два часа нас возили по городу, чтобы показать нам его, а вечером посадили в вагоны; этим кончилась моя "экскурсия на восток", и притом довольно дальний - от Тайшета до Москвы больше 6000 километров. Путешествие в удобном спальном вагоне было совсем иное, чем в свое время из Австрии в Союз, но и на прощанье нас не оставили без надзора, и в пути нас сопровождали два офицера МВД. Мы выехали на Брест; окрестности по этой линии, где проезжает много иностранцев, имели совсем другой вид, дома и прочие постройки выглядели совсем иначе, чем бедные деревни внутри страны. 22-го декабря я переехал через польскую границу и покинул Советский Союз, а 23-го декабря 1956 года был уже в Вене. Довелось мне в 81 год, после восьми лет в ссылке, отпраздновать Рождество в кругу семьи и старых друзей.

Кончилась эта своеобразная страница моей жизни, и кончается мой рассказ, в котором я привел подлинные факты, ни приукрасив, ни исказив их. Как и везде на свете, есть идеалисты и в Советском Союзе, но пока принципы человеческого достоинства и гуманности, так высоко возносимые там в теории, и то, что существует там на самом деле и практикуется на каждом шагу, - представляет собой ножницы, далеко и широко расходящиеся своими концами. Уже давно нет на свете ни Сталина, ни Берии, но сталинизм не только еще жив, а даже и весьма актуален.

А.П.Греков.

- - оОо - -

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности докуметально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
на 6 мес. (3 номера) - $ 3.00;
Цена отдельного выпуска - $1.00.

Адрес Редакции: 1624 ½ Echo Park Ave., Los Angeles, Calif. 90026

- - оОо - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $2.10

Желающие приобрести Знак могут обратиться к председателю правления В.П.Мяч по адресу Редакции.

- - оОо - -

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - оОо - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 61/62

- - оОо - -

- - оОо - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
двухмесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому
походу и истории Белых армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
1624½ Echo Park Ave., Los Angeles, California, 90026.
Phone: 629-8208.

6-й год издания № 63-64 Дек.1966 - Янв. 1967 г.

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА УЧАСТНИКОВ
1-го КУБАНСКОГО ген. КОРНИЛОВА ПОХОДА

ПОЗДРАВЛЯЕТ ПЕРВОПОХОДНИКОВ С ИХ СЕМЬЯМИ И ВСЕХ УЧАСТНИКОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ с НОВЫМ ГОДОМ при ПОЖЕЛАНИЯХ ДОЖДАТЬСЯ УСЛЫШАТЬ БЛАГОВЕСТ О ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИИ.

- - oOo - -

РЕДАКЦИЯ журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

ПОЗДРАВЛЯЕТ ДОРОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

С НОВЫМ 1967 ГОДОМ

ПРИ НАИЛУЧШИХ ПОЖЕЛАНИЯХ.

СОЮЗ УЧАСТНИКОВ
1-го Кубанского
ген.Корнилова
Похода.

ГЛАВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ
12 ноября 1966 г.
Нью-Иорк.

Дорогих соратникков-первопоходников, в рассеянии сущих, от лица Главного Правления и себя лично поздравляю с наступающими Праздниками: праздником Покровителя нашего Союза Св.Вмч. Георгия Победоносца, Рождеством Христовым, православным Новым Годом и с 49-ой годовщиной начала нашего легендарного Похода, продолжающегося и поныне.

С каждым годом мы убеждаемся все больше и больше, что пошли по правому пути, обнажив свой меч 49 лет тому назад. Многие из нас ушли за это время в "Последний Поход". Будем молить Господа, чтобы жертвы, понесенные нами на этом долгом пути, не были напрасными и мы увидели нашу Родину и многострадальный народ наш освобожденными от красного ига.

Всем дорогим соратникам, их семьям и близким от души желаю полного благополучия, бодрости и сил для продолжения нашего общего дела.

Первый Поход продолжается!

Председатель Союза
Ген.Шт.Полковник Ряснянский

Секретарь Гл.Правления
Корнет Черепов.

- - oOo - -

x
x x

Без надежд и ликований
Мы встречаем Новый Год.
Человеческих страданий
Он, как прежде, не уймет.

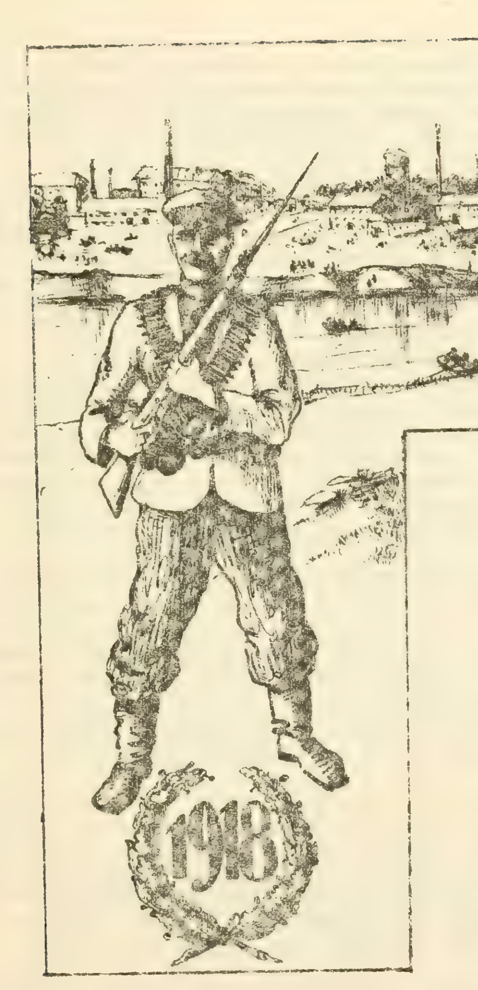
Но, подняв свои бокалы,
Пожелаем лишь, чтоб тот,
Кто стремленье к идеалу
В сердце чистом бережет,

Не утратил духа силы
Средь житейских бурь и гроз,
Светоч свой чтоб до могилы
Не угаснувший донес.

А.Н.Плещеев.

- - oOo - -

Убедительно просим г.г. подписчиков покрыть свою задолженность, не ожидая напоминания.

А.Ефимов.

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ.

(Продолжение,см. №№ 59/60 и 61/62)

13. Итоги восстания.

Борьба Ижевцев и Воткинцев против советской власти при защите ими своих заводов получила лишь краткое освещение на страницах "Вестника".

Отсутствие источников, недостаток времени и другие причины ограничили возможность дать более подробный очерк.

Долг участников восстания, оставшихся в живых, сохранить в той или иной форме воспоминания об этих днях. Дело будущих исследователей – собрать все уцелевшие материалы и дать полное описание этого восстания.

Но и краткие сведения, которые были здесь даны, позволяют дать оценку этой интересной странице из гражданской войны и сделать некоторые выводы.

Значение восстания в ходе вооруженной борьбы против красного порабощения будет яснее и понятнее, если напомнить об общем положении, сложившемся на восточном фронте.

Выступление против большевиков чехо-словацкого корпуса, начавшееся 25 мая, дало толчек к восстанию многочисленных тайных противобольшевицких организаций на Волге и в Сибири. Большевики начали немедленно и энергично готовиться к отпору.

Уже 29-го мая ВЦИК объявил об организации красной армии, вместо слабо работавшего добровольного пополнения, наборами по мобилизации. Это дает им возможность быстро умножить свои силы. Июнь и

июль проходят у них в усиленных формированиях отрядов и армий.

Восточный фронт привлекает большое внимание красной власти,но успехов у них нет. Постепенно они теряют Заволжье, Урал и обширную Сибирь. На Волге их бьет полк.Каппель. 21-го июля он берет блестящим маневром Симбирск.

Красные шлют на восток все новые и новые силы. Вместо убитого или застрелившегося главнокомандующего фронтом Муравьева назначается Вацетис. Новый "главком" считает, что у него в распоряжении имеется достаточно сил, чтобы перейти к решительным действиям. 28-го июля он докладывает Наркомвоену: "Я решил в ближайшее время нанести противнику решительный удар и отбросить его с линии Волги на восток". (Н.Какурин: "Как сражалась революция", том 1-й, стр.225).

Он ставит задачи: 3-ья армия должна перейти в наступление для "овладения Екатеринбургом и дальнейшего действия на фронте Челябинск - Златоуст". 2-й армии дается задача захватить Уфу и овладеть узловой станцией Чишма, наступая одной группой на Бугульму в направлении на Самару, заслонившись со стороны Сызрани. Наконец, 5-я армия, вновь создаваемая в районе Казани, должна была в районе Чистополь - устье Камы - Тетюши сосредоточить возможно большую группу войск и перейти в решительное наступление на фронте Симбирск - ст. Бряндино.

"В случае нашего успеха, - писал главком Вацетис, - ближайшей задачей будет поставлено овладеть фронтом Актюбинск-Орск-Троицк-Курган-Тюмень" (там же).

Когда Вацетис разработал свой план, намечавший захватить в клещи белые и чешские части в районе Симбирск-Сызрань, - в Самаре стоял вопрос: "что делать дальше?".

Никакими армиями Самара не располагала, формирование добровольческих отрядов шло медленно, чехи не были склонны к большим операциям.

Полковник Каппель и кап.Степанов - командир 1-го Чешского полка - настаивали на захвате Казани. Для овладения этим большим городом и его удержания требовалось гораздо больше сил, чем те, которые находились под командой этих двух начальников. Поддержать их было нечем. Также были и другие причины, отвлекавшие Самару в противоположную сторону - к югу, на Саратовское направление (подробности создавшейся обстановки см. в труде ген.Петрова "От Волги до Тихого океана", стр. 31-37).

Тем не менее, удар по Казани был сделан, красные в панике бежали. "Скоро начались просьбы о подкреплениях"... "Симбирск переживал тревожные дни"... "Полковнику Каппелю было приказано вернуться... в Симбирск и разбить противника, наступающего к Симбирску". (ген. Петров, стр.37). Не приходится теряться в догадках, насколько положение Казани оказалось бы еще более тяжелым, если бы 2-ая красная армия была двинута на Казань.

Восстание заводов отвлекло большие силы красных. Их 2-ая армия была сначала прикована к району Сарапуля, а вскоре разгромлена Ижевцами. Дезорганизованные остатки ее бежали в бассейн р.Вятки. Отсюда некоторая часть этих беглецов была направлена на усиление красных войск, обложивших Казань, и действовала на Арском (восточном) участке.

Восстание оказало также большое влияние на действия 3-й красной армии. Необходимость защищать линию сообщения с центром - жел.

дорогу Пермь-Вятка - заставили 3-ью армию выделить из своего состава значительные силы для охраны дороги. Это ослабило армию противника, и наступление на Екатеринбург, согласно плана Вацетиса, не только не могло состояться, но армия едва держалась против Сибиряков. Позднее, в декабре, она была выбита из Перми.

Продержавшись несколько больше месяца, Казань была захвачена красными. Они не предприняли энергичного преследования отступавшего казанского гарнизона, и он довольно спокойно переправился через р.Каму у дер.Епанчино близ Лаишева. Свои освободившиеся у Казани войска красные направляли против Ижевцев и Воткинцев, торопясь покончить с восстанием. В первую очередь перебрасывались: отряд Азина, сформировавший 2-ую Сводную дивизию (потом 28-ую), и латышские полки. 4-й латышский полк, как отмечалось раньше, был разбит Воткинцами, а 5-й латышский полк, сильно пострадавший при захвате Казани полк.Каппелем, видимо, действовал со стороны гор.Глазова, и один из эпизодов встречи с ним Ижевцев был описан в "Вестнике".

Таким образом, восстание отвлекло силы и отразилось на действиях трех красных армий Восточного фронта. Значительные подкрепления шли также из внутренних округов и с затихшего Западного фронта, при этом против Ижевцев и Воткинцев посылались особенно преданные и испытанные части, в их числе роты чрезвычаек.

Если план Вацетиса был нарушен захватом Казани отрядом Каппеля и чехов, то его полное крушение было обусловлено восстанием Ижевско-Воткинских рабочих.

После обратного захвата Казани красные войска смогли одержать на линии Волги некоторые успехи и продвинуться вперед. Севернее восставшие еще два месяца приковывали большие силы красных, и на левом участке своего фронта все их усилия перейти в наступление были парализованы на долгое время.

- о -

Большевистская власть с большими жертвами и жестокостью подавила восстание. Если бы надо было пролить крови в десять, в сто раз больше - большевики не задумались бы над этим. Человеческая жизнь в их расчетах стоит на последнем месте.

Более существенной для них была политическая сторона событий. Присвоив себе право исключительного руководства рабочими массами, они не могли допустить, чтобы рабочие могли идти не вместе с ними или, тем более, против них. Они пробуют немедленно подавить восстание Ижевцев, боясь, что их пример может увлечь других. Им это не удалось. Ижевцев поддержали Воткинцы, и поднялись в разное время еще несколько уральских заводов. Замолчать эти выступления было невозможно - они стали достоянием истории гражданской войны. Но с историей большевики не стесняются и дают всему свое собственное объяснение и толкование.

"История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)", изд.1938 г., трактует события так: "Мятеж корпуса (чехо-словаков) послужил сигналом к мятежу кулачества на Волге и в Сибири и эсэровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах"...

Сходное объяснение дает Какурин ("Как сражалась революция", т.1, стр.96): "Ижевское восстание было организовано союзом фронто-

виков, насчитывавшим в себе до 4 тысяч членов, в котором в течение долгого времени велась эсэровская пропаганда".

Большевики имеют все основания высоко расценивать силу пропаганды, которой сами они так умело и нагло всегда пользовались.

Но их обвинения эсэров, что они своей пропагандой вызвали восстание в Ижевске, не имеют никаких оснований. Союз фронтовиков, который поднял восстание, далеко не насчитывал численности в 4000 человек, указанной Какуриным, и не имел никакой политической программы, а был организован исключительно для защиты прав вернувшихся с фронта солдат, бывших рабочих.

После успеха восстания вынырнули из подполья эс-эры, члены Учредительного собрания, воспользовались отсутствием власти после уничтожения большевистского "совета" и, как убежденные "народоправцы", никого не спрашивая, объявили себя высшей гражданской властью под названием "Прикамского Комитета Учредительного Собрания".

Как обычно у них практиковалось, они поспешили захватить казначейство и стали распоряжаться денежными средствами. Их появление и начавшаяся теперь, после восстания, эсэровская пропаганда были встречены большинством рабочих равнодушно.

Надо было вести упорную борьбу с большевиками, а не заниматься политикой и партийной болтовней. Но эс-эры, по крайней мере более влиятельные из них, на первое место выставляют свои собственные партийные интересы и под маркой "Учредительного Собрания" стараются прежде всего укрепить свою власть. Они начинают формировать свои собственные части - на первых порах роту "имени Учредительного Собрания".

В эту роту не находилось добровольцев, и не было желающих занять должность командира роты. Тогда из Самарского "Комуча" были командированы два эсэра, Шмелев и Шеломенцев, привезшие деньги и начавшие агитацию за поступление в эту роту. Рота, наконец, была организована. Когда пришло время выступать на позицию, Шмелев поспешил в тыл. Шеломенцев, командуя ротой, долг свой выполнил и погиб в бою под Ижевском.

Если рабочие в большинстве относились безразлично к пропаганде и затеям эсэров, то и последние не доверяли Ижевцам и, в особенности, их командному составу. Этим объясняется поспешное бегство Евсеева и членов его комитета, удравших от вымышленной ими же самими опасности.

Последующие события, которые отстранили эсэров от всякого участия в налаживании государственного порядка и которые кончились передачей власти в руки адмирала Колчака, еще яснее подчеркивают, что Ижевцы и Воткинцы выбрали дорогу, по которой пошли все честные и действительно любящие свою родину русские люди.

Они, за малым исключением упорных "партийцев", без оговорок признали власть адмирала Колчака. Они не пошли за партией, которая свои партийные интересы ставила всегда выше благополучия России и русского народа.

Бросив большевикам свой вызов на смертный бой, рабочие забыли, к каким партиям они принадлежали, забыли, кто были их политические единомышленники или противники, кто были их друзья или недруги, все они, как один, поднялись против красного гнета. Для них время слов, программных различий и других разногласий прошло, и, крепко спаян-

ные в своем порыве, они упорно, самоотверженно бились с врагом.

Считавшие себя эсэрами не хотели выделяться из рядов других восставших рабочих и не пошли за своими незадачливыми главарями.

Среди восставших против большевистского гнета были также принадлежавшие к партии большевиков. Эти большевики отказались поддерживать зверства и преступления своих однопартийцев.

В отличие от "большевиков", стоявших во главе кровавой власти, они называли себя "большевиками-мстителями", а своих врагов "комиссародержавцами". Все это, конечно, хорошо известно большевикам и их историкам. Также они отлично знают, что их притеснения и кровавые расправы с непокорными рабочими вызывали возмущение и озлобление и были настоящими причинами восстания.

Ижевец М.К.Данилов вспоминает, как в Ижевск, недели за три до восстания, прислали "всероссийского старосту" Калинина, который пробовал успокоить и задобрить рабочих, собравшихся в одной из обширных мастерских.

Раздражение против него, как представителя ненавистной власти, было таково, что ему не дали говорить. Шум и угрозы встречали все его попытки начать свою речь. Он поспешил уехать из Ижевска, ничего не добившись, но самолично познакомившись с настоящим отношением рабочих к советской власти. Заметил, без сомнения, и единодушие, с которым все рабочие, как один, кипели гневом при его выступлении.

Этот гнев через три недели прорвался наружу и дорого обошелся советской власти. Долгий путь гражданской войны с честью и славой был пройден Ижевцами и Воткинцами, дела которых отличались высокой доблестью и самопожертвованием.

Никакая пропаганда никакой партии не могла повести Ижевцев и Воткинцев по пройденному ими пути. Это могла сделать только любовь к страдающей Родине. Это большевики знают, но не смеют об этом говорить.

- о -

Необходимо коснуться еще одного вопроса - почему восставшим заводам не была оказана достаточная помощь со стороны других антибольшевистских сил.

Незначительную помощь боевыми припасами восставшие получили от эскадры капитана 1-го ранга Федосьева. Пробравшийся в Самару шт.кап. Куракин получил 10.000 снарядов и другое подкрепление материальных запасов, но не мог довезти их до Ижевска вследствие начавшихся наших неудач на Волге.

Сибирская армия, захватившая 25 июля Екатеринбург и накапливавшая там свои силы, имела больше возможностей помочь Ижевцам и Воткинцам.

Собственно, это была бы не помощь, а использование сложившейся обстановки в собственных целях Сибирской армии - нанесения своему противнику, 3-ей красной армии, сильного удара, а при удаче - и уничтожения этой армии.

Вместо фронтального наступления на Пермь, Сибирской армии давался шанс захватить этот город скорее и с меньшими усилиями глубоким обходом через район восстания.

Этим путем Сибирская армия не только захватывала Пермь, но решала более важную задачу - нанесения противнику поражения. 3-ья

красная армия находилась в очень тяжелом положении, так как восставшие рабочие отрезали ее от соседей и угрожали ее тылу.

К сожалению, во главе Сибирской армии находился неспособный на такие действия генерал Гайда.

Профессор генерал Головин пишет ("Российская контр-революция", часть 4-ая, кн.8, стр.121): "Разбросавши свои силы на столь широком фронте, Гайда, хотя неуклонно и отжимал действовавшую против него 3-ью красную армию, но продвигался медленно. Французский военный представитель подполковник Пишон так отзывается об этом наступлении Гайды: "Чешется во все стороны и дерется растопыренными пальцами, вместо кулака"...

Далее ген.Головин приводит характеристику Гайды полк.Зайцева: "Путь из фельдшеров в командующие армией был им пройден всего лишь в три года, и это не могло не отзываться на его оперативной деятельности. Стратегически его успехи были близки к нулю"...

Затем ген.Головин пишет (там же, стр. 121-122): "Даже если рассматривать наступление Гайды в ограниченных рамках операции на Пермском направлении, нельзя не заметить одной крупнейшей стратегической ошибки: Гайда не учел того громадного политического и стратегического значения, которое имело восстание Ижевских и Воткинских рабочих и соседних с ними Вятских крестьян. В лице этих повстанцев Восточный противобольшевицкий фронт мог бы обрести те народные массы, которые так нерешительно шли на присоединение к находящимся уже в контр-революционном лагере элементам русской интеллигенции. Настоятельно требовалось возможно скорее и сильнее поддержать ижевских и Воткинских рабочих, которые в силу своей большой организованности являлись остовом повстанческого клина в юго-восточной части Вятской губернии. Нужно прибавить еще к только что сказанному, что захват большевиками Ижевска передавал в их руки третий и последний по счету русский оружейный завод."

Таковыми оказались печальные последствия - как для Ижевско-Воткинского восстания, так и для общего хода борьбы на Восточном фронте - назначение на важный пост командующего Сибирской армией совершенно неподготовленного для этого генерала Гайды.

14. За Камой.

После отступления за р.Каму Воткинцы заняли позиции вдоль левого берега, загибая свой северный фланг фронтом на северо-восток против красных, действовавших со стороны г.Оса.

На левом фланге находился 4-й Воткинский полк, растянувшийся от с.Сайгатка до дер.Ершовка. У дер.Ершовка Воткинцы вошли в связь с отрядом Уфимцев под командой пор.Воробьева, который действовал в районе жел.дороги Сарапуль-Красноуфимск.

Ижевцы сосредоточились в с.Сайгатка и ближайших деревнях, где их части переформировывались в бригаду в составе двух полков, запасного батальона, дивизиона артиллерии, конного дивизиона и инженерной роты.

Через несколько дней один из полков Ижевцев сменил 4-й Воткинский полк, который был отведен в тыл для формирования 2-й бригады Воткинской дивизии.

Потеря родных мест и семейных очагов, боязнь за семьи, часть

которых осталась во власти мстительного врага, неизвестность, что предстоит дальше, - все это отражалось на настроении Ижевцев и Воткинцев. Удары судьбы не проходят даром, вызывают падение духа и выливаются наружу в тех или иных формах.

Началось расхождение между Ижевцами и Воткинцами, до сего времени совместно и дружно боровшимися с красным гнетом.

Раскол появился среди старших чинов и потом распространился вниз. Отсутствие начальчиков, которые обладали бы неоспоримым авторитетом и могли бы сразу остановить зачатки взаимного недоброжелательства, привело к тому, что недовольство друг другом продолжало углубляться. Начались упреки в несправедливом распределении захваченных у противника орудий и другого имущества, в неправильном расходовании денежных средств, в отказе помочь в бою артиллерийским огнем и т.д.

Большое недовольство, главным образом у Ижевцев, вызвал приказ из штаба армии с перечислением целого ряда обязанностей, нарушение которых будет караться расстрелом. Приказ заканчивался указанием, что те, кто не согласен подчиниться дисциплине в указанных рамках, могут уходить обратно домой.

Приказ, имевший целью поднять дисциплину, был явно плохо обдуман и неудачен. По свидетельству одного из старших командиров Ижевцев, этот приказ вызвал негодование среди рабочих-бойцов, добровольно поднявшихся против насилия большевиков, самоотверженно отдавших все силы на борьбу и принесших большие и кровавые жертвы.

Разбираться в правильности, справедливости или необоснованности этих взаимных обвинений теперь не приходится и невозможно. Результет же был тот, что командующий Ижевцами шт.кап.Журавлев увел подчиненную ему бригаду в район Уфимского корпуса.

По мнению Ижевца М.Д., внимательно наблюдавшего за всем происходившим, Журавлев сделал это, чтобы избежать недоразумений и, возможно, столкновений.

По его впечатлению, взаимная неприязнь начала заходить очень далеко, и можно было опасаться, что горячие головы не остановятся перед пролитием братской крови, что был даже заговор убить кап. Юрьева, но это не произошло, потому что Юрьев не появлялся в районе Ижевцев.

С уходом Ижевцев в район Уфимского корпуса их совместный с Воткинцами путь борьбы с красными временно разошелся: первые дрались в рядах Западной (позднее 3-ей) армии, а вторые в Сибирской (потом во 2-й Сибирской) армии.

Только в Забайкалье поредевшие в тяжелых походах ряды Ижевцев и Воткинцев, сведенные в полки, в конце 1920 года вновь встретились и дружно продолжали бороться со своим смертельным врагом.

- о -

Уходя в район Уфимского корпуса и бросив боевой участок, шт.капитан Журавлев не предупредил об этом Воткинцев.

Самовольный уход с позиции не может иметь оправдания, но указанные выше обстоятельства говорят о том, что это было сделано не без причин. Что же касается того, что Журавлев не предупредил об уходе штаб Воткинской дивизии или ближайшую часть, нельзя рассматривать иначе, как предательством.

Это отразилось на устойчивости положения Воткинцев и облегчило красным форсирование р.Камы, к этому времени уже покрывшейся льдом. Воткинцы были вынуждены, под нажимом переправившегося через реку противника и под угрозой удара с севера, начать отход со своего его выдвинутого вперед участка на восток.

После переправы через реку крупный красный отряд, проделав в два дня большой переход, занял деревню Зипуново и оказался в тылу Воткинцев за левым флангом их 2-й бригады. Навстречу был брошен 4-й полк под командой шт.кап.Болонкина, который задержал дальнейшее продвижение красного отряда. Это дало возможность Воткинцам и всем беженцам, двигавшимся с ними, благополучно выйти из задуманного красными окружения.

Установив связь с Сибирской армией, Воткинская дивизия заняла участок на ее левом фланге, в 40 верстах к западу от г.Красноуфимск.

- о -

В районе Уфимского корпуса Ижевская бригада была расположена по селам и деревням, примерно, в 170 верстах к северо-востоку от гор.Уфы.

Здесь Ижевцы испытывали большие лишения от наступивших зимних холодов. Их собственное интендантство не могло достать обмундирование. Некоторые покупали теплые вещи сами, некоторым помогали крестьяне, другие мерзли или промышляли тем, что плохо лежало.

Последний способ был исключением, но жалобы пострадавших доходили до высших штабов сильно преувеличенными.

С другой стороны, тяжесть пережитой борьбы и кровавых потерь, неспособность молодого и неопытного командного состава наладить внутренний порядок - толкали на желание забыть тягости жизни с помощью спирта и самогона.

В 1-м Ижевском полку, стоявшем в отдалении от остальных частей бригады, командиру полка удавалось поддерживать дисциплину и порядок на значительной высоте. В остальных частях дело это страдало, в большей или меньшей степени, в зависимости от качества командиров.

Худая слава о бригаде все увеличивалась. На боевые качества и моральную устойчивость Ижевцев, как упорных и непримиримых врагов большевизма, казалось, никто не хотел обратить внимания и использовать для общего дела.

Крепость своей спайки, любовь к Родине и ненависть к ее поработителям Ижевцы вскоре доказали, когда власть от Директории, не сумевшей справиться с вопросами государственного управления, перешла в руки адмирала Колчака.

Командовавший бригадой шт.кап.Журавлев, ставленник эсэров, на собрании офицеров бригады, решавших, что делать дальше и за кем идти, был на стороне устраненной Директории.

За ним никто, кроме двух его сообщников, не пошел. Эс-эровское руководство полностью доказало свою несостоятельность во время защиты заводов, и это все помнили.

Непродолжительное обсуждение - "за кем идти?" - закончил молодой прапорщик Ершков, который громким голосом сказал: "Пойдем за Колчаком - больше толку будет!" - Все, кроме Журавлева, согласились. "Устами младенцев глаголет истина", - вспоминал об этом капитан Зуев, вскоре занявший пост командира бригады.

Весь состав Ижевской бригады спокойно принял решение. Ижевцы вступили в ряды Белых армий, где - хорошо или плохо - политические вопросы стояли на заднем плане, а на первое место выдвигалось уничтожение большевистского ярма.

В лице адмирала Колчака все видели честного русского человека, доблестного солдата и патриота России, для которого благо Родины было выше всего.

Через несколько дней шт.кап.Журавлев со своими приверженцами, захватив два миллиона рублей, скрылся из бригады. По сведениям из штаба армии, его последним днем командования бригадой было 13 декабря. Розыски его успехом не увенчались - по некоторым данным, он перешел на сторону большевиков.

- о -

В начале января 1919 года была сформирована Западная армия, в состав которой вошел Уфимский корпус и расположенная в его районе Ижевская бригада.

Жалобы на поведение чинов бригады заставили командующего армией ген.Ханжина назначить инспекцию. Был послан ген.Тиманов.

Плохо питавшиеся, мерзнущие и скучающие от безделья Ижевцы обрадовались: наконец-то кто-то о них вспомнил.

Для встречи инспектора Ижевцы тщательно подготовились. Весь состав бригады выстроился на большой площади села стройными рядами. Раздалась команда для встречи, и винтовки четко звякнули "на караул".

Генерал Тиманов поздоровался и услышал громкий, отчетливый солдатский ответ. Он обошел ряды, осматривал внимательно одежду и обувь, разговаривал.

Странное впечатление производили ряды Ижевцев. Стояли как будто хорошо обученные солдаты, но были пестро одеты в пиджаки, в пальто, некоторые в шинели, в полушубки... На головах картузы, кепки, фетровые шляпы, папахи... На ногах - сапоги, штиблеты, валенки или башмаки с обмотками. Большая часть одежды обтрепана, заштопана, в заплатах, давно отслужила все сроки...

Больше всего внимание генерала Тиманова привлекли глаза Ижевцев. Он проходил по фронту, и тысячи глаз провожали его. Но это не было заученное казенное "ешь начальство глазами". Старого царского служаку нельзя было обмануть. Эти глаза говорили, и генерал понимал, что они говорили: "Мы знаем, кто наш враг! И мы хотим с ним встречи!".

Генерал Тиманов доложил о всем виденном, считая необходимым прежде всего одеть Ижевцев, наладить регулярное питание и дать опытного боевого командира. Он вынес убеждение, что бригада будет отлично драться. Особенно он подчеркивал то впечатление, которое произвели на него глаза Ижевцев - их прямота, смелость и решимость.

Через Уфимский корпус Ижевцы начали получать обмундирование и налаживать правильную доставку продовольствия. Были получены походные кухни.

От Уфимского корпуса Ижевская бригада должна была получить и нового начальника.

- о -

К тому, что было уже сказано, как в Ижевских и Воткинских частях было встречено известие о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного Правителя, следует добавить подробности, полученные от одного Воткинского офицера. Он присутствовал на собрании, которое кап.Юрьев созвал после получения известия об изменениях в верховной власти.

На это же собрание были приглашены также Ижевцы. Кап.Журавлев, видимо, через партийные круги получивший сведения раньше и, как уже говорилось, пытавшийся повести Ижевцев против адм.Колчака, на собрание не пошел. Туда отправилось несколько Ижевцев во главе с кап. Зуевым.

Среди Воткинских офицеров находились два моряка (в том числе строитель моста через Каму - капитан 1 ранга Вологдин).

Оба морских офицера рассказывали Воткинцам об адм.Колчаке, о его высоких достоинствах, любви к родной стране и к морской службе. Один из них был вместе с адмиралом в полярной экспедиции, и его интересные рассказы захватывали слушателей, заставляя их с уважением относиться к неизвестному им, но выдающемуся и славному адмиралу.

Когда кап.Юрьев объявил о вступлении адм.Колчака на пост Верховного Правителя, Воткинцы дружно ответили на это громовым "ура". Ижевцы тут же сообщили, что у них уже было собрание и что они постановили идти за адмиралом Колчаком.

Этот рассказ указывает, что сведения об изменениях в организации Верховной власти дошли раньше того времени, когда кап.Журавлев увел Ижевцев в район Уфимского корпуса.

- о -

15. Новые командиры.

После включения в состав армий Восточного фронта, у Ижевцев и Воткинцев были произведены изменения в их командном составе.

Как указывал инспектировавший Ижевскую бригаду ген.Тиманов, Ижевцам необходимо было назначить опытного боевого начальника. Его выбор определил весь будущий путь службы и боевой деятельности Ижевцев. На должность начальника Отдельной Ижевской Стрелковой бригады был назначен командир 32-го Прикамского полка полковник Молчанов.

Трудно было сделать более удачный выбор. Судьба послала доблестным Ижевцам выдающегося командира.

В сплоченной однородной Ижевской бригаде, уже прошедшей часть своего тяжелого крестного пути, новый командир являлся посторонним человеком.

Несмотря на предупреждение о приезде, никто не вышел его встречать, когда он поздно вечером приехал в расположение бригады. Прежний командир со своим начальником штаба уехали раньше, не сдав должностей. Знавшие о приезде полк.Молчанова командиры частей не показывались из своих квартир, полагая, что они будут смещены со своих должностей. Другие еще не знали о его приезде.

Случайно попавшийся на улице села комендант штаба поручик Саламатов отвел квартиру. Встреча нового командира была недоброжелательной.

Командир 1-го Ижевского полка пор.Михайлов, не извещенный о приезде полк.Молчанова, так вспоминает о первой встрече:

"Конечно, командиры полков ожидали смещения с должностей - и я был к этому готов. Ген.Тиманов нам уже дал понять, что мы слишком молоды и что будут, наверное, присланы более опытные командиры. Вскоре по приезде к нам нового командира бригады я приехал в штаб бригады, явился и доложил: "По вашему приказанию явился!" Полковник Молчанов удивленно посмотрел на меня и сказал, что не вызывал меня. Подаю записку. Он читает и улыбается. Говорит: "А вы число посмотрели?" Дает мне. Смотрю, а дата старая. Итак, по ошибке я попал к новому командиру. "Ну, вот и прекрасно, что пришли. Мы с вами побеседуем". Справился о моем семейном положении и, узнав, что у меня никого нет, сказал: "Вы незаменимый человек для военной службы". Потом сообщил мне, что на должности командиров частей у него есть много предложений опытных офицеров в больших чинах и что им будут назначены новые командиры полков, но он дает слово, что мы, то есть я и Ляпунов (командир 2-го Ижевского полка), останемся на должностях помощников. На это я ответил: - "готов хоть ротой командовать". Весь разговор помню слово в слово. Так что было вперед уже решено нас сместить. А не сместил нас командир бригады потому, что в первых же боях мы оказались на должной высоте".

Полковник Молчанов начал быстро приобретать доверие и любовь, одновременно будучи очень требовательным.

Это нелегко было достигнуть от Ижевцев. Прошедших военную службу было немного. Остальных сделало бойцами восстание. Много особенностей наблюдалось в бригаде.

В боях Ижевцы действовали смело и дружно, признавали власть начальников и исполняли их приказы. Вне боя отношения менялись. Начальник обращался в Ивана Ивановича или просто в Ваньку, как было на заводе.

Только командиры полков и соответствующие им по должности пользовались большим уважением, и к ним обращались не по чинам, а по занимаемой должности - "господин полковник".

Приказы вне боя вызывали обсуждения и пререкания. Сторожевая служба, когда противника не было поблизости, неслась неисправно - часовые уходили с постов погреться и попить чайку.

Ответы Ижевцев отличались своеобразием. Например, новому начальнику бригады отвечали "ваше высокоблагородие". На вопрос: почему? - отвечали: "хотим по старинке".

В ответ на благодарность к уставному: "рад стараться!" прибавляли: "и охота есть!"

Не легко было переучить такое войско, заставить исполнять приказы без рассуждения и нести сторожевую службу строго по уставу.

Обычные меры наказания не принесли бы пользы. Переучивать закаленных в боях бойцов, начиная со "словесности", было нелепо.

Нужно было постепенно и упорно внедрять в сознание Ижевцев, начиная с их начальников разных степеней, необходимость для внутреннего порядка и для успеха в бою поддерживать строгую дисциплину и выполнять все требования устава.

Это и начал полковник Молчанов проводить в жизнь.

Свое родное гнездо Ижевцы отстаивали, защищаясь на позициях среди хорошо знакомой местности и действуя "фронтами", состоящими из отдельных рот. Для маневренной войны в поле, с быстро меняющейся обстановкой, подобная организация и упрощенный образ действий были неприменимы.

На первых же трех переходах к новому расположению полк.Молчанов разбил бригаду на два отряда, направил их по двум дорогам и дал двухстороннюю задачу на параллельное преследование. Далее - другие задания.

Обучение требовало много лишних движений на разведку, охранение и разворачивание для боя и делало переходы много утомительнее.

Но Ижевцы с большим вниманием относились к этим учениям, к их разбору и указаниям опытного командира и не жаловались на усталость. Учения вызывали явный интерес, и это закладывало прочный фундамент для будущих побед.

Особую систему пришлось применить к привычке обсуждать приказы. Этого новый командир не выносил. Он обрушивался на непокорного таким потоком крепких слов, что тот быстро бросался выполнять приказ. Однако, часто с ворчанием: "Ну и командир попался! Ты ему слово, а он десять!"

Более близкое знакомство Ижевцев со своим командиром произошло в наступивших в начале марта боях.

Горячая любовь к Родине и ненависть к ее врагам сближали и роднили Ижевцев с их командиром.

В своей борьбе на заводе Ижевцы потеряли все. Только винтовки, выделанные ими самими, сжимались в их крепких руках, и им они вручили свою дальнейшую судьбу.

Столь же решительно, не признавая никаких колебаний, вступил в борьбу с красным гнетом полк.Молчанов.

Под его водительством, сначала непосредственным, а потом в составе находившихся под его командой корпуса и армии, боевой путь Ижевцев обратился в ряд стремительных наступлений, упорных защит позиций, тяжелых боев в арьергардах и пробивании дороги в долгом отступлении во время Сибирского ледяного похода и последующей борьбы в Забайкалье и Приморье.

- о -

В Воткинской дивизии было больше перемен на командных должностях.

Капитан Юрьев, пользовавшийся любовью и авторитетом у Воткинцев, оставался после переправы за Каму начальником дивизии недолго.

В январе он был отозван в тыл по неизвестной причине. Однако, явившись Верховному Главнокомандующему адмиралу Колчаку, он был произведен за руководство восстанием в полковники и награжден орденом Св.Георгия 4-й степени.

В марте или апреле он вернулся в дивизию и вступил в командование. На этой должности он пробыл до боев на р.Ишим, то есть до октября 1919 года, после чего был устранен, по имеющимся сведениям, за то, что отказывался отступать дальше на восток.

Перемен среди командиров отдельных частей в дивизии было много, и полных сведений собрать не удалось.

Командир 3-го Сайгатского полка - храбрый и энергичный полковник Журанов - был переведен на должность помощника командира 4-го Воткинского полка, которым командовал полк.Вольский - совершенно новый в дивизии офицер. Полк.Вольский командовал полком очень недолго. Бывший командир 4-го полка, доблестный штабс-капитан Болонкин, коренной Воткинец, был тяжело ранен 1-го января и эвакуирован

во Владивосток. Вернувшись в дивизию в июне, он получил в командование баталион.

Повидимому, выдвижения на должности в Воткинской дивизии носили случайный характер и не были в соответствии с заслугами назначаемых офицеров.

- о -

16. Наступление к Уфе.

Мартовское наступление было первым испытанием для Ижевцев в новых боевых условиях.

Перед наступлением был получен приказ Командующего Западной армией ген.Ханжина, специально обращенный к ним. Не доверяя Ижевцам и сомневаясь в их желании сражаться против красных, ген.Ханжин решил поднять их боевое настроение и указывал в приказе, что наступление приведет к освобождению Ижевска и они будут туда немедленно отпущены.

Этим приказом ген.Ханжин исключал Ижевцев из числа добровольцев, обязанных служить до конца. Ижевцы попадали в положение каких-то временно обязанных, которым разрешалось принять участие в военных действиях, но от которых было желательно избавиться.

Неосторожное и ненужное обещание ген.Ханжина Ижевцы крепко запомнили.

Несмотря на донесения полк.Молчанова, что настроение у Ижевцев превосходное и они с нетерпением ждут приказа о наступлении, ген. Ханжин продолжал сомневаться до последнего дня. Накануне наступления он приказал полк.Молчанову прислать ему краткую условную телеграмму: "пойдут" или "не пойдут".

Хорошо уже изучивший своих подчиненных и вполне уверенный в них, полк.Молчанов без колебаний ответил: - "пойдут".

6-го марта 3-й Уральский корпус, которому была придана Ижевская бригада, начал наступление из пункта сосредоточения на юг, в направлении на гор.Уфу.

Ижевцы рвались в бой. В первые же дни они разгромили красных, бывших перед ними, и начали неотступное преследование.

Враг не выдерживал ни одного удара. Если он был силен с фронта, обход с фланга или в тыл, обычно по глубокому снегу, решал участь боя.

Во время атаки одной деревни батальон бросился в незамерзшую горную речку и, по горло в ледяной воде, атаковал противника. Только выбив врага из деревни, они пошли в избы сушить свою одежду, обратившуюся в ледяную кору.

Пленные красноармейцы говорили, что не могут понять, как белые способны так быстро атаковать по глубокому снегу. У них прошел слух, что их противник движется на паровых лыжах.

"Не успеваю следить за орлиным полетом молодецкой бригады", - начинает свой приказ командир Уральского корпуса ген.Голицын.

Ежедневно было 3-4 боя. Наступавшие рядом соседи начали отставать.

Через семь дней бригада подошла на пол-перехода к гор.Уфе. Здесь, на фронте дер.Подмывалово - Красный Яр, произошли последние бои перед захватом Уфы.

13-го марта 1-й Ижевский полк получил задачу выбить красных из дер. Подымалово, а 2-й - из села Красный Яр.

2-й полк встретил упорное сопротивление у с.Красный Яр, но после двухчасового боя выбил красных из этого села.

Бой 1-го полка у дер.Подымалово был проведен быстро и очень удачно и посеял большую панику у красных в гор.Уфе, которые поспешно оставили город.

Подробности этого боя заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Деревню Подымалово, находившуюся в 12 верстах от Уфы, занимал 229-й стр.полк 26-й красной дивизии. Полк был совершенно свежий, державшийся в резерве для отпора противника у самой Уфы. Он насчитывал более 1500 бойцов и укрепился около деревни. Красные были так уверены, что им удастся отбить наступление белых, что весь обоз держали в самой деревне.

Утром 13-го марта 1-й полк, ночевавший в дер.Камышонка, начал наступление двумя батальонами: 2-м с фронта и 3-м в обход правого фланга противника, угрожая отрезать его от Уфы. 1-й батальон был в резерве. Полку был придан один эскадрон Конного дивизиона и батарея из четырех трехдюймовых орудий.

Когда 2-й батальон развернулся и начал наступление цепями, подойдя на одну версту к противнику, из дер.Камышонка прискакал ординарец и доложил командиру полка, что эту деревню, где были оставлены хозяйственная часть и обоз полка, захватил коммунистический отряд, появившийся со стороны с.Красный Яр.

Командир полка решает сначала выполнить задачу и разбить противника в дер.Подымалово, а потом действовать против врага, появившегося в его тылу. Но нужно ускорить выполнение задачи.

Батарее отдается приказ выдвинуться в цепи пехоты на открытую позицию и открыть усиленный огонь; 1-й батальон усиливает цепи 2-го батальона; эскадрону и конной разведке приказано приготовиться к атаке.

Ижевцы, увидя пушки в своих цепях, не дожидаясь команды побежали вперед с криками "ура". Командир полка во главе конных бросился вдоль дороги в атаку.

Участник боя вспоминает:

"Что получилось - трудно описать. У Ижевцев неописуемый подъем. Воля противника подавлена. Красные бегут на Уфу. Снаряды точно ложатся на дорогу и бьют бегущих. Конные доскакали до красных и остановились на момент - огонь своей же артиллерии преградил дорогу. Артиллерия прекращает огонь и мчится в Подымалово. Противника преследуют на 5 верст в сторону Уфы. Красноармейцы с поднятыми руками возвращаются обратно и толпами сдаются."

У Подымалова было взято в плен 1280 человек, в том числе командиры всех трех батальонов, несколько комиссаров, захвачено 16 пулеметов и весь обоз 229-го полка с большим количеством патронов, запасов обмундирования и обуви, продуктов и фуража.

Успел бежать в Уфу командир полка с небольшою горстью своих бойцов.

Разгром красных произошел очень быстро и с небольшими потерями в 1-м Ижевском полку.

Когда наш успех был налицо, командир полка послал две роты на

дер.Камышонку, которые выбили оттуда отряд коммунистов и освободили наших пленных.

Отличные действия всего состава 1-го полка и приданных ему артиллерии и конницы в бою у Подымалова не являются исключением. Они выказывались Ижевцами не раз в течение операции в эти дни мартовского наступления. Но здесь также обращает на себя внимание мужественное решение командира полка - сначала всеми силами разгромить главные силы врага и выполнить поставленную задачу, а потом уже заняться противником, прорвавшимся в тыл и захватившим полковой обоз. Решение, доступное военачальнику высокого класса, обладающему верным глазомером и твердой волей.

В то время, как шли бои у Подымалова и с.Красный Яр, конный разъезд Ижевцев проник к железной дороге западнее Уфы и включил телефон в провода, по которым красные в городе вели разговоры со своим тылом.

Выяснилась полная паника в рядах красных и растерянность среди их командного состава.

Полковник Молчанов донес об этом ген.Голицыну и просил разрешения атаковать Уфу с запада. Уфа не входила в полосу наступления Ижевской бригады, но паника у противника и успешное движение бригады впереди остальных частей корпуса давали возможность использовать положение и захватить город ранее намеченного срока.

Но честь захвата Уфы должна была принадлежать, по заранее разработанному плану, шефскому Уральскому полку, наступавшему левее Ижевцев.

Генерал Голицын отказал полк.Молчанову в его просьбе, а вместе с тем просил и молил не атаковать Уфы.

Уфа была захвачена позднее, чем это было возможно. Но 25-й Уральский полк, вошедший в город с севера, должен был разделить свои лавры с частями 11-й Уральской дивизии, наступавшими с востока и вошедшими в город одновременно с северной колонной.

Первые боевые действия Ижевцев в составе Западной Армии, под блестящим руководством полк.Молчанова, показали превосходное качество бригады и получили общее признание.

Также вполне оправдалось желание начальника бригады не торопиться с заменой молодых и, как предполагалось, неопытных начальников в малых чинах более опытными офицерами с авторитетом прошлых заслуг.

Гражданская война имеет свои особенности и, в том числе, предъявляет свои требования к командному составу. Борьба идет не для защиты Родины от нападения внешнего врага, а, в коротких словах, за установившиеся государственные и общественные порядки против новых, обычно разрушительных идей.

Настроение борющихся масс меняется, и "перелеты" из одного лагеря в другой - обычное явление.

Начальнику мало иметь авторитет,хотя бя и вполне заслуженный. Необходимо получить полное доверие от своих подчиненных, и тогда моральная устойчивость будет сильна. Не только при временных неудачах, но даже и при крушении всей борьбы рядовой состав армии идет до конца за начальником, заслужившим доверие, и готов на предельные подвиги и самопожертвование.

Молодые командиры Ижевских частей выдвинулись на свои посты ходом событий - "война родит героев". Для выяснения вопроса об их

"неопытности" полк.Молчанов дал им возможность показать свои способности управлять боем. Он действовал здесь очень осторожно и осмотрительно и не ошибся. Поэтому, хотя командир 1-го полка и получил предупреждение, что он может быть заменен, - теперь, когда он блестяще выдержал экзамен, в этом отпадала необходимость. Пор.Михайлов с большим искусством командовал своим полком и прошел с ним весь Сибирский поход до Забайкалья. Командир 2-го полка пор.Ляпунов хорошо руководил боевыми действиями своего полка и был вполне на своем месте. Он был тяжело ранен в октябре на р.Тобол и умер через несколько дней.

Командир артиллерийского дивизиона пор.Кузнецов оказался выдающимся артиллеристом. Его любили в бригаде за своевременную поддержку в бою и ценили необыкновенную способность точно и быстро определять расстояние до целей. Он часто открывал огонь на поражение без пристрелки.

Единственным начальником, оказавшимся не вполне на своем месте, был командир Конного дивизиона. Он был заменен командиром эскадрона прапорщиком Багиянцем. По происхождению турецкий армянин, он прибыл на завод для закупки винтовок, но события в России и восстание на заводе лишили его возможности вернуться на родину. Он быстро овладел русским языком, принял горячее участие в восстании и отличался большой смелостью, хотя и не всегда разбирался правильно в обстановке. С Ижевцами он провел все походы и с ними же отступил в Китай. При нападении хунхузов на ресторан, где он работал, Багиянц уложил из револьвера несколько грабителей. Когда он был ими убит, разъяренные хунхузы распороли его живот и обмотали убитого его же кишками.

А.Ефимов.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

ТОСКА ПО РОДИНЕ.

Звону дальнему тихо я внемлю
У Днестра, на зеленом лугу,
И Российскую милую землю
Узнаю я на том берегу...

А когда засыпают березы
И поля затихают ко сну...
О, как сладко, как больно сквозь слезы
Хоть взглянуть на родную страну...

А.В.

- - оОо - -

НЕПРИМИРИМОСТЬ И НЕИЗМЕННОСТЬ.

На Февральскую революцию часть России (офицерство в особенности) ответила негодованием - то ли на самое революцию, то ли на ее несвоевременность, - а на Октябрьскую революцию реагировала крепким негодованием. Но негодование и даже крепкое негодование - это лишь слова. Негодование превратилось в непримиримость, то есть в действие, через 8 дней после Ленинского Октября: Алексеевский Ноябрь (2/15 ноября 1917 году - воззвание генерала Алексеева) вооружил негодование и преобразил его в боевую непримиримость.

Непримиримые к большевизму, психической эпидемии, и к марксизму, злодейской утопии, и ко всему, что поднялось против России, мы ровно три года дрались за Россию: от 2/15 ноября 1917 г. до 1/14 ноября 1920-го. Покинув Родину, мы увезли с собою два клада: идею России и нашу непримиримость к тем и к тому злу, какие овладели Россией. За рубежом непримиримость-оружие мы сменили на непримиримость-слово, сделали слово своим оружием: каждый зарубежник, где бы он ни жил, твердил каждому туземцу о коммунистической опасности, и в результате нет ни одного антикоммунизма на свете, в котором не было бы всходов наших белых семян. Славна наша непримиримость!

Ее не поколебали евразийцы, ни младороссы, ее не смутил совпатриотизм в сороковых годах, а зазывания Комитета за возвращение на Родину были бессильны, как мягкая пуля против твердой брони. Но в последние годы смерть вырвала многих из наших рядов, а старость несколько ослабила дух; дух же сменяющих нас поколений не имеет той закалки, какую в боях приобрели первопоходники, корниловцы, марковцы, дроздовцы - только в молодых корпусниках чувствуется крепость, сходная той, какой отличались воины генералов Корнилова, Маркова, Дроздовского, - и стало в военной части Зарубежья, как и в гражданской его части, обнаруживаться скольжение в ново-совпатриотизм. Можно, не осуждая, жалеть совпатриотов 40-х годов, под действием тоски по Родине поверивших розовым обещаниям Кремля и жестоко разочаровавшихся. Но их горький опыт должен был бы предостерегать ныне от доверия к "добродушию" Хрущева и к "либерализму" Брежнева-Косыгина. Ново-совпатриотизм непростителен, и мы, неизменные в непримиримости, осуждаем его.

Но неизменны ли мы все? Неизменно ли мы следуем заветам наших Вождей? Не проникают ли в нашу среду мысли, нарушающие нашу неизменность: не под тем знаменем шли... правильны ли были наши оперативные цели?...

Нет! Мы остаемся неизменными: другого знамени, кроме бело-сине-красного, не могло быть, другого лозунга, как "Единая, неделимая", не могло быть, другого направления, как на Москву, не могло быть.

А вот теперь нам предлагают кое-что изменить: считать, что Гражданская война была не Гражданской войной, а Освободительной войной. Так с настойчивостью пишет один военный публицист (чина его и его войсковой части не знаю), уверяя, что уже принято говорить "Освободительная война" про боевые события 17-20 г.г.

Несколько лет тому назад была в печати выдвинута мысль, для Белой Борьбы оскорбительная, что наше воевание было интервенцией Антанты. - Что значат несколько присланных нам танков и несколько

вагонов обмундирования и кратковременная активность чехов на Волге по сравнению с тем р у с с к и м духом, который поднял офицерство на Юге, на Востоке, на Западе и Севере России? Что значат британские броненосцы в наших тыловых портах по сравнению с тем великолепным р у с с к и м воинским порывом, с каким мы шли на Москву? Не было вмешательства Антанты - было лишь ее "мешательство" нам.

Высказывалась мысль, что и на красной стороне была интервенция, потому что русский народ в войне не участвовал. Это изумительное утверждение подкреплялось еще более изумительным подсчетом: из трехмиллионного состава Красной армии было столько-то китайцев, столько-то латышей, венгров, украинцев и два миллиона дезертиров (!), а русских не было. - Язык немеет, не может возражать, рука немеет, не может писать опровержение.

А теперь новая мысль: не Гражданская война, а Освободительная. Что означало бы такое название? Насмешку над нами: хотели освободить Россию от Ленина и не осилили. Или оскорбление нас: красные освободили страну от белых.

Останемся неизменными во всем, что относится к почитанию Белой Борьбы и того, что во имя России в Гражданскую войну совершили мы вместе с нашими павшими в боях соратниками и с теми, кто умер в Зарубежье. Будем в том так же неизменны, как неизменны мы в нашей священной непримиримости, возникшей по слову генерала Алексеева и по делу генерала Корнилова, непримиримости, прославившейся Первым походом, Вторым походом, походами на Царицын, Киев и Москву, выходом из Крыма в сев.Таврию; непримиримости, освященной смертью и кровью сотен тысяч непримиримых к коммунизму русских воинов.

Полк. Месснер.

- - оОо - -

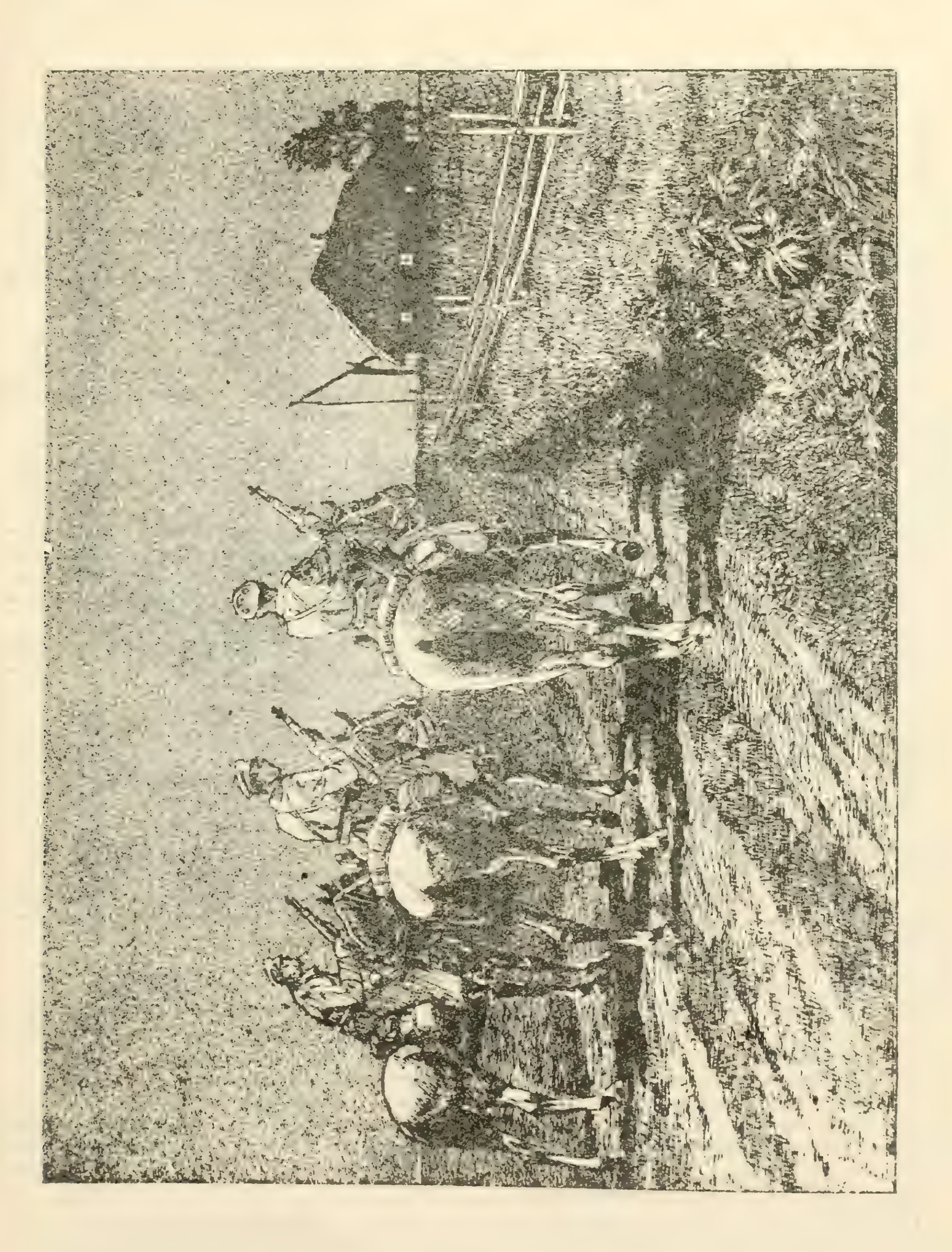
ЗА "ЯЗЫКОМ".

Разъезд, спускаясь извилистыми тропинками по косогору, вышел из леса. Перед самым носом неожиданно открылась глубокая неровная долина, по которой кучками лепились тонущие в зарослях конопли, лебеды и бурьяна крестьянские избушки, как воробьи по березам в теплотихий летний вечер. Казаки рассыпались и снова нырнули в гущу леса. По молчаливому сигналу Сибирцы собрались около командира - насторожились. Пытливо суровый взгляд обдает станичников каким-то щиплющим чувством, возбуждающим кровь и заставляющим энергично биться сердце, а звездо-подобные огоньки его глаз взбудораживают душу и жгут ее больно - приятным жаром; рефлекторно сокращаются мускулы рук и крепко сжимают рукоять шашки.

Казаки понимают командира без слов и подъезжают всем взводом.

- Не все... достаточно трех, - говорит он и отдает приказание разведать деревню, в которой засели красноармейцы, и привести "языка" - красноармейца, а в крайнем случае - крестьянина.

Молодые станичники сходят с коней, спешно подтягивают ослабленные подпруги седел и "мимоходом" обмозговывают приказание. Худые лошади, с изъезженными острыми и побитыми спинами от усиленных переходов без отдыха - жмутся от боли и злятся, ибо ремни непосредственно давят на тощие, с дряблыми мышцами бока.

Через минутный период казаки спускаются в долину по ложбинкам, канавкам и низеньким кустарникам.

Уже близко... От деревни их отделяют только огороды. Слышно, как кричат в ближайшем дворе люди, кажется, дерутся или ссорятся, русские слова перемешиваются с иностранными, плачут женщины и дети, брящает цепью и отчаянно лает собака. На улицах деревни пустынно и мертво, как в зимнюю метель. За вырвавшимся из подворотни поросенком, испуганно озираясь, выбежал чумазый мальчишка и тотчас же, как только увидел казаков, шмыгнул в калитку.

Признак верный присутствия красных, но где же они?

Станичники по лисьи крадутся у жердяной изгороди, скрываемые с двух сторон мохнато-зеленою, рослою коноплей. Вот забор, за ним избушка, другая. Надо забыть о собственной жизни, сделать моментальный налет на первого попавшегося красноармейца.

Тишина подозрительная. Кони настораживают уши, вздрагивают и замедляют ход, словно ноги их связаны веревками или опутаны травою. Тупо звякнул за забором какой-то металл, за ним неожиданно "залаяли" от двух заборов пулеметы, над головами станичников пронеслась туча свинца, наполняя атмосферу злорадно-жутким свисто-напевом. Потом свинцовые пчелы зашлепали и запылили по дороге, сбили с казака фуражку, впились некоторым в седла. Две лошади бешено поднялись на дыбы и тотчас грохнулись на землю; фонтаны крови заструились из маленьких пулевых пробоин, примочили траву и дорожную пыль.

В заборах оказались вырезанные гнезда для пулеметов, прикрываемые высоким густым бурьяном, а несколько далее протянулись красноармейские окопы.

Высыпали красные на улицу, десятка два их побежало во фланг станичникам. Защелкали винтовки. Казаки кинулись в рытвинку, которая змеилась от деревни почти до лесу.

Конь казака Семенова был еще жив, и стоны его, похожие на стоны человека, магически приковали станичника на месте. Конь подымал голову, страдальческими глазами смотрел на хозяина и пробовал ржать; но у него только беспомощно вздрагивали губы. Семенов направил на четвероногого друга винтовку, но чувство жалости пронзило все его существо - казак выпустил винтовку и крупные слезинки скатились из его глаз. Быть может, он стал бы помогать коню подняться или перевязывать раны, если бы не отрезвили его голоса:

- Один здесь...

- Держи его, ребя...

Пулей полетел казак из деревни, а по его пятам гналась свора красных. Метнул станичник гранату. Сердито ухнула она перед преследовавшими, остановила и расыпала их. Послышались вопли.

Видят красные, казака руками не взять, поручили это сделать винтовкам, пулеметам и пошли сыпать всем фронтом по косогору вплоть до леса. Долго стреляли красные в станичника, который давно уже был в безопасной зоне; казака не взяли, только обнаружили позицию и почти детально численность винтовок и пулеметов, потому никакой надобности в "языке" уже не было.

Иустин Романико
(Из боевой жизни Сиб. каз.
Ермака Тимофеева полка).

- - oOo - -

В.Альмендингер.

"ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ДОСТОВАЛОВ НЕ БУДЕТ ЗНАТЬ ВРЕМЕНИ НАЧАЛА АТАКИ".

(Воспоминания)

Читая книгу "Марковцы в боях и походах за Россию", книга 2-ая, на стр.90 я обратил внимание на слова, сказанные ген.Тимановским перед взятием Курска в 1919 году. Он сказал, как записал полк.Битенбиндер, начальник штаба 1-й дивизии: "Я даже доволен, что атака будет проведена без согласия ген.Кутепова. По крайней мере Достовалов (нач.штаба корпуса) не будет знать времени начала атаки." Прочтя последнюю фразу (подчеркнуто мной. В.А.), мне невольно вспомнился конец декабря 1917 г. и начало января 1918 г. в Симферополе (Крым).

Известно, что в это время в Крыму было неспокойно и каждый момент можно было ожидать перехода власти в руки большевиков. Крым был отрезан от своего военного центра в Одессе, и в Симферополе был организован (в рамках краевого татарского правительства) Штаб Крымских Войск, во главе которого стоял военный министр краевого правительства адвокат Сейдамет. У него начальником Штаба был ген.штаба полковник, фамилии которого я, к сожалению, не помню. Ближайшим же помощником Начальника Штаба был ген.штаба полковник Достовалов. Штаб Крымских Войск помещался в Офицерском Собрании Крымского Конного полка. Вот здесь совершенно случайно и неожиданно для меня произошло знакомство с полк.Достоваловым, о роли которого в эти дни мне и хотелось бы рассказать.

Очутившись в Симферополе 18 декабря 1917 г. по месту своего происхождения (согласно приказа Штаба Одесского Военного округа), я был зачислен в 33-й пехотный запасный полк, но там никакого особого назначения не получил. В сочельник вечером я отправился в гимназическую церковь на Екатерининской улице. Падал снег. Не доходя церкви, в темноте, меня кто-то окликнул. Смотрю - поручик Козин, офицер Брестского пех.полка, который был со мной короткое время в запасном батальоне в Харькове в декабре 1914 года; с того времени я с ним не встречался и был поражен, как он после трех лет и в темноте мог узнать меня. Разговорились об общем положении, и он мне сказал: "Завтра утром в собрании Крымского Конного полка будет собрание офицеров. Приходи". По какому случаю и кто собирал офицеров, он не мог мне объяснить.

Учитывая неясное положение в Симферополе (я приехал из Орехова, где стоял запасный полк моей 4-й стр.дивизии), я решил пойти на это собрание, тем более, что жил совсем недалеко.

Утром 25-го декабря, придя в офицерское собрание, в комнате направо от входа я увидел группу офицеров человек в десять (все штаб-офицеры). Зайдя туда, я встретил там знавших меня еще перед войной полк.Харагезяна и полк.Готшалька (оба - офицеры 51-го Литовского полка). У них я осведомился о собрании офицеров. Они ничего о собрании не знали, но сказали, что они позваны сюда, но для какой цели - им неизвестно. Было впечатление, что были приглашены только штаб-офицеры, и я, будучи штабс-капитаном, решил уходить. Они, однако, настояли, чтобы я остался. Ждали мы часа полтора - никто никого никуда не звал и никто не приходил. Вдруг в дверях поя-

вился элегантный, одетый с иголочки, ген.штаба полковник. Представился - полк.Достовалов. Он объяснил, что собрал присутствующих по очень важному делу и, так как эта комната не была удобна для разговоров, предложил пройти с ним на хоры в главном зале, где можно будет спокойно обсуждать. Большой главный зал собрания был занят разными отделениями Штаба - вдоль стен стояли столы, за которыми работали офицеры и писаря.

На хорах, занявши места вокруг стола, началось первое заседание. После представления каждого из присутствующих, полк.Достовалов начал объяснять вопрос, по поводу которого совещание было созвано. Прежде всего бросилось в глаза обстоятельство: совершенно случайный состав участников совещания (как я, например). Суть вопроса была в следующем: Крым в настоящее время является отдельной военной единицей, так как отрезан от Штаба Округа в Одессе; в Крыму пока что у власти Краевое правительство, однако, большевики, особенно в Севастополе, развивают большую пропаганду между рабочими и матросами, и можно ожидать, что в скором времени они постараются взять в свои руки власть в Крыму; войск, верных правительству или, вернее, надежных в случае восстания, в Симферополе или в других городах Крыма почти нет - в Симферополе была часть Крымского Конного полка, прибывшего с фронта, и запасные полки, но на них надеяться трудно. Учитывая такое положение, Штаб решил организовать из числа надежного населения своего рода "самооборону". Как это организовать и как провести в жизнь - предстояло решить нашему собранию. Здесь необходимо заметить, что все присутствовавшие были офицеры с фронта, прибывшие в Крым сравнительно недавно, мало знакомые с обстановкой тыла, а некоторые не были даже уроженцами Крыма. На этот, по нашему мнению, недостаток сразу же было обращено внимание полк.Достовалова. Но положение было серьезное, и нужно было что-то делать!

Ежедневно в течение семи-десяти дней, по несколько часов в день, в совещаниях разбирались все возможные способы организации - говорилось очень много, особенно Достоваловым, и в результате была принята и одобрена Достоваловым и Штабом схема создания так называемого "Ополчения защиты народов Крыма". Между прочим, только для выбора соответствующего названия было истрачено около двух заседаний - оно должно было не только отвечать времени и своему назначению, но быть и "импонирующим". Схема была такова: во главе "Ополчения защиты народов Крыма", как его начальник, становится полк.Достовалов; начальником его штаба назначается полк.Готшальк (он был старший по возрасту); организация распространяется на всю территорию Крыма и делится на Отделы (район Отдела - уезд); во главе каждого Отдела становится один из нас, отправляется в уездный город и там проводит организацию в жизнь. Организация на местах должна проводиться следующим образом: в распоряжение начальника Отдела выдается необходимое количество винтовок и патронов; указывается место для его центра; прибывши на место, начальник Отдела, при посредстве местных властей, должен найти среди населения подходящий элемент, обучить владению оружием и, в случае возникновения беспорядков (восстаний), использовать набранных "ополченцев" в помощь местным властям. Когда схема была принята и утверждена, очень большую заботу проявил полк.Достовалов по отношению к вопросу формальному - какого рода печати и штемпеля мы должны иметь, отправляясь на места. Затративши много времени на обсуждение этого вопроса, штемпеля и

печати были заказаны (события, однако, опередили их изготовление). Дальше встал важный вопрос, кто из нас примет какой уезд: в результате это было предоставлено выбрать каждому. Здесь следует сказать, что никто из нас не мог себе точно представить детали предстоящей работы: общее и политическое положение в тот момент в каждом уезде было различное, а объяснения обстановки в уездах получить от Достовалова не было возможно. Я лично, например, выбрал Евпаторийский уезд. Почему? Только потому, что в Евпатории имел знакомых. Так делали и другие. Приблизительно 5-го или 6-го января подполковник Х. (фамилии не помню - туркестанский стрелок), выбравший Феодосийский уезд, получивши документы и все необходимое, отправился к месту своего назначения в Феодосию. Но... через два дня он возвратился обратно с сообщением, что сделать что-либо там невозможно. Этого, конечно, можно было ожидать.

Сразу после приезда подполк.Х. стало ясно, что все задуманное, на что было затрачено много времени и труда, была мера с негодными средствами: делалось Штабом (полк.Достоваловым) только для того, чтобы что-то делать. Ведь Штабу должна была быть известна общая и политическая обстановка, а та была в тот момент совершенно неподходящая для создания новой сложной организации, как народное ополчение. Для такой организации было необходимо прежде всего время, такового уже не было. Ведь офицер, принявший Отдел (уезд) должен был быть знаком не только с общей обстановкой, но, главное, он должен был иметь время для ознакомления на месте с администрацией, состоянием населения, выбором надежных лиц, выбором надежных помощников и т.п. Никакой ориентировки о положении Достовалов не давал и, повидимому, и сам Штаб был ориентирован о всем весьма плохо (умышленно или по небрежности), что показали последовавшие через несколько дней события. Крым и, в частности, Симферополь были уже на вулкане событий. В Севастополе у власти уже были большевики.

В Симферополе в конце декабря начали формироваться три офицерских роты. События стали развиваться быстрее, чем нам, рядовым офицерам, представлялось. В Штабе, казалось, работа проходила нормально; нам, офицеров "ополчения", отъезд на места назначения задерживался, но было приказано являться ежедневно в Штаб к полк.Готшальку за получением информации.

Утром 10-го января, как всегда, я явился в Штаб, и полк.Готшальк сообщил новое распоряжение: полк.Достовалов приказал офицерам "ополчения" нести дежурство на жел.-дорожной станции Симферополь с целью контроля поездов, проходящих с севера на юг и обратно, и это - несмотря на присутствие на вокзале коменданта станции. Дежурный подчинялся непосредственно Штабу. В этот день к полк.Готшальку явился только один я, и он сейчас же предложил мне к 12 часам отправиться на вокзал и сменить находившегося там с прошлого дня капитана К. (фамилию точно не помню). Здесь мне пришлось быть свидетелем нового "действа" Штаба (полк.Достовалова).

В назначенное время я прибыл на вокзал, и капитан, передавая мне дежурство, сообщил, что с севера идет товаро-пассажирский поезд, в составе которого есть один вагон со снарядами и аммуницией и несколько пассажирских вагонов с большой группой матросов. Он сообщил уже об этом в Штаб, и оттуда получено приказание: поезд задержать перед мостом через Салгир, вагон со снарядами разгрузить там, а по

приходе поезда на станцию всех матросов высадить и задержать (арестовать). Для ареста матросов дается в мое распоряжение станционная комендантская команда человек из 15-ти. Разгрузка вагона была произведена особой командой, посланной из Штаба.

Вскоре дежурный по станции чиновник сообщил, что вагон со снарядами уже разгружен и что поезд направляется на станцию. Комендантская команда вышла на платформу, и поезд медленно подошел к станции. Немедленно солдаты комендантской команды (все татары) начали выводить из вагонов матросов, которые, ничего не понимая, беспрекословно выходили и были собраны в зале 3-го класса. У входов в зал были поставлены часовые, и я немедленно доложил в Штаб полковнику Готшальку по телефону, что приказание исполнено: матросы, около 150 человек, задержаны и находятся под охраной в зале 3-го класса. Матросы были спокойны и недоумевали, почему их задержали: большинство из них возвращалось в Севастополь из отпуска, остальные, матросы Балтийского флота, сопровождали вагон со снарядами. Все матросы имели соответствующие документы. Минут через десять после моего доклада пришло приказание Штаба: задержанных матросов отправить в Штаб, для конвоирования их посылается полуэскадрон Крымского Конного полка. Действительно, минут через двадцать прискакал полуэскадрон и выстроился на площади перед вокзалом. Матросы были выведены на площадь, построены и переданы в распоряжение командира полуэскадрона, который, окружив, повел их в казармы Крымского Конного полка.

Не прошло, вероятно, и часа, как звонит телефон из Штаба: "Почему вы послали матросов в штаб?" - Отвечаю: "Согласно вашего распоряжения". (Ведь конвой-то был послан из Штаба!). На это последовал следующий ответ из Штаба: "Матросы возвращаются на станцию, держать их там и с первым поездом, отходящим на север, выслать их из пределов Крыма. Ждите дальнейших распоряжений". Ничего не было понятно! Матросы, прогулявшись в Штаб и обратно, возвратились в подавленном настроении. Посоветовавшись с комендантом станции, я выяснил, что первый поезд (товарный) будет ночью. Матросы были обеспокоены тем, что их высылают на север, а не пускают в Севастополь - сроки их отпусков и командировок иссякали. К вечеру было получено дальнейшее распоряжение: отобрать у всех матросов документы (отпускные билеты и командировочные предписания) и сделать на них, за подписью коменданта станции, пометку, что "по распоряжению Штаба Крымских Войск высылается на север из пределов Крыма". Документы были отобраны, и мы занялись исполнением распоряжения - делать пометки. Интересно, что матросы вели себя сравнительно спокойно,сильных возражений не было слышно, проявляли, однако, недоумение. Около 2-х часов ночи матросов вывели на платформу, разместили по вагонам поезда, отходившего на север. Солдаты комендантской команды наблюдали, не позволяли матросам покидать вагоны (вагоны не были заперты). Здесь необходимо отметить, что на мой вопрос в Штаб - будет ли сопровождать поезд до пределов Крыма какая-либо охрана, был получен ответ - нет. Ответ был более, чем странный. Поезд тронулся, и мы пока что вздохнули свободно.

Этот эпизод был очень характерный для распорядительности и порядка в Штабе: зачем было арестовывать матросов? Зачем было их водить без цели через весь город с вокзала в Штаб и обратно? Зачем было их высылать из пределов Крыма в открытых вагонах и без какой-

либо охраны? Зачем все это было нужно? Видно было, что там не только не понимали обстановку, но, что очень важно было в то время, последствий своих распоряжений *). Слухи уже были, что Севастополь в руках большевиков и что со дня на день можно ожидать их наступления на Симферополь. Штаб же действовал так, как будто ничего этого не знал - было ли это невежество или преступление?

На другой день, смечившись, я явился в Штаб к полк.Готшальку, доложил ему о происшедшем и выразил удивление такой неразберихе. В Штабе в этот день выглядело нормально - особой тревоги заметно не было. В городе же, однако, уже начали ходить разные слухи и чувствовалось какое-то напряжение, как будто что-то готовилось.

12-го января утром я, как обычно, отправился в Штаб, и полк. Готшальк передал новое распоряжение Штаба, что все офицеры, прикомандированные к Штабу, ввиду напряженного положения в городе, должны сегодня к вечеру явиться в здание семинарии, где, получив винтовки и патроны, остаться ночевать и таким образом составить новую (4-ую) офицерскую роту. В это время уже две офицерских роты под командой кап. Н.Орлова выступили в направлении Алушта-Ялта для отражения высадившихся там большевиков. Видимо, наступал кризис. К вечеру была вызвана по тревоге 3-ья офицерская рота и отправлена на ст.Альма для отражения наступавших со стороны Севастополя матросов.

Настало 13 января - день развязки - ночью на 14-ое власть в Симферополе перешла в руки большевиков. Дни эти остались в памяти очень остро, несмотря на прошедшие годы.

Как было приказано, я в числе других офицеров отправился в семинарию - нас было только человек 40-50 (в Штабе было гораздо больше), офицеры всех родов оружия. Получили винтовки и сравнительно спокойно переночевали. Утром в 7 часов - тревога и приказ немедленно прибыть в Штаб Крымских Войск (офицерское собрание Крымского Конного полка) для охраны Штаба. По прибытии роты в Штаб, полк.Готшальк, передавая распоряжение полк.Достовалова, приказал подполк. Ковалеву (молодой - одного из стрелковых полков) составить караул для охраны Штаба. Я был назначен разводящим, а для занятия постов были назначены младшие офицеры. Выбраны были места постов (около 8-ми), и часовые немедленно были разведены по постам.

Что же делалось в это время в Штабе? Наше "караульное помещение" находилось в вестибюле собрания, так что мы могли наблюдать все происходящее. В зале, где были все отделы Штаба, офицеров почти не было. Во дворе казарм начали собираться добровольцы - гимназисты и реалисты; им раздавались винтовки и указывалось, как нужно с ними обращаться. Появились сестры милосердия. Крымцы были куда-то посланы. Медлечно проходило время. Были слышны одиночные выстрелы в городе, но никаких положительных сведений о положении в городе не было (собрание Крымского Конного полка расположено было на окраине города). После 12 часов, однако, начала быть заметной растерянность в Штабе. Первое, что бросилось нам в глаза - это полк.Достовалов, до сего времени щеголявший формой ген.штаба полковника с аксельбантами, появился в штатском костюме коричневого цвета и весьма простого типа. Зал стал пустеть, и в комнате Начальника Штаба

---

*) Матросы доехали до ближайших станций (Сарабуз, Курман-Кемельчи) и выступили из вагонов (об этом мы узнали позже, когда уже было поздно).

жгли бумаги. Во дворе казарм стало меньше суеты и еще меньше людей. Чины нашего караула под разными предлогами (пообедать и т.п.) стали исчезать, и караул постепенно таял. В результате с подполк.Ковалевым осталось только несколько человек, и уже некого было разводить по постам. От высших чинов Штаба - никаких распоряжений или указаний. Около 4-5 часов, видя происходящее, мы с подполк.Ковалевым пошли в зал определить обстановку, и что же мы нашли? Помещение Штаба пусто, из начальствующих лиц никого, в зале - никого, кроме пор.Высочина, пулеметчика, с пулеметом на балконе. Охранять уже было нечего, да и не с кем. Посоветовавшись, распрощались и отправились домой и мы. Так кончился для нас трагический день 13-го января.

Что же происходило в этот день в других местах Крыма? Две офицерских роты, посланные Штабом в Алушту-Ялту, были матросами отбиты, и вот как один из участников этого похода вспоминает: "Операция интересная. Достовалов предал нас большевикам еще при возвращении домой в Симферополь". Рота, посланная на ст.Альма, 13-го января с другими частями приняла бой с матросами, и вот, описывая этот бой, один из участников пишет: "На рассвете пошли дальше. Нас догнал автомобиль с полковником ген.штаба с профилем Наполеона. Распоряжался, точно у него был по меньшей мере корпус". Из Евпатории шел на помощь отряд полк.Выграна, но не дошел - его встретили большевики раньше.

14-го января Симферополь полностью был во власти большевиков. Начались аресты офицеров, расстрелы (мой отец и старший брат погибли в эти дни) и т.п. Кто же из офицеров пострадал? - В большинстве - рядовое офицерство. Где же были руководители Штаба? Адвокат Сейдамет скрылся заблаговременно и, как говорили, убежал в Турцию. О начальнике штаба полковнике (фамилии не помню) не знаю ничего. Полк.Достовалов уехал, как говорили, на север с каким-то "мандатом". Благополучно он доехал до Москвы - в феврале и марте мы читали его военные обзоры в московской газете "Русское Слово". Значит, была правда - он был на севере, в центре большевизма, в Москве и подписывал свои статьи своим собственным именем.

На этом кончилось мое первое знакомство и первая встреча с полк.Достоваловым - встреча и воспоминания не в пользу этого полковника ген.штаба. Пришлось мне в том же 1918 году встретиться с Достоваловым в Симферополе второй раз, но уже при несколько иных обстоятельствах.

В апреле 1918 года Симферополь был оккупирован германской армией. Местное офицерство организовалось в "Общество взаимопомощи офицеров" под председательством кап. Н.Орлова. При Обществе было "бюро труда", на обязанности которого были регистрация и учет местного и пришлого офицерства (не столько для приискa труда, как для организации офицерства). Подобные же Общества существовали и в других городах Крыма, с которыми мы поддерживали связь. Приблизительно в августе месяце в канцелярии совершенно неожиданно передо мной (я был заведующим "бюро труда") появился полк.Достовалов. Хотя он был в штатском костюме и я его не видел с января, узнал я его сразу. Он объяснил, что не будет записываться в наше Общество, но хотел бы поступить в подобное Общество в Балаклаве, занимавшееся рыбной ловлей. В этот день кап.Орлова в канцелярии не было, и я предложил полк.Достовалову прийти на следующий день для переговоров с председателем. Орлова я предупредил о Достовалове, вспомнив январь.

После разговора в кабинете Орлов дал Достовалову письмо в Балаклаву. Содержания их разговора я не знаю.

С этого дня полк.Достовалова я не видел, ничего не слышал о нем и не предполагал, что услышу о нем в 1920 году.

В августе 1920 года с полком в составе отряда ген.Бредова я вернулся из Польши в Крым. Вскоре, читая газету, я наткнулся на какой-то приказ или объявление Штаба 1-й Армии и, к своему удивлению, под подписью Командующего Армией ген.Кутепова увидел подпись Начальника Штаба Армии - ген.майор Достовалов. Это был тот же Достовалов. Невольно при этом вспомнился 1918 год.

Ноябрь 1920 года. Кончился Крым, началось Галлиполи. Достовалов за отличие производится в генерал-лейтенанты и исполняет обязанности Начальника Штаба 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Вдруг... в первых месяцах 1921 года узнаем, что ген.Достовалов ушел самовольно или убежал из Галлиполи на север, то есть позорно покинул свой ответственный пост Начальника Штаба корпуса. Впоследствии стало известно, что Достовалов стал "сменовеховцем", если и не ставшим на службу, то во всяком случае сочувствующим большевикам. Есть сведения, что во время одного процесса в Женеве ген.Достовалов выступал от большевиков, как свидетель о "зверствах" Добровольческой Армии. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

На этом я кончаю свои воспоминания далекого прошлого; прошлого, которое всколыхнули слова ген.Тимановского.

Не знаю, как начинал военную службу Достовалов; не знаю о его службе по генеральному штабу во время Великой войны и, особенно,во время революции, но его поведение в начале 1918 года в Крыму не говорило в его пользу. Не знаю, когда он прибыл в Добровольческую Армию и когда и при каких обстоятельствах он стал Начальником Штаба ген.Кутепова, доблестного генерала без упрека, но слова ген.Тимановского перед взятием Курска (приведенные в начале) наводят на размышления. Не были ли они словами недоверия, подозрительности? (я их понимаю так). Побег из Галлиполи усугубил подозрения. Поведение же Достовалова в 1918 году, пожалуй, несколько освещает его личность.

Д о п о л н е н и е.

Воспоминания о ген.Достовалове, всколыхнутые словами ген.Тимановского, я имел в виду составить еще до прочтения книги "Марковцы", связывая его побег из Галлиполи с поведением его в 1918 году. Тогда уже у меня сложилось подозрение о личности Достовалова. Прочтя же слова ген.Тимановского, это подозрение как бы подтверждалось. Однако, не желая ограничиться только своими личными воспоминаниями, которые, может быть, только частично освещают личность Достовалова, я обратился к ген.штаба полк. Б.Н.Сергеевскому с просьбой дополнить мои сведения. Полк.Сергеевский любезно отозвался на мою просьбу и в письме дал мне дополнительные данные, которые еще более подтверждают мои подозрения. Ввиду большого интереса данных, относящихся ко времени службы Достовалова в Добр.Армии, привожу с разрешения полк.Сергеевского его письмо в целом:

"О ген.штаба генерале Достовалове.

"Достовалов на год старше меня по Константиновскому Артиллерийскому Училищу. В Училище он обращал на себя внимание по развратно-

сти, и были за ним и "не-товарищеские поступки". Будучи далек от юнкеров таких настроений, я не сохранил в памяти каких-либо определенных фактов.

" В разгар отхода Добрармии с линии Брянск-Орел-Камышин к берегам Черного моря Добрармия была переформирована в "Отдельный Добркорпус", во главе которого стал ген.Кутепов (до того командир 1-го Арм.корпуса). Штаб нового "Отдельного Корпуса" был составлен из чинов обоих Штабов - Штаба Добрармии и Штаба 1-го Арм.Корпуса. Таким образом Начальником Штаба остался ген.Ефимов (бывший Нач.Штаба Добрармии), "обер-квартирмейстером" стал Достовалов, а я (Нач.Связи Добрармии) остался в той же должности в Добркорпусе в непосредственном подчинении Достовалову, причем его бывший Нач.Связи (капитан не ген.штаба) стал моим помощником. Только теперь мне пришло в голову, что не совсем понятное приказание мне жить с моими бывшими чинами в тылу ("оснований" для этого было мне указано много) имело, может быть, и другие причины. На фронте же меня заменял мой "помощник"... Это было в январе 1920 года.

"В начале февраля Добркорпус имел огромный успех: мы вернули Ростов на Дону. Предполагался переход в наступление. Я получил телеграмму ген.Кутепова немедленно лично прибыть к нему. Всю ночь пробирался на паровозе: 30-градусный мороз и снежная буря. Утром был в Штабе Добркорпуса (ст. Каял). Немедленно потребовали к Командующему, только что вернувшемуся из Ростова. В мыслях о связи вперед, за Дон, предстал я перед Кутеповым.

" - Полковник, у меня всего две минуты времени. Какие меры приняты вами для обеспечения телеграфной связи в районе Таманского полуострова? - (то есть не вперед, за Дон, а возможна катастрофа таких размеров, что и в Новороссийск нам будет не отойти, а придется искать путей в Крым через Керченский пролив!!).

"Я доложил, что мною послано туда два телеграфных офицера - в Темрюк и Таманскую.

" - Спасибо. Но этого мало: это направление может стать для нас самым важным. Сейчас же уезжайте и никому ни слова! Никому здесь не являйтесь! (то есть - не являйтесь Достовалову!!)

"Это ведь то же, что и сказанное ген.Тимановским!

"В начале марта я пробыл несколько дней в поезде Штаба Добркорпуса. Из этих дней запомнился приезд к Достовалову его жены, маленькой брюнетки. Она расположилась в купэ своего супруга. Правда, кто-то рассказывал при этом, что супруга генерала крупная блондинка... но кому до этого какое дело? Через пару дней меня командировали со всем моим поездом службы связи назад в Новороссийск, а еще через два дня прибыл от Достовалова с очень важным секретным поручением ко мне офицер, который привез и "жену" Достовалова с просьбой мне отправить ее за границу и даже, если понадобится, - насильно. (В то время шла во всю эвакуация частных лиц в Константинополь). Я это выполнил, "насилия" не потребовалось, но формальности при выезде, конечно, упростились (Увы!). Между прочим, когда мне для улажения этого дела пришлось обратиться к начальнику местной контр-разведки, полковнику с незнакомой мне немецкой фамилие, то им оказался подчиненный мне по моей службе в Ставке (в 1917 году) офицер с русской фамилией в чине подпоручика, о смерти и погребении которого, от имени его жены, недели за две до того было объявление во Владикав-

казской газете. Он был удивлен нашей встречей не менее меня... Позднее он, под своим настоящим именем, был видным представителем Русской эмиграции в Берлине, был арестован германской полицией (до Гитлера) и сужден за шпионаж в пользу СССР. Впрочем, был оправдан...

"Как видите, сколько здесь было всяких непонятных "но" на всяком шагу!

"История с "женой генерала" имела продолжение. Одна моя знакомая, отходившая к Новороссийску тоже в поезде Штаба Добркорпуса и видевшая там эту "жену", оказалась вместе с нею в английском лагере на о.Лемносе и была свидетельницей, что эта "жена" открыла там ресторан с женской прислугой, который оказался и центром советской пропаганды и притоном разврата. Когда моя знакомая упрекнула "жену", как она, жена русского генерала, может стоять во главе такого учреждения, то она отрицала свое отношение к генералам, а узнав, что ее собеседница сама ее видела в поезде Штаба, очень смутилась и вскоре (может быть, и по другой причине) исчезла с Лемноса.

"К сожалению, я об этом узнал позже.

"Между тем, Достовалов продолжал давать материал для критики: Накануне Новороссийской катастрофы, когда требовалась его активная помощь в начинавшемся беспорядке при погрузке на суда, он "принимал" в течение нескольких часов "сестру милосердия", а когда, наконец, "стал свободен", он отказался принять ("за утомлением") своих чинов, в том числе и меня; вышел в оперативный вагон, лег на стол, положив под голову телефонный аппарат, и захрапел!...

"Через день, когда Штаб подплывал уже к Севастополю, после свидания в Феодосии с ген.Деникиным, Достовалов позвал меня и очень неприятным тоном сообщил, что ген.Деникин приказал Штабу Отдельного Добркорпуса переформироваться в Штаб обыкновенного корпуса. При этом из шести офицеров Ген.Штаба останется только три, остальные уходят за штат. Он решил оставить трех младших, а я и два других старших - свободны. (Мне, старейшему, было тогда 37 лет, так что дело было отнюдь не в престарелости).

Но любопытно, что сам Достовалов стал опять Начальником Штаба Корпуса (а затем и Армии), а в Галлиполи тоже оказался Начальником Штаба...

"Но тут ждала его катастрофа. Он ездил по службе в Константинополь, где познакомился с богатой гречанкой, и уехал в Галлиполи, присвоив ее бриллианты. Она последовала за ним и рано утром явилась к ген.Кутепову. Он послал за Достоваловым, но его уже и след простыл!

"Говорили, что он оказался в Афинах, а затем в Берлине и уже не скрывал своей принадлежности к "советским патриотам".

(Подпись) Полковник Сергеевский".

- о -

(На этом заканчиваю воспоминания о ген.Достовалове, не входя в дальнейшие комментарии и заключения, предоставляя их сделать самому читателю. Встает, однако, вопрос, как могло стать, что Достовалов был и оставался продолжительное время Начальником Штаба у генерала Кутепова, строгого и безупречного командира).

В.Альмендингер.

- - оОо - -

З.Альмендингер.

О Р Л О В Щ И Н А

(Окончание, см. №№ 59/60 и 61/62)

Ген. Шиллинг, встревоженный занятием Ялты Орловым, посылает против него войсковые части и из Севастополя военное судно "Колхида" с десантом. 7-го февраля ген.Шиллинг посылает телеграмму ген.Врангелю: "Севастополь и его район в осадном положении. Нр.2950 7/2 20 года. Джанкой. Генлейт. Шиллинг".

"Колхида" прибыла в Ялту. "Принимавшие участие в десанте, - пишет Г.Раковский, - переговорили с "орловцами" и, не выполнив приказа, возвратились в Севастополь, о чем Шиллинг узнал случайно". Генерал Деникин говорит: "Морское начальство не приняло никаких мер против мятежников и не сочло нужным уведомить об этом факте ген.Шиллинга".

Вслед за телеграммой № 2950 (см.выше) ген.Шиллинг посылает генералу Врангелю другую телеграмму следующего содержания:

"Севатополь ген.Врангелю, копия ген.Лукомскому, Тихорецкая Наштаглав.
"Большевики готовят новую атаку на Крым. Между тем в тылу происходит брожение среди офицерства и других групп, а также продолжается движение группы кап.Орлова, и все это может окончательно разрушить тыл и отдать большевикам Крым. Прошу Ваше Превосходительство принять на себя начальствование над всеми сухопутными и морскими силами, находящимися в районе Алушта, Бахчисарай, устье Альмы, все пункты включительно, с подчинением вам комкрепа Севастополь, флота, отряда полк.Ильина, находящегося в Алуште, и отряда полк.Головченко, находящегося в Бахчисарае. Ваша задача мерами, какие вы признаете целесообразными, успокоить офицерство, солдат и население и прекратить бунтарство кап.Орлова, направив его на фронт для пополнения редеющих частей ген.Слащева. Джанкой. 7.2.1920 года 11 часов. Нр.0231483. Шиллинг."

На эту телеграмму ген.Врангель в тот же день (7-го февраля, 21 час, за № 625) ответил ген.Шиллингу, что всякое разделение власти в Крыму при существующем уже многовластии лишь усложнит положение и увеличит развал тыла, а потому от сделанного предложения он отказывается, о чем и просит сообщить всем тем, кому была послана телеграмма Шиллинга.

Между тем телеграмма ген.Шиллинга была принята некоторыми из адресатов, как уже совершившийся факт назначения ген.Врангеля, и к нему посыпался ряд сообщений от губернатора, начальника гарнизона Ялты, полк.Ильина и др. Одни приветствовали его по случаю назначения и выражали уверенность, что наконец тыл будет приведен в порядок, другие обращались с просьбой скорее приехать в Ялту, так как Орлов, мол, согласен подчиниться только ему, ген.Врангелю, и только по его приказанию он выступит со своим отрядом на фронт.

В это самое время ген.Врангель от одного из офицеров направленного в Ялту на "Колхиде" отряда получил воззвание кап.Орлова (см. выше). Немедленно, 8-го февраля, ген.Врангель телеграфировал кап. Орлову:

"Ялта капитану Орлову. Копии: ген.Зыкову, Джанкой ген.Шиллингу, Севастополь ген.Лукомскому, Симферополь губернатору Татищеву, Алушта полк.Ильину и Бахчисарай Начгарнизона.

Мне доставлено воззвание за вашей подписью, в коем вы заявляете о желании, минуя всех ваших начальников, подчиниться мне, хотя я ныне не у дел. Еще недавно присяга, обязывая воина подчинению старшим начальникам, делала русскую армию непобедимой. Клятвопреступление привело Россию к братоубийственной войне. В настоящей борьбе мы связали себя вместо присяги добровольным подчинением, изменить которому без гибели нашего общего дела не можете ни вы, ни я. Как старый офицер, отдавший Родине двадцать лет жизни, я горячо призываю вас, во имя блага ее, подчиниться требованиям ваших начальников. 8 февраля 1920 года. Нр. 627. Врангель".

Ген.Лукомский, встревоженный создавшимся положением, учитывая, повидимому, растущее неудовольствие против ген.Шиллинга, посылает ген.Деникину шифрованную телеграмму, описывающую положение в Крыму:

"В дополнение к предыдущей телеграмме сообщаю, что положение осложняется тем, что все, что будет формироваться в тылу и направляться против Орлова, будет переходить на его сторону. Распоряжение Шиллинга о направлении отрядов против Орлова, особенно если произойдет столкновение между офицерскими отрядами, поведет к полному развалу и тыла, и фронта. Против Шиллинга большое возбуждение. Выход один - это немедленное назначение Врангеля на место Шиллинга. На себя это взять не считаю возможным, но повторяю, это единственное решение для ликвидации дела без кровопролития и для сохранения фронта. Медлить невозможно. Прошу дать срочное указание. 7 февраля 1920 года. Генерал Лукомский".

Генерал Деникин не согласился с назначением ген.Врангеля в Крым, и 8-го февраля последовали два его приказа: первый об увольнении от службы генералов Лукомского, Врангеля и Шатилова и адмиралов Ненюкова и Бубнова; второй - о ликвидации крымской смуты. Второй приказ гласил:

"Приказываю:

1. Всем принявшим участие в выступлении Орлова освободить ими арестованных и немедленно явиться в Штаб 3 корпуса для направления на фронт, где они в бою с врагами докажут свое желание помочь армии и загладить свою вину.

2. Назначить сенаторскую ревизию для всестороннего исследования управления, командования, быта и причин, вызвавших в

Крыму смуту, и установления виновников ее.

3. Предать всех, вызвавших своими действиями смуту и руководивших ею, военно-окружному суду, невзирая на чин и положение".

В приказе, часть которого приведена выше, было упоминание,что "выступление капитана Орлова руководится лицами, затеявшими подлую политическую игру", - замечает ген.Врангель в своих мемуарах. В связи с этим упоминанием ген.Врангель отнес к себе пункт 3-й приказа и написал генералу Деникину, как говорит ген.Врангель, "под влиянием гнева письмо, которое, точно излагая историю создавшихся взаимоотношений, грешило резкостью, содержало местами личные выпады". Генерал Врангель и остальные уволенные в отставку лица покинули Крым, и на этом, как будто, закончилась "борьба" за власть наверху.

Между тем, как пишет ген.Деникин, "Орлов, запутавшийся окончательно, предпринимал уже в Ставке при посредничестве известного соц. рев. Баткина некоторые шаги, с целью подготовить себе путь отступления"... Подробностей об этом не имеется.

В это же самое время сильный и хорошо вооруженный отряд полк. Ильина, посланный ген.Шиллингом против Орлова, приближался к Ялте. Орлов, повидимому, желая избежать вооруженного столкновения, пробыв несколько дней в Ялте и сделавши выемку денег из казначейства, 10-го февраля покинул город и ушел с отрядом в горы.

11-го февраля, однако, совершенно неожиданно кап.Орлов подчинился приказу, то есть командованию, и отправился в Симферополь. Данная ли амнистия, или страх перед уничтожением отряда, или какая-то другая причина побудили Орлова подчиниться, то есть отдать себя и своих сподвижников в руки ген.Слащева, который только недавно называл Орлова "предателем" и писал: "Орлову не верю и повешу"? Чем объяснить этот крутой поворот? Не было ли причиной, что наверху была "борьба, которая только как будто закончилась, и Орлов надеялся на какие-то перемены?

Прежде, чем отправиться на фронт, или ближе к фронту, отряд прибыл в Симферополь, где и разместился в прежних своих помещениях. Многие, бывшие в Отряде перед выступлением в январе и покинувшие его заблаговременно, вступили в отряд снова. Вскоре приехавший в Симферополь ген.Слащев произвел отряду смотр, и отряд выступил на фронт. Ген.Слащев, вопреки приказанию ген.Шиллинга - расформировать отряд, распределив его по частям корпуса - решил сохранить его в виде отдельной части и, как пишет ген.Деникин, "проявлял к ней и к Орлову исключительное внимание".

Смотр отряду ген.Слащевым был произведен на Салгирной улице против здания Европейской гостиницы. Возвращение Орлова в Симферополь, естественно, возбудило большой интерес всех в Симферополе, особенно же чинов Симферопольского Офицерского полка. И вот как два из них вспоминают этот смотр. Шт.кап.Х. пишет: "Отряд численностью около 200 человек был построен развернутым фронтом. После команды

"смирно" - Орлов подошел с рапортом к ген.Слащеву. Выслушав рапорт, Слащев поздоровался с Орловым, подошел к отряду (не помню, здоровался он или нет) и обратился к отряду со словами: "Вам сказать ничего не могу, вы покажете себя на фронте" - и это все. После этого Орлов скомандовал - "направо" - и повел свой отряд". Шт.кап. М. сообщает: "Смотр этот происходил перед зданием Европейской гостиницы на Салгирной улице. На кокардах головных уборов у "орловцев" были прикреплены зеленые веточки. Орлов был в одной гимнастерке и, как всегда, - фуражка на затылке. После слов ген.Слащева, обращенных к отряду (200-250 бойцов), генерал и Орлов сели в экипаж, и отряд, в строю по-ротно, тронулся за ними с песней:

"Марш вперед, Россия ждет
Вас, орлы Орлова,
Тыл очистили, вперед
На коммуну снова"... и т.д.

Как долго отряд пробыл в Симферополе, нам неизвестно, но за время время пребывания его в Симферополе, кроме смотра - представления, состоялся большой завтрак - "примирения". Об этом сообщает князь Романовский так: "Состоялся парад и большой завтрак - "примирения". Я ни на параде, ни на обеде не присутствовал, заявив Яше, (ген.Слащеву), что я с изменниками не здороваюсь, не чокаюсь рюмками и за одним столом не сижу!.. Яша возмутился: "Все кончено, Орлов покаялся". Кто еще присутствовал на завтраке, кроме Орлова, нам неизвестно.

Отряд по железной дороге выехал из Симферополя в Джанкой (дата неизвестна), а оттуда перешел в дер.Татарская Барынь и другие деревни недалеко от Джанкоя. Здесь отряд получил новое обмундирование и вооружение. О состоянии отряда в это время сообщает П.: "Политически отряд был неустойчив, драться не желал... И вот в ротной канцелярии открыто обсуждается заходящими туда чинами Отряда вопрос - будет ли Отряд драться с красными или, возможно, откроет фронт".

Примирение ген.Слащева с Орловым было, однако, повидимому,полное: факты, что Орлов часто посещал Слащева в Штабе, и заботы об обмундировании и вооружении отряда говорят за это. Вскоре отряд был отправлен на Перекопский фронт, наиболее угрожаемый. Отряд, пройдя Воинку, не задерживаясь в ней, остановился и расположился в лежащем между Воинкой и Юшунью большом имении "Чирик". "Любопытно, - пишет один из бывших чинов Отряда, - что от Джанкоя до Чирика Отряд сопровождал один танк. Как помощь Отряду или вследствие его неблагонадежности? (??)".

23-го февраля красные, открыв по Перекопскому участку сильный артиллерийский огонь, перешли в наступление, которое развивалось для красных весьма успешно. Части 8-й кавалерийской, 46-й и Эстонской стрелковых дивизий к восьми часам 24-го овладели дер.Юшунь и продвинулись южнее ее. Однако, в 10 часов 26-го февраля наши части, перейдя в контр-атаку, после упорного боя, нанеся большие потери красным, вновь заняли Юшунь, отбросив противника в исходное положение.

Где же во время этого наступления находился отряд Орлова? - Он находился там же в имении "Чирик" и в контр-атаке не принимал участия. Отряд бездействовал, когда на фронте было очень критическое положение.

Спустя несколько дней, 3-го марта, Орлов с отрядом снялся с места своего расположения в имении "Чирик" и... пошел на Симферополь. Итак, Орлов решил оставить фронт, заявивши отряду, что "большевики прорвали фронт".

Орлов второй раз выступил против командования самостоятельно.

Какие причины побудили Орлова выступить второй раз и, на этот раз, оставить фронт в момент, столь серьезный для фронта? Об этом трудно сейчас сказать с уверенностью, но имеются две версии, которые мы и приведем. По первой версии, Орлову с отрядом было приказано выступить на фронт против наступавших большевиков. Орлов, однако, раздумывал, совещался со своими помощниками, и вот как сообщает П. о решении: "Было два выхода: или, выполняя соглашение с командованием, принять сражение, войдя в соприкосновение с красной армией, прорвавшейся южнее Юшуни; или же, при встрече с противником, перейти на его сторону. Орлов нашел третий, свой выход и, заранее обрекая свой отряд на гибель, бросился в горы"... По второй версии ген.Слащев требовал от Орлова отчета в деньгах, выбранных Орловым из казначейств в Симферополе, Алуште и Ялте. Орлов упорно отказывался, и в результате Слащев потребовал его приезда в Джанкой. Орлов, зная Слащева и предвидя плохой конец, решил сняться с отрядом и покинуть фронт. Разбирая эти две версии, первая версия кажется более правдоподобной. Орлов, зная настроение части своего отряда *) и своих ближайших помощников, выйдя на фронт - возможно - невольно открыл бы фронт, и получилась бы катастрофа. Боясь результатов этого, ответственности, он ушел дальше от фронта, не сознавая, однако, что будет дальше. Против второй версии говорит то, что, будучи в Джанкое, ген.Слащев имел достаточно времени и возможности для расчета с Орловым по делу о деньгах. Имея силу и иные средства в своих руках, Слащев легко мог разделаться с Орловым.

Ген.Слащев, однако, был предупрежден об измене Орлова двумя офицерами, отправившимися пешком в Джанкой для донесения Слащеву о предполагавшемся уходе Орлова. Немедленно были приняты меры для захвата отряда, двинувшегося в направлении на Симферополь. С Перекопского фронта в догонку Орлову были брошены три эскадрона Ингерманландского полка (Яновский) и из Джанкоя конвой ген.Слащева под командой кап.Мизерницкого. Отряд был настигнут под Сарабузом (недалеко от Симферополя). "Пулеметная команда и прочие, - вспоминает полк. Яновский, - думали, что за ними гналась красная конница. Орлов сказал им, что большевики прорвали фронт". Многие чины Отряда, увидевши, в чем дело, сразу же бросили Орлова, а он, кап.Дубинин и горсть оставшихся верными ему ускакали на конях и тачанках. Догнать их не могли, и они укрылись в горах, где к тому времени Орлов имел много

*) Говорим - части, так как в нем, как увидим дальше, было много офицеров и добровольцев, верных командованию.

знакомых татар, которые укрывали его, да и он сам знал местность очень хорошо. Чины же его отряда, сдавшиеся под Сарабузом, признали все безрассудство действий Орлова, вступили в части Армии и верно служили до самого конца.

Ген.Слащев отдал приказ с сообщением о ликвидации отряда Орлова, в котором говорилось:

> "3 марта капитан Орлов опять нарушил долг службы. Приказом № 57, посланным вам в копии, я объявил его преступником и подлецом, о чем разбросал воззвания с аэроплана по его войскам и сего марта послал войска и выехал на Сарабуз, так как Орлов пошел на Симферополь. Пока сдалось 157 орловцев Южному карасубазарскому отряду, трофеев Северного отряда еще не знаю. Арестован штаб Дубичина и все бумаги с печатью, а сам Орлов остался с 16 человеками и мечется в охваченном районе. Постараюсь и его поймать. Потери Орлова огромны. Слащев":

Вскоре (дата неизвестна) кап.Орлов из Бахчисарая послал ген. Слащеву телеграмму следующего содержания:

> "Срочно, военная, ген.Слащеву, копия начгарнизону Симферополя, Ялты, Алушты, Начдив 34, 13, 9 и всем частям фронта и тыла.
>
> Сегодня мною с одним из моих отрядов занят Бахчисарай и временно задержаны все должностные лица, другие отряды двинулись на Ялту через Алушту и кавалерийские части - на Севастополь. Объявляю всем воинским частям, что ген.Слащевым был допущен подлый поступок, недостойный русского офицера, каковым себя, кажется, считает. 4-го марта по его приказанию 9-й кавалерийской дивизией полковника Выграна был открыт в упор орудийный огонь по мирно идущей обозной колонне моих отрядов, не стесняясь даже присутствием в колонне одиннадцати санитарных двуколок с больными и медицинским персоналом. Возмущенный столь подлым поступком, призываю все офицерство и солдат, оставшихся честными долгу перед родиной, поднять, наконец, высоко голову и громко сказать: "Довольно подлостей и преступлений от высшего командного состава! Довольно быть рабами и слепо идти за преступниками, губящими дорогую нашу Россию!" Всех русских патриотов, офицеров и солдат призываю к себе.
> Если у вас, генерал, осталась хоть капля чести, то вы разошлете копию этой телеграммы всем вышеуказанным. Капитан Орлов."

Ген.Слащев, объявляя эту телеграмму в своем приказе "по войскам, обороняющим Крым, и во все газеты", отвечает на нее:

> "Объявляю комическую телеграмму капитана Орлова за № 388 из Бахчисарая.
>
> (следует текст телеграммы).
>
> Мне остается спросить капитана Орлова: 1) Почему вы подчинились моему приказу - не потому ли, что я пригрозил вам опубликовать нашу переписку? 2) Почему вы вторично восстали - не потому ли, что я потребовал от вас отчета в деньгах? 3) Почему

вы считаете себя защитником России - неужели потому, что вы бежали с фронта? 4) Почему вы объявляете о движении своих армий во все города Крыма - неужели потому, что имеете 16 человек?

Повторяю, что работаю для России и таких людей, как вы, которые украли 10 миллионов, считаю своими врагами. Как назвать человека, клявшегося мне в беззаветной службе Родине и в то же время не выдававшего своим людям содержания и довольствия, украв 10 миллионов и получив от меня три миллиона и 550 комплектов английского обмундирования на 300 человек? Я своего мнения высказывать не стану, боясь, что русские люди выскажутся так, что неприлично опубликовать в газетах. Требую от вас только - дайте отчет в 13 миллионах народных денег и 550 полных комплектах обмундирования и явитесь на гласный суд. В противном случае вы - вор. Слащев."

Орлов с остатками своего отряда присоединяется к бандам "зеленых", скрывавшихся в горах. Большевицкое подполье, надежды которого Орлов не оправдал (не выпустил политических заключенных из тюрьмы в январе), не поддерживало его, и, как пишет Макаров, "красно-зеленые", то есть "зеленые" большевицкого толка, не имели связи с ним. К Орлову, однако, в горах присоединялись укрывавшиеся в горах и деревушках дезертиры. Он изредка появлялся на Алуштинском шоссе, нападая на проезжающих и одиночных стражников. На более крупные предприятия он, повидимому, не решался. Орлов терял популярность в рядах офицерства и в рядах тех политических и общественных кругов Крыма, которые возлагали на него какие-то надежды.

Оставил Орлова и его ближайший помощник кап.Дубинин, пытавшийся возвратиться в свой Марковский пех.полк, когда полк, в составе частей Добровольческой армии, эвакуированных в середине марта 1920 года из Новороссийска, прибыл в Крым. В книге "Марковцы в боях и походах..." на стр.237 описывается "возвращение" в свой полк кап. Дубинина и его дальнейшая судьба:

"Приказом 29 апреля ген.Врангель освобождал от всяких наказаний и ограничений по службе воинских чинов, не только перешедших из Красной армии, но и тех, кто был взят в плен, с оговоркой: если не оказывал сопротивления...

В связи с этим приказом, Марковцев взволновало и возмутило "дело" с кап.Дубининым... Будучи раненым, он эвакуировался в Крым, где примкнул к восстанию кап.Орлова, поднятому, как протест против беспорядков в тылу. Это восстание ген.Слащев не мог подавить, и только со вступлением в командование ген.Врангеля, ставшего твердо наводить порядки, восстание кап.Орлова потеряло свой смысл, и его отряд стал распыляться. Кап.Орлов, однако, продолжал скрываться, а кап.Дубинин вернулся к полк.Слоновскому и был зачислен в полк.

Несмотря на приказ ген.Врангеля, ген.Слащев тем не менее продолжал вылавливать "орловцев". Это знал и ген.Кутепов, и полк. Слоновский. Ген.Кутепов приказал сохранять в полной тайне пре-

бывание кап.Дубинина в полку и запретил куда-либо отправлять его. Но полк.Слоновский, соблазнившись предложением кап.Дубинина привести в полк человек до 150-ти "орловцев", отправил его в Симферополь. Уже там, в хозчасти полка, стали собираться "орловцы", как разведка ген.Слащева напала на следы кап.Дубинина. Последнему оставалось ехать в полк, но по дороге он был схвачен "слащевцами". Ген.Слащев, не снесшись с полк.Слоновским, несмотря на то, что кап.Дубинин был в марковских погонах, повесил его. Ген.Слащев все еще чувствовал себя полным хозяином Крыма и, не задумываясь, нанес оскорбление Марковцам. Досадно было еще и то, что 2-й полк лишился значительного пополнения".

Зная суть "восстания" кап.Орлова и ту роль, которую играл в этом позорном деле кап.Дубинин, трудно согласиться с заключением Марковцев, защищавших его и считавших его невинной жертвой "слащевцев". *)

Когда Дубинин оставил Орлова, нам неизвестно, но можем предполагать, что это случилось после 29 апреля, то есть приказа ген. Врангеля, о котором упоминается в выдержке из книги "Марковцы...". Почти два месяца Дубинин был с Орловым после второго выступления и немного меньше после прибытия марковских частей в Крым. Невольно встают два вопроса: 1) почему Дубинин оставил Орлова? и 2) почему только после 29-го апреля? Потому ли, что он действительно честно раскаялся и честно желал присоединиться к полку (но почему так поздно?)? Потому ли, что он разошелся с Орловым, не видя там больше тех возможностей, которые соединили их в начале? Или, наконец, по какой-либо иной причине, исполняя чье-то поручение?

22-го марта 1920 г. генерал Врангель вступил в командование Вооруженными Силами Юга России вместо ушедшего ген.Деникина. Приступив к ряду реорганизаций, ген.Врангель принял более серьезные меры по борьбе с зелеными и, в частности, с группой Орлова. Свободных сил было недостаточно, и борьба была сильно затруднена, тем более, что Орлов имел много друзей среди татарского населения, которые его поддерживали и снабжали необходимой информацией. Так он и прожил в горах до эвакуации нашей армии и прихода красных войск в Крым в начале ноября 1920 года. В результате, Орлов с остатками своего отряда спустился с гор и добровольно сдался в руки новой власти - красным.

---

*) В данном случае будет уместно привести выписку из той же книги (стр.37):

"30 мая 1919 г. В роты, помимо всяких распоряжений, передано и предупреждение: красные проводят засылку своих людей в ряды армии под видом "добровольцев" с целями шпионажа, морального разложения и для того, чтобы из рядов самой Добрармии население слышало бы разговоры о слабости и обреченности ее. Приказывалось быть бдительными и принимать добровольцев в роты, даже из пленных, только после серьезной проверки". Дальше описывается случай взятия в плен 60 человек "из специально отобранных людей, смелых, с хорошо подвешенным языком - ...вся партия была расстреляна...". Это только за месяц до сдачи в плен кап.Дубинина.

Что побудило Орлова добровольно отдать себя и свой отряд в руки красных? Амнистия, объявленная красными? Надо полагать, что он рассчитывал на то, что его услуги будут приняты во внимание, что он заслуживает снисхождения, ибо: 1) он не так давно вел игру с подпольщиками и не причинил им зла, хотя и не выполнил их предложения - освободить политических заключенных из Симферопольской тюрьмы; 2) был в "оппозиции" к командованию белой армии и даже арестовывал ее представителей; 3) отказался от активной борьбы с большевиками, покинув, вопреки приказу ген.Слащева, фронт; 4) несколько его ближайших сотрудников (кап.Дубинин, командир роты шт.кап.Рубан и др.) были повешены по приговору военно-полевого суда в Джанкое; 5) на него распространяется "амнистия" по отношению к бывшим белым, объявленная большевиками.

Однако, расчеты Орлова оказались ошибочными, и Особый Отдел 4-й Красной армии по приговору своей "тройки" расстрелял Орлова. Вот как описывает один (Р.) из бывших в то время в Симферополе: "Отряд сошел утром с гор и выстроился перед женской гимназией на Дворянской улице, где помещался Штаб ЧОН'а - частей особого назначения 4-й советской армии. Вызвали братьев Орловых - Николая и Бориса - для заполнения анкет. Вошли они в здание (угол Дворянской и Губернской), братьев посадили в отдельные комнаты писать анкеты, и во время заполнения анкет им сзади в затылок были сделаны выстрелы, тела их были завернуты в рогожу и вывезены на грузовике, который выехал незаметно через ворота на Губернскую улицу. Отряд стоял до ночи, и, наконец, из ЧОН'а вышли и предложили расходиться по домам, Орловы не выйдут. К тому же матери, сестры и жены чинов отряда подошли к отряду, прося родных идти домой. Самые последние стойкие орловцы ушли домой к полуночи". Сведения эти, как пишет Р., были собраны Е.С.Орловой, женой кап.Н.Орлова.

Итак, выстрел сзади чекистом покончил последнюю главу "орловщины" или "орловского движения" и покончил с кап. Николаем Орловым, доблестно начавшим свою воинскую карьеру на полях 1-й Мировой войны, продолжавшим ее в Добровольческой армии и, наконец, бесславно окончившим ее, изменив Белому движению, которому он в 1918-1919 годах посвятил столько своих сил.

Часть третья.

Предлагаемое повествование о кап.Орлове и "орловщине" было бы неполным, если бы мы не попытались анализировать все вышеизложенное и не сделали бы некоторых выводов и заключений. Был ли это "авантюризм и хлестаковщина"; было ли это "идейное движение", как думают некоторые; или, быть может, он просто попался на удочку большевиков и выкрутиться уже не мог - стал игрушкой в их руках? Какова причина, что в тылу армии мог возникнуть бунт и его возглавил именно Орлов, а никто другой, принимая во внимание, что действие происходило в Крыму? На эти вопросы в настоящее время можно ответить, зная, хотя и приблизительно, характер и настроение Орлова и обстановку, сложившуюся к тому времени в армии на юге России, а особенно в ее тылу.

Попытаемся это сделать.

Орлов, насколько представляют знавшие его, не выделялся умственными способностями, был в этом отношении, может быть, не выше среднего уровня. Однако, он отличался уже с ранних лет выдающимися физическими качествами: был сильно развит телесно, живой, могучая фигура, огромная сила. Был он также выдающимся футболистом в гимназические годы - это в то время, когда у нас футбол входил в моду - был героем всех энтузиастов футбола. Эти качества его отличали между всей учащейся молодежью, он чувствовал свое в этом превосходство, он был всегда там, где нужно было проявить силу. В эти моменты бывал он и жесток (это качество проявлялось у него и в последние годы). Популярность его в среде молодежи и вообще населения была большая. Физическое превосходство и необыкновенная популярность развили в нем самоуверенность, соединенную со страшным самолюбием, что при ограниченности в остальных качествах могло его легко свести с правильного пути. В то же самое время он, казалось, не обладал очень сильной волей - был довольно мягкого характера, и не требовалось много усилий, чтобы изменить его решение: он легко поддавался влиянию более сильного интеллекта и более сильной воли.

И вот, обладая такими качествами, волею судьбы и его популярности Орлову, вольно или невольно, пришлось принять на свои плечи большую задачу - организовать отпор большевизму в Симферополе и стать его руководителем. Он с полной энергией, с энтузиазмом взялся за это дело, популярность его сыграла огромную роль. Но обстоятельства были против него. Первая попытка отпора большевизму в январе 1918 года кончилась неудачно для него не по его вине. В конце того же года начатое им с такой энергией дело формирования полка было взято из его рук и передано другому для продолжения - командиром части, которую он с таким энтузиазмом и любовью формировал, был назначен другой, а ему была предоставлена второстепенная роль командира батальона. Самолюбие его было страшно затронуто - дальше он уже не мог проявлять себя активно, как он себе представлял. Это был первый удар для него, не считая неудачи в январе.

Пополнение и снабжение полка шло слабыми темпами, и складывалось впечатление, что штабы ничего не делают. "Жизнь его (ген. Боровского, ВА) и штаба не могла поддержать авторитет командования, вызывала ропот..." - так характеризует ген.Деникин положение в Симферополе в начале 1919 года в книге "Очерки Русской Смуты". Огромный штаб занимается своими удовольствиями, офицерство ропщет, налегает на своего командира - Орлова, - и результат: рапорт командира полка, принявший в глазах штаба форму "бунта" или, как пишет ген. Деникин, "нечто вроде бунта". Это было первое серьезное недовольство командным составом, прибывшим из тыла.

Операции его батальона в Северной Таврии и полка на Перекопе оставили след на настроении Орлова. Не было того, что он ожидал.

Не оправившись морально после неудачи на Перекопе и отступления, Орлов отправлен в командировку в Екатеринодар в Штаб В.С.Ю.Р. в мае 1918 г. Здесь он еще больше соприкоснулся с тылом: о фронте,

казалось ему, никто не думает, удовлетворяют свои потребности и только. Чувствовалось какое-то разложение тыла. Результат - разочарование, большое падение настроения и веры в благополучный исход Белого дела. Выраженное им в июле добровольное желание отправиться в Сибирь - покинуть им же созданный полк, в котором было много его друзей, к тому же уроженца Крыма - было, очевидно, проявлением его разочарования, раненого самолюбия и чувством неуверенности в себе.

Двухмесячное пребывание в Таганроге на полуэтапе в среде офицеров, ему подобных, с его же настроениями; наблюдение тыловой жизни в те дни, когда фронт истекал кровью, еще больше поколебали его веру в победу при таких обстоятельствах. Его слова ко мне, о которых было сказано раньше, - "будет обер-офицерская революция" - были, несомненно, плодом всех его наблюдений, обстоятельств того времени и, конечно, влияния лиц, с которыми он соприкасался. Возвратившись в Симферополь, оставшись не у дел, он был в таком состоянии, что слабый нажим на него более сильного характера мог легко вывести его из состояния неуверенности в состояние "бунта". Отступление армии, непосредственная угроза Крыму подтверждали предвиденное им, и все это подогревало его состояние. Встречаясь с друзьями и знакомыми офицерами, он делится с ними своими мыслями, встречает сочувствие среди молодежи, и это еще более убеждает его в актуальности его мыслей и в необходимости что-то делать. В это время судьба свела его с кап.Дубининым, который находился в Симферополе на излечении. О кап.Дубинине мы узнаем из книги "Марковцы...", "что он на всех произвел впечатление крайне мужественного начальника, владевшего своими подчиненными и собой, Ни тени смущения, растерянности... В Дубинине всеми чувствовалась огромная моральная сила, и перед ней не устоял командир батальона кап.Слоновский". Князь Романовский определяет личность Дубинина так: "Очень сильная личность, причем точно мыслящая и отлично знающая, чего он хочет. Он импонировал всем своим существом". Конечно, перед человеком таких качеств не устоял и Орлов.

Орлов, уже морально разложившийся, сомневающийся, с ослабевшей волей, но желающий найти какое-то решение задачи, которая, казалось ему, стоит перед ним, попадает под влияние Дубинина и других лиц. Дубинин, "отлично знающий, чего он хочет", нашел в нем - в Орлове - подходящего человека: он, как человек сильной воли, сразу же подчинил волю Орлова себе. Было ли это в целях помочь Орлову в осуществлении его мыслей или во исполнение какой-либо директивы - это вопрос, но во всяком случае, не в пользу Белого дела. Дубинин сразу учел большую популярность Орлова в Крыму, которая была силой, привлекающей молодежь (офицеров и добровольцев). Дубинин полностью овладел Орловым.

Постепенно вокруг Орлова собирается группа его единомышленников, искренних и неискренних; образуется окружение, ободряющее его к каким-то шагам, для проведения которых в жизнь он не имел силы - силы физической. Руки его были связаны. Положение его было таково, что он даже не отказался связаться с подпольщиками-большевиками, которые, конечно, охотно пошли ему навстречу, желая, в свою очередь, использовать его в своих интересах.

По всем признакам можно судить, что мысли Орлова - особенно очищение тыла - находили какое-то сочувствие как в среде военных, так и в среде населения. Это сочувствие еще больше поднимало его популярность и разжигало его самолюбие и самоуверенность. Теперь необходимо было что-то - может быть, случай, - что помогло бы развязать его руки , чтобы он мог получить силу.

Этот случай не заставил себя долго ждать!

"Конечно, пригласите Орлова! Он молод и очень популярен!" - Эти слова, сказанные князю Романовскому, решили все. Орлов, выслушав князя, сразу же согласился на формирование отряда. Как же он мог не согласиться, когда он так долго и с таким нетерпением ждал этого момента, то есть получить в свои руки, и так легко и неожиданно, возможность приступить к осуществлению своих мыслей.

Авторитет и имя князя Романовского, поддержанный авторитетом ген.Слащева, конечно, повысили еще больше цену Орлова в глазах военных, не знавших его, и общественности. Получивши это, Орлов, как человек крайне самолюбивый и самоуверенный, поддержанный своими единомышленниками, видя доверие к себе, не чувствуя над собой сдерживающего начала, в сознании исключительной популярности, как говорится, "соскочил с нареза" и пошел по скользкому пути, приведшему его к печальному концу.

Анализируя выступления Орлова, первое в январе и второе в марте, бросается в глаза некоторое совпадение дат этих выступлений с активностью большевиков. 18-го января большевики повели наступление на Перекопе - на 23-ье января был назначен захват власти большевиками в Севастополе (неудавшийся - 21-го арестованы зачинщики), а 22-го января Орлов выступил, желая захватить власть в Симферополе. Случайное ли это совпадение или нет? 11-го февраля большевики наступают опять - Орлов подчиняется и выходит ближе к фронту. Наконец, большевики наступают и прорываются у Перекопа в конце февраля - Орлов отказывается выступить на фронт. Опять -таки - случайно ли это? По некоторым данным, приведенным раньше, можно предполагать, что все это не было случайным. Как нам кажется, решения Орлова в январе уйти в горы, а в марте уйти в тыл (горы) - были в разрезе с планами красного командования, надеявшегося, что отряд Орлова откроет фронт. Можно полагать, что Орлов не решался на предательство - спровоцировать вооруженное столкновение в Симферополе или, открыв фронт, обратить оружие против вчерашних друзей и единомышленников.

Только что приведенные заключения как бы подтверждаются выводами большевицкого писателя Я.Шафира, который говорит:

"1) Тыл белогвардейцев в Крыму в конце декабря 1919 года и в январе, феврале и начале марта 1920 года был очень легко уязвим. Немногочисленный отряд, руководимый людьми, опытными в военном деле, в состоянии был сделать очень много для срыва последнего фронта до добрармии.

2) К тому времени революционные организации такой силой не обладали. Не использовав подходящего момента, подпольные организации очутились в крайне тяжелом положении, и дальнейшая их работа по созданию "зеленой армии" уже не могла иметь того значения, которое она имела бы, если бы эта армия создалась в начале 1920 года".

Большевики-подпольщики и ближайшее окружение Орлова, руководимое извне, просчитались в Орлове, полагая, что он слепо и полностью пойдет по указываемому ему пути. Полагаем, зная до известной степени Орлова, что в последний момент Орлов приходил в себя и старался уйти с неправильного пути, но вследствие своей недальновидности и неопытности попадал в худшее положение.

Разбирая поступок Орлова - "орловщину" - считаем необходимым кратко остановиться на обстоятельствах, которые также сыграли большую роль во всей этой эпопее.

Прежде всего вспомним некоторые факты, указанные в нашем повествовании, которые уже сами за себя говорят, до известной степени, об общем положении: 1) случайное - другим принять его нельзя - назначение Орлова формировать отряд; само формирование отряда - кустарным способом; 2) наивное, ничего не видящее руководство военной жизнью в тылу; 3) авантюристический характер экспедиции ген.Покровского в Ялте; 4) растерянность наверху и потуги некоторых к захвату власти в Крыму; 5) странное поведение Слащева в отношении к Орлову - примирение, лобызание, недальновидность. Могло ли бы все это быть при нормальном положении?

Состояние тыла армии сыграло очень значительную роль. Уже в самом начале формирования Симферопольского Офицерского полка в конце 1918 года в Крыму была видна неспособность тыла организовать снабжение сравнительно небольших войсковых частей. Поведение чинов тыла, присланных, главным образом, из Екатеринодара, не отвечало обстановке. Это не было местное явление, однако. То же самое было, к глубокому сожалению, и на других частях фронта. Администрация, как военная, так и гражданская, не всегда была на высоте - бюрократизм, взяточничество, грабежи и т.п. процветали и не пресекались в корне. С продвижением армии вперед в направлении на Москву тыл расширялся и, в упоении успехами, постепенно разлагался. Неожиданный крах фронта, тяжелое и быстрое отступление армий в ноябре и позже, приближение фронта к бывшему глубокому тылу, жившему до сих пор беззаботно под охраной армии, внесло еще большее расстройство в тылу. Характерен в этом смысле рапорт ген.Врангеля ген.Деникину от 9-го декабря 1919 года за № 010464, где он докладывает о положении на фронте Добровольческой Армии. То же самое было и на других фронтах. Капитан Орлов сам, собственными глазами видел это; фронтовое офицерство, испытавшее на себе тыловые порядки, не могло не соглашаться со взглядами Орлова, что тыл прогнил и должны быть приняты какие-то меры для оздоровления его.

Нельзя отрицать еще одно обстоятельство: это - недовольство молодого фронтового офицерства старшим - отсюда мысль об "обер-офи-

церской революции". Уже во время Великой войны, особенно в конце, можно было это наблюдать - старого кадрового офицерства осталось мало, на командных должностях, до командиров батальонов включительно, были офицеры военного времени - молодежь. В гражданскую же войну проявилось это недовольство особенно, ввиду особого характера войны. Большой процент старших офицеров был далеко не на высоте, не за отсутствием личной доблести, а потому, что они просто не смогли приспособиться к совершенно новой, особенной для них тактике, тактике чистой партизанщины, где личная инициатива, быстрота решений играли главную роль, решали дело. Стоит вспомнить имена молодых генералов Тимановского, Туркула, Манштейна и других. Ген.Деникин, оценивая действия ген.Слащева в Крыму на перешейках, говорит о нем, между иным: "...он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо. ... Эта тактика (ген.Слащева. ВА), соответствовавшая духу и психологии армий гражданской войны, вызывала возмущение и большие опасения в правоверных военных....."

Указанные обстоятельства, несомненно, сыграли свою роль, почва для всяких вольных и невольных экспериментаторов была очень плодородна. Попади все дело в руки более опытного и твердого в политическом и военном отношениях человека, чем Орлов, положение Крыма в то время было бы катастрофическим, тем более, что, как один из моих корреспондентов пишет, "симпатии всех, надо сказать правду, были на стороне Орлова".

Заключение.

В заключение нашего повествования хотелось бы ответить на ряд вопросов. Ответы основываются на уже изложенных данных о жизни Орлова и на анализе важнейших моментов его деятельности.

"Все выступление от начала до конца имело характер неумной авантюры" - определяет ген.Деникин "дело Орлова". С этим определением, зная все происходившее, можно согласиться, но был ли Орлов авантюристом? Таковым он, по нашему мнению, не был. Обстоятельства сломили его волю, он, если можно так сказать, находясь в отчаянном положении, тяжело переживал происходящее, искал выхода, но найти его не мог - его кругозор был слишком ограничен. И в этот момент "пришли ему на помощь": во-первых, случай, а во-вторых - те, кто ждали момента, чтобы внести смуту в тылу Белой армии. Они воспользовались его именем, его особой, его популярностью, достигли известного успеха и превратили все в авантюру.

Об идейности "орловского движения" говорить нельзя - это не было "движение", руководимое какой-то "идеей", это был "бунт" против сложившегося положения, использованный искусно большевиками, которым, само собой разумеется, он был на руку. Орлов оказался игрушкой в руках большевиков и, наконец, жертвой своего собственного неблагоразумия.

"Обер-офицерская революция" - под таким названием зародился в

уме кап.Орлова план, который он пытался позже осуществить. Было ли его выступление "революцией"? Конечно, нет, тем более "обер-офицерской". Если и было недовольство в среде младших офицеров - "обер-офицеров", - то оно не было в такой степени, что могло выразиться в вооруженном неповиновении своим начальникам. В большинстве строевое молодое офицерство было патриотично и исполняло свой долг с самопожертвованием - многие тысячи павших молодых офицеров тому доказательство.

"Бунт", возглавленный кап.Орловым, если даже условно, с очень большой натяжкой, допустить его целесообразность (очищение тыла и усиление обороны армии), не мог быть оправдан ни тогда и не может быть оправдан сейчас. Со способом борьбы нельзя согласиться, учитывая положение фронта и общее политическое положение в те дни на Юге России. Не оправдали его и большевики, не помиловали его: он мог быть впоследствии опасен для них. "Орловщина по существу являлась контр-революционной затеей", - заключает большевик Я.Шафир.

"Бунт" капитана Н.Орлова вошел в историю Белого Движения позорной страницей: начатый по мысли Орлова с благой целью, превратился в авантюру, и в результате пуля чекиста бесславно окончила жизнь честного и доблестного в свое время офицера, пошедшего по скользкому неправильному пути.

В.Альмендингер.

<u>ДОБАВЛЕНИЯ к статье "ОРЛОВЩИНА".</u>

1. К числу лиц, упомянутых в предисловии и воспоминания коих (письма) были использованы, следует прибавить Л.Рубанова, Н.Дахова и М.Губанова.

2. После напечатания второго раздела статьи (№ 61-62) мною было получено небольшое воспоминание от Г, интересное и дополняющее описание первого выступления Орлова в ночь с 21-го на 22-ое января (см. стр.26). Привожу его полностью:
   "Отдельная тракторная 5-дюймовая батарея следовала эшелоном из Севастополя в Джанкой. На рассвете, прибыв в Симферополь (я был караульным начальником ефрейторского караула при орудиях на платформах), наш эшелон был окружен группой около десяти мотавшихся солдат в разных формах во главе с вольноопером с красными погонами и белым кантом. Этот юноша заявил, что мы арестованы и что они - Симферопольский полк кап.Орлова. Я заметил ему, что это глупость - нас 130 человек при 4-х орудиях и 2-х пулеметах. В результате разговора появившегося орловского офицера с нашим командиром батареи, мы простояли целый день в Симферополе при оружии, а ночью орловцы исчезли. Рано утром прибыл на вокзал бронепоезд "Солдат" и около взвода Ольвиопольских улан, а мы вечером двинулись далее на Джанкой."
3. На стр.19 (№ 61-62) в строчке 17 снизу следует читать: "в двадцатых числах <u>декабря</u> 1919 года".

В.В.А.

А.Долгополов.

СУДЬБА НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ,
СЛУЖИВШИХ В СОВЕТСКИХ ВОЙСКАХ НА ДОНУ в 1917-1918 гг.

Посвящается памяти друга А.Гривина, рассказавшего мне эту историю много лет тому назад.

Адольф Гривин родился и вырос в Ростове н/Дону. Отец его, из прибалтийских немцев из Риги, был владельцев пивоваренного завода Южная Бавария. Немецким языком Адольф владел в совершенстве.

В 1916 году он окончил Одесское Военное училище.

В октябре 1917 года служил в 252 запасном пехотном полку, стоявшем в Лазаретном городке между Ростовом и Нахичеванью. Там же стояли 249, 250 и 251 запасные полки. В Ростове Адольф окончил курс пулеметного дела; английский майор Пасско был инструктором пулеметов Виккерса и Луиса.

Как и все запасные полки того времени, 252-й полк не избежал общей участи: отсутствие авторитета Временного Правительства, лишение всех прав офицеров, пропаганда большевиков разлагали полк.

Полк еще держался силой воли командира полка, старого боевого полковника, которого солдаты звали "Бардадым".

Во время восстания большевиков в конце октября 1917 года солдаты примкнули к большевикам и перебили многих офицеров, в том числе командира полка и командира 3-ей роты, в которой служил Адольф, - Гавриила Онуфриевича Киселева.

Спаслось лишь несколько человек, бывших в отпуску - адъютант командира полка А.Сампсонов, Василий Иванов, А.Гривин.

После освобождения Ростова Добровольцами и Донцами Адольф вступил в отряд полковника Семилетова, участвовал в боях под Таганрогом, заболел тифом и был оставлен в Новочеркасске на частной квартире при уходе армий в Кубанский поход.

Поправившись, скрывался в склепах на кладбище, не желая подвергать опасности людей, выходивших его.

На кладбище нашли приют несколько добровольцев, оставленных в городе; из них запомнился Борис Бирбучук (турецкого происхождения), капитан Георгий Бейнард, георгиевский кавалер, бывший командир пулеметной команды 1-й Юнкерской Сводной роты и другие.

Оставаться на кладбище было опасно, и Адольф, с помощью доброжелателей достав одежду реалиста и документы, добрался до Ростова.

Подойдя к своему дому, был удивлен, найдя стоявших постоем на их дворе и в конюшнях солдат, говорящих по-немецки.

Родные были обрадованы, увидев сына живым, и объяснили ему, что у них расквартированы бывшие немецкие военнопленные, служившие в советских войсках, поддавшись на обещания большевиков, что их отпустят домой, если они помогут освободить Дон от Добровольческой Армии, стоявшей на стороне союзников. Ведут они себя прилично, никого не трогают, ничего не берут без спроса, вежливы и слушаются своих старших - унтер-офицеров; офицеров среди них нет. У ворот и у дома стоят их часовые и никого из грабителей не пускают.

Из расспросов Адольф выяснил, что одна из советских армий, окружавших зарождающуюся Добровольческую армию, была армия Сиверса,

бывшего прапорщика, наступавшая с севера, и состояла из двух латышских стрелковых полков, отряда Петроградских рабочих, кавалерии, артиллерии, бронепоездов и двух Интернациональных бригад, в состав которых входили: военнопленные немцы и мадьяры, китайцы, балтийские матросы и другие мелкие отряды.

Семья отправила Адольфа на хутор, за город: многие рабочие и соседи знали, что Адольф офицер, и была опасность, что кто-либо донесет в Чека.

В апреле 1918 года германская армия генерала фонАрнима заняла Ростов. Адольф свободно жил у себя дома. Часть их дома, службы, конюшни были заняты частями германской армии. В доме жило несколько германских офицеров. С одним из них, подполковником Бопп, Адольф познакомился и много говорил ему о борьбе Белых с Красными.

На 4-й день Пасхи в конце апреля 1918 года Бопп предложил Адольфу прокатиться на автомобиле к Таганрогу, с обещанием показать ему интересное зрелище.

Адольф был удивлен, когда он увидел в автомобиле знакомого офицера А.Сампсонова, полковника Смоленского и его адъютанта.

Подъезжая к Таганрогу, автомобиль свернул к морю на зеленеющие поля.

Большое количество германских солдат были заняты рытьем ряда параллельных окопов. На вопросы русских офицеров, зачем здесь роются окопы в таком порядке, немецкий офицер обещал объяснить все позже. Автомобиль остановился на значительном расстоянии от окопов.

Русские с большим любопытством наблюдали, как тысячи немецких солдат, рывших окопы, по команде выстроились у свеже вырытых окопов. Видно было, что одеты они были разнообразно - часть в немецкой форме, часть в русской, все сильно поношенное и без оружия.

Какие-то другие германские части, одетые с иголочки, в шлемах, в полном вооружении, с пулеметами впереди, выстроились против них. Так как автомобиль стоял довольно далеко, доносились лишь отрывки приказа, который читал подполковник Бопп: "...по приказу Командующего Армией... согласно приговора военно-полевого суда... служившие в советских войсках... приговариваются к расстрелу - за измену..."

Десятки пулеметов открыли огонь, через несколько минут гора кровавых тел заполнила окопы...

Необычайное, чудовищное зрелище так потрясло Адольфа, что ему стало плохо...

По команде солдаты занялись укладыванием трупов в окопы и засыпанием землей...

Когда все было засыпано и утрамбовано, германские части стройными рядами замаршировали в город.

По дороге обратно в Ростов Бопп объяснил, что германское командование не хотело проникновения красной заразы в их армию, а служба во враждебной армии во время войны считается изменой и наказывается смертью. И взял он русских офицеров с собой только для того, чтобы русские знали, как германское командование наказало служивших у большевиков.

- о -

Выяснилось, что при отступлении красных из Таганрога и Ростова большая часть бывших немецких военнопленных, около 2000, остались в этих городах.

До сих пор этот эпизод не был описан в русской мемуарной литературе Гражданской войны.

В 1918 году ходили смутные слухи, что немцы расстреляли несколько тысяч большевиков около Таганрога, но ничего фактического не было известно.

Интересно выяснить, существует ли описание этого события в немецкой военной литературе?

Воспоминания эти вкратце были записаны по памяти десятки лет спустя после этого события и возможны пропуски и неточности.

Всех, знающих что-либо дополнительно об этой истории, покорнейше просим сообщить в редакцию.

А.Долгополов.

- - оОо - -

+

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Б.Н.ПОЛОЗОВ

В Буэнос-Айресе скончался 23-го сего октября Борис Николаевич ПОЛОЗОВ, потомственный дворянин и казак В.В.Донского. Родился он 1-го апреля 1888 г. По окончании гимназии в Харькове поступил вольноопределяющимся в 10-й драгунский Ингерманландский полк, а в 1913 г., по сдаче офицерского экзамена при Новочеркасском казачьем училище, произведен в корнеты с назначением в 17-й драг.Нижегородский полк. В поход 1914 г. выступил в составе 7-го гусарского Белорусского полка. Получил все боевые награды до Владимира 4-й ст. и Георгиевское оружие. Ротмистром вступил 20-го ноября 1917 г. в Добровольческую армию и был зачислен 5-го марта 1918 г. в Корниловский Ударный полк командиром 2-й конной сотни; проделал Первый поход. Затем служил в Черкасском конном полку, Мечетинском пех.полку, командовал Калмыцким полком и, в чине полковника, 2-й Отдельной Донской бригадой. В 1920 г. произведен по В.В.Донскому в генералы. В двух войнах был трижды ранен.

Человек твердой воли, кипучей энергии, ясного ума и обходительного обращения, он производил яркое впечатление на каждого, кто с ним соприкасался. Обладал литературным дарованием, он писал в зарубежной печати. Последние годы он тяжело страдал от последствий полученных ранений, но Господь даровал ему легкую смерть: он тихо уснул.

Даруй, Господи, и легкое пробуждение в Твоей обители доблестному солдату России!

Полковник Месснер.

- - оОо - -

Редакция журнала "ВѢСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" выражает соболезнование своему подписчику шт.-кап. Д.Д.Свидерскому по случаю смерти его супруги Марии Николаевны, последовавшей 21-го октября т.г. в гор.Санта Барбара.

- - оОо - -

Б.Турчанинов.

РАЗОРЕННЫЕ ГНЕЗДА ДВУГЛАВОГО ОРЛА.

(Быль)

"То не прошло. Пусть вьюга злится,
Пусть снег дороги нам замел,
Но в сердце русском сохранится
Зовущий к подвигу орел."
М.Шереметев.

Поздняя осень. Погожий ясный день, какими изобилует Кавказ в это время года. Воздух, напоенный ароматом свеже-скошенной травы у дороги, не шелохнется. Весь Божий мир затих в сладкой истоме запоздалого в зимнюю дорогу осеннего дня когда-то благодатного края. Торжественную тишину умирающей природы изредка нарушает писк ласточек, стремительно вонзающихся в голубую лазурь безоблачного неба, откуда порой слышен крик летящих на юг когорт журавлей.

Пустынна гладко укатанная Военно-Грузинская дорога.

Вдали над Джираховским ущельем плавно парит горный орел, описывая бесчисленные круги. Порой застынет на месте, как будто висит в воздухе, и словно внемлет последней песне осени.

Где-то вдали, от Столовой горы, доносится глухое уханье, как тяжелый стон могучей груди, переполненной жестоким страданием. По старинному преданью, это стонет Прометей, прикованный разгневанными богами цепями на скалах гор. Так и стонет уже тысячелетия до наших дней, дней непомерной скорби.

Вдоль дороги, внизу, блестя на солнце, мирно катит свои холодные, прозрачные воды Терек - здесь он почти мирный, вырвался из темных объятий Дарьяла и рад открывшимся просторам, и ничто его уж не тревожит, до самого Каспия.

В стороне, у подошвы вздымающихся гор, прилепился небольшой аул. В отличие от других, в нем мало растительности, и весь он какой-то серый. Лишь у немногих жилищ застыли, словно замерли яблони и несколько чинар, с пожелтевшими уже листьями.

Выше аула, на ровном плато, одинокая сакля, обнесенная глинобитной стеной с маленькими квадратами каменных башенок. Вдоль внутренних стен расположены надворные хозяйственные строения.

Впечатление некогда небольшой горной "твердыни", а сейчас - облупившиеся стены, которые кое-где и развалились и поросли сорной травой, в которой, шелестя, бегают многочисленные ящерицы, - говорят о запустении. А если вглядеться внимательно - видно, что запущенность-то недавняя.

Сбоку небольшой фруктовый сад, симметрично и вдумчиво некогда посаженные тополи, аккуратные постройки из камня, в некотором отдалении пчелиные ульи, хорошая зигзагообразная дорога, обложенная парапетом из дикого камня, - говорят о долгом труде, былой хозяйственности и достатке владельцев.

У ворот двора, греясь на солнышке, лежит кавказская овчарка, лениво отгоняет лапой назойливо лезущую муху и, наконец, чихнув и вспугнув спящих кур, побрела в тень у сакли.

Из дверей низкой сакли вышел стройный осетин в старой серой черкеске, затянутой потертым, с серебряным набором ремешком. Вся его фигура с гордой осанкой выдавала не только сына гор, но и воина. Его возраст трудно было определить с первого взгляда, но, вглядевшись в лицо, обрамленное небольшой с проседью бородой, и на глубокие морщины лица, вы убедитесь, что человек много прожил, а еще больше пережил.

- Что, Шайтан, нехорошо, да, нехорошо, друг, - сказал старик, ласково гладя овчарку по голове.

Шайтан было ткнулся носом в ласковую руку хозяина, вильнул хвостом, поднял морду, глядя умными глазами друга, словно хотел что-то сказать, да только как-то нелепо мотнул лапой и, отвернувшись, лег, а потом вдруг сел и заскулил. Ему, видно, грустно было, так же, как хозяину.

Старик подошел к квадрату башенки, что была на самом краю плато, откуда открывался вид на всю окрестность.

С детства знакомые в вечном сиянии вершины гор. Белой лентой к Дарьялу уходящая Военно-Грузинская дорога. Нежной зеленью луговой травы покрыты склоны Джираховского ущелья. Справа, вдали, седая вершина старика Казбека. Родной, любимый край...

Сколько красивых, счастливых, ушедших в былое дней воскрешают эти места... Загляделся старик, задумался и тяжело вздохнул...

За вас, родные горы и долины... за аул родной, за свой очаг, за всю страну Белого Царя отдал всю жизнь... все силы, все, что было дорого. А теперь... - и горькая складка у рта стала еще глубже.

Джамбул Булатов - "кулак". Джамбул - "паразит", Джамбул - "чуждый элемент" и многое такое, чего и не понять было.

Так выкрикивал приехавший из города какой-то невзрачный вертлявый человек в очках, с волосами на голове, как у женщины, под охраной нескольких милиционеров и каких-то вооруженных штатских осетин и ингушей, вчера на собрании аула, внизу у сельсовета.

Джамбул там не был, ему вчера вечером рассказал об этом пришедший Аслан-бек и младшая дочь Зюлейка, бывшая с подругами в ауле.

Придя домой, Зюлейка, вся в слезах, судорожно рыдала на груди отца, бессвязно рассказывая, как "начальник" из города, показывая на саклю Булатовых, брызгая слюной, странно коверкая русские слова, кричал визгливым голосом: "Булатов враг, кулак, и таких, как он, советская власть уничтожает с корнем. Ему и детям его нет места среди честных крестьян!"

Обо всем этом более толково и связно рассказал Аслан-бек. И еще более подробно рассказали пришедшие позже Хасан и его друг Васо. Последний, в прошлом Василий, приютившийся в ауле лет десять тому назад, сразу после гражданской войны, быстро научившийся говорить по осетински, трудолюбивый, хороший работник, всегда всем помогавший, как-то прижился в ставшем ему родным ауле, сроднится с тружениками гор и, будучи от роду чернявым, совсем стал осетином - Васо Урзаевым.

Васо стоял у дверей сельсовета и тоже слушал речи "начальника" и наблюдал по сторонам. Горцы хмуро слушали. Все любили Булатовых за добрый нрав, а Джамбула уважали, как лучшего когда-то джигита гор, и за старую его ласку ко всем. Им не было понятно, почему они "крестьяне", которыми они никогда не были. Не было понятно какое-то

учение какого-то "Марлы Кваксы", которого, как Бога, хвалил "начальник". О какой-то мировой революции кричал человек, и что такие,как Джамбул, стоят на ее дороге, в то время как Джамбул никогда без дела не стоял на дороге, был хороший трудолюбивый хозяин, а последние годы еле перебивался с семьей. И вздохнули, расходясь, когда приехавшие из города агитаторы шумно залезли на свой грузовик, захватив два больших бидона с медом, барана, мешок яблок и два кувшина чихирю, и скрылись в ночи, под крики какой-то песни о пожаре на весь мир.

Причина приезда агитаторов была понятна Васо, и он сразу со своим кунаком Хасаном поспешили к Булатовым.

Старый Джамбул тоже понял, что это начало его конца. Он знал, что творилось недавно в Баксане под Нальчиком, в Дагестане, на Кубани, на Дону, под Орлом и даже около Петрограда, где много лет провел он на Царской службе. Бывая по всей Осетии, Ингушетии, в Дагестане и Грузии, он встречал много русских крестьян со всех концов необъятных просторов России, побиравшихся по станицам и аулам. От них он слыхал, что советская власть разоряет хозяйства, а тружеников в запертых вагонах куда-то увозят.

И этого не мог понять Джамбул. Зачем? И за что? Ведь так даже иноплеменные враги не поступают, вторгаясь на территорию побежденных. И вот теперь докатилось и сюда.

Сгорбилась спина. Никогда не было так тяжело. Присел на камень. Глядит на белую ленту дороги вниз. Видно, ждет кого-то. Еще ночью ускакал сын Амалат в город к старому другу Петру. Петр много знает, бывал здесь. Любил послушать старого Джамбула, много и сам рассказывал. Разные люди, а общего много. Что-то скажет сегодня? Глядит старик вдаль, еще печальнее стали глаза.

"За что наказуешь, Аллах?" - шепчут губы. Ведь все уже давно отнято. Уже много лет своими руками, с сыном и дочерьми возделывает маленькое поле, сея кукурузу, разводя огород, ухаживая за пчелами, за малочисленным скотом, промышляя охотой.

Все, что требует ненасытная власть, все исправно отдает семья Булатовых так же, как и все, порой лишая себя необходимого. Разве это вина, что был он много лет верным слугой Российской Державы, верным воином Белого Царя и его великого народа, с которым вместе, плечом к плечу, делил он трудности походов в двух войнах?

И перед глазами прошли видения давно минувших лет...

- о -

Давно, лет тридцать с лишним тому назад, Джамбул - в алой черкеске, расшитой серебряными и золотыми галунами, с позолоченными газырями, в белой папахе. Сбоку шашка, вся в серебре, клинок - настоящая гурда, еще отец ею рубил турецких янычар и собак-курдов под Батумом, Карсом. На поясе - кинжал, весь в серебряной оправе, с не менее славным прошлым.

После Императорского смотра на Царскосельском поле Джамбул Булатов вызван - показать кавказскую джигитовку.

Правильное каре войск образует громадный четырехугольник, на одной стороне которого, под натянутым шатром, на Царском валике стоят молодой Император с Императрицей, члены Царской Фамилии, гости и иностранные представители.

По данному сигналу, с места в карьер, стоя в седле на вороном арабе, мчится Джамбул, гикая, размахивая кинжалом, горяча коня. Дойдя до середины поля, он испускает дикий гик, и одновременно раздаются возгласы испуга на валике - горец падает, но это только кажется: он на лету вложил кинжал в ножны, алая черкеска его прилипла к левому боку лошади, и под животом ее он быстро переползает на правый бок и вновь стоит на седле и вихрем несется, стоя на одной ноге, вдоль застывшей линии войск.

Вот в одну сторону летит белая папаха, в другую, сверкая, кинжал, вонзившийся острием в землю. Плавный поворот, снова клич гор, конь распластался в бешеном аллюре, вьется по ветру алая черкеска, одна нога в стремени, другая носком на луке седла, и висит горец, почти касаясь головой земли. Вот подхватил папаху, с гиком, в один момент, упругим движением перебрасывает весь корпус в то же положение на другую сторону и вмиг подхватывает кинжал.

На Царском валике громкие аплодисменты, возгласы восторга несутся из рядов Императорской конницы.

Кинжал в зубах - и на крупной рыси, уходя на арабе к строю личного конвоя Его Величества, алая черкеска, как мяч, перебрасывается через седло слева направо и обратно, отталкиваясь от земли мягкими кавказскими чувяками, и наконец, выхватив шашку, горец завертел ею со свистом, образуя сплошной, сверкающий на солнце круг.

Круто осадив коня перед строем, скользнул с седла, снял папаху и, прикладывая ее ко лбу и к сердцу, низко поклонился в сторону Императора, стоявшего под распластавшим над ним свои могучие крылья Российским двуглавым орлом.

В тот же день, с этой же эмблемой на крышке, получил из рук Государя часы в золотой оправе.

- o -

Несколько лет спустя, под Вафангоу, от разрыва японской шимозы погиб родной брат Ибрагим, шедший рядом с ним в атаку. А затем, в арьергардных боях под Мукденом Джамбул был и сам ранен в голову и в левый бок, перед этим изрубив с несколькими горцами полувзвод японцев. Домой приехал с Георгиевским крестом на черкеске. В Великую войну лучше всех доставал языка Джамбул Булатов. Под Перемышлем в конной атаке погиб последний брат, перерезанный пулеметной очередью.

В январе 1917 года Джамбул, лежа на носилках, прощался со своим старшим сыном Алимом, пришедшим к нему в полевой госпиталь. Венгерский гусар взмахом сабли, нацеленной в голову, отхватил три пальца левой руки, в которой держал кинжал - им и оборонился, - а взмахом правой, отцовской гурдой, разделил гусара надвое, но в тот же

миг впился в бок другой клинок и, падая, Джамбул видал, как юный гусарик, подскочивший на помощь товарищу, задыхался в петле Алимова аркана и навзничь валился с коня.

С тоской отец прощался со своим первенцем. С тех пор его больше не видал. В конной атаке, при взятии частями конницы Белой армии Эльхотова в 1918 году, погиб красавец Алим от большевицкой пули, так и не дойдя до родного аула.

А потом умерла жена, не пережив гибели сына, диких грабежей и насилий красных банд. И остался Джамбул с младшим сыном и двумя дочерьми. Много родных и близких погибли, служа верой и правдой великой России - народу, с которым сроднились.

А теперь, за все, что отдано, по определению новой власти, вдруг стал "врагом" той страны, за честь и славу которой погибли два брата, отдал любимого сына и пролил много своей крови.

Затуманились глаза, глядя на окрасившиеся пурпуром горы в лучах заходившего солнца, и долго еще перед глазами носились виденья давно минувших дней, навеянные воспоминаниями в самую тяжелую минуту жизни.

К ночи прискакал Амалат. Вести были плохие.

- Петр кланяется тебе, отец, - сказал сын, - велел сказать, чтобы уходил в горы; он слыхал, что скоро в Осетии, так же, как и по всей России, заберут всех, кого не любит советская власть, а тебя она не любит.

Долго и много рассказывал Амалат, что слыхал от друга Петра. И в ту бессонную ночь понял старый воин лихой и дерзкой Императорской конницы Джамбул Булатов, что он враг - да, он враг, но враг тем, кто были действительно врагами Великой России!

- o -

Шел тысяча девятьсот тридцать проклятый год. Свистел, гуляя по ущельям, ледяной ветер. Еще громче стонал Прометей на Столовой горе. Похоронным звоном звенели, ударяясь одна об одну, оголенные, заледеневшие ветки карагача над Тереком. Низко бежали взлохмаченные облака, то открывая, то вновь закрывая громады гор.

Вниз по дороге от родной сакли шел Джамбул в той же серой черкеске, без ремешка с серебряным набором. Рядом шли, прижавшись к отцу, Зюлейка и Фатима, окруженные вооруженными людьми. Бурку и теплую одежду не позволили взять, сказали, что теперь это не их, а "народное".

Внизу, у сельсовета, у большого грузовика, тот же вертлявый плюющийся человек в теплой шубе, в огромной папахе, с наганом в руке, ругаясь, распоряжался посадкой приводимых испуганных, ничего не соображающих людей.

В темноте, под дикий хохот ветра, усадили всех в грузовик, усадили туда же и Васо, который был связан и жестоко избит. По углам разместился конвой. И под хмурыми взорами нескольких горцев - "представителей аула" - затарахтевшая машина исчезла в ночи, с навсегда увозимыми от родных очагов ни в чем неповинными людьми.

Исчез за поворотом красный глазок машины; надрывая душу, раздавался вой Шайтана, оставшегося у разоренного гнезда верного воина двуглавого орла.

- o -

Пользуясь темнотой, Джамбул снял папаху, положил ее на колени, разорвал пальцем нижнюю подкладку и нащупал маталлический кружок, погладил пальцем крышку, ощущая контуры эмблемы, при свете звезд, появившихся в разрыве облаков, разглядел, что стрелки стояли на двенадцати. Кончились старые сутки, начинались новые. Поочередно приложил дорогую реликвию к сердцу и губам и незаметным движением швырнул в Терек, вдоль которого бежала машина. И впервые из глаз скатились крупные слезы, тотчас же замерзнув на седой бороде.

- о -

На другой день Амалат, возвращавшийся с охоты, был встречен в горах, недалеко уже от аула, ожидавшим его Хасаном, который предупредил его, что в ауле ждут его оставшиеся четыре милиционера с приказом его арестовать, и рассказал обо всем, что разыгралось прошлой ночью в ауле.

Грохнулся о земь и застонал Амалат от горя, обиды и бессилия. Не утешал его Хасан, а только глядел и ждал. Встал с другим лицом Амалат. Стряхнул снег с бурки, поправил кинжал, закинул за плечи ружье, взял сумку с патронами и с куском хлеба, поблагодарил Хасана за верность и дружбу, крепко пожал ему руку, глянул вниз на родной аул и походкой сильно раненого человека исчез в горах.

- о -

Из-за туч на все смотрел седовласый Казбек и лишь глубже шапку на брови надвинул и, казалось, горестно вздохнул и еще больше затих.

Б.Турчанинов.

ЛЕГЕНДА О ЗАБЫТОМ СОЛДАТЕ.
(К боям на подступах к Восточной Пруссии)

Лениво стоят, не качаются
Высокие сосны в бору...
И, будто шепча, совещаются
О чем-то в ночную пору.

О том ли, как там, меж деревьями,
Дрались солдаты, как львы;
Как пули свистали свирелями
И были там вырыты рвы.

О том ли солдате, что, раненый,
Приполз умереть в этот бор
И, будучи всеми оставленный,
Он так и лежит до сих пор.

То дождь покропит его, бедного,
То солнце пригреет, как мать;
То вьюга вдруг песню победную
Протяжно начнет распевать.

Откуда пришел он, неведомый?
С далеких ли русских степей,
Иль дикой тайги неизведанной?
Их много пришло, не один!

Ликуют в Париже и Лондоне
И празднуют Марну и Ипр...
Что им, для расчета холодного,
Что кто-то за что-то погиб!..

Ликуйте, ликуйте, народы победные,
Гордитесь, кичитесь собой!...
Забудьте совсем про сермяжника бедного,
Что славу вам дал и покой!...

Но то лишь пролог, а легенду поведают
Высокие сосны в бору...
Они эту тайну хранят, исповедуют
И скажут в иную пору.....

С.Ж.

(Перепечатано из Юбилейного Сборника Союза Русских Студентов в г.Брно, 1921-1931. Издание Союза Русских Студентов в Брно, Чехословакия, 1932 год).

- - oOo - -

Король Зогу в Америке в 1951 г.

ОКОНЧАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ Л.П.СУКАЧЕВА.

(См. "Вестник Первопоходника" №№ 28, 30, 33, 35, 36, 37-38, 40, 43, 45, 47-48, 49, 50, 51-52, 53-54, 55-56, 57-58, 59-60 и 61-62)

Уже будучи в Нью-Йорке, я продолжал получать часто известия от короля Зогу, причем мой приятель Хюсейн-Бей сообщал, что даже после свержения короля Фарука положение албанской королевской семьи не изменилось, благодаря дружбе Зогу со стоящим у власти Нагибом; но что, впрочем, Его Величество собирается прибыть "по делам" на короткий срок в Соединенные Штаты.

Действительно, весной 1951 года, когда я спокойно работал в своей мастерской в Нью-Йорке, раздался телефонный звонок, и я услышал голос Сельмани, говорящего из королевского аппартамента в отеле

Валдорф-Астория. Хюсейн-Бей сообщил мне о том, что Зогу, в сопровождении его самого, адвоката Фарука Израиля Паши, Татти и Шачира, час тому назад прибыли из Египта и что Его Величество просит меня немедленно к нему приехать.

Я поспешно снял рабочий костюм и, переодеваясь, стал думать, кто такой этот Шачир. Вспомнил, что так звали того почтмейстера в Буреле, который, пославши ряд почтовых переводов своему приятелю в Италию и не зарегистрировав их в Албании, удрал из страны на взятом мною и албанским министром почты и телеграфа такси. Во Франции Хюсейн-Бей мне рассказывал, как Зогу в Египте сделал этого ловкача своим министром финансов и как он ценил его советы...

В гостинице на Парк Авеню я увидел короля в первый раз с того памятного утра 1939-го года, когда вся королевская семья двинулась в путь в изгнание...

Зогу встретил меня очень радостно, стал подробно рассказывать о создавшемся в Каире политическом положении и задавать ряд вопросов о ситуации в Америке. Оказалось, что Его Величество перевел все свое состояние из Англии в Египет, так как считал, что там можно выгоднее всего поместить капиталы. Все же, в виду последних событий, он приехал в Соединенные Штаты для того, чтобы около Нью-Йорка купить имение, в котором, после эвентуальной ликвидации дел в Египте, он мог бы поселиться. Я спросил короля, не думает ли он, из-за создавшегося международного положения и пока это было еще возможно, перевести в Америку бо́льшую сумму денег, чем предназначалась на покупку имения. Зогу сразу заинтересовался тем, сколько можно заработать, если вложить капиталы в американские предприятия. Я ответил, что банки платят максимум 4% на вклады, но что купивши акции, можно рассчитывать на 6, максимум 8% дивидендов. Король посмотрел на Шачира, улыбнулся и сказал, что он привык в Египте зарабатывать минимум 100% на свои деньги.

Затем он обратился ко мне с просьбой подыскать подходящую резиденцию, которую он все же хотел приобрести на всякий случай - имение где-нибудь под Нью-Йорком. Король также сказал, что ищет хорошего американского адвоката, который помог бы незнающему местных законов Израилю-Паше оформить эвентуальную покупку.

На следующий день я обратился в ряд агенств, представил королю своего адвоката, который тоже дал полезные адреса, и мы с Хюсейн Беем принялись энергично искать имение.

Эти поиски дали мне возможность побывать в самых разнообразных местах около Нью-Йорка и осмотреть целый ряд дворцов и поместий, построенных по фантазии разных миллионеров. Много оказалось точных копий Версальского дворца; почти во всех имениях были не только теннисные площадки в парке и в крытых помещениях, но и огромные бассейны в садах и часто в подвальных помещениях дворцов, обычно рядом с баром. Осматривая один из таких домов, с освещенным разноцветными электрическими лампами бассейном, показывающий усадьбу сторож указал на вделанный в стену шкаф. В нем хранились, по распоряжению умершего владельца имения, купальные костюмы из какой-то странной пластики. Сторож пояснил, что покойный помещик, устраивая приемы, любил предлагать эти костюмы своим гостям. Когда они в них входили в бассейн, то одеяния таяли в воде, оставляя купальщиков в костюмах Адама и Евы до грехопадения...

Татти, племянник короля Зогу, на террасе имения в Сасетте.

Комический инцидент произошел со мной как-то, когда я в поисках имения условился встретиться с Сельмани в одной конторе по покупке и продаже недвижимости в городке Маморонэк. Я в это время находился в штате Коннектикат и должен был подъехать к Маморонэку с севера к 10 часам утра, а мой приятель должен был к тому же времени приехать из Нью-Йорка, севши, совсем вблизи Валдорф Астории, в поезд на вокзале Нью-Хэвенской железной дороги.

В агентстве я оказался первым, поздоровался с его владельцем, объяснил ему, что приехал по делу покупки имения королю Зогу и подожду приезда моего приятеля. Уселся в кресло. Вижу, что хозяин конторы, в которой он был один, сел напротив меня, как-то странно, на край стула, на котором все время ерзал. Вид у него был какой-то растерянный... Хюсейн-Бей все не являлся. Я решил позвонить в Нью-Йорк, чтобы узнать причину опоздания. На мой вопрос, могу ли я воспользоваться стоящим рядом со мной телефоном, я получил утвердительный ответ; но не мог не заметить сильного и мне непонятного волнения агента. В то время, как я вызывал отель Валдорф-Астория и просил меня соединить с аппартаментом короля Зогу, лицо агента как-то просияло. Принявший мой звонок Татти сказал, что Хюсейн-Бей уже давно выехал. Когда я повесил трубку, то владелец агентства вскочил со стула и радостно произнес:

– Ну, слава Богу, все благополучно, это не "холд-ап" и вы не гангстер. Он открыл тут же лежавший последний номер журнала "Лайф" и, показывая мне портрет Фарука, поспешил объяснить:

- Войдя в мою контору, вы сказали, что вы король Фарук, а я как раз видел в этом журнале фотографию свергнутого монарха Египта - вы на него совсем не похожи!- (А я-то думал, что за два года научился говорить по-английски, как настоящий янки, а оказалось, что этот американец меня вообще не понял). Он продолжал:

- Войдя, вы сели так, что загородили собой выход из агентства, так что после того, как вы назвали себя Фаруком, который на вас совсем не похож, я и решил, что вы гангстер. Позвонить по телефону в полицию я тоже не мог, так как вы сидели у аппарата и все время зачем-то клали руку в карман - верно, за револьвером, если я попытаюсь звать на помощь... Вот я и сидел смирно, пока не услышал вашего телефонного разговора.

В это время, то есть когда я был уже реабилитирован в глазах агента, явился и Сельмани, который опоздал, так как вместо того, чтобы ехать в Марамонек, сел в поезд, идущий в Олбани.

Оказалось, что найти подходящее имение - не такая простая задача, как нам казалось. Мы с Хюсейном осмотрели несколько десятков поместий; король приезжал со своей свитой только в те имения, которые мы признавали подходящими для Его Величества; но во время королевского осмотра всегда находился какой-то дефект: то дом построен в американском колониальном стиле и напоминает жилище разбогатевшего фермера, то приемные комнаты недостаточно велики... К тому же многие имения продавались по ценам, превосходившим намеченную королем сумму.

Наконец мы нашли продаваемую Слесетте, в 20-ти милях от Нью-Йорка, имение: главный дом производил, действительно, впечатление дворца. Был он построен в начале нашего столетия миллионером Гудзоном, после его смерти продан наследниками, а после Второй Мировой войны стоял необитаемым, в ожидании покупателя. Кроме "господского" дома в 64 комнаты и 12 ванных и многочисленных служб, в имении было еще четыре маленьких дома с четырьмя квартирами в каждом; огромный парк, бассейн, террасы и, конечно, фонтаны, как в Версале... (См. фотографию на стр.61).

На этот раз король остался удовлетворенным нашей находкой. Оценил количество жилых помещений: в маленьких домах он собирался поселить свою стражу - 70 человек бывших гвардейских солдат: они должны были тоже приехать из Египта. Понравилась ему также зала во дворце, размером в 80 футов на 40; оценил и мебель: хотя ее и не было достаточно, но состояла она, если и не только из музейных вещей, то, во всяком случае, хорошо имитировала старинную обстановку.

Агент, через которого должна была совершиться сделка, все пытался показать Его Величеству службы и объяснить, как можно было модернизировать кухни, но король отказался сойти в подвальный этаж, считая, что ему не подобает даже входить в помещение, предназначенное для кухонных и хозяйственных целей.

Итак, после многих недель поисков, наконец, было найдено имение по вкусу Зогу. Рекомендованный мною американский адвокат вместе с Исраиль-Пашей занялся оформлением сделки и наведением справок относительно предстоящих платежей налогов на недвижимость. Зогу считал, что так как Вашингтон продолжал признавать его законным королем Албании, игнорируя коммунистическое правительство, никаких налогов ему в Америке платить не придется. Однако, выяснилось, что

Подъезд ко дворцу короля Зогу в Саесетте (штат Нью-Иорк)

штатные и городские власти все же потребовали уплаты налогов в том же размере, в котором было и раньше обложено имущество.

Когда кончились все формальности и наступил день подписания купчей, Зогу расплатился чеком на сто тысяч долларов и на следующий же день, со всей свитой, улетел обратно в Египет.

На аэродроме собралось много народу - албанцев, корреспондентов разных газет и друзей короля. Несмотря на то, что сестры Зогу его не сопровождали, багажа оказалось такое количество, что с короля потребовали дополнительных 1000 долларов наличными, которых у него с собой не было. Пришлось их одолжить у также провожавшего его придворного ювелира Остиера, бывшего Острейхера.

Однако, на следующий же день в Нью-Иоркских газетах, включая "Таймс", появились заметки, гласившие, что Ахмет Зогу, король Албании в изгнании, купил на Лонг-Айланде имение, за которое расплатился драгоценными камнями, и что перед отлетом в Египет на Интернациональном аэродроме он тоже сыпал бриллиантами в уплату за билеты, багаж и чаевые; причем вынимал из карманов мешочки с этими драгоценными камнями...

Прощаясь со мной, король просил следить за имением, но я ему объяснил, что жить в Саесетте не могу, а буду только наезжать туда время от времени, и что следовало бы Его Величеству взять постоянного сторожа. Король на это охотно согласился и выразил желание, чтобы я нашел на это место русского, так как он привык иметь на

своей службе моих соотечественников. Осведомился о размере жалованья, которое нужно будет платить за охрану имения. Я не был в курсе цен и наугад сказал, что, вероятно, за 100 долларов в месяц можно найти хорошего человека.

Король выразил надежду в недалеком будущем приехать опять, но судьба сложилась иначе, и мне больше не довелось его увидеть.

- о -

После отъезда короля я стал искать подходящего человека для охраны имения и решил обратиться в Толстовский фонд. Приняла меня одна из помощниц Александры Львовны, внимательно выслушала, сказала, что есть подходящее лицо, но осведомилась о предлагаемом жалованьии. Я ответил, что кроме, конечно, квартиры Зогу платит 100 долларов в месяц. Сотрудница Толстовского фонда посмотрела на меня уничтожающим взглядом и произнесла только одно слово: "Рабовладелец!"

Я очень огорчился, так как писать королю, что я ошибся, назвав эту сумму, как приличное вознаграждение, мне не хотелось, а доплачивать разницу из собственного кармана - тоже меня не устраивало. Тогда я решил обратиться в разные Нью-Иоркские церковные организации. Всюду ответ был отрицательный, но на всякий случай я оставлял свой адрес, прося, если все-таки кого-нибудь найдут, желающего ехать в Саесетт, направлять его ко мне.

Через несколько дней, когда я работал в своей мастерской на 95-й улице, кто-то постучал в дверь, и вошел человек среднего роста, в фуражке, белой рубахе, галифэ и высоких сапогах. Выправка была у него чисто военная. Он стал передо мной смирно и, узнав, говорит ли он с "генералом Сукачевым", спросил строгим голосом: "Вы монархист?" После моего утвердительного ответа он продолжал: "Ваше превосходительство, вы легитимист?". Несмотря на некоторое удивление, я опять ответил: "Так точно", - и тогда широкая улыбка расплылась на до этого серьезном лице незнакомца, который, подавая мне руку, поспешил представиться:

- Войсковой старшина С., - и пояснил: - Не извольте гневаться, Ваше превосходительство, что я начал с того, что задал вам эти вопросы. Дело в том, что недавно был у меня такой случай: я, ведь, Его Преосвященству Владыке рыбу жарю, и вот как-то приходит ко мне на кухню какой-то диакон; говорит, что монархист, я ему и подал руку, а он оказался не легитимистом... Сознаюсь, что не люблю я города, надоело жить в Нью-Иорке и хотелось бы узнать более точно, где Саесетт, как там и какая там освобождается вакансия. Может быть, при королевской конюшне? Я любитель лошадей и в Шанхае имел свою школу верховой езды, выучил езде не одного американского офицера и попал в Америку благодаря одной своей ученице, жене полковника, которая помогла мне выбраться из Китая, когда и там воцарились большевики.

Я сразу понял, что передо мной стоял человек твердых принципов и что более подходящего управляющего имением короля мне не найти. Я стал ему подробно объяснять, каковы будут его обязанности и ответственность перед Его Величеством в случае его согласия принять предлагаемый пост. Я видел, что служба королю его соблазняет, но пришлось ответить на неизбежный вопрос о размере жалованья. Когда я сказал, что Его Величество предлагает 100 долларов в месяц, вой-

Войсковой старшина С. на террасе имения короля Зогу.

сковой старшина взглянул на меня разочарованно, подумал и, печально сказав, что на эти деньги жить не может, нерешительно направился к двери... Вдруг остановился, повернулся опять в мою сторону и спросил: "Ваше превосходительство, скажите, какой у меня будет официальный титул, если я приму предложение короля?" У меня блеснула надежда соблазнить С. принять предлагаемое место и я ответил:

- Вы будете полковником С., управляющим имением Его Королевского Величества КОРОЛЯ АХМЕТА ЗОГУ 1-го АЛБАНИИ.

- И это я смогу писать на визитный карточках?

- Ну, конечно, ответил я, - и сможете этот титул напечатать на ваших конвертах.

- Тогда я принимаю эту должность и сегодня же доложу Его Преосвященству, что ухожу от него!

Я искречне обрадовался решению С., помог ему перевезти его пожитки, в числе которых было шесть казачьих седел, и щенка, который должен был ему помогать охранять дворец. Однако, когда С. устроился в Саесетте, мне все же пришлось туда ездить часто, так как он не говорил по английски и каждый раз, когда приходилось вызывать водопроводчика, электротехника или еще какого-нибудь специалиста чинить что-нибудь в запущенном старом доме, то мой приятель не мог объясниться и мне нужно было либо вести долгие разговоры по телефону из Нью-Иорка, или бросать свою работу и мчаться в Саесетт для личных объяснений. Расставаться же с С. я не решался, пока не представился случай найти ему другое место.

В один из моих частых приездов в имение войсковой старшина осведомился, как по-албански "ура". Я сказал, что "Рофт", и так был назван щенок. Потом С. начал его дрессировать к предстоящей встрече с королем. Рофт должен был стать на задние лапы перед Его Величеством и правой передней лапой отдать честь. При мне пес научился всей этой премудрости, но, увы, исполнить всю процедуру перед королем Албании ему так и не довелось...

В это время Нассер стал у власти в Египте; я знал, что в Каире арестованы многие бывшие приближенные давно успевшего удрать в Италию короля Фарука. От Зогу я не имел никаких известий и терялся в догадках, что случилось с ним лично и с его огромным состоянием. Между тем, налоги на имение оставались неуплаченными, так же, как и штрафы, которые все росли...

Только когда Зогу удалось, наконец, переехать во Францию, я получил от него известия. Оказалось, что Нассер в течение долгого времени держал короля под домашним арестом, в конце концов выпустил его с семьей за границу, но капиталов из Египта вывезти не позволил.

Я получил распоряжение продать имение, но по цене, никак не меньшей покупной стоимости, плюс все налоги... Это была нелегкая задача, и к тому же, в ожидании продажи, чтобы избежать ликвидации имущества налоговым бюро, мне пришлось лично заплатить часть накопившихся долгов... Однако, в конце концов мне посчастливилось. Я вел переговоры с одной большой строительной компанией, которая хотела купить имение, снести дворец и на всех 100 акрах земли построить поселок из 400 домов. Вплотную с имением короля находился дом и огромный парк американца, который в компании с президентом Либерии эксплоатировал в Африке одни из самых больших в мире железных копей. Этот миллионер, не желая иметь около своего дворца поселок, решил купить имение Зогу; это его тем более соблазняло, что ему не хватало земли для устройства частного гольфа. Железный магнат предложил 250.000 долларов, которыми Зогу остался вполне удовлетворен. Он просил меня лично отвезти во Францию все нужные для сделки документы, но я в это время был уже болен и вместо меня полетел в Париж адвокат.

Таким образом, я Зогу больше не увидел. В 1961 году он скончался в военном госпитале под Парижем.

Что касается войскового старшины, то после некоторого времени службы у короля в имении мне удалось найти ему такое же место, но на большее жалованье, в соседнем имении. Позже я узнал, что несчастный С. должен был оттуда спешно уехать... так как имение было куплено Советским представительством при Объединенных Нациях... Войсковой старшина сразу же переехал в Санкт-Петербург... во Флориду.

Л.Сукачев.

К о н е ц.

- - oOo - -

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

по сбору денег в пользу первопоходника С.Карпова, проживающего с больной женой в С.Петербурге (Флорида) и находящегося в тяжелом материальном положении после перенесенных трех серьезных хирургических операций.

1. В.Мяч 5.00
2. Н.Белоусов . . . 3.00
3. С.Проценко . . . 3.00
4. А.Мяч 4.00
5. В.Фирсов 2.00
6. А.Долгополов . . 5.00
7. С.Чернов 3.00
8. В.Залеткин . . . 3.00
9. Новосильцев . . . 3.00
10. Коваленский . . . 3.00
11. М.Кутепова . . . 1.00
12. М.Шилле 10.00
13. В.Шилле 10.00
14. Сускаукас 1.00
15. Н.Прюц 2.00 58.00

16. О.Александр 5.00
17. Храм Покрова Пресвятой Богородицы 50.00
18. М.Скворцов . . . 1.00
19. В.Мяч 5.00
20. Д.Свидерский . . 5.00
21. К.Васильев . . . 5.00
22. Ф.Беляев 10.00
23. Лида Мяч 5.00 86.00

На празднике Корниловцев:

24. В.Мяч 5.00
25. Н.Белоусов . . . 5.00
26. С.Чернов 5.00
27. Вядро 3.00
28. К.Лисицын . . . 2.00
29. А.Герскин . . . 2.00
30. А.Шпакович . . . 2.00
31. И.Ляшков . . . 5.00
32. Берзник 2.00
33. Зайцев 1.00
34. Г.Корнилов . . . 5.00
35. Бялковский . . . 2.00 39.00

36. от О.Александра – Церковный совет при Св.Покровской церкви . 50.00
37. К.К.Кузнецов . . 10.00
38. Н.Белоусов . . . 5.00
39. В.Залеткин . . . 5.00
40. А.Мяч 3.00 73.00

Всего . 256.00

Выслано:	25/5	30.25
	29/7	25.00
	31/7	50.00
	29/7	25.00
	31/8	35.20
	26/9	20.00
	16/10	50.00
	11/11	20.00
	Всего .	255.45

Прием пожертвований продолжается. Редакция надеется, что все первопоходники и, вообще, читатели нашего журнала не откажут в помощи своему соратнику, оказавшемуся в тяжелом положении и пришлют свою посильную лепту.

- - o0o - -

На складе Редакции "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА"
имеются для продажи следующие книги:

"ВОСПОМИНАНИЯ" ген.Богаевского	цена 3.00 долл.
"МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ", том 2-й, 1919, 1920 г.г.	" 5.00 "
"СОЮЗ ПЕРВОПОХОДНИКОВ"	" 3.00 "
"ВЕРНЫЕ ДОЛГУ" - сборник-памятка 1-го полка Русского Корпуса (1941-1961)	" 2.00 "
"МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ" - сборник статей, посвященных Донскому Баяну, под редакцией Н.М. Мельникова.	" 3.00 "
"ПУТИ ВЕРНЫХ" - ген. А.Лампе	" 4.00 "
"СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В АМЕРИКУ в 1863 году". Иллюстрированный сборник статей проф.Петрова, Тарсаидзе и А.Долгополова. Цена с пересылкой	" 1.50 "
"СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК" - В.Альмендингер	" 1.50 "

Пересылка за счет покупателя. С каждой книги 20 центов.
Заказы адресуйте на имя В.П.Мяч - 1524½ Echo Park Ave.,
Los Angeles, Calif., 90026.

ОТ РЕДАКЦИИ.

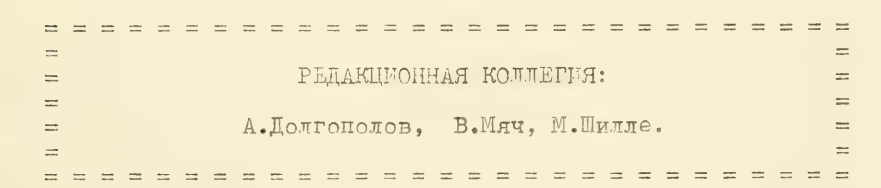
Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, В.Мяч, М.Шилле.

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
на 6 мес. (3 номера) - $ 3.00;
Цена отдельного выпуска - $1.00.

Адрес Редакции: 1624 ½ Echo Park Ave., Los Angeles, Calif. 90026

- - оОо - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $2.10

Желающие приобрести Знак могут обратиться к председателю правления В.П.Мяч по адресу Редакции.

- - оОо - -

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - оОо - -

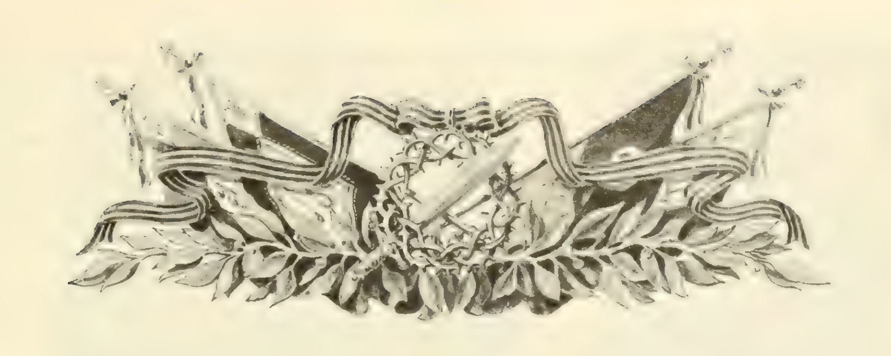
СОДЕРЖАНИЕ № 63/64

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
Двухмесячный журнал, посвященный
Первому Кубанскому Походу
и истории Белых Армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029
Phone: 664-7650

6-й год издания № 65/66 Февраль-Март 1967 г.

Этот номер журнала посвящается

памяти

ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА М Я Ч,

отдавшего последние 5 лет

своей жизни изданию журнала

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

ГЛАВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО
КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА
с глубоким прискорбием сообщает, что 13 декабря в Лос-Анжелесе,
Калифорния, скончался

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА
И ОСНОВАТЕЛЬ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

С о т н и к
ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ МЯЧ

и выражает сердечное сочувствие
ВДОВЕ И СЕМЬЕ ПОКОЙНОГО.

---

13 СЕГО ДЕКАБРЯ, В ЛОС-АНЖЕЛЕСЕ, КАЛИФОРНИЯ,
после продолжительной и тяжкой болезни скончался сотник

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ М Я Ч,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА УЧАСТНИКОВ
1-го КУБАНСКОГО ГЕН.КОРНИЛОВА ПОХОДА,
РЕДАКТОР-ОСНОВАТЕЛЬ журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА",

о чем с прискорбием сообщают
Отдел Союза Первопоходников и Лос-Анжелесский Отдел
Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов,
участников первой и второй Мировых войн.

ПОЧТОГРАММА

А.П.МЯЧУ, Лос-Анжелес.

Редакция "Часового" выражает искреннее сочувствие в постигшем тяжелом горе - кончине Василия Павловича - Варваре Сергеевне, Александру Павловичу, семье, редакции "Вестника Первопоходника" и Правлению Отдела Союза Участников Первого Похода в Лос-Анжелесе.

Да сохранит Господь душу дорогого усопшего в селениях праведных.

Редактор "Часового" Орехов.

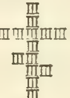
СЕМЬЯ ПОЧИВШЕГО ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА М Я Ч

ПРИНОСИТ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ, ПОЧТИВШИМ ПАМЯТЬ ПОКОЙНОГ - ПОМОЛИВШИМСЯ НА ПАНИХИДАХ И ОТПЕВАНИИ, ПРОВОДИВШИМ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ НА КЛАДБИЩЕ И ВОЗЛОЖИВШИМ ЦВЕТЫ НА ГРОБ, А ТАКЖЕ ВСЕМ ЧЛЕНАМ СОЮЗА И ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", ВЫРАЗИВШИМ СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПИСЬМЕННО.

1918 г.

СОТНИК

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ МЯЧ

Редактор-Основатель журнала "Вестник Первопоходника"

ПАМЯТИ БЕЛОГО ВОИНА.

В Лос-Анжелесе (Калифорния) 13-го декабря 1966 г. после тяжкого недуга скончался сотник Василий Павлович М я ч, Председатель правления Калифорнийского отдела Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода.

Покойный родился 23 апр.(н/с) 1893 г. в г.Анапе, Кубанской обл. Учился и вырос в Екатеринодаре. По окончании Чугуевского военного училища провел всю 1-ую Мировую войну - с декабря 1914 по 1917 год - на фронте в рядах 237 Грайворонского полка. Был три раза ранен - в 1915, 1916 и 1917 годах. Развал Армии застал Василия Павловича в Москве в госпитале, где он находился на излечении после ранения.

После захвата власти большевиками В.П.Мяч спешит на Дон на зов генералов Алексеева и Корнилова и зачисляется в 1-й Ударный Корниловский полк.

В составе отряда полк.Кутепова принимает участие в первых боях против большевиков под Матвеевым Курганом.

Кубанский поход В.П. совершил, командуя 3-м взводом 6-й роты Корниловского полка.

Трогательная встреча произошла при соединении Добровольческой Армии с Кубанским отрядом под Ново-Дмитриевкой, когда он встретил своих братьев Александра и Сергея, служивших в отряде Покровского. Он участвовал в штурме Екатеринодара, где был ранен еще раз 30-го марта 1918 года.

Во 2-м Кубанском походе В.П. командовал 4-й сотней 2-го Сводно-Казачьего полка в чине сотника. Одно время состоял адъютантом ген.Покровского и в этой должности покинул Крым. Жил в Болгарии, продолжая активную борьбу с местными коммунистами. После смерти ген.Покровского был принужден в 1922 году переселиться в Югославию, где имел свое торговое дело.

Во время 2-й Мировой войны В.П. вступает в Русский Корпус, в 1-й Казачий ген.Зборовского полк.

По окончании войны он прошел всю эпопею лагерей, и, наконец, попал в Америку, где тяжелым трудом зарабатывал себе на жизнь.

В 1950 году был одним из организаторов Калифорнийского отдела Союза Первопоходников в Лос-Анжелесе, которых собралось 10 человек. Был бессменным секретарем Правления, а последние три года - Председателем Правления.

Никогда не примирившись с большевиками, он до гробовой доски остался верен Белой идее. Был чуток к чужой беде, и многие первопоходники знают о тех заботах, которые он проявлял, собирая деньги и вещи для посылок.

С 1960 г. принял деятельное участие в издании печатного органа Союза - "Вестник Первопоходника". Сменив меч на перо, Василий Павлович всей душой отдался идее издания журнала воспоминаний участников Белых Армий. Собирая средства, материалы, находя подписчиков и сотрудников, он отдал всего себя, свое время мысли и силы одной идее: "Вестник Первопоходника".

Последние три года все дела Редакции - сбор материалов, средств, переписка с сотрудниками, отправка на почту - он исполнял сам. Все легло на его плечи, и до последнего дня своей жизни, несмотря на физические и душевные страдания, одной заветной мечтой его было желание, чтобы "Вестник Первопоходника" продолжал жить.

64 номера журнала, переплетенные в 6 увесистых томов, являются памятником трудов Василия Павловича.

Мир праху твоему, наш соратник и друг.

Спи со спокойной душой. Ты сделал все, что смог, для своей Родины и своих соратников.

Не довелось тебе услышать Пасхальный благовест о Возрожденной России, о которой ты всегда мечтал.

Пусть будет тебе легка Американская земля!

- o -

Погребение состоялось 16 декабря на Русском Инвалидном участке Холливудского кладбища. Родственники, первопоходники, друзья и знакомые, представители всех военных организаций пришли отдать последний прощальный поклон.

После покойного осталась супруга Варвара Сергеевна, брат Александр, невестки Нина и Лидия, внучка Ирина.

Год тому назад Василия Павловича и Варвару Сергеевну постиг тяжелый удар - трагическая гибель единственного сына.

- o -

Редакция выражает свое глубочайшее соболезнование семье и родственникам покойного в их неутешном горе.

- о -

Мир праху твоему, верный Корниловец!

А.Долгополов.

- - оОо - -

ОСИРОТЕВШИЙ ВЗВОД.

С тяжелым чувством принял известие, что Василия Павловича уже нет среди нас.

Передо мною - не отправленное ему письмо, датированное 12-м декабря 1966 г. Оно короткое, чисто деловое. Конец его таков: "Более подробное письмо напишу позже. Да хранит Вас Бог!".. Подробного письма писать не пришлось. 13-го декабря 1966 г. 4-й взвод 6-й роты Корниловского Ударного полка потерял своего последнего взводного офицера, поручика В.П.Мяч.

Взвод - осиротел. Как на экране, воскресают в памяти эпизоды из пройденной боевой жизни.

Гор.Ростов - Таганрогские казармы. Мы прибыли со станции Хопры, где держали фронт. Идет формирование и пополнение 6-й роты полка. Закончилась спешная формировка, и рота выстроена для смотра. Офицеры - на своих местах. Мое внимание приковано фигурой стройного, высокого роста, в прекрасно пригнанном обмундировании, с претензией на щегольство, молодого офицера, командира 2-го взвода пор.В.П.Мяч. Таким он и остался у меня в памяти на все время. Не изменила его и походная жизнь - он был таким же, каким я его видел в Таганрогских казармах.

Выселки. Стоим и наблюдаем, как наши цепи пошли в атаку. Я же уже успел в одной из хат купить у старой казачки за 50 коп.серебром три шкалика водки (Николаевки). Два шкалика я предложил своему взводному офицеру в подарок, а третий оставил себе. Наблюдавший эту картину пор.Мяч подошел ко мне: "Николай! Дай мне оставленный тобою шкалик". Я беспрекословно подчинился и без всякого сожаления вручил его ему. - "Пить тебе еще рано, а я его выпью за твое здоровье и твою расторопность". От денег, предложенных мне за мои расходы, я категорически отказался.

Кореновка. После эпизодов со стаканом от шрапнели и простреленным чайником в роте стали говорить: "Поручика Мяч ни спаряды, ни пули не берут!" Но это было ошибочно, под Екатеринодаром все таки нашла его пуля.

Под Некрасовскими хуторами пор.Мяч был уже моим взводным офицером. Положение было серьезное. Нервы напряжены до предела. Кто-то не выдержал и выстрелил в наступающие цепи противника. Пор.Мяч оборачивается к цепи: "Кто стреляет без команды?! Береги патрон! На эту сволочь жаль патрона, ее только штыком!" Помню, лежал и думал: "Хорошо тебе - здоровый, винтовка со штыком, а каково мне с моим куцым карабином?" Однажды я высказал ему свою мысль. Он улыбнулся: "Николай! Ты имеешь право стрелять, но только в упор!"

В дисциплинарном отношении он был строг, но в жизни был прост и доступен. Он был как будто старшим товарищем. Во всяком случае, я не помню случая, чтобы кто-нибудь из взвода был им недоволен. Он был любим и уважаем.

Ново-Дмитриевская. Живем в покинутой хозяевами хате. Каждый вечер, при свете каганка, доброволец Черкасов, лежа на соломе, рассказывает какую-нибудь очередную фантазию, где главной фигурой был пор.Мяч. Застава на мосту - с пением "Да громче музыка играй победу..." - и главной фигурой и здесь был пор.Мяч. Кончился поход - я был уже в рядах Донской армии, но "береги патрон" осталось во мне до самого конца войны.

Крым - Константинополь - Европа - и уж видно последнее пристанище - Америка. Не помню, где-то вычитал, что в Калифорнии есть Союз Первопоходников и среди его членов - В.П.Мяч. Написал письмо в Главное Правление с просьбой выслать мне адрес пор.Мяч. Ждать пришлось долго, причины этого не знаю. Наконец, адрес у меня.

Пишу письмо, в котором спрашиваю: не было ли у Вас родственников или однофамильцев в Корниловском Ударном полку - мой последний взводный офицер был у меня пор.Мяч.

Получил ответ: фотография, на ней пор.Мяч в корниловской форме. "Ваш покорный слуга был Вашим взводным офицером", - помню, писал Василий Павлович.

Взводный офицер на месте - пора бы сделать перекличку. Перекличка началась, в свет вышел журнал "Вестник Первопоходника". Из писем В.П. было видно, что он много времени уделяет своему детищу. Жаловался - "работы много, мало времени остается для своей частной жизни".

И вдруг - Василия Павловича нет! Низко, низко склоняю голову над еще свежей могилой. Путь - пройден. Корниловская семья осиротела еще на одного однополчанина. Но память о Василии Павловиче не умрет.

22 янв. 1967 г.
Монтреал.

Доброволец 6-й роты 4-го взвода
Корниловского Ударного полка
Н.Бассов.

- - оОо - -

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА.

"И Русь со слезами суровыми,
Но с нежностью ласковых слов -
Укроет венками лавровыми
Могилы погибших орлов..."
М.Н.

"Поход в иных формах, но с той же идеей продолжается..." И... продолжаются потери. Творец и душа нерукотворного памятника, по заветам белых вождей, почил на своем посту смертью верных Корниловского Ударного полка белый воин поручик М я ч Василий Павлович. В его лице мы потеряли неутомимого первопоходника, одного из главных создателей летописи, правдивого и яркого освещения Белой вооруженной борьбы на полях Гражданской войны многострадальной России.

Я - потерял душевного заокеанского друга, с которым несколько лет вел полную искренности с обеих сторон переписку. Его бодрые, обнадеживающие, содержательные письма как бы поддерживали тот Светоч, ко-

торый все мы обязаны, во имя Святой Руси, донести до освобожденной Родины.

Мы чтим память Первых начавших, мы чтим память их сподвижников и продолжателей, как можем, как умеем, чтобы память о них стала незабываемой во веки веков... для истории России.

Далеко от Калифорнии, где сурово-преждевременно оборвалась жизнь славного первопоходника, на острове Тихого океана, среди тропической зелени, на небольшой мачте приспущен красно-черный флажок. Прозвучали три выстрела из винтовки и эхом прокатились над океанской гладью вдаль. Слушайте все салют славы и нашу печаль. Но духа нашего и печаль не сломит!... Оборвалось что-то... но вечная память жива и будет вечно напоминать нам о славных страницах повествований о героической эпопее, бережно собираемой и хранимой тем, кому сейчас мы честь и славу воздаем.

Василий Павлович отвечал всем требованиям "Заветов Первопоходника", объявленных в журнале "Вестник Первопоходника" № 2, и особенно седьмому завету - "быть примером справедливости, здравомыслия и выдержки"...

Перелистывая страницы "Вестника Первопоходника", мы находим строки воспоминаний добровольца-кадета Н.Бассова:

"Под станицей "Кореновская", "В.П." № 6: "... Только что мы залегли, как командир 3 взвода поручик Евдотьев и командир 2 взвода поручик Мяч подошли к прапорщику Капранову и образовали небольшую, но довольно-таки веселую компанию"...

И это - перед густыми цепями красных, под их ожесточенным огнем.

Читаем там же: ..."... мой сосед справа передает: "Передай по цепи - поручик Мяч поймал пулю". - Что за дикая шутка, - думаю в данный момент, - но передаю дальше. Позже оказалось, что, выйдя на гребень, поручик Мяч нашел чайник - небольшой, эмальированный - и нацепил на пояс. Откуда взялся чайник, неизвестно, но я предполагаю, что его бросил один из красноармейцев при спешном отступлении. Не пробежал поручик Мяч и десяти шагов, как пуля угодила в чайник. Пробила первую стенку, оскользнулась о другую и закружилась внутри чайника. Поручик Мяч остановился, открыл крышку, взял пулю, положил в карман, а чайник снял с пояса и бросил. Отсюда и пошла шутка по цепи, что поручик Мяч ловит пули...

"...Шрапнельные снаряды рвались на небольшой высоте почти над головой. Я видел, как стакан одной из таких разорвавшихся шрапнелей, вертясь и шурша, ударился о землю и рикошетом опять поднялся в воздух, повторив такую зигзагообразную комбинацию три или четыре раза, при каждом разе делая полет над землею все ниже и ниже. "Господин поручик! Нагнитесь! - закричали в цепи, - стакан от шрапнели!" В последнюю минуту поручик Мяч нагнул голову, и над ней просвистел стакан. Эти два случая с поручиком Мяч дали повод добродушной шутке в роте: "Кому, кому, а поручику Мяч нечего бояться, его ни пули, ни снаряды не берут. Пули на-лету хватает, а снаряды головой отбивает".

Под станицей Усть-Лабинская 4-й взвод, где находился доброволец Бассов, понес большие потери при атаке позиции красных у моста. Командир взвода Капронов и его невеста - гимназистка 8-го класса Ростовской гимназии *) - оба были убиты, и взвод был влит во 2-й взвод, которым

---

*) Очевидно, Вера Покровская, невеста прапорщика, жившего одно время у нас. Оба ушли в 1-й Кубанский поход из Нахичевани.

командовал поручик Мяч.

Продолжение воспоминаний добровольца Н.Бассова. "У станицы Ново-Дмитриевской" - "В.П." № 8.

"...с нами остался наш поручик Мяч. На нем я хочу немного остановиться, как на моем последнем взводном офицере. Поручик Мяч - молодой, представительный, стройный офицер, высокого роста, пропорционально сложен, блондин и большой щеголь. В отличном, хорошо пригнанном обмундировании: бриджи синего цвета, офицерский китель, на левой стороне которого, на груди, знак военного училища, какого - не знаю *). Вечно чисто выбритый, и создавалось впечатление, что будто он собирается идти в офицерское собрание, а никак не месить 20-ти или 30-ти-верстную грязь. За плечом - русский карабин кавалерийского образца, на поясе в кобуре - револьвер системы "наган". Я сказал бы, что это был один из самых серьезных молодых офицеров в нашей роте. Не знаю, был ли он кадровый офицер или военного времени, но, судя по всему его поведению, он скорее подходит к кадровому офицерству. В бою - выдержанный, хладнокровный; никогда не забывал о том, чтобы добиваться цели ценою минимальных жертв. Каждый солдат ему был дорог. Безрассудно взвод не поднимет, где надо залечь - заляжет, где надо выждать - выждет, но где нужен стремительный и быстрый удар, там уж не отставай!

"Он умел поддерживать ту непосредственную и живую связь с солдатом, которая дается только людям, долгое время общавшимся с ними. Беспощадно "цукал" тех, кто начинал стрельбу без команды. Вечного своего "Береги патроны!" и сам он строго придерживался, говоря: "На эту сволочь и патрона жалко, ее надо только штыком".

"Благодаря тому, что в нашей роте преобладало большинство учащейся молодежи, он не был так строг к нам, а ты в нем видел как бы старшего своего товарища.

"Ночью мы вышли на мост в заставу. Красные повели наступление на станицу. Отчетливо видны движущиеся фигурки на снегу. Идут они медленно. Приблизились к нам.

"- Идем бить кадетов! - кричат они.

Поручик отвечает, что здесь не кадеты, а Корниловцы.

"- Белопогонники... - и добавляют крепкое словцо.

"Подпустили совсем близко.

"- Встать! Слушать мою команду! - отдает приказание поручик Мяч громким голосом, так, чтобы слышал противник.

"- Батальон!... Пли!

"Дружный залп нарушает ночную тишину.

"- Брешете?.. - опять крепкое словцо, - вас там пять человек, а не батальон.

"У моста заработал пулемет, и их цепь покатилась назад, оставляя убитых и раненых на снегу.

"Мы же завели песню:

"Да громче музыка, играй победу"...

Спасибо кадету-ударнику Н.Бассову за его столь ценные сейчас строки воспоминаний о Василии Павловиче Мяч. Мало, но ярко характеризующие весь его безупречный облик.

Сам Василий Павлович из скромности никогда ничего не написал о себе. А мог бы написать много интересного и увлекательного. От знающих его мы вправе ждать еще больше, чем уже написано. И тем самым,

*) Чугуевского (прим.Ред.)

как лучший венок, продолжить его труды по изданию летописи "Вестник Первопоходника".

Спи, поручик Василий,
Со спокойной душой,
Ты заслужил, родной,
Славу и вечный покой...

Борис Турчанинов.
Тихий океан.
1967

- - оОо - -

О Б Р А Щ Е Н И Е

к Собранию членов Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова Похода.

Глубокоуважаемые и дорогие друзья!

Господа офицеры, славные добровольцы-первопоходники, все члены Общества, к Белому Делу причастные, обращаюсь также к Вашим семьям, делящим с Вами все Ваши радости и печали.

Всем Вам от меня лично и от подписчиков журнала "Вестник Первопоходника" выражаю сердечное сочувствие в той печали, с которой была встречена весть о неожиданной смерти приснопамятного Василия Павловича М Я Ч.

Лично меня эта весть очень потрясла, некоторое время буквально опустились руки. Но... стоило перелистать, просмотреть, вновь перечесть многие страницы уже шести томов переплетенных журналов "Вестника Первопоходника" и прочесть как бы для нас написанные строки на смерть генерала Корнилова под Екатеринодаром -

... "Но не смутились и не пали
Его сподвижники в боях,
Лишь черный траур в знак печали
Они воздвигли на плечах"... -

как стала ясна наша ответственность - не пасть духом, а помочь удержать падающий из рук Василия Павловича Светоч, который он нес, как председатель Общества и как главный творец и душа журнала "Вестник Первопоходника".

Я призываю Вас найти силы, время и возможности продолжать издание журнала, единственного печатного органа всего Союза Первопоходников, как единственную полноценную летопись Белой вооруженной борьбы. Ведь это так ценно для истории.

Мне ведомо, как это трудно - постоянно, из года в год, выполнять все одному, даже двум или трем лицам.

Я обращаюсь к Вашим молодым людям с призывом помочь Вам хотя бы в технической работе, как то: печатание, брошюровка, упаковка, писание адресов, отправка на почту.

Пусть вспомнят Ваши юноши и девушки - или расскажите им, - как 49 лет тому назад мы переживали начало борьбы за Свободу, Честь, Славу и Достоинство России. Как самоотверженно шли, обрекая себя на

сильные тяготы, кадеты, гимназисты, девушки-гимназистки, часто не имевшие полных 16-17 лет, а были случаи и моложе.

Оказать такую помощь своим близким, перенесшим в годы их молодости ни с чем не сравнимые тяготы, - прямая обязанность следующего поколения. В наших условиях сравнительной обеспеченности и устроенности - ведь это так немного. Два, максимум три воскресенья или субботы в течение двух месяцев, - и в то же время это так ценно, как подвиг.

В этом вопросе трудно убеждать, я сознаю, что часто нас трудно и понять. Все это можно лишь прочувствовать сердцем и разумом, что и присуще только нашим молодым людям, не потерявшим своей русскости и чуткости.

Бог в помощь Вам, Белые воины, преодолейте и эту трудность на Вашем пути и закончите с честью Ваш легендарный поход.

Тихий океан — Б.Турчанинов.
Январь 1967 г.

- - oOo - -

Надгробное стихотворение памяти Председателя Калифорнийского Отдела Союза Участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова Похода

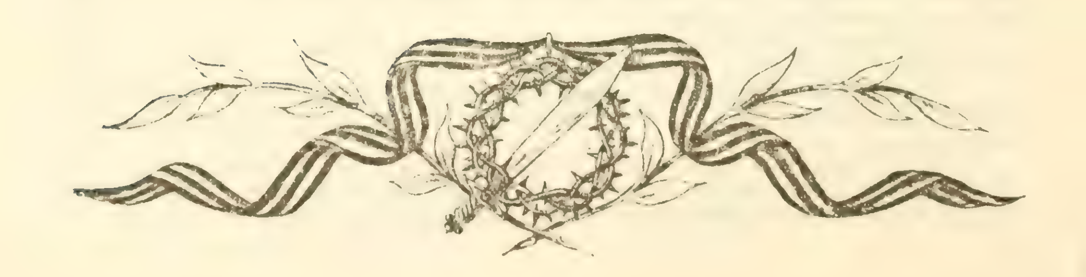
ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА М Я Ч.

Закончены последние страницы,
И книга Жизни закрылась навсегда.
Ушел от нас Первопоходник Вася
Туда, где царствует покой и тишина...

Еще вчера шутил, смеялся,
Сегодня с нами он расстался.
Его мы больше не увидим,
Но память добру сохраним.

Слова сии, сплетенные в венок,
Я на могилу возлагаю
И, помолившись о душе,
Свои колени преклоняю...

Соратник Гончаров.

Хотелось бы мне сказать несколько слов об ушедшем в иной мир Председателе Первопоходников Василии Павловиче Мяч. Одно время пришлось мне работать в Редакционной коллегии журнала "Вестник Первопоходника", и я видел, с какой любовью и энергией Василий Павлович увлекался работой Союза. Всегда на руках имел много писем от первопоходников из разных мест рассеяния. В этих письмах столько было горя и слезных просьб о материальной помощи. Он всем старался ответить, успокоить и послать какую-то лепту. Все это делалось так трогательно и с любовью. Из надгробной речи первопоходника А.Долгополова я узнал, что за период существования Общества Первопоходников Василий Павлович отослал нуждающимся соратникам в Европу и Южную Америку около 10.000 долларов.

Так же трогательно и с любовью относился он к журналу "Вестник Первопоходника". Это было его детище. Василий Павлович старательно собирал материал, куда-то уезжал с журналом печатать и, вернувшись домой, начинал этот журнал приводить в порядок. Большей частью все это он делал сам, и только изредка находилась добрая душа и немного ему помогала. Василий Павлович никогда не жаловался, что ему приходится так много работать. Всегда говорил, что чем больше мы будем работать, тем больше мы сможем помочь нашим нуждающимся соратникам.

Последний раз, когда я его посетил, я нашел его лежащим в постели; он сильно кашлял и тяжело дышал. Пытался при этом немного шутить, но это все было не то. Возле постели лежала гора журналов, видно, готовая к отправке. Когда я спросил, когда это все он успел сделать, то получил ответ: "Да это ведь не трудно". Ушел от него с грустью на сердце. Через два дня узнал, что Василий Павлович ушел в иной мир.

Да будет тебе, дорогой труженик и земляк-екатеринодарец, чужая земля пухом. Будучи офицером, ты геройски выполнил все, чего требовал долг перед Родиной. Таким же ты оказался и к концу своей жизни...

Ив.Гончаров.

- - oOo - -

Памяти Сотника

ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА М Я Ч.

Как бывший сначала помощник, а потом командир 2-го Сводно-Кубанского полка, я хорошо знал покойного Василия Павловича Мяч. Полковая семья была тесная, и мы были в дружеских отношениях, проделав совместно всю гражданскую войну до марта 1920 года. В начале марта начала формироваться Кубанская армия, и я расстался с полком, передав его в дивизию генерала Бабиева. Мы оба принимали участие в неудачной попытке ген.Покровского в 1921 году создать группу, переброситься на Кавказ, дабы вновь начать вооруженную борьбу с коммунистами. Впоследствии мы, хоть и редко, встречались в Югославии. После начала 2-й войны и формирования Русского корпуса мы уже не встречались. Установили связь письмами только в Соединенных Штатах.

Хорошо зная ныне покойного Василия Павловича, я с большой горестью принял весть о его кончине. В лице его мы потеряли верного сына России, доблестного в боях офицера, всегда готового при первой возможности жертвовать собой для спасения Родины.

Уже здесь, в США, Василий Павлович помнил лозунг: "Первый поход продолжается!". И, будучи председателем Лос-Анжелесского Отдела Союза Первопоходников, стоял во главе редакции "Вестника Первопоходника", отдавая ему елико возможно труда и времени.

Это его большая заслуга - как по увековечиванию памяти павших в боях и ушедших из жизни белых воинов, так и по воспитанию нашей смены. История восстановит эпоху Белого движения и, конечно, одним из главных источников материала будут правдивые статьи "Вестника Первопоходника". В этом и есть незабываемая большая заслуга как г.г. членов редакции, так и самого редактора - ныне покойного Василия Павловича Мяч.

Всецело разделяю скорбь г.г. членов Лос-Анжелесского Отдела и остальных первопоходников и скорблю о потере доблестного и неутомимого председателя Отдела, редактора журнала и моего однополчанина-соратника и друга. Мы же сохраним о нем светлую вечную память.

Ген.-м. Гетманов.

- - oOo - -

Глубокоуважаемый Александр Феодорович!

Недавно через ген. М.А.Скворцова получил печальную новость о внезапной кончине Василия Павловича Мяч. Мы лишились боевого товарища, горячего патриота и исключительно порядочного человека, а Вы еще деятельного и упорного сотрудника. От всей души сочувствую Вам и всем соратникам 1-го Кубанского Похода в этой тяжелой утрате...

Меня Судьба связала с Василием Павловичем еще в г.Ельце (Орловской губ) в декабре 1917 г. Пробираясь с Северного фронта в Новочеркасск, я задержался на несколько дней у местной помещицы В.Л.Гэхтеряевой, которая меня познакомила с В.П. Мы с ним часто беседовали. Единые идеи, мысли и патриотические порывы нас быстро сдружили. Мы собирались несколько раз с г.г. офицерами местного гарнизона (здесь была стоянка 18-го Гусарского Нежинского п-ка). Много говорили, много волновались, но я уехал один в конце декабря. Только один из местных помещиков, М.Р. (Черниговский гусар) потом присоединился ко мне.

Вскоре в Новочеркасске я встретил В.П. Я был назначен в 1-й Кав. дивизион полк.Гершельмана (в Ростов-на-Дону), а он в Корниловский полк. На полях сражений мы встречались и обмечивались дружескими словами и крепким рукопожатием. Попадая в г.Екатеринодар, одинокий, бездомный, я был всегда радушно, как родной, принят милыми стариками, родителями В.П. Я их никогда не забуду. И вот смерть В.П. меня глубоко поразила, хотя все мы старики и все под Богом ходим.

От всей души шлю Вам и всем соратникам и их семьям свои наилучшие пожелания благополучия, бодрости и больше здоровья.

"Сомкни ряды!"

Крепко жму Вашу руку. Да хранит Вас всех Бог.

Искренно уважающий Вас

9 янв.1967 г. Александр Никанорович
Париж. Глушков

- - oOo - -

ЖУРНАЛ "В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А".

Журнал "Вестник Первопоходника", являясь объединяющим органом всех членов Союза Участников Первого Похода, рассеянных по всем странам Европы, Австралии и Африки и по большей части, по различным причинам, особенно по причинам геополитическим,не могших воссоединиться со своим центром, что безусловно пагубно влияло на их психику белого воина и толкало глубоко окунуться в условия окружающего их быта, успешно выполнил свою задачу объединения и приобщения вновь к Союзу тех, кто волею судеб был вынужден оторваться и идти одинокой тропой жизни.

Журнал за все это время был весьма содержателен.

Воспоминания участников похода, глубоко всколыхивая душу, заставляли мысль вернуться к тем годам и тем дням, когда среди хаоса и бедлама разнузданных и разагитированных масс, обуянных дикой ненавистью и дикой злобой, утлой ладьей всплыла и пошла маленькая горсточка энтузиастов добровольцев, принявших на себя великое обречение во имя любви и верности к невесте неневестной - скорбной страстотерпице, матери России.

Такой эпос не знает прецедента ни в одной истории человеческого бытия. Что перед этим Фермопилы, где пали триста, повинуясь законам своего отечества?...

И вот, ушедший глубоко в быт окружающей его жизни, постепенно забывающий славное прошлое Первопоходник, случайно прочтя попавший в его руки журнал, как-то вновь воскресал.

- О да, это было, это я знаю, ну, конечно - это именно так!...

И улыбка озаряла обветренное, покрытое рубцами жизни лицо.

Читался адрес журнала, писалось письмо, и связь налаживалась. Начинало чувствоваться плечо соседа, а иногда, когда в этом была нужда, из далекой Америки получалась и реальная поддержка от тех братьев, которые, находясь в более благоприятных условиях, не только писали свои воспоминания, но и могли протянуть руку помощи.

Связь росла и крепла, и вместе с этим рос Калифорнийский отдел, впитывавший в себя эти разрозненные, одинокие души своих боевых соратников.

Заслуга в этом и заслуга, конечно, великая лежит на покойном Василии Павловиче Мяч, этом неповторимом работнике и энтузиасте Белой мечты.

О его деятельности, как секретаря и председателя отдела, можно написать несколько страниц.

О его редакторско-издательской работе и всех связанных с нею горестях и радостях можно написать книгу.

Безустанно работая, просиживая ночами над полученными изо всех стран письмами и ответами на них, он день проводил в гараже, единолично печатая странички своего детища - журнала, успевая при этом забежать за восковками, подбирать и размещать присланные статьи и воспоминания, сбегать за оттисками иллюстраций, на почту с готовыми и сброшюрованными журналами, забежать на минутку по делу к соратнику, делая все это не только безвозмездно, но часто доклабывая из своего более, чем скромного, бюджета пенсионера недостающие средства.

Василий Павлович не думал, однако, ограничиваться только воспоминаниями.

Воспоминания - это только начало, проба пера, набирание опыта.

В будущем готовился выход на широкую дорогу журналистики, с привлечениемк этому опытных и специальных литературных сил.

Думая об этом, он любил часто поговаривать: "Мечем теперь не можем, так мы пером... Пером можно нанести раны и посильнее..."

Мысль о продолжении борьбы во что бы то ни стало и при любых условиях не оставляла его ни на минуту до самой смерти, и умер он, как белый воин, диктуя свои последние распоряжения и указания относительно набора и выпуска очередного номера журнала.

Наш долг, дорогие соратники, продолжать его дело. Наш долг - не дать погаснуть нашему светочу - журналу - и вывести его на ту широкую дорогу творчества, на которой каждое слово, каждая страница должны быть ударами, сильнее меча разящими, в котором непрестанно должна раскрываться правда истины и срываться маска с той злой силы, которая вот уже полстолетия господствует над нашей Родиной, растлевает наших детей и превращает живой, полный жизненных сил и невиданных возможностей народ в бессловесных, дегенеративных роботов-рабов.

Возможности у нас есть, таланты есть, необходимо только их привлечение, отбор и сплоченность, необходима воля и немного жертвенности в работе по распространению журнала, его продаже, привлечении подписчиков. Это - просто наш долг, наша обязанность.

Если это будет так, то журнал не только сможет дальше существовать, но и выйдет на ту широкую дорогу, к которой готовил его, выполняя тяжелую, черную работу бессменного и почти единственного работника, - Василий Павлович Мяч.

Это тем более возможно, что журнал, расширив свою программу, станет интересным и желательным и для массы национально настроенной Русской зарубежной общественности, объединив ее вокруг знамен Первого Кубанского ген.Корнилова Похода, чем даст нам, постепенно уходящим, недостающую в настоящее время смену.

П р а в л е н и е
Калифорнийского Отдела Союза Участников
Первого Кубанского Ген.Корнилова Похода

- - oOo - -

ПОЗДРАВЛЕНИЕ.

Г.г. членов Правления, членов редакции журнала и всех старых соратников и их семейства сердечно поздравляю с праздниками Рождества Христова и Новым Годом!

Шлю пожелания, поскольку в нашем положении возможно, спокойной жизни, а главное - увидеть воскресение нашей многострадальной Родины России!

Членам Редакционной коллегии желаю полного успеха в их высоко полезной работе, пусть журнал будет нерукотворным памятником павшим на поле боя, а также тем, кто до конца не изменил делу Белого движения, сиречь служения Родине.

А молодежи - послужить, как светоч, указывающий путь честного служения Родине!

Ген.-м. Гетманов.

- - oOo - -

СВЕЧА ДОГОРАЕТ.

Светильник мой гаснет - свеча догорает
И слабое пламя дрожит...
В печали глубокой душа замирает
И сердце так тяжко болит...
      Свирепая буря в Балканах бушует
      И грозно стучится в окно...
      О чем же ты плачешь, о чем ты тоскуешь,
      Усталое сердце мое?
Я плачу о доле суровой солдата,
О жизни печальной своей,
Вдали от отчизны, любимой так свято
Душою солдатской моей.
      О том, что навеки в груди одинокой
      Навеки разбиты мечты,
      Что сломаны силы рукою жестокой,
      Железной рукою войны...
Товарищей верных своих вспоминая,
Я Господу Богу молюсь
За них и за многих, что бились до края
За Веру, Царя и за Русь.
      Грущу я ночами о прошлом далеком,
      О милых, родных и друзьях,
      Грущу я по рекам России широким,
      По белой березке в полях...
Тоскую о косах красавицы милой,
О карих очах дорогой,
Моей ненаглядной и нежно любимой,
О солнце весны золотой...
      Под шум непогоды я юности светлой
      Прощальную песню пою
      И грустную сказку любви беззаветной
      Снесу я в могилу мою...
Без жалости буря крушит и ломает
И жизни ничьей не щадит...
Светильник мой гаснет, свеча догорает
И скоро совсем догорит.

Сергей Макаренко
(Стихи тяжело раненого инвалида.
Шипка).

- - оОо - -

Просим г.г. подписчиков возобновить подписку на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", а членов СОЮЗА ПЕРВОПОХОДНИКОВ - внести членские взносы!

Просим всех наших корреспондентов обратить внимание на перемену адреса Редакции. Новый адрес:

842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ В.П.ЛЯХОВ.

На фоне Гражданской войны шедшей в 1918-19 г.г. на территории Юга России, появление импозантной фигуры генерал-лейтенанта Владимира Платоновича Ляхова, к глубокому сожалению с ним близко сталкивавшихся, было слишком мимолетно, о причинах чего скажу ниже.

С В.П.Ляховым судьбе было угодно столкнуть меня несколько раз: впервые - юношей, не то кадетом последнего класса корпуса, не то юнкером Елисаветградского Кавалерийского Училища, на вакациях в родном мне городе Закавказья Александрополе; я любовался моложавым полковником Ген.Штаба, отбывавшим ценз ознакомления с артиллерийской стрельбой на местном полигоне, который тщательно, подтянуто возвращал отдаваемую ему честь, выгодно выделяясь этим от остальных офицеров, посещавших крепостной сад этой упраздненной крепости-склада.

Минули годы, прошла Японская война, я стал офицером. Годы первой революционной вспышки 1905-1907 г.г. застают Владимира Платоновича в роли командира пехотного полка в Севастополе, где он, с присущей ему энергией, подавляет возникшие беспорядки в экипажах и на судах Черноморского флота. Имя его появляется на страницах газет; он получает генеральский чин, назначение начальником штаба Кубанского Казачьего Войска, а затем - Начальником Персидской Казачьей Бригады в Тегеране.

Принятая им бригада доводится до высокой степени совершенства в смысле строевого обучения и воспитания - внушения понятия долга. Это последнее не замедлило проявиться в дни революции в Персии. Стесняемый дипломатическими соображениями русского посла, считавшегося с политикой Англии, он не получил просимого "карт-бланша" для наведения порядка в Персии и, в частности, в Тегеране. Результат - отречение Е.В. Шаха от престола, но командуемая ген.Ляховым Персидская Казачья бригада верна своей присяге и под его начальством конвоирует Шаха от Тегерана до Энзели, где его ждет русская канонерка для следования через Баку в Крым, в предоставленную Русским Правительством резиденцию.

В начавшейся в 1914 году войне с Турцией он сменил Начальника Приморского отряда и коменданта Михайловской крепости в г.Батуме генерал-майора Эльшина, отставленного Главнокомандующим Кавказской армией ген.-адъютантом гр.Воронцовым-Дашковым за ряд военных и административных неудач на этом направлении (результатом было оставление Чорохского края, вторжение турок и подход их к веркам Михайловской крепости).

Приняв командование, ген.Ляхов в короткое время привел в порядок оборону крепости, восстановил доверие населения к властям, а с января 1915 г. методически приступил к расширению плацдарма, вытеснению турок из Чорохского края и к укреплению Черноморского побережья. К 14 марта г.Артвин отобран у турок, и они отброшены за р.Чорох. Наиболее блестящие операции, руководимые им, относятся к началу 1916 г., когда он рядом небольших десантов продвигается к Архаве и Ризе, подготовляя этим проведение Трапезундской операции, задуманной Кавказским Главнокомандованием. С прибытием 1-й и 2-й Кубанских Пластунских бригад, возвращенных в 1916 г. Кавказскому командованию Верховным Командованием с Западного фронта, началась десантная операция к Трапезунду, блестяще законченная к 5-му апреля, когда ген.Ляхов с передовыми частями и прибывшим на миноносце Командармом ген. от Инф. Юденичем, бурно приветствуемые населением, вступили в занятый Трапезунд, второй после Эрзерума по значению военный и административный центр Анатолии.

За эту блестящую операцию он награжден чином генерал-лейтенанта и орденом Св.Великомученика Георгия Победоносца 4-й ст., а затем получает 39-ую пех.дивизию, во главе которой , в составе 1-го Кавказского Армейского корпуса ген.Калитина, принимает участие в Эрзинджанской операции.

После ряда ожесточенных боев у Мамахатуна полки 39-й пех.дивизии, преследуя отступающих турок, 12 июля 1916 г. вышли из горных дефиле, - - пишет в своей книге ген.-майор Масловский, тогда командир 153-го пехотного Бакинского полка, - в покрытую садами долину Эрзинджана и форсированно двинулись с горными батареями к Эрзинджану, так как легкие и гаубичные батареи задержались на горных тропах. Опередив колонны полков дивизии, ген.-лейт. Ляхов, сопровождаемый Наштадивом Генштаба полковником Драценко, верхом въехал в оставленный турками город со вступающими в него передовыми, разведывательными частями дивизии.

В первых числах февраля 1917 г. я, по окончании первых Ускоренных Курсов при Николаевской Военной Академии, прибываю в Тифлис, в Штаб Кавказского Фронта, и беру вакансию Старшего Адъютанта Генштаба в штаб 39-й пех.дивизии, штаб которой находится в г.Эрзинджане. Мне, кавалерийскому офицеру (18-го Драгунского Северского полка) придется впервые тесно соприкоснуться со службой в пехоте. Знания мои о ней лишь теоретичны и, не скрываю, поверхностны, невзирая на семь лет в строю до войны и 2 1/2 года войны: это было в коннице и в строю, а теперь придется состоять в аппарате,управляющем пехотою; есть, о чем призадуматься!

Узнаю, что Начдивом у меня Ген.-Лейт. Ляхов, тот полковник, коим я в дни юности восхищался; теперь он слывет блестящим боевым генералом, строг и требователен. Я не хочу себя обманывать, что будет трудно, и задаю себе вопрос: "Как меня там встретят, как сложатся взаимоотношения?" Ведь от этого будет зависеть вся моя дальнейшая служба по Генштабу. С этими мыслями отправляюсь к месту своей службы, куда и прибываю. Там являюсь своему прямому начальнику Наштадиву полковнику Драценко (Даниилу Павловичу), который представляет меня Начдиву ген. лейт. Ляхову. Наружностью генерал мало изменился, разве чуть пополнел, но строен, высок, в чертах его лица, окаймленного темно-русыми бакенбардами времен Имп.Александра 2-го, сквозит уверенность и энергия, а легкая седина в густой, но коротко подстриженнойшевелюре на характерной голове есть свидетель житейской и боевой мудрости; генерал носит белую, лезгинского сукна, кавказскую черкеску с элегантностью, присущей горцам.

Выслушав мой рапорт явления, он здоровается и приглашает сесть; затем, после минутного размышления, глядя прямо мне в глаза, но обращаясь к полковнику Драценко, говорит: "Ну вот, Даниил Павлович, введите штабс-ротмистра в курс дел, а там, через недельку можете ехать в отпуск", - а потом ко мне: "А вы, штабс-ротмистр, ознакомившись, после отъезда нач.штаба, тогда распоряжайтесь". При этих словах в глазах его мелькнула мимолетная усмешка, мною подмеченная и меня смутившая, но крепкое рукопожатие при прощании как бы разуверяло, что все обойдется и что "не боги лепят горшки".

Два дня спустя, по прибытии моей верховой лошади "Англичанки", я, по указанию Начдива, в сопровождении казака от конвойной сотни отправляюсь на участок 153-го пех.Бакинского полка для ознакомления с укрепленной позицией, разработанной "лучшим, по выражению ген.Ляхова,

командиром полка его дивизии".

Позиция, занимаемая полком, находилась в 8-10 верстах к югу от Эрзинджана, по сторонам Кемахского шоссе и р.Кара-су; ее фортификационные сооружения, рассчитанные на укрытие от огня ружейного, пулеметного и легкой артиллерии, ничего не имели общего с укрепленными полосами позиционной борьбы, преподносимыми нам полк.Кохановым на академических курсах. Главное их качество - использование местности, ее естественных особенностей, как перед фронтом, так и в глубину. Здесь позиции - не сплошные линии, а ряд опорных пунктов, связанных ружейным, пулеметным и орудийным огнем с обстрелом подступов к ним продольным огнем. Глубина складок в тылу используется для контр-атак прорвавшихся сил противника, сосредоточения и подхода резервов, как для отбития атак, так и для перехода в атаку; маневр и обход имеют решающее значение, равно как и наблюдение, разведка фронта и обеспечение флангов с удержанием высот. Все эти особенности войны в горах мне указываются по прибытии на его участок молодым (38 лет) полковым командиром полк. Масловским при ознакомлении моем с расположением его полка; к вечеру я вернулся в Эрзинджан и доложил о виденном ген.Ляхову, а дней пять спустя, по отъезде полковника Драценко в отпуск, утром в 9 часов я вошел к генералу с первым докладом Начальника Штаба. Выслушав меня, подписав доложенные бумаги и положив свои резолюции и указания, Начдив сказал: "Отлично, продолжайте так самостоятельно делать распоряжения, но приводите их в исполнение лишь после доклада мне". Так началась для меня "практическая школа офицера генштаба".

Штаб 39-й пех.дивизии располагался у въезда в Эрзинджан со стороны Мамахатуна; он размещался в двух блоках: Первый, влево от въезда, - небольшой флигель, в коем помещаются: начдив, штадив, комнаты для канцелярии, старшего адъютанта по строевой и хозяйственной части, столовая и кухня офицерского собрания; второй - комнаты старшего адъютанта по оперативной части, дивизионного врача, интенданта, команды связи, писарская, конвойной сотни. Распорядок дня в штабе, ввиду затишья на фронте, мало отличался от такового штаб-квартиры мирного времени. Все ответственные лица связаны между собой телефоном; моя привилегия - ночью, если не спится, могу слушать бесконечные разговоры телефонистов, которые, дежуря, отгоняют сон, делясь новостями.

В конце недели по отъезде Наштадива в отпуск - вызов из штакора: "Наштакор просит наштадива 39-й прибыть в штакор для выяснения по ряду вопросов". Докладываю Начдиву и на автомобиле качу в штакор. По прибытии туда прошу доложить о себе. Возвратясь из кабинета наштакора ген.-майора Ласточкина, генштаба подполковник Медведев (штаб-офицер для поручений) говорит мне: "Генерал занят и поручил мне переговорить с вами по интересующим его вопросам". Мы с ним быстро, на основании привезенных мною справок, разрешили их, и я менее, чем через 3/4 часа уже был в штабе дивизии и докладывал по этим вопросам ген.Ляхову; по окончании доклада генерал задал мне вопрос: "Какое впечатление произвел на вас ген.Ласточкин?" Я ответил: "Не могу вам, Ваше Превосходительство, ответить, ибо Наштакор не мог принять меня, а поручил переговорить по затронутым вопросам штаб-офицеру для поручений подполковнику генштаба Медведеву". Я увидел, как потемнело лицо генерала - предвестник грозы, - а затем, не поднимая глаз от просматриваемой им бумаги, он коротко бросил: "Попросите Наштакора к телефону". Не могу точно передать его разговора, но, подойдя к телефону и взяв трубку, спро-

сив, кто у телефона, ген.Ляхов, вместо обычного обращения по имени и отчеству, сказал: "Это вы, Ваше Превосходительство?", а затем: "Вы моего начальника штаба не сочли нужным ни принять, ни поинтересоваться, что он из себя представляет"... Не знаю ответа ген.Ласточкина, но ген. Ляхов продолжал: "Это прежде всего мой начальник штаба..." - и пошел, и пошел его допекать, так что, стоя около, я не хотел бы быть на месте ген.Ласточкина. В конце февраля мне пришлось опять быть по делам в штабе корпуса, но на этот раз я был там принят не по моему маленькому чину, а по занимаемой мною должности. Привожу этот незначительный эпизод, как характеризующий отношения ген.Ляхова к своему подчиненному и помощнику, престиж которого он для пользы дела готов был защищать.

Последние дни февраля и начало марта всем нам памятны, они не могли не коснуться и 39-й пех.дивизии, с той лишь разницей, что на всех перекрестках и углах тылового района дивизии появились плакаты: "Всякая агитация и агитаторы, призывающие к беспорядку, будут пресекаться военно-полевым судом и расстреливаться, как изменники".

В первых числах марта вернулся из отпуска полковник Драценко. Еще некоторое время спустя, Врем.Правительством, из-за начавшейся чистки в командном составе, снят с поста Комкор 1-го Кавказского генерал-от-кавалерии Калитин, а на его место назначен ген.Ляхов. Новый Начдив, ген. М.Ардживанидзе, боевой, строевой офицер, уже не был для меня "школой офицера генштаба", но я уже огляделся и, когда наштадив полковник Драценко уехал командовать полком вместо произведенного в ген.-майоры командира 153-го пех.Бакинского полка с назначением его генерал-квартирмейстером Штаба Главкома Кавказского, то, в ожидании прибытия назначенного вместо него генштаба подполковника Лошкарева, я вновь очутился в роли наштадива, но уже не был объят паникой, как то было в феврале.

Вскоре по прибытии нового Наштадива получаю вызов в штакор; являюсь туда, и меня проводят к комкору ген.Ляхову. Он все тот же, ни в обращении, ни в манере себя держать революция не отразилась; поздоровавшись, приглашает присесть и дает телеграмму Генквара фронта с предложением мне места помощника начальника Оперативного отделения Управления Генквара Штаба фронта. Видя мое замешательство, он говорит: "Соглашайтесь, здесь на фронте война кончена, в штабе фронта будут нужны твердые офицеры; мой совет - езжайте, работа в большом штабе для будущей службы в Генштабе вам принесет пользу". Я принял совет и, пожав ему руку, вышел.

В Корниловские дни я оправдал доверие ген.Ляхова, когда, будучи дежурным офицером при аппаратной комнате штаба фронта, выкинул штыками,при посредстве унтер-офицерского караула от 536 Запасного полка, вошедших трех комиссаров Закавказского комиссариата Врем.Правительства, прибывших с целью распространить воззвание Керенского в войсках фронта с объявлением Верховного Главкома изменником, за что на следующую ночь попал в тюрьму - в известный "Метехский замок", по обвинению "в вооруженном сопротивлении верховной власти". Я просидел там одиннадцать суток, а по освобождении из-за недоказанности обвинения, был отправлен на фронт старшим адъютантом в штаб 2-й Кавказской Казачьей дивизии, прибыв к которой, вступил во врем.исп.должности Наштадива и с нею прибыл на Кубань.

В конце 1918 года, после 1-го Кубанского Похода я, вернувшись после ранения, полученного в конной атаке 1-й сотни Егорлыкского Конного

полка Войска Донского, - в штабе дивизии генерала Покровского, опять старшим адъютантом. В Екатеринодаре и генерал Ляхов, прибывший из Батума для командования 3-м Добровольческим корпусом, в штабе которого он предлагает мне место старшего адъютанта по разведывательной части. Дивизия ген.Покровского после Майкопских боев, проведенных с моим участием, теперь наступает на Ставрополь, 3-й же Добровольческий корпус имеет направление на Минеральноводскую группу. Я перехожу, извинившись перед ген.Покровским, к своему старому начальнику. Руководимый им корпус опрокидывает красных по всему фронту, и к началу 1919 года Терско-Дагестанский край очищен от большевиков. Создаются правительства горских народностей: Кабардинцев, Чеченцев, Ингушей, Осетин, Дагестанцев, в амальгаме и сотрудничестве с Терским атаманом Казачьего войска. Генералу же Ляхову присвоено звание Командующего войсками Терско-Дагестанского края - в него включены: район Главного Кавказского хребта, Минераловодский район, Грозненский, Ставропольская губ. и Астраханское войско. Очередная задача - взятие Астрахани. Трудности, которые необходимо преодолеть - это Астраханские солончаки и растущие потребности Добровольческой Армии, поглощающей формирования, производимые распоряжениями штаба Командующего Войсками Терско-Дагестанского края, в котором я состою старшим адъютантом Общего отделения Управления Генквара - должность, равная должности Начальника отделения в Управлении Генквара армии.

Пока идет Царицынская операция ген.Врангеля и его Кавказской армии, ген.Ляхов, учитывая нужды Добрармии и важность взятия Царицына для дальнейшего продвижения правым берегом Волги и соединения с войсками Верховного Правителя Адмирала Колчака, безропотно отдает свои части в ущерб проводимой им операции по занятию Астрахани, но после взятия Царицына ген. бароном Врангелем и директивы Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России ген.Деникина о движении Армии левым флангом на Москву, он резко критикует этот план, считая его авантюрой, происходит конфликт, который, углубляясь и ширясь, вынуждает его отойти от "Белого движения" и поселиться в окрестностях Батума, в небольшом имении на Зеленом Мысу.

В мае 1920 г. он был предупрежден английской контр-разведкой о возможности покушения на него, с советом покинуть Батум. Прежде, чем последовать совету, идя на панихиду по несколько ранее умершей своей супруге, он по дороге в собор был смертельно ранен револьверными пулями в спину; выбежавшему лавочнику он сказал: "Стул и извозчика!". Лишь когда он подымался в экипаж, то сопровождавшие его увидели струйки крови на его белой черкеске; ранение - пробитая печень - было смертельным.

Так преждевременно, в расцвете многообещающих физических и умственных сил, ушел верный сын России, с долей фатализма рисковавший своею жизнью, ставя ее на карту там, где она, по его убеждению, могла повлиять на мораль предводимых им войск. Отсюда - его появления в боях на передовых линиях.

Свидетелем этого метода пришлось быть и мне, когда, прибыв верхом со мною и своим личным адъютантом поручиком Ц., он, спешившись, прошел сквозь цепи Кабардинских всадников, направляясь к железнодорожной будке, около которой наш бронепоезд вел огонь по "красным". Невзирая на предупреждения ген. кн.Бековича-Черкасского, командовавшего кабардинцами, что впереди, за исключением броневика, наших частей нет,

он шел вперед, широко шагая. Идя за ним и зная его глуховатость, я предупреждал его, что пули красных посвистывают; на это он, кивнув головой, сказал: "да", - и продолжал идти тем же размеренным шагом; дойдя до железнодорожной будки, взял мой бинокль и стал наблюдать противника. Командир "бронепоезда", обеспокоившись, снял с поезда пулемет, чтобы им прикрыть Командира 3-го Добровольческого корпуса от какой-либо предприимчивой партии неприятельских разведчиков. Когда разрывы бризантных гранат стали угрожать отходу бронепоезда, он доложил, что должен, маневрируя, несколько отойти. Генерал спокойно ответил: "Берите пулемет и отходите", на что командир бронепоезда возразил: " "Пока вы, Ваше Превосходительство, здесь, я не имею права". Сказав: "спасибо", генерал нехотя направился к линии Кабардинских цепей, с беспокойством, но и восторженно следивших за ним. Вернувшись в штаб, он имел короткий, с глаза на глаз разговор со своим личным адъютантом поручиком Ц, незаметно исчезнувшим в момент нашего продвижения к железнодорожной будке. После этого поручика Ц я в штабе не видел.

Мир праху доблестного героя-генерала, на много голов стоявшего выше тех, кого судьба поставила на руководящие роли в борьбе за Россию. Ее исход доказал правоту его оценки.

Полковник Пермяков.

- - oOo - -

ОЧЕРЕДНАЯ ВСТРЕЧА КОРНИЛОВЦЕВ.

В воскресенье 4 сентября 1966 г. Корниловцы отметили свой годовой праздник в день Ангела покойного Вождя и Шефа генерала Лавра Георгиевича Корнилова объединенной встречей представителей пехоты, артиллерии и Военного, имени генерала Корнилова, Училища.

После молитвы и минуты молчания, посвященной светлой памяти Вождя и павших в боях за величие Родины Корниловцев, были заняты места за общим столом. Первый тост - во славу в душевном единении сущих, родных Корниловцев - был произнесен главой объединения полковником Н.П. Биалковским.

В оживленной беседе о далеком ратном прошлом собравшиеся делились своими воспоминаниями. Слушали воспоминания детства и юности сына покойного генерала - Георгия Лавровича Корнилова, вспоминались личные встречи с генералом, переживания очевидца смерти генерала Корнилова, а также слушали, как напоминание, об организации Ударного Отряда капитана Нежинцева и о первом боевом крещении Отряда под г.Станиславовом 25 июня 1917 г., в котором Ударный отряд - Корниловцы - имел большой успех при прорыве сильно укрепленной позиции противника, захватив за короткое время боя 6 орудий, 26 офицеров и более 800 пленных солдат противника.

Каждая встреча вызывает возвышенное духовное чувство у Корниловцев и Первопоходников, носителей беспримерной жертвенности и чести. И Инициатором таких встреч является полковник Биалковский, старший в чине, старший Корниловец - честь ему и слава!

Присутствовали: сын покойного генерала Георгий Лаврович Корнилов, полковник Биалковский, подполковники Лисицын, Чернов, капитаны Ляшков, Белоусов, Зайцев, Шпакович, шт.кап. Бердник, сотник Мяч, поручик Вядро и А.И.Терских. Сердечно благодарим дам Российского Центра во главе с Любицей Алферовой за вкусно приготовленный обед.

К.Л.

ИДЕМ В ДЕСАНТ...

Как участник, хочу рассказать о двух, почти никому неизвестных, десантах из Крыма.

До сих пор они не были нигде описаны, видимо, потому, что они были секретные и малочисленные.

- о -

В конце марта 1920 года небольшие пароходы "Мария" и "Воевода Никола Пашич" секретно вышли из Керчи в Азовское море.

Пароходы были вооружены мелкокалиберными пушками и пулеметами; на них находились два отряда, состоявшие из отборных добровольцев, разведчиков и подрывников, всего около 40 человек. На море было сильное волнение. Была облачная, темная, как чернила, ночь; бурное море подбрасывало корабли, как щепки.

Отряд подошел к Кубанским берегам, к плавням у Ачуева; на пароходах - ни единого огонька, еле слышно, как работают машины, берега не видно, только слышен прибой.

Уходящие в Кубанский десант, большинство - кубанские офицеры, прощаются с остальными и, погрузившись в шлюпки, исчезают в темноте.

Орудия, пулеметы и остальной отряд, готовые к бою, молча ждали, что встретит десант на берегу.

Из разговоров я выяснил, что кубанцы должны были связаться с партизанами полк. Скакуна, скрывавшимися в плавнях у Ачуева, связаться с ген. Фостиковым, находившимся со своим отрядом где-то в Лабинском и Майкопском отделах, выяснить количество и расположение красных частей и, если возможно, произвести восстание в районе предполагаемого крупного десанта.

Томительно прошел час, на берегу все было тихо; наконец, показались темные пятна - шлюпки возвращались, все благополучно; моряки рассказывали, что сильный прибой мешал высадке. Красной охраны, видимо, нет, или она спит. Шлюпки подняты, и корабли двинулись на север.

Мы, вторая часть отряда, должны были высадиться около деревни Кирилловки в тылу красных частей, стоявших на Чангарском фронте.

Наконец, поздно ночью подошли к берегу, на море был настоящий шторм, с шумом бился прибой.

Моряки озадаченно качали головами, с большим трудом спустили шлюпки, с невероятными усилиями погрузился десант - все тепло одетые, обвешаны оружием и припасами; матросы еле справлялись с веслами, шлюпки ныряли, взлетали на волнах.

Трудно себе представить, чтобы маленькое Азовское море могло быть таким бурным! Бедные матросы выбивались из сил, борясь с волнами; подошли к самому берегу, но все попытки довести шлюпки до берега были неудачны, шлюпки заливало водой, грозя ежеминутно перевернуть; десант страдал от качки, все были мокры с ног до головы.

Наконец, морской офицер, командир шлюпки, пришел к заключению, что высадиться на берег в такую погоду невозможно без риска всем утонуть. Пароходы стали обозначаться в предрассветном тумане.

Ни одной души не было видно на берегу, ни один выстрел не раздался. С большим трудом шлюпки дошли до кораблей. С опасностью разбиться шлюпки выгрузили десант и были подняты на борты пароходов.

Немилосердно дымя, пароходы ушли в море. Полковник Штаба, руководивший всей этой операцией, решил, что корабли должны выйти в море, переждать до ночи и снова повторить высадку.

Море не утихало, грязносерые волны трепали корабли, было серо, холодно и пасмурно. Всем нездоровилось.

У полковника происходили споры с капитанами кораблей. Болтаясь в море, корабли должны были держать пары, была опасность, что в любую минуту могут появиться красные быстроходные минные катера, и судьба кораблей и десанта будет решена. На счастье, по случаю бури советские моряки в море не вышли.

Морское ведомство, ввиду скудных запасов топлива в Крыму, снабдило им корабли только на определенные часы, необходимые для возвращения из десанта. Расход топлива за целый день стоянки в море настолько уменьшит запас топлива, что корабли не будут в состоянии вернуться в Керчь.

Часам к 12 дня полковник, убедившись в справедливости расчетов капитанов, приказал идти в Керчь.

Первая часть десанта на Кубани была успешна, десант у Кирилловки не был выполнен, но неудача эта принесла известную пользу в будущем.

Было установлено, что побережье у Кирилловки не укреплено и слабо охраняется.

Две недели отряд провел на пароходах, ожидая дальнейших приказаний от Штаба Главнокомандующего. Весь порт уже знал, где мы были и зачем, и о невозможности высадки у Кирилловки; распространялись слухи, что высадка будет у Анапы.

Неудача у Кирилловки и предполагаемый десант у Анапы стали известны красной разведке и обэтом было сообщено, куда следует.

Наконец, после доклада Главнокомандующему, вернулся полковник, руководитель всей этой операции, и, собрав весь отряд, выразил благодарность Главнокомандующего за добытые сведения; все добровольцы возвращались в свои части.

Когда через несколько недель, 12-го мая (ст.ст.), корпус генерала Слащева, посаженный на корабли в Феодосии, высадился у Кирилловки, главной трудностью было сильное волнение и высокий прибой, но шлюпки и баржи выбрасывались на берег. Потери: один человек и два коня - утонувшие.

Красные были захвачены врасплох; части ген.Слащева углубились в тыл красных, захватили Мелитополь, наведя панику в красных частях, стоявших на фронте у Чонгара.

На другой день началось общее наступление из Крыма, которое освободило всю Северную Таврию до Днепра.

А.Долгополов.

- - - - - - - - oOo - - - - - - - -

<u>От Редакции</u>: Просим всех наших сотрудников, подписчиков и корреспондентов обратить внимание на перемену адреса Редакции: Новый адрес: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029.

- - oOo - -

ОБ "ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МИФАХ" И О ГОЛОЙ И ГОРЬКОЙ ПРАВДЕ.

В номере 61-62 нашего журнала "Вестник Первопоходника", помимо очень интересного содержания, есть и статья "Отрицательный миф" профессора полковника Месснера.

Всегда, где только я ни находил в печати статьи за этой подписью, я их прочитывал с большим вниманием, интересом и с большим уважением к талантливому автору их. Так же прочел и "Отрицательный миф".

Прочел, задумался, прочел более внимательно еще раз и... смутилась душа моя грешная! Да, вскоре исполняется 50-летняя годовщина нашей великой трагедии Российской! Скоро не останется на свете ни одного участника и свидетеля этих жутких событий! И вот, вместо покаяния всех и вместо слезной мольбы у Господа о прощении своих и общих грехов перед нашей Россией, уже не один раз в эмигрантской печати голую и очень горькую правду пытаются "замазать" каким-то оправдательным "сладким сиропцем"!

Даже если перечитать почти все, уже изданные в эмиграции, мемуары и воспоминания наших <u>больших</u> людей, стоявших в те роковые годы у власти, и, в особенности, "героев Февраля", то почти у всех найдете полное оправдание своих роковых ошибок и полное обвинение других.

По-моему, профессор-полковник Месснер подошел к своему "Мифу" только чисто по-профессорски"! Да, не "миф", а очень и очень горькая правда, что Русский офицер, увешанный крестами и медалями за свою доблесть в боях, израненный и больной и за все это оплеванный, смертельно оскорбленный ошалевшей от "великой свободы" солдатней, чернью и... нашей передовой интеллигенцией, расстреливаемый просто на потеху на улицах своей Родины, этот несчастный, преследуемый и гонимый повсюду офицер... не пошел почему-то ни в Поход с нашим Корниловым, ни в Белую Армию добровольно, а по мобилизации в большом количестве "рассыпался" по Деникинским тылам, где так привольно, сытно и весело жилось!

Совершенно верно, что все наше офицерство (профессор Головин, в своих лекциях в Париже, офицерства нашего к 17 году исчисляет куда больше, чем 250.000!) делилось на <u>настоящих</u> офицеров - и "куриц" или "скоро-офицеров". Но и в мирное время тоже были свои деления: гвардия "кичилась" над остальными родами оружия, кавалерия, артиллерия "задавались" над пехотой и т.д., а уж наш генеральный штаб считал себя прямо "сверх-человеками"; на фронте же их называли "моментами". Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что во всех армиях мира тоже существуют подобные различия; появились они даже и в Красной армии. Это и было, и есть, и будет!

Безусловно, существует большая разница между офицером, прошедшим в мирное время и кадетский корпус, и полный курс Военного Училища, и офицером - "курицей-прапорщиком", прошедшим только очень скорую подготовку в любой Школе Прапорщиков, и, наконец, прапорщиком, которого наши политические проходимцы 17-го года нарочно заслали в Армию для ее развала и революции.

Я лично, по окончании Реального училища, вступил в ряды нашей Армии уже во второй половине 16-го года, был под Ригой и под Двинском вплоть до конца 17-го года, то есть до полного развала Армии. И до некоторой степени имею право говорить о том, что я сам видел, и <u>не вслепую!</u>

В начале войны 14-18 гг. нашу Российскую армию, самую лучшую в мире, самый, что называется, лучший цвет нашей нации, но еще совсем не закончившую мобилизацию и, следовательно, совсем не готовую в нормальному наступлению, волею Верховного Главнокомандующего бросили, как солому в огонь, в большие наступления - лишь только для спасения "нашего Парижа" и наших "милых" союзничков. И не буду повторять тех фактов, которые знает каждый, кто в это время носил погоны!..

Трудно сказать, какой процент этой нашей Армии уцелел от этой бойни, от этого совсем нового, неслыханного до сих пор метода ведения войны противником (газы, пули "дум-дум", штыки-пилы и проч). И наши хронические неудачи, грызня наших высших генералов, беспечность штабов и интендантов и прочие неполадки, что называется, надорвали первые жертвенные порывы нашего офицерства.

Какая-то часть его, имея влиятельных "тетушек" и "дядюшек" уже воевала в "зем-гусарах" или же на очень "теплых" должностях (сколько там было "настоящих" офицеров, а сколько "куриц", я не имею возможности подсчитать!). Остальная же часть, скованная воинской дисциплиной и фронтовым духом, оставалась на местах и, щедро награждаемая нашим Государем орденами, чинами и местами, продолжала делать свое воинское дело. Это те, про кого незабвенной памяти Иван Лукьянович Солоневич сказал: ..."последнее время войны уже вел ее только разнесчастный прапорщик!"... (в эмиграции же И.Л.Солоневич, за выслугой лет, "произвел" их в штабс-капитаны!).

На фронте же, после своей почти ничтожной подготовки, он сразу попадал в бои,и зачастую, после потерь в офицерском составе, ему же давали роту или даже, нередко, батальон и посылали в бой... совсем даже не спрашивая его: настоящий ли он офицер или же только из "куриц"! Я хочу сказать (и не устану это всегда повторять!) что и этот прапорщик погибал и умирал совсем не хуже настоящих господ офицеров!... Примеров этому можно привести немало.

Какую же роль сыграло вообще все наше Российское офицерство в "великой и бескровной", во время подло вынужденного у нашего Государя отречения от Престола, во время "керенщины", во время Корниловского "бунта", Корниловского похода и Белой армии; здесь тоже есть великое множество "мифов" и много совсем голой, но очень и очень горькой правды. Припомним все то, что произошло в момент революции и после нее на самых верхах нашего Генералитета и даже в самой Романовской Фамилии, где этих самых "скорых" и "куриц" уж никак не могло быть! И будем оперировать общеизвестными теперь фактами.

В сугубо трагические для России дни, часы и даже минуты перед революцией наш несчастный Государь так и не нашел исполнения присяги, долга и своих обязанностей ни в своих близких по крови, ни в своем самом ближайшем помощнике, Начальнике Штаба Ставки, ни в своих помощниках - Главнокомандующих Фронтами (только 2 из них, из 16-ти, прислали Государю подтверждение своей верности Ему и данной присяге!!), ни в своей свите и окружении, кои тотчас после отречения разбежались от Него, как крысы с тонущего корабля! Теперь, на старости лет, после всего этого, нами всеми пройденного, нельзя ли нам с великой горечью сказать: - а что, если бы в эту роковую минуту наш Государь имел поддержку, одобрение и помощь этих, всем ему обязанных, людей и не поставил бы Своей подписи на этом, даже заранее заготовленном кучкой политических негодяев, отречении?!... Тогда... нам всем не пришлось бы "рассы-

паться" по всем чужим углам всего мира, и не писали бы мы реперь о всяких "мифах" и о горькой правде!..

Господин профессор дает немало, так сказать, уважительных причин, почему наш офицер так и не пошел никуда или не мог пойти. И на некоторых из этих причин обязательно надо остановиться. Безусловно, самой искренне правдивой причиной можно считать заботу о семье или родителях каждого, кто стремился всей душой к Корнилову-Алексееву. Но прямо заверяю господина профессора, что все 3683 человека, ушедшие с Корниловым, совсем не были какими-то "беспризорниками" без роду и без племени!

Верно, что в то время эта самая "ситуация" на необъятных просторах России была жуткая! Осатанелые от полной "свободушки" товарищи-большевики почти поголовно уничтожали офицеров и всех, кто... не имел на руках мозолей ("покажь руки!"), заливая красным кровавым потопом Россию. С образованием почти кругом центральной России разных Армий, отрядов и просто банд, возглавляемых разными людьми, под разными "соусами", встал и вопрос: куда и к кому лучше идти?!

Неужели такие имена, как ген.Корнилова и ген.Алексеева, а потом и адмирала Колчака, ген.Юденича и ген.Миллера никому и ничего не говорили, чтобы колебаться в своем выборе?! Отсутствие сведений даже о Корниловско-Алексеевском движении?! Я могу говорить, например, о Северном фронте, о нашей 5-й Армии (самой "революционной"!) и о моей 76-й пех.дивизии; этот слух был почти у всех на устах, но... к Корнилову оттуда пробрался только один человек!.. Да, очень, очень многие, кто пошел в поход, чтобы дойти к Корнилову, не дошли, погибли в пути (с великой печалью я сам свидетель таких трех расстрелов).

И я низко, низко склоняю свою голову перед Вами, господин профессор, за Ваши правдивые и ценные слова, сказанные Вами в Буэнос Айресе о тех честных Российских воинах, кто не дошел, но также заслужил нашу обязательную светлую память о них и полное преклонение перед их подвигом. И, говоря совсем правду, нужно поминать, хотя бы в своих молитвах, всех, кто взялся за оружие против большевизма и как-то боролся с ним, даже простого колхозника, доведенного уже до конца и трахнувшего какого-либо "активиста" топором по черепу!

Дальнейшей причиной, по которой, якобы, офицер не мог пойти, можно считать страшную моральную и физическую усталость от долгой и ужасной войны: частые наши неудачи на фронтах, очень большие потери в людях; зачастую блестяще выполненные операции кончались впустую или даже неудачами; наконец, страшная нехватка в снаряжении (особенно в первый период войны, когда Армия была в периоде наступлений) и в боеприпасах (пресловутые Сухомлиновские "пуговицы"!). И дух, и доблесть Армии - надорвались!

Ко всем эти - скажем - очень уважительным причинам можно было бы "подсыпать" и еще немаловажную причину: отречение нашего Государя! Каждый воинский чин (а настоящие офицеры в особенности) произносил присягу: не щадя живота своего и до самой смерти, за Веру, Царя и Отечество! Государь же сам отрекся за Себя и Наследника! И если совсем не рассуждать - почему Он отрекся и при каких обстоятельствах, - то, следовательно, все желающие могут считать себя этакими "вольными птицами": что хочу, то и делаю! Куда хочу, туда и пойду! и пр., и пр.

Но ведь от принятой-то присяги, если Царь и освободил от присяги Себе, осталось еще "за Веру и Отечество", от которых никто и никогда

не освобождал. И можно ли, вообще, вообразить себе настоящего офицера, присягнувшего только одному Царю, а на Веру и Отечество смотрящего с "плевательной точки зрения"?!

"Товарищи" подло и зверски прикончили Царя и начали систематически кончать с Верой и Отечеством. Не должны ли были долг и принятая присяга направить каждого офицера туда, где, уже с оружием в руках, была начата борьба - где за Царя, где за Веру и где за Отечество?

В то время нашу Родину, наше Отечество прямо заливал кровавым потопом осатанелый коммунизм, и казалось, что каждый порядочный и честный человек, воочию видя все это "углубление великой и бескровной", когда, как говорят, даже камни вопияли об отмщении, должен был бы взяться за оружие, а тем более офицер, более, чем кто-либо, оскорбленный и пострадавший от этой "свободушки"! И вот - только одна горсточка не могла не пойти, а остальная масса - не пошла!... И пошла эта горсточка - главным образом, безусой молодежи разного звания и положения - совсем не мечтая об орденах, чинах и служебных местах, только с единственным лозунгом (я лично до сих пор в этом убежден!): уж лучше смерть, чем терпеть это! И вот ко всем этим вышеизложенным причинам неявки к своему долгу и присяге невольно напрашивается и еще одна - последняя и правдоподобная причина: в обыкновенную войну, хочешь - не хочешь, а надо идти; за отвагу и храбрость Царь щедро наградит (и... героев было, хоть отбавляй!), а вот в эту, доселе небывалую, гражданскую - никто не тянет, наград, чинов никаких, а ген.Корнилов обещает только... винтовку в руки (и то не всегда!) и смерть в бою!.. И неудивительно, что в то жуткое время в России можно было выбрать - и не идти!

Совершенная правда, что Корниловский Поход, по всем абсолютно соображениям, представлялся тогда каким-то невыполнимым безумием:горсть людей, почти не вооруженная, совсем разнокалиберная по своему составу и только с безграничной верой в своего Вождя Корнилова - против красного потопа! И небывалое чудо совершилось: Поход уцелел, вернулся и породил Белую Армию! Можно это выразить и другими словами: "Лошадь, на которую все испугались сделать свою ставку, - чудом выиграла!"

С ген.Корниловым в Поход ушло из Ростова не 2000 человек, как пишет профессор Месснер, а 3683 человека, причем не безинтересно увидеть и здесь некоторую разницу: генералов от Инф. и Кав. - 3, генерал-лейтенантов - 8, генерал-майоров - 25, полковников - 190, подполковников и войск.старшин - 50, капитанов, ротмистров и подъесаулов - 220; итого, настоящих офицеров - 711 чел. Поручиков и сотников - 409, подпоручиков, корнетов и хорунжих - 535, прапорщиков - 668 чел; итого - 1612 чел. Вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев - 437. То есть, опять-таки, "не настоящих" и молодежи было больше!

Подводя к концу "и свое маленькое мнение" по затронутой теме, я должен сказать, что я - не судья, я не беру на себя смелости судить ни правых, ни виноватых; этот вопрос, эта страшная рана нашего офицерства далеко еще не изжита всеми нами, участниками и свидетелями того времени; беспристрастными и справедливыми судьями мы не можем быть. Всю ту страшную эпоху и всех нас грешных рассудит когда-нибудь история. А нам, пережившим это страшное лихолетье и стоящим уже у конца наших дней, нам никогда не замолить нашего общего и самого большого греха: на последней странице дневника нашего почти всеми оставленного Государя было написано: ...Кругом трусость, предательство и измена!..

В каждой армии всего мира есть и настоящие, хорошие офицеры, есть и плохие. Также и про нашу Российскую Армию следовало бы лучше говорить, как про всю Армию, а не делить ее на "хороших овечек" и на плохих "козлищ"! Мне не надо говорить, что, если заглянуть в историю нашего Государства Российского, в войны и походы нашей лучшей в мире, доблестной и единственно христианской Армии, то можно до самой своей смерти только гордиться своей принадлежностью к ней!

Но и нельзя, по-моему, какими-то "мифами" замазывать ту горькую правду, которая была в ней в то лихолетье.

И до конца моих дней я не перестану гордиться тем, что в конце 1916 года и я получил, на фронте, свою "курицыну звездочку" - чин прапорщика Российской Императорской Армии!

Один из этих "скорых",
но первопоходник,
Штабс-Капитан Д.Свидерский.

ОТ РЕДАКЦИИ: Помещая статью г.Свидерского в ответ на статью проф. полковника Месснера, - Редакция заканчивает дальнейшую дискуссию на эту тему.

- - oOo - -

РУССКАЯ ДУША.

В стране, где счастья нет и нет свободы,
Где властвует насилья наглый произвол,
Где в долгие, мучительные годы
Народ испил всю чашу самых страшных зол,

Где все, что славным прошлым созидалось,
Со злобой черною на смерть обречено, -
Ты все-таки бессмертною осталась,
О Русская душа! Тебе судьбой дано

Познать все муки крестного страданья,
В потоках крови смыть ошибок страшных грех,
Принять предательство и поруганье
И гнусных фарисеев торжество и смех.

Униженная, в муке нестерпимой,
Судьбе покорная - ты все еще живешь
И, как лампады свет неугасимый,
В себе России возрождение несешь.

Зинаида Клюева.

- - oOo - -

КОРНЕТ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НАКАШИДЗЕ.

9-го марта 1965 года скончался в Нью-Иорке один из самых молодых первопоходников - корнет Л.Гв.Уланского Его Величества полка князь Василий Николаевич Накашидзе, в прошлом кадет 5-го класса Орловского Бахтина корпуса.

После большевицкого переворота, покидая родной корпус, юный князь, движимый жертвенной любовью к Родине-России, не поехал к матери в Грузию, а по дороге выбрался из поезда в Ростове н/Д. и сразу поступил добровольцем в конный отряд полковника Вас.Серг.Гершельмана. Может быть, жалея молодость кадета Накашидзе и желая оградить его от тягот походной и боевой жизни, полк.Гершельман откомандировал его в личную охрану ген.Алексеева. Такая охрана становилась необходимой в то смутное время, которое тогда переживалось.

Это намерение было приведено в исполнение, как даже неотложное, после одного очень странного случая: В сочельник 1917 года ген.Алексеев задержался до 11 час.вечера на заседании у атамана ген.Каледина. Домой ген.Алексеев возвращался в сопровождении сына шт.-ротм.Н.Алексеева и своего адъютанта ротм.Шаперон дю Ларрэ. Шли они по безлюдным и темным улицам Новочеркасска. То там, то здесь слышалась стрельба - это казаки встречали праздник Рождества Христова. Когда переходили Платовский проспект, перед генералом вдруг выросла какая-то фигура, направившая на него винтовку, но в тот же момент подскочившие к фигуре ротм.Шаперон и шт.ротм. Алексеев вырвали у него из рук винтовку и заставили злоумышленника идти перед собой, угрожая ему маузерами, направленными в его спину.

После такого нападения было решено приступить немедленно к формированию личной охраны генерала. Гвардейская рота прислала юного прапорщика Георгия Брик. Морская рота под командой капитана 2-го ранга В.Н.Потемкина - старшего гардемарина Анатолия Розе, а полк.Гершельман откомандировал, как уже было сказано, из своего дивизиона кадета князя Василия Накашидзе.

"Мои мальчики" - называл их ген.Алексеев. Они с присущим молодости рвением принялись за исполнение своих новых обязанностей. С ген. Алексеевым они выступили в 1-ый Кубанский Поход, во время которого был зачислен в охрану еще четвертый - юнкер Новочеркасского Военного училища Петр Григоревский.

Полк.Гершельман прозвал юного князя "Бичо", что по-грузински означает "мальчик". Это прозвище так привилось к нему, что заменило ему его имя. Для всех друзей и однополчан, искренне его полюбивших, он до самой своей смерти оставался "Бичо".

Во время исполнения своих обязанностей мальчики очень заботились о своем генерале; когда он случайно исчезал из поля их наблюдения, они, взволнованные и расстроенные, прибегали к ротм.Шаперону с жалобой на генерала, что он скрылся, не предупредив их.

С ген.Алексеевым они прошли весь Первый Поход, дошли до Екатеринодара и оставались при нем до самой его кончины. Сколько трогательной заботливости проявляли они во время тяжелой болезни генерала, дежуря у дверей его комнаты, летая за кислородными подушками, за лекарствами и всем необходимым для облегчения положения больного.

"Мальчики", как родные сыновья, провожали "своего генерала" до места последнего упокоения. Изранивши себе руки, они нарезали терн,

сплели из него венок и перевили его георгиевскими лентами. Это был лучший венок среди всех роскошных венков, возложенных на гроб ген. Алексеева. Этот терновый венок нес перед лафетом с гробом "Бичо" Накашидзе.

Осиротели "мальчики", и каждый пошел по своей дорожке, указанной ему судьбой. Прап.Брик вернулся в свой Сводно-Гвардейский пех.полк и в октябре 1918 года был убит в бою под Армавиром. Мичман Розе остался адъютантом у ген. А.М.Драгомирова. Перед эвакуацией из Новороссийска заболел тифом в очень тяжелой форме, получилось осложнение в мозгу, что подействовало на его умственные способности. Розе был в Крыму, благополучно перекочевал в Софию (Болгарию) и в 1921 году покончил с собой.

Бичо Накашидзе и юнкера Григоревского сын ген.Алексеева шт.ротм. Алексеев увез с собой в Сводно-Гвардейский кавалерийский полк, в эскадрон Улан Его Величества. Оба были произведены в офицеры, получили форму полка и в его рядах доблестно сражались с красными.

Прапорщик Григоревский был тяжело ранен в позвоночник в бою под Аскания-Нова (в северной Таврии) - в том же бою, в котором был убит полк. Вас.Серг.Гершельман, который тогда командовал полком. После этого ранения прап.Григоревский скончался 6-го мая 1919 г. в Екатеринодаре, в госпитале Красного Креста.

А князь Накашидзе проделал с полком весь крестный путь Белой Армии.

И вот хочется вспомнить один маленький эпизод из боевой жизни кн.Накашидзе:

Это было в марте 1919 года, когда части Добровольческой Армии, отходя из Мелитопольского района, приблизились к Сивашам.

Взвод улан Его Величества под командой поручика В.Немировича-Данченко был выслан разъездом к северу, чтобы проследить движение красных, двигавшихся за отходящими войсками. Всю ночь никто из людей разъезда не спал, так как ожидалось наступление противника. Поручик Немирович-Данченко и посланный с ним вместе прап.Накашидзе сидели спокойно в хате и разговаривали с вахмистром Эбингером, как вдруг, рано на рассвете, в хату вбежал улан и взволнованным голосом доложил, что показалась конница большевиков и что передовые части уже совсем подходят к хутору и через несколько минут могут быть здесь. Все сразу же вскочили с мест и выбежали на двор, где стояли на привязи кони.

- Подтянуть подпруги и садись! - скомандовал Немирович-Данченко.

Лошади стояли всю ночь поседланными ввиду ожидавшейся каждую минуту тревоги, и через мгновение все уланы уже сидели на конях. Когда из хутора последним выезжал Накашидзе, большевики с северной стороны галопом входили в хутор.

- Шире ход, за мной! - подняв правую руку, скомандовал Немирович-Данченко.

По вспаханному и еще сырому от только что выпавшего снега полю поскакали уланы. Большевики, увидев всадников, бросились их преследовать, дико рыча и уговаривая сдаться. Но уланы скакали во всю мочь и держали направление на жел.дор. станцию Ново-Алексеевка, стараясь все время увеличить расстояние между ними и преследовавшими их красными. Большевики на ходу открыли огонь из пистолетов. К сожалению, лошади улан начали через некоторое время сдавать и частично переходили в рысь, несмотря на усилия со стороны всадников держать их на широком

аллюре. Благодаря этому большевикам удалось взять четырех улан в плен, и между ними был вольноопределяющийся Панченко.

- Передайте всем привет, я остаюсь, - прокричал он в догонку уходящему на полном галопе Накашидзе. Накашидзе не имел возможности остановиться, ибо за ним тоже гнался красный и вот-вот настигал его.

- Сдавайся, чорт, все равно не уйдешь! - рычал он вслед и размахивал обнаженной шашкой.

Но Накашидзе не растерялся. Когда он почувствовал, что его лошадь тоже начинает приставать и что таким образом он легко может попопасться в руки преследовавшего его злодея, он быстрым движением снял с плеч свой мексиканский карабин и решил попробовать убить красного с коня, на ходу. Он вскинул карабин, обернулся назад, прицелился, насколько мог, и нажал курок, но вместо выстрела - осечка. Лошадь начала на брошенном поводу замедлять ход, а красный приближался все ближе и ближе. Тогда Накашидзе прицелился во второй раз, спустил курок - и опять осечка.

- Сдавайся, мерзавец! - все продолжал рычать гнавшийся за ним в нескольких шагах красный.

В третий раз вскинул Накашидзе свой карабин, щелкнул затвором, нажал курок и выстрелил. Пуля попала прямо в большевика. Накашидзе увидел, как бесформенное тело упало с бешено мчавшегося коня на землю.

Измученные, на запыхавшихся конях примчались уланы в Ново-Алексеевку и, передохнув там около двух часов, не спеша выступили к жел.дорожной станции Сальково на присоединение к эскадрону.

М.Борель.

- - oOo - -

x

x x

Мы можем гордиться, Сибирцы родные,
Что вышел из наших привольных степей
Достойнейший сын необъятной России,
Всю жизнь посвятивший Отчизне своей!

Корнилов погиб. Но заветное имя
Для нас, как и прежде, воинственный стяг.
Мы чтить тебя будем всегда пред другими,
Славнейший из славных, Сибирский казак!

Мария Волкова.

- - - - - - - - oOo - - - - - - - -

Просим всех наших сотрудников, подписчиков и корреспондентов обратить внимание на перемену адреса Редакции "Вестника Первопоходника". Новый адрес:

842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029.

БЕЗ ОСНОВЫ

Только первый поход нашей Гражданской войны не подвергается критике с оперативной точки зрения. Да и как можно критиковать несение светоча генерала Алексеева над бездной тьмы? Не стало для светильника масла в Ростове, пошли за маслом к Екатеринодару; получили немного масла (Покровский), пролили драгоценное масло (Корнилов) и возвратились в Ростов, где уже можно было раздобывать масло. Тут не критика уместна, а благоговейное преклонение.

Но о прочих оперативных походах пишут, судят, осуждают их. Часто все это делают с высоты крыши оперативных результатов, а не из глубины основ оператики. Основ оператики гражданской войны, теории оператики гражданской войны не существует. Если я три десятилетия тому назад сделал робкую попытку набросать теорию в своих трудах о Стратегии, Оперттике и Тактике гражданской войны, то это, как и некоторые журнальные статьи иных (более подготовленных, чем я) авторов было лишь наметыванием теории. Норм же гражданской войны, принципов ее не выработано и до сего дня, а поэтому не имеют под собою научной основы споры:

Что было правильнее - завоевывать ли пространство от Камышина до Киева или идти рейдом, всеми силами на Москву?

Идти ли на Москву или на присоединение к Колчаку?

А Колчаку идти ли к Архангельску или к Астрахани?

А Юденичу - наступать ли к Петрограду или через Псков тянуться к Киеву, к Деникину?

Что правильнее в гражданской войне - фронты или изолированные направления, концентрические или расходящиеся оперативные движения?

Раз нет основы, нет теории, то критические разборы операций являются не более, чем мнениями (может быть, очень ценными) делающих разбор. Эти мнения не всегда считаются с двумя весьма важными обстоятельствами: в военном деле - в тактике, оператике и стратегии - каждый военачальник имеет свой стиль и в каждом военном предприятии бывает не одно, а несколько правильных решений. Но для каждого данного случая практически правильным будет то из правильных решений, которое соответствует стилю данного полководца. Кутузов поступил правильно, ограничившись отражением Наполеона у Малоярославца, а для Багратиона было бы правильным в этом случае обрушиться на Корсиканца всеми силами; Суворов пошел из Италии к Цюриху через Швейцарские горы, отправив обозы в обход гор, а Румянцев, вероятно, пошел бы всем войском вокруг гор - все это было бы правильно, в соответствием с темпераментом, складом ума и свойствами воли данного полководца.

Не учитывая этого при критике операций нашей Гражданской войны, мы даем не объективные данные, не безупречные вклады в подлежащую разработке науку о гражданской войне. А если "критику наводит" поручик, чья былая доблесть на много превосходит его военное образование (школа прапорщиков или только учебная команда в полку), то его стратегические рассуждения надо рассматривать, как с любовью принесенную дань военному знанию, но военной науке они ценны только, как выявления военно-общественного мнения (если они не пристрастны и вообще не страстны). На офицерах же с нормальным военным образованием лежит обязанность описать - пока мы еще живы - события Гражданской войны, чтобы помочь созданию теории гражданской войны,из материала нашего опыта построить основу.

Проф. полк. Месснер.

50-ЛЕТИЕ СО ВРЕМЕНИ РУССКОЙ ПОБЕДЫ НА Ю/З ФРОНТЕ 1-Й МИРОВОЙ ВОЙНЫ (Пережитое 1916 года)

ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ*)

1. Стратегическая обстановка

Тогда (весной 1916 г.) приближалась 2-ая годовщина от начала 1-й Мировой войны.

Россия пережила "Кампанию 1914 года", поразившую всех участников войны грандиозностью и сложностью военных действий, колоссальностью потерь, почти безграничностью необходимого для ведения подобной войны боевого (и всех других видов) снабжения, полного напряжения всех сторон государственной жизни...

Эта ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ прошла для России с переменным успехом: неожиданное тяжкое поражение (гибель армии Самсонова) в первые же дни боевых столкновений, полная победа после тяжких боев в "Галицийской битве", стратегический выигрыш Варшавской и Лодзинской операций, решительная победа над турками в снегах Закавказья (Саракамышская операция), - в общем, полная победа в 4-х из 5-ти огромных сражений. Это с несомненностью показало, что Российская Армия, несмотря на ряд весьма крупных, обнаружившихся за эту Кампанию недочетов, все же вполне соответствовала требованиям современной большой войны.

Но - в конце 1914 года - неожиданный удар, почти катастрофа - кончился запас артиллерийских патронов, да и в винтовках - полный недостаток...

Пришлось России пережить страшную КАМПАНИЮ 1915 ГОДА - противники навалились на нас массой своих сил, а нам пришлось отбиваться почти БЕЗ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОГНЯ, а в Галиции - временами чуть ли не при наличии лишь 50% вооруженных винтовками людей.

Мы несли невероятные потери в людях, потеряли в пехоте почти всех кадровых офицеров, потеряли летом 1915 г. почти все завоевания 1914 г. и территорию 12-ти русских губерний... Казалось, что наступает полная катастрофа. Но вот, осенью 1915 г. поступают первые пополнения в артиллерийских снарядах. А у противника появляются признаки утомления...

И в начале октября наши лучшие части бросаются в неожиданное короткое наступление, и одерживаются первые после страшного лета успехи (Чарторийская операция).

Но фронт Русский (как уже больше года до того - фронт Западно-Европейский) закапывается в сплошные полосы укреплений. Начинается позиционная война, в которой взаимно истребляется людской состав враждующих армий - потери выражались на Западе в сотнях тысяч человеческих жизней, а территориальный успех - лишь в сотнях шагов (лишь в редких случаях - в немногих тысячах: с осени 1914 г., когда на Западе установились укрепленные фронты, был только один случай прорыва укрепленных линий на глубину 4 1/2 клм.), то есть в лучшем случае происходило "вдавливание", но отнюдь не "прорыв" укрепленного фронта.

Иначе говоря, происходило страшное кровопролитие, но успеха, ПОБЕДЫ никто в этой позиционной войне не видал... не видал вплоть до

---

*) Доклад, прочитанный 16 дек. 1966 г. в "Русском Инженерном Кружке " в Лос-Анжелесе.

ЛУЦКОГО ПРОРЫВА в России!

Вот об этом-то Луцком прорыве я и хочу доложить. Я его участник, в чине подполковника Генерального Штаба, и исполнял в течение всего лета 1916 г. обязанности заведующего оперативной частью Штаба 40-го Армейского Корпуса, состоявшего из двух отличнейших наших Стрелковых Дивизий - 2-й Стрелковой и 4-й Стрелковой ("Железной" - так прозванной еще во времена Русско-Турецкой войны 1877-78 г.г.).

Всю зиму в наши тыловые склады везли артиллерийские снаряды и все другие, самые разнообразные предметы снабжения; мы усиленно укрепляли наши позиции и обучали, насколько это было возможно, войска. Делали и попытки прорыва. Таких, крупных, было две: в декабре 1915 г. - на реке Стрыпе, в марте 1916 г. - у оз.Нарочь. Обе стоили большой крови, но успеха не дали.

Но они дали ценнейшее - ОПЫТ, который в этом случае не был упущен, а был немедленно тщательно изучен и (что особенно редко бывает) применен к делу, продуманно и рационально.

На войне над всем главенствует стратегия. Со стратегии и придется начать.

К весне 1916 г. наш Германо-Австрийский фронт вытянулся в ниточку от района Риги (мы этим районом еще владели) вдоль Зап.Двины до Двинска (на Петроградо-Варшавской ж.д.) и по извилистой, конечно, но в общем прямой линии от Двинска на юг, до Румынской границы - всего протяжением около 1.000 клм.(верст). Весь этот фронт был почти непрерывно укреплен.

Эта линия фронта пересекала все "Полесье" с его знаменитыми "Пинскими болотами" и болотистыми, почти непроходимыми долинами множества рек этого края. Это Полесье, если и не исключало, то делало чрезвычайно трудно доступной для действия значительных военных сил всю полосу вдоль р.Припяти, на фронте - на востоке, отСарн до Барановичей, а в 150 клм. западнее - вдоль всего Стохода, начиная от самого его истока - знаменитых "Ста ходов" - в общем, с юга на север - более 200 клм. Эта полоса естественно делила весь фронт на две почти равные части - "Германскую" севернее Полесья и "Австро-Венгерскую" - южнее его.

1/14 апреля 1916 г. Верховное Русское Командование (Верховный Главнокомандующий ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и Начальник Штаба Его ген.АЛЕКСЕЕВ) собрало в Ставке (Могилеве-Губернском) Военный Совет для утверждения задач ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 1916 г.: разбиралось предложение ген.Алексеева.

Отметим, что все протоколы и переписка по этому вопросу остались в Московском Архиве и мы достоверно знаем только то, что попало в печать.

Ген.Алексеев за первые два года войны бесспорно выдвинулся на первое место среди Русского Генералитета: в кампанию 1914 г. он выиграл Галицийскую битву - нанес тяжкое поражение Австро-Венгерской армии и захватил 3/4 Галиции (я говорю, что это сделал ген.Алексеев, так как Главнокомандующий Юго-Западным Фронтом, ген. от артил. Н.И.Иванов, не обладал ни знаниями, ни характером, необходимыми для главнокомандующего). В кампанию 1915 г. ген.Алексеев (уже с марта м-ца) занимал должность Главнокомандующего Северо-Западного фронта, где он, несмотря на кажущуюся безнадежность положения (почти без артиллерийских снарядов) и на четыре следовавших одно за другим и возраставших в силе и энергии наступления фельдмаршала ф.Гинденбурга, несмотря на огромные потери в

Балтійск

ое М.

РИГА

ДВИНСК

В Бологое

КОВНА

ВИЛЬНА

Оз. Нарочь

КЁНИГСБЕРГ

В Москву

МОЛОДЕЧНО

МОГИЛЕВ

БАРАНОВИЧИ

ВАРШАВА

БРЕСТ

В Москву

СѢДЛЕЦ

ПИНСК

САРНЫ

В Кіев

КОВЕЛЬ

8я АРМІЯ

РОВНО

РАДОМ

ЛЮБЛИН

ЛУЦК

ОЛЫКА

ЛЬВОВ

40 0 40 80 90 100 110 клм

масштаб: 40 клм. в снт

людях и территории, выиграл, по признанию самого Германского Генерального Штаба, (по крайней мере, стратегически) это, тянувшееся в общем более полугода, сражение, удержал непрорванным Русский фронт и позже, уже как начальник Штаба Верховного, быстро воссоздал его боеспособность. Впрочем, я не приписываю это воссоздание исключительно ген.Алексееву (или кому-либо другому из старших начальников) - основная причина этого лежит в веками непоколебленном свойстве духа Русского воина быстро восстанавливать свои духовные силы даже после огромных неудач.

Вся обстановка тех дней требовала самого решительного удара, и притом на сильнейшего из противников: войну пора было кончать, и затягивать ее для России было невозможно: тлевшее и усиленно разжигаемое пламя революции почти нигде еще не вырывалось наружу, но признаков ее близости было достаточно. Победа безусловно задержала бы и даже совсем затушила бы это пламя, но нужна была ПОЛНАЯ И БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА, а не полу-победа: то есть победа над Германской Армией, а не над Австрийцами. Так безусловно смотрели и наши союзники, но для нас это было еще более необходимо, чем для них.

Поэтому, вероятно, план, предложенный на Военном Совете ген.Алексеевым, и говорил об едином, решительном, и притом максимальными силами, ударе на Германцев (на Вильно): два "фронта" (т.е. две группы армий: Западный фронт - из района Молодечно - и Северо-Западный из района Двинска) должны были концентрически нанести эти огромные стратегические удары, для чего назначалось почти 3/4 всех Российских сил. Остававшиеся вне этого сражения, далеко на юге, 4 армии Юго-Западного фронта, особенно сильно пострадавшие в кампанию 1915 г., не получали участия в намеченном генеральном сражении - их роль должна была наступить позже.

Если теперь, через 50 лет, оценивать рассматриваемые нами события, то приходится заключить, что силы, их качество и подготовка были достаточны для достижения полной победы, но был у Российской Армии .. НЕДОСТАТОК, который и СОРВАЛ конечный успех широко и основательно задуманного предприятия. Этот недостаток - две непримиримо враждебные по своим военным взглядам (а как сейчас начинает казаться некоторым - и по своим другим целям) группы среди лиц самого высшего командования. Одну можно назвать Куропаткинско-Сухомлиновской и среди ее "креатур" (как тогда говорили) указать генералов Жилинского, Рузского, Эверта, Бонча-Бруевича, Клембовского, Зайончковского и др. (все - генерального штаба). Их принципиальные противники твердо стояли (в отношении военных взглядов) за Вел.Кн. Николая Николаевича и генералов Алексеева, Лечицкого, Деникина, Каледина, Флуга и многих других, усвоивших новые тактические взгляды.

Но этот вопрос выходит за пределы моей темы. Я только хочу констатировать, что была "непримиримость" и что она сорвала Русскую победу вообще и в рассматриваемой операции - в частности. При этом удивительно, что никто, за 50 лет, не попытался осветить этот вопрос! *).

---

*) Ген.Жилинский, благодаря неуменью или ошибкам, погубил Армию ген.Самсонова. Ген.Рузский мешал победным действиям 10-й Армии ген. Флуга, а когда он все-таки одержал победу (конец сент.1914 г.), то настоял на его увольнении. Ген.Эверт, по общему мнению, уклонился от удара на Вильну. Ген.Бонч-Бруевич (злой гений нашей армии) предал (на моих глазах) большевикам ген.Духонина, а на другой день стал нач.штаба

Вернемся к Военному Совету 1/14 апреля 1916 г. Все три Главнокомандующих (генералы Эверт, Куропаткин и Брусилов) протестовали против плана ген.Алексеева, хотя и в различном смысле. Первые двое не считали возможным наступать (они не смогли решиться на это и за все время Русско-Японской войны!). Ген.Брусилов, только что назначенный Главнокомандующим Армиями Юго-Западного фронта, пламенно настаивал, чтобы и его фронт участвовал в общих усилиях в намеченном генеральном сражении. Государь утвердил план ген.Алексеева, но и предложение ген.Брусилова принял, однако с оговоркой, что фронт его никаких добавочных сил и артиллерийских запасов не получит. Действия Ю/З фронта, таким образом, должны были быть только демонстративными - для отвлечения внимания и, может быть, и сил противника на юг. И начаться они должны были на две недели раньше нанесения главного удара.

Для характеристики настроения и мышления старших генералов, несогласных с полководческими предложениями ген.Алексеева, приведу рассказы участников Военного Совета.

По его окончании ген.Куропаткин подошел к ген.Брусилову и сказал ему приблизительно такие слова: "Охота вам, Алексей Алексеевич, напрашиваться. Вас только что назначили главнокомандующим и вам при этом выпало счастье в наступление не переходить... Я, на вашем месте, всеми силами открещивался бы... от наступательных операций, которые... могут вам лишь сломить шею.."

Один же из самых старых, только что смененный с должности Главнокомандующего Ю/З фронтом генерал-адъютант Н.И.Иванов подошел к Государю и, заливаясь слезами, умолял Его отменить только что вынесенное постановление и не отдавать войск, которыми он командовал с начала войны, на убой ген.Брусилову. Государь отказался менять что-либо из того, что было постановлено.

Таким образом, с первого момента стало ясным, что будет вестись борьба за отмену решений Военного Совета и что воля Государя и ген. Алексеева к победе не разделяется их ближайшими помощниками.

2.
Действия Юго-Западного Фронта ген.Брусилова.

Ген.Брусилов, во исполнение постановлений Военного Совета 1/14 апреля, принял решение рвать фронт неприятеля во всех своих 4-х армиях, вплоть до Карпат у Румынской границы. Это отвечало демонстративной задаче.

Он, однако, в первом же своем секретном приказе указал для своей правофланговой (северной) 8-й АРМИИ ген.Каледина: "8-я Армия (прорывающая фронт в направлении на Луцк) должна направить свой удар на КОВЕЛЬ и БРЕСТ (т.е. не на запад, а на северо-запад, и притом на расстояние около 250 клм.), дабы охватить войска противника с юга и этим облегчить задачу Западного фронта". Это надо пояснить: Германский фронт, при атаке его (на Вильно) генералами Эвертом и Куропаткиным, имел бы

при "Верховном Главнокомандующем" прапорщике Крыленко. Ген.Клембовский бы в 1916 г. Нач.Штаба Ю/З фронта (у ген.Брусилова), и оба они стали у большевиков во главе формирования Красной армии. Ген.Зайончковский (ком. 30-го Арм.Корпуса в Луцком прорыве) сорвал операцию на Ковель своим ложным донесением, а в 1920 г. командовал 13-й Красной армией против ген.Врангеля (в Крыму). Все они (кроме ген.Флуга) - "куропаткинцы" в Русско-Японской войне.

два больших стратегических преимущества для германцев: 1) Русским трудно было бы охватить хотя один из его флангов: северный был слишком удален и ограничен Балтийским морем, южный прикрывали болота Полесья. 2) Все четыре отличных жел.дорожных магистрали - а)Варшава-Брест-Барановичи, б)Варшава-Седлец-Волковыск, в)Варшава-Гродно-Вильна и г)Кенигсберг-Ковно-Вильна - были неуязвимы для русского стратегического удара (того времени, конечно), и связь этого удаленного фронта (Двинск-Барановичи)с Германией казалась обеспеченной. Но приведенное выше добавление к первоначальному заданию Ю/З фронту - поворот 8-й Армии после прорыва у Луцка на северо-запад, на Ковель и Брест, в обход с запада Полесских болот и прямо на перерез всех 4-х жел.дорог, от кого бы это добавление ни исходило (от штаба Ю/З фронта или от Ставки) - представляется нам чуть ли не гениальным.

Но здесь мы ставим ген.Брусилову серьезнейший упрек: для выполнения этой задачи 8-й Армии нужен был сильный ударный резерв, и его ген. Брусилов МОГ выделить из войск своего фронта - во всяком случае, мог выделить 6 дивизий (3 корпуса) при условии, конечно, не гнаться за большими успехами в своих южных трех армиях. Но ведь их успехи имели очевидное второстепенное (демонстративное) значение. Полагаю, что даже, с развитием боев у Ковеля, Брусилов мог бы перебросить к Ковелю еще около 6 дивизий и развить огромный по значению стратегический удар в отрез всей массы Германских войск, атакуемых нашими главными силами в Литве и Белоруссии...

Мысль о переброске в 8-ую армию войск с юга у ген.Брусилова была, но он будто бы счел это недопустимым, так как такие массовые перевозки не скрылись бы от разведки противника и раскрыли бы Русский план. Но можно было бы начать переброску (по жел.дорогам и походом) только с днем начала артиллерийской атаки, и первые три корпуса (или два из них) все же поспели бы к Ковелю во-время.

Но ген.Брусилов никакого ощутимого резерва 8-й Армии не дал. И в первую неделю сражения он не только не подталкивал ее ударные корпуса, но даже старался сдержать их успехи. О скорейшем захвате Ковеля он не думал - в главном ударе ген.Эверта сомневался... А через неделю (29-го мая) он (точнее - его Нач.Штаба ген.Клембовский) насильно остановил наступление ударных корпусов.

Еще хуже, конечно, сделали другие: они просто "не пошли". Не путем, конечно, нарушения дисциплины, а тем, что добились отмены решений Военного Совета 1/14 апреля, то есть отмены удара Эверта и Куропаткина.

Но моя тема - прорыв Ю/З фронта.

Как известно, фронт ген.Брусилова имел первоначально изумительный успех во всех 4-х своих армиях, и мы снова овладели значительной частью Галиции и за 1 1/2 месяца боев вывели из строя противника 1.500.000 человек убитыми, пленными и тяжело ранеными.

Но как же совершен этот ряд прорывов? 20 авторов, описания которых я читал, по разному рассказывают об этом. Но все согласно утверждают, что наше командование, в ряде секретных наставлений, ввело новые порядки и приемы действий и потребовало их строжайшего исполнения. Но одни утверждают, что эти "новшества" ввел ген.Алексеев из Ставки, другие - что вся эта подготовка принадлежит лично ген.Брусилову. К тому же критики излагают и самую суть новых методов совсем различно и противоречиво.

Я изложу то, что я сам видел и запомнил.

В состав 8-й Армии входило более 6 армейских корпусов. Они занимали укрепленный фронт на протяжении (по прямой линии) около 120 клм. Штаб Армии находился в Ровно. Прорыв фронта должен был быть совершен на направлении Ровно-Луцк, на фронте около 30 км., тремя армейскими корпусами - 8-м, 40-м и 39-м, из которых наибольший успех был достигнут 40-м. Двумя-тремя днями позднее должен был рвать фронт на Колки и 30-й армейский корпус (в 50 клм. севернее 39-го корпуса).

3.

Подготовка

Итак, описание подготовки 2ою авторами полно противоречий. Мы, в 40-м корпусе, считали секретные руководства "Алексеевскими", в особенности особо секретную "Белую" книгу (в белой обложке). Ее мы считали написанной лично ген.Алексеевым, и работали строго по ней.

Основные требования сводились к следующему:

а) По сооружению укреплений.

Непрерывность линий укреплений. Внешний их вид - точно мы всюду готовимся к обороне. Сближение с противником всюду вплотную (удаление между передовыми линиями, нашею и противника, не больше 200 шагов). Проводилась мысль (для войск), будто бы это необходимо для надежности обороны (от неожиданного нападения противника). Тип укрепленной позиции: 3 полосы укреплений, каждая из 3-х линий окопов. Расстояния между линиями окопов: 100-200 шагов; между 1-й и 2-й полосами - 1 1/2 - 2 клм.; между 2-й и 3-й полосами - ок.5 клм.

Все сообщения в пределах каждой полосы - только по ходам сообщения, при требовании: пеший человек с винтовкой со штыком на плече нигде не должен быть видим со стороны противника.

Целый ряд требований по внутреннему устройству окопной жизни, в особенности в 1-й полосе.

б) По разведке.

1) Авиационной - впервые фотографируем укрепления противника сверху по способу кинематографии. Съемка наносится на карту, масштаба 1/2 версты в дюйме (такие карты изготовлялись картографическим Отделом по первому требованию войск с планшетов 2-верстной карты, с почти невероятной быстротой).

2) Артиллерийской: наблюдение наземное с артиллерийских наблюдательных пунктов (с утра до ночи) для нанесения на авиационный план всех важных точек, главным образом, вероятных артиллерийских наблюдательных и командных пунктов противника.

3) В междуокопном пространстве: от темноты до рассвета лежат в проволоке противника наши разведчики-слухачи. Желательно, чтобы из ночи в ночь на том же месте слушал тот же человек, улавливая уже привычные для него и новые звуки.

в) По артиллерийской подготовке.

Это - важнейшее дело позиционной войны. По детальному плану наших специалистов (а во главе их стоял наш Инспектор Артиллерии Корпуса, ген.от артиллерии Синицын, престарелый (из отставки), но первый знаток артиллерийского дела в России, много лет бывший Начальником Офицерской Артиллерийской Школы в Царском Селе) весь ход будущей "артиллерийской атаки" был точно определен. В чем именно это заключалось, читатель увидит из описания боя. Но сейчас я все же отмечу два обстоятельства.

1) Такое определение заранее всех деталей стрельбы отнюдь не мешало внесению даже совершенно неожиданных изменений уже во время ведения огня, как опасаются некоторые, - и телефон, и семафорная сигнализация флажками, и другие мероприятия были к услугам артиллерийского командования, если бы это потребовалось. 2) Все батареи должны были быть точно пристреляны ко всем целям заранее, и точные дальность и направление для каждого номера цели записаны. Эта пристрелка должна была проводиться так, чтобы противник не мог определить, к какой цели пристреливаются (например, первый выстрел для получения вилки - перелет-недолет - сделан сегодня, а второй - через 2-3 дня). Пристрелочная стрельба идет все время, но по каким целям - противнику определить невозможно. Пристрелка же во время боя - совершенно невозможна, так как через 2-3 минуты после начала массового огня районы обстрела скрываются в "тьме египетской" - земле и дыме от взрывов снарядов.

г) По службе связи.

В те годы связь была почти исключительно проволочной (телефонной или телеграфной). В позиционной войне это вопрос особой важности. У нас в 40-м корпусе было принято и осуществлено правило: каждые две инстанции, которым надлежит иметь между собою связь, должны быть связаны минимум тремя линиями связи. Например, Штаб Корпуса и Штаб 8-й Армии - 2 телеграфных линии, идущих по разным направлениям, и отдельная телефонная линия из оперативного отделения Штаба Корпуса в оперативное отделение Штаба Армии - точнее: с моего письменного стола на стол подполк.Кусонского в Ровно. Как будто бы в этих условиях связь обеспечена. Но... одна неприятельская бомба может уничтожить всю Службу Связи Корпуса. Поэтому мы оборудовали в трех совершенно различных пунктах 3 отдельных централи связи Штаба Корпуса, с тем же числом аппаратов, как и в основном Штабе. Чины Штаба в любое время дня и ночи могли начать работать с любой из них.

Еще полнее и надежнее была связь между Штабом Корпуса и Штабами Дивизий. Так же и дальше - к Штабам полков, батальонов и каждой из рот Корпуса. Так же и между соседями.

Отдельно и чрезвычайно полно и сложно работали телефоны артиллерии.

Была в Корпусе и радиостанция, но только одна... /Радио тогда было почти что в зачаточном состоянии).

При таком развитии и устройстве проволочной связи как будто бы перерыв связи, а тем более ее полное прекращение не может грозить нам. Однако, наш командир телеграфной роты шт.кап.Рудковский доложил: связь вполне обеспечена, пока мы стоим на месте, а если мы будем преследовать разбитого врага или, не дай Бог, сами отходить? Весь наш военный провод истрачен, т.е. находится в работе. Запасов его нет. Видимо, не хватает его и на тыловых базах. Его придется скатывать и перевозить на новые места. Мы это предвидим и план переноса линий на все могущие быть случаи у нас сделан. Но все-таки не лучше ли заменить, где можно, военный проводник обыкновенной железной проволокой на обычных телеграфных изоляторах? Приказали заменить.

И за несколько дней до прорыва он доложил: Замена закончена. Где только можно, военный провод скатан и готов к перевозке. Но обычного железного провода истрачено... 2.000 верст. Вот размеры проволочной подготовки!

д) По организации путей сообщения.

Конечно, все дороги были вычинены, многие проведены вновь. Обеспечен подвоз и вывоз всего, что могло потребоваться в дни позиционных

боев. При этом приняты были во внимание следующие указания свыше:

Чтобы не было заторов, в особенности в случае спешки, ошибок и даже при панике в обозах:

а) Повозки, подвозящие и вывозящие или возвращающиеся нигде не должны встречаться: движение только в одну сторону, то есть по кольцу для каждой дивизии. б) Для каждого вида подвоза - свои дороги, отмеченные на всех поворотах особым знаком: для артиллерийского снабжения - красным; для санитарных перевозок (вывоз раненых) - белым с красным крестом; для интендантского довольствия (хлеб, походные кухни, продукты) - желтым.

Итого - 6 дорожных колец. При их пересечении они обязательно проходят одна над другой (по мосту).

в) Со стороны противника движение по этим дорогам нигде не должно быть видно. Для этого дороги в открытых местах идут в выемках или прикрыты искусственными земляными или растительными масками.

е) По достижению скрытности.

Отдельно и особенно подчеркивается необходимость полной тайны всех действий и секретных распоряжений. В основание этих мероприятий положено правило: о секретных данных должно знать как можно меньше лиц и узнавать о них только тогда, когда это становится совершенно необходимо для дела.

По этому вопросу наши писатели сообщают прямо невероятные вещи. Например, пишут, будто бы в Житомире (Штаб Ю/З Фронта) о времени нашей атаки знали - "только три генерала и все евреи", а от последних будто бы узнали и офицеры. Как странно, что в Ровно (Штаб 8-й Армии) евреи, повидимому, ничего не знали, так как никто, как из наших офицеров, так, повидимому, и из австрийских - ничего не знал. А это доказывается фактами (см. дальше).

ж) О методах, предписанных для прорыва.

Это, конечно, вопрос важнейший.

Один из популярных в наши дни военных критиков утверждает, что на Ю/З фронте ген.Брусилова было "отменено проявление командирами инициативы в бою (все - по предварительному расписанию) и сделан обязательным "боевой порядок из многих, одна в затылок другой поставленных волн (взводы, роты, батальоны)".

У нас в 40-м корпусе я не видел ничего подобного, как в смысле запрещения личной инициативы, так и относительно построения рядов волн. Да для "волн", даже "взводных", а где уж там "батальонных", у нас и места не было (что читатель увидит из описания передового окопа и междуокопного пространства - см.дальше). Мы, 40-й корпус, ШТУРМОВАЛИ ПЕРВУЮ ЛИНИЮ ОКОПОВ ПРОТИВНИКА ОДНОЙ ВОЛНОЙ! Конечно, еще за несколько минут (даже - секунд) до начала штурма эти взводы, роты, батальоны и даже полки находились в убежищах в полном порядке и подтягивались в с строгой очереди к предстоящему одновременному броску через бруствер в междуокопное пространство и далее, через бруствер противника (препятствием чему проволока - наша и противника - уже служить не могла: ее полностью уничтожили многие десятки тысяч разорвавшихся в ней 3-дюймовых гранат).

По почти полному отсутствию в наших передовых окопах убитых и раненых мы считаем, что через 1 1/2 минуты после начала штурма ни одного русского атакующего солдата там уже не было, и заградительный огонь, открытый артиллерией противника, лег на наши окопы впустую.

У ближайших наших соседей было, видимо, иначе, зато и потерь было много. Еще больше потерь было там, где укрепления в тылу первой линии оказались мало разрушенными, а неприятельский гарнизон - на высоте своего долга.

И еще больше, КОШМАРНО МНОГО пролилось крови там, где применено было открытое наступление пресловутыми "волнами", одна за другой, да еще "густыми" и даже "колоннами" по открытой местности, впереди своих окопов. Здесь была гибель атакующего и, конечно, без малейшего успеха.

Советский "ученый" в предисловии к книге Брусилова, изданной в Москве в 1963 г., однако, восхваляет этот метод атаки, как изобретенный гением Брусилова. Описание действий по этому методу одним из участников (оставшимся, по счастью, только искалеченным) имеется в статье "Стоход" полковника Сергеева в № 159 "Русского Инвалида". Но это было уже не в "Луцком прорыве", а в его позднейшем развитиии, на р.Стоходе 15 июля (ст.ст.) 1916 г., при сверх-доблестной, но бесполезной гибели чуть ли не 90% состава Л.Гв. Финляндского полка и огромных потерях ряда других пех.полков Российской Гвардии.

Из этих немногих слов однако видно, что инициатива младших начальников вовсе не была отменена на Ю/З Фронте. Но одни действовали согласно официальных наставлений Ставки (т.е. ген.Алексеева), а другие - в духе, проводившемся (еще в Русско-Японской войне) ген.Куропаткиным, Сухомлиновым, Бончем-Бруевичем (я сам слушал его лекции в Академии) и Брусиловым, судя по его книге.

Отсюда "ряды волн", запрещение личной инициативы, отсюда и разнобой в 20 имеющихся описаниях. Отсюда и то, что вместо полной победы в результате 1-й Мировой войны, мы получили советскую власть.

Б.Н.Сергеевский
Генерального Штаба Полковник

(Продолжение - "40-й Армейский Корпус в Луцком Прорыве" - следует)

- - оОо - -

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ.

(Продолжение, см. №№ 59-60, 61-62 и 63-64)

17. "Спасите Уфу!"

14 марта Ижевская бригада была выведена в резерв в район ст.Чишма.

В конце марта красные одновременным наступлением с запада и юга сделали попытку отобрать Уфу. С запада удар красных был отбит частями Уфимского корпуса.

С юга противник потеснил малочисленные части 12-й Уральской дивизии и подошел на один переход к Уфе. Сюда уже перешел штаб Западной Армии и многие тыловые учреждения.

Уфа была под угрозой захвата.

Ген.Ханжин двинул на защиту города Ижевскую бригаду и вызвал в штаб полк.Молчанова: "Спасите Уфу! Надежда только на вас!"

Полк.Молчанов обещал отстоять Уфу, но потребовал патроны, запас которых до сих пор не был пополнен. Патроны были обещаны.

Рано утром 30-го марта Ижевцы атаковали красных и выбили их из ближайших занятых ими деревень.

1-й полк двумя батальонами захватил в 6:30 утра дер.Ново-Киевка, а обходивший справа 3-й батальон прап.Ложкина, не найдя дороги в дер. Ново-Киевка, атаковал дер.Романовка, занятую силами красных, значительно превышавшими силы его батальона в 600 бойцов.

Батальон Ложкина ходил в атаку, забросив винтовки за плечи, а в руках бойцов сверкали ножи. На красных это производило большое впечатление. Они бежали, но батальон понес потери до 100 человек.

Получив подкрепления, красные готовились перейти в контр-атаку. К деревне (Петряево?), из которой они наступали, подходили с юга, со стороны Стерлитомак, все новые колонны, что отлично было видно из дер. Ново-Киевка.

Артиллерия их стреляла очень метко. Один снаряд разбил на куски пулемет и убил семь человек. Батарея, приданная к полку Ижевцев, выехав на открытую позицию, немедленно была обстреляна красной артиллерией. Снаряды ложились у самых пушек, и батарея должна была отойти на закрытую позицию.

Последние патроны вышли, а пополнение не было доставлено. Командир полка посылает запрос Ложкину, нет ли у него патронов, а в это время Ложкин просит дать патроны ему.

Красные настойчиво продвигаются, но штыковых атак не принимают.

Позиции у деревень Ново-Киевка и Романовка были неудобны, и командир полка приказал отойти к деревне, откуда началась атака утром.

Отходили в полном порядке, подбирая всех раненых. У деревни залегли около поскотины, закопались в снег и ждали красных. Один разъезд в 7 всадников попал в плен к противнику. Обозленные за свои неудачи, красные порубили пленных на куски.

Эскадрон, прибывший на усиление, поделился своими патронами. Стрелки получили по две обоймы.

Подъехал командир бригады. Командир полка доложил обстановку и предложил для захвата брошенных деревень, за отсутствием патронов, дождаться ночи и в темноте окружить красных. Если же необходимо - наступать немедленно.

Полк.Молчанов приказал наступать немедленно.

Пор.Михайлов отдал приказ двигаться без выстрела, равняясь по передним. Огонь открыть только по его приказу.

Участник боя вспоминает:

"Наступление вели под сильным огнем противника. Падают убитые и раненые. Вот закачался командир 2-го батальона прап.Ермаков и упал, тяжело раненый в пах. В снегу наступать трудно, но цепи идут все быстрее и быстрее. В ста шагах от красных приказ остановиться, передохнуть и выпустить по одной обойме. Открыли огонь и бросились без команды вперед с криком "ура!". Красные бежали, оставив нам драгоценный трофей - 20 подвод с патронами".

Прап.Ложкин вновь атаковал Романовку и взял ее в 13 часов, получив патроны от 25-го Уральского полка.

Во 2-м полку также были большие успехи. В 8 час. занята дер.Бекетово, расположенная на тракте Уфа-Стерлитомак, и в 9 час.30 м. - дер. Ибрагимово.

Красные оказывали упорное сопротивление, но большой подъем духа у Ижевцев и их стремительность в атаках заставляли противника быстро сдавать позиции, несмотря на их превосходство в силах.

Наши потери были сравнительно невелики. За этот день 1-й полк потерял убитыми и ранеными (оставшиеся в строю раненые в счет не вошли) 122 офицеров и бойцов, 2-й - 102 и конный дивизион - 2; 7 человек попали в плен и были зарублены.

Подъем духа Ижевцев был на необыкновенной высоте. Они шли в бой, как на праздник - с песнями и гармошками.

Оставила по себе память любимица бригады - гимназистка Лидия Попова. Она работала сестрой милосердия, отличалась храбростью, смело

ходила в опасные разведки, всегда перевязывала раненых в передовых цепях. Сначала она была в 1-м полку. Во время одного боя под Уфой батальон Ижевцев попал под сильный, но плохо руководимый огонь противника. Получен приказ ждать результатов обходной части. В цепи появилась Лидия Попова. "Есть раненые?" - Нет! - Подбежала к другой группе: "Есть раненые?" - Нет! - У третьей группы тот же вопрос и тот же ответ...

"Так чего же вы лежите?... За мной!" - и она бросилась к деревне, занятой красными. Батальон за ней - деревня была взята. Попова ранена в ногу. План командира нарушен, но "победителя не судят". Лидия Попова получила Георгиевский крест 3-ей степени и после выздоровления вернулась в полк.

Эта смелая гимназистка отличалась не только своей лихостью, но была также очень привлекательной - всегда веселая и бойкая - и, само собой разумеется, имела много поклонников, которые, впрочем, ее не интересовали. Юнкер Булычев - "отвергнутый" - стрелялся. Чтобы охладить сердца суровых воинов, Попова была переведена во 2-й полк.

При наступлении 2-го полка в описываемых здесь боях Лидия Попова появлялась там, где гремели песни, звучала гармошка и свистели пули. Она выскочила перед цепью и начала танцевать. Пулеметный огонь красных перебил ей обе ноги и надолго выбил из строя.

К вечеру 30-го марта Ижевцы остановили наступление красных на Уфу и отбросили их из нескольких захваченных ими населенных пунктов. Но безопасность Уфы еще не была обеспечена.

Захват пленных и их показания указывали на то, что, кроме 26-й красной дивизии, здесь действуют подкрепления из 1-й красной армии. Число вновь появившихся полков определялось в 3-4.

Таким образом, в следующие дни Ижевской бригаде предстояли новые усилия отразить попытки упорного и многочисленного врага захватить Уфу.

Между тем, обещанные патроны не прибывали. Начальник бригады несколько раз посылал требования об их присылке, а после полудня, когда отсутствие патронов заставило 1-й полк очистить захваченные утром деревни, полк.Молчанов донес командующему армией, что, если патроны не будут доставлены, бригада начнет отступление к Уфе.

Запас огнестрельных припасов, очевидно, еще не был подвезен к Уфе, и их стали собирать или отбирать от находившихся поблизости частей и отправлять спешно пачками на городских извозчиках в распоряжение полк.Молчанова. Иногда в санях извозчика было всего 2-3 ящика.

Вечером выяснилось, что 1-й полк захватил патроны у красных при вторичном овладении дер.Ново-Киевка.

Захват патронов у противника и начавшийся подвоз с тыла давали возможность продолжать действия против красных. Но командир бригады не хотел тратить усилия на выбивание противника из ряда деревень. Это приводило к потере времени, требовало больших жертв, могло привести к новому недостатку патронов и не давало решительных результатов.

Учитывая высокий подъем духа у Ижевцев и, с другой стороны, неудачи красных, которые не могли не поколебать их наступательного порыва, - полк.Молчанов решил разбить противника, нанеся ему удар с тыла.

На 31 марта он ставит задачу 1-му полку продолжать наступление в прежнем юго-западном направлении, очистить от противника район деревень Новое и Старое Мрясово - Новое Янныбеково и преградить пути от-

ступления на запад главных сил красных, действовавших на Стерлитамак-Уфимском тракте.

Со вторым полком, одним эскадроном, одной пушечной и одной гаубичной батареями полк.Молчанов двинулся ночью из дер.Петряево в обход деревни, куда отступили красные после боев 30-го марта.

Цель обхода - захватить следующий пункт - село Ст.Адзит, в котором были резервы противника, отрезать всю их главную группу от Стерлитамака и разбить эту группу.

Для заслона в сторону Уфы полк.Молчанов оставил лишь инженерную роту, приказав ей занять небольшое возвышение к северу от деревни, в которой были красные. На рассвете рота должна была открыть усиленную стрельбу из винтовок и пулеметов и привлечь внимание красных. Поблизости были также 25-й и 46-й Уральские полки, но они не были подчинены полк.Молчанову и потому никакой задачи на 31 марта им не ставилось.

1-й полк, начав с рассветом наступление, без боя занял все указанные ему пункты.

Обходное движение 2-го полка, проделанное по занесенным снегом полевым дорогам, было тяжелым. Расстояние в 16-17 верст взяло всю ночь, хотя проводники знали местность и добросовестно указывали лучший путь.

На рассвете 2-й полк развернулся в тылу красных и повел наступление на село Ст.Адзит, где оказались крупные силы противника.

Красные не ожидали нападения с тыла, но после некоторого замешательства начали поспешно разворачивать на окраине села несколько цепей, охватывавших фланги Ижевцев.

2-й полк, несмотря на усталость после тяжелого ночного перехода, быстро двинулся вперед, как и накануне, с песнями и гармошками.

Картина начинавшегося боя, когда появились большие цепи красных с сильными поддержками позади, вызвала все же сомнение: возможно ли сломить врага явно в превосходных силах? Вместо уверенности в победе, встал вопрос: кто в последнем счете окажется победителем?

Полк.Молчанов увидел, что нужно каким-то путем поддержать победный дух у своих и поколебать силу сопротивления у противника. Наша артиллерия удачно обстреливала красных, но этого было мало. В резерве оставался только один эскадрон под командой прап.Багианца.

Полк.Молчанов приказал эскадрону атаковать центр расположения противника, прорваться в деревню и оттуда обстрелять цепи красных с тыла.

Прапорщик Бабианц, обычно исполнительный и храбрый офицер, увидев, что ему надо проскочить через две или три цепи противника, заколебался и стал возражать.

Полк.Молчанов вскипел, сам скомандовал: "по коням!", указал направление и приказал атаковать. Впереди полетел командир эскадрона, за ним его лошадь нахлестывал командир бригады, и за ними летела лава.

Эскадрон врубился в цепи красных, внес в них беспорядок, проскочил в деревню, где метались в панике красноармейцы, захватил две пушки в полной упряжке и 10 пулеметов. Часть спешенных всадников открыли из своих и нескольких захваченных пулеметов огонь вдоль улиц и по цепям противника. Пехота Ижевцев подходила к деревне. Красные обратились в бегство.

Оставив в руках Ижевцев указанные пушки и пулеметы, значительную часть своих обозов и много пленных, они бежали в лес на запад и, по

занесенным лесным дорогам, избегая деревень, проскочили мимо 1-го полка.

Паническое настроение красных, бежавших из села Ст.Адзит, распространилось на их части, расположенные в обойденной деревне. С севера их на рассвете обстреляла инженерная рота. Услыхав бой в своем тылу, эти части не предприняли никаких действий против инженерной роты и через некоторое время, видимо, узнав о бегстве из села Ст.Адзит, также бросились на запад. О степени их панического настроения свидетельствует то, что они бросили в деревне весь обоз и 12 орудий. Все это было обнаружено Оренбургскими казаками, вошедшими вскоре в деревню. Впоследствии ген.Сахаров, вступивший в командование Западной армией после ген.Ханжина (в июне), заинтересовался происхождением брошенных красными орудий, произвел расследование и приказал эти двенадцать орудий считать трофеями Ижевской бригады.

За два дня боев было взято несколько сотен пленных от 12-ти красных полков.

В настоящее время из красных исторических источников можно установить, что в контр-атаке на Уфу 1-ая красная армия должна была помочь 5-й красной армии, выделив из своего состава четыре полка в район Стерлитамака и два - на направление станции Чишма (Н.Какурин, "Как сражалась революция", т.2, стр.168).

Комиссар 233-го полка Вавржeнкевич ("Борьба за Урал и Сибирь", стр. 95-97) сообщает, что "части 26-й дивизии были подкреплены Южной группой тов.Великанова и уцелевшими частями 27-й дивизии". В числе полков Южной группы комиссар Вавржeнкевич называет полк "3-го Интернационала", состоявший из мадьяр. Действительно, в бою 30 марта была отрезана одна рота мадьяр в 40 человек и взята в плен. Другой полк этой группы назывался 3-м Бузулукским.

Таким образом, показания пленных подтверждены красными источниками, и Ижевской бригаде пришлось 30 и 31 марта иметь против себя силы противника в 13-15 полков и столкнуться по крайней мере с 12-ю из них, взяв от них пленных. Ижевцы имели около 4200 штыков, - красные полки в среднем насчитывали не менее 1000 штыков.

Интересно отметить вывод комиссара Вавржeнкевича об этих боях. Противореча самому себе и путая события, не вспоминая, конечно, о панике и брошенном боевом имуществе, он самодовольно пишет (там же,стр. 96): "Но наша дерзость и угроза ст.Чишме настолько обозлила колчаковцев, что они в то же утро бросили против одного нашего полка Ижевскую бригаду, которая целый день безуспешно атаковала нас, а к вечеру перехватила единственные две дороги нашего отступления; но мы, получив приказ отступать, пробили себе новую дорогу, а противник, оставшись в дураках, злобно глядел на нашу отступающую колонну"...

- о -

31-го марта всякая опасность захвата Уфы красными миновала. 26-я красная дивизия начала поспешное отступление на запад южнее жел.дороги Уфа-Самара, а 27-я дивизия, грозившая Уфе с запада, отступала севернее жел.дороги.

Победа над противником, грозившим Уфе с юга, была достигнута необыкновенным подъемом духа Ижевцев, что использовал полк.Молчанов в рискованном, но блестяще проведенном маневре.

Быстрый и решительный успех был встречен в Уфе, жившей несколько дней в напряженной тревоге и с нетерпением ожидавшей каждого донесения

о ходе боев, с большой радостью. Офицер штаба армии поруч.Арнольд в этот же день набросал стихи о подвигах Ижевцев. Про бои под Уфой он написал такие строки:

Кто не слыхал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой!
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец - русский рабочий простой!!!

Это стихотворение стало походной и боевой песней Ижевцев.

18. Преследование.

Деморализованные красные части отступали большими переходами по 25-30 верст в сутки,пробуя оторваться от преследования.

Но полк.Молчанов не дает им уйти безнаказанно. В течение нескольких дней удавалось нагонять и наносить поражение их арьергардам.

Преследование носило стремительный характер. Поддерживать правильную связь сделалось невозможным, и пришлось ограничиться посылкой в тыл донесений о движении бригады и достигнутых успехах. Приказы по бригаде начинались такой ориентировкой:

"Противник продолжает отступать. Третий (четвертый, пятый...) день не имею связи с тылом и соседями. Завтра "...день" апреля приказываю 1-му Ижевскому полку преследовать противника по направлению...; 2-му Ижевскому полку....."

Верховный Правитель Адмирал Колчак,при встрече с полк.Молчановым несколько позднее, обнял и поцеловал его и сказал: "Я читал ваши приказы, следил по карте за вашим движением с большим волнением и переживал все, что пришлось вам пережить на деле"...

Из отдельных эпизодов этого преследования выделяется случай окружения и уничтожения одного красного полка. После большого перехода, 2-й Ижевский полк догнал поздно ночью полк противника, расположившийся на ночлег в деревне, которая находилась в лощине. Обнаружив красных, Ижевцы без шума сняли заставу красных и окружили деревню.

Поручик Ляпунов приказал отрезать все пути отступления, выставить пулеметы и подождать рассвета. Когда красные начали просыпаться и готовиться к выступлению, заговорили 24 пулемета. Без особого сопротивления деревня была взята. Много было убитых и раненых, остальные поспешили сдаться.

Спастись удалось только бывшему с полком комбригу Эйхе и полковому комиссару. Они бросились в малозаметный проулок и выскочили в поле. Имея отличных верховых лошадей, они быстро скрылись из вида.

При подходе к жел.дороге у станции Абдулино (около 180 верст к юго-западу от Уфы), у села Васильевка, которое находилось в 7-ми верстах от Абдулина, у 1-го Ижевского полка был упорный бой. Васильевка 3 раза переходила из рук в руки.

По показанию пленных, на ст.Абдулино в бронепоезде был военный комиссар Троцкий. Присутствие его заставляло командиров красных частей проявлять большое упорство, так как Троцкий за слабое сопротивление в бою и за поспешное отступление приказывал расстреливать старших начальников и комиссаров.

Это, конечно, не касалось самого высокого комиссара военных дел. Когда Ижевцы сломили сопротивление красных у села Васильевки, бронепоезд с Троцким поспешно ушел со станции Абдулино.

Красный историк Н.Какурин об этом периоде боевых действий в своей книге "Как сражалась революция" (т.2, стр.170) пишет: ..."5-я армия, окончательно надорвавшись на этом контр-маневре (т.е.попытке отобрать Уфу. А.Е.), ...продолжала свое дальнейшее отступление, причем оно начало носить уже беспорядочный и разрозненный характер..."

"О потере боеспособности частями 5-й армии в результате упорных и напряженных боев свидетельствует величина суточных переходов ее лучших частей. До 9 апреля 26-я стрелковая дивизия отходила суточными переходами по 20-25 километров, и лишь после этого числа величина ее отходов уменьшается до 12-15 километров".

- о -

В одном переходе от гор.Бугуруслана (около 250 верст от Уфы) бригаду нагнал 2-й или 5-й Оренбургский казачий полк, вручивший командиру бригады приказ от командующего армией.

Казакам пришлось несколько дней двигаться усиленными переходами по следам бригады прежде, чем нагнать Ижевцев.

По приказу этому бригаде следовало перейти в район гор.Бугульма в распоряжение 2-го Уфимского корпуса и находиться в резерве командующего армией.

Полк.Молчанов, явившись командиру корпуса ген.Войцеховскому, вызвал у него недоуменный вопрос: "Зачем вас прислали сюда? Вы нужны южнее, где красные усиливаются. Здесь я могу собственными силами в любое время выдвинуться к Волге".

Далее ген.Войцеховский пояснил, что его остановка на занимаемой ныне линии вызвана категорическим приказом командующего армией прекратить дальнейшее продвижение. Этот приказ был основан, возможно, на полученных сведениях о сосредоточении крупных сил красных в районе гор. Бузулук для удара с юга в левый фланг успешно наступавшей Западной армии. Но тогда тем более непонятной становилась переброска Ижевской бригады на север.

В несколько переходов, по совершенно испорченным весенней распутицей дорогам, бригада перешла к середине апреля в назначенный ей район - около 20 верст к востоку от гор.Бугульма.

За время с начала наступления 6-го марта до середины апреля потери в стрелковых полках бригады убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 37 офицеров и 746 стрелков. Раненые, оставшиеся в строю, в этот счет не вошли. Кроме того, были потери в конном дивизионе и в артиллерии.

Эти потери, несколько превышающие 12% общего боевого состава бригады, нельзя признать большими по сравнению с важностью выполненных задач. Они совсем незначительны по сравнению с потерями противника. Приблизительный подсчет потерь красных в боях с Ижевцами следует считать в 7-8 тысяч, то есть в 9-10 раз больше потерь Ижевцев. Кроме того, взято 14 орудий, до 100 пулеметов, большое количество винтовок и огнестрельных припасов. Необходимо также отметить, что после первых же столкновений в начале марта красные открывали артиллерийскую стрельбу на предельных дистанциях и затем отправляли свои пушки в тыл, так что захватить их артиллерию было нелегко.

- о -

19. Воткинцы у Красноуфимска и в Осе.

После отхода от берегов Камы к Красноуфимску, Воткинцы продолжали заканчивать свои переформирования и одновременно сдерживать напор красных с целью захватить Красноуфимск. Против них действовала 28-я красная дивизия под командой Азина. Первые дни Воткинцам приходилось очень тяжело, так как у них вышли все патроны. Без боя им пришлось оставить Бикбардинский завод, но когда были получены патроны, они стали делать вылазки в расположение противника силою от роты до батальона. Кроме необходимости разведывать силы и расположение противника, эти вылазки делались с целью охладить активность красных, привыкших делать нападения почти безнаказанно за те дни, когда Воткинцы не имели патронов. В том числе делались вылазки в сторону Бикбардинского и Николаевского заводов.

Воткинцы особенно помнят о большом бое у Бикбардинского завода. Но собрать сведения о времени и других подробностях этого боя не удалось. В повести Н.А.Протопопова "Воткинцы" есть довольно подробное описание боя под Бикбардинским заводом, который вел 2-й Осинский полк поручика Балабанова под общим руководством командира 1-й бригады капитана Мудрынина. Однако, как время ("прошло несколько месяцев"), так и указание на участие здесь Ижевцев (которые находились на самом деле в районе Уфимского корпуса), продолжительность боя ("Прошло около недели. Воткинцы лежали в снегу...") и т.д. - вызывают сомнения, что описание этого боя соответствует действительности. Воткинцы не подтверждают описания многих событий и их подробностей, указанных в этой повести.

С позиции перед Красноуфимском красные не смогли сбить Воткинцев. В феврале они были сменены Сибирскими частями ген.Гривина и отведены в резерв.

В марте или начале апреля Воткинская дивизия была переброшена в гор.Оса (который был взят Сибирской армией в конце декабря), и здесь дивизия стала готовиться для наступления в недалеком будущем для освобождения родного завода.

20. Освобождение Заводов.

Части Сибирской армии, продолжая наступление на запад, в конце марта переправились у г.Осы через Каму, еще скованную льдом, и 16-й Ишимский полк под командой полк.Метелева был двинут на Воткинск. Потрепанные полки 2-й кр.армии не могли сдерживать Сибиряков и под их ударами откатывались.

В день Благовещения (7 апреля по нов.ст.) Ишимцы выбили красных из Воткинского завода. В авангарде был 1-й батальон под командой кап. Кожина, который и был встречен радостными восторгами освобожденных от красного террора жителей. Переход красных в контр-атаку был отбит Сибиряками в непродолжительном бою, в котором принял участие также 3-й батальон Ишимцев.

Вскоре подошли и Воткинцы. Радость одних, горе других встретили их в родных местах. Зверства красных палачей не знали пределов. Не имея возможности отомстить восставшим против них рабочим и крестьянам, они жестоко расправлялись с их семьями, не имевшими возможности отступить за Каму при оставлении завода.

Прибывшие части Воткинцев недолго пробыли в родных гнездах. Через несколько часов они должны были выступить дальше и гнать красных к р.Вятке. Их наступление было на северо-запад в направлении г.Вятки.

Здесь следует оговорить, что время освобождения завода в день Благовещения не совпадает с другими показаниями. Некоторые участники этих событий считают, что красные были выбиты из завода 19-го апреля по нов.ст., накануне праздника Св.Пасхи.

- о -

Примерно в эти же дни был освобожден от красных также Ижевский завод.

Ижевцы стали собираться домой.

Это было естественно и понятно. Там, на заводе, они оставили свои дома и семьи. Доходили слухи о свирепой расправе красных палачей с их близкими, о ежедневных расстрелах. Кто погиб от кровавого террора, кто остался в живых - тревожило и волновало каждого.

Наконец, они имели обещание командующего армией отпустить их домой, как только Ижевск будет освобожден.

Генерал Ханжин имел в виду другое. Убедившись, что Ижевцы являются боевой единицей, способной на сокрушительные удары, он не захотел расставаться с бригадой.

Сведения разведки о намечавшемся сборе красных подкреплений заставляли быть настороже и опасаться за достигнутые успехи.

Генерал Ханжин не придавал большого значения своему обещания и собирался направить Ижевцев для нового удара на юг, еще дальше от их родных мест.

Нарушение обещания вызвало брожение.

Полковник Молчанов хорошо узнал суровый нрав своих подчиненных. Они плечом к плечу, могучей стеной шли на врага. Так же дружно и упорно они будут добиваться исполнения данного им обещания.

Он донес о тревожном настроении Ижевцев и предлагал, чтобы не разрушать бригаду, отправить ее в полном составе в Ижевск. Там, побывав дома и увидев новые зверства большевиков, Ижевцы с новой силой ударят по смертельному врагу.

Для генерала Ханжина такое предложение означало, что бригада уйдет из его района и его подчинения.

Он отверг предложение.

Ижевцы собирались самовольно уйти домой. Полетели телеграммы в штаб армии, в ставку и обратно.

Новые требования выполнить приказ, новые обещания отпустить домой. но позднее... В ответ - недоверие и подозрение. Дошло до угрозы встретить ушедших Сибирскими войсками и не пустить в Ижевск.

"Сколько могут выставить против нас? Положим, одну дивизию. Это нам на два часа боя", - говорили Ижевцы.

29-го апреля Ижевцы потеряли надежду уйти домой, получив разрешение, и начали самовольный уход.

Рота за ротой, в полном порядке, под командой фельдфебелей и унтер-офицеров, шли к Начальнику бригады, прощались с ним и направлялись домой.

Начальник бригады уговорил не брать оружия, и оно было сдано.

Еще накануне Ижевцы хотели захватить своих офицеров, с которыми вышли из Ижевска.

Начальник бригады разъяснил значение долга, налагаемого на офицера его почетным званием, и невозможность для них самовольного ухода.

Все офицеры остались на своих постах, хотя на заводе большинство их было теми же рабочими и семьи ждали их возвращения.

Неделю тому назад, за бои под Уфой, полковник Молчанов был произведен в генерал-майоры. Теперь он просил отрешить его от командования и отправить в строй рядовым офицером. При нормальных условиях, за все случившееся в бригаде он подлежал преданию суду. Никто не признал за ним никакой вины, и потому ни суда, ни отрешения от должности не последовало.

21. ИТОГ - 7983.

Прибытие Ижевцев на завод было рядом ужасных личных трагедий. Редко кто нашел свою семью невредимой. Действительность превзошла все слухи, доходившие к Ижевцам на фронт.

Красные палачи не знали пощады. Происходило безжалостное уничтожение тех, кто принимал какое-либо участие в восстании. Мстили родным тех, кто ушел за Каму.

Радостных встреч было мало. Больше стоны и плач были приветствиями вернувшимся от оставшихся в живых.

Назначили перепись погибших.

Переписчики по каждому кварталу обходили дома и записывали имена жертв. Подсчет дал сумму 7983.

Неутомимые палачи арестовывали каждый день без особого разбора и вели за город к оврагу. Тут всаживали пулю и сбрасывали труп в овраг.

Не щадили женщин и подростков. Предъявляли обвинение? Пролетарское правосудие этого не требует. Жена видит: ведут мужа в группе арестованных. "Куда забрали?" - "Идем, узнаешь!" Обоих расстреливают.

Такая расправа была, по крайней мере, короткой.

Какие истязания претерпевали те, кто попадали в подвалы Чека, в каких мучениях они умирали от пыток садистов-палачей, можно судить по рассказам случайно спасшихся русских людей, которые редко доходят до внешнего мира. Немало Ижевцев исчезло в этих подвалах ЧЕКА.

22. 1-ая Отдельная Стрелковая Бригада.

По иронии судьбы почти накануне ухода Ижевцев домой был получен приказ о развертывании бригады в дивизию.

Хотели усилить ее придачей отдельных частей и пополнениями. Наличный состав к 20 апреля был: 4000 штыков и 1400 сабель, артиллеристов, сапер и др.

После ухода Ижевцев в бригаде осталось 180 офицеров и небольшое количество солдат.

Из этого состава и нового пополнения формируется 1-ая Отдельная Стрелковая бригада. По старой памяти ее продолжают называть "Ижевской".

Прибывшее в первых числах мая пополнение, около 2000, состояло главным образом из молодых, необученных башкир.

Генерал Молчанов и весь офицерский состав энергично принялись за обучение, занимаясь с утра до позднего вечера.

Но что можно было сделать в несколько дней?

9-го мая бригада была брошена в бой.

На один из батальонов наскочили красные казаки Каширина. Танцуя в атаке на своих лошадях, они произвели панику среди молодых башкир, которые бросились на землю и уткнули лица в грязь. Офицеры и пулеметчики были перерублены.

Генерал Молчанов донес о небоеспособности бригады.

Получив разрешение увести ее в глубокий тыл, он сделал переход в 100 верст. Утомленные таким маршем, молодые солдаты повалились в непробудный сон и успокоились от боевых потрясений.

23. Восточный Фронт в 1919 г.

Продолжительное и упорное сопротивление восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов красному натиску оказало значительное влияние на ход военных действий на Восточном Фронте.

Говоря об общей стратегической обстановке на всех фронтах к концу 1918 года, советский историк Н.Какурин ("Как сражалась революция", т.2-й, стр.33) сообщает о Восточном фронте: "Обстановка на этом фронте благоприятно складывалась для советской стратегии на центральном и южном его участках, особенно после падения ижевско-воткинского района, и носила неопределенный характер на пермском направлении"...

Прежде, чем переходить к продолжению темы этого очерка - описанию участия Ижевцев и Воткинцев в борьбе с красными - желательно осветить кратко ход событий в 1919 году, в частности на Восточном фронте.

1919 год оказался тем годом в гражданской войне, в котором противники проявили наибольшие усилия, в котором произошли наиболее упорные и кровопролитные битвы и в течение которого успех склонился в пользу большевиков.

События этого года решили успех борьбы и судьбу России на много лет.

Начало этого года застало красных в кольце окружения. Они не пропускают случая указывать на тяжесть сложившейся обстановки, в которой они очутились, и на то, что они вышли из этого положения победителями.

Однако, будучи окруженными, они имели на своей стороне огромное преимущество центрального положения, позволявшего им перебрасывать свои силы на важнейшие в данный момент участки, то есть действовать по внутренним операционным линиям.

Это преимущество было для них особенно выгодно потому, что их противники, разделенные пространством и трудностями сообщения, не только не могли помогать друг другу переброской резервов, но не могли и согласовать своих планов так, как этого требуют условия при действиях по внешним операционным линиям.

Причин этому было много.

Поляки и украинцы Петлюры, образовавшие свои фронты после ухода германцев из оккупированных районов, не были склонны иметь дружеские отношения и согласовывать свои действия с белыми русскими фронтами.

Они преследовали свои цели и не видели в большевизме общего врага.

Запутанная обстановка с перекрещиванием русских, местных, германских и союзнических интересов создалась в Прибалтике.

Фронты белых (Южный, Восточный, Северный и Северо-Западный) зарождались и росли, усиливались и слабели, переходили в наступление и отступали в зависимости от разных причин и местных обстоятельств.

Делались попытки к объединению и согласованию действий. Адмирал Колчак, как Верховный Правитель, был признан всеми отдельными русскими правительствами и, как Верховный Главнокомандующий, всеми русскими антибольшевистскими армиями. Но тесного объединения и полного согласования не удалось достигнуть не только между отдельными фронтами, но нередко и между составными частями одного фронта.

Большевики же сумели, хотя и с большими перебоями и не сразу, использовать те выгоды, которые им доставляло их центральное положение.

Обращаясь к тому же красному источнику - Истории Какурина - мы находим следующий вывод автора о положении красных фронтов (т.2-й стр. 34): ..."советская стратегия вступила в кампанию 1919 года под знаком усложнения и расширения ее задач на европейских театрах... В кампанию 1919 года условия окружения должны были более властно тяготеть над оперативным творчеством советского командования, чем в кампанию предыдущего года. Тогда его внимание и силы раздваивались в сущности лишь между двумя театрами: восточным и южным. Теперь к ним присоединились еще украинский и западный. В таком положении, вынужденное действовать по внутренним операционным линиям, советское командование должно было строго рассчитывать свои силы и возможности"...

Далее Какурин подробно останавливается на тех целях, которые советская стратегия ставила каждому фронту, и указывает, какими способами она стремилась этих целей достигнуть. Выходит так, что всюду было необходимо наступать и, для выполнения этого плана, всем фронтам слать подкрепления.

"Обстановка на южном театре, - читаем на стр.35, - требовала скорейшей ликвидации на нем противника. Угроза активного выступления на нем англо-французского империализма заставляла лишь спешить с выполнением этой задачи".

Для этого (стр.36): "Первоначально предполагалось с Восточного фронта отправить на Южный 1-ую армию, бригаду из состава 5-й армии, 1-й и 6-й латышские полки и отряд Панюшкина. Наконец, к переброске... намечалась и 2-ая армия Восточного фронта".

Все эти переброски, кроме одной дивизии 1-й армии, были отменены или частично направлены на другие фронты.

"В конечном итоге (стр.37) особого усиления Южного фронта... не последовало".

На Украине происходило очищение немцами оккупированных районов и "главное командование (стр.39) задавалось активными целями, причем на образование этого фронта частично пошли подкрепления, первоначально предназначенные для Южного фронта"...

"Западному фронту предполагалось, в случае отхода немцев, немедленно занимать очищаемую ими территорию"...

"В дальнейшем... последовало приказание главкома Вацетиса действиям войск на Архангельском направлении придать также активный характер".

"Несмотря на частичное ослабление этого (Восточного) фронта... главное командование сохраняло за ним все его задачи в прежнем их объеме".

Наконец, на Северо-Кавказском фронте (стр.41) "положение начинало делаться угрожающим... несмотря на обилие в них (в 11 и 12 армиях) живой силы".

Поэтому красные выделяют район военных действий на нижней Волге,

на Каспийском море и на Кавказе из ведения Южного фронта и образуют Каспийско-Кавказский фронт в составе 11 и 12 армий с Каспийской флотилией.

"Несмотря на трудное положение этого фронта, и ему в дальнейшем была дана активная задача"...

Как видно, красное командование совершенно не понимало способа ведения операций по внутренним операционным линиям.

Какурин не смеет критиковать советское командование прямо и говорит: "Такой способ действий мог навлечь и навлекал со стороны некоторых авторов упреки нашему командованию в том, что оно придерживалось стратегии не внутренних операционных линий, а "масляного пятна", то есть расползания фронтов по различным направлениям без ярко выраженной где бы то ни было идеи главного удара." Он пробует оправдать главное командование целым рядом соображений, но вскоре ряд ударов, нанесенных красным, заставил их обратиться к требованиям военного искусства, общего для всех и обязательного даже для гениальных пролетарских полководцев.

На белых фронтах создались другие неблагоприятные условия, в общих чертах уже отмеченные, которые встали на пути к победе над большевиками.

Из них особое внимание заслуживают причины, которые помешали наиболее сильным фронтам - Южному и Восточному - войти в тесное соприкосновение и объединить свои усилия.

Обращаясь к обстановке, сложившейся еще летом 1918 г., профессор полк. А.Зайцев ("1918 год", стр.192) пишет: "Освобождение Дона, возвращение Добровольческой Армии из похода на Кубань и образование фронта на Волге естественно ставило вопрос о согласовании усилий этих трех основных группировок русской контр-революции. И эта проблема с военной точки зрения была проблемой Царицына".

Эта проблема осталась лишь проблемой и в 1919 году - захват Царицына не был выполнен своевременно.

Добровольческая Армия была летом 1918 г. направлена ген.Деникиным на очищение от красных Кубани и Северного Кавказа. Ген.Деникин, конечно, имел свои основания к этому решению. Мотивы его, как и противоположные мнения сторонников движения сначала к Волге, на соединение с частями Адмирала Колчака, подробно излагаются у полк.Зайцева (стр. 192-202). Приведем только его заключение, которое он делает после обзора событий летнего периода 1918 г. (стр.218): "В дни, когда Дон и Восточный фронт, выдвигаясь на Воронеж, Волгу и Пермь, этим решали общероссийские задачи... Добровольческая Армия уходила с Дона на Северный Кавказ для освобождения Кубани". К этому надо прибавить, что на Восточном фронте более сильная Сибирская Армия в 1919 г. продолжала двигаться от Перми на Вятку, на второстепенном стратегическом направлении, удаляясь от района возможной встречи с Вооруженными силами Юга России.

Царицын был взят Кавказской Армией ген.Врангеля в июне 1919 года, когда Восточный Фронт, под натиском красных, уже отступил к Уралу.

На Восточный фронт выпала "почетная" задача научить красное командование применять правильно основы стратегии и от "масляного пятна" перейти к ударам сосредоточенных превосходных сил, разбивая своих противников по очереди. Восточный Фронт первым попал под такой удар.

А.Г.Ефимов.

(Продолжение следует)

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ РОССИЙСКОЙ АРМИИ.

Целые поколения солдат проходили службу, изучали сложную военную науку, обучались грамоте и ремеслам и, придя в армию простыми деревенскими парнями, домой уходили молодцеватыми, грамотными людьми, привыкшими к порядку, чистоте, дисциплине и любви к Родине.

Всю тяжелую работу по воспитанию новобранцев, ведению полкового хозяйства, заботам о казенном имуществе несли старые сверхсрочные фельдфебеля, являвшиеся настоящими хозяевами воинских частей.

Большинство из них отдали свою жизнь за Родину в первые годы Германской войны 1914 года, ведя своих воспитанников в бой и на деле доказывая свою преданность России и полку.

В настоящем очерке, составленном по запискам штабс-капитана Приходкина, приводится мирная деятельность типичного русского фельдфебеля доброго старого времени.

В 1906 г. фельдфебелем 8-й батареи 5-й артиллерийской бригады был Федор Васильевич Балабин. Неказистый, с небольшой бородой, он никогда на солдат не кричал, но слушались его беспрекословно. Скромный, застенчивый, он был уважаем и солдатами и офицерами, всякие вопросы всегда решал просто и быстро. В грамоте был не силен, но природный ум помогал ему; чувствовался в нем хозяин батареи.

Командир батареи Владимир Александрович В. был человек добрейший, любил выпить и временами запивал дней на десять. В строевом отношении были непорядки, но зато в хозяйственном - полный порядок.

1-го октября - батарейный праздник - Покров Пресвятой Богородицы. После молебна, на который пришли все офицеры и фельдфебеля бригады, командир пригласил их разделить с батареей трапезу. На дворе были поставлены столы для солдат и отдельно - для офицеров. Особых блюд гостям не подавали: что солдатам - то и гостям.

Меню обеда составил сам фельдфебель - ни командир, ни заведующий хозяйством в это дело не вмешивались. Борщ из свинины с пирогами, на второе - по четверти гуся с яблоками, на третье - компот из фруктов, по бутылке пива, а хлеб к обеду - белый. Командир бригады ген.И. выразил Федору Васильевичу благодарность.

Ужин был в том же роде: борщ со свининой, бигос, рисовый плов со сливами и бутылка пива. Федор Васильевич в это время угощал бригадных фельдфебелей у себя на квартире.

Каким же образом умудрялся фельдфебель устраивать такие пиры?

Весной Федор Васильевич скупал по деревням малых гусят. Целое лето, до Покрова, пасли их в батарейном саду. Свой фруктовый сад в 5 десятин, с озерцом посредине, батарея имела за гроши, тоже благодаря находчивости Федора Васильевича. До Покрова гусята делались большими гусями, часть их резали на праздник, часть продавали. Гусиный пух тоже продавался, и выручка покрывала все расходы. Кроме гусей, батарея имела всегда несколько свиней и баранов, и все это - благодаря заботам фельдфебеля!

Но обычной у фельдфебелей собственной коровы - у него не было.

Честности он был необыкновенной, и поставщики поставляли в батарею все, что угодно, в кредит, скажи только Федор Васильевич слово.

Такая же была и его семья - жена и две дочери. Жена никогда не наряжалась и не совала своего носа в батарейные дела, и все солдаты звали ее по имени и отчеству. Дочки - милые девушки, старшая окончила гимназию, и обе вышли замуж за бригадных подпрапорщиков.

На Пасху все офицеры во главе с командиром батареи всегда ходили к Федору Васильевичу с визитом.

Заботами Федора Васильевича в батарее хлеб месили особой "крутилкой-месилкой", сделанной в батарее же. И лучший хлеб всегда бывал в 8-й батарее. Заслышав о продаже овощей "огневой сушки", Федор Васильевич просил командира дознаться, что это за огневая сушка, и когда командир "дознался", в батарее появилась своя огневая сушка, благодаря которой батарея имела всегда запас сухих овощей со своего огорода.

Но чем Федор Васильевич прославился, так это изобретением походной кухни. Прежде, на маневрах, за войсками возили котлы. Придет какая-нибудь часть на бивак, - и пока вкопают котлы, разведут огонь, сварят обед - уже полночь! В батарейных кухнях печи занимали почти половину кухни, и дров на них расходовалось сверх нормы. Федор Васильевич придумал сделать для котла, вместо громадных кирпичных печей, железный кожух. Сразу стало свободно в кухне, и дров стало меньше выходить. Додумался Федор Васильевич привинтить этот кожух на повозку, чтобы на ходу варить. Больше четырех месяцев провозились мастера-солдаты с герметической крышкой, даже свисток приделали к предохранительному клапану; как засвистит кухня, солдаты все знают - борщ закипел!

Дошла эта выдумка до Командующего округом ген.Драгомирова. Приехал он в Житомир, в 8-ую батарею. Осмотрел генерал кухню, и ему доложили, что изобрел ее фельдфебель Балабин. Драгомиров приказал запречь батарею и выехать в поле с кухней. Проманежил батарею походом верст пятнадцать, прогнал ее по пахоте, остановил и потребовал пробную порцию. Попробовал и говорит: "Эх, к такому бы борщу да чарку водки!" - А у командира всегда маневренный запас был. Поднесли генералу большую "капитанскую" чарку. Расхвалил генерал кухню, руку пожал Федору Васильевичу, приказал выдать ему наградные и укатил. А потом в приказе по округу объявил о желательности завести в войсках такие кухни.

Приезжавший с Драгомировым французский военный агент предложил Федору Васильевичу продать Франции патент за 5000 франков. Тот скромно отказался. "В России придумано, пущай в России и остается, а во франках я ничего не понимаю",- и от 5000 франков отказался. За чертеж этой кухни каждая часть платила ему потом по 5 рублей.

Также благодаря ему батарея получила за гроши шесть десятин земли, прилегавшей к батарейному саду. Пригородные земли отдавались помещиками в аренду по 40 рублей за десятину, а платить такие деньги батарея не могла. Что же придумал Федор Васильевич?

Земля эта принадлежала богатому помещику-поляку, отставному лейб-улану А., у которого была единственная наследница - прехорошенькая племянница.

А в батарее был - тоже не урод - офицер Д., тоже поляк. Федор Васильевич подал мысль командиру, и тот пригласил помещика приехать на бригадный бал с племянницей. Когда они появились в собрании, оркестр заиграл полковой марш лейб-улан. Встретили его с таким вниманием, что отставной лейб-улан растаял, стал бывать на бригадных вечерах и принимать у себя офицеров.

До свадьбы дело не дошло, но отказать командиру в его просьбе - сдать батарее прилегавшие к ее саду 6 десятин земли - помещик не мог. Брать так, как платили ему местные арендаторы - 40 рублей за десятину - тоже не хотел, и отдал батарее землю по 6 рублей за десятину.

Пришел Федору Васильевичу предельный возраст, пришлось кончать службу и прощаться с батареей, которой он посвятил всю свою жизнь, отдав ей всю свою душу. Проводы были торжественные

Зная его безупречную честность и хозяйственные способности, капитан К. взял его управляющим своего маленького захудалого имения. Вместо прежнего убытка имение стало давать каждый год 2000 рублей дохода.

Вот какой был фельдфебель Балабин! И вот кому должна быть благодарна Русская армия за удобные походные кухни, которыми вся она была снабжена к началу войны 1914 года!

Первая в мире армия, имевшая походные кухни!

А.Долгополов.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ: Просим обратить внимание на перемену адреса Редакции "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА". Новый адрес:

842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif., 90029, U.S.A.

ФОНД ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА.

Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" и Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников получают много писем со всех концов мира от Первопоходников и читаталей журнала, обеспокоенных будущностью журнала, единственного в своем роде.

Высказываются пожелания, просьбы и требования продолжения издания журнала в том же духе и направлении: опубликование редких документов, беспристрастные воспоминания борцов за Свободу России от гнета коммунизма, дабы молодое и будущие поколения русских людей могли с гордостью заявить, что Русский народ, в лице его лучших сынов, боролся всеми силами, до последней капли крови с врагами Родины и всего человечества.

Обзор 6-летнего издания журнала, ценность помещенных в нем материалов, отношение читателей - дают нам уверенность, что труд наш не напрасен и что только этим путем мы сможем оставить памятник на безвестных могилах наших братьев, погибших за честь и свободу России на ее необъятных просторах.

- o -

Так как самой слабой стороной нашего издания является финансовый вопрос, мы создали

"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Каждому Первопоходнику и читателю предлагается записаться в число Попечителей, обязавшись делать известный денежный взнос на каждый выпуск журнала. Таким образом материальная сторона издания журнала будет обеспечена.

Редакция готовит специальный выпуск журнала в конце этого года, к 50-летию зарождения Добровольческой Армии - биография ген.Корнилова, описание Похода по-английски и т.д.

- o -

Список лиц, записавшихся в "ФОНД ПОПЕЧИТЕЛЕЙ":

Д-р В.Шилле . . .	10.00
М.Шилле	5.00
А.Долгополов . .	5.00
А.Мяч	5.00
Н.Белоусов . . .	5.00

- - - - - - - - oOo - - - - - - - -

Просим г.г. подписчиков журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" возобновить свою подписку, а члено Союза Участников Первого Кубанского ген. Корнилова Похода - внести следуемые с них членские взносы.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, Александр П. Мяч, Нина Б. Мяч, М.Шилле.

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
" на 6 мес. (3 номера) - $ 3.00;
Цена отдельного выпуска - $ 1.00.

Адрес Редакции: 842 No. Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

- - oOo - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - $ 2.10.
Желающие приобрести Знак могут обратиться

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 65/66

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ:

Чеки и Money Orders просим посылать на имя Society of General Korniloff's Veterans

по адресу: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

- - oOo - -

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ:

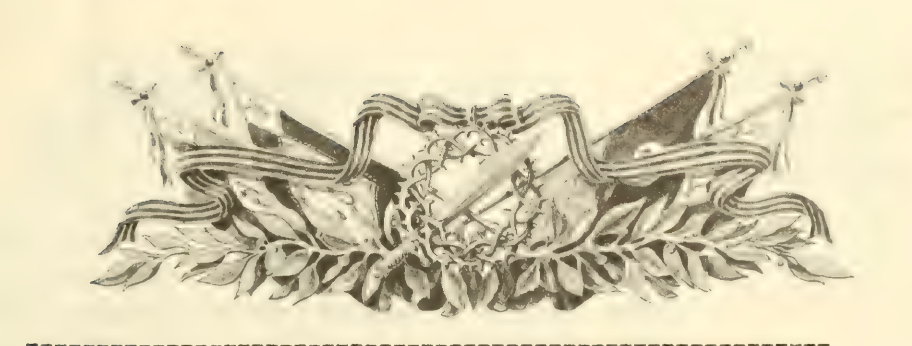
10-го февраля с.г. во Франции скончалась Ксения Ивановна Николич, участница 1-го Кубанского Похода и всей Гражданской войны. Похороны состоялись 13-го февраля с.г.

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
Двухмесячный журнал, посвященный
Первому Кубанскому Походу
и истории Белых Армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029
Phone: 664-7650

6-й год издания № 67/68 Апрель-Май 1967 г.

49-ая ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА.

31-го марта 1918 года Командующий Добровольческой Армией был убит большевистским снарядом.

Русский патриот, вся жизнь которого была службой Родине, остался верен своему завету:

"Истинный сын народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет - свою жизнь".

Преклоним головы перед памятью нашего Вождя, место упокоения которого - беспредельные степи Кубанские!

- - oOo - -

СОЮЗ УЧАСТНИКОВ
1-го КУБАНСКОГО
ген.КОРНИЛОВА
ПОХОДА

ГЛАВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ
Апрель 1967 г.
Нью Иорк.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

От лица Главного Правления и себя лично поздравляю дорогих Соратников-Первопоходников, всех Белых Воинов и их семьи с Светлым Праздником Воскресения Христова. Дай Бог, чтобы этот "юбилейный" год сатанинской власти над нашей Родиной был и последним годом существования этих узурпаторов и освобожденная Россия восстала во всем своем былом величии и славе.

Председатель Союза.
Ген.Шт.Полковник РЯСНЯНСКИЙ.

- о -

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
РЕДАКЦИЯ
Лос Анжелес, Калиф.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" поздравляет всех подписчиков и читателей с Светлым Праздником Христова Воскресения и от души желает всем радостно провести этот день.

РЕДАКЦИЯ.

- о -

Редактору Журнала "НАШИ ВЕСТИ" Д.П.ВЕРТЕПОВУ, Нью Иорк.

Глубокоуважаемый
Дмитрий Петрович!

Редакционная Коллегия журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" сердечно поздравляет Вас с 15-летием издания журнала "НАШИ ВЕСТИ" и желает и в дальнейшем процветания его, как очень ценного национального печатного органа.

Х Р И С Т О С   В О С К Р Е С Е !

- - оОо - -

Ген.Штаба Полковнику С.Н.Ряснянскому
Председателю Гл.Правления Союза
Участников 1-го Кубанского
Генерала Корнилова Похода.

Глубокоуважаемый и дорогой
Сергей Николаевич!

Х Р И С Т О С   В О С К Р Е С Е !

Первопоходники Калифорнийского Отдела и Редакция журнала "Вестник Первопоходника" сердечно поздравляют Вас и всех членов Главного Правления с Светлым Праздником Христова Воскресения и шлют Вам наилучшие пожелания.

Да пошлет Вам Господь сил и здоровья послужить на благо Союза, Вами возглавляемого, на многия лета!

Правление Калифорнийского Отдела
и Редакция "Вестника Первопоходника".

- о -

Союз Участников
1-го Кубанского
ген.Корнилова
Похода.
Апрель 1967 г.
Лос-Анжелес
Калифорния.

Х Р И С Т О С   В О С К Р Е С Е !

Правление Калифорнийского Отдела поздравляет всех членов и их семьи с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения и шлет наилучшие пожелания.

Правление.

- - оОо - -

ORDER OF FORMER RUSSIAN MILITARY, INC.
NORTH-AMERICAN BRANCH
1841 Bathgate Ave. New York 10057, N. Y.
Telephpone: LU. 7-2759
ОТДѢЛЪ РУССКАГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ

S. N. Riasniansky
Colonel G. S.
Commander-in-Chief.

Редакція журнала "Вѣстникъ Первопоходника".

Многоуважаемый

Господинъ Редакторъ!

I2-го марта въ Нью Іоркѣ состоялось совѣщаніе представителей русскихъ общественныхъ, воинскихъ и политическихъ организацій, посвященное вопросу объ ознаменованіи предстоящей ПЯТИДЕСЯТОЙ годовщины захвата власти въ Россіи коммунистами - Днемъ Непримиримости.

Совѣщаніе единогласно постановило приступить къ подготовкѣ этого дня. Оно, кромѣ того, постановило обратиться къ русскимъ газетамъ и журналамъ въ США съ просьбой способствовать успѣху этого Дня соотвѣтствующимъ напоминаніемъ о предстоящей годовщинѣ. Во исполненіе этого постановленія, я, какъ предсѣдатель упомянутаго совѣщанія, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой не отказать въ любезности заблаговременно, до годовщины, которая наступитъ 7-го ноября с.г., обратить на нее вниманіе Вашихъ читателей и помѣстить на Вашихъ страницахъ статьи и другіе матеріалы о переворотѣ, совершенномъ въ Россіи большевиками въ I9I7 году, и о трагическихъ послѣдствіяхъ этого переворота для русскаго народа и всего остального міра.

Искренне Васъ уважающій С. Рѣснянскій

Редакционная Коллегия журнала "Вестник Первопоходника готовит к концу этого года специальный выпуск о зарождении Добровольческой Армии. Помещая выше обращение Председателя Союза Полковника С.Н. Ряснянского, Редакция со своей стороны убедительно просит сотрудников и читателей присылать статьи, воспоминания и материалы, относящиеся к трагическим дням 1917-го года и к последующим событиям.

Ш И П К А *)
Бой 11 августа ст.ст. 1877 г.
(К 90-летию событий)

Крупные боевые действия войны 1877-78 г.г. начались знаменитой переправой Русской Армии через Дунай у Систова (ныне Свищева) в ночь с 14 на 15 июня ст.ст.

За Дунаем наша Армия первоначально образовала три значительных "Отряда": Восточный (два армейских корпуса), прикрывавший захваченный нами район с востока - со стороны "четырехугольника крепостей"; Западный (около полутора армейских корпусов) - для овладения кр.Никополем (на Дунае) и Передовой (11.000 человек), брошенный на юг, на Балканский хребет. Действия этого отряда (ген.Гурко) по началу были чрезвычайно успешны. 1-го июля ген.Гурко перешел Балканы и к 7 июля овладел районом городков Казанлык, Новая и Старая Загоры (в долине р.Тунджи).

Однако, вскоре перед ним оказались наступающие части турецкой армии Сулеймана-паши, перевозимой из Египта, а к северу от Балкан, против Западного отряда, появились войска Османа-паши, и действия наши против них (7-го июля - у Плевны) оказались неудачными. Передовой отряд отводится 17-го июля назад (за Балканы). Часть его пехоты оставляется на хребте (главным образом в районе единственного колесного пути через горы - перевала у дер.Шипка) для его удержания.

Здесь турки сосредоточивают до 38.000 войск Сулеймана-паши и 9-15 августа пытаются прорваться через хребет в северную Болгарию.

Уже 9-го августа выяснилось, что на Шипкинском перевале малочисленным русским полкам (Орловский и Брянский пех.полки) не удастся - удержаться. Пришлось спешно двигать им на помощь те части, которые месяц тому назад вели победоносные бои за Балканами, но были отведены далеко на север, на широком фронте. Ближайшие из них к Шипке были в 45-50 верстах. Это были 4 Стрелковых батальона 4-й Стрелковой Бригады, получившей за эти "летние Шипкинские бои" из уст Императора Александра 2-го название "Железной".

Вот как описывает эти подвиги один из участников их, полковник В.Кохановский, уже глубоким стариком, примерно в 60-летие славных боев **):

"Тотчас по получении приказа, бригада двинулась стрелковым шагом, несмотря на то, что еще накануне она сделала большой переход. Поздней ночью на 11-ое августа она прибыла в Габрово (у подножия гор. Ред). С раннего утра 11-го августа с позиции шли одно за другим донесения о становившемся все более и более тяжелым положении.............

...Свежие турецкие силы... густыми массами обрушились на наши окопы. Отбиваемые в беспрерывных атаках, турки безумно лезли в гору... Орловский полк погибал, но не отступал. Часть окопов уже переходила в руки турок...... Наши защитники "Орлиного гнезда" (отдельная высокая скала) за недостатком патронов скатывали обломки скал на головы атакующих турок.

"Нет патронов - бей камнями"...

---

*) На стр. 3 помещен рисунок Храма-Памятника на Шипке.

**) Воспоминания его напечатаны в "Вестнике О-ва Русских Ветеранов" (в Сан-Франциско), № 194, Февраль 1953 г.

Еще до рассвета Стрелковая бригада выступила из Габрова форсированным маршем, все время ускоряя шаг, и, дойдя до "фонтана" (место, где бьет сильный ключ воды) остановилась передохнуть.

Люди начинали сильно уставать при жаре в 40° по Реомюру (50° Цельсия), а до перевала с крутым подъемом оставалось еще 9 верст.

Ген.Радецкий (командир корпуса) приказывает посадить стрелков по 2-3 на казачьих лошадей. Со смешками и прибаутками помчались стрелки на выручку. "Знать, плохо, коль нас в кавалерию обратили".
Первый офицер, прибывший на Шипкинский перевал, был подпоручик Бауфал, 16-го стрелкового батальона, шедшего в авангарде бригады. Солдатская песня говорит:

" ..... Стрелки верхами
Уж скакали на курган.
В этот миг всю рать султана
Двинул страшный Сулейман.
. . . .
И, наверх горы взбегая,
Закричал стрелкам Бауфал:
"Гей, Настасья, гей, Настасья,
Отворяй-ка ворота!"...

И вот в самую критическую минуту боя, когда ликующий враг ворвался в наши окопы, выбивая последних защитников.... грянуло могучее русское "ура"; то стрелки, как снежная лавина, обрушились на турок..... Рота за ротой, батальон за батальоном, соскакивая с лошадей, с залихватскою русской песней бросались стрелки в бой..... По окопам пронеслось ответное "ура". Даже раненые..... присоединяли к общему ликованию свои ослабевшие голоса. И снова вздрогула гора, и эхо отозвалось по ущельям.

Турки отбиты с большим уроном.

12-го августа большого боя не было, а 13-го августа, с подходом 7-ми русских пехотных полков, мы перешли в наступление, к полудню 15-го августа закончившееся нашей полной победой......

Полк.В.Кохановский"

<u>Примечание Редакции.</u>

Подпоручик Бауфал был награжден орденом Св.Георгия 4-й степени. До самой 1-й Мировой войны (то есть 37 лет) он оставался в рядах железных стрелков, последние годы командуя, в чине генерала, Железной бригадой.

А в этой войне, когда Железными Стрелками командовал ген.Деникин, в их рядах отличался (Георгиевское Оружие и орден Св.Георгия 4-й ст.) сын героя - капитан, а потом (в Белой Армии) полковник Бауфал, ныне возглавляющий Отдел Объединения Железных Стрелков в США.

- - oOo - -

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ДЕСАНТЫ В АЗОВСКОМ И ЧЕРНОМ МОРЯХ.

1-ый десант в Азовском море.

В апреле 1919 г. отряд особого назначения кап. 1-го ранга Собецкого, организованный в Таганроге, высадился и занял города Мариуполь и Бердянск.

Десант старш.лейт. Медведева.

В апреле 1919 г. десантный отряд ст.лейт. Медведева, погруженный на невооруженный пароход "Перикл" и две баржи, вошел и высадился в порту Геническ. Заняв город, отряд попал в западню и был весь уничтожен. Спасся только один гардемарин Конгэ (впоследствии мичман).

Десант у Феодосии.

Крейсер "Кагул", принимавший участие в защите Акманайских позиций в мае 1919 г., высадил в тылу у красных десант под командой кап.2-го ранга Кочетова с целью обследовать Двухъякорную бухту и пристрелочную станцию около Феодосии.

По возвращении десант был обстрелян с гор, окружающих бухту, пулеметным огнем.

Крейсер заставил их замолчать мелкокалиберной артиллерией.

Десант в Коктебеле.

5-го июня 1919 г. был высажен десант в Коктебеле крейсером "Кагул" и буксиром "Дельфин". Морскими орудиями были обстреляны позиции красных, быстро отступивших в горы.

Десант у Кинбурна.

В начале августа 1919 г. отряд судов Черноморского флота, в составе: миноносец "Жаркий", канонерские лодки "Терец" и "Грозный", пароход "Граф Игнатьев", баржа 405 и катер К10 - высадили десант под Варваровкой у Кинбурна, под огнем красных Очаковских батарей.

Города Херсон и Николаев были взяты с боем 8-го августа 1919 г. 4-й пехотной дивизией ген.Слащева.

Огонь морских орудий оказал существенную поддержку сухопутным войскам.

Десант у Одессы.

В первых числах августа 1919 г. крейсер "Кагул" с отрядом судов: эскадренный миноносец "Живой", транспорт "Маргарита", тральщики "Роза" и "Адольф", буксир "Доброволец", катера №№ 52 и 58, три баржи и еще один катер - высадили у Одессы Крымский конный полк и пехотные части корпуса ген.Шиллинга. Десантными операциями руководил полковник Туган-Мирза Барановский, командир Крымского полка.

10-го августа ночью в Сухом Лимане у Одессы был высажен Сводно-Драгунский полк в составе 74 офицеров, 841 солдат, 253 лошадей и 38 повозок. 11-го августа, после стремительного наступления, при поддержке орудий флота, с помощью восставших офицерских организаций, Одесса была освобождена от красных.

Попытки красного бронепоезда прорваться в Одессу были отбиты огнем дальнобойных орудий крейсера "Кагул". За помощь, оказанную при взятии Одессы, крейсер "Кагул" был переименован в "Генерал Корнилов", а командир его капитан 1-го ранга Остелецкий произведен в контр-адмиралы.

При бомбардировке сильно укрепленных позиций красных большую помощь оказал английский крейсер "Карадог".

Десант на Арбатской стрелке. Подвиг канонерской лодки "Терец".

В конце 1919 года части Красной армии подошли берегом Азовского моря к Чонгарскому железнодорожному мосту на пути в Крым.

Арбатскую стрелку прикрывал Сводно-Стрелковый полк - 250 штыков и 2 орудия, - которым командовал полковник Гравицкий, и канонерка "Терец" под командой капитана 2-го ранга Я.В.Шрамченко.

Затертый льдами, без топлива и провизии, залитый водой от многочисленных пробоин, "Терец" был выброшен на берег, став неподвижной мишенью для красной артиллерии.

Три полка красной пехоты, один конный полк и несколько бронепоездов тщетно пытались пробиться в Крым. "Терец" высадив в десант почти всю команду, кроме артиллеристов, отбивал все атаки красных. Несколько красных бронепоездов, вступивших в поединок с "Терцем", были разбиты и бежали от меткого огня моряков.

Чонгар и Арбатская стрелка были удержаны и Крым спасен.

Когда в апреле 1920 года лед сошел и пришла смена, пробоины на "Терце" были заделаны, вода выкачена, "Терец" снят с мели и уведен в Севастополь. Весь Черноморский флот стал "смирно", когда в бухту был введен искалеченный герой - древний "Терец" *). (См. след. страницу).

Ревели гудки, развевались флаги, кричали ура!
Главнокомандующий ген.Врангель посетил "Терец" и благодарил команду за верную службу Родине.
Все офицеры были произведены в следующий чин, команда получила Георгиевские кресты из рук Главнокомандующего.

Десант Дроздовцев в Хорлах.

Самым трудным и опасным был десант Дроздовской бригады в Хорлах. Хорлы - небольшой приморский поселок с одной пристанью в мелководном заливе Черного моря, в 40 верстах к западу от Перекопа. 1-й и 2-й Дроздовские полки, с батареей четырех легких орудий, 18-ью верховыми лошадьми, радио-станцией, 2-мя автомобилями Форда и 2-мя мотоциклетами, погрузились в Севастополе на следующие суда: броненосец "Цесаревич Георгий", пароходы "Веста" "Павел", "Россия", транспорт 412 и тральщик "Скиф".
Под командованием ген.Витковского десант высадился с боем 2-го апреля (ст.ст.) 1920 года в глубоком тылу красных, осаждавших Крым.
Пройдя с боями более 60 верст по красным тылам, Дроздовцы разгромили весь налаженный тыл красных, готовившихся к атаке Перекопа.
Красное командование, сняв с Перекопа свои наиболее стойкие части, артиллерию и конницу, бросили их на Дроздовцев. Окруженные со всех сторон многочисленным противником, Дроздовцы медленно, но упорно пробивались к Перекопу. И когда наступил роковой час - кончались патроны и решалась судьба отряда, - 1-й Дроздовский полк, с оркестром музыки впереди, без единого выстрела пошел в атаку!
Красные не выдержали и отступили перед железной волей непобедимых Добровольцев! Это была последняя лобовая атака пехоты с музыкой в современной военной истории. Незабываемая, неповторимая картина!
Разгромив отборные красные части, Дроздовцы и сами понесли тяжелые потери - 575 раненых и убитых. Все раненые были вынесены, многие - на руках!
Военная добыча - около 100 пленных, 4 орудия с упряжкой, снарядами и частью прислуги, 12 пулеметов и 30 коней.
Все планы красного командования относительно атаки Перекопских позиций были нарушены.
По странному и непонятному упущению ген.Слащева, части Крымского корпуса, стоявшие на Перекопе, которые должны были своевременно перейти в наступление, не были даже осведомлены о десанте, слышали орудийную стрельбу в тылу у красных, но не вышли на помощь Дроздовцам, ничего не зная о десанте.
И когда Дроздовцы вышли к Перекопу у деревни Преображенка, то лишь благодаря счастливой случайности они не были встречены огнем своих же орудий и пулеметов.

Первый десант у Кирилловки.

Одновременно с десантом Дроздовцев в Хорлах 2-го апреля (ст.ст.) 1920 года, в 8 часов утра, в красном тылу у деревни Кирилловки был высажен десант под руководством капитана 1-го ранга Машукова.

---

*) (Прим. к стр.6) "Терец" - постройки 1887 года, водоизмещением в 1250 тонн.

Первым был высажен отряд в 450 штыков при одном орудии, который состоял из 1-го Алексеевского и Салгирского полков и сотни юнкеров Корниловского военного училища (в Керчи). Около сотни человек оставались на барже для высадки ближе к Геническу. Десантом командовал полк.Звягин.

Суда, принимавшие участие в десанте: ледокол "Гайдамак", канонерская лодка "Страж", 2 баржи и 3 буксирных парохода.

Красноармейцы, стоявшие в Кирилловке, вышли христосоваться с десантом. Кирилловка и Горелое были заняты десантом без боя. Задача десанта была - дойти до Акимовки, разрушить железную дорогу и через Геническ вернуться в Крым. Сводно-стрелковый полк под командой полк.Гравицкого, защищавший Арбатскую стрелку, должен был взять Геническ.

Спешно подвезенные по железной дороге красные части - два конных полка Буденного, 3 латышских, 1 китайский, два полка, стоявшие в Геническе, несколько бронепоездов, батарей и 40 пулеметов - не дали горсти добровольцев выйти из прибрежной полосы. Десант, подойдя с тяжелыми боями к Геническу, узнал, что город в руках красных!

Теснимый со всех сторон многочисленным врагом, десант, поддержанный огнем орудий военных кораблей "Терец", "Страж", "К.-Георгий", ледокол № 1, после кровопролитного боя вошел в город. Два малочисленных батальона Сводно-Стрелкового полка смогли, наконец, сбить красные пулеметы, перешли мост и вошли в Геническ с юга. Ввиду своей малочисленности, десант не исполнил своей задачи, но выяснил обстановку и возможности более крупного десанта.

Красные части понесли сильные потери и, не взирая на свое упорство и превосходство в количестве - 10 на 1 - не могли уничтожить десант.

Десант, потеряв 80 человек, отошел в Крым. Решающая роль в благополучном исходе этой операции принадлежит морским орудиям флота.

Десант в Мариуполе.

2-го мая 1920 года канонерская лодка "Страж", ледокол "Всадник", вооруженный катер "Никола Пашич", обстреляв порт и железнодорожный вокзал, вошли в порт. Десантный отряд захватил стоявший у пристани советский вооруженный катер "Республиканец", который был уведен в Крым.

Десант корпуса ген.Слащева

24-го мая 1920 года, за день до выхода Русской Армии за Перекоп, Крымский Корпус (2-й) ген.Слащева высадился в тылу красных, в Азовском море, между селами Кирилловка и Степановка. Состав корпуса был следующий:

13-ая пехотная дивизия - 49 Брестский полк, 50-й Белостокский полк, 51-й Литовский полк, 52-й Виленский полк;

34-ая пехотная дивизия - 133-й Симферопольский полк, 134-й Феодосийский полк, 135-й Керченский полк, 136-й Таганрогский полк;

Сводная кавалерийская бригада - 1-й Туземный полк, 2-й Туземный полк, Терско-Астраханский отряд;

54-я Артиллерийская бригада, Отдельная Инженерная рота и другие мелкие части - всего около 10.000 штыков и сабель, 2000 лошадей, 50 орудий, 2 автоброневика и 150 повозок обоза.

Войска были погружены в Феодосии.

Суда, принимавшие участие в десанте:
Вооруженные ледоколы "№ 1", "Гайдамак", Всадник;
Разведывательное судно "Мария";
канонерские лодки: "Грозный", "Алтай", "Урал", "Страж";
транспорт "Россия", 10 пароходов, 6 буксирных катеров, 9 барж и вооруженный буксир "Азовец" (бывший "Республиканец", захваченный у большевиков десантом 2-го мая 1920 года в Мариуполе).

Условия высадки были чрезвычайно тяжелые, на море был сильный шторм, шел дождь, сильный прибой переворачивал шлюпки, войска высаживались по плечи в воду. Потери при высадке - 1 вольноопределяющийся и две лошади.

Сбив большевиков, части Крымского корпуса стремительным наступлением перерезали железную дорогу, идущую на Чангарский фронт; 28-го мая был взят Мелитополь - главная база Красной армии. Наши потери - 40 человек убитых и раненых.

Одновременный выход из Крыма 1-го корпуса ген.Кутепова, действия Крымского корпуса ген.Слащева в красном тылу привели к полному разгрому 13-й Советской армии; в плен попало 10.000 красноармейцев, десятки орудий, сотни пулеметов, 2 бронепоезда, все склады снаряжения и снабжения 13-й армии. Остатки армии бежали за Днепр. Северная Таврия, богатая зерном, людьми и конями, была освобождена.

Десант в Бердянске.

10-12 июня 1920 года десант, высаженный канонерскими лодками "Урал" и "Грозный", на несколько дней занял Бердянск.

Десант полк. Назарова.

Азовский отряд судов, в составе канонерских лодок "Страж", "Грозный", "Алтай", "Урал", миноносца "Живой", двух десантных барж и 4-х катеров, погрузил в Керчи отряд полк.Назарова, состоявший из 900 донских казаков при двух полевых орудиях, одном автоброневике и радиостанции.

Отряд был высажен 25 июня 1920 г. на косе у ст.Кривой. Отряд с боями прошел на Дон, увеличился до 10.000, но ожидаемого общего восстания казаков не последовало: к 9-му июля отряд занимал район Александровска-Грушевска в 35 верстах от Новочеркасска.

В конце июля собранными крупными силами красные разбили отряд полк.Назарова у станицы Константиновской. Остатки отряда ушли в Сальские степи и распылились. Полк.Назаров был захвачен в плен, но бежал и, перейдя фронт в Северной Таврии, вернулся в Крым один.

Кубанский десант ген. Улагая.

В состав этого десанта вошли:

1-ая Конная дивизия ген.Бабиева - около 1000 шашек, 35 пулеметов, 6 орудий.

2-ая Сводная Кубанская дивизия (пешая) ген. Шифнер-Маркевича - 100 шашек, 900 штыков, 48 пулеметов, 8 орудий.

Сводная пехотная дивизия генерала Казановича, в которую вошли: 1-й Кубанский Стрелковый полк, Алексеевский пехотный полк с Алексеев-

ским артиллерийским дивизионом, Константиновское и Кубанское военные училища - всего силой 2500 штыков, 50 пулеметов, 12 орудий, плюс отряд Терцев и Астраханцев.

Итого боевая численность десанта:

пехоты - 3400,
конницы 1100,
пулеметов 133,
орудий 26.

Кроме того, несколько бронеавтомобилей, 8 аэропланов.

Кроме строевых частей, прибыло несколько тысяч тыловых частей и несколько тысяч кубанских беженцев.

Всего флотом было высажено 16.000 человек, 4500 лошадей, орудия, запасы снаряжения, продовольствия, обозы и т.д.

Для перевозки всей этой массы были предназначены:

13 транспортов, 6 десантных барж, 7 буксирных катеров.

Военные корабли Азовского отряда: канонерские лодки "Алтай", "Урал", "Салгир", "Страж", "Грозный"; вооруженные ледоколы "Гайдамак" и "Джигит".

Большая часть их блокировала красный флот в Таганрогском заливе, часть прикрывала десант.

Погрузка происходила - авангарда в Керчи, главных сил и беженцев в Феодосии. В ночь с 31 июля на 1-е августа 1920 г. десант вышел в море и 2-го августа на рассвете авангард был высажен в 14 километрах от станицы Приморско-Ахтырской, на косе Ясенской. Береговые батареи красных были уничтожены дальнобойными орудиями военных судов, и десант высадился без потерь. Станица Ахтырская была взята, там и происходила высадка главных сил, лошадей, орудий и всей материальной части.

Конная дивизия ген.Бабиева быстро продвигалась вперед. Были взяты станицы Тимашевская,Поповичевская,Брюховецкая. Конница доходила до 40 верст от Екатеринодара.

Несмотря на блестящие победы генералов Бабиева и Улагая, наступление захлебнулось. Красные спешно перебросили крупные силы и атаковали десант со всех сторон. Не оправдались надежды на всеобщее восстание казаков.

К 19-му августа было решено эвакуировать десант из более удобного Ачуева. В течение девяти дней была произведена нагрузка и вывоз в Крым всех частей, складов и беженцев.

Несмотря на большие потери, десант увеличился на 10.000 кубанцев, присоединившихся к Добровольцам.

Все до единого человека были вывезены. Красные аэропланы вели непрерывное наблюдение за движением частей, бросали ночью плавучие мины в порту, на которых взорвались: миноносец "Звонкий", канонерская лодка "Алтай" и транспорт "Волга".

- о -

Генерал Врангель в своих записках вину за неудачный десант приписывает себе - неудачный выбор командующего.

Прекрасный боевой генерал Улагай не хотел слушать своего начальника штаба. Десант был скован огромным тылом с большим запасом оружия, снарядов, продовольствия - и беженцами.

Наши части, заняв 5-го августа станицы Поповичевскую, Тимашевскую, Брюховецкую, остановились на три дня - 6-ое, 7-ое, 8-ое августа.

Между Командующим отрядом ген.Улагаем и его начальником штаба ген.Драценко происходили разногласия. Необходимое условие успеха - быстрота и внезапность - было утеряно.

Большевики начали эвакуацию Екатеринодара. Красные лихорадочно подвозили по железным дорогам свои отборные части со всего Кавказа, окружая отряд со всех сторон, угрожая базе.

Не взирая на большие потери, численность частей возросла. Например, дивизия ген.Шифнер-Маркевича, потерявшая убитыми и ранеными около 300 человек и 200 лошадей и вышедшая из Феодосии в составе 1200 человек и 250 лошадей, увеличилась до 1500 казаков и 600 лошадей.

Полное отсутствие резервов - хроническая слабость Добровольческой армии - не позволило оказать никакого подкрепления десанту.

Флот спас десант.

Десант отряда особого назначения.

500 человек под командой ген.Черепова, в составе юнкеров Корниловского военного училища, офицерского взвода Керченского гарнизона и дивизиона спешенных черкесов, при двух горных орудиях, были посажены в Керчи на две десантных баржи на буксире у ледокола "Всадник" и на один пароход, в сопровождении подводной лодки.

Высадка произошла 5-го августа 1920 года у мыса Утриш (между Анапой и Абрау-Дюрсо). Место высадки было указано световыми сигналами зеленых отряда полк.Лебедева.

Оттянув 4 полка красной пехоты и полк конницы, десант, погрузившись рано утром 11-го августа, ушел на Тамань. Одна баржа, подбитая снарядами красных, была брошена на берегу.

Десант на Тамани.

8-9 августа 1920 г. на Таманском полуострове были высажены: Керченская офицерская рота, сотня пластунов, при одном орудии, под командой ген.Харламова. Станица Таманская была взята без боя. Красные увели почти все войска с Тамани на борьбу с десантом ген.Улагая.

12-го августа на Тамань был переброшен отряд ген.Черепова.

К 13-му августа были взяты станицы Актонизовская и Вышестеблиевская. 18-го августа после упорного боя была взята станица Старотитоprovская и гора Камышеватая.

Большевики стянули крупные силы и десант 20-го августа покинул Тамань.

Десант на Тендре.

Крейсер "Генерал Корнилов" в июне 1920 года обстреливал Николаевскую батарею, на которой большевики установили 6-дюймовые орудия. В июне 1920 г. на Тендре была высажена десантная рота под командой поручика Высочина. Десант, кроме защиты берегов, снабжал свежей провизией корабли, блокировавшие Очаков.

Десант был на берегу до 20-го октября 1920 г.

Десант в Бугском лимане.

Крейсер "Кагул" блокировал вход в Бугский лиман у Очакова.

В середине июля 1919 года десант под командованием капитана 2-го ранга Кочетова занял Николаевскую батарею, установил 75-миллиметровое орудие и обстреливал Очаков.

Разведывательные десанты.

Весной и летом 1920 года Штаб Русской армии, готовясь к выступлению из Крыма, посылал небольшие разведывательные десанты в места, занятые Красной армией: на Кавказское побережье, полуостров Тамань, остров Березань, Ачуев, Кирилловку (последние два были описаны в № 65-66 "Вестника Первопоходника") и другие места, о которых не имеется сведений.

Десант у Адлера.

В конце сентября 1920 г. остатки Кубанского Партизанского отряда ген.Фостикова принуждены были отойти к Грузинской границе в район Адлер-Гагры. Отряд находится в бедственном состоянии - без патронов и провизии. Ему грозило быть захваченным большевиками или же, перейдя в Грузию, быть интернированным, разоруженным и выданным большевикам, согласно § 5 договора меньшевистского правительства Грузии, рассчитывавшего ценой предательства сохранить свою независимость, с их старшими товарищами по партии - большевиками.

Для эвакуации отряда был послан из Крыма отряд судов Черноморского флота следующего состава:

Вспомогательный крейсер "Алмаз",
подводная лодка "Утка",
транспорты "Сарыч", "Дон", "Ялта";
буксир "Доброволец" с баржей.

Командовал отрядом кап. 2-го ранга В.Григорков.

Подойдя к Сочи и Адлеру, корабли были обстреляны большевиками. Морские орудия принудили неприятеля замолчать.

Подойдя к Гаграм, кап.Григорков узнал, что отряд ген.Фостикова перешел в Грузию и обезоружен. Транспорт "Сарыч", пришедший в Гагры на два дня раньше остального отряда, успел погрузить 400 больных и раненых.

Грузины, открыв огонь, не подпустили корабли к берегу.

2-го октября, не взирая на препятствия, между Гаграми и Пецундой на транспорт "Дон" был посажен отряд полк.Улагая - 1300 человек.

Убедившись, что отряду ген.Фостикова грозит гибель, кап.Григорков решил действовать. 4-го октября был высажен десант из 250 казаков отряда полк.Улагая, вооруженный винтовками и пулеметом, привезенными кораблями.

Под командой полк.Улагая десант высадился на берег. После короткой перестрелки грузинский отряд частью был захвачен в плен, частью бежал в горы. Находившиеся высоко в горах грузинские батареи открыли огонь по кораблям. Стрельба была беспорядочная и бесцельная, и корабли даже не отвечали на нее.

День и ночь шла погрузка отряда шлюпками и баржей. 5-го октября

(ст.ст.) весь отряд был посажен на суда; последним ушел десантный отряд, с ним полк.Улагай и ген.Фостиков.

Всего было вывезено в Крым: 36 лошадей (несколько сот было оставлено ввиду трудности погрузки) и 6703 человека, из них 400 больных и раненых и около 500 беженцев.

Список десантов.

1.	Кап.Собецкого - Мариуполь-Бердянск	апрель	1919 г.
2.	Ст.лейт. Медведева - Геническ	"	"
3.	Кап.Кочетова у Феодосии	май	"
4.	Коктебель	июнь	"
5.	Кинбурн	август	"
6.	Одесса	"	"
7.	Арбатская стрелка	декабрь	"
8.	Дроздовцев в Хорлах	апрель	1920 г.
9.	У Кирилловки 1-й	"	"
10.	Мариуполь	май	"
11.	ген.Слащева у Кирилловки	"	"
12.	Бердянск	июнь	"
13.	Полк.Назарова на Дону	"	"
14.	Кубанский ген.Улагая	август	"
15.	Ген.Черепова	"	"
16.	Тамань	"	"
17.	Тендра	июнь	"
18.	У Очакова	июль	"
19.	Кавказское побережье)	(весной	"
20.	Тамань)	(	"
21.	Остров Березань) разведывательные ...	(и	"
22.	У Ачуева)	(	"
23.	У Кирилловки)	(летом	"
24.	У Адлера	октябрь	"

Использованные источники.

Очерки Русской смуты. Ген.Деникин.
Записки. Ген.Врангель.
Дроздовцы в огне. Ген.Туркул.
В борьбе за Россию. Ген. Витковский
"Требую суда общества и гласности". Ген. Слащев-Крымский.
Морской журнал. Статьи кап.Карпова и др.
Морские записки. Статьи адм.Остерлецкого, кап.Потапьева, кап.Кадесникова и др.
Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом. Кап.Кадесников.
Крымский конный полк. Памятка полк.Бако.
Корниловское военное училище. Памятка полк. И.Григорьева.

А.Долгополов.

(См.продолжение на стр.51)

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Помещенная выше статья "Добровольческие десанты в Азовском и Черном морях" является первой попыткой описать 24 десанта Добровольческой Армии.

Автор, не претендуя на полноту списка, будет благодарен всем, кто может сообщить какие-либо дополнения и поправки к его статье.

Несмотря на скудость печатных материалов о десантах, Редакции удалось найти одно описание Кубанского десанта ген.Улагая участником его, ныне покойным инженером В.Терентьевым.

- - oOo - -

ПЕРВОПОХОДНИКАМ.

Уходит прошлое, встают иные цели,
Иных проблем решенье мировых.
Как лепестки, по ветру разлетелись
Далеких лет надежды и порыв.
Для новых зорь бледна пастель былого,
Для новых роз - и новый аромат.
Для новых фраз иное нужно слово,
Иных огней расплавленный каскад.

И все же то, что стало только "было",
Чему давно уж в жизни места нет,
В душе моей забвенно не застыло
В ударах дней, на наковальне лет.
И вот, склоняя голову седую
Перед величьем подвигов былых,
Рукою дряхлою я - в книгу золотую
Давно забытого - вплетаю новый стих...

Блажен будь тот, кто в обреченьи славном
Цветные жемчуга души не растерял,
Кто в поединке, рыцарски неравном,
Жестоко бился и с восторгом пал.
Блажен будь тот, кто в годы роковые,
Свой лик забралом смело не прикрыв,
В скрижали подвигов, таинственно святые,
Вписал над вечностью сверкающий порыв.

Кто, удержав в век исступленный знамя
Своей мечты, смятенно не угас,
Кто с факела свое немеркнущее пламя
На кочках бедствий грозных не сотряс.
Грядет рассвет, шумит листвой дубрава,
И шепчет ветер пахоте родной:
- Вам верным, вам безумным слава,
А в славе честь, бессмертье и покой!

Лос Анжелес, 1967. М.Коваленский

ПОСЛЕДНИЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД.
(Воспоминания участника)

В июле 1920 года я находился в Севастополе на службе в Главном Инженерном Управлении. Делать почти было нечего. Жалованье, 60000 рублей в месяц, равнялось на американские деньги 1 дол.50 центам. Жили мы в бывшем кабаке под названием "Салоники". Спали на койках без матрацов, подостлавши шинели. Питались "шрапнелью", то есть перловой кашей.

Поэтому, когда в июле стало известно, что готовится десант на Кубань, нашлось много желающих примкнуть к нему, в том числе и я. Приказано было свыше желающим не отказывать.

Приехали мы в Керчь и остановились в женской гимназии. О десанте говорил весь город, но о месте высадки действительно известно никому не было. Командовал десантом ген. Улагай, превосходный кавалерист. Между прочим, он был самым красивым человеком, какого я видел в своей жизни. Много позже я его встретил однажды в Константинополе; он был очень элегантно одет.

Вечером 31-го июля мы стали грузиться на суда, предварительно отслужив молебен. Настроение у всех бодрое и даже радостное. Я попал на паровую баржу "Амвросий". Это была старая калоша, но капитаном оказался знакомый моряк, который для начала накормил меня гороховым супом, а потом уложил меня у себя в каюте. Так удобно устроился только генерал Казанович, о котором ген.Деникин сказал: "Безумно храбрый человек". Остальные спали, где попало, но это было не страшно: ночь была теплая и море тихое... В темноте ночи бесшумно, без огней, как тени, корабли двинулись один за другим. Куда мы направляемся, все еще не было известно. Даже неизвестно было, идем ли мы в Азовское море или в Черное. Только после уже оказалось, что мы свернули в Азовское море. Каждому кораблю сказано было только: "Следовать за таким-то судном". Все, что мы знали, это - что наш "Амвросий" идет за "Павлом". Ночью я был атакован "красной пехотой", как мы называли клопов, и это испортило мой сон.

На утро 1-го августа мы оказались в открытом море; берегов не было видно. Жара, и море, как зеркало. У нас целый флот: большие и малые пароходы вытянулись в линию; баржи, паровые и простые, миноносцы - всего более тридцати кораблей разного рода. Ген.Врангель собрал, очевидно, все, что мог. Мы шли на Ейск, но вдруг среди открытого моря стали. Я купался в море прямо с Амвросия. Наша флотилия стояла недолго и, наконец, двинулась на юг. Наконец стало известно, куда мы идем: это станица Приморско-Ахтырская или просто "Ахтыри". Скоро показался низкий песчаный берег, никаких поселений не было видно. Наши миноносцы для приличия постреляли немного по какому-то советскому пикету. Потом мы пересели в лодки и двинулись к берегу. Некоторые казаки разделись и верхом на конях бросились в воду. Теперь они едут на подводах, закутанные во что попало. Лодки до берега не доходят, поэтому снимаем штаны и выходим на берег. Потом идем и едем дальше в станицу Ахтырскую. Станица в 12 верстах от места высадки, часть наших высадилась прямо в станице. В станицу мы пришли уже ночью и ночевали в доме какого-то купца. Я назначен помощником начальника связи при дивизии Казановича.

2-го августа мы занялись проводкой телефонов. Прилетел советский

аэроплан и бросил бомбу. Убил нескольких обывателей и полковника Реформатского. Горько плакала его жена, тоже офицер Русской армии. Вечером в штаб Казановича прибыли несколько начальников частей с докладом. Происходило совещание. Вдруг Казанович как закричит: "Это чорт знает что! Еще вы будете бегать!" Оказывается, случилась беда. Погиб гренадерский батальон Алексеевского полка. Его окружила красная кавалерия. Шесть атак были отбиты, но когда батальон стали расстреливать пулеметами с тачанок, то гренадеры бросились бежать, кто куда, и были изрублены. Десять человек попали в плен, 17 человек удрали и вернулись к нам.

Станица Ахтырская большая и богатая; мы себя хорошо чувствуем в ней и уже завели знакомства. Вечером для нас зарезали жирного барашка, что было весьма кстати после севастопольской скудости.

Августа 4-го рано утром выступили в поход Казанович со своим штабом и наша команда связи. Частью едем, частью шагаем. Недалеко от Ахтырей, возле железнодорожного моста, увидели место гибели гренадеров. Всех убитых, числом 58, уже сложили в два ряда у братской могилы. Все в одном белье, изрублены и изуродованы.

К вечеру прибыли на Лохвицкие хутора. Мне приказали провести телефон от хуторов и включить его в железнодорожную телеграфную линию. Поехали: я, поручик Пучков и капитан Шимановский. После полуночи закончили работу и вернулись на хутор.

Августа 5-го. Рано утром двинулись дальше. Жара. Тут я увидел в первый раз, как люди валятся с ног от жары и усталости. Я думал раньше, что это только картинное выражение. Валились с ног юнкера Константиновского училища. Видишь, как человек шатается, у него ноги заплетаются, и он валится на землю. Его поят водой, поднимают на ноги, и он шагает дальше. Не знаю, или я трехжильный, или просто меньше ходил, но я ничуть не собирался падать. Дошли до нас известия о подвигах генерала Бабиева. Это тридцатилетний генерал, раненый семнадцать раз. Надо заметить, что в Белой Армии почти не было людей, не раненых хоть раз. Сам Врангель был ранен два раза. У Бабиева под начальством служил полковник Бабиев - его отец. Так вот этот Бабиев застукал ту кавалерию, что побила наших гренадер, и обратил их в рубленое мясо. Пленных он не брал. Оказывается, красные по дороге зарезали 20 человек из пленных гренадер. Кроме того, Бабиев захватил бронированный автомобиль под именем "Пролетарий". Команда автомобиля, видя, что не уйдешь, взорвала внутри ручную гранату, которая и убила всех четырех, находившихся там. Автомобиль переименован в "Бабиев".

Бабиев храбрый боевой генерал, но только гоняет своих людей и лошадей до полного изнеможения.

К вечеру прибыли в станицу Староджерелиевскую. У нас образовался большой обоз из обывательских подвод, в станице толкотня, и я с трудом нашел свой штаб.

Августа 6-го. Рано утром мне приказали провести телефон из штаба на вокзал, но едва я его построил, приказали снять. Мы двинулись дальше вдоль линии железной дороги к станции Тимашевской. Начальник станции Джералиевка сказал нам, что только с одной этой станции красные вывезли 200.000 пудов хлеба. Вот для кого берегла хлеб Кубанская Рада! Он же нам рассказал, что вчера расстреляли остальных гренадер, числом 71. Я их видал лежащими в ряд в одном белье на площади у церкви.

Мы включились в линию железнодорожного телеграфа и проверяли его.

При одной из таких проверок мы долго не могли добиться толку - слышали какой-то беспорядочный разговор. И вдруг слышим резко и отчетливо: "Белые, оглядывайтесь назад да берегите уши, через час будет вам концерт.". Мы поспешно сняли телефон и двинулись на станцию Тимашевскую. Прошел не час, а два, но концерт вышел в нашу пользу. По дороге мы увидали испорченный автомобиль, окруженный нашими. В нем сидели два раненых красных командира. Один из них - начальник дивизии, расстрелявший наших гренадер, и с ними советская сестра милосердия. Какие гнусные рожи! Начальник дивизии полулежал, он был смертельно ранен, к его счастью.

К вечеру прибыли в Тимашевскую. Это большая станица и узловая станция. Сегодня она взята нашими. Вокзал разбит нашей артиллерией. Тут началась для меня сильнейшая работа. Нет отдыха ни днем, ни ночью. Мы проводим новые линии, снимаем старые, заряжаем элементы, ремонтируем аппараты. Иногда еще я зашифровываю телеграммы. Материалов не хватает; начальство ругается; страшная суета и хлопоты. Наши войска двинулись куда-то вперед и имеют успех.

Августа 8-го. Алексеевский полк пригнал около 1000 пленных. Все это михрютки не старше 20 лет из Пермской губернии. Дикая орда, настоящие бараны, глупые рожи. Даже язык мало понятный. Шинелей нет - только винтовки в руках и патроны в карманах; только обувь довольно хороша. Все уверяют, что служили у Колчака. Неизвестно, правда ли это. Их разобрали по разным частям. Попало несколько человек и в нашу команду. Сегодня к нам в штаб прибежал босой оборванный человек, без шапки, трепещущий, растерянный и искусанный комарами. Это оказался некий есаул Крупнов, до сего времени сидевший в камышах. Его одели, накормили и приняли на службу в штаб.

Сегодня вечером мне дали шифровать телеграмму Казановича к Улагаю. Казанович пишет, что противник держится пассивно, что указывает на его слабость. Поэтому завтра предполагается двинуться дальше на станицу Медведевскую. Частные сведения несколько иные - говорят, что в степи видны огни и движение войск.

Августа 9-го. Мы заказали своей хозяйке вареники с сыром и мирно ожидали их появления, когда вдруг в нашем саду разорвался снаряд. Поднялся переполох, я побежал в штаб. Там суета, работают во всю телеграф и телефон и происходит совещание начальства. Прибыл начальник штаба десанта генерал Драценко. Он - бывший начальник оперативного отдела Кавказского фронта. Известия поступают со всех сторон, и довольно тревожные. Красные наступают на Тимашевку значительными силами. Оно и видно. Снаряды падают к нам на площадь довольно часто, и за станцией начался бой. Рокочут пулеметы и щелкают винтовки. С нашей стороны дерутся юнкера Алексеевцы и Алексеевский полк, укомплектованный красными пленными. Нарастает тревога, пальба усиливается.

Мое положение весьма затруднительное: с одной стороны, нужно будет своевременно убрать линию и аппараты, а с другой стороны - они нужны до последней минуты. Бой разгорается, перед штабом появился наш броневик. Свищут пули и сбивают листья с деревьев. Появились раненые. Привели здоровенного казака с простреленной грудью; он истерически плакал.

Вдруг из штаба определенно приказали снимать линию, и за этим началось бегство. Снять линию не успели, а только посрывали аппараты со столов и на ходу побросали в повозки, и весь обоз двинулся из станицы.

Жара, пыль, пальба. Корнет Гейне с револьвером в руках наводил порядок. По дороге разбилась наша двуколка; груз сняли, а ее бросили.

Выехали мы за станицу и понемногу успокоились. Мы отступаем на станицу Днепровскую. Пропали вареники! Вот тебе и пассивный противник!

Когда мы уже подъезжали к Днепровской, нам приказали повернуть обратно. Надо сказать, что драпал только штаб, а боевые части продолжали бой. Подъезжаем к Тимашевке, там на гребле у мельницы застава. На заставе нам сообщили, что юнкера Алексеевцы отбили атаку 15 тысяч красных, но, кажется, красные опять наступают. Действительно, бой продолжал греметь за станицей. Затем стали падать снаряды возле мельницы и по дороге от мельницы. Вероятно, красные вообразили, что бьют по отступающим.

Двинулись мы опять из Тимашевки. Я ехал на одной подводе с раненым адъютантом Алексеевского училища. Он ранен легко в ногу на вылет, но все-таки задета кость. Нас обстреливали, и снаряды ложились недалеко от дороги. Ночью прибыли в Днепровскую. Поужинали сливами у какой-то казачки и вообще в этот день почти ничего не ели. Наши пленные проявили вольную или невольную преданность нам, а именно - усердно удирали вместе с нами, и один говорит другому: "Беги вперед! Нашим не попадайся, посекут!"

Августа 10-го. Двинулись дальше из Днепровской еще до рассвета и пошли на Гречаные хутора. У нас образовался огромный обоз. Едут хозяйственные части, канцелярии, перевязочные пункты, снаряды, патроны, едет и наша команда связи. Подводы собрали с окрестных станиц и хуторов. Обоз растянулся на несколько верст от горизонта до горизонта. Замыкает шествие аэроплан, везомый лошадьми. Везут раненых, слышны их стоны и крики. К полудню прибыли на Гречаные хутора. По улицам лежали раненые. Запомнил я одного из них: лежит ничком, часто дышит и глядит страдающими глазами. Возле него суетятся санитары. Другой - убитый - лежит у плетня, залит кровью, руки скорчены, и около стоит конь, понурив голову. Обступили его другие казаки, сняли оружие и увели коня. Потом хоронили на кладбище убитых юнкеров, человек десять. Вырыли братскую могилу и отпели, как следует. Отпевал местный священник; вид у него жалкий, ряса измята. Трупы изуродованы, вся атмосфера - крайней грусти и печали. Поставили им крест без надписи.

К вечеру прибыли на Лебяжьи хутора. Остановились у священника. Он нас угостил великолепным белым арбузом и чаем.

Августа 11-го. На заре двинулись дальше и прибыли в станицу Гривенскую. Это большая станица, расположенная на так называемой протоке. Протока - это рукав Кубани, не очень широкий, но глубокий и с быстрым течением.

Августа 12-го. Утром опять выступили в поход. От Тимашевки до Гривенской это было отступление. Теперь опять переходим в наступление. Пошли к станице Ново-Николаевской. По дороге проходили поле недавней битвы. Следов немного: штук восемь убитых лошадей, несколько разбитых снарядных ящиков и три трупа. Один простенький рыжий мужик с искаженным лицом и застывшим криком на губах. Убит шашкой по затылку. Другой лежит посреди дороги. Гнусная советская рожа: бритая, а волосы длинные. Третий в стороне. Одеты в грязную парусину. Обувь сняли, остались только портянки.

Наш колоссальный обоз идет степью и вдруг стал. Это случается очень часто из-за порчи подвод. Но на этот раз дело затянулось. В чем

дело? Проносится известие - дорога закрыта: впереди красные. Вдоль обоза носится на коне довольно забавная и печальная фигура. Это старый казачий генерал Закладный. Он начальник обоза, симпатичный старик. Он горячится, ругается и даже лупит казаков нагайкой. Ему вслед улюлюкают. Теперь он командует: "У кого есть винтовки - становись в строй!" Выходит довольно много народу. Выхожу и я, а некоторые прячут винтовки в солому. Закладный дует их нагайкой, и в результате образуется сводная рота. Нас рассыпают цепью и ведут полем к далекому кургану. Обстановка неприятная, пыльный ветреный день, солнце в глаза, под ногами шелестит сухой бурьян. Впереди на кургане Улагай со штабом. На горизонте какие-то всадники. Как будто рубятся, но слишком далеко, не разглядишь. Говорят, сейчас будет бой под станицей Ново-Николаевской. Какой-то маленький бой действительно произошел, но далеко впереди, нам не пришлось участвовать. Благополучно двинулись вперед и скоро прибыли в станицу Ново-Николаевскую. Узнали здесь скверную новость - красные изрубили здесь несколько десятков молодых казаков, чтобы не приставали к нам.

Августа 13-го. На утро двинулись дальше. Перед отъездом мне приказали оставить в станице двух казаков с телефоном, чтобы они следили за противником и доносили нам. Иначе говоря, оставить двух казаков на погибель. Но мои казаки Шилка и Шпыгарь оказались не дураки и, немного поболтавшись в станице, вернулись к нам. Подошли мы к хутору Желтые Копани, и шедший впереди стрелковый Кубанский полк вступил за хутором в бой. Весь наш обоз столпился перед хутором и ждал результатов боя. За хутором трещат пулеметы и винтовки, вспыхивают шрапнели; идет легкий дождик.

Нет ничего хуже такого пассивного ожидания. Не знаешь, двинемся ли дальше, или из-за хутора вылетит красная кавалерия и начнет рубить. А полковник Иванов, мое начальство, спит на возу под шум боя, и ему на лицо падает дождь. Наконец, часа через полтора красные удрали и мы вошли в хутор. Стали доставлять убитых и раненых. Пронесли молодого казака - ран не видно, глаза полузакрыты, лицо спокойно, будто спит, только страшно бледен. Положили его на солому под навесом. Потом прибыла подвода с ранеными: стоны, кровь и даже плач. Мы их снимали с подвод и вносили в хату. Суетится тут сестра - жена поручика Славутинского - и ничего не знает и не умеет. Потом мы заказали в одной хате карасей и хорошо закусили. Потом двинулись в станицу Ново-Джерелиевскую, куда и прибыли вечером. Отпевали наших убитых в этом бою - всего трех. Нас все время провожает похоронное пение. Каждый день или мы кого-нибудь хороним, или жители. Обращают на себя внимание здешние церкви. Это - большие красивые кирпичные здания, но хуже, чем в городе. Говорят, казакам некуда девать денег, вот и строят церкви. Край здесь очень богатый.

Августа 14-го. Провел я телефон Кубанскому стрелковому полку. Сидели тихо и спокойно. Вдруг - наш пушечный выстрел. Бегу к начальству за приказаниями. Казанович ругается: "Что вы - услышали выстрел и уже испугались!" Кто-то обмолвился словом "тревога". - "За одно слово "тревога" буду вешать", - говорит Казанович.

Однако, за станицей начался бой. Наши устроили наблюдательный пункт на колокольне, провели туда телефон, и пошла работа. Наши орудия, к сожалению - только два, работают превосходно. Бьют шрапнелью без промаха и каждым выстрелом вырывают по 150 шагов фронта. Наступает пе-

хота. В телефон слышна команда: "Девять ноль". Затем - бах, бах, и т.д. Палят и красные по станице, шрапнель так и свищет. Наконец, они попали в колокольню и оборвали кабель. Спешно починяем телефон - бой продолжается. Показывается красная конница. "Бейте по коннице", приказывает Казанович. "Не могу я разорваться", - отвечает командир батареи, превосходный артиллерист, дроздовец. Приказали нам собираться. Высыпали на улицу испуганные жители. Какая-то девица говорит мне: "У нас со страху юбки падают!" Выехали мы из станицы и потянулись гуськом по дороге. Нас заметили и открыли огонь. Вспыхнули над нами белые облачки и засвистела шрапнель. Тут все подводы, как по команде, разом повернули налево и пустились вскачь по полю. Началась паника. Начальство крепким матом скоро восстановило порядок, и мы двинулись дальше. Многие жители станицы на наших глазах удирали в камыши, захвативши с собой кошелки с хлебом. К вечеру мы вернулись в станицу Гривенскую и остановились в той же хате. Неподалеку устроили телефонную станцию.

Слышал я оригинальный разговор между нашим хозяином и его женой. Дело в том, что ее боднула корова в колено и искалечила. Она болеет уже целый год и не может двигаться. Вот муж говорит ей: "Умри!" - "Хорошо, я умру", - говорит она.

Вечером мы получили известие о страшном разгроме Красной Армии в Польше. Поляки взяли более 200.000 пленных. Об этом приказано известить нашу группу войск. А наши дела не так уж хороши. Вечером пришла телеграмма: "Противник двигается к станице, имея с собой тяжелые пулеметы". Несмотря на это, наше начальство не приняло никаких мер. Ген. Казановича где-то нет, и нами командует генерал Колосовский, первопоходник.

Августа 15-го. Сегодня Успенье. Я вышел во двор, и вдруг затарахтел пулемет на нашей заставе, за полверсты от нас. Все высыпали во двор, ждем, что будет дальше. Донеслось отдаленное ура. Решили, неизвестно почему, что это наши. Вдруг полковник Иванов командует: "Запрягай!". И тотчас же по нас открыли огонь из пулемета с луга, который начинался от нашей хаты. Я кинулся в хату, схватил свои вещи и бросил на подводу. Затем бросился на телефонную станцию. Встречаю по дороге рядового Аносова и кричу ему: "Срывай аппараты!" Пулемет трещит, но пули идут где-то высоко над нашими головами. Вижу - улица пуста. Наши с невероятной быстротой запрягли и уехали. Я бегом пустился в догонку и скоро догнал подводу. На ней сидит поручик Лысенин, с ним сестра и разный хлам. Едут вскачь, потеряли крышку от самовара. Скоро догнали остальной обоз. Наши куда-то исчезли почти все. Остались только я, полковник Иванов, писарь и два брата Фоменко - рядовые.

Вдруг Фоменко кричит: "Неужели нам тут погибать! Господа офицеры! Давай патроны, давай винтовки!" - Я глянул вперед, вижу в конце улицы человек 5-6 всадников, шашки наголо, что-то кричат. Расстояние шагов 150. Я спрашиваю Фоменко: "Это красные?" - "Так точно!" Тут только я заметил, что они в красных шапках - отличительный знак коммунистической кавалерии. Мы все пятеро забежали в какой-то двор и открыли дружную стрельбу. Тут у меня пропал всякий страх, я только затрясся от злости и стал старательно целить. Выпустил четыре патрона и не попал ни разу. Тут Фоменко убил коня под одним из всадников. Конь рухнул на забор, полетел и всадник, описавши какую-то удивительную траекторию. Тут все прочие всадники пошли наутек. Мы за ними, кричим ура. "С нами Бог!" - прибавил Фоменко. "Не увлекаться!" - крикнул полковник Иванов.

Я говорю ему: "Господин полковник, примите команду!" - "Я никогда не командовал", говорит он. Всадники живо удрали. Я еще один раз выстрелил в догонку и тоже не попал, да еще чуть не оглушил полковника Иванова, так как стрелял сзади его. Оглянулись мы назад и командуем обозу: "вперед". Никакого ответа. Посмотрели, а там ни одного человека, ни солдат, ни извозчиков. Мы побежали вперед.

Ужасно неприятно бежать, когда сзади свищут пули. Я догнал какую-то подводу из нашего обоза, и мы вскачь понеслись вперед. Кругом станицы идет бой, гремят пушки, но что, где и как - я ничего не могу понять. Выехали из станицы и уже спокойно поехали вдоль протоки. Опять собрался многочисленный обоз. К вечеру прибыли на хутора "Веселые", то есть проехали верст 30. Там Улагай и весь штаб десанта. Работает радио, связались с Врангелем. Наша неудача вполнеопределилась, нас будут эвакуировать в Крым. Да оно и неудивительно: на наш отряд в 5000 человек обрушились две советские армии, то есть около 80.000 человек. У меня пропали все вещи, осталось, что было на мне, то есть старое обмундирование, часы (они до сих пор у меня) и документы. Пропало и все телефонное имущество. Только Аносов спас телеграфный и два телефонных аппарата.

Августа 16-го. Стали на берегу Кубани. Собрался большой табор. Похоронили на берегу какую-то несчастную сестру милосердия. Оказывается, нас решили эвакуировать через Ачуев. Это небольшой городок в устьях Кубани, там рыбные ловли Кубанского Казачьего Войска. Там теперь строят для нас понтонный мост и для этого согнали лодки со всех окрестностей. Туда поехал через наш табор Улагай со своим штабом.

Августа 17-го. Меня с моей командой потребовали назад в штаб Казановича на хутора Барабановские. Поехали назад верст за тридцать, прибыли туда среди ночи. Обстановка оказалась весьма странная. Доехали мы до наших окопов, нам говорят: "поезжайте дальше". Проехали еще с версту по направлению к противнику и, наконец, приехали на место. На берегу Кубани стоит одинокий хутор, на другом берегу красные. С правого фланга Кубань, идущая в виде буквы Г, а левый фланг обнажен, и только в ту сторону направлены два пулемета. Заходим в хутор, весь штаб спит. Я явился к Караваеву (Начальник штаба), передал пакет, и мне приказали читать. Начал я читать, а тут красные открыли огонь с того берега. Никаких приказаний мне не дали, а только сказали: "Утром посмотрим!" Вышел я со своей командой во двор искать ночлега, а красные знай палят. Никакого ночлега мы не нашли и вернулись в наш табор, расположенный на Ачуевской косе. К нам каждое утро и каждый вечер прилетают четыре советских аэроплана, и каждый бросает по 10 бомб, т.е. 80 бомб в день, и ни одного попадания. А ведь нас целый табор, широко раскинувшийся, да еще суда на море. Берег низкий, песчаный, море больше похоже на лиман, чем на море, даже вода мало соленая, кругом камыши. И вот бомбы попадают в камыши и в море. А ведь бомбы бывают и пятипудовые. Когда наши увидят аэроплан, поднимается неистовая, беспорядочная стрельба из винтовок и пулеметов. Попаданий незаметно, но стрельба удерживает красных на высоте. Все-таки эти налеты очень неприятны, хуже всего сознание беззащитности. Завидую полковнику Иванову: он во время налета преспокойно лежит на возу и улыбаясь глядит на небо. Конечно, это самое благоразумное.

Августа 23-го. Сегодня меня опять послали в штаб Казановича. Приехали. Оказывается, он стоит уже на Веселых Хуторах. Жители все разбе-

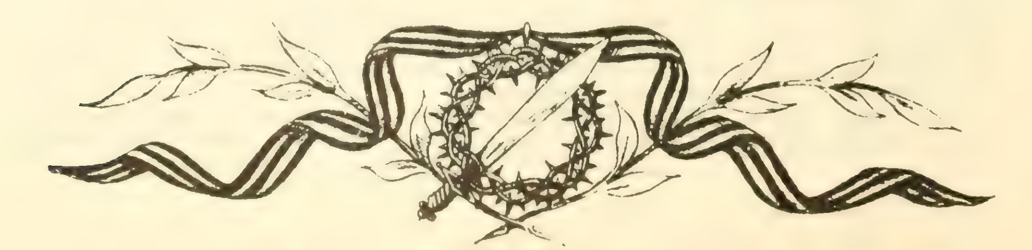
жались, увезли имущество, угнали скот. Казанович устраивается, будто на год: выбирает себе столовую, спальню и прочее. Соединились телефоном с фронтом. Фронт держат по очереди полки Алексеевский и Кубанский стрелковый. Алексеевский полк ненадежен. В нем масса вчерашних красных. Хутор под самой рекой, кругом камыши, на которые мы поглядываем с тревогой. Говорят, в этом году по причине засухи они стали проходимы и оттуда могут появиться красные. Поэтому я сплю, не раздеваясь, и не расставаясь с винтовкой. Оказалось, что у нее мушка сдвинута в сторону. Вот почему я не мог попасть ни разу. Каждый вечер красные подымают усиленную орудийную пальбу. У них 12 орудий, что мы видим по вспышкам, а у нас только два. Мимо нас проходят наши последние части, скоро,видно, наша очередь отступать. Стоит чудная погода, а ночи прямо волшебны. Кубань, сады и хутора наполняются серебристым голубоватым туманом, река, как зеркало, и только плывущие по реке трупы конские и изредка людские портят красоту. Наше начальство покупает у извозчиков лошадей и повозки по вольной цене и только у желающих. Бедные извозчики все "желающие", потому что на обратном пути их ловят красные и убивают всех, кто с лошадьми, а без лошади возможно проскользнуть домой незаметно.

Августа 26-го. Сегодня красные с утра палят по нас из пушек, но редко, и все снаряды аккуратно ложатся за реку в камыши. К вечеру они изменили прицел и положили 3 снаряда вокруг нашего штаба треугольником. Это значит, следующий снаряд будет прямо по штабу. Вечером к нам приехал на автомобиле Улагай. Я слыхал его беседу с Казановичем. Казанович говорит: "Мы хотели повторить поход Корнилова, только с поддержкой интендантства. Мы хотели взять Екатеринодар". - "Какой там Екатеринодар, - говорит Улагай, - когда Тимашевку не могли удержать! Дураки красные, что не пустили нас в Екатеринодар, оттуда не ушел бы ни один человек".

Августа 27-го. Сегодня утром приказали мне убрать все. Наконец и мы уходим. К вечеру благополучно прибыли в Ачуев. Это оказался вовсе не город, а ничтожный поселок. Большая и хорошая церковь, дом священника, огромный ледник, сараи и чаны для засолки рыбы, в общем, домов штук десять. Кругом камыш, песок и болото. Мне удалось получить от какого-то коменданта 13 фунтов муки, то есть по одному фунту на каждого человека моей команды. Мы из этой муки сварили галушки в патронной жестянке, да еще положили туда три коровьих ножки, найденные на дороге.

Августа 28-го. Остановились в одном доме с Улагаем. Я видел, как ему понесли черную икру в салфетке. Опять прилетели красные аэропланы и бросали бомбы в Ачуев. Наши положили телегу на бок, укрепили на колеса пулемет и палили в аэроплан. И наши пулеметы, и красные бомбы одинаково палят мимо. Вечером мне приказали снять телефонную линию от Ачуева до места посадки и дали в помощь юнкеров. Ночью уборка линии была закончена, и мы сели на пароход.

В.Терентьев.

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

(Продолжение, см. №№ 59-60, 61-62, 63-64 и 65-66)

23. Восточный фронт в 1919 г.

(Продолжение)

В первых числах марта Восточный фронт начал наступление.

Сибирская Армия теснила 3-ью кр красную армию на гор.Вятку, отбросила 2-ую красную армию за р.Каму, освободила в апреле Ижевский и Воткинский заводы и заставила противника уйти за р.Вятку от г.Малмыж до устья этой реки.

Западная армия разгромила 5-ую красную армию, которая в беспорядке отступила к Волге, потеряв свою артиллерию и оставив в руках белых много пленных и трофеев. К концу апреля Западная Армия подошла на 3-4 перехода к Самаре и была здесь остановлена приказом ген.Ханжина.

В красном лагере поднялась тревога. После ухода с фронта чехов (в ноябре 1918 г.) и оттеснения слабых белых отрядов к Уралу красные считали положение здесь прочным. В феврале 1919 г. их усиленное внимание привлекал Западный фронт, где они ожидали появления сил Антанты, а белогвардейским фронтам - Северному, Восточному и Южному - "главное командование склонно было придать второстепенное значение". (Какурин, том 2-й, стр.132).

Тем большее впечатление произвела на красных "внезапность" сильного удара со стороны одного из фронтов "второстепенного значения".

Со свойственной большевистскому стану истерической энергией были брошены крикливые лозунги: "все на восток", "все против Колчака", - и навстречу белым потекли резервные дивизии и большие пополнения в разбитые части.

К 15-ти дивизиям, бывшим на Восточном фронте, красные в ближайшие два месяца перебросили несколько дивизий, бригад и полков, общей силой около 6 дивизий.

Для пополнения убыли и повышения надежности своих частей красные производят несколько мобилизаций: "В течение 1919 г. страна, объявленная "вооруженным лагерем", была охвачена одновременно четырьмя мобилизациями: партийной, профессиональной, чрезвычайной и общей, согласно планов военного ведомства"(Какурин, т.2-й, 173).

"Вся эта мощная струя активных и политически сознательных пополнений почти исключительно направлялась на Восточный фронт. 22 губернии слали туда своих лучших представителей. Пунктами сосредоточения для них намечались: Самара, Симбирск, Казань, Вятка. Только три губернии направляли своих партийных и профессиональных работников в Смоленск для обслуживания Литовско-Белорусской армии".

"Впоследствии, при назревании кризиса на Южном фронте, эта мощная струя изменила направление своего течения на юг и, наконец, в октябрьские дни 1919 г., когда опасность угрожала красному Петрограду, она перекинулась к последнему" (Какурин, стр.173).

Далее Какурин дает примеры успеха и энтузиазма, с которыми были проведены эти мобилизации. Нельзя отрицать, что этими мерами красные быстро пополнили растрепанные части и для надежности влили в них большое количество партийцев. О численности коммунистов, влитых в части, свидетельствуют воспоминания комдива Путна: "Мне помнится, что в 27-й дивизии коммунистов было в среднем три с половиной тысячи. Разве могла быть не стойкой дивизия с таким числом членов партии?" (Борьба за Урал и Сибирь, стр.18).

"Коммунары", конечно, не все шли в боевую линию. Часть из них составляли отряды "особого назначения", которые сзади поднимали дух красноармейцев к наступлению, стреляя из пулеметов в их спины. Из указанного Какуриным движения подкреплений вполне очевидно, что красное командование наконец убедилось, что быть сильными всюду нельзя. Оно вынуждено было перейти для выигрыша войны к поочередному разгрому своих противников.

Под впечатлением разгрома на Восточном фронте, красные войска сосредоточивают здесь превосходные силы и к началу мая переходят в контр-атаку.

Выяснить с достаточной точностью соотношение сил противников, при ограниченности имеющихся под рукой источников, не представляется возможным. Белые архивы вообще не уцелели, а красные сведения грешат большими неточностями и противоречиями. Например, в таблице Какурина (страница 129) силы белых на Восточном фронте к февралю указаны в 143,330 бойцов, причем итог подсчитан неверно, а в подстрочном примечании говорится, что на основании данных противной стороны - "чехо-словаков следует вовсе исключить со счета, так как все они ушли в тыл, а цифру штыков и сабель противника по тем же источникам можно считать в 80 тысяч".

Руководствоваться такими расплывчатыми данными бесполезно.

Сохранившийся "боевой состав" Западной Армии (и находившейся на

П Р И М Е Ч А Н И Е :

Расположение красных армий и дивизий указано примерно к началу мая 1919 г. после перегруппировки и прибытия подкреплений.

К 1-му марта, перед наступлением Белых, расположение дивизий, начиная с севера было следуюшим: в 3-й армии - Особая, 4-ая Уральская, 29-ая, 30-ая и Камская бригада; во 2-ой армии - 7-ая, 21-ая 5-я и 28-я; в 5-й армии 27-я и 26-я; в 1-й армии 20-я и 24-я; в Туркест. армии - 31-я и 5-я Кав. ; в 4-й армии - 22-я и 25-я.

БОЕВОЙ СОСТАВ ЗАПАДНОЙ АРМИИ.	Бат	эск	офиц. шт.	обер.	штык.	саб.	пул.	оруд. 3"	проч.	Примечания
2-й Уфим.кор.										
4-я Уф. див.	12	–	17	422	5235	–	119	12	5	В Мих.пол.9 рот
8-я Кам. "	12	–	15	446	7262	129	114	12	6	
Уф.Кав. "	–	12	15	56	387	938	14	–	–	
									4	тяж.
Всего	24	12	49	924	12884	1067	247	24	15	
3-й Ур.корп.										
6 Ур.див.	7	–	15	147	2104	–	22	4	–	Два плк.в Ор.Арм.
7 Ур. "	13	–	10	219	2980	262	56	8	–	
Отд.Иж.бр.	7	2	1	177	3927	195	44	8	2	
18 Ор.Каз.пл.	?					494				
12 " " "	?					?				
Всего	27	2	30	572	9011	951	145	20	2	
6 Ур.корп.										
11 Ур.див.	9	–	5	203	2393	–	51	6	–	Свед 42 пол.нет
12 Ур.див.	13	1	10	220	4185	110	57	8	2	
3 отд.Ор.Каз.	1	12	7	43	406	1150	22	4	–	
Всего	23	13	22	466	6985	1260	130	18	2	
Всего Зап.Арм.	74	27	101	1963	28388	3278	522	68	19	2 – 42'''; 8 – 48''' 7 Макленок и 2-?

ЮЖНАЯ ГРУППА ГЕН.БЕЛОВА (Временно подчиненная Ген.Ханжину)

	Бат	эск	шт.	обер.	штык.	саб.	пул.	3"	Примечания
4-й Оренб.Кор.									
2 Сызр.див.	12	–	3	150	1509	154	35	5	–
1 Отд.Каз.бр.	–	12	6	38	–	1153	15	3	
Св.Каз.бр.		6	–	27	749	–	11	–	(1-й и 4-й Орен.Каз.п. (Татищ.пласт. и Сакм.
5 стр.див.	4	–	7	149	827	–	14	–	
	и	отдельн.	небольш.	части					
Всего	17	26	20	378	3631	1987	85	9	
Свод.Стерлит.Корп.									
Свод.Ур.див.	4	6	8	88	1529	1298	30	6	(29-й Ор.Каз.п., Атам.див.,1 бат. 23,24 пп.6-й Ур.див.
Свод.Ор. "	6	16	9	119	2823	2679	30	2	(1-й пласт.п.Белор.п. 2-й каз. и 7 др.част.
Всего	10	22	17	207	4352	3977	60	8	
Всего Южн. Группа	27	47	37	585	7983	5964	145	17	

ПРИМЕЧАНИЕ: 1) Боевой состав относится к последней неделе апреля 1919г. 2) Ижевцы ушли на завод 29 апреля; присланные на их место молодые необученные башкиры никакой боевой силы не представляли. 3) Таблица переписана без проверки, есть ошибки в подсчетах. 4) Мелкие части не помещены, но включены в итоги, как, например, в графах 4-го Оренбургского Корпуса.

время наступления во временном подчинении ген.Ханжина группы ген.Белова) по состоянию к концу апреля дает численность бойцов армии, за вычетом ушедших на завод Ижевцев, в 27.500. Подробный состав - в прилагаемой таблице.

В Сибирской Армии насчитывалось около 40.000, в Оренбургской Армии (с группой ген.Белова) и в Уральской казачьей - вместе 30 тысяч.

Красные силы Какурин указывает в середине апреля, то есть после больших потерь при отступлении, в 84 тысячи. Присылка многочисленных подкреплений увеличила их силы на 50 тысяч штыков и сабель, и ожидались дальнейшие значительные переброски (стр. 176-177).

Наиболее опасным для себя успехом белых красные считали выдвижение Западной Белой армии к Самаре и нацелили первый удар на ее левый фланг к северу от Бузулука. Перегруппировав свои части, они сосредоточили против Западной армии 5 дивизий и одну кавалерийскую бригаду и из тыловых районов направили сюда же, не считая мелких частей, три дивизии. Всего более 8 полных дивизий пехоты, не менее 80.000 бойцов.

Большой численный перевес дал возможность красным выиграть в мае ряд боев и отбросить Западную армию на восток.

Этим они не ограничились. Военная наука требует разбитого врага преследовать: "Преследуй денно и нощно, доколе истреблен не будет; недорубленный лес опять вырастет". Эту Суворовскую истину наш противник также усвоил и применил в полной мере, хотя другие красные фронты настойчиво требовали помощи. Не ослабляя своего натиска и не уменьшая своих сил, они продолжали теснить Западную армию дальше, в начале июня взяли Уфу и стремились окружить и уничтожить главные силы Белой армии в теснинах Урала. Это им не удалось, и Белая армия сравнительно благополучно отошла за Урал.

Отход Западной армии распространился в конце мая на Сибирскую, которая также ушла за Урал, 14 июля оставила Екатеринбург. В ней появились признаки начавшегося разложения.

Только в конце июля красные начали переброску своих частей против Вооруженных Сил Юга России, которые, взяв в июне Харьков и Царицын, успешно продвигались на север.

На востоке еще остаются достаточные красные силы для преследования поредевших Белых Армий. Во второй половине июля происходит многодневное сражение у Челябинска, а после отступления в августе за р.Тобол Белые Армии в сентябре вновь переходят в наступление и отбрасывают противника за Тобол.

Эта операция окончательно надломила силы белого Восточного фронта. Тая от боев, болезней, жестоких холодов и измен, они в середине февраля 1920 года достигают Забайкалья.

- o -

Конечно, не одна стратегия, какую бы важную роль она не играла, решила судьбу борьбы в гражданской войне. Стратегия - искусство полководца, ему нужна сильная армия, а армия создается всей мощью Государства.

Что мы встречаем в Гражданской войне?

Революция разрушила весь установившийся долгими веками порядок, привела все к всеобщему хаосу, но последствия этого хаоса отразились не одинаково на боровшихся лагерях.

Большевики сумели наладить централизованный и дисциплинированный политический аппарат, который смог направлять их деятельность для до-

стижения нужных им результатов, включительно до организации большой армии и создания для нее командного состава. В большевистской федеративной республике были вытравлены, кроме оставшихся вывесок, всякие федеративные и сепаратистские течения, быстро исчезли разные "уездные" и прочие "республики" и, под гнетом кровавого, беспощадного террора, раздробленные составные части России разъединенные организации и группы населения и отдельные лица заставлялись работать и идти под руководством большевиков на создание будущего "рая".

В белом лагере оказалось много осколков политических и общественных организаций, много деятелей разных величин и окрасок. Большинство их было воспитано на борьбе со старым "режимом", который и был погублен ими, при их помощи или бездействии, в грозное время внешней войны. Управлять, создавать и строить они не умели, и никто из громких имен "великой и бескровной" - противников большевиков, - не выдвинулся,как талантливый государственный администратор.

- о -

К 1919 г. вооруженные силы Белых выросли, окрепли и были на пути к победе. Но эти силы нуждались в дальнейшем развитии, пополнении убыли, моральной поддержке, в здоровом и спокойном тыле. Нужна была энергичная и плодотворная работа за линией фронта, за спиной Белых армий.

К несчастью, у Белых не было ничего, что могло бы сравниться с бешеной энергией большевицкой партии.

Антибольшевицкие организации были многочисленны, разрознены и слабы. Ген.Деникин вспоминает о прибытии в Добровольческую Армию делегации от одной из крупнейших организаций - "Национального Центра". Старшие начальники связывали с этой организацией представление о "широком фронте русской общественности". Но, как пишет Деникин: "это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших также добросовестно в заблуждение и всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей Армии, но за ними не было никого".

Главные деятели первых дней революции - Родзянко, Милюков, Гучков и другие, столь успешно поработавшие на гибель "старого режима", - были обязаны, казалось, принять участие в уничтожении большевизма и исправить свои ошибки. Но все они умыли руки в содеянном ими и исчезли.

Показательно, что на всех Белых фронтах руководство государственными делами находилось, или быстро переходило в руки старших военачальников. Однородность такого возглавления создавала благоприятные условия для взаимного понимания по всем государственным и военным вопросам, по выработке планов и согласованности действий.

Однако, этого не случилось, и не по вине указанных лиц.

Раздробленный, неустойчивый в своих настроениях, страдавший от недостатка дальновидных, честных и энергичных людей, белый лагерь *)

---

*) Под "белым лагерем" автор подразумевает вооруженные силы против большевиков, те организации и группы и тех отдельных лиц, которые помогли первым или действовали самостоятельно, имея целью сбросить власть большевиков и установить в России порядок и законность. Автор не считает принадлежащими к "белому лагерю" партии и группы, которые своей главной задачей ставили спасение "завоеваний революции" и преследовали узко партийные цели (с.-р., Комуч и проч.)

в целом не мог подняться до той степени самоотречения и самопожертвования во имя Родины, которыми отличались первые кадры Белых армий.

Там, где одни отдавали свою жизнь за спасение России, желая сохранить ее единой и неделимой, другие действовали так, как должно было бы наблюдаться у большевиков, твердивших о неограниченных свободах, "власти на местах", "самоопределении вплоть до отделения"...

Вместо тесной спайки и дружных усилий появляется и наростает волна требований самостоятельности и независимости. Личное честолюбие или местные интересы ослепляют и заставляют забывать об общей цели борьбы, о неизбежности поражения при действиях вразброд.

Даже в военной среде, привыкшей к строгому порядку и дисциплине, колеблются и расшатываются эти воинские начала.

Силы белых начинают слабеть, воинский дух угасает, тыл разваливается, разбегаются или переходят на сторону врага неустойчивые бойцы и целые части.

Гражданская война протекла у большевиков в исправлении своих слабых мест и постепенной консолидации сил. У белых - в раздробленности, в трениях, в открытой и скрытой борьбе за влияние, власть и привилегии.

Огромные усилия, жертвенные порывы и подвиги лучших сынов России и их кровавые потери были недостаточны, чтобы сломить большевицкое иго. Не потому, что армии врага были сильнее, но потому, что белый лагерь был поражен тяжелыми внутренними недугами.

- о -

Положение, создавшееся внутри враждующих сторон, отразилось соответствующим образом на отношениях с иностранцами. Красные не имели прямых сношений с другими странами, так как не находились в официальных сношениях с иностранными правительствами.

В их рядах воевали мадьяры, латыши, китайцы и другие национальности в большом числе, но это были наемники интернационала, добросовестно исполнявшие свои обязанности и отличавшиеся хорошими боевыми качествами и большой жестокостью.

Большинство иностранных держав не было заинтересовано уничтожением большевизма в России, хотя отдельные представители этих держав предвидели опасность распространения красной заразы. Делались попытки своевременно это зло уничтожить. Оказывалась помощь борьбе с большевизмом, особенно, пока еще продолжалась мировая война. После поражения Германии и заключения с ней мира помощь сильно сократилась, а к концу 1919 года прекратилась.

Отряды союзников, вообще незначительные, появлялись вместе с их высокими комиссарами на белых фронтах, но участия в военных действиях избегали, нередко договаривались с большевиками о нейтралитете или прекращении враждебных действий и, при появлении опасности, быстро удалялись.

На Восточном фронте большое зло причинили наши бывшие военнопленные - чехи. Начавшие борьбу с большевиками ради собственного спасения, они помогли быстрому и одновременному выступлению противобольшевицких организаций от Волги до Владивостока и образованию Восточного фронта, но вскоре "устали" и ушли в тыл на охрану жел.дороги.

Здесь чехи превратились в спекулянтов и грабителей, не торопились домой и во многих тысячах вагонов везли свои "трофеи" во Владивосток.

И без того слабо справлявшийся с огромным движением длинный Си-

бирский путь был окончательно расстроен.

Во время отступления Армии погибло много поездов, не пропущенных чехами, в которых замерзали раненые, больные и беженцы. Когда чехов настигли красные войска, предательской выдачей Верховного Правителя Адмирала Колчака они купили себе право беспрепятственного движения дальше.

Иностранная помощь принесла больше вреда, чем пользы, и дала основание большевикам кричать в своей пропаганде против "приспужников иностранного капитала".

Неопределенная и колеблющаяся политика союзных держав значительно помогла большевикам в их торжестве над белыми. Современные мировые события указывают с полной ясностью, что проигрыш белыми гражданской войны оказался поражением и наших бывших недальновидных союзников.

24. В горах Урала.

После боя 9-го мая и отступления в район гор.Уфы 1-ая Стрелковая (Ижевская) бригада была расположена к северу от ст.Чишма.

Возник вопрос, ввиду небоеспособности бригады, об ее окончательном расформировании. По этому делу ген.Молчанов уехал в штаб 2-го Уфимского Корпуса (Уфимской группы). Ему предлагают в командование 4-ую Уфимскую дивизию.

18-го мая на ст.Чишма, в вагоне командира 3-го Уральского корпуса (группы) собрались начальники 6-й, 7-й и 11-й дивизий для распределения боевого и прочего имущества Ижевцев. Около 5.000 винтовок, сделанных Ижевцами на своем заводе, трофейные пулеметы в количестве более 40 и 10 орудий (в том числе две полевые 48-линейные гаубицы), захваченные у красных, должны были перейти в другие руки. Главный приз - артиллерию - получил ген.Ванюков, начальник 11-й Уральской дивизии.

За отъездом командира бригады, от Ижевцев присутствовал со списками разного имущества начальник штаба бригады, который в конце заседания обратился к ген.Голицыну и сказал, что все распределенное имущество будет передано согласно полученным указаниям, но только после того, как об этом будет уведомлен ген.Молчанов и с его разрешения. Ген.Голицын с этим согласился.

Известие о расформировании бригады вызвало подавленное настроение среди офицеров и немногих солдат Ижевцев, оставшихся в бригаде. Не прошло и трех месяцев, как в этих самых местах, где теперь стояла бригада, Ижевцы громили красных и вызывали всеобщее восхищение своим победоносным наступлением к Уфе. Теперь всякие следы существования бригады уничтожаются и ее боевые трофеи передаются другим.

Удрученные до последней степени, Ижевцы несколько дней провели в тяжелом ожидании, беспокоясь об участи своих частей и всей бригады.

22-го мая вечером ген.Молчанов сообщил, что бригада расформировываться не будет и будет позднее развернута в дивизию.

Из района ст.Чишма она была двинута на север и получила для обороны участок позиции на правом берегу р.Белой к северу от гор.Бирск.

На возможность остановить наступление красных и отбросить их от р.Белой на запад возлагались большие надежды. Но этому не суждено было осуществиться.

Сосредоточив свои части и тщательно подготовив средства для переправы, нащупав более слабые места в расположении противника, красные

начали форсировать реку одновременно во многих пунктах. В некоторых из них 6-го июня удалось достигнуть успеха и закрепиться на правом берегу.

В районе Уфы, где были более сильные и лучше сохранившиеся части Волжской и Уфимской групп они были отбиты, и только 9-го июня им удалось захватить самый город.

На участке 1-й Отдельной бригады они переправились без особых усилий. Когда наши башкиры увидели противника, переправляющегося на лодках и паромах через реку, они обалдели, перестали стрелять и начали разбегаться. Привести их в порядок не было возможности.

Остатки бригады отступили, но неустойка эта не была причиной оставления позиций на р.Белой, так как отступление к северу от Уфы началось одновременно в нескольких местах.

Бригада была направлена в глубокий тыл, а прикрытие оставленного направления было возложено на Уфимскую кавалерийскую дивизию ген.Джунковского.

В середине июня фронт проходил примерно по р.Уфа и только южнее гор.Уфа небольшой участок р.Белой упорно удерживался частью группы генерала Каппеля.

Переход красными р.Белой и захват Уфы являлся для них крупным успехом, нашедшим соответственную оценку.

Начальник штаба Фрунзе, бывший генерал Новицкий, делает такое сравнение: "об описываемом периоде борьбы нужно сказать, что если в каждой войне бывали отдельные операции, исход которых являлся решающим для участи всей кампании, как, например, первая операция на Марне в мировую войну на Французском фронте, то таковой для Советской России была Бугурусланско-Уфимская операция. Она нанесла смертельный удар Колчаку и "колчаковцам", оказала решающее влияние на участь гражданской войны и послужила тем поворотным моментом, который предопределил исход борьбы Советской страны со всеми ее врагами" *).

Эта характеристика операции Новицким, похожая на бахвальство,так как он сам принимал участие в ее исполнении, тем не менее имеет в красном лагере большую цену. Фрунзе за свое руководство, далеко не блестящее, но об этом здесь не место писать, был признан великим советским полководцем, и его именем названа Военная Академия Красной Армии.

- о -

Следующей задачей, и весьма срочной, красным войскам Восточного фронта было поставлено захватить Урал.

В статье полковника Красной армии Е.Болтина "20-летие освобождения Урала от Колчака" ("Красная Звезда" 15 июля 1939 г.) даются указания Ленина, направлявшие действия их вооруженных сил: "Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной"... "Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит о с н о в н а я з а д а ч а м о м е н т а..." "От ослабления наступления на Урал и на Сибирь м ы п о г и б н е м"... "Ослабить наступление на Урал и Сибирь значило бы быть изменником революции, изменником освобождения рабочих и крестьян от ига Колчака".

---

*) "Гражданская война 1918-1921", стр.184.

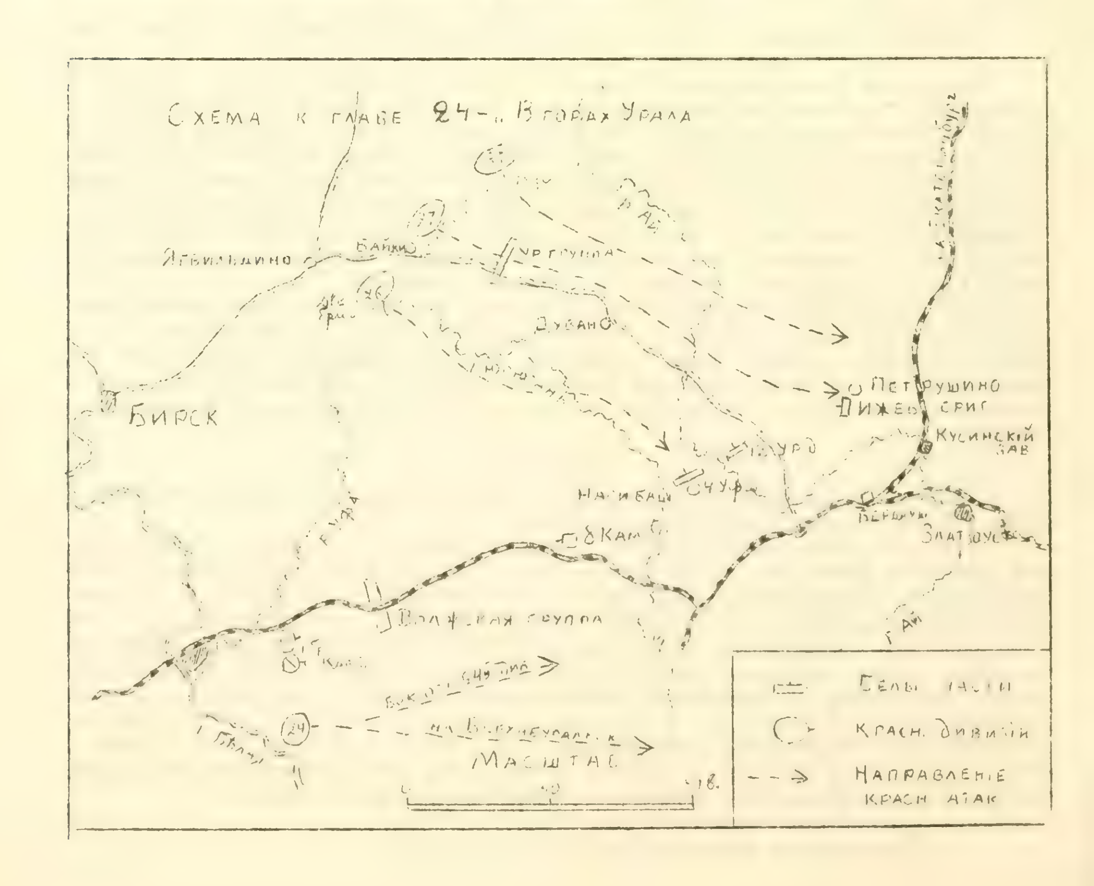
Из этих выкриков, чисто пропагандного характера, выясняется, однако, и то, что Красная армия побуждалась без передышки идти напролом через горы Урала.

Завоевание Урала было возложено на 5-ую, 2-ую и 3ью армии. 5-ая армия была усилена частями расформированной Туркестанской армии и состояла из четырех пехотных дивизий (35, 27, 26 и 24) и 3-ей Кавалерийской дивизии. 1-ая и 4-ая армии оставались для действий против Оренбургских и Уральских казаков. 2-ая и 3ья армии действовали против Сибирской Белой армии на Северном Урале.

Численность 5-й красной армии, по указаниям упомянутой статьи Болтина, достигла 29 тысяч штыков и сабель, а численность противника Западной армии генерала Ханжина - Болтин определяет в 18 тысяч штыков и сабель.

Малая доступность Уральских гор к северо-востоку от г.Уфы заставила красных использовать более удобные пути севернее, главным образом трактовую дорогу г.Бирск - Байки - ст.Сулея - Златоуст.

Захватом г.Златоуста они собирались отрезать белую армию с тыла, запереть ее в ущельях Урала и уничтожить.

Ударную группу из 35-й дивизии (2 бригады), 27-й дивизии и 26-й дивизии без одной бригады красные сосредоточили в районе у с.Байки.

Какурин указывает ("Как сражалась революция" т.2-й, стр.274): "Занятие 2-ой армией 4-го июля г.Красноуфимска позволило командованию 5-й армии подтянуть 35-ую Стрелковую дивизию к своим главным силам и сосредоточить ударный кулак в виде всей 27-ой стр.дивизии, в задачу которой на этот раз входил прорыв фронта противника на кратчайшем к г.Златоусту направлении через Кусу, в то время, как 26-ая Стр.дивизия своей атакой должна была прижать противника к горным проходам".

Вдоль жел.дороги от Уфы на Златоуст они поставили одну бригаду 26-й дивизии и 3-ью Кавалерийскую дивизию. 24-ая дивизия направлялась через горный район южнее жел.дороги.

Против ударной группы красных стояли сильно ослабленные части Уральской группы и приданная группе 2-ая Уфимская кавалерийская дивизия.

На железнодорожном направлении находился ген.Каппель со своей Волжской группой и 8-ая Камская дивизия ген.Пучкова.

Другая дивизия Уфимской группы - 4-ая Уфимская - находилась в резерве к северо-западу от ст.Сулея и защищала подходы к железной дороге. Там же была 12-ая Уральская дивизия, вошедшая в Уфимскую группу ген. Войцеховского после расформирования 6-го Уральского Корпуса.

1-ая Отдельная стрелковая бригада была расположена в резерве Армии в долине р.Ай, в районе с.Петрушина, к северу от ст.Бердяуш. Здесь она простояла около трех недель.

За это время в бригаду стали возвращаться Ижевцы. Судьба заставила их вторично бросить завод. Говорят, что на этот раз ушло все коренное население завода и большинство рабочих поступило в Армию.

Многих задержал у себя ген.Казагранди, пополнив свои Сибирские части. Но большая часть Ижевцев, в особенности те, кто уже был в рядах бригады, стремились обратно в свои прежние полки и батареи и к своим командирам.

Пробирались в одиночку и группами, иногда единицами старого состава. Поручик Шмаков, ездивший в отпуск на завод, собрал свою 12-ую роту первого полка и привел ее в полном составе.

Возвращение Ижевцев, хотя далеко не в прежнем числе, сразу восстановило боеспособность бригады.

Их возвращение вернуло бригаде старое название, и приказом Командующего Западной армией от 29 июня 1-ая Отдельная стрелковая бригада вновь стала называться Ижевской. Этому содействовал новый Командующий Армией ген.Сахаров, за несколько дней перед этим сменивший ген.Ханжина. Он высоко расценивал боевые качества Ижевцев.

К 6-му июля состав бригады был следующий: в стрелковых полках и егерском батальоне 1020 штыков и 23 пулемета; в инженерной роте 74 шт., в сводном эскадроне 45 сабель и 3 пулемета, в артиллерийском дивизионе восемь 3-дюймовых орудий и две 48-линейных гаубицы и несколько пулеметов. Конный дивизион, выделив сводный эскадрон, был отправлен на формирование конного полка.

К концу июня красные закончили свои перегруппировки и начали дальнейшее наступление вглубь Урала. Их ударная группа переправилась через р.Уфу в конце июня и потеснила малочисленную Уральскую группу, которая, отбиваясь и задерживая превосходные силы красных, отходила на восток.

2-го июля начались упорные бои 4-й Уфимской и 12-й Уральской дивизий с 26-ой красной дивизией, стремившейся выйти на жел.дорогу на участке станций Сулея - Бердяуш. Бои продолжались несколько дней, и красным не удалось быстро проскочить к железной дороге.

27-ая красная дивизия, оказав помощь 26-ой, затем сосредоточила свои усилия на захвате г.Златоуста через Кусинский завод - главной цели в их плане, разработанном командующим 5-й армией Тухачевским.

Задержать противника на этом направлении выпало на долю Ижевской бригады.

С приближением противника сторожевое охранение было усилено. 5-го июля ночью - ложная тревога у сапер: обстреляли на реке лодку, которая плыла пустой, а может быть брошенной, после обстрела, разведчиками красных.

Прошла через расположение бригады застава Уральцев и сообщила, что за ней своих уже нет. Без какого-либо приказа от высшей инстанции, или хотя бы предупреждения, бригада оказалась лицом к лицу с неприятелем. Ген.Молчанов начал медленно с бригадой отходить, упорно задерживаясь на каждом удобном рубеже.

Противник должен был сократить свой порыв и замедлить темп своего движения в наш тыл.

Так дошли до Кусинского завода.

На железной дороге Уфа-Златоуст части нашей Армии были еще далеко к западу - в 100 или больше верстах от Златоуста, - а Кусинский завод был, по прямому направлению, всего лишь в 20 верстах на северо-запад.

От устойчивости бригады зависел благополучный выход Волжской и Уфимской групп из теснин Урала. Кусинский завод должен был стать ареной упорной борьбы.

Прибыв на завод, ген.Молчанов немедленно позаботился о выборе удобной позиции и ее укреплении. Местность была гористая и лесистая, трудно проходимая без дорог. Верстах в полутора от завода была поляна шириной около полуверсты, по которой шла грунтовая дорога на завод и рядом с ней железная дорога на север в сторону Екатеринбурга.

На южной окраине этой поляны, окруженной лесами, начальник бригады приказал окопаться. С командирами полков и артиллерийскими офицерами он произвел разведку подступов противника и позиций для его артиллерии. Выбор артиллерийской позиции для красных был очень ограничен, и можно было с большой долей вероятности указать на лучшую из них - недалеко от дороги, выходящей на поляну. По этому месту артиллеристы произвели точную пристрелку.

Оба фланга позиции упирались в горы, покрытые лесом и трудно проходимые. Позиция шла по опушке леса и заходила на флангах на некоторую глубину в лесную чащу.

Со станции Бердяуш прибыл бронепоезд "Волжский" и получил задачу стоять укрыто за закруглением жел.дороги и, во время выхода красных на поляну, выскакивать вперед и бить продольным огнем.

Приехал командующий Уфимской группой ген.Войцеховский, сообщил ген.Молчанову обстановку, сложившуюся у Волжан и Уфимцев, и просил сделать все возможное для удержания завода.

Утром 10-го июля красные густыми цепями пошли в атаку. Атака была отбита. Красные подкрепили свои цепи свежими силами и повторили атаку, но снова были отбиты. Молодцами вели себя Ижевцы. И даже башки-

ры, оставшиеся в небольшом количестве, теперь уже несколько обстрелянные, а главно- - видевшие пример стойкости и упорства, держались хорошо.

Отлично работал бронепоезд. Согласно приказа, он выскакивал вперед, когда цепи красных показывались из леса, наносил им большой урон, и его помощь была чрезвычайно ценной.

Наша артиллерия удачно разгромила красную, ставшую на позицию там, где нами намечалось. Огонь красной артиллерии был быстро подавлен, и лихая работа бронепоезда была этим сильно облегчена. Только несколько красных пушек, часто меняя свои позиции, пробовали вступать в состязание с Ижевской артиллерией и бронепоездом.

Еще много раз противник возобновлял свои атаки, но каждый раз стрелки и бронепоезд отбрасывали их назад. Атаки уже не велись с тем порывом, который был проявлен в начале боя, и было заметно, что красные выдохлись.

Перед наступлением темноты красные затихли. Очевидно, что это была лишь передышка - противник готовился к ночным действиям. Располагая не менее, чем 6-ью полками и сменяя их, они стремились выполнить задачу, не считая жертв. Не имея возможности пробиться вперед днем, они рассчитывали теперь достичь успеха с наступлением темноты.

Как предполагалось, так и вышло. Ночью красные с упорством возобновили атаки. Ходили в атаку на всем протяжении позиции, пробовали прорваться на отдельных участках. Но и на этот раз они неизменно отбивались.

Иногда врагу удавалось подходить вплотную к окопам и дело доходило до штыков. Хорошую оценку дал командир 1-го полка о действиях 12-й роты поручика Шмакова, расположенной на тяжелом участке позиции, к которому красные имели скрытые подходы. На этот участок было ночью произведено 14 атак.

Прошла ночь, наступил второй день, положение противника не изменилось.

Ночью было захвачено несколько пленных. Среди них был один молодой, словоохотливый крестьянин из Пензенской губернии. Ген.Молчанов лично допросил его утром 11-го июля. Пленный рассказал, что комиссары перед боем говорили красноармейцам, что надо во что бы то ни стало взять Кусинский завод, который стоит на пути к Златоусту, а когда будет взят Златоуст, война скоро закончится и все возвратятся домой. Комиссарам не верили, но на первые атаки шли охотно. Когда эти атаки были отбиты с большими потерями, настроение сильно упало и идти на верную смерть не хотели. "Больно много вас было", - пояснил пленный. Дальше сообщил, что красноармейцы стали разбегаться: "Немало убежали в лес", - добавил он.

На вопрос, что они там будут делать, если их будут искать и вылавливать, он ответил: "Уходят больше кучками, сговорившись, забирают винтовки и будут отбиваться."

Ген.Молчанов спросил пленного, что он будет делать, если его отпустят. - "Сначала спрячусь, а потом проберусь домой". - Пленный был отпущен.

Показания этого пленного объясняют, почему красные командиры не пробовали по горам пробраться к нам в тыл. Помимо необходимости скорее, кратчайшим путем пробиться к Златоусту, они боялись ослабить свои ряды от большого дезертирства в леса.

Второй день начался так же, как и первый, и прошел в повторных атаках красных.

Ижевцы устали от бессонной ночи и постоянного напряжения, находясь в окопах без смены, а красные полки, сменяя друг друга и подгоняемые угрозами комиссаров, шли в атаку без всякого порыва.

Но у Ижевцев появилась полная уверенность, что красные их сбить с позиции не смогут и Кусинский завод останется за нами. Наши части, застрявшие в горных проходах к западу от ст.Бердяуш, ускорив свое движение, выходили из опасного положения.

Удержать Кусинский завод нужно было до утра 12-го июля.

К вечеру 11-го июля на смену подошла Уфимская дивизия под командой ген.Ткачева. Чтобы смену сделать незаметной для противника, пришедшие Уфимцы должны были подойти к позиции с наступлением темноты. Младшие командиры отправились познакомиться с расположением своих участков и местностью засветло.

Ген.Войцеховский оставил общее руководство боевыми действиями за ген.Молчановым.Уфимская дивизия оказалась богатой высокими чинами. Четыре генерала, включая начдива, были в составе дивизии. У Ижевцев же не было даже штаб-офицеров. Ген.Молчанов пошутил: "Ну, раз много генералов - толку не будет". К сожалению, шутка оказалась действительностью.

На Уфимцев красные произвели несколько атак, отбитых ими, а после полуночи бросились крупными силами в решительную атаку. Некоторые роты Уфимцев не выдержали и оставили окопы; отступление распространилось на других. Уфимцы отошли на северную окраину завода, где бой еще продолжался. Руководить боем было уже трудно и, дабы не подвергать мелкие части окружению на улицах завода, приказано было его оставить.

Генералы Молчанов и Ткачев со своими штабами и выведенные из боя Уфимцы собрались у выхода дороги на Златоуст. Завод был окончательно брошен в 2 часа ночи на 12-ое июля.

Поспешное отступление погубило бронепоезд "Волжский" и поставило в тяжелое положение Ижевцев. Бронепоезд, как и раньше, вышел во время последней атаки противника вперед. Партия красных, пробравшаяся в его тыл, разрушила путь, починить его не было возможности, и бронепоезд погиб. Команда постаралась спасти, что можно, и вынесла несколько пулеметов. Мальчик-доброволец С.П.Р. приволок на своих плечах станковый пулемет Максима.

Ижевцы после смены не торопясь собирались на сборном пункте около жел.дороги, где расположились на отдых и ожидали своих офицеров, передававших позицию Уфимцам. Потом пошли по полотну жел,дороги на завод. Выстрелы на окраине завода указывали, что позиция брошена и бой идет у самого завода.

Необходимо было разобраться, где свои, где противник и кому принадлежит завод. На разведку вызвался прапорщик Багиянц. Сняв погоны, он прошел по заводскому поселку несколько кварталов и выяснил, что завод уже в руках противника. В одном месте он, расспрашивая красноармейцев, вызвал у них подозрение, и они сами потребовали у него ответа, кто он такой и почему расспрашивает о расположении частей. Багиянц изобразил из себя комиссара, стал на них кричать, чтобы у него не отнимали времени глупыми вопросами, пригрозил наказать и сбил красноармейцев с толку. Среди комиссаров было много типов не русского происхождения, и в этом случае черты лица и армянский выговор Багиянца оказали ему услугу.

Вернувшись, Багиянц доложил командирам полков о своей разведке.

Командиры стали совещаться, что предпринять дальше. Общая усталость, большие силы красных, набивших до отказа все дороги, запутанный план заводских улиц привели к решению обойти завод по железной дороге и южнее свернуть на дорогу к Златоусту. Обойдя благополучно завод, Ижевцы присоединились к отступавшей колонне.

Красные, видимо, сильно утомленные боями, заночевали на заводе и не преследовали.

Хотя завод был оставлен ранее назначенного срока, больших осложнений это не вызвало.

Около ст.Бердяуш красным удалось выйти на жел.дорогу прежде, чем 8-ая Камская дивизия успела пройти этот пункт. Один полк был отрезан, но он атаковал красных, отбросил их к северу и пробил себе дорогу.

К отступавшим от Кусинского завода Ижевцам и Уфимцам выехал ген. Войцеховский. Приняв доклады от генералов Молчанова и Ткачева, он поблагодарил первого и остался очень недоволен вторым. "Вы к нам не подходите, поищите себе другую службу", - сказал ген.Войцеховский.

Искренний ген.Ткачев не скрыл от своих командиров полков полученную им аттестацию, что и было подтверждено одним из них, полковником С.

Генерал Войцеховский сообщил о дальнейших планах. Предполагается, выйдя из Уральских гор, оказать красным сопротивление на линии озер, которые тянутся с севера на юг непосредственно за горами. Ижевской бригаде назначено идти на правый фланг Уфимской группы в район Кыштымского завода (80 верст к северо-востоку от Златоуста).

Дорога через Златоуст оказалась сильно загруженной. Значительная часть Армии со своими обозами прошла город, но все еще оставалось много частей и обозов, собравшихся на городской площади. Дорога от Златоуста на восток проходит по берегу глубокого искусственного озера и вырублена в скале. Движение могло происходить только в два ряда повозок в одном направлении.

Красные с утра 13-го июля повели энергичное наступление на свою заветную цель - Златоуст. Их сдерживала Уфимская дивизия, на этот раз она стойко удерживала напор противника и дала возможность вывести из Златоуста последние эшелоны Армии.

13-го июля красные заняли Златоуст. Талантливо задуманный маневр Тухачевского устроить западню главным силам Западной армии - не удался.

Но Урал был потерян Белой армией, и в этом отношении цель красных была достигнута.

Обращаясь к той же статье Болдина, находим следующую оценку последних боев перед Златоустом: "На рассвете 10 июля вновь разгорелись жестокие бои. Горный характер местности делал даже бой за отдельные проходы исключительно упорным. Так, за обладание Кусинским заводом одновременно дрались шесть полков 27-й дивизии, а за ст.Бердяуш - вся 26-ая дивизия".

"Белогвардейцы, вытянув свои части по фронту и не имея резервов, сопротивлялись с упорством отчаяния"....

Верстах в 10 к востоку от Златоуста на главную дорогу выходила с севера трудно проходимая тропа из района Кусинского завода. По ней красные могли выйти к нам в тыл.

Узнав о существовании этой тропы, ген.Войцеховский выслал небольшой отряд Оренбургских казаков для прикрытия этого направления.

Красные, действительно, использовали эту тропу. Ко времени захвата Златоуста они оттеснили Оренбургский отряд к главной дороге.

Начальник отряда обратился за помощью к командиру проходившей мимо пехотной части. Это был капитан Цыганов с его егерским батальоном Ижевцев.

Он привлек на помощь следовавший за ним полк Ижевцев и бросился на красных во главе своего батальона. Красные упорно отбивались, но после штыковой схватки были отброшены в ущелье, и беспрепятственное движение по дороге было обеспечено. Ижевцы понесли урон около 30 человек, в том числе отважный капитан Цыганов был тяжело ранен в грудь.

- о -

О действиях в Уральских горах Воткинцев и о пути их движения на восток точных сведений не сохранилось.

После вторичного оставления своего завода некоторые их части переправлялись через Каму у города Оханск, где была паромная переправа. Дальше двигались мимо города Кунгур.

Разложение, начавшееся в Сибирской армии, отразилось тяжело на тех частях, которые сохранили свою боеспособность. К ним принадлежали и Воткинцы, отступавшие в составе Сибирской Армии. Этим частям пришлось выдерживать всю тяжесть арьергардных боев.
Один из таких боев вел батальон Воткинцев под командой кап.Болонкина. Это было у Молебского завода в 60-ти верстах к юго-востоку от гор.Кунгур. Когда батальон попал под сильный артиллерийский обстрел, капитан Болонкин приказал отходить на следующий рубеж, а сам остался с пулеметным взводом прикрывать отход.

Разрывом гранаты его лошадь была убита, а он, тяжело контуженый, свалился около лошади. Командир пулеметного взвода, оглушенный взрывом, не осмотрел своего начальника, посчитал его убитым и поспешил отступить к батальону.

Придя в сознание, кап.Болонкин отполз с открытого места в кусты, и как раз во-время, так как появились всадники противника. Только через год ему удалось пробраться через всю Сибирь в Забайкалье и присоединиться к своей части.

Названный выше завод дает указание, что Воткинская дивизия двигалась через Урал от района гор.Кунгур в направлении Екатеринбурга, повидимому, на правом фланге группы ген.Вержбицкого.

А.Г.Ефимов.
(Продолжение следует).

- - оОо - -

ПРАВЛЕНИЕ

ПРОСИТ ВСЕХ ЧЛЕНОВ НАШЕГО ОТДЕЛА, КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ ПОГАСИЛИ СВОЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ЗА ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", А ТАКЖЕ ЗАДЕРЖАЛИСЬ С ЧЛЕНСКИМИ ВЗНОСАМИ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ ЛИКВИДИРОВАТЬ СВОЙ ДОЛГ, ТАК КАК ЖУРНАЛ ЖИВЕТ И ИЗДАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ, А ПОМОЩЬ ОСОБО НУЖДАЮЩИМСЯ СОРАТНИКАМ ЧЕРПАЕТСЯ ИЗ СУММЫ ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ.

- - оОо - -

50-ЛЕТИЕ СО ВРЕМЕНИ РУССКОЙ ПОБЕДЫ НА Ю/З ФРОНТЕ 1-й МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Пережитое 1916 года)

ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ

(Продолжение, см. № 65-66).

СОРОКОВОЙ АРМЕЙСКИЙ КОРПУС В ЛУЦКОМ ПРОРЫВЕ.

1.
Укрепление нашего исходного положения.

В первых числах марта (ст.ст.) наш корпус вышел на предназначенное нам направление - серединой нашего фронта - впереди (западнее) м.Олыка, в полуверсте от него. Позиции противника были еще в полуверсте - версте.

Началось сближение, скачками, по ночам. Под прикрытием редкой цепи стрелков выходили на широком фронте рабочие... и к утру была готова щель, глубиною в рост человека. За день она обращалась в наскоро оборудованный окоп. Боялись огромных потерь при этих работах. Оказалось - не так страшно. Через два месяца, в начале мая, мы достигли своей задачи, причем и все внутреннее благоустройство, и ходы сообщения были готовы.

Изложу личные впечатления. В Вербное воскресенье, часов в 11 утра, я и Корпусный Инженер, подполк.Манохин, были вызваны к Начальнику Штаба Корпуса и нам приказано немедленно (к 12 часам дня), без предупреждения, прибыть к правому флангу передового окопа 2-й Стрелковой дивизии (на стыке с соседним 39-м арм.корпусом) и, пройдя лично по всему передовому нашему окопу, убедиться, что более приближать наши окопы к неприятельским нигде не нужно.

Мы с Манохиным, в штабном автомобиле, немедленно выехали к "стыку". До него было верст 6 прекрасного шоссе. Погода была отличная. С нами был детальный план всей нашей первой полосы укреплений, напоминавший собою подробный план улиц какого-нибудь городка... Проехали м.Олыку, с прекрасным каменным католическим собором. В местечке шла, казалось, нормальная жизнь, хотя до передового окопа противника оставалось не более версты. Австрийцы католики щадили католический храм и окружающие его дома.

Шагах в 500-х за местечком шоссе раздваивалось. Вправо, на север, оно шло к "стыку". Оно было бы под артиллерийским и даже ружейным обстрелом, если бы от самой его обочины не начинались наши окопные работы и массы выкинутой земли не создали высокой, надежной маски, скрывающей дорогу. Проехав по этому шоссе около версты, мы остановились перед столбом с указателем "5 П" (5-й Стр.полк), указывающим в щель, ведущую на запад уже в виде извилистого хода сообщения. Мы оставили здесь машину и двинулись вглубь щели пешком. Ход был шириною около метра (чтобы встречные могли разойтись и чтобы возможно было пронести носилки с раненым). Он шел зигзагами, чтобы его нельзя было простреливать продольно, и кое-где пересекался поперечными ходами или брошенными окопами. На всех "углах" были надписи и стрелки - заблудиться было невозможно. Но людей - никого. Был обеденный час. Поэтому и на одной, и на другой стороне - никаких "звуков боя".

Делая нужные повороты, мы прошли через тылы "2-го батальона", мимо "Штаба 1-го б-на" - все вправо, к "стыку". Обзора - нигде никакого,

ни мы ничего не видим, ни нас никто не видит. Только по земляной стенке, на высоте глаз, бежит маленькая канавка с приколотой к ее дну проволокой - телефонная линия к централи 5-го стр.полка. Если проволока перестанет работать - по ходу сообщения побежит рядовой телефонной команды, сразу увидит, где снаряд или мина из миномета повредила провод, и сейчас же исправит повреждение.

Но вот выходим на крошечную площадку - дворик. Прямо (на север) открывается вид на топкое болото. С первого же взгляда видно, что по нему не только взрослый человек, но и ребенок, да, пожалуй, и собака пройти не сможет. Но - это уже за "стыком", и нас не касается.

На дворике, на западной, вертикальной стенке обрыва, как-то странно прилажены две двери. На одной из них надпись: "К-р 1-й роты". Стучим. - "Войдите!". Вошли. В полутемной (окошко над дверью) землянке, вокруг накрытого стола, 3 койки. На двух из них сидит по офицеру - пожилому прапорщику (из запаса). Спиной к входу, на табуретке - молодой поручик, командир роты. Одет с иголочки, на груди - "Владимир с мечами и бантом". Конечно, при шашке и револьвере. Рядом, на койке - новенькая фуражка, а в ней - коричневые кожаные перчатки: сегодня праздник, форма "обыкновенная". Посмотрел, кто вошел, и резко прозвучало: "Г.г. офицеры!". Прапорщики вскочили, а командир, не торопясь, надел фуражку и перчатки и, вытянувшись передо мной, отчетливо отрапортовал: "Г. Подполковник, 1-ая рота 5-го Стрелкового полка обедает. Боевых столкновений не было".

Рукопожатия. Прошу продолжать обедать. Просят садиться и закусить. Благодарим. Отказываемся. Но садимся на койки и объясняем, кто мы и зачем.

- о -

Еще через несколько минут мы, в сопровождении поручика, вышли по ходу сообщения в передовой окоп, сознаюсь, не без некоторого трепета и уважения к этому, действительно, БОЕВОМУ месту: здесь всего 60 шагов до врага, и это самая передовая точка "Русской земли". Но, как только я переступил несуществующий порог, нас встретил привычный для офицера, при его входе в казарму, крик: - "Дежурного!" - крик такой громкий, что его несомнено слышал и дежурный по австрийской роте в неприятельском окопе. И русский дежурный унтер-офицер немедленно вырос передо мной, выскочив из какого-то подземного убежища и - тоже, вероятно, не столько для меня, сколько для впечатления на австрийцев - наиотчетливо прокричал:

- Ваше Высокоблагородие, дежурный по 5-й роте!

- Здорово!

- Здравия желаю, Ваше Высокоблагородие!

Только после этого я смог рассмотреть, что такое "передовой окоп". В 2-3 раза шире хода сообщений (может выстроиться двух-шереножный строй). Впереди (перед бруствером) - "стрелковая ступень", над ней, на высоте глаз стрелка, через шаг, по небольшой бойнице для ружья. Через каждые 3-4 бойницы - земляной "траверс", прикрывающий стрелков сбоку (а с фронта они прикрыты с головой бруствером). Стрелков сейчас нет: они выбегут из убежища только по свистку. На 6-8 пустых пока мест у бойниц стоит только один часовой. Его бойница закрыта броневым листом с крошечным отверстием для глаза. Часовой прижался к отверстию и неподвижен. Если ему прикажут отодвинуться или хотя бы только обернуться, он сначала закроет отверстие броневой же маленькой задвижкой,

чтобы часовой неприятеля не заметил мелькания в русской "гляделке": у него, наверное, наведено на гляделку точно (со станка) ружье или пулемет.

И нам с подполковником Манохиным, чтобы посмотреть в междуокопное пространство, пришлось проделать под руководством разводящего церемонию смены голов перед гляделкой, как с этим первым часовым, так и с рядом других, чтобы представить себе вид между окопами и в других местах. Зрелище мрачное и неприятное. Нечто вроде рва, шириною в 60 или больше (но нигде не больше 150) шагов. И с нашей, и с вражеской стороны - полосы колючей проволоки, примерно в 10 рядов кольев. Посередке - "ничья земля"... Все мертво, точно впереди уже нет жизни...

Поглядели... Пошли дальше по окопу на юг. Порядок и чистота, ничуть не хуже казармы отличного полка. С изумлением видим, что на стрелковой ступени, перед каждой бойницей, лежит красивый лист папоротника... Говорят: "Сегодня Вход Господень, это вместо пальмовых веток... посылали в соседний лес".

Обход продолжался часов шесть. Везде, при смене ротного участка, рапорт дежурного и встреча соседнего ротного командира. Противник, конечно, заметил и в одном месте удостоил нас нескольких мин из миномета. Меткость очень малая, и в окоп не попали, но от разрыва мин в 2-х случаях ветерок перенес через нашу группу обрывки легкого голубоватого дымка. Ротный командир быстро крикнул: "Ядовитый газ! Зажать нос и рот!". Зажали. Приятный запах миндаля все же почувствовали. Впрочем, без всяких последствий.

К концу обхода австрийцы, видимо, озлились и открыли огонь из гаубиц - "из пушек по воробьям". Нас на полчаса увели в ближайшее убежище (тут же под бруствером). Не предлагали и не просили, а <u>потребовали</u>: "Я отвечаю за роту - если они не прекратят огня, в роте будет несколько покойников", - доложил мне очередной ротный.

Результат обхода: в одном месте, на фронте 80 шагов, решили вынести бруствер на 100 шагов вперед. - Через день - донесение об исполнении. Но, вероятно, "несколько покойников"... Впрочем, об этом не было ни слова...

То, что я видел - людей молодцеватых, подтянутых, хорошо одетых, чистых, выбритых (т.к. "праздник") - прямо поразило нас - "штабных крыс".

2.
Артиллерийская атака.

В полдень 21 мая (ст.ст.) 1916 г. Командир Корпуса получил короткую секретную собственноручную записку от Командующего 8-й Армией ген. Каледина: "<u>Начало артиллерийской атаки завтра 22 мая с восходом солнца. Каледин</u>".

Копии этой записки офицер нашего оперативного отделения сейчас же отвез на автомобиле Начальникам наших дивизий (2-й - ген.Белозору и 4-й - ген.Деникину) в собственные руки. До этого момента сущность дела была известна только Командиру Корпуса, Начальнику Штаба Корпуса, Инспектору Артиллерии и Начальникам Дивизий. Теперь только она была сообщена мне, и только вечером мне было разрешено сообщить ее моим двум помощникам. К полуночи Штаб Корпуса мирно заснул, не предполагая никаких событий.

Только мы трое проверяли исправность ряда заготовленных (будто бы на всякий случай) расчетов.

Здесь уместно будет отметить те трудности, при которых наш Корпус вступал в эти бои исключительной важности, трудности - в отношении работы Штаба Корпуса. Боевое (оперативное) управление Армейского Корпуса сосредоточено (нормально) в руках Командира Корпуса (чаще всего - Генерал-Лейтенанта Генерального Штаба). Его прямым помощником и советником является Начальник Штаба, генерал-майор Генерального Штаба, имеющий в помощь себе (по штату) четырех офицеров Генерального Штаба (подполковника и трех капитанов). В нашем 40-м Армейском Корпусе, на долю которого выпадало тогда прорывать укрепленный фронт средним из трех Корпусов, эта обстановка сложилась так: Корпусом был только что назначен командовать не имевший высшего военного образования ген.-от-инфантерии К., из долголетней отставки, до которой он занимал должность Управляющего Мургабским Удельным имением (в Туркестане). Боевой его опыт (в Русско-Японской войне) ограничился катастрофическим поражением на р.Ялу в начале той войны. Между прочим, ген.К., начавший службу еще вскоре после Крымской войны, не умел читать двухверстной военной карты. Впрочем, он предоставлял Начальнику Штаба полную свободу и подписывал приказы, не читая их. В силу этого Начальник Штаба, ген.штаба ген.Бутчик, фактически командовал Корпусом. Но ген.Бутчик, при своих исключительно положительных качествах (честный, твердый, волевой, талантливый), в кампанию 1914 г., командуя пехотным полком, получил две сквозные пулевые раны в легкое и, хотя и выжил, но был физически слаб и периодически начинал лихорадить и тогда должен был спешно уезжать в санаторию. А с его четырьмя помощниками было совсем плохо: я (штаб-офицер) был произведен в подполковники за две недели до прорыва, ген.шт. капитан Дидковский был в отпуску (а в нашем корпусе отпускных никогда не вызывали в строй раньше срока, полагая, что если человек дожил до возможности посетить семью (быть может, в последний раз в своей жизни), то нельзя его лишать этой, часто последней, награды), а что касается двух последних капитанов ген.штаба, то, за исчерпанием в России чинов ген.штаба, было разрешено заменять их на местах "подходящими" офицерами. И у нас один был заменен шт.капитаном - железным стрелком (кавалером ордена Св.Георгия), а другой - подпоручиком запаса артиллерии, магистрантом Университета по кафедре Римской археологии, получившим за первый год войны в строю артиллерии 7 боевых наград.

- о -

В 3 часа ночи на 22-е мая я с только что названным подпоручиком выехал на автомобиле на "наблюдательный пункт Командира Корпуса", под которым, в убежище, помещалась 3-ья (запасная) Централь службы связи Штаба Корпуса. Чтобы предстоящее было скрыто до последней минуты, шоферу было приказано иметь полное количество горючего: поездка-де дальняя.

Через 15 минут мы были на месте. На "Наблюдательном пункте" (части бруствера в 3-ей полосе укреплений) никого не было. В убежище все телефонисты крепко спали. Разбудил их и приказал проверить исправность линий. Мы поднялись на бруствер.

Было уже совсем светло. Пылала утренняя заря, впереди, верстах в четырех, в низине стояла утренняя мгла, над которой вдали поднималось несколько тонких голубых дымков: там, у австрийцев, теперь кричат: "Каффэ! Каффэ!" - и тем будят и наших стрелков... Мирная картина!

В наших тылах (но впереди наблюдательного пункта) не было видно ни одного человека, хотя множество наших батарей было скрыто в складках местности и отлично маскировано (от воздушной разведки противника).

Перед 4-мя часами над лесом за нами показался краешек солнца. Мы прислонились спиной к брустверу и молча смотрели на его восход.

Ровно 4 часа. Диск солнца казался (для нас, по крайней мере) перерезанным по диаметру линией леса. И вдруг (хотя мы знали и ждали), но я невольно даже присел к земле - такой грянул страшнейший гром - одновременный залп 350 орудий. И гром не только прогремел, но и продолжал греметь - беглый огонь всех этих орудий, в том числе и тяжелых.

Я знал, что первые сорок минут тяжелые будут громить предполагаемые командные точки неприятельской артиллерии, расположенные в окопной полосе впереди своих, укрытых в 1-2 клм. позади, батарей. Но увидеть этого ни мы, ни артиллерийские наблюдатели не могли: через 2-3 минуты вся местность у противника (да и наши передовые окопы) скрылись во "тьме египетской". Наблюдения стали невозможны.

40 минут грохотало без всяких перемен. Каких-либо признаков огня противника с нашего "наблюдательного пункта" не замечалось.

В 4 часа 40 мин. характер огня сразу изменился: беглый огонь прекратился, все батареи перешли на спокойный, но частый огонь, хорошо прицеленный (т.е. точно, по угломеру и уровню направленный): всех легких батарей - по междуокопному пространству, для полного уничтожения проволоки (полевая трехдюймовая граната делала это отлично: расчет простой - столько-то тысяч гранат разрушат (проволоку изорвут на мелкие куски, колья обратят в щепы) заграждения на такой-то площади междуокопного пространства); тяжелых батарей - для методического разрушения укреплений и убежищ, невидимых, конечно, но нанесенных на артиллерийский план соответствующей батареи по предварительным пристрелкам, о которых я говорил.

Шли часы за часами. Наблюдать, собственно говоря, было абсолютно нечего.

Ровно в 1 час дня стрельба мгновенно оборвалась - не помню, на сколько минут перерыва (10, 20?). Наши разведчики бросились вперед - увидеть, что можно - и быстро вернулись. Увидели, что разрушения отвечают ожиданиям, что потрясенные австрийцы не спешат вылезать из убежищ (чтобы отражать, быть может, штурм). Несколько наших смельчаков притащили даже трофеи: пару винтовок и даже пулемет из передового окопа противника.

Снова загремел по-прежнему огонь.

Около 2-х часов дня высоко в небе над наблюдательным пунктом появилось несколько отдельных шрапнельных разрывов с цветными дымками. Радостное наблюдение: это австрийцы только начинают "провешивать" направления, ибо данных пристрелки у них, значит, нет! Но ведь они так же вели пристрелку, как и мы? Значит,все ее данные погибли на командных пунктах, возможно, вместе с командирами.

И это оказалось верным: после победного штурма мы нашли все эти пункты разрушенными, и во многих из них - убитые старшие артиллерийские офицеры.

Вскоре после 2-х часов мы уехали в штаб. Там узнали об "анекдоте": Когда, в 4 часа утра, грянул наш огонь, в Штабе произошла паника - бросились укладывать вещи и запрягать огонь. Генерал - Начальник Штаба

- и единственный, знавший, в чем дело, мой офицер с трудом успокоили и офицеров Штаба, и команду - все вообразили, что противник перешел в наступление! Спрашивается, где же были "информаторы" (будто бы - Ровенские евреи)?

В общем, за день "ничего не случилось". С темнотою огонь смолк, но не совсем: какой-то редкий, бессистемный (для постороннего уха) и раскиданный по всей неприятельской полосе - он продолжался до утра: мы мешали противнику чинить повреждения и отдыхом успокаивать нервы.

- o -

В 4 часа утра 23 мая артиллерийская атака опять мгновенно возобновилась. Ночью дивизиям была шифрованно подтверждена цыфра "9" - точный момент начала штурма: не "минута в минуту", а "секунда в секунду" по золотым часам Командира Корпуса. Накануне все часы, даже всех ротных командиров, были в секундах сверены с этими золотыми часами.

Мы с подпоручиком снова были с 4-х часов на наблюдательном пункте. В 7 часов приехал и Командир Корпуса с Начальником Штаба. Огонь по-прежнему гремел, но мы знали, что именно в это время (7 час.) вся легкая артиллерия перенесла огонь на 1/2 - 1 версту дальше и вела его целый час ядовитыми снарядами, создавая сзади, за атакуемой полосой, отравленную зону, чтобы не могли подойти во время резервы... Около 8 часов все эти батареи перенесли огонь обратно на междуокопное пространство, но обычными гранатами - беглым огнем. Этот час нужен был, чтобы ветерок разогнал ядовитый газ - ведь скоро там будут наши!

Мы (на бруствере) внимательно смотрели на лежащие на бруствере "золотые часы". Глазом или ухом мы не могли заметить, но знали, что за 30 секунд до ожидаемого срока вся наша артиллерия сделает скачек на версту вперед, не меняя темпа огня: за эти 30 сек. уже выпущенные снаряды долетают до междуокопного пространства и рвутся в нем, но ровно в 9 часов утра их уже там не будет...

А стрелки, весь Корпус, включая резервы всех степеней, в эти секунды спешно стремились, плотною массой, к передовому окопу...

3.
Штурм

Но вот "9" часов. Старик Командир Корпуса перекрестился и сказал: "Пошли!" Но впереди, кроме "Тьмы Египетской", ничего по-прежнему не видно. Ровно через 40 секунд по всему фронту этой "тьмы" из нее вылетели вверх красные ракеты, выстреливаемые из "ракетных пистолетов" - требование австрийцами их заградительного огня. Одновременность появления этих ракет говорила об одновременности появления на остатках австрийских брустверов русских стрелков. Еще минута, и грохот стрельбы как бы сразу усилился - заградительный огонь противника открыт...

- o -

Около 9 часов и 9 минут телефонист из убежища подал мне телефонограмму: "2-я Стрелковая овладела всем фронте передовым окопом противника. 23-5-9-07 №...". Минуты через 3 пришла и вторая телефонограмма: "4-я Стрелковая овладела повсюду передовым окопом противника. 23-5-9-12 №...".

Не более, как через 2 минуты, наш телеграф в убежище отстукивал:

"Командарм 8, копии Комкор 8 и 39. 40-й Корпус к 9:12 всем фронте овладел передовыми окопами противника. 23-5-9-15 №... Кашталинский".

И после этого долго, очень долго - никаких известий. Умолкла артиллерийская стрельба, стала понемногу оседать "Тьма Египетская"... На наши запросы из Штабов Дивизий отвечают оставленные там офицеры: "Штаб ушел за полками. Сведений не поступало". Конечно, к нам - запросы Штарма 8, Штаюза и многих других. Наши ответы: "Сведений больше не имеем".

Им там не до того, чтобы думать о тыловом любопытстве. Но, значит, все хорошо. Потом узнали, что не все было хорошо: в ближайшем тылу атакованного 15-м Стрелковым полком участка оказался мало разрушенный кольцевой редут, а в нем - батальон мужественных венгров. Это стоило полку около 1000 чел. потерь и около двух часов времени. Но в тылу венгров появилась группа русских случайных смельчаков (уверяют, что всего 11 стрелков во главе с прапорщиком Егоровым *), из состава 2-й Стрелковой Дивизии)... и венгры в числе 805 чел. положили оружие.

Но на остальном фронте дело шло, "как по маслу"...

Между тем мы - начальство - на "наблюдательном пункте" тосковали. Первое, что мы там увидели (уже около часу дня), были три какие-то странные фигуры, не то белые, не то красные, которые шли с запада прямо на наш бруствер. Сам Командир Корпуса не выдержал и побежал им навстречу. Оказалось 3 раненых, полураздетых (один почти голый), все в крови и только при первичных, сделанных из их же белья перевязках. Они сбились с правильного пути, намеченного для раненых. Но все трое - торжествующие и точно пьяные (говорят, кровь пьянит). Они "доложили" Командиру Корпуса, что ранены уже далеко за австрийскими окопами - там были опять окопы, но "мы их уже давно взяли", то есть взяли уже и 2-ую полосу (в 2-х верстах за первой - на месте бывшей дер.Покащево).

Начальство вернулось в Штаб. Там на площади деревни стояло уже с десяток австрийских орудий и толпа пленных. Был уже и несчастный случай: любопытные рассматривали захваченные орудия и дернули за какой-то шнур. Орудие было заряжено. Раздался выстрел в упор по толпе пленных. Были убитые и раненые.

До ночи были донесения, но короткие, и говорили только о полном захвате двух полос укреплений. К ночи мы послали в штабы дивизий приказ на 24-ое мая: "С восходом солнца начать преследование всеми силами Корпуса на запад, на с.Романово и дальше. Охраняющими частями занять линию деревень ...". Из названий этих деревень сейчас запомнилось только "Горазда". Следующей занималась линия лесков перед скатом к р.Стырь (Переход от линии Покащева - 25 верст). На левом фланге мы должны были дойти до новых укреплений противника впереди г.Луцка.

Так как бывшие штабы дивизий не могли нам гарантировать доставки этого приказа, то я копии приказа послал еще и "на ура" с мотоциклистами, в район бывшего Покащева. К рассвету оба вернулись с расписками самих генералов.

Ранним утром 24-го старый штаб 4-й Стрелковой Дивизии донес, что вдали слышна удаляющаяся на запад музыка 13-го Стрелкового полка - преследовали с музыкой! И это было опять надолго единственной новостью.

Часов в 11 Командир Корпуса приказал мне переехать на автомобиле в Романово и образовать там передовой пункт Штаба Корпуса. Туда велась телефонная линия и мне придавалось 2 мотоциклиста и... много большее:

право приказывать именем Командира Корпуса. Я немедленно выехал.

Наши саперы еще вчера восстановили возможность проезда по бывшему шоссе через нашу и вражескую укрепленные полосы, и я легко выехал на бывший неприятельский "берег". Трудно даже передать, во что обратилась от наших снарядов полоса австрийских окопов. Это был какой-то хаос. Окопы эти были возведены на засеянном поле, и теперь пшеница разрослась и скрывала от взоров ужасную картину войны. Но я выехал на незапаханную площадку, примерно 100 на 100 шагов. Шофер остановил машину, и я даже не сразу понял, какими предметами покрыта эта площадка: это была масса кусков человеческого тела - кисть руки, пол головы, бок с куском австрийского мундира на нем...

На краю площадки был небольшой валик. К нему выползли из хаоса раненые. Около меня оказалось человек 10 австрийских тяжело раненых офицеров. Среди них - майор. Именем Бога они молят о помощи. Написал о них полевую записку Начальнику Штаба и послал с одним из мотоциклистов.

Поехал дальше уже без остановок.

Дорога была пуста: вся наша артиллерия уже прошла по ней. Также и обозы 1-го разряда. Видел, как воздухоплаватели вели на канатах (по воздуху) привязной аэростат. Много отдельных людей догоняло свои полки.

В'ехал в большое село Романово. На обочине улицы стояло человек пять пожилых русских крестьян обоего пола. При приближении моего автомобиля все они стали на колени и, крестясь, кланялись в землю. Я остановил машину и подошел к ним.

-Что вы, братцы, кланяетесь мне, как Господу Богу?

- Его, Господа, благодарим! Раз такая штука (моя машина) уже пришла, значит начальство приехало и наши уже назад не уйдут!

- Плохо было жить?

- Да вот видишь, мало кто остался. Или убег, а больше умерло от голодухи.

- Да, - говорю я, - у вас в деревне даже собаки не лают.

На это один из крестьян, видимо, малоросс, ответил:

- Аустриянцы усих псив до консерва заштуковали!

Сведение не только забавное, но и стратегически ценное: в Австро-Венгрии, следовательно, действительно, голод.

Генерального Штаба
Полковник Е.Н.Сергеевский.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

Стягъ легкаго бронепоѣзда "Генералъ Алексѣевъ". Сгорѣлъ на бронепоѣздѣ въ бою 19 Окт.1920г.

Бронепоезд

"ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ"

(Выдержки из Краткого Военного Календаря)

(Окончание, см. №№ 55/56, 57/58, 59/60 и 61/62)

7/8 - 9/8 1920 г. Переезд базы на ст.Сокологорная.

10/8 - 13/8. Стоянка на ст. Сокологорная. Сторожевое охранение станции.

14/8 - 30/8. Переезд базы с хозяйственными чинами на ст.Симферополь. Строевая часть оставлена на ст.Сокологорная для несения вышеуказанного сторожевого охранения.

31/8 - 2/9. Переезд личного состава со ст.Сокологорная на ст. Симферополь.

3/9 - 1/10. Стоянка на ст.Симферополь. Строевые занятия.

2/10 - 3/10. Переезд базы на ст.Мелитополь для принятия материальной части, захваченной у большевиков.

4/10 - 5/10. Приемка двух орудийных бронеплатформ с тремя 3-дюймовыми орудиями.

6/10 - 15/10. Ремонт означенной материальной части в местном депо.

16/10. Получение от командующего группой бронепоездов полк.Гадда приказания на 17 октября, гласившего, что бронепоезда группы, находящиеся на фронте, последуют транзитом из района ст.Федоровка на Сальковские позиции. Бронепоезда же:"Генерал Алексеев", "Дроздовец" и "Иоанн Калита" назначаются для прикрытия отступающих частей, для чего занимают позицию в районе ст.Мелитополь - ст.Акимовка.

17/10 Боевые действия у Сев.стрелок ст.Мелитополь против красной кавалерии, наступающей на город. Эвакуация ст.Мелитополь. Боевые действия между раз'ездом Тащенак и ст.Мелитополь, на предмет оказания помощи команде бронепоезда "Севастополец", потерпевшего крушение под ст. Мелитополь, отходящей с боем пешим порядком.

18/10. Занятие позиции у ст.Акимовка. Сожжение моста у станции. Дальнейший отход на ст.Сокологорную. На оставляемых бронепоездом ст. Мелитополь и ст.Акимовка брошено много составов с самым разнообразным ценным грузом, как-то: продукты, огнеприпасы, орудия, аэропланы и пр. Оставляемое имущество расхищается местными жителями. У входного семафора ст.Сокологорная стояло до десяти брошенных составов с грузом с холодными паровозами. Эти составы станция не могла принять и снабдить всем необходимым для дальнейшего следования. Путь для бронепоезда оказался, таким образом, закрыт, и он занимает позицию за последним северным брошенным составом.

19/10. Боевые действия у ст.Сокологорной совместно с Донской кавалерийской дивизией. Гибель бронепоезда.

Подробности боя таковы.

19 октября, ввиду невозможности, вследствие забитости пути, дальнейшего продвижения бронепоезда на юг, начальник Донской кавалерийской дивизии приказал бронепоезду удерживать ст.Сокологорную. В случае оставления этого района дивизией, команде бронепоезда немедленно покинуть бронепоезд, взорвав его. Район действия дивизии - сама станция и несколько к югу от нее. Около 9 час.утра красная кавалерия повела наступление на станцию отдельными группами с севера, востока и запада одновременно. Совместными действиями бронепоезда и частей кавдивизии первые атаки были успешно отбиты. Ввиду наличия угрозы обхода и общего отступления, начальник дивизии решил отходить и поэтому около 3-х часов дня приказал оставить бронепоезд. Последний был подожжен, личный же состав, взяв легкие пулеметы, занял позицию в поле, с юго-западной стороны вокзала. Красные бросились в атаку, заняли станцию и повели наступление на бронепоездную цепь. Атака красных отбита. Ранены подп.Масликов и два солдата. Убит фельдфебель подпрапорщик Долотин. При вторичной попытке атаковать бронепоездную цепь красные были сбиты фланговой контр-атакой нашей конницы, которая вслед за тем вынудила красных очистить станцию и отойти к северу от нее. Бронепоездная цепь поддержала контр-атаку своей кавалерии и дошла до самой станции, а затем свернулась и отошла к резерву Донской див зии в 3-х верстах южнее станции по полотну железной дороги. Около 11 час.вечера команда бронепоезда с ранеными пешим порядком отошла на раз'езд Юрицыно.

20/10 Отступление походным порядком на Сальково. Бой с красной кавалерией. Подробности дня таковы.

На следующий день около 4 час.утра команда бронепоезда выступила походным порядком с раз'езда Юрицыно на ст.Рыково. По пути реквизируется частная подвода, на которую кладутся огнеприпасы, пулеметы и продовольствие, захваченные с боевой части, и устраиваются раненые. При подходе к ст.Рыково было обнаружено, что станция атакуется с Западной стороны красной кавалерией. Два-три поезда вышли со станции Рыково в сторону ст.Ново-Алексеевка. Видя, что путь в этом направлении отрезан, решено было отходить на Сальково. Команда бронепоезда оставляет полотно жел.дороги и направляется на юго-восток. Со стороны ст. Рыково в том же направлении проехало одно орудие и несколько грузовых автомобилей. Пехоты нигде не было видно. Не доходя двух верст до хутора Ларино, команда бронепоезда была настигнута группой красной кавалерии около 100 всадников. Рассыпавшись в цепь, команда сравнительно легко отбила атаку красных. Ранены подп.Масликов (вторично) и вольноопределяющийся Мирошниченко (смертельно). При подходе к хутору Ларино команда бронепоезда вновь была атакована красной конницей уже в количестве около 500 сабель. Цепь, отстреливаясь, продолжала отходить к хутору, чтобы занять стрелковую позицию за земляным валом, окружавшим хутор, но, не доходя до него шагов на сто, цепь наткнулась на стрелковый окоп длиною 20-30 сажень для стрельбы стоя. Этот окоп, как более отвечающий требованиям обстановки, был немедленно занят. Тем временем подвода, сопровождавшая команду бронепоезда и раненых, успела добраться до хутора. Все время последовавшего затем боя раненые скрывались на

хуторе и не были обнаружены красными, подвода же была ими захвачена.

Красные окружили окоп, заняли хутор, а затем, подвезя пулеметные тачанки, пошли в атаку. Из-за стога соломы, находившегося у левого фланга окопа, было брошено несколько ручных гранат, но безрезультатно. Означенная и повторные атаки подобного же рода были отбиты с большими потерями для красных. Часам к 12 красные подвезли два орудия, но ввиду того, что их кавалерия оставалась близко к окопу, их артиллерия стреляла больше по тылу хутора.

В бронепоездной цепи ощущался большой недостаток патронов, и было приказано стрелять по красным на дистанцию не дальше 100-150 шагов, дабы бить без промаха. Положение продолжало оставаться безнадежным, так как атаки следовали одна за другой. Окоп был занят около 10 час. утра, и бой продолжался без перерыва до 3-х часов дня. Несмотря на это, потери были невелики. Ранены - пор.Вильде и пор.Тюпин.

Вскоре после 3-х часов внезапно на правый фланг красных ударила наша конница, в количестве до 150 сабель. Красные, понесшие большие потери, особенно в конском составе, от огня бронепоездной цепи, не выдержали атаки и поспешно отступили по направлению на ст.Рыково. Сосредоточенным огнем из окопа, в одну из последних атак красных, были подбиты лошади и пулеметчики у двух пулеметных тачанок красных. До конца боя они оставались перед окопом. После поспешного отступления красных они были захвачены, как трофей, причем на них оказалось по одному пулемету Максима, огнепр пасы и перевязочный материал. На место убитых лошадей были запряжены лошади, бродившие по полю боя.

Погрузив на тачанки раненых, команда бронепоезда продолжала отход в южном направлении и вскоре влилась в общую колонну строевых частей, отступавших на Сальково. Какой части была наша кавалерия, атаковавшая красных, осталось неизвестным, так как она, сбив красных, так же моментально скрылась в направлении на Ново-Алексеевку.

21/10. Переход походным порядком на ст.Таганаш. Сдача раненых в лазарет.

22/10. Переход от ст.Таганаш на ст.Джанкой.

23/10. Переезд команды бронепоезда по жел.дороге от ст.Джанкой до ст.Симферополь, где находилась хозяйственная часть бронепоезда.

24/10 - 29/10. Стоянка в поселке Украинка, вблизи вокзала ст. Симферополь. Строевые занятия.

30/10. Переход походным порядком из г.Симферополя до г.Бахчисарая.

31/10. Переход из гор.Бахчисарая до гор.Севастополя.

Личный состав бронепоезда, в количестве до 70 чел., прибыл в гор. Севастополь около 8-9 час.вечера. В этот вечер не удалось выяснить, на какой транспорт надлежало грузиться для эвакуации, и личный состав разместился для ночлега в брошенном помещении этапного коменданта.

1/11. Погрузка на суда и эвакуация.

На следующий день команда бронепоезда к 8 час.утра прибыла на Графскую пристань, где получила распоряжение от Штаба Главнокомандующего, находившегося в гостинице "Кист", грузиться на дредноут "Генерал Алексеев". По наведенным в порту сведениям, таковой уже ушел в Феодосию. В 12 часов было получено новое распоряжение - грузиться на миноносец "Цериго", стоявший против Графской пристани, куда и было перевезено на частных лодках человек 20-25 команды, после чего он был

выведен на буксире на внешний рейд. Остальная часть команды, не успевшая погрузиться, так как миноносец, не останавливаясь, вышел в море, на частных лодках выплывала на внешний рейд и там подбиралась различными судами.

2/11 - 5/11. Переход от порта Севастополя до Константинополя.

6/11 - 18/11. Стоянка на Константинопольском рейде. Сбор команды бронепоезда с разных транспортов на миноносец "Цериго". Выделение из команды бронепоезда донских казаков в Донские части.

19/11. Пересадка с миноносца "Цериго" на транспорт "Кизилл Ирмак" и переход на остров Проти.

20/11 - 21/11. Пребывание на острове Проти.

22/11 - 24/11. Погрузка обратно на транспорт "Кизилл Ирмак" и отплытие в Галлиполи.

25/11. Прибытие в Галлиполи, высадка и расформирование бронепоезда "Генерал Алексеев". Назначение личного состава бронепоезда в 4-ю батарею 2-го дивизиона Артиллерийского полка 1-й пехотной дивизии, переименованную вскоре в 1-ую батарею 6-го дивизиона 1-й Артиллерийской бригады, а с переездом в Болгарию в 1-ую батарею 6-го Отдельного Бронепоездного Артиллерийского Дивизиона.

Кап. А.Осипов.

- - oOo - -

РЯДОМ...

Ты живешь в моем сердце, Россия далекая,
Рядом с тоскою и русской кручинушкой;
Та тоска моя - пропасть глубокая,
Рядом с избенкой кривой и лучинушкой,
Рядом с ипатьевским домом в Сибири,
С шахтою страшной, кровавой, сырой,
Рядом с страданием, горечью в мире -
Властью безбожной, не русской, чужой,
Рядом со славой России великой,
Крохотной церквью в деревушке колхозной,
Рядом с русской толпою безликой,
С красотою Москвы в день морозный.
Рядом с горячей молитвой в союзе безбожном,
Страшной душою чекиста-мучителя,
Рядом с темным, старым крестом придорожным
С телом распятым Христа и Спасителя. -
Ты живешь в моем сердце, Россия далекая,
Рядом с тоскою и русской кручинушкой,
Та тоска моя - пропасть глубокая,
Освещенная только той русской лучинушкой...

Георгий Александрович
Токаревич,
бывший капитан Корниловской
Артиллерийской бригады
Участник 1-го Похода ген.Корнилова

Зап.Германия
1966.

ДЕСАНТ В ТЫЛУ КРАСНЫХ 25 МАЯ 1920 г.
(По воспоминаниям участника - обработал А.Ф.Долгополов)

(См. стр.13)

В феврале 1920 г. была сформирована Отдельная рота Симферопольского Офицерского полка из больных, раненых и застрявших в Крыму офицеров этого полка (около 100 человек), в то время как самый полк уже находился в Польше с частями ген.Бредова, интернированными при отступлении туда правительством маршала Пилсудского.

14-го апреля рота, под командой кап.Стольникова, получив и обучив 300 солдат из 7-го запасного батальона в Симферополе, выступила на фронт на ст.Сальково, где и была влита в качестве 3-го батальона в 49 пехотный Брестский полк 13-й дивизии (Нач. дивизии ген.Ангуладзе, Ком. полка полк.Хаджи). В тот же день, 14-го апреля, батальон понес большие потери, сменив 1-й и 2-й батальоны 49-го полка в окопах у ст.Сальково. Батальон был немедленно атакован крупными силами красных, поддержанными огнем бронепоезда со ст.Ново-Алексеевка (жел.дорожной линии Джанкой-Чонгар-Сальково-Ново-Алексеевка-Рыково-Акимовка-Мелитополь)

2-й корпус ген.Слащева оборонял эту часть Крымского фронта до того дня, когда обе дивизии - 13-я и 34-я - были неожиданно сняты, посажены на повозки и отправлены по кратчайшему пути в Феодосию; но тогда еще никто не знал, что части направляются в Феодосию, ибо весь этот марш был засекречен. На фронте у Салькова нас сменил Сводный корпус ген.Писарева.

К 24-му мая Феодосия была полна войсками. Среди населения распространялись слухи о десанте в Одессу или Новороссийск.

Мы же ничего определенного не знали, пока 24 мая не были погружены на десантные суда самой различной формации.

49-й Брестский полк был погружен на громадную баржу под каким-то трехзначным номером, влекомую буксирным пароходиком.

Ген.Врангель прибыл в Феодосию и напутствовал уходящие суда, не сказав о цели десанта. Только в открытом, очень бурном Азовском море, после того, как мы больше суток провели в бурю на транспортах, страдая от морской болезни, нам был об'явлен только теперь вскрытый приказ о высадке у с.Кирилловки и походе на Мелитополь с тыла. Сводный и Донской корпуса и бронепоезда должны были наступать на Мелитополь из Крыма вдоль железной дороги. Из Перекопа одновременно выходил 1-й корпус ген.Кутепова.

Рано утром 25 мая, при сильном волнении, пехота стала выгружаться далеко от берега, только с легким оружием, и направляться к берегу по грудь в воде. 49-й Брестский полк выгружался первым.

О выгрузке артиллерии, лошадей, тяжелых пулеметов и прочего не могло быть и речи из-за бурного моря.

Как выяснилось потом, эскадрон красной кавалерии, бывший на охране села Кирилловки, сопротивления не оказал, а если и стрелял, мы не видели, как не слышно было из-за бури и стрельбы корабельных орудий, хотя, приближаясь к пологому берегу, мы видели разрывы снарядов. Мы сразу же пошли вперед, не встречая сопротивления.

Прошли верст двадцать и остановились у широкой лощины, за которой, очевидно, было какое-то село.

На этом участке 49-й Брестский полк должен был обеспечить выгрузку артиллерии, кавалерии и тяжелых пулеметов с лошадьми и тачанками, когда это станет возможным по состоянию погоды. Нам было неизвестно, в каком направлении ушли другие полки и какие им были поставлены задачи.

К концу дня красные собрали немногочисленную пехоту, мало боеспособную, вероятно, из тыловых частей, и 4-орудийную батарею, которые и заняли укрытую позицию по другую сторону лощины. Красные открыли интенсивный огонь по нашим цепям, уже окопавшимся, причем с такой близкой дистанции, что можно было слышать команды их артиллерийских наблюдателей.

Здесь наш полк понес значительные потери от артиллерийского огня, и мы с нетерпением ждали подхода нашей артиллерии. Мы не получили приказания двигаться ни вперед, ни назад.

Наш ружейный огонь по невидимому противнику не был эффективным, да и на пополнение патронами пока нельзя было рассчитывать, поэтому мы берегли их. Так мы и пролежали остаток дня, ночь и весь следующий день, когда, наконец, подошли наши первые орудия и сразу остановили огонь красных. Легко сбив пехоту, мы тронулись на Мелитополь с тыла, со стороны реки Молочной, и 28-го мая без больших усилий заняли город.

Овладев городом, мы попали в трудное положение, так как жел.дорожная станция Мелитополь, отделенная от города бесконечными фруктовыми садами, оставалась в руках красных, под защитой пяти бронепоездов, из коих два - тяжелых. Два бронепоезда стояли на самой станции и три - между станцией и ближайшим раз'ездом "Терпение". Наши же части с бронепоездами очень медленно продвигались по жел.дорожной линии Ново-Алексеевка - Мелитополь, так как большевики, отступая, взрывали полотно, мосты и водокачки. Наши батареи из города безуспешно вели огонь по станции Мелитополь и по бронепоездам, тогда как их 5 бронепоездов все время держали под тяжелым обстрелом и город, и наше расположение.

Говорили, что наша кавалерия - 8-й Калмыцкий полк - была послана взорвать полотно жел.дороги в тылу бронепоездов и тем лишить их возможности отхода. Трем бронепоездам удалось, все-таки, уйти, два же на станции были подбиты, оставлены прислугой и захвачены вместе со станцией атакой 9-й роты (командир роты - штабс-капитан Турчанинов Павел) при одном орудии и с батальонной пулеметной командой. Это орудие и подбило эти два бронепоезда прямой наводкой с окраины фруктовых садов, выходящих к станции. Несмотря на орудийный и пулеметный огонь бронепоездов, 9-ая рота, при атаке по открытому полю (между садами и станцией, шагов 300-400), овладев станцией Мелитополь, понесла незначительные потери... Вскоре подошли с юга наши бронепоезда.

Пошли вперед...

- о -

Примечание Редакции.

Остатки Симферопольского Офицерского полка по возвращении Бредовского отряда из Польши в Крым в августе 1920 г. были влиты в 49-й Брестский полк, в котором " Симферопольцы" уже составляли 3-й батальон.

В Галлиполи остатки Брестского полка были влиты в Алексеевский пехотный полк.

А.Д.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Союз Участников
1-го Кубанского
ген.Корнилова
Похода.
Главное Правление
5 марта 1967 г.
Нью-Иорк

Е.В.Б. А.П.Мяч,
Члену Редакционной Коллегии
Журнала "Вестник Первопоходника".

Многоуважаемый Александр Павлович.

Получил вчера последний номер 65/66 нашего "Вестника" и от души порадовался, что ревность и труды Вашего покойного брата, дорогого Василия Павловича, достойно отмечены и оценены.

Продолжение издания "Вестника" уже само является памятником для покойного Василия Павловича, и будем совместно стараться, чтобы журнал продолжал издаваться и не снижал своего содержания.

Главное Правление на Общем Собрании 26 февраля постановило выделять ежемесячно на издание "Вестника" 20-25 долларов и издать циркуляр с призывом ко всем живущим Первопоходникам журнал поддержать. Я со своей стороны помещу это обращение и в других журналах наших воинских групп.

Чек на 20 дол. я посылаю в письме к Н.И.Белоусову и на 15 дол. от меня, как подписная плата на журнал на год и в "Фонд Попечителей Вестника".

Примите мои наилучшие пожелания.

Уважающий Вас С.Ряснянский.

- - оОо - -

"... в голове проносятся воспоминания, начиная с зимы 17-18 гг. Ростов, Нахичевань, Кизитеринка, Аксай-Дон, снег, добровольцы, Корниловцы, а потом пути, дороги..."

"Не бросайте Вами начатое - первым тогда и первым теперь. Продолжайте это чистое, благородное, неизменно наше. Оно (издание "В.П.") останется навсегда незабываемым сокровищем будущей истории."

Б.Турчанинов (Из писем к В.П.Мяч).

Снимок Б.Т. - Шесть томов журнала "Вестник Первопоходника".

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА.

2 марта 1967 г.

Дорогие Соратники, мне стыдно сознаться, что только недавно я познакомился с Вашим (вернее, нашим) журналом. Узнал же я о существовании "Вестника" случайно, на панихиде по усопшем В.П.Мяч. Благодаря любезности В.А.Черепова, который одолжил мне для прочтения все вышедшие номера по октябрь-ноябрь включительно, я окунулся в чтение такого близкого, родного мне журнала. Весь пройденный нами путь воскрес в моей памяти, как недавний сон, волнующий своим незабвенным содержанием.

Обострившаяся память повела меня по степям Дона и Кубани, напомнила мне многие эпизоды, казалось, уже забытые давно; перед моими влажными глазами проходят длинной вереницей те, кто сложил свои головы за Белую Идею, и хочется верить, что все наши страдания, как и пролитая кровь и слезы наших близких, были не напрасны - будущая Россия отдаст должное тем, кто имел счастье бороться с красной нечистью за Ее лучшее будущее

На общем собрании Главного Правления и Нью-Йоркского Отдела Союза Первопоходников 26-го февраля с.г. обсуждался вопрос о финансовом затруднении по изданию "Вестника Первопоходника". Я из'явил желание посылать в Фонд издания журнала 5 долларов.

Редакционной Коллегии желаю успеха в ее работе. Пусть "Вестник Первопоходника", как неугасимая лампада, напоминает нам, еще живым, и тем, кто был в стороне в те судьбоносные годы, о нашей страждущей Родине, о жертвах, принесенных на Ее алтарь и укрепляет веру в правоту Белой Идеи.

Привет всем соратникам Калифорнийского Отдела.

Д-р Мед. Семен Аггеевич Сыроватка.
(Бывший сотник Партизанского Пешего Полка. Знак № 2204).

- - oOo - -

ФОНД ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА.

Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" и Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников получают много писем со всех концов мира от Первопоходников и читателей журнала, обеспокоенных будущностью журнала, единственного в своем роде.

Высказываются пожелания, просьбы и требования продолжения издания журнала в том же духе и направлении: опубликование редких документов, беспристрастные воспоминания борцов за Свободу России от гнета коммунизма, дабы молодое и будущие поколения русских людей могли с гордостью заявить, что Русский народ, в лице его лучших сынов, боролся всеми силами, до последней капли крови с врагами Родины и всего человечества

Обзор 6-летнего издания журнала, ценность помещенных в нем материалов, отношение читателей - дают нам уверенность, что труд наш не напрасен и что только этим путем мы сможем оставить памятник на безвестных могилах наших братьев, погибших за честь и свободу России на ее необ'ятных просторах.

Так как самой слабой стороной нашего издания является финансовый вопрос, мы создали

"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Каждому Первопоходнику и читателю предлагается записаться в число Попечителей, обязавшись делать ежемесячный взнос для журнала. Таким образом материальная сторона издания журнала будет обеспечена.

Список лиц, записавшихся в "Фонд Попечителей":

Ген.Штаба полк. С.Н.Рясрянский	10.00 дол.
Главное Правление О-ва Первопоходников	20.00 "
Н.Белоусов	5.00 "
А.Долгополов	5.00 "
А.Мяч	5.00 "
Л.Сухачев	5.00 "
Д-р С.Сыроватка	5.00 "
М.Шилле	5.00 "
Д-р В.Шилле	10.00 "

Всего поступило за февраль и март 100.00 дол.

Кроме того, в Фонд издания журнала поступило:

В.Альмендингер	5.00	Н.Прюц	15.00
А.Ваксмут	1.60	Д.Свидерский	5.00
Г.Гольдшмидт	1.00	Б.Сергеевский	20.00
А.Ефимов	6.00	П.Стеценко	5.00
Н.Какурин	2.50	В.Фирсов	4.00
И.Могилевский	2.00	М.Шилле	1.00
М.Моисеев	2.18	С.Юрченко	2.00
		Всего	72.28 дол.

Редакция журнала сердечно благодарит всех соратников и единомышленников за моральную и материальную поддержку.

- - oOo - -

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

по сбору денег в пользу Первопоходника С.Карпова, проживающего с больной женой в С.Петербурге (Флорида) и находящегося в тяжелом материальном положении после перенесенных серьезных хирургических операций.

1.	Г.Янчин	5.00	
2.	С.Юрченко	2.00	
3.	Л.Сухачев	5.00	
4.	М.Скворцов	12.82	
5.	П.Алексеев	10.00	
6.	А.Крицкий	5.00	
7.	А.Новосельский	3.00	
8.	Е.Белоусова	10.00	
9.	С.Мурзанев	3.00	55.82

На Общем Собрании 5-го марта 1967 г.

10.	А.Долгополов	5.00	
11.	А.Переход	3.00	
12.	Е.Карпенко	1.00	
13.	Н.Прюц	1.00	
14.	В.Шилле	1.00	
15.	В.Фирсов	3.00	
16.	Н.Белоусов	3.00	
17.	М.Коваленский	1.00	
18.	А.Мяч	2.00	20.00

Пожертвования Отделу Союза для помощи нуждающимся:

19.	В.Тайрих	39.47	
20.	Вместо венка на могилу В.П.Мяч от соратников и друзей	52.43	
21.	А.Мяч	10.00	101.90

Всего 177.72

Прием пожертвований продолжается. Редакция надеется, что все первопоходники и читатели нашего журнала не откажут в помощи своему соратнику, оказавшемуся в тяжелом положении, и пришлют свою посильную лепту.

- - oOo - -

РОЗЫСКИ:

Знающих что-либо о судьбе нашего соратника капитана Алексея Алексеевича СМЫКОВА просят сообщить в Редакцию. По имеющимся сведениям, капитан Смыков был когда-то во Французском Легионе. Разыскивает его брат.

- - oOo - -

СОЮЗ УЧАСТНИКОВ
1-го КУБАНСКОГО
ген.КОРНИЛОВА
Похода.
Главное Правление
Нью-Йорк

БЛАГОДАРНОСТЬ

Главное Правление выражает глубокую благодарность Представителю Союза в Австралии, Ротмистру ТАЙРИХУ, за проявленную им инициативу и энергию, а также всем доброжелателям Союза, собиравшим по подписным листам, и всем жертвователям. Рождественский-новогодний сбор пожертвований дал Ротмистру Тайриху возможность послать: Первопоходникам во Франции через Ген.Лейт.Писарева 100 дол., Главному Правлению 80 дол., Отделу Союза в Австрии 80 дол., Полк.Левитову для Корниловцев во Франции 40 дол., Отделу Союза в Калифорнии 36 дол., Инвалидам РОА в Мельбурне 40 дол., на Балканы 40 дол и 12-ти особо нуждающимся Соратникам 168 долларов.

Всем потрудившимся на сборе этих средств и жертвователям шлем сердечное солдатское СПАСИБО!

Главное Правление.

- o -

Калифорнийский Отдел Первопоходников выражает сердечную благодарность Ротмистру В.Тайрих за присланные деньги (39.47 амер.дол.) для оказания помощи нашим нуждающимся соратникам.

Правление.

- - oOo - -

ПАМЯТИ СОРАТНИКА.

19-го февраля 1967 г. в Нью-Йорке скончался Первопоходник - Полк. Николай Алексеевич Кадушкин. Покойный родился 25-го февраля 1890 г. в Терской области. Окончил Воронежский Кадетский корпус и Николаевское Кавалерийское Училище, а затем в чине хорунжего вступил в 1-й Кубанский Казачий полк. Окончил ускоренный курс Академии Генерального Штаба. В Белой Армии в начале служил при Штабе Кубанского Войска, а затем в боевых частях Добровольческой Армии.

Мир праху твоему, дорогой Соратник!

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ

50-летия ОСНОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

Общество Ревнителей Русской Военной Старины (в Париже) постановило отметить исполняющееся в этом году пятидесятилетие основания Добровольческой Армии выпуском памятной медали.

Диаметром 50 мм. (2 дюйма), медаль будет иметь на лицевой стороне изображение Знака Первого Похода, ставшего уже давно эмблемой всего Белого Движения, а на оборотной - юбилейную дату - "1917-1967" - и надпись: "За честь и достоинство России".

Стоимость медали (с пересылкой):

Бронзовая	$ 4.50
" посеребренная	" 5.00
" позолоченная	" 6.00
Серебряная	"12.50
" позолоченная	"14.00

Медали будут изготовлены Парижским Монетным Двором и будут готовы для рассылки к 1-му октября.

Заказы и денежные переводы для Соединенных Штатов и Канады адресовать представителю О-ва в Америке:

A.Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif., 92677.

- - oOo - -

На складе Редакции "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА"
имеются для продажи следующие книги:

"ВОСПОМИНАНИЯ" ген.Богаевского	цена 3.00	дол.
"МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ", том 2-й, 1919, 1920 г.г.	" 5.00	"
"СОЮЗ ПЕРВОПОХОДНИКОВ"	" 3.00	"
"ВЕРНЫЕ ДОЛГУ" - сборник-памятка 1-го полка Русского Корпуса (1941-1961)	" 2.00	"
"МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ" - сборник статей, посвященных Донскому Баяну, под редакцией Н.М. Мельникова	" 3.00	"
"ПУТИ ВЕРНЫХ" - ген. А.Лампе	" 4.00	"
"СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В АМЕРИКУ в 1863 году". Иллюстрированный сборник статей проф.Петрова, Тарсаидзе и А.Долгополова. Цена с пересылкой	" 1.50	"

Пересылка за счет покупателя. С каждой книги 20 центов.
Заказы адресуйте на имя А.П.Мяч - 842 No.Alexandria Ave.
Los Angeles, Calif. 90029.

- - oOo - -

Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников просит членов Союза внести следуемые с них членские взносы.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
" на 6 мес. (3 номера) - $ 3.00;
Цена отдельного выпуска - $ 1.00.

Адрес Редакции: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

- - оОо - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - $ 2.10.
Желающие приобрести Знак могут обратиться в Редакцию.

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 67/68

Пасхальный рисунок на стр.3 - работы Ротмистра К.Н.Подушкина.

- о -

Чеки и Money Orders просим посылать на имя Society of General Korniloff's Veterans
по адресу: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

- - оОо - -

РЕДАКЦИЯ СОБИРАЕТ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА В 1968 г., ПОСВЯЩЕННОГО ГЕНЕРАЛУ КОРНИЛОВУ К 50-ЛЕТИЮ ЕГО СМЕРТИ.

- - оОо - -

Ежемесячный антикоммунистический
общественно-политический и литературно-художественный журнал

"Р О Д Н Ы Е   Д А Л И"

Издатель А.Ф.Долгополов.
Редактируется Редакционной Коллегией.

Подписка принимается по адресу: 1117 No.Berendo Str.
Los Angeles, California, 90029, U.S.A.

Подписная плата на год (12 выпусков) - $ 5.00

Чеки выписывать на имя RODNIYE DALI.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
Двухмесячный журнал, посвященный
Первому Кубанскому Походу
и истории Белых Армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029
Phone: 664-7650

6-й год издания | № 69/70 | Июнь-Июль 1967 г.

Председателю Главного Правления Союза Участников Корниловского Похода - Ген.Штаба Полковнику Ряснянскому

Господин Полковник!

В Вашем лице поздравляем с Праздником Св.Христова Воскресения Гл.Правление и всех наших соратников по всему миру в рассеянии сущих. От всей души желаем всем доброго здоровья, душевной бодрости и благополучия. Хотя мы и разбросаны по разным странам, но мысленно мы едины и твердо верим, что Белая Идея и русская наша правда сокрушат коммунистическую ложь и тиранию нашего родного народа. Втоптанный большевистским сапогом в грязь, русский национальный флаг - символ Державы Российской и ее чести - омыт кровью наших соратников, а наш долг - вернуть его на освобожденную родную землю и поднять над освященным Кремлем на вечные времена. Только тогда наш поход будет закончен и наш национальный и воинский долг выполнен.

По древнему обычаю земли родной со всеми
мысленно троекратно христосуемся -
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Соратники и Представитель на Австралию Союза Первопоходников
Ваш Ротмистр В.Тайрих

26.4.1967 Мельбурн.

Г-на Председателя Союза Первопоходников, г-на Председателя Калифорнийского Отдела Союза, г.г. Членов Правления, г.г. членов Редакционной Коллегии журнала и всех г.г. членов Союза, а также их семьи поздравляю со Светлым Праздником - "Христос Воскресе!"

Ген.-м. Гетманов.

- о -

Дорогих - Председателя Отдела Участников 1-го Кубанского Похода, Редактора "Вестника Первопоходника" и сотрудников поздравляем с праздником Св.Христова Воскресения и желаем провести праздник в добром здравии и благополучии. Христос Воскресе!

Войск.Ст. М.Голубов,
Председатель Отдела в Австрии.

Н.Щербакович, секретарь; В.Кузнецов, чл.правления; Р.Щербакович, казначей.

- о -

Дорогие Друзья Соратники!

Ко дню Христова Воскресения прошу Вас принять пожелания сохранить силы на многие грядущие годы для Вашей работы по изданию журнала. Покойному основателю журнала Василию Павловичу - вечная память и покой за его дело. Храни Вас всех Милостивый Господь!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Ваш Петр Стефанов.

- о -

Редакция журнала
"Вестник Первопоходника"
Г-ну Редактору:

Глубокоуважаемый Господин Редактор!
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Поздравляю Вас, редакцию и сотрудников с праздником Св.Христова Воскресения.

Полк. Л.Пермяков

- о -

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Поздравляю дорогих соратников-первопоходников и сотрудников "Вестника" со Светлым Праздником Христова Воскресения и желаю всем счастья и благоденствия.

Ваш П.Джалюк

- - оОо - -

Помещая, ввиду ограниченности места, только несколько писем, Правление Калифорнийского Отдела Союза и редакция "Вестника Первопоходника благодарят соратников, сотрудников и читателей, приславших поздравления к Светлому Празднику:

М.Бугураева, К.И.Васильева, А.Гар, Т. и Г.Гольдшмидт, М.Добрицкого, А.Ефимова, И.Золинского, Г.Мистулова, О. и С.Карповых, П.Савельева, В.Тулубьева, Б.П.Турчанинова, С.Юрченко и др.

В О И С Т И Н У   В О С К Р Е С Е !

Генерал-Майор

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

С К В О Р Ц О В

18-1-1887 - 19-4-1967

19-го апреля, около 10 часов утра, скоропостижно скончался наш старший боевой друг, первый и почетный Председатель Калифорнийского Отдела, Генерал-Майор Михаил Алексеевич Скворцов.

Покойный родился 18-го января 1887 года. Казак станицы Суворовской Кубанского Войска. Окончил 3-й Московский Кадетский корпус и сотню Николаевского Кавалерийского Училища по первому разряду. Высочайшим приказом от 14-го июля 1907 года произведен в хорунжие в Кубанский казачий отдельный дивизион в Варшаве. В феврале 1910 года прикомандировывается к Собственному Его Императорского Величества Конвою, а 4-го октября того же года Высочайшим Приказом переведен в л.гв. 2-ую кубанскую сотню Собственного Е.И.В. Конвоя и непрерывно несет службу при Конвое до революции, а потом в Кубанском Гвардейском Дивизионе, с чинами которого выступает в Кубанский поход в отряде полк.Покровского, а при соединении с отрядом генерала Корнилова (9-го марта 1918 г.) был зачислен в 1-й Конный полк, с которым и принял участие во всех боях во время похода.

23-го июля 1918 г. назначен Командиром 2-го Запорожского полка. 9-го июня 1919 г. назначен командиром 1-й бригады 4-й Кубанской каз. дивизии, а 22-го того же месяца - командиром той же дивизии. В сентябре назначается вр.командующим 2-м Кубанским казачьим корпусом.

В 1-ю Великую войну дважды ранен - 2-го и 7-го июня 1916 года (при отбитии переправы австрийцев у села Вама, а через пять дней вторично ранен в конной атаке при взятии г.Радауца). Высочайшим приказом от 29-го августа 1915 года переведен в л.гв. 1-ю сотню и командирован для службы при Его Величестве в Ставке.

В боях против красных 14-го сентября 1919 г. контужен под Котлубанью.

В Югославии принимал деятельное участие в Союзе Первопоходников и в работе Правления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов. В мирное и военное время получил следующие награды: 1) Георгиевское оружие, 2) Св.Владимира 4-й ст., 3) Св.Станислава 2-й и 3-й ст., 4) Св.Анны 3-й ст., 5) Наслед.знак 300-летия Дома Романовых, 6) Медаль 100-летия Бородинского боя, 7) Французский орден "Этуаль нуар",

8) Саксонский орден, 9) Знак 100-летнего юбилея Собственного Е.И.В. Конвоя, 10) Медаль 300-летия Дома Романовых, 11) Знак 1-го Кубанского похода.

Наступила 2-ая Великая война, и генерал Скворцов уже 20-го сентября 1941 г. вступает в Русский Корпус, где формирует 11-ую роту (впоследствии 6-ая рота) и несет с ней охранную службу в районе Неготина. 21-го декабря 1942 г. прибывает с ротой в 1-й полк, где занимает Малый Зворник и участвует в боях с красными, пытавшимися овладеть переправой через Дрину и прорваться в Сербию с1-го по 18-ое июля. 17-го февраля 1944 г. назначен командиром 1-го батальона 1-го полка в сел.Крупань и с 12 сентября 1944 года участвует в непрерывных боях вплоть до 10-го мая 1945 г., когда наши части перешли туннель Лойбль Пасс и 12-го мая положили оружие англичанам.

Ранения: в бою под Дублье 28 сентября 1944 г. и в бою под сел. Яруга Беровцы 15-го апреля 1945 г.

Награды: 1) Бронзовая медаль "За заслуги", 2) Хорватский трилистник "За храбрость", 3) Знак за ранения, 4) Крест "За военные заслуги", 5) "Железный Крест" 2-й степени "За храбрость".

За время своей жизни в Лос-Анжелесе Михаил Алексеевич был первым, а впоследствии почетным Председателем Калифорнийского Отдела Союза 1-го Кубанского Ген.Корнилова Похода; почетным стариком Горско-Казачьей Станицы; почетным членом Общества Ветеранов 1-й Мировой войны; почетным членом местного Обще-Кадетского Объединения.

Михаил Алексеевич был одним из тех редких в наше время людей, которые, несмотря на все пережитые катастрофы и личные страдания, сохранил благожелательность ко всем людям, независимо от разности во многом. Это было главной привлекательной чертой его характера, которая снискала ему друзей всюду, где бы он ни жил. Он был ценим во всех воинских и общественных организациях и всюду был желанным гостем. Храбрый воин, любящий и любимый семьянин, воспитанный и расположенный ко всем и всеми любимый человек ушел в другой мир, оставив пустоту и боль во многих сердцах.

Господь да успокоит его исстрадавшуюся душу!

- o -

Отпевание состоялось в субботу 22-го апреля в Спасо-Преображенском храме. Чин отпевания совершил Его Высокопреосвященство Владыка Антоний, архиепископ Лос-Анжелесский и Тексасский в сослужении протоиерея о.Федора. Прекрасно пел хор, а церковь была заполнена венками. У гроба стояли почетным караулом чины всех воинских организаций. Тело предано погребению на Холливудском кладбище. При опускании тела в могилу хор прекрасно исполнил "Коль Славен".

- o -

Правление Калифорнийского Отдела Союза Участников 1-го Кубанского Ген.Корнилова Похода выражает свое глубокое сочувствие вдове почившего Марии Николаевне, сыну Михаилу Михайловичу и его семье, верному другу Ивану Львовичу Николенко и всем воинским организациям, потерявшим своего чтимого и уважаемого члена Общества.

- - oOo - -

ORDER OF FORMER RUSSIAN MILITARY, INC.
NORTH-AMERICAN BRANCH
1841 Bathgate Ave. New York 10057, N. Y.
Telephpone: LU. 7-2759
ОТДѢЛЪ РУССКАГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ

S. N. Riasniansky
Colonel G. S.
Commander-in-Chief.

Редакція журнала "Вѣстникъ Первопоходника".

Многоуважаемый

Господинъ Редакторъ!

I2-го марта въ Нью Іоркѣ состоялось совѣщаніе представителей русскихъ общественныхъ, воинскихъ и политическихъ организацій, посвященное вопросу объ ознаменованіи предстоящей ПЯТИДЕСЯТОЙ годовщины захвата власти въ Россіи коммунистами - Днемъ Непримиримости.

Совѣщаніе единогласно постановило приступить къ подготовкѣ этого дня. Оно, кромѣ того, постановило обратиться къ русскимъ газетамъ и журналамъ въ США съ просьбой способствовать успѣху этого Дня соотвѣтствующимъ напоминаніемъ о предстоящей годовщинѣ. Во исполненіе этого постановленія, я, какъ предсѣдатель упомянутаго совѣщанія, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой не отказать въ любезности заблаговременно, до годовщины, которая наступитъ 7-го ноября с.г., обратить на нее вниманіе Вашихъ читателей и помѣстить на Вашихъ страницахъ статьи и другіе матеріалы о переворотѣ, совершенномъ въ Россіи большевиками въ I9I7 году, и о трагическихъ послѣдствіяхъ этого переворота для русскаго народа и всего остального міра.

Искренне Васъ уважающій С. Ряснянскій

Редакционная Коллегия журнала "Вестник Первопоходника готовит к концу этого года специальный выпуск о зарождении Добровольческой Армии. Помещая выше обращение Председателя Союза Полковника С.Н. Ряснянского, Редакция со своей стороны убедительно просит сотрудников и читателей присылать статьи, воспоминания и материалы, относящиеся к трагическим дням 1917-го года и к последующим событиям.

Русская и союзная эскадра подъ Одессой.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ ФЛОТ.

В двух последних номерах журнала были кратко описаны боевые десантные операции Азовского и Черноморского отрядов Добровольческого флота.

Приказом Главнокомандующего от 26-го июня 1920 г. за № 117/190 следующие суда Черноморского флота были награждены Николаевским вымпелом *) за оказанные в сражениях подвиги:

Канонерские лодки: "Страж", "Грозный".
Речные канонерские лодки: "Алтай", "Урал".
Вооруженные ледоколы: "Всадник", "Гайдамак".
Вооруженные катера: "Мария", "Азовец", "Никола Пашич", "Дмитрий", "Пантикопея" и "Меотида".

- о -

Блестящие действия Добровольческого Флота во время борьбы с большевиками, организации десантов и эвакуации Армии из Одессы, Новороссийска, Туапсе, Адлера и Крыма заслуживают особой высшей похвалы и благодарности всех тех сотен тысяч, которые были спасены флотом от неминуемой гибели. Если же принять во внимание, что командный офицерский состав имел дело с неопытными юными добровольцами, составлявшими 90% судовых команд, то приходится изумляться, что силой воли и выдержкой сотни морских офицеров честь Андреевского флага была сохранена для потомства!

Корабли были в плачевном состоянии, машины изношены, материальная часть расхищена за три года войны и 3 года революции, оккупации

---

*) Николаевский Вымпел имеет в отличие от обыкновенных вымпелов косицы трехцветные: верхняя или правая - белая; средняя - синяя; нижняя или левая - красная.

немцами, украинцами, большевиками.

Из Крыма ушло 120 судов, вывезших всю Русскую Армию - 150.000 человек.

Войска грузились на все, что держалось на воде - баржи, лодки, плавучие маяки, - многие из них не судоходные, без моторов, полузатопленные.

В Севастополе были оставлены старые канонерские лодки "Терец", "Кубанец", находившиеся в капитальном ремонте, старый транспорт "Дунай", подорванные на минах в Азовском море шхуны "Латай" и "Волга" и старые суда с испорченными механизмами.

В Керченском проливе был оставлен остов старого броненосца "Ростислав", который служил плавучей батареей по защите Керченского пролива; команда была снята, орудия приведены в негодность.

Катер "Язон", шедший на буксире парохода "Эльпидифор", ночью обрубил канат и ушел в Севастополь. На "Язоне", кроме частной команды 10-15 человек, никого из военных не было.

Речная канонерская лодка "Кавказ", шедшая на буксире парохода "Владимир", ввиду трудности ведения на буксире, была затоплена в море. Все люди, ценности, оружие и флаг сняты.

Плавучие мастерские - транспорт "Кронштадт" - бросил катера: СК3, СК8, "Кречет" и яхту "Забава"; шедший на буксире тральщик "Альбатрос" брошен, команда снята.

Брошены вышедшие из Керчи на буксире катер "Ногайск" и "Пантикопея", все люди сняты.

Самая тяжелая потеря - у шедшего на буксире у "Херсонеса" эскадренного миноносца "Живой" лопнул во время шторма канат и миноносец погиб, а с ним 7 человек команды и 250 человек, главным образом, офицеров Офицерского Донского полка.

- о -

Русские торговые пароходы, шхуны, баржи, вывезшие армию из Крыма, принуждены были подчиниться приказу Французского Правительства, заменить русские трехцветные флаги французскими и сдать корабли французам в уплату за французское "гостеприимство" - за голодный паек, которым французы снабжали Русскую Армию в Галлиполи и на Лемносе.

Нижеперечисленные военные корабли были интернированы и обезоружены в конце 1920 года в Бизерте, во Французском Тунисе:

Броненосец "Генерал Алексеев" (бывш.Имп.Александр 3-й, Воля).

Крейсера: "Алмаз", "Генерал Корнилов" (бывш. Кагул).

Эскадр.миноносцы: "Беспокойный", "Гневный", "Дерзкий", "Поспешный", "Пылкий", "Кап.Сакен", "Цериго", "Жаркий", "Звонкий", "Зоркий".

Подводные лодки: "Буревестник", "Тюлень", "Утка","АГ 22".

Канонерские лодки: "Грозный", "Страж".

Учебное судно "Моряк".

Вооруженные ледоколы: "Всадник", "Гайдамак", "Илья Муромец", "Джигит".

Тральщик "Китобой".

Спасательное судно "Черномор".

Буксир "Голланд".

Транспорты: "Кронштадт", "Добыча", "Дон".

Старый броненосец "Георгий Победоносец".

Пароход Р.О.П. и Т. "Вел.Князь Константин".

Корабли жили своей жизнью: сменялись вахты, держались в образцовом порядке, происходили учения, функционировал Морской Корпус. Все это продолжалось до тех пор, пока Франция не признала Советское Правительство и, по приказу французского адмирала, 16-го октября (ст. ст.) 1924-го года, в 5 час.25 мин. вечера, при заходе солнца, с Российских военных кораблей были спущены Андреевские флаги!! *)

Флаги эти - свидетели мировых событий, славы побед и горечи поражений, пропитанные кровью и дымом сражений, после 220-летней службы верой и правдой Родине - стали достоянием музеев!

А.Долгополов.

*) Дата эта была тщательно проверена и засвидетельствована: контр-адм. А.И.Тихменевым, нач.штаба Эскадры, кап. 2-го ранга Н.А. Монастыревым - командиром подводн.лодки "Утка", и лейт. А.А.Герингом, последним дежурным офицером Минной бригады Русской Эскадры.

- - oOo - -

Редакции удалось достать выписку из дневника морского офицера И.С. - свидетеля этого исторического и трагического события.

Из ДНЕВНИКА И.С. за 1924 год.

16/29 октября, бухта Каруба.

Сегодня с восьми я - дежурный офицер. Выпала доля последний раз спускать флаг.

Весь день стоит чудная погода - природа не то издевается над нами, не то хочет чем-нибудь помочь в нашем горе.

Роковая минута приближается. Все молчат и делают вид, что они на верхней палубе "так себе". Да и о чем же говорить сегодня?

И тихо, тихо все кругом. Флаги недвижно, беспомощно висят. Штиль. В зеркале канала полностью отражаются "Алексеев", "Корнилов", бакана, противоположный берег, мы - все, все...

Вдруг эту мертвенную тишину нарушили звуки горнов - на "Алексееве" и "Корнилове" играют повестку. Это значит, что через 15 минут зайдет солнце и... Русская эскадра спустит Андреевский Флаг...

Не так, как он спускался в этот момент вчера, год тому назад, двести лет. Он спустится так, чтобы его не поднимать завтра, послезавтра...

Прошло еще 10 минут. На "Дерзком" подняли "исполнительный" до половины. Эскадра репетует.

- Ваше Превосходительство! Через пять минут спуск Флага.

Все ближе, ближе...

"Исполнительный до места".

- На Фла-аг! Смирно!

- Ваше Превосходительство! Время вышло!...

- Флаг спустить!

Заиграли горны...

Слышишь ли Ты, Великий Петр?

Слышите ли вы: Сенявин, Ушаков, Корнилов, Нахимов?...
Наше Святое Знамя, наш Флаг спускают!
Налетел легкий шквалик. Мелкая рябь пробежала по воде...
Флаги завились, затрепетали и... медленно, медленно спускаются..
Не один голос дрогнул в этот момент:
17 часов 25 минут 16 октября старого стиля 1924 года.

Опять настала тишина. Горны умолкли. Солнце зашло, и с ним закатилось и ты, наше счастье, наша надежда...

"Отче наш, иже еси на небесех"... - читает старший горнист. Отбой.

"Накройсь, вольно!"

Почему-то на меня в этот момент удивленно посмотрел стоявший на Флаге боцман. Когда я подошел к нему, чтобы помочь отстопорить Флаг, у него "отчего-то" дрожали руки.

- Не плачьте, Н.И.! Даст Бог...

Я не кончил, ибо прочел в его глазах: "для чего в эту минуту то банальное, что ты собираешься сказать? Но все же я твердо верю..."

В полночь спустят адмиральский Флаг. С завтрашнего дня будем ходить на берегу в "штатском"...

- о -

Заржавевшие остовы славных российских кораблей были проданы с торгов "союзным" Французским Правительством на слом...

- о -

В поисках архива Русской эскадры выяснилась одна загадочная подробность...

Из письма А.А.Геринга от 13 февраля 1967 г.:

..."куда девался Архив Русской эскадры - я совершенно не знаю. С кораблей, в частности с моего эскадренного миноносца "Беспокойный", которого я был последним командиром, все бумаги были сданы в Штаб Эскадры. Я очень боюсь, что Архив постигла участь всего нашего серебра - серебряных труб, кают-компанейского имущества, которое было сдано на честное слово французскому адмиралу Дюминилю, погружено на его флагманский крейсер "Эдгар Кинэ" и затем куда-то все исчезло. А это были десятки, а может быть и сотни больших деревянных ящиков.

Никогда толком не удалось выяснить судьбу этого груза.

Занимались этим делом адмирал Кедров и кап.1-го ранга В.И.Дмитриев, но совершенно безрезультатно..."

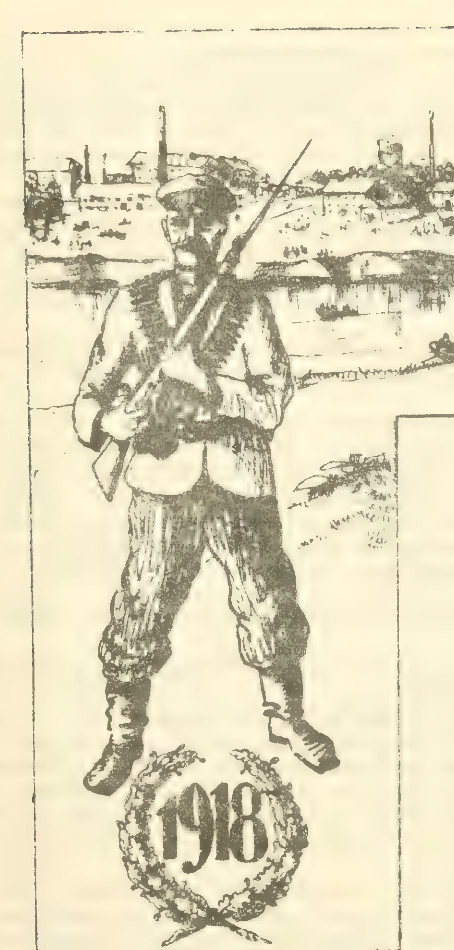
- о -

Будем надеяться, что будущее Национальное Правительство России потребует отчета от Франции...

А.Д.

- - оОо - -

Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
просит всех Первопоходников, подписчиков и читателей журнала
записываться в
"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
и этим помочь обеспечить материальную сторону издания журнала.

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

(Продолжение, см. №№ 59-60, 61-62, 63-64, 65-66 и 67-68).

25. Бои под гор.Челябинском.

Бои под гор.Челябинском, начавшиеся после перехода Западной Армии через Уральский хребет, вместе с боями прикрывающих частей и перегруппировками обеих сторон, обратились в упорное сражение, продолжавшееся две последние недели июля.

Об этих боях в сохранившихся воспоминаниях белых участников, вообще немногочисленных, говорится очень мало. В книге "Белая Сибирь" ген.Сахарова, руководившего боями, можно найти лишь отрывочные сведения. Кроме того, имеются краткие записи автора этого очерка и показания немногих лиц.

Для общего ознакомления с этими боями и описания участия в них Ижевцев приходится пользоваться также и красными источниками. Из них статья "Челябинская операция летом 1919 года", написанная Н.Санчуком и помещенная в 11-й книге*) журнала "Война и Революция", дает много интересных сведений , как о планах красного командования, так и о действиях обоих противников.

\- о -

Обстановка, сложившаяся после перехода Уральских гор, была для белых весьма неблагоприятной. Сибирская Армия, за исключением неко-

*) За 1930 год.

торых частей, потеряла боеспособность и распылялась.

Назначенный в начале июля Главнокомандующим ген.Дитерихс выехал в расположение Сибирской Армии, чтобы вывезти в тыл все, что можно было сохранить. Ген.Дитерихс не собирался давать боев и переходить в наступление, пока войска не будут приведены в порядок, пополнены, получат необходимый отдых и будут соответственно перегруппированы.

Ген.Сахаров, при помощи нач.штаба Верховного Главнокомандующего ген.Лебедева, оценивал положение по другому. Он решил разбить красных при выходе их из гор. Ген.Сахаров считал, что подчиненная ему Западная Армия сохранила полную боеспособность и, усиленная тремя Сибирскими дивизиями, сформированными в тылу, может в единоборстве с 5-й красной армией разбить ее.

Между тем Сибирские дивизии, на которые рассчитывал ген.Сахаров, не были еще полностью подготовлены, не прошли обучения в поле и курса стрельбы.

Оперативный план ген.Сахарова (см.схему на стр.11 и стр.116 книги "Белая Сибирь") был следующий: "Сдерживая красных арьергардами, Западная Армия должна была быстро стянуть свои силы к Челябинску и сосредоточить две ударные группы: ген.Войцеховского к северу, ген. Каппеля к югу от города.... а затем, когда красные втянутся в долину из гор, они будут атакованы с севера и юга, взяты в клещи, с целью окружить их... С севера всю операцию прикрывал и обеспечивал 3-й Уральский корпус."

Короче говоря, ген.Сахаров рассчитывал устроить главным силам красных "Канны".

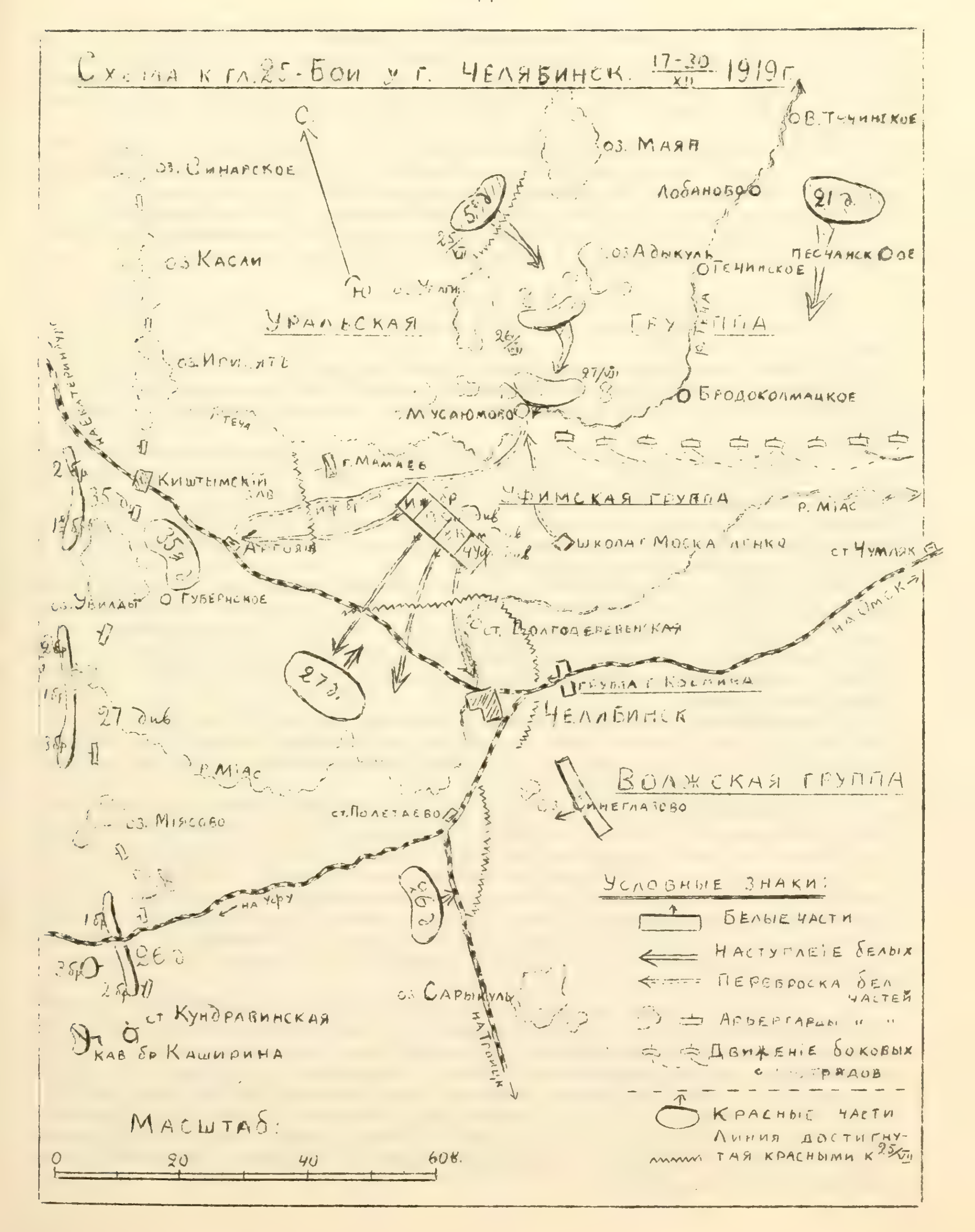
Чтобы поставить их под удары с двух сторон, он наметил заманить их в Челябинск, оставив город без боя.

В статье Санчука находим план красных: " План командарма 5 тов. Тухачевского сводился к следующему: Занять к исходу 18 июля тремя дивизиями (26-й, 27-й и 35-й) исходное положение по линии ст.Кундравинская - Губернская для атаки челябинского ж.-д. узла... и затем ударом левого своего фланга (35-й и 27-й с.д.) овладеть Челябинском". Под левым флангом, таким образом, подразумевались 35-я и 27-я дивизии.

План Тухачевского интересен в двух отношениях. Во-первых, он полностью соответствовал тому, что хотел от противника ген.Сахаров. Во-вторых, вопреки своему пристрастию к глубоким обходным маневрам, Тухачевский предпринимал лобовой удар. 27-я дивизия, более сильная, стояла в центре красных сил перед Челябинском, а на левом фланге находилась 35-я дивизия и, по словам Санчука, "в силу своей слабости не могла дать нужного эффекта".

Объяснения в решении Тухачевского следует искать в том, что он не имел обыкновения или не умел оценивать обстановку во всей совокупности, в том числе и учитывать силы врага. К последнему он относился в большинстве случаев с пренебрежением - смелым маневром можно уничтожить и сильного врага. Так он пробовал действовать недавно в Уральских горах. Нанести сильного поражения Западной Армии ему не удалось. Но он посчитал, что Зап.Армия разбита, что ее надо только преследовать и не терять времени на маневры. Отсюда - удар в лоб.

Подтверждение этому объяснению дает Санчук: "Заслуживает немалого упрека отсутствие у командарма даже предположения о возможности активных действий белых на Челябинском направлении.

Схема к гл. 25 - Бои у г. Челябинск. 17-30/XII 1919 г.
С.
оз. Маяя
Лобаново
оз. Синарское
оз. Касли
21 д.
Песчанское
Отечинское
Уральская
группа
Бродоколмацкое
Мусаюмово
Теча
г. Мамаев
Кыштымский зав
Уфимская группа
р. Міас
Школа г Москаленко
ст Чумляк
на Омск
оз. Увилды
О Губернское
27 д.
ст. Долгодеревенская
группа г. Косьмина
Челябинск
27 див
р. Міас
Волжская группа
оз. Синеглазово
оз. Міасово
ст. Полетаево
на Уфу
Условные знаки:
Белые части
Наступление белых
Переброска бел частей
Арьергарды
Движение боковых отрядов
Красные части
Линия достигнутая красными к 25/VII
оз. Сарыкуль
на Троицк
ст Кундравинская
кав бр Каширина
Масштаб:
0
20
40
60 в.

И дальше: "Расчеты командарма тов.Тухачевского на успех... были оптимистичны: "Главный удар 27-й и 35-й с.д. обещает полный успех; наличные силы противника не выдержат нашего удара" (... из разговора по прямому проводу тов.Тухачевского с вр.и.д. комвосток. тов.Лебедевым)".

Пренебрежение к противнику отражалось у Тухачевского и на руководстве боевыми операциями: связь штарма (Уфа) с дивизиями поддерживалась телеграфом. "Чрезмерно большое удаление (до 400 км.)... не предвещало ничего хорошего в части управления ходом операции"... - говорит Санчук и потом добавляет: "Неурядица в управлении дала возможность белым безнаказанно произвести перегруппировку.

- о -

Переходя к краткому описанию первых дней боев, находим у ген. Сахарова (стр.120):

"Арьергарды наши, сдерживая натиск большевиков, отходили сначала медленно, шаг за шагом и удерживая целый ряд позиций, но верст за 50 от Челябинска не выдержали, сдали и начали отступать слишком быстро"...

Ген.Сахаров не удовлетворен действиями своих арьергардов. Также и Санчук недоволен действиями красных частей в первые дни операции: "Боевые действия на первом этапе свелись к упорным боям в отдельных очагах сопротивления"... "Безуспешные атаки (26-я кр.див. п против Волжской группы) в лоб днем 17 июля заставили начдива предпринять обход Миасских укреплений"...

"Борьба на фронте 27-й сов.див. начала принимать, благодаря активности Уфимской группы, затяжной характер. К исходу 18 июля дивизия, вытеснив из междуозерных перешейков главные силы группы, ... была атакована и попятилась своей 1-й бригадой назад... Начдиву удалось восстановить положение только к исходу 21 июля, то есть потерять двое суток".

Указав еще несколько боевых эпизодов, Санчук подводит итог: "Таким образом, первый этап операции был выигран белыми, они получили время для перегруппировки и, хотя незначительно, но расстроили ударные дивизии 5-й армии"...

"В течение 21, 22 и 23 июля красные дивизии вяло, медленно и, самое печальное, самостоятельно, по инициативе начдивов преследовали белых, ведущих арьергардные бои. Разнобой между дивизиями усилился еще больше" .... "В этот наиболее ответственный момент больше, чем когда бы то ни было, нужна была организаторская твердая рука командарма, но командарм 20 июля выехал в штаб фронта (Симбирск), а штарм спал и не только не знал, что делается на фронте, но забыл даже дать дивизиям указания, что им делать после выхода на исходное положение"...

Из сопоставления действий передовых частей противников по оценкам ген.Сахарова и Санчука приходится сделать вывод, что белые арьергарды на главном направлении выполнили свои задачи хорошо и обеспечили время для сосредоточения частей, назначенных для удара. Но на севере, на фронте Уральской группы, дела приняли неблагоприятный оборот. Кроме двух бригад 35-й красн.див., которых сдерживали Уральцы, перед ними появилась 5-я кр.дивизия 2-й кр.армии. Эта дивизия,вследствие расформирования 2-й кр.армии, вошла с 21 июля в подчинение командарма 5-й кр.армии.

На усиление малочисленной Уральской группы ген.Сахаров послал 12-ую Сибирскую дивизию из числа трех недавно сформированных. "5-я кр.дивизия 2-й армии отбросила группу (Уральскую) к р.Карабалка (верстах в 30-ти на восток от оз.Ирисят), причем в ночь на 20 июля 47-й полк 12-й Сибирской дивизии.... целиком перешел к нам" (Санчук).

Ген.Сахаров подтверждает неблагонадежность 12-й Сибирской дивизии и переход ее частей к красным.

24-го июля противник занял Челябинск, оставленный по приказу ген.Сахарова. Его же приказом (стр.121) на рассвете 25-го обе ударные группы должны были перейти в наступление.

- о -

Ижевская бригада в арьергардных боях участия не принимала.

После выхода из гор бригада двинулась в район ст.Аргояш, где простояла три дня.

18-го июля бригаду посетил ген.Сахаров, проверил боевые запасы, расспросил о настроении бойцов, наградил отличившихся в последних боях. Он полон энергии, хорошо относится к бригаде и ценит ее боевые качества.

Когда красные начали теснить арьергарды армии, оборонявшие перешейки между цепью озер, бригада получила приказ отойти на восток и расположиться в резерве в 30 верстах севернее Челябинска.

Здесь, совместно с 4-й Уфимской, 8-й Камской и вновь прибывшей 13-й Сибирской дивизиями, бригада вошла в ударную группу под командованием ген.Войцеховского и получила участок на правом фланге.

На рассвете 25-го июля ударная группа перешла в наступление.

Соседом Ижевцев слева была свежая и еще не обстрелянная 13-я Сибирская дивизия.

Ген.Войцеховский просил ген.Молчанова поставить какую-либо часть на правом фланге 13-й Сиб.дивизии, чтобы показать на примере, как надо вести наступление. Для этой задачи был назначен егерский батальон, который своим порывом увлек за собой не бывшие в боях молодые части. Они наступали хорошо.

Уфимская ударная группа быстро двинулась вперед и нанесла ряд поражений противнику. Во многих местах красные сопротивлялись с большим упорством, происходили жаркие, кровопролитные схватки, но везде успех был на нашей стороне. Красные отступали на запад и на юг к Челябинску.

Ижевская бригада действовала с большим успехом. Встреченные полки 1-й бригады 35-й красн.дивизии получили в течение трех дней несколько жестоких ударов, понесли большие потери и в беспорядке отошли к станции Аргояш.

Южнее Челябинска в Волжской группе дела шли не так удачно. Эта группа встретила упорное сопротивление, понесла значительные потери и не могла сдвинуть противника.

Ген.Сахаров объясняет это тем, что (стр.120) "к сожалению,была допущена одна оплошность: северная группа ген.Войцеховского составляла слишком большую силу, свыше двадцати тысяч человек, тогда как южная группа Каппеля едва достигала десяти тысяч. Но я рассчитывал главный удар нанести именно с севера"...

Санчук находит и другие объяснения неудач Волжской группы и указывает на поражение 12-й Уральской дивизии, входившей в Волжскую группу, когда она 25-го июля перешла в наступление и была атакована

на марше. После этого, сообщает Санчук, нач.дивизии ген.Бангерский доносит: "Обороняться не могу, а могу только наблюдать участок, так как много дезертировало и потеряно"...

В другом месте Санчук указывает на донесение ген.Каппеля: "Одна из лучших рот 3-й (Симбирской) дивизии, оставив на поле истерзанный труп офицера, ушла к красным". Возможно, что неудачное пополнение дивизий Волжского корпуса пленными красноармейцами и запасными из уездов, где была сильна красная пропаганда, влитое еще зимой 18-19 года, до сих пор влияло на неблагонадежность этих частей.

На правом фланге армии, на участке Уральской группы, красные теснили слабые отряды. Только ген.Мамаев с 3-й Оренбургской бригадой, составлявшей левый фланг группы, держался на уступе впереди, удачно отражая красных на направлении вдоль южного берега р.Теча.

К 25 июля 5-я кр.дивизия уже угрожала с севера, с перешейка озер Маян и Уелги, выходом на фланг и тыл Уфимской группе. Через два дня эта дивизия оттеснила уральцев на южный берег реки Теча и нависла над тылом группы ген.Войцеховского, подойдя к д.Муслюмово.

Тогда ген.Войцеховский срочно бросает на угрожаемый участок Ижевскую бригаду.

Бригада должна была сделать усиленный переход в ночь с 27 на 28 июля к дер.Муслюмово и сменить там уральцев. В эту ночь и утро 28-го бригада прошла около 60 верст и к 10 часам начала подходить к р.Теча.

Ген.Молчанов с пятью офицерами своего полевого штаба и 15-ью ординарцами выехал вперед для ориентировки и приема участка от Уральцев. По полевой дороге, вившейся среди кустов, всадники подъехали к р.Теча. Выехали на небольшую полянку, на северном конце которой стояло большое здание - кажется, амбар Муслюмовской паровой мельницы. Левее - двор, обсаженный деревьями. Правее с открытого пригорка видна впереди лежащая местность.

Шагах в 50-ти протекала небольшая, проходимая во многих местах вброд, р.Теча. За ней ровный, открытый заливной луг, шириной до полуверсты. Дальше на север, насколько глаз хватал, расстилалось море кустов.

Все слезли с лошадей и стали осматриваться.

Снизу на пригорок вынырнула "макленка" (37 мм. небольшая пушка) с четырьмя солдатами под командой офицера. Они навели свою пушку в кусты на с.-запад и дали несколько выстрелов.

- Где противник?

- Вон там в кустах, за поляной.

- А где ваши цепи?

- Наши все уже ушли, мы последние.

- Ваша задача?

- Прикрывать отход полка, и сейчас мы тоже уходим; нам приказано двигаться на восток к дер.Бродокалмацкое, где собирается наш полк.

Офицер Уралец предупредил, что противник - 5-я красн.дивизия - имеет среди своих полков четыре полка с номерами, одинаковыми с полками 11-й Уральской дивизии (№ 41-44) и что у них уже были неприятные недоразумения из-за сходства номеров.

Подняв хобот "Макленки", Уральцы на руках покатили ее дальше и скрылись в кустах.

Так "авангард" Ижевской бригады сменил арьергард 43-го Уральского полка, едва успев застать его.

Ген.Молчанов немедленно послал ординарца навстречу колонне с приказом торопиться, как только возможно.

Капитан Цветков, старший адъютант, залез на крышу амбара рассмотреть, что кругом делается. Его наблюдения были безрезультатны - кусты скрывали все, и следов противника обнаружить было нельзя.

Прошло около получаса. Неожиданно по нашему расположению посыпались снаряды. Особенно досталось амбару. Наш наблюдатель был замечен, и после первых же выстрелов красные взяли точный прицел. Наблюдатель быстро скатился с крыши.

Артиллерия красных стояла, повидимому, недалеко, в одной, полутора верстах от речки, и это указывало, что пехота противника могла появиться из кустов каждую минуту. Приходилось отступать. Полянка перед амбаром закипела взрывами снарядов.

Пройдя жаркое место, всадники стали садиться на лошадей. В это время из кустов с востока раздалась ружейная стрельба. Через десяток шагов кусты скрыли ген.Молчанова и его штаб от противника. Вышли благополучно, были ранены только две лошади.

Отойдя около версты, ген.Молчанов встретил артиллерийский дивизион, на рысях шедший вперед и обогнавший пехоту.

Командир дивизиона полковник Якубович получил приказ немедленно сняться с передков и открыть ураганный огонь по району противника, стреляя через крышу амбара с наименьшим прицелом.

Полковник Якубович, старый артиллерист, пробовал доказать, что в уставе термина "ураганный" огонь нет и стрелять без наблюдателя и пристрелки нельзя. Ген.Молчанов вскипел:

- Стреляйте по уставу и с наблюдателями, но чтобы огонь был открыт немедленно. Немедленно и самый усиленный.

При указанном направлении и прицеле снаряды должны были ложиться в кустах, где предполагался противник. Но важно было не столько поражение противника, сколько создание у него впечатления, что наши силы уже развернулись и готовы к наступлению.

Артиллерия быстро стала на позицию и загрохотала.

Канонада десяти орудий должна была заставить красных продвигаться с осторожностью и умерить свой порыв.

Услышав рев орудий, полки Ижевцев, уставшие после большого ночного перехода по плохим полевым дорогам, но спешившие за артиллерией, напрягая последние силы, бросились бегом на выстрелы.

Достигнув позиции артиллерии, полки сразу развернулись и пошли в наступление. 1-й Ижевский полк пошел налево, а 2-й полк - правее мельницы. Быстрым натиском Ижевцев красная пехота, переправившаяся через р.Теча, была смята и отброшена обратно за речку.

На южном берегу р.Теча ген.Молчанов приказал полкам остановиться, выставить охранение, привести себя в порядок и отдохнуть.

Тяжелый ночной переход по скверным, часто песчаным дорогам чрезвычайно обессилил и вымотал пешие части. По пути не было значительных населенных пунктов и нельзя было достать необходимого количества подвод даже для отсталых. Таковых было много из-за растертых ног. Несмотря на свои покалеченные ноги, стрелки старались держаться за хвостом колонны. Многие сняли сапоги, чтобы легче было идти.

Позиция на берегу реки давала возможность с успехом обороняться, и ген.Молчанов донес, что он остановился у Муслюмово, должен дать отдых изнуренным Ижевцам и ручается за полную устойчивость на занятом участке.

Ген.Войцеховский был другого мнения.

Ударная группа продвинулась на два перехода на запад от линии Муслюмово - г.Челябинск и находилась под ударами на свой тыл с обоих этих пунктов.

Обстановка для группы, действительно, создалась очень тяжелая и вынуждала прекратить продвижение вперед.

Ген.Войцеховский повидимому опасался, что переход к обороне у Муслюмово понудит красных прорваться в другом месте, и хотел приковать внимание и силы противника активными действиями.

Он направил на поддержку бригады школу ген.Москаленко, около 400 штыков, и приказал вести атаку свежими силами этой школы.

На просьбу ген.Молчанова не губить отлично подготовленных юнкеров (они назывались егерями), необходимых для младших командных должностей, ответ был в духе "не рассуждать".

Встал вопрос и о пополнении боевых припасов. Необходимо было пополнить снаряды в артиллерии и патроны в пехоте, израсходованные в трехдневных боях наступления.

Так как до артиллерийского склада на жел.дороге было 70 верст, ген.Войцеховский отдал легковые автомобили своего штаба на срочную доставку снарядов. Таким же образом помог и штаб армии.

Утром 29-го июля егеря начали наступление.

Как на учебном поле, с разведчиками впереди, мелкими единицами, потом по одиночке, начали правильные перебежки егеря. За речкой на ровной, как стол, поляне нигде не было никаких укрытий - ни кустов, ни кочек, ни малейших складок местности.

Наша артиллерия вела интенсивную стрельбу по опушке кустов, занятых красными. Пулеметы Ижевцев помогали фланговым огнем с обоих флангов. Красные наверное несли значительные потери, но кусты хорошо укрывали их передвижения, подход подкреплений и поднос патронов. Они держались в окопах среди кустов и расстреливали егерей одного за другим.

Без сомнения, здесь была применена неправильная тактика. Такое ровное поле выгоднее было бы проскочить не перебежками и переползаниями маленькими группами и по одиночке, а возможно быстрее пробежать двумя или тремя редкими цепями с короткими остановками для необходимой передышки.

Бой затянулся на несколько часов. Егеря не могли достигнуть позиции противника. Потери их достигли половины состава.

Но когда выяснилась невозможность достичь окопов противника, оказалось, что егеря не могут и отступить. Имея полное походное снаряжение, в том числе малые лопаты, они, как могли, окопались на достигнутой линии или прикрывались телами убитых товарищей. Отход обозначал новые тяжелые потери.

Тогда ген.Молчанов приказал 2-му Ижевскому полку перейти в короткую демонстративную атаку и отвлечь внимание красных от егерей.

2-й полк собрался к правому флангу и под прикрытием сильного пулеметного и артиллерийского огня бросился на красных. Атака значительно облегчила положение егерей, и они отошли со злополучной поляны, обильно политой их кровью.

Эта выручка дорого стоила 2-му полку, который потерял около 60 человек.

К вечеру все части заняли позицию на южном берегу реки.

Возможно, что цель была достигнута и тяжелые жертвы не были напрасны. 5-ая дивизия красных была прикована к району дер.Муслюмово

и не смогла обрушиться на тыл группы ген.Войцеховского. Группа начала отход из своего тяжелого положения и выполнила его достаточно благополучно.

Красный историк Санчук дает следующие сведения о действиях белых:

"Безуспешные четырехдневные бои и тяжелое положение ударной группы заставили ген.Войцеховского признать свою слабость и отказаться от "окружения и уничтожения" красных дивизий.

"Ночью 28-го июля этот благоразумно-осторожный генерал излагает Штарму свои соображения...

"Больше того, он в ночь на 28 июля уже снял с фронта 35-й красной дивизии Ижевскую бригаду и направил ее в район Муслюмова с задачей задержать движение на юг 5-й красной дивизии. Туда же он направляет свой резерв - школу ген.Москаленко...

"5-я сов.дивизия продолжает (29-го июля) упорные, но безуспешные бои за р.Теча с Ижевской бригадой белых.

"Предусмотрительный ген.Войцеховский усилением Ижевской бригады школой ген.Москаленко окончательно приковывает 5-ую Сов.дивизию на северном берегу р.Теча, удачно парируя этим удар, занесенный 5-й дивизией, и обеспечивает отход группы на восток.

"Дальнейшие усилия 5-й армии и 21-й с.д. 3-й армии перехватить пути отхода белых не увенчались успехом, что дало возможность вылезшей из мешка ударной белой группе сравнительно благополучно уйти на восток.

"Недобитая 3-я армия белых, сохранив кадры, опять начала в конце сентября оказывать сопротивление при нашем продвижении в глубь Сибири"...

- o -

Упорные бои у Челябинска вызвали большие потери у обоих противников. Сведения об этих потерях различны. Ген.Сахаров дает такие цифры: свыше 5000 убитыми, ранеными и пленными у нас и больше 11.000 у красных по их же сведениям. Санчук сообщает, что "в результате 18-дневной операции белые потеряли 8.000 пленными и 4.500 убитыми и ранеными. Потери красной стороны исчислялись в 2.900 раненых и убитых, 900 без вести пропавших". Но сведения Санчука исправляет член револ.совета 5-й армии комиссар И.Смирнов ("Борьба за Урал и Сибирь", стр.239), который указывает, что убитых и раненых в 5-й армии было 15.000.

- o -

Челябинские бои представляют много интересного для подробного изучения. К сожалению, с белой стороны сохранилось очень мало документов и сведений.

Отметим здесь некоторые характерные черты в управлении ходом операций у обоих противников.

Каким путем ген.Сахаров стремился добиться победы?

На стр.116 он указывает, что "Сибирская армия временно как бы потеряла всякую боеспособность и уходила, ставя в совершенно невозможное, тяжелое положение Западную армию".

"А дух и силы последней были нетронуты, несмотря на отход и непрерывные бои"...

Таким образом, он не должен был бы ожидать какого-либо содействия от Сибирской армии,а рассчитывать только на силы подчиненной ему

Западной Армии.

Но дальше (стр.120) он делает поправку и говорит о недостаточности сил Уральской группы, обеспечивавшей операции с севера, и о том, что "подсказывалась необходимость содействия Сибирской армии. Однако, несмотря на все просьбы, не удалось получить не только этого содействия, но даже приказа о выдвижении частей ее для демонстрации. Как будто действовала не одна русская армия, не за одну общую святую цель".

На это генерал Дитерихс мог бы ответить, что "одна русская армия должна иметь одного главнокомандующего, и все его подчиненные должны подчиняться его единой воле".

Последнего ген.Сахаров, при поддержке нач.штаба Верховного Главнокомандующего, не выполнил и нарушил планы своего начальника.

- о -

На стороне красных вызывает удивление полное пренебрежение к своим обязанностям командарма 5-й тов.Тухачевского.

Красные дивизии дрались самостоятельно, не руководимые сверху. Когда красные переживали тяжелый момент при переходе в наступление ударной группы белых и нуждались в согласовании действий, начдивы 26-й и 27-й красных дивизий совещаются 26-го июля, что им делать дальше.

Дивизии получают совершенно невыполнимые задачи, без малейшего учета создавшейся обстановки. Например, 5-я кр.дивизия, переведенная в состав 5-й армии, получает от Тухачевского 22-го июля задачу к 25 июля выйти в тыл белых у ст.Чумляк. Задача, выполнимая для моторизованной дивизии, и то при условии слабого сопротивления противника. Дивизия к 25-му могла продвинуться только до перешейка озер Майн - Уелги, почти 100 верст от назначенного пункта.

В последние дни боев, пишет Санчук, события "заставили командарма 5-й серьезно взяться за управление дивизиями ... и реализовать блестящее оперативное положение, стихийно создавшееся на фронте армии".

Что может более точно определить деятельность, или вернее бездеятельность начальника, когда положение на фронте создается "стихийно" и притом в течение целых двух недель.

Если ген.Сахаров несет ответственность за поражение у Челябинска, то его противнику тов.Тухачевскому никак нельзя присудить лавры за эту победу.

26. Отступление за Тобол.

Неудача боев под Челябинском вынудила 3-ью армию (переименованную из Западной) начать отступление на восток.

Красные получили от нового командующего Восточным фронтом Фрунзе задачу для 5-й красной армии: "главными своими силами теснить противника на своем фронте, стремясь отбросить его к югу от Сибирской магистрали"... (Какурин, т.11, стр.279).

Этот приказ красным провести в жизнь не удалось, но упорные попытки выполнить задание поставили нашу 3-ю Армию в очень тяжелое положение. Генерал Сахаров так описывает создавшуюся обстановку (стр. 126): "Моей армии пришлось отходить от Челябинска при невозможно тя-

желых условиях: все время висела угроза на нашем правом фланге, почти каждый день большевикам удавалось выходить в тыл Уральцам, отрезывая их от линии сообщения и от Волжского корпуса."

"Нам приходилось проявлять огромное напряжение, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти все части делали большие, часто форсированные переходы и сложные маневры..."

Правофланговая Уральская группа, теснимая численно превосходящим противником, отходила на один и более переходов на уступе позади главных сил Армии. На отход Уральцев влияло также и то, что наружный фланг этой группы обнажался с севера 2-й армией (Сибирская армия была разделена на 1-ую и 2-ую).

Уже к утру 28-го июля тыл армии был открыт для удара с севера 5-й кр.дивизией (см.схему на стр.11). К этому времени Уральцы собирались в районе с.Бродокалмыцкое, в трех переходах к востоку от передовых частей ген.Войцеховского, успешно теснивших красных на запад.

Выдвижение ген.Войцеховского к угрожаемому участку Ижевской бригады и усиление ее школой ген.Москаленко устранило создавшуюся опасность. В последующие дни бригада образовала боковой отряд главных сил, и на нее пала тяжелая задача обеспечить движение армии от дальнейших ударов противника с севера.

29-го июля командующий 3-ей армии отдал в приказе № 233: "1-ую отдельную Ижевскую бригаду приказываю развернуть в дивизию"... Это свидетельствовало о признании боевых заслуг бригады и указывало на решение ген.Сахарова увеличить ее силу двумя полками. Отправка бригады на переформирование в тыл не предполагалась, и новые полки должны были формироваться на фронте.

Приказ № 1 по Ижевской дивизии с указанным приказом по армии вышел 31-го июля.

1-го августа прибыло пополнение - 52 молодых офицера из Иркутской школы и 852 солдата, из которых более 300 были поправившиеся от ранений и болезней Ижевцы. Так как число штыков к концу июля, после боев на Урале и у Челябинска, уменьшилось до 650, пополнение пришло весьма своевременно.

Формирование новых полков в напряженной боевой обстановке представлялось невозможным, и прибывшее пополнение было распределено в существующие части.

С началом общего отступления армии начальнику Ижевской дивизии ген.Молчанову была подчинена 13-я Сибирская дивизия, которой командовал ген.Зощенко. Численность этой недавно сформированной дивизии значительно уменьшилась как от потерь в боях под Челябинском, так, особенно, и от утечки элемента, не желавшего драться. Но оставшиеся в рядах дивизии хорошо себя показали в тяжелых и изнурительных боях отступления, занимая участки в перемежку с частями Ижевцев и упорно отбиваясь от наседавших красных.

В то время, как Уфимская и Волжская группы сдерживали противника с запада, на правом фланге завязались бои с обходившими нас с севера дивизиями красных.

Сложные маневры, о которых говорит ген.Сахаров, состояли, главным образом, в том, что когда одни полки или батальоны встречали обходящих красных на одном участке, позади их проходили другие части, торопившиеся на следующую позицию.

Происходили беспрерывные перекаты с одной позиции на другую.

Красных отбивали огнем и короткими контр-атаками. Большие затруднения были в доставке огнеприпасов, продовольствия для людей и корма для лошадей. Ночлеги сократились до коротких часов, привалов для отдыха почти не было. Многие участники этих боев говорили, что предпочли бы, вместо этих изнуряющих передвижений, большой и кровопролитный бой.

Начали уставать от этой кадрили и красные. Ко времени подхода к Тоболу они уже ослабили свой нажим и отказались от попыток отрезать нам путь отступления и отбросить к югу.

Ген.Сахаров сообщает (стр.128): "Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и вышли из-под вечной угрозы быть отрезанными от жел.дороги. Только перейдя через Тобол, 3-ья армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевести их эшелонами за 50 верст в тыл на реку Ишим в район гор.Петропавловска".

Из этого районе был намечен переход в наступление.

После переправы через Тобол Ижевская дивизия была отведена в резерв. Полного отдыха она не получила, оставшись за правым флангом армии. Но в течение нескольких дней, свободных от боев, можно было начать формирование новых двух полков, выделив для них командный состав и небольшие кадры, привести в порядок оружие, обозы и пр.

Появились и другие дела повседневной военной жизни, которыми не было времени заниматься, пока шли бои. Среди пополнения были обнаружены ненадежные и распущенные в тылу солдаты. Было произведено несколько дознаний о грабежах. Во 2-м полку сами ижевцы избили двух молодцов - одного за кражу холста, другого за воровство огурцов. Встретив такое отношение из рядов Ижевцев, грабители присмирели.

Преследование за воровство не осталось без внимания со стороны жителей. У них оказались свои люди, ловкие на доходные проделки. В с.Московском, где стоял 2-й полк, одна женщина подняла вой, что увели двух лошадей и утащили тарантас. Стали проверять. Лошадей она умудрилась спрятать в погреб, а тарантас был найден скрытым в огороде. Был и такой случай: солдаты из штаба группы нашли у Ижевцев своих лошадей. Лошади были возвращены "владельцам", но при проверке оказалось, что лошади были проданы крестьянам и попали в полк по ремонту.

22-го августа дивизия стояла в районе с.Арлагульское, около 60 верст к востоку от гор.Курган. В этот день прибыл в дивизию Верховный Правитель Адмирал Колчак и произвел смотр. С ним пришло несколько грузовых автомобилей с подарками - папиросы, консервы, варенье, какао и проч.

После церемониального марша Адмирал Колчак собрал к себе поближе Ижевцев и обратился к ним с речью. Благодарил за славные ратные дела и самоотверженную службу Родине. Он старался объяснить цель борьбы с большевиками, хотел что-то сказать о положении рабочих, но смешался и смутился. Ижевцы постарались выручить Адмирала - послышались голоса: "Не надо говорить", "мы вам верим", "с вами пойдем до конца" и т.д.

Верховный Правитель был этой встречей с Ижевцами очень растроган, а его искренность и желание найти путь к солдатскому сердцу были понятны и произвели больше впечатления, чем если бы он произнес блестящую речь привыкшего говорить опытного оратора.

- о -

После дневки и смотра Верховного Правителя наше движение на восток продолжалось.

Красные вновь стали нажимать. Хотя дивизия числилась в резерве, 25 августа утром красные подошли к нашему расположению.

2-й полк не успел вытянуться с ночлега и ввязался в бой у деревни, где ночевал. Три часа удачно отбивал атаки противника и отошел с небольшими потерями (2 офицера и 12 стрелков).

Дивизия направляется на юго-восток, должна перейти к югу от железной дороги и будет действовать в составе Волжской группы ген.Каппеля. Пока арьергарды Волжан успешно задерживают красных в их стремлении к Петропавловску.

Боевой состав Ижевской дивизии к 31 августа был следующий: батальонов 10, рот - 31, эскадронов - 1, офицеров 182, штыков 1276, сабель 33, орудий 10, пулеметов 14.

Дивизии приданы: 4-й Саткинский полк в составе: батальонов 2, рот 7, офицеров 38, штыков 222, - и отдельный Оренбургский казачий дивизион есаула Леонова в составе: сотен - 1, офицеров 3, сабель 87.

Всего в дивизии с приданными частями: офицеров 223, штыков 1498, сабель 120, пулеметов 19, орудий 3-дюймовых 8, 48-линейных гаубиц 2.

Приданные части находились в составе дивизии только несколько дней и потом получили новое назначение.

27. Наступление к Тоболу.

Переход в наступление, в котором все три армии должны были участвовать, был назначен на первые числа сентября.

3-ья армия ген.Сахарова наступала вдоль жел.дороги на г.Курган, имея на правом фланге Уфимскую группу, а в центре и на левом фланге (южнее жел.дороги) Волжскую и Уральскую группы.

На участке Ижевской дивизии бои начались раньше.

Подходя 28-го августа к месту назначенного сосредоточения в районе поселков Богатый и Кладбинский (около 90 в. к западу от гор. Петропавловска), Ижевцы встретились с красными и имели с ними столкновения у этих двух поселков и у дер.Малая Приютная.

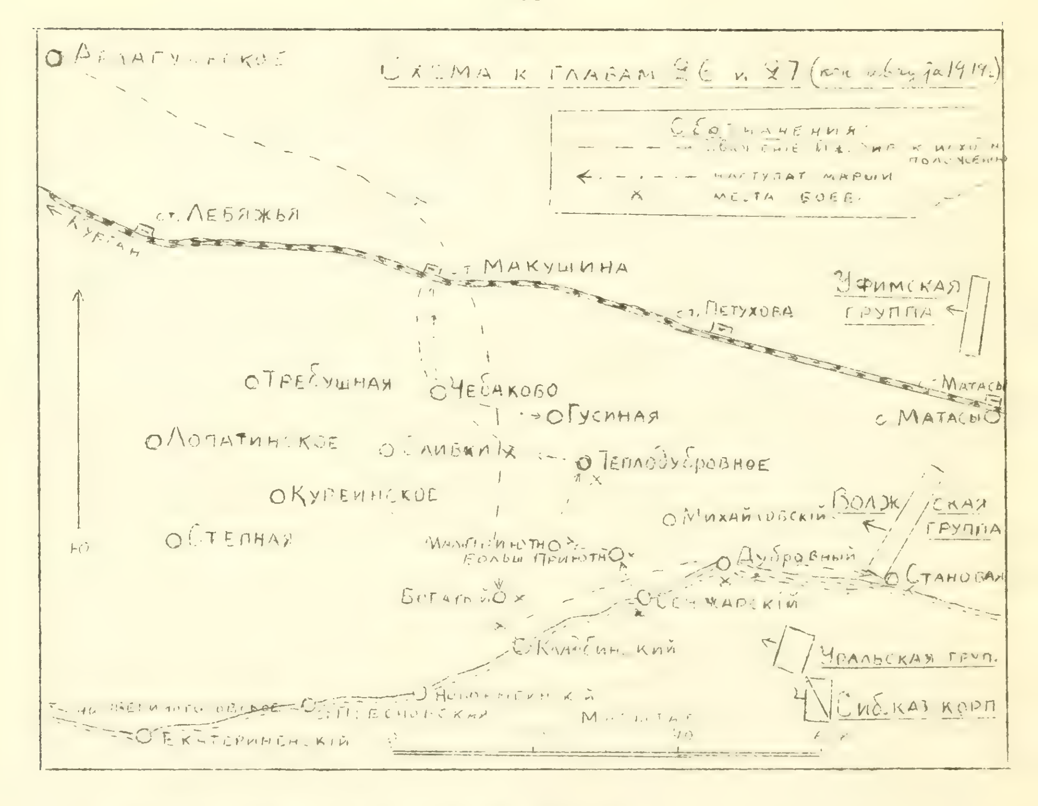
У пос.Богатый был тяжело ранен командир 3-го батальона 1-го полка поручик Ложкин, прославившийся необыкновенной доблестью и водивший своих храбрецов в атаки с винтовками за спиной и ножами в руках.

Около пос.Богатый в распоряжение Начальника дивизии прибыл 4-й Оренбургский казачий запасный полк, и его командир полк.Душ., не находившийся в "полном здоровье", стал уверять ген.Молчанова, что красные находятся не там, где они были, а в нашем тылу, и обстрел красными дер.Малая Приютная приписывал артиллерии Волжан. Дать полк. Д. какую-либо задачу по разведке сил и расположения противника было бесполезно, и ген.Молчанов приказал ему передать командование полком старшему офицеру.

Ижевцы, потрепав красных в указанных пунктах, расположились на ночлег в поселках Михайловском и Дубровном.

Утром 29 августа красные под прикрытием тумана подошли к пос. Дубровному и атаковали 1-й полк. Бой отличался большим упорством и озлоблением бойцов, в рукопашной схватке враги дрались, как звери, что редко наблюдалось раньше.

Красные отступили с большими потерями.

Ижевцы также понесли тяжелые потери.

На другой день, получив подкрепление, красные повторили атаку, но были отброшены после штыковой схватки. 1-й полк был выведен в резерв для отдыха, а позицию у поселка занял 4-й Саткинский полк.Вскоре после смены он был атакован и не выдержал удара противника. Дубровный был захвачен красными.

В контр-атаку были направлены 1-й и 2-й полки. 1-й полк штыками выгнал красных из поселка в поле , и здесь они были окончательно разбиты и бежали в пос.Сенжарский.

Интересные подробности об этих боях дает командир 1-го Ижевского полка капитан Михайлов.

О первом бое у пос.Дубровного он сообщает: "Утром рано, с наступлением рассвета, под покровом густого тумана, красные близко подошли к окопам и с криком "ура" бросились в штыки. Окопы занимал 1-й полк. Бойцы выскочили из окопов и приняли удар. Произошел ожесточенный рукопашный бой. Забывали про винтовки. Катались в обнимку по земле, грызли и душили друг друга. Фельдфебель 6-й роты чуть не был заколот штыками двух красных. Изловчившись, он поймал их винтовки и прижал подмышки. Он отличался большой физической силой, и красные, как ни старались вырвать свои винтовки, не могли этого сделать.Фельд-

заколют. Не выпуская винтовок, красные приблизились к нему вплотную и стали его грызть. Покусали щеки, одно ухо было почти все отгрызено, другое сильно искусано. Фельдфебель закричал на помощь. Подоспели двое наших и красных закололи... Красные были отброшены с большими потерями"...

О другом бое под Дубровным тот же участник рассказывает о смерти своего офицера: "В этот раз полк понес большую утрату в лице подпоручика Евстафьева, командира 7-й роты. Евстафьев всегда врывался в самую гущу красных и орудовал ножем. Отличаясь необыкновенной смелостью, находчивостью и ловкостью, он приводил своих врагов в оцепенение и заставлял разбегаться. В этом бою он был поднят на штыки. Семнадцать штыковых ударов закончили его жизнь. Когда я подъехал верхом к группе солдат, то увидел следующую картину: солдаты 7-й роты, окружив пленных, около 30 человек, плачут над убитым ротным командиром. Мне показывают на пленных и говорят: - "Вот эти св.... его убили; пощады им не будет". Эта картина врезалась мне в память навсегда. Забыть трудно".

Дальше командир полка рассказывает о положении на поле боя: "Красные были окончательно разбиты. Части их перепутались, некоторые, застрявшие у нас в тылу, прорывались к своим. Всю ночь полк стоял в открытом поле в боевой готовности, выставив охранение. Поздно ночью, считая, что в тылу нашем красных больше нет, мы заняли позицию фронтом на запад. Я пошел проверять заставы и перехожу от одной к другой. Неожиданно в перелеске в кустах слышу треск ветвей и шум; в тишине ночи казалось, как будто идет табун лошадей и ломает все на своем пути. Я остановился. Мимо меня, шагах в тридцати прошел батальон красных. Шли очень быстро, в порядке, поддерживая равнение и не проронив ни одного слова. Это было под утро, начинало светать. Я их прекрасно видел, возможно, что и они видели меня. Им было не до меня, они пробирались из нашего тыла и прошли как раз между нашими заставами. Я ничего не мог предпринять и, пропустив их, отправился на следующую заставу"...

После боев у пос.Дубровного Ижевская дивизия перешла в станицу Становую - исходному пункту для перехода в наступление. Здесь она заняла расположение на левом фланге Волжской группы ген.Каппеля.

План действий 3-й армии, по данным ген.Сахарова ("Белая Сибирь" стр.131) заключался в следующем: "Волжский корпус (группа) и арьергард Уфимского сдерживали напор красных по обе стороны Сибирской жел. дороги; в то же время на сбоих наших флангах сосредоточивались ударные группы, которые должны были с двух сторон обрушиться на большевиков. А Уральский корпус (две дивизии) перебрасывался скрытно вверх по Ишиму на наш крайний левый фланг, откуда предполагалось вывести его кружным путем в тыл красных и тем закончить их окружение."

Начиная с 28-го августа, противником Ижевской дивизии была 2-я бригада 26-й кр.дивизии, части которой, как это показали бои, дрались с большим упорством.

26-й красной дивизией командовал начдив Эйхе, статья которого о рассматриваемых событиях помещена в сборнике "Гражданская война 1918-1921", том 1.

2-я красная бригада после боев у Дубровного укрепилась в пос. Сенжарском и нашу разведку до 2-го сентября встречала ружейным и артиллерийским огнем. 2-го сентября утром красные оттеснили наше охранение к Становой, но бежали при подходе подкрепления.

Перейдя в наступление, назначенное по всему фронту, Ижевцы оттеснили красных к пос.Сенжарскому и после упорного боя овладели этим поселком; красные отступили на северо-запад.

У Ижевцев бодрое настроение, чувствуется большой подъем. После долгого августовского отступления, боев на арьергардных позициях, коротких контр-атак, наступление всеми силами было встречено с большой радостью. Хотя дивизия численно много менее бригады тех дней, когда Ижевцы отличались под Уфой, и их ряды теперь не досчитывают многих доблестных офицеров и солдат, они вспомнили мартовские стремительные наступления и рвутся вперед. Ген.Молчанов, учтя подъем духа Ижевцев, идет на смелые и рискованные, но дающие большие результаты маневры.

Сбив красных у пос.Сенжарского, дивизия преследовала их до темноты, а в 2 часа, в ночь с 3-го на 4-е сентября, захватила село Большое Приютное совершенно неожиданно для красных. Фронт противника был прорван, и дивизия оказалась в тылу частей 2-й красной бригады.

В стане врагов полная растерянность. Штаб бригады заметался во все стороны. Вместо того, чтобы присоединиться к одному из своих полков, этот штаб, отрезанный от путей на запад, стал прорываться вкруговую через наш тыл и побывал в наших обозах. Обозники навели на них панику, и они бросились наутек. Один красный герой, побоявшись плена, сорвал с себя орден "красного знамени". Этот орден случайно нашли около дороги и доставили ген.Молчанову. Мы видели его первый раз. Красотой не отличался - золотая бляха с красным ромбом; сделан плохо - видимо, продукция еще не налажена.

Обоз штаба 2-й бригады попал полностью в наши руки с оперативными делами. Документы были срочно, после короткого просмотра, отправлены ген.Каппелю.

Для собственных справок был записан боевой состав бригады по сведениям к 2-му сентября: в 229 Новгородском полку 710 штыков, 15 пулеметов и 27/32 разведчиков (предположительно - пеших и конных); в 230 Старорусском полку соответственно 880, пулеметов 17/11 (видимо - тяжелых и легких) и 20/22 разведчиков; в 231 Сводном полку - 616, 10/9 и 28/21; в 7-й батарее 4 орудия и 2 пулемета; в 8-й батарее 4 орудия (одно неисправно); во 2-м отряде "особого назначения" 155 штыков и 2 пулемета; в 26-м кавалерийском дивизионе (?) сабель.

В таблице потерь не было полных сведений и только указано: потери за 1 и 2 сентября в боевой состав не входят; 230 полк потерял за 1 сентября более 100 человек; 231 полк 28-го августа потерял 154.

Общий подсчет штыков (с разведчиками) дает боевой состав бригады более 2.500. Перед началом последних боев 2-ая бригада имела приблизительно 2900 - 3000 бойцов.

Ижевцам приходилось иметь дело с более, чем двойными силами противника, имевшими четверное количество пулеметов.

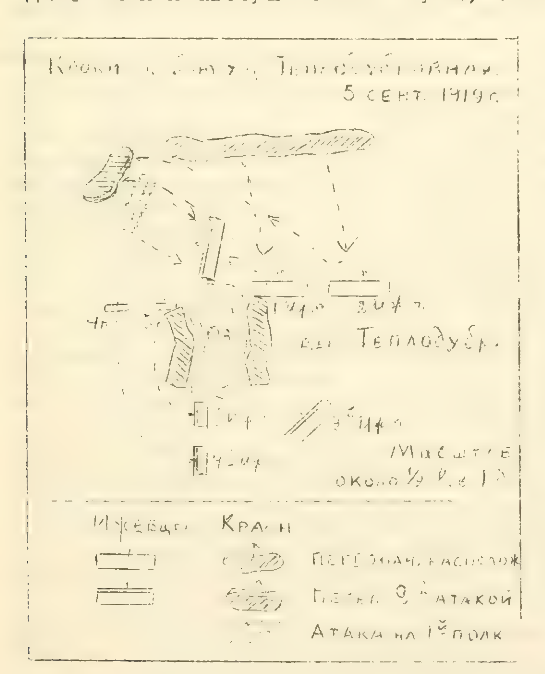
2-ая бригада кроме того имела на уступе своего правого фланга 66-й кавалерийский полк, но этот полк держался далеко сзади и 3-го сентября, по словам начдива Эйхе, "ушел в неизвестном направлении".

Эйхе дает такие сведения об описанных здесь событиях (стр.199 указанного сборника).

"Штаб 2-й бригады был расположен в дер.Богатый.... Под утро 4-го сентября д.Богатый подверглась внезапной атаке Ижевской бригады белых. Дороги, ведущие к нам в тыл, были перехвачены... Сотрудники

штаба, во главе с командиром бригады, уже под огнем белых проскочили по единственной еще свободной дороге в сторону фронта на д.Приютово. Весь обоз штаба бригады со средствами связи, оперативными материалами и всем прочим имуществом штаба остался в руках белых ... разгром ими штабрига 2-й завершился тем, что полки бригады, оставшись без руководства, оказались глубоко охваченными и попали в тяжелое положение. Лишь на другой день они, сильно пострадавши, прорвались в район дер.Степная .... Это был первый крупный успех белых. Правофланговая 2-ая бригада 26-й стр.дивизии уже не представляла серьезной боевой силы"...

Пункт расположения штаба 2-й бригады указан у Эйхе другой, чем дают записи автора этого очерка, но это не столь существенно.

После краткого ночного отдыха Ижевская дивизия в 7 час. утра была брошена ген.Молчановым на д.Мал.Приютное.

Авангардный 2-й полк, столкнувшись на дороге с красными, начал разворачиваться для наступления, но подошли другие части, и действия вылились в безудержную атаку. Конные повозки всех родов, включая хозяйственные, бросились вперед. Пешие бежали или подсаживались на повозки или к всадникам.Все надрывались, крича "ура". Скачущая масса подняла огромное облако пыли. Красные, занимавшие Мал.Приютное, сделав несколько выстрелов, в панике бросились в направлении на д.Гусиное. Часть наших обозов 2-го разряда, не поспевавшая за своими частями, потеряла направление, и несколько повозок попали к красным, которые пробираются перелесками в свой тыл. Их полки рассеяны и бродят кругом мелкими отрядами. Наша артиллерия, следя за их появлением по окружающим лескам, где они стараются скрываться, обстреливает их, не давая возможности собраться. Пушки поворачиваются во все стороны.

У нас все довольны и веселы. Усталости не чувствуется, хотя почти не спали.

К вечеру двинулись дальше и выгнали красных из деревень Теплодубровная и Стрелецкая.

У соседей справа - Самарской дивизии - дела также идут успешно. Они выбили из пос.Михайловского 228-й Карельский полк, и этот полк заночевал в лесу недалеко от нашего правого фланга.

Утром 5-го сентября красные, подошедшие с севера, повели на нас атаку. Это были части 1-й бригады красных, к составу которой принадлежал и указанный Карельский полк.

Бой разгорелся у одной из двух деревень, занятых Ижевцами накануне вечером, кажется, у Теплодубровной. Деревня была расположена на восточном и западном берегах небольшого озера. 1-й и 2-й полки развернулись на правом фланге дивизии. 3-й и 4-й полки, недавно начавшие свое формирование, расположились на левом фланге. Вследствие своей малочисленности они не могли оказать большого сопротивления и принуждены были отступить на южную окраину деревни, заняв позицию фронтом на запад и примыкая правым флангом к озеру.

1-й и 2-й полки отбили красных, которые отошли к северо-западу и стали готовиться к новой атаке. Общий фронт дивизии повернулся на запад.

1-й полк занял позицию к северу от озера. 2-й полк был отведен в резерв и должен быть в готовности, в случае надобности, поддержать 3-й и 4-й полки.

Командир 1-го полка послал на правый фланг этих полков два пулемета, которые расположились укрыто в южной части западной половины деревни с задачей бить во фланг наступающим.

Когда ген.Молчанов принимал доклад от командира 1-го полка капитана Михайлова,красные начали обстрел деревни артиллерией. Начальник дивизии и чины Штаба стояли у ворот крестьянского двора. Кап.Михайлов попросил всех встать за избу. Кто-то спросил: "А какая разница?" - "Плохая защита", - сказал Михайлов, указывая на ветхие доски ворот. Только отошли от ворот за избу, как во дворе разорвался снаряд и осколками разбил ворота в щепки.

Есть какое-то шестое чувство у людей, которые живут среди опасностей и имеют способность во время их предусмотреть.

Окончив артиллерийскую подготовку, красные пошли в наступление.

На фронт 3-го и 4-го полков атака была отбита. Присланные из 1-го полка пулеметы своим продольным огнем во фланг красных нанесли им большие потери.

Главные силы красных обрушились на 1-й полк. Они пошли в атаку тремя густыми цепями, имея за ними еще сильные поддержки. Чтобы не быть обойденными с открытого фланга, полк растянулся в одну цепь и остался без резерва. Подавляющие массы противника заставили нашу цепь начать отступление. Отходили спокойно и в полном порядке.

Ген.Молчанов помчался к 1 -му полку. Ижевцы быстро повернули на красных. "Сам Начальник дивизии в цепи", - послышались голоса, и дружным натиском первая цепь красных была опрокинута на вторую, у них произошло замешательство, и отступление распространилось дальше.

Наступавшие цепи красных можно было хорошо обстреливать во фланг из деревни. Здесь находился только штаб дивизии, который выставил к озеру все свои огневые средства - 7-8 офицеров и ординарцев с винтовками.

К концу боя подошли две дивизии Волжской группы - Самарская к правому флангу и Казанская - к левому. Все три дивизии преследовали отступившего противника и к вечеру 5-го сентября захватили деревни Караванкино и Монастырскую.

За день у нас большие потери, особенно в командном составе. Во втором полку убит последний командир батальона Куликов; в 3-м полку - командир батальона Михеев, и искалечен лошадью другой батальонный.

6-го сентября дивизия перешла в с.Макушино в резерв Командующего армией. 8-го сентября через Чубаково дивизия двинулась в дер.Гусиную.

9-го сентября прибыл Верховный Правитель и произвел смотр. Адмирал Колчак благодарил Ижевцев за новые успехи в последних боях. Дивизия награждена Георгиевским знаменем. В приказе отмечалось, что дивизия (прежде бригада) при наступлениях шла всегда впереди, отличалась стремительностью в авангардных боях; при отступлениях отходила последней, упорно обороняясь на арьергардных позициях, и никогда не имела поражений. Начальник дивизии ген.Молчанов за выдающееся руководство блестящими действиями дивизии награжден орденом Св.Георгия 4-й степени. Много доблестных солдат получили Георгиевские кресты и офицеры - повышение в чинах.

Знамя было заказано заранее, но не было готово к приезду Адмирала Колчака в дивизию.

А.Ефимов
(Продолжение следует)

- - oOo - -

НА ТОЙ СТОРОНЕ.

Посвящается десантникам.

Во вражеский стан не каждый пойдет,
Не каждый рискнет головой.
Не знает он, встретит ли солнца восход
И будет ли завтра живой.

Орлиную душу свою он понес
На крыльях отваги в борьбу.
Ушел он в страну громыхающих гроз
Испытывать жизнь и судьбу.

А если вернется, то скоро опять
На подвиг отправится он.
А женское дело - молиться и ждать,
Склоняясь над шелком знамен.

Скрипят под иглою тугие шелка,
Три буквы и крест на шелках.
Пусть будет винтовка верна и легка
В его молодецких руках.

За карие очи, что смотрят во тьму,
За руки, которые мстят,
Молюсь я. Дай, Боже, удачи ему,
И пусть он вернется назад!

Марианна Колосова.

- - oOo - -

СЕМЬЯ НЕФЕДОВЫХ

В те беззаботные года
Не знали мы житейской прозы.
Как хороши тогда,
Как свежи были розы!

Была семья. Небольшой, но вместительный, у самого Тихого Дона, уютный дом. Всем хватало места. И своим, и чужим. У дома, за площадкой, на которой стояли высокие, широкие качели, рассчитанные и на детей, и на взрослых, - сад, тоже небольшой, но всегда нарядный и привлекательно уютный. В саду большую часть года благоухали розы - розы разных сортов, разных цветов, но больше кустов было крупных чайных роз с особенно сильным запахом, из них даже варенье варили.

По утрам на нежных лепестках роса, как капли изумруда. Днем пчелки жужжали. И был нежен аромат, тонкий запах роз. Вдоль заборов - кусты жасмина, сирени, крыжовника. Дикий виноград завил заборы, которых и не видно.Впечатление такое, что все это небольшое пространство, покрытое розами, с несколькими фруктовыми деревьями яблонь, жердела (абрикосы), вишни - в зеленом обрамлении. В середине - миниатюрный, разной глубины "пруд", шага четыре длины и шага три в ширину. В глубоком отсеке рыбки плавают, а на мелком прилетающие и отлетающие птицы воду пьют и купаются. Сбоку небольшая беседка, около - гамак, а дорожки посыпаны донским песком.

За домом, напротив ворот, у сарая с разной хозяйственностью и даже с моторной пилой и верстаком прилепилась летняя кухня, в которой Екатерина Павловна всегда что-то стряпает и откуда всегда слышен очень заманчивый и аппетитный запах. Там же ей всегда помогают дочери - самая старшая в семье Аня и самая младшая Верочка. А между сестрами - четыре брата. Старший Володя уже в полку, хорунжий, Леся в мореходном училище, Шура - юнкер в Новочеркасске, там же и младший Ваня в Донском Кадетском корпусе.

Яков Сергеевич, есаул одного из славных Донских полков, в чистой отставке после тяжелого ранения в Японскую войну. Через несколько лет, к всеобщему недоумению и удивлению всей семьи, всех родственников, знакомых и близких, он поступил работать в паровозное депо и еще через пару лет, благодаря настойчивости и своему, удивившему всех, горячему желанию, стал машинистом скорых поездов пассажирского движения Владикавказской железной дороги. Оказывается, бывало и такое.

Весь этот гостеприимный, приветливый дом, уютный сад и все благополучие тихой, мирной жизни старой казачьей интеллигентной семьи было создано их собственным трудом, своими руками.

За Доном был небольшой клочек земли, где был семейный огород и куда ездили несколько раз весной, летом и осенью на своей плоскодонной лодке. В результате - свой картофель, огурцы, красненькие (поми-

доры), лук, синенькие (баклажаны), укроп, арбузы, дыни и другая мелочь. Все это заполняло добротный погреб, чулан, боченки, банки. Солилось, мариновалось, сушилось, переваривалось, дарилось и с избытком хватало до следующего "урожая", до следующих плодов рук своих, со своей земли, для своей семьи.

Нефедовы жили далеко не богато, но и далеко не бедно. Так жило большинство семей юга России в те "беззаботные года"..., хотя все и были всегда в заботах, в свободном труде для благополучия крепкой, дружной семьи.

С семьей Нефедовых, кроме дальне-родственных, отношения были очень близкими благодаря частому общению, близкому расстоянию между нашими домами, благодаря общности взглядов, интересов, взаимопомощи и дружбе детей всех возрастов.

В нашем маленьком садике, гораздо меньше, чем у Нефедовых, тоже были розы, была сирень, цвела белая акация, была тихая радость,когда распускался очередной бутон, а прилетевшая и севшая на ветку пиголица, захлебываясь, о чем-то щебетала.

Приветливы были маленькие мирки и тихие, порой умилительные уголки, где уживались радость и печаль. Одинаково дружно встречались все времена года. И буйный расцвет природы, богатая мозаика красок летнего утра - и в маленьком садочке, и в степи широкой, - и в солнечный день, и в сказочно-волшебную лунную ночь. Сугробы снега, звенящие сосульки, скрип полозьев саней бегущих, глухие звуки в снегопад зимнего дня, и торжественная тишина морозной, от снега светлой ночи. Был мир, в глубоком понимании этого огромного значения слова, и в семьях, в людях было благоволение.

Все было смято и вихрем, налетевшим Бог весть откуда и почему, вырвано с корнем. И вот... один из всей семьи судьбою избран был для Первого легендарного похода за Русь Святую. Первопоходник. О нем частично сказ, а с ним и о всей доблестной семье. Быль, случившаяся пятьдесят и пару лет тому назад. Обыкновенная история обыкновенной русской православной семьи тех лет.

Л Е С Я .

И звуки вальса чудные лились...

Когда я его вспоминаю, мне всегда слышится, как бы из далекого далека, чудная мелодия старинного вальса "Невозвратное время". Он очень хорошо исполнял его на гитаре, на которой любил играть и которой владел в совершенстве. Леся неплохо играл и на маленьком рояле, виртуозно на мандолине и уж совсем артистически на большой и какой-то сложной губной гармонике. На всех вечеринках молодежи он был, как говорится, нарасхват, и даже на вечерах взрослых был желанным гостем, услаждавшим любителей музыки своей игрой, к тому же он обладал красивым голосом и сам был очень даже недурен собой.

В Ростовском Мореходном училище, которое он кончил в 1913 году, его окрестили "оркестр" так как его губная гармоника имела сложную систему цимбалов и трещеток, в нужные моменты слышался звон на разные тона и как бы дробь барабанов, что в миниатюре и производило впечатление оркестра.

Из дальнего плавания ко всему своему музыкальному набору привез он из Италии огромный граммофон с большим набором замечательных пла-

стинок из опер, оперетт, романсов и неаполитанских песенок, что было тогда уже совсем шикарно, несмотря на то, что дома давно уже стоял не меньших размеров немецкий граммофон.

Любил Леся музыку, любил петь, любил море, любил свой родной Дон, так как был казак, а больше всего любил свою большую семью, своих стариков, братьев и двух сестер.

НЕПОВТОРИМОЕ.

Люблю я, Дон, твои станицы,
Твои стада, твои брега,
Твоих красавиц смуглых лица,
И скок коней быстрее птицы,
И заповедные луга.

Я.

Это было последнее лето мира на земле, которое мы провели в кругу малой и большой детворы в станице Аксайской и часть времени в станице Ольгинской. Приезжали туда обыкновенно на большой плоскодонной лодке Нефедовых, как правило, всегда сидевшей в воде по самые уключины. Я, старший брат Петя, Верочка и Ваня Нефедовы, двоюродные братья и сестры: Мити, Вити, Мани, Нины с разными подругами и друзьями по гимназии и по соседству. Кроме всех нас - "казаков-разбойников", "чудо-богатырей", "джигитов героического Кавказа" и даже "Северо-Американских индейцев", лодка была полна разными корзинками, узлами, кошелками с разной необходимой сбруей, аммуницией, доспехами и, конечно, "вооружением". На обратном пути все заполнялось станичными гостинцами.

Тогда мое воображенье
Рисует древние века
И буйных рыцарей сраженья,
И круг семьи у камелька...

Самым любимым занятием всей этой "армии" в станицах было купанье лошадей. Обыкновенно ранним утром устремлялись за околицу станицы, куда обыкновенно подходил табун из широкой вольной степи.

Ждали с нетерпением, залазили на высокие вербы, на скирды прошлогодней соломы. Старшие мальчики наводили порядок, устанавливали очередь дозорным, отбирали группы и вели себя "сотниками" и "урядниками".

И что не так быстро удавалось мальчишеской группе, несмотря на крутые меры "сотников", то очень быстро принимало стройный порядок в "девчачьей команде" под началом Верочки Нефедовой. Ее две группы были уже отобраны, "урядницы" к группам назначены; кто за кем смотрит, кто с кем будет рядом, кто кого подсаживает - все учтено, все организовано четырнадцатилетней гимназисткой, смуглолицей, уже распускающейся в красавицу казачкой.

У "мужчин" что-то не то. Здесь всегда соревнование между двумя двоюродными братьями - пятнадцатилетним гимназистом Петей и шестнадцатилетним кадетом Ваней. Петя ростом выше и не уступает своих "головорезов" в подчинение Вани. Ваня ростом чуть ниже, но зато природный казак и требует исполнения своих приказаний всеми, как станичными казачатами, так и приезжими горожанами - например, кому сидеть дозорными на высокой вербе, а кому на скирде.

Пока братья, как старшие, разрешают эту субординацию, Вера с нагайкой в руке, слушая издали и наблюдая этот с обеих сторон довольно настойчивый, но мирный спор, принимает решение - компромисс. Ведь Ваня родной брат, а Петя двоюродный, но этот двоюродный ей дорог не меньше родного, об этом знают все. И... звучит приказ:

- Нинка, на вербу дозорной - марш! Маня, быстро на скирду, как завидите табун, "махай до меня"! - это уже подражание казакам, много раз слышанное в степи.

В мгновение ока две юбченки, при дружной помощи других, вскарабкались на свои "верхотурья".

Увидя это, братья тоже быстро принимают компромиссное решение "единого командования": до Дона Петя "сотником", а с Дона Ваня. А Вера всегда "хорунжая".

Не знали эти мальчики, что первому через несколько лет быть первопоходником, а второму уже через пару лет, добровольцем славной конницы степной, сложить свою голову в лаве казачьей от немецкой пули.

- Вера, табун! - раздается крик, и что-то цветное скатывается со скирды, другое с ветки на ветку прыгает с вербы, раздается гик, визг, свист, и трудно сказать, что было громче - клич восторга в предвкушении скачки или ржанье и топот копыт лошадей, приближающегося из-за рощи табуна и окрики верховых табунщиков, стоящих на стременах своих седел и рысью идущих на нас.

Картина и момент незабываемые. Старший Гаврилыч издали кричит:

- Здорово дневали, атаманы!

Ответ хором:

- Здорово дневали, дядя!

- Заждались, небось - гей, гей, стой! Ух, разогнались! - соскакивает с коня.

Наши старшие, по установившейся традиции "открытия кампании", вручают заранее припасенные и тщательно приготовленные кисеты с табаком, нарезанной бумажкой и спичками.

Не знают дети и того, что через пару лет многие из них применят этот опыт по приготовлению кисетов с табаком уже в сотнях, тысячах для Действующей армии.

Старший Гаврилыч принимает "гостинцы", благодарствует, оделяет всех табунщиков. Загорелые, чубатые табунщики смеются, шутят. Табун небольшой, несколько больше сотни станичных лошадей.

Гаврилыч, скрутив цыгарку и степенно закурив, зовет "наездников" к лошадям садиться. Это уже самый долгожданный и трепетный момент.

Быстро, одного за другим, казаки подбрасывают нас на спины лошадей. Старшие, цепляясь за гривы, "лихо" карабкаются сами.

Повторяю, как помню, воспоминания, много лет спустя, Леси, который проводил свой отпуск в Ольгинской и был даже табунщиком:

"Надо было видеть эти счастливые мордочки, горящие глазенки подростков, уверенно и смело сидящих на помахивающих головами лошадях. Стриженые, чубатые головенки, болтающиеся косички, длинные, с красными лампасами штаны, короткие штанишки, юбченки всех цветов, все босые, ласково оглаживающие шеи конских голов. Никто не трогает ушей, челок, знают, что лошади этого не любят; гладят крупы, слышны ласковые слова, лошади эту ласку чувствуют, ведут себя смирно, а если какая и хватит соседку зубами за бок, с визгом слышен казачий окрик: "Гей, тихо! Ты што - нагая хошь?" - Сразу мир.

Гаврилыч спрашивает:

- А хто седни сотником?

Ваня, как свой, докладывает:

- Седни Петя, дядя!

- Так. Ну, Петра, заходи в голову колонны, веди сотню!

Через несколько минут колонна по четыре двигается через станицу, имея в голове всадников "чудо-богатырей" и бравого "сотника".

Захватывающий момент наступал, когда наш "сотник" или, как другим нравилось, "атаман" за пару сот метров от берега оглядывался на табунщиков, которые все время ехали на своих маштаках по сторонам нашей кавалькады, и, получив сигнал - взмах руки в направлении Дона - подавал звонкую, с нетерпением ожидавшуюся всеми команду:

- За мной, рысью, ма-а-арш! - и, вырвавшись еще более вперед, шел крупной рысью.

Наконец, уже у самого берега, раздавался пронзительный свист, гиканье, визг, и весь "авангард", а за ним и весь табун несся в катящиеся волны старого Дона. Мелькали белые, голубые, зеленые, синие штаны, юбки, рубашки, голые коленки, как клещи, туго обхватившие бока лошадей, мелькали разгоряченные лица, "зоркие" глаза, мотались косички с бантиками, все неслись, поднимая клубы дорожной пыли, и, как были в одежде, так и плюхались в воду под ласковыми лучами горячего солнца летнего, знойного дня.

Но в воде уже было несколько лошадей и казаков, расположившихся полукругом, прибывших сюда ранее нас, и дальше их заплывать и купать лошадей не позволялось. Было предусмотрено и это.

Купали лошадей усердно. Как надо - показывали наши бывалые "сотники" и урядники. Выбегали на берег, раздевались и тут же на камнях, кустах, на камышинах, выжав, развешивали для просушки свое "обмундирование". Потом бежали на рыбачий мостик, чтобы с разбега броситься в воду. И что странно - во всей этой катавасии как бы стиралась грань различия между мальчиками и девочками. Вся подавляющая по количеству мальчишеская часть резвилась уже буквально голышем, кроме перешедших уже в юность. Девичья часть - в рубашках, о купальных костюмах в те времена и в тех местах и понятия не имели. Не было никакого "обращания внимания", никаких грубых шалостей, кроме естественных и нормальных тычков и оплеух, всегда со сдачей; было просто и обыкновенно.

С завистью смотрели, когда какая-нибудь фигура в рубашке особенно ловко и лихо летела с рыбачьего помоста вниз головой, как гвоздь, исчезала в набежавшей волне и выныривала дальше всех.

Особенно такой трюк задевал "мужскую" часть. Жаждущие реванша взбегали на помост и летели, сломя голову, в воду, вздымая целые каскады, но выныривали куда ближе Верочки Нефедовой. Родные и двоюродные братья и сестры "задавались": хоть девченка, а наша!

Тем не менее Петя степено входит на помост. Короткий разбег - и уже летит в воду вниз головой, но эффект не тот, вынырнул дальше всех, но... чуть-чуть ближе, чем Вера. А она стоит на берегу и нос показывает.

Наконец, купанье подходит к концу. Ваня принимает бразды правления и "зычным" голосом подает команду:

- Выводи на берег, кончай купать, одевать штаны!

И опять конфуз - пока ребята чехардили, амазонки не дремали, и

через несколько минут с десяток всадниц со своими лошадьми уже на берегу и двигаются к дороге, где уже большинство и табунщиков. Вера с насмешкой на улыбающихся губах кричит:

- Господин сотник, мы готовы к походу!

Петя вроде не слышит, только покрикивает: "Пентюхи, раззявы, катись у строй!" - тоже с подражанием казакам.

Ваня стоит около табунщиков, седлающих уже обтертых коней, и важно голос подает командирский:

- Ну, гей там, атаманы, молодцы, пошевеливайся... по коням!

- о -

Детство, отрочество... а юность? - Юности не было. Отнята была. По вине взрослых. И отроки, минуя юность, заняли места многих взрослых. К стыду последних, поныне и навсегда.

- о -

ПЕРВЫЕ РАНЫ.

"Война, война!" - несется клич.
Повсюду шумная тревога,
Она идет, как страшный бич,
Как злое наказанье Бога...

Началась война. Леся уехал в Севастополь, куда был обязан явиться по мобилизации. Насколько помню, был штурманом на одном из небольших боевых кораблей Черноморского флота.

Прошла зима. И вот как-то в начале лета 1915 года я и Петя пошли к Нефедовым, чтобы потом идти с Верой на Дон, кататься на лодке. Каково было наше удивление и восторг, когда мы увидели Лесю, сидящего в их садике, уже в форме морского офицера. Ведь почти год мы его не видали.

Но китель был надет лишь только в один рукав, так как другая рука, плечо и шея были забинтованы. С захватывающим вниманием слушали мы, как он был ранен осколком снаряда в морском бою. Лежал в госпитале, а сейчас на поправке. Много интересного рассказывал о действиях флота, о корабле, на котором служил, и, конечно, о "Гебене" и "Бреслау, о которых слыхал, но еще не видел.

Очень переживал, что временно не может ни на чем играть, кроме как ... на граммофоне.

Ушло и это лето, осень, зима, опять пришла весна... Экстренные телеграммы, вечерняя газета с событиями на фронтах от Балтийского моря до Закавказья, письма с пометкой "Действующая армия", письма, как правило, написанные химическим карандашом, некоторые письма после прочтения вносили в семьях шум радости, всем хотелось подержать этот шершавый лист бумаги и серый конверт, осторожно рассматривали вложенные какие-то былинки, полусухие цветочки из прикарпатских долин Царства Польского, с восточных окраин Оттоманского султанства; другие нюхали и утверждали, что бумага и конверт пахнет дымком от костра, опять перечитывали строчки: ..."произведен в сотники, был в бою под N"; другой представлен к ордену, легко ранен, остался в строю, пустяковая царапина...

Другие письма вносили тревогу, особенно, если на конверте был штамп части или госпиталя; такой конверт открывали осторожно, при

затаенном дыхании всех присутствующих... вздох некоторого облегчения: ..."в бою под N ранен, временно писать не может, находится в N-ском госпитале"...

Несколько писем было таких, когда опускалась тишина и говорить было не о чем. В этих домах светилась лампада, траур, служилась панихида, горе... Так было во многих семьях, так было и в семье Нефедовых.

- о -

ПЕРВЫМИ ПАЛИ САМЫЕ МЛАДШИЕ.

Уста несчастных матерей
Сквозь сон твердят молитвы
За их любимых сыновей,
Погибших жертвой грозной битвы.

Весной пришло извещение. Убит самый младший сын Ваня, который ушел на фронт добровольцем с Донским полком, восемнадцатилетний мальчик, только что окончивший Донской кадетский корпус. Старший брат Володя, сотник этого же полка, привез его тело. Были похороны на Нахичеванском кладбище, была печаль. Через несколько месяцев, в июле или августе, неожиданно и вдруг умерла Верочка, самая младшая в семье дочь, любимица семьи и всех, кто знал ее, родных и близких людей. Заразилась тифом на эвакуационном пункте Ростовского вокзала, принимавшем и распределявшем раненых и больных, прибывающих поездами с фронтов. За день до ее похорон в дом пришел казак с вестью, что привез с фронта тяжело раненого хорунжего Нефедова Шуру, который помещен в госпитале.

Трудно описать похороны Веры, ее безвременная смерть потрясла всех, и это почти сразу после окончания Екатерининской гимназии.

Кто мог, навестили Шуру в госпитале. О смерти сестры ему не сказали, а он ее ждал, шепотом с вопрошающими глазами, спрашивал: "Где Веруся, почему не пришла, когда придет?" - и переводил страдающий взор с одного лица на другое стоявших у койки родных.

Утирали слезы, что-то говорили, отворачиваясь...

- о -

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРИИ

И всадник, кровью истекая,
Лежал без чувства на земле;
В устах недвижность гробовая,
И бледность муки на челе...

Глубокой осенью семью постиг новый жестокий удар.

"... в конной атаке пал смертью храбрых сотник Владимир Нефедов".

Убит самый старший сын, красавец Володя, гордость семьи, полка, хороший товарищ, добрый брат, заботливый сын, отличный наездник, не раз бравший первые призы в училище, в полку, в станице, подававший большие надежды на военной службе и неустанно готовившийся в будущем в военную Академию.

Смерть самых младших сына Вани и дочери Верочки, тревога за жизнь тяжело раненого Шуры и где-то в бурном море плавающего Леси,

только недавно оправившегося от первого ранения, и, наконец, жестокая весть о смерти старшего сына, недавно бывшего дома Володи, сломили любящую мать доблестных детей, и в пасмурный осенний день похоронили рядом с ее птенцами добрую Екатерину Павловну. За гробом шли постаревший и горем убитый Яков Сергеевич и старшая дочь, тихая и всегда скромная Аня, по вечерам игравшая на маленьком рояле кантаты Баха. Шли и ближайшие родственники.

Леся не успел на похороны матери. Телеграмма была получена им далеко в море.

Только в январе 1917 года Шура поправился после ранения и уехал в полк. Не стало ровно половины семьи.

- о -

Дни февраля потрясли основы Империи. Закачались и вековые устои Тихого Дона. Быстро, сумбурно промчалось первое в истории России "республиканское лето". Разница с прошлым летом выпячивалась на каждом шагу. Тротуары и дороги города были засыпаны шелухой семячек... бумага, окурки, везде грязь, мусор. Уборкой занимались время от времени... ветер и дождь. На улицах, в садах, в кинематографах, в учреждениях была сплошная обалделая "свобода". Магазины уже не имели ассортимента товаров, привычного для глаз на витринах в прошлом году.

Непривычно длинные очереди стали завоевывать себе право "нормального" явления. Резко повысилась преступность. Дисциплинированной, опытной и в подавляющем большинстве отвечающей условиям службы полиции уже не было.

Первые месяцы "республики" службу революционной милиции несли длинноволосые "вечные студенты", социалистические, стриженые, с папиросами в сухих губах курсистки, какие-то штатские, но когда и их стали бить сорвавшиеся со всех нарезов, свободные ото всего хулиганы, была организована милиция, но это уже была пародия на старую полицию: часть старых городовых, часть из уголовного элемента, ищущих легкой наживы, и из дезертиров фронта.

Результат сказался быстро. Число ограблений увеличилось, случаи убийств перестали быть редкостью, не говоря уже о повальном воровстве. Но вся эта свалившаяся неустроенность была лишь только прелюдией к тому, что было уже так близко и избежать чего еще было возможно.

- о -

ОТ ПРЕДАТЕЛЬСКОГО ФЕВРАЛЯ К ТРАГИЧЕСКОМУ ОКТЯБРЮ.

"Эх, яблочко, да куда котишься"...

В трагические дни и ночи после 25 октября ст/ст. 17-го года, когда окончательно рухнула Империя, погребя под своими обломками все свои веками накопленные богатства и духовно-моральные ценности, когда окончательно перестали существовать Русская Императорская Армия и Флот, тысячи офицеров, тысячи воспитанников военно-учебных заведений, священнослужители православных храмов, чины управлений, стоявших на страже соблюдения права и законности, на страже интересов государства и населяющих его народов, вдруг оказались вне всякого закона и, более того, совершенно беззащитными перед никому непонятным и неизвестным "интернационалом", жаждущим их физического уничтожения и уже начавшим это уничтожение руками преступного элемента, садистов

и руками человекоподобных, в большинстве не русского происхождения.
Святая Русь - пала, жестоко и смертельно раненая.

"Поддалась лихому наговору,
Отдалась разбойнику и вору..."

В эти же дни раздался клич Белых вождей - "За Русь Святую!"

- о -

В этом была необходимость жеста
И безумию кровавому отпор:
Если нет насилию протеста,
Торжествуют трусость и позор.
А.Г.

В первых числах ноября, темным вечером, в солдатской шинели без погон, в грязной папахе, надвинутой на самые уши, пришел Леся. Ночевал у нас. Его рассказы, чему он был свидетелем в Севастополе и потом до самого Ростова, привели всех в содрогание. Все, что он видел и слышал, было просто невероятным, немыслимым, верилось с трудом. Тогда еще не знали, что все это было "лишь цветочки"...

На другой день один из самых младших членов семьи пошел с разведкой к нему домой. Яков Сергеевич, еще более состарившийся за это время, и тихая Аня были дома. Рассказал им все о Лесе, взял для него кое-что из одежды, белья, получил от Якова Сергеевича строгое указание Лесе домой ни под каким видом не являться, а пробраться в Новочеркасск - к кому, он знает - и сказать ему, что вчера явился мостовщик Генька-безносый, Леся его знает, он живет напротив бассейна. Генька сейчас красногвардеец, пришел пьяный, нахальный, спрашивал: "Что, старик, Алешку и Шурку своих ахвицериков ждешь? Мы тоже их ждем, мотри, не вздумай их укрывать, как объявятся, нехай до мине немедля явяца, я им усе припомню. Жалко, немцы Володьку и Ваньку твоих ухлопали, а то у мине и до них разговор припасен. Помнишь, как Володька с казаками нас нагайками крестили, кады мы Парамонова ссыпки громили и тарный склад зажгли, не один и доси косой ходить, а Ванька твой шкет кадетский тогда, поди, заливался смехом на мосту с Веркой, весело им было на брательника глядеть, я б ему показал ето весело"... Яков Сергеевич встал, сжав кулаки. Аня подошла к отцу, обняла его за плечи, боясь за него. А мостовщик поднял полы своего " "спинжака" и, хлопая по засунутому за расстегнутые штаны нагану, закричал пьяным, хриплым голосом: "А ты, чахотка, отца не держи, нехай он на мине кидаеца, я ему пару выпустю..." - и оскалил свой рот, показывая кривые, желтые, никогда не чищеные зубы. Уходя, уже в коридоре выстрелил в кошку и промахнулся.

Все это было Лесе рассказано.

Через пару дней, обменявшись с отцом и сестрой еще раз письмами, он пробрался в Новочеркасск.

- о -

Кто в России не пошел за вами,
Отказавшись вовсе от борьбы,
Там живут бесправными рабами
Иль украсили деревья и столбы.
А.Г.

Потом узнали, что Шура с остатками полка, но в полном порядке пришел в Новочеркасск. Никакие старания офицеров и старых казаков удержать полк в распоряжении атамана не удались. Под видом кратких отпусков домой полк растаял. Шура пошел в свое военное училище, которое недавно кончил, и явился к своему начальнику генералу Попову, у которого и остался, с которым и участвовал в Степном походе. Через много лет узнали, что Шура после окончания Белой борьбы и эвакуации Крыма служил в Иностранном легионе в Африке.

Через месяц, в рядах первых добровольческих отрядов, братья с казаками батареи в туманное утро начинающегося зимнего дня стояли у порога родного дома.

Геньку-мостовщика уже не застали, за несколько дней до взятия добровольцами Ростова матросы с "Колхиды" утопили его в проруби за то, что он украл у них бутылку спирта и матросский бушлат.

- о -

9-го февраля днем пришел Леся в своей морской форме, но в сапогах, в серой шинели, в серой папахе. Вид его был далеко не привычный. Его часть остановилась на берегу Дона, забежал повидаться на несколько минут и, попрощавшись, ушел, спеша повидать отца и сестру, так как имел отпуск на два часа, а там дальше, а куда - и сам толком не знал.

- о -

В апреле братья встретились в Новочеркасском военном госпитале. Один после Ледяного похода, а другой после Степного. В конце 1918-го года в когда-то шумном приветливом доме, что у Дона, остались двое: старик Яков Сергеевич и поседевшая самая старшая из детей Аня. Шура был в полку корпуса генерала Мамонтова, Леся - на Черном море.

- о -

Читая рассказы кадета Н.Басова, я вспомнил короткий рассказ Леси.Из всей морской его формы на нем остался лишь только под серой шинелью китель. Об этом многие добровольцы знали, что давало повод к веселым шуткам.

И вот, на берегу речки Черной, у станицы Ново-Дмитриевской, в лютую стужу, у края этого далеко не пленительного потока, какой-то совсем юный доброволец, глядя на Лесю, сказал: "Эх, хорошо морякам, им вода нипочем, это их стихия, им в воде веселей, чем на суше; а каково мне, бедному пехотному кадету, лезть в холодную воду?.. Пойду лучше поищу броду..."

Леся в тон ему ответил:

- Вы правы, господин кадет, нам нипочем,и вот я лезу в воду, в которую попадете и вы, не найдя броду...

Не был ли это кадет Н.Басов?

- о -

ВМЕСТЕ... В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ.

Все, как прежде. Все та же гитара
Шаг за шагом ведет за собой -
В такт аккордам мелодии старой
Чуть колышется бант голубой...

В конце лета 1919 года Леся и Шура вновь встретились в родительском доме. Леся из командировки с Каспийского моря, Шура на несколько дней в Ростовскую поликлинику со своими старыми ранами. Собралась половина семьи. Братья приехали в один и тот же день. Яков Сергеевич суетился, поочереди обнимал сыновей, вытирал глаза, то бросался приготовлять сыновьям комнаты, то кидался на кухню, то хватал их одежду, собираясь почистить, пока братья, обняв его, насильно увели в гостиную и усадили на тахту и положили перед ним два свертка - один от Леси с книгами, другой от Шуры: две сотни лучших асмоловских папирос. Старик любил читать, любил покурить, братья это знали. Привезли подарки и сестре. Рассказывали, расспрашивали, так, как это бывает в семьях при встречах, когда нет никого посторонних.

Пока братья умывались с дороги, Яков Сергеевич, закурив папиросу в толстом мундштуке, бережно перелистывал книги, переговариваясь то с сыновьями, то с Аней, которая приготовляла на кухне братьям завтрак.

Выйдя из умывальника, Леся подошел к стулу, на котором висел его китель. Над стулом на стене висела его гитара. Осторожно, с тихой улыбкой снял ее со стены, откинул побледневший, когда-то голубой бант, стал настраивать. И с первых же звуков настраиваемых струн в доме наступила тишина.

Забыв все, взял, как некогда, несколько аккордов, и полились правильные звуки, столь привычные в этой семье, старой мелодии вальса "Невозвратное время".

Поставив ногу на стул, наклонившись к грифу, мягко перебирая струны, отдавая всю душу этой как будто незатейливой мелодии, он играл, как тогда, когда его игра радовала всех, когда вся семья была вместе, когда был мир в душах, мир в семье, мир в стране. Играя, он не видел гитары, он пальцами ощущал податливые струны инструмента, где-то находящегося в тумане.

Оборвался и замер последний аккорд. С влажными глазами Леся поднял голову. В дверях с опущенной головой , с полотенцем в руках стоял Шура. Прислонившись к косяку двери кухни, тихо плакала Аня, а в гостиной, на коленях у тахты, с головой на мутаке, судорожно вздрагивая худыми плечами, рыдал старый есаул и паровозный машинист - их отец. Братья опустились около отца, обняв его, Леся только и мог сказать: "Прости, отец..." Около них стояла Аня, прижимая беленький платочек к своему всегда грустному лицу.

На оставшихся в своем неутешном горе с полки резной этажерки, с фотографий под стеклом, в рамках, обрамленных черным крепом, смотрели четыре родных лица. С кроткой улыбкой смотрела добрыми глазами Екатерина Павловна. С серьезным лицом - Володя с погонами сотника, с георгиевским крестом на груди. По обе стороны этих двух фотографий - с юношеским задором, чуть улыбаясь, смотрит кадет Ваня, с другой - в гимназической форме, чуть опустив глаза, любимица всей семьи и самая младшая в семье - Верочка.

Четверо безвременно и жестоко вырванных из семьи смотрели на оставшихся четверых, которых в недалеком будущем ожидала не менее трагическая судьба.

- о -

Прошли годы. На резной этажерке прибавилось еще две фотографии, также обрамленные черным крепом. В середине, рядом с Екатериной Павловной, грустно на опустевшее гнездо смотрит застывшим взором Яков Сергеевич. Сбоку, в форме мореходного училища, совсем юный Леся. Фотографию в форме морского офицера с терновым венцом на груди Аня с другими карточками, с георгиевским крестом Володи и орденами отца как-то ночью закопала среди кустов роз, в коробке из под какао Жорж Борман.

Изредка, в небольшой церкви, накрывшись черным платочком, вся поседевшая стоит Аня и слышит, как старенький священник проникновенно молится, держа ее записку в дрожащих руках... "...и еще молимся о новопреставленных, приснопамятных Якове, Екатерине, Вере, воинах Владимире, Алексее, Иване... и сотвори им вечную память..."

Как в тумане, Аня видит Голгофу и Распятие на ней, как где-то далеко, то близко мерцающие огоньки свечей, не чувствует, как по щекам скатываются слезы на сухие руки, держащие свечку, с которой, сталкиваясь с ее слезами, капают капельки воска... и что-то шепчет, что-то хочет кому-то сказать...

О Шуре подавала "о здравии", ждала, надеялась...

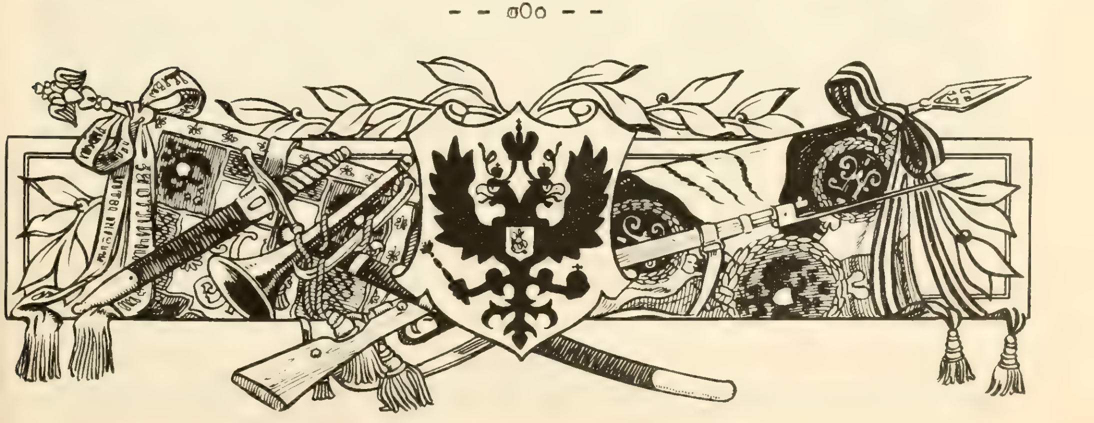
- о -

И уж некому отдохнуть от горя и труда,
И не вернутся ни радости, ни грезы -
В маленьком саду отцвели, завяли
И погибли нежные розы...

Тихий океан
1967

Б.Турчанинов

- - оОо - -

50-ЛЕТИЕ
СО ВРЕМЕНИ РУССКОЙ ПОБЕДЫ НА Ю/З ФРОНТЕ 1-Й МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Пережитое 1916 года)

ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ

(Продолжение, см. №№ 65-66 и 67-68)

На западной окраине Романова оказалась православная церковь и большой дом, видимо школа. В нем я увидел русских врачей и сестер и узнал, что это Главный Перевязочный Пункт 4-й Стрелковой Дивизии. Я устроился в этом перевязочном пункте - мне предложили место в небольшой комнате при входе... Там уже стояло 5 носилок, лежащие на которых были покрыты с головами офицерскими шинелями. Мне объяснили,что это офицеры под анестезией после операций. Но, повидимому, это были тела убитых.

Внутри дома, в 3-4 больших комнатах, шла работа. Мелькали сестры в окровавленных платьях и слышались крики раненых. К дому по шоссе несли раненых или они шли сами. Впереди, верстах в четырех, шел бой, скоро затихший.

Я послал с мотоциклистом вперед, ген.Деникину, уведомление о моем нахождении в Романове и предлагал прибыть к нему. Получил ответ: в последнем отказ - генерал не любил, чтобы ему "мешали" во время боя.

Послал мотоциклиста разыскивать и Штаб 2-й Стрелковой Дивизии, с таким же уведомлением. Я знал, что ко мне скоро подведут телефон из Штаба Корпуса: обогнал рабочих уже недалеко от Романова.

Осмотрел православную церковь - иконостас выломан, на Престоле остатки еды, а вся церковь обращена в конюшню. На площадке перед церковью устроен небольшой земляночный лагерь с парадной "первой линейкой". Перед ней на возвышении крест (запрестольный крест из церкви) и икона Иоанна Крестителя. (Очевидно, лагерь был католический). Заглянул в землянки. В лучших - нары из досок, наколотых из икон иконостаса церкви...

Вскоре приехал в мое распоряжение из Штаба Корпуса подпоручик, личный Адъютант Командира Корпуса, окончивший университет, но на вид мальчик. С ним пришлось провести тяжкий вечер и ночь. Раненых прибывало. Медицинский персонал сбивался с ног. Пошел дождь. Самое скудное освещение. Крики оперируемых. Везде следы крови. Сидим у маленькой керосиновой лампочки перед открытым окошком. Вбегает сестра, вся в крови, даже лицо. Садится на подоконник, нервно закуривает от лампы папиросу и начинает полукриком нести какой-то легкомысленный вздор - впечатление, что она пьяна или сумасшедшая. Минут через пять она вдруг вскакивает и со словами: "Что я делаю! Простите, не выдержала. А там я необходима!" - убегает в операционную...

Не выдержал и мой юный подпоручик: началась рвота. Остальную ночь он просидел снаружи, под окном, на дожде.

4.
Штурм Луцка.

С рассветом слышен грохот: Деникин штурмует Луцкие укрепления. Скоро огонь смолк. Через час, от новой волны раненых, узнаем, что

штурм отбит и что готовится его повторение. С 9 до 10 часов снова грохот, и снова все смолкает. Прошу по телефону разрешения Начальника Штаба Корпуса съездить вперед, в 4-ую Стрелковую Дивизию. Ген. Бутчик разрешает. Около 11 час. я въехал на автомобиле по Луцкому шоссе в лес на подъеме к небольшому перевалу. На краю лесной просеки ряд артиллерийских зарядных ящиков, два офицера и около них - телефонный аппарат. Останавливаю машину. Подхожу. Выясняется, что это - готовной взвод артиллерийского парка (снабжение стоящих где-то поблизости на позиции легких батарей). По телефону можно говорить с ген.Деникиным на его наблюдательном пункте (не дальше, говорят, полуверсты, на опушке леса, на чердаке крошечного сенного сарайчика).

Говорю с генералом. Он радуется полученной наконец прямой связи со Штабом Корпуса (это ирония). Прошу разрешения к нему пройти. Наотрез отказывается. Причины: 1) "Вы ползать не умеете и выдадите австрийцам мое место нахождения". 2) "Офицер генерального штаба не смеет рисковать своей жизнью только из молодечества. Но вот лучше помогите мне через Командира Корпуса. Мне нужна тяжелая батарея. Она есть во 2-й Стрелковой, но без приказа Белозор мне ее не уступит". Объясняю, что имею полномочие распоряжаться именем Комкора.

- Вот это отлично! Пожалуйста прикажите 2-й Стрелковой, проезжайте туда сами. Так будет скорее. Мой штурм отбит уже во второй раз. К вечеру повторю в 3-й раз после артиллерийской подготовки. Я лежу под крышей сарайчика всего в 300 шагах от их укрепления.

- А как проехать лучше к ген.Белозору?

- Проехать просто: вперед по шоссе и за перевалом сейчас же по шоссе на север, но это открыто, и противник ведет огонь даже по отдельным людям. Объезжайте как-нибудь кругом. Не рискуйте: ведь в случае чего - я не получу батареи!

Я посоветовался со своим шофером. Объезжать кругом не советует: "Там болота, погубим машину! Едемте прямо, ваше высокоблагородие, - никто, как Бог!"

Поехали прямо и проскочили. Только трудно было на предельной скорости машины объезжать лежавшие на шоссе шрапнельные стаканы...

Маленький штришок: пока я разговаривал по телефону с ген.Деникиным, мимо шли и шли раненые, некоторым помогали идти (или несли их) пленные австрийцы. Один обнял австрийца за шею и прыгает на одной ноге, подогнув раненую. Одна рука тоже ранена - раздроблена кисть и кровь обильно течет на землю (значит, еще не перевязан), а настроение - повышенное. Проходя мимо моего автомобиля и увидев стоящие за ним мотоциклетки - новые, белого металла, на которых сияло солнце, он протянул к ним свою окровавленную руку и в восторге закричал своему "санитару":

- А что, брат, есть у вас такие штуки? Нет у вас таких штук! Где вам победить!!

- о -

Тяжелую батарею для ген.Деникина я добыл, и в 6 час.вечера он повторил штурм. Излагаю по рассказу Старшего Адъютанта его штаба, ген.штаба (тогда) капитана Коняева.

Тяжелая батарея долбила австрийские укрепления часа четыре. Стрелковые цепи подползали со стороны леса. В 6 часов 2-й дивизион 4-й Стрелковой Артиллерийской Бригады - три батареи (36 шестерочных

запряжек) под командой подполковника Боуфала *), карьером вынесся вперед по тому шоссе, по которому я проскочил в полдень, свернул в сторону Луцка и, снявшись с передков прямо в колонне, открыл беглый огонь налево, во фланг атакуемых укреплений. Стрелки пошли в атаку, а австрийцы бросились бежать, оставив укрепления, построенные даже с применением бетона.

И равнина, понижающаяся к Луцку, глубиною в 3-4 километра, покрылась толпами бегущих к городу австрийцев, а за ними - такими же толпами рот Железных Стрелков. По шоссе, разметывая поставленные там рогатки и обгоняя тех и других, несся взвод русских броневиков, а за ним, в легковой машине, - сам ген.Деникин.

Они первыми въехали в Луцк и, среди толп бегущего неприятеля, выехали на городскую площадь, где генерал, стоя в автомобиле, приветствовал не заставивших себя ждать Железных стрелков криком:

- Спасибо, стрелки! Скорее к мосту! Захватывайте мост!

А мост через нигде в брод не проходимую Стырь был большим, деревянным, двух-этажным сооружением. Бегущие успели его поджечь, но стрелки и пожар потушили, и мост захватили, и к темноте заняли западный берег реки.

Через четверть часа после появления на площади ген.Деникина на нее же с другой стороны выбежали головные роты полка соседнего 8-го Армейского Корпуса.

Конечно, в городе еще всю ночь шли мелкие бои с не успевшим уйти за Стырь неприятелем.

Этим Луцкий прорыв можно считать законченным.

Наши трофеи в этой 4-дневной операции (во всей 8-й Армии) составили:

Пленных офицеров - около 1000, солдат - около 44.000, орудий 66.

Погребено убитых австрийцев (только в 40-м Арм.Корпусе) - около 7000.

За подвиги, оказанные в Луцком прорыве 40-м Армейским Корпусом, последовало, конечно, много наград. Командир Корпуса, ген.-от-инф. Кашталинский, был награжден орденом Св.Георгия 3-й степени. Наиболее отличившийся ген.Деникин получил очень редкую в нашей Армии генеральскую награду - ГЕОРГИЕВСКОЕ ОРУЖИЕ, БРИЛЛИАНТАМИ УКРАШЕННОЕ с надписью: "ЗА ДВУКРАТНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛУЦКА" (ген.Деникин дважды освобождал Луцк - первый раз в августе 1915 г.). Награда эта свидетельствовала как о 3-дневном непрерывном и блестящем проявлении личного генеральского почина, так и об исключительном, в особенности для генерала, личном мужестве и порыве.

Такой характер носили и все действия 40-го Армейского Корпуса в дни Луцкого прорыва **).

5.

Развитие Луцкого прорыва.

Итак, 25-го мая (4-й день операции, 3-й день движения пехотных частей) 4-ая Стрелковая Дивизия 40-го Армейского Корпуса, совместно с правофланговыми частями 8-го Армейского Корпуса, овладевала и -

---

*) Сын подпоручика В.В.Боуфала, проставившего Железных Стрелков в Шипкинских боях 1877 г.

**) Этими словами был закончен мой доклад 16 дек.1966 г. в Инженерном Кружке.

овладела 3-й полосой австро-венгерских укреплений, непосредственно восточнее Луцка, и самим этим историческим городом, где располагался Штаб 4-й Австро-Венгерской Армии Эрцгерцога Иосифа Фердинанда и свежая дивизия войск неприятеля.

В ночь на 26 мая Железные Стрелки были уже на западном берегу Стыри. Река эта ниже (севернее) Луцка уклоняется к северо-западу до Рожища, где меняет свое направление на Северо-восточное. Поэтому правый фланг 40-го корпуса (2-ая Стрелковая Дивизия) только к вечеру 25-го на всем своем фронте вышел на Стырь. Никаких переправ здесь не было, начали собирать лодки и сколачивать плоты. 26-го мая шла переправа, без значительного противодействия противника. Только в это время нагнали стрелков 2-й Дивизии передовые разъезды высланной из резерва 8-й Армии Кавалерийской Дивизии, и были, к сожалению, отмечены не совсем красивые эпизоды: разъезды, искавшие бродов на Стыри, были встречены бранью стрелков: "Где вы, такие-сякие, до сих пор были?" (Разъезды, конечно, не были виноваты).

Правее 2-й Стрелковой также успешно преследовало врага и левое крыло "ополченцев" 39-го Армейского Корпуса *).

Здесь, на стыке корпусов, в полосе железной и шоссейной дорог Луцк-Ковель, появились уже Германцы. Это были батальоны (полковые резервы) разных германских полков, спешно снятые с фронта у Лунинца и Барановичей и переброшенные по жел.дорогам через Брест и Ковель. Часть этих батальонов подвозилась до самых боевых линий коегде оказываемого австрийцами сопротивления. Серьезной помощи австрийцам эти германские части не принесли - наступление стрелков и ополченцев нигде не было остановлено.

Ни дневок, ни отдыха части 40-го корпуса за первые 8 дней операции (23-29 мая) не имели и не просили. Подъем духа и командования, и войск ударных корпусов был поразительный. Опишу один разговор в нашем Штабе.

Ранним утром 27-го мая на подступах ополченцев к Рожищу перед ними выросли более значительные, чем до сих пор, германские части, и их наступление задержалось. Командир 39-го Корпуса ген.Стельницкий (старик, георгиевский кавалер Русско-Турецкой войны 1877-78 г.г.) просил помощи частей нашего Корпуса, оказавшихся уступом впереди. (Штаб 40-го Корпуса ночевал уже в Луцке, и между штабами корпусов была уже нормальная телефонная связь).

Около 6 час.утра я, только что заснувший после шести совершенно бессонных ночей, был позван к телефону. У аппарата был уже ген. Бутчик, успевший переговорить с ген.Стельницким и теперь говоривший с Начальником 2-й Стр.Дивизии ген.Белозором. Бросив мне: "Следите по карте", - он продолжал отдавать приказание Белозору: "...направьте немедленно части вашего правофлангового полка во фланг и тыл германцев, задерживающих ополченцев. Займите немедленно, как можно скорее, дер.А". Я нашел эту деревню на карте и увидел, что ставимое ген.Бутчиком задание весьма значительно. В это время ген.Белозор что-то докладывал. Ген.Бутчик продолжал: "Сейчас же овладейте деревнями М. и Н." Видя эти деревни на карте, я уже совсем изумился - приказа-

---

*) 39-й Армейский Корпус состоял из только что переформированных в две дивизии, главным образом, ополченских частей.

ние казалось мне трудно выполнимым... Тем временем ген.Белозор опять что-то докладывал... А ген.Бутчик закончил: "... и, не задерживаясь, атакуйте их с тыла, через дер.К!". Этот намеченный марш через четыре деревни показался мне совершенно непосильным для "части правофлангового полка". Думая, что ген.Бутчик "увлекся", я позволил себе наклониться к его уху и прошептать: "Ваше пр-во, да ведь это же совсем невыполнимо!" Генерал, слушая опять какой-то ответ Белозора, отстранил меня рукой, как мне показалось, с презрительной улыбкой. Я обиделся. И когда вслед за этим разговор генералов закончился, я доложил своему Начальнику Штаба: "Ваше Пр-во! Мне кажется, что моя служба всех этих дней не дает вам основания так презрительно отнестись к моему мнению"...

А он рассмеялся (что было для него, да еще в служебном разговоре, совсем необычно) и весело мне сказал: "Полноте, Борис Николаевич! Да знаете ли вы, что Белозор мне отвечал? Все эти деревни уже давно заняты его Стрелками, и Германцы начали спешный отход. Да и не он приказывал, а два его полка по своей инициативе повернули на север и северо-восток и уже два часа ведут это наступление!"

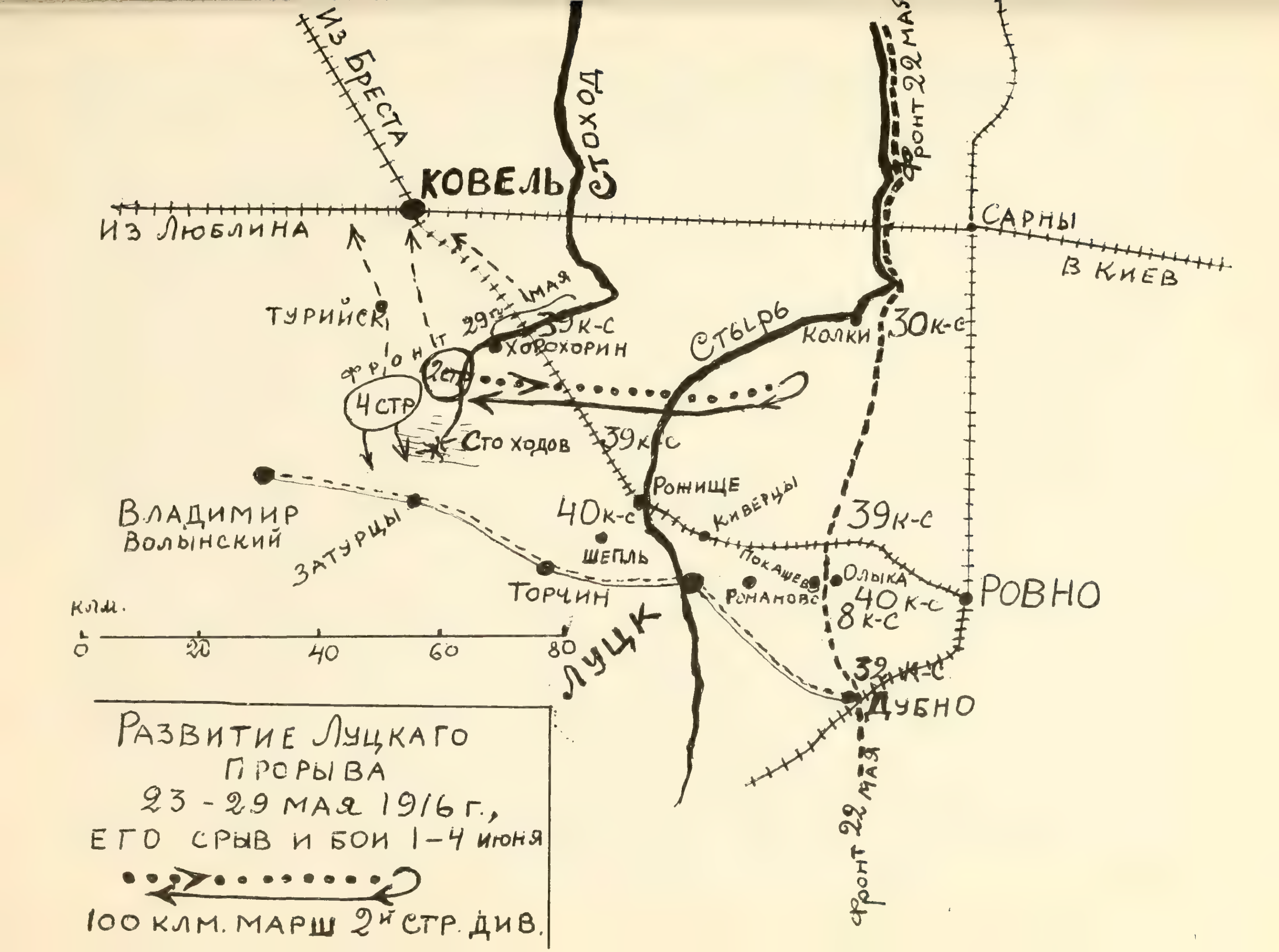
Вот тот дух частного почина, которым мы все жили в те незабываемые дни!

Если, может быть, в других корпусах и делали все только по приказу самого "Далай-Ламы" (как некоторые звали ген.Брусилова), то на нас это не распространялось.

Этот бой 27 мая позволил 39-му Армейскому корпусу занять Рожище и мостовую переправу там через Стырь. Части же 2-й Стр.Дивизии оказались за Стырью уже уступом впереди 39-го Арм.Корпуса. Железные Стрелки (как мне представляется) заняли уже Торчин, в 25 клм. западнее Луцка и менее, чем в 50 клм. от Владимира Волынского.

Ночь на 28 мая Штаб 40-го корпуса проводил еще в Луцке. Обстановка, казалось, не вызывала никаких опасений, и я попытался в час ночи (после 7 бессонных ночей) лечь спать по настоящему. "Дежурным офицером Генерального Штаба" оставался мой подпоручик (Магистрант Римской Археологии). Однако, едва я успел раздеться, как меня потребовал к аппарату (в садовой беседке) сам Командующий 8-й Армией, генерал Каледин... Как был, в одной рубашке, накинув дождевой плащ, я поспешил к аппарату... и вышел из беседки только в 11 часов утра! Два очень длинных разговора по аппарату с самим Калединым и целый ряд спешных распоряжений и переговоров, но не по вопросам 40-го корпуса! Оказалось, что на левом фланге 8-й Армии (юго-восточнее Дубна) произошла неустойка: противник неожиданно перешел там в наступление, а двинутая в поддержку из Армейского резерва пресловутая 126-я пех. дивизия сдала и бежала. Прямое сообщение Штаба Армии с районом Дубна оказалось нарушенным, и Командующему пришлось наводить справки и отдавать распоряжения через штаб нашего корпуса, так как Луцк и Дубно соединены хорошим шоссе (45 клм.). Шоссе было, но не было проволочной связи, и мне в 4 часа утра пришлось отправить туда на автомобиле моего подпоручика для передачи каким-то спешно там передвигавшимся частям распоряжений "именем Командующего Армией"... А самому - остаться дежурным в нашем Штабе... 8-ая ночь!

Ген.Каледин не скрыл от меня серьезности положения: удар с юга на Ровно в отрез нашей группы ударных корпусов. Впрочем, он скрыл (или еще сам не знал), что на севере 30-й Арм.Корпус ген.Зайончков-

Из Бреста
Стоход
Фронт 22 мая
КОВЕЛЬ
Из Люблина
Сарны
В Киев
1 мая
Турийск
29 мая
39 к-с
Хорохорин
фронт
Стырь
Колки
30 к-с
2 стр
4 стр
Стоходов
39 к-с
Рожище
Киверцы
Владимир Волынский
Затурцы
40 к-с
39 к-с
Шепль
Покашев
Олыка
Торчин
Романовс
40 к-с
8 к-с
Ровно
клм.
0
20
40
60
80
Луцк
39 к-с
Дубно
Фронт 22 мая
Развитие Луцкаго Прорыва
23 - 29 мая 1916 г.,
его срыв и бои 1-4 июня
100 клм. марш 2й стр. див.

ского, после небольшого успеха у Колков (тоже на Стыри), подвергся удару со стороны группы Германских войск, повидимому, также грозящих ударом на Ровно, но с севера.

(Это был первый комбинированный контр-удар Австро-Германцев, чтобы остановить успех Луцкого прорыва).

Но я должен засвидетельствовать, что при этих повторных, столь тревожных переговорах, несомненно сильно волновавшийся ген.Каледин ни единым словом не намекнул о приостановке наступления 40-го Армейского Корпуса. А между тем теперь некоторые серьезные источники *) утверждают, что еще утром 26-го мая ген.Каледин получил приказание ген.Брусилова о непереходе Стыри ударной группой, а 27-го и 28-го ему дважды указывалось общее наступление, в первом случае на Львов, а во втором случае - на Раву Русскую (то есть в Галицию). Все эти задерживавшие нас (40-й и 39-й Корпуса) распоряжения нашим Корпусам переданы не были, и мы вплоть до вечера 29-го мая неудержимо двигались вперед - "на Ковель"**). То есть 8-ая Армия ген.Каледина твердо исполняла основной для себя приказ - стратегический удар на Ковель - Брест. При этом ее ударная группа не только не получала усиления за счет более южных Армий Ю/З фронта (напомним, что мы считали возможным подход к этому моменту шести дивизий), но у 8-й Армии оказался отобранным для Львовского направления левый из ее корпусов (32-й) и в силу обстановки (контр-удара Австрийцев у Дубна) ген.Каледину, повидимому, пришлось придержать и наступление 8-го Армейского Корпуса. По крайней мере, у меня нет сейчас воспоминаний, чтобы его части после Луцка находились влево от нас. В этом направлении - на юг и юго-запад от Железной Дивизии, по моим представлениям, в дни 28-го и 29 мая была пустота.

Наши же дивизии продолжали наступление и достигли: на Владимиро-Волынском направлении Затурц (в 25 клм. как от Торчина, так и от Владимира-Волынского), а разведка Железных Стрелков доходила до самой окраины этого города; 2-я Стрелковая Дивизия перешла Стоход в его истоках (Сто ходов), а дивизии 39-го Армейского Корпуса тоже достигли Стохода. До Ковеля оставалось 40-45 клм. Штаб 40-го Корпуса перешел в Цепель (в 20 клм. на сев.запад от Луцка).

В этот вечер (вероятно, 29-го мая) Штаб 40-го корпуса узнал***), что в Ковеле появились Германские войска с Французского фронта. Конечно, об этом было немедленно донесено ген.Каледину. Но мы не запрашивали его: "Что нам поэтому делать?" - и не ожидали его распоряжений. Сведение было грозным, и мы не могли ждать, пока в Ковеле соберется большой германский кулак.

Мы знали, что двухколейные жел.дорожные магистрали Люблин-Ковель и Варшава-Брест-Ковель перешиты противником ОДНОЙ КОЛЕЕЙ на узкую западно-европейскую колею (для движения западного подвижного состава), вторая же колея оставлена для движения русского подвижного состава. При таком положении большие войсковые перевозки в Ковель могли быть быстро выполнены Германцами лишь при движении эшелонов

---

*) Напр., статья Н.Р. в № 482 "Часового" и др.

**) Возможно, что это был вечер 28 мая.

***) Не помню источника этого исключительно важного сведения: показания ли пленных или перебежчиков из состава русского населения Ковеля.

только в одном направлении (по кольцу: по одной из этих линий подаются в Ковель войсковые эшелоны, по другой - возвращается в Германию порожняк). Следовательно, "кольцо" должно быть немедленно перерезано и нормальная перевозка прервана. Штабы 40-го и 39-го Корпусов в несколько минут сговорились между собой по телефону: всем 4-м дивизиям с рассветом двигаться к Ковелю, причем 4-й Стрелковой Дивизии, двигаясь через Турийск, в тот же день перерезать жел.дорогу Люблин-Ковель западнее Ковеля (переход около 45 клм.) и тем прекратить нормальный ход Германских перевозок из Франции.

Как нам (штабам корпусов) представлялось, эта задача была столь важна и для основной задачи 8-й Армии, и для будущих действий ген. Эверта (о которых тем, кому следовало это знать, было известно),что никакой риск собственного поражения не должен был удержать нас от этого - рискованного, конечно, - решения. И оба Штаба Корпусов согласно донесли, что с рассветом выступают к Ковелю...

И вдруг из Штаба Армии ГРЯНУЛ ГРОМ: "Ни шагу вперед!.. Наоборот - 40-му Корпусу обеими дивизиями немедленно отойти назад на переход и срочно укреплять там позиции!"

Трудно передать изумление и возмущение в обоих Корпусных штабах. Я лично потерял самообладание и послал в оперативное отделение штаба 8-й Армии, подполковнику Кусенскому, телеграмму, начинающуюся словами: "Что это? Измена?!" Немедленно получен ответ на имя ген.Бутчика: мне ген.Каледин объявляет выговор и грозит преданием суду... Приказ об отходе подтверждается (Повидимому, кроме того неофициально сообщается, что задача 8-й Армии не Ковель и Брест, а Львов и Галиция. Впрочем, это неофициальное указание подтверждения не получило).

Что же все-таки этот "гром" обозначал? В ту ночь мы поняли это так, что накапливание германского кулака в Ковеле заставило ген.Каледина или ген.Брусилова, грубо выражаясь, "спраздновать труса" (Не даром офицеры штаба Армии называли Брусилова - "Трусиловым"). Но утро (30-го?) принесло нам еще новый удар: наша 2-ая Стрелковая Дивизия передавалась в 30-й Армейский Корпус ген.Зайончковского и ей приказывалось с максимальным ускорением следовать к Колкам (около 80 клм. на восток), повидимому, спасать там положение (германский прорыв)...

Конечно, наш "ударный фронт" был осужден на полное бездействие. Но положение его стало более, чем опасным: к западу от истоков Стохода одиноко располагалась Железная Дивизия - ни с запада, ни с юга, ни с востока от нее русских сил не было, лишь в 25 клм., на Стоходе, находился левый фланг "ополченцев"... А перед ней, в Ковеле, сосредоточивалось два Германских корпуса с французского фронта (как мы скоро узнали, - из-под Вердена, не укомплектованные до штатной численности). И дух нашего Командования был сразу подорван.

30-е и 31-е мая прошли в неподвижности.

1-го июня огромные колонны Германцев атаковали Железных Стрелков со стороны Ковеля и, имея тройное превосходство в силах, оттеснили их с большими потерями на юг. Ген.Деникин правым своим флангом прижался к "Стоходам". Попытки Германцев охватить Железных Стрелков через этот лабиринт мелких болотистых речек и ручьев в течение более чем суток отражались только изумительно метким огнем 3-х батарей подполковника Боуфала. А дальше вправо, в бывшей полосе 2-й Стрелковой

Дивизии, была уже полная пустота.

После полудня 2-го июня здесь обнаружились новые огромные колонны Германцев. Полный охват 4-й Стрелковой Дивизии становится неизбежным...

Но... Пока 2-ая Стрелковая, по невероятной жаре тех дней, шагала на восток спасать ген.Зайончковского, ген.Каледин выяснил, что спасать его было не от кого: донесения его об огромных силах неприятеля оказались "слегка преувеличенными", и Каледин повернул Стрелков обратно.

Все же им пришлось за 3 1/2 суток отшагать более 100 клм.! И они пришли во-время! Наблюдаемые нашей разведкой, но никем не сдерживаемые (некем было сдерживать) Германцы успешно заканчивали свой маневр глубокого охвата 4-й Дивизии, когда в сумерках 2-го июня они обнаружили на фланге своих колонн приближение колонн ген.Белозора. Они повернули на него (это был уже второй корпус из Франции!!)

И с рассвета 3-го июня, тоже при тройном превосходстве в силах, начались их атаки, ведшиеся с безумной храбростью. Они продолжались весь день, но противнику не удалось захватить ни одного из малых окопчиков "с колена", которые успели за ночь нарыть себе измученные стрелки - наш огонь был невиданно для противника губителен. К ночи на 4-е июня противник отхлынул, а ночью обнаружилось невиданное нами явление - перебежчики-германцы, и даже унтер-офицеры! Мне лично пришлось их опрашивать: они утверждали, что перебежали под впечатлением ужаса от величины потерь - в ротах их было утром по 250 человек, а к ночи осталось - в роте одного только 20, а другого - 15 человек! Они уверяли, что под Верденом они не переживали ничего похожего!

Жестокие бои продолжались у нас еще несколько дней, с тем же успехом для противника. Но "Луцкий прорыв" все же был остановлен...

Хочу описание этих подвигов закончить эпизодом, случившимся через несколько дней на стыке 40-го и 39-го Армейских Корпусов на Стоходе (у дер.Хорохорин). Здесь Стоход, делая поворот, сжимается в одно неширокое русло и не имеет болотистых берегов. Поэтому здесь имелся и мост через него (простейшей постройки, ибо лежал вне крупных путей). Сейчас же за Хорохориным река снова делает поворот и разливается по топкому и совершенно непроходимому болоту. На холмики, тянувшиеся вдоль этого болота в 1/2 клм. западнее его, 39-й Армейский Корпус выдвинул несколько батальонов своих "ополченцев" (вероятно, через мост у Хорохорина). Кругом - леса, кустарники, болота. Наличие здесь моста, удаленного от ближайших частей 40-го Корпуса на несколько клм., заставило нас думать об обеспечении этого стыка, и мы выдвинули в Хорохорин три сотни Оренбуржцев (Самаро-Уфимского полка), оказавшихся в нашем распоряжении, под командой есаула, фамилии которого я и тогда не знал. "Ополченцы", очевидно, плохо охранялись и были неожиданно атакованы германской пехотой; их охватила паника, и они, на фронте около километра, бросились бежать к болоту, где их ждала гибель или плен. Увлекшиеся Германцы сплошной массой бежали за ними. Между германской пехотой почему-то скакали и артиллерийские орудия. Вдруг из кустарников, скрывавших деревню и мост Хорохорин, раздался невероятный визг и появилась лава оренбуржцев.Она атаковала германцев во фланг и пронеслась по всему фронту германского преследования, изрубив почти всех германцев и захватив все (6?) орудия... Ополченцы, конечно, немедленно восстановили свое положение.

Эту героическую сцену видел лично Командир 39-го корпуса ген. Стельницкий с другого берега Стохода, и он немедленно по телефону передал ген.Бутчику изложенное здесь мною и объявил, что он представит к награждению орденом Св.Георгия всех офицеров трех Самаро-Уфимских сотен, а всех нижних чинов-казаков своею властью награждает Георгиевскими крестами. К сожалению, Самаро-Уфимцы тою же ночью были отозваны в свою дивизию, да и ген.Стельницкого мы больше не видели: в эти самые дни стало известно, что наступление ген.Эверта и Куропаткина отменено, ввиду чего сейчас же началась перегруппировка войск, и нашими (40-го Арм.Корпуса) соседями стали другие части. Мне так и не удалось узнать фамилию героя-есаула и были ли осуществлены обещанные награды.

Моя тема закончена. Но считаю себя обязанным изложить еще некоторые мысли, касающиеся уже не войск, а высших начальников.

6.

Немного критики.

Вернее - о критике некоторыми из 20 авторов высших начальствующих лиц: Ставки (т.е. ген.Алексеева), ген.Брусилова, его Начальника Штаба ген.Клембовского и ген.Каледина.

Некоторые обвиняют (и весьма настойчиво) ген.Алексеева в том, что он: 1) упорно продолжал держать огромные (стратегические) резервы на севере (за фронтом ген.Эверта и Куропаткина), хотя очень скоро после Военного Совета 1/14 апреля стало-де ясно, что последует отмена постановлений этого Совета (а некоторые уверяют, что эта отмена и официально состоялась); 2) что он продолжал их держать на севере и тогда, когда выявилась огромная победа армий Ю/З фронта, т.е. когда (по их мнению) надлежало эту победу развивать (вглубь Галиции, а может быть и далее - на Вену); и 3) что когда, наконец, эта переброска началась, то она шла "пакетами", с промежутками в 7-10 дней между переброской каждого корпуса.

Я не могу согласиться ни с одним из этих трех обвинений.
1) У нас нет никаких данных, что основное постановление Военного Совета было отменено до момента сообщения об этой отмене (в секретном порядке, конечно) ген.Брусилову, а это произошло, по словам самого Брусилова (в его "Моих Воспоминаниях", изд. 1963 г., Москва), 5-го июня. В последних числах мая ген.Алексеев, в споре с ген.Эвертом о начале его наступления, еще дал Эверту согласие на отложение наступления на 5 дней (т.е. до 5-го июня, что, между прочим, отвечало основной мысли: наступление Брусилова должно быть произведено за две недели до главного наступления). По словам Брусилова, Алексеев ему обещал, что 5-го июня ген.Эверт во всяком случае перейдет в наступление. При таком положении дела является совершенно невозможным, чтобы Ставка могла до этого числа, когда наступления все же не последовало, перейти к другому оперативному плану, который она считала менее выгодным.

2) В военной науке является спорным, следует ли демонстрацию, блестяще удавшуюся, обращать в "главный удар", отказываясь от своего основного плана. Если, действительно, "главный удар" развивается недостаточно удачно, то, может быть, отказ от него и будет основателен, но если он еще и не начался, то большой успех демонстрации является именно наиболее желанной обстановкой для нанесения задуманного удара.

Критикующим кажется, что Германцы не допустили бы разгрома нами Австро-Венгрии и захвата Вены и бросили бы туда все свои войска или просили бы мира... А что, если бы они пренебрегли временным поражением слабого союзника и, наоборот, пользуясь уходом на юг главных русских сил, устремились бы на Псков - Петроград?

3) Совсем наивно предполагать, что если сегодня отдано приказание о перевозке Н-ного Арм.Корпуса из Пскова к Ковелю, то завтра или послезавтра он там уже будет, или что возможно одновременно перевозить с севера на юг несколько корпусов. При том положении, когда мы потеряли ряд узловых станций на наших главных двухколейных жел.дорожных магистралях (Лиду, Барановичи, Ковель, не говоря уже о Вильне и Бресте), переброска войск с севера на юг могла совершаться нами только чрезвычайно медленно, и на переброску одного Армейского корпуса (нормально около 50 воинских эшелонов 50-вагонной длины) требовалось от 8 до 10 суток *), как раз столько, сколько и указывают критики. Только это не были "пакеты" с огромными промежутками, а сплошная двухмесячная "кишка" воинских поездов.

Кроме того, критикуя действия ген.Алексеева, надо всегда иметь в виду, что в 1916 году он не был "Командующим" генералом, но только "Начальником Штаба", который по закону может проводить свободно свою волю, только если "Командующий" отсутствует или тяжело болен. Это - по закону, на практике же это еще более трудно, в особенности, если этим "Командующим" состоит сам почти неограниченный Государь Император. И, кроме того, нам до сих пор совершенно неизвестно, благодаря каким военным, внутренне или внешне-политическим, психологическим или иным соображениям было 5-го июня отменено наступление ген. Эверта.

Ген.Брусилова, несмотря на его многие отрицательные качества**), многие доныне превозносят за "Луцкий прорыв". Мы указали уже на его главную ошибку: он ничем не усилил 8-й армии, единственной из его Армий, имевшей заданием помощь Главному удару Эверта. Он не усилил ее при постановке задач, он не усилил ее и в ходе чрезвычайно успешно развивавшейся операции. Мы говорили о возможности примерно к 1-му июня подвести к ней из состава более южных армий 6-ти дивизий (3-х корпусов). Не только ничего не было подведено, но даже за эти же 10 дней прорыва и его развития у 8-й Армии был отнят 32-й (наиболее южный) Арм.Корпус и для обеспечения самой 8-й Армии с юга задержан один из ударных корпусов - 8-й. А этого можно было бы избежать, если бы следующей на юг Армии Ю/З фронта (11-й), после указания о прорыве фронта, была поставлена задача обеспечения с юга 8-й Армии. Конечно, при этом надо было бы забыть о "стратегической" победе самого Ю/З Фронта, но зато помнить об общей Русской победе!

Но уменьшенный на 1/3 ударный кулак, измученный непрерывными боями и маршами по страшной жаре, без дневок и поддержки, прорвавший

---

*) В следующем, 1917 г., когда наша прифронтовая жел.дорожная сеть была значительно улучшена (напр., была проведена новая соединительная линия вокруг захваченного противником узла Барановичи), в расчете переброски с севера на юг пяти Арм.Корпусов потребовалось для этого 45 дней. Мне лично пришлось принять участие в переписке этого расчета.

**) Моя статья "Ген.Брусилов" в №№ 59-60 и 61-62 "Вестника Первопоходника".

фронт и проведший уже преследование на 100 клм., все-таки подходит к исключительно важной цели - Ковельскому узлу сообщений - и собирается им овладеть и без поддержки или смены... Тогда ему приказывают остановиться, отойти на переход и окапываться, а через несколько часов - еще и отдать одну из своих лучших дивизий для помощи в тылах знаменитому ген.Зайончковскому! А через полтора дня оказывается, что эта помощь ему и не нужна!..

"Талант", а может быть и злая воля ген.Брусилова на лицо. Но он в военном деле, как мы себе позволяем утверждать, полный профан. Тогда за его военные действия отвечает его Начальник Штаба - ген. Клембовский. Мы о нем молчали.

Но вот г. Н.Р. в № 482 "Разведчика" сообщает, как неоспоримый факт, что остановку перед Ковелем 40-го и 39-го Корпусов произвел лично... ген.Клембовский!!

И я не могу отделаться от мысли, которую я высказал, не сдержавшись, вечером 29-го мая 1916 г. Ведь остановка произведена усилиями трех лиц (Зайончковского, Клембовского и Брусилова), тех самых генералов, которых через два года Троцкий-Бронштейн поставил во главе формирования Красной Армии *).

Еще два слова о ген.Каледине. Личные мои впечатления от него, как от прекраснейшего человека, да, повидимому, и генерала. Но дадим место отзыву о нем его начальника, ген.Брусилова, в его книге "Мои воспоминания".

Повидимому, Брусилова обвиняли в том, что он не взял Ковеля. Возражая на это, Брусилов, во-первых, утверждает, что "за все время боев 1916 г. Ставка неотступно от меня требовала во что бы то ни стало взять Ковель" (стр.228)... В нарушении этой задачи Брусилов не считает себя виновным. "Я чувствую за собой другую вину: мне следовало не соглашаться на назначение Каледина командующим 8-й Армией, а настоять на своем выборе Клембовского... Есть большая вероятность, что при таком изменении Ковель был бы взят сразу, в начале Ковельской операции". (Стр. 228-230).

Иначе говоря, виноват Каледин - он не захотел или не сумел взять Ковеля! А г. Н.Р. категорически уверяет: "Наконец, 29/11 Начальник Штаба Ю/З Фронта ген.Клембовский задержал продвижение центральных корпусов (8-й Армии)...

Получается очень странное противоречие, для ген.Брусилова - обыкновенное. С больной головы, да на здоровую!

Б.Н.Сергеевский
Генерального Штаба Полковник.

- - оОо - -

Необходимые поправки:

В № 65-66, стр.39, строка 25-26, напечатано: "Службу Связи Корпуса" - следует читать: "Службу Связи Штаба Корпуса".

В № 67-68, стр.43, последняя строка: напечатано "запрягать огонь", следует читать: "запрягать обоз".

В № 67-68, стр.45, строка 13 снизу: напечатано "Следующей", надо читать: "Следовательно".

---

*) А.Ветлугин. "Авантюристы Гражданской войны". Париж, 1921 г., Стр. 20-21 и 32-39.

О "ПРАВЕДНЫХ" И О "СУРОВОМ" БОГЕ.

Вам, первым начавшим и последними ушедшим, и уйти не успевшим, - свою память о вас я вам посвящаю.

Так бывает. Порой, услышав вдруг мелодий звуки: ноктюрн Шопена, вальс старинный, то ли песнь степную иль романс далеких лет, забытый, - вы невольно вспомните отрезок жизни вашей, о котором пели звуки эти.

Так бывает, когда запах цветов заставит вздрогнуть вас, и опять воспоминания давно ль, недавно ль лет ушедших.

Ведь правда, так бывало с вами?

Так было и со мной. Запах роз, среди которых я случайно очутился, воскресил в памяти то, что было и незабытым осталось навсегда.

Их запах, запах нежных лепестков, еще росой покрытых, напомнил что-то мне. Я вспомнил такой, именно такой же запах: те же нежно розовые лепестки цвели в те годы под окном, из которого неслись звуки. То был старинный вальс забытый.

Его играл моряк. Он ранен был и перед отъездом за Русь Святую в бой нанизывал аккорды, и звуки нежные звучали, как укор немой.

Вот этот запах роз и нежная мелодия старого рояля ушедших лет напомнили отрезок времени далекого, как эпизод истории моей страны.

А написать заставили вот эти строки, которые прочел на-днях:

...стена валилась за стеной,
Безмолвна даль. Суровый Бог,
Изведший праведных оттуда, -
В час гнева пощадить не мог
Страну, не верившую в чудо..."

Одно недоумение вызвало во мне стихотворение пера поэта Терапиано. Прочел. И вновь ожили давно прошедшие и недавно повторенные картины. Я не сужу Терапиано, но вспомнил "праведных" оттуда и тех, кого Бог презрел суровый.

Год 1919-й. Декабрь на дворе. Порт на Черноморье. На рейде боевые корабли. Как утюги, стоят, дымят, и всех наций флаги в выси полощутся, дразнят.

У пристани простые корабли, для грузов и людей. По трапам, потом обливаясь, ворча, сердясь, ругаясь и просто в бессловесном и смиренном поведении ступают "праведники"-люди - важно, а кое-кто вприпрыжку, иные торопясь, другие, в сознании силы, правоты, "исполненного долга", ведут себя степенно.

Енотовая шуба, на пальцах перстни, следом дородная супруга в шеншиллях, детишки, гувернер, за ними люди, чемоданы и мамзель - чопорная дева. Сундуки и тяжелая поклажа - все идет в нутро ковчега.

По трапу шествует солидный генерал, с большим портфелем интендантства, ее превосходительство жена с большой картонкой. Блестящий гвардии поручик того же интендантства, в петлице серебром сверкает аксельбант - сиречь, Его Превосходительства адъютант - а на ремешечке генеральский фокс-терьерчик, собаченка. Учтиво барышням, дочуркам интендантским, советует за маменькой поспешать, дабы места занять.

За ними следом борода, в расстегнутой поддевке, в руках заветный чемоданчик, обеими руками к груди своей прижал широкой и прет, словно бегемот - знай наших, какой-то гильдии купец. За ним голов пятнадцать, толкаясь и ругаясь, поднимаются на трап.

А вот не то писатель, не то художник аль артист, под рукой какой-то инструмент, одним словом - русский интеллигент. Эспаньолка под губой, сам с длинными власами, с видавшим виды рюкзаком, портплед в ремнях и тощая супруга с подведенными глазами. "Иди же, ради Бога", шипит и незаметно сзади героя тыла подпирает и, обернувшись чуть налево к бравому штабисту, бросает: "какая толчея, как медленно пускают"... - и, стрельнув белесыми глазами, их томно опускает.

Персонажей всех не перечесть. Особенно запомнились меха, манто и, не знаю почему, шинели голубые, серые, хорошего сукна, сверкающие глянцем сапоги, погоны, шпоры, ордена, всех цветов фуражки и здоровьем дышащие мужские и женские тела.

Так было каждый день, тысячи людей, картонок, чемоданов, сундуков и разных собаченок поглощали корабли и, свистнув басом, подальше уходили от беды. Так было в ноябре, в декабре, в январе и частично в феврале.

Потом картина уже сменилась, грязней стали корабли, такая же публика чуть-чуть бедней на пристанях толпилась. Затем уже толпой валила, летели в воду самовары, чемоданы, кричали женщины, мужчины. Порой прикладами солдаты отгоняли и на борт калек и раненых сажали в серых, грязных, рваных шинелях, затем несли носилки - душу раздирающие картинки!

Как анекдот, звучали голоса: "Мой муж сенатор, кто дал вам право?!" - а ей в ответ: "Что вы, матушка, раскудахтались, я сам член временного правительства, ваше превосходительство, а вы -"сенатор"!

И март настал. Все "праведные" смотались, за ними флаги наций умотались - "союзники лихие". И лишь владычицы морей "Император Индии" на рейде невозмутимо дымил из труб своих.

У пристаней похуже пароходы, а то и просто углевозы и боевые корабли с двуглавыми орлами.

В порядке, строго под охраной юнкеров, грузились русские войска Цветного корпуса лихого, кто зажженный светоч средь Русской тьмы нес, во имя чести всей страны.

Под залп прощальный морских орудий "Альбиона" исчезло все. Как и не бывало. День серый был, печальный, страшный, огнем объято было все, рвалися тысячи снарядов, патронов миллионы, горели шинели, френчи, сапоги, консервы и белье, папахи, седла, коньяки, медикаменты, инструменты - все то, что фронту не хватало и грабилось сейчас, и без нужды уничтожалось. Но без записи и печати интендантства не выдавалось и в последний час.

Я помню, как полковник старый, в простреленной и рваной шинелишке, и с ним корнет безусый, с винтовками в руках замерзших, просили 10-го числа его превосходительство от интендантства - шинели отпустить на их отряд, в котором было двести пятьдесят, а осталось лишь двадцать пять.

Не знаю, что там было. Но рано утром 13-го числа я их проводил на последний пароход "Владимир" в тех же рваных шинелях и не в новеньких папахах, что сгорели, а часть буденовцы потом надели, а в цветных фуражках, что давно уж устарели.

Прошли недели, о которых трудно рассказать. И вот однажды, в ночь темную, свистящую норд-остом, пришли. "Кого суровый Бог презрел". Моряк, что играл мелодии аккордов старых, и с ним восемь юнкеров.

Пустынно было. Чай горячий наспех пили. Расспросили, как и что, и сами вкратце рассказали, как конницей врага отбиты были, в горы отошли, немного оторвались, нагнать кружным путем старались. Да вот и опоздали. С врагом встретились, пробивались, было тридцать два, осталось девять. Убитых схоронили, раненых в станицах приютили, что могли, то сделали, а там, как Бог велит. И опять ушли, по одному, крадучись, через балку в горы. Навсегда.

Проходили дни, недели. Опять цвели розы, и нежный запах их вливался в открытое уже окно, за которым старый рояль уже молчал давно, тихо внимая каплям росы, что на нежных лепестках, как слезы, дрожали.

И как-то в сумерки, тайком, пришел... сотник станицы Усть-Хоперской. С казаками был в разведке, с группой красных повстречались, долго бились и отбились, да половины своих недосчитались. В степь ушли, а там и распрощались. И вот судьба - на положении волка.

Сестра милосердия святого всю войну прошла, чужих страданий утешенье, к старому гнезду стремилась, да не дошла. В последний раз за Русь Святую стала и... пала, с нею брат и четверо добровольческих солдат.

Трудно перечислить всех, кто в бою отбился, кто ранен был и где-то отлежался, кто бежал, будучи уже схвачен, кто остался для поисков родных, кто бросить все и всех не посмел - себя не пожалел. А кто такой возможности просто не имел.

Прошли годы. Схвачен и погиб моряк. С тех пор умолк рояль у окна, где розы расцветали и где звучали мелодии, забытые теперь.

Нелепо был расстрелян сотник, в конце уж третьего десятка лет антинародной власти. До седой донской волны не вернулись казаки.

Расстрелян юнкер за то, что скрыл, что юнкером он был. И на могилу его даже елок не бросили, да и была ли могила? Про то лишь Бог суровый знает.

Замучен и погиб простой солдат-старик, драгунский вахмистр за то, что раз не выдержал, подвыпил и сказал: - ..."а я вам тоже ведь давал"...

И много лиц проходит перед глазами, погибших и живых...

Но вот опять раздались громы боевые. Народ восстал, и уже миллионы ополчились. Шквал страшный нарастал. Но и силы ада не дремали. В спину (в который уже раз?) нож всадили и при помощи "друзей", коммерческой ухваткой, взяли и на кресте распяли тех, кого суровый Бог тогда презрел, как писал о том Терапиано.

Довольно. Мне скажут - все это старо. Ну, что ж, прощенья не прошу, об этом говорил и говорю. Все это эпизоды в истории моей страны, от тех лет лукавых и до сих пор не прекращавшей борьбы.

Цветов же запах, песни родные, звуки мелодий забытых и старых напоминают порой о том, что было и недавно повторилось. Суровый Бог праведных не всех извел оттуда, и там, в стране распятой, их больше осталось.

Б.Турчанинов.

Март 1920 - 1966 г.
Тихий океан.

ПРАЗДНИК 49-летия 1-го КУБАНСКОГО ГЕН.КОРНИЛОВА ПОХОДА в г.Иннсбруке

4-го февраля 1967 г. Отдел Союза участников 1-го Кубанского Похода в Австрии устроил свой традиционный вечер, посвященный памяти 49-летия начала похода.

Большая отдельная комната первоклассного ресторана "Хентшель" была со вкусом убрана и украшена Русским и Донским флагами, между которыми красовался большой Двуглавый Орел, картой похода и портретами Вождей Белого движения и Войсковых атаманов. Альбомы-памятки, книги воспоминаний о походе напоминали присутствующим о легендарном походе славной Корниловской армии, начатом 9-го февраля 1918 г.

К 6 часам вечера со всех концов Тироля начали съезжаться приглашенные гости. К 7-ми зал уже был набит до отказа, и радушным хозяевам стоило больших трудов устроить каждого гостя так, чтобы он был доволен. Предпочтение было отдано почетным гостям - именитым членам Обще-Казачьей Тирольской Станицы: графу Альберти-Пойя, который, несмотря на свои почти 90 лет, приехал из деревни Фельс, чтобы провести вместе с первопоходниками этот знаменательный вечер и вспомнить старые славные дни; заместителю главного редактора большой Иннсбрукской газеты "Т.Н." д-ру Х.Гундольфу, почетному члену О.К.Тирольской Станицы и большому другу казаков-первопоходников; "Матери Станицы" г-же Пауле Хохенауэр; г-же Марии Маринеско - Председательнице беженского центра, и ее мужу д-ру Н.Маринеско; представителям местных правительственных учреждений: д-ру Рейнхарду, М.Мессингу, д-ру Цендлю с семьей, проф.В.Буневич, г-ну И.Гспану; Представителю Русского Корпуса в Тироле Кубанского войска хорунжему Е.М.Школа с супругой и др.

От имени Правления и Станицы гостей приветствовал Председатель Отдела и Почетный Атаман Станицы и хутора Куфштейн Войсковой старшина М.А.Голубов. В своей речи он благодарил присутствующих за оказанную Отделу честь, а в конце своей речи отдал должное Правительству и народу Австрии и,в частности, властям Тироля за все то доброе,что они сделали и делают для русских людей, нашедших себе убежище в этой добросердечной и благородной стране. Речь была покрыта шумными аплодисментами.

Затем Войск.ст. М.Голубов сделал обстоятельный, прекрасно составленный доклад на немецком языке о Походе и его значении, после которого казаки-первопоходники и Правление Обще-Казачьей Станицы чествовали г-жу Хохенауэр - "Мать станицы". Ей был поднесен художественно исполненный адрес - благодарность за все доброе, сделанное ею для станицы - и серебряное кольцо со знаком Станицы. Ей было также передано письмо Председателя Союза участников 1-го Кубанского похода ген. шт. полковника С.Н.Ряснянского, в котором он благодарит ее от имени Главного Правления за помощь, оказанную при ее посредстве Красным Крестом инвалидам, старикам и больным членам Австрийского Отдела. Г-жа Хохенауэр сердечно поблагодарила Правление Станицы и Отдела за оказанную ей честь и заверила, что она и впредь позаботится о том, чтобы Красный Крест не оставлял Первопоходников в нужде.

С приветственными речами выступили: Представитель Беженского центра 107 Д-р Н.Маринеско; от имени старых королевских стрелков - г-н Иосиф Гспан; Представитель Корпусников в Тироле Хорунжий Е.М. Школа и другие.

Были провозглашены здравицы за Войсковых Атаманов, за Командира Русского Корпуса, за Председателя Союза Первопоходников Ген.Шт.Полковника С.Н.Ряснянского (особенно тепло принятая присутствующими), за Главное Правление Союза и т.д. Тост за энергичную хозяйку вечера и кассиршу отдела г-жу Рези Щербакович прошел под несмолкаемые аплодисменты гостей. Атаман Станицы В.И.Кузнецов поднес ей букет цветов - "в золотые, неоценимые ручки", как он сказал. Накормить да напоить столько гостей, все устроить - большая заслуга. Не зря ее величают "Наша Рези" и свои, и чужие!

Стоя, гости выслушивают Донской и Кубанский гимны. Прекрасно звучат сильные голоса стариков - Голубова, Забурдяева, Школа, которым подпевают и гости.

На этом официальная часть вечера кончается, но долго еще звучат песни - старые и новые, - не смолкают разговоры среди старых ветеранов, которые "вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они". Продолжается угощенье, льется вино, и только после "полицейского часа" гости поневоле, неохотно расходятся по домам.

Спасибо, первопоходники! Умеете принять и угостить. Низкий поклон устроителям прекрасного вечера: М.А.Голубову, Рези и Н.Н.Щербаковичам.

Иннсбрук, Австрия. Микогол.
10 февраля 1967 г.

В Австрийском Отделе Союза Первопоходников состоят 10 человек, в большинстве - казаки-корпусники. Почти все - старики-инвалиды, живущие на скромную пенсию. Председатель, Войск.Старшина М.А.Голубов с помощью энергичной г-жи Рези Щербакович, всеми силами стараются помочь особенно нуждающимся соратникам, привлекая к этому и живущих там русских людей. Из них особенной благодарности заслуживает бывший морской офицер Лев Федорович Квашинский, вседа помогающий Отделу. Хвала и честь им за их Жертвенность!

- - oOo - -

Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
просит всех Первопоходников, подписчиков и читателей журнала
записываться в
"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
и этим помочь обеспечить материальную сторону издания журнала.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

- Первопоходник Владимир Сергеевич Ельманович (Elm), лейтенант Росс.Имп. Флота, скончался 17-го февраля 1967 г. в гор.Помпано Бич, Флорида. В Добровольческой Армии служил в рядах Морской роты.

В "Вестнике Первопоходника № 12 от сентября 1962 г. была напечатана его статья "Морская рота Добровольческой Армии".

- о -

- 5-го марта 1967 г. в St.Lambrecht, в Австрии, скончался наш соратник хорунжий Николай Иванович Шорников-Бабак. Похоронен на монастырском кладбище в St.Lambrecht, в Австрии.

- о -

- Штабс-капитан Марковского пехотного полка, Первопоходник Александр Петрович Кедрин скончался 27-го апреля 1967 г. около Нью-Иорка.

- о -

15-го мая, в Париже, скончался Александр Никанорович Глушков, ротмистр 4-го Гусарского Мариупольского Имп.Елизаветы Петровны полка. Покойный совершил Первый Поход в рядах дивизиона полк.Гершельмана. Мир праху твоему, дорогой Соратник! Правление Калифорнийского Отдела Первопоходников и редакция журнала выражают семье почившего искреннее соболезнование.

- - оОо - -

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА.

В "Вестнике Первопоходника" № 65-66 напечатано: "Во время 2-й Мировой войны Василий Павлович (Мяч) вступил в Русский Корпус в 1-й казачий ген.Зборовского полк".

Это - верно, но для точности данного события необходимо сделать некоторые дополнительные пояснения, которые будут интересны и редакции, и читателям журнала.

12-го сентября (нов.ст.) 1941 г. в гор.Белграде ген.М.Скородумов отдал приказ № 1 о формировании Отдельного Русского Корпуса.

Цель формирования: продолжение "белой борьбы". Борьба Добра со Злом, за восстановление поруганной Веры Православной. Борьба за свободу Русского народа. За освобождение России от власти - ига Мирового коммунизма.

В приказе, пункт 1-й, было сказано:

"18-го сентября пехота и кавалерия должны явиться к 9 час.утра в Топчидерские гвардейские казармы".

Одним из первых,в первые дни мобилизации выполнивших этот приказ, был Василий Павлович. (Очень многие приказ не выполнили и по мобилизации не явились).

После неоднократного переформирования и переименования части осталось название - "Русский Корпус"

"26-го сентября 1944 г., в бою у деревни "Ново Село", ген.Зборовский лично, в первых рядах, стрелял из автомата и пробивался с полком из полного окружения противником. Был тяжело ранен ружейной

пулей. Отвезен в г.Шабац, оперирован там и на аэроплане отправлен в г.Грац, где и умер 9-го октября.

По ходатайству его сослуживцев и командира корпуса, полк 6-го февраля 1945 г. получил наименование - "1-й казачий ген.Зборовского полк".

А 7-го мая 1945 г. Вторая мировая война закончилась победой союзников.

Как видно из объяснения, Василий Павлович (повторяю) вступил в ряды корпуса не в конце войны (как можно подумать), а в самом начале и одним из первых.

В полку я служил вместе с ним. Первый раз его увидел в штабе полка в конце декабря 1942 г., когда из 3-го полка я был переведен в 1-й. Меня сразу удивила его подтянутость-выправка, молодцеватый военный вид - и это после двадцати лет эмиграции. Его особенно подчеркнутая аккуратность бросалась всем в глаза. А также производило хорошее впечатление его большое внимание и предупредительность ко всем обращавшимся к нему лицам, независимо от их чинов и положения, занимаемого ими по службе.

Все казаки полка его любили, и если кому-нибудь из них надо было идти в штаб по различным делам, всегда друг другу говорили: "Иди к Мячу... скажи ему правду, и он все сделает"...

Он всегда первым подходил к пришедшим в штаб казакам и сразу старался им помочь, чем только мог.

Это явление было очень странно и неожиданно, по крайней мере, для меня, так как в предыдущих войнах в штабных учреждениях все служившие в них всегда были... очень заняты. Часто приходилось долго ждать... и поэтому терять много времени.

Чины штаба (насколько я точно знаю) относились к В.П. очень внимательно и дружелюбно. У него был хороший, веселый характер. При разговоре всегда появлялась улыбка на лице. Недоброжелателей у него - ни в штабе, ни в полку - не было.

Командир полка ген.Зборовский его очень ценил, как отличного офицера и знающего дело, хорошего работника.

Часто обращался к нему компопка со словом "голубчик", без указания чина. Это обращение к подчиненным у командира полка было очень редко и только к тем, кто чем-нибудь заслужил его особенное внимание и расположение.

В довольно частых разговорах со мной В.П. жаловался и говорил мне: "Хочу в строй, но командир не пускает... говорит - вы мне, "голубчик", больше нужны здесь"... И с грустью добавлял: - "Может быть, это потому, что на одно ухо... плохо слышу". (Результат прошлых войн).

С большим прискорбием узнал о смерти дорогого моего сослуживца. Редакцию "Вестника Первопоходника", сослуживцев его, всех родственников и его семью прошу принять мое искреннее соболезнование.

Царство небесное воину Василию!

Максим Бугураев,
Командир Артил.взвода
1-го каз. ген.Зборовского полка.

- - oOo - -

СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ.

- Ищу участников и описание подавления восстания большевиков в Керченских каменоломнях в 1920 году. Принимали участие - Крымский Конный полк и 2-й Конный Дроздовский.

- о -

- Желаю приобрести книгу Кривошеева "Песни Корниловца" издание 1919 г., Р.н/Д;

Полевой Листок Добровольческой Армии, изд.Сувориным в 1-м походе.

Номера журнала "Донская Волна";

Книгу подполк. Л.Г.Корнилова "Кашгария или Восточный Туркестан", Ташкент, 1903 г.;

Полковые знаки Корниловского, Марковского и Алексеевского конного полков;

Жетоны Корниловского полка, Корниловского артиллерийского дивизиона, Корниловского военного училища;

Знаки на шапки корпусу ген.Слащева за оборону Крыма;

Орден Св.Николая Чудотворца.

- о -

Предложения адресовать в Редакцию на имя А.Долл.

- - оСо - -

П Р А В Л Е Н И Е

ПРОСИТ ВСЕХ ЧЛЕНОВ НАШЕГО ОТДЕЛА, КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ ПОГАСИЛИ СВОЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ЗА ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", А ТАКЖЕ ЗАДЕРЖАЛИСЬ С ЧЛЕНСКИМИ ВЗНОСАМИ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ ЛИКВИДИРОВАТЬ СВОЙ ДОЛГ, ТАК КАК ЖУРНАЛ ЖИВЕТ И ИЗДАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ, А ПОМОЩЬ ОСОБО НУЖДАЮЩИМСЯ СОРАТНИКАМ ЧЕРПАЕТСЯ ИЗ СУММЫ ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ.

ФОНД ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА.

Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" и Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников получают много писем со всех концов мира от Первопоходников и читателей журнала, обеспокоенных будущностью журнала, единственного в своем роде.

Высказываются пожелания, просьбы и требования продолжения издания журнала в том же духе и направлении: опубликование редких документов, беспристрастные воспоминания борцов за Свободу России от гнета коммунизма, дабы молодое и будущие поколения русских людей могли с гордостью заявить, что Русский народ, в лице его лучших сынов, боролся всеми силами, до последней капли крови, с врагами Родины и всего человечества.

Обзор 6-летнего издания журнала, ценность помещенных в нем материалов, отношение читателей - дают нам уверенность, что труд наш не напрасен и что только этим путем мы сможем оставить памятник на безвестных могилах наших братьев, погибших за честь и свободу России на ее необъятных просторах.

Так как самой слабой стороной нашего издания является финансовый вопрос, мы создали

"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Каждому Первопоходнику и читателю предлагается записаться в число Попечителей, обязавшись делать ежемесячный взнос для журнала. Таким образом материальная сторона издания журнала будет обеспечена.

Поступило в "Фонд Попечителей" и в "Фонд издания журнала"
за апрель и май 1967 г.:

Главное Правление	30.00	долл.
Н.Белоусов	10.00	"
Ф.Беляев	10.00	"
К.Васильев	6.50	"
Е.Веллс	25.00	"
А.де Векслер	3.00	"
А.Долгополов	5.00	"
Г.Корнилов	28.00	"
А.Мяч	10.00	"
А.Переход	10.00	"
Н.Прюц	40.85	"
Д.Свидерский	5.00	"
Д-р С.Сыроватка	30.00	"
Н.Шилле	5.00	"
Д-р В.Шилле	20.00	"
Всего	238.35	долл.

Редакция журнала сердечно благодарит всех соратников и единомышленников за моральную и материальную поддержку.

— — —

Кроме того, Отделом Союза получено для помощи нуждающимся первопоходникам от Е.Веллс . . . . 25.00 долл.

От Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников на могилу М.А. Скворцова был возложен венок. Оставшиеся собранные деньги, в сумме 15.00 долл., были посланы Владыке Антонию, в память Михаила Алексеевича, на сооружение Храма.

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ

50-летия ОСНОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

Общество Ревнителей Русской Военной Старины (в Париже) постановило отметить исполняющееся в этом году 50-летие основания Добровольческой Армии выпуском памятной медали.

Диаметром 50 мм. (2 дюйма), медаль будет иметь на лицевой стороне изображение Знака Первого Похода, ставшего уже давно эмблемой всего Белого Движения, а на оборотной - юбилейную дату - "1917-1967" - и надпись: "За честь и достоинство России".

Стоимость медали (с пересылкой):

Бронзовая	$ 4.50
" посеребренная	" 5.00
" позолоченная	" 6.00
Серебряная	"12.50
" позолоченная	"14.00

Медали будут изготовлены Парижским Монетным Двором и будут готовы для рассылки к 1-му октября.

Заказы и денежные переводы для Соединенных Штатов и Канады адресовать представителю О-ва в Америке:

A.Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif., 92677.

- - oOo - -

На складе Редакции "ВѢСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА"
имеются для продажи следующие книги:

"ВОСПОМИНАНИЯ" ген.Богаевского	цена 3.00	дол.
"МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ", том 2-й, 1919, 1920 г.г.	" 5.00	"
"СОЮЗ ПЕРВОПОХОДНИКОВ"	" 3.00	"
"ВѢРНЫЕ ДОЛГУ" - сборник-памятка 1-го полка Русского Корпуса (1941-1961)	" 2.00	"
"МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ" - сборник статей, посвященных Донскому Баяну, под редакцией Н.М. Мельникова	" 3.00	"
"ПУТЬ ВѢРНЫХ" - ген. А.ЛАМПЕ	" 4.00	"
"СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В АМЕРИКУ в 1863 году". Иллюстрированный сборник статей проф.Петрова, Тарсаидзе и А.Долгополова. Цена с пересылкой . . .	" 1.50	"

Пересылка за счет покупателя. С каждой книги 20 центов.
Заказы адресуйте на имя А.П.Мяч - 842 No.Alexandria Ave.
Los Angeles, Calif. 90029.

- o -

Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников просит членов Союза внести следуемые с них членские взносы.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
" на 6 мес. (3 номера) - " 3.00;
Цена отдельного выпуска - $ 1.00.

Адрес Редакции: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

- - оОо - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - $ 2.10.
Желающие приобрести Знак могут обратиться в Редакцию.

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - оОо - -

СОДЕРЖАНИЕ № 69-70

- о -

В последнюю минуту. СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

- 28-го мая с.г. в Париже скончался генерального Штаба Генерал-майор Алексей Александрович фон-ЛАМПЕ, Председатель Русского Обще-Воинского Союза. Вечная память доблестному воину!

Некролог будет помещен в следующем номере "Вестника Первопоходника".

- о -

- 9-го мая в Нью-Йорке скончалась сестра милосердия Евдокия Васильевна ВЕЛС, участница Первого Кубанского ген.Корнилова Похода.

- - оОо - -

От Редакции:

В № 67/68 "Вестника Первопоходника", на стр.8-й, вторая строка сверху, замечена досадная опечатка: напечатано "Салгирского полка", а должно быть "Самурского полка".

- о -

Чеки и Money Orders за подписку и в Фонд Попечителей журнала просим выписывать на имя Society of General Korniloff's Veterans по адресу: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

- о -

РЕДАКЦИЯ СОБИРАЕТ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА в 1968 г., ПОСВЯЩЕННОГО ГЕНЕРАЛУ КОРНИЛОВУ К 50-ЛЕТИЮ ЕГО СМЕРТИ.

- - оОо - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 72

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

Начиная 7-ой год издания журнала, редакция считает своим долгом выразить сердечную благодарность всем тем, кто, в течении шести лет, способствовал его успеху:

- Главному Правлению Союза Первопоходников во главе с Председателем полк. С. Н. Рясняиским, первыми оказавшим моральную и материяльную поддержку редакции в то тяжелое время когда, после кончины основателя-редактора В. П. Мяч, решалась судьба журнала - "быть или не быть."

- Жертвователям в Фонд Попечителей, Фонд Издания и подписчикам, способствующим материяльному успеху издания.

- Сотрудникам за присылаемый материял.

- Всем друзьям и доброжелателям, которые своими письмами, советами, критикой и технической работой облегчают нам нашу задачу.

ooOoo

Следующий /октябрь-ноябрь/ выпуск журнала будет посвящен событиям 1917 года. Редакция, еще раз, обращается ко всем участникам Белого Движения с горячей просьбой присылать свои воспоминания, очерки, статьи. Наш долг записать в историю все то, чему мы были свидетелями и участниками.

ORDER OF FORMER RUSSIAN MILITARY, INC.
NORTH-AMERICAN BRANCH
1841 Bathgate Ave. New York 10057, N. Y.
Telephpone: LU. 7-2759
ОТДѢЛЪ РУССКАГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ

S. N. Riasniansky
Colonel G. S.
Commander-in-Chief.

Редакція журнала "Вѣстникъ Первопоходника".

Многоуважаемый

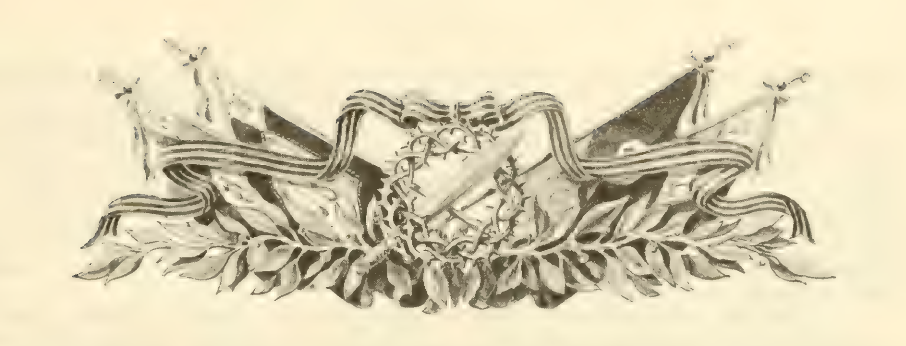
Господинъ Редакторъ!

I2-го марта въ Нью Іоркѣ состоялось совѣщаніе представителей русскихъ общественныхъ, воинскихъ и политическихъ организацій, посвященное вопросу объ ознаменованіи предстоящей ПЯТИДЕСЯТОЙ годовщины захвата власти въ Россіи коммунистами - Днемъ Непримиримости.

Совѣщаніе единогласно постановило приступить къ подготов кѣ этого дня. Оно, кромѣ того, постановило обратиться къ русскимъ газетамъ и журналамъ въ США съ просьбой способствовать успѣху этого Дня соотвѣтствующимъ напоминаніемъ о предстоящей годовщинѣ. Во исполненіе этого постановленія, я, какъ предсѣда тель упомянутаго совѣщанія, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой не отказать въ любезности заблаговременно, до годовщины, которая наступитъ 7-го ноября с.г., обратить на нее вниманіе Вашихъ читателей и помѣстить на Вашихъ страницахъ статьи и другіе матеріалы о переворотѣ, совершенномъ въ Россіи большевиками въ I9I7 году, и о трагическихъ послѣдствіяхъ этого переворота для русскаго народа и всего остального міра.

Искренне Васъ уважающій [signature]

Редакционная Коллегия журнала "Вестник Первопоходника готовит к концу этого года специальный выпуск о зарождении Добровольческой Армии. Помещая выше обращение Председателя Союза Полковника С.Н. Рясняского, Редакция со своей стороны убедительно просит сотрудников и читателей присылать статьи, воспоминания и материалы, относящиеся к трагическим дням 1917-го года и к последующим событиям.

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
Двухмесячный журнал, посвященный
Первому Кубанскому Походу
и истории Белых Армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029
Phone; 664-7650

7-й год издания № 71/72 Август-Сентябрь 1967 г.

ШЕСТЬ ЛЕТ - СЕНТЯБРЬ 1961-1967 г.

Освобожденная Россия
Развеет чары злого сна
И на скрижали золотые
Запишет ваши имена!...
А.В.

С днем рождения, "Вестник Первопоходника"!

Сердечно поздравляем тебя, родной, с Днем твоего Шестилетия.

15-го сентября 1961 года в Лос-Анжелесе родился летописный младенец - трудами и заботами тех, кто на протяжении пятидесяти лет смело и гордо несли и несут гвардии Белое Знамя, Святой Руси. И дата-то ведь какая символическая - пятнадцатое. 15 ноября 1917 года - первый день основания Белой Добровольческой армии в Новочеркасске. 15 ноября 1920 года в Севастополе закрылась последняя страница героической вооруженной борьбы.

Несмотря на весьма ограниченные условия во всех отношениях и, казалось, непреодолимые трудности, без какой-либо помощи со стороны, младенец вырос, стал совсем взрослый и - сейчас с уверенностью можно сказать - совершеннолетний.

Для журнала, жертвенно издающегося, шесть лет - срок немалый, принимая во внимание, что средства для его питания все шесть лет по-

выражались лишь только в подписной плате, да и то не всегда аккуратно вносимой, а порой, по бедности, и совсем не вносимой.

И "Первопоходник", как и в прошлом, преодолевая препятствия и трудности, неудержимо движется вперед, неся Светоч Правды в настоящем, о прошлом, для будущего. Секрет успеха во все повышающейся заинтересованности его страницами, в возрастающем количестве его подписчиков и читателей, рост числа пишущих сотрудников - все тот же, что и пятьдесят лет тому назад. Это - п р а в д а. Вера в правое дело, любовь к Родине, Святая Русь, ее неповторимый душевный народ, ее просторы, ее былая прелесть.

В первом легендарном Походе поражений не было; неудачи были, и всегда с честью и овеянные новой славой, без сраму выходили первопоходники-добровольцы.

За шесть лет издания журнала тоже не было, фигурально выражаясь, поражений, когда у основателей-издателей опустились бы руки и стал бы вопрос о прекращении издания. Не было. Неудачи были, были и есть потери, но и из них с честью и с верой в успех выходили труженики, первопоходники-добровольцы. Как и тогда, так и теперь уже немногочисленные стоящие в стороне, но сочувственно относящиеся не скупятся на критику: и шрифт не типографский, и бумага не первосортная, и страниц надо бы побольше, и картинок маловато, и даже хорошо бы воздушной почтой и каждый месяц.

Вспомним аналогичные разговоры в Ростове в конце 1917-го и в начале 1918-го года:

"Помилуйте, да что это за армия, половина мальчишек безусых..."

Да, это, к стыду тогдашних критиков, правда. Уходящая в степи армия в большинстве своем состояла из юных. Но эти "мальчишки" били и гнали усатых и бородатых "дядей", вдесятеро числом их превышающих, тыл имеющих, сытых и с неограниченным запасом оружия и огнеприпасов.

"Да гляньте на их разношерстую форму, посмотрите внимательно, не разберешь, где пешие, где конные! Или вон в строю стоит - прямо гвардеец, только что из каптерки, а командует ими поручик - вроде только что из окопа вылез..."

Так праздно болтали, забывая, что первые ряды Белой Гвардии состояли из юнцов разных кадетских корпусов, юнкерских и военных училищ, гимназистов, молодых офицеров, честных солдат и казаков разных полков Императорской армии и разных родов оружия. Тогда то был напрасный труд - объяснять причины отсутствия безукоризненной одинаковости формы.

А ведь в Ростове в то время в складах отцов города и земских учреждений была масса запасов белья и даже теплого, и кое-где было и обмундирование, и, несмотря на просьбы Командования Добровольческой армии отпустить некоторое количество - не дали,

И дальше: "Ну, разве это серьезная затея? Сам, можно сказать, главнокомандующий на пролетке ездит по учреждениям и просит отпустить денег и продовольствия на свою армию! Ну и ну!"

Да, и это помним, как главнокомандующему как-то "отпустили" несколько килограммов сахару и... 400 рублей. А через несколько дней на безоговорочное требование большевистских комиссаров внесли... 18 миллионов рублей и все ключи от складов белья, обмундирования и продовольствия. А затем... к стенке.

Примеров можно привести много и сейчас, и тогда. Не будем омрачать страницы сегодняшнего нашего именинника. Делаем, что можем и

как умеем, и с выходом № 69/70 переплетаем седьмой том "Вестника Первопоходника" и присоединяем к стоящим на полке библиотеки уже шести томам, с чувством гордости читаемым и бережно хранящимся.

Страницы седьмого тома.

О походах многое рассказано
И написано и книжек и статей,
Мы судьбою с ними связаны
От начала до последних дней.
А.Г-н.

В короткой поздравительной статье трудно описать всю ценность и произведенное впечатление с неизбежно желательной оценкой всего, изложенного на страницах двенадцати номеров прошлого года.

В № 63/64 закончились увлекательные воспоминания первопоходника и участника всех войн Л.П.Сукачева. Его воспоминания начались в № 28 и читались с неослабевающим интересом.

Описание Сибирской эпопеи началось в журнале № 59/60. "Ижевцы и Воткинцы" читаются с трепетом душевных переживаний. Героическая борьба рабочих оружейных заводов Урала против анти-рабочей власти еще ждет своего времени, когда жуткая правда станет до мельчайших подробностей известна всем рабочим всего мира. Полк. А.Ефимов шаг за шагом описывает причины горького разочарования, невыносимые условия, заставившие рабочих взять оружие и восстать на защиту своих прав, своей Свободы от "свободы" большевистской. Победоносное движение к Волге, взятие городов, сел, разгром красных армий. В № 67/68 автор талантливо, умело и кратко дает анализ причин последующих неудач. Бои за Вятку, Бузулук, Челябинск, Златоуст, Чишму, жестокие схватки в горах Урала. Встречаются знакомые фамилии, как, например, полк. Андрей Лаврентьевич Болонкин, поручик Серафим Павлович Рождественский, ныне здравствующие, которых и просим откликнуться на зов нашего "Вестника".

В журнале № 59/60 помещено замечательное по своей одухотворенности стихотворение покойного поручика Сибирской армии П.П.Харькова "Емшан".

Описание "обер-офицерской революции" в Крыму в 1920 году представлено В.В.Альмендингером, как печальная страница Белого движения с позорным окончанием. Закрывая последнюю страницу, читатель проникается чувством грусти, зачем так все случилось, и чувством досады, как все это было несерьезно и некстати. Но в то же время надо признать, что даже такие отрицательные явления, неудачи в Белой Армии не скрывались, о них знали все, о них пишут и делают разбор сейчас, раскрывая скобки формулы, как не надо было.

Статьи А.Ф.Долгополова "Идем в десант" и "Добровольческие десанты в Азовском и Черном морях" будят яркие воспоминания в тех, кто волею судьбы очутился по другую сторону баррикады после Новороссийской трагической эвакуации. Вспыхнувшие далеко не без оснований надежды, радость первых заслуженных десантниками побед, страх и паника во вражеском стане и... горечь фатальных неудач. Неудачи отдельных десантов и особенно десанта ген.Улагая у Приморско-Ахтырской кроются не только в неудачном выборе командующего, по признанию генерала Врангеля, а и в ряде других, более сложных причин. Если бы эти причины были в свое время учтены и устранены, успех десанта был бы обеспечен, и новое движение на север было бы более стремительным

и более успешным.

№ 65/66 - первые печальные страницы посвящены памяти неожиданно ушедшего основателя и души журнала, его редактора - командира взвода Корниловского Ударного полка в Первом походе, поручика, а затем сотника Кубанского войска Василия Павловича Мяч. Потеря была тяжелая. За последний год смерть вырвала из рядов первопоходников члена редакционной коллегии поручика Головань. Умер генерал-майор П.А.Скворцов, первый и почетный председатель Калифорнийского Отдела Первопоходников. Умер Н.К.Кадушкин, А.П.Глушков. Ряды поредели.

В яркой мозаике Белой летописи за последний год приняли живое участие, присылая в редакцию "Вестника Первопоходника" свои статьи, воспоминания, описания отдельных эпизодов из героического прошлого легендарной борьбы, и тем самым пополнили сокровищницу славного былого и украсили страницы журнала следующие лица: профессор-полковник Е.Месснер, ген.шт. полковник Б.Н.Сергеевский, г.г. И.Романенко, А.Осипов, Ф.Елисеев, А.Греков, кадет Н.Басов, Б.Турчанинов, ген.майор Гетманов, И.Гончаров, А.П.Глушков, С.Макаренко, полк.Пермяков, Д.Свидерский, М.Борель, Н.Волкова.

Пошли Вам, Господи, терпения, сил, бодрости и благополучия в будущем седьмом году издания.

Сегодня, кроме наших обычных пожеланий "Вестнику Первопоходника", отмечающему свое шестилетие, а именно: дальнейшего процветания, увеличения своего тиража для новых подписчиков и читателей, аккуратного получения подписной платы, увеличения числа своих корреспондентов, - мы хотим сделать еще необычное пожелание:

В самом недалеком будущем увидать на киноэкранах мира Первый Кубанский легендарный поход за Русь Святую и тех, о ком сейчас надо вспомнить всему миру. Увидать фильм в том правдивом освещении, как изложено на страницах "Вестника Первопоходника" и как могут еще рассказать постановщикам еще многие участники антикоммунистической борьбы. Семь томов "Вестника Первопоходника" хранят на своих страницах неисчерпаемый тематический запас для правдиво-увлекательных и ценных для всего человечества либретто кино-фильмов во имя справедливости и правды. Отдаленные возможности к этому есть в лице кино-артистов и выдающихся людей мировой известности с русскими именами. Услышат ли они этот зов?

Трудно отказать себе в мечте: представить себе большой экран, когда потухли все люстры; на фоне бескрайной русской степи с убегающей вдаль проселочной дорогой, как в тумане - терновый венец с мечем; справа от дороги свежий холмик с чуть покосившимся крестом, на на нем помятая, с кокардой цветная фуражка, на перекладине неровно, наспех написано: "За Русь Святую"; видно, как ветер шевелит траву. В зал несутся все нарастающие звуки памятной мелодии "Белая акация", и наконец слышны молодые голоса небольшого хора:

"Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую -
И как один прольем
Кровь молодую"...

А дальше... дальше мы желаем нашему "Вестнику", чтобы все наши добрые пожелания исполнились в седьмом году.

"Вестнику Первопоходника" и его труженикам - Многия лета!

Тихий океан
1967 год.

Б.Турчанинов

Генерального Штаба Генерал-Майор

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ фон ЛАМПЕ

28-го мая сего года в Париже скончался Начальник Русского Обще-Воинского Союза, Председатель Совета Русского Зарубежного Воинства и Почетный Член Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова похода - Генерального Штаба Генерал-Майор Алексей Александрович фон Л А М П Е.

Покойный родился в 1885 году в военной семье. В 1902 году окончил 1-й Кадетский Корпус, а в 1904 году два курса Николаевского Инженерного Училища и сразу по окончании его добровольно отправился на Русско-Японскую войну в Манджурию с зачислением в 6-й Восточно-Саперный батальон, в котором сначала был младшим офицером, а потом командиром роты, и за отличия в боях получил четыре боевых награды.

Послужив после окончания Русско-Японской войны недолго в 6-м саперном батальоне в Киеве, перевелся в Лейб-Гвардии Семеновский полк, в котором начал свою службу его отец. В 1913 году он окончил в числе первых Николаевскую Военную Академию, по окончании которой командовал ротой в родном Семеновском полку.

С началом 1-й Мировой войны он был назначен в штаб 18-го армейского корпуса, где за отличие получил Георгиевское оружие и орден Св.Владимира 4-й степени с мечами и бантом. К концу войны был пере-

веден в штаб 8-й армии, где исполнял должность Генерал-Квартирмейстера.

В 1918 году при первой возможности приезжает в Добровольческую Армию, где сначала редактирует официальную газету "Россия", а затем переводится в Кавказскую Добровольческую Армию к ген.Врангелю, где исполняет должность Генерал-Квартирмейстера, а потом выполняет ряд ответственных поручений Главного Командования.

Произведенный генералом Врангелем в генерал-майоры. он командируется по окончании гражданской войны на должность Военного Представителя в Венгрию и Данию, а затем назначается Начальником Отдела РОВС-а в Германии. Во время Гитлера он арестован Гестапо и посажен в тюрьму за отказ принять немецкое гражданство и рекомендовать русским воиеским чинам входить в немецкие части.

К концу 2-й Мировой войны он принял должность представителя Красного Креста, под прикрытием которого спасал многих русских от выдачи коммунистам и помогал эвакуации за океан.

Еще до 2-й Мировой войны он издал Летопись Белой Борьбы под заглавием "Белое Дело" и Воспоминания генерала Врангеля. Эти издания особенно сблизили его с генералом Врангелем, который оценил его еще во время совместной боевой работы в Кавказской Добровольческой Армии.

В 1960 г. он издал сборник статей "Пути Верных". Все эти книги являются ценным вкладом в историю Белой Борьбы в России на всех фронтах.

В 1957 году генерал Лампе принял от генерала Архангельского должность Начальника Русского Обще-Воинского Союза и Председателя Совета Русского Зарубежного Воинства. В течение 10 лет возглавления РОВС-а он, стоя на страже заветов наших Вождей, шел прямой дорогой исполнения долга перед Россией, с честью поддерживая доброе имя РОВС-а, как наследника Императорской и Русской Армий.

Несмотря на тяжкую болезнь в последние два года, он не уходил со своего поста, считая, что только смерть может сменить русского офицера с его поста, а особенно такого ответственного, как у него.

Ген.Лампе был идейным и верным русским воином, бескорыстным и честным, всегда готовым помочь другим, что он доказал во время пребывания своего представителем Красного Креста, особенно во время пребывания в Линдау, где он подвергся преследованию оккупационных Французских войск за свою защиту и "укрывательство" от выдачи коммунистам русских эмигрантов, в частности бежавших от коммунистов во время 2-й Мировой войны.

Путь ген.Лампе и его личность могут служить для нас примером служения России. Будем помнить о нем и следовать его примеру бескомпромиссного антикоммуниста и верного долгу русского офицера, остающегося на своем посту до смерти.

Вечная ему память.

С.Ряснянский.

- - oOo - -

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

/Продолжение, см. №№ 59-60, 61-62, 63-64, 65-66, 67-68, 69-70/.

27. Наступление на Тобол.
/Продолжение/

Первая неделя наступления привела к большим успехам на всем фронте Армии.

Красные были отброшены от линии ст.Матасы - станица Становая на 100 верст к западу, потерпев ряд поражений на всех участках фронта. Над ними нависла угроза проиграть операцию и отступить к Уральским горам.

С большой поспешностью противник начал усиливать свою 5-ую Армию. Сильную группу свежих частей красные сосредоточили на своем правом фланге в районе пос.Екатерининского. Эта группа должна ударить во фланг и тыл белым частям, теснившим их с юга /Уральская группа и Сибирский казачий Корпус/. Сюда они спешно перебрасывают 5-ую красную дивизию со станции Ваграши и из Троицкого и Звериноголовского районов части 35-й красной дивизии, усиленные Степной бригадой. Сильно пострадавшая 26-я дивизия подкрепляется бригадой 21-й кр.дивизии /4 полка/. Формируется 3-полковая кавалерийская дивизия. Производится мобилизация в Челябинском районе с призывом 24.000. Позднее из фронтового резерва присылается 54-ая красная дивизия.

Вновь собранная группа из 5-й и 35-й красных дивизий получает приказ перейти в наступление 7-го сентября. Командир 5-й красной армии Тухачевский в статье "Курган - Омск" в сборнике "Борьба за Урал

и Сибирь" пишет /стр.78/: "Нет никакого сомнения в том, что этот контр-маневр, предпринятый пятой армией, мог бы нанести противнику очень сильное поражение. Однако, этого не случилось". Далее Тухачевский обвиняет свой штаб, вернее себя, в том, что "штаб пятой армии в течение всей этой операции оставался в Челябинске, в то время,как ему следовало бы быть от фронта не далее, как в Кургане".

Помешали командарму красной армии находиться ближе к фронту "вопросы местного формирования, местной мобилизации, местных заготовок и т.д.". Заканчивает свои оправдания Тухачевский так: "Очень часто, в ущерб оперативной обстановке, штабам армий приходилось отставать от боевой линии, чем затруднялась организация и без того бедной связи и в значительной мере нарушалась целость управления"...

Как уже отмечалось при описании боев под Челябинском, Тухачевский очень поверхностно и небрежно относился к своим важнейшим обязанностям - руководству боевыми действиями. Нет надобности, когда идут решительные бои, тащить за собой громоздкие и ненужные для данного времени отделы штаба, ведающие формированиями и заготовками. Достаточно с небольшим полевым штабом выехать вперед и быть там, откуда удобнее управлять дерущимися войсками. Тухачевский вождению войск явно предпочитал тыловую организационную работу, а действиями на фронте руководил из глубокого тыла, не имея возможности своевременно следить за быстро меняющейся обстановкой.

Влившиеся в 5-ую красную армию большие подкрепления давали возможность Тухачевскому остановить наше наступление или, по его убеждению, - "нанести противнику очень сильное поражение". Ни того, ни другого он сделать и достигнуть не мог.

Результаты командования Тухачевским 5-й армией подводит начдив 26-й Эйхе /стр.202/: "Все резервы армии были использованы с крайне незначительным боевым эффектом"..."Истратив все свои резервы, командование армии в дальнейшем, до самого отхода наших войск за р.Тобол, ограничивается тем, что стремится изменением направления ударов дивизий координированием их действий добиться поражения белых, но наши войска устали, понесли большие потери, потеряли гибкость маневрирования... Инициатива была в руках белых. При этих условиях стремление командарма руководить в быстро меняющейся обстановке своими тактическими указаниями приводило к бесконечному подталкиванию наших войск и еще большему изматыванию наших сил" /стр.203/.

- о -

На большое увеличение красных сил наша 3-ья Армия, не менее уставшая, чем наш противник, и также понесшая тяжелые потери, не могла ответить сколько-нибудь значительным усилением своих рядов. Убыль в боях пополнялась в очень незначительном размере, почти одним только возвращением в строй выздоровевших раненых и больных. На прибытие новых частей рассчитывать не приходилось.

"Чтобы докончить начатую операцию и опрокинуть красных за Тобол, было введено в боевую линию все, включительно до моего конвоя", - пишет ген.Сахаров /стр.141/... "Верховный Правитель... прислал также свой конвой, который вступил в бой под начальством своего командира полковника Удинцова и оказал много помощи. Но все это были капли в море; тыл пополнения для наших частей не давал" /Ген.Сахаров, стр. 143/.

еблагоприятная обстановка сложилась на обоих флангах Армии, - там,где ген.Сахаров предполагал нанести противнику решительные удары.

На правом фланге соседняя 2-ая Армия не могла принудить противника к отступлению. Продвинувшись вперед, Уфимская группа подставляла свой фланг и тыл под удар красных. Группе было приказано повернуть часть своих сил на север и оказать содействие 2-й Армии. После упорных боев части Уфимской группы одержали успех над красными, и они начали отступать перед фронтом 2-й Армии. Правый фланг 3-й Армии растянулся на север.

На южном фланге действия Степного отряда и Сибирского Казачьего Корпуса не оправдали расчетов ген.Сахарова. Он пишет /стр.140/: "Масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий, проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вместо того, чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных отрезав их силы от переправ на Тоболе... Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных".

"Поэтому-то нам и приходилось в течение более двух недель,шаг за шагом бить большевиков в целом ряде непрерывных боев, производя постоянные маневры одними и теми же силами.... Форсированные марши и маневры утомляли войска. Бои упорные и жестокие, так как большевики не только оказывали нам стойкое сопротивление, но сами пытались переходить в контр-атаки, - бои с каждым днем уменьшали наши силы."

Такова была в главных чертах обстановка борьбы в течение двух недель после удачных боев первой недели наступления.

- о -

Столкновение Уральской группы с вновь появившимися силами красных потребовало усиления этой группы, и Ижевская дивизия в ночь 9-10 сентября была двинута на помощь Уральцам.

10-го сентября дивизия вступила в продолжительный и упорный бой с противником у деревень Большое и Малое Мартино. У противника была хорошая позиция с отличным обстрелом, и он не давал нам возможности продвигаться по открытому полю. Бой затянулся до темноты. На ночь дивизия была собрана в ближайший лес, где и заночевала. Противник был потрясен боем, и разведка выяснила, что, несмотря на кажущийся успех, красные около полуночи ушли со своей сильной позиции.

Убит командир батареи Бабушкин.

11-го сентября утром перешли в с.Куреинское, занятое накануне 11-ой Уральской дивизией. На площади и на улицах разбросаны разные домашние вещи, земля покрыта пухом от подушек, часть домов сожжена. Здесь ночью спрятавшиеся красноармейцы и местные большевики порубили топорами 60 спящих Уральцев. В организации избиения участвовал священник, который подговорил нападавших не выпустить начальника дивизии ген.Круглевского. Последнему удалось во-время выскочить и спастись.

Когда Уральцы справились с убийцами, пойманный и уличенный священник был по приказу ген.Круглевского расстрелян. Дома местных большевиков, участвовавших в ночном нападении, были разгромлены и некоторые сожжены.

12-го сентября атаковали большое село Лопатинское. Атака на открытой, слегка всхолмленной местности, кое-где покрытой группами кустов, была хорошо видна с пригорков, с которых развернулись цепи Ижевцев. Зрелище было чрезвычайно красивым.

Этой атакой восторгался английский генерал Нокс, приехавший ко времени начала наступления на автомобиле. В свою очередь Ижевцы были удивлены хладнокровием и смелостью англичанина. Не вылезая из своего автомобиля, он ехал за цепями, не обращая внимания на огонь красной артиллерии и пулеметов.

Лопатинское было взято сравнительно легко, красные отошли к деревне Худяково.

Эта деревня видна с колокольни Лопатинской церкви - завтра должны ее взять. Ночью красные наступали на сторожевое охранение, но были отбиты. Предполагалось, что красные атакуют ночью. Начальник дивизии поехал вперед и осмотрел занятые полками участки.

13-го сентября завязался упорный бой у дер.Худяково. На наших флангах - Уральцы. Около полудня деревня была захвачена. Красная кавалерия, пробравшаяся в тыл, создала в обозах и артиллерии панику. Часть обозников помчалась в тыл. Там, как в таких случаях полагается, распространились слухи, что вся дивизия погибла. Пропал командир 3-го полка капитан Зуев, но потом отыскался. Ген.Молчанов, поехавший без конвоя к одному из полков, едва не попал в плен. Красные всадники полчаса гонялись за ним по перелескам, но в конце концов ему удалось ускользнуть и добраться до Худякова.

К вечеру выяснилось, что мы в очень невыгодном положении. Красные с трех сторон. Соседи наши исчезли без предупреждения. Полкам приказано бдительно охраняться и вести тщательную разведку.

Офицер штаба залез на крышу для ориентировки. В это время сообщили, что красные уже вошли в деревню. Бывшие у нас в гостях французские офицеры Марто и Франсуа озираются кругом и не знают, что им делать. И штабу, и гостям пришлось быстро уходить из Худякова. На ночь дивизия собралась в деревне Моховая.

14-го сентября 1-й и 2-й полки направлены в дер.Давыдовка, остальные на село Куреинское.

15-го сентября дивизия перешла в дер.Бородино, штаб - в дер. Степная. 16-го сентября собрались в дер.Сухмень - намечается удар в тыл красным, удерживающим позицию у дер.Худяково.

17-го сентября перешли в дер.Чистая. Ночью полки двинулись на Худяково, атаковали красных и посеяли у них панику. Они выпрыгивали из окон, выламывали рамы. К утру 18-го сентября Худяково было вторично в наших руках. Приехал командующий армией, но ненадолго. Противник перешел в контр-атаку и занял Худяково. Дравшиеся рядом с нами Уральцы вымотались и легко уступают врагу. Остановить их цепи и повернуть на противника не удалось даже под угрозой револьвера.

Отступили в с.Лопатинское.

В управлении боевыми действиями полный беспорядок. Ген.Круглевский отозван за расстрел священника; на его место прислан ген.Беляев - инспектор артиллерии Армии. Он артиллерист старой выучки, занимал административные посты, управлять дивизией в бою не умеет. Не зная, что ему делать, он всех спрашивает: "Как по-вашему?". И продолжается это уже несколько дней.

Ген.Косьмин, командовавший Уральской группой, честолюбивый и ревниво относившийся к успехам других, был весьма недоброжелателен к ген.Молчанову, как к начальнику с установившейся боевой репутацией.

Вместо того, чтобы, для объединения действий Ижевской и 11-й Уральской дивизий, подчинить ген.Беляева ген.Молчанову, он сделал наоборот, и неопытный ген.Беляев вносил много путаницы своими распоряжениями. Когда ген.Молчанову приходилось встречаться с ген.Беляе-

Схема к главам 27 и 28.
Действия Ижевской див при наступленіи (1/IX–1/X) к р. Тобол и при отступлении на восток с 14/X 1919 г.
Обозначения:
⊙ – пункты взятые из старой карты (1903 г. 50в 1")
○ – " " " разных схем.
Δ – " обозначенные приблизительно.
движеніе при наступлении.
" " отступлении.
Носковское
г. Курган
Арлагулское
ст. Варгаши
р. Тобол
ст. Лебяжья
Макушино
ст. Макушино
ст. Петухово
Петраково
Хуторская
Чебаково
Колесово
Давыдовское
Байдары
Калашная
Гусиная
Александ.
Марайская
Худякова
Лопатинское
Сливки
Караваешкино
Теплодубровная
Васильев.
Чистая
Моховое
Мартино
Стрелецкое
Гледянская
Меньшик.
Жилкина
Батырева
Бородино
Куреинское
Михайлов
Казенная
Смоленс.
Сухмень
Степная
Мал. Приютн.
Бол. Приютн.
Ялымское
Каменный Лог
Богатый
Дубровная
Сенжарский
Кладбинский
Кабанный
Островный
Новорыбинский
Пресновская
Екатериненский
Пресногорьковский Ред.
Пресногорьковская Кр.
Песчаный
Сибирскій
Масштаб:
0 5 10 15 20 40 60в

вым, он по дружески объяснял ему обстановку, что лучше всего предпринять и т.д. Ген.Беляев выслушивал, соглашался, но, как только ген.Молчанов уезжал, его помощники давали ему другие советы, и ген. Беляев совершенно терялся в незнакомом ему деле.

В результате даже удачные бои приводили к бесплодным результатам и отступлениям.

К этому надо добавить еще одну причину, задерживавшую нашу операцию: начались дожди, дороги попортились, появилось много больных.

19-го сентября утром красные очистили Худяково, и туда сейчас же вошли наши разведчики. Они выяснили, что противник занял удобную позицию в 3 1/2 верстах западнее. Атака этой позиции нашей и 11-й Уральской дивизией была отбита. В лесу нарвалась на засаду и перешла к красным часть 44-го Уральского полка. Для приведения в порядок обе дивизии отошли от Худякова в направлении к Лопатинскому.

4-й Ижевский полк, начавший свое формирование три недели тому назад, уже потерял часть своего набольшого состава и имеет сегодня всего 21 бойца. Но дерется упорно и, вместе с Оренбургскими казаками, отбил атаку на дер.Чистая и помог 2-му полку при атаке на красную позицию, отвлекши на себя внимание их правофланговой части.

2-ая Оренбургская казачья бригада действует в нашем районе, но уже пять дней казаки не знают, кому они подчинены - Партизанской /Степной/ группе или Уральской. Бригада должна обойти красных с юга, но не имеет точных указаний.

20-го сентября наши разведчики выяснили, что красные деревни Худяково не занимают. Они держатся по-прежнему на своих позициях на 3 1/2 версты западнее Худякова.

Сегодня 7-ая Уральская дивизия атакует дер.Калашная, а 11-ая Уральская дивизия должна двумя полками зайти в тыл красной позиции. Наша дивизия должна вести наступление от села Лопатинского.

В 14 час. Оренбургская казачья бригада сосредоточилась в д.Чистая. Красные занимают д.Батырево. Из-за путаницы в управлении Оренбуржцы потеряли день. Только вечером от дер.Чистая Оренбургская бригада гада ударила по красным и гнала их 15 верст.

2-й Ижевский полк должен был продвинуться вперед, но из-за сильного огня противника это ему не удалось.

21-го сентября противник, обнаружив наше сосредоточение в обход его сильной позиции, не выдержал и отступил, встретив нас в 12 верстах к западу на новой позиции. За ней в 4-х верстах - д.Хуторская.

Казаки при преследовании едва не захватили 8-ую красную батарею. Батарея ускакала, оставив казакам свою походную кухню и пленных.

После полудня дер.Хуторская была захвачена.

Красные начали поспешное отступление. Недельные бои у дер.Худяково закончились. Двинулись вперед к Тоболу, по временам встречая сопротивление красных арьергардов.

Отступление противника было общим перед всем фронтом нашей 3-й Армии. 1-го и 2-го октября части дивизии подошли без боя к р.Тоболу и заняли участок от дер.Колесово до дер.Ялымское; штаб в дер.Глядянка.

Несмотря на значительные пополнения, которые красные периодически получали из тыла, и их по временам очень упорное сопротивление, наши враги получили ряд отдельных поражений и должны были оставить поле сражения. Тухачевский в своей статье /стр.79, сборн. "Борьба за Урал и Сибирь"/ признает свою неудачу: "В 20-х числах сентября

нам мало уже удавались наступательные действия. Войска были чрезмерно истрепаны и утомлены. Для продолжения операций необходимо было освежить и пополнить части, выведя их из состояния непрерывного боя. В тылу армий производились спешные мобилизации крестьян и подготовлялись маршевые части. Необходимо было выиграть время и дать войскам отдых. Вследствие этого было принято решение об отводе частей 5-ой армии за р.Тобол".

Тяжелые сентябрьские бои привели к огромным потерям в рядах обоих противников. Ген.Сахаров дает /стр.153/ следующие цифры убитыми и ранеными за период с 1-го сентября по 15 октября:

	Офицеров	Солдат и казаков
Уфимский корпус	480	8358
Волжский "	224	3960
Уральский "	227	4814
Степная группа	57	638
Итого	988	17770

Эйхе дает сведения о потерях в четырех красных дивизиях /35-й, 5-й, 26-й и 27-й/: убитых 518, раненых и контуженных 4829, пропавших без вести 2627, больных 6729; всего 14719 человек, Из этих дивизий особенно пострадала 26-я - 5825 чел. 27-я потеряла 4889, 35-я 2375 и 5-я дивизия - 1630 чел. О потерях полков 21-й дивизии, кавалерийских частей и позднее прибывших 54-й дивизии и других формирований сведения не указаны.

Потери Ижевцев в этих боях частично сохранились из сведений "перевязочного отряда" дивизии. По этим данным через отряд в течение сентября прошло раненых Ижевцев 274. других частей 117, контуженных 24 и 4, больных 65 и 50; всего 363 Ижевца и 171 чел. других частей. Вместе с убитыми и ранеными, прошедшими мимо перевязочного отряда дивизии, потери дивизии были около 500 человек или почти 40% боевого состава.

Для 3-й Армии тяжкие потери - более половины ее состава - явились кровавой раной, от которой она, не получая пополнения, была обречена на печальное будущее.

Но, подводя итог этому наступлению, следует признать, что жертвы были не напрасны. Красные должны были прекратить на два месяца или больше переброски своих войск на другие фронты и даже направить резервы из своего тыла /54-ю дивизию и некоторые другие формирования/, чтобы не потерпеть нового поражения и отступления к Уралу.

28. Отступление к р.Ишим.

По выходе на Тобол наступили сравнительно спокойные дни до 14 октября.

Обе стороны отдыхали и готовились к дальнейшим действиям. Красные усиливались, вливая новые пополнения. На нашу долю достался только отдых и никаких свежих пополнений, если не считать немногих, возвратившихся после поправки раненых и больных.

На отдых мы расположились просторно в деревнях, где сибирские крестьяне живут в большом достатке и хорошо относились к нам. Гостеприимные хозяйки угощали вкусными шанешками и другими изделиями своего искусства.

Ижевцы в свободное время от сторожевой службы и приведения в

порядок своего оружия и обмундирования занимались ловлей раков, которые водились в большом количестве в многочисленных рукавах реки.

Приезжал Командующий Армией и вспоминал с ген.Молчановым, как получил от него хорошую трепку. "Никогда мне ни от кого так не попадало", - шутливо сказал ген.Сахаров.

Воспоминание касалось одного из боев в районе дер.Худяково. Красные держались на удачно выбранной позиции, и выбить их оттуда потребовало бы больших жертв. Ген.Молчанов в таких случаях неоднократно выманивал противника в открытое поле ложным отступлением.

Так было и в этот приезд ген.Сахарова. Было отдано приказание произвести в определенном порядке поспешное "беспорядочное" отступление и атаковать неожиданно противника, когда он увлечется преследованием. Все движения должно исполнять точно по личным указаниям начальника дивизии по телефону.

По намеченному плану артиллерия поспешно снялась с позиции. За ней последовали одна за другой части пехоты.

Ген.Сахаров, встретив отступающую стремительно в тыл артиллерию, остановил ее, связался по телефону с ген.Молчановым и приказал прекратить отступление. Последний, возмущенный тем, что его план нарушается, резко обратился к ген.Сахарову, доложил ему, что все идет так, как ему нужно, и предложил своему начальнику уехать и не вмешиваться в распоряжения, или принять командование дивизией и разрешить уехать ему, ген.Молчанову. Ген.Сахаров уехал.

Теперь, спустя несколько недель, оба генерала с шутками вспоминали это происшествие.

Иначе сложились отношения у ген.Молчанова с его непосредственным начальником - командующим Уральской группой ген.Косьминым.

Ген. Косьмин не мог не заметить, что ген.Беляев, заменивший ген. Круглевского, был неподготовлен для командования дивизией и, тем более, для объединения действий двумя дивизиями в той сложной и беспрерывно меняющейся обстановке, в которой происходили бои. Тем не менее, он ничего не предпринимал, чтобы внести порядок в руководство боевыми действиями, и даже ни разу не приезжал познакомиться с ходом дел на месте.

Но, подчинив ген.Молчанова ген.Беляеву, он иногда вызывал первого по телефону и отдавал ему приказы помимо ген.Беляева. Однажды он приказал выполнить какую-то задачу и грозно добавил: "Если не выполните - я вас расстреляю". - "Приезжайте для расстрела сюда", - получил в ответ ген.Косьмин. Такие ненормальные отношения между двумя старшими начальниками продолжались до выхода Ижевской дивизии из Уральской группы.

- о -

Красные перешли в наступление через Тобол 14-го октября.

Согласно схемы к статье Тухачевского /стр.33/, прилагаемой здесь, красные считали силы 3-й Белой Армии в 28.000 бойцов, а свои - в 35.100 бойцов.

За отсутствием белых источников трудно проверить правильность этих цифр, но, повидимому, силы 3-й Армии Белых сильно преувеличены. В начале боев у Челябинска в середине июля в этой Армии было 30.000 бойцов. С этого времени большие потери, особенно в сентябре, и незначительное пополнение должны были снизить боевой состав Армии примерно до половины, т.е. 15.000. Навряд ли будет ошибкой считать,что красные силы 5-й армии к 14 октября имели более, чем двойное превос-

ходство, скорее - двух-с-половинное.

Необходимо вспомнить здесь, что, кроме численного превосходства, красные войска имели одну сильную сторону, которой не могли иметь и не имели белые армии. Это их "особые части", которые гнали красноармейцев в наступление.

Как было указано в списочном составе 2-й бригады 26-й дивизии, на 2.500 - 3.000 штыков красных солдат имелся "особый отряд" в 158 чекистов с двумя пулеметами. Кроме того, прослойки коммунистов или комсомольцев были и в мелких единицах до рот и взводов включительно.

Таким образом, даже испытанная и известная своей надежностью 26-я красная дивизия нуждалась для успеха в боях в помощи "особых отрядов".

Они расстреливали бегущих и дезертиров, а также поддерживали "героические порывы" красных бойцов при наступлении стрельбой в их спины. На равнинной и большей частью открытой местности в районе То-

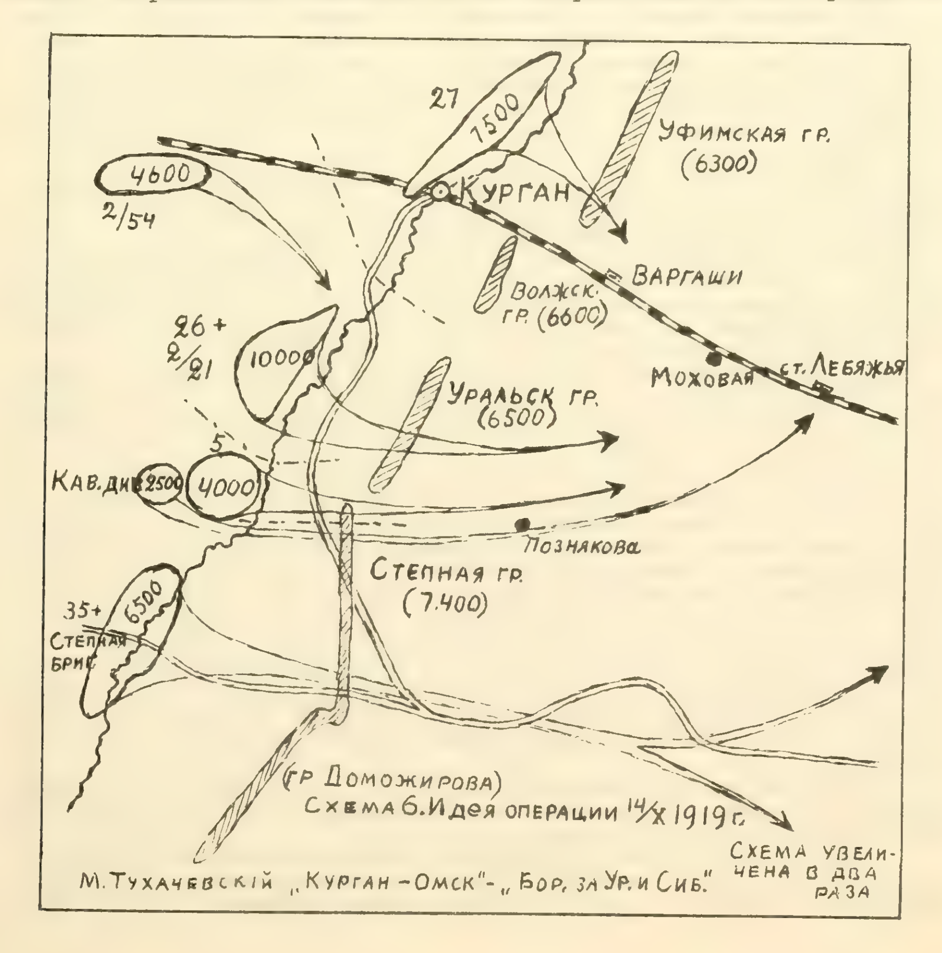

Схема 6. Идея операции 14/X 1919 г.

М. Тухачевскiй „Курган - Омск" - „Бор. за Ур. и Сиб."

бола эти отряды встречали хорошие условия для своей "почетной" деятельности.

Из схемы Тухачевского видно, что он наметил удар с таким расчетом, чтобы отбросить левый фланг нашей 3-й Армии к северу. Сообщая о подробностях своего плана, он говорит: /стр.32/ ..."Наши главные силы были сгруппированы на стыке Уральской и Степной групп и направлялись против Уральской группы, насчитывающей в своем составе 8500 штыков и сабель. Мы направили против нее 16.500 штыков и сабель,и, кроме того, 4.600 человек резерва двигались в том же направлении. Следовательно, здесь мы имели подавляющее превосходство в силах... Волжская группа противника с нами связывалась демонстративными действиями. 27-я дивизия главными силами должна была атаковать Уфимскую группу. Соединенными ударами нашей главной группировки и 27-й дивизии 5-я армия надеялась нанести главным силам противника решительное поражение в районе железной дороги Курган-Петропавловск."

Тухачевский сильно преувеличивал численность Уральской группы, как и других групп. В Уральскую группу входили три дивизии - 7-ая, 11-ая Уральская и Ижевская. В Ижевской дивизии ко времени подхода к Тоболу было только около 800 штыков и сабель. Вся Уральская группа, потеряв за время наступления более 5.000 офицеров и солдат /по сведениям ген.Сахарова/, насчитывала не более 4-х - 4 1/2 тысяч бойцов.

Исходя из собственного расчета, Тухачевский прав, что против стыка Уральской и Степной групп он имел "подавляющее превосходство в силах", но не 21 тысячу против 8 1/2, а всего против 4-х - 4 1/2 тысяч, то есть примерно пятикратное большинство.

Ижевская дивизия занимала участок на левом фланге Уральской группы - в том пункте, где противник наносил главный удар. Здесь одной из переправ являлся мост около с.Ялымского, в котором находился 3-й Ижевский полк, защищавший переправу. Мост не был нами разрушен в предположении возможности дальнейшего наступления.

Несмотря на приказы усилить наблюдение за деятельностью противника и следить за всеми его передвижениями, командир 3-го полка кап. Ольховой прозевал наступление красных. 3-й Ижевский полк был выбит из с.Ялымского, и красные заняли его большими силами. Они также захватили соседнюю деревню Каменный Лог к востоку от переправы.

Начальник дивизии направил для обратного захвата переправы 1-й и 2-й полки под общей командой капитана Михайлова. Оставив заслон против противника, занимавшего дер.Каменный Лог, кап.Михайлов выбил красных из села Ялымского, захватил переправу и отбросил находившегося там противника за Тобол. На дер.Каменный Лог в это время наступала 2-ая Оренбургская Казачья бригада, но красные, уже собравшие здесь значительные силы, отправили часть этих сил в тыл 1-го и 2-го полков. К переправе из-за реки подошли новые части красных, и Ижевцам грозило окружение. Было несколько горячих стычек, был тяжело ранен в живот командир 1-го полка капитан Ляпунов. Переправа была оставлена, и Ижевцы отошли назад, заняв позицию недалеко от дер. Каменный Лог.

В этот же день, правее участка Ижевской дивизии, красные переправились на участке Уральцев. Их наступление началось на протяжении всего фронта нашей 3-ей Армии.

15-го октября утром ген.Молчанов приказал вновь захватить и удерживать переправу, но вскоре были получены сведения, что противник распространяется в тылу за нашим правым флангом, и приказ об

атаке переправы был оттеснен. На правом фланге дивизии оставался лишь малочисленный 4-й полк.

Вследствие угрозы с севера штаб дивизии перешел вечером из деревни Гледянка на три версты восточнее и расположился на ночлег в находившихся здесь землянках.

16-го октября в 3 часа ночи штаб был обстрелян. Ушли на 6 верст дальше к востоку.

В 8 часов красные в тылу за нашим правым флангом атаковали село Давыдовское. Связь со штабом группы порвалась. Ген.Молчанов со своим штабом направился на юго-запад к району 1-го, 2-го и 3-го полков и, собрав их, повел всю дивизию, кроме 4-го полка, на северо-восток для удара по красным, теснившим Уральцев. Шли, охраняясь во все стороны. На короткий ночлег остановились в летнем становище киргизов.

В 2 часа в ночь на 17 октября дивизия двинулась дальше на с.Давыдовское, уже захваченное красными. 1-й полк атаковал село на рассвете и отбросил красных к северу. Взяты пленные 231-го полка 26-й дивизии. На колокольне был замечен наблюдатель противника, который отказался слезть вниз. Юнкер первого полка взялся захватить его и полез наверх. Завязалась борьба, юнкер одолел, и наблюдатель полетел вниз.

Произошло недоразумение с 4-м полком. Он подошел с запада и обстрелял 1-й полк. Через некоторое время ошибка выяснилась.

К красным из дер.Глядянки подошли 186-й и 187-й полки /21-й дивизии/, и с их поддержкой 231 полк перешел в контр-атаку. От дер.Петракова появились еще 229-й и 230-й полки. Собралась вся их бригада, знакомая по боям в первые дни сентября.

Среди перелесков и на полях со сложенными в копны снопами пшеницы разыгрался упорный бой с наседавшими на нас красными. 2-я Оренбургская Казачья бригада, присоединившись к дивизии, два раза посылала сотни в атаку. В первой атаке казаки порубили продвинувшуюся вперед цепь красных. Во второй атаке был убит командир головной сотни, красные выставили большое количество пулеметов, и атака не удалась.

Свирепо дрались Ижевцы, бросаясь в штыковые атаки. Захвачено много пленных. У нас большие потери. Отбросить красных не удалось, они сильно превосходили нас численностью и пытались отрезать от тыловых путей. Дивизия с Оренбуржцами направилась на Александровский.

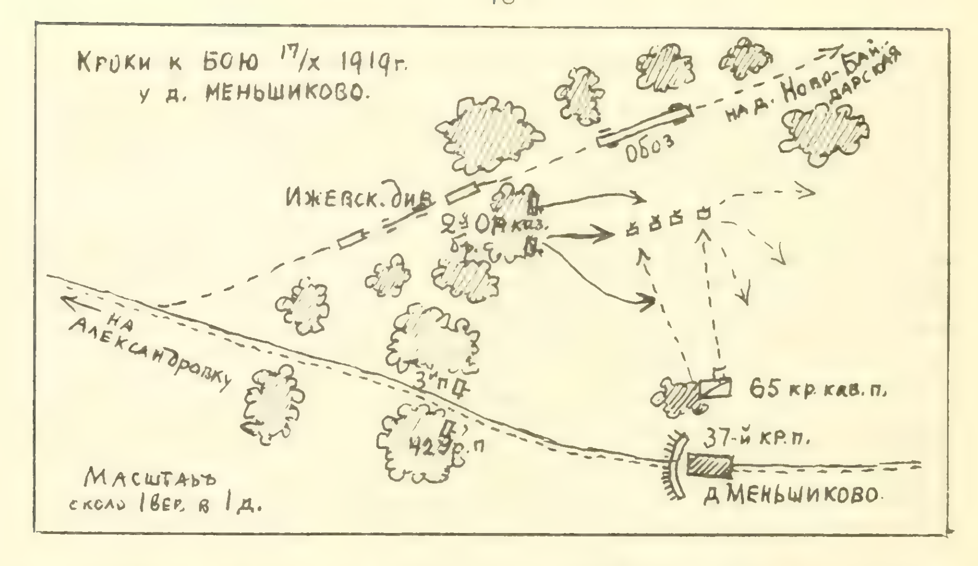
Для захвата этого поселка пошли 3-й Ижевский и 42-й Уральский полки. Последний был отрезан от своей дивизии и присоединился к нам. Александровский противником не занимался.

Направились дальше на дер.Меньшиково. Впереди - 3-й Ижевский и 42-й Уральский полки. Но тут красные нас опередили, и эта деревня была занята их полками - одним пехотным и одним кавалерийским. Наши соседи, с которыми мы с утра 16-го октября потеряли связь, отступали быстрее, и мы оказались в тылу красного фронта.

Необходимо было торопиться, чтобы не оказаться в тесном кольце окружения превосходных сил врага. Вести упорные бои не имело смысла.

Командир 3-го полка донес ген.Молчанову, что противник успел у Меньшикова укрепиться, вырыть окопы, у него отличный обстрел, атака головного отряда отбита сильным ружейным и пулеметным огнем.

Ген.Молчанов выехал сам на рекогносцировку вместе с командиром 2-й Оренбургской бригады ген.Пановым. Действительно, красные успели

приготовиться к встрече с нами, продолжали рыть окопы, подступы к деревне были совершенно открыты на 1 1/2 - 2 версты, и только с севера от деревни в полуверсте находился небольшой лесок. Чтобы взять деревню, надо было потерять время и понести большие потери. У нас в обозе уже было много раненых. Приближался вечер.

Ген.Молчанов решил обойти деревню с севера, где по сведениям проводника была полевая дорога на деревни Ново-Байдарскую и Морайскую. Дорога проходила в 2-х - 3-х верстах от Меньшикова среди небольших лесных групп, но часть ее была видна от занятой красными деревни.

3-му Ижевскому и 42-му Уральскому полкам приказано оставаться перед дер.Меньшиково и поисками разведчиков привлекать внимание противника. Остальная колонна свернулась на полевую дорогу.

Красные зорко следили за нами, и наши разведчики донесли, что эскадроны противника начинают выстраиваться и выслали разъезды в небольшой лесок, что к северу от деревни. Было очевидно, что красная кавалерия собирается преградить нам путь по северной дороге.

Надо было не только отбросить конного врага с нашего пути, но по возможности уничтожить, чтобы он не мог и в дальнейшем мешать движению.

Ген.Молчанов наметил план действий, сообщил ген.Панову и выразил сожаление, что этот план невыполним. Это был своего рода маневр. Ген.Панов не был официально подчинен ген.Молчанову, а характер имел упрямый, любил спорить и настаивать на том, чтобы все делалось так, как хочет он. Чтобы не терять много времени на уговоры, нужно было дать почувствовать ген.Панову, что решение зависит от него, что он план одобряет и будет его выполнять. На сомнение о выполнимости плана ген.Панов сразу же возразил: "Почему нельзя это сделать? Конечно, это выполнимо, и я это сделаю".

Немедленно были отданы распоряжения. Движение полков было приостановлено в лесу.

Казаки собрались в лесу, не выходя на восточную опушку. Перед ними обширное поле.

По полевой дороге потянулись обозы, выходя на открытое место. Первым двигался обоз штаба дивизии, и на передней повозке сидела жена Начальника дивизии Наталия Константиновна Молчанова, показывая пример самообладания другим женам офицеров и солдат.

Обозники были предупреждены, что на них предполагается нападение неприятельской кавалерии, которую казаки атакуют и отбросят прежде, чем они доскачут до обоза.

Когда обоз вытянулся на поляну, красные действительно соблазнились легкой добычей и двинулись в атаку. Послышались громкие выкрики команд, засверкали шашки, раздался торжествующий крик "Ура!", и красная кавалерия бросилась на обозную колонну.

Несмотря на предупреждение, некоторые обозники и крестьянские подводчики не выдержали грозного зрелища несущейся на них кавалерии и бросились бежать. Большая часть колонны продолжала движение, и можно представить себе, как чувствовали себя сидевшие на повозках обозники и семьи бойцов.

Но не успели красные доскакать до обоза, как на них обрушились казаки.

Отчаянная схватка продолжалась недолго. От неожиданности всадники противника смешались и бросились назад и в разные стороны. В то время, как часть казаков рубила опешившего врага, другие бросились отрезать им путь отступления на Меньшиково.

65-й кавалерийский полк противника погиб на три четверти. Казаки понесли незначительные потери. Это было лихое кавалерийское дело. На поляне осталось много убитых красных всадников, были взяты пленные, лошади, оружие.

37-й красный полк /5-й див./ не вышел на помощь своей коннице и не пробовал беспокоить нас на марше. Захватив за этот долгий и тяжелый день более 200 пленных, мы спокойно продолжали путь по полевым дорогам, которые указывал проводник.

Вечером умер тяжело раненый три дня тому назад командир 2-го Ижевского полка капитан Ляпунов.

18-го октября в 4 часа утра дошли до деревень Ново-Байдарская и Марайская, где и расположились отдыхать. Провели спокойно весь день. Перед вечером начали выступление дальше. В 16 часов появились красные, и мы под их огнем отходили к дер.Васильевке. Они не преследовали. В Васильевке связались с другими частями Уральской группы, о которых не имели сведений с утра 16-го октября, и таким образом вышли на фронт всей армии.

19-го октября утром к нам на подкрепление подошли части Сибирского Казачьего корпуса.

2-й Ижевский полк вместе с 4-й Сибирской Казачьей дивизией атаковали д.Жилино. Красные были выбиты и отступили.

Казаки действовали слабо и значительной помощи не оказали. Они сами сознавались в своей неподготовленности. 2-й полк понес значительные потери - 6 офицеров и 95 солдат. Казаки на вопрос о потерях отмалчивались.

20-го октября в 9 часов утра 2-й Ижевский полк с 3-й Сибирской Казачьей дивизией были направлены для обратного захвата дер.Марайской. Ввиду отхода на восток Степной группы, находившейся к югу от нас, наступление на Марайскую было вскоре отменено. 11-й Сибирский

Казачий полк был срочно послан занять дер.Батырево, захват которой противником угрожал нам с тыла.

3-й Ижевский полк и 4-ая Сибирская Казачья дивизия оттягиваются от выдвинутого положения в д.Килино. Около 11-ти часов отошли от дер.Васильевка на дер.Казенная. Вечером противник перешел в наступление, но не атаковал нас, а залег перед дер.Казенной.

21-го октября рано на рассвете красные атаковали нас в дер.Казенная. Наши части отошли на 4 версты и здесь остановили наступление противника. Оставив арьергард, дивизия перешла на хутор Смоленский. Дер.Батырева, а потом и дер.Чистая были оставлены нашими соседями справа. Слева Степная группа продолжала откатываться, и дивизия вновь попадала под угрозу окружения. Охраняясь с севера и с юга, двинулись в столь знакомое село Лопатинское. Подходя к нему, еще не знали, кто его занимает. Выпал снег. Тяжелые недельные бои, отсутствие резервов и пополнений и большие потери вынудили армию к прекращению бесцельных операций и отходу за реку Ишим.

Ижевской дивизии было приказано усиленными переходами двинуться к г.Петропавловску, переправиться на восточный берег реки и, опустившись к югу, занять для обороны участок реки в районе станицы Бишкуль.

29. Воткинцы в боях на Тоболе.

Мало сохранилось сведений о действиях Воткинцев на Урале и на реке Тобол.

После перехода через Уральские горы Воткинская дивизия была переброшена на правый фланг 1-й Сибирской армии, где вошла в состав Тобольской группы ген.Редько. В этой группе также состояли: 7-ая Сибирская дивизия, 1-й Сибирский Казачий полк, отряд полк.Франка и Иртышская флотилия из пяти пароходов.

На участке 1-й Сибирской армии, во время наступления в сентябре, только группа ген.Редько имела большие успехи и отбросила красных за Тобол.

Воткинцам пришлось встретиться с сильным врагом - 51-й красной дивизией под командой Блюхера, позднее прославленного красного маршала. Воткинцы нанесли Блюхеру сильное поражение и едва не захватили его самого. Он спасся от плена, убежав в лес.

О захвате Воткинцами гор.Тобольска есть записка казначея 59-го полка Воткинской дивизии военного чиновника Залкана. Когда началось наступление, нач.дивизии полк.Юрьев отправил по реке Иртышу отряд на четырех пароходах с большим количеством пулеметов и с несколькими орудиями.

Задача - высадиться в тылу врага. Отряд успешно выполнил задачу и атаковал встреченного противника. У красных поднялась паника. Часть их сдалась, другие разбежались по лесам, и их оттуда вылавливали.

Этим смелым маневром группе был обеспечен выход на р.Тобол и захват гор.Тобольска. Берег реки к югу от города был очищен от противника до устья р.Тавды. Подробностей этой операции указанный автор не сообщает.

От него же узнаем, что во время отступления от Тобола, когда дивизия была недалеко от Усть-Ишима, красные захватили обозы 57-го и 58-го полков.

Полк.Юрьев, находившийся со штабом на пароходе, немедленно собрал небольшой отряд и отправился на выручку обоза. Выяснив расположение красных, он обошел их лесом и неожиданно атаковал. Обоз был отбит с ничтожными потерями и вернулся к своим полкам.

Полк.Юрьев был вскоре отставлен от командования дивизией и назначен помощником начальника дивизии Морских стрелков. При отступлении на восток, на станции Кемчуг /85 верст к западу от Красноярска/ часть Морских стрелков перешла к красным и, видимо, тогда же погиб полк.Юрьев.

Как причина отстранения полк.Юрьева, после блестящих действий, от командования Воткинской дивизией, так и неизвестность его дальнейшей судьбы вызывают до сих пор недоумение Воткинцев, любивших своего командира.

- о -

Приводимый ниже боевой эпизод сообщен ст.фейерверкером 2-й батареиВоткинского артиллерийского дивизиона К.М.Зайцевым. Точного времени участник боя не помнит, но можно предположить что это относится ко времени форсирования красными Тобола в середине октября.

Красные, заняв большое село Карачино, четыре дня не могли сбить Воткинцев с их позиции и продвинуться дальше. Позиция Воткинцев упиралась в большое озеро, также имевшее название Карачино. Прикрываясь озером от нападения с фронта, батареи Воткинцев заняли позиции на фланге дивизии и продольным огнем били по наступавшему противнику.

В тылу расположения Воткинцев находился лес. Из этого леса можно было атаковать артиллерию и избавиться от ее губительного огня. Это красные и решили сделать. Скрытно, пробираясь оврагами, красная кавалерия, силою около одного полка, проникла в лес, не обнаруженная Воткинцами, и бросилась в атаку на батареи. Ближайшей оказалась 2-ая батарея, но, заметив атакующую конницу противника, батарея успела взять пушки на передки и помчалась под защиту своей пехоты.

Увидев 2-ую батарею и преследующих ее красных всадников, командир полубатареи 1-й батареи, поручик С., повернул свои две пушки на противника и стрельбою на картечь обратил его в бегство. Оставив на поле несколько десятков убитых и раненых, красная кавалерия бросилась в лес и оттуда скрылась, не предпринимая новых атак.

К.М.Зайцев дал также краткие сведения о создании Воткинского артиллерийского дивизиона.

При поспешном бегстве с завода в день восстания рабочих 17-го августа 1918 года против советской власти, большевики сбросили две трехдюймовых пушки в Каму. Эти пушки были вытащены из воды, вычищены, оказались в полной исправности и послужили к зарождению Воткинской артиллерии.

Была создана 1-я батарея, командиром которой был Трепицын. Помощником его был назначен упомянутый выше поручик С., который в Мировую войну был наводчиком в артиллерии и вступил в ряды восставших рабочих с первого дня восстания.

2-я батарея была сформирована поручиком Алмазовым, который прибыл с двумя пушками из Ижевска. Его помощником был поручик Верцинский, позднее принявший батарею от Алмазова и прокомандовавший ею до конца Забайкальского периода.

Первым командиром дивизиона был капитан Курбановский. Он был убит в бою у пристани Гальяны. В командование дивизионом вступил поручик Алмазов.

3-я батарея была сформирована позднее. Командовал ею Михаил Радыгин.

В боях при защите своего завода Воткинцы захватили новые трофеи, и все батареи имели по четыре орудия.

Свою артиллерию Воткинцы сохранили в течение всего Сибирского похода и пришли с нею в Забайкалье. За это состав дивизиона был награжден Георгиевскими петлицами.

30. На реке Ишим.

Выступив 22-го октября из района Лопатинского, Ижевская дивизия переправилась через реку у гор.Петропавловска и 26-го или 27-го заняла указанный ей для обороны участок к югу от города.

Река Ишим протекает по сильно болотистой долине и во многих местах разветвляется на несколько рукавов. Это облегчало оборону реки защитой только тех пунктов, где были возможны переправ, и наблюдением за промежутками.

На участке дивизии наиболее вероятным местом переправы противника было там, где дорога от станции Бишкуль на поселок Архангельский подходила к реке и имелся мост. Дорога была насыпана на болоте, и через имевшуюся здесь протоку был второй мост. При подходе к главному руслу реки севернее дороги находился небольшой холм. Мост через главное русло реки был разрушен наполовину.

Оборона этого направления была поручена 1-му полку. Стрелковая позиция находилась у самой реки. "Хоть рыбу лови удочкой", - вспоминает один из участников этих событий. У холма были установлены приданные полку две пушки. Тут же размещался штаб полка, резерв и конная разведка.

Окопов не рыли - не было лопат, и на болоте много не накопаешь. Лежали стрелки, где было посуше, среди кустов и камышей.

Заняв пос.Архангельский, красные несколько раз пробовали переправиться через реку, но все эти попытки были отбиты. В конце концов, отказавшись от возможности захватить переправу, красные заняли позиции на своем берегу, также у самой реки, и открывали огонь при всяком движении у Ижевцев. Наступили заморозки, и лежать среди болот было холодно. Когда Ижевцы, чтобы согреть ноги, подымали их и хлопали одну о другую, противник открывал пулеметный огонь. Среди раненых было больше с ранениями в ноги.

Смена приходила в темноте. Стрелки пробирались поодиночке,чтобы не вызывать огонь и не нести потерь. На позиции находился один батальон, а два оставались в резерве у холма.

Успех обороны этого пункта был полностью обеспечен.

В 10-ти, 15-ти верстах к югу от 1-го полка у дороги, подходившей к реке, где, повидимому, была переправа в брод во время мелководья, стоял 3-й полк. Здесь появлялись мелкие партии противника для разведки, но отгонялись нашими заставами.

Таким образом, за оборону участка реки, назначенного для дивизии, можно было быть спокойным.

Дня через три или четыре после прихода Ижевской дивизии на реку Ишим начались ожесточенные бои за гор.Петропавловск. Здесь дралась, защищая город, Волжская группа генерала Каппеля.

Станица Бишкуль находится в 8-ми верстах от Петропавловска к югу, и сюда доносилась почти беспрерывная пушечная пальба.

К сожалению, у автора очерка не сохранилось записей этого периода, и невозможно установить число, когда был сдан Петропавловск.

Красные сведения противоречивы. По словам Тухачевского /"Борьба за Урал и Сибирь", стр.36/: "29 октября утром, после упорного боя, 35-я дивизия, форсировав Ишим, овладела гор.Петропавловском. Противник несколько раз переходил в контр-атаку, но подошедшими силами 27-й дивизии положение 35-й дивизии было закреплено и противник оттеснен".

Из этих слов Тухачевского можно понять, что бой продолжался один день 29-го октября.

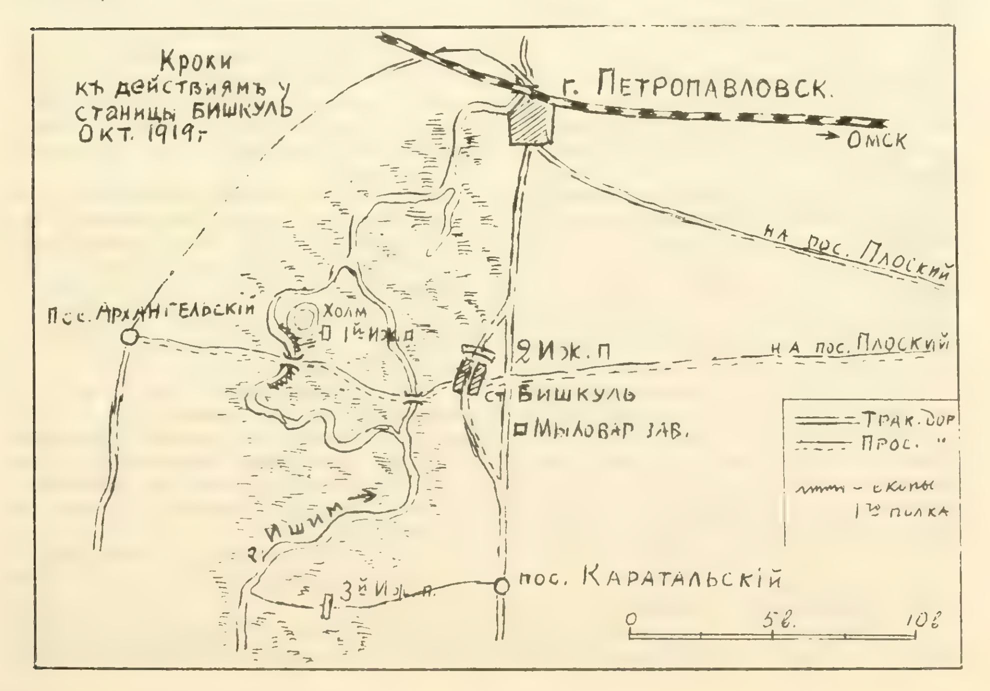
Но в том же сборнике /стр.252/ другой большевицкий автор И.С. /член рев.совета 5-й красной армии/ пишет, что "утром 30-го к белым подошли крупные подкрепления и два бронепоезда. Они перешли в контратаку. Весь день шел бой на улицах города. Он продолжался и 31-го, и лишь 1-го ноября противник окончательно отступил".

А комдив 27-й красной дивизии Путна в этом же сборнике /стр.15/ указывает, что Петропавловск был занят 2-го ноября.

Белые источники также указывают разные сроки оставления Петропавловска, от 31 октября до 2-го ноября.

С началом боев у Петропавловска всем частям дивизии было приказано усиленно охраняться и по тревоге быть готовыми к бою, артиллерии к занятию позиций, обозам иметь лошадей запряженными в повозки.

2-й полк под командой своего нового командира кап.Володкевича, кадрового офицера, выставил охранение к северу, вел разведку на Петропавловск и должен был не допускать противника в северную часть станицы.

Тем не менее красные, вскоре после захвата Петропавловска, появились у ст.Бишкуль довольно неожиданно. Дело было под вечер.

Командир 1-го полка кап.Михайлов вспоминает такие подробности. Он сидел у телефона и слышал разговор кап.Володкевича с начальником дивизии: "Ваше Превосходительство! Мимо заставы № 1 проследовало 20 подвод красных". На это ген.Молчанов ответил: "Что вы панику разводите, здесь достаточно сил, чтобы отразить 120 подвод".

Но кап.Володкевич, человек нервный, действительно разводил панику. Прежде всего, непонятно, почему его застава пропустила передовой отряд противника мимо, а не задержала его огнем. Но еще преступнее было со стороны кап.Володкевича, что вместо того, чтобы встретить противника всем полком, он отошел с ним на дорогу, ведущую к дер.Плоской /на восток/. Он открыл путь врагу на Бишкуль и оставил без защиты находившиеся там артиллерию, обозы и штаб дивизии.

Красные нагрянули значительными силами, крича "ура", и открыли сильную стрельбу вдоль улицы. Среди части артиллерии и обозов поднялась паника. Дорога на восток, отходившая от северной окраины станицы, была отрезана. Все бросились на юг.

Противник быстро распространился по станице. Когда выстрелы стали раздаваться близко от штаба дивизии, пришлось спасаться и штабу.

Последнее распоряжение ген.Молчанова по телефону было, по словам кап.Михайлова, 1-му полку: "С позиции не уходите, мы переходим в контр-атаку".

Ген.Молчанов со своими офицерами и ординарцами свернул в ближайший переулок и этим избежал опасности попасть под град пуль, несшийся вдоль главной улицы. На южной окраине станицы он стал собирать всех строевых. Здесь он узнал, что часть наших пушек попала к красным, в том числе все пушки 3-й легкой батареи, только недавно сформированной и присоединившейся к дивизии в этом роковом для нас пункте. Командовал батареей старый офицер кап.Миронов, который небрежно отнесся к распоряжению иметь лошадей в запряжках и быть в готовности на случай тревоги. Кроме того, попали к красным две пушки 2-й батареи.

Торопясь спасти захваченные орудия, ген.Молчанов не стал ждать, когда подберется достаточное число бойцов, или будет возможность подтянуть к себе 3-й полк, который находился на берегу реки южнее Бишкуль. Собрав наскоро всего 14 человек с одним пулеметом "Шоша", он бросился на красных. Крича во всю глотку "ура" и паля из пулемета, кучка смельчаков заставила красных, уже располагавшихся по квартирам, отскочить назад. Нападавшие разбивали окна прикладами и бросали в избы, полные красноармейцев, ручные гранаты.

У красных поднялась паника. Не видя никаких цепей или значительных групп противника, они не понимали, кто стреляет.

Генерал Молчанов дошел до пушек, но вывести их не мог. Красные начали собираться и нащупывать врага. Ген.Молчанов, увлекшийся спасением пушек, опасности не замечал. К нему подошел старший ординарец Алексеев и тихонько сказал: "Ваше Превосходительство, кругом собираются красные, спрашивают, какого полка".

Из 14-ти человек уже были убиты или ранены шестеро, осталось 8 бойцов. Ген.Молчанов приказал не спеша двинуться вдоль домов. Зашли в ближайший переулок и выбрались в поле.

Паническое поведение кап.Володкевича привело дивизию к поражению и потерям, коих она не имела за все время своего существования.

Кап.Володкевич был отстранен от командования полком и больше не назначался на командные должности. В дальнейшем он был ограничен обязанностями по хозяйственной части.

На удар красных ответил 1-й Ижевский полк. Смелыми и удачными действиями он отплатил врагу за поражение и вернул захваченные у нас трофеи.

Когда противник ворвался в станицу и телефонная связь со штабом дивизии была прервана, телефонисты 1-го полка спрятались в кусты около дороги, ведущей из Бишкуль к реке. Установив телефон, они сообщали командиру полка все, что происходило в селении, и просили говорить потише. Кругом бродили красноармейцы, которые могли их обнаружить.

Сообщили молодцы-телефонисты и о начавшейся контр-атаке генерала Молчанова, о переполохе у красных и обо всем, что происходило дальше.

Когда контр-атака не удалась и все стихло, победители разместились на ночлег. О присутствии в их тылу противника красные не подозревали и в сторону реки охранения не выставили.

Пришла очередь действовать 1-му полку. Командир полка не торопился с атакой и дал красным возможность успокоиться и уснуть. Тем временем он приказал полку бесшумно сняться с позиции и вытянуться по дороге на Бишкуль. Колеса орудий были обернуты соломой. В полной тишине, не вызывая подозрений у частей противника, стоявших на противоположном берегу реки, полк двинулся на Бишкуль.

Пройдя мост через протоку, шедшая впереди конная разведка бросилась вперед. За ней - остальной полк. С громким "ура" ворвались в Бишкуль. Красные выскакивали из домов и в полном беспорядке, не оказывая сопротивления, удирали к Петропавловску. 1-й полк их преследовал, и они понесли большие потери.

От красных были отобраны два орудия 2-й батареи, захваченные ими около двух десятков обозных повозок с разным грузом и освобождено около 100 человек, попавших в плен. На крыльце дома, где был штаб дивизии, был обнаружен значек штаба, не замеченный красными.

Пушки 3-й легкой батареи были, видимо, отправлены красными в Петропавловск вскоре после захвата. Капитан Михайлов сообщает, что в Бишкуль находился дивизион артиллерии одной из Сибирских казачьих дивизий, все пушки которого, в количестве десяти, были захвачены противником, но отобраны 1-м полком. Также он отмечает, что красноармейцы, стоявшие у пушек часовыми, остались на месте и были взяты в плен. Сопротивления они никакого не оказали.

После захвата ст.Бишкуль 1-й полк со всеми отобранными орудиями и повозками перешел на отдых на мыловаренный завод, находившийся в двух верстах от станицы. Здесь было удобнее обороняться в случае новой атаки красных. Но они больше не появились, и разведка доносила, что Бишкуль оставался свободным от противника до выступления полка в дер.Плоскую - на 25 верст к востоку. В этом пункте собрались 1-й, 2-й и 4-й полки дивизии. Ген.Молчанов с 3-м полком и частью артиллерии и обозов, проскочивших из Бишкуль в деревушку в 4-5 верстах южнее и приведенных в порядок, двинулись утром следующего дня на восток степными дорогами.

Путь южной колонны дивизии шел по местности большей частью открытой. По временам встречались кусты и небольшие группы деревьев.

Это был район кочевий киргизов. Попадались их становища, где они располагались на зиму, устанавливая свои юрты и устраивая заго-

родки для скота. Иногда приходилось останавливаться для отдыха у киргизов и отогреваться в их теплых и вместительных юртах. Чаще отдыхали в степи у костров.

В первый переход от р.Ишим на восток, поздно вечером, дозоры донесли, что замечена какая-то колонна. Движение было приостановлено, стали наблюдать за появившейся колонной. В наступившей темноте было трудно разобрать, кого встретили - своих или красных.

По разным признакам выяснили, что это был полк противника силой 500-600 штыков. Красные стали устраиваться на ночлег, расположившись среди кустов. Запылали костры.

В нашей колонне, включая всех строевых, было не больше 150 бойцов.

Окружив красных полукольцом 3-го полка и остальных чинов, ген. Молчанов приказал атаковать красных. Предварительно он распорядился как можно громче кричать "ура". Ослепленные светом своих костров и не видя ничего в окружающей темноте, красные не могли заметить нашей малочисленности. В большом беспорядке они бежали, оставив на месте убитых, раненых, пленных и часть своего обоза.

Через 2 или 3 дня дивизия собралась вместе и дальнейшее движение продолжала одной колонной.

Красные также начали применять в эти дни ночные нападения. Пострадали некоторые полки Уральцев. В одну из ночей к дивизии присоединились небольшие остатки одного из Уральских полков, прорвавшиеся из кольца красных. На следующую ночь прибежал только один командир полка, кажется, 43-го, сумевший вырваться из плена.

Подобное окружение красные приготовили и для Ижевцев. Это было, когда мы уже прошли кочевья киргизов и остановились в большой деревне. Наше охранение обнаружило противника своевременно и отбило его передовые части. Красные начали окружать деревню с обоих флангов. Их силы были значительно больше наших, им было легко полностью окружить нас. Отбиваться в деревне было невыгодно, можно было потерять много лошадей и не вывести всю артиллерию и обозы. Надо было отступать.

Сделали это своевременно, хотя и пришлось на протяжении нескольких верст отбиваться с трех сторон - настойчивый противник не хотел выпустить дивизию из своих лап.

А.Ефимов.

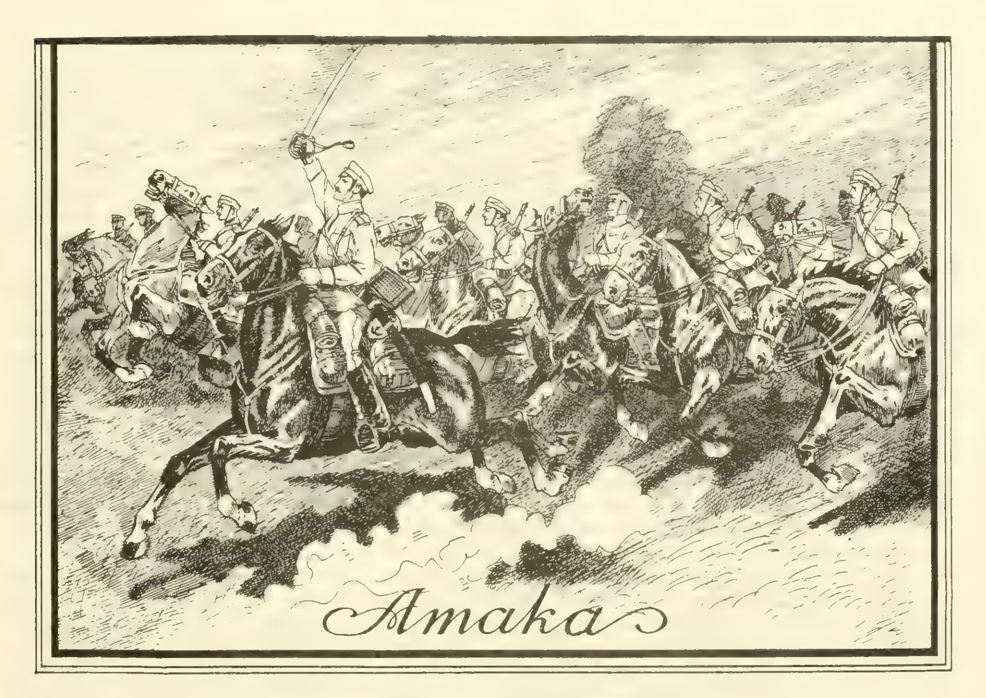
/Продолжение следует/

- - оОо - -

БИБЛИОГРАФИЯ.

Вышла из печати и поступила в продажу юбилейная памятка "КОРНИЛОВЦЫ 1917 - 10 июня - 1967", посвященная 50-летию зарождения Корниловского Ударного полка.

Биография ген.Корнилова, история зарождения полка по инициативе кап.Неженцева, история "ратной службы" полка, а впоследствии дивизии /с 23 июня 1917 по 1-е ноября 1920/, сведения о командирах, мед. персонале и сестрах, о Корниловцах в рассеянии и в Русском Корпусе - все это является неоценимым вкладом в зарубежную военную литературу, так как написано участниками этих событий, под редакцией последнего Начальника Штаба Корниловской дивизии ген.штаба полковника Е.Э.Месснера. - Продается у начальников групп Объединения чинов Корниловского Ударного полка.

РАЗГРОМ БУДЕННОГО ПОД РОСТОВОМ.
6-8 января 1920 года.

С развитием огнестрельного оружия, в особенности пулеметов, и при силе современного огня крупные конные столкновения тех эпох, когда конница была "царицей полей сражений", отошли, казалось, безвозвратно в область преданий. Однако, условия Добровольческой войны на юге России - чисто маневренная война на широких просторах при отсутствии непрерывного фронта, возможность получать конский состав, наличие кадровых офицеров кавалеристов и т.д. - неожиданно возродили действия значительных кавалерийских масс и конные атаки.

Одним из самых картинных кавалерийских дел, в котором автор принимал участие, как командир 1-го эскадрона Сводно-Гвардейского кавалерийского полка, является разгром 1-й Конной Армии Буденного под Ростовом 6-8 января 1920 года.

К концу декабря 1919 года /все даты по старому стилю/ большая часть вооруженных сил ген.Деникина вышла, после тяжелого отступления из центральных губерний, на Дон и, перейдя реку, задержалась по нижнему течению Дона и по Манычу.

Добровольческая армия, сведенная в 1 корпус ген.Кутепова - Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы, - остатки 5-го конного корпуса, сведенные во 2-ую полковую бригаду ген.Барбовича, и Терско-Кубанский кавалерийский отряд, остатки конного корпуса ген.Топоркова - заняли фронт от Азовского моря до Ростова и Нахичевани включительно. Дальше на восток шел участок Донской армии ген.Сидорина, 3-й Донской корпус, пеший, ген.Гусельщикова в станице Ольгинской с при-

данной ему кавалерийской бригадой, кажется, ген.Старикова, и 4-й Донской конный корпус ген.Павлова в станице Homутовской в резерве.

Красное командование юго-восточного фронта /Шорин, бывш.полковник ген.штаба/ решило немедленно форсировать Дон, чтобы не дать нам времени укрепиться, и 1-й Конной армии Буденного было приказано перейти 4-го января Дон и, взявши Батайск /против Ростова/, чтобы сбить замок на жел.дороге, выйти нам в тылы в разрез между Добровольцами и казаками. Красная пехота 8-й армии должна была по всему фронту содействовать этому наступлению /книга Буденного "Пройденный путь"/.

Условия местности благоприятствовали красным. Главный рукав Дона течет от станицы Аксайской до Азовского моря под правым высоким берегом красных. Левый берег низменный, плавни, местами до 10-11-ти верст ширины. Против Нахичевани и станицы Аксайской переправы - паромы. От Аксайской переправы гать по плавням к станице Ольгинской. Задонская степь между Батайском и Ольгинской /расстояние 28 верст/ представляет собой широкий и глубокий плацдарм, удобный для разворачивания без всяких рубежей сопротивления.

Зима 1919/20 года выдалась холодная, и Дон к этому времени крепко замерз. Конная бригада ген.Барбовича последней подошла 27 декабря к Ростову, когда город и мост были уже заняты красными. Отбив несколько атак, бригада к вечеру перешла Дон и плавни прямо по льду со всей своей артиллерией, от станицы Гниловскойзападнее Ростова на Койсуг, несмотря на то, что за два дня до этого из Ростова ушел в Азовское море ледокол, проломавший открытую полосу в середине реки, которая немедленно опять замерзла. Я упоминаю этот эпизод, чтобы подчеркнуть неправильность заявления Буденного, что "к началу боевых действий поймы рек Дона и Койсуга были затоплены водой и покрыты "тонким льдом". - Правда, первые 2-3 дня января были туманные с короткой оттепелью, но уже 4-го стоял крепкий мороз, и короткая оттепель ничего не изменила. Самый переход через Дон, как на Нахичеванской, так и на Аксайской переправах, вне сферы нашего ружейного огня, не представлял для Буденного никаких трудностей.

По сводкам штаба Донской армии у ген.Кутепова при отходе за Дон было 3383 штыка и 2928 шашек. Шедшие ему навстречу пополнения позволили, однако, в первые же дни увеличить боевой состав корпуса, который к моменту столкновения с Буденным был доведен приблизительно до 10000 бойцов. Бригада ген.Барбовича уже развернулась в 3 полка, а у Донцов на этом участке было, вероятно, около 4000 штыков и 3000 шашек.

В 1-ую Конную армию Буденного входили 4-я, 6-я и 11-я Кавалерийские трехбригадные дивизии - 9500 шашек - и две стрелковых дивизии - 9-я и 12-я, 4500 штыков, - 3 броневых поезда, 9 броневых автомобилей, 56 орудий и 400 пулеметов. Кроме того, в наступлении участвовали со стороны красных 40-я, 33-я, 15-я и 16-я стрелковые дивизии - 11000 штыков - и 16-я кавалерийская бригада Волосатого - 2000 шашек - 8-й армии, занимавшей фронт от Нахичевани на восток, то есть всего около 11500 шашек и 15500 штыков. В Ростове, кроме бронепоездов Буденного, было еще три, включая тяжелый с 6-дюймовыми морскими орудиями, ходивший по линии Ростов-Новочеркасск вдоль по фронту. С нашей стороны было два легких бронепоезда на линии Ростов-Екатеринодар, перпендикулярной фронту.

4-го января никаких серьезных действий со стороны красных не было, хотя Буденный и пишет в своей книге о яростных но всегда отби-

тых атаках на Ольгинскую, во время которых он "неоднократно с Ворошиловым лично водил бойцов" на приступ. Другие советские авторы /Агуреев и Тюленев/ говорят то же самое, повидимому, чтобы подтвердить выполнение приказаний штаба фронта на 4-ое января и не противоречить Буденному. Красные, вероятно, произвели в этот день разведку на Ольгинскую, которую им необходимо было захватить и держать, чтобы обеспечить свой левый фланг и тыл при переправе главных сил и затем при разворачивании на Батайск.

5-го января части 6-й кавалерийской дивизии Буденного и пехота 8-й армии выбили казаков после упорного боя из Ольгинской. Поднявшаяся днем сильная метель не позволила красным развить этот успех или донцам контр-атаковать. Последние отошли на ночь в район Хомутовской. Конница Добровольческого корпуса /ген.Барбовича и Топоркова/ была вечером вызвана по тревоге в Батайск, но выступление из-за метели было отложено до утра.

За ночь метель улеглась, и 6-го января с утра стояла тихая, морозная и ясная погода, Главные силы Буденного, 4-я и 11-я кав.дивизии и части 6-й, начали с рассветом переправу по Нахичеванской переправе. Первые сведения об этом поступили в 7 часов утра от конных разведчиков Корниловцев, наблюдавших в плавнях /статья корниловца полк.Рябинского в "Военной были" № 71/. Конница ген.Барбовича подошла к сборному пункту на юго-восточной окраине Батайска у переезда через жел.дорожную насыпь около 10 часов утра после перехода по сильно занесенной снежными сугробами дороге. Терцы и Кубанцы ген.Топоркова были уже на месте, Терцы в резерве, а Кубанцы, высланные навстречу красным, отходили сильно растянутой лавой перед подавляющими силами Буденного и были уже совсем близко от окраины Батайска.

Полки ген.Барбовича, и с ними Терцы, на широких аллюрах перескочили по переезду через жел.дорожную насыпь и, на-ходу разворачиваясь, пошли в атаку. Их неожиданное появление из-за насыпи, скрывшей их подход, и стремительность атаки ошеломили красных, видевших Батайск уже почти взятым без серьезного сопротивления.

Атакующим полкам представилась незабываемая картина: совершенно ровная, покрытая девственным белым снегом широкая, искрящаяся на утреннем солнце степь с разбросанными по ней маленькими курганами. Совсем близко отходящая жиденькая лава кубанцев, а у нее на плечах густая лава красных с вкрапленными в ней пулеметными тачанками. Дальше за лавой чернели три квадрата резервных порядков, повидимому бригад; между ними и на флангах - снимающиеся с передков на открытой позиции

орудия и вспышки первых выстрелов, а на курганах группы наблюдателей и начальства - батальная картина Наполеоновских времен!

Атака мгновенно опрокинула красную лаву, налетела на ее плечах на не успевшие еще развернуться резервные порядки, разметала их, и вся эта масса перемешавшихся всадников, пулеметных тачанок и орудий неудержимо понеслась, коля и рубя, на восток, к плавням и переправам. Бешеная скачка промчалась версты 3 - 3 1/2, пока не выдохлись кони. Части затем начали собираться, приводиться в порядок, и постепенно завязался огневой бой, продвинувшийся еще немного на восток.

Разворачиваясь после переправы на Батайск, Буденный загнул свой левый фланг, выслав заслон в направлении хутор Злодейский - станица Хомутовская. 4-й Донской конный корпус ген.Павлова начал с утра /в 9 часов, по сведениям донской армии/ вытягиваться из Хомутовской на Ольгинскую и разворачиваться с целью сначала атаковать эту станицу и выбить из нее красных. Появление на его фланге заслона Буденного, действовавшего очень напористо, и разгоревшийся под Батайском бой заставили ген.Павлова изменить первоначальное направление и выйти главными силами корпуса западнее Ольгинской, на левый фланг Конной армии Буденного, отброшенной от Батайска нашей атакой.

4-й Донской корпус втянулся в бой с заслоном Буденного около 11 часов и полностью развернулся в новом направлении, отбив упорно дравшийся заслон, к 15 часам /по сведениям Донской армии/. Тут разыгралась вторая фаза боя 6-го января. Донцы атаковали в конном строю с юга, а полки ген.Барбовича и Топоркова одновременно с запада. Красные, приведшие к этому времени свои части в порядок и готовившиеся опять наступать, не выдержали, и вся эта масса перемешавшихся конниц помчалась к плавням. Наши снаряды, особенно тех конных орудий, которые скакали за атакой на левом фланге, разбивали лед в протоках и болотинах плавней, вызывая панику у красных. Их пулеметные тачанки и орудия проваливались и застревали, рвались постромки, и все, уже в панике и без управления, бросая все, бежали к переправам. Преследование прекратилось с темнотой и из-за усталости конского состава.

Полки ген.Барбовича и Топоркова продвинулись за этот день верст на 17-18 на восток от Батайска к Ольгинской, то есть не дошли до последней верст на 10. Донцы подошли к Ольгинской уже в темноте, но взять ее в этот день не смогли, встретив упорное сопротивление. Она осталась в руках красной пехоты /16-й стр.дивизии/ и небольших разрозненных частей, отошедших на нее, 6-й кав.дивизии Буденного.

Пехота 8-й армии и обе стрелковые дивизии Буденного с утра 6-го перешли по всему фронту в наступление, но были сравнительно легко отбиты и нигде успеха не имели, кроме крайнего правого фланга у донцов. В первой фазе конного боя 6-го января участвовало с обеих сторон около 9-10 тысяч всадников, а во второй, вероятно, тысяч 20 шашек. Столкновения были чисто конными, без непосредственного участия пехоты.

7-го января на фронте Добровольческой армии царило затишье.Конница Буденного, отброшенная с потерями за Дон, зализывала свои раны. Бригада ген.Барбовича оставалась на своих биваках в Койсуге. На восточном участке фронта Донцы /3-го и 4-го корпуса/ с утра атаковали Ольгинскую и после упорного боя выбили из нее красных, отбросив их везде за реку. Часть конницы ген.Топоркова, Терцы, была вызвана на помощь Донцам, но с начала перехода возвращена обратно на свои биваки, ввиду успеха под Ольгинской.

8-го января красная пехота 8-й армии /33-я и 40-я стр.дивизии/ и части Конной армии до рассвета вновь атаковали Ольгинскую и взяли ее. Ядро Конной армии Буденного с утра опять переправилось по переправам с усиленной на этот раз артиллерией и начало разворачиваться на Хомутовскую и на Батайск. Ее стрелковые дивизии энергично наступали из Ростова на Батайск и на Койсуг, и части 12-й дивизии, перейдя речку Койсуг /приток Дона в плавнях/, подошли на 2-3 версты к окраине Батайска, но были отброшены нашей пехотой за Дон. Корниловцы из Батайска выдвинулись вдоль плавней против Нахичеванской переправы. Бригада ген.Барбовича, стоявшая на биваке в Койсуге в 6 верстах от Батайска, вышла им на поддержку и сначала в пешем строю удлинила цепи Корниловцев, загнув правый фланг на юг. С подходом донской конницы из Хомутовской, хут.Злодейского,к полкам Барбовича, ведшим огневой бой, были по сигналу подведены на галопе коноводы, и вся конница /Добровольцы, Терцы, Кубанцы и Донцы/ опять атаковала в конном строю с юга и с западаБуденного. После нескольких атак и контр-атак красные не выдержали и в беспорядке помчались обратно к переправам. Небольшая часть успела выскочить к Нахичеванской переправе, остальные помчались по плавням к Аксайской. На этот раз наша конница дошла засветло до Ольгинской и конной атакой взяла станицу окончательно, очистив левый берег Дона от красных. Поздно ночью,вернее перед рассветом 9-го, Добровольческая конница на еле шедших от усталости лошадях вернулась на свои биваки в Койсуг.

После этого вторичного поражения Конная армия Буденного, понесшая тяжелые потери и морально разбитая, уже не пыталась более форсировать Дон и была отведена для пополнения и приведения в порядок. Командующий юго-восточным фронтом Горин был смещен и на его место назначен Тухачевский.

По сводкам штаба ген.Деникина во время боев 6-8 января у красных было взято 22 орудия и 120 пулеметов. Число пленных мне точно неизвестно, но один лишь 4-й Донской корпус взял их около 1700, а бригадой ген.Барбовича было захвачено более 300 строевых лошадей. Ворошилов, в разговоре по прямому проводу со Сталиным, указал, что потери в командном составе конной армии превысили 40%, а в конском составе 4000 лошадей. В поле за околицей Ольгинской долго еще оставались следы этих боев - горы собранных и сложенных замерзших трупов людей и лошадей, которые невозможно было похоронить из-за глубоко промерзшей земли.

Советские писатели коротко и неохотно говорят об этой неудачной для них операции. Буденный в своей книге "Пройденный путь" /вышла из печати в 1958 г./ говорит на стр.389:

"С рассветом 19-го /6-го/ января 4-я и 11-я кавдивизии перешли в энергичное наступление, имея задачу выйти на линию Кагальницкая - Азов - Кулешевка - Койсуг - Батайск - Злодейский. 6-я дивизия использовалась для развития успеха 4-й и 11-й дивизий. Однако противник, заняв выгодные позиции у Батайска и сосредоточив крупные силы конницы, артиллерии и пулеметов, при активной поддержке бронепоездов сковал наши части сильным пулеметно-артиллерийским огнем и сорвал наступление. На ночь дивизии отошли: 4-я в Нахичевань, 6-я и 11-я в Ольгинскую, куда к вечеру подошлоа и 16-я стр.дивизия 8-й армии".

Про бой 8-го января он дальше пишет:

"В результате длительного и кровопролитного боя белые были выбиты из станицы Ольгинской, однако, сгруппировав до десяти тысяч

сабель конницы и крупные силы пехоты, противник перешел в контр-наступление и ценой больших потерь вытеснил наши части из Ольгинской и вынудил их на ночь отойти за Дон. 21 января /8-ое/ было одним из самых тяжелых дней для Конармии. Действуя в крайне невыгодных для конницы условиях против превосходящих по численности вражеских сил /до 15 тысяч сабель и 10 тысч штыков/, занимавших хорошую для обороны местность, части армии понесли большие потери".

Буденный, конечно, несколько преувеличивает нашу численность и не упоминает свою и 8-й армии пехоту. 19 января 1-го февраля он послал Ленину письмо, оправдываясь в своей неудаче и обвиняя Шорина. В этом письме он говорит:

"Я должен сообщить вам, тов.Ленин, что Конармия переживает тяжелое время. Еще никогда так мою конницу не били, как побили теперь белые. А побили ее потому, что командующий фронтом поставил Конармию в такие условия, что она может погибнуть совсем..."

Другой советский писатель, Тюленев, пишет о бое 6-го января на стр. 143:

"К 12 часам в районе Батайска и в 3-х километрах южнее станицы Ольгинской конница обеих сторон развернулась лавой и пошла в атаку. Благодаря перевесу в артиллерии и бронепоездам противнику, после 6-часового боя, удалось отбросить части 1-й Конной и 8-й армии на правый берег Дона."

И дальше, на стр. 143-145, о бое 8-го января:

"К 15 часам создалось тяжелое положение. Противник сбил на линии Батайск-Ольгинская части конной армии и стремился отрезать им переправу у Нахичевани, чтобы захватить потом в плен пехоту в районе Ольгинской. Действиями 1-й бригады 4-й кав.дивизии - резерва Конной армии - угроза была ликвидирована, но части Конной армии были вынуждены снова отойти на правый берег Дона. За период боев 17, 18, 19 и 21 января под Батайском 1-я Конная и 8-я армии понесли очень большие потери."

Вот отзывы в советских источниках о нашем /добровольческой конницы/ первом серьезном бое с конницей Буденного, который я описал. Немного более месяца спустя, 17-го февраля, мы с ней опять столкнулись под Егорлыцкой и еще раз в октябре в северной Таврии, но об этом в другой раз.

Г.Г.Раух.

- - - - оОо - - - -

От Редакции.

ВВИДУ ПЕРЕГРУЖЕННОСТИ РАБОТОЙ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА, РАЗБОРУ БУМАГ И АРХИВА, А ТАКЖЕ ЗАНЯТИЙ ПО СЛУЖБЕ, МЫ НЕ ВСЕГДА ИМЕЕМ ВОЗМОЖНОСТЬ ОТВЕЧАТЬ НА ПИСЬМА И ЗАПРОСЫ, ПРИСЫЛАЕМЫЕ НАМ НАШИМИ СОТРУДНИКАМИ И ДРУЗЬЯМИ, ТАК СКОРО, КАК НАМ БЫ ХОТЕЛОСЬ.

ПРОСИМ ВСЕХ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ НЕ СУДИТЬ НАС СТРОГО И ВЕЛИКОДУШНО ПРОСТИТЬ ЗА ЗАДЕРЖКУ С ОТВЕТАМИ. ИСКРЕННО НАДЕЕМСЯ, ЧТО В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ПРИВЕДЕМ ВСЕ ДЕЛА В ПОРЯДОК, ЧТО ПОЗВОЛИТ НАМ БЫТЬ БОЛЕЕ АККУРАТНЫМИ С ОТВЕТАМИ.

- - оОо - -

К статье "ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ДЕСАНТЫ".

Согласно просьбе редакции хочу сообщить некоторые данные о десантах.

В десанте ст.лейтенанта Сергея Ивановича Медведева гардемарин Конге /впоследствии мичман/ никакого участия в высадке в Геническе не принимал, так как находился все время у меня. Я же в то время вооружал катера в Туапсе для отправки их в Царицын на Волгу, и Конгэ был со мной. Участником этой высадки был капитан малого плавания Вячеслав Николаевич Адрианов, офицер Марковского полка, поступивший в полк в начале 2-го Кубанского похода, где и был ранен. Я встретился с ним первый раз в клинике Напалкова в Ростове, а потом он был у меня офицером на корабле в Каспийском море.

О Геническе он рассказал следующее: когда "Перикл" вошел в порт Геническ, то сразу сел на мель и подвергся усиленному обстрелу. Ст. лейтенант Медведев был тяжело ранен и, лежа на палубе, просил всех его пристрелить, что в конце концов и было выполнено. Оставшиеся целыми для спасения себя от расстрела попрыгали в воду, благо было мелко, а оттуда были взяты в плен. В голом виде их привезли на берег, и только это "голое обмундирование" спасло Адрианова от смерти, так как всех офицеров тут же рубили шашками. В голом же виде их погрузили в товарные вагоны и под охраной повезли куда-то в тыл. Везли довольно долго, по дороге сердобольные бабы на станциях кое-как приодели их. До конечного пункта охрана вся разбежалась, и они устроились в госпиталь, как потерпевшие красноармейцы. После госпиталя Адрианов поступил горнистом в какой-то красный полк и при встрече с белыми перешел к ним. После этого он был отправлен в Каспийское море, куда приказано было отправлять всех моряков для укомплектования Каспийской флотилии. До конца белой борьбы Адрианов был со мной и потом умер в Сан-Франциско. Другой участник этой высадки, мичман Петр Герасимов, также из плена пробрался в Крым, потом попал в Европу и недавно умер в Греции.

Кроме этой поправки, я хочу рассказать об одной высадке, которой я был участником и которой в списке нет. Правда, она была произведена Донской флотилией Всевеликого Войска Донского, но так как большинство участвовавших в ней офицеров были из Добровольческой армии, то я думаю, что она заслуживает быть также помещенной в этом списке.

Первым на реке Дон в районе Новочеркасска, Аксая и Ростова начал действовать против красных инженер механик, лейтенант Балтийского флота Евгений Николаевич Герасимов, природный донской казак. Про него говорили, что в первые дни революции, когда в Гельсингфорсе матросы убивали офицеров, он, будучи механиком на одном из миноносцев, также был убит, и тело его было брошено на лед. К вечеру все трупы были свезены в городской морг. А наутро, когда морг был открыт, то среди трупов стоял Герасимов. Оказалось, что пуля только скользнула по сердцу. Он сейчас же был отправлен в госпиталь в Петербург, откуда, поправившись, уехал на Дон. Первым его помощником против красных был лейтенант Балтийского флота Феодотьев.

После возвращения Добровольческой Армии из 1-го похода в Ростов ими снова была занята яхта "Колхида", где разместился штаб Донской флотилии, начальником которой был назначен атаманом Красновым инж. мех. Герасимов, начальником штаба лейтенант Балт.флота Борис Ильвов /первопоходник/ и командиром первого корабля, речного парохода "Новочеркасск", лейт.Феодотьев. Не помню точно, но, кажется, в конце июня месяца 1918 года Ильвов пригласил меня командовать вторым кораблем, речным пароходом "Кубанец". Старшим офицером у меня был мичман Михайловский, артиллеристом поручик артиллерии Костецкий и пулеметным офицером сотник Алексеев-Попов. Корабли были вооружены двумя 3-дюймовыми сухопутными пушками на колесах, и рубка была обита железными листами для защиты от пуль.

Приняв корабль, который еще не совсем был готов к действию, я наконец лег в клинику Папалкова для операции моего плеча, где рана, полученная под Батайском, до сих пор, с февраля месяца, не заживала, отчего моя левая рука не действовала. Только меня приготовили для операции, как получено письмо от нач.штаба: "Останови свою операцию и возвращайся на корабль, завтра срочный поход, операцию сделаешь после похода".

Возвращаюсь и узнаю, что, вероятно, благодаря 2-му Кубанскому походу Добр.Армии или наступлению ген.Покровского на Таманский полуостров, красные стали отходить от левого южного берега Дона и Азовского моря, и нам приказано немедленно идти и взять город Азов, для чего дана сотня казаков и назначено еще несколько офицеров - мичманы Киреенко, Герасимов, Эльканович /первопоходник/.

Командующий флотилией лейт.Герасимов располагается у меня на корабле, и мы, два корабля - "Кубанец" и "Новочеркасск" - с 4-мя трехдюймовыми орудиями, пулеметами и сотней казаков /около 80 чел/, отходим от пристани и идем вниз по Дону.

Наконец, как на ладони, открывается гор.Азов, расположенный на левом берегу Дона и спускающийся до самой реки. Приготовились к бою, но видим, что город совершенно мертвый и в нем полная тишина. Подходим прямо к пристани, на которой какие-то два прапорщика нас встречают и докладывают, что красные ушли, что в городе все спокойно и что отцы города приглашают нас на угощение. Командующий решил здесь заночевать и на утро двигаться дальше вниз по Дону. Таким образом

все приняли участие в обильном ужине, продолжавшемся до глубокого вечера.

Утром идем дальше вниз и у самого устья Дона, на его левом берегу, подходим к большой станице, названия которой я не помню, где нас встречают очень радушно: красные также покинули это место. Здесь дали нам местного рыбака, который провел нас, благодаря нашей маленькой осадке, через какие-то каменные кряжи и совсем не по фарватеру в Азовское море. Идем дальше вдоль южного берега моря. Компасов на кораблях нет, и карта Азовского моря очень примитивная. Берег идет по направлению с востока на запад, круто спускается к морю, и нам не видно, что на нем делается.

Впереди видна на берегу большая группа людей: подходим и видим - выстроилось в две шеренги человек 200. Старший из них докладывает, что красные только что ушли, а они просят дать им офицера, чтобы ими командовать и преследовать красных. Сотник Алексеев-Попов был назначен и отправлен на берег. Здесь же у берега был небольшой катер "Ворон", который мы забрали; мичман Эльманович был назначен командиром.

Ввиду такого громадного успеха, командир решил произвести высадку в Ейске, где по сведениям еще были красные войска. Кроме того, в гавани находилась самоходная баржа "болиндер", вооруженная шестидюймовым орудием. Эти "болиндеры" употреблялись Черноморским флотом для высадки войск на Турецком берегу.

Идем на запад вдоль берега, с расчетом около полуночи подойти к Ейску. Я иду головным и на буксире у меня катер "Ворон"; сзади в кильватере идет "Новочеркасск". Наконец, стемнело, берега не видно, но, к счастью, звездное ясное небо, и я иду, руководствуясь полярной звездой. Но скоро берег поворачивает круто, на 90°, на юг и входит в мелководную бухту, употребляемую только рыбаками, на южном берегу которой и расположен Ейск. Необходимо было этот поворот сделать вовремя, потому что иначе вместо бухты мы могли попасть на песчаную косу, выходящую от Ейска далеко в море. Все оказалось правильно, и почти ровно в полночь мы, благодаря нашей речной осадке около 1 фута, подошли к самым рыбачьим судам, стоявшим у города, и начали высаживать нашу сотню, частью воспользовавшись шлюпками рыбаков. Часть погрузилась на катер "Ворон", но он отошел от нас не больше, чем на сажень и сел на мель - осадка этого морского катера была больше нашей. В общем, высадка была произведена благополучно, катер "Ворон" снялся с мели, и мы отошли от берега на дистанцию, удобную для обстрела из наших пушек. Кроме десанта сотни был отдельно высажен мичман Киреенко с людьми со специальным заданием - через косу пробраться в морскую гавань, ворваться в "болиндер" и снять замок с 6-дюймового орудия, что ими было выполнено вполне удачно, так как все вокруг спали. Они вернулись еще до рассвета и привезли с собой замок орудия.

Высаженная на берег сотня должна была без выстрелов пробраться в центр города, где захватить все центральные учреждения, но вскоре после высадки раздались выстрелы. Наши ли, не распознав в темноте друг друга, начали стрельбу, или была другая причина, но секрет наш был открыт. Стрельба пошла по всему городу. Мы, для поддержки духа нашего десанта, открыли огонь из наших орудий по городу. Так продолжалось до рассвета. С рассветом вижу - десант пытается на шлюпках отойти подальше от берега, но на воде скрыться некуда, и их расстреливают, как куропаток. Говорю командующему: "Высадка наша не удалась,

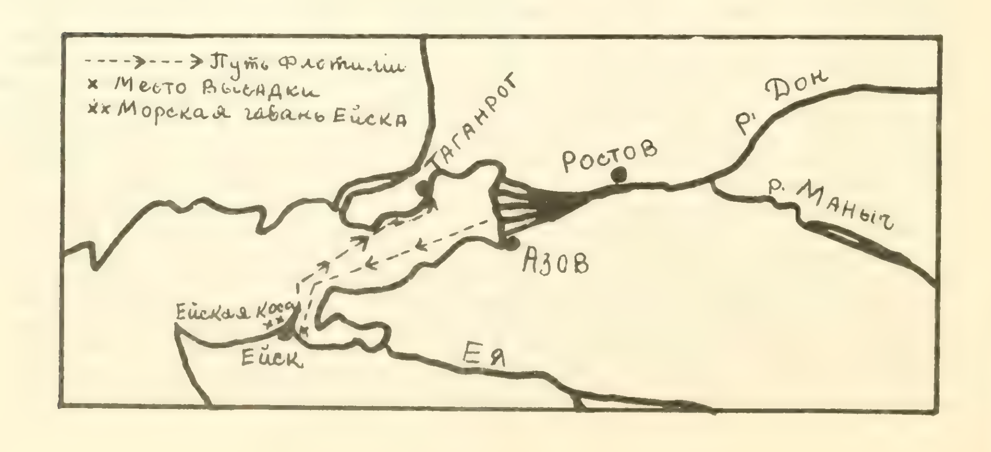
разрешите идти спасать остатки". - "Да, идите", - отвечает Герасимов, и я иду вглубь, в самую гущу стрельбы. Тут же мичман Киреенко был тяжело ранен в шею, а мичман Герасимов легко. Стрельба была настолько интенсивная, что когда деревянные ручки моего рулевого штурвала при повороте его выходили вне защиты рубки, то все почти сбивались пулями.

Возвращавшиеся с берега были по три раза ранены уже в шлюпках, и чтобы их поднять, надо было своим бортом защищать их от пуль. Боцман был убит, помогая поднять их на палубу, а командующий, лично руководивший поднятием раненых, был так сильно контужен что слег без чувств и пролежал до самого возвращения в Ростов. Подобрали мы человек сорок, остальные все погибли. Подобранные же все были ранены. "Новочеркасск" в это время обстреливал город из орудий.

Так закончилась наша операция, и мы начали уходить из бухты под продолжавшийся усиленный обстрел из пулеметов и ружей, а потом и какая-то пушка долго провожала нас своими снарядами.

Решил идти в Таганрог, занятый тогда немецкими войсками, в надежде сдать там раненых, которых мы не могли обслуживать за неимением медицинских средств и персонала. Пока были видны берега, еще можно было держать направление, но когда берега стали скрываться, то без компасов и без солнца держать направление было почти невозможно. На наше счастье, какой-то маленький пароходик, воспользовавшись стрельбой и суматохой, удрал из морской гавани и присоединился к нам. Имея все необходимое для мореплавания, он и довел нас до Таганрога. В Таганроге немцы сначала арестовали меня и не хотели оказывать никакой помощи, но потом, видимо, получив от кого-то инструкции, взяли всех раненых в свой военный госпиталь и даже дали нам уголь, чтобы дойти до Ростова, куда мы и прибыли на следующий день. Командующий лейт.Герасимов продолжал лежать больным, и я был вызван атаманом Красновым в Новочеркасск для личного доклада. Атаман принял меня очень радушно и после доклада благодарил за все наши действия. Через некоторое время после доклада я получил приказ о производстве меня за боевые отличия в старшие лейтенанты, а мичмана Киреенко в лейтенанты.

А.Ваксмут.

ИЗ ОПЫТОВ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Психология - наука о душе человека. Военная психология рассматривает, что происходит в душе человека под влиянием боевой обстановки. Духовную сторону человека условно делят на ум, сердце, волю и инстинкты. Под умом подразумевают: мышление, память и опыт. Мышление определяется работой центральной нервной системы. Память - способность центральной нервной системы сохранять в себе произведенные на человека ранее впечатления. Опыт - свойство центральной нервной системы быстро воспроизводить в памяти отрицательные и положительные стороны в аналогичных и ранее пережитых случаях.

К "сердцу" относятся все душевные проявления, именуемые сердечностью, то есть: взаимная выручка, солидарность, патриотизм,жалость и отрицательные, например, эгоизм, тщеславие, злость, зависть и пр.

Воля - к ней относятся: внимание, настойчивость, энергия, храбрость, мужество, твердость и отрицательные, например: упрямство, сомодурство и проч.

Внимание - способность человека сосредоточивать работу центральной нервной системы только в нужном направлении. Энергия определяется продуктивным расходом физических и умственных сил в достижении определенной цели /следует различать суетливость или расход энергии без его учета на пользу дела/. Настойчивость заключается в расходе физических и умственных сил в устранении препятствий для достижения определенной цели. Храбрость - решимость достигнуть определенной цели, хотя бы ценою личной гибели. Мы, военные, не можем согласиться с таким определением, так как и разбойник часто рискует жизнью.Храбрость военная - это высшее выполнение солдатского долга перед родиной, доведенное до самопожертвования. Мужество - постоянная готовность человека проявить храбрость.

Из всех инстинктов, как-то: самоулучшение, самопроявление, продолжение рода и самосохранение, - военная психология останавливается, главным образом, на инстинкте самосохранения и подыскивает способы его заглушения. что и составляет одну из основных задач военной психологии.

По афоризму Наполеона, на войне успех зависит на 3/4 от моральных данных войск и только на 1/4 от их материальных сил. Прежде полагали, что владеть душой массы войск могли только особо одаренные натуры, но дело науки в том и заключается, чтобы сделать общедоступными те знания, которые раньше зависели только от искусства. С появлением, после 1-й Великой войны, новой военной еауки - военной психологии - первые лучи исследования стали проникать в эту таинственную область военного дела.

Все великие полководцы прежде всего были психологами. Суворовская наука побеждать полна психологического смысла. Военная психология ставит своей задачей указать способы: а/ воздействия на духовную сторону войск в период подготовки их к войне; б/ поддержания в войсках соответственного духа в боевой обстановке и в/ подавления этого духа в войсках противника. Военная психология под духом войск подразумевает: чувство мощи или сознание своего превосходства перед противником, веру в себя и победное стремление.

"В здоровом теле здоровый дух". Человек состоит из души и тела, постоянно между собою взаимодействующих, и пренебрежительное отношение к одному из них на войне может привести к поражению. Воинский

дух зарождается в семье, и так, что надевший военный мундир отрок или юноша уже имеет представление о связанных с ним Суворовских требованиях: "субординация, экзерсиция, - дисциплина, чистота, опрятность, - здоровье, бодрость, смелость, - храбрость". Школа воспитывает своих учеников в духе патриотизма и жертвенного служения родине. Поступивший на военную службу, путем внимательного отношения к нему офицеров, становится таким, каким подобает быть солдату.

Укажем только на некоторые примеры, благотворно влияющие на дух войск в период подготовки к войне:

Разумное, осмысленное ведение занятий вместе с дисциплиной и заботой о подчиненных вселяет в них чувство удали, молодечества и отваги. Сомкнутый строй, парады и церемонии с бравурной музыкой и воодушевляющими песнями напоминают солдату высокое его назначение. Ознакомление с военной историей, особенно с подвигами офицеров и солдат, вызывают в солдате жажду подвига. Очковтирательство и "внешняя сплоченность, основанная на непродолжительной работе в мирное время, распадается в серьезные минуты и под впечатлением неожиданных событий" /Герм..полевой устав/.

Успех на войне, помимо подготовки к ней войск, зависит от популярности ее и авторитета вождя. В прежних войнах, для разрешения спорных вопросов между собой, как в широко раскинутом поединке, дрались народы братья. В переживаемое нами время, без соблюдения каких бы то ни было правил поединка, дерутся истинные враги. Успех в такой войне зависит от сознания справедливой цели войны и ненависти к врагу. В войсках должно царить убеждение, что руководители и вожди также готовы пожертвовать своей жизнью, как и дерущиеся на передовых позициях их подчиненные.

"Я считаю, что наша старая Русская Армия имела столь большие достоинства, что в глазах серьезных людей она может только выиграть от правды. В отношении воинской доблести и действий войсковых частей вплоть до дивизий, Русская Армия 1914 года может быть поставлена выше всех воевавших тогда армий. Тут сказалась та оплаченная кровью школа, которую прошла значительная часть нашего среднего командного состава в войну с Японией 1904-5 годов. Мы хромали в 1914 году в области высшего командования и в технике Службы Генерального Штаба. Правда, в этой сложнейшей области человеческой деятельности достигнуть совершенства чрезвычайно трудно. Всегда возможны ошибки... легко обнаружить ошибки и на стороне наших врагов. Однако, это не должно служить причиною скрывания таких ошибок.

"Подобно очень богатому человеку, наш командный состав привык слишком нерасчетливо лить офицерскую и солдатскую кровь. А между тем, чем доблестнее армия, тем более имеет она морального права требовать от своего командного состава высшего умнья" /Генерал-проф. Головин/.

Между прочим, вступление нашего, действовавшего до 1-й Великой войны,полевого устава гласило: "На войне успех достигается твердой и ясной постановкой цели и настойчивым стремлением всех, от высшего начальника до рядового, достигнуть этой цели во что бы то ни стало." Это основное правило устава, конечно, не могло служить оправданием авантюрных операций и боев. Например: Декабрьское наступление 1916 года 12-й армии под Ригой. - Лютая зима; естественно замаскированные глубоким, доходившим до пояса, снегом окопы противника и перед ними - лесные засеки и проволочные заграждения. Неознакомление с положением противника предназначенной для главного удара, только что прибывшей в 12-ую армию 6-й особой бригады, отсутствие теплых помещений

и совершенный нерасчет операции привели к кровавому поражению частей 12-й армии, подорвали в ней дух и авторитет начальников. Применяя требование устава "во что бы то ни стало", но совершенно не считаясь с обстановкой, командарм 12-й ген.Радко-Дмитриев из Риги, верст за 30-35 от места атаки, телеграфировал начальнику ударной группы Ген. штаба генерал-майору Е.В.Лебединскому: "Мне непонятно, как это так Вы, имея в своем распоряжении 15 батальонов, не только не взяли позиции противника, но даже позволяете ему контр-атаковать Вас. Приказываю Вам привести в порядок вверенные Вам части, повторить атаку и о результатах ее мне донести не позднее 12 часов завтрашнего дня. 24 декабря 1916 г. Радко Дмитриев".

Согласно этой телеграмме. генерал-майор Лебединский атаку повторил и, потеряв 3/4 своей ударной группы, позиции противника не прорвал и увел свою 6-ую особую бригаду, только на доблесть которой так рассчитывал Радко Дмитриев, в тыл на пополнение. Первым, идя во главе штурмующей колонны, повис на проволоке перед окопом противника доброволец черногорец 12-го особого полка штабс-капитан Божидар Маркович.

"Исправление ошибок в управлении войсками на войне покупается ценою крови. В такой армии, как Старая Русская Армия, командный состав был избалован доблестью войск. Очень часто ошибки его могли оставаться незамеченными под покровом излишне пролитой крови" /ген. проф. Головин/.

Личный пример начальника имеет огромное значение. Например, Петр Великий под Полтавой, с его речью: "Воины, настал час решать вам судьбу Отечества. Не за Петра деретесь, а за Государство, Петру врученное, за род свой, за Православную веру и Церковь. Не помышляйте о непобедимости врага, которой ложь вы не раз доказали своими победами. Имейте в сражении правду и Господа нашего Защитника, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только матушка Россия для благоденствия нашего".

Суворов под Требией, своим появлением среди отступавших частей и возгласом: "Заманивай, заманивай их, братцы!" - обратил нравственную заразу инстинкта самосохранения у своих "чудо-богатырей" в привычное для них, под водительством непобедимого Суворова победное стремление, и противник был разбит.

"Во всех случаях высшим руководителем является офицер. Офицер всюду и всегда, в случаях даже самых необычайных, должен уметь проявить свою личность, без боязни ответственности. Начальники должны широко поощрять проявление личности подчиненных им офицеров"... "Солдаты! Если у вас явится упадок духа в бою, то в тяжелую минуту посмотрите на своих офицеров. Связанная дисциплиной выучка должна быть доведена до инстинктивного выполнения правильно в боевой обстановке всех команд, требований и проявления личной инициативы" /Герм. полевой устав 1909 г./. Последнее в значительной мере устраняет необходимость проявления личного примера начальниками.

В боевой обстановке ум человеческий под влиянием переживаний, холода, голода и физического утомления не всегда работает нормально, и в этих случаях решения принимаются инстинктивно, по опыту, в силу привычки и бессознательно. У совершенно невоспитанных частей уклонение от опасности, трусость является тоже в силу привычки, чему в значительной степени помогают предоставленные в их распоряжение средства передвижения.

Способов понижать дух у противника, вообще говоря, множество. Наш полевой устав 1909 г,, например, указывает: "Наилучшими действиями нужно признать наступательные, они позволяют захватить почин в свои руки и заставить противника делать то, что мы пожелаем". Под почином прежде всего надо подразумевать позволяющие проявить инициативу: сознание своего преимущества по обстановке и своей силы перед противником. Выигрыш внезапности в боевых действиях и всякого рода неожиданности вызывают растерянность в инстанциях управления, замешательство и связанный с ним упадок духа в войсках противника. "Удивить - это значит победить" /Суворов/. Всякого рода демонстрации, обстрел и тревоженье тыла противника, нанесение поражения наиболее активным частям понижают победное стремление вообще у противника.

Энергично и тонко ведомая пропаганда порождает всякого рода сомнения как у офицеров, так и в солдатской массе. /Например, газета "Русский вестник", распространявшаяся немцами по нашим окопам 1-ой Мировой войны и газета "Окопная правда", издаваемая предателями провокаторами Сиверсом и Хаустовым/.

Иногда на войне наблюдается особое явление, именуемое "паникой". Бурное стихийное стремление массы людей, обратившейся в психологическую толпу, избежать неизвестной ей опасности - есть явление паническое или паника. На войне она наблюдалась даже в хорошо воспитанных, дисциплинированных и спаянных частях. Для нее необходимы: 1/ нравственная зараза части неизвестной ей опасностью; 2/ обстановка, повышающая впечатлительность у людей, например, - ночной перерыв в тяжелом, продолжительном и безрезультатном бою; 3/ причина или подчас совсем незначительный толчек к ее проявлению. Как пример можно привести следующий случай:

В начале 1-й мировой войны, под городом Л, ночным маршем, при полном незнании обстановки был двинут только что прибывший на фронт пехотный полк. Офицеры и унтер-офицеры со всей строгостью стали следить за соблюдением уставных правил при совершении ночных маршей, не объяснив, да и сами не зная обстановки и задач полка. Этим они заразили полк неизвестной опасностью и превратили всю четырехтысячную массу в психологическую толпу. Солдаты потихоньку начали заряжать на ходу винтовки. Раздавшийся в голове колонны случайный выстрел послужил как бы сигналом для общей беспорядочной стрельбы по всей колонне, и в естественном стремлении уклониться от возможности быть пораженным своей же пулей полк шарахнулся в сторону. Поданный кем-то привычный для исполнения сигнал "отбой" привел полк в порядок.

Нравственная зараза, превращающая массы людей в психологическую толпу, в случае паники распространяется мгновенно, а в стихийных явлениях обыкновенных бунтов - постепенно. Нравственно зараженную массу людей можно рассматривать, как один организм, с проявлением животных инстинктов. Своевременное и явное уничтожение вожаков психологической толпы в бунтах и подача уверенным голосом привычных для исполнения команд или сигналов в панике - могут предотвратить их пагубные действия.

Продолжительная, преступная работа темных сил в России, путем хитро сплетенной провокационной убедительности, к 1917 году заразила весь русский народ без исключения призраком якобы назревшего государственного переворота, на который решились представители власти, забыв о том, что революция влечет за собой проигрыш войны и гибель Отечества.

Видя вокруг себя только трусость, обман и предательство, Государь Император Николай 2-й своим отречением от престола как бы официально признал свое одиночество в беспредельном море бушующего бунта психологически зараженных, недавно верных ему, его подданных.

Напуганные бунтом, сбежали вершители революции, оставив хозяйничать в стране большевиков. Эти новые хозяева, учитывая в своих целях интернационала, что освободившийся от нравственной заразы русский народ станет их злейшим врагом, путем чудовищно-беспощадного террора превратили его в своих рабов.

"Армии, которые разбиты, были разбиты задолго до поля сражения", /Наполеон/. Следовательно причину поражения они несли в себе на поле сражения, и эта причина, по афоризму Наполеона, заключалась на 3/4 в их моральных данных.

Если принципиальная сторона военного дела признается неизменной, то интересно, с каким подъемом или с какими моральными данными пошел бы сражаться подвластный большевикам Русский народ.

Аргентина. А.Рябинский

- - оОо - -

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

"Очерки" первопоходников марковцев-артиллеристов, изданные поручиком Николаем Ивановичем Прюц при участии Д., Виктора Ларионова и Ивана Лисенко, еще раз подтверждают идейную сторону Белого Движения, жертвенность и жертвы, принесенные для Родины и ради Родины лучшими сынами России в борьбе за право и честь против всероссийского и интернационального коммунизма.

Теперь, когда прошло ровно 50 лет со времени начала Белой Борьбы против мирового зла и глупые и одураченные политики и народы упорно продолжают идти с красными флагами и доводят мир до катаклизма морального и физического, - особенно ясной на опыте полувека становится Правда, провозглашенная Белыми Вождями для России и всего мира. Особенно дорогими становятся жертвы, принесенные первыми бойцами против коммунизма - белыми воинами. За эти святые жертвы мир полвека расплачивается бесконечной кровью, слезами и страданьями.

Белые герои знали, за что они боролись и за что отдавали молодые жизни. Ныне еще здравствующие дорожат сознанием исполненного долга во имя Чести и Правды ради России и Человечества, и такое сознание оправдывает их жизнь в прошлом и одухотворяет приблизившуюся старость.

Своими бесхитростными и правдивыми очерками воспоминаний Н.И. Прюц и его соратники оживили вечную правду Белого движения и прибавили еще один камень к будущему всероссийскому памятнику жертвам Белой Борьбы против коммунизма, ибо светоч, зажженный генералами Алексеевым и Корниловым в Кубанских степях 50 лет тому назад разгорится в яркое пламя, которое очистит нашу Родину от скверны и согреет весь мир.

Спасибо пор.Прюц и марковцам-артиллеристам!

Шт.Кап. Мустафин.

- - оОо - -

С У Д Ь Б А
/Трагедия на фронте/

Дело было осенью 1916 года. После "Брусиловского" наступления наша дивизия укрепилась на позициях в Ковельском направлении, и только частично полки несли окопную службу по очереди, в то время, как один полк всегда стоял в резерве недалеко от фронта. Потери за период наступлений были большие, особенно пострадал немногочисленный офицерский и унтер-офицерский состав. В нашем полку вышел из строя командир полка, полковник Гживо-Домбровский, раненый в грудь и получивший за эти бои орден Св.Георгия 4-й степени. Выбыл и его помощник подполковник Грамс, тоже раненый; многие командиры батальонов и рот и младшие офицеры вышли из строя по случаю ранения и лишь немногие вернулись обратно в полк по выздоровлении.

Наш полк, частично пополненный вновь прибывшими маршевыми ротами новобранцев, все еще имел немного более половины требуемого офицерского состава. Мы все время ожидали пополнения вновь выпущенных офицеров ускоренных выпусков военных училищ и школ прапорщиков. Стоял полк, за исключением одного батальона, находившегося в резерве, на позициях, штаб полка находился в лесу в хорошо укрытом месте и имел огромные блиндажи-землянки, в которых помещалась полковая канцелярия, и даже у адъютанта полка была отдельная комната-"кабинет".

Наш батальон находился в резерве и был расположен в нескольких верстах от штаба полка, тоже в лесу, и имел хорошо оборудованные помещения - землянки с блиндажным накатом - на всякий случай, так как обстрела глубоко в тыл не наблюдалось, а аэропланные налеты в то время были редкостным явлением. Была также выстроена из бревен и теса небольшая походная церковь. Здесь же был размещен обоз и хозяйственная часть полка, кухни и офицерское "собрание". Пользуясь отдыхом в резерве, я любил частые верховые поездки в штаб полка, где посещал своего друга - адъютанта поручика Б.Иванова. бывшего студента Казанского университета, с которым мы вели беседы на всевозможные темы. Иногда он знакомил меня с новостями с фронта , а также снабжал старыми газетами и журналами.

Был теплый и солнечный осенний день. На фронте - сравнительное затишье - изредка неприятельская артиллерия била по нашим окопам, а иногда и по нашим артиллерийским наблюдательным пунктам. Район штаба полка тоже подвергался артиллерийскому обстрелу - некоторое количество больших деревьев были "срезаны" снарядами или повреждены осколками, но пока, слава Богу, прямых попаданий в блиндажи не было.

Около полудня узнаю от денщика, что из штаба дивизии утром прибыла группа молодых офицеров и отправлена в штаб полка для дальнейшего назначения. Быстро собрался и поехал верхом вслед за новоприбывшим. Любопытно было познакомиться с прибывшим пополнением, заодно узнать, нет ли мне писем,и вообще "убить время", которое протекало в резерве довольно монотонно и скучно.

В канцелярии полка, в ожидании записи у адъютанта, приема у командира полка и назначения в роты, сидела довольно большая по тому времени группа молодых офицеров, точнее - всего девять прапорщиков. Узнаю по форме несколько человек выпуска из Московского Александровского Военного Училища: белые канты выпушки у погон и белый училищный знак - крестом, очень похожий издали на Георгиевский крест. Быстро знакомимся. Прапорщики в возбужденном состоянии, уже по дороге в штаб попали немного под артиллерийский обстрел - первое сопри-

косновение с фронтом, с войной - боевое крещение. Некоторые нервно вздрагивают при звуках разрывающихся на передовой линии снарядов, глухие разрывы которых доносятся в землянку штаба. Засыпают вопросами о положении на нашей участке фронта, о потерях, о численности рот и вообще о нашей полковой жизни. Вскоре все были записаны, представились командиру полка и получили назначение в роты. В наш батальон назначили троих - двух "Александровцев" и одного "Чугуевца" /Чугуевского юнкерского училища/, прапорщиков Никольского, Кутейкина и Коршуна-Осмоловского. Я предлагаю проводить их для представления командиру батальона, и мы все быстро едем в резерв. Было уже более 4-х часов дня, и обстрел по фронту усилился, даже по расположению штаба нет, нет, да и прилетит снаряд. Стреляли 6-дюймовыми, тяжелая артиллерия, и от таких снарядов требовалось очень прочное блиндажное перекрытие.

До резерва доехали благополучно и прямо явились к командиру нашего батальона - молодому еще офицеру, в чине штабс-капитана, жизнерадостному и веселому. Встретил он новоприбывших очень радушно, пригласил всех нас на "чем Бог послал" сначала у себя в землянке, а затем все пошли к ужину в офицерское собрание - нашу гордость, очень прочно построенный и оборудованный барак: даже пол был торцовый,под паркет, из деревянных кубов, и имелось - также гордость хозяина собрания - старое пианино.

Не успели мы еще перезнакомить наших прапорщиков с офицерами батальона и сесть за столик, чтобы "перекусить" в ожидании ужина, как приходит батальонный ординарец и докладывает, что командира батальона просит к телефону их высокоблагородие командир полка". Наш "комбат" пошел к телефону - явление обычное и ни у кого из нас не вызвало беспокойства, но я почему-то подумал: не случилось ли что-либо в штабе полка или в окопах, так как артиллерийский обстрел, хотя и редкий, к вечеру усилился.

Возвратился наш командир мрачный и сильно расстроенный и сообщил нам печальную новость: снарядом, попавшим в ход сообщения, были убиты два из вновь прибывших прапорщиков, назначенные в первый батальон и шедшие с группой из шести офицеров и двух солдат-ординарцев, сопровождавших их в расположение первого батальна, к землянке командира. Легко был ранен осколком один из ординарцев, а все остальные отделались испугом, не поучив даже контузии!

Такова судьба или воля Господня! Погибли двое, не увидев фактически фронта и... даже не дошедших до места своего назначения - в свои роты.

Наши молодые офицеры заметно помрачнели и расстроились - погибшие были их близкие товарищи по училищу. Конечно, ни "закусон", ни ожидаемый ужин не удались. Кушали без аппетита, и тихо велись разговоры: о предчувствиях, о случайности, о "роке" и прочей мистике и превратностях нашей земной жизни.

Разошлись рано, и я еще долго утешал, как мог, моих новых сослуживцев, пока они устраивались на ночлег в отведенной им землянке.

Сибиряк
Подполковник Г.Родионов.

- - oOo - -

ЦАРСКИЙ СМОТР.

После блестяще законченной Эфратской операции, за которую Государь Император пожаловал своему Наместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову и Командарму Кавказской генералу Юденичу ордена Св.Георгия 3-й степени, на фронте к началу сентября наступило затишье, и Кавказская Кав.дивизия, проделавшая перед операцией 800-верстный рейд вокруг Урмийского озера, а затем принявшая участие в Эфратской операции, отошла сперва в Алашкертскую долину, а в конце сентября была оттянута в район Карс-Кагызман; в частности 18-й Драгунский Северский полк отошел к с.Парнаут, в 2-3 десятках верст от г.Кагызман.

Уже в Алашкертской долине по ночам было свежо и мы подумывали о постройке землянок, идя же в район Карс-Кагызман мы на перевалах застали снег, но, спустившись и придя в Пернаут, мы очутились в суб-тропическом климате: все в зелени и цветах. Объяснение - м.Парнаут находится в котловине, на несколько сот метров ниже уровня моря и защищено хребтами гор. Полк расположился лагерем, в палатках.

В конце сентября в расположение полка прибыл Е.И.В. Великий Князь Георгий Михайлович с подарками от Е.И.В. вдовствующей Императрицы для раздачи их драгунам, а затем поползли слухи, что наша дивизия скоро куда-то будет переброшена.

В конце октября действительно пришло распоряжение полку идти на погрузку к ст.Карс З.К.Д.; жалко было покидать уютный Парнаут. Выйдя из его котловины на плато, по которому вилось шоссе на Карс, мы сразу окунулись в зимний пейзаж - снег и порядочно сильный морозец. К Карсу мы подошли к вечеру, а так как погрузка в эшелоны должна была быть с утра следующего дня, то полк стал по квартирам в городе. Утром погрузка в поданные вагоны - и вот опять стук их колес, и мы несемся, минуя свою штаб-квартиру Александрополь, за ним Тифлис, Елизаветполь, Баку, откуда поворот на Ростов-на-Дону. Ясно,что уходим с Кавказского фронта вновь на запад, но куда - пока загадка. Переход на Юго-Западную ж.д. указывает, что на этот раз дивизия попадает на Юго-Западный фронт. Действительно, разгрузка происходит в районе ст.Проскуров - ст.Балта; в молдаванских селах этого района она и размещается.

В первых числах ноября 1915 года стало известно, что Е.И.В. Государь Император, вступивший в Верховное Командование, пожелал посмотреть прибывшую с Кавказа дивизию. Лихорадочно готовятся части дивизии, чтобы предстать перед лицом державного Хозяина Русской Земли. В эскадронах, сотнях, батареях и командах кипит работа по приведению

конского и людского снаряжения в возможно блестящий по боевой обстановке вид. Но вот и день смотра: морозный, снежный день.

Части дивизии подходят из районов своего расквартирования и располагаются на выбранном участке в каре, открытом со стороны ст. Балта; на правом фланге развернутым фронтом строится 16-й Драгунский Тверской Е.И.В. Наследника Цесаревича полк; правей его 17-й Драгунский Нижегородский Е.И.В. полк; это первая бригада. Между ней и 2-й бригадой развернулись три батареи - две конно-горных и одна конно-полевая Кавказского Конно-Горного дивизиона; правей их 18-й Драгунский Северский Короля Датского Христиана 9-го полк, рядом с ним 1-й Хоперский Кубанского Каз.Войска полк, делая третий фас, а рядом с ним - Дивизионная Пулеметная и Конно-Саперная команды.

Солнце, выйдя из-за туч, своими лучами ласкает белоснежное поле, блестя на копьях пик передних шеренг драгунских полков.

В 10 часов со стороны ст.Балта на шоссе показалась вереница быстро несущихся машин; Начдив Кавказской Кавалерийской Генерал-Лейтенант Парпантье, в прошлом командир Гродненского Гусарского полка, сохранивший форму полка, трогает свою эффектную светло-рыжую кобылицу и, галопом делая полукруг перед уже посаженными на коней полками и батареями, громко, отчетливо командует: "Дивизия смирно, равнение на середину. шашки вон, пики в руку! Г.г. офицеры!" - и сам, взяв шашку подвысь, галопом пошел с рапортом к прибывшему Императору,уже пересевшему на поданного гнедого с отметинами коня, около которого, держась правой рукой за стремя, стоял его Наследник, Цесаревич Алексей Николаевич.

В морозном воздухе мощно неслись звуки Русского Гимна, исполняемого четырьмя хорами трубачей. Подав рапорт, Начдив командует: "Г.г. офицеры!" - и те берут шашки в плечо, а хоры трубачей умолкают.

Император медленным шагом, с идущим левей его Е.И.В.Цесаревичем, а правей и несколько позади, на уровне правого плеча, сопровождаемый Начдивом и позади - бывшей с ним свитой и начальствующими лицами, направился к правому флангу 16-го Драг.Тверского полка, хор трубачей которого играет полковой марш, а командир полка полковник фон-Хартен, скомандовав "Г.г. офицеры!", галопом делает заезд и становится за Комбригом 1-й ген. Вивиен де Шатобрен, идущим уже в затылок Начдиву. Е.И.В. громким голосом здоровается с каждым эскадроном полка, лихо отвечают ему на приветствие драгуны, провожая и "поедая" его глазами, как бы стараясь на всю жизнь запечатлеть образы державных лиц. Та же церемония происходит и при прохождении других частей дивизии. Старые боевые георгиевские штандарты полков на их правых флангах припускаются вниз перед Державным Вождем. Неумолкаемое "ура" гремит вслед удаляющемуся Царю. Обход фронта дивизии длится более получаса, но Е.И.В. Наследник, не взирая на снег и морозец, бодро шагает, держась за путлище стремени своего венценосного Отца. Обойдя фронт дивизии, Государь Император направляется к пункту прохождения полков церемониальным маршем.

Конечно, полки дивизии не столь блестящи, как были его Нижегородцы, год назад представлявшиеся ему в Царском Селе, но если нет лоска мирного времени, то от всадников и их коней веет боевой мощью, все хилое, слабое отвеяно боевой обстановкой: широким, вымаханным тысячеверстными походами по степям и горам шагом идет 1-й эскадрон Тверцов, монументально влившись в седла сидят всадники, получая заслуженное Царское спасибо; за ним, исполняя поданный сигнал, широкой рысью, равняясь по ниточке, идет, могуче забирая ногами, второй эс-

кадрон. Вновь - "Спасибо, 2-й!" - и раскатисто, как и первый, отвечает он: "Рады стараться, Ваше Императорское Величество!", исчезая в поднятой снежной пыли. Так в порядке номеров эскадронов и полков проходят полки и батареи дивизии от шага, рыси, галопа и карьера мимо Царя, в прекрасном взоре которого видна печаль, очевидно, от мысли, что из тех Нижегородцев, кои были на смотру в Царском, многих уже нет, как, возможно, вскоре не станет и многих из тех, что сейчас проносятся мимо него на этих могучих конях.

Церемониал закончен. Государь Император еще раз с середины каре благодарит полки дивизии, затем ее начдива за блестящий вид и приказывает частям идти по своим квартирам.

С разрешения Е.И.В. Начдив ген.лейт. Марпантье разрешает г.г. офицерам дивизии сопровождать Императорский кортеж автомобилей к ст. Балта. Широко. как на парфосной охоте, раскинулись группы всадников, идя полевым галопом, по полю, по сторонам шоссе, преодолевая встречаемые препятствия на полном ходу. Е.И.В. Наследник Цесаревич, став на колени, с сиденья быстро идущей машины с интересом и не скрывая своего восторга следил, как седовласые штаб-офицеры и солидные ротмистры, не отставая от безусой молодежи, шли за колонной машин. На ст.Балта Е.И.В. соизволил сняться в группе сопровождавших его офицеров.

Вечером этого дня, обходя район квартирования эскадрона, я невольно подслушал задушевный разговор размещавшихся в молдаванской хате драгун, делившихся своими впечатлениями: они были восторженны, а в заключение один из драгун, что-то чиня, сказал: "Теперча, повидав Царя, можно и умереть!"

Спрашивается, сколько надо лжи, подлости, и с каким дьявольским умением надо их вести, чтобы развратить эти честные души солдат, чтобы создать в их воображении "кровавого царя". Поистине, бес запутал и опутал русский народ, кровью заплативший за праведного Помазанника, кровью своей и семьи подтвердившего свою любовь к России.

Л.Пермяков.

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА

Пусть труден путь житейский твой,
Пусть сердце пылкое устало, -
Не опускай свое забрало,
Не отступай перед грозой!
Когда смутит тебя гроза,
Приди к Нему с своим сомненьем
И загляни с благоговеньем
В его нездешние глаза!
Что мы, с тщетой своих стенаний,
С тоской изгнанья своего -
Перед венцом его страданий,
Пред вечным подвигом его?!
Пусть Царский подвиг благородный
В тебе, как символ, оживет
И, озарив твой путь бесплодный,
Тебя, как светоч путеводный,
На Русский подвиг поведет!

А.Балашев.

ИЗ МИРА НЕВЕДОМОГО.

В наш век потери моральных ценностей, безверия и преклонения перед материальной реальностью, мне хочется показать на живом примере собственной жизни существование иной, не физической, а глубоко духовной человеческой эмоции, не имеющей никакой связи с физически ощутимым миром, - эмоции, проявляющейся иногда в тайниках человеческой души.

То, что я вам желаю сообщить, есть подтверждение непреложной истины существования духовного мира.

Перефразируя слова поэта о пережитом мною, я могу сказать: это было давно, но я прекрасно знаю, когда это было.

Летом 1911 года, будучи мальчиком-подростком, я проводил каникулы у себя в далекой и глухой северной окраине.

Жизнь страны и людей текла своим ровным размером, без треволнений, без революционных исканий "социальной правды", а управлялась постановлениями Церкви, ее учениями в духе христианской любви к ближнему и проведения жизни в труде, молитве и посте.

В один из таких спокойных моментов жизни, в какую-то ночь произошло событие сильно загадочное и волновавшее меня во все последующее время, пока, наконец, не исполнилось в реальном переживании много лет спустя.

Хотя все это происходило во сне, но это не был сон, а ясное видение событий моей дальнейшей жизни.

С невероятной отчетливостью и ясностью деталей передо мною расстилалась картина будущих событий. Я видел себя уже взрослым, но одиноким и преследуемым какой-то странной массой людей, ищущих моей гибели. В этой чрезвычайной ясности внешних восприятий мне запомнилась местность со всеми ее деталями.

Это была почти выжженная солнцем степь с небольшими безлесными холмами. Раннее солнце показалось над горизонтом, и в утреннем тумане оно выглядело, как зловещее кровавое пятно. Мне было ясно, что все это происходило где-то далеко от моих родных полей тихого севера.

Все было чуждо и незнакомо: ковыль-трава, невысокие курганы, туман над лощиною, смешанный с дымом, и вдали беспредельная степь. Все, что я видел вокруг, так сильно запечатлелось в моей памяти,что никогда не могло исчезнуть на все будущее время.

Наблюдение окружающей природы длилось всего несколько секунд. Опасность погони висела надо мною, нужно было спасаться и бежать в противоположную сторону от врагов, ищущих моей смерти.

Я чувствовал себя молодым и сильным, мне хотелось еще бороться и жить... Я вскоре потерял из вида моих преследователей и считал себя уже спасенным, как вдруг предо мною неожиданно открылся глубокий овраг - 30-40 метров глубины и такой же ширины. Не думая долго, я спрыгнул вниз, докатился до дна и стал беспомощно карабкаться по крутому склону оврага, не имея никакой опоры ни для ног, ни для рук.

Кроме того, дно этого оврага /такие часто встречаются на юге России/ представляло собой мягкую жидкую смесь воды и красной земли, которая все больше затягивала мои ноги в глубину.

Я понял, что жизнь моя здесь кончилась. В этот момент я улышал гул шагов и злорадный смех толпящихся надо мною людей, небрежно и грязно одетых в разного покроя военные шинели, но хорошо вооруженных.

Толпа гигикала, но грубый голос командира оборвал ее словами: "А ну, дай дорогу!" - с прибавлением непечатных слов, и последовал отрывистый и резкий винтовочный выстрел.

Еще звучал в моих ушах никогда до сих пор не слышанный звук винтовочного выстрела, как я пришел в сознание и, озираясь со страхом кругом, увидел себя опять в родном доме живым и здоровым.

Я долго не мог прийти в душевное равновесие: какая-то внутренняя сила внушала мне, что все виденное мною я должен пережить в жизни еще раз. И в этом я не ошибся.

- о -

Дни за днями катятся - проходят годы.

В спокойной жизни и учении прошло моих несколько лет.

Как вихрь, налетел неожиданно шквал Великой войны, и люди молча шли на бранный подвиг, на защиту родной земли. Подоспел и мой черед.

Разрушены мечты об окончании высшей школы. Студенчество призвано в армию, и масса молодежи, после кратковременной подготовки, была брошена на фронт. В моем сознании никогда не погасло воспоминпние волнующего видения, и я всюду искал подтверждения его. Оно вскоре само пришло.

Меня интересовало услышать звук винтовочного выстрела вблизи и непосредственно надо мной.

Для практики в военной школе, вскоре после начала военных занятий, молодых юнкеров помещали под обстрел. Мы лежали в неглубоких окопах, а над нами открывали винтовочный огонь для испытания духа и нервов.

Первый же услышанный мною выстрел убедил меня, что давно когда-то воспринятое впечатление стрельбы не было ошибочным. Я узнал этот звук... Мне этого было достаточно для укрепления моей веры в неизбежность будущего происшествия - оно тяготило меня, так как я никому и никогда не открыл моей тайны, кроме родной матери, которая не придала особенного значения моему сонному видению. Осуществления этой тайны я решил терпеливо ждать.

События на родине чередовались одно за другим. Не успела кончиться война - настала революция.

Враги национальной России, объединенные жаждой мести, не только везли в запломбированных вагонах свою преступную шайку интернациональных агентов, но через нашу "союзницу" Англию и миллионы долларов на революционную смуту и уничтожение не только Императорской семьи, но и русской интеллигенции под новыми лозунгами борьбы классов, и толкали Россию в омут безвластия и хаоса.

По их дальнейшей программе пошли погромы помещтчьих имений с поголовным уничтожением их обладателей, как врагов народа. Волны дезертиров с фронта грабили в городах с разрешения новых властей "награбленное". Пошатнулась экономика страны, быстро обесценились ценности, разрушались пути сообщения, а бесславное окончание войны совсем парализовало жизнь огромной страны.

Люди искали выхода для личного спасения, найдя его в организации Добровольческой Армии. Среди первых пошел туда и я.

Героическая эпопея борьбы с красными в 18-м, 19-м и 20-м годах всем нам хорошо известна, и я не буду повторять бесчисленных описаний этого периода.

Лично участвуя в походе с фронта Мировой войны с доблестным тогда еще полковником ген.штаба М.Г.Дроздовским из Румынии на Дон, я

всегда помнил и носил где-то в глубине сознания представление об ожидающей меня гибели.

Это воспоминание часто служило и руководящим принципом в моей дальнейшей жизни. Так, назначенный весной 20-го года в Крыму Дежурным генералом в Корниловскую дивизию и слепо веря в предопределение судьбы, я решил остаться в 1-м Ударном Корниловском полку, а не следовать к моим старым соратникам-друзьям Дроздовцам, имея в виду судьбу - кисмет.

После многих пережитых мною надежд и разочарований я дожил до августовских дней 1920 года.

В беспрерывной и беспощадной борьбе нашего 1-го ударного Корниловского полка таяли силы борцов.

После разгрома Буденновской Конной армии мы были переброшены в район Нижнего Куркулака навстречу движущейся красной пехоте. На позицию полк стал ночью, выбросив вперед сторожевое охранение и дозоры.

Измотавшиеся в бесконечных боях бойцы дремали, а я, завернувшись в шинель, быстро и крепко заснул...

Разбудил меня беспорядочный гул наших батарей, стоявших внизу и вправо от холма, где мы находились в сторожевом охранении. Это не была обыкновенная артиллерийская стрельба. Орудийные выстрелы сливались с разрывами снарядов, и холм дрожал от беспрерывного огня тяжелой и легкой батарей.

Наши батареи работали на картечь, сметая огнем ряды наступающего врага. В этом рокочущем гуле артиллерийского огня едва был слышен стук пулеметов и почти не было слышно винтовочных выстрелов.

Но меня интересовало другое. Я видел опять в утреннем тумане знакомое багрово-красное пятно солнца. Я узнал обожженный солнцем ковыль, холмы, и вся окружающая местность стала мне близко знакомой. Я не только видел все это, но я постоянно носил в памяти это место, никогда не бывши здесь.

"Вероятно, это мой конец", - подумал я, вспомнив свое далекое прошлое видение, и вместо облегчения появилось гнетущее, ноющее чувство. Думать мне было некогда. В расходящемся тумане я увидел высокую фигуру моего командира, ищущего меня. Он быстро объяснил боевую задачу и приказал немедленно следовать моему пулеметному взводу с жалкими остатками 12-й роты - человек 11-12 - навстречу движущемуся противнику с целью задержать его как можно дольше. Из его слов я понял, что из этой операции мы, то есть мой пулеметный взвод 15-16 человек и 12-я рота - не должны были вернуться, приняв на себя самый сильный встречный удар наступающих сил красной дивизии.

Приблизительно в километре или двух от главных сил нашего полка следовавшая за нами рота остановилась на природном рубеже перед спуском в широкую долину, и командир ее посоветовал мне занять боевую позицию впереди и ниже его редкой ротной цепи, на одном из уступов спускающегося к противнику холма.

Оставив пулеметные тачанки с конями и двумя вожатыми позади роты, захватив лишь пулеметы и патронные ленты, я быстро занял со своей маленькой командой боевое положение уже на виду движущегося к нам противника. В долине еще стоял утренний туман и слабо были видны бесконечные цепи красной пехоты.

Наступала укомплектованная несколькими полками красная дивизия.

В ранней тиши каждый звук был слышен очень далеко, до меня доносилась брань командиров-комиссаров, шутки красноармейцев, смех и взаимное подбадривание при наступлении.

Мы уже были замечены ими, и их залегшие цепи открыли одиночный огонь по нашей маленькой цели.

Чтобы задержать их дальнейшее продвижение, я из обоих пулеметов открыл стрельбу - огонь по всей видимой цепи.

Продвижение противника на участке нашего огня временно приостановилось, и красные стали делать перебежки звеньями, постепенно приближаясь к нам.

Наши пулеметные ленты быстро расходовались, сами же мы обстреливались только винтовочным огнем, и, благодаря хорошо скрытой позиции, никто из моих людей не был ни убит, ни ранен.

Во время стрельбы я почувствовал, что кто-то сильно толкает меня в спину, и я прекратил огонь. Повернувшись назад, я увидел вожатого коней, недавно взятого в плен красноармейца-карела из разбитой Финской дивизии, который на ломаном русском языке пытался объяснить мне, что ротное прикрытие давно оставило позицию и ушло обратно на соединение с полком, не известив меня об этом, а красные цепи справа и слева от нас на необстреливаемых участках обходят наши фланги.

Видя себя почти окруженным противником, я приказал немедленно захватить пулеметы и патронные ящики с запасными лентами; их быстро оттянули на руках до подвод, погрузили и, помогая людской силой коням, быстро поднялись по крутой горе /зигзагообразно/ вверх.

Красные, не сдерживаемые огнем, цепями следовали за нами, стреляя на ходу.

Наша цель была - как можно скорее достигнуть вершины горы, откуда шло плоскогорье; там мы были бы временно вне поля зрения противника. Несколько минут тягостных усилий - и мы выскочили на ровное поле.

Дорога, что вела к главным силам полка, проходила далеко вправо, поэтому, чтобы сократить себе путь, я приказал старшему унтер-офицеру сопровождать туда пулеметы, а сам решил идти пешком напрямик.

Вскоре я услышал сзади стрельбу по мне, свист пуль близко около меня и крики догонявших меня красных, предлагавших сдаться.

Я напрягал последние усилия, чтобы достигнуть наши первые боевые части, зная, что они недалеко.

Но вместо продвижения вперед я остановился, как вкопанный. Я задержался на всем бегу на краю красного оврага глубиной 30-40 метров и такой же ширины, увидев знакомое мне место моей гибели - расстрела, - из которого не было выхода.

Несмотря на отчаянную внешнюю обстановку, я почувствовал прилив душевных и физических сил от увиденного мною второй раз в жизни, теперь уже реального переживания, которое спасло меня от неминуемой смерти на дне красного оврага.

Я действовал, как под гипнозом... Каждая секунда была дорога, противник догонял меня, все чаще и чаще свистели пули около меня, и я решил бежать вдоль оврага против его течения воды,зная, что кверху будет уменьшаться его ширина.

Красные, не понимая перемены моего движения, реже стали стрелять, ожидая моей сдачи, но продолжали ругань, крики и остроты с большим остервенением

Мои расчеты быстро оправдались: овраг уменьшился в своей ширине настолько, что я почувствовал себя способным перепрыгнуть его.

Отбежав в сторону красных и приведя их в еще большее недоумение, я с сильным разбегом легко перескочил овраг шириной всего 3-4 метра и, скрываясь в неровностях местности, нагибаясь до самой травы,

через несколько минут пути вышел на дорогу и стал ожидать пулеметные тачанки. Расчет мой оказался верен - я увидел мой быстро приближающийся пулеметный взвод.

Моей радости не было предела. Я быстро занял место между моими ударниками. Все люди были целы, пулеметы спасены, только красная артиллерия продолжала преследовать нас шрапнельным огнем, но, благодаря высоким разрывам, на этом пути был ранен один только старший унтер-офицер - картечина задержалась у него на спине под кожей. Через несколько минут мы влились в боевую линию нашего родного полка.

Наше появление вызвало настоящий фурор и неподдельную радость, так как давно уже прибывшая 12-я рота со своим командиром поручиком Д-м сообщила командиру полка и моему начальнику пулеметной команды о нашей геройской гибели, когда они сверху холма видели нас, окруженных наступающими цепями красных. Никто не мог поверить в возможность спасения брошенной на смерть кучки бойцов.

Несмотря на все пережитые опасности, я ощутил внутренний мир в моей душе, сознавая, что какая-то Высшая Сила из неведомых источников бытия сохранила мне жизнь и что наконец совершилось предначертанное Провидением мое чудесное спасение, благодаря Божественному дару предвидения своей будущей судьбы.

М.Ю.Бердник.

- - oOo - -

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛКОВНИКЕ КУЧУК-УЛАГАЕ.

В первый раз я услышал его имя еще во время 1-го Кубанского Похода. Вся кавалерия после Ганчбау пошла ночью /а ночь была совершенно темная, беззвездная/ в колонне по 6-ти, в неизвестном направлении, по пахоте. На рассвете мы подошли к железной дороге, спустились к ее полотну по крутому спуску, а потом поднялись по крутому подъему; мы услышали взрывы позади нас. Говорили, что кавалерию тогда провел Кучук Улагай... Много лет спустя, уже в эмиграции, он мне это лично подтвердил. Я спросил его, как он ориентировался, когда тогда так удачно провел в полной темноте всю колонну кавалерии, и он мне ответил, что даже компаса не мог достать, а шел просто "по наитию"...

Встретился я за границей с полк.Улагаем впервые в Белграде на одной маленькой фабрике, на которой я выдавливал металлические абажуры, а рядом со мной Кучук Улагай их красил в зеленый и белый цвета.

Потом случайно встретил я его опять на улице Белграда, когда прогорело предприятие Миклашевского с казаками /см. "Вестник Первопоходника" № 33, стр. 17-20/, и я предложил Улагаю пойти с нами в Албанию, на что он мгновенно согласился и сказал, что приведет с собой еще несколько человек. Он действительно привел: полк.Коноплева, ротм.Красенского и четырех черкесов.

В Албании полковник Улагай сначала командовал пулеметной командой, в которой я был командиром взвода. Затем, когда мы с ним вместе приняли албанское подданство, его назначили начальником конного завода в городе Шияке. Потом мы с ним опять вместе держали экзамен на производство в следующий чин, предварительно пройдя четырехмесячный итальянский курс в городе Скадаре /Скутари/. Тогда Улагай получил командование 3-й смешанной группы, центр которой находился в

Скадаре. /Смешанная группа - итальянская организация альпийских частей, в которую входило неопределенное количество батальонов альпийских стрелков, артиллерии и инженерных частей/. Когда итальянцы заняли Албанию, то Улагай перебрался в Югославию, и я там его временно потерял из виду.

Встретился я с ним опять в Риме, после занятия Италии союзниками. Оказалось, что он у генерала Краснова командовал всеми кавказскими частями. Когда в Лиенце была выдача казаков, Улагая и других офицеров вызвали в Британское Командование, где их разоружили и передали Советам... В это время жена Улагая, почуяв недоброе, прибежала в Английское командование, в котором показала албанский паспорт мужа. Перед самой выдачей Улагая и еще какого-то сотника, французского гражданина, вызвали английские офицеры, провели в подвал, в котором их заперли. Это было в том здании. из которого офицеров выдавали Советам, и Улагай слышал над собой стрельбу и топот ног... На следующее утро Улагая и сотника выпустили. Кучуку и его семье предоставили английский автомобиль, на котором их привезли в Рим.

Там он меня сразу нашел, рассказал всю эту историю, но в Риме не задержался, так как его выписала в Чили его сестра и ее муж Куракин. Эту свою сестру в свое время Кучук проклял и только из Рима впервые написал ей.

Романтическая история замужества сестры Улагая Фатимы следующая: когда Улагай, еще в Албании, был начальником конского завода и оттуда поехал в Скадар на курсы, то Куракин, который был албанским унтер-офицером и служил на том же конском заводе, похитил сестру Улагая. При этом он провез Фатиму через Скадар в то время, когда я с Кучуком гуляли по городу. Мы видели автомобиль, в котором Фатима, как мусульманка, сидела с закрытым лицом, а Куракин был спрятан в мешок и лежал на полу автомобиля. Помог этому романтическому предприятию православный епископ Албании под условием, что Фатима сейчас же крестится, что она и сделала.

Потом Куракины оказались в Сант-Яго -де-Чили, где муж Фатимы, как инженер, занимал хорошее место. Получивши от Улагая письмо, он сейчас же выслал ему визу, и вся семья переселилась в Чили.

Несколько лет тому назад я узнал, что Кучук Улагай там и скончался от какой-то тропической болезни.

Л.П.Сукачев.

- - oOo - -

А Н А Б А З И С

В 407 году до Р.Х., по южному отрогу Кавказского хребта, обманутый персидским сатрапом небольшой греческий отряд предпочел невероятный, по современным тогда условиям, поход позору сдачи торжествующему победителю и, выбрав себе начальника взамен старого, предательски умерщвленного коварным врагом, решился на героическое средство - отход из долины р.Тигра к южному берегу Черного моря, которого и достиг. совершив незабываемый в истории и описанный в Анабазисе поход, сделав в 122 перехода 2.500 верст!

Путь отряда, его задача, по современному ему состоянию военного искусства, были тяжелы и невероятны; но, установив в отряде начала строгой дисциплины и порядка, преодолевая естественные препятствия, пробивая себе решительным натиском путь сквозь ряды сильнейшего врага, Ксенофонт, стоявший во главе отряда, достиг желанного берега, куда привел из 13.000 воинов - 8.600, то есть понеся значительные потери. Отступление небольшого отряда стало его вечным триумфом. Материальная неудача сменилась победой бессмертного духа!

Судьба, даровавшая нам незавидную долю - жить в наиболее трудное время, спустя двадцать три с четвертью века после похода талантливого грека, сделала нас свидетелями повторения подвига, поразившего древний мир, подвига, совершенного в той же части земного шара, но уже по другую сторону Кавказского хребта, подвига духа, имеющего в наше время общего морального падения увеличившееся значение.

22-го февраля 1918 года небольшой отряд Добровольческой армии генерала Корнилова, бежавшего на Дон из Быховской тюрьмы, которая, при благосклонном участии красы и гордости русской революции - пьяных матросских банд - грозила сделаться его могилой, в виду разложения на Дону и угрозы большевизма, как внешнего, так и внутреннего, принужден был оставить негостеприимную область Войска Донского и перенести базу для формирования своего на Кубань, чтобы оттуда добиваться спасения Родины от грязных рук обезумевших большевиков.

Печальное эхо трагического выстрела атамана Каледина, павшего жертвой непостоянства казаков, было последним прости, сказанным Доном кучке добровольцев!

Сведения о настроении Кубанской области в пользу Добровольческой армии оказались преувеличенными, и движение крошечного отряда проходило в беспримерных условиях, живо напоминавших поход отряда славного грека.

Крайне тяжело отзывалось совершенное отсутствие снабжения боевыми припасами и техническими средствами, столь необходимыми в условиях современной войны.

Единственным шансом на успех был здоровый дух армии!

Целью движения было достижение Екатеринодара и соединение там с правительственными кубанскими войсками Покровского, представлявшими собой небольшой здоровый оазис среди пораженной большевизмом области.

Сбивая на своем страдном пути сопротивление превосходных сил большевиков, маленькая добровольческая армия генерала Корнилова, действовавшая по указаниям находившегося при армии генерала Алексеева, сломила у сл. Средне-Егорлыкской сопротивление забывшей долг и родину 39-й пехотной дивизии, разбила 6000-ый отряд большевиков у ст.Березанской, а у ст.Кореневской была задержана громадным скоплением большевицких сил, достигавших нескольких десятков тысяч.

Не задумываясь над численным превосходством противника, Корнилов и здесь преодолевает его сопротивление; но вслед за радостной вестью о победе своей армии он получает тяжелое сведение о том, что вся Кубанская область охвачена пламенем большевизма и Екатеринодар, место намеченного соединения с Покровским, перешел в руки врага!

Создавшаяся обстановка и появление частей Покровского в районе ст.Калужской, на южном берегу р.Кубани, заставляют Корнилова отказаться от первоначального решения идти прямо на Екатеринодар. После ряда арьергардных боев от ст.Кореневской до ст.Усть-Лабинской, он рвет соприкосновение с преследующим его противником, переправляется через р.Кубань и, пробившись от ст.Некрасовской до ст.Рязачской сквозь большевицкие массы "иногороднего" населения, сменившего казаков, в 18 верстах от Екатеринодара, в ауле Шенджий соединяется, наконец, с чпстями Покровского.

Приведя в порядок измученную армию, усилившуюся влившимися в нее кубанскими частями, Корнилов решает иным путем добиться цели своего движения и после искусного маневра, вновь переправившись на северный берег Кубани, атакует Екатеринодар с северо-запада, не останавливаясь перед тем, что большевики сосредоточили в городе многотысячный отряд, снабженный сильной артиллерией, действовавшей против четырнадцати пушек Добровольческой армии.

Но сила солому ломит! Несмотря на высокий моральный подъем и отчаянные усилия Добровольческой армии, ей не удается вырвать обладание центром края из рук врага, силы ее тают в неравном бою и победа, в первый раз за все время, начинает склоняться на сторону большевиков.

А 13-го апреля большевицкая граната на смерть поражает генерала Корнилова, лично руководившего боем своей армии, и Добровольческая армия теряет своего вождя.

Армия теряет в самый критический момент своего начальника, теряет "человека огромной личной храбрости, твердой воли и беззаветного служения поруганной Родине". Моральное состояние армии, перенесшей тяжелый поход, неудачу последнего боя и смерть любимого вождя, временно падает, и сменивший генерала Корнилова его единомышленник и сподвижник - генерал Деникин, - приняв командование армией и видя невозможность и бесцельность дальнейшего пребывания Добровольческой армии на Кубани, поворачивает ее на север, обратно к исходному положению. В тяжелом нравственном состоянии отошли добровольцы от Екатеринодара, неся тело своего генерала. Своими руками похоронили они его, а потом, как раненый зверь, кинулись на противника и у ст.Медведковской вновь нанесли ему сильный удар.

Перейдя несколько раз линию железной дороги, что при наличии следовавшего при армии 13-верстного обоза было операцией чрезвычайно трудной и опасной, добывая себе снаряды и патроны у своего же противника ценою крови, Армия вновь пришла в район к юго-востоку от Ростова, где ко 2-му мая закончила поход, сделав в 80 дней более 1500 верст и вывезя с собой почти всех своих раненых, число которых порой доходило до 1500.

История повторяется! Потеряв своего Главнокомандующего, умерщвленного коварным сатрапом большевизма, кучка русских офицеров и будущих офицеров - кадет и юнкеров - не пожелала сдаться на милость большевицких вождей и, выбрав себе, в лице генерала Деникина, нового вождя, установив начала дисциплины и порядка, смело пошла за ним по тернистому и тяжелому пути восстановления величия и славы поруганной России.

Преодолев все трудности пути, преодолев сопротивление сильнейшего врага, слабая числом, но сильная духом Добровольческая армия зажгла огонь восстания против захватившего власть большевизма не только в Кубанской области, но и в области Войска Донского, разложение которого за три месяца до того и было причиной похода.

. . . .

Хочется верить, что не пропадет даром победа бессмертного духа в беспримерном походе маленькой Армии!

. . . .

Так писал я когда-то в одной из газет оккупированной германскими войсками гетманской Украины, как только докатилась до нас весть о подвиге Добровольческой армии.

Много безграничных разочарований выпало с тех пор на долю добровольцев русского государственного возрождения, много грустных минут пережили они на равнинах южной России, в Крыму, на северо-западной и холодной северной окраинах страны и в беспредельных пространствах Сибири, шаг за шагом отходя перед лицом торжествующего зла; горькую чашу отчуждения пьют они теперь, разбросанные по всему лицу негостеприимного мира!

Но жив их дух, не удалось врагу сломить его, и сейчас, как и тогда, глубоко убежден я, что "не пропадет даром победа бессмертного духа", не пропадет даром жертвенный подвиг людей, которые не захотели подчиниться насилию и, с оружием в руках восстав против него, доказывают до сего времени ослепленному миру, что не все в России преклонились перед захватчиками власти и что есть у нее люди, которые никогла не примирятся с существующим положением и не прекратят начатой ими борьбы с поработителями Родины!

И верю я, что не может несомая ими идея возрождения Родины не восторжествовать над олицетворением мирового зла и доживем мы до счастливого момента возрождения нашей великой страны!

"Пути Верных"

Генерального Штаба Генерал-Майор
А.А. фон Лампе

- - oOo - -

1917 — 1967

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Фотография пробных гипсовых моделей медали

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ

50-летия ОСНОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

Общество Ревнителей Русской Военной Старины /в Париже/ постановило отметить исполняющееся в этом году 50-летие основания Добровольческой Армии выпуском памятной медали.

Диаметром 50 мм. /2 дюйма/, медаль будет иметь на лицевой стороне изображение Знака Первого Похода, ставшего уже давно эмблемой всего Белого Движения, а на оборотной - юбилейную дату - "1917-1967" - и надпись: "За честь и достоинство России".

Стоимость медали /с пересылкой/:

Бронзовая	$ 4.50
" посеребренная	" 5.00
" Позолоченная	" 6.00
Серебряная	"12.50
" позолоченная	"14.00

Медали будут изготовлены Парижским Монетным Двором и будут готовы для рассылки к 1-му октября.

Заказы и денежные переводы для Соединенных Штатов и Канады адресовать представительству О-ва в Америке:

A.Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif., 92677.

- - oOo - -

ФОНД ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" и Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников получают много писем со всех концов мира от Первопоходников и читателей журнала, обеспокоенных будущностью журнала, единственного в своем роде.

Высказываются пожелания, просьбы и требования продолжения издания журнала в том же духе и направлении: опубликование редких документов, беспристрастные воспоминания борцов за свободу России от гнета коммунизма, дабы молодое и будущие поколения русских людей могли с гордостью заявить, что русский народ, в лице его лучших сынов, боролся всеми силами, до последней капли крови, с врагами Родины и всего человечества.

Обзор 6-летнего издания журнала, ценность помещенных в нем материалов, отношение читателей - дают нам уверенность, что труд наш не напрасен и что только этим путем мы сможем оставить памятник на безвестных могилах наших братьев, погибших за честь и свободу России на ее необъятных просторах.

Так как самой слабой стороной нашего издания является финансовая сторона, мы создали

"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Каждому Первопоходнику и читателю предлагается записаться в число попечителей, обязавшись делать ежемесячный взнос для журнала. Таким образом материальная сторона издания журнала будет обеспечена.

Поступило в "Фонд Попечителей" и в "Фонд издания журнала" за июнь и июль 1967 г.:

Ген.Штаба полк. С.Н.Ряснянский	30.00 долл.
Главное Правление	30.00 "
Н.Белоусов	10.00 "
А.Долгополов	10.00 "
П.Кучеря	5.00 "
С.Мурзанев	2.00 "
Б.Сергеевский	20.00 "
П.Стефанов	1.00 "
Всего . .	108.00 "

Редакция сердечно благодарит всех соратников и единомышленников за моральную и материальную поддержку.

- о -

С благодарностью сообщаем о пожертвованиях в пользу Первопоходника С.К.Карпова:

А.Крицкий	5.00 долл.
С.Мурзанев	3.00 "

Прием пожертвований продолжается. Состояние здоровья Семена Константиновича не улучшилось, а материальное положение ухудшилось ввиду отказа Вельфэр в дальнейшей помощи. Редакция надеется, что первопоходники и читатели нашего журнала пришлют свою посильную лепту.

- - оОо - -

СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ.

- Ищу участников и описание подавления восстания большевиков в Керченских каменоломнях в 1920 году. Принимали участие - Крымский Конный полк и 2-й Конный Дроздовский.

- о -

- Желаю приобрести книгу Кривошеева "Песни Корниловца" издание 1919 г., Р.н/Д;

Полевой Листок Добровольческой Армии, изд.Сувориным в 1-м походе.

Номера журнала "Донская Волна";

Книгу подполк. Л.Г.Корнилова "Кашгария или Восточный Туркестан", Ташкент, 1903 г.;

Полковые знаки Корниловского, Марковского и Алексеевского конного полков;

Жетоны Корниловского полка, Корниловского артиллерийского дивизиона, Корниловского военного училища;

Знаки на шапки корпусу ген.Слащева за оборону Крыма;

Орден Св.Николая Чудотворца.

- о -

Предложения адресовать в Редакцию на имя А.Долл.

- - оОо - -

Казачий Литературно-Исторический журнал

"РОДИМЫЙ КРАЙ",

издаваемый Донским Войсковым Объединением в Париже.

Орган обще-казачьей мысли - казаков всех Казачьих Войск.

Подписка принимается в Редакции по адресу:

BOGAEVSKY Boris, 230, Av. de la Division Leclerc.
Montmorency (S.et O.), France.

Стоимость годовой подписки на 6 номеров журнала - 5 долл.

П Р А В Л Е Н И Е

ПРОСИТ ВСЕХ ЧЛЕНОВ НАШЕГО ОТДЕЛА, КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ ПОГАСИЛИ СВОЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ЗА ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", А ТАКЖЕ ЗАДЕРЖАЛИСЬ С ЧЛЕНСКИМИ ВЗНОСАМИ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ ЛИКВИДИРОВАТЬ СВОЙ ДОЛГ, ТАК КАК ЖУРНАЛ ЖИВЕТ И ИЗДАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ, А ПОМОЩЬ ОСОБО НУЖДАЮЩИМСЯ СОРАТНИКАМ ЧЕРПАЕТСЯ ИЗ СУММЫ ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ.

Х Р О Н И К А.

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

В Лос-Анжелесской газете "Ситизен-Ньюз" от 25-го апреля была помещена статья г-на Ридера о Сергее Меллон, находящемся на службе в морской пехоте в Вьетнаме. С.Меллон - старший /из трех/ сын первопоходника Якова Георгиевича Меллона /Хмельницкого/, члена Калифорнийского Отдела Союза, проживающего в Беверли Хиллс, Калиф.

"В наши дни, - пишет г-н Ридер, - когда страницы газет и журналов полны сообщениями о протестах, демонстрациях и "хиппи", читателям отрадно будет прочесть о других молодых людях - о тех, кто честно исполняет свой долг."

Отрывки писем к отцу, приведенные г.Ридером, обрисовывают цельный характер Сергея, как человека долга - Родине, семье, своей воинской части, - относящегося с большим сочувствием к страданиям народа Ю.Вьетнама. На просьбы отца не продолжать своей службы в морской пехоте он пишет, что хочет продлить ее для того, чтобы лучше узнать людей в Ю.Вьетнаме и помочь им и их детям. В настоящее время он заботится о 9-летней девочке, которой Виет-Конгская мина оторвала ногу, давая ей возможность посещать католическую школу в Дананге. "Я чувствую себя почти ее отцом", - пишет он в одном из писем.

Сообщая о том, что он представлен к медали "Purple Heart" за ранение, он считает, что незаслуженно получит ее за "какую-то царапину" в то время, как другие погибают. Тем не менее, начальство сочло нужным представить его не только к "Purple Heart", но также к награждению медалью Silver Star.

Яков Георгиевич должен по праву гордиться своим сыном, гордимся и мы тем, что он сын первопоходника, наша смена в непрекращающейся борьбе. Сереже желаем много счастья и удачи во всех его благородных начинаниях.

- о -

Внучка Хана Хаджиева, Анна Елионора Гулд, вышла замуж за морского пехотинца Франка Кайзера, который отправляется на войну в Вьетнам. Обряд венчания был совершен 17-го июня с.г. в Лютеранской Церкви в гор.Онтарио, Калиф. Муж внучки будет продолать борьбу с коммунистами, начатую дедом 50 лет тому назад.

Пожелаем новобрачным счастливой жизни и благополучного возвращения с войны!

- - оОо - -

От Представителя издательства журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" в Австралии.

О Б Р А Щ Е Н И Е

к подписчикам и читателям журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

Дорогие друзья!

Ровно через полгода - 15-го ноября 1967 г. - исполнится пятьдесят лет основания Добровольческой Армии в Новочеркасске и начало Белой вооруженной борьбы на юге России за Русь Святую.

Одновременно, в эти же судьбоносные, полные трагизма дни и ночи, с этим же девизом - ЗА РУСЬ СВЯТУЮ - зарождались первые Белые отряды на Урале, в Сибири, на Севере, на Западе. Неравная борьба началась в условиях, полных драматизма и безумства храбрых.

В моем обращении к вам нет нужды описывать беспримерное, героическое прошлое на полях брани Белых Армий. Страницы "Вестника Первопоходника" исчерпывающе, правдиво, ярко, шаг за шагом повествуют о том, что, когда и как бывало.

Большинство первых начавших пали смертью храбрых под дикий грохот разрывов артиллерийских снарядов, под неумолкаемый треск захлебывающихся пулеметов и хриплый рев обезумевших людей.

Тысячи могил везде, сравненных с землей Дона и Кубани, Тайги и Забайкалья, Таврии, Ладоги и Онеги, утоптанных сапогами, копытами, колесами.

И нет следа. Летом травка зеленеет, цветут незабудки, васильки. Зимою метелица с пургой играет в жмурки, а уставши, под утро все устилают белоснежным покровом. И спят беспробудным сном Орлы боевые, ждут своего пятидесятилетнего юбилея. Оставшиеся в живых, увенчанные терновым венцом, поход свой продолжают. А ряды все реже и реже. Как падали тогда под пулями и зазубренными, рваными осколками, от ударов сабель и штыков, так падают и сейчас под тяжестью лет, старых ран, невзгод, нужды. Первые начавшие и последние оставшиеся.

Поход продолжается на страницах Белой летописи, будущее которой - история страшных лет героической борьбы и главное - Святая Правда.

Пройти мимо знаменательной даты - это значит погасить зажженный светоч и предать забвению братскую могилу Белых солдат-добровольцев. Достойно ли это нас?

У нас нет средств. Очень мало возможностей. Но у нас есть желание. Есть Вера. Есть святая память о незабываемом.

Чем мы можем отметить нашу верность, нашу память, что может быть венком павшим героям?

1. С благодарностью будет принят любой совет, любое предложение, любое пожелание письменно или лично.

2. Обращаюсь с просьбой к подписчикам по возможности найти среди своих близких, друзей хотя бы еще одного нового подписчика. Пять долларов в год - сумма сравнительно небольшая, и дело не в деньгах для издательства, хотя и в них нужда, а главное - повышение тиража журнала с тем, чтобы как можно больше было читающих и в особенности тех, кто по своим годам не был свидетелем боевой страды Белой Гвардии.

3. Обращаюсь к участникам, свидетелям, современникам тех лет, вспомнить что-либо из жизни своей, написать свои воспоминания, не стесняясь стиля своего изложения. Все мы далеко не писатели. Пишем, что помним, как можем, как умеем. Правда - наше условие.

4. Любое пожертвование в Фонд издания журнала, а также для оформления увеличенного юбилейного номера будет принято с благодарностью.

5. Рекомендую выписывать. как для себя. так и для подарков своим близким, друзьям и знакомым книги, еще имеющиеся на складе редакции. Особенно ценны: "Воспоминания ген.Богаевского, "Ледяной поход", "Союз Первопоходников", "Марковцы в боях", "Пути Верных" ген.Лампе и др.

С искренним приветом -

Б.Ериксен.

Пользуемся случаем выразить глубокую признательность представителю нашего журнала в Австралии Б.П.Ериксену за его неутомимую и жертвенную работу по распространению журнала, привлечению новых подписчиков и присылку материала.

Редакция.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате или почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
" на 6 мес. (3 номера) - " 3.00;
Цена отдельного выпуска - $ 1.00.

Адрес Редакции: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.

- - oOo - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - $ 2.10.
Желающие приобрести Знак могут обратиться в Редакцию.

Вниманию г.г. подписчиков!

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - oOo - -

СОДЕРЖАНИЕ № 71-72

- - oOo - -

- - oOo - -

Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников
просит членов Союза внести следуемые с них членские взносы.

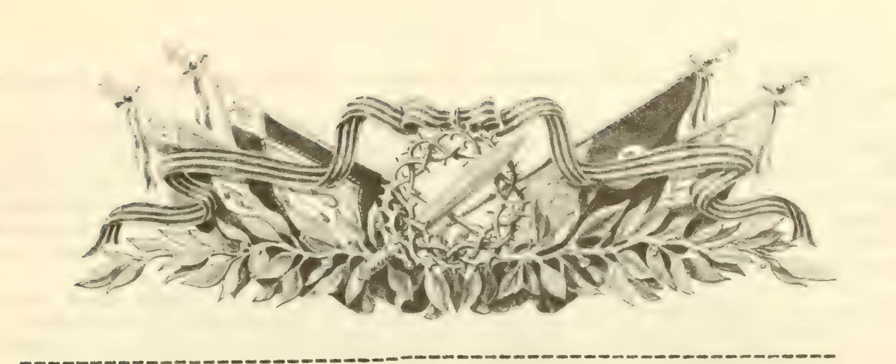
ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Тобольскѣ.

(Сентябрь 1917 года.)

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
Двухмесячный журнал, посвященный
Первому Кубанскому Походу
и истории Белых Армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029
Phone: 664-7650

7-й год издания № 73/74 Октябрь-Ноябрь 1967 г.

50-летие Основания
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Прошло полвека с тех пор, как несколько русских генералов, переодетых в штатское платье, прибыли на Дон для организации борьбы с большевиками, захватившими власть у безвольного Временного Правительства.

Из всей 11-миллионной Русской армии нашлось только несколько сот юношей-юнкеров и женщин ударного Батальона, формировавшегося в Петрограде, которые выступили в защиту Российского Правительства, пророчески оказавшегося "временным".

Не нашлось ни руководителей, ни воли к победе, и толпа большевиков захватила Зимний дворец.

Обвешанный оружием матрос посмотрел с презрением на кучку перепуганных людей и зычно крикнул:

"Эй, вы, которые временные, расходись!"

И они покорно разошлись.

Ничего героического, ничего драматического, как пытаются изобразить большевики, в падении Временного Правительства не было. Главный виновник - Паяц Революции - переодевшись в женское платье, благополучно скрылся. Гибель юнкеров и женщин-ударниц, действительно, была ужасна и ляжет вечным несмываемым позором на историю Революции.

Рухнул старый тысячелетний строй, и началась мрачная эпоха анархии и произвола.

Уничтожалось все, что было самого ценного, самого талантливого, самого лучшего в стране: боевые талантливые офицеры, выдающиеся ученые, писатели, общественные деятели, инженеры, профессора, духовные руководители, зажиточные крестьяне, купцы, казаки... осквернялись храмы, распахивались кладбища... все делалось по указке Германского Генерального Штаба, платными агентами которого были все вожди большевиков.

В ответ на этот разгул, грабеж и убийства родилась идея создания вооруженной силы для борьбы за жизнь и существование страны.

Порядок сохранился только в казачьих областях, не признавших большевиков Российским Правительством.

Бывший начальник Штаба и Главнокомандующий Русской Армии ген. Алексеев пробрался на Дон и 2-го ноября (ст.ст.) начал организацию Добровольческой Армии для борьбы с большевиками - без средств, без оружия, без поддержки зажиточного класса, воодушевленный только одним желанием спасти Родину.

И на этот призыв начали стекаться на Дон все те, кто не мог примириться с тем, что творилось на Руси: офицеры, юнкера, солдаты, казаки, учащаяся молодежь - пошли на зов спасать Отечество.

Героическая эпопея Добровольческой Армии стала достоянием истории. Корнилов, Марков, Дроздовский и тысячи русских патриотов отдали свои жизни в неравной борьбе. Несмотря на героизм добровольцев, их успехи и победы - Добровольческой Армии не было суждено осуществить свою цель. После трех лет борьбы, не поддержанные русским народом, брошенные союзниками, последние Добровольцы не сдались, а ушли, с оружием в руках, в изгнание.

Горек был хлеб изгнания... Малодушные не выдержали - одни пали духом, другие ушли в Каноссу...

Но ни удары судьбы, ни измена не коснулись души настоящих добровольцев. Они верили и верят в светлое будущее, когда Россия сбросит иго коммунистов и заживет свободной и привольной жизнью!

Добровольческая Армия была предтечей всех остальных 114 крупных восстаний и организаций в борьбе с большевиками - начиная с Кронштадтского восстания матросов и кончая Русской Освободительной армией генерала Власова и Венгерским восстанием.

Несчастье заключалось в том, что все эти восстания не были организованы и согласованы - ни по времени, ни по месту. Каждое из этих восстаний по очереди было подавлено отборными коммунистическими частями, во всеоружии современной техники.

Но мы верим и надеемся, что придет время, и 115-ое восстание обездоленного, обезличенного, обманутого русского народа завершит дело, начатое 50 лет тому назад!

Редакция.

- - оОо - -

Командующій Добровольческой Арміей
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА, ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ КОРНИЛОВЪ

(В Новочеркасске, до выхода в поход.)

Донской партизанъ
Погибъ отъ рукъ предателей Дона 22 января 1918 года.
ПОЛКОВНИКЪ ЧЕРНЕЦОВЪ

Ген. Э. Ф. СЕМИЛЕТОВ

Организатор и командир одного из первых
Донских Партизанских отрядов в 1917 году.

Войсковой Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска,
ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ФИЛИМОНОВЪ

ЗАРОЖДЕНИЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
(Доклад на Собрании "Первопоходников" в 1958 г.)

Мне не пришлось быть участником "Первого Похода" ген.Корнилова. Однако, мне пришлось быть лично свидетелем того, что родилось еще за 10 месяцев до начала Похода. Уже через месяц после отречения Государя для всех офицеров Российской Армии, казалось бы, должно было стать ясным, что, хотя некоторые из членов нового "Временного Правительства" и необычно громко кричат и о выигрыше войны, и о подъеме боевых качеств армии, но на самом деле идет совершенно очевидная работа над ее разрушением, над разрушением мощи России.

Едва ли какому-либо правительству в мировой истории когда-либо приходила в голову серьезная мысль подорвать во время тяжелой внешней войны авторитет и силу всего офицерского корпуса своей армии, объявить его политически ненадежным, поставить его под контроль его же подчиненных - солдат, отнять у него право распоряжаться, право требовать повиновения и право взыскивать за нарушение такового, и даже в бою!.. Действия такого правительства везде и всюду были бы признаны изменническими, и не только в смысле измены бывшему режиму, но и в смысле измены своему Государству и своему Народу.

Да таковыми и были действия Временного Правительства 1917 года!

Вопрос можно ставить только персонально: кто являлся сознательным зачинщиком этой измены, а кто поддался революционному психозу и потерял всякий здравый смысл?

Около середины апреля 1917 года состоялось одно из первых безумий революции - "Минский Фронтовой Съезд" представителей от войск и населения прифронтовой полосы Западного Фронта. Мне пришлось присутствовать на нем от лица Ставки: официально - для приветствования Съезда, неофициально - как наблюдателю ген.Алексеева, тогда Верховного Главнокомандующего.

Много пришлось мне за три дня Съезда увидеть и услышать совершенно невероятного для нормально мыслящего человека. Вспоминаю, как какой-то рядовой кричал, выступая официально от лица целой армии Фронта и критикуя внешнюю политику России: "Не надо нам проливов, чтобы в них плавал господин Милюков!"

Помню, как после длинной речи известнейшего тогда социал-демократа, грузина Чхеидзе, который, хотя и прикрывался социалистическими интернациональными лозунгами, но не мог скрыть кипевшей в нем ненависти к России и торжества открывающихся возможностей для чисто грузинского национализма, - какой-то подполковник артиллерии,грузин, просил его разрешения его поцеловать. И этот поцелуй, предававший идею неделимой России, произошел под неистовые аплодисменты собравшегося в Минском театре Российского воинства... Помню и поразившее меня откровенностью и ясностью (должен признать это) заявление большевика Ногина (партийная кличка "Рыжий"), что все, что он слышит здесь из уст представителей партий (ка-де, эс-эров, эс-деков и др.) о "великой, бескровной революции" и наступающем рае, - все это ложь и обман. Революция, по его уверению, "еще не началась, а когда начнется, то вся Россия будет затоплена кровью по колено"! И этому безумию аплодировал зал... Наконец, когда на Съезде уже велись "прения" по "комиссиям", то дошло до таких диких заявлений, при том со стороны членов Съезда - офицеров, что один из видных тогда большевиков*)

*) См. примечание на следующей странице.

подбежал ко мне, как "гостю" из Ставки, со словами: "Мы, полковник, с вами принципиальные враги, но мне все же приходится просить вашей помощи: один из ваших офицеров несет в комиссии такой крайний левый вздор, что и для большевиков это уж чересчур! Уймите его!"

Оказалось, что один капитан, бледный и в истерическом состоянии, требовал отмены жалованья офицерам и применения к ним всяких репрессий... (Любопытно, что через полгода этот капитан посетил меня, чтобы покаяться в своем безумии на Съезде. Позднее он был в Белой Армии и умер в большой нужде в эмиграции).

При такой обстановке не могли, кажется мне, не появиться силы сопротивления захватившему Родину нашу безумию.

Через несколько дней после моего возвращения в Ставку (вероятно, около 20 апреля) мне на всю жизнь запомнился маленький эпизод.

Чины Ставки обедали в отдельном, нанятом для этой цели ресторане. У каждого офицера было определенное место. Столики на четверых. В этот день я почти до конца обеда сидел за столиком один: один из нас четверых, офицеров Генерального Штаба, был в командировке, а двое других, ныне покойные - подполковники Д.А.Лебедев (в будущем - Начальник Штаба у адм.Колчака) и В.М.Пронин (недавно скончавшийся в Бразилии) - отсутствовали. В самом конце обеда они появились, взволнованные и довольные. И тут же они мне рассказали, что только что были приняты Верховным Главнокоманд ющим ген.Алексеевым по вопросу об образовании "Всероссийского профессионального Союза Офицеров" и что осуществление этой идеи поручено им.

Смысл этого вопроса состоял в том, что, раз офицеры обезличиваются в целях развала Армии самой новой властью, то надо пытаться сохранить их единство, а в нем - отбор лучших, хотя бы на путях "демократических", то есть столь одобряемых социалистами профессиональных союзов.

Итак, в этот день родилась идея подготовки организованной борьбы с идущими к захвату власти над Россией международными злодеями. Эта борьба стала называться в будущем "Белой", ее орудием явилась "Белая Армия", ныне справляющая свое 40-летие (а теперь уже и 50-летие).

Но тогда (в апреле-мае 1917 г.) эту борьбу намечал только один вновь рождавшийся "Офицерский Союз". Для меня остался не совсем ясным вопрос - кто был персональным инициатором этого Союза? Подполковники ли Лебедев и Пронин, доложившие свою идею ген.Алексееву,или же идея принадлежала самому Верховному Главнокомандующему, а подполковники был только им избранные исполнители?

Офицерский Союз создался чрезвычайно быстро. Образовались ячейки в войсковых частях и объединились по Армиям. Нечего и говорить, что ячейки состояли из надежнейших офицеров. Через месяц, в 20-х числах мая, в центре, то есть в Ставке, в Могилеве-на-Днепре, состоялся уже и Съезд делегатов Союза, принявший Устав и выбравший Главное Правление Союза. Председателем был избран подполковник артиллерии Новосильцев.

Временное Правительство, вернее - стоявший над ним "красный" страх, "Совет Рабочих и Солдатских депутатов" - спохватилось поздно: в день закрытия Офицерского Съезда (помнится - 25 мая) оно уволило

---

*) (к предыдущей странице) Имя его не осталось у меня в памяти, но знаю, что и он, и упомянутый выше Ногин, умерли в первые года большевизма.

ген.Алексеева от должности Верховного Главнокомандующего. Он получил это телеграфное распоряжение в ту минуту, когда собирался выехать на последнее заседание Съезда для его закрытия. Поэтому он поручил закрыть Съезд Начальнику своего Штаба, ген.Деникину. Последний, чрезвычайно возмущенный отставкой ген.Алексеева, сообщил об этом Съезду и, в своем пожелании ему успешной работы по сохранению боеспособности Армии, говоря очень сильно и резко, закончил свою речь такими словами (как уверяли тогда присутствовавшие):

- ... Через эти стены - (жест на север) - я шлю проклятие тем, кто плюнул в душу Русскому Офицеру!

- о -

Но первое орудие Белой Борьбы было уже рождено.

В том же мае, когда еще только собирался Офицерский Съезд, совершенно незаметно, в малых пунктах на путях к столице, стали располагаться вновь формируемые части вспомогательного назначения, например, самокатные команды, дивизион для охраны русских консульств в Персии (?!) и т.п. Начинало создаваться вокруг Совета Рабочих и Солдатских депутатов еще неприметное кольцо...

Но ген.Алексеева власть убрала. Еще так не называвшееся "Белое" дело стало тормозиться и затрудняться поставленным на место Алексеева бесчестным и угодливым ген.Брусиловым... Но "Союз" рос и готовился...

Через 3 месяца ген.Корнилову пришлось спешно выступить. Его выступление сорвали те, кто кричал о боеспособности Армии и "плевал в душу Русского Офицера"...

Красный "октябрьский" переворот... И на Дон стали собираться "Белые" Добровольцы - прежде всего члены Офицерского Союза.

Б.Н.Сергеевский.

- - оОо - -

x

x x

Забыть ли холодные ночи,
Винтовок тревожащий треск,
Минуты - часов не короче
И моря неласковый всплеск?

Забыть ли, как вдаль уходила
Прекрасная наша земля,
Как слезная туча закрыла
Глаза на бортах корабля?

Забыть ли всю горечь разлуки,
Преддверье, дыханье конца
И новые гибели звуки
В сияньи родного лица?

Ник.Евсеев.

"ШТЫКИ В ЗЕМЛЮ!"

Пятьдесят лет - такой срок, что может образоваться историческая перспектива. И она образовалась бы, если бы не напа политическая страстность, уверяющая нас, что в четыре дня февраля-марта 17-го года кучка заговорщиков, с помощью Якова Шиффа, сделала бунт и свергла Самодержца. Это - бесперспективные утверждения.

Не удавшийся мятеж - это бунт, удавшийся - революция, переворот. Государь отрекся от престола в результата не бунта, а революции. "Кучка" заговорщиков была велика - либеральная часть интеллигенции, значительная часть полу-интеллигенции (земские статистики, фельдшера, народные учителя и т.д.), политиканствовавшая часть студенчества, рабочие, ведомые социалистами, земства, дворянские съезды, Союз городов, Государственная дума и Государственный совет. Эта верхняя палата нашего народного представительства присоединилась своим мнением к нижней палате, которая образовала в своем составе Прогрессивный блок, поставивший себе целью добиться образования ""правительства народного доверия" (ссылаюсь на 3-й том труда Ольденбурга "Царствование Императора Николая 2-го"), что было революционным требованием, потому что - по Основным Законам - Россия управлялась правительством Государева доверия. И не четыре февраль-мартовских дня длилась подрывная работа, но с осени 1915 года: создался Прогрессивный блок, а Земсоюз, Горсоюз, Военпром-комитет и т.д. стали добиваться перемены власти. Что же касается Якова Шиффа, то, при всей значительности его роли в революции, надо сказать, что и иные толкали Россию к революции: Клемансо, и Ллойд-Джордж, и Жоффр, и Фош, и Китченер (о них будет речь ниже).

В ту пору в России не было заострения классовых взаимоотношений, а роковой вопрос о "черном переделе" был упразднен Столыпинской реформой, но было три политических стимула для революции: 1) прогрессисты хотели реформированное в 1905 г. самодержавие (Самодержец и Дума) заменить конституцией западно-европейского типа; 2) Социал-революционеры и меньшевики думали о республике, а 3) большевики шли напролом к социальной революции. В дни после "бабьего бунта" 23-го февраля казалось, что победила 1-ая группа - Временный Комитет Государственной думы выпустил воззвание, провозглашая необходимость сохранения монархического начала, но уже с рассветом 1-го марта победа была в руках 2-й группы, и удовлетворение ее требований об отречении Николая Александровича и об отказе Михаила превратило Россию в республику; но третья группа, поддержавшая в февраль-мартовские дни вторую группу, принялась, по свержении монархии, свергать республику. В их демагогическом арсенале было оружие необыкновенной силы: клич "Штыки в землю!"

Февральским событиям предшествовала многомесячная разруха экономики в стране: рост цен, нехватка товаров, а из-за нехватки товаров забастовка деревни - она стала припрятывать хлеб; железные дороги перестали справляться с перевозками грузов. Была ли разруха действительно велика, или ее преувеличивали революционеры? Была ли разруха только от нераспорядительности властей или от саботажа революционеров? Во всяком случае все - от низов до Царской Фамилии - требовали "перемен". Было ли правительство неспособно организовать и выиграть войну, как твердили революционеры? Или оно было способно, а революционеры клеветали? Во всяком случае - внушением или самовну-

шением - люди сверху до низу приходили к выводу: для выигрыша войны нужны "перемены".

Снарядный голод 1915-го года был сильнейшим доказательством необходимости перемен. Правительство сделало огромную ошибку, что промолчало в 1916 году о важном факте: снарядная сытость стала наступать в результате работы Главного Артиллерийского Управления, а не Военно-Промышленных Комитетов. А эти последние кричали десятками тысяч голосов: общественность взялась за дело и поправила артиллерийское снабжение, которое неспособное правительство довело до катастрофы.

Различны были понятия о "переменах" у так называемого общества и у народа. В обществе толковали, шептали о необходимости "министерства доверия" или об изменении конституции в смысле отмены самодержавия, или о дворцовом перевороте, или, наконец, о революции. В народе же под "переменой" понимали замирение, мир. Уже в конце 15-го года чувствовалось разочарование войной; в 16-м Россия была "беременна миром"; к 17-му году, как констатирует историк Ольденбург, страна утомилась воевать. Подтверждается это многими фактами: молодые люди из интеллигенции укрывались от войны в Земском и Городском союзах (энтузиазм 14-го года к концу 15-го сменился унынием); в прифронтовой полосе на железных дорогах жили дезертиры в огромном числе (в мемуарной литературе промелькнула цифра - полтора миллиона); велико было число сдавшихся в плен солдат в наступательных операциях 16-го года; на Стоходе (лето 16-го г.) и у Митавы (осень 1-го года) целые полки отказались идти в атаку; первым требованием Петроградского гарнизона после революции было - не отправлять запасные батальоны в Действующую Армию.

Можно указать несколько причин (всех не перечтешь) утомления войной:

1) Чрезмерные потери Армии - к 15 августа 15 г. свыше 4.000000; потери вызывались чрезмерно активной оперативкой и устарелой организацией; французы, почувствовав в первые месяцы войны, что борьба будет огневою, зарылись в землю и стали ждать накопления пушек, пулеметов, снарядов, патронов, а мы, даже вступив в полосу снарядного голода, продолжали атаковать полками, вооруженными, в сущности, холодным оружием - штыками; французы, немцы реорганизовали свои дивизии так, что в них число артиллеристов стало большим, чем пехотинцев, и дивизии стали 9-батальонными, а мы оставались при 16-батальонных дивизиях, при ротах в 250 бойцов, и у нас на 16.000 пехотинцев в дивизии приходилось меньше 2.000 артиллеристов; таким образом, в войне орудиями мы воевали телами и, конечно, несли непомерные потери.

2) Чрезмерное выкачивание людей из народного хозяйства в Армию - было мобилизовано 17.000.000 душ, то есть 10% населения (правда, Франция и Германия мобилизовали 20% но у нас агрикультура требовала много рабочих рук из-за недостатка машин, огромности пространств и суровости климата - француз ведь на зиму дров не припасает, как наш крестьянин); без нужды и пользы держали в исполинских запасных батальонах миллионы людей, преждевременно отрывая их от производства.

3) Хозяйственные неполадки в стране, о чем уже говорилось выше.

4) Отсутствие организованного властью воинственно-патриотического воздействия на душу народа и Действующей Армии.

У нас к 14-му году уже вывелось традиционное "шапками закидаем",

но мы думали, что у Царя людей много - мобилизовали без счета, в боях теряли без опаски, что может в конце концов не хватить. А союзники наши были уверены, что людей у нас - избыток: с первого дня войны Англия просила прислать 3-4 армейских корпуса для увеличения ее войска, а затем в Петроград приехал Поль Думэр просить присылки во французскую армию 40.000 русских солдат ежемесячно.

Франция, нагло взявшая в свои руки стратегию Антанты, требовала от России непосильной оперативной активности. Если этого требовали Клемансо и Ллойд-Джордж, то эти штатские стратеги ничего не понимали в воевании, но генералы Жоффр, Фош и Китченер требовали того же (эти три едва ли имели в виду добиться масонской цели изнурить Германию и Россию в одинаковой степени), а мы самопожертвованно кидались выручать союзников, когда они "влипали", а если у тех было благополучно, то мы сами кидались в наступление, думая ускорить победу без помощи англо-французов, не торопившихся к победе. Мы на себя привлекли большую часть сил Германии, Австро-Венгрии и Турции, а французы давали своим фронтовикам частые отпуска для деторождения, англичане же в тылу своих позиций играли в футбол.

Государь Император верил, что надо продержаться (понимал, что Россия устала воевать, раз говорил: "продержаться") зиму 16-17 гг., и тогда летом 17 г. победим. Можно ли было рассчитывать на активность Запада в 1917 году? Нет. Запад всегда воюет нашей кровью - (вспомним Аустерлиц и вообще все кампании против Наполеона): воевал русской кровью в 1914, 15, 16 годах... и в 1941, 42, 43, 44 годах.

Может быть, как полагал Царь, и продержались бы, но именно потому, что надо было продолжать держаться, продолжать воевать, одержала победу Февральская революция: ее поддержала не желавшая воевать орда запасных в столице; ее поддержали солдаты, которых вел генерал Иванов и которые дали себя разоружить; ее приветствовала замитинговавшая Действующая Армия. Вскоре раздавшийся крик "Штыки в землю!" - нашел многомиллионный отклик. Повторяем: для войсковой и народной массы революция не была ни династической, ни политической, ни социальной - люди ждали от революции мира. Кратковременное правительство не поняло этого - Милюков лопотал о Босфоре и Дарданеллах - и поэтому солдаты поддержали революцию против Керенского. Ленин и его преемники украшали и к 50-летнему юбилею будут крикливо украшать Октябрь "прогрессивнейшими" идеями, но этими одежками не закрыть голое тело Октября - "Штыки в землю!" (как не скрыла фразеология Милюкова и Керенского сущности Февраля - "Замирение!").

Офицеров винят в том, что они, будучи политически невежественны, не удержали в феврале (да и в октябре) солдатскую массу от психического дезертирства. Обвинение пустое. Во-первых, к февралю 17 года 80 % офицеров были из студентов и иных мобилизованных интеллигентов, которые до призыва в Армию ознакомились в той или иной мере с политикой. Во-вторых, изощренные политики социал-революционеры через комитеты старались установить в Армии "революционную дисциплину, но не имели ни малейшего успеха - вспомним Калушское и Рижское бегство. Офицеры, а потом социал-демократы оказались в отрыве от солдата не по политическим причинам, а по противоречию: "Надо воевать за Россию" (а позже - "надо воевать за свободу") и неприкрытым "Мы устали воевать". Солдат не сомневался в том, что офицеры хотят воевать только потому, что им в военное время платят усиленное жалованье. А в отношении социалистов солдат-крестьянин держался хитро: голосовал за

эс-эров при выборах в Учредительное собрание (партия обещала землю), а в вопросе мира и войны был на стороне большевиков.

От военной усталости, начавшейся в 15-м году (будь проклято коварство союзников!) хлебный бунт превратился в Февральскую революцию; Февральскую революцию поглотила Октябрьская, потому что кричала: "Штыки в землю!"

Е.Месснер.

- - оОо - -

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О 6-Й ОСОБОЙ БРИГАДЕ

В 1916 году, в глубоком тылу Действующей армии, для отправки во Францию и Сербию формировались особого назначения, или просто особые, как им приказано было называться, бригады. 6-я из них, о которой будет идти речь, формировалась в Московском военном округе. Прекрасный командный состав этой бригады,с соответственно подобранными из пехотных полков действующей армии солдатами, вполне отвечали высокому назначению ее: поддержать честь и достоинство русской армии за границей. 11-й особый полк бригады, с командиром полка полковником ген.штаба Пустовойтенко, формировался в Москве, а 12-й, с командиром полковником Струковым, - в Туле. Командиром бригады был назначен только что с большим блеском прокомандовавший положенное время 81-м пехотным Апшеронским Императрицы Екатерины Великой полком генерального штаба генерал-майор Евгений Васильевич Лебединский.

В первых числах октября, после смотра, командир бригады донес командующему Московским военным округом о готовности бригады к отправке ее во Францию. На это ему было сообщено телеграммой, что 6-я особая бригада, вместо Франции, будет отправлена в действующую армию, куда она, перевооружившись с французских винтовок на русские, и отбыла.

Простояв некоторое время на позиции под Двинском, бригада была переведена в резерв 12-й армии генерала Радко-Дмитриева в Ригу. В начале декабря, для предстоящего зимнего наступления, бригада была выдвинута на позицию юго-восточнее гор.Шлока. На нее, с приданными ей частями, - всего 14 батальонов под командой ген.майора Лебединского - была возложена задача в ударном порядке прорвать оборонительную полосу противника.

Ознакомившись с обстановкой, Лебединский тщетно старался, если не отменить, то хотя бы отложить атаку. Мотивами этому были: незнакомство с позициями противника и глубокий снег, маскирующий их; множество переплетенных проволокой и занесенных снегом, расположенных в шахматном порядке участков лесных завалов; глубокий снег, устраняющий возможность применения к местности стрелковых цепей и, вообще, множество местных, неблагоприятных для атаки обстоятельств, связанных с зимой. "Зимнее наступление", как оно впоследствии было названо, в период подготовительный не особенно держалось в тайне, и о нем говорилось, без веры в успех, даже в полках.

19-го декабря, в предпоследний день перед наступлением, генерал Лебединский был вызван в Штаб Армии, откуда возвратился смущенным и расстроенным. Говорили, что он имел там неприятный разговор по поводу предстоящей атаки.

По сведениям, полученным от каких-то партизан, немцы сняли и перебросили на французский фронт значительные силы с участков фронта 12-й армии, и на некоторых участках фронта противника нет. Генерал Лебединский приказал начальнику штаба боевой рекогносцировкой проверить эти слухи. Разведывательная партия - около полуроты 11-го особого полка - возвратилась, принеся с собой несколько своих убитых и раненых.

Как бы то ни было, ударная группа ген.Лебединского, 14 батальонов, с короткой артиллерийской подготовкой атаковала свой участок позиций противника и с огромными потерями была отброшена обратно в свои окопы.

Генерал Лебединский видел, с какой отчаянной доблестью сражалась его бригада. Он отлично понимал независящие от него причины неуспеха, негодовал, страдал и нервничал, чего знавшие его по Апшеронскому полку чины бригады прежде за ним не замечали.

Части, недолго стоявшие на позиции и хорошо не изучившие расположение противника, при менявшемся, в зависимости от погоды, виде местных предметов, отойдя от исходного места, теряли направление и, проваливаясь в снегу, отставали одна от другой.

Между прочим, на некоторых, не подчиненных генералу Лебединскому, демостративных участках в этом наступлении был достигнут незначительный успех.

Радко-Дмитриев, предоставив Лебединскому полную инициативу в выборе места и времени и усилив его группу еще несколькими батальонами, приказал атаку повторить. Но эту повторную атаку противник предупредил, перейдя сам в контр/атаку, поддержанную сильным артиллерийским огнем. Весь день между окопами шел бой, и к наступлению сумерек обе стороны возвратились в свои окопы. Из штаба армии в штаб группы ген.Лебединского прибыли партизаны, которые сообщили, что по замерзшему болоту Тируль, под покровом ночи, можно незаметно подойти к позиции противника и что они знают даже участок, не прикрытый проволочными заграждениями.

Генералу Лебединскому, в бытность его командиром полка, в ночных атаках сопутствовало счастье. Один раз это было при отступлении из Галиции, с 13 на 14 мая 15-го года, при ночном штурме австрийского предмостного укрепления с городком Синява, в полной тишине, без поддержки артиллерии; второй раз, тоже без артиллерии, 8-го октября 15-го года, уже в России, под дер.Медведичи. Оба раза, без больших потерь, полком его было взято много пленных и трофеи.

В 8 часов вечера, в Рождественскую ночь 24-го декабря, организовав связь с артиллерией и с частями, которые в случае надобности должны были его поддержать, генерал Лебединский, в сопровождении партизан, лично повел из своей группы только особую бригаду на исходное для атаки место.

Благодаря принятым мерам бригаде удалось,не будучи обнаруженной, подойти достаточно близко к позиции противника. Капитан Божидар Маркович, черногорец-доброволец, первый со своей ротой бросился в атаку. Стремительная атака по льду слабо покрытого снегом болота захлебнулась при подъеме на его возвышенный берег, уже покрытый глубоким снегом. Божидар Маркович был убит, рота его легла почти вся. Двинувшиеся за ним все три батальона 12-го особого полка наскочили на проволочные заграждения. 11-й особый полк, уже при проигранной внезапности натолкнувшись на сильное сопротивление, отошел в исходное положение. Потери бригады были огромны.

Так окончилось, вместо Французского на Русском фронте, боевое крещение блестящей по своему составу 6-й особой бригады.

Приказом Начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 24 января 1917 г. 6-й особой пехотной бригаде было приказано развернуться в дивизию и именоваться 4-й особой пехотной дивизией. В нее вошли 15-й и 16-й особые полки. До этого времени 6-я особая бригада, пополняясь, находилась в резерве 12-й армии и стояла в предместье города Риги. Пополненной 4-й особой дивизии приказано было стать в резерв Северо-Западного фронта в районе Двинска, куда были посланы, под командой капитана 16-го особого полка Р-ского квтирьеры.

Находясь в приличном расстоянии от железной дороги, капитан Р-ский, будучи как бы отрезанным от мира сего, предался отдыху и связанным с ним развлечениям, в чем подражали ему и его квартирьеры. Для пехотинцев отдых в обстановке, где даже не слышно артиллерийской пальбы, - настоящее счастье. Оно было еще более радостным при затянувшемся неприбытии частей дивизии. Доходили слухи о каких-то беспорядках и даже революции, но на это Р-ский возражал, что "показали революционерам Кузькину маму в 1905 году, а в военное время покажут тем более, и шутки тут в сторону", Прошло дней 10-15, и привольное житье квартирьеров было нарушено телеграммой генерала Лебединского с приказанием немедленно возвратиться обратно. Р-ский со своей командой прибыл на ст.Режицы. Станция была забита солдатами. Но что это? - солдаты не отдают чести и даже, при подходе к ним офицера, не встают и т.д.! Как бы желая показать сидящим здесь с забитым видом двум прапорщикам, как следует вести себя в подобных случаях офицеру, капитан Р-ский, помня, что при нарушении дисциплины в известных случаях ему законом дано право применять силу или оружие, молодцевато начал наводить порядки. Масса солдат взвыла и с руганью стала к нему приступать. Р-ский вынул из кобуры револьвер.

В это время вбежал какой-то штатский с красной повязкой на рукаве. Он что-то говорил солдатам, уговаривая их до Пскова вести себя спокойно и говоря, что он о случившемся даст знать, куда следует. Затем, усадив Р-ского с его командой в отдельный вагон, штатский отправил поезд. Р-ский стал не так умом постигать, как сердцем чувствовать, что произошло что-то чудовищное и нелепое. По прибытии в Псков, увидя на станции офицеров, Р-ский подошел к ним:

- Скажите, пожалуйста, что нового и что произошло? - обратился он к ним.

Увидя с удивлением, что он как с луны свалился, офицеры после краткого предисловия поведали ему, что всего несколько часов тому назад из Пскова ушел Царский поезд, увозя в Петроград отрекшегося от Престола Государя Императора. От этого известия у Р-ского зашевелились волосы на голове и по спине побежали мурашки. К нему подошел штатский с австрийским карабином на ремне и красной повязкой на рукаве:

- Господин офицер, - обратился он к нему, - вас просит к себе товарищ Ямпольский.

Р-ский, к совершенному своему удивлению, заметил, что стоявшие с ним офицеры отнеслись к этому приглашению, как к совершенно нормальному явлению. Р-ский последовал за вооруженным штатским. Они вошли в жандармскую комнату. За столом, с самодовольным видом, вместо жандарма сидел высокого роста штатский.

- Во избежание самосуда над вами товарищей солдат вы сейчас со мной поедете в город, - сказал он Р-скому, - а сейчас присядьте,вот

вам "Биржевка" (газета "Биржевые Ведомости). Смотрите, что происходит! Интересно, интересно, - добавил он и принялся что-то писать.

Вскоре подан был автомобиль, и Р-ский с тов.Ямпольским поехали в город. Они приехали, повидимому, в полицейское управление, но в нем, вместо полицейских, всюду сновали вооруженные штатские с красными повязками на рукавах.

- Ну, теперь бросьте папиросу и отвечайте на вопросы, - сказал Ямпольский Р-скому, садясь за стол. О случае на станции Режицы ему, видимо, уже было известно, и он составил о нем подробный протокол. В доме было много людей. Все они громко говорили, и постоянно звенел телефон.

- Сейчас уже поздно, вы останетесь здесь ночевать, а утром я приеду за вами, и к Рижскому поезду вы будете на вокзале, - сказал Ямпольский, указывая на диван, и, не прощаясь с Р-ским, вышел.

Утром в 8 часов явился Ямпольский.

- Ну, господин офицер, - сказал он, - я только что был на вокзале, поговорил с вашими солдатами. Все улажено. За ваше спокойное возвращение в полк я ручаюсь. Вы должны не забывать, что солдаты сейчас - граждане.

На вокзале Ямпольский, войдя с Р-ским в вагон, где уже разместились его квартирьеры, сказал им, что в их полку, конечно, уже выбран комитет, куда и следует передать привезенный им пакет. Затем, пожелав "товарищам" счастливого пути, он удалился.

По дороге Р-ский пробовал было говорить со своими солдатами о происходящем, но, заметив недоверчиво-враждебное выражение их лиц, прекратил эти беседы с ними.

По приезде в Ригу Р-ский представился по случаю возвращения Начальнику штаба Дивизии и доложил ему о случае на ст.Режицы.

- Я уверен, - сказал ему нач.штаба, - что все станет на правильный путь. Нужно терпение и выдержка и не задираться с "товарищами".

Р-ский хотел было еще, для отвода души, поговорить с нач.штаба, но тот, с обыкновенным своим деловым видом постоянно занятого человека, отошел в сторону.

Дня через два Р-ский получил повестку явиться в солдатский комитет. Об этом приглашении Р. доложил командиру полка.

- Чепуха, - сказал на это командир, - ничего "товарищи" вам сделать не могут. Удивительно абсурдная неразбериха, а главно - невозможно уяснить себе центра, около которого она вращается. В нашем полку инцидентов с "товарищами" было множество, но до приглашения в солдатский комитет не доходило. Вашим защитником из искоофа (исполнительный офицерский комитет) будет юрист по образованию, поручик нашего полка Лебедев.

Комната солдатского комитета уже была полна солдат, когда в нее вошел Р-ский. За столом важно сидел председательствующий, нестроевой младшего разряда, старший сапожной мастерской. Около него тесно расселись бывшие с Р-ским квартирьеры. Они злорадно смотрели на севшего рядом с пор.Лебедевым Р-ского. "Предатели", - глядя на них, подумал Р-ский.

- Товарищи, - обратился к собравшимся председательствующий. - Мы собрались сегодня для того, чтобы разобрать случай с господином товарищем капитаном Р-ским. Прежде всего я, как председатель полкового солдатского комитета, благодарю бывших с Р-ским товарищей, что они поступили правильно, обратились к комитету и не прибегли к само-

суду над господином капитаном Р-ским. Вот что пишет о поведении капитана Р-ского на станции Режицы начальник революционной милиции ст. Псков, - и он прочел, с ссылками на завоевания революции в отношении солдат, довольно правдиво составленный протокол.

- Господин капитан Р-ский, признаете ли вы себя виновным? - в заключение своей речи спросил он.

- В чем? - одновременно спросили Р-ский и Лебедев.

На их вопрос председательствующий хотел было ответить, как встал сидевший рядом с ним еврейчик и хлестко-разбитным тоном заявил:

- В явно сознательном нарушении декларации прав солдата.

- Что это за декларация и можете ли вы нам ее объявить? - спросил Лебедев.

В собрании произошла заминка. "Декларация", видимо, для всех была новинкой. Еврейчик продолжал:

- Эта декларация исходит от Совета солдатских и рабочих депутатов.

- Если эта декларация исходит не от Временного правительства и в надлежащем порядке не распубликована им, то для исполнения она не обязательна, - возразил Лебедев.

Научно-авторитетный тон его возымел, казалось, свое действие, и все посмотрели на него с удивлением. Но потом поднялся шум с руганью, в котором трудно было что-либо разобрать.

- Голос совета депутатов есть голос всего народа, и никто не может здесь возражать! - пискливым голосом, стараясь всех перекричать, вопил еврейчик.

- Правильно! Правильно! - орали все. Громовым голосом и свистками при помощи вложенных в рот пальцев председательствующему с трудом удалось утихомирить "собрание".

Между прочим, солдаты ревниво оберегали провозглашенные в первые же дни революции свободы: слова, печати и собраний. На основании их обезличенные офицеры пытались обратить отравленные солдатские умы к здравому смыслу и убедить их не слушать провокаций.

Долго длившееся "собрание" с провокационными вопросами и безупречными по здравому смыслу ответами Р-ского и Лебедева, видимо, утомили "товарищей". Лебедев встал и произнес длинную речь уже прямо в защиту Р-ского. Указав на значение дисциплины, субординации и роли офицеров в армии, он в спокойно убедительном тоне доказал "товарищам", что в Режицах Р-ский иначе поступить не мог, так как ничего не знал о революции, что и подтверждает начальник Псковской милиции. Поэтому в своем незнании завоеваний революции в отношении солдат он приносит перед командой бывших с ним квартирьеров извинение.

Удовлетворенные и радостные "товарищи" стали покидать собрание.

За все время этого импровизированного суда над собой Р-ский, как новичек в революции, больше молчал. "Вот бы вынуть револьвер да перехлопать всю эту сволочь!" - думал он, но только думал.

По дороге домой Р-ский и Лебедев зашли к командиру полка доложить обо всем и просто отвести душу.

- Неужели, г-н полковник, не найдется никого, кто бы обуздал всю эту взбунтовавшуюся сволочь?! Ведь вчера еще они были солдатами! - с горечью от только что пережитого на "суде", после доклада о нем, спросил Р-ский.

- Не могу себе представить, что такой не найдется. Конечно, много шкурников... Революция давно подкрадывалась, и мы это чувство-

вали и даже знали, но об этой огульной подлости никто не имел понятия. Вы, например, знали, что такое эс-эры и эс-деки? Ну, вот видите! Все вершители революции знают, и что все они подлецы - они тоже знают, и что на подлость офицерский корпус не пойдет - тоже знают, а потому, стараясь предупредить контр-революцию, они натравливают в первую очередь солдат на нас.

Высказав свой взгляд на революцию, командир полка пожелал офицерам спокойной ночи и советовал не унывать, так как он этому "товарищескому" суду не придает никакого значения.

2-го мая 4-я дивизия стала на позицию юго-восточнее Риги у деревни Серуль-Ставос. Вообще с революцией боевые действия, кажется, прекратились, как с нашей стороны, так и со стороны противника.

Стояли прекрасные весенние дни. Пробудившаяся природа и тишина невольно обращали мысли и взоры сидевших в окопах товарищей солдат к провозглашенному вершителями революции "миру без аннексий и контрибуций", "Вот и замирение, - говорили они. - Повоевали и буде". Иногда тишину нарушали выстрелы, но на них никто не обращал внимания, так как нельзя было себе представить, чтобы кто-нибудь осмелился стрелять по противнику: стреляли по летящим с весною диким гусям или по заблудившемуся зайцу. В тылу же, в населенных пунктах, стрельба просто из озорства с начала революции не прекращалась.

По окопам каким-то образом усиленно распространялась немцами газета "Русский Вестник", в которой они убедительно вели пропаганду о бесцельности войны против немцев в союзе с Францией и Англией. Другая газета, "Окопная правда", издававшаяся прапорщиками Сиверсом и Хаустовым, была явно большевицкого направления, с провокационными лозунгами и обещаниями райского житья пролетариату. Она старалась указать на офицера, как на противника революции и врага народа.

На одном участке дивизии, где окопы противника подошли к нашим так близко, что, казалось, имели общие проволочные заграждения, начались братания с немцами, с передачей в наши окопы пропагандных листовок и с общими танцами под гармошку.

Генерал Лебединский прибыл сам на этот участок и приказал выпустить по немецким окопам две мины из минометов и несколько очередей из пулеметов. К общему удивлению офицеров, приказание это было выполнено беспрекословно, и братания прекратились. На следующий день немцы открыли по нашим окопам огонь шомпольными гранатами и выпустили одну мину.

Дня через два, три один из полков дивизии почти весь оставил свои окопы и, требуя смены, толпою ушел в тыл. Командир полка пытался уговорить их вернуться в окопы, но напрасно. Попытки повлиять на бунтовщиков полкового солдатского комитета тоже не дали положительных результатов. "Товарищи немцы тоже не будут воевать больше", - заявляли солдаты.

В это время в 12-ю армию прибыл "военный и морской министр", адвокат по профессии и до мозга костей совершенно штатский человек, на эту высокую должность выдвинутый, конечно, только революцией, - Керенский. Он пожелал поговорить с покинувшим позицию полком.

На указанном месте Либавского шоссе, для встречи его, образовалась вне строя гудящая масса солдат. В ожидании министра они усиленно лускали семечки, которыми их снабжали подозрительные продавцы, скалили зубы и пялили свои взоры по дороге на Ригу. В стороне от них кучкой стояли офицеры и тихо, сдержанно между собой разговаривали:

- Хорошо, министр,но почему вне строя и без винтовок? - спрашивали они друг друга.

- Потому что вызваны были не на парад, а на митинг, - отвечали им другие.

- А что если в это время немцы, не будь они дураки, долбанут по нашему участку?

- Нечего им "долбать", так как они хорошо знают, что мы катимся по наклонной плоскости, а "долбление" может оздоровить товарищей, - авторитетно заявлял на это солидный штаб-офицер.

Вскоре появились мчавшиеся по шоссе несколько автомобилей. Бригадный оркестр грянул марсельезу. Толпа закричала ура и захлопала в ладоши. На переднем открытом автомобиле, приложив руку к козырьку мягкой военной, без кокарды фуражки, стоял Керенский.Из задних автомобилей вышло несколько офицеров и солдат с винтовками.

Простояв несколько мгновений, Керенский вышел из автомобиля. К нему подошел командир 16-го особого полка полковник Карганов. Не вынимая из-за борта френча руки, Керенский выслушал его и, сделав несколько шагов вперед, был тесно окружен солдатами. Дав знак рукою с соблюдать тишину, Керенский произнес речь, начинавшуюся словами: "Товарищи солдаты! Русский народ, сбросив с себя цепи рабства, обратился ко всем демократиям мира прекратить братоубийственную войну..." и т.д., и кончавшуюся заключением о необходимости довести войну до победного конца.

Нужно отдать справедливость - говорил он мастерски: громко, четко, убедительно и выразительно. Солдаты внимательно слушали его сначала, потупив очи, так как ожидали от него распеканции за то,что они покинули позицию, но, слыша его уговаривающе-мягкий голос, ободрились. После последних, заключительных слов: "Уверен, что для спасения родины и революции, в общих усилиях, свободный русский народ доведет войну до победного конца", - Керенский приложил руку к козырьку и провозгласил ура за родину и революцию. Чувствуя, что овладел толпой, Керенский был собою доволен. Далее он беседовал с бывшими делегатами от дивизии в Петрограде. Задавал вопросы и выслушивал ответы.

Казалось, митинг был окончен, и Керенский, пожелав всем здоровья, счастья и удачи, направился было к автомобилю, как вдруг, при гробовой тишине, к нему подошел солдат 16-го особого полка и сказал:

- Разрешите, господин товарищ министр, задать вопрос?

- Что? - спросил его в свою очередь Керенский.

- Вот вы говорите, что много снарядов и патронов и нужно воевать до победного конца, а на что нам этот победный конец и сделанная нами революция, когда нас не будет?

- Командир полка! - резко крикнул Керенский. Подошел полковник Карганов. - Увольте этого солдата, пусть он наверное сохранит свою драгоценную жизнь, как, не в пример всем своим сознательным товарищам, не пожелавший защищать родину и революцию! Товарищи! - истерически уже кричал далее Керенский. - Знайте, что я первый, если будет нужно, отдам свою жизнь за революцию и счастье родины!

Произведя эффект, садясь в автомобиль, Керенский, повернувшись в сторону группы офицеров, приложил руку к козырьку. Смотря на отбывавшего сознательного уголовного преступника, офицеры ответили ему тем же. Митинг был окончен. Но вот, в уже расходившейся толпе, поднявшись на возвышение, появился какой-то хлестко разбитной оратор.

- Товарищи! - обратился он ко всем. - Хорошо, конечно, пожалуй, надо будет идти в наступление, пусть у переде пойдет командир полка, за ним командиры батальонов, за ними ротные и все офицеры, а опосля их мы все!

- Правильно! Правильно! - со смехом заорали "товарищи".

На это идиотское предложение ответил деловой и здравого смысла речью командир 16-го особого полка полковник Карганов. Солдаты его любили, и он имел в их среде много знавших его еще по службе в 205 пех.Шемахинском полку. Они молча выслушали его, и этим, казалось бы, было закончено посещение 4-й особой дивизии военмором Керенским.

Но, как бы желая дополнить слово Карганова, из среды офицеров отделился Борис Алексеевич Суворин. В гимнастерке с защитными погонами с римской цифрой 6, опоясанный офицерским походным ремнем, он своей дородно-представительной фигурой похож бы, выражаясь по простонародному, больше на "настоящего и стоющего барина", чем на солдата. При виде его "товарищи" насторожились. Заняв место отошедшего в сторону Карганова, Суворин обратился к ним:

- Ребята... то есть, простите, товарищи! Я старше вас и, следовательно, больше видел всего, но я не могу себе представить, чтобы извозчик, например, ехал задом наперед, то есть после телеги шла бы лошадь!

Он хотел было еще что-то сказать для большего вразумления к слову Карганова, но поднялся страшный шум с руганью, выкриками и свистками: "старый режим, буржуй, шкура" и прочее. Суворину грозила неприятность. Карганову с трудом удалось успокоить толпу. Кажется, в этот же вечер Борис Суворин уехал в командировку. Вскоре после его отъезда в газетах появилось описание вышеприведенного случая.

А.Рлбинский.

- - оОо - -

x
x x

...А солнце склонялось все ниже и ниже,
И дан был последний - последний знак:
В бинокль увидали, как взвился над крышей
Малиновый флаг.

И поняли все. Только дети не знали,
Что скоро уйдут навсегда корабли,
Что скоро исчезнут туманные дали
Родимой земли.

А солнце скатилось за город, за степи,
В волнах заалела заря, -
И вот застучали тяжелые цепи,
Таща за собой якоря.

И в городе слезы у многих блистали,
Когда, исчезая в бессветной дали,
За алые волны, за синие дали
Уходили навек корабли.

Всеволод Козловский.

Донской Войсковой Атаманъ
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА, ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ КАЛЕДИНЪ

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ 14/27 АВГУСТА 1917 г.

ГОЛОС КАЗАЧЕСТВА.

От имени объединенного казачества выступает генерал Каледин. Зал настораживается. Высокий, хорошо сложенный и крепко сшитый, вождь российского казачества говорит медленно, отчеканивая каждое слово и подчеркивая особенно ударные слова. Генерала Каледина с напряженным вниманием слушают как на правой, так и на левой стороне.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА КАЛЕДИНА.

- Выслушав сообщение Временного Правительства о тяжелом положении Русского государства, казачество в лице представителей всех 12-ти казачьих войск - Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого, Астраханского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Семиреченского, Енисейского и Уссурийского, - стоящее на общенациональной государственной точке зрения, с глубокой скорбью отмечая ныне существующий в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, ПРИВЕТСТВУЕТ РЕШИМОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОСВОБОДИТЬСЯ, НАКОНЕЦ, В ДЕЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ОТ ДАВЛЕНИЯ ПАРТИЙНЫХ И КЛАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ ПРИЧИНАМИ ПРИВЕДШЕГО СТРАНУ НА КРАЙ ГИБЕЛИ (Аплодисменты справа).

Казачество, не знавшее крепостного права, искони свободное и независимое, пользовавшееся и раньше широким самоуправлением, всегда осуществлявшее в среде своей равенство и братство, не опьянело от свободы. Получив ее вновь, вернув то, что было отнято царями, казачество, крепкое здравым смыслом своим, проникнутое здоровым государственным началом, спокойно, с достоинством приняло свободу и сразу воплотило ее в жизнь, создав в первые же дни революции демократически избранные войсковые правительства и сочетав свободу с порядком.

Каледин выдерживает небольшую паузу и затем, подчеркивая каждое слово, говорит:

- КАЗАЧЕСТВО С ГОРДОСТЬЮ ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ПОЛКИ ЕГО НЕ ЗНАЮТ ДЕЗЕРТИРОВ (бурные аплодисменты справа и в части центра), ЧТО ОНИ СОХРАНИЛИ СВОЙ КРЕПКИЙ СТРОЙ И В ЭТОМ КРЕПКОМ СВОБОДНОМ СТРОЮ ЗАЩИЩАЮТ И ВПРЕДЬ БУДУТ ЗАЩИЩАТЬ МНОГОСТРАДАЛЬНУЮ ОТЧИЗНУ И СВОБОДУ (аплодисменты).

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы, обвинения в реакции и контр-революции, казачество заявляет, что в минуты смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, ОНО НЕ СОЙДЕТ СО СВОЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ НА ПОЛЯХ БИТВЫ И ВНУТРИ В БОРЬБЕ С ИЗМЕНОЙ И ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ (шумные аплодисменты).

Вместе с тем казачество отмечает, что обвинение в контр-революционности было брошено именно после того... (генерал Каледин оборачивается к левой и, смотря в упор на Н.С.Чхеидзе, И.Г.Церетелли и других вождей демократии, продолжает), КАК КАЗАЧЬИ ПОЛКИ, СПАСАЯ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПО ПРИЗЫВУ МИНИСТРОВ-СОЦИАЛИСТОВ, 3-го ИЮЛЯ ВЫШЛИ РЕШИТЕЛЬНО, КАК ВСЕГДА, С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВА ОТ АНАРХИИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА (аплодисменты на всех скамьях).

Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний, казачество отбрасывает упреки в контр-революционности, казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью отмечая общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясение финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения родины и укрепления демократического республиканского строя. (Бурные аплодисменты на всех скамьях).

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, ЧТО СОХРАНЕНИЕ РОДИНЫ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ТРЕБУЕТ ДОВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА В ПОЛНОМ ЕДИНЕНИИ С НАШИМИ СОЮЗНИКАМИ. (Бурные аплодисменты в центре и справа. Демонстративно аплодирует Е.К.Брешко-Брешковская). Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны, а следовательно - и всю деятельность Временного Правительства. Только при этом условии правительство встретит полную поддержку казачества. ПОРАЖЕНЦАМ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ МЕСТА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ. (Бурные аплодисменты справа. Шиканье слева. Все взоры устремлены на Чернова, низко склонившегося над столом).

Для спасения родины мы намечаем следующие главнейшие меры:

1) Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с их партийными борьбой и распрями.

2) ВСЕ СОВЕТЫ И КОМИТЕТЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УПРАЗДНЕНЫ (сильное движение на левой. Возгласы: "Это контр-революция!" Звонок председателя), как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков. (Караулов с места: "совершенно правильно!".

3) Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей. (Аплодисменты справа. Возгласы возмущения слева).

4) Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5) Тыл и фронт - единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6) Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены (аплодисменты справа).

7) Вождям армии должна быть восстановлена полная мощь.

8) В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи СТРАНУ МОЖЕТ СПАСТИ ОТ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ГИБЕЛИ ТОЛЬКО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТВЕРДАЯ ВЛАСТЬ, НАХОДЯЩАЯСЯ В ОПЫТНЫХ, УМЕЛЫХ РУКАХ ЛИЦ, НЕ СВЯЗАННЫХ УЗКО-ПАРТИЙНЫМИ ГРУППОВЫМИ ПРОГРАММАМИ (бурные аплодисменты справа),

СВОБОДНЫХ ОТ НЕОБХОДИМОСТИ ПОСЛЕ КАЖДОГО ШАГА ОГЛЯДЫВАТЬСЯ НА ВСЕВОЗМОЖНЫЕ КОМИТЕТЫ И СОВЕТЫ (сильное движение на левой; бурные аплодисменты справа) и отдающая себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

9) Власть должна быть единой в центре и на местах. РАСХИЩЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ И МЕСТНЫМИ КОМИТЕТАМИ И СОВЕТАМИ ДОЛЖЕН БЫТЬ НЕМЕДЛЕННО И РЕЗКО ПОСТАВЛЕН ПРЕДЕЛ. (Бурные протесты на левой. Слышны возгласы: "Долой!", "Контр-революционер!". Шумные аплодисменты справа).

10) Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11) В области государственного хозяйства необходимо: а)строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца; безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельско-хозяйственной и фабрично-заводской промышленности; б) безотлагательно ввести нормировку заработной платы и прибыли предпринимателей; в) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности; г)принять самые строгие и действительные меры к пре ращению подрыва производительности сельско-хозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок в землепользовании и в арендных отношениях.

В заключение мы не можем не остановиться перед предстоящим государству величайшим событием, на которое весь русский народ смотрит, как на свою конечную надежду получить для нашей многострадальной родины прочные, твердые основы новой государственной жизни. Мы говорим об Учредительном Собрании. Мы требуем, чтобы во всей подготовительной обстановке и в течение самих выборов в Учредительное Собрание Временное Правительство приняло все меры, обеспечивающие правильность и закономерность выборов на всем пространстве земли Русской.

МЫ ПОЛАГАЕМ, ЧТО МЕСТОМ СОЗЫВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ МОСКВА - КАК ПО СВОЕМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ И ЦЕНТРАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, так и В ИНТЕРЕСАХ СПОКОЙНОЙ И ПЛАНОМЕРНОЙ РАБОТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

Мы обращаемся, наконец, к Временному правительству с призывом, чтобы в тяжкой борьбе, ведущейся Россией за свое существование, правительство использовало весь народ государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения, чтобы и самый состав свой Временное правительство подчинило необходимости дать России в эти тяжкие дни все, что может дать наша родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам отечества.

Время слов прошло. Терпение народа истощается - нужно делать великое дело спасения Родины.

- о -

Генерал Каледин покидает трибуну при неслыханном волнении в зале. Правая и часть центра бурно рукоплещут. На левой - возгласы протеста и возмущения.

Волнение долго не утихает. Поднимается А.Ф.Керенский. Левая встает, как один человек, и устраивает министру-председателю бурную овацию.

ЗАЯВЛЕНИЕ КЕРЕНСКОГО.

- Граждане, Временное правительство желает выслушать всех, откровенное мнение всех присутствующих здесь, и оно обладает достаточным спокойствием для этого.

НО ПУСТЬ ПОМНЯТ И ЗНАЮТ ВСЕ, ЧТО МЫ ПРИЗВАЛИ СЮДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ КТО БЫ ТО НИ БЫЛО ОБРАЩАЛСЯ С ТРЕБОВАНИЯМИ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ НАСТОЯЩЕГО СОСТАВА. (Бурные и нескончаемые аплодисменты на левой. Представители Советов встают со своих мест и устраивают министру-председателю грандиозную овацию).

"Русское Слово"
15/28 авг. 1917.

- - оОо - -

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ АТАМАНА ГЕН. А.М.КАЛЕДИНА

Прошло более двух лет с того времени, как казаки во Франции решили увековечить память ген. Каледина изданием книги об этом талантливом военачальнике, герое Луцкого прорыва и незабываемом вожде казачества. Созданная для этой цели комиссия и автор книги собрали ценный и богатый материал, относящийся к жизни и деятельности этого выдающегося человека. Многое впервые появится в печати. Написанная Н.М.Мельниковым, последним председателем Донского Войскового Првительства и непосредственным сотрудником ген.А.М.Каледина, книга "Генерал А.М.Каледин - герой Луцкого прорыва и Донской Атаман" сдана в печать.

Она состоит из трех частей: первая часть - "Ген. Каледин до революции" - описывает его деятельность до переворота (его служба, командование 12-й Кав.дивизией и 8-й армией, Луцкий прорыв и т.д.); вторая - "Ген.Каледин - Донской Атаман" (Московское Государственное совещание, Каледин на Дону, начало Гражданской войны, зарождение Добровольческой Армии и т.д. Несколько глав отведено полк.Чернецову - яркой звезде Калединской эпохи); третья часть - различные приложения, стихи, посвященные его памяти и т.д. В книге 350 страниц, много редких фотографий и карт.

Таким образом, перед читателем появится образ не только Донского Атамана, но и выдающегося военачальника и полководца русской армии.

В данное время, в связи с приближением 50-летия начала роковых событий, происшедших на нашей Родине, в СССР издается много трудов, посвященных революционному периоду и тому, который ему предшествовал, то есть 1-й Мировой войне. В них советские авторы, высоко оценивая командование 8-й армии и операцию Луцкого прорыва, не упоминают имени Каледина. Коммунистическая "мораль", всегда находящаяся на службе партии, этого им не позволяет: по их мнению, один из основоположников борьбы с коммунизмом не мог сделать ничего положительного. Книга же "Генерал А.М.Каледин - герой Луцкого прорыва и Донской Атаман", в которой обрисован подлинный образ ген.Каледина и правдиво описана его деятельность, позволит будущему историку восстановить истину.

Вместе с недавно вышедшими - монографией "Митрофан Петрович Богаевский" и "Воспоминаниями ген. А.П.Богаевского", - книга об Атамане Каледине дает яркую картину начала белой борьбы на Дону.

Выпуск книги намечается в начале 1968 года. Ее стоимость по предварительной подписке - 26 франц.франков (или 5.50 долл.). Тираж ее ограничен.

В дальнейшем подписка принимается:

1) В редакции журнала "Родимый Край" - Bogaevsky. 230, Av.de la Division Leclerc. 95 - Montmorency. France.

2) У председателя Казачьего Союза во Франции - Kouznetzoff. 37, rue Gallieni. 92 - Malakoff. France.

3) У Атамана Обще-Казачьей станицы в Нью-Иорке - Afan. 49 Miller Ave., Brooklyn, N.Y. 11206. U.S.A.

Лиц, внесших меньше 26 фр. (или 5.50 долл.), просят прислать дополнительную сумму.

Председатель Комиссии по увековечению памяти
Атамана ген. А.М.Каледина

Б.Богаевский.

- - oOo - -

ПАМЯТИ АТАМАНА КАЛЕДИНА
(Из цикла "Богатыри и Витязи Земли Русской")

Когда над Родиной сплетались
Измена, трусость и обман, -
Твои слова в Москве раздались,
Родной наш Белый Атаман.

Чтоб уберечь Русь от паденья,
Не допустить ее развал, -
Живые силы к единенью
На подвиг жертвенный ты звал.

Ты был одним из самых славных
Сынов России скорбных лет.
По благородству нет вам равных,
По доблести вам равных нет!

Порыв ваш долга, крепче стали,
Был изумительный пример!
За вами шли и умирали
И гимназист, и офицер.

Ты был из самых честных, смелых,
Прославивших наш темный век.
В скрижалях правды к слову "Белый"
Припишется: "сверхчеловек".

Сергей Ленский.

Из сборника стихов
"На Чужбине" (в печати)
Изд-во "Посев".

- - oOo - -

З А   Р У С Ь   С В Я Т У Ю

1
Река времен

И все прошедшее явилось,
Как тень умершего, ему,
И все с тех пор переменилось,
Бог весть - и как, и почему...
Ю.Л.

Кому они когда-то принадлежали и чьи они сейчас, я не знаю. Когда я глядел на них и слушал их бой, они будили воспоминания невозвратного времени. Большой массивный маятник плавно качается - направо и налево, опять направо, опять налево. Идет налево - тик, идет направо - так. И так все время - тик-так, тик-так...

Смотрю на это старомодное сооружение ввиде высокого, узкого шкафа красного дерева,и вижу олицетворение глубокой старины. В середине шкафа - стертая временем металлическая пластинка, на ней какая-то швейцарская фирма и 19... стертый год. Последние цифры похожи на две единицы, причем последняя больше смахивает на семерку. Я поверил, что это был год 1917-й. В этом году им - старинным часам - пятьдесят лет. Когда большая стрелка подходит к двенадцати, в середине что-то хрипит, что-то шевелится, и, как будто после тяжелого вздлха, раздается равномерное - б-а-а-м, б-а-а-м, б-а-а-м... От этого старинного боя еще больше веет глубоким миром прошлого, и мне кажется, что вот вдруг сейчас откроется какая-то дверка, и мы увидим, как в миниатюрном, ярко освещенном зале плавно в вальсе закружатся миниатюрные маркизы с нарядно одетыми кавалерами.

Над этими часами, что все еще неустанно отсчитывают время - тик-так, тик-так... - висит еще более потемневшая, в старинной раме, под пыльным стеклом картина: унылый пейзаж и вдаль уходящая дорога, обрамленная какими-то кустиками, травой, отдельными былинками, так

напоминающими наши подорожник, репейник, "Иван-да-Марью", или... мне просто хотелось их видеть.

Вот эта дорога, вдаль уходящая, а под нею неумолимо уходящее время и воскресили все то, что было пятьдесят лет тому назад и в последующие годы, годы нескончаемых дорог, уходящих вдаль, и ту реку времен, что так безжалостно в своем стремленье унесла людей и их дела...

\- о -

"Меж тем летят за годом годы.."

Долог путь, длинна дорога. Пятьдесят лет. Полвека борьбы... Полвека непримиримости, долгие годы чаяний, тоски, надежд, разочарований, упорного труда, потеря родных, близких... и наконец, на грани жизни, посильный вклад в летопись для будущих поколений, сказание о Правде: когда, что и как все было, о делах давно минувших дней, о делах Белой Гвардии - Святой Руси. Тогда, в своем подавляющем большинстве, совсем еще юноши и даже мальчики откликнулись на зов - "За Русь Святую!" - Сейчас они - уже только единицы из них - уставшие старики с терновым венцом на груди, заканчивают свои последние сказания о делах своих, о делах тех, кто с ними были тогда, давно уже спящих вечным сном под могильной землей безымянных могил.

2.

Пусть тот, кто помнит дни лихие,
Дни славы, гордости, побед,
Не говорит: - "России нет", -
Но скажет громко: "В нас Россия!"

За Русь Святую! - Никогда в тысячелетней истории России эти два слова не имели такого напряженного значения, как в трагические дни зарождения Белого Движения. Слова эти стали символом спасения Родины, как девиз Белых боевых отрядов, как клич тех первых, начавших вооруженную борьбу... не понятых, не поддержанных народом, вдруг уверовавшим в призрак, бродивший по Европе. Вина ли их, что их клич не был громогласен, вина ли тех, кто слыхал, но не внял ему, - история наших дней уже рассудила. Светоч, зажженный во имя спасения Руси Святой, не погас. Порой возгорается яркой точкой среди мрака, и в истории России станет неугасимой лампадой в память тех, кто тесно сомкнули свои ряды под кровью политой землей Дона, Кубани, Терека, далекой Сибири, Днепра, Урала, Перекопа, на всех бескрайных просторах земли уже кающегося народа, народа, которому по его душевным, моральным качествам нет равного в мире.

За свою доверчивость, за свою отзывчивость, доброту и, порой, первобытную наивность пожал жестокий урок. Забыл свою Русь Святую. А когда спохватился, было поздно, зацвела кругом колючая проволока. За каждое неосторожное слово - расцветало дело. Слово и дело. Мрак покрыл Русь Святую. Страх сковывал, леденил души. В рубище одели Русь. И пошла в слезах, гонимая, жалкая и страшная. Добрая и одичавшая. Голодная и терпеливая. Гордая и оскорбленная. За тебя, Святая Русь, несравненная и родная, заступились те, кто чуткими сердцами поняли, ужаснулись и, всем пренебрегая, вышли на неравный бой. Это и стало тем светочем, что сверкает среди мрака вот уже полвека. Но кто же были они, заступившиеся?

О некоторых из них, кого звали Белая Гвардия, и будет короткое, скромное сказание. Не для нас, знавших их, современников тех лет, а

для тех, кто после нас прочтет нелукавствующие строки и сердцем юным поймет и поверит.

3
Белая Гвардия

Вам, приявшим венец
За спасенье России,
Песню сложит певец
Под раскаты стихии...

Трудно втиснуть в скупые строки всю величину их подвига. Кто же были они?.. - Сквозь голубую пелену затуманенных глаз, на фоне как бы увеличивающегося тернового венца, что в рамке стоит на столе, в памяти, как ожившие видения, проходят они...

Петя... Я помню его гимназистом третьего или четвертого класса. Высокий, стройный мальчик... мой старший брат, хотя... на самом деле, он был единственным младшим братом моей мамы, но росли мы вместе, вместе учились, хоть в разных классах, и все нас считали братьями, и мне самому очень хотелось, чтобы у меня был старший брат...

Туман сгущается, и все в той же голубой пелене воспоминаний - Петя в солдатской шинели, туго стянутой поясным ремнем, погоны с одной белой полоской, серая папаха. Шестнадцатилетний доброволец 128-го Старооскольского полка в 1916 году.

Как на проясняющемся кино-экране, все то же родное лицо. Петя в длиннополой шинели, только что наспех пристегнуты юнкерские погоны, та же серая папаха, на ремне два подсумка, в руках винтовка, на лице все та же знакомая улыбка... как бы говорящая, из тиши туманной лет ушедших "помнишь?"... - Помню, все помню... А вокруг такие же юные задорные лица, папахи, цветные фуражки и девушка с красным крестом на груди. Снег, мороз... середина декабря 1917 года. Как можем, как умеем, надо записать, чтобы не забыли о них после нас. И будет ли обещанный им памятник - орлятам разоренного орлиного гнезда?

Скрылись они, как и тогда в туманное утро, а память воскрешает все новые картины... передо мной корнет с терновым венцом на груди - похудевшее, загорелое лицо... Узнаю тебя, наш Пепа - так звали его в детстве. Забинтована левая рука с пальцами, оторванными гранатой уже в конце легендарного похода. А вот последнее, прощальное видение - лицо уже не мальчика... офицер, все те же две звездочки на потускневших погонах, вшитых в потрепанную шинель, совсем уже потемневшая папаха, потертые ремни аммуниции, потемневшие и не звенящие шпоры. Трогательное прощание с конем под грохот орудий судовой артиллерии боевых кораблей... Ушли корабли, ушел Петя... Навсегда. Где безымянная могила? На Перекопе? У Каховки? или где-то в скифских степях южной Таврии? Да и есть ли могила?..

4.
Первый юнкер

Вы первые подняли знамя
Борьбы за свободу и честь,
И вашей судьбы испытанья
Нельзя никогда перечесть...
А.Г.

Длинная кавалерийская шинель. Помятая цветная фуражка с креном чуть направо и козырек на нос. В замерзших руках без перчаток - вин-

товка, прижатая к подсумку. Подбородок у штыка. Смотрит сероглазый и улыбается курносенький брюнетик. Так девушки сразу окрестили, разглядывая его, а он их. Аничка его спросила: "Как вас звать?" - а он на Галю смотрит и с белозубой улыбкой отвечает: "Володя", - и сразу поправился: - "Владимир Посохин, юнкер".

То было в снежно-туманное утро середины декабря 1917 года. Это я его прозвал тогда - "Первый юнкер". Потому что он первый показался из-за угла нашей улицы в Нахичевани, держа винтовку наперевес. Я его первый и увидел, стоя у края окна за гардиной.

Пишу эти строки, и весь там, тогда, а здесь... цикады кричат под вечер на деревьях, да так стрекочут - вроде из нескольких пулеметов строчат, и сквозь этот шум и сумерки вечера я ярко слышу стрельбу у Заречной, что у Батайска, и вижу палаты Николаевской больницы в Ростове, а на крайней кровати под серым одеялом... "первый юнкер". То было в январе. За станицей Гниловской подстрелили. Уложили на койку недели на две, а он через два с половиной дня с девушками пошушукался, что в первый день на него глядели, а сейчас сестрами работали, да и был таков. Ничего, зажило. Только, пробираясь в свой отряд, чуть красным в лапы не попался; отбился, в свой отряд явился. От полковника разнос, а потом сам же ему перевязку сделал, приказал пулеметные ленты набивать на двуколке. И папирос дал.

- о -

В мареве воспоминаний - весенний день, когда зацвели уже фиалки, примула, тюльпаны, распустились на деревьях молодые листочки, а в воздухе носились ласточки; у ворот остановилась конная группа из шести всадников. С коня прыгнул, повод в руке, и к воротам, а в воротах уже видение - не мое, его видение - и с уст срывается: "Володичка!" - а он: "Галочка!".. - а я на всех смотрю и слышу: "С похода вернулись, только что из Ольгинской - наметом, в Мечетинской стоим, отпустили на два дня, а это братья и походники мои", - и стоит курносенький юнкер, уронивший повод своего коня, утонувший весь в теплых лучах девичьих глаз. Гимнастерка суконная, а на локте белая повязка чем-то красным пропитана, сапоги стоптаны и рыжими стали, а конь его сзади в спину толк... и встреча состоялась.

Скоро и опять ушел, но уже хорунжим. На гимнастерке новенький знак тернового венца с мечами. Весь какой-то новенький, разутюженный, и все на нем блестело и даже духами пахло. Вечером это было, дня за два до отправки на фронт после производства в Новочеркасске. В тот вечер женихом стал нашей Гали.

- о -

Год 1919-й. Простенький конвертик, с разными штампами и пометками. Небольшой листок и несколько строчек: число, месяц, год... сотник Владимир Посохин убит под Воронежом... Письмо, после которого опускаются руки и говорить не о чем. Вечером в Софиевском храме панихида, упокой, Господи... во блаженном селении... слезы... А через два дня другое такое же письмо. "Простите, ошибка, рады сообщить - сотник В.Посохин в полевом лазарете, подобрали мертвым, рана в голове, по дороге к штабу застонал, ездовые, что убитых везли, доставили в лазарет".

В том же храме молебен, и опять слезы, но слезы радости.

Год 1920-й. Ушла армада в Крым. А конница по берегу на юг. Кругом все заливалось мраком. Ветреной холодной ночью, у подножья гор,

в дверь осторожно кто-то постучал. Притушили свет. В дверях - Володя -сотник, первый юнкер. Маленькие усики, давно не бритый. О судьбе своих пришел узнать. О себе поведал. В арьергардных были боях, в горах от своих оторвались, до берега добрались, да поздно. А теперь что делать?... Остальные ждут в горах, попробуем горными лесами двигаться на юг... И ушел...

Далеко не ушли... Уходить было уже некуда.

192... год. Плохо одетый человек. Изможденное, тонкое, интеллигентное лицо. "Простите, Бога ради, меня. Примите весть, как Божью волю. Я с ним в одной камере сидел. Перед... тем последним утром он мне сказал ваш адрес, просил по возможности повидать, рассказать и передать дочери благословение..." На стол положил маленький обломок тернового венца с мечем, весь знак хранить не мог...

В кроватке беспокойно спала Ирочка. На человека смотрела Галя окаменевшим лицом...

Не стало первого юнкера - За Русь Святую.

5.

Многопоходник.

И остались вы России верными,
Старики с седою головой.
Слава вам за то, что первыми
За свободу вы пошли на бой...
А.Г.

Мария Петровна прочла короткую записку и обомлела. Ну куда он, старый, на ночь глядя, в такой мороз подался? Отпустил бы бороду побольше, какой-нибудь сюртучишко напялил бы, и никто не узнал бы... Господи, Твоя воля, не навоевался еще, мало его турки да японцы покалечили, вон и от немцев досталось, не хватало еще от своих получить! Вот опять жди и томись, как то он там. Бог весть, когда теперь вернется, а то привезут покалеченным, в который-то раз. Не дай Бог, не убили бы, свои-то хуже турков стали.

Мария Петровна не спала эту ночь - ночь с 9-го на 10-ое февраля. Всю ночь на коленях молилась у образа Св.Николая Чудотворца. Через два с половиной месяца Николай Николаевич вернулся из ставшего легендарным похода.

И опять в дымке воспоминаний вижу его в военном госпитале осенью 1915 года, на койке под одеялом. Расстегнут ворот рубашки, на груди золотой крест и ладонка на цепочке. Я, гимназистик, смотрю и думаю: дедуган, да не тот. Пару лет назад приезжал - какой бравый был, а сейчас вроде маленький старичек. Сестра из ложечки чем-то его поит, а дедуган кривится и говорит: "Фу, гадость какая, дали бы чего-нибудь поприятней!" - А сестра ему отвечает: "А вы, господин полковник, гадость эту пейте, а о приятном думайте - помогает". А он хитро улыбается: "Это, говорит, хороший совет: эдак можно и галошу с керосином проглотить и думать, что это ананас в шампанском! Не поможет!" - Шутник был.

Ясно вижу и помню деда в дни Февральского бунта - дни, насыщенные обалделыми демонстрациями, митингами, грабежами и бесчинством. Всему случившемуся он не хотел и не мог поверить.

Приехал в Ростов во всей боевой аммуниции, при всех орденах,из своей резиденции, где был воинским начальником. Приехал не один, -

с ним вахмистр казачьей сотни при воинском управлении с десятком здоровенных, бравых и довольно решительного вида казаков. По вечерам, когда он возвращался из своих хождений по мукам, запомнились отрывки его фраз, вроде: "...все это чудовищно, ужасно... этого так оставить нельзя, надо действовать, промедление смерти подобно..." и т.д. Несколько недель бесплодных убеждений и переговоров, как он потом рассказывал, с начальством гарнизона, комендантом города, командирами местных частей, с атаманами окрестных станиц - закончились внезапным уходом деда со своим "войском" из Ростова... с боем, ввиду случившейся крупной неприятности.

В Коммерческом парке, что у границы, делящей огромный город на Ростов и Нахичевань, перед большой, лускающей семечки толпой выступал какой-то революционный оратор. В Коммерческом клубе, что в парке, было какое-то учреждение, в котором чего-то добивался дед. Ничего не добившись, вышли в парк и, при молчаливом взаимопонимании,разросшееся до трех десятков дедово "войско" стащило оратора с "пьедестала" и всенародно жестоко выпороло всегда висевшими на шашках нагайками. Затем произошла схватка с частью толпы, ибо другая часть горячо аплодировала казакам. Явившаяся часть "революционного порядка" принудила деда с его "войском" отступить за парк к коноводам, а затем наметом уйти в Балабановскую рощу. С тех пор я деда не видел до его ухода в 1-й Кубанский поход, за Русь Святую.

- о -

Вспоминаю его возвратившимся из похода. Во всем его типично-военном облике и в выражении глаз, лица многое изменилось. Это был уже не тот офицер Императорской конницы, это был солдат, носящий на себе все необходимое для боя. Солдат, о котором некому было заботиться - о замене его обмундирования, износившихся сапог, амуничных ремней и т.п. Меньше, много меньше появлялась на лице столь привычная, веселая улыбка. В глазах и в сжатых под усами губах была суровость. Как-то он повторил с горечью чью-то мудрую фразу: "...Только теперь я узнал, что, оказывается, я многого не знал..."

Дед продолжал воевать. Постаревшая Мария Петровна по ночам продолжала молиться у потемневшего образа Св.Николая Чудотворца.

13-го марта 1920 года, у борта парохода "Владимир", дед отдал три команды: расседлать, снять уздечки, стройся и... на борт шагом марш. Предварительно было трогательное прощание с друзьями всех походов - с лошадьми - и с остающимися родными и близкими людьми. Со своим другом всей своей жизни, с женой Марией Петровной, дед попрощаться не успел. Не мог. Его часть прошла стороной, далеко от родного города.

Итак, почти старик, полковник, служивший при двух императорах, участник всех войн, много раз раненый, никакой своей собственности никогда не имевший, в личной жизни скромно живший, на грани своей жизни, в судьбоносные трагические дни, постигшие всю страну, не изменил своей присяге и не забыл Святую Русь.

- о -

6.
Аничка Чубарина

Вам руки я нежно целую
За храбрость, любовь, доброту,
За то, что Россию родную
И вы вознесли в высоту.
Н.Е.

В своем рассказе "Сильнее смерти" я поделился с читателями своими воспоминаниями о доблестной жизни и трагической смерти этой замечательной русской девушки. Сегодня, в общем ряду Белой Гвардии, в дни, когда истекает полвека с момента их подвижничества, мы преклоняем свои седые головы перед чудными обликами доблестных сестер милосердия Добровольческой армии, отдавших свои молодые жизни за Русь Святую.

Со всеми вы шли на окопы -
И цепи косил пулемет,
Но знать не хотела Европа,
Как русская доблесть цветет.

- о -

Лето 1917 года. В открытое широко окно врывались душистые грозди сирени. Навстречу им плыли незатейливые, мило сентиментальные, порой собственной импровизации мелодии из-под клавишей пианино, что стояло справа от окна в бабушкином доме.

Знакомый голос Ани, не сильный, но глубоко задушевный, тихо пел:

Ночь светла, над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром голубая волна...

Я пробирался в комнату, садился у высокой этажерки, брал с третьей полки ее альбом - она позволяла - и рассматривал нарисованных тонким перышком, ее рукой, птичек, бабочек, цветы... Рассматривая, я все же был во власти песни...

В темном лесе, в глуши изумрудных ветвей
Звонких песен своих не поет соловей...

Глядя на ее профиль, мне всегда казалось, что вокруг ее светло-каштановых волос и контура лица было какое-то сияние - или это было потому, что она сидела на фоне открытого окна, я же мостился в темном углу за этажеркой. Это, конечно, запоздалое объяснение, тогда я это принимал иначе.

Тогда она трогательной мелодией и совсем уже с тихой проникновенностью заканчивала очень известный тогда романс словами:

В эту ночь, при луне, на чужой стороне,
Милый друг, нежный друг, вспоминай обо мне...

- я вставал и с глазами, полными слез, уходил в сад. Тогда я был гимназист. Тогда я не мог себе представить быть где-то на чужой стороне и... вспоминать о ней. ТОГДА. Как и все ТОГДА - в моем возрасте, в среде и в условиях проявления человеческих чувств - я был полон зарождающегося святого чувства любви, доброты и нежности.

На ней часто была серенькая блузка с отложным закрытым белым воротничком. Около перламутровой пуговки приколота брошка. Золотая пластинка в виде облачка, на ней накладная эмалевая белая ласточка,

несущая в носике крошечную веточку, покрытую мелкими сапфирами.

Аня опстно и с восторгом рассказывала, как летом 1915 года она ездила на фронт к брату, как ее мило приняли в полку, как она слышала гром орудийных раскатов вдали, как она видела возвращавшиеся эскадроны драгун, как ночью наблюдала огневые вспышки орудийных выстрелов и далекое зарево пожаров, как брат и другие офицеры учили ее стрелять из кавалерийской винтовки, скакать верхом, как она ухаживала за легко ранеными драгунами и, наконец, со смехом умиления, как брат ранним утром выпроводил ее на ближайшую станцию и устроил в уходящий санитарный поезд, а корнет Горин, товарищ брата, на прощание подарил ей от имени всех офицеров эскадрона вот эту брошку и сказал: "Это вам, наш маленький драгунчик, на память о нас и на счастье, которое вам принесет эта ласточка". Аня уже с грустью и с каким-то содроганием рассказывала, как она помогала ухаживать за бедными ранеными и чего только она не насмотрелась за недельное пребывание в пути.

- о -

Ровно через год Аня так же сидела у пианино, так же было открыто окно, так же цвела душистая сирень и так же ее тонкие пальцы перебирали клавиши старенького пианино, как и прежде... Тихим голосом она пела, как...

"умирали в хрустальном бокале
золотистые, чайные розы..."

На левой стороне белого платья, с небольшим форменным фартуком с красным крестом на груди, был приколот знак тернового венца с мечем на георгиевской ленте.

- А где же белая ласточка? - об этом я первый ее спросил.

Все наши были в сборе. По просьбе всех, Аня рассказала историю брошки с самого начала.

А случилось то, что на окраине станицы, еще на Кубани, преследуя бегущих красных, упал юнкер. Быстро следуя за добровольцами, Аня подбежала к упавшему и к ужасу своему узнала в нем брата корнета Горина. Леня, которого она знала, встретивши в походе вместе с братом, был мертв. Забыв про красный крест на рукаве и на сумке, она схватила его винтовку, быстро забрав все оставшиеся патроны из подсумков, подбежала к дереву, уложила ствол на одну из ветвей и быстро начала стрелять по бегущим среди кустарников, прыгающим, пригибающимся, падающим серым и черным фигурам. Чем быстрее она стреляла, тем больше уверялась, что после каждого выстрела фигуры нелепо падали - то боком, то как бы споткнувшись, роняя винтовку, то, вдруг останавливаясь и поднимая руки, медленно опрокидывались навзничь. Аня стреляла не плохо, но потом, после, она не была уверена, было ли это так, или сгоряча ей только так казалось. Когда все патроны были расстреляны, она вышла из-за дерева, но, не пройдя и нескольких шагов, вдруг почувствовала, как будто кто-то ударил ее в грудь, отчего захватило дыхание, а дерево, вдруг очутившееся перед ней, стало падать, руками же и лицом она почувствовала влагу земли.

На перевязочном пункте доктор обнаружил, что пуля пробила два слоя плечевого кожаного ремня, два слоя кожаной куртки и, ударившись концом в золотую, покрытую белой эмалью брошку-ласточку, согнула металл, раскрошила эмаль, пробила грудную кость и в ней застряла. На другой день доктор, отдавая Ане пулю и изуродованную брошку, сказал ей:

- Благодарите, сестрица, вашу ласточку, она вам жизнь спасла.

- о -

Недалеко от Новороссийска, у края бегущей по склонам гор старочеркесской дороги - еле заметный холмик. Зимой норд-остовый ветер аккуратно покрывает его белым снежным саваном. Весной теплый ветерок с моря снимает зимний убор и покрывает голубыми незабудками на все лето. Среди них алеют красные тюльпаны, и буйно покрывается зеленью куст боярышника, над которым в полдень вьется жаворонок, и песнь его несется о том, что есть сильнее смерти.

Но безвестных имен, сколько б ни было их,
Никогда не забудет родная страна,
Славный подвиг почтит, и в молитвах своих
Помянет их она.

7.

Вместо венка
на страницы нерукотворного памятника

Не забыть, когда вы обреченными
Честь России думали спасти,
А пришлось с последними патронами
Эту честь вам в степи унести.
А.Г.

Память сохранила многое, да разве все опишешь? Мне, нам дорого, а другим... верно, скучно. Один мой знакомый письмо прислал, пишет: "Читал твой рассказ. Ты, дружок, не обижайся, а вот только про чужое, личное, скучно читать, ты бы там фантазии подпустил какой-нибудь, подназрал бы чего-нибудь захватывающего, чтобы интереснее было..." Прочел я и не обиделся. Тем, кто не пережил тех дней, кто был далеко от тех мест, или тем, кто просто не заметил того, что было, - согласен - скучно читать о стоящем у крыльца замерзшем юнкере с винтовкой или о старике-полковнике, рассердившемся, глядя, как закачались устои великой Империи и бросившемся спасать, что можно еще было спасти, да еще о гимназисте, да о девушке, о добровольцах, которым порой есть хотелось, да нечего было есть, спать хотелось, от усталости готовы были свалиться, да негде было даже прилечь, да и времени не было. Хоронили их без гроба, порой без молитвы, так - в неглубокую ямку, и грязью забрасывали... Скучно? Мне - нет! А фантазии и без меня кругом хватит, да и не только фантазии, а самой откровенной лжи.

В каждой стране есть могила неизвестного солдата с более или менее художественно и соответственно исполненным памятником. В дни памятные славных дней на поле брани памятник усыпан цветами, кругом венки, национальных цветов ленты, мерцают огоньки в фонарях, как лампады. Все отдают честь. Женщины, мужчины приходят с венками, с трогательными букетиками живых цветов, положат на ступеньки, постоят молча, склонив головы, вытрут платочком глаза, скромно отойдут в сторону, почтив память своих мужей, отцов, братьев, сыновей, павших вдали от мест своих родных, защищая свою Родину.

Народы чтут память своих героев и ценят их дела.

В нашей стране нет таких могил. А у нас вот уже скоро полвека и страны нет.

Больше пятидесяти лет тому назад, защищая свою Родину, свой народ, свою веру, пали смертью храбрых на боевых полях восточной Пруссии, Галиции, в горах Эрзерума миллионы русских солдат, офицеров. Где лежишь ты, неизвестный солдат?

Пятьдесят лет тому назад юные герои, с одним желанием в груди - спасти оскорбленную и жестоко раненую Родину, отдавали свои жизни в дни трагической эпопеи Белой вооруженной неравной борьбы на полях Дона, Кубани, Урала, Сибири, Днепра и у Петрограда. Где лежишь ты, неизвестный воин Белой Гвардии? Где твоя безымянная могила? Тихо ждешь обещанного памятника? Неугасимой лампады?

А когда история рассудит,
В пораженьи наша ли вина,
То вписать в скрижали не забудет
И простые ваши имена...

А.Г.

- о -

Нет страны. Нет даже символической могилы защитника Святой Руси. Нет неугасимой лампады. Но есть неугасимая память о них, передающаяся из поколения в поколение оставшимися, теми, кто носит терновый венец на груди.

Есть нерукотворный памятник делам вашим. Зажженный светоч сверкает во мраке и до наших дней, дней великой скорби и печали.

"Вестник Первопоходника", богатый своей Правдой, летопись героической борьбы за Русь Святую. Он ваш памятник, он ваша неугасимая лампада спящим орлам боевым, спящим со спокойной душой, заслужившим славу и вечный покой.

На этих страницах мы вспомнили только о нескольких из них. Кто же были они?

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужих?

(Ю.Л.)

Почему до сих пор безответственные журнальные, газетные борзописцы продолжают честить их, как "реставраторов", "помещиков", "буржуев", "царистов" и тому подобными словесными потоками лжи? Кому это надо?

Из всех помянутых здесь лишь только один дедуган Николай Николаевич был офицером царской службы. Участником всех войн, которые оставили на его теле свои зарубки. Никогда никакой своей собственности он не имел, кроме всем известного скромного офицерского жалованья.

Петя - гимназист. Сын очень скромного достатка, но достойных родителей. Будучи в старших классах, репетировал гимназистов младших классов, чтобы иметь возможность купить лишнюю книгу или скромные подарки родителям и сестрам в дни их именин.

Анничка Чубарина - типичная дочь семьи армейского офицера, убитого на германском фронте. Брат - тоже офицер армейской конницы. Никакой своей собственности никогда не имели.

Володя - первый юнкер - из обыкновенной казачьей семьи, имевшей обыкновенный казачий земельный надел - землю, которую и обрабатывали своими руками, а в военное время мужчины садились на коней и уходили

в свои полки, оставляя все хозяйство на руках женщин, стариков и детей.

Таковы в своем большинстве были воины Белой Гвардии, вступившиеся за честь, славу своей Родины, не преследуя низких корыстных целей, и имевшие полную возможность уклониться от тех тягот и той участи, что понесли они, как крест, за Русь Святую.

Награда будет вам в России,
Когда в светлый, недалекий год
С боем выйдут силы молодые,
Чтоб закончить начатый поход
(А.Г.)

Б.Турчанинов.

- - оОо - -

БЕЛЫМ ОРЛАМ.

Была пора - на юге, севере, востоке
Сражались белые орлы...
В борьбе пролитой крови страшные потоки
По всей стране родной текли.

Тогда росли надежды, радость ожиданья,
Горели верою сердца;
Казалось, после долгих, горьких лет страданья
Дождались светлого конца.

Но дни победы радостной не наступали,
И стаи смелые орлов
На севере, востоке, юге погибали -
И стонет Русь в руках врагов.

Теперь орлов осталась маленькая стая,
Жизнь на чужбине их гнетет...
И снится сон орлам, что, крылья расправляя,
Они на Русь направили полет.

О, Белые Орлы, сыны родной России!
Исполнится ваш вещий сон.
Услышим мы, неудержимый и стихийный
Колоколов победных звон!

Зинаида Клюева.

- - оОо - -

Просим г.г. подписчиков возобновить подписку на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", а членов СОЮЗА ПЕРВОПОХОДНИКОВ - внести членские взносы!

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ!

Минуло уже 50 лет с тех роковых месяцев, недель, или, вернее, даже дней, когда от простого, как будто, "бабьего бунта" в очередях за продовольствием в Петрограде рухнула во прах (непостижимо до сих пор, как скоро и легко) тысячелетняя, самая обширная, могучая и сильная РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ!... Рухнула, как могучий столетний дуб, подрубленный в основных своих корнях преступной рукой, под ликующие клики почти всех так называемых демократий, под великую радость (не надо будет после конца войны делиться с Россией обещанными ей хорошими кусками) всех "верных" ее союзников в тяжелой войне на три фронта, где, обильно поливаемая Российской кровью и усыпаемая Российскими убитыми телами, ковалась скорая победа.

Рухнула в результате почти столетней губительной подрывной работы нашей "просвещенной" Западом интеллигенции всех социалистических оттенков, начисто оторванной от своей страны, от своего народа, от уклада его жизни и от его души.

И вот, после трехлетней тяжелой и изнурительной войны, простым попустительством (или намеренно?) правительства и начальства в тылу Действующей Армии, небольшая кучка политических "перевертней", избравших самих себя в пресловутое временное правительство, сотворило всему молчавшему народу Российскому первую за всю его 11-вековую историю - "великую и бескровную" революцию!

"Нежелательному" Государю Императору Империи Российской это новое Правительство сообщало уже только о совершившихся фактах и, при полном равнодушии всех государевых помщников в Ставке, прислало к нему трех политических проходимцев с уже заготовленным для подписи актом об отречении от Престола и, под угрозой неминуемой гражданской войны в стране, вынудило у Государя его подпись под этим документом.

На фронтах же Действующая Армия, еще совсем не пораженная революцией и пропагандой, пополненная новым вооружением и снабжением, по прежнему верная присяге и долгу, стойко и жертвенно отражала уже последние напоры в конец истощенной Германии!

За несколько дней до отречения Государя Ставка запросила всех высших армейских начальников и членов Императорской Фамилии об отношении их к событиям в стране; и большинство из них ответили своему Государю... просьбами, даже мольбой об отречении!..

Не найдя нигде и ни в ком помощи в это трагическое время, даже не найдя простого разумного совета от своих самых ближайших помощников и, как глубоко верующий христианин, убоясь перед Богом принять на себя вину в гражданской войне во всей России, оставленный всеми, несчастный Государь вынужден был подписать за себя и за сына этот роковой для всей России и народа Российского акт об отречении... И только в своем личном дневнике последними словами записал очень горькую и роковую для всех нас правду: ..."кругом предательство, трусость и измена!..."

Новое Временное правительство (меняющее чуть ли не каждую неделю свой состав!) управляло страной и Армией только бесконечными речами, от которых вся страна быстро шла к полному развалу. В Армию были брошены губительные лозунги: полная "слободушка" и "долой войну!" И наша армия - Российская Императорская Армия, побывавшая победительницей во всех столицах Европы, - усилиями новой власти превратилась в толпы и банды оголтелой и озверевшей от полной "свободы" солдатни!

И на всех просторах России началось упоение и ликование "демократической власти", поношение старой России и полная свобода всего преступного элемента страны.

Попытка Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова требовать от Правительства восстановления дисциплины и порядка в Армии и в тылу и остановить общий развал в стране кончилась только тем, что мелкий адвокатишка Керенский, успевший к тому времени захватить в свои руки почти всю власть в Правительстве, гнусно спровоцировал его: дав ему на словах свободу действий, объявил затем генерала Корнилова "изменником Родины", сместил его с поста Верховного Главнокомандующего и отдал приказ об аресте его и всех генералов, сочувствовавших ему.

В это же время изнемогающая уже совсем в войне Германия, чтобы окончательно добить своего самого главного и самого опасного ей противника, придумывает последнюю и прямо дьявольскую попытку своего спасения: Главнокомандующий немецкой армии ген.Гинденбург и его Начальник штаба ген.Людендорф отыскивают в Швейцарии сбежавшего из России от виселицы политического проходимца Ульянова-Ленина и кучку таких же "специалистов по революции", снабжает их миллионами немецких марок и, через так называемые нейтральные страны, пересылают эту политическую банду в пресловутом "запломбированном вагоне в Петроград.

Свободно приехавший в Петроград и встреченный на вокзале многочисленными ликующими "революционными гражданами" с речами, цветами и приветствиями, этот новый коммунистический "пророк" захватывает шикарный особняк знаменитой балерины Кшесинской и сразу же приступает к бешеной агитации с самыми заманчивыми революционными лозунгами: "Долой войну!", "Мир хижинам - война дворцам!", "Грабь награбленное", "Каждая кухарка может управлять государством", "Мы вам построим социалистический рай на земле" и пр., и пр.

По всей необъятной России стараниями Правительства и большевиков все время "углубляется" революция: Действующая Армия и Флот уже не воюют, братаются с неприятелем, митингуют и убивают своих не понравившихся офицеров; по всей стране крестьяне жгут и убивают помещиков, делят сами, как хотят, их земли; рабочие захватывают в свои руки заводы и фабрики, но ничего в них уже не производят. Во многих местах страны образовываются "самостоятельные республики", желающие отделения от России.

После долгой подготовки пропагандой, выборной кампанией и даже угрозами "инакомыслящим", открыло, наконец, свое первое собрание "демократическое Учредительное Собрание". Но сейчас же появился там матрос Железняк с кучкой вооруженных "товарищей" и крепкими словами выгнал вон эту "самую высшую власть" над Россией. И власть "просто валялась на улице, а мы - большевики - просто и легко ее подобрали", как потом заявил всем Ленин!

Глава "Временного правительства", неудавшийся диктатор Керенский, бесплодно попытавшись сговориться с большевиками при разгоне ими Правительства и захвате власти, едва успев переодеться в женское платье, первый же сбежал в далекие эмигрантские дали, а все Правительство тихонько разошлось по домам! ..."Они сумели только все разрушить, но построить не сумели даже простого курятника!..." - дал им справедливую оценку родственный им по социализму "товарищ" Максим Горький.

Так, после одиннадцати веков своего могущественного существования, Российская Империя непостижимо легко превратилась в Коммунистически-большевистское С.С.С.Р.!

Под ничем не ограниченной властью "непогрешимого" политического психопата товарища Ленина и его кучки международных политических проходимцев-помощников началось построение "социалистического рая" в нашей несчастной России! Опомнившееся, наконец, население всей России не пошло в коммунизм, пошли только отбросы его, и сам Ленин заявил: "...а мне на вашу Россию просто наплевать!.." И под лозунгом: "Кто не с нами, тот против нас!" - началась зверино-кровавая эпоха "военного коммунизма". Началось почти повальное истребление "неудобных для коммунизма" людей, полное запрещение и истребление православной религии, церквей, священнослужителей, верующих людей, опоганивание Российской истории и культуры, уничтожение почти всей ученой и профессиональной интеллигенции. Усиленно, прямо "ради удовольствия", убивали даже на улицах нашего разнесчастного Российского офицера!..

Когда же успевший поделить "панскую землю" крестьянин перестал давать свой хлеб этой "народной" власти, а рабочий перестал производить что-либо, то власть придумала "Чрезвычайные Комиссии" (Ч.К., Г.П.У., и проч., существующие и по сей день) и специальные "Карательные Отряды", которые в подвалах, в городах, селениях и поселках уничтожали пулеметами и артиллерией сотни тысяч людей, или в лучшем случае, хуже скота, выселяли в приполярные страны на каторжные работы, где люди, старики, женщины и дети вымирали сотнями в день! Покорившихся же коммунизму крестьян и рабочих загнали в колхозы и в стахановщину!

"Социалистический рай" в России был построен и стоил нашей несчастной Родине, по очень скромным подсчетам, более 50 миллионов людей!.. Кровавый ленинский потоп разлился по всем необъятным просторам СССР.

Ген. Деникин в своих книгах-воспоминаниях об этих годах Российских лихолетий высказал прямо золотые слова: ..."если бы в это жуткое время в России так и не нашлось бы отпора и сопротивления большевизму, то это была бы не Российская Нация, а навоз!"... Нет! Россия не стала навозом, как и не была никогда, до большевиков! Россия родила и отпор! Нашлись еще в ней люди, которым Родина и искренняя любовь к ней были дороже своей жизни, собственного благополучия и житейских благ!

Кто старался и хотел слышать, услышали, что на Дон пробрался ген.Алексеев и вместе с казаками формирует добровольческие отряды для борьбы с большевизмом, а позже - что и ген.Корнилов прибыл туда же.

Имя Лавра Георгиевича Корнилова и стало нам всем почти Вифлеемской Звездой, единственным Светочем в этом кровавом мраке и нашей единственной надеждой на спасение России!

И вот, по одиночке, кучками, группами, любыми способами и путями, почти со всех концов России, на Дон, к Корнилову стали пробираться через сотни и тысячи верст, сквозь гущу озверелой черни, солдатни и матросни, рискуя каждую минуту быть пойманными и сейчас же убитыми (многие и многие имена этих героев, не дошедших к своему Светочу, только Ты, о Господи, веси!)... Шли и дошли к своему Корнилову те, кто уже не в состоянии был видеть и терпеть звериные ужасы больше-

визма, кто ставил свою Родину превыше всего, кто был еще чист душой и в ком еще билось Русское сердце!..

И никто до сих пор не дал, не может дать и не даст правдивого и искреннего ответа: почему из всей почти необъятной России, из почти 150-миллионного населения ее, на зов генералов Алексеева и Корнилова - спасать Родину - на Дон прибыла только горсточка, главным образом, учащейся и военной, еще безусой молодежи, два Верховных Главнокомандующих, 34 генерала, 140 полковников и подполковников, 335 капитанов и штабс-капитанов, а всего - 3-4 тысячи!

Но самый Дон так и не поднялся на защиту России и своего Дона, казаки засели по своим сытым домам в "нейтралитете". Горсти добровольцев уже не в силах были даже сдерживать окруживших со всех сторон Новочеркасск и Ростов полчищ большевиков. И когда ген.Корнилов решил покинуть со своими отрядами Дон, доблестный и высоко честный донской Атаман генерал Каледин застрелился!

И наш Вождь, наш генерал Корнилов повел нас, пошедших за ним на жизнь и на смерть, в свой поистине небывалый в истории народов, легендарный Корниловский Ледяной Поход!

Покидая Ростов, ген.Алексеев сказал всем вещие слова: "Мы уходим в степи, в неизвестность, но мы должны где-то зажечь Светоч Божьей Правды и потерянной чести, совести и любви человеческой!"...

Я не буду описывать, не могу и не в состоянии (уж слишком глубоки эти до сих пор не заживающие раны душевные!) наш Корниловский Поход, всю Деникинскую Армию и наш выход с честью с генералом Врангелем на чужбину. За меня уже многие и много написали и будут писать - еще больше, и лучше, и талантливей меня.

Я только до последних своих дней буду всегда молитвенно склоняться перед Создателем, перед Его божественным Перстом, указавшим мне грешному мой правильный путь, на котором и меня сподобил Он исполнить мой долг маленького офицера Российской Императорской Армии!

Своей статьей я пытаюсь, так сказать, подвести фактические итоги большевицкому Красному и нашему Белому движениям и тем роковым событиям, разыгравшимся 50 лет назад на нашей страдающей до сих пор Родине - России.

Все Белые Армии, возникшие почти вокруг красной Москвы, вся их небывалая жертвенность и героизм почти уже у края полной победы кончились... полной неудачей, и остатки Армий с оружием в руках и множество населения (называют более двух миллионов людей!) покинули добровольно пределы родной Земли.

Жутко даже вспоминать: а сколько сотен тысяч лучших российских людей усеяли своими безвестными могилами почти все просторы своей России?!.. Еще труднее вспоминать, что начало наших дедов и отцов почти целое столетие подтачивали основы и корни нашей Империи, а мы - сыновья и внуки - не сумели "добраться" до нужной победы над "красным дьяволом"! И мы все не сумели сдать экзамен на достойных сыновей нашей Родины...

Приходится также сознаться в горькой правде: не везде, не всегда и не всеми наше Белое Дело делалось умными головами и чистыми руками!

Теперь, в это роковое пятидесятилетие, на склоне уже своих лет, после всего, виденного собственными глазами и пережитого, 50 лет пройдя по очень несладким эмигрантским дорогам, очень часто в бессонные ночи оглядываешься на все пройденное... и встает в душе вопрос: ... да как же так все получилось? Кто же мог так сделать? Где же то-

гда истинная правда?!.. Тогда правы ли вообще мы все, Белые, поднявшие оружие, чтобы убивать своих же российских людей - возможных наших отцов, братьев и сыновей?.. Может быть, сам Господь Бог не дал нам победы, так как истина и правда были не на нашей стороне?!

Предположим, что наша одиннадцативековая Империя Российская была настолько плоха, Великие Князья, Цари и Императоры, вместе с народом превратившие ее в великую, самую величественную и самую мощную во всем мире державу, были так ненавидимы всем своим народом, что только жуткой революцией и большевизмом надо было уничтожить всю основу ее жизни! А взамен ее - "...мы свой, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем"?!

Рассмотрим же тогда и подсчитаем совсем кратко, какой же "Рай на земле" с молочными реками в кисельных берегах состряпали "новый пророк" Ленин, "великий и гениальный всех времен и народов" Сталин, а также Хрущев, Косыгин (и все будущие "строители") с их бандой интернациональных проходимцев? И действительно ли они осчастливили российский народ?

Товарищ Ленин, разогнав одним только матросом первую за историю России "народную власть" - Учредительное Собрание, на защиту которого не стал ни один человек, захватил в свои руки ничем и никем не ограниченную власть, которой никогда не было ни у одного Князя, Царя и Императора, и нагло заявил: "...мне на вашу Россию наплевать!"

Долгие годы по всей стране прокатывались кровавые волны уничтожения всего и всех, неугодных большевизму. Ни один человек во всей стране не мог, ложась спать, не бояться ареста, расстрела или ссылки в приполярные края на каторгу, на верную смерть! Совсем не обещанный тов.Лениным Военный Коммунизм и лозунг: Кто не с нами, тот против нас!

Когда же расправились уже с миллионами людей, то принялись за крестьян и рабочих. Первых пулеметами и артиллерией загоняли в колхозы (не стали давать "народной" власти хлеба!), а вторых закрепостили в рабскую работу и "стахановщину". Непокорных также уничтожали! На всех просторах страны не осталось уже почти ни одной семьи, у которой кто-либо не пострадал!

В гражданскую войну эта "народная" власть, совсем не доверяя своему народу, закупает тысячами китайцев, латышей, мадьяров, военнопленных австрийцев, немцев и прочие человеческие отбросы, которых немало в то время шлялось по России в поисках хлеба и наживы, чтобы любыми средствами уничтожить уже очень сильную и еще более опасную для большевизма Белую Армию. К середине 1919-го года красная Москва очутилась почти окруженной Белыми Армиями, а тов.Лейба Троцкий по радио завопил: "Мы, может быть, и уйдем, но перед уходом мы так хлопнем дверьми, что содрогнется весь мир!"... Но... спас большевизм "Маршалек" Пилсудский, который, имея подписанный договор с ген.Деникиным, но не желая ему победы, подло заключил мир с большевиками. Освобожденные красные полчища набросились на Белых! И, разбивая по одиночке несговорчивых между собою Белых вождей, принудили их к окончательному отступлению и... уходу на чужбину!...

Сперва поверившие в "райские" обещания большевиков крестьяне, загнанные уже пулеметами в колхозы, доведенные до последней степени человеческого страдания искусственным голодом целых областей, рабским трудом и отнинанием у них последнего хлеба для "продналога", - поднимают по всей центральной России, с вилами и косами, упорные восстания; власть же зверски расправляется с ними, уничтожая до тла

целые села и деревни с их обитателями.

Из-за миллионного уничтожения населения страны - отцов и матерей - по всей России появляется несколько миллионов сирот-детей - "беспризорников", - совсем одичавших и озверевших, наводящих ужас на людей. Для ликвидации этого ужаса власть просто-на-просто расстреливает их или ссылает в конц-лагери на крайнем севере страны, на голод и смерть.

Наконец, восстали даже "краса и гордость революции", кронштадтские матросы!

Все это вместе называлось "народной" властью, обещанной всему народу "заботой о человеке".

Перед Второй Великой войной с Германией, в 41-м году, "отец народов" товарищ Сталин, усомнившись в верности коммунизму командного состава красной армии, приказал расстрелять более половины его численности!

Недолго продолжался "медовый месяц" Сталина с Гитлером! В 1941 году прямо стихийная лавина немецкой армии, вооруженная "до зубов" новейшим оружием и новейшей тактикой войны, ринулась со всей западной границы в просторы СССР. Прозевавший эту войну "великий и гениальный генералиссимус" Сталин с перепугу дает самые сладкие обещания народу и армии - царские погоны, чины, ордена и медали (за которые в революцию убивали людей, носивших их!) и вытащил из мусора (куда сперва забросил за ненадобностью) доблестные имена исторических Российских героев: Александра Невского, Суворова, Кутузова и пр. Даже открывает еще уцелевшие от уничтожения церкви!

Но по-началу верившие в Гитлера (немец придет и сбросит Сталина!) армия и население не пошли умирать за тов.Сталина, а, побросав оружие, добровольно пошли "к Фрицу" в плен!.. Оказалось таковых в плену более 6 миллионов! Если пересмотреть всю историю мира и всех его народов, то такого случая не найти! И если пересмотреть историю всех эмиграций, то подобной несколько-миллионной советской эмиграции (лишь бы только унести ноги от Сталина!) - тоже не найти!

В плену же эти люди предложили немцам дать им снова оружие, чтобы они могли пойти вместе против коммунизма и... "батюшки" Сталина! Вскоре во главе таких формирований стал талантливый и известный в СССР генерал Власов, которому бывшие военнопленные Красной армии и старые эмигранты в Европе подали более двух миллионов прошений о зачислении их в Освободительную Армию (Р.О.А.).

Но Гитлер и его партийные "розенберги" громко объявили поход против большевизма, но на самом деле планировали из СССР сделать свою провинцию, а весь Российский народ назвали "унтерменшами" и считали его просто удобрением...

С генералом Власовым Гитлер поступил так же подло: кое-как позволив сформировать одну дивизию (попутно обильно формируя всяких сепаратистов - украинцев, "казакийцев", татар, узбеков и пр., вплоть до "идель-уральцев"), эту Русскую дивизию по кусочкам отправили на запад, против союзников, с которыми власовцы даже отказывались воевать!

С скончательным крушением Гитлера и его "Великой Германии", все полки власовцев добровольно положили оружие перед союзниками, а эти три "Великие Демократии", забыв и Бога, и честь, и просто человеческую совесть, насильно выдали сотни тысяч власовцев и самого генерала Власова на смертную расправу Сталину...

Остается к этому жуткому синодику большевистской расправы над Россией прибавить также и пару "мировых достижений" советской власти, над которыми за последнее время так сладко сюсюкает немало нашей эмиграции. На устроенных, все же, заводах-гигантах, где вырабатываются только атомные снаряды и новейшее оружие (а кастрюль и сковородок в стране почти нет!), стали выпускать космические ракеты и пытаются теперь летать на Луну, на Марс и, должно быть, в бесконечность, куда улетело уже немало людей из-за неполадок в механизмах. Если рассматривать эти полеты с научной точки зрения, то достижения, действительно, небывалые!... Но если, тратя для этого астрономические суммы, каторжной работой на этих заводах добиваются только "чести" водружения на Луне "нашего советского красного знамени", а попутно - нахождения самой лучшей точки, откуда потом будут легко лупить весь остальной капиталистический мир на земле, то... мне грустно смотреть на тех, кто этим "достижениям" так сладко радуется!

И, наконец, самое великое и самое главное советское "достижение", которым окончательно осчастливила свое население эта "народная" власть - это закупка в капиталистических странах на несколько миллиардов золотых рублей простого хлеба насущного!..

Плохая Царская Россия постоянно кормила своим хлебом чуть ли не всю Европу, а с построением большевистского рая даже и для себя своего хлеба не стало!

Стоит ли теперь, ко всему уже даже вкратце сказанному, добавлять еще и еще разных этих "достижений"? Нет, товарищи карлы-марксы, ленины, сталины, хрущевы, косыгины и все будущие гробокопатели России, вы не сделали и никогда не сделаете Россию лучше, чем она была все свои 11 веков! В нашей смертельной борьбе против вашего кровавого потопа истинная правда и человеческая совесть были, есть и будут на нашей стороне! Мы были, есть и будем до самой смерти непримиримыми к вашей политической утопии! И какую бы личину не одевали на себя все ваши посланцы во все страны, лишь бы понравиться капиталистам, под нею всегда остается звериная морда вашего большевизма!

Еще не так давно ваш "первейший человек" и управитель СССР, Никита Хрущев, приехав в гости в Америку, на приеме печати изрек правду: "...а мы вас угробим..."

Прошло долгих, очень долгих 50 лет страданий нашего Российского народа и нашей не слишком сладкой жизни на чужбине... Сколько пройдет еще? За это время в СССР рождаются новые поколения, и им уже на ваших карлов-марксов... наплевать! Они хотят, и уже даже почти требуют нормальной человеческой жизни! А вы, "управители", теперь уже даже не смеете пустить против них пушки и пулеметы...

И придет пора - она уже не за горами! - взойдет новое Солнце над несчастной нашей Россией, а ваш большевизм и вы сами исчезнете с лица земли, как удушливый и вонючий смрад! И только история, наша христианская религия и люди проклянут на веки вечные и вашу звериную утопию и... ваши имена!..

Несмотря на ваши "стахановские" усилия любыми подлыми способами сделать из Российского народа коммунистических роботов, Россия осталась жива! История нашей России знает немало трагических периодов своей жизни, когда, казалось, уже наступила полная гибель страны и народа, но всегда она находила великих духом людей и снова вставала в своей мощи и силе! Россия и теперь снова найдет в себе новых Димитрия Донского, Минина и Пожарского! Мы же, Белые воины,

до наших последних дней не смирившиеся перед вашим преступлением над нашей Россией, мы, ушедшие с генералами Корниловым и Алексеевым в степи, в полную неизвестность, чтобы где-то зажечь Светоч Божией Правды и человеческой совести, мы все же свой долг исполнили! Наш Светоч зажегся на всех просторах вашего СССР. Зажглись везде или пассивные сопротивления вашей дьявольской власти или даже вооруженные восстания! Российский народ не принял вашей гадкой утопии и вашей подлой власти! И скоро придет день, когда ваши штыки и пулеметы уже не помогут вам!

У нас же, всех Белых, - доживем ли мы до новой зари над Россией-Родиной или не доживем - есть еще один долг перед этой трагической датой - 50 лет. Все мы обязаны записывать все, что мы видели и пережили сами= Чем больше будет написано нами таких истинных документов, тем легче будет нашей истории найти неподдельную Правду!

Когда-нибудь новый Пимен... пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет... да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу!...

Первопоходник,
Корниловской Артиллерии
Шт.Кап. Д.Свидерский.

- - oOo - -

Из Санта Барбары.

50 ЛЕТ ВЛАДЫЧЕСТВА КОММУНИСТОВ НА НАШЕЙ РОДИНЕ.

Как активные борцы против большевизма, мы обязаны отметить эту скорбную дату и призываем всех россиян, у которых не угасла любовь к своей многострадальной Родине и к своему народу, присутствовать на нашем открытом собрании, дабы показать нашу полную непримиримость к поработителям нашей Родины.

Выступления докладчиков будут сопровождаться сборным хором под управлением Е.П.Полякова.

Собрание состоится 19-го ноября в зале "The Towne House" - 222 West Carillo St., Santa Barbara, Calif.

Начало в 2 часа дня.

Председатель Организационной
группы и Собрания: А.Д.Гордеев.
Администратор Собрания:
Д.Д.Свидерский.

Докладчики: А.Д.Гордеев, А.Д.Трембовельский и Б.Г.Сенютович.

- - - - oOo - - - -

П Р И С Я Г А

(Воспоминания артиллериста - из цикла "Великая Бескровная)

Весть об отречении Государя Императора поразила нас, как удар грома. Всего мы ожидали, но только никак не этого...

Вы когда-нибудь слышали, или где-нибудь видели, чтобы меняли запряжку в экипаже во время переправы через бурную реку?

В памяти встало его грустное лицо, так прекрасно переданное на портрете Серовым, его добрые, такие красивые глаза, его всегдашний застенчивый жест - поглаживание правой рукой перчатки на левой, когда он говорил нам каждый год приблизительно одно и то же: - "Мои кадеты, я жду от вас и верю - вы будете служить Родине и мне так же верно, как делали это ваши отцы, деды и прадеды".

Командир батареи сказал мне: - "Вы популярны в их среде - прочтите батарее этот приказ".

Тяжело мне было исполнить это приказание, так душевно тяжело, что нет слов передать эту тяжесть... Дойдя до места в приказе, где Государь прощался с армией, я не выдержал и разрыдался. Не стыжусь признаться здесь в этом - плакал не я один, плакала вся 4-я батарея..

- о -

Получено приказание присягать Временному Правительству. Командир опять обратился ко мне: - "Я здесь человек новый (он был офицером другой бригады и только недавно вступил в командование батареею), батюшка сегодня будет у нас, предупредите об этом людей".

Я по телефону построил батарею и, поздоровавшись с людьми, скомандовал "стоять вольно!". Но рта открыть не успел, как подошел подпрапорщик и сказал: "Так что, ваше благородие, ребята присягать новому правительству не соглашаются".

Первое мгновение я подумал, что ослышался, что здесь какое-то недоразумение - но оказалось не так. Подпрапорщик доложил мне от имени всей батареи, что они этот вопрос всесторонне обсудили и решили, что приказание о присяге их не касается, так как - "мы присяге не изменяли, нехай тот присягает, кто свою присягу поломал".

Это была как бы искра электрического разряда. Теперь уже дружно кричали все: "Мы верою и правдою до последней капли крови, не щадя живота, как в Действительную (службу) присягали!.." - И в русско-японскую, и в эту с первого дня мобилизации..." - И в Китайский мятеж, как Пекин брали!..." (1901 г.) - "Нема чего нам присягать, мы Царю и Отечеству не изменяли!.." - "Кто изменил, нехай тот и присягает!"...

Такой оборот дела был для меня несколько неожиданным. Я вернулся в офицерскую землянку-блиндаж и доложил командиру о происшедшем.

- Уговорите их!

Я уговаривал их, пока это гиблое дело мне не надоело и я, правда, не без внутреннего удовлетворения, махнул на него рукою. Так 4-я батарея 73-й артиллерийской бригады Временному Правительству не присягнула.

Надо полагать, генерал Б. скрыл это обстоятельство от высшего начальства, так как никаких последствий оно не имело, да и сам он, передав командование бригадою одному из дивизионеров, скоро уехал от нас в тыл "углублять революцию", как тогда говорилось.

Эраст Лисенко.

Примечание.

73-я артиллерийская бригада была выделена из 36-й артиллерийской бригады по мобилизации 1914 года. Стоянка мирного времени 36-й артиллерийской бригады - гор.Карачев Орловской г.б. Вследствие этого состав 73-й артиллерийской бригады в большинстве состоял из запасных Орловской губ., из коих многие побывали в Японской и даже Китайской кампаниях.

Автор воспоминаний окончил 1-й Кадетский корпус (шеф - Его Величество). Ежегодно с 1907-го по 1915-й год он присутствовал на парадах в Высочайшем присутствии в день Праздника Корпуса. По окончании 1-го Кадетского корпуса и 3-го ускоренного курса Константиновского Артиллерийского училища 1-го ноября 1915-го года автор взял вакансию "на фронт" и попал в 73-ю артиллерийскую бригаду. Благодаря недостатку офицеров в бригаде он в чине поручика был старшим офицером 4-й батареи уже в конце 1916-го года.

- - оОо - -

ИДИ, СОЛДАТ!

Еще верста... Ни зной, ни непогода
Не остановят наш поход.
С Четырнадцатого идем мы года -
Который уж годок...

Расправь простреленную грудь!
И никогда не позабудь
Того, что было позади...
Иди, Солдат, иди!

Сожми ружье... Лишенья и невзгоды
Не устрашат тебя, Солдат.
Соратники сошли под вечны своды
И сном последним спят...

Ты жив... И ты солдатом будь,
Покуда дышет грудь!
Ты был и будешь впереди...
Иди, Солдат, иди!

Близка заря... В победный день свободы
Штыки на солнце заблестят...
Российские сольются вновь народы,
Обнимет брата брат...

Расправь простреленную грудь,
О старых ранах позабудь!
Бодрей! Победа - впереди!
Иди, Солдат, иди!

÷ Евгений Тарусский

- - оОо - -

О ДВУХ ЮБИЛЕЯХ
(Полвека спустя)

Подумать только - прошло полвека с начала революции, с начала Гражданской войны в России. Белые против красных, борьба и на Юге, и на Севере, на Востоке и Западе. Борьба за Правду Российской Национальной Идеи против наглого обмана интернационального коммунизма. На белых флагах - Россия Единая, Неделимая; на красных флагах - заведомо обманчивые лозунги ради удержания самозванной власти, для утверждения коммунистического "рая" на земле. Более трех лет продолжалась ожесточенная война; мы знаем, сколько человеческих жизней было принесено в жертву с обеих сторон, сколько блестящих побед и горьких поражений было и у белых, и у красных.

Эта неравная борьба кончилась через три года историческим исходом Белой Армии, ее остатков, из Крыма на Чужбину. Поражением в разное время закончилась героическая борьба Белых армий и на других фронтах Гражданской войны.

Коммунистам открылись возможности для экспериментов над человечеством. Мы знаем результаты: кровь, слезы и страдания на Родине, кровь, слезы и страдания по всему миру... Главари в Кремле торжествовали. Низкопоклонство, пресмыкание, дружеские встречи и приемы во дворцах королей и в палатах президентов. Новые территории, новые рабы. Еще немного, и не нужно будет маскировать свои чудовищные планы и дела на конференциях на разных уровнях. Можно будет только диктовать, уничтожать и ковать новые цепи.

Но стоны замученного народа доходили в свободный мир, правда о советских делах просачивалась, и никакой чертополох на границах большевицкого рая не мог задержать этой правды.

Был Сталин, был "культ личности" и сталинская мясорубка, были стихийные восстания, был искусственно созданный голод и террор, загнавшие крестьян в колхозное рабство, рабочих - в ярмо фабричное. Был преступный договор с Гитлером и было бесславное начало войны по вине Сталина и его окружения. И до войны, и после войны было горе, голод, произвол и угнетение. Было очень много крови и очень много концлагерей. Были и успехи, но еще больше неудач, о которых, как правило, замалчивалось. Было очень много другого, чему нет места в красной прессе к 50-летнему юбилею. Вся же колоссальная пропагандная машина красных к этому дню полна саморекламой, подтасовками и ложью о советских достижениях, о коммунистическом "рае" на земле, в расчете на миллионы людей в мире, наивных и глупых, одержимых гуманитарными идеями, с мозгами, сбитыми набекрень, - в расчете, что полное извращение фактов и событий за всю историю Советской власти по известным причинам останется неопровергнутым ни там, ни здесь. Кто же выжил, кто уцелел, - те знают, что именно происходило, и таких не обманешь.

И мы, уцелевшие после Гражданской войны и в эмиграции, знаем цену, которую наш народ заплатил и продолжает платить за безумные эксперименты безумных вождей, базирующихся на нежизненных мечтаниях и теориях социалистических фантазеров. Все мыслящие и честные люди не могут не знать, не могут не видеть, что происходило и происходит на нашей Родине в течение этих 50 лет - в результате заведомо ложных лозунгов и обещаний, из которых ни одно не выполнено.

Главные из них: Земля - крестьянам, фабрики - рабочим; самоопре-

деление народов; долой золотопогонников; религия - опиум для народа; мир без аннексий и контрибуций; мир хижинам - война дворцам, и т.д.

А вот, вкратце, действительность: 1) Закрепощение крестьян в невиданную кабалу государства со всеми вытекающими последствиями. 2) Закрепощение в кабалу рабочих на заводах и фабриках при самой низкой оплате труда. 3) Освобожденные и самоопределившиеся народы - полное порабощение таковых под властью Кремля. 4) Вместо уничтоженного под клич: "смерть золотопогонникам и орденоносцам" корпуса российских офицеров - офицеры советской формации с широченными золотыми погонами, маршалы и генералы, до неприличия увешенные по груди и животу массой орденов и медалей. 5) Безбожная власть не могла искоренить религиозного чувства в народе - пришлось вернуться к церквам и духовенству. И рано еще судить или осуждать советское духовенство за сотрудничество с властью. Может быть, это подлость, а может быть - это и подвиг в истории христианской церкви. 6) Мир без аннексий и контрибуций - грабеж и эксплуатация всех стран, попавших в орбиту захватчиков. 7) Что касается хижин и дворцов - мы знаем, кто живет во дворцах, и знаем жилищные условия для населения в советском раю. 8) О свободе говорить не приходится - всякая свобода быстро кончилась, ибо грабить было уже нечего и некого, а интеллигенция, загнанная убийствами и беззащитная, замаскировалась под пролетария и пошла служить коммунистам - и за страх и за совесть помогать красным строить "рай". Говоря о достижениях советской власти в области образования, о прогрессе в технике, в науке, в искусстве и о многих других успехах, надо признать, что таковые были бы еще большими при всякой другой власти - власти во имя России, во имя Российского народа, учитывая неувядаемую талантливость этого народа.

Напрашивается вопрос: почему же происходило и происходит до этого юбилейного момента победное шествие и внешне прочная власть коммунизма на нашей Родине и во всем мире? Какое-то время будут еще приноситься кровавые жертвы на самых неожиданных фронтах - внешних и внутренних,- бессмысленные народные волнения, беспорядок и безобразие, так как коммунисты могут существовать только при наличии мутной воды, черпая силы из накипи, образовавшейся при организованном действии коммунистических партий, попутчиков, профессорского недомыслия, опасных наивников и непоправимых дураков.

Картину, которая наблюдалась в России 50 лет назад, когда за обманчивыми лозунгами пошли почти все российские народы, - эту же картину мы наблюдаем в течение полувека у всех народов - цивилизованных и первобытных, уже проглотивших красную приманку или упорно клюющих на таковую. И продолжается агония нашего мира в результате 50-летних судорог во всех странах и у всех народов. И была Гитлеровская экспансия, и есть угроза атомного уничтожения мира при неизбежном столкновении азиатских коммунистов с советскими - все это исключительно по вине Ленина, Сталина, Хрущева и Косыгина. Пока же мы накануне 50-летнего юбилея обещанного коммунистического рая на земле, и цену этому юбилею на собственном опыте знает русский народ и осчастливленные народы красного блока. И все знают о расколе коммунистического монолита, о том, что нет уже идеологического цемента, чтобы крепить разрушения, ибо идеология злобных фанатиков и фантазеров окончательно выдохлась в результате 50-летних опытов над человечеством.

Было бы совсем иначе, если бы в Гражданской войне в России красные были уничтожены, и из революции и гражданской войны Россия вышла

бы очищенной от всяких скверн и Великая, Единая и Неделимая заняла бы свое место в мире, - сильная, чтобы защищать слабых; богатая, чтобы кормить голодных; просвещенная, чтобы стоять в авангарде мировой науки, литературы, техники; культурная и цивилизованная, чтобы поднять на соответствующий уровень российские народы; могучая, чтобы не были возможны преступные происки и планы некоторых государств и их политиков; без ориентации на запад или на восток, а только с ориентацией на здоровые силы и могучие таланты российских народов, на бескрайние пределы и природные богатства нашей Родины, на тружеников-земледельцев на собственной земле, на обеспеченных социальными законами рабочих, на творческую интеллигенцию, как результат просвещения и нравственно-религиозного воспитания всего народа, на Российскую армию, передовую в смысле знания и вооружения, крепкую в своих лучших традициях, непобедимую, потому что она - Русская Армия с вековой славой, славой прославленных полководцев во все временп ее военной истории.

Так думали и продолжаем думать мы, Белые Вожди и добровольные участники Белой борьбы - борьбы, которая в разных формах и на разных фронтах не прекращалась все прошедшие 50 лет и также отмечает свой полувековой юбилей Белого подвига и Белой Правды. Этот Светоч Правды и национальной Идеи тоже загорелся на Российских просторах.

Этого необычайного по правде и по значению для всего мира огонька не заметили или не захотели заметить не только большинство русского народа, но и народы всего света. На эти огни потянулись русские люди-патриоты, своими неискушенными молодыми сердцами понявшие чудовищную неправду красных лозунгов и обещаний. Они знали, какие преступники и политические авантюристы самозванно захватили власть, и понимали, что Россия для этих авантюристов - лишь плацдарм для коммунистических опытов и осуществления их планов в интернациональных масштабах.

История Белого Движения в продолжение трех с лишним лет достаточно известна, имена Белых Вождей, поднявших в красном хаосе трехцветное знамя на четырех главных белых фронтах против большевиков, войдут в историю России светлыми и незапятнанными. Были, конечно, ошибки - и тактические, и политические, и социальные. Мы сами знаем теперь эти ошибки и совершенно отвергаем нападки запоздалых и непрошеных критиков слева и справа, спустя 50 лет ополчившихся на Белых Вождей и носителей Белой Идеи. Не эти ошибки явились причиной поражения белых армий, ибо у противника ошибок было гораздо больше. Покойный ген.Лампе справедливо указал еще в 1929 году:

"Отдалило от нашей Родины ее освобождение и в конечном результате привело Белое Освободительное Движение к его современной стадии, главным образом, настроение тех областей и территорий, по которым шло наступление белых армий: когда уходили красные, население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось... Когда уходили белые - население со злобой высчитывало, что у него взяли... Маятник революции еще и в 20-м году продолжал свое движение влево, и белые не могли заставить его качнуться вправо потому что население было революционным, или безразличным, или трусливым. Белые армии сделали, что могли, и даже больше, чем могли..."

Ясно характеризуют значение Белой Борьбы слова ген.Деникина в его "Очерках Русской смуты":

"Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и пре-

ступлений советской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, - это был бы не народ, а навоз для удобрения полей пришельцев с запада и востока. К счастью, мы принадлежим к измученному, но великому русскому народу..."

Труден был пройденный путь. Если бы случилось снова идти, пошли бы тем же путем в бой за Великую, Единую, Неделимую Россию. Прошедшие полвека с несомненностью подтвердили, что путь этот был единственно правильным, единственно верным и в обще-российском, и в обще-мировом смысле. Кто этого сейчас не видит и еще не понимает причины мирового хаоса в течение 50-ти лет, - тех даже не жалко, они неизлечимы.

Белая Армия унесла и сохранила свою непримиримость к коммунизму. Нет уже в мире той силы, которая сломила бы эту непримиримость или подточила сознание исполненного долга и глубокую веру в Белую Правду. Наш выбор сделан 50 лет тому назад, события на Родине нашей и во всем мире в продолжение этих 50 лет подтверждают нашу Белую Правду. Мы не ошиблись тогда, наши сердца не ошиблись. Ошибся весь русский народ...

Кровь, слезы и страдания продолжаются по всему свету.

Алексеевского полка
Шт.Кап. Мустафин.

- - оОо - -

М А Я К

Пускай туманы над землею,
Пуская накинут ночи мрак -
Нам светит яркою звездою
Непотухающий маяк.

Он в каждом сердце честном, смелом
В греховной смуты дни зажжен,
Когда бездумьем угорелым
Великий край был поражен.

Он в каждом сердце русском, честном,
И там, где рай насмешкой стал,
России свет - маяк чудесный -
Тысячелетие сиял!

Живы сердца - жива Россия;
Освобожденья день придет.
Национальная стихия
Чужую власть сотрет, сметет!

Л.Шаблыко.

- - оОо - -

"Все ваши мысли, чувства и силы отдайте родине, многострадальной России!"

Ген.Корнилов.

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

(Продолжение, см. №№ 59-60, 61-62, 63-64, 65-66, 67-68, 69-70,71-72)

31. На реке Иртыш.

Приближаемся к Иртышу, сдерживая противника арьергардными боями.

Положение не утешительное. Иртыш не замерз. На нем ледоход, и мостов нет, кроме одного - железнодорожного, приспособленного к движению людей и повозок. Переправить массу войск с их артиллерией и обозами немыслимо. При армиях Восточного фронта, несмотря на обилие больших рек, не было ни одного понтонного батальона.

С другой стороны, если хватит мороз и река покроется льдом, Иртыш перестанет быть надежной преградой. Тогда, при отсутствии свежих подкреплений, усталости боевых частей и падении духа, нам не удержать Омска и линии по берегу реки Иртыш.

На случай, если река не замерзнет, предполагается части 3-ей Армии направить на юг.

Для Ижевской дивизии переправа назначена в 60 верстах к югу от Омска.

Ген.Молчанов выслал вперед Ижевский инженерный дивизион строить переправу, как только Иртыш замерзнет. Командир дивизиона поручик Санков энергично начал укреплять тонкий лед, когда начавшийся мороз сковал реку. Саперы набрасывали на лед слой за слоем солому и ветки, поливая их водой. Путь по льду становился все крепче и крепче, но еще не было уверенности, что пройдут пушки и тяжелые повозки.

Накануне переправы дивизии два запряженных в сани быка свернули с дороги, провалились под лед и утонули.

На другой день, 14-го ноября, предстояло переправиться полкам и перетаскивать орудия. Покрепчавший мороз дал надежду перейти благополучно. За ночь саперы еще больше укрепили переправу.

Днем начали переправлять легкие обозные сани и продолжали укреплять лед.

К вечеру дивизия начала переход. Пушки тянули со всеми предосторожностями, таща их веревками. Переправа кончилась благополучно.

Арьергарды задерживали наседавших красных, но следует заметить, что противник не сделал попытки общим энергичным натиском сбросить нас в реку. Возможно, что красные не ожидали, что Иртыш замерзнет достаточно крепко, что мы успеем сделать переправу, и не подтянули во время свои резервы.

Когда стемнело, от нас было видно в направлении к Омску зарево пожаров и доносились глухие раскаты взрывов.

Перед рассветом следующего дня наше охранение отошло с того берега. Когда рассвело, наша батарея разбила переправу снарядами.

Распространившиеся сведения о сдаче Омска вызвали тревожное настроение. Появились разные темные слухи. Все насторожились. Что могло случиться, что Омск попал в руки красных так неожиданно?

Позднее и постепенно выяснились многочисленные причины потери столицы белой Сибири. Среди них указывалось на разложение в частях 1-й Сибирской Армии, что вынудило Главнокомандующего ген.Дитерихса отправить всю армию в тыл на отдых и пополнение. В начале ноября части 1-й Армии были в движении в районе Новониколаевск - Томск.

Правый фланг фронта был ослаблен. Остались в первой линии 2-я и 3-ья армии, имея теперь на крайнем правом фланге "Северную группу" 2-й Армии под командой ген.Гривина. Эта группа отходила, не оказывая красным сопротивления. Дальнейшее поведение ген.Гривина указывало, что он стремился бросить фронт и самочинно уйти в тыл. После перехода через Иртыш ген.Гривин, не исполняя приказ Командующего 2-й Армией ген.Войцеховского, отдал своей группе распоряжение двинуться на ст.Барабинск (около 300 верст к востоку от Омска), захватить эшелон - если надо, силой - и отправиться в Иркутск.

За неисполнение приказа ген.Гривин был застрелен ген.Войцеховским.

Последующие события доказали, что состав Иркутской дивизии был более предан делу борьбы с большевиками, чем организатор и начальник этой дивизии, и честно нес свою службу Родной стране. Иркутская дивизия дошла до Забайкалья, и остатки ее продолжали сражаться в Приморье в 1921 - 1922 г.г.

Воспользовавшись отсутствием сопротивления на правом фланге противника, красные ворвались в Омск с севера и заняли его без боя.

В неожиданно быстром падении Омска и начавшемся еще ранее беспорядке в эвакуации немалую роль сыграла смена главнокомандующих - всего лишь за несколько дней до этого трагического события.

Генерал Дитерихс не предполагал оборонять Омск и задерживаться на р.Иртыш, а заменивший его ген.Сахаров уже не имел возможности вернуть на фронт 1-ую Армию и не успел принять меры для подготовки обороны.

Захват Омска доставил красным крупнейшую победу без больших усилий и принес им значительные трофеи. Они захватили главную тыло-

вую базу белого фронта - "с огромными запасами имущества разного рода и свыше 10.000 человек (Какурин, т.2-й, стр.358).

Всех подробностей сдачи Омска в боевых частях не знали, но потеря "столицы" взволновала всех.

17-го ноября в штабе Ижевской дивизии в селе Великорусском собрались командиры и старшие офицеры. Начальника дивизии ген.Молчанова не было - он уехал в штаб Армии. Собравшиеся совещались о том, что делать дальше, если правительство падет и Армия разложится. Доносились слухи, что в некоторых частях идет брожение, расходятся по домам, сдаются красным... Раньше это были редкие и одиночные случаи. Теперь эти тревожные признаки распада Армии значительно увеличились.

В нашей дивизии было все спокойно. Да и трудно было ожидать подобных явлений при той ненависти, которую Ижевцы поголовно питали к красным поработителям.

Но что делается у других! Выяснилось, что предстоящие события озабочивают и многих наших соседей. К ним готовятся также волжане, Уфимская группа и Оренбургские казаки.

Вчера от 4-го Оренбургского Казачьего полка и от генерала Мамаева получены заявления, что они желают идти вместе с нами.

Полковник Якубовский сообщил, что генерал Пучков также что-то подготовляет. Он только неправильно осведомлен, что Пучков прислан от Деникина. Он все время был на Восточном фронте.

Поручик Попков сообщил сведения из "сфер" - был недавно в высших штабах. По этим сведениям, существует четыре монархических организации, из них одна - большевистско-монархическая, состоящая из дворян и крестьян. Далее, что власть собирается захватить атаман Семенов и стать Верховным Правителем; к нему присоединились Хорват, Гайда, ставший монархистом, и Керенский, нахсдящийся во Владивостоке, и многое другое...

Чепуха невероятная. Но все эти слухи говорят о непрочности правительства или нарочно распространяются, чтобы разложить и то, что держится.

Разошлись, согласившись крепко держаться друг друга, поддерживать порядок, дисциплину и доверие к своим начальникам.

На ближайшие дни, может быть недели, предвидится только отступление.

32. Отступление от реки Иртыш.

Движение наше на восток проходило в тяжелой обстановке наступивших морозов, усиления заболеваний, отсутствия правильного снабжения одеждой, продуктами и боевыми припасами, при назойливом преследовании красных.

Отходили без нормальных остановок для отдыха, часто без ночлегов. Красные, дав нам возможность сравнительно спокойно переправиться через Иртыш, теперь рассвирепели и стремятся уничтожить нас неотступным преследованием и окружением на стоянках. В командование преследующей нас 5-й красной армии вместо Тухачевского вступил бывший начальник26-й красной дивизии Эйхе и, видимо, старается выслужиться.

Для примера приведу из сохранившихся записок события 21-го ноября в районе южнее гор.Татарска.

В 2 часа в ночь на 21 ноября штаб дивизии был в дер.Голубковская, когда 1-й полк, окруженный в дер.Ветенево, пробил дорогу на пос. Сперанский. 4-й полк не успел сменить Самарцев в дер.Воскова,

но удержал противника у поселка Длинного; в полку 2 убито, 11 ранено, взято 7 пленных 231-го полка.

Отошли в село Язовское (25 верст от Бетенева). Около 18 час. штаб дивизии только отошел из Язовского, как красные, обошедши с тыла, набросились на части дивизии, оставшиеся там и готовые выступить. После упорного боя Ижевцы пробились с большими потерями. Во 2-м полку убито 13, ранено 10, без вести пропало 68. В полку состоит раненых и больных 53, в строю осталось 91 штыков и 47 в командах. В егерском батальоне из 150 осталось 60; в 4-м полку штыков еще меньше.

Отступили ночью в дер. Николаевскую, где ночевала Самарская дивизия. Все спали и, поднятые нами, не хотели верить, что противник подходит. Выстрелы, донесшиеся с заставы, подтвердили приближение красных. Бросились спешно запрягать обозы и готовиться к выступлению. Только начали двигаться - деревня была сильно обстрелена. Видны были вспышки от выстрелов, а стрельбы не слышно из за шума загремевших по мерзлому грунту телег. Еще не все обозы успели обменять колесные повозки на сани. 1-й Ижевский полк прикрывает отход.

В этой деревне погибли начальник штаба Самарской дивизии подполковник Мягков с несколькими своими офицерами, не предупрежденные начальником дивизии ген.Сахаровым о выступлении. Спасся только один капитан Смирнов, выпрыгнувший из окна и прибежавший в штаб Ижевской дивизии в нижнем белье.

За этот период - конец ноября, середина декабря - Ижевцы часто шли в арьергардах и, сдерживая красных, несли тяжелые потери. Небольшие кучки бойцов, оставшиеся в полках, были измучены.

Во всей дивизии оставалось в строю 400 человек.

Начальник дивизии решил привлечь на помощь Ижевский конный полк, формировавшийся с августа в тыловом районе и теперь шедший впереди дивизии, в двух-трех переходах.

Командир полка подполковник барон Жирар де Сукантон и его помощник штаб-ротмистр Рачинский, формировавшие полк и взявшие с собой все отпущенные на формирование и хозяйственные суммы, уехали в тыл для приобретения седел и другого имущества. Они не давали о себе знать, и местонахождение их не было известно.

Генерал Молчанов отправил командовать полком, с согласия Командующего Армией генерала Каппеля, своего начальника штаба подполковника Е.

В обязанности начальника штаба дивизии вступил капитан Цветков.

Состав Ижевского Конного полка: 4 эскадрона, команды учебная, пулеметная и подрывная и хозяйственная часть. В строю 25 офицеров, 400 сабель и 4 пулемета. В строю только всадники, имеющие седла. Кроме того, около 300 строевых ехало верхом на попонах, на подушках или в санях в ожидании покупки седел уехавшими формировальщиками.

Вскоре состав полка увеличился на два эскадрона. Эти два эскадрона состояли из Воткинцев и были взяты в свой конвой Фортунатовым - членом Самарского правительства, который хотел пробраться через Тургайские степи в Армию генерала Деникина. После нескольких переходов Воткинцы увидели безнадежность этой затеи и вернулись назад. Не имея возможности сразу найти свой дивизион, они присоединились к Ижевцам. Генерал Молчанов включил их в Ижевский Конный полк. Они получили нумерацию 5-й и 6-й эскадроны, но продолжали именоваться Воткинскими.

Отъезд подполковника Сукантона и его помощника в тыл и их долгое отсутствие вызвали в полку недоумение и осуждение. Возмущало также и то, что они, кроме ассигнованных на покупку седел крупных сумм, кажется, около 2-х миллионов сибирскими деньгами, забрали и полковые суммы.

Встретив нового командира ужином, поручик Багиянц, временно командовавший полком, расплывшись в улыбку, заявил:

"Полковник барон Жирар де Сукантон взял из полковых сумм 200 тысяч и уехал с ними за седлами. Через неделю прислал ротмистра Рачинского, который забрал остальные 40.000 и уехал покупать уздечки. А вам, господин полковник, ничего не осталось!

Новый командир ответил:

"Раз не с чем удрать в тыл, придется остаться с вами!"

При подходе к реке Обь предполагалось остановиться и дать отпор красным на линии Томск - Колывань - Ново-николаевск. С правого фланга должна была ударить 1-я Сибирская Армия.

Но расчет на то, что части этой армии, отдохнув и приведя себя в порядок, вольют свежие силы в ослабевшие ряды 2-й и 3-й Армий, не сбылись. Не только не было получено ожидавшейся помощи, но пришлось пережить ряд предательских выступлений. Вышли они из состава старших чинов Армии, попавших под разлагающее влияние левых партий и чешских главарей, которые стремились свалить правительство Адмирала Колчака.

Еще в ноябре, на третий день после захвата Омска красными, во Владивостоке было поднято восстание бывшим командующим Сибирской Армией ген.Гайда при поддержке эс-эров и чехов.

Здесь, в ближайшем тылу фронта, в гор.Ново-Николаевске, 7-го декабря поднял восстание командовавший 1-й Сибирской дивизией полковник Ивакин и арестовал командующего 2-й Армией ген.Войцеховского. 9-го декабря командующий 1-й Армией генерал Пепеляев, при поддержке своего брата, председателя совета министров, арестовал Главнокомандующего генерала Сахарова.

Все эти выступления были подавлены или кончились ничем, но тяжело отразились на положении правительства и на военном руководстве.

Вся 1-я Сибирская армия, за исключением 3-го Барнаульского полка, окончательно вышла из строя - рассыпалась или перешла к красным. Генерал Попеляев должен был сам спасаться от ареста своими взбунтовавшимися солдатами. Позднее гарнизон гор.Красноярска, в составе 4-го Енисейского полка и других частей, вместе с командиром 1-го Средне-Сибирского корпуса генералом Зиневичем, открыто выступили с оружием против своих недавних соратников по борьбе с большевизмом.

К бывшим бедствиям, обрушившимся на отступавшую Белую Армию: - суровой сибирской зиме при отсутствии снабжения одеждой; толпам беженцев, запрудившим дороги, перемешавшимся с обозами и внесшим беспорядок в движение; болезням, в особенности широко свирепствовавшему тифу; преследованию противником, успешно задерживать которого становилось все труднее за невозможностью пополнять огнестрельные запасы; падению духа от неудач, и т.д. - теперь присоединилось предательство из своих рядов целой Армии, что количественно уменьшило наши силы и действовало угнетающе на состояние духа.

При таких мрачных обстоятельствах отступавшая Армия приближалась к Щегловской (или Томской, или Мариинской) "тайге".

Зима позволила сравнительно легко преодолеть замерзшие реки, но никто не предполагал, что зимою будет встречено такое трудно одоли-

мое препятствие, как "тайга", и никакой заблаговременной подготовки к проходу через нее сделано не было.

33. Тайга.

К вечеру 22-го декабря Ижевская дивизия, двигаясь в арьергарде 3-й Армии, сосредоточилась в гор.Щегловске - преддверии в тайгу.

Верстах в 9-ти к юго-западу от города в дер.Комиссарово был оставлен Конный полк дивизии с задачей прикрывать с этого направления Щегловск до тех пор, пока дивизия и другие части Армии не войдут в тайгу.

Обстановка указывала на возможность трагического исхода. В Щегловске и у входа в тайгу скопилось большое количество частей, обозов и беженцев, ждавших очереди двигаться дальше. Сюда попали и части 2-й Армии, которые должны были идти севернее, а также многочисленные тыловые учреждения, не принадлежавшие к составу 3-й Армии.

Узкая переселенческая дорога допускала движение только в два ряда. Расчеты, что 3-я Армия, двигаясь без больших интервалов, может спокойно и благополучно пройти тайгу, не оправдались.

На Ижевский конный полк, первый раз вступавший в бой, легла тяжелая задача. Было похоже на то, что здесь начинается боевая жизнь полка и здесь же наступит его конец - тот почетный и славный конец, который выпадает на долю арьергардов, жертвующих собою для спасения главных сил.

Большинство состава полка было из старых обстреленных бойцов - ветеранов борьбы на родном заводе и последующих боев под Уфой, на Урале и в Западной Сибири, и это давало уверенность, что все, что необходимо сделать, будет исполнено.

На рассвете 23-го декабря застава, наблюдавшая за противником, занявшим дер.Ягуново (5 верст к югу от дер.Комиссарово), донесла о появлении красных. Дежурный эскадрон, под командой прапорщика Щербакова, немедленно выступил навстречу и загнал противника обратно в Ягуново.

Появились первые раненые - прапорщик Щербаков, получивший рану в голову, и два всадника.

Спешенный эскадрон начал перестрелку с красными, засевшими в ближайших избах деревни.

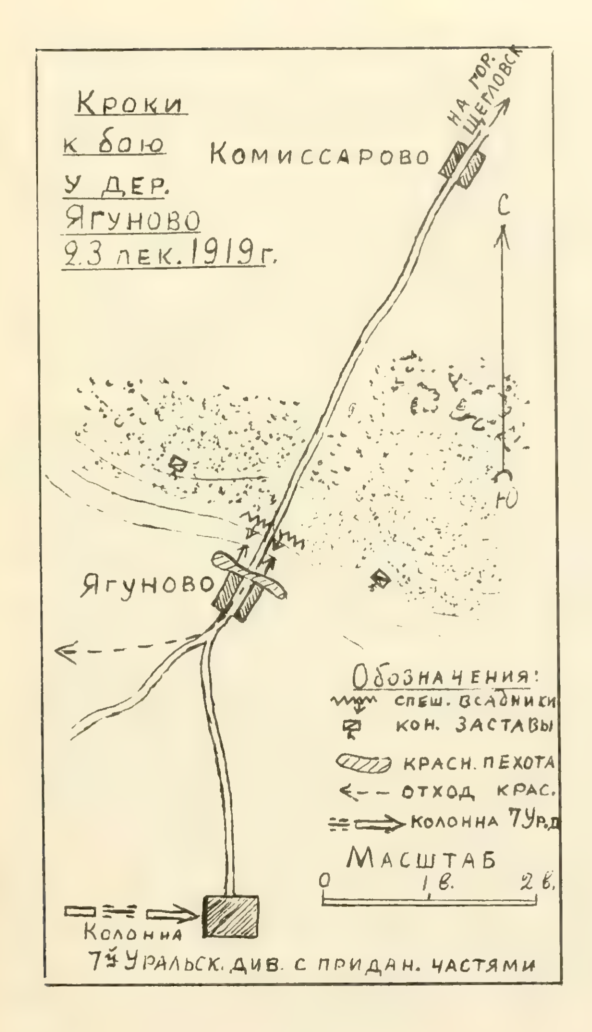
Дер.Ягуново была не далее полуверсты. Местность к ней понижалась и была открытой. На слегка возвышенном плоскогорье, где рассыпалась цепь эскадрона, росли кусты, хотя и бывшие теперь без листьев, но дававшие некоторое укрытие от взоров врага. На оба фланга были выдвинуты заставы, имевшие хороший обзор.

Позиция оказалась удобной. Все движения противника были хорошо видны, и его попытки перейти в наступление быстро пресекались огнем.

На подмогу подошли еще один эскадрон и станковый пулемет. При пулемете находился корнет Волков, недавно прибывший в полк из Военного Училища. Ему было приказано незаметно выдвинуть пулемет в цепь, прикрываясь кустами. Но корнет Волков вылетел по дороге на открытое место. Застрочил пулемет красных, и корнет Волков упал, сраженный пулей в лоб.

Перестрелка с красными продолжалась до 1 часу дня. Около этого времени левая застава донесла, что к деревне, находящейся южнее Ягунова, подходит большая колонна. В бинокль заметили пушки.

Когда неизвестная колонна вошла в деревню, правофланговая за-

става сообщила, что противник из Ягунова на санях, числом около 200, уходит на запад.

Расположение в колонне обозов и артиллерии, а также бегство красных из дер.Ягуново указывали,что появившаяся колонна состоит из наших отставших частей.

Для занятия Ягунова и связи с неизвестными был послан резервный эскадрон. Но едва он появился на виду Ягунова, его оттуда обстреляли. Убита одна лошадь. Эскадрону приказано отойти обратно в резерв.

В это же время со стороны неизвестной колонны позиция Конного полка была обстрелена артиллерией. Из Щегловска подошел на помощь 3-й Ижевский полк. Необходимо было выяснить, кто занял Ягуново.

Было очевидно, что это была передовая часть таинственной колонны.

Подъехали две подводы, и крестьяне попросили разрешения пропустить их домой через д.Ягуново.Им было сказано сообщить солдатам, находившимся в деревне, выслать двух всадников для встречи с двумя нашими для опознания.

Не без удивления поскакавшие вперед Ижевцы встретились с Воткинцами. Последние принадлежали к запасному батальону Воткинской дивизии под командой полковника Камбалина - командира 3-го Барнаульского полка. Главная часть всей колонны состояла из частей 7-й Уральской Горных стрелков дивизии под командой полковника Бондарева.

Конный полк Ижевцев, получив приказ присоединиться к дивизии, в 4 часа дня выступил из дер.Комиссарово в Щегловск и к вечеру прибыл к назначенному месту на короткий отдых.

Дальнейшее прикрытие гор.Щегловска с юго-западного направления возлагалось на 7-ую Уральскую дивизию.

Боевое крещение Конного полка оказалось его первым успехом, хотя обстановка на рассвете этого дня не предвещала ничего хорошего. Полк потерял двух офицеров и 8 всадников и задержал красных от прорыва к г.Щегловску до появления отставших частей отходящей Армии.

Из г.Щегловска последние части Ижевской дивизии, в том числе Конный полк, поздно вечером выступили в дер.Боровушку.

На северо-восток от этой деревни, углубляясь в тайгу, идет упомянутый переселенческий тракт. С запада к деревне подходят две дороги - от гор.Щегловска и из района к северу от этого города.

Со стороны Щегловска направление прикрывалось 7-й Уральской дивизией. Дорога к северу не охранялась.

Это беспокоило врем.Командующего 3-й Армией ген.Барышникова. Подошедший к Боровушке еще днем 23-го декабря 1-й Ижевский полк был послан командующим на беспокоившее его направление. Командир полка получил задачу продвинуться до ближайшего селения и удерживать его до распоряжения.

Оказалось, что на дорогу, по которой двинулся полк, выходило с западной стороны еще две дороги. На обе было выставлено охранение по батальону (к этому времени - не более 100 бойцов в каждом).

С третьим батальоном командир полка продолжал движение до встречи с противником. До деревни полк не дошел. Встреча произошла в лесу, недалеко от глубокого и широкого оврага.

Отбросив за овраг передовую группу красных, батальон занял берег оврага, и здесь разгорелся продолжительный бой.

В дер.Боровушке у командующего Армией шло совещание, на которое отправился только что прибывший из Щегловска начальник Ижевской дивизии ген.Молчанов.

Там обсуждался вопрос об обороне подступов к Боровушке. Один из присутствующих, ген.Ромеров, доказывал, что красные с севера наступать не будут. Ген.Молчанов, знавший, что красные с утра пытались пробиться к Щегловску, но без успеха, и что они спешно бросились на север из занимаемой ими дер.Ягуново, когда появилась 7-я Уральская дивизия, заявил, что следует опасаться именно за северное направление.

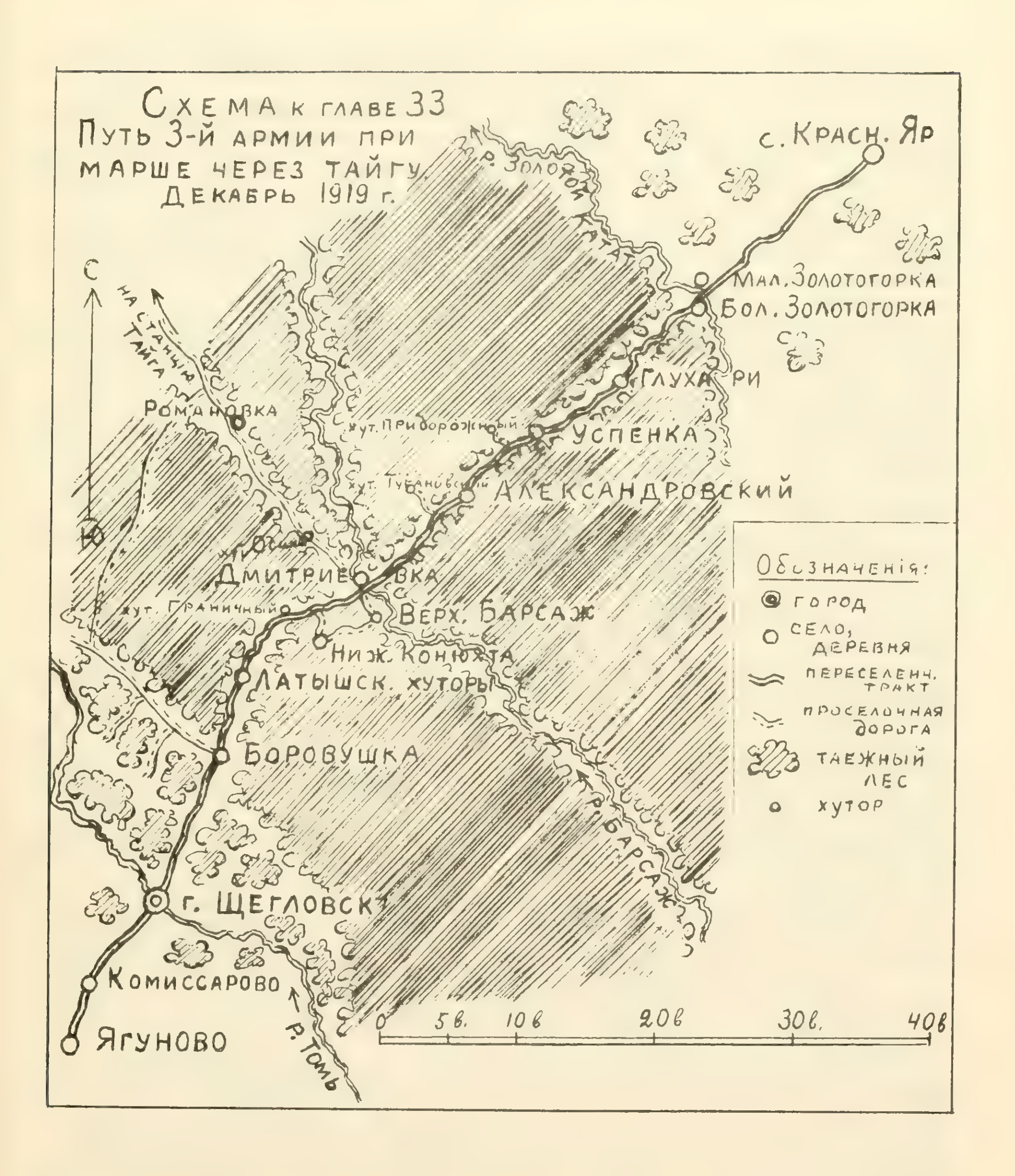
Ген.Ромеров горячо возражал: "Интуиция подсказывает мне, что оттуда они не появятся". Ген.Молчанов отвечал: "Моя интуиция подсказывает, что они ударят оттуда". В это время входит ординарец от командира 1-го полка с донесением, что полк отбивает упорные атаки красных.

Командир полка просил прислать какие-нибудь части, чтобы сменить два батальона, поставленные для обеспечения дорог. Эти батальоны не имели против себя противника и бездействовали и нужны были для поддержки батальона, уже ввязавшегося в бой. Бросить же охрану дорог было невозможно - по ним могли подойти новые силы противника.

Подкрепление выслано не было. Вечером позднее командир получил выписку из приказа по Армии, где было указано, что в 7 часов утра его сменит бригада под командой ген.Сахарова.

Всю ночь шла перестрелка с красными. Были тяжелые потери. Тяжело ранен в грудь навылет командир батальона кап.Блинов.

В 7 часов утра никаких частей для смены не появилось. Посланный к ген.Сахарову офицер привез обещание скорой смены. В 9 часов утра командир 1-го полка узнал, что ген.Сахаров со своими частями уже двинулся на восток.

Схема к главе 33
Путь 3-й армии при марше через тайгу.
Декабрь 1919 г.
с. Красн. Яр
р. Золотой Катат
Мал. Золотогорка
Бол. Золотогорка
Глухари
Успенка
хут. Придорожный
хут. Тубановский
Александровский
на станцию Тайга
Романовка
С
Ю
Дмитриевка
хут. Граничный
Верх. Барсаж
Ниж. Конюхта
Латышск. хуторы
Боровушка
р. Барсаж
г. Щегловск
Комиссарово
Ягуново
р. Томь
0
5в.
10в
20в
30в.
40в
Обозначенія:
город
село, деревня
переселенч. тракт
проселочная дорога
таежный лес
хутор

Не дождавшись смены и не получив никаких приказов, командир полка собрал полк и около 10 час. 24-го декабря двинулся на Боровушку и дальше в тайгу. Красные не преследовали.

Конный полк, достигнув д.Боровушки около полуночи, не мог найти никакого помещения для отдыха. Вскоре получил приказ двигаться дальше. Выступив из деревни, полк влился в общую колонну. Было темно и морозно. Звезды слабо освещали широкую просеку, покрытую глубоким снегом. Посреди просеки дорога, и на ней два ряда саней.

Движение медленное, с частыми, продолжительными остановками. Усталые всадники дремлют в седле. По временам спешиваются, чтобы согреться и дать отдых лошадям. Несколько ночных часов показались необыкновенно длинными.

Начало светать, и двигаться стало легче - видно дорогу и движение впереди. Но картина кругом унылая. Нагруженные людьми и разным имуществом сани медленно, с большими перерывами, ползли дальше по мере того, как продвигались передние.

По бокам просеки дремучий лес, загроможденный валежником, пересеченный оврагами, занесенный снегом - совершенно непроходимый. Навряд ли и отряд лыжников мог бы двигаться через него.

По временам кто-нибудь начинал кричать: "понужай!". Несколько голосов подхватывали. Толку не было.

Кто-то сзади сообразил открыть стрельбу. Люди тревожно насторожились, усилились крики "понужай".

Повозки двинулись вперед. Минимальные дистанции между санями, в полшага и меньше, исчезли. Кое-где лошади полезли передними ногами на впереди идущие сани. Усилились крики и ругань. Понемногу все успокоилось.

Были попытки обгонять, вылезая в сторону. Ослабевшие лошади делали несколько прыжков в глубоком снегу и останавливались. Иногда снег попадался не очень глубокий, или кто-то уже проехал в стороне и оставил след, соблазняя выехать и обогнать остановившихся. Но зато было трудно вновь влиться в основные два ряда. Против этого особенно боролись части и отряды, двигавшиеся сомкнуто и в порядке и боявшиеся быть раздробленными.

Всадникам было легче. Кое-где можно было обгонять обозы, следуя по обочине или за канавой дороги, где конные, прошедшие раньше, протоптали тропинку.

Тяжелой дорогой, иногда обгоняя обозы, следуя "гуськом" по одному, к 8 час.утра 24-го декабря добрались до "Латышских хуторов". Выступив из Боровушки в полночь, за эти 8 часов прошли только 10 в.

Латышский поселок расположился вправо от дороги. Полк свернул туда, чтобы дать людям погреться, лошадям дать отдых и найти для них корм. Напрасные надежды. Раньше прошедшие здесь части, обозы и беженцы уже все подобрали.

Латыши живут в хорошо построенных, просторных домах. Большие окна, внутри чисто и светло. В домах много оставленных больных, главным образом тифозных. Тяжелая судьба выпала им на долю. Если везти дальше - все равно замерзнут при медленном движении и отсутствии впереди больших деревень. Бледные лица с воспаленными, тоскливыми глазами. К тяжелой болезни прибавляется тревога за предстоящую судьбу, может быть, с издевательствами и пытками от победителей-палачей.

Через полчаса полк двинулся дальше.

На тракте - никаких изменений к лучшему. То же продвижение на

несколько шагов и продолжительная остановка. Дорога стала шире, или, вернее, местность позволила протоптать новые пути - сани двигались в 3 или 4 ряда, но, в общем, еще медленнее. Около глубоких оврагов, занесенных снегом, опять приходилось восстанавливать движение в два ряда - мосты не пропускали больше.

За день продвинулись на 7-8 верст и перед наступающими сумерками достигли хутора Граничного (один брошенный дом). Недалеко, верстах в 5 или 6 - деревня Дмитриевская.

Здесь главная пробка. Как потом выяснилось, к этой деревне подходит дорога с севера, и еще один поток людей и обозов, из 2-й армии и тыловых учреждений, вливается на назначенный для 3-й Армии путь движения через тайгу.

Около хутора Граничного послышались сзади выстрелы. Наверное, желание "понужать" передних. Сначала никто не обратил внимания. К этому способу торопить медленно ползущие обозы уже привыкли, как пришлось помириться и с тем, что помочь этому ничем нельзя.

Неожиданно впереди, шагах в 30, из рядов повозок сорвался начальник 7-й Уральской дивизии полковник Бондарев. Он уже раньше со своими санями, где сидела его жена, и с группой конного конвоя, покинув дивизию, пробивался вперед, расталкивая других. Бросившись в сторону, Бондарев с санями и ординарцами пробовал выскочить вперед. Его конвой на хороших, крепких лошадях пробивал дорогу в снегу. Но вот сани застряли среди деревьев. Бондарев выпряг лошадей и посадил жену верхом. Нервная команда: "Леля, за мной!" - и панический полковник бросился дальше.

Многие из ближайшего обоза последовали его примеру, бросая сани и удирая верхом. Ижевцы кое-чем поживились. Нашли в брошенных санях патроны, продукты, сено и овес, теплые вещи...

Потом узнали, что неподалеку был ген.Молчанов, который хотел прекратить панику и стрелял в Бондарева из револьвера. К сожалению, не попал. Тот только поспешил удрать подальше.

Начало темнеть, и казалось, что придется опять провести ночь среди медленно двигавшейся обозной змеи. Но неожиданно повезло. От проводника ген.Молчанов узнал, что в стороне от дороги к югу, верстах в 3-х, 4-х, есть небольшая деревушка Нижние Конюхты, имеющая около 20-ти дворов. От нее можно потом выйти через дер.Верхний Барсаж прямо в дер.Дмитриевскую.

Дорога на Нижн.Конюхты очень плохая, с крутым подъемом в гору, и, так как этот путь дает большой крюк, никто им не пользуется.

При создавшемся на главной дороге заторе путь на Н.Конюхты сулил не только ночной отдых, но и беспрепятственное движение к д.Дмитриевской.

Ген. Молчанов согласился с начальником 2-й Оренбургской казачьей бригады, нашими давнишними боевыми друзьями, оказавшимися рядом, идти на Н.Конюхты.

На загроможденной таежной дороге было невозможно поддерживать связь. Но каким-то путем ген.Молчанов узнал, что Конный полк дивизии находится недалеко, и приказал свернуть на Н.Конюхты. Пробравшийся к полку ординарец должен был указать дорогу.

Всадники начали пробираться среди саней на правую сторону тракта, прошли около 100 шагов по снегу и свернули на мало заметную лесную дорогу.

Настала ночь. Люди не могли ничего видеть - ни дороги, ни склонившихся над ней деревьев. Даже звезды лишь изредка мелькали через

завесу невидимых веток. Только лошади как-то нащупывали дорогу.

Подъем на гору по дороге к дер. Нижн.Конюхта оказался очень трудным - лошади скользили и падали. Пришлось идти осторожно и медленно. Одолев этот подъем, двигались дальше легко и, пройдя 3 или 4 версты, добрались до деревни.

Редко в походе крестьянская изба казалась такой уютной и отдых столь желательным.

Хотя заполнили избы до предела, но поместились почти все под крышей, и даже не казалось тесно. Достали кое-что поесть и покормить лошадей - правда, очень немного.

Странно, что общая волна движения, загромоздившая тракт, все пожравшая на своем пути, оставила в покое этот пункт, недалеко отстоявший в стороне. Если кто и знал об этом, не сворачивал, боясь потерять место в колонне.

На рассвете 25-го декабря части Ижевцев и 2-й Оренбургской казачьей бригады, отдохнувшие и обогревшиеся в течение нескольких ночных часов, выступили к дер.Дмитриевке через другую таежную деревушку Верхний Барсаж.

1-й и 4-й эскадроны оставались до 12 часов в Н.Конюхте, а затем перешли в Верхн.Барсаж, выставив охранение в сторону Н.Конюхты. Полк в полдень получил приказ перейти в дер.Дмитриевскую.

Здесь в полном разгаре шел упорный бой.

Перед полуднем противник появился с севера от хутора Одина (к северо-западу от д.Дмитриевки). Возможно, что это был отряд красных, который вечером 23-го декабря наступал на дер.Боровушку с севера и встретил упорное сопротивление 1-го Ижевского полка. Не будучи в состоянии продвинуться к Боровушке, этот отряд пошел в более глубокий обход, с выходом в наш тыл у дер.Дмитриевки.

По этому пути в предыдущие дни шли некоторые части 2-й Армии, в том числе 8-я Камская дивизия (марш этой дивизии через тайгу в описании ген.Пучкова можно найти в №№ 45-46 "Вестника Первопоходника", а всего похода - в №№ 44-52).

Движение красных с севера на дер.Дмитриевку, при успехе, могло отрезать всю часть растянувшейся колонны войск и обозов, которые еще не достигли этой деревни. Но первая атака противника была отбита. После полудня нажим с этой стороны начал усиливаться. Красных отбивали Воткинцы и Егерский батальон 7-й Уральской дивизии.

Вскоре началось наступление и со стороны хутора Граничного. Здесь сдерживали упорно наседавшего врага полки 7-й Уральской дивизии.

В деревне утром было еще большое скопление людей и обозов. Около какого-то здания, кажется, школы, лежали разобранные и испорченные орудия. Взрывать их боялись или не имели для этого средств, и портили колеса и ломкие части топорами и ломами. Было брошено и много пулеметов и другого ценного боевого и хозяйственного имущества.

В деревне появились какие-то неизвестные, пытавшиеся вызвать возмущение среди усталых солдат перемешавшихся и деморализованных частей. Четырех из этих лиц захватили и отвели в штаб стрелки одного из Уральских полков.

У выхода из деревни в беспорядке скопились обозы, стояла ругань и шла перебранка - кому идти вперед.

Прибывший утром в дер.Дмитриевку ген.Молчанов со своими офицерами и ординарцами начал наводить порядок в деревне и при выходе на

дорогу. Была установлена очередь для движения, приказано бросить сани и уходить верхом или пешком тем, лошади которых измучены.

Недалеко за Дмитриевкой движение затормозилось из-за большого скопления обозов. Эти обозы не могли пройти далеко и были обречены на захват красными. Закупорив дорогу, они обрекали на гибель и тех, кто двигался за ними, в том числе строевые части, ведшие арьергардные бои.

Накануне Волжской конной бригаде было приказано скинуть такие обозы в сторону и освободить дорогу, для чего обрубить постромки и заставить обозников и беженцев следовать дальше верхом или пешим порядком. Это не всегда помогало. После прохода бригады владельцы саней возвращались обратно, исправляли постромки и вновь загромождали дорогу.

Ген.Молчанов послал два эскадрона с энергичным офицером поручиком Багиянцем сжечь эти застрявшие обозы, не считаясь ни с какими протестами. Заставить выпрягать лошадей, садиться верхом и уходить. Сани собирать в кучу и сжигать, чтобы собственники не возвращались и не впрягали лошадей вновь. Только для больных и детей разрешалось делать исключение.

Чтобы проверить, насколько Багиянц понял свою задачу, ген.Молчанов спросил его:

"А если встретишь Командующего Армией, едущего в санях, что будешь делать?"

"Сожгу сани и предложу ехать дальше верхом. Скажу, что диктатор тайги, ген,Молчанов, приказал так поступить," - ответил Багиянц твердо.

Ген.Молчанов убедился, что приказ понят и будет выполнен.

Захватив банки с керосином, найденным в обозах же, Багиянц с двумя эскадронами сжег от двух до трех тысяч саней и уничтожил за дер.Дмитриевкой образовавшуюся пробку из неподвижных обозов.

К вечеру деревня была очищена. Много разных отбившихся частей удалось протолкнуть или уничтожить.

Больше 6-ти часов Уральцы и Воткинцы отбивали атаки красных. Эти части почти полностью погибли. К вечеру красные продвинулись к самой деревне. Ижевцы - 2-й полк и два эскадрона Конного полка - ввязались в бой и задержали красных у выхода из деревни. Вскоре получили приказ отходить. Прикрывал отход 2-й Ижевский полк. В коротком столкновении в двух эскадронах был убит один офицер и потеряно около десяти всадников.

Проходили мимо догоравших костров из саней обозов и беженцев. Можно было видеть, как пламя уничтожало сундуки с одеждой, одеяла, подушки и прочее добро; шипело сибирское масло, которое везли целыми боченками; по временам взрывались патроны и ручные гранаты, пугая наших лошадей...

На перекрестке к хут.Тугановскому, который лежал к северу от дороги, был выслан разъезд для выяснения, не занят ли хутор противником. Красных там не оказалось.

Ночью пришли в поселок Александровский, где встретили утро 26 декабря.

2-й полк, без нажима красных, видимо отдыхавших после тяжелого боя у Дмитриевки, отошел к поселку Александровскому. В охранении была оставлена рота с пулеметом. На помощь роте охранения был утром послан 1-й эскадрон, который выслал вперед разведку.

Пробыли в поселке до полудня. Здесь же был и командир Егерского батальона 7-й Уральской дивизии полк.Андерс, один из немногих офицеров, вышедших из боя. Потрясенный гибелью дивизии, он с рыданиями бессвязно повторял рассказ о гибели Уральских полков, кого-то обвиняя в этой трагедии, и грозил разоблачить каких-то виновников этой катастрофы.

Александровский - небольшой поселок, весь объеден. Для себя не нашли ничего. Лошадям могли дать только многолетнюю высохшую солому с крыш сараев, которую они жевали очень неохотно.

Противник не показывался. В полдень выступили дальше на пос.Успенский. В арьергарде остались два эскадрона.

На перекрестке с дорогой, направлявшейся к хутору Придорожному, образовался новый затор. Опять пришлось большое количество саней сжечь и уничтожить это неожиданно появившееся препятствие. Сделано это было как раз во-время. Красные возобновили свое преследование. 2-й полк, сменивший конный арьергард, дал противнику отпор и понес потери, но заставил красных остановиться, не доходя до перекрестка путей на хутор Придорожный. В полку кончаются патроны. Капитан Володкевич направился к застрявшим обозам найти патроны и пропал.

Поздно вечером 2-й полк и два эскадрона Конного полка, находившиеся в арьергарде, подошли к поселку Успенскому - всего три или четыре бедных избы, расположенных на дне глубокого оврага.

Дым застилал овраг, и через дым светили огни многих сотен костров. Невозможно было сказать, кто здесь находится, но большая площадь, на которой виднелись костры, указывала, что здесь скопилось несколько тысяч людей.

По крутой дороге спустились вниз, казалось, - в "преисподнюю".

Начали разыскивать начальника дивизии. Он был занят разгрузкой дамбы, по которой шла дорога дальше - торопил тех, кто был в состоянии двигаться вперед, и заставлял съезжать в сторону ехавших на измученных лошадях.

Нашли генерала Молчанова в одной из изб, когда он, после разгрузки дамбы, зашел для ознакомления с дальнейшей дорогой.

Маленькая керосиновая лампа слабо освещала довольно просторную комнату. На полу, вдоль стен, лежало много больных тифом. Некоторые уже были мертвыми, их вынесли и сложили снаружи. На их места положили других тифозных, недавно привезенных. Посреди избы обогреваются толпы людей.

С трудом можно было протесниться в угол, к столу, где начальник дивизии сидел за картой и расспрашивал местного жителя о дороге.

Вскоре к столу стал пробираться ординарец штаба и тащил какого-то штатского в потертой, но теплой шубе. Этот молодчик вел агитацию за прекращение дальнейшего похода и за сдачу красным. Один из многочисленных агитаторов, проникших в ряды отступавших под видом беженцев. Они имели успех среди солдат, отбившихся от своих частей, угнетенных тяжелыми условиями похода и потерявших веру в благополучный исход. Для таких агитация советских агентов давала какую-то надежду на спасение.

Агитатор оказался тупым и мало речистым. Он прямо не отрицал свою вину, а упорно повторял: "Я не против вас, я за народ, я за справедливость"... На свою беду он нарвался на тех, кто хорошо узнали "справедливость" и "заботу о народе" поставивших его. После допроса не оставалось сомнения, что он - большевистский агент. Приговор был

короткий - расстрелять. Ординарцы вывели его за избу и, чтобы не делать тревоги, выстрелом из маленького "бульдога" закончили его службу нашему врагу.

2-й полк должен был сменить конных Ижевцев, но в темноте и сутолоке найти его не удалось. Ген.Молчанов приказал командиру Конного полка принять обязанности начальника арьергарда, разыскать 2-й полк и прикрыть поселок Успенский.

Появился пропавший кап.Володкевич. Он, взяв из 5-го Воткинского эскадрона один взвод, отправился в хутор Придорожный набрать патронов для 2-го полка. В этом полку патроны были на исходе. Его предприятие оказалось удачным. Он вернулся из хутора с Воткинцами, и все они были обвешены башлыками и вещевыми мешками, наполненными пачками патронов. Володкевичу удалось наткнуться на обоз какого-то полка, где среди хозяйственного имущества были запасы нужных ему патронов, а для перевозки их ему дали башлыки и мешки. Обоз этот, на совершенно обессиленных лошадях, дальше двигаться не был в состоянии. Начальник обоза с большей частью своих подчиненных ушел вперед с небольшим количеством повозок.

Кап.Володкевич сообщил выступившей вперед заставе Конного полка, что по его следам двигается отряд красных - слышен скрип саней.

Вместо противника было встречено несколько саней наших отставших, вышедших из хутора Придорожного вслед за Володкевичем.

Застава заняла место в лесу, верстах в полутора - двух от поселка Успенского. Впереди выехал на разведку офицер с одним всадником.

Об этой разведке офицер вспоминает:

"Просека слабо освещалась звездами, но на матовой снежной полосе можно было заметить всадников на полтораста-двести шагов. Кругом полнейшая тишина. Появление противника мы могли услышать задолго до того, как его увидеть. По сторонам дороги - брошенные сани, иногда одиночные, в других местах группами. Послышался скрип полозьев. Опять тихо, и снова скрип. Поехали навстречу. Заметили одиночные сани. Ехал больной фельдшер. Измученная лошадь едва плелась и, сделав несколько шагов, останавливалась на отдых. Сказал фельдшеру, что деревня близко и чтобы он поторопился.

Двинулись дальше. Брошенный возок, и оттуда, заслышав нас, слабый голос: "Ваня! Ваня! Скоро ли дальше?" Среди окружающей мертвой тишины показалось, что голос идет из-под могильной плиты - голос заживо погребенного, брошенного больного, которого какой-то Ваня оставил здесь на дороге замерзать, а сам отпряг лошадей и удрал. Мы ничем не могли помочь несчастному и не откликнулись на его зов.

Проехали еще вперед. Еще одни сани, запряженные парой лошадей. На них священник с двумя маленькими дочками, и опять еле бредущие лошади. Священник понукал лошадей вожжами. В меховой шапке, с маленькой заиндевевшей бородкой, с измученным лицом. Глаза священника выражали необыкновенное страдание и покорность судьбе...

Если иконописцу нужно бы было найти лицо, с которого писать Лик Спасителя на Кресте, нельзя было бы найти более подходящее.

Маленькие спутницы священника, попавшие в одну из самых зловещих трагедий братоубийственной войны, испуганно смотрели на нас. Но, наверное, они не понимали, какая участь может постигнуть их отца - служителя Христа, военного священника.

Проехали дальше. Красные не появлялись. Но нельзя было зарываться далеко. Прошло полчаса со времени встречи со священником, и никто

больше не показывался на опустевшей дороге.

Возвращаясь назад, остановились в двух местах, где было брошено много саней, и, вытащив их на дорогу и запутав постромками и вожжами, устроили завалы. Препятствие не очень значительное, но когда красные начнут разрубать веревки, разбрасывать сани и ругаться, застава будет предупреждена об их приближении.

На обратном пути к заставе священника и фельдшера не встретили - они успели добраться до деревушки. Возок, из которого слышался призыв к "Ване", был безмолвен..."

К полуночи вышло из поселка Успенского все, что могло дальше двигаться. Как и в Дмитриевке, здесь было брошено много саней и разного имущества. Нашими артиллеристами, прошедшими днем или двумя раньше, была оставлена здесь часть наших пушек. Не было возможности с обессиленным конским составом вытащить всю артиллерию. С большими усилиями вытянули из оврага четыре пушки, сняв с остальных замки и панорамы.

Около полуночи ген.Молчанов со штабом отправился в дер.Глухари, в 9-10-ти верстах от Успенского.

Через час или два после полуночи красные подошли к поселку. Застава наша их обстреляла и отошла к своему эскадрону. Арьергард - два эскадрона, около 120 всадников - перешел через дамбу и остановился на берегу оврага. По слуху определили подход красных к спуску в овраг. Встретили их тремя залпами. Не столько для того, чтобы нанести потери, сколько для того, чтобы дать понять противнику, что двигаться без сопротивления ему не удастся. Вместе с тем эти залпы, пронесшиеся над головами сидевших у костров, предупреждали о подходе неприятеля. Кто еще имел возможность выбраться - мог это сделать.

Ночь была очень морозная. Стоять на месте и поджидать противника было невозможно. По-очередно сменяясь, эскадроны останавливались на короткое время, спешивались, высылали дозоры и медленно двигались дальше. Красные, видимо, были заняты обезоруживанием оставшихся в пос.Успенском и несколько часов нас не тревожили.

Приближалось утро 27-го декабря. Наступали пятые сутки, когда, кроме короткого ночного отдыха в дер.Конюхте, два арьергардных эскадрона были беспрерывно в седле или на ногах, двигались или стояли в колонне обозов, несли сторожевку или отстреливались от противника. Отсутствие сна и пищи давали себя знать. Усталость была необыкновенная. Тем не менее, никто не жаловался на этот изнурительный поход и, падая иногда в снег от усталости на остановках, находил откуда-то силы вскакивать на ноги и быстро выполнять полученный приказ или команду.

В продолжении пяти часов арьергард медленно двигался к дер.Глухари, до которой оставалось еще версты две. Близился рассвет. Выстрелы дозорных предупредили о появлении врага. Немедленно об этом донесено начальнику дивизии.

Дер.Глухари, как и пройденный хутор Успенский, лежала в долине горной речки, но спуски к ней были более пологие. Всем находившимся там частям был отдан приказ выступить дальше.

Арьергардные эскадроны, попрежнему действуя по очереди, занимали позиции, задерживая красных, и отходили, когда противник рассыпал свои цепи и открывал ружейный и пулеметный огонь. В упорный бой не ввязывались из-за отсутствия пулеметов и за недостатком патронов. Более частые остановки на удобных позициях, обыкновенно у поворотов

дороги или на перегибе местности, заставляли преследовавшую нас красную конницу спешиваться, разворачиваться, открывать огонь, потом вновь собираться и проделывать вскоре все сначала. Огонь по красным открывали неожиданно, и это заставляло их двигаться осторожнее и медленнее. Высылкой дозоров они старались вызвать нас на преждевременное открытие огня.

Около 7-ми часов утра деревня была почти свободна от частей и обозов, когда оба эскадрона подошли к ней и перешли на восточный край оврага. Здесь была занята позиция с хорошим обстрелом к противоположному берегу оврага и спуску в деревню, по которому должны были подойти красные.

Послышались их первые выстрелы. Некоторое количество обозников, еще остававшихся в деревне, бросились в беспорядке удирать, на подъеме дороги сгрудились и перемешались. Кое-как распутались и стали подыматься вверх. Некоторые передумали и спустились обратно в деревню. На той стороне оврага появилось около эскадрона красной конницы и за ней пехота.

Оживленная перестрелка продолжалась минут двадцать. Одиночные сани еще покидали деревню, последние из них выскакивали под пулеметным огнем противника.

Послышались выстрелы с правого фланга - красные пробовали обойти нас. Около 8-ми часов мы начали отход.

Дорога шла по пересеченной местности, и это давало возможность часто останавливаться на удобных позициях и задерживать наших преследователей.

На пути от дер.Глухари до дер.Большая Золотогорка останавливались около 15-ти раз и заставляли противника спешиваться и рассыпаться в цепь. В нескольких местах загородили дорогу брошенными санями. Иногда прекращали огонь, но оставались укрыто на позиции. Красные собирались на дорогу, чтобы двигаться дальше, и вновь попадали под огонь.

Было заметно, что они имели потери. Нам везло: - не давая красным пристреляться и вести действительную стрельбу, мы своевременно отходили и не имели потерь на всем участке пути от Глухарей до Золотогорки.

На улицах Большой Золотогорки было много обозов и людей, видимо, не собиравшихся следовать дальше. Всадники, заранее посланные предупредить о скором появлении красных, были встречены недружелюбно. "Отправляйтесь сами, а с нас довольно!" - "Куда там ехать, на край света, что ли?" - и другие ответы в том же роде слышались на предложение покидать деревню.

За дер.Золотогоркой протекала по широкой долине река Золотой Катат, разветвлявшаяся на много рукавов. Через реку шла дамба с мостами. На восточном берегу стоял выселок Малая Золотогорка. Местность сразу переменилась. Тайга кончилась, и кругом были открытые поля и редкие небольшие перелески.

В выселке - довольно значительной деревне - также еще находились некоторые наши части и Начальник Ижевской дивизии со штабом.

К 12 час.30 мин. арьергардный эскадрон вел с красными перестрелку, находясь на восточном конце дамбы. Патроны кончались, и с нашей стороны раздавались отдельные редкие выстрелы. Был получен приказ задержать противника два часа. Срочно второй эскадрон был послан в деревню найти патроны в находившихся там обозах. Нашли несколько десятков пачек. Немного, и пришлось экономить. Деревня была вскоре

очищена от наших частей. Под угрозой обхода, пришлось отойти раньше времени и арьергарду. Противник проводил нас сильным обстрелом из нескольких пулеметов, но, заняв деревню, остановился на привал, дав арьергарду возможность выиграть второй час.

Отойдя на версту, арьергард остановился у небольшого пригорка и выставил охранение. Всадники спешились. Поджидаем противника.

Недалеко от дороги стоял маленький амбарчик с висячим замком. Чутьем голодных людей догадались, что тут можно чем-то поживиться. Четыре дня почти ничего не ели. Скудные запасы сухарей на черный день скормили своим походным друзьям - лошадям.

Сбили замок и нашли сырое замороженное мясо, подвешенное большими кусками. Наструганное ножем тонкими ломтиками, мясо показалось очень вкусным и приятно освежило пустые желудки. Даже некоторые лошади не отказывались от этой, столь несвойственной для них, пищи.

Тайга осталась позади. Дорога больше не шла посреди просеки, проделанной в мрачном, непроходимом лесу. Несмотря на необычайную усталость, голод и отсутствие патронов, - стало веселее.

После большого привала красные возобновили преследование. Задерживая их, мы стали отходить к селу Красный Яр. Там собрались почти все части дивизии. К вечеру 27-го декабря дошли до села. На помощь измученным эскадронам вышли остальные эскадроны Конного полка и 1-й Ижевский полк. Ночью подошли красные и повели наступление на село. Их атака была отбита. В 1-м полку убит командир батальона капитан Помосов.

А.Ефимов
(Продолжение следует)

- - oOo - -

ПРАВЛЕНИЕ

просит всех членов нашего Отдела, которые еще не погасили своей задолженности за подписку на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" а также задержались с членскими взносами, по возможности ликвидировать свой долг, так как журнал живет и издается исключительно на подписную плату, а помощь особо нуждающимся соратникам черпается из суммы членских взносов.

ФОНД ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" и Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников получают много писем со всех концов мира от Первопоходников и читателей журнала, обеспокоенных будущностью журнала, единственного в своем роде.

Высказываются пожелания, просьбы и требования продолжения издания журнала в том же духе и направлении: опубликование редких документов, беспристрастные воспоминания борцов за свободу России от гнета коммунизма и т.д.

Обзор 6-летнего издания журнала, ценность помещенных в нем материалов, отношение читателей - дают нам уверенность, что труд наш не напрасен и что только этим путем мы сможем оставить памятник на безвестных могилах наших братьев, погибших за честь и свободу России на ее необъятных просторах.

Так как самой слабой стороной нашего издания является финансовая сторона, мы создали

"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Каждому Первопоходнику и читателю предлагается записаться в число попечителей, обязавшись делать ежемесячный взнос для журнала. Таким образом материальная сторона издания журнала будет обеспечена.

Поступило в "Фонд Попечителей" и в "Фонд издания журнала"
за август, сентябрь и октябрь 1967 г.

Полк. С.Н.Ряснянский. . .	10.00	И.Свищев	2.00
Главное Правление	30.00	Г.Сташевский	1.00
Н.Белоусов	10.00	П.Субботин	5.75
А.Беляев , ...	5.00	С.Сыроватка	20.00
Н.Грегор	5.00	В.Татаренко	2.00
А.Долгополов	15.00	А.Трембовельский . . .	1.00
И.Какурин	10.00	М.Шилле	10.00
П.Кучеря	5.00	В.Шилле	30.00
Н.Машкин	2.00	Подписч. из Австралии .	4.40
С.Мурзанев	1.00	С.Яковлева,в пам.В.П.Мяч	5.00
Мустафин	5.00	В память Хана Хаджиева, от семьи	15.00
А.Переход	5.00	Mr. & Mrs Williams (Ф.Хаджиева,дочь Хана)для спец.номера, посвященного ген. Корнилову	25.00
С.Проценко	5.00		
Д.Свидерский	5.00		
		Всего	234.15

Для помощи нашему больному соратнику С.К.Карпову:

С.Мурзанев . . . . 5.00 долл.
П.Субботин . . . . 2.00 "

Прием пожертвований продолжается.

Редакция журнала сердечно благодарит всех соратников и единомышленников за моральную и материальную поддержку.

- - оОо - -

ДОБРОЕ НАЧИНАНИЕ

В воскресенье 20-го августа в Лос-Анжелесе, в доме Российского Центра, по инициативе председателя Калифорнийского отдела Союза Первопоходников, состоялся дружеский обед всех местных воинских организаций, устроенный Первопоходниками для установления более тесного контакта и сплоченности всех белых воинов, связанных единой идеей вокруг своего центра - Общевоинского Союза.

Были приглашены председатели всех существующих здесь организаций и, по возможности, члены их правлений.

На приглашение откликнулись решительно все, и в помещении клуба собралось более 30 приглашенных гостей.

Как всегда, перед обедом хозяин его, поручик Белоусов, обратился к гостям с теплым приветственным словом, в котором указал, что Первопоходники среди других воинских организаций пользуются большим вниманием и уважением, в чем ему пришлось убедиться, присутствуя на вечерах, обедах и балах, устраиваемых этими организациями...

- "Вы наши старшие братья", такие слова мне приходилось слышать неоднократно, - сказал он, - и это дало основание создать сегодняшнее дружеское общение, которое должно в дальнейшем послужить к более планомерной и дружной работе всех тех, кто до сих пор шли своими различными путями для достижения единой цели, предначертанной вождями и ходом истории в борьбе за свободу, счастье и величие нашей дорогой родины России.

"50 лет тому назад началось белое движение и создалась маленькая Добровольческая Армия, начавшая борьбу за освобождение Родины от мирового зла. Можно по разному рассматривать и эту борьбу, и эту армию, но несомнено, что если бы этого не случилось, если бы не было легендарного Ледяного Похода, если бы не было нас, то не было бы и русской эмиграции, не было бы и вас - белых доблестных воинов, вписавших на страницы нашей истории славную повесть о никогда не меркнущих подвигах русского офицера, казака и добровольца, что дает нам право в дни безвременья и лихолетья ходить с гордо поднятой головой, ибо в будущем история, отбросив мусор пропаганды и лжи, скажет о нас всех свое правдивое слово.

"Это очень важно сознавать именно сейчас, когда наши враги торжествуют 50-летие своей победы, а над миром нависают грозные тучи надвигающихся исторических катаклизмов. Если это кому-нибудь неясно, то нам и всем здесь присутствующим господам офицерам, совместно сражавшимся за нашу дорогую Родину, это вполне ясно. Ведь у нас одно прошлое и вытекающее из него общее понимание.

"Позвольте же мне, господа, поднять тост за установление более тесного контакта и сердечной дружбы между всеми воинскими организациями и их отдельными членами.

"Да здравствует одна русская Лос-Анжелесская дружная обще-воинская семья!"

Присутствующие громкими аплодисментами приветствовали слова председателя Отдела Первопоходников.

С ответом на слова председателя Отдела Первопоходников выступил председатель О-ва Помощи Русским Военным Инвалидам, старейший генерал Российской Армии, маститый Иван Сергеевич Свицов, который в своем прекрасном, содержательном и прочувствованном слове подтвердил, что, не будь первопоходников, не было бы и вообще белого движения,

а, значит, - ни Российской эмиграции, ни всех нас, здесь присутствующих, и в очень трогательной форме выразил удовлетворение, что никто другой, а Первопоходники призвали всех к объединению в настоящий тяжелый исторический момент.

После него выступил полк.Есипов, затем председатель О-ва Галлиполийцев капитан Мустафин и, наконец, представитель Общевоинского Союза полковник Неклютин и полковник Высоцкий, а также и другие представители организаций. Общий смысл ответов был вполне определенным, а именно - полное согласие с предложением председателя Отдела Союза Первопоходников поручика Белоусова.

К сожалению, недостаток места не дает нам возможности поместить более подробного отчета.

Обед, несмотря на жару, прошел весьма оживленно, и гости с большим аппетитом ели кушанья, вкусно и сытно приготовленные нашими дамами патронессами - Марией Петровной Букетовой, г-жей Вдовкиной, Любицей Алферовой и Галиной Федоровной Татаренко.

Обед продолжался несколько часов и прошел оживленно за беседой и обсуждением многих назревших вопросов.

М.Коваленский.

- - оОо - -

У КОРНИЛОВЦЕВ

Небольшая, но дружная группа чинов Корниловских частей собралась 3-го сентября с.г. в доме О-ва Русских Ветеранов, чтобы, как всегда, отметить День Шефа Полка и 50-летие основания 1-го Ударного Отряда. Молебен с Поминовением усопших был отслужен о.Димитрием Гизетти в сослужении протодиакона о.Иоанна и хора из присутствующих.

Во время молебна было пропето многолетие Старшему Объединения Корниловских Частей полковнику М.Левитову, всем чинам, в рассеянии сущим, и всем присутствующим.

Во время Поминовения усопших были помянуты: Убиенный Государь Император с Августейшей Семьей, Болярин Лавр, Воин Митрофан и все Корниловцы, в боях живот свой положившие и мирно скончавшиеся.

По окончании службы о.Димитрий поздравил Корниловцев с праздником, после чего гости и чины Группы были приглашены к столу, приготовленному стараниями Инициативной группы.

Столовая была декорирована флагами частей Цветной Дивизии, в центре которых был помещен красочный портрет генерала Л.Г.КОРНИЛОВА.

После молитвы, пропетой всеми, Старший Группы полковник Бялковский пригласил всех садиться и, поблагодарив гостей за участие в нашем празднике, передал слово капитану Свидерскому, который в краткой форме познакомил присутствующих с зарождением 10-го июня 1917 г. 1-го Ударного Отряда, который и явился ядром Корниловского Ударного полка.

Корниловцы за 41 месяц Гражданской войны с успехом вынесли 570 боев, потеряв при этом: убитыми 13.674 чел., ранеными - 34.328 чел.

Во время трапезы выступали гости - представители воинских организаций, в своих словах отмечавшие идейность и жертвенность как Корниловцев, так и всех других чинов Белых армий.

Особенно хотелось бы отметить слово генерала Свищева, рассказавшего о случае, ему известном, когда топограф, бывший его ученик, в ходе Гражданской войны попавший в Корниловские части, уже в послевоенной обстановке неоднократно отказывался от предлагаемых ему лучших условий жизни и содержания в качестве топографа в Югославии, говоря, что он Корниловец и никогда не покинет ставшие ему родными части.

Среди гостей присутствовали: ген. Н.С.Свищев - Инвалидный Комитет; полк. Д.М.Пеклютин - РОВС и О-во Ветеранов; подполк. Г.Н.Залеткин - Марковцы; есаул В.М.Черняев - Горско-Казачья станица, Кубанские и Терские казаки и отдел Русского Корпуса, капитан Н.М.Витте - Дроздовцы; капитан К.Мустафин - Алексеевцы и Галлиполийцы; ротмистр Н.Н.Пашкин - Кадеты; ст.лейтенант Жукорнов - моряки, капитан Н.И.Белоусов - Первопоходники, капитан А.П.Мяч - "Вестник Первопоходника"; и подполковник Б.П.Есипов.

По окончании официальной части были показаны очень интересные снимки и документы, относящиеся к последним дням служения России генерала Корнилова и его смерти. Можно быть уверенным, что подавляющее большинство этих ценных документов - единственные экземпляры, и их надо сохранить для будущей России, где они найдут достойное себе место в Музее Белой борьбы.

На празднике присутствовали Корниловцы из Лос-Анжелеса и Санта-Барбары: Бялковский М.Н., Корнилов Г.Л., Лисицын К.А., Чернов С., Ляшков Н., Свидерский Д.Д., Пухальский Э.В., Дудников В., Терских И., Бердник М.Ю., Зайцев В.М. и Вядро Г.А.

Корниловцы.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

- В день 49-й годовщины кончины генерала М.В.Алексеева - 8-го октября (нов.ст.) 1967 года - в храме Покрова Пресвятыя Богородицы (2041 Аргайл авеню, Лос Анжелес, Калифорния) была отслужена панихида.

- о -

- 2-го октября 1967 года в Мартинсбурге (Германия) скончался Первопоходник генерал-майор Евгений Григорьевич БУЛЮБАШ.

Мир праху твоему, дорогой соратник!

- о -

- ПАМЯТИ СОРАТНИКА. В ночь с 4-го на 5-е августа с/г, в госпитале Solbad Hall в гор.Иннсбруке (Тироль, Австрия) скончался от астмы член правления Отделения В.В.Д. подхорунжий Василий Иванович КУЗНЕЦОВ, георгиевский кавалер Гражданской войны, участник трех войн. В последнюю служил в 1-м полку Русского Корпуса. Был ранен под Бричкой, в Хорватии. Покойный пользовался любовью своих сослуживцев и членов Правления Станицы и Отдела. В течение шести лет был Атаманом Обще-Казачьей Тирольской станицы. Похоронен В.И.Кузнецов на кладбище "Pradl" в гор.Иннсбруке - месте упокоения русских людей, проживающих в Иннсбруке и его окрестностях.

По возвращении из Кубанского похода покойный служил в 1-м Пластунском полку, командиром которого был полк. Е.Г.Булюбаш *).

Светлую память оставил по себе покойный. Зарубежное казачество (Донское) потеряло верного донцу и [illegible] воина, любившего Родину Россию и свой Тихий Дон. Вечная ему память!

М.Голубов.

- о -

22-го октября с.г., в полугодовщину смерти генерал-майора

Михаила Алексеевича

С К В О Р Ц О В А

первого и почетного председателя Калифорнийского Отдела Союза Участников 1-го Кубанского похода, на Холливудском кладбище в Лос-Анжелесе была отслужена п а н и х и д а.

Присутствовало много представителей военных организаций и друзей покойного.

Мир праху твоему, дорогой соратник!

- - оОо - -

---

*) Полковник Е.Г.Булюбаш - герой Великой войны, бывший пом. Начальника Павловского Военного училища, произведенный вскоре потом за боевые заслуги в генерал-майоры. Полк под его командованием делал чудеса и был одним из образцовых полков в период 1918 года.

Ген-майор Е.Г.Булюбаш был участником 1-го Кубанского похода.

- - оОо - -

✝

ГАЛИНА ГАВРИЛОВНА Д О Л Г О П О Л О В А

тихо и мирно скончалась во сне, с улыбкой на лице, 25-го августа в 5 часов утра в своем доме в Южной Лагуне.

Последние семь лет ее жизни были тяжелыми, мучительными годами, когда изнурительная болезнь - артрит - лишила ее рук и ног.

Ни одного слова упрека на несправедливую судьбу не раздалось из ее уст. Глубоко религиозный человек, в ежедневной молитве она просила Господа пожалеть ее и взять к Себе. Молитвы ее были услышаны, и страдания ее кончились!

Галина Гавриловна родилась в Вятке в 1898 году. Выросла и окончила гимназию в Благовещенске. Начавшаяся революция и гражданская война помешали ей закончить высшее образование в Томском Университете.

Дочь запасного офицера, добровольно ушедшего на войну, она помогала больным и раненым воинам.

Отец и брат ее служили в Армии ген.Колчака. Отец погиб в Иркутске в 1920 году - был расстрелян большевиками. Брат Александр умер несколько лет тому назад в Америке, на Восточном побережье.

Тяжелая работа в Харбине в сыром и мокром подвале подорвала ее здоровье еще в молодости.

В 1923 году она приехала в Америку, а в 1926-м году, в Лос-Анжелесе, вышла замуж за А.Ф.Долгополова.

Добрая и гостеприимная, она всю свою жизнь старалась помочь русским людям, попавшим в беду.

Принимала участие во всех благотворительных, инвалидных и церковных предприятиях. После войны, в период 1946-50 г.г., в обществе доктора Б.А.Дубинского и его супруги, при содействии О-ва Ветеранов, приняла горячее участие в судьбе русских, оказавшихся в лагерях Австрии и Германии. Более 1000 вещевых и пищевых посылок было собрано, упаковано и отправлено в лагери, где страдали русские люди.

Инвалидное О-во отметило ее работу и наградило ее званием почетного члена и знаком отличия.

С 1932-го года все свое свободное время Галина Гавриловна проводила в Южной Лагуне, где совместно с мужем построила домик у синего моря с ее любимым садом, где она и провела последний день своей жизни, сидя в кресле, дыша чистым воздухом и любуясь цветами.

Последние недели ее жизни были скрашены заботами, лаской и любовью ее крестницы Фатимы Хаджиевой (Mrs J.Williams) и ее матери Айши Ханум Хаджиевой, доктора медицины, - дочери и вдовы Хана Хаджиева, соратника мужа Галины Гавриловны по Корниловскому Походу.

Верные текинцы остались верны заветам своих отцов - не оставили друга в беде и сражались до конца с неумолимой болезнью.

Мир твоей светлой душе, Галочка!

. . . . —

А.Ф.Долгополов сердечно благодарит всех, оказавших внимание и память его усопшей супруге и просит простить его, что он не может в данный момент ответить всем друзьям и знакомым на присланные письма соболезнования и поблагодарить их и всех, кто пришел отдать последний долг и сказать последнее прости усопшей.

СБОРНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ ГЕНЕРАЛУ Л.Г.КОРНИЛОВУ

В МАРТЕ МЕСЯЦЕ 1968 ГОДА ВЫЙДЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ВОИНА, БЕЛОГО ВОЖДЯ И ЧЕЛОВЕКА. В ЖУРНАЛЕ, КРОМЕ ПОДРОБНОЙ БИОГРАФИИ ГЕН.КОРНИЛОВА, БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ РЕДКИЕ ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИИ И ВОСПОМИНАНИЯ ЕГО БЛИЖАЙШИХ СПОДВИЖНИКОВ.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ ЭТОТ СБОРНИК, КАК ТРОЙНОЙ НОМЕР ЖУРНАЛА. ЛИЦ, НЕ СОСТОЯЩИХ ПОДПИСЧИКАМИ, А ТАКЖЕ ЖЕЛАЮЩИХ ПОЛУЧИТЬ ДОБАВОЧНЫЕ НОМЕРА ЭТОГО ВЫПУСКА, ПРОСИМ ПРИСЫЛАТЬ ЗАКАЗЫ ЗАРАНЕЕ. ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 2.00 доллара (С ПЕРЕСЫЛКОЙ).

РЕДАКЦИЯ.

Х Р О Н И К А

- 1/14 октября с/г исполнилось 68 лет председателю Австрийского Отдела Союза Первопоходников, войск.старшине Михаилу Алексеевичу Голубову. Калифорнийский Отдел Союза и редакция "Вестника Первопоходника желают дорогому соратнику здоровья и бодрости на МНОГАЯ ЛЕТА! В № 78/79, посвященном Первому Походу, будет помещен рассказ Михаила Алексеевича "Финляндцы", который в переводе на немецкий язык был напечатан в журнале "ZEIT".

- Редакция готовит систематический указатель статей, напечатанных в первых 75-ти номерах "Вестника Первопоходника". Предполагается поместить его в одном из ближайших номеров.

- Представителем журнала "Вестник Первопоходника" в Австралии является Б.П.Ериксен: Mr. B.Ericsen, 14 Bestic Street, Rockdale, N.S.W. 2216, Australia.

- - oOo - -

Вышел в свет

первый номер ВЕСТНИКА СВЯЗИ ОБЪЕДИНЕНИЯ 1-го КАЗАЧЬЕГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА, КАЗАЧЬЕГО СТАНА - "ЮНКЕР, СЛУШАЙ!" под редакцией портупей-юнкера И.Грибова. В издание этого номера вложено много труда и жертвенности. Приветствие основателя и начальника Училища полк. А.Медынского, воспоминания юнкеров, их стихотворения заполняют 21 страницу - объем солидный для "новорожденного"!

Поздравляем Нашу Смену, дорогих Юнкеров, и желаем им успеха в нелегком деле издательства. Надеемся и верим, что, преодолев трудности первого времени, их ВЕСТНИК займет почетное место в среде зарубежной литературы. Бог в помощь!

Редакция.

- - оОо - -

- - оОо - -

Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников просит членов Союза внести следуемые с них членские взносы.

1917 — 1967

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Фотография пробных гипсовых моделей медали

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ

50-летия ОСНОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

Общество Ревнителей Русской Военной Старины /в Париже/ постановило отметить исполняющееся в этом году 50-летие основания Добровольческой Армии выпуском памятной медали.

Диаметром 50 мм. /2 дюйма/, медаль будет иметь на лицевой стороне изображение Знака Первого Похода, ставшего уже давно эмблемой всего Белого Движения, а на оборотной - юбилейную дату - "1917-1967" - и надпись: "За честь и достоинство России".

Стоимость медали /с пересылкой/:

Бронзовая	$ 4.50
" посеребренная	" 5.00
" Позолоченная	" 6.00
Серебряная	"12.50
" позолоченная	"14.00

Медали будут изготовлены Парижским Монетным Двором и будут готовы для рассылки к 1-му октября.

Заказы и денежные переводы для Соединенных Штатов и Канады адресовать представительству О-ва в Америке:

A.Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif., 92677.

- - oOo - -

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 12-го НОЯБРЯ 1967 года

в Лос-Анжелоских русских православных храмах будет отслужен молебен о спасении РОССИИ с поминовением всех убиенных коммунистической властью.

В 2 часа ДНЯ в ПОМЕЩЕНИИ "ЧЕШСКОГО СОКОЛА" /500 Норт Вестерн Авеню/

Лос-Анжелоские Русские Воинские Организации:
Русский Обще-Воинский Союз, Общество Русских Ветеранов 1-ой Мировой Войны, Калифорнийский Отдел Союза Участников 1-го Ген. Корнилова Похода, Калифорнийское Отделение Общества Галлиполийцев, Горско-Казачья Станица, Кают-Кампания Морских Офицеров, Калифорнийский Отдел Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, Калифорнийский Отдел Союза Бывших Чинов Русского Корпуса, Комитет Помощи Русским Военным Инвалидам, Комитет Объединенных Власовцев, Объединение Бывших Кадет и Лос-Анжелоское Объединение Бывших Сестер Милосердия

УСТРАИВАЮТ СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ТРАГЕДИИ РОССИИ

П Р О Г Р А М М А

1. Открытие Собрания Начальником Калифорнийского Отделения Русского Обще-Воинского Союза Полковником НЕКЛЮТИНЫМ.
2. Отдание чести Флагу и Гимн Северо-Американских Соединенных Штатов.
3. Памяти нашего Отечества и погибших в борьбе за него - "Коль Славен наш Господь в Сионе".
4. Речи: Генерального Штаба Генерал-Майора СВИШЕВА
   Подполковника ЕСИПОВА
   Генерального Штаба Капитана ДУМБАДЗЕ
   Подъесаула ЧЕРНЯЕВА
   Штабс-Капитана МУСТАФИНА
5. Закрытие Собрания Полковником НЕКЛЮТИНЫМ.

Ввиду того, что настоящее Собрание является выражением нашей скорби о величайшей трагедии нашей РОДИНЫ, Комитет по устройству Собрания просит присутствующих не аплодировать.

ВХОД НА СОБРАНИЕ ДЛЯ ВСЕХ СВОБОДНЫЙ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
" на 6 мес. (3 номера) - " 3.00;
Цена отдельного выпуска - $ 1.00.

Адрес Редакции: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029

- - oOo - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - $ 2.10.
Желающие приобрести Знак могут обратиться в Редакцию.

- о -

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - oOo - -

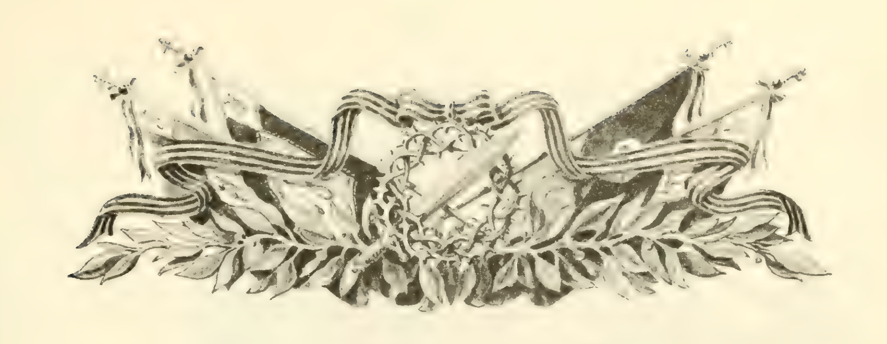
СОДЕРЖАНИЕ № 73-74

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

"ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
Двухмесячный журнал, посвященный
Первому Кубанскому Походу
и истории Белых Армий.

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Bi-Monthly Periodical Publication of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists.
842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, California, 90029
Phone: 664-7650

7-й год издания | № 75 | Декабрь 1967 г.

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА ПЕРВОПОХОДНИКОВ
и Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА"
поздравляют соратников и читателей

со СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
и наступающим НОВЫМ 1968 ГОДОМ

и желает всем РУССКИМ ПАТРИОТАМ сил, здоровья
и бодрости духа в борьбе за РОССИЮ.

- - oOo - -

Редакция искренне благодарит

ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА

за их жертвенность, давшую возможность

дальнейшему существованию и процветанию журнала.

СОН ПОД НОВЫЙ ГОД.

1917-1967

Мне приснился чудный сон
В ночь под Новый Год:
Колокольный медный звон
И вокруг Кремля народ.

Четкой дробью застучали
Барабаны за стеной.
Вдруг куранты заиграли,
Гимн лился волной...

Снег сугробами лежит,
Звезды чудные светились...
Царь с народом говорит -
Все сердца открылись!

Из толпы мужик выходит,
Царя крепко обнимает.
Хороводы народ водит,
Где-то музыка играет.

Илья Муромец шагает,
Царю чашу подает;
Кто-то радостно рыдает -
Русь воскресла и живет!

С новым счастьем, с Новым Годом!
Бог Россию не забыл;
Стародавним царским родом
Бог Россию обновил.

Громче гимн в Кремле звучал
И лился, лился волной...
Так народ Царя встречал
Под кремлевскою стеной.

Мавзолей вдруг покачнулся,
Раскололся и пропал...
К сожаленью, я проснулся,
Тотчас сон свой записал.

- о -

С Новым Годом, с новым счастьем!
Всем (соратникам) привет, любовь!
После горя и ненастья
НАША РУСЬ воскреснет вновь!

Западная Германия
1967 г.

Георгий Токаревич,
бывший капитан Корниловской
Артиллерийской Бригады,
участник Ледяного Похода.

- - оОо - -

Дрозд. Полк. Кап. А. Астафьевъ.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ГРЕЗЫ

Декабрь, последний месяц года... здесь. на чужбине... В изгнании за правду, вдали от берегов родных, вдали от волн лазурных Черноморья, там, где сосны и ели, и там, как сейчас, я вижу вас, суровые Кавказские вершины, и тихого Дона камыши, и тебя, красавец Днепр, искони русская река!

Гранит Невы державной, и стройные березки, и сень плакучих ив в левадах над журчащим ручейком - все проходит перед глазами, знакомые картины незабытой родины моей: столь памятные станицы на Кубани, аулы поднебесья в Дагестане, сады вишневые на Дону и белые хатки Малороссии печальной... Там все теперь покрыто снегом. Зима на родине моей многострадальной.

С тоской гляжу на север дальний, мой взор сверлит пространство через Великий океан, сквозь листья пальм... под сумасшедший хохот кукобар*). Закрыв глаза, под солнцем раскаленным я чувствую родной мороз, и запах снега, и тишину заснеженных равнин... и вижу все, как будто я гляжу в окно, где снегом все сейчас покрыто... где мороз трещит в Святой Сочельник-вечер, в святую ночь под Рождество...

---

*) Кукобара - птица несколько больше крупного голубя, с большим клювом. Ее крик похож на хохот.

Унылый крик цикад и кукобары не заглушит тоски и не вспугнет Рождественской грезы о том, чего забыть нельзя нам русским никогда. О том, как снег пушистый, хлопьями большими, идет с небес Медведицы Большой, где скрип полозьев раздается, и нежной музыкой веселья и печали звенят на тройках бубенцы.

Луной меж туч облитые равнины, перелески и замерзшая река, курганы древние в степи и мельницы вдали - под снегом все...

И вот мерещится, как сон волшебный. Трещит мороз, аукает; в домах и хатках огоньки; на улицах ватаги ребятишек со сверкающей звездой колядовать бегут вперегонки. Везде и все им рады, никто не гонит их в Святую Ночь, Христа ведь славить спешат они, повсюду радостный их крик...

Как грустно здесь без них!...

Луна опять исчезла в облаках, и вновь, как Божий дар с небес, густою пеленой идет на землю снег.

Глухие голоса спешащих в храм людей слышны повсюду, и море тишины в Великую Ночь рождения Христа.

- о -

Нет больше грез, исчезли чудные виденья, предо мной все тот же океан. Глядит сурово, мерно дышит великан, шумит волнами и галькой береговой, и вдруг... и к будто слышу голос, как будто кто-то говорит со мной.

"Что здесь стоишь, чужой - несчастный? Мечтать и грезить над волной? То труд для родины напрасный! Я дам тебе на миг возможность видеть все там, куда ты смотришь", - и... открыл шуршащую волну.

"На, погляди! Где ваши храмы? Где мирный праздник Рождества? Где тишина и все, о чем сейчас ты грезил?"

Я глянул, содрогнулся... вгляделся... вскрикнул и... очнулся. И то, что увидал, не зреть бы лучше никогда - суровой истины картины, несчастье Родины моей.

Россия в рубище, в цепях, в неволе тяжкой долгих лет, лежит замерзшая в снегу и вдаль глядит с укором во взгляде, как будто ждет кого она в Святую ночь Христова Рождества.

Фиджи, 1966. Б.Турчанинов.

- - оОо - -

х

х х

Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Народ-герой... В борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца.
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца.

Некрасов.

ПРОШЕЛ ГОД.
Памяти Василия Павловича МЯЧ.
1893 г. - 13.12.1966 г.

"Будем надеяться и верить, что Белая идея восторжествует, ибо она вечна, и что Светоч, зажженный нами, первыми начавшими борьбу, вновь вспыхнет пламенем и не погаснет..."
Поручик В.Мяч.
(из письма 28 декабря 1964 г.)

Двенадцать месяцев прошло со дня неожиданной и преждевременной смерти Василия Павловича. Прошел год. Пройдут еще годы, а память еще долго будет жить в сердцах людей, знавших его, имевших с ним общение. Семь томов "Вестника Первопоходника", летопись славных и никогда не забываемых дел боевой страды Белой Гвардии - в основном, труд его забот, его рук. Славный и величественный памятник, как ценный вклад, ни на что не взирая, займет свое почетное место в Русской истории.

Частая переписка с Василием Павловичем на протяжении нескольких лет, в духе откровенности и взаимного понимания, оставила глубокий след, а весть о смерти жестокой потрясла своей ужасной действительностью.

В своем письме 12.12.65 г., ровно за год до смерти, Василий Павлович писал:

"...Помимо всего, я устаю физически, так как работать приходится почти одному. Верите, даже не могу поехать к сыну (65 миль от нас), да и по дому нужно помочь. Иногда урывками читаю газету, да и то частями, а о книгах и думать нечего..."

Как понятна эта откровенность, и как поздно порой мы готовы оказать помощь!

Родился на Кавказе, умер... в Калифорнии, а между этими двумя географическими пунктами большой, длинный тернистый путь. Беспрерывный поход, начиная с декабря 1914 года, за Русь Святую, за честь ее, за верность присяге. Таким и умер. Глядя на его фотографию, на три звездочки погон, знак ударного полка на левом рукаве, через плечо - портупею шашки боевой, на такую знакомую гимнастерку, - и думается: видал ли я его тогда, в тот туманный, снежный вечер 9 февраля ст/ст 1918 года, когда они уходили в ночь? Я гнал на коньках, обгоняя колонны добровольцев, по улицам Нахичеваня, в степи у Кизитериновки, у станицы Аксайской...

Тогда я видел много лиц, большинство безусых. Шинели, фуражки, папахи, башлыки; я видел и серо-синие стертые знаки корниловцев... А ведь где-то между ними шел и поручик Мяч. Обгоняя их и заглядывая в лица, разыскивая тогда своих, я, конечно, видел и его тогда, не зная, что через много, много лет мы оба, уже с седыми головами, будем вести задушевную переписку где-то за тридевять земель, на самом краю света, о времени, когда он был молодым офицером, а я - даже не гимназистом, а гимназистиком, и что его нарукавный корниловский знак ударного полка, запорошенный падающими снежинками с хмурого Донского неба, и фотография его, что нес с собой в кармане гимнастерки, через пятьдесят лет будут стоять у меня в рамке под стеклом...

Неисповедимы пути Господни!

Журнал "Вестник Первопоходника" в руках Василия Павловича заслужил признание читателей, заинтересованность им растет. Необходимость из номера в номер улучшать его содержание, расширять круг подписчиков, привлекать новых пишущих корреспондентов - было частью его разносторонней деятельности. 14-го ноября 1964 г. Василий Павлович писал:

"...Основывая наш журнал три года тому назад, мы поставили себе целью предоставить страницы его участникам походов, ушедших в историю, и таким образом правдиво запечатлеть многие эпизоды гражданской войны, как бы дополнением к ранее изданным трудам генерала Деникина и др.писателей..."

Василий Павлович до конца своих дней очень переживал фатальную неудачу Белой Борьбы, судьбу всей России, он с грустью отмечал:

"...Белое движение потерпело неудачу по многим причинам, одна из них - вероломство союзников, и затем всякие партийные разногласия и самостийничество всех оттенков. Критиковать очень легко, и всякая критика безнаказанна. Несчастье эмиграции в бесконечных спорах, сведении счетов. Нет единения. Запад с нами не считается. Но самое главное, что этот же так называемый Запад не хочет и не желает возрождения национальной России, и примеров тому немало..." (30 июня 1965 г.)

В этом письме он, как бы уравновешивая горечь, с гордостью пишет о днях своей жизни, что "...на школьном акте я вручил национальный русский флаг школе. Нам оказали внимание и первенство поднести школе флаг, считая нашу организацию заслуживающей внимания и уважения..."

И вдруг, в январе 1966 года, на уставшие плечи человека, на благородную старость заслужившего отдых, покой и благополучие, обрушилось страшное несчастье - трагическая смерть единственного, взрослого сына. На горе семьи откликнулись все, но... помочь уж никто и ничто не могло. Человек был сломлен, и это поняли многие. Через большой промежуток времени - молчания - Василий Павлович с горечью писал:

"... Да, горе велико и непоправимо, никакие слова утешения и ничто не может нас облегчить в постигшем всю семью несчастье. Такова Божья воля и, знать, суждено... Последний год несчастлив, потеря единственного сына, моя болезнь... грустная кончина сына настолько отразилась на мне, что одно время я ни о чем не думал, как о сыне, и, конечно, никакие писания не шли на ум...,"

В следующем письме та же грусть, но Василий Павлович продолжает работать над изданием летописи, он пишет:

"...С трудом нормализуется, если можно так назвать, жизнь. На людях или когда погружен в работу, как-то забываюсь, а несчастье... надо мной. Но в одиночестве настроение кошмарное и ужас в нас. Утешение, единственное - молитва к Богу. Единственно Он может нас облегчить в нашем горе..."

К сожалению, даже последние месяцы омрачились разными неполадками. В своем письме в августе Василий Павлович пишет:

"...Откровенно говоря, настроение у меня тяжелое и на душе тяжко, смерть сына оставила большой след. События на политическом горизонте потрясающие. Весь свободный мир зашел в тупик и не знает, как из него выбраться... боюсь, что все кончится катастрофой"...

И вот... незадолго до смерти, строки письма, как крик больной души, прозвучали. Как тогда, пятьдесят лет тому назад, все превозмогая, во что бы то ни стало, шли вперед и побеждали, так и год

тому назад Василий Павлович до конца своих дней делал все возможное для успешного издания летописи гражданской войны. Он писал:

"... Ваши трудности финансового характера несомненны, а равно и то, что мало желающих активно работать. К своему прискорбию и огорчению в этом я убедился. Но я никого не обвиняю, все устали, все в заботах... И как ни больно мне и не тяжело, но я твердо решил до конца своих дней издавать наш журнал..."

Заветы первопоходника, объявленные в журнале № 2, за октябрь 1961 г., выполнены им полностью, и не его вина, что не доведены до своего победного и логического завершения.

Где бы мы ни находились, в рассеянии сущие, в этот день 13-го декабря, склонив головы, помянем в своих молитвах воина Василия и сотворим ему вечную память.

- о -

"Будто прошлое крылом махало -
Золотился на его плече погон.
Будто музыка навзрыд играла,
Будто таял несказанный сон."
(Стихотворение Н.Евсеева)

Тихий океан. 1967 г. Б.Турчанинов

- - оОо - -

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ.

Посвящается памяти В.П.Мяч,
Нарисовавшего летящего двуглавого орла.

Однажды, позднею порою,
Вопрос один мне здесь задал:
"Как над Российскою землею
Орел двуглавый пролетал?

Что думал он в мгновенья эти,
Когда на землю вниз взирал
И прошлого великолепья
Собою образ представлял?"

Все было кровию залито...
Давно уж нет у нас царя...
Но, что случилось, не забыто,
Хоть нет двуглавого орла!

Не снято бремя с нас позора,
И верить мы, увы, должны,
Что дни кровавые террора,
Конечно, все заслужены!..

Однако, если покаянно
Мы к Богу душу повернем,
Молясь с смиреньем непрестанно,
Прощенье вновь мы обретем.

Тогда услышим колокольный
Мы чудный звон с родной земли -
Москвы златой, первопрестольной,
И свет зажжется впереди!

Т.С.

- - оОо - -

ДОКЛАД на собрании "ДНЯ РУССКОЙ СКОРБИ"
в г.Санта-Барбара, Калифорния, 19-го ноября 1967 г.

Цель моего доклада - воскресить в памяти те жуткие дни 1917 года, отметить 50-ю годовщину начала Белой Борьбы, а нашей молодежи поведать горькую правду о тех днях.

После вынужденного отречения Императора Николая 2-го власть перешла в руки Временного Правительства.

Это правительство, не будучи подготовленным к власти, пошло по скользкому пути уступок черни, за спинами которой стояли темные силы врага нашей Родины.

С первых же шагов новой власти совершился разгон старшего командования, с неприкрытой ничем враждебностью к самым ярким представителям Воинства.

Старшие вожди армии и казачества, генералы Корнилов и Каледин, увидя в действиях Временного Правительства все признаки измены Русскому делу, открыто выступили против него. В ответ на это генерал Корнилов, в то время Верховный Главнокомандующий, был объявлен мятежником, врагом народа и арестован. Генерала Каледина, который в то время находился на Дону, также объявили мятежником и потребовали немедленно явиться, как арестованному, в Ставку. Ответ был: "С Дону выдачи нет!".

Необходимо отметить характерные факты, указывающие на странные действия Временного Правительства: 1-го сентября арестовывается генерал Корнилов и предается суду за мятеж генерал Каледин, а 4-го сентября отпускается на свободу Бронштейн-Троцкий!

Но мало этого: чтобы оправдать себя перед страной, Временное Правительство объявило старших Вождей Армии и корпус офицеров - врагами народа и контр-революционерами.

В таком искаженном виде представили Правители страны всему миру и Русскому Народу вождей и офицеров Русской армии.

Последовавший вскоре Октябрьский переворот вызвал к жизни движение, получившее в истории наименование "Белое".

В те дни октябрьского переворота на Дону уже существовала законная Атаманская власть. Атаманом Дона в то время был ген.Каледин, который, отбросив в сторону все бывшие провокационные выступления Временного Правительства, предложил ему защиту на Дону и готовность помогать ему в борьбе с захватчиками власти.

Вот те главные данные, почему генерал Алексеев выбрал Дон местом формирования Белого Воинства для борьбы с советской властью.

Отсюда в начале ноября 1917 года генерал Алексеев кликнул клич, и со всех концов России потянулись в Новочеркасск офицеры, юнкера, солдаты, кадеты, студенты, гимназисты. Он писал: "Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы!".

15-го ноября 1917 года был отдан приказ о формировании Добровольческой Армии.

Главнокомандующим назначается легендарный герой России генерал Корнилов, а административную часть берет на себя ген.Алексеев.

В тяжелых условиях создавалась Добровольческая Армия, и тяжкие испытания предстояли ей с первых же ее шагов.

Все больше и больше сужается кольцо большевистских войск вокруг [Но]вочеркасска и Ростова. Пополнения Армии невольно прекращаются!

Средств нет! Общественность не пошла навстречу!

Не найдя отклика в Ростове, Командование Армией решило двинуться в Екатеринодар на соединение с формируемыми там Добровольческими частями.

Почти полвека тому назад, 9-го февраля (ст/ст) 1918 года, из Ростова вышла группа, во главе с ген.Корниловым, ведя за собой небольшие части Добровольческой Армии. В станице Ольгинской подсчитали свои силы - оказалось около 3000 штыков, до 200 сабель, несколько десятков пулеметов и 8 трехдюймовок.

Вот что пишет профессор, ген.штаба полковник Зайцев о 1-м походе:

"1-й Кубанский поход, будучи типичным корволантом Петра Великого, является просто военно-исторической загадкой. Оставив базу, идя в неизвестное будущее, добровольцы прошли сквозь большевистское море туда, куда они хотели. Вопреки всем правилам современной тактики, они оказались непобедимыми, что можно объяснить лишь только силой духа и любовью к Родине первых добровольцев".

В средних числах марта 1918 года была установлена связь с Кубанской армией, выступившей из Екатеринодара, которая вошла в полное подчинение Добровольческому Командованию. Обе армии должны были соединиться в станице Ново-Дмитриевской.

В этот день, 15 марта 1918 года, лил непрестанный дождь. Горные ручьи превратились в грозные потоки. К вечеру подул холодный ветер, повалил снег, разыгралась вьюга. Одежда замерзала, оружие покрылось ледяной корой. Дорогу преградила разбушевавшаяся горная речка. Занимавшие станицу крупные силы большевиков открыли бешеный огонь.

Генерал Марков и полковник Неженцев, командир Корниловского Ударного полка, первые бросились в реку - за ними все остальные. Обледенелые чудовища вскарабкались на откос и ударили в штыки. Большевики не выдержали и бежали. В хатах станицы добровольцы припадали к горячим плитам, а зубы так и стучали.

Этот переход вошел в историю под именем "Ледяного", а впоследствии и весь 1-й Кубанский поход стали называть "Ледяным".

После соединения двух армий было решено атаковать Екатеринодар.

Добровольцев встретила стальная стена большевиков.

Утром 31 марта 1918 года был убит генерал Корнилов и в командование вступил генерал Деникин. Он в тот же день вывел потрясенную Армию из-под удара Екатеринодарской группы большевиков. Вскоре к добровольцам прибыла делегация Донских казаков с просьбой придти к ним на помощь.

19-го апреля Добровольческая кавалерия двинулась на помощь донцам, за ней - Корниловский Ударный полк.

Через несколько дней раненые были перевезены в освобожденный Новочеркасск. Первый тернистый путь Добровольцев был окончен.

Итоги 1-го похода: 80 дней марша, 44 боя, 1050 верст пройденного пути.

Потери: 500 убитых, 1500 раненых.

Выступили в количестве 3000, вернулось 5000.

Первый период борьбы начался 25 октября 1917 года и закончился 31 марта 1918 года, когда был убит под Екатеринодаром генерал Корнилов. Эта скорбная дата послужила гранью между первым и последующими периодами Белой Борьбы.

Зажгли ли мы тот светоч, о котором говорил генерал Алексеев?

- Да, зажгли! Ибо к нам со всех сторон стали прибывать добровольцы.

На этот же светоч, пройдя 1000-верстный путь, прибыл из Румынии доблестный отряд полковника Дроздовского.

Кроме Белого Юга, появились Белый Восток, Белый Запад и Белый Север.

Уже к июню 1918 года Добровольческая Армия числила в своем составе свыше 10.000 человек и смогла выступить в свой 2-й поход.

К концу 1918 года вся Кубанская, Терская и Донская области, включая на правом фланге Царицын, были заняты Добровольцами.

3-й период нашей борьбы начался в январе 1919 года переброской войск в каменноугольный район и движением на север.

Светоч вспыхнул ярким светом, освещая дорогу на Москву. 1-го октября 1919 года добровольцы входили в Орел.

Но Бог судил иначе.

Не будем тревожить печальных теней прошлого. Русский народ несет слишком тяжелую кару за проявленную пассивность в дни Белой Борьбы.

Начался великий отход Белых войск.

Среди войск двигались вереницы повозок беженцев, которых прикрывали собой Добровольцы. Сражаться теперь было много тяжелей, чем в дни 1-го похода.

Тогда была вера, теперь - лишь суровый долг воина.

В середине марта 1920 года закончилась эвакуация Новороссийска, и остатки Вооруженных Сил Юга России поплыли в Крым.

24-го марта 1920 года, приказом генерала Деникина, вся власть командования передана генералу Врангелю. Этим закончился 3-й период и начался последний активный период Белой Борьбы.

Армия приступила к срочному переформированию и уже 25 мая 1920 года неожиданным ударом вышла в Северную Таврию.

Но могла ли горсточка героев сопротивляться большевистским полчищам? К тому же в Европе, под давлением левых русских кругов, помощь, оказываемая добровольцам, была прекращена.

29-го октября 1920 года генерал Врангель приказал: "Войскам, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки".

Русская Белая Армия с оружием в руках ушла на чужбину.

В Галлиполи она отстояла год "литургию верных" и рассеялась по всему свету. Но до сих пор она не утратила своей связи и свято хранит свое Соборное Единство, перекликаясь ненавистным для большевиков "Слушай!", исполняя свыше возложенную на нее миссию разнести по всему свету правду о дьявольских целях коммунизма.

История нашей Родины говорит о том, что годы русской смуты не есть явление новое.

Поэтому и Белая идея, как рожденная от нее, не может считаться событием небывалым в истории нашего отечества.

Белая Идея выше всех социальных проблем и партийных программ. Выражая полную непримиримость к коммунизму, она не предрешала ничего, а отдавала все на волю народа.

От своего зарождения и до сего дня Белая Идея озарена светом немеркнущего Духа. Бессмертный Дух оживил мертвую материю, и в книгу Бытия вписаны страницы, нестираемые в веках, как позитивной идеи непримиримости к абсолютному злу.

Последний Главнокомандующий Русской Белой Армией, генерал Врангель, заповедал нам: "С оставлением Армией родной земли борьба приняла новые формы".

Эта борьба продолжается и поныне и будет продолжаться, пока не падет ненавистная русскому народу власть.

А.Трембовельский,
в 1-м походе был в пулеметной
роте Корнил. Ударного полка.

- - оОо - -

ЮНОШЕ-ДОБРОВОЛЬЦУ.

Он пролил кровь свою, сдержал он песни клятву!
Недвижим на траве лежит он предо мной.
А там клубится дым, там длится страшный бой
И торжествует смерть, свою снимая жатву.
Уж много пало их, таких же юных, честных.
Безумной матери несчастные сыны -
Бестрепетно легли в могилах неизвестных,
В болотах и степях далекой стороны.
Вот он - один из них - сын русского народа,
Убитый русским же на утре юных лет;
В лазоревых глазах лазурный неба след,
Кругом весенняя, цветущая природа.
Ликует всюду жизнь. Горит победный луч,
Неся земле живительную силу.
Растаявших снегов струится вешний ключ,
Стекая... в мрачную, глубокую могилу.
У края юноша. - Кто он? - Господь лишь знает!
С упреком на лице, вопросом на устах...
Нет старого отца, нет девушки в слезах,
И мать над ним безумно не рыдает.
Неведомы они. Их нет - но я с тобою!
Ты близок мне, как сын, мой мальчик дорогой.
Что в имени твоем? Единою мечтою,
Любовью к Родине мы связаны с тобой.
Прими ж на грудь мой дар: горсть ландышей душистых.
Меж вырытых могил собрал я свой букет.
Закрою им кровавой раны след
И обовью венком волну кудрей пушистых!
Терновый то венец. Спи, мученик-дитя!
На бой с неправдой шел ты с песней молодою,
Пал жертвою за Русь, отчизну возлюбя,
И землю напоил ты кровию святою!
Бесценна эта кровь погибнувших детей!
Огнем стыда зажжет она сердца людские,
И сыну лучшему поставит мавзолей
Воскреснувшая Мать - прозревшая Россия!

+ Николаев.

- - оОо - -

ВОСПОМИНАНИЯ о 1917 г.

Быстро бегут год за годом, и вместе с ними бледнеют и исчезают впечатления прошлого. Но некоторые события врезались в память навсегда.

- о -

37-й армейский корпус, входивший в состав 5-й армии, стоял к югу от Двинска. Боев давно не было. Штаб корпуса располагался на мызе Опса.

В первых числах марта 1917 года, точно дня не помню, поздно вечером в телеграфную комнату был вызван дежурный по оперативному отделу офицер. Я подошел к аппарату Юза. - "Говорит штаб армии. Позовите командира корпуса. Когда все командиры соберутся у аппаратов, будет передана телеграмма большой важности".

Командир корпуса ген.-лейт. Сулькевич был в отъезде, и его временно заменял начальник одной из дивизий ген.Коленковский (или Калиновский). Я доложил ему распоряжение из штаба армии. Он немедленно отправился в телеграфную комнату. Я его сопровождал.

Старый седой генерал в пенснэ, с небольшой подстриженной бородкой и большими усами выглядел строгим. Но он был известен, как очень заботливый командир, благожелательно относившийся к своим подчиненным. Заботы о солдатах и хорошей пище в солдатских котлах стояли у него на первом плане. На шее он постоянно носил орден Белого Орла и очень гордился этой редкой наградой.

Телеграфист сообщил в штаб армии, что временно командующий корпусом у аппарата. Прошло 5-10 минут, и аппарат Юза застучал. Одна за другой появлялись буквы, слагались в слова и фразы. Мы впились в ленту, которую телеграфист отрывал по частям и наклеивал на бумагу. Иногда генерал остро взглядывал на меня, я смотрел на него. Мы, казалось, понимали друг друга. Но в то же время не могли понять, отказывались понять, что сообщал телеграф. Было невероятно то, что передавалось... Государь отрекся от Престола.

Генерал прослужил своему Царю почти полвека, а я, еще молодой офицер, но воспитанный в любви к Родине и верности своему Верховному Вождю - мы оба как бы потеряли под ногами почву, стоим на краю бездны, и еще несколько мгновений - и всему будет конец. Что делать дальше? Аппарат кончил передачу. Генерал посмотрел на телеграфиста и угрожающе проговорил: "Если ты скажешь об "ЭТОМ" кому-нибудь, я тебя расстреляю!"

Бедный генерал! Он был бессилен что-нибудь сделать и изменить ход событий. Не мог он даже остановить распространение содержания поразившей нас телеграммы в районе подчиненного ему корпуса. Может быть, наш телеграфист и не передал никому того, что отстукал аппарат, но были другие пути и другие телеграфисты и штабы, через которые зловещая новость быстро распространилась.

- о -

Прошло два или три дня, и к штабу корпуса подошла группа офицеров и солдат жел.дорожного батальона с красным флагом и красными бантами на шинелях. Во главе находился полковник - командир батальона, узкоколейка которого обслуживала корпус. Командир батальона не раз бывал в штабе, любил рассказывать о своих служебных успехах, громким голосом повествовал, как ему удалось предупредить покушение революционеров устроить крушение Царского поезда. За это он был на-

гражден золотыми часами с великолепно исполненным Государственным гербом и надписью о выполнении им служебного долга.

И вот теперь "заслуженный" офицер явился к штабу с толпой своих подчиненных и призывал вышедших на крыльцо чинов штаба выразить верность "революции" и надеть красные банты. Он громким голосом ругал старое правительство, обвинял его в жестокостях к "народу" и, в особенности, в преследовании тех людей, которые стремились дать народу разные "свободы".

Командир корпуса ген,Сулькевич, вернувшийся из поездки, ответил кратко, что не наше дело - политика, и что военная форма не допускает украшения бантами. Отряд новоиспеченных революционеров отправился домой. Полковнику приходилось еще по делам службы приходить в штаб корпуса, где он встречал холодный прием и офицеры штаба не подавали ему руки.

- о -

Среди писарей штаба был один по фамилии Шиф, еврей, видимо хорошо образованный, очень внимательный и исполнительный в своей работе. Начавшееся беспокойное настроение в армии отразилось и на нем. Он стал более оживленным, чем всегда, охотно разговаривал на разные темы текущих событий. Его сочувственное отношение к революции не вызывало сомнений.

Перестали приходить в штаб "Новое Время", "Россия" и другие газеты правого или умеречного направления. Оказалось, что их новая власть прихлопнула. Встретив Шифа, я спросил его: "Почему же закрыты эти газеты, когда объявлены разные свободы?" - "потому что они были против свободы", - не задумываясь, ответил мой собеседник. - "Разве свободы принадлежат только тем, кто о них кричит?" - возразил я. - "Мы не позволим, чтобы кто-нибудь задушил добытые свободы". - "А кто это МЫ?" - не унимался я. - "МЫ те, кто боролся с произволом Царской власти!" - Я замолчал и пошел по своему делу, поняв, что не подготовлен к разговору с хорошо натасканным партийным деятелем.

В штабе среди офицеров, призванных из запаса, был прапорщик Филиппов, маленький, скромный, незаметный, но трудолюбивый человек,кажется, из кооператоров. Не помню, какую должность он исполнял, но помогал всем, кто к нему обращался. Охотно помогал и мне. Приходилось нам беседовать и о происходящих событиях. От него я узнал, что Шиф - член социал-демократической партии меньшевиков, убежденный социалист, и горячо приветствует все, что совершается в Петрограде и распространяется по всей стране. Сам Филиппов сочувствовал новым веяниям, но многого не одобрял.

- о -

Недели через две или немного позднее в корпус приехали два представителя от Государственной Думы - один депутат от партии К-Д, другой "трудовик". Они приехали поздравить войска с совершившейся революцией, появлением новой власти и новых порядков. Депутат от К.-Д. был священник. Он довольно гладко и толково говорил о приходе новой эры в жизни государства с торжеством разных свобод и уничтожением притеснений и пороков старого правительства. Трудовик - худощавый, повидимому больной и очень нервный - озлобленно ругал старую власть и уверял, что теперь все будет иначе, все будет хорошо. После речей этих депутатов присутствующие стали задавать разные вопросы и расспрашивать, что делается в Петрограде. Одни окружили священника,дру-

гие - трудовика. Вмешался и я, сказав трудовику: "Необходимо скорей наладить руководство на верхах армии и на пост верховного главнокомандующего вернуть Великого князя Николая Николаевича". Трудовик зло посмотрел на меня: "Нет, нам царских родственников не нужно. Мы найдем других". Эти разговоры были днем, перед обедом, которым штаб угощал "дорогих" гостей. Вечером прапорщик Филиппов сообщил мне, что я, за свое упоминание о Великом Князе, записан в "черный" список. Он предупредил меня быть осторожным. Я не расспрашивал его, что это за список, кто туда попал, и скоро об этом забыл.

- о -

Время шло. Армия постепенно разваливалась и самодемобилизировалась, начались братания с немцами, боевых действий на нашем участке не было.

Неожиданно в июле я получил некоторое "повышение" - писаря штаба корпуса выбрали меня председателем своего комитета.

Этого я никак не ожидал. Отказаться было нельзя, и мне пришлось "должность" принять. Провел несколько заседаний с соответствующими постановлениями. Правда, никаких "больших" вопросов они не решали. Обратился все к тому же прапорщику Филиппову. "Как я попал в председатели комитета писарей, кторые, конечно, знали, что я зачислен в "черный список" и, следовательно, не заслуживаю доверия?"

Объяснение оказалось простым. Попал я на эту должность по указанию Шифа. Под секретом Филиппов сообщил мне свой разговор с Шифом. По мнению Шифа, "черный список" не так важен, но "кап. Ефимов все-таки с нами разговаривает, а другие сторонятся. Надо пойти навстречу Ефимову, оказать ему доверие, и он, может быть, впоследствии будет с нами. Без офицеров нам все равно не обойтись, надо только выбрать подходящих.

Я обратился к начальнику штаба, сообщил, что все эти комитеты на военной службе не для меня, и попросил перевести в какую-нибудь дивизию. О том, что в штабе есть другой хозяин, ведущий свою линию, я не говорил. Это, повидимому, было ему известно. Начальник штаба вошел в мое положение, но сообщил, что в дивизионных штабах вакансий нет. Вскоре выяснилось, что в соседнем 14-м армейском корпусе есть подходящая вакансия. 12-го августя я прибыл на новое место службы, явился нач. штаба полк. ген. штаба Беловскому и к-ру корпуса ген. барону Будберг. Здесь я усиленно молчал и избежал быть выбранным на какую-либо "почетную" должность.

2-го февраля германцы перешли в наступление и почти нигде не встретили сопротивления. Командир корпуса и начальник штаба оставили корпус еще в ноябре 1917 г. Штаб корпуса успел выбраться в тыл перед приходом немцев и 15 февраля прибыл по ж.д. в Москву. Незадолго до нашего приезда из Петрограда в Москву прибыло все большевицкое правительство, испугавшись, что немцы через Ригу дойдут до Петрограда.

Беспорядок в "правительственных" учреждениях был необычайный. Штабу удалось привести в Москву один автомобиль. Мне было поручено раздобыть несколько литров горючего. "Социализм - это учет", говорят мудрецы от социализма. Мне пришлось потерять пять дней, чтобы достать газолин. Пришлось пройти через 16 или больше учреждений.

10-го марта я распрощался со своими сослуживцами и решил закончить свою военную службу, которую любил и которой собирался посвятить всю жизнь. Но вскоре вспыхнула гражданская война, и я вновь попал на военную службу в рядах Белой Армии.

А. Ефимов.

ЗАРОЖДЕНИЕ
АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ
НА ЮГЕ РОССИИ.

Передо мною лежит тетрадь - труд ген.шт. подполковника Николаева, в котором автор описывает первые шаги, предпринятые Генералом Алексеевым и его сподвижниками "для освобождения Родины от группы лиц, захвативших власть над величайшей страной с двухсотмиллионным населением". Я не собираюсь опровергать описываемые подполк. Николаевым события, совершавшиеся на юге России, а хочу лишь дополнить их описанием того, что творилось в соседнем с Новочеркасском Ростове н/Д., так как из строк подполк.Николаева можно вынести впечатление, что только в г.Новочеркасске и было начало антикоммунистической борьбы.

В сентябре 1917 г. я приехал в отпуск в Ростов н/Д. из 4-й пехотной дивизии, в которой был на должности к-ра бригады, в чине ген. майора. В мирное время г.Ростов н/Д. был стоянкой 136-го пехотного Таганрогского полка, в котором протекла вся моя служба. Там же проживала моя семья - жена и сын, юноша 15 лет. Из Ростова, в составе моего родного полка, я выступил на войну 23-го июля 1914 года*), командуя 1-й ротой, в чине штабс-капитана.

Революция в Ростове шла полным ходом, квартировавший там пехотный запасный полк был распропагандирован большевиками. Когда я с вокзала ехал к себе на квартиру (уг.Николаевского переулка и Романовской ул.), то старик извозчик, везший меня, сказал мне, обернувшись: "В недобрый час вы едете к нам - не знаю, доедем ли". На мой вопрос "почему?" - Да сами увидите", ответил старик. Дорога к моей квартире пролегала по Большой Садовой - главной улице города. Все тротуары были полны публики, в пересекающих Б.Садовую переулках иногда виднелись штыки. Доехали мы благополучно, но едва успел отъехать извозчик, а я войти в дом, как на углу улицы (моя квартира была в угловом доме) появилась большая группа вооруженных солдат и там остановилась. На этой квартире я жил с 1910-го года и, конечно, был известен почти всем жителям этого района. Поэтому первой мыслью было, что это предвещает обыск моей квартиры по доносу кого-либо из соседей, но вооруженная группа "товарищей" потолклась некоторое время

---

*) Все даты по старому стилю.

на нашем углу и куда-то удалилась. Радость свидания с семьей была отравлена рассказами о происходящих в городе событиях - торжестве черни и крайне-левых элементов. Офицерам в форме было небезопасно выходить на улицу, так как бывали случаи, что их арестовывали, увозили в здание театра-варьетэ "Марс" (на границе с г.Нахичеванью), и там след их исчезал.

Не желая подвергать себя подобным злоключениям, я в город выходил в своем охотничьем костюме и всегда благополучно возвращался. В нем же я несколько раз съездил на охоту. Во время этих поездок чего только не приходилось слышать в вагоне поезда от случайных попутчиков - от правых до крайне-левых, весьма откровенно выражавших свое отношение к бывшей Царской власти и ныне торжествующей коммунистической. Принимать участие в таких разговорах, конечно, не приходилось.

Так прошел весь октябрь, в конце которого стало известно, что Донской Атаман ген.Каледин с казаками и кадетами наступает на Ростов. Наша кухарка, преданный нам человек, ежедневно, приходя с базара, приносила последние городские новости. Так было и теперь: придя с базара, она вбежала в столовую с криком: "Барин! Атаман Каледин занял уже Балабановские рощи!". С северо-восточной стороны Ростова и Нахичевани прилегали ряд рощ: 1-я, 2-я и 3-я Балабановские рощи, которые тесно подступали к названным городам. Действительно, явно была слышна ружейная и пулеметная стрельба в этом направлении. Настроение у нас поднялось, но оказать какую-либо помощь наступающим мы не могли, так как никаких антикоммунистических организаций ни в Ростове, ни в Нахичевани не было. Наконец, 2-го ноября все смолкло и снова та же кухарка, прибежав из города, в восторге кричала: "Атаман со своими казаками и кадетами вошел в город!". Выйдя на улицу, я действительно отметил резкую разницу в настроении публики - исчезла подавленность, всюду на лицах была написана радость и слышался свободный смех. Где-то в городе раздались два-три орудийных выстрела - это "калединцы" с угла Б.Садовой и Таганрогского проспекта обстреляли красную яхту "Колхида".

3-го ноября я пошел к Начальнику Гарнизона ген.майору Диодору Николаевичу Черноярову, с которым был знаком лично. Я высказал ему свои соображения, что, хотя освобождение города и достигнуто, но надолго ли? Пока ген.Каледин со своим войском здесь, все будет спокойно, но едва он уйдет, как снова поднимется хаос. "Что же вы от меня хотите? - спросил меня генерал. - Ведь вы знаете, что у меня вооруженной силы нет: на запасный полк рассчитывать нельзя, да он уже больше и не существует, так как по приказу Атамана солдаты отпущены по домам и, вероятно, уже разбежались". Тогда я предложил ему, как начальнику гарнизона, собрать всех военнослужащих, находящихся в Ростове и Нахичевани, на общее собрание, где и обсудить вопрос о самообороне, чтобы нас, как овец, не загоняли больше в "Марс". Никаких мыслей о широком образовании Армии обще-государственного значения еще не было, а лишь о самообороне.

Ген.Чернояров согласился со мной и на 4 и 5 ноября объявил общее собрание всех военнослужащих в помещении торговой фирмы "Проводник-Треугольник", на углу Б.Садовой и Таганрогского проспекта. В назначенный день и час я пришел в указанное помещение. Большой зал на втором этаже был переполнен офицерами. Председательствовал ген.Чернояров. После длительных обсуждений решено было сформировать воинский отряд для несения службы по охране города и поддержания в нем порядка. Большинство офицеров охотно поддержало эту идею, но были и

такие, которые задали вопрос: "А сколько нам будут платить?". На это я им ответил: "У нас вы получите винтовку и пять патронов, а у большевиков получите пулю в затылок". Начальником этого отряда, по предложению ген.Черноярова, единогласно был избран я. Поблагодарив за честь и доверие, я объявил, что буду требовать строгой дисциплины и порядка, как то было в Императорской Армии, и тут же сказал, что ввиду того, что Ростов находится на территории Области Войска Донского и что у нас нет ни помещения, ни оружия, ни продовольствия, ни топлива, т.е. вообще ничего, то я поеду к Атаману и выясню все эти жизненные вопросы для формирования и существования будущего отряда. Здесь же я познакомился с полк.Лаврентьевым, будущим командиром 2-го батальона Добровольческой Армии.

Через день я, в сопровождении подполк. М.М.Дрейзена, поехал в Новочеркасск. Поезд пришел рано утром. Не зная города и местонахождения Атаманского Дворца, по опросу и указаниям встречных мы в конце концов добрались до своей цели. Было еще очень рано, но, заметив в окнах свет, мы, не считаясь со временем дня, вошли во дворец и от дежурного казака узнали, что Атаман находится в своем кабинете. Приказав казаку доложить Атаману о нашем прибытии, мы недолго ожидали приглашения - Атаман тотчас же принял нас. Выслушав мой доклад и наши нужды, Атаман сказал: "Я ведаю только казачьими делами. Все армейское в руках генерала Алексеева, к нему и обращайтесь". Тогда я попросил Атамана указать, где я могу видеть генерала Алексеева, на что Атаман ответил: "Барочная, лазарет № 2".

Выйдя от Атамана, мы в скором времени нашли и Барочную улицу, и лазарет № 2. Войдя в помещение лазарета, мы сразу же окунулись в казарменную обстановку. От входа наверх вела довольно широкая лестница, а на втором этаже был слышен шум многочисленных голосов, затем послышалась команда: "Второму взводу строиться!"

Когда мы поднялись наверх, то были встречены дежурным по части, подошедшим ко мне с рапортом (я был в генеральской форме). На мой вопрос о генерале Алексееве мне ответили, что он придет позже, а теперь, около 10 часов, здесь будет ген.Эрдели. Пришлось выйти на улицу и подождать около часу, до прибытия ген.Эрдели. Придя в указанный час, я действительно встретил ген.Эрдели, который меня тотчас принял. На его вопрос о цели моего приезда я доложил ему все подробности. Выслушав меня, он воскликнул: "Неужели в Ростове возможно формирование?". И когда я подтвердил это и изложил наши пожелания и нужды, то генерал посоветовал мне подождать прихода ген.Алексеева и доложить ему все мною сказанное.

Ген.Алексеев прибыл в казарму около 12 часов и тотчас же принял меня. Выслушав мой доклад, он сказал: "Здесь нам будут мешать - приходите ко мне на квартиру к двум часам, там и поговорим подробнее", - и дал свой адрес. В назначенный час я был на квартире генерала. Это была небольшая, узкая, в одно окно комнатка, в которой стояла узкая кровать, стол и три-четыре стула. У меня невольно сжалось сердце - в таком убогом помещении живет второй после Государя человек Великой Российской Империи. До чего мы докатились!

Предложив мне сесть, генерал приказал мне повторить ему мой доклад. Внимательно выслушав меня, он повторил слова ген.Эрдели: "Неужели в Ростове можно произвести формирование?". После этого мы начали разговор о подробностях формирования, который закончился словами ген.Алексеева: "Если бы вы пришли ко мне 7-ю днями раньше, я готов был поставить на всем крест. Теперь же, с Божьей помощью, начи-

найте - быть может, мы сможем что-нибудь сделать, чтобы помочь нашему несчастному Государю".

Генерал Алексеев назначил меня Начальником 1-го отряда Добровольческой Армии. Когда я доложил ему, что считаю необходимым объявить мобилизацию всех военнослужащих, так как добровольческая система формирования не может дать желательных результатов, то генерал ответил, что он не имеет права объявить мобилизацию. Невзирая на мое повторное предложение о мобилизации, он остался при своем "добровольческом" порядке формирования Армии.

Для работ по приему добровольцев - уже не для самообороны, а для общей борьбы против большевиков - Городским Самоуправлением гор. Ростова н/Д., по моему требованию, было отведено помещение на Никольской ул. № 125. Однако, в скором времени оно оказалось малым, и на мое требование об отводе более просторного помещения нам был отведен на Пушкинской улице № 1 особняк Парамонова. Это помещение вполне отвечало условиям нашей работы. В помещении Штаба находился постоянный караул с пулеметом и ручными гранатами. Приток добровольцев был непрестанный.

Согласно приказания ген.Алексеева, я должен был периодически докладывать ему о ходе формирования, во исполнение чего числа 6-го или 7-го декабря я поехал в Новочеркасск с докладом. К этому времени в Ростове были сформированы два батальона пехоты - 2-й и 3-й батальоны Добровольческой Армии. 1-й батальон был сформирован в Новочеркасске, командовал им полк.Борисов. В Ростове 2-м батальоном командовал полк.Лаврентьев, фамилии командира 3-го батальона не могу вспомнить, Морской ротой командовал капитан 1-го ранга Потемкин, батареей полк.Икишев и дивизионом конницы полк.Гершельман. Во второй половине ноября с фронта прибыл в Ростов Корниловский Ударный полк под командой полк.Нежинцева и помощника к-ра полка капитана Скоблина. Полк поместился в казармах 136-го пех.Таганрогского полка.

Прибыв в Новочеркасск на Барочную, я узнал, что ген.Алексеев и все старшие начальники находятся на заседании в помещении гимназии, так как в Новочеркасск прибыл ген.Корнилов и все бывшие в заключении в Быхове или, как мы их сокращенно называли, "Быховцы". Когда я пришел в здание гимназии, меня встретил с рапортом караульный начальник, который доложил, что весь Генералитет находится в данный момент на заседании. Имея право присутствовать на всех заседаниях, я все же посчитал неудобным прерывать таковое, решил подождать окончания заседания и прошел в комнату караульного начальника, находившуюся здесь же, приказав последнему доложить мне, когда заседание окончится. Ожидать пришлось недолго. Входная дверь с шумом открылась, и я увидел группу людей в штатской, поношенной одежде. Я сидел за столом и вопросительно смотрел на входивших. Я ожидал увидеть ген. Корнилова и остальных генералов в военной форме, а здесь все были в штатской одежде и все незнакомые мне лица. Я никогда никого из вошедших не видел и потому не предполагал, что это и есть "Быховцы" и попрежнему продолжал сидеть. Но потом, видя твердую и решительную походку идущего впереди, я невольно встал. Подойдя к столу, на котором лежали списки, привезенные мной для доклада ген.Алексееву, он властным голосом спросил меня: "Ну, что вы скажете?". На это я ответил: "Привез списки формирования для доклада ген.Алексееву, Ваше Высокопревосходительство". Тут только я сообразил, что передо мной стоял ген.Корнилов. За ним стоял господин в темно-синем костюме, с седеющей бородкой и благодушной улыбкой на лице - ген.Деникин. Затем мне бросился

в глаза худощавый, весьма подвижной господин - ген.Марков. Кто были остальные, вошедшие с ген.Корниловым, я не знал.

Генерал Корнилов, просмотрев списки, сказал: "Ну да, это все офицеры - а где же солдаты?". Я доложил, что солдаты не идут к нам - мы их только разоружаем. Ген.Корнилов, ударив рукой по столу, громким, с требовательной интонацией голосом сказал: "Солдат мне дайте - офицер хорош на своем месте - солдат мне дайте!"

Вскоре после этого я получил письмо с приглашением на банкет в ресторан "Палас Отель", подписанное "Группой офицеров". Подпись была анонимна, что она таила за собой, можно было выяснить лишь на месте, а потому я, не долго думая, положил в карман браунинг и пошел, сказав дома, куда и зачем я иду. Очевидно заранее предупрежденный швейцар провел меня в "кабинет", в котором меня ожидали. Войдя в кабинет, я застал совершенно неизвестных мне лиц, в офицерской форме и в штатских костюмах. При представлении друг другу, я запомнил фамилию полк.Гришина-Алмазова и другие, которых теперь, за давностью времени, не могу вспомнить. Но все эти лица были крайне левого направления. Тут я не пожалел о своей осмотрительности - имея в кармане браунинг, я чувствовал себя увереннее. В другой комнате кабинета виднелся стол, накрытый для ужина, уставленный бутылками и блюдами с разнообразной едой. Теперь я понял причину приглашения меня "Группой офицеров" - очевидно хотят меня подпоить и уговорить на совместную работу с ними.

По прошествии некоторого времени, использованного для усердного ухаживания за мной, считая, вероятно, что я достаточно "укомплектован", перешли на деловой разговор. "Мы слышали, что вы избраны для руководства формированием и командования офицерским отрядом.Так вот, мы предлагаем совместную работу и действия". Чтобы не сорвать их отношения к себе и не вызвать порыва негодования, я, как бы досадуя, воскликнул: "Да что же вы мне раньше не сказали? Я вчера только подчинился ген.Алексееву!" Нужно было видеть эффект, произведенный моими словами. Все они сразу от меня отшатнулись. Я же встал и сказал: "Я вижу ваше отношение к сказанному мною и думаю, что мое дальнейшее присутствие не доставит вам удовольствия. А потому благодарю за прием и имею честь кланяться".

Придя домой, я тотчас же написал ген.Алексееву доклад о происшедшем. Кроме того, я просил прислать мне в помощь офицера ген.штаба и дать ему помощников, так как тот персонал, который был в моем распоряжении, не подходил к работе при существовавших условиях. Через короткое время из Новочеркасска прибыл ген.шт. полковник Дмитрий Антонович Лебедев и с ним несколько офицеров, из которых помню Измайловца - капитана Шатилова, ротмистра Арнольда, шт.ротм. Немировича-Данченко и др. Ротм.Арнольд исполнял обязанности коменданта штаба Отряда. Впоследствии прибыл ген.майор Александр Александрович Боровский, которому я поручил формирование и командование Студенческим батальоном. Мысль о формировании Студенческого батальона дал мне студент, по фамилии Черномордик, еврей по происхождению, впоследствии совершивший от начала до конца весь Первый Кубанский ген.Корнилова Поход. Затем прибыл командир Л.Гв.Преображенского полка, полковник Александр Павлович Кутепов, которому я дал назначение - отправиться к ж.д. станции Матвеев Курган и там объединить все наши действующие части. Формирование продолжалось - уже были заполнены казармы 136 пех.Таганрогского полка на Скобелевской ул. и частично занят "Лазаретный Городок".

Огромную пользу для формирования принес Начальник Снабжения, инженер Павел Павлович Казакевич. Его стараниями и умением были заполнены всеми видами одежды, белья и обуви огромные помещения складов торговой фирмы Пахлэнджева. Для отопления казарм им же был реквизирован караван судов, стоявших на р.Дон, груженых каменным углем для работ по шлюзованию Дона.

Придя однажды в Штаб, я заметил в группе посетителей фигуру в полной парадной форме мирного времени, со штаб-офицерскими эполетами. На мой вопрос, кто это такой, полк.Лебедев доложил, что это инвалид, просит о принятии его в наше формирование. Я сказал полк.Лебедеву, чтобы его зачислили в интендантство. На следующий день полк. Лебедев доложил мне, что это - унтер-офицер 4-й кавалерийской дивизии, наступавшей на Ростов с севера. Он был опознан офицерами той же дивизии, служившими у нас. На дознании он сознался, что был прислан в Штаб с целью разведки, и был расстрелян.

Противник наступал на Ростов с трех сторон: с севера, из села Большие Салы - 4-я кавал.дивизия; с запада, у жел.дорожной станции Матвеев Курган - войска Сиверса и с юга, у с.Батайск - отдельные отряды красных. Все это сдерживали и отбивали наши, не успевшие еще окрепнуть, доблестные части. Вследствие такого окружения, пересекшего все пути, ведущие к Ростову, приток добровольцев сильно сократился. Но в самом Ростове была масса праздно бездельничавших людей в военной форме, которые, заполняя рестораны, нагло насмехались над проходящими по улицам командами добровольцев. "В солдатики играют" - громко кричали они, а это вызывало справедливое негодование добровольцев. - "Почему не мобилизуют всю эту сволочь?!!" - говорили они в свою очередь.

После смерти Атамана Каледина наш, как мы его называли, "Большой Штаб" переехал в Ростов и занял помещение моего штаба в особняке Парамонова на Пушкинской улице. Мой штаб был расформирован, и все дела переданы приехавшим. Я поступил в распоряжение ген.Деникина, который принял командование зарождавшейся Добровольческой Армией. Начальник моего штаба ген.шт.полковник Лебедев уехал в Армию адмирала Колчака, другие же чины штаба частично остались при новом Штабе, а остальные разошлись по частям. Генералы Алексеев и Корнилов оставались как бы Верховными Руководителями Армии. Штаб Командующего Армией занял помещение бывшего ресторана "Медведь" на Таганрогском проспекте, возле здания театра.

Под давлением превосходных сил противника отряд полк.Кутепова последовательно отходил к Ростову и задержался у ж.д.станции Хопры. По приказанию ген.Деникина я сменил полк.Кутепова на этой позиции, так как он получил другое назначение. Позиции занимали следующие части:

Офицерский отряд полк.Симановского, силою около . .	200	штыков,
Партизанский Отряд сотника Грекова ("Белый Дьявол")	120	"
Корниловский Ударный полк	200	"
Казаки станицы Гниловской	300	"
Всего около	820	штыков

Противник был численно значительно сильнее нас. Обе стороны, кроме наблюдения и охраны своих флангов, к более решительным действиям не приступали. Однажды полк.Симановский уехал по делам в Ростов. Через некоторое время его заместитель, полк.Пухин, пришел ко

мне и дал прочесть письмо полк. Симановского, в котором тот писал, чтобы полк.Мухин, под разными благовидными предлогами, снимал с позиции людей своего Отряда и отправлял их в Ростов в его, Симановского, распоряжение. Я, конечно, строжайше запретил полк.Мухину исполнять распоряжение Симановского. Зная большое расположение ген.Корнилова к Симановскому, я лично поехал в Ростов и, после доклада о положении дел на позиции, вручил упомянутое письмо ген.Корнилову. Прочтя его генерал стукнул кулаком по столу и воскликнул: "Кому же тогда верить можно?". Приблизительно числа 6-го февраля ко мне в Хопры приехал Командующий Армией ген.Деникин. Ознакомившись на месте с обстановкой, он сказал мне: "Продержитесь еще день-два. Я соберу все, что можно, в Ростове, сниму все караулы и ударю по их левому флангу". К сожалению, этому плану не суждено было исполниться, так как на другой же день казаки станицы Гниловской среди бела дня бросили свою позицию и на глазах противника ушли в станицу, говоря: "Мы будем только свои хаты защищать". Не помогли и уговоры священника той же станицы, который с крестом в руках останавливал уходивших с позиций казаков. Они разошлись по домам и обнажили наш правый фланг, закрыть который у нас не было уже сил. Я немедленно донес ген.Деникину о создавшемся положении и получил приказ: сдерживая наседающего противника, отходить на "Лазаретный городок" - участь Ростова была решена..

9-го февраля, после короткого совещания, был отдан приказ об отходе на станицу Аксайскую, куда выступили часов около 11-ти вечера. Переночевав в Аксайской, с большим риском, по тонкому льду, покрывавшему р.Дон, Добровольческая Армия переправилась на левый берег и остановилась в станице Ольгинской, где произошло переформирование всей Армии. Из отдельных отрядов были созданы новые полки:

1-й Офицерский полк - к-р полка ген.Марков (впоследствии полк переименован по имени первого к-ра в "Марковский"),
Корниловский Ударный полк - к-р полк.Нежинцев,
Партизанский полк - к-р ген.Богаевский,
Конные отряды: дивизионы полк.Гершельмана, Глазенапа и Корнилова,
Чехословацкий бат-н - к-р кап.Неметчик,
Охранная рота - к-р полк. Дейло,
Артиллерийский дивизион (2 батареи) - к-р полк.Икишев,
Походный лазарет - начальник д-р Трейман.

Я так и оставался в распоряжении ген.Деникина. На походе выполнял различные задания общего характера, главным образом командование арьергардом.

Из станицы Ольгинской Добровольческая Армия выступила в свой легендарный "Ледяной Поход", продолжавшийся 80 дней, из которых 44 прошли в боях. Численность Армии была 3683 чел. При подходе к Екатеринодару к нам присоединился вышедший из него Кубанский отряд полк. Покровского (при нашем соединении произведенного в генералы), удвоивший наши силы. Территорию наша Армия занимала ту, на которой в данный момент стояла, и пока стояла.

Генерал-майор ЧЕРЕПОВ.

- - oOo - -

ГЕНЕРАЛ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ М А Р К О В.
(Маленькие сценки)

1.

1905-й год. Революционная толпа собралась перед городской гауптвахтой. Пытаются уговорить часовых не слушаться своих офицеров и освободить арестованных. Больше всех неистовствует молоденькая курсистка, в полуистерическом состоянии бросающаяся к часовым. Волосы ее растрепаны, небольшая шляпка съехала на бок, и истерические крики несутся на всю площадь. Караульный начальник - капитан Марков. Он выходит из караульного помещения и некоторое время молча наблюдает беснующуюся курсистку. Та, видя, что он не говорит ни слова, объясняет бессилие офицера успешностью своей пропаганды и усиливает свои и без того яростные вопли. Капитан Марков приказывает солдатам задержать воинствующую девицу. Перед энергичными действиями исполняющих приказание солдат толпа стихает и пятится назад, а неистовый вой девицы, доставляемой в принудительном порядке, замирает за закрывшейся за нею дверью городской гауптвахты.

Внутри разыгрывается следующая сцена: кап.Марков подходит к перепуганной на смерть курсистке и предлагает ей взять себя в руки и успокоиться, в ее же собственных интересах, так как в противном случае ему придется прибегнуть к мерам, которых он хотел бы избежать. Героиня, чувствуя угрозу мало улыбающейся ей перспективы, следует благоразумному совету. Ее приглашают в комнату, где за стаканом чая и беседой проходит более получаса. Затем ее снова выпускают на улицу.

Толпа тотчас же окружает ее. На лицах собравшихся вокруг читает она глубокое сочувствие понесенному ею моральному и физическому ущербу.

- Скажите, коллега, вас выпороли? - обращается к ней какой-то студент.

Обидность и напраслина высказанного предположения вызывает в ней бурю протеста:

- Неправда! Неправда! - кричит она. - Чаем поили!

Раздавшийся в толпе смех исторгает обильные слезы оскорбленного достоинства и прерываемые рыданиями возгласы:

- Неправда! Не пороли! Не пороли! Чаем поили! Не пороли! Неправда!

Однако, все увеличивающийся смех в толпе заставляет ее искать хоть какую-нибудь поддержку. Ее блуждающий, жаждущий сочувствия взор внезапно останавливается на стоящем на балюстраде гауптвахты капитане Маркове.

- Скажите им, скажите им, что не пороли! - захлебываясь слезами, ищет она его поддержки против веселящейся толпы, умоляюще протягивая к нему руки.

- Успокоили и напоили чаем, - подтверждает кап.Марков.

Толпа хохочет.

2.

Павловское Военное Училище. Преподаватель тактики ген.шт.капитан Марков. Идут репетиции в одном из классов.

Заместитель инспектора классов ген.шт. подполковник А.А.Колчинский получает по окончании испытаний экзаменационный лист с выставленными отметками. Собираясь занести их в официальный журнал, он неожиданно обращает внимание на то, что самые высокие отметки - едини-

цы; остальные - нули. Не желая взять на себя ответственность занесения этих странных результатов, подполк.Колчинский решает дождаться возвращения Инспектора классов и по приезде последнего показывает ему поданный капитаном Марковым экзаменационный лист. Точно так же пораженный отметками, Инспектор классов просит подполк.Колчинского переговорить с капитаном Марковым.

- А что же делать, если они ни черта не знают?! - возражает капитан Марков.

Однако, это возражение вызывает сомнение у полк.Колчинского. В дальнейшем разговоре выясняется, что кап.Марков произвел экзамены по програмне ген.штаба. предусмотренной для Военных Училищ. Это обстоятельство приводит к повторению экзаменов, в результате которых кап.Марков подает лист с экзаменационными отметками. Теперь самый низкий балл - 11; остальные - 12.

На новое объяснение следует ответ:

- Этот курс они прекрасно знают, и, кроме того, раз вы этого хотели...

Маленькая забавная подробность. После первых, отмененных, экзаменов юнкера Павловского Военного училища заказали по телефону гроб, который и был доставлен на квартиру кап.Маркова. Реакция кап.Маркова мне неизвестна.

3.

9-е февраля. На угол Садовой улицы и Таганрогского проспекта с стягиваются части Армии. Большевики заняли уже Темерник и Ростовский вокзал. Всевозможные отряды наползают со всех сторон, создавая невообразимую сумятицу на широком перекрестке улиц. Неожиданно появляется ген.Марков. Одет он в новую суконную серую куртку. На голове белая папаха. В руках нагайка. Эту серую куртку я вижу на нем впервые - до сих пор он ходил в черной кожаной тужурке: в той самой, в которой появился на Дону из Быхова. Быстро приводит в порядок перемешавшиеся части и вытягивает их в направлении Нахичевани. Наш Первый Офицерский батальон остается стоять на месте. Несмотря на спустившиеся ночные сумерки, на белой пелене снега, озаренной скупым светом нескольких уличных фонарей, отлично видны проходящие мимо нас люди, орудия, подводы. Вдруг из темноты со страшным грохотом выползает какое-то темное чудовище, за ним второе... третье. Грузовики! Ген.Марков бросается к ним. Слышен его громкий крик и отправление в излюбленный им адрес: - К чортовой матери! - Постепенно начинаем угадывать, что произошло. Пулеметчики решили воспользоваться, Бог их знает, где найденными грузовиками для своих пулеметов и прочей поклажи, предпочитая моторизованную тягу лошадиной. Хорошенькое тогда было у нас представление о том, что нас ждет в Первом Кубанском походе! Но где же теперь искать лошадей, в полузанятом красными городе? Ген.Марков пробегает мимо нас и ударом рукояти своей нагайки разбивает стекло сигнального пожарного аппарата. Вскоре на прекрасных, холеных кентаврах появляется пожарная команда, которой, может быть, нелюбезно, но очень твердо и настойчиво ген.Марков предлагает менять грузовики на лошадей. Бранд-майор, посланный в уже знакомый всем адрес, вынужден подчиниться. Лошади становятся достоянием пулеметчиков, а грузовики, отвергнутые бранд-майором, стыдливо одеваются белой вуалью снега - траур по собственной никчемности.

4.

Станица Ольгинская. Армия переформирована. Отдельные офицерские батальоны сведены в Сводный Офицерский полк четырех-ротного состава, общей численностью в 1000 штыков. Командиром полка назначен ген.Марков. Вновь сформированный полк выстроился на окраине станицы. К строю полка, в сопровождении трех человек, подъезжает ген.Марков. Представляет себя и свой штаб.

- Мой помощник, полк.Тимановский; мой адъютант, капитан Образцов; наш доктор Родичев, а если еще кто-либо попытается пристроиться к штабу - то вот! - и угрожающе и многозначительно показывает свою нагайку.

Далее он говорит о том, что командиры батальонов становятся командирами рот. Командир нашего 1-го батальона полк.Борисов гордо заявляет, что он не считает для себя возможным после дивизии становиться на роту. Реакция ген.Маркова мгновенна:

- Полковник, вы мне не нужны! Назар Борисович, примите роту!

Нашу первую роту принимает полк.Плохтинский. Сказанная там же фраза ген.Маркова:

- Не спрашивайте, куда мы идем! Идем к чортовой матери за Синей Птицей!

5.

Где-то между Выселками и Кореновской ген.Марков пропускает мимо себя обоз, желая лично удостовериться в назначении каждой подводы. По краям дороги уже валяются какие-то чемоданы, неизвестно что содержащие и выкинутые ген.Марковым из проезжавших подвод, как лишняя и ничем не оправданная обуза. Несколько подвод очищены от своих пассажиров и стоят тут же, ожидая своей отправки в распоряжение ген.Эльснера, где они будут употреблены или для раненых, или для перевозки патронов и снарядов. Высаженные с них пассажиры стоят отдельной группой в мрачном настроении: ген.Марков предложил им прекратить свое необъяснимое нахождение в Армии, вступив в одну из частей, или - "если вам со мной не по дороге, то в любом избранном вами направлении. Вольному воля - и к чортовой матери!" - Вопрос поставлен ребром и поставлен самим ген.Марковым.

Осмотр подвод продолжается. Вдруг фигура ген.Маркова принимает никогда не виданную мною до того позу: голова его вытянулась вперед, почти сравнявшись с поднятыми вверх плечами, и до меня долетает единственное сказанное им слово: - Что-о-о?!

Как раз в это время проезжала мимо занятая четырьмя пассажирами подвода. В середине ее, в упоении собственного величия, гордо возвышалась широкая труба большого граммофона!

- Подвода, стой! - Одним прыжком ген.Марков очутился возле нее, и в следующий момент граммофон был поднят на всю высоту генеральских рук и с треском расколочен о подмерзший чернозем.

Из четверых пассажиров, занимавших эту "музыкальную" подводу, трое увеличили собой мрачную группу, подвода присоединилась к ожидавшим нового назначения подружкам, а четвертый пассажир с заглушенными рыданиями отправился далее пешком, благодаря счастливому вмешательству Провидения, сотворившего его женщиной.

6.

Совсем коротенькая сценка. Она промелькнула, как пронесшаяся по небу комета: запечатлелась и исчезла.

Обгоняя едущие подводы, бежит по обочине дороги какой-то казак, а за ним, нанося ему удары плетью, бежит ген.Марков, приговаривая при каждом ударе: - "Не воруй, не воруй, не воруй!"

Эта немногочисленная, но крайне живописная группа быстро обгоняет роту и исчезает из нашего поля зрения.

7.

4-ое марта. Бой под Кореновской. К нашей небольшой группе подскакивает ген.Марков.

- Что - жарко?

- Жара, Ваше Превосходительство! Почти нет патронов - прикажите доставить.

- Вот нашли чем утешить! В обозе их тоже нет. По скольку осталось?

- Штук по 15-20.

- Ну, это еще не плохо! Вот если останутся одни штыки, тогда хуже будет! Вперед!

8.

15-ое марта. Редкая цепочка нашей роты вошла в ст.Ново-Дмитриевскую. Красные не подозревают о нашем присутствии и спокойно сидят по домам. Я иду вдоль левого плетня улицы. Навстречу мне идет какой-то товарищ. Поравнявшись со мной, останавливается и с любопытством спрашивает: - Вы с Екатеринодару? - подтверждаю. - Стало быть, на пополнение? - Снова подтверждаю, Еще несколько вопросов. Красный поворачивается и продолжает свой путь. Тотчас оборачиваюсь с намерением всадить в него штык и вижу, что он уже в руках... ген.Маркова, который делает мне знак, приглашающий идти дальше, и ликвидирует красного сам.

9.

Та же Ново-Дмитриевская. Нам выдали деньги в мелких серебряных монетах: гривенники, пятиалтынные, двугривенные. Делать с ними решительно нечего. Сейчас же нашлась компания, затеявшая железку. На столе куча серебра. Неожиданно в хату взвода является ген.Марков и сразу подходит к столу, за которым происходит игра. Широко расставив руки, загребает всю наличность, завязывает ее в любезно поданную ему какую-то тряпку: "Если вы не находите лучшего применения, то мне они пригодятся!" - и покидает хату. Этот беспроигрышный "удар по банку" он произвел во всем полку.

10.

Ночь. Высокие рваные облака заволакивают едва заметную луну и то совсем закроют ее, то снова позволят разглядеть, сквозь ажурные края свои, бледный призрачный диск. Где-то совсем близко шуршат воды невидимой за темнотой Кубани. Но когда сильный пронизывающий ветер совьет и отбросит густую вуаль облаков с лика луны и полным взглядом посмотрит она в бегущую в десяти шагах воду, тусклым серебряным блеском ответит ей Кубань. И снова черным капюшоном облаков закроет ветер лицо небесной красавицы. Не много звуков нарушают тишину ночи: шумит ветер, шуршит Кубань, скрипят колеса скрытых темнотою подвод, да стучит в груди собственное сердце. Между густыми кустами, растущими по берегу Кубани, тянется мокрая тяжелая дорога. Запрещено курить, запрещено говорить - молча идет рота.

И вдруг справа, среди раздвигаемых кустов, появляются темные человеческие силуэты. Откуда-то из темноты бросается к ним никем до

того не замеченный ген.Марков. Слышен его громкий вопрос:

- Что за люди?

- Да мы ж Кубанцы! - отвечают силуэты.

- Как Кубанцы? Да я же поставил вас в охранение!

- Да чиво же уси уходять, а нас бросилы?

- Что?! А вы видели, чтобы ген.Марков кого-нибудь бросал?

Ему отвечает смущенное молчание.

- А коли вы мне не верите, так и я вам не верю! Получай расчет и к чортовой матери!

Он становится, широко расставив ноги, и, распахнув борты своей серой куртки, из внутреннего кармана вытаскивает свой бумажник.

- Подходи за расчетом!

Этот неожиданный оборот дела до того напугал Кубанцев, что от расчета они отказались и покорно вернулись на свое прежнее место.

11.

Генерал Марков в прескверном настроении и по весьма уважительной причине: 1-й Офицерский полк под его командой оставлен для охраны переправы раненых и в штурме Екатеринодара участия не примет. Он не считает нужным скрывать свое разочарование и бесится. Давно переправились все остальные части; уже вторые сутки, как гремит бой под городом, подобный вою сильной бури в вершинах деревьев. Переправа на двух паромах тянется бесконечно долго. Ген.Марков торопит и нервничает. В строгом порядке подъезжают к паромам подводы. Кажется, никогда не кончится их непрерывная цепь. Тихо подползает вторая ночь. Нетерпение ген.Маркова достигло высших пределов. Малейшая задержка движения вызывает в нем вспышки гнева, и удары его нагайки сыплются и на лошадей, и на возниц. К полуночи начинает накрапывать мелкий, холодный дождь. Неожиданно, нарушая установленное движение, не взирая на опасность создать пробку, к парому протискивается какая-то подвода. Ген.Марков бросается к ней и ударами нагайки по подводчику и пассажиру заставляет ее отъехать в сторону. Слышится возмущенный протест пассажира:

- Ваше Превосходительство!

- Ах, извините, Ваше Превосходительство, - отвечает ген.Марков. - Но сейчас мне некогда! Стоять здесь! - приказывает он подводчику. - Переправа в последнюю очередь.

Медленно тянется переправа. Покорно стоит в стороне подвода с оскорбленным, но больше не рискующим нарушить приказ ген.Маркова Превосходительством.

12.

Станица Дядьковская. Нашему отделению отведена одна из хат на той улице, где расположилась, по указанию ген.Маркова, 1-я рота Офицерского полка. Поздняя ночь. Беспрерывные переходы и бои, с момента отхода от Екатеринодара, окончательно вымотали полу-перераненный состав отделения, и возможность хотя короткого отдыха рисуется в особенно радужных тонах. Валимся на пол, где придется, собираясь погрузиться в небытие. И вдруг громкое и резкое приказание: очистить хату для полк.Филимонова!

Отделенный командир возражает очень неуверенно, что мы не имеем права оставить отведенное нам место без приказания командира роты.

Открываю глаза и вижу неизвестного мне полковника, повторяющего свое приказание. Тон его настолько наглый, что вызывает всеобщее мущение и, конечно, нежелание подчиниться. Спор переходит в повы-

шенный тон. Отделенный отправляется к командиру роты за разрешением спорного вопроса и тотчас же возвращается в сопровождении ген.Маркова.

С момента появления ген.Маркова я не слышу никакого другого голоса, кроме голоса генерала, и должен сказать, что ни разу не слышал такой выразительной и громоподобной интонации.

В хате остались мы, а неведомый мне полковник был отправлен по другому, хорошо известному адресу.

13.

Описывать хорошо всем известное удивление ген.Маркова на переезде жел.дороги радостному состоянию четырех членов Кубанской Рады вряд ли имеет смысл, а потому эту сценку я обхожу молчанием. Да и целомудрие запрещает.

14.

2-ая Лежанка. Ген.Марков запретил стрелять в наступающих на нас "товарищей", пока они не подойдут к забитому им впереди роты колу, шагах в 300-х впереди. Утомленный держать долго на мушке приближающегося к колу комиссара, я слегка поторопился, вызвав негодование стоявшего позади меня ген.Маркова, и тотчас же был им произведен в чин, известный не только на военной службе, с соответствующим посвящением в него нагайкой. Обиды на ген.Маркова во мне не было, а только досада на самого себя, выразившаяся в коротком резюме инцидента:

– Так мне, сукину сыну, и надо!

15.

Последнее личное воспоминание. На одном из переходов при отходе от Екатеринодара я снял ботинки и, связав их шнурками, водрузил на штык моей винтовки и шел босым. Взводный, кап.Згривец, смотрел исподлобья, но не говорил ни слова, зная, что мои раны, хотя и не тяжелы, но все-таки болезненны. Неожиданно колонну роты обогнал ген. Марков. Остановился, с недоумением посмотрел на меня и вежливо осведомился: "А вы, прапорщик, вероятно, идете на богомолье?" Не знаю, чем бы кончилось дело, но ротный объяснил мое положение. Марков улыбнулся и поехал дальше. Долго спустя я все еще ходил под кличкой "богомолец".

З.У.

– – oOo – –

x
x x

Размыта грозами дорога.
Тяжелый мир заржавлен злом.
Я знаю, кровью брызжет гром,
Я знаю, больно под дождем.
Мой белый Друг, наш близок дом.
Мой белый Друг, мы у порога...

Иван Савин

– – oOo – –

ПЕРВОПОХОДНИЦА ЖУЧКА.

Старый греческий пароход "Константинополь", наконец, доплелся до Нью-Йорка.

Трюмные пассажиры, русские иммигранты из Константинополя, заполнявшие весь пароход, облегченно вздохнули. В пути качало пароход немилосердно, кормили отвратительно, одно утешение был хлеб - прекрасно испеченный свежий хлеб с чаем был для многих единственной пищей.

Хотя пароход выехал на месяц ранее открытия квоты, но опоздал к 1-му августа: десятки кораблей со всех концов света уже прибыли заранее, чтобы их пассажиры попали первыми в квоту. Перспективы были не из веселых - или придется сидеть на пароходе целый месяц, или же, если русская квота будет заполнена, нас отвезут обратно в Турцию. Носились слухи, что когда Президенту Соединенных Штатов Гардингу доложили об этом, он схватился за сердце и умер.

Среди бывших воинов Добровольческой Армии создавались фантастические планы: захватить пароход, уйти в Тихий океан, высадиться на одном из необитаемых островов, носящих русское имя - открытых русскими мореплавателями в 19-м веке - поднять русский флаг и основать русскую колонию. Среди пассажиров были люди всевозможных профессий - были и морские капитаны, и инженер-механики, и доктора и т.д.

Конечно, сейчас же нашлись пессимисты, которые доказывали невозможность подобной авантюры:

Во-первых, уголь на пароходе весь вышел, жадные греки-владельцы нагрузили на пароход угля в обрез; попали мы в бурю, поэтому шли тихим ходом, ибо капитан боялся очутиться в океане без угля.

Во-вторых, мы будем объявлены морскими пиратами и... Никто не хотел слышать дальнейшего...

Но вот среди тысячной мятежной толпы нашлась одна безбилетная, да и беспаспортная пассажирка, которая благополучно съехала на берег. О ней-то я и хочу рассказать.

В верхнем трюме, где были построены нары поперек всего парохода, я изловчился захватить место у иллюминатора - совсем, как в каюте 1-го класса; где-то в самом темном углу устроился какой-то тихий человек, который редко покидал свою нару. Прозвали его корниловцем, ибо он все еще носил корниловскую черную рубашку, на которой выгоревшие очертания погон и нарукавной эмблемы выдавали ее происхождение.

Не все в трюме знали, что везет он с собой контрабанду - маленькую собаченку Жучку, черненькую с белыми пятнами дворняжку. Соседи приносили косточки, кусочки мяса, хлеба после обеда и кормили ее. А Жучка была умненькая, за всю дорогу ни разу не залаяла и вела себя отлично во всех отношениях.

По приезде в Нью-Йорк, когда пароход стоял на якоре на рейде, приехало много лодок и катеров - встречать родных и знакомых, репортеры газет и т.д.

Один из приехавших вызывал нашего корниловца. Кто-то сбегал в трюм и остался там сторожить Жучку. Корниловец поговорил с приехавшим, и можно было только понять, что он приедет к пароходу вечером.

Ввоз собак в Америку был обставлен с невероятными трудностями и расходами: нужно было иметь свидетельство от ветеринара о всех прививках, паспорт собаки, ее родословную, происхождение и т.д. Кроме того, собака должна провести месяц в карантине, за что нужно платить, и т.д. Ну, куда же человеку с одной рубашкой все это оплатить?

Несколько человек предложили свою помощь. Двое дежурили на палубе; как только явился нью-йоркец на лодке, один из них сбегал в трюм. В трюме уже все было готово - мешок и веревка; Жучку посадили в мешок, завязали веревкой, и пока хозяин нес ее подмышкой, его окружали четверо, чтобы никто не заметил, что он несет. Выждав момент, когда никого близко не было, группа сгрудилась у борта, и мешок на веревке начал опускаться вниз. Лодка подлетела,подхватила мешок, веревку перерезали одним ударом, и лодка исчезла в темноте. Вздох облегчения вырвался у всех.

Тут кто-то спросил корниловца - а что это за собаченка?

Наш молчаливый спутник, за всю дорогу не сказавший десятка слов, начал свой рассказ:

- Пристала Жучка к нашей роте в Первом Кубанском походе, где-то на Кубани. Под Кореновкой я был ранен, залез в какую-то канаву и потерял сознание. Очнулся в хате, в околотке, мне делали перевязку; рана была не тяжелая, но я потерял много крови.

Мои сослуживцы рассказали, что они уже отступили, как вдруг откуда-то появилась Жучка, громко лает и бежит в сторону, словно хочет что-то сказать. Кто-то пошел за нею, а она привела к тебе, в канаву. Вот она - твоя спасительница!

Жучка подошла, повиляла хвостиком, ласково лизнула меня. С тех пор мы с ней и подружились. Ездила она со мною в обозе, пока я не выздоровел. Ходила со мною в бои. Оказалось, что не я один был спасен ею. Покидая поле брани, она деловито обегает все поле, обнюхает всех лежащих и, если заметит признаки жизни, поднимет лай. Сидела она со мной в сторожевом охранении и не раз открывала приближение красных.

Вся рота души не чаяла в Жучке, да и весь полк знал Жучку.Когда она была ранена, вся рота ждала, что скажет доктор; рана оказалась легкая, пуля сорвала только кусок шерсти, но Жучку продержали на привязи всю неделю.

Ах, всего и не расскажешь, какие проделки устраивала Жучка! И в разведки ходила! Захватили мы как-то большое село на Украине, остановились в большом хорошем доме - хозяева, видимо, сбежали. Пошли мы с Жучкой осматривать сеновал, вдруг Жучка сделала стойку, шерсть вздыбилась, и носом водит на сено. Я громко сказал: "Ну, здесь никого нет!" - и вывел ее поскорее. Привел свой взвод, окружил сеновал и кричу: "Выходите, а не то сожгу сеновал!". Вышло человек десять красных, захваченных врасплох, которые решили спрятаться в сене, а ночью уйти.

О, Жучка все видела: Новороссийскую эвакуацию, Рим, Крым, огонь, воду и медные трубы! Голод и холод и смерть на каждом шагу. Когда кого-либо из ее друзей убивали - Жучка грустила, лежала на земле,положив голову на лапы, ничего не ела.

Жучка была верный друг, настоящий корниловец!

Не обошлось и без романов; иногда Жучка исчезала на день, два.

Дело уже было в Таврии. Является однажды Жучка и приводит с собой кавалера - красавца, немецкого полицейского пса.

Пес был настоящий джентельмен - чистый, расчесан, прекрасно воспитан, ласков и ходил по пятам за Жучкой.

Вся рота только ахнула - и как она умудрилась в дикой, пыльной степи найти себе такого кавалера!!!

" Ай да Жучка! Знай наших, недаром мы Корниловцы - все достанем, под земли выкопаем!"

В роте было несколько бывших пленных красноармейцев, которые опознали пса: он принадлежал красному командиру батальона, который сражался против нас.

"Ай-да Жучка! В плен красного взяла!" - Жучке почет и уважение.

Дня через два является в роту старик-крестьянин и говорит, что его послал красный командир, который стоит в их селе. Он знает, что его пес попал в плен, и, по просьбе всего батальона, он предлагает обмен пленных: день тому назад они захватили в плен вашего капитана Х., и он предлагает его в обмен за пса.

Ротный долго не думал, только хотел знать, как произойдет обмен. Старик сказал, что он получил указания на этот счет: один корниловец поведет пса на веревке, старик проведет в известное место у леска; подойдя к леску, старик возьмет пса и поведет его в лесок, а оттуда выйдет капитан - хотя он и ранен, но ходить может.

Когда уводили пса, Жучка пыталась бежать за ним, но ей строго сказали: "нельзя!"; для верности привязали и поставили часового: "война, голубушка, война!"

В роте горячо обсуждали этот случай. Кто-то поднял вопрос - а что, если бы Жучка попала в плен? - "Да за Жучку мы бы десяток красных отдали!" - было общее решение.

Обмен произошел гладко. Пришел измученный, раненый, раздетый капитан Х. Через день его должны были бы сдать в Чека... конец...

"А где моя спасительница?" - Жучка, увидев капитана, встала на задние лапки и умиленно завиляла хвостиком. Капитан стал во фронт и сквозь слезы сказал:

- Жучка, спасибо тебе! Никогда тебя не забуду!"

Корниловец замолк, вспоминая прошедшее, а потом добавил:

- А вот теперь капитан Х. спас Жучку! Это он был в лодке!

А.Долгополов.

- oOo - -

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

(Продолжение, см. №№ 59-60, 61-62, 63-64, 65-66, 67-68, 69-70, 71-72, 73-74)

34. Движение к Красноярску.

При переходе через Тайгу 3-ья Армия понесла огромные потери. Погибли у д.Дмитриевской, почти целиком, 7-я Уральская дивизия и Воткинский кадровый полк. Оставлена большая часть артиллерии, и только Ижевцам удалось вывезти 4 орудия. Брошено много пулеметов, погибло много обозов. Застряло большое количество беженцев, не бывших в состоянии протащить тяжело нагруженные сани на обессиленных лошадях, не получавших корма.

Обозные части Ижевской дивизии, в том числе Конного полка, удачно прошли тайгу, двигаясь через нее на два, три перехода впереди боевых частей. Ижевцы привыкли действовать дружно во всех случаях: в боях и в походе. Поэтому и тыловые части дивизии шли сомкнуто, не разбиваясь и не перемешиваясь с другими частями, насколько было возможно в создавшихся тяжелых условиях. Начальники хозяйственных частей и коменданты, в большинстве энергичные и находчивые офицеры и чиновники, прилагали все усилия, чтобы продвигать порученные им обозы в целости и сохранности.

Теперь обозы поджидали боевые части, чтобы двигаться дальше совместно.

После прохода тайги намечался план остановить красных у восточных выходов из тайги, загородив их отрядами с большим количеством пулеметов и обильно снабженными патронами.

Если бы это удалось, можно было бы выиграть время для приведения в порядок перепутавшихся частей, подтянуть отставших, дать некоторый отдых и восстановить боеспособность.

Но обстановка этого не допускала.

Некоторые части 1-й Армии, двигавшейся на правом фланге фронта, перешли на сторону красных, а частью разоружились и разошлись. Сибирский тракт, проходивший через Томск, был открыт противнику для выхода в тыл 2-й и 3-й Армиям. В Красноярске шли усиленные приготовления левыми группами к восстанию с целью отрезать отступавшим движение на восток. На свою сторону эти группы привлекли командира 1-го Сибирского корпуса ген.Зиневича и подчиненные ему войска. Ген.Зиневич объявил об "окончании" гражданской войны и потребовал от Главнокомандующего ген.Каппеля сложить оружие. К взбунтовавшемуся гарнизону Красноярска шли на усиление большие отряды красных партизан Щетинкина, Кравченко и др.

Вместо задержки красных на восточной границе Томской тайги и приведения себя в порядок, отступавшим армиям приходилось торопиться к Красноярску и двигаться в тяжелых условиях.

От Щегловской тайги до Красноярска более 400 верст. Не доходя до города, к югу тянется новая полоса тайги, не имевшая дорог с запада на восток. Эта тайга находится на левом берегу р.Енисей, примерно к югу от участка жел.дороги ст.Кемчуг - Красноярск. Ст.Кемчуг - в 85 верстах к западу от г.Красноярска.

Все отряды и обозы, двигавшиеся южнее жел.дороги, главным образом из состава 3-й Армии, находились под ударом быть прижатыми к этой тайге и отрезанными от путей отступления. Необходимо было выбраться на жел.дорогу возможно скорее. Последним пунктом выхода из ловушки являлась станция Кемчуг.

Тяжелые условия перехода через Щегловскую тайгу задержали 3-ю Армию, и она двигалась на полтора, два перехода на уступе позади 2-й Армии. Теперь, после прохода тайги, шли по нескольким дорогам и по сравнительно населенному району. Можно было ночевать под крышей и находить продукты, а для лошадей - корм.

Лошади были сильно изнурены, и многих приходилось заменять покупкой или обменом. Сибирские крестьяне нередко вполне добровольно обменивали изнуренную лошадь на свою, в хорошем теле. Это освобождало их от подводной повинности или же захвата крепкой лошади бесплатно или за обесцененные кредитные билеты. А изнуренную лошадь можно "выходить".

Измена ген.Зиневича в Красноярске заставляла ускорить движение, чтобы не дать возможности перешедшему на сторону красных гарнизону и подходившим к ним на усиление шайкам партизан организовать оборону города и закрыть нам дальнейший путь отступления.

Не приходилось думать о столь необходимом отдыхе и приведении перепутавшихся частей в порядок. О дневках забыли, ночлеги и привалы были сокращены до предела, величина переходов увеличена.

Несмотря на большие потери в тайге, дороги и на этом участке пути были загромождены большим количеством частей, обозов и беженцев. Только немногие части двигались в порядке. Большинство были разбиты на мелкие группы и перемешались с обозами и беженцами.
На случай потери связи с начальником дивизии частям Ижевцев было приказано пробиваться к жел.дороге и двигаться к Красноярску.

Конный Ижевский полк в ночь 27-28 декабря выступил из деревни Красный Яр и, проделав большой переход, дошел до дер.Ново-Троицкая.

После еще одного или двух переходов полк нагнал свою хозяйственную часть.

Кажется, впервые после выступления из Омска, где полк формировался, он оказался собранным в полном составе.

Генерал Молчанов захотел посмотреть полк и отдал приказ, перед выступлением на следующее утро, построить полк для смотра.

Привыкнув за последнее время к малочисленности частей, выстроенный Ижевский полк показался, по крайней мере, конной бригадой. Шесть эскадронов, учебная команда, пулеметная и подрывная команды, штаб с командами связи и комендантской, хозяйственная часть, санитарная и ветеринарная части и, наконец, детище гражданской войны - "семейный" дивизион, в котором насчитывалось около 200 жен, детей и стариков.

За боевыми частями каждого эскадрона в 90-100 сабель стояли по 30-40 всадников "запаса", не имевших седел, многие без шашек, сидевшие на попонах или других приспособлениях.

Всего было выстроено более 800 всадников, с обозными и нестроевыми до 1000 человек, не считая семей. Благодаря большому обозу неудивительно, что построенный для смотра полк казался много больше, чем полк нормального состава. Но, несмотря на разнообразие обмундирования, разномастность лошадей, не говоря уже о необычном виде обоза, полк представлял стройное зрелище.

В условиях тягости похода, после ран, нанесенных всем частям армии проходом через тайгу, здесь чувствовались порядок и дисциплина - результат забот и работы начальников всех степеней и однородности и сплоченности состава.

Адъютант полка отправился доложить начальнику дивизии, что полк построен для смотра.

Но вместо прибытия ген.Молчанова был получен приказ отправить обозы дальше, а полку приготовиться немедленно к выполнению боевых задач.

Полку не пришлось больше встретиться со своей хозяйственной частью

\- о -

Продолжая делать большие переходы, полк к вечеру 1-го января 1920 года (по нов.ст.) достиг села Назарово, находившегося в 30 верстах к югу от г.Ачинска. За пять дней было пройдено 250 верст. Назарово расположено на тракте Ачинск-Минусинск, вдоль которого идет телеграфная линия.

2-го января задачей полку назначалось движение к г.Ачинску и удержание этого пункта от захвата противником. Полк приготовился к выступлению, но в 9 час.утра на телеграфной станции было получено сообщение, что Ачинск уже захвачен большими силами красных. Об этом было немедленно послано донесение начальнику дивизии.

В Назарове большая толкучка. Много частей, обозов и беженцев. С юга подошел 1-й Прифронтовой полк, действовавший против красных шаек Щетинкина. Полк этот, видимо, накануне распада. Из строя слышны выкрики солдат: одни хотят скорее идти дальше, другие требуют отдыха.

К 11 часам утра получен приказ двигаться на Покровское (Чернореченское) для новой попытки выйти к жел.дороге и Сибирскому тракту. В 11 ч.15 мин. два эскадрона с пулеметами двинулись к дер.Улуй - ст. Чернореченская; за ними - остальные части полка.

Дойдя до дер.Улуй и выступив дальше, заметили двигавшуюся нам навстречу Оренбургскую казачью бригаду. Высланный вперед офицер узнал от казаков, что район ст.Чернореченская в руках красных. Они опять опередили нас. Чтобы не задерживать двигавшихся навстречу Оренбуржцев, Ижевский полк свернул на восток через Себеж на Плодбище (на схеме не указано), куда прибыл в полночь и остановился на короткий ночлег.

В 7 час.утра 3-го января полк выступил на ст.Козулька, выставив заслон против красных, занявших Чернореченскую. Разведка выяснила, что Козулька в руках противника. В 16 час.30 м. два эскадрона были направлены на Ничково - Шерловка - ст.Кемчуг, чтобы с этой станции выдвинуться на запад и прикрыть ее от захвата противником.

Переходы огромные. Вернее, в день делаем несколько переходов, двигаясь и ночью, с небольшими остановками для отдыха в деревнях.

4-го января в 5 час.утра, задолго до рассвета, двинулись на Шерловку - ст.Кемчуг. Когда рассвело, увидели знакомую неприятную картину - дорога была загромождена обозами в 3-4 ряда.

Но с конными можно было по обочинам двигаться вперед.

По дороге выяснилось, что движение остановилось, так как за Шерловкой красные. Они заняли дорогу к ст.Кемчуг, выставили пулеметы и отражают попытки их отбросить. В колонне терпеливое ожидание.

Около 7 час.утра 4-го января Конный полк Ижевцев собрался в Шерловке. Здесь уже было несколько строевых частей, в том числе 4-й, 11-й и 17-й Оренбургские казачьи полки, один кав.полк из 1-й Кав.дивизии и еще несколько небольших частей, почти все конные.

Старшие начальники собрались на совещание, которое происходило под председательством командира 5-й Оренбургской бригады - ген.майора Бручинина. Решили сбить красный заслон и пробиться на ст.Кемчуг. Задачи распределили по взаимному соглашению.

Деревня стояла на поляне, окруженной лесом. Красные занимали северный участок леса, через который шла дорога, и их позицию можно было бы укрыто обойти с обоих флангов. Но в лесу был глубокий снег, и обходящим частям пришлось бы потерять много времени на такой маневр. Поэтому решено было отбросить красных наступлением в лоб.

Слева от дороги повели наступление цепи спешенного конного полка. Казаки наступали на обоих флангах. Ижевцы должны были атаковать в конном строю, когда цепи подойдут к противнику.

Спешенные всадники конного полка смело пошли в атаку по ровному снежному полю под жестоким огнем красных пулеметов. Их прорыв замедлялся глубоким снегом. Падали убитые и раненые, но офицеры кричали "вперед".

От Ижевского конного полка в голове атакующих шел 1-й эскадрон под командой поручика Лумпова. Снежная поверхность поляны не давала возможности развернуться и атаковать всем полком. Приходилось вести атаку эшелонами и притом только по дороге.

Поручик Лумпов собрал свой эскадрон к северной окраине деревни. Но он раньше времени выскочил вперед, и красные пулеметы сосредоточили весь огонь по колонне появившихся всадников. Эскадрон понес большие потери и повернул обратно. Был тяжело ранен выделявшийся своей храбростью прапорщик Чирков.

Все эти действия походили больше на самоубийство от сознания безвыходности положения и от отчаяния. При обходе противника с флангов, или с одного из флангов, может быть, было бы потеряно 2-3 часа времени, но успех был более вероятен.

После неудачи атаки расстроенные части скопились на поляне в лесу к востоку от деревни. Было около 2 час.дня. Продрогшие бойцы начали разжигать костры. Положение казалось безвыходным. Отступать назад по загроможденной дороге или обороняться в деревне было бессмысленно. Повторять атаку и пробиться к жел.дороге успеха не сулило - было ясно, что красные крепко там обосновались. Все искали выход из этого безвыходного тупика.

На поляну подошел еще один отряд из остатков Уральских полков под командой ген.Круглевского. В этом отряде было 350-400 человек, все конные. При отряде 3-4 знамени старых Императорских частей.

Ген.Круглевский предложил командиру Ижевского конного полка двигаться дальше вместе. Он сообщил, что у него есть проводник из местных лесничих, который отлично знает тайгу. Проводник обещал через чащу леса вывести на дорогу, которая приведет к жел.дорожному полотну к востоку от ст.Кемчуг. Но надо сделать большой обход в 8-10 верст, чтобы обойти полосу непроходимой молодой заросли.

Предложение это вызвало недоверие. Плутать по таежному лесу, когда, по собранным сведениям, жел.дорога была верстах в двух от Шерловки, совершенно не улыбалось.

Ген.Круглевский отправился с проводником на юг, Ижевский полк на север к жел.дороге.

На всякий случай один всадник Ижевского полка был оставлен на месте и должен был запомнить путь ген.Круглевского. На поляне было много следов по всем направлениям, и найти путь ген.Круглевского в темноте приближающейся ночи было бы очень трудно.

Пройдя по редкому лесу не более полуверсты, Ижевцы встретили непроходимую стену молодого березняка. Вынули шашки и стали рубить проход. Но скоро убедились, что работа эта медленная и конца березняку не видно.

Повернули обратно на поляну. Наступал вечер, был сильный мороз, горело много костров.

Ижевцы подъехали к большому костру, около которого расположился круг Оренбуржцев. Шло совещание. Говорил, кажется, урядник. Стараясь зычным голосом придать убедительность своим словам, он доказывал,

что идти дальше некуда, прошли уже много и все жертвы и страдания оказались напрасными... "Если удастся пройти здесь, - говорил он, - то погибнем в другом месте. Надо начать переговоры с красными о сдаче и поставить условие, чтобы всем, сдавшимся добровольно, не исключая всех офицеров, была дарована жизнь".

Он заметил, что подъехали Ижевцы, и добавил:

"Вот и Ижевцы тут, надо действовать вместе, тогда будет легче сговориться с большевиками, и они примут наши условия".

Мрачно смотрели кругом говорившего остальные казаки. Был тут и их командир бригады, председательствовавший утром на собрании старших начальников. Опершись обеими руками на эфес шашки, он угрюмо возражал оратору.

Совещание могло затянуться, а время было дорого. Начинало темнеть. Могли подойти красные. И так было непонятно, почему они еще здесь не появились. Поляна была недалеко от деревни, где они наверное уже хозяйничали. Возможно, что разоружение попавших в их руки наших войск и обозов заняло все их внимание.

Ижевцы двинулись дальше. Оставленный маяком всадник, следивший за уходом ген.Круглевского, показал дальнейший путь.

Совсем рядом с костром оказался густой лес молодых сосен, и через него шла узкая, протоптанная в снегу тропинка. Трудно было поверить, что надо было входить в какую-то темную дыру, когда кругом был редкий лес огромных деревьев.

Нагнувшись к самому седлу и задевая ветки деревьев, начали пробиваться по этому узенькому коридору в полной темноте. Через сотню-полторы шагов вышли опять в редкий лес и по протоптанным следам пошли дальше. Примерно через час вышли на лесную дорогу. У дороги стоял стог сена, от которого нам достались мелкие клочья, разбросанные кругом. Не побрезговали и этим даром судьбы, чтобы подкормить лошадей. Движение на север.

На рассвете 5-го января вышли на железную дорогу. Ближайший верстовой столб указывал цифру 632, но откуда был счет - не знали. Предположительно это было версты три к востоку от ст.Кемчуг. Пошли по сильно укатанной, и теперь пустынной грунтовой дороге, идущей около жел.дорожного полотна. Видно было, что тут прошли тысячи саней.

За минувшие три дня - с 2-го по 4-е января, прошли более 150 верст. От Ачинска до ст.Кемчуг всего около 85 верст, но, с попытками выйти к жел.дороге, приходилось делать кружные движения, возвращаться и проделывать это несколько раз.

На измученных задолго до этого лошадях, при плохом питании и коротких остановках для отдыха, трудно было рассчитывать обогнать красных, которые, начиная с Ачинска, опередили нас.

Но вот, наконец, обогнали и, казалось, достигли цели последних дней. Но особенной радости не было заметно. Боязнь за оставшихся позади действовала угнетающе. Где семьи, где остальные части дивизии, где ген.Молчанов?... Все они следовали позади, и их благополучный выход был под большим сомнением.

Не хотелось спасаться одним, и не было желания попадать под чье-либо другое начало. Ген.Молчанов являлся для всех Ижевцев незаменимым, и они не представляли себе, чтобы его можно было потерять.

В 9 час.утра 5-го января на ближайшем жел.дорожном разъезде сделали привал и выпили пустого чая. Через полчаса выступили дальше. К ночи должны были добраться до станции Кача. Впереди широкая, ров-, совершенно свободная дорога. Такую бы в тайге - тогда не погиб-

ла бы там большая часть нашей армии.

Неизвестно, были ли за нами какие-либо наши белые части или нет. На всякий случай прикрывались с тыла, а на север, где шел Сибирский тракт, вели наблюдение.

Поздно вечером добрались до ст.Кача. Около нее небольшая деревня Становая. Вошли в деревню и встретили своего Ижевца. Радостная весть быстро пробежала по колонне полка. Ген.Молчанов с некоторой частью остальных полков дивизии благополучно прорвался через тайгу. На лицо был сильно поредевший, но больше других сохранившийся 1-ый полк, часть 2-го и остатки малочисленных 3-го и 4-го полков. 1-ый полк, потеряв на походе из Красного Яра связь с начальником дивизии и выполняя приказ пробиваться в таком случае к железной дороге, направился на гор.Ачинск. В пути командир 1-го полка встретил 3-й и 4-й полки и предложил командирам этих полков взять для верности направление к востоку от Ачинска. Они не согласились и предпочли идти прямо на Ачинск. 1-й полк вышел благополучно на жел.дорогу, а 3-й и 4-й полки, повидимому, погибли при подходе к Ачинску. 1-й полк ждал остальных на ст.Кача.

Ген.Молчанов, достигнув со своим штабом и артиллерийским дивизионом с.Рыбное, находившегося на окраине тайги, остановился на ночлег. Выяснив к утру, что дорога на Кемчуг забита обозами, он расспросил местных крестьян о тайге и путях через нее. В тайге находился маленький поселок, к которому дороги нет, но охотники ходят туда без затруднений - тайга проходима. От этого поселка есть лесная дорога к жел.дороге, выйдя на которую, можно дойти до ст.Кача.

Узнав точно направление, ген.Молчанов по компасу вышел со своим штабом как раз к указанному поселку и из него достиг ст.Кача.

Артиллерия под командой полк.Якубовича, по настойчивой просьбе последнего, должна была выйти через полчаса. Лошади артиллерийского дивизиона совершенно выдохлись, и полк.Якубович просил дать лишнее время для отдыха и корма лошадей.

Ген.Молчанов сначала на это не соглашался, но потом разрешил, подтвердив приказ выступить не позже, как через полчаса. Артиллерия Ижевцев (последние 4 орудия) уже не выступила с места своего ночлега и была захвачена противником.

С артиллерией, или где-нибудь в ближайших деревнях погибло и большинство наших обозов.

А.Ефимов

(Продолжение следует)

- - - - oOo - - - -

Дополнение к статье Б.Н.Сергеевского "ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ"
(№ 69-70, стр. 47-48))

Оренбургского Казачьего Войска полковник Н.А.Вдовкин сообщил мне, что по сведениям офицеров-оренбуржцев дивизионом 4-го Самаро-Уфимского полка под Хорохориным командовал эсаул того же полка Шпитцберг, сын командира одного из Туркестанских Армейских Корпусов.

Эсаул Шпитцберг убит в одном из следующих боев полка.

Б.Н.С.

- - oOo - -

5 0 Л Е Т.

Русская эмиграция в нынешнем году отмечает молениями в церквах и собраниями день 50-летней годовщины трагедии России.

В Лос-Анжелесе, уже 15-го октября, первыми отметили 50-летнюю годовщину трагедии русского народа объединившиеся организации Блока Монархического Единства гор.Лос-Анжелеса и Сан-Франциско и некоторые другие присоединившиеся к ним организации этих городов. В Спасо-Преображенском храме Архиепископом Антонием было совершено моление о спасении России с провозглашением Вечной Памяти всем строителям славы и величия Государства Российского и Многолетия - законному наследнику Российских Императоров, Великому Князю Владимиру Кирилловичу. Затем была совершена Лития по всем умученным и убиенным безбожной коммунистической властью и по всем, за Веру, Царя и Отечество живот свой положившим.

В тот же день в помещении церковной школы Спасо-Преображенского храма было проведено патриотическое собрание, посвященное священной памяти Царя-Мученика Императора Николая 2-го Александровича и всей его Августейшей Семьи; строителям славы и величия Российского Государства и доблестным Добровольческим Армиям, не примирившимся с захватчиками России.

- о -

Второе собрание, посвященное пятидесятилетию трагедии России, было организовано 12-го ноября под руководством Начальника Калифорнийского Отделения Русского Обще-Воинского Союза полковника Неклютина. В нем приняли участие следующие организации:

1) Русский Обще-Воинский Союз, 2) Общество Русских Ветеранов 1-й Мировой войны, 3) Калифорнийский Отдел Союза Участников 1-го Кубанского похода, 4) Калифорнийское Отделение О-ва Галлиполийцев, 5) Горско-Казачья Станица, 6) Кают-Компания Морских офицеров, 7) Калифорнийский отдел Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, 8) Калифорнийский отдел Союза бывш.чинов Русского Корпуса, 9) Комитет помощи Русским Военным Инвалидам, 10) Комитет Объединенных Власовцев, 11) Объединение бывших Кадет и 12) Лос-Анжелесское Объединение бывш. Сестер Милосердия.

После молебнов о спасении России, с поминовением всех, убиенных коммунистической властью, отслуженных в русских храмах Лос-Анжелеса, собрание состоялось в поместительном зале "Чешского Сокола". Кроме членов указанных организаций, на него явилось множество представителей русской колонии Лос-Анжелеса.

Ровно в 2 часа 15 минут Начальник Калифорнийского отделения РОВС'а полковник Неклютин объявил собрание открытым и поручил подполковнику Есипову провести церемонию отдания чести флагам США и Русскому. Хором был исполнен гимн США и "Коль Славен".

Подполковник Есипов сообщил собранию, что вне программы выразили желание выступить от порабощенных коммунистами народов венгерский священник Ласло Кечкемети - вице президент Американской Венгерской Федерации - и г.Стевен Сус, секретарь этой Федерации, а также представитель Венгерского отдела Американской независимой партии проф. Сумлич и представитель от словаков Поль Руснак.

После их выступлений слово было предоставлено ген.Свицеву, который в более, чем часовой речи рассказал об исторических событиях, охватывающих первую мировую войну, отречение Государя Императора,

революцию 17-го года, октябрьский переворот, начало Белого движения, его развитие на всех фронтах и окончательное крушение.

После него выступили подполковник Есипов, капитан Думбадзе, от Горско-Казачьей Станицы подъесаул Черняев и от О-ва Галлиполийцев шт.капитан Мустафин. Д-р И.Е.Гончаров с воодушевлением прочел свое стихотворение "50-летний юбилей "бескровной" на Руси".

На собрании была устроена выставка орденов и знаков отличия всех Белых армий, устроенная А.Долгополовым, а также - орденов и медалей Императорской Российской Армии, устроенная Б.Кудиновым.

Перед закрытием собрания полковник Неклютин предоставил слово прибывшему из Санта-Барбары полковнику Гордееву, бывш.командиру 1-го полка РОА, который сообщил Собранию, что 19-го ноября такое же собрание будет устроено в Санта-Барбаре, пригласил желающих прибыть на это собрание и передал присутствующим привет от русских людей Санта-Барбары.

- о -

19-го ноября группой Белых воинов в Санта Барбаре было устроено собрание, посвященное "Дню Непримиримости" к коммунизму и 50-летию начала Белой Борьбы.

Предварительно в обоих русских храмах города был отслужен молебен с поминовением всех погибших в боях и замученных коммунистами.

Председатель инициативной группы полковник А.Д.Гордеев-Архипов открыл собрание отданием чести американскому флагу и исполнением гимна США. Под стройное пение соборным хором (регент Б.П.Поляков) "Коль Славен" последовал вынос нашего трехцветного Стяга, после чего присутствующие почтили вставанием всех погибших от богоборческой власти.

После вступительного слова председателя выступил д-р В.Г.Сенютович. В своем докладе он рассказал об исторической традиции русского Престола, о его связи с народом и о полной непричастности народа к подготовке переворота. Он высказал мысль, что если бы Белое Движение шло под лозунгом Монархии, то народ присоединился бы к нему. Психологический отрыв ведущего класса от народа, сказал он, с эпохи Петра 1-го увеличивался до такой степени, что накануне революции между интеллигенцией и народом взаимного понимания больше не было. Интеллигенция стала космополитической, потеряв национальные устои.

Участник 1-го Кубанского похода А.Д.Трембовельский выступил с докладом о причинах зарождения Белой Борьбы и о завете последнего Главнокомандующего ген.барона Врангеля.

В последовавшем перерыве дамами-устроительницами был предложен присутствовавшим кофе, чай и пирожки.

После перерыва А.Д.Гордеев-Архипов, оперируя точными данными, доложил о неприятии русским народом коммунистической власти, выраженном в бесчисленных восстаниях, а во второй войне - переходом советских офицеров и солдат на сторону врага (Власовское Движение).

Большим успехом пользовался д-р И.Е.Гончаров, капитан и участник Белой Борьбы на юге России, прочитавший два своих патриотических стихотворения, вызвавших восторг аудитории.

Следует отметить выступление русской талантливой пианистки, 12-летней Леси Боднар, сыгравшей этюд Шопена и, на бис, Прелюдию Прокофьева.

В своем заключительном слове полковник А.Д.Гордеев-Архипов отметил, что все, что достигнуто в СССР. сделано русским народом,а не компартией, и если бы не было революции, то достижения русского народа были бы значительно выше, и документально опроверг навет боль-

шевиков, что до их прихода к власти Россия была пустым местом. Единственным их достижением можно считать тюрьмы и концлагери.

Закрывая собрание, А.Д.Гордеев-Архипов благодарил посетивших собрание, как местных старожилов, так и прибывших из других городов, и прибавил, что "родиться русским очень мало, им надо быть, им надо стать!".

Э.Кариус
("Родные Дали")

ВО ФЛОРИДЕ.

12-го ноября в г.Ст.Петерсбурге, во Флориде, по инициативе нашего соратника поручика С.К.Карпова, было устроено собрание, посвященное зарождению Белого Движения.

Настоятель церкви Св.Андрея Стратилата отслужил панихиду по Белым Вождям и всем воинам, погибшим в боях, умученным коммунистами и в мире почившим.

После панихиды состоялось собрание в зале, украшенном портретами Вождей и большим знаком 1-го Похода. Присутствовало 45 человек из Ст.Петерсбурга и окрестных городов. Докладчики в своих речах освещали зарождение Белого Движения и заслуги Добровольческой Армии, ее Вождей и бойцов, сражавшихся за правое дело.

С.К.Карпов сказал о начале формирования Армии в Новочеркасске, на Барочной ул. № 10, недавно скончавшимся ген.Булюбаш, в то время бывшим еще в чине полковника. В церкви было собрано 35.55 долл., которые были пожертвованы в фонд издания "Вестника Первопоходника".

Правление Калифорнийского Отдела и редакция "Вестника" приносят глубокую благодарность поручику С.К.Карпову, который, несмотря на тяжелую болезнь, приложил много труда, чтобы отметить этот знаменательный для всех нас день; всем устроителям, в большинстве бывшим воинам Добровольческой Армии, за их труды по устройству собрания; и настоятелю церкви св.Андрея Стратилата, о.Николаю, за его помощь и поддержку; ст.лейтенанту Черноморского Флота Василию Митрофановичу Федоровскому за художественно нарисованный знак Первого Похода; Маргарите Николаевне Вендт за прекрасно сервированный чай, всем присутствовавшим на панихиде и на собрании и пожертвовавшим в фонд издания журнала.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

Редакция.

- - оОо - -

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ.

Печальные дни пятидесятилетия русской революции были отмечены в Сан-Франциско панихидой 19-го марта и патриотическим Собранием, устроенным 11-го июня.

Панихида по убиенном Государе Императоре Николае 2-м, его Семье и русским людям, погибшим от коммунистической власти, была отслужена Митрополитом Филаретом и многочисленным духовенством в Кафедральном Соборе Пресвятой Богородицы. Присутствовали организаторы панихиды - члены русских военных организаций - и большое количество русских людей местной колонии.

Собрание 11-го июня было подготовлено по инициативе Председателя Общества Русских Ветеранов Великой Войны - ген.шт. полковника Попова, пригласившего объединиться для этой цели все русские военные организации. Собрание привлекло большое количество русских людей.

На Собрании были исполнены классические музыкальные произведения и прочитаны три кратких доклада.

Собрание открыл ген.лейт. Витковский следующим кратким обращением:

"Дорогие Соратники и Соотечественники!

Открываю настоящее Собрание, посвященное 50-летнему пленению нашей Родины-России интернациональными коммунистическими силами, которые подвергли Русский Народ невероятным мучениям, приклеили ему ярлык безродных "советских людей" и уничтожили славное имя Россия.

Полвека томится наша Отчизна в этом ужасном плену, и полвека царит хаос во всем мире - и прекратится этот хаос только тогда, когда Русский Народ сбросит с себя безбожную коммунистическую власть, Россия вернется на свой исторический путь и снова загудят Кремлевские колокола.

Русская белая эмиграция должна стремиться к единству, сплоченности и усилить свою работу по разъяснению свободному миру всей опасности диавольского коммунизма и той гибели, которую он готовит всему миру."

"Вестник О-ва Русск.Ветеранов"
№ 235

- - оОо - -

П Р А В Л Е Н И Е

Калифорнийского Отдела Союза Участников 1-го Ген.Корнилова Похода

просит всех членов нашего Отдела, которые еще не погасили своей задолженности за подписку на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" а также задержались с членскими взносами, по возможности ликвидировать свой долг.

ПАМЯТИ СОРАТНИКА.

С глубокой скорбью сообщаем, что 23-го ноября в г. Нью-Иорке скончался наш соратник - первопоходник, подпоручик 1-го ген.Маркова полка Георгий Осипович ГОЛЬДШМИДТ.

На отпевании и погребении, которое состоялось 26-го ноября, присутствовало много друзей и бывших соратников покойного. От Союза Первопоходников на могилу был возложен венок.

Покойный Георгий Осипович всегда чутко относился к нуждам своих родных Марковцев и Первопоходников. Помогал, по возможности, лично или сбором денег по подписным листам для больных и нуждающихся соратников.

С самого основания "Вестника Первопоходника" Георгий Осипович принимал деятельное участие в издании, присылая художественно исполненные иллюстрации для журнала.

Мир праху твоему, дорогой соратник!

Калифорнийский Отдел Союза Первопоходников и редакция журнала "Вестник Первопоходника" выражают глубокоуважаемой Татьяне Сергеевне с семьей искреннее соболезнование в постигшем их горе.

☩

13-го декабря 1967 года, на Холливудском кладбище,
была отслужена панихида по случаю 1-й годовщины кончины

Поручика Корниловского полка

ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА

М Я Ч,

бывшего Председателя Калифорнийского Отдела
Участников 1-го Кубанского Похода
и Редактора журнала "Вестник Первопоходника".

Отдать последний долг усопшему пришли соратники
Первого Похода.

ОТ РЕДАКЦИИ.

ВВИДУ ТОГО, ЧТО, НАЧИНАЯ С № 73/74, НЕСКОЛЬКО НОМЕРОВ "ВЕСТНИКА" ЯВЛЯЮТСЯ ЮБИЛЕЙНЫМИ, РЕДАКЦИЯ ПОСТАНОВИЛА ПОМЕЩАТЬ ПО НЕСКОЛЬКО ПОРТРЕТОВ ВОЖДЕЙ И ДРУГИХ ВЫДАЮЩИХСЯ БОРЦОВ ЗА БЕЛУЮ ИДЕЮ В КАЖДОМ ИЗ ЭТИХ НОМЕРОВ, ТАК КАК ПОМЕЩЕНИЕ ВСЕХ ПОРТРЕТОВ В ОДНОМ ВЫПУСКЕ БЫЛО БЫ СОПРЯЖЕНО С НЕКОТОРЫМИ ТЕХНИЧЕСКИМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ.

ПРОСИМ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ИЗВИНИТЬ НАС ЗА ТО, ЧТО ЭТА ЗАМЕТКА НЕ БЫЛА ПОМЕЩЕНА В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА.

ФОНД ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" и Правление Калифорнийского Отдела Союза Первопоходников получают много писем со всех концов мира от Первопоходников и читателей журнала, обеспокоенных будущностью журнала, единственного в своем роде.

Высказываются пожелания, просьбы и требования продолжения издания журнала в том же духе и направлении: опубликование редких документов, беспристрастные воспоминания борцов за свободу России от гнета коммунизма и т.д.

Обзор 6-летнего издания журнала, ценность помещенных в нем материалов, отношение читателей - дают нам уверенность, что труд наш не напрасен и что только этим путем мы сможем оставить памятник на безвестных могилах наших братьев, погибших за честь и свободу России на ее необъятных просторах.

Так как самой слабой стороной нашего издания является финансовая сторона, мы создали

"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Каждому Первопоходнику и читателю предлагается записаться в число попечителей, обязавшись делать ежемесячный взнос для журнала. Таким образом материальная сторона издания журнала будет обеспечена.

В ноябре месяце поступило в "Фонд Попечителей" и в "Фонд Издания журнала":

Полк. С.Н.Ряснянский	10.00	дол.
Главное Правление	30.00	"
Кейзеров В.	5.00	"
Проценко С.	5.00	"
Строгов И.	5.00	"
Хаджиева А.	15.00	"
Янчин Г.	5.00	"
Пожертвовано на Собрании в Ст.Петерсбурге, во Флориде	35.55	"
Всего	110.55	дол.

Для помощи нашему больному соратнику С.К.Карпову:
Янчин Г. 5.00

Прием пожертвований продолжается.

Редакция журнала сердечно благодарит всех соратников и единомышленников за моральную и материальную поддержку.

- - oOo - -

На складе Редакции "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
имеются для продажи следующие книги:

"ВОСПОМИНАНИЯ" ген.Богаевского	цена	3.00 д.
"МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ", том 2-й, 1919, 1920 г.г.	"	5.00 "
"СОЮЗ ПЕРВОПОХОДНИКОВ"	"	3.00 "
"ВЕРНЫЕ ДОЛГУ" - сборник-памятка 1-го полка Русского Корпуса (1941-1961)	"	2.00 "
"МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ" - сборник статей, посвященных Донскому Баяну, под редакцией Н.М.Мельникова	"	3.00 "
"ПУТИ ВЕРНЫХ" - ген. А.фон-Лампе	"	4.00
"СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В АМЕРИКУ в 1863 году". Иллюстрированный сборник статей проф.Петрова, Тарсаидзе и А.Долгополова. Цена с пересылкой .	"	1.50 "
"БЕЛОПОВСТАНЦЫ" - Б.Филимонова. Книга первая: Хабаровский поход, зима 1921-22 годов. С 18 картами и схемами в тексте и 29 фотографиями. Шанхай, 1932 г.	"	4.00 "
"БЕЛОПОВСТАНЦЫ" - Б.Филимонова. Книга вторая. Шанхай 1933	"	3.00 "
"НА ПУТЯХ К УРАЛУ" - Б.Филимонова. . . . . Поход Степных Полков. Лето 1918 г. Шанхай, 1934	"	2.50 "
"НА СТРАЖЕ РОДИНЫ" - К.Н.Хартлинг. События во Владивостоке. Конец 1919 г.- начало 1920 г. Шанхай,1935	"	2.50 "

Пересылка за счет покупателя. С каждой книги 20 центов.
Заказы адресуйте на имя А.П.Мяч - 842 No.Alexandria Ave.,
Los Angeles, Calif., 90029.

- o -

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра:
"К 50-летию 1-го КУБАНСКОГО(ЛЕДЯНОГО) Ген.КОРНИЛОВА ПОХОДА". Ген.Шт. Полк. С.Н.Ряснянского.

В сжатой форме полк.Ряснянский описывает события 1917 г., начиная с февральской революции до выхода в поход. Кроме истории Похода, ясно и последовательно написанной, имеются 4 приложения и "Отзывы о Белой Идее и Кубанском Походе". Цена брошюры - 45 ц. с пересылкой. Заказы направлять в редакцию "Вестника".

- o -

Редакцией в ближайшее время будет получена для продажи юбилейная брошюра Ив.Какурина, члена Главного Правления, "Первый Кубанский ген.Корнилова поход" (Эпопея похода, боевые действия, трагические дни 1917 г.). Издание музея Л.Гв. Каз. Е.В.Полка, Париж, 1967 года. 65 страниц с иллюстрациями и картой. Цена брошюры - 1.00 доллар без пересылки. Заказы на брошюру направлять по следующим адресам:

A. P. Myatch, 842 No. Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029.
N. Grekoff, 60, Avenue d'Iena, (75) Paris 16-e, France.
E.M.Samsonov, Box 238-A, Lance Pond Rd., Lakewood, N.J.08701. U.S.A.

- - oOo - -

СБОРНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ ГЕНЕРАЛУ Л.Г.КОРНИЛОВУ

В МАРТЕ МЕСЯЦЕ 1963 ГОДА ВЫЙДЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ВОИНА, БЕЛОГО ВОЖДЯ И ЧЕЛОВЕКА. В ЖУРНАЛЕ, КРОМЕ ПОДРОБНОЙ БИОГРАФИИ ГЕН.КОРНИЛОВА, БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ РЕДКИЕ ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИИ И ВОСПОМИНАНИЯ ЕГО БЛИЖАЙШИХ СПОДВИЖНИКОВ.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ ЭТОТ СБОРНИК, КАК ТРОЙНОЙ НОМЕР ЖУРНАЛА. ЛИЦ, НЕ СОСТОЯЩИХ ПОДПИСЧИКАМИ, А ТАКЖЕ ЖЕЛАЮЩИХ ПОЛУЧИТЬ ДОБАВОЧНЫЕ НОМЕРА ЭТОГО ВЫПУСКА, ПРОСИМ ПРИСЫЛАТЬ ЗАКАЗЫ ЗАРАНЕЕ. ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 2.00 доллара (с пересылкой).

РЕДАКЦИЯ.

СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ.

- Ищу участников и описание подавления восстания большевиков в Керченских каменоломнях в 1919 году. Принимали участие - Крымский Конный полк и 2-й Конный Дроздовский.

- о -

- Желаю приобрести книгу Кривошеева "Песни Корниловца", издание 1919 г., Ростов н/Д.

Полевой Листок Добровольческой Армии, изд.Сувориным в 1-м Пох.

Номера журнала "Донская Волна".

Книгу подполк. Л.Г.Корнилова "Кашгария или Восточный Туркестан", Ташкент 1903 г.

Полковые знаки Корниловского, Марковского и Алексеевского конного полков.

Жетоны Корниловского полка, Корниловского артиллерийского дивизиона, Корниловского военного училища.

Знаки на шапки корпусу ген.Слащева за оборону Крыма.

Орден Св.Николая Чудотворца.

- о -

Предложения адресовать в Редакцию на имя А.Долл.

- - оОо - -

Редакция журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
просит всех Первопоходников, подписчиков и читателей журнала
записываться в
"Фонд Попечителей Журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"
и этим помочь обеспечить материальную сторону издания журнала.

1917 — 1967

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Фотография пробных гипсовых моделей медали

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ

50-летия ОСНОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

Общество Ревнителей Русской Военной Старины /в Париже/ постановило отметить исполняющееся в этом году 50-летие основания Добровольческой Армии выпуском памятной медали.

Диаметром 50 мм. /2 дюйма/, медаль будет иметь на лицевой стороне изображение Знака Первого Похода, ставшего уже давно эмблемой всего Белого Движения, а на оборотной - юбилейную дату - "1917-1967" - и надпись: "За честь и достоинство России".

Стоимость медали /с пересылкой/:

Бронзовая	$ 4.50
" посеребренная	" 5.00
" Позолоченная	" 6.00
Серебряная	"12.50
" позолоченная	"14.00

Медали будут изготовлены Парижским Монетным Двором и будут готовы для рассылки к 1-му октября.

Заказы и денежные переводы для Соединенных Штатов и Канады адресовать представительству О-ва в Америке:

A.Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif., 92677.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, А.П.Мяч, Нина Б.Мяч и М.Шилле.

Подписная плата на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА":

Подписка на 1 год (6 номеров) - $ 5.00;
" на 6 мес. (3 номера) - " 3.00;
Цена отдельного выпуска - $ 1.00.

Адрес Редакции: 842 No.Alexandria Ave., Los Angeles, Calif. 90029

- - oOo - -

Вниманию Участников 1-го Кубанского и Сибирского походов.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - $ 2.10.
Желающие приобрести Знак могут обратиться в Редакцию.

- o -

Редакция "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" покорнейше просит подписчиков возобновить подписку на журнал во избежание прекращения высылки журнала.

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 75

- - oOo - -

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторов, чьи статьи и стихотворения были помещены в первых 75 номерах "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА"

1. СТАТЬИ

2. СТИХОТВОРЕНИЯ.

- - оОо - -